

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Star 176. 25

Box Apr. 1896

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

24 Feb - 2 Mar, 1896

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 1-я.

ЯНВАРЬ, 1896.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1896.

Стр.

I.—РИМСКАЯ ВИЛЛА КН. Э. А. ВОЛКОНСКОЙ. — Изъ моихъ воспоминаній. — О. П. Булаева	5
II.—ПРИДОРОЖНАЯ БЕРЕЗА.—Стих. А. М. Жемчужникова.	33
III.—КНЯГИНЯ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть I: I-XIII.—П. Д. Боборыкина	84
IV.—РУССКИЙ ДВОРЪ ПРИ ПЕТРЪ II.—1727-1730. — По документальнѣ вѣскаго архива. — I. Личность Петра II и вопросъ о его воспитаніи.—II. Владыче- ство Мещикова. — А. Брикиера	99
V.—ИЗЪ ГРУЗИНСКИХЪ ПОЭТОВЪ.—Кп. И. Гр. Чавчавадзе.—В. Величко	126
VI.—ДМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РОВИНСКИЙ.—Очеркъ.—I-III.—А. Ф. Кош	129
VII.—АМЕРИКАНСКАЯ ДЕРЕВНЯ.—П. А. Тверекого	176
VIII.—СИЛА ВОЛИ.—Романъ Фр. Маутнера.—I-IX.—Съ вѣм. А. Б-г	211
IX.—ИЗЪ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ИМПЕРІИ.—Etudes sur le Second Empire, par Et. Lamy.—Д. З. Слонимскаго	271
X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Вавилонская башня.—II. Серебряная ночь.—А. М. Фе- дерова.	288
XI.—ЛЕРМОНТОВЪ И КОЛЬЦОВЪ.—А. Н. Пынина	291
XII.—ВИЗАНТИЗМЪ И РОССИЯ.—I-VIII.—Вл. С. Соловьева	342
XIII.—ХРОНИКА.—Государственные финансы Германіи.—Б. Г.	360
XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Итоги истекшаго года и предстоящіе труды.— „Забытаго слова“.—О „губительныхъ послѣдствіяхъ“ законности и закономѣр- ности.—Законность—„лакомое“ слово—для Петербурга, или для провинцій? —„Московскія Вѣдомости“ и г-нъ N.—Нѣсколько опасныхъ софизмовъ.— „Новости“ въ роли апологета. — Когда нарушители закона защищаютъ за- конность?	375
XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическія событія истекшаго года.—Прави- тельствоныя и министерскія черемтны въ различныхъ государствахъ.—Внѣш- няя и внутренняя политика отдѣльныхъ державъ.—Турецкій кризисъ и бал- канскія дѣла.—Положеніе дѣлъ въ Японіи.—Англо-американскій конфликтъ.	395
XVI.—НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ БЕРЛИНѢ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ городской учи- тельницы.—С. Г. Долго-Добровольской	409
XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—М. И. Драгомировъ, Разборъ романа „Война и Миръ“.—А. П.—Сборникъ для содѣйствія самообразованію.—Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра.—М. А. Про- топоповъ. Литературныя критическія характеристика. — Т. — Новыя книги и брошюры	421
XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. H. Becque. Souvenirs d'un auteur dramatique.—II. R. Doumic. Les Jeunes. Etudes et portraits.—З. В.	439
XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Газетная агитація противъ реформы кре- стьянскаго поземельнаго банка.—Похвальная откровенность: „обѣленіе“ дворянскихъ вѣмъ; второстепенное значеніе грамотности, судъ Лянча надъ „несогласно-мыслящими“.—Нѣсколько любопытныхъ фактовъ.—Юбилей проф. А. И. Чупрова, и шестое изданіе кн. Г. А. Джаншѣева	448
XX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.	461
XXI.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.—Эпоха великихъ реформъ. 6-е изд. Гр. Джаншѣева.—Положеніе армянъ въ Турціи до вѣдѣтельства державъ въ 1895 г., съ предисл. Л. А. Камаровскаго.—Стихотворенія М. П. Розенгейма, изд. 5-е.—Исторія культуры Ю. Липперта.—Рабочій вопросъ, Фр. Лауге.— Къ ученію о цѣнности, Вл. Дена.	
XXII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ—I-XVI стр.	

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LX. — ТОМЪ CCCL. — 1/12 ЯНВАРЯ, 1896.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СЕМЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1896

~~181.84~~ P Slav 176.25

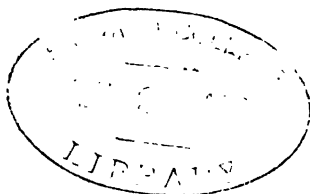
72645-

1896, Feb 24 - Mar 2

Sever fund

1888

РИМСКАЯ ВИЛЛА

КН. З. А. ВОЛКОНСКОЙ

Изъ моихъ воспоминаній ¹⁾.

Переношусь съ своими воспоминаніями въ Римъ, чтобы въ подробности познакомить васъ съ римскою виллою княгини Зинаиды Александровны Волконской. Мнѣ давно хотѣлось заняться этимъ предметомъ, но за недосугомъ я не могъ тогда же исполнить своего намѣренія. Въ виду современнаго разрушенія старыхъ построекъ „вѣчнаго города“ и сооруженія новыхъ, можно опасаться за судьбу и виллы княгини Волконской. Съ весны 1875 года я уже не посѣщала Рима и не знаю, существуетъ ли еще эта прекрасная вилла и не стерли ли ее съ лица земли нынѣшніе неугомонные перестройщики и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушители „вѣчнаго города“. Если ея уже нѣтъ совсѣмъ, или она попорчена до неузнаваемости, то мое описаніе получитъ цѣну историческаго свидѣтельства о небольшомъ клочкѣ римской почвы, который внесъ нашъ національный элементъ въ исторію „вѣчнаго города“.

Увлекаясь разнообразіемъ множества крупныхъ интересовъ, путешественники, посѣщающіе Римъ, вовсе не обращали вниманія на виллу княгини Волконской. Даже пресловутый указатель Бедекера говоритъ объ этой виллѣ въ немногихъ словахъ и въ неточныхъ выраженіяхъ, которыя занесены въ указатель, пови-

¹⁾ Въ дополненіе къ „Моимъ воспоминаніямъ“, напечатаннымъ въ „Вѣстникѣ Европы“, 1890 г., окт., 645 стр.; нояб., 5 стр.; дек., 513 стр.

димому, съ тою только цѣлью, чтобы путешественникъ не терялъ времени на посѣщеніе этой виллы. Вотъ и вся замѣтка:

„Вилла княгини Волконской. — Налѣво отъ зданія, прилегающаго къ Святой-Лѣстницѣ (Scala Santa) за тремя аркадами водопровода, подходимъ къ виллѣ кн. Волконской. Посреди прекраснаго сада виллы протекаетъ по водопроводу такъ называемая Вода-Клавдіева (Aqua Claudiana); тамъ же находятся различные фрагменты античныхъ памятниковъ архитектуры. Сверхъ того, здѣсь же открыты колумбарій или усыпальница временъ первыхъ римскихъ императоровъ. Съ плоской крыши небольшого казино открывается, особенно при закатѣ солнца, прелестный видъ на равнину Кампаніи и на горы“¹⁾.

Полнѣйшая недостаточность этой замѣтки о виллѣ княгини Волконской заключается въ словахъ: „тамъ же находятся различные фрагменты античныхъ памятниковъ архитектуры“. Повсюду въ Римѣ такъ много всевозможныхъ античныхъ фрагментовъ, что объ этомъ голословно не стоитъ и упоминать, и никто изъ путешественниковъ, прочитавъ эти строки, не догадается, что главная суть дѣла состоитъ не въ архитектурныхъ обломкахъ, а въ тѣхъ надписяхъ по-русски и по-французски, которыя сама княгиня Волконская начертила на этихъ антикахъ въ память своихъ русскихъ друзей и нѣкоторыхъ иностранныхъ знаменитостей, которымъ была обязана лучшими часами своей жизни.

Что же касается до замѣтки Бедекера о прекрасномъ ландшафтѣ, то она относится къ внѣшнему виду на разстилающуюся далеко за высокими городскими стѣнами Кампанію вплоть до Сабинскихъ горъ. Но подобными же ландшафтами можно любоваться и со многихъ другихъ пунктовъ „вѣчнаго города“, напр. съ Латеранской площади, находящейся въ сосѣдствѣ съ виллою княгини Волконской, съ Авентинскаго холма, съ высотъ Яникула, даже, на римскомъ форумѣ, съ вершины трехъ абсидъ, уцѣлѣвшихъ отъ Константиновой базилики.

Неудивительно, что русскіе и иноземные путешественники между множествомъ разнообразныхъ, ошеломляющихъ на каждомъ шагѣ, всемирныхъ достопримѣчательностей забываютъ о какой-то маленькой скромной виллѣ, имѣющей интересъ только по симпатичной личности русской княгини, которая ее соорудила и украсила.

¹⁾ Baedeker, *Italie. Manuel du voyageur. Italie Centrale.* Leipzig 1880, p. 284.

I.

Именно съ характеристики этой личности я начну мой рассказъ, пользуясь отчасти книгою г. Мордовцева: „Русскія женщины новаго времени. С.-Петербургъ, 1874“, и произведеніями самой княгини Волконской на русскомъ языкѣ, изданными за границей подъ названіемъ: „Сочиненія княгини Зинаиды Александровны Волконской. Парижъ и Карлсруэ. 1865“.

Княгиня Волконская была дочь оберъ-шенка князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго, по матери родного племянника графовъ Чернышевыхъ; мать ея была изъ рода Татищевыхъ.

Княжна Бѣлосельская рано лишилась матери, которая умерла въ 1792 г. въ Туринѣ, гдѣ жила съ мужемъ, занимавшимъ мѣсто русскаго посланника. Оставшись на попеченіи отца, малолѣтняя княжна всѣмъ своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ обязана личнымъ его заботамъ.

Она вышла потомъ замужъ за князя Никиту Григорьевича Волконскаго.

Возвратившись изъ-за границы въ Россію, она поселилась въ Москвѣ, гдѣ и жила въ богатомъ домѣ брата своего у Тверскихъ воротъ, въ домѣ, который она сумѣла обратить въ настоящую академію наукъ и искусствъ. Впослѣдствіи это зданіе принадлежало богатому негоціанту Малькиелю; потомъ оно служило помѣщеніемъ для театральнoй школы, основанной актеромъ Федотовымъ при содѣйствіи князя Голицына, графа Саласа и графа Соллогуба, приходившагося племянникомъ автору „Тарантаса“.

Все, чтѣ было лучшаго въ русской литературѣ, съ особымъ почтеніемъ окружало высокоталантливую княгиню Волконскую.

Пушкинъ, подѣ влияніемъ обаянія этой женщины на всѣхъ окружавшихъ, пишетъ ей свое знаменитое посланіе при посвященіи поэмы своей „Цыганы“:

Среди разсѣянной Москвы
 При толкахъ виста и бостона,
 При бальномъ лепетѣ молвы,
 Ты любишь игры Аполлона.
 Царица Музъ и красоты,
 Рукою вѣжной держишь ты
 Волшебный скипетръ вдохновеній,
 И надъ задумчивымъ челомъ,
 Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ.
 И вьется, и пылаетъ геній...
 Пѣвца, плѣненнаго тобой,

Не отвергай смиренной дани:
 Внемли съ улыбкой голосъ мой,
 Какъ мимоѣдомъ Каталани
 Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

(1827 г.)

Вотъ куплеты, сочиненные на день рожденія княгини Зинаиды Волконской, въ понедѣльникъ 3-го декабря 1828 года, въ Москвѣ, кн. П. А. Вяземскимъ, Е. А. Баратынскимъ, С. П. Шевревымъ, И. Ф. Павловымъ и И. В. Кирѣевскимъ:

Друзья! теперь видѣнья въ модѣ.
 И я скажу про чудеса:
 Не разъ явленьями въ природѣ
 Намъ улыбаются небеса.
 Они намъ улыбнулись мило,
 Небеснымъ гостемъ подаря:
 Когда же чудо это было?

То было третье декабря!
 Вокругъ зѣряной колыбели,
 Гдѣ гость таинственный лежалъ,
 Невидимые хоры пѣли,
 Неверный дымъ благоухалъ.
 Зимой веселее свѣтило
 Взошло, безоблачно горя.
 Когда же чудо это было?

То было третье декабря!
 Оно взошло и звѣзды пали
 Съ небесъ высокихъ—и свѣтло
 Вѣнцомъ магическимъ вѣнчали
 Младенца милое чело.
 И ихъ сияньемъ озарило
 Судьбу младого бытія.
 Когда же чудо это было?

То было третье декабря!
 Одна ей пламя голубое
 Въ очахъ плѣнительныхъ загля
 И вдохновеніе живое
 Ей въ душу звучную влила.
 Въ очахъ зажглось любви свѣтило,
 Въ душѣ—поэзія зоря.
 Когда же чудо это было?

То было третье декабря!
 Звѣздой полуденной и знойной,
 Слетѣвшей съ Тассовыхъ небесъ,
 Даны ей звуки пѣсни стройной—
 Даръ гармоническихъ чудесъ.
 Явленье это не входило
 Въ неверный планъ календаря,

Но знаемъ мы, что это было—
 Оно—на третье декабря.
 Земли небесный поселенецъ,
 Росла плѣнительно она,
 И что пророчилъ въ ней младенецъ,
 Свершила дивная жена
 Не даромъ гонимъ кадлю
 Встрѣчало утро бытія:
 И утромъ чуднымъ утро было
 Сегодня третье декабря.
 Мы, написавши эти строфы,
 Еще два слова скажемъ вамъ,
 Что если наши философы
 Не будутъ вѣрить чудесамъ,
 То мы еще хранимъ подъ спудомъ
 Имъ доказательство, друзья:
 Она насъ подарила чудомъ—
 Сегодня, въ третье декабря.
 Такая власть въ ея владѣннѣ,
 Какая Богу не дана:
 Намъ сотворила воскресенье
 Изъ понедѣльника она,
 И въ праздникъ будни обратила,
 Весельемъ кругъ нашъ озаря:
 Да будетъ вѣчно такъ, какъ было,
 Днемъ чуда—третье декабря!

Жившій тогда въ Москвѣ Мицкевичъ находилъ себѣ восторженное сочувствіе въ княгинѣ Волконской, а молодой Веневитиновъ привязанъ былъ къ ней всѣми силами души. С. П. Шевыревъ былъ у нея домашнимъ человѣкомъ. Словомъ, княгиня Волконская была въ 20-хъ годахъ центромъ московской умственной жизни. Увлекаемая любовью къ изящнымъ искусствамъ, княгиня отправилась на ихъ благословенную родину—въ прекрасную Италію, и съ 1829 года навсегда поселилась въ Римѣ, гдѣ и скончалась въ 1862 году.

Поселясь въ самомъ центрѣ католическаго исповѣданія и увлекаясь великолѣпіемъ и изяществомъ церковной обстановки, какъ въ художественномъ убранствѣ храмовъ, въ теченіе многихъ вѣбовъ воспроизведенномъ великими итальянскими мастерами архитектуры, живописи и ваянія, такъ и въ блистательныхъ церемоніяхъ священнослуженія, совершаемаго самимъ владыкою всего католическаго міра и его многочисленною свитою кардиналовъ, архіепископовъ и такъ называемыхъ генераловъ всѣхъ орденовъ католическаго монашества, княгиня Зинаида Александровна по врожденной ей восторженности ко всему прекрасному увлек-

лась изящными прикрасами католичества и приняла самое исповѣданіе.

Но можетъ быть еще и прежде, проживая на родинѣ, она могла подчиняться навтію и вѣяніямъ католическихъ идей.

Еще со временъ Петра Великаго, въ теченіе всего XVIII вѣка, русское православіе, особенно въ высшихъ слояхъ общества, значительно подпало подъ иновѣрческія вліянія пришлыхъ и водворившихся въ Россію иноземцевъ. У насъ возникли тогда секты илюминатовъ, масоновъ и разныхъ другихъ. На подготовленную такимъ образомъ зыбкую почву религіознаго блужданія французскіе эмигранты, спасаясь отъ гильотины, въ концѣ прошлаго столѣтія принесли къ намъ съ собою изящество французскихъ нравовъ и католическую пропаганду съ подкладкою іезуитской морали. Эти французскіе выходцы, кавалеры и дамы высшаго сословія, бѣжали въ Россію, до-чиста ограбленные во время революціи, и должны были снискивать себѣ у насъ пропитаніе въ качествѣ домашнихъ секретарей, гувернеровъ и гувернантокъ. Въ пятидесятыхъ и даже шестидесятыхъ годахъ мнѣ приводилось еще встрѣчать вельможныхъ старичковъ и старушекъ, воспитанныхъ французскими эмигрантами и эмигрантками.

Исторія католической у насъ пропаганды подходитъ близко даже къ нашему времени. Въ тридцатыхъ годахъ жилъ въ Москвѣ извѣстный Чаадаевъ, прозванный „католическимъ аббатомъ“; въ 1834 году, въ московскій университетъ поступилъ профессоромъ греческаго языка только-что возвратившійся изъ-за границы очень молодой человекъ по фамиліи Печоринъ (имени и отчества его теперь не могу припомнить). Онъ пробылъ у насъ не больше полугода и удалился за границу, гдѣ принялъ католичество и постригся въ монахи. Въ 1874 году въ Парижѣ я познакомился съ двумя русскими, постригшимися въ монахи іезуитскаго ордена; это были Мартыновъ и князь Гагаринъ, проживавшіе тогда въ такъ называемой „іезуитской резиденціи“, находившейся на Rue du Vas, близъ многоэтажнаго магазина „Au petit St. Thomas“.

Католическое увлеченіе княгини Волконской кажется мнѣ еще извинительнымъ: она по складу своей поэтической натуры плѣнилась не сущностью католическаго ученія, а его красивой и заманчивой обстановкой.

Когда княгиня покинула навсегда родину и водворилась въ Римѣ, ея друзья изъ поэтовъ того времени громко привѣтствовали ее.

Павловъ:

Какъ соловей на зимнія квартпры
 Подъ небо лучшее летать,
 Такъ и она въ отчизну сладкой лиры
 Воскреснуть силами спѣшить.
 И далеко отъ родины туманной
 Ее веселье обойметъ;
 Какъ прежній гость, какъ гость, давно желанный.
 Она на югъ запоетъ.
 Тамъ ей и быть, гдѣ солнца лучъ теплѣе,
 Гдѣ такъ роскошны небеса,
 Гдѣ человекъ съ искусствами дружнѣе
 И гдѣ такъ звучны голоса.
 Но здѣсь и тамъ тропкою незабвенной
 Она прорѣзала свой путь:
 Гдѣ ни была, восторгъ непринужденный
 Одушевлялъ поэта грудь;
 Гдѣ ни была волшебница искусства,
 Спѣшили дань ей принести,
 И на землѣ безъ горестнаго чувства
 Никто ей не сказалъ: прости!
 Ее хранить въ странахъ различныхъ свѣта
 И память сердца и ума.
 Ахъ! для чего въ Италиі все—лѣто,
 И для чего у насъ—зима!

Москва. Январь 1829 г.

Баратынскій:

Изъ царства виста и зимы,
 Гдѣ подъ управой ихъ двойкой
 И атмосферу, и умы
 Сжимаетъ холодъ одинакой,
 Гдѣ живль какой-то тяжкій сонъ,
 Она спѣшить на югъ прекрасный
 Подъ Авзонійскій небосклонъ,
 Одушевленный, сладострастный,
 Гдѣ въ кущахъ, портикахъ налетъ
 Октавы Тассовы звучать;
 Гдѣ въ древнихъ камаяхъ боги живы,
 Гдѣ въ новой, чистой красотѣ
 Рафаэль дышетъ на холстѣ;
 Гдѣ всѣ холмы краснорѣчивы,
 Но гдѣ не стыдно, можетъ быть,
 Героя, міра властелины,
 Вашъ Капитолій повабыть
 Для Капитолія Коринны,
 Гдѣ жизнь игрива и легка...
 Тамъ лучше ей: чего же болѣ?
 Зачѣмъ же тяжести тоска
 Стѣсняетъ сердце по неволѣ?

Когда любимая краса
 Последнимъ сномъ смыкаетъ вѣжды,
 Мы полны ласковой надежды,
 Что ей открыты небеса,
 Что лучшій миръ ей уготованъ,
 Что славой вѣчною свѣтло
 Тамъ заблеститъ ея чело;
 Но скорбный духъ не уврачеванъ:
 Въ груди стѣспенной тяжело,
 И неутѣшно мы рыдаемъ.
 Такъ сердца нашего кумиръ—
 Ее печально провожаемъ
 Мы въ лучшій край и въ лучшій миръ.

Шевыревъ:

Къ Риму древнему взываетъ
 Златоглавая Москва
 И любовью окрыляетъ
 Хладомъ сжатыхъ слова.
 Древней славой градъ шумящій!
 Примь привѣтъ Москвы,
 Юной славой гремящій
 Въ золотыхъ устахъ молвы.
 Я въ покровъ твой благосклонный
 Довѣряю, царь градовъ,
 Лучшій перлъ моеи короны,
 Лучшій цвѣтъ моихъ садовъ.
 Я не съ завистью ревнивой
 Цвѣтъ тебѣ передала.
 Нѣтъ! Съ тоской чадолюбивой
 Отъ себя оторвала.
 Нѣжно я его растила
 Съ безкорыстiemъ любви,
 На него я расточила
 Всѣ сокровища свои.
 Но не можетъ, ненаглядный,
 Онъ на сѣверѣ блеснуть:
 Руки матери такъ хладны,
 Льдомъ моя одѣта грудь.
 Что же дѣлать мнѣ, несчастной?
 На чужбину цвѣтъ отдать,
 Коль не можетъ онъ, прекрасный,
 У меня благоухать.
 У тебя свѣтло наше
 Льетъ роскошнѣй теплый свѣтъ,
 У тебя и небо краше—
 Такъ возьми жъ къ себѣ мой цвѣтъ
 И согрѣй съ любовью нѣжной
 У пылающей груди,
 На могилахъ славы прежней

Въ немъ цвѣтущее блюдо.
 Только бѣ онъ, въ лавровыхъ сѣняхъ
 У тебя красой цвѣтя,
 О моихъ любовныхъ пеняхъ
 Помниль, милое дитя.
 Самъ любилъ на созданье
 Нашихъ сѣверныхъ степей,
 Но его благоуханье
 Въ сѣнь родную перелей.

Ко всему этому присовокуплю два стихотворенія, въ кото-
 рыхъ воспѣваетъ княгиню Козловъ, не касаясь, впрочемъ, ея уда-
 ленія изъ отечества:

1.

Я—арфа тревоги, ты—арфа любви
 И радости мирной, небесной;
 Звучу я напѣвомъ мятежной тоски,—
 Милъ сердцу твой голосъ чудесный.
 Я адѣсь омрачаюсь земною судьбой,
 Мечтами страстей сокрушенный;
 А ты горшишь въ небѣ прекрасной звѣдой,
 Какъ ангель эфирный, нетлѣнный!

2.

Мнѣ говорятъ: „Она поетъ,—
 „И радость тихо въ душу льется,
 „Раздумье томное найдетъ,
 „Въ мечтаньи сладкомъ сердце бьется,
 „И тихо, мило на земли,
 „Когда поетъ она—мигѣ,
 „И пламенный огонь любви,
 „И все прекрасное святѣ!“
 А я, я слезъ не проливалъ,
 Волшебнымъ голосомъ плѣненный;
 Я только помню, что видалъ
 Цѣлвыи образъ несравненный.
 И помню я, какимъ огнемъ
 Сіяли очи голубыя,
 Какъ на челѣ ея миломъ
 Вылися кудри золотыя!
 И помню звукъ ея рѣчей,
 Какъ помнать чувство дорогое;
 Онъ слышится въ душѣ моей,—
 Въ немъ было что-то неземное.
 Она, она передо мной,
 Когда таинственная лира
 Звучить о Перы молодой

Долины свѣтлой Кашемира.
 Звѣзда любви надъ ней горитъ,—
 И—стань обхваченъ пленокъ—
 Она зѣрная летитъ,
 Чуть озаренная луною.
 Изъ лилій съ розами вѣнокъ
 Небрежно волосы вѣнчаетъ,
 И локоны ея взвѣваетъ
 Душистой ночи вѣтерокъ.

II.

Эстетическіе этюды кн. З. А. Волконской—по обширнымъ ея свѣденіямъ въ исторіи искусства и литературы, по глубинѣ и оригинальности мысли и по художественному изложенію—не теряютъ высоваго значенія и въ наше время, а статья о Ніюбѣ и Лаокоонѣ могла бы цѣлкомъ войти въ знаменитое изслѣдованіе Лессинга: „Лаокоонъ и о границахъ образовательныхъ искусствъ и поэзіи“.

„Падуя. 24 мая.—Въ Авзонійскихъ горахъ покоится духъ Петрарки. Тамъ онъ доживалъ дни, посвященные любви, наукамъ и поэзіи. — Кто сомнѣвается въ его страсти къ Лаурѣ, тотъ не видалъ ни Воклюзы въ южной Франціи, ни Аркуа въ Падуанѣ. Преданія о его любви къ златовласой авиньонской красавицѣ составляютъ цѣпь романическую и непрерывную. Отъ самыхъ горъ, сохраняющихъ фонтанъ Воклюзскій, источникъ поэтической страсти, отъ береговъ благоуханной Соріи до уединенныхъ плодоносныхъ садовъ Аркуа раздаются имена Петрарки и Лауры. Жалбію о тѣхъ, которые въ вѣжныхъ выраженіяхъ Севиньи къ многолюбимой дочери читаютъ приготовленныя письма для будущаго изданія. Своль обижены природой всѣ тѣ, которые не понимаютъ нарѣчія сердца. *У меня болитъ твоя грудь*,—пишетъ мать къ больной дочери. Кто въ этихъ словахъ не пойметъ неумышленного изліанія сердца? Какой прямодушный читатель не увидитъ отчаянной страсти въ стихѣ Петрарки?

„Оставимъ тяжелыя и холодныя изысканія историку и археологу. Да и тѣ должны ли легкомысленно отвергать національныя легенды? Ученые! Не разоряйте народнаго богатства, когда ничѣмъ не можете замѣнить его; о томъ васъ проситъ и отечество, и поэзія. Самъ мудрый Геренъ пишетъ про ученаго Нибура, старавшагося опрокинуть все принятое до сей поры въ Римской Исторіи: „острота ума не всегда бываетъ чувство истины“.

„25 мая.— Древнимъ Джіотто, законодателемъ правильнаго рисунка, расписана *al-fresco* вся церковь, стоящая близъ римскихъ развалинъ арены. Головы, выраженія ихъ напоминаютъ кисть Рафаэля и доказываютъ, сколь часто сей ангелъ живописи смотрѣлъ на сухія, но благородныя произведенія основателя флорентійской школы. „Послѣдній Судъ“ занимаетъ цѣлую стѣну той церкви: отъ Бога Саваога съ одной стороны течетъ на спасенныхъ лучъ благодати, съ другой—лучъ гнѣва Господня на осужденныхъ; а Сатана и поглощаетъ, и бросаетъ отверженныхъ въ неугасимое пламя. Тутъ какой-то папа идетъ на вѣчное мученье, но, хотя падшій, не теряетъ прежней привычки своего сана земного: онъ благословляетъ другого грѣшнаго, который стоитъ передъ нимъ на коленяхъ. Глубокая мысль! Сколь часто благословеніе руки не соответствуетъ благословенію сердца! Сколь часто формы религіи отдѣлены отъ чувства ея, и суть ни что иное, какъ пустая пелена, содержащая одинъ пепелъ и кости! Но что чувствительнѣе, святѣ искренняго, душевнаго благословенія? Оно падаетъ на главу младенца, какъ роса на нераспущенный цвѣтъ; оно залогъ примиренія и прощенія, — и подъ сѣнью чистаго благословенія даже цѣлыя поколѣнія долго цвѣтутъ и красуются.

„Въ томъ же храмѣ вдругъ три имени являются памяти: имена Джіотто, Микель-Анджело и Данте. Смотри на „Послѣдній Судъ“, кто не вспомнить о фрескѣ пророка-художника? — Предметъ одинъ, понятіе не то. Между двумя произведеніями, которыхъ нельзя сравнить въ совершенствѣ исполненія, мы видимъ ту же равницу, какая есть между статуями первыхъ временъ рѣзбы греческой и вѣка Фидіаса. Джіотто какъ-то боится дать слишкомъ много движенія своимъ фигурамъ. У него люди безъ страстей, и мудрая рука его рисовала „Послѣдній Судъ“ терпѣливо, безъ страха, безъ порывовъ. Микель-Анджело, напротивъ, живописуя тотъ же предметъ, живетъ и дѣйствуетъ въ своей картинѣ,—самъ протягиваетъ скорую руку спасеннымъ, самъ поражаетъ громомъ преступниковъ, ведетъ барку Харона и самъ ужасается лицъ отверженныхъ, явившихся подъ его кистью. Христа же, чтобы изобразить во всей силѣ, во всей красотѣ, онъ одарилъ чертами эллинскаго бога солнца, поэзіи и генія. Христосъ у него походить на Феба. Мысль смѣлая, но изящная“.

„Ніоба, во Флоренціи.— Древніе намъ оставили два марморныхъ семейства: Лаокоона съ сыновьями и Ніобу, гордую мать прекраснаго племени. Ніоба стоитъ подъ дождемъ острыхъ стрѣлъ; онѣ со всѣхъ сторонъ вливаются въ ея сыновей и въ дочерей; каждая рана на драгоценномъ тѣлѣ дѣтей ея ранитъ глубоко ея

душу; и она, подобно безсмертнымъ, стоитъ нетронутая, и это одиночество ее терзаетъ. Ниоба всѣхъ ихъ ищетъ, зоветъ, обнимаетъ взглядомъ, хотѣла бы всѣхъ спасти, за всѣхъ погибнуть, или составить изъ роковыхъ стрѣлъ для себя и для нихъ одну смертную цѣпь. О! какъ бы она предпочла смерть Лаокоона! Онъ погибаетъ, но вмѣстѣ съ дѣтьми, онъ страдаетъ за нихъ и съ ними; ихъ вопль сливается въ одинъ вопль; змѣи обвиваютъ всѣхъ вмѣстѣ и увломъ вѣчнымъ стягиваютъ, утверждаютъ ихъ семейныя узы. Какъ море послѣ бури, чело отца еще носить слѣды ужаснаго страданія; но въ немъ попеченія и заботы всѣ погасли. А Ниоба въ полнотѣ жизни и силы любви все вокругъ теряетъ. Красота и бодрость, которыхъ она чаяла безсмертными въ дѣтахъ, валятся вокругъ нея, какъ легкіе цвѣты, свѣваемые вѣтромъ. Несчастливая! Вѣнецъ лавровый, которымъ ты гордо украшалась, привлекъ на тебя внезапныя перуны. Не скрывайся подъ покровомъ матери, невинная! Мщеніе, сладострастная радость безсмертныхъ, тебя и твоихъ избрало цѣлью ихъ стрѣлъ. Серебристый лукъ, пославшій смерть Пиеону, теперь натянутъ на тебя. Богиня ловитвы угощаетъ далекомещущаго брата новою охотою; но дѣвы и юноши замѣнили оленей и кабановъ!

„Дочь Ниобы! Не взывай къ небу: отвѣтъ на твою молитву... стрѣла. Куда бѣжить сестра твоя? Легкіе сгибы развѣвющагося хитона, какъ облако обвивающаго станъ ея, не останавливаютъ ли стрѣлу? — Нѣтъ, взоры лучезарныя устремились уже на нее, и она пала прозвенная.

„Не поднимай своей руки, не скрывай главы, юноша неопытный! Хоть бы плащъ твой былъ щитъ желѣзный—и тутъ не спасти ему тебя отъ гнѣва безсмертныхъ!

„Но какая участь ожидаетъ осиротѣлую мать послѣ гибели дѣтей?—Жить ей нельзя, умереть даже мало...

„Живописный и глубокомысленный геній грековъ вообразилъ для нея конецъ, сообразный съ ея безпримѣрнымъ несчастіемъ; вопль и нареканія долго текли изъ устъ измученной матери, какъ кипучая лава; но вотъ все погибло, все молчитъ, ужъ стрѣлы не летятъ, и гордая Ниоба осталась осиротѣлою матерью... и замолкла, какъ погасшій вулканъ; все волненіе, весь жаръ, весь огонь, все истощено ужаснымъ изверженіемъ. Она стоитъ оцѣпенѣлая. Теплая любовь, взоры заботливыя, страхъ и слезы, рѣчи грозныя и мука—все исчезло, окаменѣло. Одна гордость при ней: въ образѣ горы, увѣнчанной пепломъ, Ниоба скрываетъ въ облакахъ свое пасмурное жерло. Какая участь была бы приличнѣе для Ниобы? Куда бы ей укрыться отъ Феба, отъ троеликой Ге-

каты? Дни, ночи, вселенная для нея наполнены пронзительными стрѣлами. Теперь, какъ курганъ, воздвигнутый въ честь своихъ чадъ, она стоитъ одинокая, безчувственная, бесплодная...

„Бѣдствія Ниобы напоминаютъ мнѣ приключеніе, случившееся на Черномъ морѣ, недалеко отъ Одессы. Живое описаніе трогательнаго событія раздается еще и нынѣ въ моемъ сердцѣ. Жена одного консула, окруженная своимъ молодымъ семействомъ, благословляла попутный вѣтеръ, надувавшій бѣлые паруса и стремившій корабль къ желанному берегу. Ужъ скалы одесскія желтѣлись передъ глазами радостныхъ путниковъ; хутора зеленѣлись, и жизнь многоплеменнаго города встрѣчала ихъ послѣ долгаго странствованія по пустынной дорогѣ. Вдругъ небо задернулось черною тучею; море посинѣло и фавелы небесныя засверкали вокругъ подвижнаго катафалка, несшаго осужденныхъ на смерть... Но мнѣ ли описывать вихри и кораблекрушеніе?—Арфа барда морей еще звучитъ надъ океаномъ и эхо всѣхъ земель на всѣхъ нарѣчіяхъ повторяетъ его бурные звуки... Предметъ моей повѣсти—мать и дѣти; скажу я съ Корреджіо: anch'io son pittore! (такъ и я живописецъ!)—пишу смѣло. Уже несчастная знаетъ близкую гибель; она выбѣжала на палубу, и дѣти за нею; вѣтеръ рвется въ платяхъ, въ полковыхъ власахъ невинныхъ, и лица ихъ поминутно ими застилаются, а мать, устремя на дѣтей прощальный взоръ, удаляетъ то одежду, то власы, чтобы ни одна черта любимая не была скрыта отъ жадныхъ ея взоровъ. Ужасное движеніе корабля бросаетъ ихъ на мель; все вокругъ рвется, ломается, трещить; вездѣ море, вездѣ смерть; но опять семья соединилась на трясучихъ доскахъ. Мать взглянула на чадъ своихъ, на пропасть, на небо—и въ душѣ ея вдругъ раздалось отчаяніе, но въ той же душѣ другой голосъ зазвучалъ и отвѣчаетъ любовью, молитвой. Три взгляда на дѣтей, на пропасть, на небо опять помирjali ее съ покорностью. „Умремъ вмѣстѣ!“ кричитъ она. Но вдругъ роковая волна ихъ разлучила; она бѣжитъ, ползетъ, бросается, хватается дѣтей, хотѣла бы во второй разъ запереть ихъ въ свое чрево. „Умремъ вмѣстѣ!“ повторяетъ она, и вотъ шаль свою длинную сбросила съ плечъ, обвила ею дѣтей вокругъ себя, связала ихъ крѣпко, опоясалась ими и улыбнулась. До послѣдней минуты, до послѣдней волны она молилась, и бурный мразъ и гибель казались ей не страшны. Послѣднія слова ея были: „мы вмѣстѣ“. Ее ангелы земныя вознесли на небо къ ангеламъ рожденья и къ Матери небесной“...

III.

Римская вилла вн. Э. Волконской, этотъ маленькій, укромный уголокъ, затерявшійся въ множествѣ крупныхъ урочищъ „вѣчнаго города“, составляетъ наибольшую часть цѣлаго, а потому прежде всего мнѣ слѣдуетъ обратиться къ общему плану Рима въ топографическомъ и, такъ сказать, въ геологическомъ отношеніи ¹⁾.

Подъ домами, улицами, садами и пустырями новаго, современнаго намъ Рима, отъ 5 до 10 аршинъ подъ землей погребены остатки другого, стараго города, который когда-то превращался въ развалины, вновь изъ нихъ перестраивался и опять исчезалъ подъ ними. Эти старыя остатки, покрытыя хламомъ и щебнемъ, въ теченіе тысячелѣтій были заносимы прахомъ, который творческая сила природы одѣвала травой и кустарникомъ, и такимъ образомъ нарастали новые слои почвы для той поверхности, которую представляетъ планъ нынѣшняго Рима.

Отъ всѣхъ другихъ городовъ Италіи Римъ отличается необыкновенною массою самыхъ разнообразныхъ интересовъ, накопившихся въ теченіе тысячелѣтій въ его постоянно реставрировавшихся развалинахъ и въ самой его почвѣ, наслоившейся изъ монументальнаго щебня разныхъ вѣковъ и поколѣній и потому получившей новый, какъ бы исторически выработанный, грунтъ съ наносными пригорьками и равнинами, на которыхъ теперь разведены сады съ виноградниками и построены зданія. Тутъ и мѣръ античный съ драгоценными остатками своихъ классическихъ сооружений, и до сихъ поръ ясны слѣды варварскихъ погромовъ, разрушившихъ Западную Имперію, и подземныя катакомбы съ самыми ранними памятниками христіанскаго искусства, еще погруженнаго въ античныя формы и сюжеты, и средніе вѣка съ рыцарскими укрѣпленіями и монастырями, прикрытыя лоскомъ шеголеватого стиля „возрожденія“, и, наконецъ, груды позднѣйшихъ безобразныхъ построекъ и надстроекъ съ перестройками, которыя для своихъ нуждъ и потребностей прилаживали многія поколѣнія къ несокрушимымъ античнымъ стѣнамъ и развалинамъ.

Иное зданіе стоитъ на улицѣ какъ бы въ ряду съ прочими домами, а своимъ фундаментомъ и нижними этажами глубоко уходитъ подъ землю; какъ особаго рода историческій хронометръ, оно въ своихъ ярусахъ, нагроможденныхъ другъ на друга, воплощаетъ цѣлыя историческія періоды и служитъ какъ бы видимымъ

¹⁾ См. „Римскія письма“ въ I-ой части „Монхъ досуговъ“.

измѣрителемъ самаго времени, которое мало-по-малу засыпало щебнемъ и землей нижніе этажи, а на нихъ постоянно созидались этажи верхніе, новѣйшіе. Такъ *базилика св. Климента* въ своихъ трехъ ярусахъ относится въ тремъ періодамъ въ исторіи города Рима и въ тремъ пластамъ его, такъ сказать, земной коры. Каждый ярусъ—будто отдѣльная глава этой исторіи, отдѣльная пѣснь религіозной поэмы, воплотившейся въ стѣны и своды съ колоннами, съ мозаикой, живописью и скульптурой. Верхній ярусъ, на поверхности земли, по времени—послѣдній періодъ исторіи, послѣдняя пѣснь поэмы. Съ мозаичными полами, съ древнею мозаикой трибуны и съ раннимъ въ церковной архитектурѣ устроениемъ помоста, огороженного среди церкви для клира, съ двумя мозаичными амвонами и мозаичною же пасхальною свѣчой громаднаго размѣра, ярусъ этотъ отъ среднихъ вѣковъ и до послѣдняго времени подвергался—какъ и другія римскія церкви—многочисленнымъ подновлениямъ и разнымъ украшениямъ. Изъ этого яруса, спустившись ступеней на двадцать, переходимъ въ періодъ болѣе ранній, восходящій до V вѣка по Р. Х. Этотъ второй ярусъ—громадная подземная базилика, гораздо обширнѣе верхней. Теперь она имѣетъ видъ темнаго подземелья; древнія мраморныя колонны заложены стѣнами, изъ которыхъ однѣ голыя, другія украшены стѣнописью X и XI столѣтій; въ углубленіи—алтари. Въ IX столѣтіи именно въ этотъ средній ярусъ, въ этотъ настоящій храмъ св. Климента, принесли съ далекаго востока мощи этого святого наши *славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій*. Въ упомянутой стѣнописи изображены событія изъ жизни св. Климента и перенесеніе его мощей, а также лики нашихъ первоучителей. Ниже этой подземной базилики еще—ярусъ, по времени первый періодъ въ исторіи зданія, первая пѣснь религіозной поэмы. Это—языческій храмъ, на которомъ, по общимъ судьбамъ исторіи человечества, долженъ былъ возникнуть храмъ христіанскій. Можете судить о кромѣшномъ мракѣ этого подземнаго пространства, въ которое спускаются изъ темнаго же подземелья второго яруса. Это былъ храмъ божества Митры, и нѣкогда стоялъ на томъ же уровнѣ, на которомъ, какъ полагаютъ, находились около и палаты самого папы Климента.

Базилика св. Климента стоитъ недалеко отъ Колизея. Если изъ лежащаго подъ нею храма Митры провести горизонтальную плоскость, то она близко совпадетъ съ уровнемъ первоначальной арены этого амфитеатра, до которой только теперь дорылись аршинъ на десять подъ землей, отбоявъ цѣлый рядъ нижнихъ

арокъ такого же гигантскаго размѣра, какъ и верхнія. Предполагивъ, что храмъ Матры нѣкогда стоялъ на открытомъ воздухѣ, можно отсюда заключить, сколько историческихъ переворотовъ претерпѣлъ тотъ грунтъ, на которомъ громоздились сказанные этажи базиликъ.

Чѣмъ глубже подѣ землей, тѣмъ интересы Рима строже, величавѣе. Эти подземные клады, эти исподніе пласты изъ костей человѣческихъ, наслоившіеся отъ побойщъ и кладбищъ, имѣють характеръ легендарный, героическій, эпическій. Но будничная прованская жизнь, кишущая на поверхности этихъ пластовъ, предъявляетъ свои права, уваживая свои огороды въ историческомъ прахѣ столбикъ вѣковъ и вѣтъ себѣ теплыя гнѣзда на античныхъ фундаментахъ и монументальномъ щебнѣ, которымъ постепенно осыпались развалины—все равно, языческихъ ли капищъ или святилищъ въ легендѣ храмовъ древне-христіанскихъ великомучениковъ. Этотъ живописный анахронизмъ величавыхъ останковъ древности и пріютившихся подѣ ихъ сѣнью мелкихъ заботъ текущей жизни, на каждомъ шагѣ бросающійся здѣсь въ глаза, производитъ то идиллическое впечатлѣніе, которое обыкновенно соединяется съ представленіемъ о Римѣ, и которое не успѣли еще сгладить опрятныя и щегольскія постройки послѣднихъ годовъ: будто любуешься ландшафтомъ Пуссена съ мирными поселеніями, которые случайно набрали въ своемъ аркадскомъ полѣ на старинную мраморную гробницу и съ недоумѣлымъ любопытствомъ по складамъ разбирають на ней непоятныя для нихъ монументальныя начертанія, или у насъ на Руси гдѣ-нибудь въ степномъ захоlustѣ проѣзжаешь на почтовыхъ мимо села съ барскимъ домомъ, въ которомъ когда-то весело жилось, а теперь стѣкла въ оконницахъ выбиты, позади заглохшій садъ, а впереди на заросшемъ травой широкомъ дворѣ пасется корова со своимъ телянкомъ.

Когда новѣйшіе эксплуататоры еще не дерзали своими святотатственными раскопками нарушать царственное спокойствіе „вѣчнаго города“, по всѣмъ концамъ его, и по улицамъ, и площадямъ, можно было любоваться идиллическими ландшафтами въ родѣ Пуссена. Такъ, напримѣръ, римскій форумъ, въ настоящее время разрытый отъ наносной почвы и щебня аршинъ на десять внизъ до древняго своего помоста, теперь представляетъ жалкое, карикатурное подобіе Помпеи, освобожденной отъ пепла огнедышущей горы; но за полстолѣтія назадъ, когда осень, зиму и весну 1840 и 1841 годовъ я провелъ въ Римѣ, вмѣсто этого непригляднаго безобразія, римскій форумъ служилъ жителямъ го-

рода безподобною прогулкою по длинной и широкой аллеѣ, тянувшейся посреди зеленого луга отъ Капитолія до Колизея. По лугу паслись коровы, принадлежавшія обитателямъ сосѣднихъ домовъ, а также видѣлись распряженные колымаги, нагруженные боченками. Около, на валявшихся обломкахъ античныхъ колоннъ сидѣть, бывало, погонщики и жуютъ черствый хлѣбъ, запивая краснымъ виномъ; а то на дорогѣ подъ деревьями стоитъ развѣющенный оселъ, наостривъ уши и обмахиваясь хвостомъ отъ комаровъ и мухъ; не удовольствовавшись этимъ охранительнымъ средствомъ, вдругъ спустится онъ на колѣни и, чтобы хорошенько почесаться, опрокинется на спину и начнетъ кататься по дорогѣ, подымая высоко вверхъ клубы пыли. Въ соотвѣтствіе этимъ буколическимъ ландшафтамъ простой народъ называлъ тогда знаменитый римскій форумъ „Коровьимъ-Подемъ“ (Campi Vaccino), а находящійся съ нимъ въ сосѣдствѣ священный Капитолій переименовалъ въ Campi d'Olio, т.-е. „Масляныя-Поля“.

Впрочемъ я засталъ уже тогда въ Римѣ только разрозненные остатки той ландшафтности, которая повсемѣстно украшала его въ XVIII-мъ вѣкѣ. Доказательствомъ этому между прочимъ могутъ служить гравюры знаменитаго Пиранези, громаднаго размѣра, числомъ около сотни. То же свидѣтельствуютъ и многія иллюстрированныя изданія того времени, содержащія въ себѣ путешествія, мемуары, повѣсти и вообще рассказы. Для примѣра укажу находящуюся въ моей библиотекѣ любопытную книгу подъ заглавіемъ: „L'éducation du jeune comte D. B.^{***}, ses amours avec Emilie de T^{***} et ses voyages, selon ses propres mémoires, où sont recueillis grand nombre d'Histoires, Anecdotes modernes, et Recherches et Decouvertes d'Antiquités très curieuses, accompagnées de plus de cent Estampes des plus beaux Monuments de Rome. Nouvelle Edition, augmentée d'Observations nouvelles sur les ouvrages de Peinture, de Sculpture et d'Architecture qui se voyent dans cette Capitale du Monde. Par Mr. De Ragnenet. A Londres 1765. Chez Moïse Chastel et Co“. Изъ множества estampовъ, украшающихъ это изданіе, назову слѣдующіе: храмъ Ромула и Рема съ развалиной стѣны, покрытой кустарникомъ, — впереди стоитъ деревцо. Наклонная стѣна, поросшая деревьями. Остатки стариннаго резервуара съ двумя статуями, стоящими въ нишахъ: все покрыто кустарникомъ и травой. Надгробный памятникъ Кайя Цестея въ видѣ пирамиды; около тянется аллея, позади городская стѣна съ башнями, покрытыми кустарникомъ. Остатки мавзолея Августа: круглое зданіе, сверху покрытое землею, на которой разбитъ цвѣтникъ. Остатки храма Солнца, снаружи

обросшіе деревьями, а внутри украшенные цвѣтникомъ. Остатки храма Мира, еще гуще заросшіе кустарникомъ. Остатки дворца императоровъ и большого цирка: все вмѣстѣ представляетъ ландшафтъ разнообразнаго содержанія. Въ такихъ же ландшафтахъ стоятъ термы Автовія и мн. др.

Чтобы понять основную идею римской виллы княгини Волконской и приведеніе ея въ исполненіе при помощи тѣхъ средствъ, какими можно было располагать, мнѣ слѣдуетъ сравнительнымъ путемъ ввести эту виллу въ общую систему со всѣми прочими подобными же урочищами Рима.

Вилла княгини Волконской состоитъ изъ павильона или казино, окруженнаго садомъ. Таковы въ стѣнахъ Рима многіе дворцы, какъ крупныя, такъ и мелкія, или казино. Напр., вилла Медичи, въ настоящее время занимаемая французскою академіею художествъ, съ большимъ тѣнистымъ садомъ, примыкающимъ къ знаменитому парку на Monte Pincio; по парку ежедневно расфранченные кавалеры и дамы въ экипажахъ прогуливаются взадъ и впередъ подъ звуки оркестра музыки, помѣщеннаго на террасѣ ресторана. На Квиринальской горѣ, на площади Monte Cavallo, названнаго такъ по двумъ колоссальнымъ античнымъ статуямъ Кастора и Поллукса, съ двумя такими же колоссальными конями: передъ ними Квиринальскій дворецъ, въ которомъ собирался конклавъ для избранія папы, въ настоящее же время королевская резиденція, съ огромнымъ садомъ. Налѣво отъ этого дворца на площадь выходитъ палаццо Rospigliosi съ садомъ, въ которомъ казино, знаменитое по плафону: его изукрасилъ Гвидо Рени изображеніемъ Авроры, разбрасывающей цвѣты передъ колесницею Феба, сопутствуемаго Горами, или нимфами часовъ, а направо другой садъ, спускающійся съ горы, который принадлежитъ дворцу Колонна, находящемуся уже на низменной площади. Въ виллѣ Людовизи, пользующейся всемірною славой скульптурнаго музея со статуями цвѣтущей эпохи греческаго искусства, есть также и небольшое казино, на плафонѣ котораго Гверчино изобразилъ *al fresco* богиню Диану. По ту сторону Тибра, на улицѣ Lungara, къ берегамъ этой рѣки раскинутъ обширный садъ съ апельсиновыми и померанцевыми деревьями, острое благоуханіе которыхъ далеко разносится и по улицѣ, и даже черезъ рѣву. Въ саду вилла, называемая Фарнезиною въ отличіе отъ дворца Фарнезе, находящагося на другомъ берегу Тибра. Казино это расписали Рафаэль и его ученики фресками, изображающими мифъ объ Амурѣ и Психеѣ, пиршество олимпійскихъ боговъ, Галатею съ наядами и пр. Изъ дворцовъ съ садами

назову еще расположенный по ту сторону Тибра Palazzo Corsini съ знаменитой картинною галереєю на вершинѣ горы, съ которой спускается садъ съ тѣнистыми аллеями. Самымъ высшимъ проявленіемъ того же типа представляется садъ самого папы, поднимающійся по пригоркамъ къ высотамъ Яникула. Знаменитые бельведеры Ватиканскаго музея—одинъ съ Аполлономъ Бельведерскимъ, а другой съ Лаокоономъ—выходятъ своими окнами и дверьми именно въ этотъ папскій садъ. Равнобѣрно и монастыри, гдѣ позволяла мѣстность, усваивали себѣ тотъ же характеръ усадьбы съ садами; такъ женскій монастырь св. Клары при церкви св. Лаврентія in Panis-Ferrea, гдѣ въ баняхъ или термахъ Олимпіи былъ сожженъ св. Лаврентій. Теперь этотъ монастырь передѣланъ въ аудиторію и химическую лабораторію римскаго университета, а садъ предоставленъ профессору ботаники съ его квартирою и зданіемъ для лекцій. Мужской монастырь св. Онуфрія съ кельею, въ которой жилъ Тассъ во время своего коронаванія въ Капитоліи лавровымъ вѣнкомъ: садъ монастыря расположенъ на уступахъ Яникула; въ немъ дубъ, разбитый теперь уже молніей, подъ которымъ сживалъ обыкновенно Тассъ, любуясь на широкую панораму Рима, далеко разстилавшагоса у его ногъ. Точно также и вилла княгини Волконской, хотя и внутри города, около бойкой площади Іоанна Латеранскаго, представляетъ ландшафтное сочетаніе казино съ нисходящимъ отъ него легкой отлогостью садомъ. Когда смотришь на эту виллу съ низменной равнины, павильонъ княгини Волконской представляется разноцвѣтнымъ букетомъ отъ поднимающихся съ земли до вершины зданія ползучихъ растений, каковы: плющъ, гелиотропы, разные породы розъ и шиповника и пр. Такія же ползучія растенія оплетаютъ лавровыя и кипарисныя деревья, которыми обсажены спускающіяся отъ казино дорожки, такъ что надъ головами гуляющихъ постоянно свѣшиваются благоуханныя вѣтви розъ и гелиотроповъ. Между разнообразными растеніями этого сада можно видѣть и античный акантъ, который послужилъ грекамъ моделью для орнаментаціи коринтскихъ капителей.

Но главное украшеніе римскихъ ландшафтовъ составляютъ античныя сооруженія: или цѣльныя, или въ развалинахъ. Знаменитый Колизей, теперь очищенный до-гола отъ густыхъ кустарниковъ, которыми были покрыты кругомъ сверху до-низу спускающіяся каменныя сѣдалища для зрителей, и разрытый аршинъ на десять до древняго помоста, за полстолѣтія назадъ представлялъ изъ себя самый оригинальный и самый живописный, можно даже сказать, самый ландшафтный храмъ, посвя-

ценный памяти христіанскихъ мучениковъ, нѣкогда оросившихъ своею кровью арену этого зданія. Въ сороковыхъ годахъ я часто посѣщалъ это идиллическое святилище подъ куполомъ синяго неба. Высоко со всѣхъ сторонъ весело перегибались пѣвчія пташки. Внизу, подъ спусками вокругъ всего Колизея размѣщено было двѣнадцать алтарей для священнослуженія, а въ серединѣ поднимался громадный деревянный крестъ, можетъ быть, въ величину того іерусалимскаго, на которомъ былъ распятъ Іисусъ Христосъ. Другую своего рода живописную рѣдкость представлялъ античный театръ, находящійся на одной изъ площадей между Капитоліемъ и Пантеономъ. Теперь онъ расчищенъ отъ щебня и наносныхъ слоевъ земли и отъ построекъ съ пристройками, произведенныхъ въ новѣйшее время для разныхъ потребъ, но тогда представлялъ онъ единственную въ своемъ родѣ усадьбу, а именно: снаружи античный театръ сохранилъ свой древній характеръ, только въ нижнихъ частяхъ его были устроены кузницы, да еще остерія, въ которой можно было позавтракать и выпить кофе; что же касается до внутренности этого зданія, то она была превращена въ тѣнистый садъ, поднимающійся вверхъ по грунту земли, плотно улегшейся на бывшихъ нѣкогда каменныхъ скамьяхъ для зрителей, а на самой вершинѣ стоялъ простенькій павильонъ, въ которомъ проживалъ владѣлецъ этой усадьбы. Замѣчательное сочетаніе новѣйшаго сооруженія христіанскаго храма съ античными развалинами представляетъ церковь во имя Маріи degli Angeli: ее построилъ Микель-Анджело, воспользовавшись ротондою Діоклетіановыхъ термъ или бань и употребивъ для украшенія этого храма античный разноцвѣтный мраморъ и античныя же колонны. Во вкусъ этого архитектурнаго анахронизма и княгиня Волконская пріютила свое маленькое казино подъ сѣнью колоссальныхъ арокъ древне-римскаго водопровода.

Отъ всѣхъ европейскихъ городовъ „вѣчный Римъ“ отличается еще торжественнымъ и роковымъ обаяніемъ смертной памяти: *memento mori*—мѣни, фѣкель, фаресь! Вся наслоившаяся многими столѣтіями римская почва переполнена тлѣніемъ костей человѣческихъ и полита кровью въ теченіе многихъ и многихъ поколѣній. Сначала утучняли эту почву язычники-римляне и сѣверо-восточные варвары—гунны, авары, готы, потомъ сотни и тысячи христіанскихъ мучениковъ, погребенныхъ въ катакомбахъ, которыя простираются и развѣтвляются по до всѣмъ нынѣшнимъ Римомъ. Пилигримы ходятъ на Востокъ поклоняться Гробу Господню въ Іерусалимъ и на Западъ великомученикамъ, погребеннымъ въ римскихъ катакомбахъ.

Вообще католики любят украшать свои кладбища. Древнѣйшее изъ нихъ—въ Пизѣ; оно окружено со всѣхъ четырехъ сторонъ портиками, стѣны которыхъ изнутри расписаны фресками учениковъ и послѣдователей самого Джотто, а земля для погребенія привезена изъ Иерусалима во времена крестовыхъ походовъ. Особеннымъ великолѣпиемъ отличается Campo Santo въ Болоньѣ въ видѣ высокихъ и свѣтлыхъ галерей, роскошно украшенныхъ мраморными мавзолеями и группами статуй. Охота итальянцевъ изукрашивать кладбища доходить иногда до самыхъ причудливыхъ и фантастическихъ крайностей. Таково, напримѣръ, кладбище въ монастырѣ капуциновъ, что на площади Барберини въ Римѣ. Для погребенія монаховъ отведена „Божія нива“ въ подземельѣ, освѣщенномъ съ одной стороны небольшими оконцами, бросающими въ него сверху скудный просвѣтъ. Середину этого склепа занимаетъ земля, въ которой хоронятъ монаховъ, а вокругъ трехъ стѣнъ аршина на два отъ земли тянется сплошной каменный балконъ. На немъ рядышкомъ стоятъ скелеты, одѣтые въ капуцинскія рясы; черепа ихъ покрыты капуцами, по обычаю монаховъ этого ордена. Стѣны и сводъ этого подземелья украшены фантастическими арабесками тоже изъ человѣческихъ восточекъ и костей. Четвертый балконъ предназначенъ для прохода. Для наполненія этого собранія страшныхъ гостей съ того свѣта, принято было слѣдующее правило. По истеченіи извѣстнаго срока, когда на погребенномъ тѣлѣ очистятся кости отъ истлѣвшей плоти, скелетъ вынимается и, одѣтый въ монашескій костюмъ, ставится на свое мѣсто, а пустая могила замѣщается новымъ мертвецомъ, который со временемъ дождется очереди украсить своимъ присутвіемъ эту необычную театральную сцену. Такъ и княгиня Волконская превратила свой садъ и казино въ настоящую „Божію ниву“ или Campo Santo, обставивъ всѣ аллеи по обѣимъ сторонамъ монументами, собранными изъ обломковъ античныхъ пьедесталовъ, капителей, колоннъ, архитравовъ и другихъ частей римскаго сооруженія. Только это монументы не надгробные, воздвигнутые не на прахъ покойниковъ, а, такъ сказать, поминальные, т.-е. въ воспоминаніе о незабвенныхъ особахъ: о родныхъ и друзьяхъ, а также о лицахъ, дорогихъ сердцу въ этомъ оригинальномъ пантеонѣ.

Какъ повсюду въ Римѣ подъ верхними наружными слоями почвы погребены древнѣйшіе съ останками языческаго римскаго происхожденія, такъ и въ виллѣ княгини Волконской, помимо тѣхъ памятниковъ, есть древнее подземное, уже настоящее кладбище, т.-е. колумбарій, о которомъ упомянуто выше.

Нѣтъ ни одной страны во всей Европѣ богаче Италиі

и особенно Рима монументальными надписями. Отъ языческихъ временъ остались этрусскія и разныя другія, а въ Римѣ—древне-христіанскія въ катакомбахъ. Тѣ и другія во множествѣ собраны, объяснены и изданы специалистами. Потомъ, слѣдуя древне-римскому обычаю, и папы вознамѣрились увѣковѣчивать свои великіе и малые подвиги надписями, которыми испещрены стѣны публичныхъ зданій и церквей, — надписями какъ снаружи, такъ и внутри: такой-то папа повелѣлъ построить или украсить этотъ дворецъ или эту базилику, соорудить такой-то городской фонтанъ, расписать стѣны зданія фресками и пр. Такъ и княгиня Волконская снабдила всѣ монументы своей виллы надписями, которыя сама сочиняла. Надписи эти и составляютъ главный предметъ моего разсказа.

IV.

Но прежде чѣмъ обращусь къ этимъ надписямъ, я долженъ привести описаніе самой виллы кн. Волконской, сдѣланное въ 1831 г., т.-е. за сорокъ-пять лѣтъ до зимы 1874 и 1875 годовъ, когда я впервые познакомился съ этою виллою и для памяти списалъ всѣ надписи съ памятниковъ, ее украшающихъ. Профессоръ московскаго университета и мой дорогой наставникъ, С. П. Шевыревъ, до вступленія на ученое поприще былъ приглашенъ княгинею Волконскою въ Римъ, въ качествѣ преподавателя къ ея сыну. Вскорѣ по возвращеніи своемъ въ „вѣчномъ городѣ“, Шевыревъ написалъ 10-го октября 1831 года слѣдующее письмо А. В. Веневитинову, брату извѣстнаго поэта и любимца кн. Зинаиды Александровны ¹⁾.

„Мы теперь здѣсь собираемъ виноградъ въ виноградникѣ княгини. Ты требуешь ему описанія—постараюсь. Этотъ виноградникъ находится при подошвѣ древняго холма Целійскаго, недалеко отъ церкви Св. Іоанна Латеранскаго. Онъ раздѣляется пополамъ арками Клавдіева водопровода. Эти арки словно рамы, вмѣщающія всѣ лучшія картины Рима и окрестностей. Это живая галерея ландшафтовъ. Среди водопровода возвышается казино башнею, гдѣ княгиня отдѣлала нѣсколько прекрасныхъ комнатъ. Изъ этой башни есть выходъ на водопроводъ, вдоль котораго можно гулять, но я не поведу тебя туда. А пойдемъ лучше

¹⁾ За доставленіе этого письма приношу живѣйшую благодарность Михаилу Алексѣевичу Веневитинову.

еще повыше на террасу башни подъ шатеръ, княгиню устроенный, — и тутъ открывается тебѣ огромная панорама! Сначала взгляни около себя. Вотъ передъ входомъ въ башню, гдѣ мы стоимъ, четверугольный дворикъ, обнесенный портикомъ или порусски навѣсомъ съ кровлею виноградной. Тутъ, подъ десертомъ надъ головами, намъ накрываютъ на столъ. Видишь, тамъ подъ навѣсомъ маленькій человѣчекъ въ скрутокъ, съ книгой въ рукахъ, декламируетъ стихи итальянскіе:—твой другъ Степанъ Петровичъ. Вотъ у стола сидитъ Марья Александровна; возлѣ нея князь Александръ Нивитичъ, послѣ занятій въ Римѣ пришедшій гѣшкомъ—отдыхаетъ; около него Долинька (новая собака) и Трезоръ виляютъ хвостами. Внизу, у лѣстницы Владиміръ толкуетъ съ архитекторомъ или съ виноградаремъ, т.-е. съ виньероломъ. Но гдѣ же княгиня? гдѣ княгиня?—Обернись! Видишь, вдоль арокъ, изъ коихъ многія обвиты плющемъ, идетъ большая дорога: это будущая „аллея друзей“. Княгиня тутъ суетится и готовитъ для нихъ тѣнь, сажаетъ деревья, отдыхаетъ, любитъся видами. Вотъ отсюда она пошла въ „аллею воспоминавій“, гдѣ она воздвигаетъ намятники всему утраченному милому. Вотъ она скрылась въ кустахъ виноградныхъ и въ орѣшникѣ. Потомъ поворотила и остановилась—полюбоваться сосною виллы Альтіери; идетъ далѣе и останавливается противъ храма Маріи Медики, вблизи виднаго; вотъ проходитъ арка—обернись: княгиня стоитъ противъ церкви Santo Croce in Gerusalemme и смотритъ на горы Альбы,—вотъ идетъ еще и останавливается противъ Іоанна Латеранскаго—и, совершивъ свое гулянье, приходитъ подъ своды арокъ или гrotтовъ: заходить въ гrotъ Фавна или въ свой гrotъ-альбомъ, читаетъ надписи друзей, или сама пишетъ, радуется вновь открытому виду... Но взгляни теперь на панораму. Окинь взоръ поближе: твое зрѣніе утопаетъ въ огромномъ саду яркой виноградной зелени, по которой разбросаны развалины и стѣны Рима: тутъ возвышается зонтообразный конусъ виллы Альтіери изъ мртоваго лабиринта; тамъ Минерва Медики съ полуобвалившимся сводомъ, здѣсь porta Maggiore съ архитравомъ изъ кустарника, тутъ стройная фасада San Giovanni Laterano. Окинь взоръ далѣе: тутъ идутъ стѣны и теряются въ загибахъ, тамъ тянутся, рвутся и уходятъ въ поле водопроводы; вонъ бѣлѣетъ круглая гробница Цецилія Метелла; вонъ вся via Appia, въ старину устроенная гробницами; вонъ Колизей съ своими прозрачными сводами, вонъ церковь Santa Maria Maggiore о двухъ главахъ; вонъ какія-то двѣ сквозныя готическія башенки; но взоръ твой теряется далѣе и далѣе. Упрись въ небосклонъ и осмотри теперь всѣ четыре

стороны: къ востоку взоръ, разбѣжавшись по обширному и ровному полю римскому, усѣянному трупами зданій, останавливается на синихъ отлогихъ горахъ Альбы; по нимъ бѣлѣютъ: Альбано, недалеко лежащее отъ древней Альбы, Кастель Гандольфо, Марино, Гротта - Феррата, Фраскати, Монте Порціо, отчина Катона, Росса Carpiola и пр. Надъ всѣмъ же возвышается Monte Savo, гдѣ древле былъ храмъ Юпитера Латинскаго, или Ида Виргиліева, на коей въ облакахъ засѣдалъ Юпитеръ. Къ югу взоръ твой черезъ стѣны Рима—множество развалинъ и гробницъ стелется по ровной степи — и иногда въ самый ясный день у края небосклона остановленъ яркою полосою луча солнечнаго: это море. Къ сѣверу огромное поле и амфитеатръ Апеннинъ. Отъ Monte Porzio и Росса Carpiola проведя взоръ, уткнешься въ древній Пренесте, славный храмъ Фортуны, а нынѣ въ Палестрину. Вотъ Тиволи ушло въ горы: оттолѣ выбѣгаетъ Аніо. Это ужъ Сабина. За нею видѣются Абруццы, осенью и зимой покрытыя снѣгомъ. Слѣдуя этимъ горамъ и дойдешь до одинокаго Соракто, который на сушѣ поднимается, какъ Капри изъ моря. Наконецъ къ западу видишь Римъ — теряешься въ зданіяхъ, но тебя сосредоточилъ куполь Св. Петра — этотъ герой Рима, неизбежный, котораго отовсюду видно, какъ героя въ образцовой трагедіи. Когда за нимъ заходитъ солнце — какъ онъ воздушенъ! Весь Римъ кажется легокъ, прозраченъ, какъ видѣніе! Какъ хороши эти сосны, эти воздушные своды на горизонтѣ: они такъ легко обрисованы! Погуляй еще глазами по зданіямъ Рима, коихъ линіи столь пріятны. Останови ихъ на Колизеѣ, сквозь арки котораго лучи солнца натянуты какъ струны. Погуляй по Monte Pincio, подъ соснами виллы Боргезе. Но вотъ солнце зашло, Римъ потухъ, потемнѣлъ, а горы еще пылаютъ, вершина Monte Savo золотится: всѣ цвѣта слиты въ горахъ... Ну, будетъ тебѣ гулять; я слишкомъ романичествую. Ты ужъ надо мною смѣешься, но еще въ Италіи вѣкъ этому не прошелъ“.

V.

Обращусь теперь къ надписямъ, которыя начертала сама княгиня Зинаида Александровна на вышеупомянутыхъ монументахъ, помѣщенныхъ въ „аллеѣ воспоминаній“, или друзей, какъ она любила называть эту аллею.

Античные монументы съ надписями стоятъ между деревьями, въ ихъ тѣни, частію между лаврами, частію подъ кипарисами, и

все имѣть видъ домашняго Campo Santo, или кладбища, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляется и простымъ садомъ, украшеннымъ античными мраморными фигурами, какъ обыкновенно украшались старинные сады статуями олимпійскихъ боговъ и богинь.

Вотъ перечень надписей въ послѣдовательномъ ихъ порядкѣ:

1. *Императору Александру I.*

Императрица Елизавета Алексеевна:

И въ памятникѣ семъ тебя не разлучимъ,
Въ царцахъ идеаль: минутная вдовица.
Какъ плещемъ, обвилась тобой его гробница,
Какъ тѣнь его, ты улетѣла съ нимъ.

2. *Императрица Марія Теодоровна:* „Благодаримъ!“

„Les jeunes filles, dont elle était la protectrice, répétaient en pleurant: qui nous bénira à notre entrée dans le monde?“

3. *А. П. Пушкинъ. Е. Баратынскій. Жуковскій.*

4. *Благодѣтельному дядю и няжной бабкѣ, Якову Афанасьевичу и Маріи Дмитриевнѣ Татищевымъ:*

„Ils ont transmis sur nous la tendresse qu'ils avaient pour leur fille chérie“.

5. *A Goethe:*

„Il fut l'aurore de sa patrie“.

Въ объясненіе этой надписи привожу слѣдующую статью княгини Зинаиды Александровны о Веймарѣ:

„Удаляясь отъ пантеона великихъ писателей германскихъ, моя душа исполнена чувствами благоговѣйными. Все тамъ дышетъ наукой, поэзіей, размышленіемъ и почтеніемъ къ гению. Гений тамъ царствуетъ, и даже великіе земли суть его царедворцы. Тамъ я оставила Ангела, проливающего слезы на землѣ... Тамъ я посѣтила Гёте. Такого всеобъемлющаго поэта можно сравнить съ стариннымъ, изящнымъ, многолюднымъ городомъ, гдѣ храмы свѣтлаго греческаго стиля, съ простыми гармоническими линиями, съ мраморными статуями, красуются возлѣ готическихъ церквей, темныхъ, таинственныхъ, съ прозрачными башнями, съ кружевною рѣзбою, съ гробницами рыцарей среднихъ вѣковъ. Въ городѣ старинномъ все живо, важно, незабвенно: памятники, книги, зданія, мавзолеи, рассказываютъ вѣкамъ о герояхъ, о великихъ мужахъ. Въ городѣ изящномъ все дѣйствуетъ, все ца-

рить; ученые углубляются въ архивы всѣхъ временъ; художники воображаютъ, животворятъ; поэты, смотря на вселенную, упиваются вдохновеніемъ и пророчать. Въ городѣ многолюдномъ страсти кипятъ жизнью; тамъ всѣ звуки радаются, тамъ звучать арфы, металлы, гимны, псалмы, народные припѣвы, страстные пѣсни—и всѣ звуки сливаются и восходятъ, какъ жаркіе, благоуханные пары. Въ образѣ сего идеальнаго города я вижу Гёте въевого. Надъ городомъ блестятъ эфирныя звѣзды и на челѣ старца горятъ звѣзды неугасимыя“...

6. *A Walter Scott.*

„La douce lampe de nos veillées s' est éteinte“.

Тонкій эстетическій вкусъ княгини Волконской оцѣнилъ здѣсь высокое значеніе историческаго романа, созданнаго и художественно разработаннаго этимъ англійскимъ писателемъ.

7. *Дмитрію Веневитинову.*

„Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жил!“

Взято изъ стихотворенія: „Поэтъ и другъ“, самого Веневитинова:

Мнѣ сладко вѣрить, что со мною
 Не все, не все погибнетъ вдругъ,
 И что уста мои вѣщали—
 Веселья мимолетный звукъ,
 Напѣвъ задумчивой печали—
 Еще напомнить обо мнѣ,
 И сильный стихъ не разъ встревожить
 Умъ пылкій юноши во снѣ,
 И старецъ со слезой, быть можетъ,
 Труды не живые прочтеть.
 Онъ въ нихъ души печать найдетъ
 И молвить слово состраданья:
 „Какъ я люблю его созданья!
 „Онъ дышетъ жаромъ красоты,
 „Въ немъ умъ и сердце согласились,
 „И мысли полныя носились
 „На легкихъ крыльяхъ мечты.
 „Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жил!“
 Сбылись пророчества поэта,
 И другъ въ слезахъ съ началомъ гѣта
 Его могилу посѣтилъ...
 Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жил!

Веневитиновъ умеръ въ 1827 году, всего 21 года отъ роду. На могильной плитѣ его въ московскомъ Симоновомъ монастырѣ помѣщенъ тотъ же стихъ:

„Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жил!“

8. *A Adrien Boieldieu.*

Знаменитый французский композиторъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтїа. Сочинилъ нѣсколько оперъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли огромный успѣхъ, какова, напримѣръ, „Калифъ Багдадскій“, выдержавшая восемьсотъ представлений. У насъ не только въ столицахъ, но и по губернскимъ городамъ ее давали на публичныхъ и частныхъ театрахъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, будучи гимназистомъ, я самъ съ величайшимъ восторгомъ слушалъ ее въ пензенскомъ театрѣ г. Гладкова. Буальдѣ посѣтилъ и наше отечество и, будучи обласканъ императоромъ Александромъ I и восторженно принятъ русскою публикою, пробылъ въ Петербургѣ цѣлыя семь лѣтъ съ 1803 до 1810 года. Княгиня Зинаида Александровна Волконская, страстно любя музыку и владѣя прекраснымъ голосомъ, брала уроки у Буальдѣ и въ знакъ благодарности помѣстила имя своего наставника на одномъ изъ памятниковъ своей аллеи воспоминаній или друзей.

9. *A baron Stein.*

10. *A Byron.*

„Implora pace“.

Да, эта горделивая, неувертливая и озлобленная душа должна была умиловивать небо, чтобы оно ниспослало ей покой; но Байрону не суждено было обрѣсти этой благодати въ теченіе всей немноголѣтней своей жизни. Какъ княгиня Волконская, и онъ бѣжалъ изъ своего отечества, сначала поселился близъ Равенны въ своемъ замкѣ, принимая участіе въ заговорѣ карбонаріевъ и помѣстивъ складъ ихъ оружія въ своемъ замкѣ, а потомъ бросился въ Грецію, когда тамъ открылась война за независимость, и наконецъ нашелъ себѣ вѣчный покой, внезапно скончавшись въ Мессолунги.

Какъ симпатично отзывалась кн. Волконская о Байронѣ, можно судить по слѣдующимъ словамъ ея:

„Венеція, нѣбогда гордая невѣста Океана! Сколько разъ взоры мои обнимали твои лагуны, острова и гармоническія зданія! Какъ часто я летала по твоимъ каналамъ и мечтала видѣть въ черныхъ продолговатыхъ гондолахъ то дни прошедшей твоей славы, то образъ скоротечныхъ ночей итальянскихъ! Волны морскія могутъ залить тебя, твои дворцы, твои храмы, смыть радужныя краски Тиціана, но имя твое, Венеція, звучитъ на золотой лирѣ Байрона. Стихи великаго поэта есть неприступный, неразрушимый пантеонъ“ ¹⁾.

¹⁾ Сочиненія княгини З. А. Волконской. Парижъ и Карлсруэ 1865. Стр. 15—16.

11. *Сестръ Лизъ Чернышевой.*

„Однажды она видѣла нашего отца въ облакѣ: онъ ее звалъ — она не замедлила.“ — „Elle essaya des amours de la terre, mais elles n'étaient pas assez pures pour un ange“.

12. *Петру Дмитріевичу Еропкину.*

„Heureux le citoyen, qui peut dire:—J'ai sauvé ma ville natale. 1771“.

Намекъ на неусыпныя заботы его въ качествѣ московскаго градоначальника о жителяхъ столицы во время чумы.

13. *Князь Александръ Михайловичъ Блосельскій.*

„Отцу, другу, наставнику“.— „J'ai vu sous son toit des malheureux consolés, des artistes, des poètes, des savants fêtés et caressés, des étrangers accueillis, comme des frères, des serviteurs soignés et heureux. Ses paroles étaient éloquentes; ses actions généreuses et pures. Heureuse la famille, qui l'appelait son père“.

14. *Княгиня Варвара Яковлевна Блосельской, незнакомой и обожжаемой матери.*

15. *Кормилиця Софья.*

„Je me suis assise sur ses genoux. J'ai caressé ses cheveux blancs et n'ai pas connu celle qu'elle a nourri de son lait“.

16. *Сестръ и другу Наталью Лаптевой.*

„Ты и здѣсь любила гармонию, а тамъ она безсмертна, какъ душа“.— „J'ai trop d'âme—disait-elle—pour vivre longtemps!—et a vingt trois ans elle reposait déjà dans l'humide terre“.

17. *Петру, Кольмару и Пармену, вѣрнымъ слугамъ моего отца.*

Когда княгиня Зинаида Александровна скончалась, ея сынъ въ этихъ монументахъ прибавилъ ея собственный съ слѣдующею надписью:

A la princesse Zénéïde Volkonsky.

„Elle dédia le souvenir de cette allée à la piété filiale, à la reconnaissance, à l'amitié. Le même hommage est offert à sa chère mémoire“.

О. БУСЛАЕВЪ.

16 октября 1895 г.

ПРИДОРОЖНАЯ БЕРЕЗА

Въ полѣ пустынномъ, у самой дороги берѣза,
Длинные вѣтви раскинувъ широко и низко,
Молча дремала, и тихая снилась ей грѣза;
Но встрепенулась—лишь только подѣхалъ я близко...

Быстро я ѣхалъ; она свое доброе дѣло
Все же свершила: меня осѣнила любовно;
И надо мной, шелестя и дрожа, прошумѣла,
Наскоро что-то, повѣдать желая мнѣ словно...

Словно со мной подѣлилась тоской безутѣшной,
Вмѣстѣ съ печальнымъ промолви и нѣжное что-то...
Я, съ ней прощаясь, назадъ оглянулся поспѣшно—
Но уже снова ее одолѣла дремота.

АЛЕКСѢЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

КНЯГИНЯ

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

E il ricettacolo delle virtù sarà pieno
di sogni e vane speranze.

Leonardo da Vinci

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Дворъ стоялъ чисто подметенный. Только въ глубинѣ его виднѣлись кучки талаго снѣга. Еще мокрый асфальтъ игралъ на весеннемъ солнцѣ. Или самые послѣдніе дни марта. Весело отливала зеленая крыша двухъ-этажнаго дома въ глубинѣ двора. По бокамъ обставляли дворъ каменные службы. Передъ окнами фасада протянулся узкій палисадникъ съ однимъ рядомъ низковатыхъ тополей. Масляная, свѣтлосѣрая окраска всѣхъ строеній пріятно блестѣла.

Сразу можно было признать купеческія хоромы. Подъѣздъ изъ дубоваго дерева съ бѣмскими стеклами; металлическіе приборы и пруты искрились издали. Все дышало не модной и крикливой роскошью, а чѣмъ-то прочнымъ, съ удобствами долгаго и умнаго домостроительства. Архитектура дома напоминала тридцатые года и навѣрно былъ онъ когда-то барскимъ; его много разъ отдѣлывали и красили.

Тихо на дворѣ. Цѣлыми часами не слышно ни одного звука. Покажется плотная спина вучера въ отверстіе конюшни, или горничная пробѣжитъ въ кухню, или дворникъ пронесетъ ушатъ

съ водой. Его двѣ собаки спать въ конурѣ, при въѣздѣ въ ворота съ чугунной рѣшеткой.

Во всемъ домѣ живутъ только двое хозяевъ—старуха Финикова, Степанида Ѳедотовна, и ея сынъ—Герасимъ Тимоѳеевичъ. Они выдаются за обѣдомъ да за вечернимъ чаемъ, и то не всегда. Старухѣ частенько дѣлается тоскливо; но она не жалуется. Она никогда и ни на что не жалуется: ни на лѣта, ни на здоровье, ни на дѣла, ни на прислугу, ни на дѣтей—считаетъ это пустымъ и даже неприличнымъ разговоромъ. Не хочетъ она брать къ себѣ въ домъ и приживалокъ. Если взять „старуцу“—частенько онѣ жадны, тайно попиваютъ, больно ужъ лъстивы и все одно и то же причитаютъ; изъ образованныхъ взять—пойдутъ разные капризы, скучать станеть, часто отпрашиваться изъ дому, или къ ней будутъ гости ходить; а главное—гримасы, дворянская замашка—выказывать свое превосходство.

Такъ Степанида Ѳедотовна и живетъ одна—съ тѣхъ поръ, какъ выдала замужъ и меньшую свою дочь, Вѣру Тимоѳеевну, а этому пошелъ уже третій годъ. Болить у ней сердце отъ такой разлуки сильнѣе, чѣмъ когда старшая дочь Антонида выходила замужъ. И обѣ—не за горами: одна на Поварской, другая на Садовой, у Покровскихъ казармъ; а все—какъ на чужбинѣ. Антонида чаще ѣздитъ—у ней меньше всякихъ „свѣтскихъ дѣлдовъ“, какъ про себя говоритъ старуха. Иногда, если ея мужъ въ отъѣздѣ—на армарку или на хуторъ уѣдетъ—Антонида, даромъ, что у нея дѣти, останется ночевать, другой разъ и двое сутокъ проживетъ—дѣтей съ собой захватить. А Вѣрѣ нельзя. И сердце Степаниды Ѳедотовны тихо ноетъ. Всегда Вѣрочка была ея любимымъ ребенкомъ. Скрывала она эту свою слабость даже передъ покойнымъ мужемъ; отъ другихъ дѣтей и подавно. Но любимицей Вѣра всегда была неизмѣнно. И что же тутъ мудреного?..

Начать съ того—собою такъ пригожа. Она никогда не хвалила ее за наружность, не любовалась ею вслухъ, но про себя считала ее „писаной красавицей“—и гордилась ею, такъ гордилась, что не разъ каялась въ этомъ грѣхѣ на исповѣди. Да и кто бы не сталъ гордиться? При такой-то наружности и зная, что она не безприданница, другая бы пальца о палець не ударила. „Все равно, молъ, выйду замужъ и проживу безъ заботы, на всемъ на готовомъ“!

А Вѣра—первой шла по наукамъ, въ той гимназiи, гдѣ все генеральскiя дочери да столбовыя дворянки, гдѣ не однимъ языкамъ учать болтать, а и за науками слѣдятъ. И кончила съ медалью. Потомъ на курсы ѣздила къ Лубянскимъ воротамъ—ни-

какъ три зимы. Сколько читала, чѣмъ только не интересовалась, и музыка, и работы разныя, а въ возрастъ стала входить — рвеніе къ школѣ, дѣвчонокъ и мальчишекъ учить; по фабрикамъ ѣздила, вечерніе классы заводила.

И вмѣстѣ съ тѣмъ—всегда на людяхъ. Знакомства поддерживала съ лучшими господскими домами; одѣвается—какъ никто. Одно слово—„пава“, и всякій бы забожился, что она не можетъ быть родной внучкой простыхъ мужиковъ—и по отцу, и по матери. Побывала и за границей. Въ Англии даже подругъ имѣеть.

Такъ прошло не мало лѣтъ ея дѣвичьей жизни. Баялась Степанида Федотовна на духу и въ томъ, что тайно не желала ей скорого замужества... а можетъ, и совсѣмъ не желала. Да и Вѣра сама не торопилась. Пришелъ и ея часъ.

И съ тѣхъ поръ старуха осиротѣла. Жадность ея материнскаго чувства сушить ее. Нужды нѣтъ, что она видитъ Вѣру довольно часто, когда та живетъ въ городѣ. Она все уже черезъ день заѣдетъ, хоть и не надолго. Придетъ лѣто — прощайся до осени.

Вотъ теперь она и считаетъ деньки. Страстная на дворѣ, Пасха не за горами, тамъ, глядишь, недѣль пять-шесть—и потянетъ ихъ въ деревню, въ усадьбу, или за границу. Въ дѣвицахъ Вѣра не знала никакихъ болѣзней, а теперь стала частенько мучиться головой, простуды пошли и дворянскія разстройства нервовъ.

Чтобы все не удручать себя, Степанида Федотовна цѣлый день чѣмъ-нибудь занята; встаетъ, и зимой и лѣтомъ, въ семь часовъ, сама одѣвается и одна пьетъ чай, каждое утро читаетъ въ очкахъ что-нибудь духовное—всего чаще евангеліе, потомъ газету—одну „сурьезную“, а нынѣшнихъ—съ скандальными сплетнями—не выносить. Потомъ придутъ приказчики съ докладами по обѣимъ лавкамъ—и въ новыхъ рядахъ, и на Варварѣ, гдѣ помѣщается и „амбаръ“. Иногда бываетъ и у ранней обѣдни, а въ воскресенье—непремѣнно у ранней, и ходитъ въ церковь пѣшкомъ. Распоряжается по дому, когда пьетъ кофе и немного закусить. Часу въ первомъ поѣдетъ въ лавки не надолго, кого-нибудь изъ своихъ старинныхъ знакомыхъ навѣститъ, сама дѣлаетъ закупки и въ Охотномъ, и въ другихъ мѣстахъ. Обѣдаютъ они съ сыномъ въ три часа съ небольшимъ. Передъ обѣдомъ обыкновенно заѣзжаетъ Вѣра. Антонида больше въ сумерки, къ чаю, когда Степанида Федотовна соснетъ, но не больше сорока минутъ. Вечеромъ, изрѣдка, поѣдетъ къ Антонидѣ сыграть пульку въ преферансъ. Или сидитъ одна дома, просмотритъ счета, иногда

деньги и цѣнныя бумаги, поговорить съ приказчикомъ, читаетъ до одиннадцати въ спальнѣ, долго молится и ложится, обойдя сначала всѣ комнаты наверху. Нижній этажъ стоитъ пустой. Тамъ жили дочери.

Къ Вѣрѣ она вотъ уже около года какъ не ѣздитъ—а что она разъ рѣшила, тому такъ и быть. Зря она никогда и ничего не дѣлала.

Пробило два часа. Степанида Ѳедотовна подошла къ окну въ своей столовой—свѣтлой длинной комнатѣ—и пристально поглядѣла въ сторону воротъ, приходившихся наискосокъ отъ окна столовой.

На видъ ей лѣтъ пятьдесятъ; волосы еще темные, причесаны гладко, и коса собрана подъ неизмѣнный черный тюлевый чепецъ. Лицо съ годами стало желтѣть, — строгаго рисунка, съ длиннымъ носомъ и широкимъ ртомъ, который она рѣдко раскрываетъ. Сѣрые глаза смотрятъ вдумчиво и еще не потускнѣли. Она хорошаго роста, но немного горбится на ходу. На ея высовихъ, для женщины, плечахъ накинута платокъ въ клетку, поверхъ коричневаго капота.

Сегодня Степанида Ѳедотовна не ѣздила никуда. Она боялась, какъ бы Вѣрочка не „разминулась съ нею“. Вотъ уже третій день, какъ меньшая дочь не бывала у нея. Никогда еще такъ не случалось. Думала она, сегодня съ утра, послать узнать—да удержало ее всегдашнее чувство: не хотѣла она нарываться на что-нибудь со стороны своего „зятка“. Пошлетъ она узнать о здоровьѣ—кучера или приказчика—записокъ она не мастерица писать—и получить въ отвѣтъ отъ зятя, что де „напрасно изволили беспокоиться—всѣ здоровы“. Онъ вѣдь безъ дѣла шатается по дому и навѣрно первый увидалъ бы посланца. Съ тѣхъ поръ, какъ „зятекъ“ пересталъ ее жаловать, она избѣгала малѣйшаго случая дать ему поводъ задѣтъ ее лично, а тѣмъ паче въ ея страстномъ и нѣжномъ чувствѣ къ меньшей дочери.

Вдалъ сѣрые глаза Степаниды Ѳедотовны видѣли такъ отчетливо, что это даже пугало ее. Она сейчасъ же узнала черезъ рѣшетку воротъ длинную фигуру сына—по другой сторонѣ улицы. Онъ, придерживая полу своей шубки, шагнулъ черезъ канаву, у тротуара, и направлялся къ ихъ калиткѣ.

Лицомъ онъ былъ на нее похожъ, какъ и Вѣра, смотрѣлъ старообразно, съ рыхлой бородкой, куда уже забралась сѣдина, и длинными волосами. Купеческаго въ немъ не удержалось ничего; смахивалъ онъ скорѣе на литератора или на учи-

теля. Поярковая шляпа съ большими полями въ эту минуту кляла густую тѣнь на его лицо.

Съ сыномъ старуха жила всегда въ ладу; но она не хотѣла лгать самой себѣ: сердце ея не лежало къ нему и на одну пятую такъ, какъ къ Вѣрочкѣ. И Антонида ближе ея сердцу, хотя Герасимъ—почтительный сынъ, какихъ только желать можно.

Но онъ—какъ мать понимаетъ его—„мертвый человѣкъ“. Не то, чтобы онъ былъ очень хворъ или слабъ. А сѣлъ онъ „между двухъ стульевъ“. И такихъ на Москвѣ уже не мало въ ихъ быту.

Вышло такъ отъ нынѣшняго времени, главное—отъ ученья. Всколыхнуло это самое ученье купеческую душу. И стало многихъ тянуть вонъ изъ своего званія и своихъ „возможностей“. Лѣтъ сорокъ назадъ такой Герасимъ былъ бы купецъ, какъ купецъ, не очень бойкій, въ оборотахъ осторожный и даже мнительный; но прожилъ бы свой вѣкъ, какъ сотни и тысячи.

Теперь же онъ—добровольный мученикъ. И все отъ ученья. Степанида Ѳедотовна сама хоть и не выучилась писать безъ ошибокъ, но противъ того, чтобы давать образованіе дѣтямъ—никогда не возставала, даже боролась—по этой части—съ покойнымъ мужемъ. Герасимъ ушелъ съ дѣтства въ книжки—и вообразилъ, что изъ него выйдетъ, современемъ, „магистръ“—такъ произносила Степанида Ѳедотовна. А „магистра“ изъ него не вышло и не выйдетъ.

Долбѣжкой онъ бралъ всегда и разсуждать пространно былъ еще гимназистомъ превеликій охотникъ. Но Богъ обдѣлил его острою ума, тѣмъ, что господа называютъ „талантомъ“. Никогда и ни въ чемъ онъ не былъ „таланливъ“—старуха произносила это слово безъ буквы „т“, какъ истая москвичка; такъ произносятъ и господа.

Вотъ червякъ и гложетъ Герасима, много лѣтъ гложетъ. Кандидата онъ взялъ черезъ великую силу и сталъ готовиться на „магистра“. Который годъ онъ готовится—она и считать перестала. И пишетъ книгу какую-то—тоже никакъ около десяти лѣтъ. Ей обидно было бы за него—выспрашивать объ этомъ.

Гордость и мнѣніе о себѣ вошли въ него въ родѣ какъ болѣзнь. Онъ только тѣмъ и живетъ, что про себя считается съ господами, кто не купецъ, а дворянинъ или чиновникъ. Возвеличиться ему страшно хочется, и не такъ, какъ отцы дѣлали—чинъ схватить или орденъ, а самому прославиться. Слава-то, небось—не рыба-плотва: на удочку ее такъ сразу не подымешь.

И вся его жизнь—а ему уже подъ сорокъ—протянулась зря,

ни себѣ, ни людямъ. Ни онъ съ купцами компанія, ни съ господами. Бываетъ на разныхъ засѣданіяхъ, и къ профессорамъ ходить; да и то рѣдко,—и тамъ его гложетъ червякъ. Должно быть подшучиваютъ: „а что, молъ, Герасимъ Тимоѣевичъ, когда же вы разрѣшитесь отъ бремени и опубликуете вашу книгу, или на магистра начнете держать?“

Стыдно было бы объ экзаменѣ и завѣяться.

Торговымъ дѣломъ онъ тяготится да и смыслить въ немъ мало. Онъ почелъ бы за стыдъ—показаться за прилавкомъ. Въ амбаръ ѣздитъ потому только, чтобы хоть въ чемъ-нибудь помочь матери. Дома онъ берется охотно за „подведеніе баланца“, да и то кропотливъ до-нѣльзя.

Никакой у него страсти или охоты, кромѣ книгъ. Ими полна вся половина этажа, которую онъ занимаетъ. Къ нему съ верхней площадки есть особый ходъ. О женитьбѣ онъ точно совсѣмъ забылъ; и „сударка“ врядъ ли у него есть на сторонѣ. Даже не курить...

Безпокойство Степаниды Ѳедотовны росло. Вѣры все нѣтъ. Не попросить ли брата заѣхать? И онъ не очень-то долюбиваетъ своего шурина. Да для матери сдѣлаетъ.

Она подошла къ двери въ коридорчикъ и крикнула сильнымъ голосомъ:

— Марья! Спустись и скажи Андрею, чтобы узналъ у Герасима Тимоѣевича: будутъ ли они дома кушать?

— Слушаю, матушка!—протянулъ изъ дѣвичьей высокой голось, какой бываетъ часто у монахинь.

Сейчасъ звать сына старуха не разсудила. Онъ, какъ старый холостякъ, ушелъ въ мелкія привычки. Только это его и сохранило еще; а то совсѣмъ бы захирѣлъ.

II.

Ворота стояли затворенными, когда хозяйка были дома, кромѣ до-обѣденныхъ часовъ—отъ часу до трехъ.

Степанида Ѳедотовна продолжала смотрѣть къ окну столовой. Марья доложила ей, что „Герасимъ Тимоѣевичъ кушать будутъ дома“.

Старухѣ—отъ солнца, проникавшаго въ окно, и отъ сдержаннаго волненія—сдѣлалось жарко. Она пошла къ себѣ въ спальню снять платокъ и надѣть легкую мантилью съ кружевами. Ей

всегда хотѣлось быть передъ Вѣрой понарядѣе и не смотрѣть „Кутафѣй Роговной“.

— Матушка!—раздался монашенскій окликъ горничной за дверью:—княгиня пріѣхали.

— Иду, иду...

Старуха встрѣтила дочь на площадкѣ, откуда дубовая лѣстница вела прямо въ переднюю, и безъ словъ обняла и поцѣловала ее, сначала въ голову, потомъ въ губы.

— Вѣруня!.. Вѣруня!—заговорила она съ радостнымъ вздохомъ и стала гладить ее по плечу, все еще на площадкѣ.

Вѣра вѣскала по лѣстницѣ и немного запыхалась. Щеки ея смугловатаго лица оживилъ воздухъ улицы, но глаза матери недовѣрчиво оглядывали лицо ея. Степанида Федотовна находила, что Вѣра блекнетъ, и боялась, что у ней начнутся боли въ печени, которыми она сама часто мучилась. Худѣть дочь ея стала вотъ уже второй годъ.

Ростъ Вѣры дѣлалъ ея фигуру еще тоньше и стройнѣе. Сходство съ матерью было большое; но овалъ лица, линія носа, ротъ, подбородокъ—все это въ ней смягчилось и стало тоньше, менѣе простовародно. Лицо было тихо-серьезное, съ ласковыми—такими же сѣрыми, какъ у матери—глазами. Концы бровей слегка поднимались на переносицѣ и придавали лицу менѣе ясности, чѣмъ оно могло бы имѣть.

— Ну, пойдѣмъ въ столовую. Чайку чашку выпьешь?

Степанида Федотовна взяла дочь за талью и повела. На Вѣрѣ была зимняя кофта съ отдѣлкой, свѣтло-песочнаго цвѣта, и шляпка англійскаго образца съ короткими полями. Въ рукахъ муфта.

— Заждалась я тебя, Вѣруня, — говорила Степанида Федотовна, усаживаясь противъ самовара. Шляпку-то снимай, или ты на минутку?

— Нѣтъ, мамаша, я посижу.

Говоръ Вѣры напоминалъ немного, по переливамъ, голосъ матери, но недавно онъ былъ повыше—пѣвучій, чисто московскій; теперь она частить стала, по-дворянски.

— У васъ все ладно?

Старуха немного исподлобья и вбокъ поглядѣла на дочь.

— Нѣтъ... вотъ потому-то я и не была вчера.

— Бывае здоровъ?

— Здоровъ. Но сестра его... Анна Вадимовна... совсѣмъ при смерти.

— Которая это?

— Маршанцева.

— А-а!

Изъ родныхъ своего зятя, князя Кунгурова, Степанида Федотовна никого не знаетъ, а слышала только, что одна сестра живетъ здѣсь, а другая гдѣ-то „въ губерніи“, далеко, кажется на Кавказѣ.

— Плоха?—переспросила старуха.

— Мучается... ужасно. У нея грудная жаба. Ни минуты покоя. Больше сутокъ врядъ ли проживетъ... Мерсі,—поблагодарила Вѣра за чашку.

— Не крѣпко ли, милая?

— Нѣтъ, такъ очень хорошо.

— У ней вѣдь дѣти?

— Какъ же.

Брови Вѣры поднялись.

— Все ею держалось,—заговорила она поспѣшно и нѣсколько упавшимъ голосомъ:—характеромъ она была сильнѣе мужа. Я ее осуждать не стану... У всякаго свои недостатки... Но умна и энергична. И дѣлами она занималась. Въ прошломъ году купили они имѣніе... на половину въ долгъ.

— Разумѣется,—вставила Степанида Федотовна.

— Мужъ умеръ скоропостижно. И у нея открылась эта болѣзнь. Она боролась... И теперь... съ огромной выдержкой. Но послѣ ея смерти — все рухнетъ, и дочери останутся почти безъ всякихъ средствъ.

Взглядъ Степаниды Федотовны безъ словъ выговорилъ:

„Извѣстное дѣло. У господъ важныхъ и все такъ бываетъ“.

— Вадимъ,—продолжала Вѣра—очень всегда любилъ эту сестру. И она вчера—я тамъ сидѣла до трехъ часовъ ночи—заклинала меня...

Вѣра остановилась, сдѣлала передышку и отпила чаю съ блюдечка.

— Небось—взять сиротъ къ себѣ?—спросила Степанида Федотовна и опять вбокъ взглянула на дочь.

— Куда же имъ дѣваться, мамаша?

Противорѣчить старуха не хотѣла, да и нехорошо было бы и „по христіанству“; но ея сердце чуяло, что это только—лишняя обуза для Вѣры.

— А онѣ какихъ лѣтъ?—обронила она.

— Марусѣ скоро шестнадцать; Лена на полтора года старше.

— Стало, надо вывозить.

— Маруся еще учится.

— Гдѣ?

— Въ гимназiи... приходящей.
 — Слѣдственно объ у васъ будутъ жить. Есть ли для нихъ и мѣсто?

— Надо будетъ потѣсниться.

— Извѣстное дѣло... наемное помѣщенiе.

Степанида Федотовна вздохнула. Она такъ желала, чтобы половина капитала, даннаго за Вѣрой, пошла на покупку или на стройку хорошаго дома. Но князь заупрямился, сталъ доказывать, что домъ — самое убыточное дѣло, „мертвый капиталъ“... И не прошло года — уложилъ не половину, а всѣ двѣ трети Вѣриныхъ денегъ въ какую-то „афѣру“ — и до сихъ поръ что-то неслышно о барышахъ.

И ее хотѣлъ подбить. Съ тѣхъ поръ онъ и сталъ „кисель“ съ нею, и она къ нимъ не ѣздитъ. Оттого, что она не вошла въ эту самую „афѣру“ и не дала ему еще денегъ.

Откуда? Если у нея что и осталось въ свободномъ видѣ — такъ она не одна ведетъ дѣло, а вмѣстѣ съ сыномъ, и свою долю она обязана припасти на черный день. Ея сердце чувствуетъ, что Вѣрѣ еще солоно придется отъ всѣхъ этихъ господскихъ затѣй. Довольно и того, что она была на первыхъ порахъ настолько слаба, что выпустила изъ своихъ рукъ больше, чѣмъ половину капитала.

— Ты ей и дала слово? — спросила вполголоса старуха, наклонивъ голову въ ту сторону стола, гдѣ сидѣла Вѣра.

— Вадимъ просилъ меня съ своей стороны. Вы согласитесь, мамаша... онъ могъ бы и самъ поступить, какъ ему приказываетъ совѣсть... и любовь къ сестрѣ. А ее это всего больше терзаетъ... судьба дочерей. Смерти она не боится... Знаете, я даже не ожидала такой силы воли... отъ барыни.

— Причашали? — строже спросила Степанида Федотовна.

— Сегодня... будутъ. Она пожелала.

Объ примолкли.

— Что-жъ, — заговорила старуха: — сиротъ надо призрѣть. Только вѣдь онѣ — небось, избалованы?

— Отецъ баловалъ больше, чѣмъ она.

— Бровь-то одна... Мать — тоже природная княжна была. Опять же, Вѣруня, тебѣ придется вести ихъ, надворъ имѣть; вторая-то еще учится. Тутъ не обойдется дѣло безъ исторiй. Особенно если онѣ горячки.

И она прибавила:

— Будутъ ли къ тебѣ почтительны — это еще вопросъ.

— Я постараюсь расположить ихъ къ себѣ, мамаша.

— Расположить? — повторила Степанида Ѳедотовна, поведя своимъ широкимъ ртомъ. — Не тебѣ же въ дѣвчонкамъ, въ ихъ цорову подлаживаться. И то сказать.

— Ужъ не знаю, какъ будетъ, — отвѣтила Вѣра съ легкимъ вздохомъ. — Жизнь-то свое беретъ. Жаль ихъ. Все-таки такая судьба. Не наживи Анна Дмитріевна такой болѣзни, она бы со всѣмъ справилась... и по имѣнью.

— Кто же опекунъ будетъ? Дядя?

— Да, Вадимъ.

— Продавать, значитъ, надо съ торговь?

— Вадимъ говоритъ, что имъ нельзя и наслѣдницами признавать себя.

— Долгъ, значитъ, слишкомъ великъ?

— Именно.

— Слѣдственно, — вѣско выговорила Степанида Ѳедотовна: — можетъ такъ случиться, что продажа-то и не покроетъ долга?

— Можетъ быть, — грустно выговорила Вѣра.

Старуха откашлялась, отпила съ блюдечка, протянула руку и положила ее на локоть дочери.

— Смотри, Вѣруня, не поддайся опять.

— Въ чемъ? — окликнула дочь и подняла рѣсницы.

— А въ томъ же. Изъ-за княжескаго гонора... чтобы имя покойниковъ оправдать. Иначе вѣдь они — по нашему — несостоятельны. Мужъ будетъ тебя подбивать — покрыть, чего не хватить. Смотри, Вѣруша... У тебя — свой разумъ.

— Ни о чемъ подобномъ не было рѣчи, мамаша.

— Не было — до сихъ поръ: дай срокъ, вотъ когда выяснится все дѣло.

Вѣра ничего не отвѣчала. Она видимо была утомлена и не находила въ себѣ такого тона, который успокоительно настроилъ бы мать.

Тихо вошелъ въ столовую братъ ея. На немъ былъ длинный домашній сюртукъ, въ родѣ плафрока. Узкій черепъ просвѣчивалъ; но волосы падали за уши такіе же темнорусые, какъ у матери и Вѣры.

— А! Гаря! — окликнула его она и встала. — Какъ ты? Давно тебя не видала.

Она поцѣловала его въ щеку и сейчасъ же потомъ пожала его руку, сильно, по-барски.

Герасимъ Тимошеевичъ явко ѣжился и попросилъ у матери чашку чаю.

— Совсѣмъ насъ забылъ, — сказала Вѣра, ласково оглядывая его.

— Да вѣдь я нигдѣ почти не бываю, — выговорилъ онъ слабымъ голосомъ, немного въ носъ. — У тебя, я думаю, весь день на клѣточки разбитъ. Однихъ визитовъ сколько каждую недѣлю. Ты здорова? Маменька вотъ беспокоилась вчера — не видать тебя.

— Вотъ какое дѣло, Герасимъ...

И старуха рассказала сыну, съ чѣмъ пріѣхала Вѣра.

— Своихъ дѣтей нѣтъ, — отозвался онъ съ дурной усмѣшкой... вотъ теперь и не потребуется... будетъ племянницъ пестовать.

Герасимъ Тимоѣевичъ еле выносилъ своего шурина, считалъ его нахальнымъ самоучкой, презиралъ за то, что тотъ не имѣлъ университетскаго образованія, и на немъ провѣрялъ всѣ свои взгляды на „сословіе, которое покончило свою историческую роль“, какъ онъ выражался, когда развивалъ свои идеи.

При братѣ Вѣрѣ стало тяжелѣе. И всегда Герасимъ Тимоѣевичъ приносилъ съ собою что-то тяжелое и кислое, какой-то душевный запахъ, похожій на укусъ: ей такъ всегда и казалось.

— Что дѣлать, Гаря, — бодрѣе и увѣреннѣе выговорила она, подходя къ стулу матери. — Для себя одной нельзя жить.

Братъ подозрительно поглядѣлъ на нее. Ея слова могли быть намекомъ на его закоренѣлое себялюбіе огорченнаго неудачника. Но онъ не могъ обижаться ничѣмъ, что скажетъ женщина. На женщинъ онъ смотрѣлъ такъ же, какъ на сословіе, которому „не предстоитъ никакой будущности“. Сестра Вѣра была для него заурядной „франтихой съ жидкимъ либерализмомъ модныхъ стремленій и съ неразумнымъ тщеславіемъ“.

Такъ онъ смотрѣлъ и на ея выходъ замужъ за князя Вадима Дмитріевича Кунгурова. Если она будетъ несчастна — „пускай казнится“.

— Куда же ты, Вѣруша?

Голосъ старухи слегка дрогнулъ.

— Простите, мамаша. Надо заѣхать туда, къ больной. Можетъ, кончается. А Вадимъ до обѣда не будетъ свободенъ.

Степанида Ѳедотовна хотѣла сказать: „могъ бы для умирающей сестры отложить рысканье по Москвѣ“.

Она проводила дочь внизъ, въ переднюю, и попеняла ей, что легко одѣвается, въ одной ваточной кофточкѣ.

— Все по-аглицки! — пошутила она.

И, поднявшись наверхъ, старуха ощутила новый наплывъ тоски — предстоящаго обѣда съ глазу на глазъ съ своимъ „живымъ“

мертвецомъ": такъ она про себя часто звала Герасима Тимофеевича.

III.

Коляска ѣхала по лѣвой сторонѣ Тверскаго бульвара. Вѣра сидѣла прямо и немного щурила глаза отъ солнца. На ногахъ ея лежало свѣтло-сѣрое мохнатое одѣяло.

Она любила ѣздить безъ лакея и брала его только въ дни церемонныхъ визитовъ. Мужъ ея не дѣлалъ ей прямыхъ замѣчаній, но она знала, что ему не очень нравится, когда она — особенно въ колясѣ — не возьметъ съ собою выѣздного.

Сначала она видѣла въ этомъ его заботу о себѣ. Можетъ случиться что-нибудь. Лошади молодыя и рѣзвыя. Подъ этимъ она распознала потомъ барство, желаніе держаться извѣстнаго деворума.

И она во многомъ подчинилась всѣмъ этимъ барскимъ порядкамъ. Еслибъ она въ теперешнемъ своемъ настроеніи стала говорить откровенно съ своей сестрой Антонидой, та бы отрѣзала ей:

— Что-жъ, голубчикъ, ты давно въ дворянскимъ фасонамъ себя готовила.

Но развѣ это вѣрно? Она — сознательно — не хотѣла никогда попускать себѣ никакого обезьянства и рабскаго подчиненія тому, чтó дѣлается „у господъ“.

Развѣ она виновата въ томъ, что съ дѣтства любила все изящное и порядочное, все, чтó носить на себѣ печать „стиля“? Черезъ подругъ, въ очень барской гимназій, она приглядывалась къ стародворянскому обществу и полегоньку входила въ него. Далеко не все ей нравилось; но она не могла же не видѣть, что *это* общество выработало себѣ тонъ, привычки, нравы, приемы, которые стали у него перенимать всѣ, кто стоитъ пониже. И купцы сильнѣе всѣхъ начали тянуться за господами. Даже и тѣ, кто къ нимъ „не лѣзетъ“ — любимое слово ея сестры, — и тѣ ужасно страдаютъ отъ того, что они — „разночинцы“. Можетъ быть, среди отцовъ и матерей найдется нѣсколько умныхъ личностей съ чувствомъ своего положенія — вотъ хоть бы ея мать — но среди молодыхъ одна „маскировка“ и постоянная тревога — какъ бы кто ихъ не обидѣлъ — и такое же постоянное желаніе обставить себя по-господски и заводить знакомства выше своего званія и быта.

Но это наложило на ея душу налетъ чего-то двойственнаго и съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлало ее менѣе увѣренной въ себѣ,

отнимало охоту обставлять свою жизнь красиво и такъ, чтобы ея личность получила полный ходъ...

Пошелъ уже третій годъ, какъ она изъ дѣвицы Финиковой превратилась въ княгиню Кунгурову, жену родовитаго дворянина, правда, безъ виднаго положенія и крупнаго чина, но принадлежащаго къ самому настоящему „стародворянскому“ кругу Москвы. Ея мужъ давно посвятилъ ее въ подробности своего генеалогическаго древа. Онъ—Гедиминовичъ, и одинъ изъ его предковъ жестоко пострадалъ при Грозномъ „за правду“ и геройски перенесъ страшныя мученія. Его поджаривали на сковородѣ, а потомъ еще живого разрубили на нѣсколько кусковъ въ присутствіи царя.

Имя мужа, его связи, дали ей ходъ всюду—но какой? Такой ли, чтобы она не чувствовала отгѣнковъ въ обращеніи съ нею нѣкоторыхъ барынь, и старыхъ, и молодыхъ? Правда, она дѣйствительно сумѣла хорошо поставить себя; но ей это стоило не малаго, и она никогда не можетъ слиться съ этимъ обществомъ, забыть, что она—чужая, не можетъ, да съ нѣкоторыхъ поръ и не хочетъ.

Безъ предубѣжденій шла она замужъ, безъ плебейскаго фронтѣрства и завистливаго приниженія всего, что только считается барскимъ. Напротивъ, она признавала за сословіемъ своего мужа право на почетъ, желала находить въ людяхъ „изъ общества“ гораздо больше воспитанности, чувства чести, фамиліальныхъ традицій, умственнаго блеска и добродушія, чѣмъ въ тѣхъ слояхъ, гдѣ только „пыжатся“ и злобствуютъ на всѣхъ, кто стоитъ выше.

И въ этихъ чувствахъ она прожила первый годъ замужества. Она не хотѣла разбирать своего мужа съ тѣмъ, чтобы подкапываться подъ него. Она имъ не увлекалась и дѣвицей; она видѣла, что онъ—человѣкъ средній, безъ обширнаго образованія, безъ особенныхъ талантовъ; но въ немъ она предполагала задатки личности. Онъ держался взглядовъ на русскую жизнь, которыхъ она дѣвицей не раздѣляла. Ея пріятели мужчины были всѣ либералы и западники. А князь считаетъ себя „независимымъ патриотомъ“. Она не испугалась того, что можетъ выйти изъ такой разницы взглядовъ. Ей хотѣлось провѣрить свои идеи и симпатіи, дополнить себя, дойти до болѣе терпимости, цѣнить въ мужѣ все, что въ немъ она найдетъ цѣннаго и *своею*, какъ въ русскомъ баринѣ.

И чего же она добилась? Черезъ два слишкомъ года есть ли у нихъ съ мужемъ внутренній ладъ?

Этотъ вопросъ всталъ передъ нею сегодня особенно яро и назойливо, когда она ѣхала къ матери своей сообщить ей о томъ,

что она беретъ къ себѣ въ домъ племянницъ князя. Ей ихъ жаль, и она не могла не откликнуться на просьбу умирающей; но ничего хорошаго она не предвидитъ отъ этого добраго дѣла.

Ихъ мать—сестра князя Вадима Дмитриевича—хоть и не была съ ней на родственной ногѣ, но держалась всегда ласково, даже немного заискивала—привида, должно быть, свою близкую вончину. Дочерей ея она видѣла рѣдко. Обѣ—особенно старшая—держатся съ ней почти какъ съ посторонней. Меньшая присядетъ, старшая подастъ руку, и она что-то не помнитъ, чтобы которая-нибудь изъ нихъ назвала ее „тѣтя“ или „ma tante“, даже въ присутствіи князя—ихъ родного дяди по матери.

Но какъ же быть? Приходится взять ихъ въ домъ. Предстоитъ не мало всякихъ хлопотъ. Но она не боится ихъ. Быть можетъ и лучше, что домъ наполнится. Будетъ о комъ заботиться. Своихъ дѣтей она уже перестала ждать. Развѣ какимъ-нибудь чудомъ.

Годъ тому назадъ она бы такъ не думала.

Это равнялось признанію, что съ мужемъ ей живется не такъ, какъ она мечтала.

Обманывать себя трудно—съ ея натурой. Слишкомъ долго воспитывала она въ себѣ честность. Даже подруги въ гимназіи смѣялись надъ ея „добросовѣстностью“. Которыя порѣче на языкъ—говорили ей:

— Вѣра! Ты смѣшна съ своей чистой совѣстью! Какъ будто у тебя одной только она и есть!

Не у нея одной, но у многихъ ея нѣтъ; или она взята точно напрокатъ, на случай надобности, да и то для того только, чтобы какъ-нибудь ее очистить въ собственныхъ глазахъ и въ мнѣніи тѣхъ, кто намъ нуженъ.

Противъ ея воли, вотъ больше года, какъ началось ее „отрезвленіе“. Какъ она себя ни успокоиваетъ, но внутри накопляется разладъ, и разладъ серьезный.

И, въ то же время, ей такъ противно самое это слово „разладъ“. Это такъ отзывается испорченными, ни на что негодными барынями и просто „бабѣнками“, которыя только и знаютъ, что жалуются на своихъ мужей, считаютъ себя выше всѣхъ и всего, ницуть пониманія, т.-е. любовныхъ „пашней“, какъ выражается ея мать, Степанида Федотовна.

Не сама ли она, Вѣра, виновата въ томъ, что мужъ для нея становится не тѣмъ, что бы нужно для теплой супружеской связи, для честной дружбы... если ужъ нѣтъ страстной любви?

Быть можетъ и сама виновата. Съ какою радостью взяла бы она на себя всякую вину. Но въ жизни—она давно это видитъ—

нельзя искать однихъ лишь виноватыхъ. Передѣлывать и себя самое она не взялась бы въ ея возрастѣ, а ей идетъ только двадцать-девятый годъ. Въ мужчинѣ сорока лѣтъ, да еще такомъ, какъ князь Вадимъ Дмитриевичъ—перемѣны не добьешься. Для этого нуженъ внутреннй переломъ. Есть натуры, которымъ невозможно слѣдить за собой и быть къ себѣ строгимъ. Онѣ неспособны входить въ себя, онѣ слишкомъ любятъ себя, черезчуръ привыкли считать себя правыми. Еслибъ даже струсилась надъ ними внезапная бѣда—она не дастъ новаго толчка ихъ душевной жизни. Онѣ не въ состоянн осудить собственное „я“.

Поэтому и борьба съ ними бесплодна.

И все чаще и чаще, какъ только она ничѣмъ не занята—особенно, когда сидитъ въ экипажѣ—однѣ и тѣ же мысли захватываютъ ее...

По мостовой, еще не совсѣмъ свободной отъ кочекъ талаго снѣга, коляска подпрыгивала на своихъ резинахъ. Вѣра любила скорую ѣзду, но немного стыдилась этого и никогда не говорила кучеру, чтобы ѣхалъ скорѣе.

Онъ—на всѣхъ рыскахъ—пересѣлъ Арбатскую площадь и сталъ править въ сторону Поварской; Вѣрѣ захотѣлось пройтись по бульвару пѣшкомъ. Изъ бульваровъ въ обществѣ ея мужа „приличнымъ“ считался только Пречистенскій—и то только въ извѣстные часы.

— Николай!—ласково окликнула она кучера.—Возьми лѣвѣе. Туда!—показала она рукой.

Кучеръ сдержалъ лошадей и поѣхалъ тише къ входу на бульваръ. Солнечный день привлекъ много гуляющихъ.

Но сейчасъ же ее пронизала мысль: „хорошо ли, если ее встрѣтитъ одну на бульварѣ и какъ разъ когда ея belle-soeur умираетъ“?

Она готова была крикнуть кучеру, чтобы онъ повернулъ назадъ—къ Поварской; но коляска подѣвжалась уже къ троттуару.

Со стороны Знаменки приближался къ входу на бульваръ небольшого роста мужчина—въ весеннемъ пальто съ пелеринкой, въ поярковой сѣрой шляпѣ съ высокой тульей и съ пледомъ на рукѣ. Вѣра узнала сразу темную бородку, золотое ринсе-лез, тонкй длинноватый носъ, походку.

И мужчина увидалъ ее, снялъ шляпу и широко ею раскланялся.

Вѣра слегка покраснѣла подъ своей вуалеткой и опять хотѣла приказать кучеру поворачивать, но было уже поздно.

Коляска остановилась. Ея знакомый подошелъ и еще разъ приподнялъ шляпу.

— Хотите погулять, княгиня?—спросилъ онъ высокимъ теноромъ и, подойдя къ коляскѣ, сдѣлалъ такое движеніе—какъ бы хотѣлъ ее высадить.

— Здравствуйте, Владиміръ Григорьевичъ!—поздоровалась съ нимъ Вѣра, не отвѣчая на его вопросъ.

Эта встрѣча съ профессоромъ Остожинымъ, ея давнишнимъ пріателемъ—почему-то смутила ее, хотя она давно его не видала и собиралась даже спросить—почему онъ такъ забываетъ ее.

— Пройдемтесь,—сказалъ Остожинъ, и въ его взглядѣ былъ какой-то вызовъ. Точно онъ хотѣлъ сказать: „а вѣдь вы навѣрно испугаетесь и не пойдете со мною по бульвару“:

— Я спѣшу,—отвѣтила Вѣра:—моя belle-soeur при смерти, и мнѣ надо туда.

— Будто?—остановилъ онъ и сдѣлалъ движеніе головой.— Зачѣмъ же ваша коляска остановилась здѣсь?

Отвѣтить, не солгавъ, было трудно.

— Право, я спѣшу,—повторила она.—Но я очень рада... что увидала васъ, Владиміръ Григорьевичъ... Вы развѣ на меня разсердились за что-нибудь? Глазъ не кажетел.. И Вадимъ вчера меня спрашивалъ.

— Будто?—насмѣшливо выговорилъ Остожинъ, держась рукой за крыло коляски.

— Увѣряю васъ.

— Странно... Я захваченъ разной скучнѣйшей работой... Кромѣ какъ на Моховой, нигдѣ не былъ... вотъ уже цѣлыхъ двѣ недѣли.

— Когда же мы васъ увидимъ?

— Да вѣдь вамъ теперь не до того... Это—Маршанцева... умираетъ?

— Она,—грустной нотой оттянула Вѣра.—Вадимъ очень любилъ сестру.

Остожинъ ничего не отвѣтилъ, отнялъ руку отъ крыла коляски, приподнялъ шляпу и поклонился.

— Не смѣю удерживать... Когда все у васъ наладится—будьте добры, дайте знать.

Вѣра протянула ему руку, пожала вѣрнѣе и—когда лошади тронули—два раза кивнула ему головой.

И въ эту минуту ей сильно захотѣлось пройти по бульвару съ Остожинымъ и убѣдиться въ томъ, что онъ на нее „не дуется“.

IV.

Племянницы князя Вадима Дмитриевича Кунгурова—Лена и Маруся Маршанцевы—уже третій день, какъ живутъ у дяди—послѣ смерти ихъ матери.

Сегодня—воскресенье. Меньшая, Маруся, не поѣдетъ въ гимназію.—Она уже цѣлую недѣлю туда не ѣздитъ.

Помѣстили ихъ въ просторной комнатѣ, съ окнами на дворъ—при небольшой уборной. Ихъ кровати стоятъ за перегородкой, остальная часть комнаты отдѣлана въ родѣ гостиной.

Прошло уже девять часовъ. Первой проснулась меньшая—Маруся, громко зѣвнула и вскинула свои, на половину голыя, полныя руки.

Она—круглая брюнетка, физически развитая какъ взрослая дѣвушка. А ей еще нѣтъ полныхъ шестнадцати лѣтъ, и мать заставляла ее носить платье подростковоѣ. Густые и кудрявые волосы разметались по подушкѣ.

Маруся спала безъ кофточки—ей вездѣ было душно—и отъ сна ея пухлыя щеки разгорѣлись. Не раскрывая вполнѣ своихъ карихъ глазъ, большихъ и съ толстыми вѣками, она поглядѣла въ сторону кровати, гдѣ спала ея старшая сестра—Лена.

Та обернулась къ стѣнѣ. На ней была длинная модная рубашка съ высокимъ воротникомъ, обшитымъ кружевомъ. Голову она на ночь повязывала фуляромъ, изъ-подъ котораго выбивались волосы рыжеватые и довольно жидкіе.

Лена была на два года старше сестры—худая, высокая, съ длинными руками и ногами, блѣдная, иногда съ зеленымъ оттѣнкомъ щекъ и съ мелкими веснушками подъ глазами.

— Лена!—окликнула ее Маруся и еще разъ сладко потянулась.

Старшая сестра отвѣтила не сразу.

— Et bien quoi?—спросила она сонно и хмурымъ голосомъ, приподнимая голову.

Маруся охотно говорила по-русски, но Лена не позволяла ей „распускать себя“ по этой части и дразнила ее тѣми ошибками, какія та частенько дѣлала.

Маруся поднялась въ кровати и еще разъ громко зѣвнула.

— Assez!—дала на нее окрикъ Лена.

У себя, при матери, онѣ не спали вмѣстѣ,—у каждой была своя комната, и Лену это раздражало.

— Я позвоню! — потише выговорила Маруся и вспомнила, что электрический звонокъ около двери — за перегородкой.

И ей было неловко здѣсь. Она тоже привыкла къ своей комнатѣ. Тамъ никто не надсматривалъ надъ ней. Съ Леной онѣ уже два раза посчитались за эти три дня. Лена желаетъ замѣнять ей „шатап“, и тонъ ея дѣлается „препротивный“. Маруся всегда побаивалась ее, но такъ было при жизни шатап, потому что Лена часто „ябедничала“, а теперь онѣ будутъ на равныхъ правахъ. Дядя съ ними одинаково хорошъ, а съ ней даже ласковѣе, потому что она — меньшая. Онѣ ее больше жалѣютъ.

Маруся стала полегоньку приподниматься, натянула чулки и спустила ноги. Лена опять заснула. А надо бы и ей встать. Вчера „жена дяди“ — такъ онѣ обѣ звали ее между собою — спросила ихъ: поѣдутъ ли онѣ къ обѣднѣ, и къ какой — къ ранней или къ поздней — и куда, въ какой приходъ — къ себѣ, гдѣ онѣ прежде жили, или въ ту церковь, куда они ѣздить.

Къ ранней обѣднѣ! Кто же ѣздить къ ранней обѣднѣ?!

Лена вчера — онѣ ложились уже спать — повторила все:

— *Comme c'est marchand*: ранняя обѣдня!

Кажется, ихъ „тетенька съ лѣвой стороны“ — онѣ и такъ звали Вѣру Тимофеевну — бываетъ сама у ранней обѣдни, по старой памяти, изъ того времени, когда она еще была „дѣвица Фаникова“.

Онѣ отвѣчали, что поѣдутъ въ свой приходъ, если будетъ хорошая погода.

Маруся это вспомнила и потянулась къ окну — посмотрѣть, что на дворѣ.

День стоялъ пасмурный, и верхушки голыхъ деревьевъ въ сосѣднемъ саду сильно качало.

Онѣ не поѣдутъ — пускай Лена спитъ.

Придется пить чай въ столовой съ дядей и „его женой“. Та вернется отъ своей ранней обѣдни и предложитъ одной изъ нихъ разливать чай. Точно онѣ какія компаньонки. Лена отдѣлалась гримасой, пришлось разливать ей — чего она дома не знала.

Маруся привыкла, чтобы ее каждое утро снаряжала въ гимназію ихъ нянька Прасковья. Та ею только и занималась: Лена не подпускала къ себѣ Прасковью, потому что отъ нея „дурно пахнетъ“.

Няньку насилу взяли сюда. И то сжалился дядя. „Жена“ его, навѣрно, интриговала... Помѣстили Прасковью въ людской, въ подвальномъ этажѣ, вмѣстѣ съ прачкой. Изъ-за горничной

тоже чуть не вышла исторія. Вѣра Тимоѣевна начала хитрить: видите ли, — нѣтъ особенной комнаты для лишней горничной.

Развѣ у нихъ въ домѣ когда-нибудь этимъ затруднялись?! Не каждой же горничной давать особую комнату. И у нихъ было очень тѣсно, особенно когда мать сильно занемогла и пришлось взять сидѣлку, и еще женщину для всякой черной работы. Ду-няша спала въ темномъ коридорчикѣ, — могла бы точно также помѣститься и здѣсь, но Вѣра Тимоѣевна „распустила своихъ рабовъ“. Она отдѣлила ей часть комнаты, гдѣ стояли шкафы. Нянькѣ Прасковѣ она предлагала помѣстить ее на свой счетъ въ богадельню — та расплакалась и умоляла оставить ее при барышняхъ.

И какая эта купчиха — хитрая!

Притворяется ужасно гуманной: надо заботиться о прислугѣ, давать хорошую комнату, постель и сытно кормить. Какъ будто и безъ нея никто этого не знаетъ?! Это все — одно фарисейство! И никто не просить ее проповѣдовать. А старую Прасковью готова была, небось, прогнать или отдать въ богадельню.

Отъ этихъ мыслей Маруса почувствовала себя очень одинокой и заброшенной, настоящей сиротой. Мамѣ представилась ей — въ ту минуту, когда съ сжатыми зубами отъ боли вытягивалась всѣмъ тѣломъ на своей постели, темная въ лицѣ, съ каплями пота на лбу.

Маруса всплакнула, начала искать платокъ, не сразу нашла его и еще больше огорчилась.

Бывало, нянька входитъ къ ней сама, когда она еще лежитъ въ постели; теперь за ней надо посылать... А если она уже тутъ, то боится входить, чтобы Лена не рассердилась, — затѣмъ ей не даютъ спать.

Уборная у нихъ тѣсная — въ родѣ чуланчика. Умывальный столъ совсѣмъ заставили лоханки съ двумя рукомойниками — все такое тяжелое. Лена не любитъ съ педалью.

— Je ne pédale jamais! — острить она, намекая на то, что не желаетъ ѣздить и на велосипедѣ.

У нихъ была полная квартира мебели... Куда теперь все это дѣнется? Продадутъ, или пошлютъ въ деревню? Но вѣдь деревню придется продать — объ этомъ знала и Маруса, или догадывалась. Она знала также, что „дурные дѣла“ ускорили смерть ея матери. Ну, положимъ, продадутъ все имѣніе, вмѣстѣ съ усадьбой, съ барскимъ домомъ о двадцати восьми комнатахъ. Все-таки же обстановка городской квартиры останется. Какая жалость будетъ продать ее! Можетъ быть, съ аукціона пойдетъ.

Слово „аукціонъ“ имѣло для Маруси необычайно позорный смыслъ. Она представляла себѣ, что это значить: ворвутся въ домъ какіе-то „пристава“, будутъ все опечатывать, потомъ сложать все въ кучу и устроить торгъ, куда можетъ являться съ улицы всякій народъ: лавочники, разносчики, жида, мужики. И всѣ имѣютъ право переворачивать и обнюхивать всякую вещь... столовое и постельное бѣлье, портреты, вещицы, подарки—все!..

На звонокъ явилась горничная Дуныша—полуодѣтая, хмурая. Нянька Прасковья не приходила еще—должно быть, отправилась къ ранней обѣднѣ.

„Avec la femme de mon oncle“ — на этотъ разъ по-французски подумала Маруся, и недобрая усмѣшка повела ее ротъ съ красными толстоватыми губами.

Больше получаса она умывалась, одѣвалась и чесалась, съ помощью Дуныши, стараясь не шумѣть, чтобы Лена не дала на нее окрикъ, изъ-за перегородки.

Наконецъ и Лена начала потягиваться.

— Погода дурная!—крикнула ей Маруся.—Мы въ церковь не поѣдемъ, Лена? Да?

— Нѣтъ, не поѣдемъ... Поѣдемъ въ девятый день... Et tu sais, —прибавила Лена немного потише:—je n'entends pas accompagner madame la princesse. Nous avons notre paroisse à nous!

— C'est ça!—задорно подтвердила Маруся.

Въ эту минуту она особенно „презирала“ жену дяди.

Лена встала совсѣмъ зеленая и жаловалась на боль подъ ложечкой. Пришла нянька, дала ей магнезій и принесла имъ профору—„отъ мамаша“. Она, на свои деньги, отслужила заупокойную обѣдню.

Прасковью Лена съ трудомъ выносила. Старуха немного попивала, и отъ нея уже шелъ спиртный запахъ. Она ходила въ чепцѣ и носила трауръ по барынѣ, даже съ плѣрэжами. Ея красноватые глаза слипались и щеки были въ красныхъ пятнахъ. Она души не чаяла въ своей любимицѣ Марусѣ.

Лена постаралась отдѣлаться отъ няньки и послала ее сказать Вѣрѣ Тимофеевнѣ, что если ей не будетъ лучше, она проситъ прислать ей чаю въ комнату.

Нянька, уходя, подошла къ Марусѣ и поцѣловала ее въ голову.

И Маруся замѣтила, что отъ Прасковьи „попахиваетъ“; но она къ этому привыкла, и только одна Прасковья и любитъ ее теперь. Она всегда льнула къ старшей сестрѣ; но та не допускаетъ никакихъ „лизаній“, а теперь станетъ еще сердитѣе и несноснѣе.

Когда Прасковья удалась, Лена присѣла на кушетку съ

гримасой тошноты послѣ того, какъ проглотила лекарство. Она не была еще одѣта. Маруся—въ своемъ суконномъ платьѣ съ моднымъ трауромъ въ видѣ батистоваго стоячаго воротника—оправлялась передъ зеркаломъ въ простѣнѣхъ.

— Ничего не видно! Какая темнота здѣсь! Такая гадость!—вырвалось у нея.

Лена взглянула вкось на сестру и спросила—на этотъ разъ по-русски:

— Ты пойдешь туда?

— А то какъ же? Здѣсь такъ тѣсно. Дядя этого не любитъ.

— *Ce n'est pas une vie!*—протанула Лена и подложила себѣ подъ голову маленькую подушку.

Маруся отошла отъ зеркала и стояла въ нерѣшительной позѣ у ногъ Лены.

И она чувствовала, что здѣсь пойдетъ совсѣмъ другая жизнь. Дядя хоть и хорохорится, а все таки—подъ башмакомъ у своей вупчихи. Но у Лены такой характеръ, что она доѣдетъ „тетеньку“... Вѣдь у нихъ что-нибудь да останется. Не можетъ быть, чтобы ничего. А если и ничего, то вѣдь дядя долженъ поддерживать ихъ.

Отчего же не нанять для нихъ особую квартиру? Онѣ могли бы жить съ компаньонкой.

— Что жъ дѣлать?—сказала Маруся, на минуту присаживаясь на край кушетки.—Сейчасъ ничего нельзя... Ты сама знаешь. Дядя... тоже не очень щедръ. Да и чьи у него деньги?—спросила она полу-шопотомъ.—Все ея же!

— Это неправда!—почти крикнула Лена.—У него были свои средства. Она, оказалось, совсѣмъ не такая богачка. *Je tiens cela de maman. Et encore il lui faut tirer l'oreille.*

Плотныя ноги Маруси выставились изъ-подъ юбки. Лена взглянула на ея ботинки.

— Совсѣмъ лодки...—сказала Маруся.

— И мои не лучше,—откликнулась Лена.

— Надо сказать дядѣ.

— Ты не съумѣешь... Пускай сразу задажутъ по двѣ пары.

— Лена, милая!—Маруся хотѣла ее обнять; но та сдѣлала брезгливый жестъ.

— Чтò еще?

— Приди... когда одѣнешься. Тебя она побаивается, да и съ дядей ты умѣешь лучше говорить.

— Хорошо, — проговорила Лена слабымъ голосомъ и вытянула ноги.

— Я иду. Мнѣ ужасно чаю хочется. Приходи... Позвать тебѣ Дуняшу?

— Позови.

Маруся, скривив подошвами, выбѣжала изъ комнаты.

V.

Давно уже поставили самоваръ. Вѣра сидѣла противъ своего мужа, вся въ черномъ. Она надѣла трауръ въ самый день смерти его сестры. Черное очень шло къ ней, но дѣлало лицо строже.

Князь, въ бархатной визиткѣ и полковой свѣтло-сѣрой рубашкѣ съ завязушками—въ поль-оборота на своемъ стулѣ—курить и часто затыкался. Его темнорусые курчавые волосы рѣдѣли на маковѣ. Глаза круглые, темнѣе волосъ, крупный носъ, длинные усы, закрученные по военному, загорѣлость и грубоватость кожи и поврой бороды — дѣлали его похожимъ на южанина, можетъ быть съ Кавказа; но онъ родился и воспитывался въ Москвѣ и говорилъ съ настоящимъ акцентомъ мѣстныхъ стародворянскихъ кружковъ.

Роста онъ былъ средняго, плечистый, начиналъ уже полнѣть и не любилъ надѣвать брахмальныхъ рубашекъ передъ выѣздомъ изъ дому.

Вѣра подала сама стаканъ чаю мужу. Она не желала, чтобы лавей торчалъ тутъ безсмысленно.

— Дѣвочки, надѣюсь, встали?—спросилъ князь, пуская струю дыма въ сторону. Онъ хотѣлъ ихъ немного подтянуть, особенно меньшую, которую мать слишкомъ баловала.

Въ гостинныхъ, съ дамами, князь говорилъ по-французски. Дома—его языкъ былъ русскій. Только „при людяхъ“ онъ возвращался къ французскому языку, и то не всегда.

— Лена просила прислать ей чаю въ комнату. Она несомнѣнно здорова,—тихо сказала Вѣра.

— Все нервы...—выговорилъ брезгливо князь и поморщился отъ дыма.—А Маруся?

— Та должна сейчасъ придти.

По тону мужа можно было подумать, что дядя куда строже къ своимъ роднымъ племянницамъ, чѣмъ его жена. Но Вѣра чувствовала, что подъ этимъ все-таки кроется особенная связь. Онѣ были дѣти его сестры, той же породы, того же общества. И до сихъ поръ онъ ни однимъ словомъ не далъ понять, что онъ требуетъ отъ этихъ „дѣвочекъ“—вести себя съ его женой какъ

съ настоящей теткой, не называть ее просто „Вѣра Тимофеевна“, или даже никакъ не называть ее въ обращеніяхъ къ ней.

Дворянскій гоноръ заставилъ его принять въ нихъ участіе, ихъ мать онъ любилъ, или—лучше—побаивался ея рѣзкаго тона и довольно язвительнаго ума. Но племянницы ему самому будутъ скоро въ тягость. Онъ свалитъ на нее обузу „возиться“ съ ними, довоспитывать Марусю, вывозить Лену, когда минетъ глубокой трауръ, подыскивать имъ обѣимъ жениховъ.

Онъ уже и теперь ему въ тягость, хотя онъ и дѣлаетъ видъ, что хочетъ серьезно заняться ими. Какъ опеуну, ему предстоятъ непріятныя заботы. Имѣнье ихъ спасти нельзя. Благоразуміе—для нихъ—отказаться отъ наслѣдства. Это узнается, и тогда ихъ вездѣ ославятъ „нищими“.

Сильно расхотѣлось на нихъ онъ тоже не желаетъ. Деньги и выдача ихъ—между Вѣрой и ея мужемъ—отзываются всегда чѣмъ-то неловкимъ. Не съ ея стороны. Она отдала ему—вексель онъ самъ ей предложилъ—болѣе половины своего капитала на его „афѣру“, какъ произносятъ Степанида Федотовна Финикова. Отчета въ этихъ дѣлахъ она у него не спрашиваетъ. По настояніямъ старухи, она придерживала остальное, но князь уже не разъ предсказываетъ ей громадный барышъ, если капиталъ удвоить. До сихъ поръ врядъ ли онъ что-нибудь получилъ. Но его компаньонъ и родственникъ, втянувшій его въ предпріятіе—производство химическихъ продуктовъ и красокъ, общалъ къ новому году дивидендъ въ двѣнадцать процентовъ на номинальную стоимость пая. Его имѣніе врядъ ли что-нибудь даетъ, особенно при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Оно заложено подъ вторую закладную, усадьба требуетъ не малыхъ расходовъ, и прошлымъ лѣтомъ пошли на разныя работы, по отдѣлкѣ дома, ея же деньги.

И вотъ теперь надо будетъ опредѣлить извѣстную годовую сумму на эту новую статью расходовъ—*барышенъ*. За Марусю придется платить въ гимназію и за частныя уроки языковъ и музыки. Платья Лены всѣ выйдутъ изъ моды, по прошествіи года траура, да и трауръ требуетъ цѣлаго туалета. Такая „*élégante*“, какъ она, пожелаетъ всего въ строгомъ стилѣ: шубу, пальто, нѣсколько костюмовъ, даже бѣлье. Вѣра уже знала, что бѣльемъ барышни вообще не богаты.

Князь до сихъ поръ молчитъ,—дожидается, вѣроятно, чтобы она первая заговорила объ этомъ. Она готова была бы, но каждый разъ выйдетъ что-нибудь непріятное. Онъ начнетъ ѣжиться и обидчиво намекать на то, что онъ не намѣренъ вовсе одолжаться

женѣ въ каждомъ пустягѣ, и что у него есть собственныя средства, есть и голова, которая работаетъ въ ихъ общемъ интересѣ.

Но она прекрасно знаетъ, что еслибъ пришлось выложить сейчасъ тысячу рублей на племянницъ—это сильно затруднить его.

Князь даетъ уже имъ чувствовать, что имъ не на что „транжирить“, что слѣдуетъ вообще сократить свои требованія и по крайней мѣрѣ цѣлый годъ прожить какъ можно скромнѣе. Но врядъ ли такая программа будетъ выдержана—Вѣра это предвидитъ.

Въ столовую—низковатую и длинную комнату—надъ ней помѣщались антресоли для прислуги—вошла Маруся своей походкой съ перевальцемъ.

Она поцѣловала князя и ласковымъ звукомъ сказала ему:

— Здравствуй, дядя!

Вѣрѣ она слегка присѣла, протянула довольно церемонно руку и суховаго выговорила:

— Bonjour.

Князь уже третій день долженъ былъ замѣчать, что обѣ племянницы—особенно Лена—обращаются къ Вѣрѣ точно она посторонняя, и какъ бы желаютъ ей показать, что она только жена ихъ родного дяди.

На этотъ разъ тонъ Маруси слишкомъ явно это выдавалъ.

— Bonjour—tout court?—остановилъ онъ ее, когда она взялась за свой стулъ.

— Comment tout court?—переспросила Маруся, какъ бы не понимая, но тотчасъ же начала краснѣть.

— Ты, мой другъ, съ теткой твоей здороваешься, а не съ кѣмъ-нибудь другимъ,—выговорилъ князь довольно строго и пристально поглядѣлъ на Марусю.

Она ничего не отвѣтила и еще сильнѣе покраснѣла.

— Сахаръ сами кладите, — сказала ей Вѣра, протягивая чашку.

Ей было неприятно то, какъ князь сдѣлалъ окрикъ на Марусю. Будь она на его мѣстѣ, она бы довела ихъ до родственнаго тона полегоньку, или съ глазу на глазъ поговорила бы съ каждой изъ нихъ.

— Что такое у Лены?—спросилъ князь помягче.

— Немножко тошнило... Она приняла магnezии. Теперь ничего. Позвольте ей чаю... туда!—обратилась Маруся къ Вѣрѣ.

Она опять не прибавила слова „ma tante“; но дядя ее не обратилъ уже на это вниманія.

И разговоръ сразу оборвался. Вошелъ человекъ. Съ нимъ по-

слали чаю Еленѣ. Князь допилъ свой второй стаканъ, грузно поднялся и сталъ ходить вдоль оконъ и бранить погоду. Маруся выпила три чашки, много ѣла хлѣба съ масломъ и сухарей, и съ теткой все время отмалчивалась. И Вѣра сидѣла стѣсненная. Она сама сознавала, что у ней нѣтъ тона съ этими барышнями, и боялась на ласку получить въ отвѣтъ что-нибудь обидное.

— Дядя!—овликнула Маруся съ своего мѣста.—Знаешь, что я тебѣ скажу...

Маруся повернула немного голову въ сторону Вѣры, но продолжала говорить не съ нею.

— Намъ нужно заказать ботинки... У меня совсѣмъ лодки. И Ленѣ нужно.

— Ну такъ что-жъ! — отовался князь. — Вѣра... свези ихъ завтра.

— Мы готовыхъ не носимъ, дядя.

— Почему же?

— Какъ же можно. Не у Королева же покупать, въ Городѣ!

— Кто же говорить—у Королева... Мало ли порядочныхъ магазиновъ. Ну, у Шумахера, на Неглинной.

— Ахъ, нѣтъ!

Въ эту минуту въ дверяхъ показалась Лена—съ вытянутымъ лицомъ и утомленными глазами—и изломанной походкой подошла въ столу, протянула руку Вѣрѣ и сказала, такъ же какъ и Маруся, и тѣмъ же тономъ:

— Bonjour!

Князь не сдѣлалъ ей никакого замѣчанія, когда она поздоровалась съ нимъ, сказавъ ему:

— Bonjour, mon oncle.

Маруся сейчасъ же привстала и передала сестрѣ разговоръ о ботинкахъ.

— Я сказала дядѣ, что мы не носимъ готовыхъ ботинокъ.

— Je crois bien! — выговорила Лена, лѣниво опускаясь на стулъ.

— Хорошо!—крикнулъ князь раздраженно.—Заказывайте... У васъ есть свой башмачникъ?

— Rigonet—отчеканила Лена—est mon...

— Глупости, глупости!—закричалъ князь и махнулъ правой рукой.—Втридорога платить!

Лена сначала ничего не отвѣтила, пожала только плечами, потомъ она стала возражать дядѣ съ брезгливой усмѣшкой своего зеленоватого лица. Князь не на шутку разсердился. На ея фран-

пузскія короткія фразы онъ отвѣчалъ по-русски, довольно громко, такъ что прислуга могла слышать.

Вѣрѣ хотѣлось ему это замѣтить.

Она на него выразительно взглянула своими красивыми крупными глазами и тихо выговорила:

— Разница въ цѣнѣ не такая большая, Вадимъ.

Лена небрежно кивнула головой въ сторону Вѣры и сдѣлала жестъ рукой, какъ бы говорила:

„Стыдно дѣлать исторію изъ-за такихъ пустяковъ“.

— Я вамъ, милыя мои, уже старался дать понять,—продолжалъ князь, держась обѣими руками за спинку стула и покачиваясь всѣмъ туловищемъ,—и вамъ пора въ это вникнуть,—протянулъ онъ, поднимая голову:—надо себя ограничить. Это все затѣи! Непремѣнно ботинки—съ цѣлые сапоги... двадцать пуговокъ! И непремѣнно отъ Паровѣ. Я не хочу васъ лишать ничего такого... чтѣ существенно. Все это вы будете получать. Но надо вникать въ ваше новое положеніе.

Лена стала возражать—и очень ѣдко. Если дядѣ такъ угодно,—лучше онъ сразу скажи, что онѣ будутъ на положеніи бѣдныхъ родственницъ. Она попрекнула его памятью матери и подъ конецъ—расплакалась. Маруся тоже начала шмыгать носомъ.

— *Laissez-moi tranquille!*—крикнулъ князь и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Вѣра хотѣла-было успокоить ихъ обѣихъ; но Лена чуть не оттолкнула ее, когда та наклонилась надъ ея стуломъ.

— *Qu'on me laisse tranquille aussi!*—рѣзко выговорила Лена, вставая.—*Allons-nous-en!*—крикнула она Марусѣ.

Обѣ вышли, взявшись за руки и держа платокъ у глазъ.

Вѣра сдѣлала за ними два шага; но не стала ихъ оставивать.

VI.

Черезъ полчаса подадутъ завтракать—въ половинѣ перваго.

Въ своемъ кабинетѣ, рядомъ съ уборной, Вѣра присѣла къ письменному столу и вынула изъ бювара продолговатый листокъ бумаги съ монограммой.

Слѣдовало бы дожидаться—когда будетъ готова траурная бумага; но она собралась написать записку пріятелю.

Она взяла перо и задумалась.

Если напоминать Остожину его обѣщаніе быть у нея, то не лучше ли пригласить его обѣдать или вечеркомъ?

Но можетъ ли она сдѣлать это, не сказавъ мужу?

Конечно—можетъ, и онъ не будетъ на нее ворчать, не сдѣлаетъ грубаго выговора.

Но лучше ли отъ этого? Онъ за обѣдомъ станетъ — во-первыхъ — дѣлать гримасы насчетъ ѣды и потомъ скажетъ ей, что онъ „покорвѣйше ея проситъ говорить ему съ утра, что будутъ гости, чтобы онъ успѣлъ заказать обѣдъ самъ“. Или же выйдетъ шумный, „принципальный“ разговоръ—съ Остожинимъ, непременно.

Развѣ не потому тотъ сталъ такъ рѣдко бывать, что князь Вадимъ Дмитріевичъ не скрываетъ — какъ Остожинъ ему не-приятель? Онъ не то чтобы ревновалъ къ нему—для этого князь слишкомъ высокаго мнѣнія о своихъ качествахъ—а считаетъ его человѣкомъ вреднымъ во всѣхъ смыслахъ.

Для него Остожинъ — „жидкій вольнодумецъ“, не имѣющій никакихъ русскихъ „устоевъ“, ученый „фанфарониска“, безъ правилъ, безъ религіи, безъ патріотизма, безъ признанія за русскимъ народомъ „высокой миссіи“. Такой человѣкъ можетъ только развращать умъ и душу молодой женщины.

Въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ онъ еще ни разу не говорилъ ей объ Остожинѣ, но у него часто вырывались возгласы и оцѣнки въ такомъ точно родѣ о другихъ „интеллигентахъ“, съ которыми онъ сравнивалъ Остожина.

Вѣра отложила перо, встала и прошла по своему кабинету.

Комната была всего въ одно окно, съ темными обоями, довольно холодная, какъ и весь вообще домъ. Князь нанялъ его, не посоветовавшись съ нею, когда былъ женихомъ—и подписалъ контрактъ на три года. Онъ и до сихъ поръ находитъ, что домъ — „прекрасный“, потому, видно, что его кабинетъ ему нравится и онъ вообще не любитъ тепла: ему всегда и вездѣ жарко, какъ настоящему сангвинику.

Ея часто забюкло въ этомъ кабинетикѣ, заставленномъ всякими ненужностями. Половины ея собственныхъ книгъ некуда было помѣстить, и онѣ стоятъ въ коридорѣ въ корзинахъ.

Вѣра подошла къ печкѣ, отдѣланной въ видѣ камина, поглядѣла на себя въ зеркало, поправила немного прическу. Она уже одѣлась совсѣмъ — для визитовъ и приѣма. Суконное платье съ высокимъ траурнымъ воротникомъ дѣлало ее очень блѣдной. Она сама нашла, что сегодня у нея есть въ кожѣ желтизна и все лицо вытянулось.

Ея высокій, стройный станъ кажется гораздо строже въ черномъ сукнѣ. Но этотъ „строгий“ трауръ она внутренно находитъ

если не лицемѣремъ, то чѣмъ-то слишкомъ формальнымъ. Она бы иначе чувствовала, еслибъ ее мужъ былъ способенъ на глубокую привязанность. Съ сестрой онъ не ссорился и это считалъ родственной любовью.

Сегодня, будь у него глубокая память о сестрѣ, онъ такъ бы не сталъ урезонивать племянницъ. Да она и не вѣрить въ серьезность его нотаций. Свои привычки—чего бы онѣ ни стоили—онъ не будетъ бросать, пока можетъ тратить. Онъ каждый день мѣняетъ рубашку; а пристегивать воротнички и манжеты считаетъ „хамствомъ“.

Почему? Неизвѣстно. Вся Европа пристегиваетъ воротнички, самые изящные англичане, и никто не считаетъ себя „хамомъ“. Тамъ и слова такого нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. Оно изобрѣтено русскими барами.

Вѣра не знала — будетъ ли у нихъ кто-нибудь завтракать. Врядъ ли. Вадимъ Дмитриевичъ почти никогда не говоритъ ей накануне. И часто бываетъ недоволенъ тѣмъ, что завтракъ слишкомъ простъ.

Теперь мужъ ее одѣвается. Вѣроятно уже кончилъ и сидитъ въ большомъ креслѣ—чиститъ ногти или дочитываетъ газету.

Ей сильно не хочется идти туда; а теперь бы самое подходящее время. При „дѣвочкахъ“ она не желаетъ.

Ахъ, эти дѣвочки! Князь сдѣлалъ сегодня то, что онѣ будутъ дуться или представлять изъ себя несчастныхъ сиротъ — и это можетъ затянуться надолго. Ее онѣ „игнорируютъ“ — и ей это видно. Вѣдь не за то, что она некрасива, невоспитана, не говоритъ ни по-французски, ни по-англійски, плохо одѣвается, — а вѣроятно, какъ разъ за то, что она и красива, и воспитана...

Ужъ на что Маруся „макушка“ — рыхлая и безъ характера — и та держится барски безглицкихъ интонацій. И та врядъ ли будетъ звать ее „тѣтя“ или „ma tante“. Если князь опять дастъ на нее окрикъ — будетъ еще хуже. Она сама способна была бы каждой изъ нихъ сказать: „зовите меня, какъ хотите“, но не сдѣлаетъ этого, чтобы не поступить безтактно. Заговаривать на эту тему съ мужемъ — ей тоже неловко. Да и онъ такъ повелъ себя въ этомъ гораздо больше потому, что она — ея жена.

Вѣра превозмогла, однако, свое малодушное чувство и рѣшила идти сейчасъ же въ кабинетъ мужа.

Ея день протянулся бы сегодня до обѣда — въ визитахъ; но по-дворянски неловко дѣлать ихъ, когда въ семействѣ случились похороны всего три дня назадъ.

Въ одномъ мѣстѣ она должна быть, послѣ того, какъ за-

ѣдетъ къ матери. Она опять не заѣзжала въ ней съ третьягодня. Сегодня графиня Боровицына — предсѣдательница ея общества — празднуетъ свое десятилѣтіе. У нея будетъ молебень — на него Вѣра уже не попадетъ — а потомъ приемъ. Эту „большую барыню“ Вѣра всѣхъ больше цѣнитъ. И, кажется, графиня относится къ ней гораздо теплѣе и серьезнѣе, чѣмъ многія другія дамы ихъ круга, не исключая и самыхъ, въ сущности, пустыхъ, даже вовсе не родовитыхъ и вдобавокъ совсѣмъ прожившихся.

А потомъ придется сидѣть дома съ племянницами. Князь тоже никуда не поѣдетъ — для декорума. Хорошо, если вечеромъ составитъ для него пулька. Безъ клуба онъ скучаетъ, а въ клубъ ѣхать — неловко.

И будетъ безконечно тянуться день. Уйти бы въ какую-нибудь хорошую книгу; но вѣдь она — хозяйка дома, и нельзя запереться у себя въ кабинетъ. Близкихъ пріятельницъ у нея нѣтъ — и сегодня она это особенно почувствовала. Изъ свѣтскихъ барынь и дѣвицъ ни одной настоящей подруги, даже изъ тѣхъ, съ кѣмъ она училась въ гимназіи: такихъ въ московскомъ „обществѣ“ есть двѣ или три, остальные куда-то разбрелись. Можетъ быть, не сдѣлайся она княгиней Кунгуровой — онъ бы „объявился“ — какъ выражается ея мать, Степанида Федотовна. Съ одной изъ нихъ, впоследствии педагогичкой, она часто видѣлась дѣвушкой, да и та какъ-то слиняла.

Сестра къ ней не ѣздитъ по той же причинѣ, что и мать. Она не выноситъ тона князя Вадима Дмитриевича. Антонида хочетъ показать всѣмъ дворянамъ — сколько ихъ ни есть въ Москвѣ — что она у нихъ „ничего не забыла“.

Да, сегодня день будетъ несносно тянуться.

И Вѣра съ грустью, почти съ горечью, вспомнила, какъ у нея не хватало никогда времени, въ послѣдніе годы ея дѣвичьей жизни. День былъ разорванъ, буквально разорванъ. Въ сколькихъ мѣстахъ она успѣвала побывать, или сидѣла у себя въ комнатѣ надъ слѣшной работой, составляла отчеты, готовилась къ засѣданіямъ, писала письма и читала, не такъ „запоємъ“, какъ ея братъ Герасимъ, но очень, очень много.

Въ послѣдніе мѣсяцы и чтеніе не захватываетъ ее. Прежде было съ кѣмъ говорить о прочитанномъ, спорить. Всего бы пріятнѣе было съ мужемъ. Онъ вѣдь считаетъ себя умникомъ и любитъ повторять, что онъ „трухи“ не читаетъ. Но подъ словомъ „труха“ онъ понималъ все, что не статья или толстая книга. Романъ — хотя бы это была гениальная вещь — для него — пустячки, потеря времени, игра воображенія или глупая сентиментальность.

И она не зачитывалась никогда *всякими* романами. Но и о серьезных статьях и книгах ей нѣтъ теперь охоты говорить съ нимъ.

Когда они сближались—она была въ какомъ-то ослѣпленіи, считала его человекомъ съ самобытнымъ умомъ, любила поспорить съ нимъ, не видала въ его взглядахъ ничего прямо „заскорузлаго“ или ретрограднаго, а только славянофильскій „налетъ“, весьма и весьма согласимый съ благороднымъ отношеніемъ къ народу и родинѣ.

Съ тѣхъ поръ она достаточно распознала, что это за „налетъ“, и у нея пропадаетъ всякая охота обмѣниваться съ нимъ мыслями и взглядами.

Часы на ея письменномъ столѣ простукали четверть. Оставалось столько же до завтрака.

Вѣра быстро прошла гостиной—широкой, неуютной комнатой, опять-таки заставленной всякими ненужностями — и черезъ коридорчикъ попала въ кабинетъ мужа.

Она не ошиблась. Онъ только-что кончилъ чистку ногтей и сидѣлъ въ большомъ креслѣ, поджавъ подъ себя одну ногу, съ листкомъ газеты, особенно ей ненавистой.

Онъ за-ново одѣлся во все черное. Очень длинный скотчукъ, по модѣ, дѣлалъ его фигуру еще коренастѣе. Ему также было скучно безъ вечерней перспективы клуба. Съ визитомъ врядъ ли многіе придутъ, подождутъ слѣдующаго воскресенья. Побѣхать самому—хотя бы и къ пріятелямъ—неловко, да и нѣтъ у него настоящихъ друзей, даже изъ клубскихъ партнеровъ.

— Вадимъ!—начала Вѣра, присаживаясь на уголокъ турецкаго дивана, гдѣ князь отдыхалъ всегда послѣ обѣда.

— Что тебѣ, мой другъ?—откликнулся онъ небрежно и бросилъ листокъ газеты на полъ.

— Ты никуда не собираешься сегодня?—осторожно спросила она.

— Куда же... Дѣлать визиты...

— Неловко,—подсказала Вѣра безъ всякой интонаціи.

— Разумѣется. Да и у насъ сегодня врядъ ли кто будетъ.

— И прекрасно. Мнѣ надо непременно быть у графини.

— Какой?

— У Татьяны Львовны.

— Боровицкой... Зачѣмъ же именно сегодня?

— Она празднуетъ свое десятилѣтіе.

— Чего?

— Какъ предсѣдательница общества.

— Пошли депешу.

— Нѣтъ, я бы хотѣла лично... Хоть на нѣсколько минутъ... Всѣ поймутъ это... и не осудятъ.

Князь грувно поднялся и заходилъ по кабинету.

— Ахъ, Боже мой! — крикнулъ онъ. — И что ты съ этой медоточивой протестанткой носишься?!

— Почему же она протестантка?

— Разумѣется. Такихъ православныхъ надо бы въ Соловки ссылать... Это все переодѣтыя схизматички! Отрыжка шестидесятихъ годовъ! Грошовый либерализмъ на подмѣшанномъ деревянномъ маслѣ!

Онъ засмѣялся, очень довольный своей фразой.

Лицо Вѣры слегка потемнѣло.

— Я бы попросила тебя, Вадимъ, не говорить о ней въ такомъ тонѣ.

И когда она кончала свою фразу, она немного заохлодѣла, но не отъ страха, а отъ сознанія, что въ первый разъ—по прошествіи двухъ лѣтъ супружеской жизни—она дала ему такой отпоръ, и такъ сдержанно, тономъ прекрасно воспитанной свѣтской женщины его круга.

По своей привычкѣ князь оглянулъ ее вбокъ, какъ бы удивленный: „что молъ это за фасоны“?

— По правдѣ сказать,—выговорилъ онъ севозъ зубов:—я совсѣмъ не интересуюсь этой дамой! Какъ знаешь—поѣзжай.

— И потомъ, вотъ еще что, Вадимъ,—продолжала Вѣра, чувствуя, что тонъ не измѣняетъ ей и она, съ этой минуты, точно вступаетъ въ другія отношенія въ своему титулованному мужу.

— Я слушаю!—уже съ дурно скрываемой досадой откликнулся князь.

— Надо бы позвать обѣдать Остожина на будущей недѣлѣ. Я не хотѣла писать ему записки, не условившись съ тобою, въ какой день...

— Очень бы обязанъ былъ тебѣ,—перебилъ онъ съ короткимъ хриповатымъ смѣхомъ,—еслибъ ты избавила меня отъ такого дорогого гостя.

— Это—мой добрый и старый знакомый. Неловко не позвать его никогда откушать. А пригласить безъ хозяина было бы еще болѣе неловко.

Все это было выговорено такъ вѣско и сдержанно, что князь только пожалъ плечами и, направляясь въ двери, сказалъ не безъ ироніи:

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, если ужъ нужно проглотить

эту ложку мистуры. Я нѣкуда не собираюсь обѣдать на будущей недѣлѣ.

Вѣра встала съ тѣмъ же чувствомъ чего-то новаго въ своей супружеской жизни.

VII.

Человѣкъ въ черномъ ливрейномъ фракѣ съ металлическими пуговицами внесъ лампу въ гостиную и поставилъ ее на высокую бронзовую ножку въ одинъ изъ угловъ.

— Бяязъ прѣіхалъ? — спросила Вѣра, стоя въ портьерѣ своего кабинета.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство.

Лавей вышелъ.

Титулъ „ваше сіятельство“ въ первый годъ замужества ласкалъ ей слухъ. Она стыдилась въ этомъ сознаться, но долго ощущала какое-то внутреннее щекотаніе.

Съ тѣхъ поръ — этотъ звукъ уже не тѣшитъ ее. Онъ ее почти-что задѣваетъ. Въ ее домѣ всѣ, начиная съ мужа, считаютъ ее все-таки выскочкой, кучичкой, даже вотъ этотъ выѣздной, что внесъ лампу въ гостиную. Есть неувимый отгѣнокъ въ томъ, какъ и онъ, и вучеръ, и поваръ произносятъ „ваше сіятельство“ — обращаясь къ барину или къ ней.

Да и самый этотъ титулъ терзаетъ для нея всякое обаяніе.

И прежде, дѣвушкой, она знавала такихъ „князей“, „княгинь“ и „княженъ“, что, право, ни мало не хотѣлось не только завидовать имъ, да и просто быть на нихъ похожими. Нѣкоторыя изъ ее подружекъ такъ „захудали“, что шли въ гувернантки. Ихъ братья шатались по Москвѣ — безъ дѣла, безъ гроша денегъ; иные падали очень низко и влянчили подавннн. Знавала она и такихъ, что состоятъ прихлебателями въ вупеческихъ домахъ, или просто на побѣгушкахъ, участвуютъ въ грязныхъ похожденияхъ „самого“ или продаютъ свои ласки „самой“. Одинъ такъ даже — при гостяхъ — играетъ роль шута. А онъ родомъ подревнѣе князя Вадима Дмитріевича.

Потомъ, когда она попала въ кругъ „старого“ московскаго общества, въ тотъ кругъ, который на балахъ Дворянскаго Собранія танцуетъ отдѣльно отъ остальной публики, — и достаточно присмотрѣлась къ нему — дюжина все тѣхъ же титулованныхъ фамилій стали ей до нѣльзя прѣдаться. Все тѣ же Одогвнскіе, Пещерскіе, Огарины, Узловскіе, Дирусовы, Тухомскіе, Рукавицыны, Дробецкіе, разныхъ степеней родства, толкуются

и перетасовываются на всякіе лады. И половина, если не двѣ трети, живутъ скучно, прикрывая кое-какъ свои разстроенныя дѣла, ѣдятъ плохо, въ театры не ѣздить, только и знаютъ, что ноютъ и жалуются, никакой въ сущности роли не играютъ въ городѣ, кромѣ какъ на званыхъ официальныхъ вечерахъ; безъ власти, безъ вліянія въ городскомъ управленіи, безъ всякой возможности тягаться съ „купчишками“ по части приемовъ, туалетовъ, домашней обстановки, игры, заграничныхъ поѣздокъ или крупныхъ пожертвованій, на сотни тысячъ.

Вѣра прошлась по гостиной, въ двухъ-трехъ мѣстахъ поправила скатерти и драпировки на мебели. Въ гостиной было всегда свѣжо. Она накинула на себя короткую черную мантилью.

Къ барышнямъ она не заходила послѣ завтрака. Онѣ приглашены сегодня обѣдать къ своимъ пріятельницамъ, въ одинъ титулованный домъ, съ которымъ Вѣра лично незнакома. Ихъ уже отвезли въ каретѣ. Князь держалъ своего извозчика помѣсячно; а въ дышлѣ ходила пара своихъ лошадей, при другомъ вучерѣ.

Ни одна изъ племянницъ не пришла къ ней проститься. Онѣ продолжаютъ держаться съ нею такого же тона. Маруся ѣздитъ въ гимназію и по вечерамъ „зубритъ“. Лена сидитъ у себя или отправляется въ лавки. Князь „ассигновалъ“ на ея траурное „trousseau“ четыреста рублей, и изъ-за этого опять была сцена.

Вѣра очень рада, что сегодня за обѣдомъ не будетъ племянницъ. Кромѣ Остожина, она пригласила другого *своею* пріятеля. Князь его болѣе выносить, хотя держится съ нимъ немного безцеремоннаго тона.

— Господинъ Спѣшневъ!—доложилъ выѣдной, показавшись въ дверяхъ гостиной, и пропустилъ мимо себя гостя.

— Никита Васильевичъ!.. Какъ я рада...

Она пожимала руки блондина довольно высокаго роста, худого въ лицѣ и фигурѣ, съ утомленнымъ добрымъ лицомъ. Рѣдкіе волосы лежали на его вискахъ неровными прядями. Темные глаза смотрѣли возбужденно. Борода плохо росла. На немъ небрежно сидѣлъ двухбортный черный сюртукъ. Что-то студенческое и нервно-тревожное чулось во всемъ его обликѣ.

— Я самъ къ вамъ порывался, Вѣра Тимоѣевна,—заговорилъ онъ слабоватымъ голосомъ, усаживаясь около дивана.—Да вотъ у васъ въ домѣ трауръ. А тутъ получаю вашу записку... И ужасно обрадовался.

Его глаза съ молодымъ блескомъ оглядывали Вѣру очень ласково, почти нѣжно.

И онъ — въ самомъ дѣлѣ — привязанъ къ ней. Прежде, когда она была дѣвушкой, онъ въ шутку звалъ ее „сестричка“. Они давно встрѣчались — и не въ университетскихъ кружкахъ, а въ купеческихъ домахъ. И скоро она сдѣлалась повѣренной его холостой жизни. Онъ ставилъ ее неизмѣримо выше себя по уму и свойствамъ натуры и любилъ принижать себя передъ нею. И часто ходилъ къ ней на „исповѣдь“.

По его виду немногіе узнали бы въ немъ сразу „дворянское дитѣ“ — но въ тонѣ слышались мягкость и неизмѣнная порядочность тонко воспитаннаго человѣка. Слѣбшневъ нигдѣ не служилъ. Послѣ университета онъ жилъ долго за границей, и десять лѣтъ назадъ стали впервые появляться въ толстыхъ журналахъ его стихотворенія подѣ инициалами, а потомъ и рассказы. Его скоро замѣтили и рецензенты, и публика. Но вотъ уже болѣе года, какъ онъ ничего не печаталъ. И Вѣра знала причину этого слишкомъ ранняго безплодія.

— Нигде не ѣздили, Никита Васильевичъ? — спросила она, поглядывая на него съ тихой усмѣшкой.

Онъ понялъ намежъ и неловкимъ и милымъ жестомъ повелъ своей студенческой головой.

— Въ Петербургъ... хотѣли вы свазать?

— Да.

— Мнѣ туда запрещено являться, — выговорилъ онъ двойственнымъ тономъ, и ротъ его съ пріятнымъ разрѣвомъ губъ замѣтно вздрогнулъ.

— А васъ тянетъ, Никита Васильевичъ? — строже произнесла она.

Онъ помолчалъ. Въ глазахъ его сквозила назрѣвшая потребность излиться передъ нею сегодня, сейчасъ — пока они еще вдвоемъ.

Сколько разъ — въ послѣдніе два года — она его „отчитывала“, показывала ему, какъ онъ губить свой талантъ и унижаетъ въ себѣ „человѣка“, — позволяя затыгивать себя въ связь, въ которой ничего, кромѣ чувственности, самъ не признавалъ. Сколько разъ онъ плакалъ около нея и стыдилъ самъ себя, взывалъ къ ея поддержкѣ, давалъ обѣщаніе „разорвать“ — и черезъ мѣсяць опять приходилъ на исповѣдь и терзался — и ревностью, и сознаниемъ своей постыдной доли.

И та, которая обратила его въ такое позорное рабство, была одна изъ „кутилокъ“, извѣстныхъ на всю Москву — родственница ея шурина — мужа сестры Антонида — именитая купчиха, Васса Ивановна Лопарева, — старше Слѣбшнева лѣтъ на десять, мать

взрослыхъ дѣтей, при покладливомъ мужѣ, въ званіи управляющаго ея домами, фабриками и усадьбами въ разныхъ городахъ и полосахъ Россіи.

Въ Петербургѣ она проводитъ обыкновенно весь постъ для итальянской оперы, и ни одинъ новый сезонъ не обходится безъ новой интриги съ какимъ-нибудь теноромъ или гвардейцемъ изъ ея кутильной свиты.

— Танеть ли... Вѣра Тимофеевна?—точно про себя обронилъ Спѣшневъ.—Сначала нѣтъ, не тянуло... даже радъ былъ... А съ третьей недѣли поста засвердило... Я не придумаю другого слова... Засвердило.

— И если вамъ позволятъ—вы устремитесь?

— Устремлюсь... коли вы не удержите.

Вѣра грустно усмѣхнулась и навлонила голову.

— Все равно поѣдете, Никита Васильевичъ,—выговорила она, поведя рукой.

Будь это годъ назадъ, она бы стала его стыдить, нашла бы въ себѣ совсѣмъ другіе звуки и другія слова. А теперь ей только жалъ его, обидно за него, но не съ тѣмъ отѣвкомъ протеста, какой, бывало, слышался въ ея увѣщаніяхъ.

Какое нравственное право есть у нея—„отчитывать“ этого слабого чувственника? Да и заслуживаетъ ли онъ такого прозвища? Онъ любитъ мучительно и рабски. Но оттого ли только, что у купчихи Лопаревой роскошныя формы? На ея оцѣнку—нѣтъ въ ней ничего привлекательнаго: она толстая, почти безъ фигуры, щеки красныя, похожа на первую попавшуюся свѣжую бабу на рынкѣ, голосъ рѣзкій и вульгарный, манеры—самыя „рядскія“. Чѣмъ же она его держитъ?—Это ея секретъ; но одною ли чувственностью?—Врядъ ли. Сегодня Вѣрѣ казалось, что они со Спѣшневымъ въ сущности очень близки по своей судьбѣ.

Оба „сѣли не въ свои сани“. Она подумала этими самими словами. Разница только въ томъ, что она залетѣла къ барамъ снизу, а онъ сверху опустился въ ту среду, гдѣ ему не слѣдовало ничего искать.

Спѣшневъ любитъ рабски, позорно, но любитъ. А она?

Этотъ вопросъ встаетъ передъ нею все чаще и чаще. И въ ея бракѣ нѣтъ, на иной взглядъ, ничего, что бы ее оправдывало, кромѣ суетности, тщеславнаго и пустого желанія быть титулованной барыней.

— Какъ же быть?—заговорилъ Спѣшневъ тономъ человѣка, не имѣющаго силы оправдываться.—Какъ же быть, милая моя сестричка?—прибавилъ онъ, поднимая на нее глаза съ выраже-

нѣмъ стыдливо-просительнымъ.—Дайте мнѣ такой... отворотный корешокъ. Вы спрашиваете, устремлюсь ли? Бываютъ минуты большой тоски. Чтѣ же я буду дѣлать?

— Пишите!

— Охъ, Вѣра Тимоѣевна!.. Я и пишу, — обронилъ онъ глухо.

— Чтѣ пишете?

— Да все одно и то же.

— Стихи?—спросила она, оживляясь.

— Разумѣется.

— Ну, и прекрасно. Это отдушина!

— Вы думаете? Нѣтъ! Только растравляешь свою язву.

— Отчего же вы мнѣ не прочтете?

— Нѣтъ!—почти вскрикнулъ Спѣшневъ и замахалъ рукой.— Ради Бога! Я рву... А которые оставляю—то не перечитываю. Стыдно будетъ, впередъ знаю. Стыдно не потому, что они дрянъ... Можетъ быть, съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ рюмовать—я ничего болѣе яркаго не набросалъ на бумагу. Но это—бредъ, или вошь, смѣсь грязи съ небомъ. Нѣтъ, нѣтъ! Не дамъ я читать ихъ никому.

— Кромѣ нея?

Спѣшневъ пугливо оглянулся на нее.

— И ей не дамъ. Еще настолько у меня хватить... уваженія къ самому себѣ.

— И печатать не будете?

— Избави Боже! — вырвалось у Спѣшнева, и онъ всталъ, сильно взволнованный.

„Все-таки талантъ—отдушина, — подумала Вѣра.—И въ этомъ онъ выше меня. Попробуй я изливаться на бумагѣ—кромѣ безвкуснаго дамскаго дневника ничего не выйдетъ“.

— Пишите, — сказала она, приглашая его жестомъ головы сѣсть опять около нея:—какъ бы вамъ ни было горько.

— И на это надо силы, Вѣра Тимоѣевна. И будь я способенъ любоваться своими терзаніями—я бы, можетъ быть, прославился, какъ Петрарка, — не сразу выговорилъ Спѣшневъ и нервно разсмѣялся.

VIII.

За столомъ сидѣло, кромѣ хозяевъ, всего двое гостей—Спѣшневъ и Остожинъ. Князь помѣщался между ними—напротивъ жены.

Передъ Вѣрой черезъ столъ—съ нѣсколькими свѣчами подъ темно-красными маленькими абажурами—выдѣлялась изъ мягкаго фона голова Остожина: бѣлый, уже обнаженный черепъ, при молодомъ, овальномъ лицѣ. Она его прежде называла „гидальго“, находя типъ его похожимъ на испанскій: та же смуглая блѣдность, тонкій, довольно длинный носъ, острая борода, глаза глубоко сидящіе во впадинахъ, что-то немного женственное въ бюстѣ и въ движеніяхъ головы и рукъ.

Остожинъ одѣвался молодежово и всегда по модѣ. Онъ потому пріѣхалъ въ скуртузѣ, что она просила его „запросто“. Внѣшнихъ признаковъ кабинетнаго ученаго въ немъ не замѣтилъ бы никто. И говоръ у него былъ барскій, съ легкимъ оттѣнкомъ трудно уловимой манеры произносить по-свѣдому нѣкоторыя слова и съ переливами голоса, привычными у тѣхъ, кто много читаетъ съ каедръ.

Князь передъ обѣдомъ обошелся съ обими пріятелями своей жены довольно любезно. Вѣра слышала сейчасъ же „поощрительныя“ интонаціи, всего менѣ ей пріятныя. Ими Владимъ Дмитриевичъ показывалъ и ей, и въ особенности Остожину, что онъ не намѣренъ волноваться и за столомъ изъ-за всей той „многоученой трухи“, какую они навѣрное будутъ перетирать.

Въ такихъ случаяхъ ротъ его то-и-дѣло поводила особаго рода косая улыбочка, и онъ, почти не принимая участія въ общемъ разговорѣ, точно мурлыкалъ про себя, поправлялъ абажуры, дѣлалъ замѣчанія прислугѣ или угощалъ виномъ обихъ гостей.

Но „многоученой трухи“ что-то не перетирали. Остожинъ вообще не любилъ много говорить въ присутствіи людей ему несимпатичныхъ. Онъ и на этотъ разъ больше молчалъ и только изрѣдка обращался съ какимъ-нибудь вопросомъ къ Спѣшневу, котораго давно не видалъ.

Но Вѣра замѣтила—съ половины обѣда—что онъ, нѣтъ-нѣтъ, да и взглянетъ съ мимолетной улыбкой на князя, а потомъ на нее. Должно быть, его стало покалывать отъ манеры хозяина дома, въ которой слишкомъ ясно сквозило желаніе показать обимъ гостямъ, а всего больше „жидьому радикалишкѣ“, что онъ ихъ „игнорируетъ“, въ родѣ того, какъ Лена и Маруся игнорируютъ свою тетку-вупчиху.

Спѣшневу спросилъ Остожина,—когда состоится его публичная лекція съ благотворительной цѣлью.

— Я читала вчера программу,—замѣтила Вѣра.— Она очень интересна.

Князь ѣлъ горошекъ и немножко посапывалъ. Онъ не чи-

такъ эту привычку „хамской“, а напротивъ, могъ бы привести примѣръ многихъ родовитыхъ членовъ своего клуба, у которыхъ при ѣдѣ и даже игрѣ въ карты точно такая же привычка.

— И я читалъ,—сказалъ онъ тѣмъ же снисходительно-небрежнымъ тономъ.

— И содержанія *он-ной* не одобрили?—спросилъ Остожинъ.

Князь не узналъ въ этомъ вопросѣ шутливой тирады изъ Тургенева и только повелъ неопредѣленно губами.

— Такія программы,—замѣтилъ онъ, не обращаясь прямо къ Остожину:—расчитаны всегда на извѣстнаго рода публику.

Вѣра быстро поглядѣла на мужа. Если онъ и не позволитъ себѣ ничего безцеремоннаго или неумѣстнаго, то въ лицѣ Остожина и голосѣ было что-то похожее на вызовъ. Слова „извѣстнаго рода публика“ онъ врядъ ли оставитъ безъ отвѣта.

И Спѣшневъ—по своей добротѣ и нервности—зачуялъ нѣчто въ воздухѣ и мысленно обругалъ себя—зачѣмъ онъ спросилъ Остожина—когда состоится его публичная лекція.

Никакихъ такихъ лекцій князь не жаловалъ, никогда не ѣздилъ на нихъ съ Вѣрой, считалъ ихъ непозволительнымъ средствомъ порчи молодежи и простого народа.

— Въ какомъ же это смыслѣ: „извѣстной“?—спросилъ Остожинъ и прищурился на князя.

Съ нимъ онъ всегда былъ до-нельзя остороженъ; но сегодня, должно быть, капля переполнила чашу. И въ его вопросѣ зазвучали такія ноты, какихъ Вѣра никогда у него не слыхала.

— Вы понимаете, въ какомъ,—отозвался князь и перевелъ своими крутыми плечами.—Вѣдь господа лекторы совершенно по-своему освѣщаютъ въ нашей московской старинѣ все то, что имъ на руку... въ *известномъ* смыслѣ,—подчеркнулъ онъ опять это слово.

— Вы и въ программѣ моей лекціи нашли, князь, подтасовку или поддѣлку фактовъ?—спросилъ Остожинъ тономъ профессора, вронизирующаго надъ безтактностью ученика.—Любопытно было бы узнать—въ чемъ.

Рѣсницы Вѣры стали нервно вздрагивать. Но она сдержала себя и не хотѣла вмѣшиваться, какой бы оборотъ ни принялъ разговоръ.

Она находила, что Остожинъ до сихъ поръ слишкомъ уклонялся отъ всякаго серьезнаго „обмѣна“ взглядовъ и позволялъ князю держаться снисходительнаго тона—точно онъ владѣетъ нѣвѣсть какой мудростью, съ высоты которой можетъ взирать на „жидкаго радикалишку“.

Но въ ту минуту глаза Остожина, злобно прищуренные, были устремлены на князя съ яснымъ выраженіемъ своего превосходства.

И что такое, въ самомъ дѣлѣ, этотъ праздношатающійся и праздноболтающій князёкъ въ его глазахъ?

Врядъ ли онъ даже выдержалъ на аттестатъ зрѣлости. Кажется, учился въ „лицѣѣ“ — такъ Остожинъ и его пріятели привыкли называть нѣкоторое заведеніе, — поступилъ вольноопредѣляющимся въ какой-то драгунскій полкъ на Кавказѣ, потомъ перешелъ въ гвардію, вышелъ въ отставку, шатался за границей и, кажется, тамъ — не то въ Прагѣ, не то въ Загребѣ — почувствовалъ, что онъ — убѣжденный защитникъ древне-русскихъ началъ; кто-то ему подложилъ двѣ-три книги, и онъ выучилъ изъ нихъ нѣсколько страницъ, по возвращеніи въ Москву сталъ посѣщать два-три дома, гдѣ хранится память „Алексѣя Степановича“, на дворянскихъ и земскихъ выборахъ противъ чего-то выступалъ и къ чему-то „взывалъ“.

Вотъ и весь его багажъ!

Князь на возгласъ Остожина отвѣтилъ сначала чѣмъ-то вродѣ мычанья и потомъ уже выговорилъ — чопорно и раздѣльно:

— А то какъ же иначе?

Остожинъ продолжалъ смотрѣть на него глазами экзаменатора.

Это не ускользнуло отъ князя. Онъ началъ краснѣть. И вина онъ выпилъ больше своихъ гостей.

— Какъ будто мы ничего не понимаемъ! — выговорилъ онъ все съ той же барской брезгливостью, почти гадливо, и въ то же время задорно поглядѣлъ на Остожина вбокъ съ явнымъ вызовомъ.

Спѣшнѣе полу-закрывъ глаза, сталъ ждать схватки и не смѣлъ поглядѣть на Вѣру.

И она ждала; но ничего не боялась. На Остожина однако не глядѣла.

— Вы, конечно, профессоръ, — протанулъ князь: — будете выставлять земскіе соборы московскаго *царенія* какъ своего рода парламентъ. Ихъ кто-то изъ вашихъ по-англицки такъ и назвалъ. А вѣдь это совершенная фантазія... если не умышленное искаженіе.

— Кто же вамъ сказалъ, князь, что я такъ буду ихъ выставлять? — повторилъ Остожинъ выраженіе, показавшееся ему неграмотнымъ и вульгарнымъ.

— Какъ же иначе? Всѣ наши либералы и радикалы имѣютъ одну и ту же повадку.

Остожину захотѣлось сразу же хорошенько осадить этого „нахала и невѣжду“, но онъ устыдился самого себя. Это было бы ниже его достоинства.

Онъ повелъ слегка губами и остановилъ князя сдержаннымъ замѣчаніемъ.

— Теперь слишкомъ хорошо извѣстно—какой былъ составъ этихъ сѣздовъ—служилый элементъ преобладалъ въ немъ.

— И прекрасно, что преобладалъ!—подхватилъ князь и допилъ изъ своего стакана.

— Для кого прекрасно?—съ явной ироніей спросилъ Остожинъ.

— Для русской земли, для народа, для всѣхъ насъ.

Князь почувствовалъ приливъ краснорѣчія. Онъ считалъ себя ораторомъ, сразу не нашедшимъ надлежащаго употребленія своему дарованію. Развѣ бы онъ такъ читалъ съ кафедръ, какъ всѣ эти „профессоришки“? У нихъ одинъ наборъ готовыхъ фразъ, никакого пыла, никакого истинно русскаго пошиба въ языкѣ и жестахъ.

И въ первый разъ передъ Остожинымъ онъ залился.

Тутъ были всѣ его любимые коньки, чего Вѣра дѣ-сыта не слыхалась въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ: глубокое смиреніе русскаго народа, святая вѣра въ тѣхъ, кто призванъ „устроить его судьбу“, „хоровой укладъ“ между верхнимъ и нижнимъ слоемъ, великая миссія народа избраннаго, призваннаго обновить всѣ глетворные устои Запада.

И передъ пирожнымъ, и послѣ того князь говорилъ безъ умолку, видимо любяся хлѣсткостью и силой своихъ доводовъ и обобщеній. Остожинъ пересталъ его слушать и, наклонивъ голову, медленно слизывалъ кусокъ мороженаго съ золоченой плоской ложечки.

На лицѣ Вѣры застыла полуусмѣшка, похожая на выраженіе дурно скрываемой скуки. Спѣшненькъ опустилъ голову надъ своей тарелкой и про себя повторялъ:

„Экъ его проняло!“

Онъ былъ всего больше радъ тому, что не вышло настоящей схватки... Была ли этому рада Вѣра?—И да, и нѣтъ. Остожинъ слишкомъ явно показывалъ, что не намѣренъ состязаться съ Вадимомъ Дмитриевичемъ.

— И что это за слово—*народоправство*?—вдругъ крикнулъ князь, весь красный, и бросилъ салфетку на столъ.—Въ цѣлый аршинъ! Такъ же уродливо, какъ ненавистна самая идея!

Это уже былъ прямой вызовъ Остожину.—Въ программѣ его лекціи стояло, какъ разъ, слово: „народоправство“.

— Сочините сами другое, князь... вы такъ краснорѣчивы, — сказалъ Остожинъ, кладя также свою салфетку.

До самаго конца обѣда онъ держался все того же полупутливаго тона. Но Вѣрѣ хотѣлось бы услышать что-нибудь болѣе искреннее, такое, чтобы „рацен“ князя разлетѣлись, какъ дурно пахнущій паръ изъ востроули, гдѣ что-то нузырится и падить.

— За меня говорить древняя мудрость, — вскричалъ князь, шумно отодвигая свой стулъ: — эллинская мудрость... на которую господа народоправцы любятъ ссылаться.

Онъ, поднявъ голову, черезъ плечо оглядѣлъ ненавистнаго ему „профессоршпу“. „И мы, молъ, тоже проходили классическую муштру и кое-что помнимъ“.

— Извольте уважать Ѳувкидида? — спросилъ онъ съ короткимъ смѣхомъ, пододвигаясь къ Остожину. — Онъ былъ тоже, какъ нѣмцы говорятъ: — „nicht auf den Kopf gefallen“.

Остожинъ ничего не отвѣтилъ, подошелъ благодарить Вѣру за обѣдъ и поцѣловалъ у ней руку — съ такимъ жестомъ, который мужу ея не понравился.

— „Такому народу, какъ мы — демократія опасна“... сказалъ онъ гдѣ-то. Кажется, вѣрно? — спросилъ князь задорнѣе.

— Вѣрно, — отвѣтилъ Остожинъ и весело оглянулъ всѣхъ. — Только это слова Ксенофонта, а не Ѳувкидида. Но развѣ это не все равно, князь?.. Ха, ха!

Онъ раскатиисто разсмѣялся, а за нимъ Вѣра и Спѣшневъ.

Князь сдѣлалъ жестъ рукой и крикнулъ:

— Разумѣется, все равно... Угодно курить, господа, — милости прошу ко мнѣ въ кабинетъ.

И ушелъ, не дожидаясь ихъ рукопожатія.

IX.

Въ кабинетѣ Вѣры стоялъ мягкій палевый свѣтъ отъ кружевного абажура на лампѣ, полу-прикрытой растеніями.

Разговоръ ея съ Остожинымъ шель уже болѣе часа — нервный, но не громкій. Въ остальныхъ комнатахъ дома была полная тишина. Давно имъ не приводилось оставаться вдвоемъ, и въ такой часъ. Спѣшневъ послѣ чаю удалился. Вѣра сама удержала Остожина. Князь, еще во время питья кофе, суховато извинился передъ гостями и поѣхалъ въ клубъ, часу въ десятомъ.

Остожинъ сидѣлъ противъ Вѣры, на мягкомъ креслѣцѣ, около

столика, въ повѣ человека, не желающаго засиживаться, но разговоръ завлекъ его незамѣтно. И по лицу Вѣры замѣтно было, что она не просто засидѣлась съ добрымъ знакомымъ, а внутренне волнуется. Глаза ея вспыхивали, и въ жестахъ рукъ было гораздо больше нервности.

Именно сегодня, часъ тому назадъ, она какъ-то вдругъ иначе взглянула на себя и на этого „пріятеля“. Передъ нею сидитъ мужчина, еще молодой, несмотря на его обнаженный черепъ, красивый, очень умный, съ большимъ характеромъ, съ европейскою извѣстностью ученаго, воспитанный и свѣтскій, въ интимной бесѣдѣ блестящій, безъ всякаго усилія казаться остроумнымъ и новымъ.

И она—молодая женщина, способна цѣнить его, въ его обществѣ только и находить настоящій „интересъ“. Почему же до сихъ поръ ее что-то стѣсняло въ сближеніи съ нимъ? Неужели только то, что князь Вадимъ Дмитріевичъ смотритъ на него какъ на „жидкаго радикалишку“? Но сегодняшнія тирады ея мужа за обѣдомъ были просто смѣшны, и никогда онъ не выставялся въ такомъ свѣтѣ передъ нею и передъ Остожинымъ, у котораго—слишкомъ много такта и порядочности, чтобы возвращаться къ этому, когда они остались одни.

И онъ никогда еще не говорилъ съ ней въ такомъ духѣ.

Это не было начало ухаживанья по разъ введенной системѣ холостяка, сознающаго, что онъ имѣетъ шансы нравиться какой угодно женщинѣ, самой красивой, родовитой и блестящей. Что-то новое сквозило во всемъ, что и какъ онъ ей говорилъ.

Остожинъ не явилъ ее заднимъ числомъ, не возвращался къ ея дѣвическимъ годамъ, къ ея выходу замужъ, не дѣлалъ прозрачныхъ намековъ на то, что она имѣла достаточно времени разглядѣть своего „супруга и повелителя“. Но Вѣра все ждала, что онъ не выдержитъ и кончитъ чѣмъ-нибудь подобнымъ.

Она знала: Остожинъ всегда скептически относился къ „возрожденію“ купеческаго общества, и при случаѣ не скрывалъ этого передъ нею. Не разъ случалось ей слышать отъ него, когда она была еще дѣвушкой:

— Вы, Вѣра Тимоѣевна,—не въ счетъ. Вы—чадо университетскихъ кружковъ. Но много ли такихъ? Не вѣрю я въ этихъ интеллигентовъ коммерческаго міра... ни въ молодыхъ людей, ни въ маменекъ, ни въ дочекъ.

Когда къ ней присватался князь Кунгуровъ, Остожина не было въ Москвѣ. Онъ бралъ годовой отпускъ. Изъ-за границы

вывезъ онъ большую книгу, вышедшую тамъ на двухъ языкахъ. За нее онъ попалъ въ члены-корреспонденты института.

Онъ не сразу явился къ ней тогда, а когда пріѣхалъ и взгляды ея мужа, то сейчас же съѣхался и ушелъ въ себя. Ея гордость не позволяла заговорить съ нимъ о книжѣ, добиваться его оцѣнки.

И теперь онъ не позволить себѣ обвинять ее прямо въ томъ, что она вышла замужъ за „титулъ“, а не за человѣка. Такъ пошло онъ не можетъ на нее глядѣть—иначе онъ бы пересталъ бывать у нея. Она для него скорѣе жертва ослѣпленія.

Вѣру охватило желаніе показать ему, что она давно уже не ослѣплена. Каковъ бы ни былъ ея „супругъ и повелитель“— князь Владимъ Дмитріевичъ похожъ на множество мужчинъ своего сословія и общества. Къ этому сословію причислялъ себя—и, кажется, не безъ удовольствія—и самъ Остожинъ. Правда, онъ не кичится древностью своего рода, но не стыдится его, не впадаетъ въ проповѣдь безусловной „нивеллировки“. Его гораздо легче можно встрѣтить въ старо-дворянскихъ домахъ, чѣмъ даже у профессоровъ и вообще „разночинцевъ“. За это его и не любить, въ „интеллигенціи“, считают „гордецомъ“ и даже „аристократишкой“. Такіе отзывы о немъ всего чаще случалось ей слышать отъ разныхъ курсистокъ и трудовыхъ женщинъ.

Остожинъ только-что разбиралъ, тонко и смѣло, шаткую двойственность, въ которую впадаютъ вообще нѣкоторыя русскія женщины, воображающія, что ихъ жизнью руководитъ умъ, между тѣмъ какъ онъ еще въ влесахъ инстинктовъ, расовыхъ влеченій, самыхъ первобытныхъ вѣрованій, грубѣйшихъ суевѣрій.

Ей показалось, что онъ и ее причисляетъ къ тому же ряду квази-развитыхъ женщинъ. Прежде у нихъ бывали бесѣды и даже пренія о томъ—можно ли женщинѣ совсѣмъ себя освободить отъ всякихъ порываній въ „надземныя сферы“. Въ ней самой книжки оставили почти нетронутымъ ея религиозное чувство. Она знала, что онъ сторонникъ „строго-научныхъ“ воззрѣній, и не сомнѣвалась никогда въ томъ, что Остожинъ держится своего „credo“ сознательно и упорно.

— Владиміръ Григорьевичъ,—остановила она его движеніемъ своей красивой руки.—Вы думаете, что нельзя женщинѣ, желающей разумно устроить свою жизнь, сохранить извѣстныя традиціи? Возьмите вы англичанъ, къ которымъ вы питаете такую слабость... Да и я ихъ очень люблю.

Онъ зналъ, что она жила въ Англіи и что у нея есть даже тамъ пріятельницы. Языкомъ она владѣла не хуже его.

— Развѣ у нихъ,—продолжала Вѣра, полегоньку разгораясь:—развѣ между ними нѣтъ женщинъ, способныхъ свободно мыслить? Но онѣ не разрываютъ съ религіей, потому что она для нихъ санкція высшихъ нравственныхъ идеаловъ. И онѣ мирятся съ разными обрядностями, на нашъ вкусъ довольно-таки курьезными. Помните... въ Оксфордѣ и въ Кембриджѣ... всѣ эти китайскія церемоніи въ началѣ и въ концѣ службы, и бѣлые балахоны ихъ, и цвѣтные мѣшки, и серебряныя булавы. А вѣдь это все держится прежде всего мужчинами. Они все установили.

— Что же изъ этого вытекает?—спросилъ Остожинъ и поглядѣлъ на нее съ улыбкой, какъ бы желая ей дать понять, что она ударилась въ сторону.

— А то, Владиміръ Григорьевичъ, что въ каждомъ народѣ или сословіи заложены извѣстныя свойства и привычки, фатально... и у купцовъ, и у дворянъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я вошла въ кругъ моего мужа, я во многомъ должна была... я не говорю—разочароваться, но убѣдиться. Вы вѣдь сами принадлежите къ тому же обществу.

— Весьма мало!

— Да, но въ васъ—будемъ говорить вполне откровенно—въ васъ чувствуется человѣкъ той же... какъ бы сказать... расы... Вы—и князь Владиміръ Дмитріевичъ—выговорила она съ тихой усмѣшкой—стоите на двухъ крайнихъ концахъ по своей окраскѣ. Но подъ этимъ вѣдь лежитъ болѣе глубокой слой... настоящіе расовыя инстинкты. И они одолеваяютъ иногда и тѣхъ, кто весь свой вѣкъ воздѣлывалъ свой умъ..

— Ахъ, Боже мой, княгиня!—сказалъ Остожинъ.—Какимъ вы языкомъ выражаетесь!

— Какимъ умѣю!—весело отозвалась Вѣра.—Вы же и ваши коллеги—когда-то—приучили меня къ нему.

— Не я! Не я!—вскричалъ Остожинъ.

— Развѣ не правда,—продолжала Вѣра и подошла къ краю диванчика, на которомъ сидѣла:—не правда, что всѣ они, кто вѣрится въ свою „бѣлую кость“—вертятся въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ? Ничего не выходитъ изъ той скучной и тошной сутолоки, какую они считаютъ жизнью. Но еслибъ отнять у нихъ и ее, они упали бы еще ниже. Своего дѣла ни у кого нѣтъ!

— Да они на него и неспособны,—сказалъ Остожинъ тономъ безповоротнаго приговора.

— Владиміръ Григорьевичъ!—вскричала Вѣра и всплеснула руками.—Вы ли это говорите? Почему вы лично создали себѣ настоящую жизнь? Потому что—она остановилась—ну, словомъ, вы

— не въ счетъ, — употребила она его выраженіе. — Ваша пристань — наука... вы составили себѣ имя, и дома, и тамъ, на Западѣ. Вы могли бы, въ концѣ концовъ, и не нуждаться въ родинѣ.

Она сейчасъ же подумала:

„Да ты, кажется, и не очень къ ней льнешь“...

— А средній людъ—его вѣдь сотни и тысячи вездѣ. И въ нашей любимицѣ Англій то же. Сколько вы тамъ найдете заурядныхъ сквайровъ. И всѣ они при дѣлѣ.

— Вы что же хотите сказать этимъ, княгиня? Что надо имъ дать политическую роль? И вы думаете, что они съ ней справятся?

— Я не знаю, Владиміръ Григорьевичъ. Но для меня ясно, что въ теперешнихъ условіяхъ имъ нельзя быть иными.

Она встала. Поднялся и Остожинъ.

Они стояли другъ противъ друга, и на ихъ лицахъ трудно было бы прочесть то, что бродило въ глубинѣ души. Не о томъ они все время бесѣдовали, что просилось наружу. Остожинъ все время сдерживалъ себя, а ему сегодня сильнѣе, чѣмъ когда-либо, хотѣлось доказать этой красивой и обаятельной женщицѣ, что она не можетъ любить своего мужа, не можетъ серьезно смотрѣть на него, что связи между ними нѣтъ никакой, такъ какъ она бездѣтна, что и тщеславія у нея не настолько, чтобы тѣпиться своимъ титуломъ, что въ старо-дворянскихъ домахъ ей до сихъ поръ не по себѣ, да и охоты нѣтъ—приобрѣтать въ нихъ вѣсь своимъ умомъ, тактомъ и образованіемъ.

И Вѣра нѣсколько разъ порывалась спросить у него—какъ же онъ, наконецъ, понимаетъ ее. Неужели считаетъ онъ ее настолько ничтожной, что этотъ вопросъ нисколько его не занимаетъ? Его она давно привыкла наблюдать, и ей сегодня, быть можетъ впервые, показалось, что Остожинъ начинаетъ вести себя съ нею, точно по известной программѣ, какъ ведетъ себя самолюбивый мужчина съ тою, кто его интересуеть.

— Уже поздно, — выговорилъ Остожинъ и оглянулся, не тутъ ли его шляпа.

— Будто? — отозвалась Вѣра и не выдержала, — сказала ему: — Владиміръ Григорьевичъ, такъ скоро прошелъ вечеръ... Мы много говорили...

— И все не о томъ, о чемъ слѣдовало? — спросилъ онъ и пристально прищурился на нее.

— Пожалуй. Вы опять скроетесь на долго?

— Нѣтъ. Вы вѣдь, по прежнему, по вторникамъ?

— Лучше... въ другіе дни.

— Вашъ гость!

И въ его прищуренныхъ умныхъ глазахъ она прочла:

„До мужа твоего—мнѣ никакого дѣла нѣтъ. Пускай его болтаетъ,—что ему угодно“.

Въ передней раздался рѣзкій звонокъ и черезъ нѣсколько секундъ два громкихъ дѣвичьихъ голоса.

— Мои племянницы,—произнесла вполголоса Вѣра.

— Такъ вы тетенька?

— Только не для нихъ.

Остожинъ ихъ не встрѣтилъ, проходя гостиной. Онѣ пошли прямо въ себѣ, не простившись съ теткой.

X.

Отходя ко сну, Вѣра довольно долго занималась своимъ ночнымъ туалетомъ въ уборной.

Съ дѣтства она была чрезвычайно опрятна; до педантичности держалась самыхъ строгихъ приемовъ гигиены и никогда не попускала въ себѣ никакой небрежности. И кругомъ нея не терпѣла она ничего неопрятнаго. Въ ихъ домѣ за тѣмъ наблюдала Степанида Федотовна, и до сихъ поръ тамъ стоитъ самая „раскольничья“ чистота—такъ опредѣляетъ и самъ князь Вадимъ Дмитриевичъ.

Она хотѣла бы привить такія же привычки и племянницамъ. Обѣ—въ сущности—„грязнушки“. На ночь никогда не умываются, брать ванны не любятъ, вообще точно боятся воды. Мать на этомъ не настаивала. Но до поры до времени Вѣра рѣшила никакихъ имъ ни совѣтовъ, ни замѣчаній не дѣлать, а продолжать держаться съ ними просто, ласково, не заискивая въ нихъ.

Онѣ такъ и не пришли проститься съ ней, подъ тѣмъ, конечно, предлогомъ, что было уже поздно. Теперь онѣ еще не спятъ. Ихъ голоса слышны черезъ стѣну ея уборной.

Когда она, раздѣвшись, со свѣчей въ рукахъ вошла въ спальню и сама зажгла ночникъ—чувство большого одиночества прокрадось въ нее. Прежде этого не бывало въ такой степени.

Точно весь этотъ старый и холодный дворянскій домъ, гдѣ жили до нея десятки лѣтъ разныя „кнейни“—по произношенію многихъ уроженцевъ Сивцева-Вражка и Поварской—не ея постоянное жилище, ея „home“, безъ котораго ея пріятельницамъ въ Англіи и жизнь не въ жизнь,—а недружелюбный ночлежъ, куда она попала случайно.

До сихъ поръ въ ней нѣтъ никакого прочнаго чувства, что

вотъ тутъ она проживеть весь свой вѣкъ, если не въ томъ самомъ домѣ, то въ такой точно спальнѣ,—какъ настоящая хозяйка и барыня.

Какъ ей хорошо было въ ея уютной дѣвичьей спальнѣ, въ ихъ—тоже старинномъ—домѣ. Тамъ она прожила съ четырнадцати лѣтъ, когда каждая изъ дочерей Степаниды Ѳедотовны получила по комнатѣ. Сколько разъ она—уже взрослой дѣвушкой—отдѣлывала свою спальню заново. Но въ ней оставался неизмѣнно какой-то особенный прохладный и „вкусный“ воздухъ, котораго здѣсь нѣтъ. И въ зимнія долгія ночи такъ тамъ было тепло—не жарко, а въ мѣру—отъ большой кафельной печки. Самая эта печка придавала комнатѣ что-то простое, задушевное.

Отдѣлка ихъ супружеской спальни не измѣнилась съ ихъ свадьбы. Она—„общедворянская“—синяя, штофная; обои, тоже подъ цвѣтъ, съ багетами; двѣ гравюры въ золотыхъ рамкахъ, каминъ, который никогда не топится, двѣ кровати съ рѣзными спинами подъ общимъ балдахиномъ.

Все отзывается обойщикомъ-нѣмцемъ, изъ недурного магазина. Низкаго фізіономіи нѣтъ у этой спальни. Она ужасно суха и скучна.

И много ли было въ ней жизни—молодой и страстной, кипучихъ или нѣжныхъ ласкъ, неудержимыхъ порывовъ или тихой сладкой дремы въ объятіяхъ любимаго человѣка, или милой болтовни, полушопотомъ, прерываемой поцѣлуями?

Вѣра присѣла на край своей постели. Спать ей не хотѣлось. Весь день и всего болѣе разговоръ съ Остожинымъ—оставили въ ней—не то безпокойство, не то смутную грусть съ трудно уловимымъ мотивомъ.

Быть можетъ, никогда еще сопоставленіе мужа и „пріятеля“ не напрашивалось ей такъ назойливо. Остожинъ только на годъ моложе князя; а кажется старше. Но онъ со всѣми его „душевыми задержками“—все-таки гораздо болѣе ея человѣкъ,—этого она не можетъ отрицать...

Она скорѣе привыкала къ мужу, чѣмъ влеклась къ его ласкамъ. Ему она нравилась—какъ женщина. Въ этомъ она не обманывалась. И лицомъ она привлекала его, и станомъ, и тономъ, и манерой одѣваться, и всей своей „аглицовой повадкой“. Въ немъ—въ настоящемъ сангвиникѣ—кровь еще играла, и цѣлый годъ онъ не охлаждѣвалъ къ своей женѣ. Она поддавалась его ласкамъ, сначала слишкомъ рѣзкимъ и жаднымъ, потомъ безцеремоннымъ. И скоро она стала замѣчать, что эти ласки не будятъ въ ней порыва...

Уже во второй годъ замужества она помирилась съ этимъ и стала считать себя женщиной съ „тепловатымъ темпераментомъ“.

Не только на его ласки, но и на его „душу“ она не могла отвлекаться, хотя искренно и долго стремилась къ этому.

Эта старо-дворянская душа состояла изъ всякаго рода выходовъ, иногда добродушныхъ, чаще задорныхъ и, главное, полныхъ влюбленности въ самого себя.

Простой доброты, вниманія, обаятельной привѣтливости или потребности излиться, припасть къ ней съ какой-нибудь завѣтной мечтой или исповѣдью—она не видитъ въ немъ до сихъ поръ.

Но первые мѣсяцы въ ихъ интимныхъ сношеніяхъ была еще нарядность, условное джентльменство. Теперь и это пропадаетъ.

Она только жена, но не „царица его души“, даже не подруга, владѣющая имъ, какъ своимъ возлюбленнымъ.

Сюда, въ эту холодную и „казенную“ спальню князь Вадимъ Дмитріевичъ является спать—всякій разъ въ поздній часъ, послѣ влуга, что-нибудь расскажетъ изъ городскихъ слуховъ или сплетенъ, непременно произнесетъ какую-нибудь сентенцію въ духѣ фронтѣрства, неизвѣстно противъ чего и противъ кого, зѣвнетъ нѣсколько разъ очень громко, повернется спиной къ стѣнѣ и захрапѣть.

Она всегда раньше его просыпается и давно уже одѣта, когда онъ только-что начинаетъ потягиваться и позѣвывать.

Вотъ и сегодня она ляжетъ, чистая и немного заходящая, послѣ короткой молитвы, и покроется одѣяломъ—по дѣтской привычкѣ съ головой. Она давно знаетъ, что не пахнѣтъ на нее ни страсть, ни даже тепло простой сердечности, хотя бы и безъ всякихъ знойныхъ порывовъ. Если она заснетъ—приходъ князя можетъ разбудить ее; онъ укладывается довольно шумно. Иногда она—не притворяясь спящей—не подниметъ даже угла одѣяла и не окликнетъ его.

Все это сложилось такъ въ какихъ-нибудь два года. И такъ будетъ пять, десять, двадцать лѣтъ, до самой смерти...

„И чѣмъ же кончится?—спросила Вѣра, блѣднѣя подъ натискомъ этихъ мыслей.—Кто сдастся? Кто кого передѣляетъ или наладитъ на что-нибудь болѣе похожее на жизнь, о какой она мечтала“?..

„Кто сдастся“?

Передѣлать князя — она не беретъ. И еслибъ она хотѣла дойти до самой глубины сознанія—быть можетъ, она нашла бы, что у нея нѣтъ и охоты работать надъ этимъ.

Такъ неужели же она сама сдастся, перестанетъ къ чему-либо

стремиться, а просто будетъ коротать свой вѣкъ въ званіи *поддѣльной* княгини, безъ всякаго просвѣта впереди?

Въ постели она почувствовала утомленіе, — больше въ головѣ, чѣмъ въ остальномъ тѣлѣ. Оттого, вѣроятно, что она, съ самаго прихода Спѣшневъ, за обѣдомъ и наединѣ съ Остожинымъ, много переживала; больше, чѣмъ ей самой показалось.

Вѣра стала скоро забываться.

Ее разбудили шаги въ коридорчикѣ.

Князь могъ принять ее за спящую — одѣяло укутывало ей голову до половины.

— Ты спишь, Вѣра? — спросилъ онъ послѣ того, какъ задулъ свѣчу.

Ей не захотѣлось притворяться. Она ничего не отвѣтила, сдѣлала движеніе головой; но лица къ нему не повернула.

— Сегодня собралась цѣлая компанія ужинать, — заговорилъ князь возбужденно. — Не обошлось дѣло и безъ спичекъ.

По его тону Вѣра сейчасъ же |сообразила, что за ужиномъ пили не мало шампанскаго.

И, въ самомъ дѣлѣ, щеки князя сильно раскраснѣлись.

— Консулъ сказалъ очень милую здравницу... разумѣется, на тему сердечнаго союза съ Россіей и не безъ пикантныхъ намековъ на господъ англичанъ... А тутъ что-то привезъ долговазаго офицера изъ индѣйской арміи. Рядомъ со мной генераль Отребевъ шепчетъ: „Зачѣмъ только этихъ соглядатаевъ пускаютъ къ намъ? Къ русскому языку, видите ли, получили влеченіе. Ха, ха, ха! Чтобы потомъ легче развѣдки производить на Памирахъ!“ И тотъ что-то такое проямлилъ... яво бы по-французски.

— И ты говорилъ? — остановила его Вѣра, немного отерывая лицо.

— И я даль по носу... одному умнику... кажется, пріятелю твоего Остожина... Тотъ въ ехидномъ тонѣ сталъ тоже мямлить... Мы-де не очень восторгаемся тѣмъ, что господа французы съ нами теперь носятя. Дескать, чувства свои надо фактически доказать.

— Развѣ это неправда? — спросила Вѣра.

— Положимъ... и я тоже всегда повторяю. Но каковъ тонъ у всѣхъ этихъ аспидовъ! Вотъ это настоящіе враги своего отечества. Они хуже тѣхъ, что производятъ открытую или тайную крамолу... Тѣ, по крайней мѣрѣ, шкурой своей отвѣчаютъ. А эти только — въ сущности — куеишь въ карманѣ кажутъ. И сколько безмозглыхъ юношей перепортятъ. Жалованье, небось, получаютъ казенное. Я бы ихъ всѣхъ помеломъ.

Шампанское все еще бродило въ его головѣ. Вѣрѣ дѣлалось тошно отъ этихъ выходовъ, и она довольно строго выговорила:

— Поздно! Я хочу спать.

— Я мѣшать не буду,—все еще задорно отозвался князь.

Кровать затрещала — онъ сильно потянулся. Ему хотѣлось спросить: „долго ли господинъ ученый изволилъ сидѣть“; но онъ воздержался. Пускай жена его видитъ, что онъ не считаетъ „профессоришку“ сколько-нибудь опаснымъ.

Помолчавъ немного, князь опять такъ же звонко перевернулся въ кровати и легъ на бокъ, лицомъ въ ея сторону.

— Lui ai-je figé un clou, à diner?—спросилъ онъ и хрипло разсмѣялся.

— A qui?

— Mais à ton ami, donc!

На это она ничего не сказала.

Черезъ пять минутъ мужъ ея уже спалъ и начиналъ всхрапывать. Она и этому была рада. Спорить съ нимъ, разубѣждать его—совершенно бесполезно. Въ пору—самой не заразиться отъ него всѣмъ этимъ „пустоболтаньемъ“. И отъ клуба она его не отлучитъ, гдѣ онъ приучается къ питью шампанскаго и безъ всякаго толка проигрываетъ довольно большія деньги.

XI.

Къ подъѣзду двухъ-этажнаго особняка, въ одной изъ Басман-ныхъ, съ хорошенькимъ палисадникомъ—подъѣхалъ одноконный фэтонъ, съ фонарями, на резинахъ. Рысакъ—темно-сѣрой масти—былъ тысячный и въ хомутѣ съ золотымъ наборомъ.

Изъ фэтона вышелъ мужчина неопредѣленныхъ лѣтъ, небольшого роста, суховатый, въ свѣтломъ, щегольскомъ и длинномъ—на аглицкй манеръ—пальто и въ блестящемъ высокомъ цилиндрѣ. Онъ брился и отпускалъ только короткя бакенбарды. Лицо было немного женоподобное, съ мелкими чертами.

На дворѣ стояла ясная, чисто весенняя погода. Святая на половину уже отошла.

Служитель—въ казакинѣ и съ голубымъ полковымъ воротомъ рубахи, въ родѣ швейцара—низко ему поклонился и сказалъ:

— Христось воскресе, Степанъ Петровичъ.

Они поцѣловались чинно, и гость сунулъ ему въ руку жел-тенъкую, за что служитель еще разъ низко нагнулъ голову.

— Всѣ дома? — спросилъ гость мягкимъ голосомъ и передъ зеркаломъ передней сталъ причесывать свой тупейчикъ.

— Антонида Тимоѣевна дома. И Ардалонъ Ильичъ должны въ скоромъ времени быть.

Все это докладывалось вполголоса и съ отъѣвномъ особаго почтенія, какъ къ именитой особѣ.

Передъ зеркаломъ гость прихорашивалъ прическу вѣсколькиминутъ. Свои волосы — темные и довольно жидкіе — онъ прилизывалъ на вискахъ и поднималъ моднымъ тупейчикомъ на лобъ, въ видѣ двухъ полубуклей.

Одѣтъ онъ былъ необыкновенно изысканно. Короткая визитная жакетка, бѣлый жилетъ и цвѣтной галстухъ при свѣтлыхъ панталонахъ — моложавили его. Все это сидѣло на немъ въ обтяжку и круглыя, по женски, плечи держалъ онъ немного вкось, голову на ходу склонялъ къ правому плечу.

Въ залѣ перваго этажа, отдѣланной по старинному стульями съ большимъ роялемъ въ одномъ углу — пестрѣлъ пасхальный столъ своими закусками, оворокомъ, айцами, двумя рядами бутылокъ вина и всевозможныхъ водокъ.

Столъ этотъ держали такъ всю святую и каждый день подновляли ѣду.

Короткими шажками, въ своихъ парижскихъ ботинкахъ съ сукномъ свѣтлопесочнаго цвѣта — гость подходилъ къ двери въ гостиную. Его встрѣтила хозяйка Антонида Тимоѣевна Кусова, сестра княгини Кунгуровой.

Кусову никто бы не принялъ за сестру Вѣры. Она вся выдалась въ покойнаго отца: полная, небольшого роста блондинка, съ крупными, крестьянскими чертами. Ея гладкіе и густые волосы блестяли на солныцѣ, зачесанные на затылкѣ въ толстый пучъ. Щеки тоже лоснились — румяныя и бѣлыя. Два брилліанта искрились въ довольно большихъ ушахъ. И зубы полу-открытаго рта бѣлѣли изъ-за толстоватыхъ губъ. Глаза — свѣтло-каріе, съ поволокой — привѣтливо улыбались гостю.

По праздничному, она была въ бѣломъ платьѣ и бѣлой же шолковой мантильѣ, отдѣланной кружевами.

Гость — дальній родственникъ ея мужа, Умновъ — подошелъ къ ручкѣ.

— А похристосоваться развѣ нельзя? — спросила она веселымъ, зычнымъ голосомъ.

— Если позволите... съ особымъ удовольствіемъ.

Они три раза поцѣловались:

„Духи какіе чудесныя... надо спросить, какіе,—быстро подумала Кусова.—Великій франтъ“.

И въ самомъ дѣлѣ, Уминовъ считался первымъ модникомъ по всей Москвѣ, не только въ купечествѣ, но и среди „господъ“. Она знала хорошо, что ему глѣть не мало, навѣрно подь сорокъ, и онъ не желаетъ разставаться съ своей холостой свободой. Кажется, у него есть какая-то балетная. Онъ считается самымъ завязтымъ балетоманомъ.

Лѣтъ шесть-семь назадъ, когда она была еще „молодая“, Уминовъ сталъ къ нимъ ѣздить все чаще и чаще, и такъ за ней началъ увиваться, такіе дѣлать подарки, что она должна была сдѣлать ему „асажѣ“, послѣ чего онъ надулся; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ все обошлось—и они теперь въ самыхъ лучшихъ родственныхъ отношеніяхъ.

Антонида Тимофеевна любитъ своего „Ардальошу“, какъ полагается честной женѣ. Онъ моложе Уминова, во всѣхъ статьяхъ молодецъ—какъ мужчина; а главное—находится въ полномъ ея подчиненіи и не замѣчаетъ этого до сихъ поръ, послѣ многихъ лѣтъ супружества.

А сталъ бы тотъ ее смущать своими милліонами—она и тогда бы не поддалась. Имъ съ мужемъ довольно того, что они имѣютъ. За ней дали столько же, сколько и за Вѣрой. Ардальонъ Ильичъ—теперь полный хозяинъ, послѣ смерти родителя. Братьевъ у него нѣтъ; а сестра „въ Ирбитѣ“ замужъ выдана и давно свою часть получила.

Милліоновъ его имъ не надо; а брызаться тоже „не полагается“. Съ такимъ родственникомъ „лестно“ поддерживать хорошія отношенія. Степанъ Петровичъ вотъ уже второй годъ унаследовалъ огромное фабричное дѣло. Да, слышно, старики оставили ему „чистоганомъ“ не то три, не то четыре милліона. И онъ не проживетъ—не таковский.

— Для васъ, братецъ,—заговорила Антонида Тимофеевна, усаживая его на почетное мѣсто въ гостиной,—свѣтлый праздникъ вдвойнѣ дорогъ.

— Въ какомъ же это смыслѣ, сестрица?—спросилъ онъ и оглядѣлъ ее своими мышиными глазами, немного праторно усмѣхаясь.

— А какъ же? Балетные спектакли начнутся. Сколько вы времени на сухоходеніи сидѣли?.. Подумайте!

Она разсмѣялась. И онъ ей вторилъ.

Антонида Тимофеевна любила подтрунить надъ нимъ; но не такъ, чтобы онъ обидѣлся.

Умновъ смотрѣлъ франтомъ на барскій ладъ, считался знатомъ балета, любилъ и музыку, по вечерамъ—въ театрахъ и концертахъ—не выходитъ изъ блага галстука. А вѣдь онъ былъ „столпъ“ своего „согласія“, держался вѣры, по которой бракъ, до восстановления настоящаго благочестія, не признають таинствомъ. И онъ у нихъ первый человѣкъ, считается самымъ „дѣшлымъ“ начетчиномъ, пишетъ „посланія“ и чуть-ли самъ не служить. И—въ то же время—какого вамъ еще европеизма: за границей каждый годъ бываетъ, три языка знаетъ, водится тамъ съ высокими особами. Дома, однако,—въ дворянское общество не лѣзетъ, соблюдаетъ свое достоинство, и всѣ его за это уважають. Да и чего ему надо? Чиновъ—такъ онъ уже и теперь никакъ статскій совѣтникъ. Вотъ черезъ три года исполнится ихъ фирмѣ сто лѣтъ—и навѣрное его въ потомственное дворянство возведутъ.

Тогда, быть можетъ, и о собственномъ потомствѣ начнетъ думать. Только врядъ ли. Съ „никоньянцами“ не пойдетъ на сдѣлку, даже въ единовѣріе не перейдетъ. А по его закону жена—„посестріе“, и можно такихъ-то женъ мѣнять по своему усмотрѣнію. Вотъ это въ немъ не очень ей по вкусу, и она всегда дѣлала легкіе намеки на его свободные нравы—„по женской части“.

— Не важный у насъ балетъ-то...—выговорилъ Умновъ и сдѣлалъ жестъ своей припомаженной головой съ кокомъ.—Развѣ на весенній сезонъ кого-нибудь изъ петербургскихъ пришлютъ.

— Куда за границу собираетесь, Степанъ Петровичъ? Поди въ Испанію? Гдѣ съ кастаньетами пляшутъ?

— Нѣтъ. Полечиться надо... Мой эскулапъ все твердитъ, что надо бы въ Карлсбадъ... Или, по меньшей мѣрѣ, въ Виши. Такъ вѣдь это не раньше іюля. Особенно для Карлсбада... Тамъ легко простудиться. Помните, Кононъ Аванасевичъ пріѣхалъ туда молодымъ, да воспаленіе и схватилъ. И въ три-четыре дня унесло...

Его тонкія, блѣдныя губы сложились въ жалостную усмѣшку. За свою жизнь онъ сильно держался. Да еще бы—отъ такихъ-то миллионеровъ, и на полной свободѣ—хочешь—гаремъ себѣ заводи! Или открывая гдѣ-нибудь свою собственную „обитель“, хоть въ американскихъ степяхъ.

— Дѣтки какъ? — спросилъ Умновъ и наклонилъ къ ней голову.

— Слава Богу... Уѣхали къ бабушкѣ. Можетъ, съ ней назадъ вернутся.

— Вы извините... Я съ собой не захватилъ... и дѣткамъ, и маменькѣ ихъ... красное яичко.

— Вот еще, Степанъ Петровичь!..

Она знала, что онъ всегда съ своими тонкими раскольничьими фасонами. Наверно уже заранѣе приготовилъ подарки и имъ обоимъ съ мужемъ, и дѣтямъ. Но самъ яичкомъ не будетъ обмѣниваться съ никоньянцами. Хорошо, что похристуется, да и то больше съ дамой.

Въ подаркахъ будетъ непременно одна какая-нибудь бон-боньерка—въ видѣ лица—и съ богатѣйшей отдѣлкой, а остальное все безъ всякаго намека на великій праздникъ—цвѣты, фарфоровыя вещи, экраны—чего-чего не наплетъ. Она всегда его отдариваетъ въ его именины. Дня рожденія онъ не справляетъ.

— А Вѣра Тимошеевна какъ изволить здравствовать?

Онъ спросилъ это съ особенной чопорной оттяжкой. Вѣра ему тоже сильно нравилась, больше, чѣмъ она. И еслибъ захотѣла, можетъ быть, онъ для нея и законъ бы перемѣнилъ. Но Вѣра никогда его не баловала; какъ будто желала показать ему, что для нея его миллионы ничего не значать, считала его, кажется, очень испорченнымъ, больше, чѣмъ это за нимъ дѣйствительно водилось, и за глаза прохаживалась надъ его модничаньемъ и желаніемъ играть роль какого-то „папы“ въ своей молельнѣ. Съ нимъ у нихъ выходили, бывало, и довольно ѣдкіе споры, при чемъ Умновъ всегда, бывало, слѣжится и прекратитъ преніе. Вѣра уличала его единовѣрцевъ въ „изувѣрствѣ“ и доказывала ему, что они „бувоѣды“; стойкость ихъ въ отстаиваньи своихъ „пунктиковъ“ называла „печальнымъ фанатизмомъ“.

Съ тѣхъ поръ, какъ она—княгиня Кунгурова, Степанъ Петровичъ почти что не видается съ нею, развѣ когда у старухи Финиковой или у Кусовыхъ. Онъ съ ней неизмѣнно вѣжливъ и внимателенъ; но съ такимъ оттѣнкомъ, что, дескать, отъ меня ни вамъ, ни вашему князю никакихъ заискиваній не будетъ.

И за это одобряла его Антонида Тимошеевна. Она сама держалась такого же поведенія. Вѣра его не звала къ себѣ, даже какъ родственника, хотя и дальняго.

И онъ не нуждался въ ея княжеской гостиниой.

— Похристосоваться пріѣхала со мной и съ мамашей въ нашъ приходъ,—сказала Антонида просто, безъ всякой ужимки.

Она любила сестру, но считала ее уже зараженной своимъ теперешнимъ положеніемъ; на ея мужа смотрѣла строгонокко, называла его пустымъ краснобаемъ и „фордыбакой“, въ прочность ихъ супружества не вѣрила; но не позволяла себѣ никогда при постороннихъ „судачить“ про сестру.

— Они взяли племянницъ въ домъ?—спросилъ Умновъ.

- Взяли.
- Не малая, я полагаю, это обуза?
- Ужъ не могу вамъ сказать, Степанъ Петровичъ.
- Врядъ ли тетенька отъ нихъ настоящаго уваженія добьется.

И что-то вспомнивъ, онъ присѣлъ къ ней поближе и вполголоса спросилъ:

— Вы съ дѣлами ея супруга—онъ оттянулъ это слово— не знакомы, Антонида Тимоѣевна?

— Какія у него дѣла... Что-то, однако, затѣялъ...

На этотъ разъ она не выдержала и прибавила:

— На Вѣрочкины деньги.

— Разумѣется,—съ умышленной кротостью выговорилъ Умновъ и оправилъ жемчужину на своемъ тяжеломъ атласномъ шарфѣ.—Вѣроятно, и маменьку хотѣлъ тоже втянуть?..

— Кажется.

— Такъ вотъ-съ... У него есть кузень... по фамилии Погулянинъ.

— Онъ-то, кажется, аферистъ и есть.

— Такъ точно. Тамъ гдѣ-то въ лѣсномъ краѣ они химическій заводъ завели... знаете, en grand... Но этотъ баринъ...

„Такая же балалайка, какъ и муженекъ Вѣры?“—хотѣла спросить Антонида Тимоѣевна и не спросила.

— Косвенно обращался ко мнѣ... черезъ одного присяжнаго повѣреннаго... Тоже изъ прожженныхъ... Вы-де приходите въ свойствѣ съ княземъ черезъ его жену.

— Вы, разумѣется, не вошли въ это?

— Съ какой же стати... Жаль только, что княгиня—онъ и это слово оттянулъ—настолько подчинилась своему титулованному супругу, что способна рисковать своимъ имуществомъ.

— Кому вы это говорите?!—съ искреннимъ вздохомъ вырвалось у Кусовой.

Изъ залы раздались мужскіе шаги. Приѣхалъ Ардальонъ Ильичъ.

XII.

— Съ великимъ праздникомъ, братецъ!

Такъ привѣтствовалъ гостя хозяинъ.

И они похристосовались.

Одного взгляда, брошеннаго бывалымъ мосевичомъ на мужа Антонида Тимоѣевна, было бы достаточно, чтобы схватить всѣ

выпуклые признаки настоящего бытового торговца „Верхних рядовъ“ или вообще „Города“: плотный, рослый, лицо съ лоскомъ, плоскіе припوماженные волосы съ бѣлымъ проборомъ, бравный видъ, благообразное лицо съ тонкими усами, одѣтый съ иголочки въ визитку по талии, съ запахомъ хорошаго одеколона.

Покупатели Кусова должны были дорожить имъ. Тонъ его никогда не мѣнялся—ни съ женой, ни въ лавкѣ, ни въ гостиной, ни въ дѣловыхъ визитахъ. Говорилъ онъ тихимъ баскомъ съ баритонными переливами, осторожно, истово и благосклонно. Въ немъ залегли коренные приемы новаго коммерсанта, не желающаго лѣзть въ баре, очень себя уважающаго, безъ излишняго страха—какъ бы кто-нибудь не забылся съ нимъ и не сталъ обращаться по старинному; скорѣе съ убѣжденіемъ, что нынче каждый торговецъ можетъ поставить себя, какъ настоящій „джентельменъ“.

— Изволили закусить? Ниночка! что-жъ не угощаете братца?

Умновъ отказался отъ угощенія. Самъ Кусовъ выпилъ мадеры и закусилъ крутымъ айцомъ; веусно его облупилъ и круто посолил „четверговой“ солью.

Всѣ трое опять усѣлись чинно въ гостиной.

— Заѣзжалъ въ мамашѣ?—спросила мужа Антонида Тимошеевна, бросивъ на него быстрый взглядъ, безъ особой нѣжности.

„При людяхъ“ она не любила его баловать и частенько говорила съ нимъ не то что рѣзковато, а какъ настоящая хозяйка. Но нѣтъ-нѣтъ да и обласкаетъ его. Это онъ очень цѣнилъ и зналъ, что жена въ нему до сихъ поръ „не равно дышетъ“—онъ еще употреблялъ эту невинную остроту, пущенную когда-то въ дворянскомъ обществѣ.

— Заѣзжалъ. Онъ сюда будутъ въ скорости... и съ нашими дѣвчонками.

— Можетъ, Вѣру тамъ засталъ?—небрежно кинула Антонида Тимошеевна.

— Нѣтъ, она еще не бывала.

Кусову могло то, что Вѣра еще не была у нея. Она сама не бѣжала первая и считала себя въ правѣ, разъ рѣшивъ, что она не намѣрена выносить барскіе „тона“ князя Вадима Дмитріевича.

— А вотъ сейчасъ Степанъ Петровичъ—заговорила она—разсказывалъ про Вѣрина муженька.

— А что?—отозвался Кусовъ, смутно улыбаясь.

Онъ не любилъ прохаживаться насчетъ свояка. Но тутъ неловко было не спросить.

— Запутывается въ аферахъ,—сказала Антонида.

Она, какъ и мать, произносила это слово „аферы“ съ русскимъ „ѣ“.

— Мудренаго нѣтъ,—сказалъ Кусовъ.

— Вы ничего не слыхали?—спросилъ Умновъ, осторожно оглянувшись на своего родственника.

— Кое-что... слышалъ... Недавно отъ одного адвоката... въ клубъ тоже. Извѣстное дѣло,—продолжалъ Кусовъ, снисходительно усмѣхаясь.—Господа дворяне... особенно такіе вотъ, съ титуломъ... когда служба ихъ не выдвинула на почетное мѣсто, начинаютъ скучить...

— Хе, хе, хе! — откликнулся Умновъ.—Настоящее слово... Скучить, а не скучать. Знаете, какъ ценки...

Всѣ трое сдержанно засмѣялись.

— Именно,—продолжалъ Кусовъ.—Непремѣнно въ дѣла! По всѣмъ резонамъ, какого же бы дѣла еще искать, какъ не землей своей, родовой своей вотчиной заниматься? Святое дѣло! Такъ и и тутъ—сами изволите знать, братецъ,—ужь на чтѣ, кажется, поощряютъ! Сволько опять деньжищъ спущено—хотя бы изъ одного дворянскаго банка! А все по прежнему—всѣ запутаны, всѣ обгугутъ изъ усадьбы. Неурожай—общій вой; урожай—такое же вытье: цѣнъ нѣтъ, три рубля куль ржи. Ну, вотъ и распалаются—въ дѣла, въ аферы. Покажемъ, молъ, что у насъ мозгу въ головѣ не меньше, чѣмъ у разночинцевъ. Концессіи, банки... А исходъ все одинъ и тотъ же. Чтѣ удастся сгоряча стащить, то сейчасъ же и спускается. А тамъ пойдутъ изворачиваться на разные лады... Одинъ ноготокъ завязилъ—глядись, и вся лапа.

Щеки Антониды Тимофеевны разгорѣлись.

— Все это такъ...—остановила она мужа:—пускай ихъ проворовываются, но тутъ состояніе сестры замѣшано. Положимъ, у нея самой есть разумъ. И она ни у кого изъ насъ не желаетъ спрашивать совѣта. Даже и у матери. Однако, все-таки же надо бы ей глаза открыть.

— Такъ увлечена... своимъ сятельнымъ супругомъ?—всталъ съ чуть слышнымъ смѣхомъ Умновъ.

— Увлечена, увлечена! — повторила Кусова. — Не знаю... Больше изъ гордости.

Она сдержала себя. Въ ней заговорило родственное чувство. И она знала, какъ мать ея „обожала“ Вѣру. Мать свою Антонида ставила чрезвычайно высоко и не смѣла никогда упрекать ее за это „обожаніе“. Да и она сама всегда любовалась „Вѣруней“—и нисколько ей не завидовала, не сердилась на нее за

то, что она „полѣзла въ княгиню“, а только жалѣла ее, когда раскусила, что за „сахаръ“ ея шуринъ, князь Вадимъ Дмитріевичъ.

— И осудить ее трудно,—заговорила Антониды, смягчая свой тонъ.—Каждая хорошая жена... на ту же ножку хромаетъ.

— И то сказать,—добавилъ отъ себя Кусовъ:—разумъ данъ каждому. А Вѣру Тимошеевну Господь не обидѣлъ, всегда большой умницей считалась.

— И весьма,—все съ тѣмъ же отгѣнкомъ внутренней усмѣшки промолвилъ Умновъ и характерно сжалъ губы.

— А вотъ никакъ и маменька!

Кусовъ подошелъ къ окну, увидавъ экипажъ Степаниды Федотовны.

Она пріѣхала въ большой коляскѣ, по праздничному. Обѣ внучки сидѣли съ ней, всѣ разодѣтыя, въ огромныхъ шляпкахъ съ бѣлыми перьями.

Хозяева и гость встали разомъ и пошли въ залу, а потомъ и въ переднюю, куда Степаниду Федотовну почтительно ввелъ слугитель. Она была въ полковой богатой длинной накидкѣ и въ наволокъ, но не черной, а, по случаю праздника, въ бѣлой.

Двѣ дѣвочки-погодки, Вара и Наташа, полненькія и розовыя, что наливныя яблочки, и похожія на мать, запрыгали и стали обвинять родителей.

— А что же дяденьку-то поздравить?

Онѣ бросились и къ Умнову. Обѣ знали, что отъ него будутъ хорошіе подарки.

— Затормошили онѣ васъ, маменька,—сказалъ Кусовъ, беря тещу подъ локоть и вводя въ гостиную.

— Ничего, ничего,—ласково говорила Степанида Федотовна и погладила одну изъ дѣвочекъ по головѣ.—Степанъ Петровичъ —указала она на Умнова — все у насъ молодѣетъ. А какой толкъ московскимъ дѣвицамъ? Ни одной не осчастливить.

Старуха любила тоже немного подтрунить надъ Умновымъ. Ей было извѣстно, что онъ „изнывалъ“ по ея меньшей дочери, и ей случалось въ послѣднее время передумывать невеселую думу о томъ, какъ бы это было лучше, еслибъ Вѣра стала его женой. Для нея онъ навѣрное бы „порѣшилъ“ и съ своей вѣрой, по меньшей мѣрѣ перешелъ бы въ единовѣріе.

Умновъ выказывалъ ей всегда особое почтеніе и держалъ себя съ нею какъ младшій родственникъ, нужды нѣтъ, что его считали такимъ гордецомъ.

— Вѣрушу не видали?—тихо спросила Финикова.

— Нѣтъ, мамаша, не бывала еще, — отвѣтила Антонида безъ всякаго выраженія, нарочно, чтобы не огорчить мать.

— Своими племянницами теперь должна заниматься, — выговорила старуха съ особой усмѣшкой, поглядѣвъ на Умнова, въ которомъ она до сихъ поръ видѣла „обожателя“ Вѣры, обременнаго ея равнодушіемъ.

Какъ племянницы ведутъ себя съ нею — Вѣра ей ни однимъ звукомъ не обмолвилась. Но чуяло ея сердце, что тѣ барышни задираютъ носъ, хотя и остались нищими, пожалуй и оскорбляютъ тетку. Но Степанида Ѳедотовна была слишкомъ горда и за свое любимое чадо, и за себя самою, чтобы начать говорить на такую тему.

— Своихъ нѣтъ дѣтокъ, — сладковато пустилъ Умновъ и склонилъ ротъ.

— Такимъ барышнямъ врядъ ли нужна ласка, — выговорила Степанида Ѳедотовна. — Тоже не малая будетъ обуза. Да вѣдь вы никто не знаете Вѣрочки, — обратилась она опять въ сторону Умнова: — ко всему она — съ полнымъ сердцемъ. Другая бы такъ только, для очистки совѣсти, а она въ долгъ себѣ священный виѣняетъ.

— Только бы не больно къ сердцу принимала всѣ ихъ барскія прокураціи, — вставилъ Кусовъ, поведя плечами. — Изъ-за чего свою красоту и свѣжесть въ это всаживать?

Старуха тревожно подняла на зятя свои выразительныя брови.

— Охъ, ужъ не говорите! Въ одно слово со мною... Антонида! — окликнула Флинова дочь: — развѣ не правда, что Вѣруня у насъ худѣетъ и въ лицѣ прежняго цвѣта нѣтъ?

Она бы это не сказала при Умновѣ; даже и передъ старшей дочерью и зятемъ ей тяжело было бы это замѣтить, но горькое чувство превозмогло.

— Вотъ мы, маменька, сейчасъ бесѣдовали, — Кусовъ подскѣлъ къ тещѣ: — тоже въ такомъ смыслѣ...

— А что? — сдержанно, но съ внутренней тревогой спросила Степанида Ѳедотовна.

— Да хотъ насчетъ князя. Вотъ и до брата тоже дошли толки, что какъ бы его сіятельство не запутался.

Протянулось молчаніе. Антонида Тимоѣевна чуть замѣтно покраснѣла. Но она довольна была тѣмъ, что мужъ ея кстати сдѣлалъ такое замѣчаніе. Заговаривать объ этомъ первой она не желала бы, чтобы мать ее не заподозрила въ дурномъ чувствѣ къ сестрѣ.

— Знаю... — вымолвила, наконецъ, Степанида Ѳедотовна и

не могла подавить вздоха.— Вы, Степанъ Петровичъ,—свой человекъ... и въ ваше родственное расположеніе я вѣрю. Пожалуйста, вы—если что доподлинно узнаете отъ вѣрныхъ людей—не скройте отъ меня, старухи. Я не пристаю къ Вѣрѣ... Но я боюсь... откровенно вамъ скажу—весьма даже боюсь. Вамъ, быть можетъ, неизвестно, что князь добрую половину ея капитала всадилъ въ свои аферы. Она не рѣшилась, въ тѣ поры, отказать ему. Подбирался и къ остальнымъ. И я Христомъ-Богомъ упросила не дѣлать этого.

— А съ тѣхъ поръ онъ нѣшто не могъ подобраться?—спросилъ Кусовъ.

— Вѣра мнѣ не солжетъ. Да я же ее упросила квитанціи банка на храненіе ея бумагъ—держатъ у меня. Князь надумалъ, вотъ уже скоро годъ, и меня втянуть... Я наотрѣвъ отказала.

— Еще бы!—вскрикнула Антонида и сейчасъ же про себя застыдилась—какъ бы мать не подумала, что въ ней жадность заговорила.

— И что же его сѣятельство?—спросилъ Уминовъ.

— Не понравилось... Съ тѣхъ поръ и глазъ не кажетъ. Да и я не считаю для себя обязательнымъ бывать у нихъ въ домѣ и выносить всѣ его фасоны.

Кусовъ, подойдя къ окну, громко окликнулъ всѣхъ.

— А вотъ и сестрица... И какая нарядная!

Всѣ остались въ гостиной, кромѣ хозяйки. Она поспѣшила въ переднюю.

XIII.

Въ передней Вѣра остановилась передъ зеркаломъ и поправила вуалетку, когда сестра ея влетѣла туда, возбужденная, съ красными щеками.

Вѣра была сейчасъ у матери. Она знала, что и мать, и сестра могутъ быть ею недовольны. Степаниду Ѳедотовну она поздравила въ ночь свѣтлаго праздника—урывкомъ, а у сестры еще не успѣла быть.

Но такъ вышло не по ея вѣнѣ. Съ старшей племянницей, Леной, случились въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ сильныя спазмы; всю ночь Вѣра за ней ухаживала, выносила ея капризы. Надо было просидѣть дома два слѣдующихъ дня. Доктора—созвали цѣлый консилиумъ—боялись за воспаленіе, давали морфій, ставили каждый свою діагнозу и пивировались между

собою. Князь ругалъ врачей и находилъ, что они „дьявольски дерутъ“. Всѣхъ пришлось смягчать и успокоивать ей же.

Она могла бы дать знать матери депешей; но Степанида Федотовна боялась телеграммъ и даже писемъ, думая каждый разъ, что она что-нибудь скрываетъ, что сама заболѣла, а пишетъ про племянницу.

— Вѣруша! Милая!

Антонида звонко и вкусно расцѣловала сестру. Она была тронута ея визитомъ... Другая бы на мѣстѣ Вѣры перестала къ ней ѣздить, такъ какъ она сама давно къ нимъ ни ногой.

— Мамаша здѣсь?—вполголоса спросила Вѣра, оправивъ богатый кружевной воротникъ на своемъ бѣломъ корсажѣ.

— Здѣсь, сейчасъ пріѣхала.

— А я у нея была.

— Мамаша!—крикнула Антонида, вводя сестру въ гостиную.
—А Вѣра отъ васъ.

Старуха, вся сіяющая, подошла къ Вѣрѣ и обняла ее съ легкимъ трепетаніемъ пальцевъ и три раза поцѣловала.

Кусовъ тоже съ ней похристосовался; а Умновъ подошелъ церемонно къ ругѣ.

— Закусить—чѣмъ Богъ послалъ, сестрица. Или, можетъ, чайку?—предложилъ Ардальонъ Ильичъ.

Вѣра отъ того и отъ другого отказалась. Ее усадили рядомъ съ матерью на диванъ. Умновъ пересѣлъ на кресло. Всѣ невольно залюбовались ею.

И она была вся въ бѣломъ: шляпа кружевная, отдѣлка платья, строгій лифъ и юбка, обливающая ея станъ съ волнистыми линиями, смягченными бѣлымъ цвѣтомъ.

Умновъ щурился и въ его глазахъ забѣгали подавленные огоньки. Никогда, быть можетъ, она не нравилась ему такъ, какъ сегодня.

И онъ чувствовалъ всеѣмъ своимъ существомъ тайнаго грѣшника, что для такой женщины готовъ былъ бы на все, даже измѣнить „вѣрѣ отцовъ“ и потерять свое положеніе „безпоповскаго архіерея“.

Сейчасъ Вѣра была съ визитомъ у Поклонскихъ—въ послѣднія зимы самый тонный домъ въ старо-дворянскомъ кругу. Княгиня—еще съ остатками красоты, важная и величавая—принимаетъ точно владѣтельница особа, сидя въ углу подъ пальмой, въ особомъ креслѣ и направляетъ общій разговоръ все на высокія патріотическія и государственныя темы.

Кругомъ, въ гостиной, отдѣланной въ строгомъ стилѣ Louis

XVI, съ большими почернѣлыми картинами и флорентійскими мозаичными столами—разсѣлось общество „very select“—какъ любила выражаться и сама Вѣра. Были три дамы въ большихъ праздничныхъ туалетахъ, почетный опекунъ, начальникъ штаба въ эполетахъ, одинъ предводитель и иностранный консулъ. Разговоръ шелъ о политикѣ Италии и ея видахъ на Абиссинію. Хозяйка давала тонъ и повторяла все фразы, вычитанныя изъ своей, строго консервативной, газеты. На всемъ разговорѣ лежалъ налетъ порядочной скуки; говорили исключительно по-французски и почти всѣ хорошимъ языкомъ.

И теперь, когда Вѣра оглядѣла гостиную своей сестры Антонины и слышала говоръ тѣхъ, кто сидѣлъ тутъ, она не могла отдѣлаться отъ впечатлѣнія чего-то ужасно-купеческаго. Даже и „братецъ“, съ его жеманной вѣжливостью и усиленнымъ „аканьемъ“, смахивалъ на смѣшноватую поддѣлку подъ „тонкое обращеніе“.

Ей стало отъ этого неприятно, но она не могла гнать себя—впечатлѣніе не уходило. Когда она бывала у матери, она чувствовала себя ея „дорогимъ чадомъ“. И все, что она видѣла тамъ, въ комнатахъ, уносило ее въ годы дѣвчества, во всему, что у нея было самаго свѣтлаго и дорогого. Мать—съ глазу на глазъ—никогда не казалась ей „почетной гражданкой Финиковой“.

— Все живыты?—спросила Степанида Ѳедотовна, заглянувъ въ лицо Вѣры.—Сволько ужъ отдѣлала?

— Сегодня еще не очень много. Завтра предстоитъ гораздо больше.

— И князь—своимъ чередомъ?—освѣдомился Умновъ, наклонивъ голову особымъ жестомъ, который онъ считалъ чрезвычайно тонкимъ.

— Да, и у него много. Мамаша, Вадимъ собирается къ вамъ... завтра.

Старуха чуть-чуть помолчала.

— Милости прошу.

Мужъ и жена быстро переглянулись.

— И у васъ будетъ,—добавила Вѣра, повернувъ голову въ сторону сестры.

— Благодаримъ за честь,—пустилъ Кусовъ съ купеческой оттяжкой.

Вѣрѣ стало вдругъ неловко. Уже нѣсколько дней, какъ князь Вадимъ Дмитріевичъ сталъ заговаривать о ея родныхъ, спрашивалъ про ея мать, увѣрялъ ее, что онъ ничего, „кромѣ добрыхъ

чувствъ“, не имѣть къ Степанидѣ Ѳедотовнѣ и даже къ Антонидѣ Тимоѳеевнѣ. Если ни одна изъ нихъ „не важетъ глазъ“ — это не его вина. И вчера онъ ей съ нѣкоторой торжественностью объявилъ, что будетъ съ визитомъ къ тещѣ и желалъ бы застать ее дома; заѣдетъ и къ Кусовымъ.

Не сообщить объ этомъ Вѣра не могла. Она знала прекрасно, что мать ея не довѣряетъ „чувствамъ“ зятя, а сестра ея — в подавнo. Она схватила на лицѣ Антонида косвенную усмѣшку. И „братецъ“ тоже улыбался съ выраженіемъ.

Имъ всѣмъ — и старухѣ, и четѣ Кусовыхъ, и Умнову — разомъ захотѣлось показать ей, что они прекрасно разумѣютъ „подходы его сіятельства“. Даже Степанида Ѳедотовна готова была показать, что всѣ они превосходно понимаютъ, куда гнетъ ея „сіятельный зятекъ“.

— Много всякихъ дѣлъ у нихъ? — спросилъ Умновъ и, съ усмѣшкой въ безцвѣтныхъ глазахъ, оглядѣлъ остальныхъ.

— Какихъ дѣлъ? — переспросила Вѣра тономъ настоящей барыни, спокойно и холодно.

Умновъ понялъ, что она его „осадила“, и сильно разсердился, даже побурѣлъ въ лицѣ.

— Вамъ это должно быть достаточно извѣстно, княгиня, — выговорилъ онъ самымъ изысканнымъ звукомъ, какіе пускалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда желалъ показать тонкую воспитанность.

— По своимъ афѣрамъ, — выговорила Степанида Ѳедотовна и поглядѣла на Вѣру, какъ бы желая показать ей, что она напрасно такъ выгораживаетъ своего мужа.

— Слышно — общество на паяхъ... — вставилъ отъ себя Кусовъ: — и большія рекламы пускаютъ, насчетъ предстоящихъ дивидендовъ?

Вѣра поняла, что всѣ они до ея пріѣзда — навѣрное говорили о князѣ. Можетъ быть, этотъ Умновъ, или ея шуринъ, слышали что-нибудь, чего ей не извѣстно. Да развѣ она знаетъ что-нибудь вполнѣ основательно? По излишней щепетильности, изъ-за особаго „point d'honneur“ — она не желала допрашивать мужа, съ тѣхъ поръ, какъ въ его дѣла положены были и ея деньги. Онъ еще на дняхъ говорилъ ей, возбужденно, съ торжествующимъ видомъ, что въ осени у нихъ будетъ „блестящій балансъ“, и дивидендъ „презойдетъ ожиданія“. На дняхъ пріѣдетъ главный распорядитель товарищества, его кузенъ, Погулянинъ, — и князь распространялся о томъ, какъ отъ этого кузена она узнаетъ, если ей угодно, всѣ подробности дѣла.

— Рекламъ я никакихъ не видала,—вымолвила Вѣра, все такъ же сдержанно и суховаго.

— Читали-сь, читали-сь,—выговорилъ Умновъ, сдѣлавъ жестъ ладонью своей оѣлой, не по годамъ, руки.

— И намъ привелось,—добавилъ Кусовъ.

— Это ихъ дѣло, Ардамонъ Ильичъ,—значительно сказала Вѣра, желая показать всѣмъ, насколько ей такой разговоръ неприятенъ.

Она надѣялась, что мать пойметъ это первая и поддержитъ ее.

— Ты пойми, Вѣруша,—заговорила Антонида и подсѣла ближе къ сестрѣ.—Ни мамаша, ни мы съ мужемъ, ни Степанъ Петровичъ—не желаемъ вовсе вмѣшиваться въ ваши дѣла. Но намъ твое положеніе дорого. Ты, по благородству твоихъ чувствъ, не входишь во многое... Намъ со стороны виднѣе.

— Что жъ, Вѣруня,—вымолвила Степанида Ѳедотовна вполголоса и съ опущенными рѣсницами:—ты не будь въ претензіи. Всѣ здѣсь желаютъ тебѣ добра. И я при тебѣ попрошу ихъ обоихъ,—она указала головой на Умова и Кусова,—ежели чтѣ будетъ слышно... промежду солидными людьми, предупредить.

— Благодарю васъ, мамаша,—остановила ее Вѣра и вся выпрямилась.—И вамъ, и имъ я вѣрю. Только я и мужу своему привыкла довѣрять, и мнѣ было бы прискорбно узнавать о его дѣлахъ отъ третьихъ лицъ... даже отъ близкихъ родственниковъ.

Всѣ замолчали. Старуха поняла сейчасъ же, что Вѣра отвѣтила, какъ жена, „соблюдающая“ достоинство своего мужа, и не могла ее осудить за это.

— Да вы, Степанъ Петровичъ,—обратилась она къ Умову,—чтѣ же собственно слышали?

Тотъ съѣжился и развелъ руками.

— Ничего такого... особенно выдающагося,—отвѣтилъ онъ.—И наконецъ, если такой разговоръ неприятенъ княгинѣ Вѣрѣ Тимофеевнѣ...—протянулъ онъ съ умысломъ...

— Ты это напрасно!—почти крикнула Антонида и шумно встала.—Послѣ локти будешь кусать. Мой мужъ не сплетникъ.

— Кто же это говоритъ?—остановила ее мать.

— И то сказать,—произнесъ наставительно Умновъ и поднялся съ мѣста.—Чужую бѣду—руками разведу...

Онъ сталъ прощаться и хотѣлъ, кажется, опять поцѣловать у Вѣры руку, но не посмѣлъ. Послѣ его ухода Антонида надулась, и Степанида Ѳедотовна сидѣла разстроенная.

Вѣра ничего больше не говорила ни сестрѣ, ни шурина, и всѣмъ было очень неловко. Антонида пошла ее провожать въ переднюю и, прощаясь, сказала помягче:

— У насъ, сестра,—что на умѣ, то и на языкѣ!

— Не обезсудьте,—прибавилъ Кусовъ.

Старуха сидѣла въ гостиной огорченная, обвиняя, прежде всего, себя за такой „несуразный“ разговоръ.

II. БОВОРМЕНЪ.

РУССКІЙ ДВОРЪ

ПРИ

ПЕТРЪ II

1727—1730.

По документамъ вѣнскаго архива.

Внукъ Петра Великаго, Петръ Алексѣевичъ, родился 12-го октября 1715 года, въ то время, когда уже началась распря между отцомъ и царевичемъ Алексѣемъ, а 22-го октября скончалась царица вольфенбюттельская принцесса Шарлота. На слѣдующій день послѣ погребенія ея, Екатерина родила сына, Петра Петровича. Это обстоятельство могло только содѣйствовать усиленію вражды между царемъ и его наслѣдникомъ. Въ самый день погребенія кронпринцессы Петръ вручилъ сыну письмо, въ которомъ говорилось о неспособности Алексѣя управлять государствомъ. Письмо царя помѣчено было 11-мъ октября, когда еще у Алексѣя не было сына, а вручено 27-го октября, т.-е. еще наканунѣ рожденія Петра Петровича. Полагаютъ, что Петръ поднисалъ свое письмо заднимъ числомъ, до рожденія внука; иначе можно было подумать, что царь осердился на сына въ сущности за то, что у него родился наслѣдникъ, именно въ то время, когда и Екатерина могла родить сына.

Трагическая судьба царевича Алексѣя не могла не повліять потомъ на положеніе его сына. 3-го февраля 1718 года, наслѣдникомъ

престола былъ объявленъ царевичъ Петръ Петровичъ. О правахъ Петра Алексѣевича на престоль не было и рѣчи.

Отецъ его погибъ 26-го іюля того же года; скоро послѣ этого, въ 1719 году, скончался и Петръ Петровичъ. Послѣ этого Петръ Алексѣевичъ могъ считаться претендентомъ, и многіе заговорили о правахъ его въ качествѣ наслѣдника престола.

Депеши французскихъ дипломатовъ Лави и Кампредона, пребывавшихъ въ Россіи въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, заключаютъ въ себѣ разныя данныя о кандидатурѣ Петра II на престоль. При этомъ не столько сама Екатерина, сколько одна изъ дочерей ея считалась соперницею Петра Алексѣевича. Вскорѣ послѣ кончины Петра Петровича была даже рѣчь о намѣреніи царя назначить дочь Анну преемницею. Лави доносилъ аббату Дюбуа изъ Петербурга, 25-го іюля 1719 г.: „Въ лѣтнемъ царскомъ дворцѣ готовится помѣщеніе для сына покойнаго наслѣдника, котораго величаютъ теперь великимъ княземъ московскимъ. Многіе думаютъ, что это дѣлается съ цѣлью не допустить тайныхъ недовольныхъ въ этомъ государствѣ похитить его въ отсутствіе царя и утвердить за нимъ московскую корону послѣ смерти царя“. Въ другомъ письмѣ, отъ 14-го августа 1719 г., сказано: „Надѣются, что по возвращеніи его царскаго величества великій князь, сынъ покойнаго царевича Алексѣя Петровича, будетъ объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола, и что это послужитъ дѣйствительнымъ средствомъ возстановить доброе согласіе между здѣшнимъ дворомъ и императоромъ, который, благодаря уважъ крови, нѣкоторымъ образомъ вынужденъ принять его сторону. Достоверно, что съ тѣхъ поръ какъ юный принцъ помѣщенъ въ покояхъ лѣтнаго дворца вмѣстѣ съ принцессою, его сестрою, штатъ его прислуги увеличенъ и съ нимъ очень милостиво обращаются ея величество и принцессы, ея дочери. Онъ кажется вполне достойнымъ ихъ любви, потому что онъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ принцевъ, какихъ только можно встрѣтить; онъ обладаетъ чрезвычайною миловидностью, необыкновенною живостью и выказываетъ рѣдкую, въ такіе молодые годы, страсть къ военному искусству“... „Царь нѣжно любитъ юнаго принца“, — пишетъ Лави, 26-го октября 1719 г., — „который служитъ утѣшеніемъ его подданныхъ, любящихъ его до обожанія“.

Не даромъ французскій дипломатъ считалъ вѣроятнымъ, что императоръ Карлъ VI, супруга котораго была сестрою матери великаго князя Петра Алексѣевича, станетъ хлопотать о его правахъ на престоль. Какъ скоро въ Петербургъ, въ 1721 году, прибылъ императорскій дипломатъ Кинскій, распространился слухъ

о стараніяхъ его уговорить Петра I назначить своего внука наслѣдникомъ. Шафировъ говорилъ Кампредону: „Скажу вамъ, но подъ условіемъ тайны, которую никто кромѣ его королевскаго высочества не долженъ знать, что императоръ, нѣкоторые другія державы и даже кое-кто изъ нашихъ, хлопочуть о назначеніи наслѣдникомъ внука царя, чего самъ царь, сколько я могу судить, не желаетъ. Отецъ этого принца покушался на жизнь и на престолъ (sic) его царскаго величества; большая часть нынѣшнихъ министровъ и вельможъ участвовали въ произнесенномъ надъ нимъ приговорѣ. Къ тому же весьма естественно отдавать преимущество собственнымъ дѣтямъ, и, между нами, мнѣ кажется, что царь назначаетъ престолъ своей старшей дочери“, и т. д.

Понятно, что французское правительство, постоянно относившееся враждебно къ Австріи, не желало видѣть на русскомъ престолѣ племянника Карла VI. Кампредонъ не безъ негодованія доносилъ кардиналу Дюбуа, что, къ сожалѣнію, и прусскій посланникъ Мардефельдъ раздѣлялъ мысли Кинскаго о выгодахъ назначенія Петра Алексѣевича наслѣдникомъ престола. И Кампредонъ, и Лави, въ своихъ донесеніяхъ часто возвращались къ этому предмету. Лави писалъ 24-го ноября 1721: „Надобно ожидать, что провозглашеніе великаго князя, составляющее главный предметъ желаній подданныхъ царя, по причинѣ рожденія и природныхъ качествъ, украшающихъ великаго князя, встрѣтитъ сильную оппозицію со стороны партіи принцессъ, дочерей царя. Партія эта тѣмъ сильнѣе, что, повидимому, царь рѣшилъ сдѣлать своей наслѣдницей старшую дочь, выдавъ ее замужъ за иностраннаго принца“. Не безъ удовольствія Кампредонъ въ декабрѣ 1721 г. доносилъ кардиналу Дюбуа о нерасположеніи Петра Великаго къ Австріи, „по причинѣ ея настойчивыхъ хлопотъ за интересы принца, племянника императора“.

Въ іюлѣ 1722 г., Кампредонъ сообщилъ кардиналу Дюбуа подробныя данныя о проектѣ престолонаслѣдія, представленномъ австрійскимъ дипломатомъ Кинскимъ и заключающемся въ назначеніи юнаго Петра Алексѣевича наслѣдникомъ престола. „Русскіе,—говорилъ австрійскій министръ,—руководимые законами и разума и природы, убѣждены, что престолъ по праву принадлежитъ великому князю, законному по прямой линіи наслѣднику его царскаго величества, и эту мысль не искоренять въ нихъ никакія распоряженія царя. Какъ ни велика его власть теперь, но воображать, будто можно сохранить ее и на томъ свѣтѣ и ожидать повиновенія себѣ послѣ смерти—было бы вполнѣ неосновательной претензіей“, и т. д. Кинскій въ бесѣдѣ съ Шафировымъ

и Ягужинскимъ указалъ на бракъ великаго князя Петра съ Елизаветою Петровною какъ на единственное средство къ избѣжанію безпорядковъ въ Россіи. По мнѣнію Кампредона, однако, такъ мало можно было разсчитывать на согласіе Петра I, что нельзя было считать вѣроятнымъ сообщеніе русскими министрами царю этого плана, представленнаго Кинскимъ.

Въ письмахъ Лави, отъ 1719 г., было сказано о личномъ расположеніи царя къ внуку; зато Кампредонъ въ 1723 году говорилъ уже о „ненависти царя къ сыну царевича“. При всемъ томъ, однако, французскій посланникъ считалъ въ 1724 году легко возможнымъ назначеніе внука царя наследникомъ престола. Ожидали, что Петръ I выскажетъ свои соображенія на этотъ счетъ по поводу коронованія Екатерины. Однако вопросъ о правахъ на престолъ внука царя оставался открытымъ до самой кончины Петра Великаго, и Екатерина вступила на престолъ, благодаря удачнымъ дѣйствіямъ ея сторонниковъ, Меншикова, Бассевича и др.

Есть нѣкоторое сходство между отношеніемъ Екатерины I къ юному Петру Алексѣевичу и отношеніемъ Екатерины II къ в. кн. Павлу. Обѣ императрицы не желали довольствоваться регентствомъ во время малолѣтства великихъ князей, считавшихся настоящими законными государями. Въ минуту воцаренія Екатерины II императорскій посолъ, графъ Мерси д'Аржанто писалъ: „Кажется еще сомнительнымъ, не сдѣлала ли новая императрица большой ошибки въ томъ, что возложила корону на себя, а не провозгласила своего сына, великаго князя Павла, самодержцемъ, а себя регентшею имперіи во время его несовершеннолѣтія“. И дѣйствительно, въ первые годы царствованія Екатерины II неоднократно происходили безпорядки съ цѣлью замѣнить ее на престолѣ Павломъ. Этого же можно было ожидать за нѣсколько десятилѣтій раньше, по поводу воцаренія Екатерины I, и современники ожидали тогда безпорядковъ въ пользу правъ Петра II. Въ случаѣ достиженія послѣднимъ совершеннолѣтія при жизни Екатерины I, ея положеніе, безъ сомнѣнія, сдѣлалось бы шаткимъ. Назначеніе Петра Алексѣевича преемникомъ почти наканунѣ кончины Екатерины I имѣло цѣлью предупредить волненіе въ государствѣ. Вопросъ о примиреніи интересовъ дочерей Екатерины I съ правами Петра II стоялъ на первомъ планѣ во все время царствованія второй супруги Петра Великаго. Его права были признаны княземъ Меншиковымъ, руководившимъ всѣми дѣлами, особенно потому, что онъ видѣлъ въ воцареніи Петра II удобное средство упрочить свое положеніе. Сдѣлавшись на фактѣ регентомъ во время малолѣтства Петра II, а далѣе его тестемъ, князь

могъ оставаться по крайней мѣрѣ еще нѣкоторое время настоящимъ главою государства. Онъ не могъ предвидѣть катастрофы, постигшей его нѣскольکو мѣсяцевъ позже.

I.

Личность Петра II.—Вопросъ о его воспитаніи.

Донесенія саксонскаго резидента Лефорта заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя данныя о нравахъ Петра II. Изъ нихъ видно, что уже въ самомъ началѣ новаго царствованія юный императоръ обнаруживалъ нѣкоторую строптивость. Не прошло и двухъ недѣль послѣ кончины Екатерины I, какъ уже Лефортъ писалъ: „Поговариваютъ уже о коронаціи; не знаю, не постараются ли устроить это поскорѣе, такъ какъ молодой царь желаетъ дѣйствовать полнымъ властелиномъ“. Въ то время, когда лѣтомъ 1727 года князь Меншиковъ былъ опасно боленъ и ожидали его кончины, Лефортъ доносилъ своему правительству: „Монархъ говоритъ со всѣми въ тонѣ властелина и дѣлаетъ чтò хочетъ. Онъ не терпитъ пререканій, постоянно занятъ бѣготнею; всѣ кавалеры, окружающіе его, утомлены до крайности“. Въ другой депешѣ саксонскаго резидента сказано, что Петръ II иногда бываетъ раздраженъ противъ Меншикова, и что онъ тогда мститъ на сынѣ князя, котораго „онъ бьетъ кулаками, пока тотъ не попроситъ пощады“... „Царь,—писалъ Лефортъ въ октябрѣ 1727 г.,—похожъ на своего дѣда въ томъ отношеніи, что онъ стоитъ на своемъ, не терпитъ возраженій и дѣлаетъ чтò хочетъ“.

Эти неблагопріятныя извѣстія о нравахъ молодого государя, которому тогда было лишь двѣнадцать лѣтъ, вполне подтверждаются нѣкоторыми замѣчаніями въ донесеніяхъ австрійскихъ дипломатовъ. Въ 1726 году, графъ Рабутинъ хвалилъ наружность Петра, и особенно мягкое выраженіе его лица. Наканунѣ воцаренія Петра, Рабутинъ писалъ, что великій князь при всѣхъ своихъ способностяхъ все-таки не обладаетъ зрѣлымъ сужденіемъ, и что онъ легко можетъ подчиниться людямъ партіи. По случаю воцаренія Петра II,—доносилъ Рабутинъ въ маѣ,—юный государь держалъ себя какъ нельзя лучше, и всѣ удивлялись его такту и умѣнію держать себя. Однако, уже въ іюнѣ 1727 г., Рабутинъ доносилъ: „Иногда юный монархъ намекаетъ на то, что онъ властелинъ“. Послѣ удаленія князя Меншикова, Рабутинъ часто возвращался въ своихъ донесеніяхъ къ этому пред-

мету. Лефортъ рассказываетъ о слѣдующемъ случаѣ, происшедшемъ, лѣтомъ 1727 г., во время опасной болѣзни князя Меншикова. Въ С.-Петербургъ прибылъ фельдмаршалъ Голицынъ и тотчасъ же хотѣлъ побывать у государя. Петръ II, не любившій Голицыныхъ, удалился въ садъ; когда ему доложили о визитѣ фельдмаршала, онъ перешелъ чрезъ мостъ въ саду и запретилъ часовому пускать кого бы то ни было. Голицынъ долженъ былъ удалиться, но на другой день обѣдалъ рядомъ съ царемъ, и Петръ II далъ ему замѣтить, что его присутствие ему неприятно. Не должно забывать при этомъ, что Петръ въ это время былъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ; но очевидно люди, окружавшіе его, обращались съ нимъ отчасти какъ съ взрослымъ человекомъ, и угождали ему какъ государю. Настоящей опеки не было, и такимъ образомъ оказалась возможною катастрофа Меншикова, о которой мы будемъ говорить ниже. И наставники молодого императора не имѣли надъ нимъ достаточнаго авторитета. Скоро послѣ паденія Меншикова случился эпизодъ, о которомъ рассказываетъ секретарь австрійскаго посольства, Караше. При дворѣ была ассамблея, и Остерманъ позволилъ себѣ слѣдовать императору какое-то замѣчаніе, которое, какъ кажется, было внушеніемъ. Петръ II возразилъ на это грубо. Меншиковъ еще скорѣе, чѣмъ кто-либо, могъ сдерживать строптивый нравъ государя; послѣ удаленія его, Петръ II, считая себя свободнѣе прежняго, сталъ еще менѣе церемониться въ обращеніи съ лицами, его окружающими. Такъ, напр., Остерманъ не имѣлъ возможности бороться успѣшно противъ лицъ, оказывающихъ вредное вліяніе на нравъ Петра. Австрійскій дипломатъ Гогенгольцъ доносилъ изъ С.-Петербурга, въ декабрѣ 1727 г., о неловкомъ положеніи Остермана. Будучи, во-первыхъ, министромъ, а во-вторыхъ, официальнымъ главнымъ воспитателемъ Петра, и видя, что имъ одолеваетъ страсть къ увеселеніямъ разнаго рода, онъ все-таки не могъ противорѣчить этому, такъ какъ молодой государь съ часу на часъ все болѣе и болѣе привыкалъ къ мысли, что вся власть находится въ его рукахъ, и что онъ въ сущности можетъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Рассказывая подробнѣе объ увеселеніяхъ и неблаговидномъ поведеніи юнаго монарха, Гогенгольцъ доносилъ Карлу VI, 1-го апрѣля 1728 г.: „Прежде можно было противодѣйствовать всему этому, теперь же нельзя и думать объ этомъ, потому что государь знаетъ свою неограниченную власть и не желаетъ исправиться. Онъ дѣйствуетъ исключительно по своему усмотрѣнію, слѣдуя лишь со-

вѣтамъ своихъ фаворитовъ“ ¹⁾. Какъ скоро въ Россію прибылъ новый австрійскій дипломатъ, графъ Вратиславъ, и онъ тотчасъ же убѣдился въ томъ, что сознание о неограниченной власти, находившейся въ рукахъ слишкомъ юнаго государя, испортило нравъ его. Восхваляя добрыя качества Петра II, его доброе сердце, его умственные способности и пр., Вратиславъ писалъ изъ Москвы, 28-го іюня 1728 г.: „Государь хорошо знаетъ, что располагаетъ полною властью и свободою, и не пропускаетъ случая воспользоваться этимъ по своему усмотрѣнію“ ²⁾.

Въ донесеніи Вратислава, отъ 27-го сентября 1728 г., сказано: „Едва ли возможно заставить заниматься прилежно молодого человѣка послѣ того, какъ ему было дано столько свободы“ ³⁾. Особенно Вратиславъ сожалѣлъ о невозможности для Остермана оказывать вліяніе на Петра. „Прежде,—писалъ австрійскій дипломатъ,—Петръ обращался по всемъ дѣламъ въ Остерману; теперь онъ его не спрашиваетъ, и дѣлаетъ что хочетъ“ ⁴⁾. Достойна вниманія слѣдующая черта въ характерѣ Петра II, о которой доносилъ графъ Вратиславъ императору Карлу VI: „Нельзя не удивляться,—сказано въ шифрованной депешѣ, отъ 1-го декабря 1729 г.,—умѣнію государя скрывать свои мысли; его искусство притворяться—замѣчательно. На прошедшей недѣлѣ онъ два раза ужиналъ у Остермана, надъ которымъ онъ въ то же время насмѣхался въ компаніи Долгорукихъ, предъ Остерманомъ же онъ скрываетъ свои мысли: ему онъ говорилъ противоположное тому, въ чемъ онъ увѣрялъ Долгорукихъ“... „Искусство притворяться,—писалъ Вратиславъ въ другой депешѣ,—составляетъ преобладающую черту характера императора. Его настоящихъ мыслей никто не знаетъ“ ⁵⁾. Можно думать, что не кто иной какъ именно Остерманъ сообщалъ Вратиславу частности о томъ, что происходило при дворѣ.

¹⁾ „...weil er seine despotische Gewalt nur zu gut kennt und zur Correction nicht geneigt ist. Er thut und lässt was ihm beliebt und wozu er durch seine Favoriten gereizt wird“.

²⁾ „Er weiss schon jetzt sein Pouvoir als Souverän und bedient sich stark der Freiheit“.

³⁾ „Es ist schwer einen sich in seiner Frëiheit kennenden jungen Herrn so geschwind ad seriam applicationem zu bringen, nachdem ihm so viel eingeräumt war“.

⁴⁾ Донесеніе отъ 19-го декабря 1729.

⁵⁾ „Besonders ist seine Verstellung zu bewundern.. Er hat Ostermann Alles bis aufs Letzte verborgen und das Gegentheil fest versichert... äusserlich weiss er sich ganz anders... Verstellung ist sein eigenster Charakter, und man weiss seine innerlichen Gedanken nicht“.

Понятно, что австрійскіе дипломаты, столь зорко слѣдившіе за развитіемъ характера Петра II, интересовались вопросомъ о его воспитаніи. Мало того, они постоянно старались оказывать вліяніе на воспитаніе молодого государя, и иногда прямо вмѣшивались въ это дѣло.

О прежнихъ фазисахъ воспитанія Петра намъ очень мало извѣстно. Современники чрезвычайно хвалили благотворное вліяніе гувернантки, г-жи Роо, которой еще при Петрѣ Великомъ былъ порученъ надзоръ надъ Натальею Алексѣевною и ея братомъ. Она, однако, умерла отъ оспы въ 1719 г., значить, тогда, когда Петру Алексѣевичу было четыре года. Съ 1719 г. Семенъ Аванасевичъ Мавринъ, находившійся при Екаторинѣ въ пажахъ съ 1711 г., по указанію ея сдѣлался воспитателемъ великаго князя, но о его значеніи и вліяніи мы ничего не знаемъ. Петръ Великій хотѣлъ-было назначить воспитателемъ внука венгерца Ивана Алексѣевича Зейкина (sic?), бывшего учителемъ въ домѣ Александра Львовича Нарышкина, но это назначеніе, какъ кажется, не состоялось.

Графъ Рабутинъ, бывший въ Россіи при Екаторинѣ I, находилъ, что правительство очень мало заботилось о воспитаніи великаго князя, и что это упущеніе дорого можетъ обойтись самой императрицѣ. Въ этому австрійскій дипломатъ прибавилъ (въ своей депешѣ къ Карлу VI, отъ 6-го октября 1726 г.) замѣчаніе, что вопросъ о воспитаніи Петра Алексѣевича долженъ считаться весьма деликатнымъ, и что затрогиваніемъ его легко можно навлечь на себя негодованіе правительства. Немного позже Рабутинъ писалъ о намѣреніи Екаторины назначить воспитателемъ Петра графа Лёвенвольде. Несмотря на опасность возникнуть вопроса о воспитаніи великаго князя, Рабутинъ около этого же времени говорилъ Меншикову и Остерману о необходимости заняться серьезнѣе прежняго этимъ дѣломъ. Въ письмѣ къ австрійскому министру Шёнборну, Рабутинъ выставилъ на видъ, что въ „народѣ“ при назначеніи воспитателя непременно дадутъ предпочтеніе кому-либо изъ русскихъ. По мнѣнію Рабутина графъ Лёвенвольде былъ способенъ сдѣлаться „директоромъ“ воспитанія Петра. Въ разговорѣ съ Меншиковымъ и Остерманомъ Рабутинъ настаивалъ на томъ, чтобы на великаго князя дѣйствовали съ цѣлью развитія въ немъ здравыхъ мыслей и благородныхъ чувствъ. Нельзя удивляться тому, что Рабутинъ считалъ выборъ воспитателя дѣломъ довольно сложнымъ. „Здѣсь это труднѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ“, писалъ онъ. Однако,

болѣе всего Рабутина смущало нерадѣніе на этотъ счетъ русскихъ министровъ.

Наконецъ, въ мартѣ 1727 г., значить, такъ сказать, наканунѣ воцаренія Петра, Рабутинъ могъ сообщить графу Шёнборну о назначеніи Остермана главнымъ воспитателемъ Петра и Лёвенвольде его помощникомъ. Австрійскій дипломатъ доносилъ, что этотъ выборъ состоялся по личной инициативѣ императрицы Екатерины I и безъ вѣдома герцога голштинскаго, который былъ недоволенъ этимъ назначеніемъ. Пока, однако, Остерманъ не имѣлъ возможности заняться воспитаніемъ наследника престола. Онъ сначала требовалъ удаленія нѣкоторыхъ лицъ, окружавшихъ Петра и состоявшихъ въ связи съ Толстымъ, влияние котораго Остерманъ, очевидно, считалъ вреднымъ. Дѣло педагогической дѣятельности Остермана нѣсколько затянулось, и Рабутинъ однажды въ бесѣдѣ съ княземъ Меншиковымъ указалъ на необходимость заняться, не теряя времени, воспитаніемъ Петра. Въ началѣ мая Рабутинъ писалъ, что Остерманъ вступилъ въ должность воспитателя Петра. Австрійскій дипломатъ ожидалъ замѣчательныхъ успѣховъ отъ этой дѣятельности способнаго и многосторонне образованнаго государственнаго человѣка. По его мнѣнію, Петръ, который между тѣмъ сдѣлался императоромъ, обладалъ всѣми качествами для того, чтобы воспользоваться наставленіями Остермана.

Выборъ воспитателя былъ какъ нельзя болѣе удачнымъ. Сохранился проектъ педагогической программы, тщательно составленной Остерманомъ для молодого государя. Въ планъ ученія входила исторія, географія, математика и пр. О древней исторіи сказано: „Читать исторію и вратѣ главнѣйшіе случаи прежнихъ временъ, перемѣны, приращеніе и умаленіе разныхъ государствъ, причины тому, а особливо добродѣтели правителей древнихъ съ воспослѣдовавшею потомъ пользою и славою представлять. И такимъ образомъ можно во время полугода пройти Ассирійскую, Персидскую, Греческую и Римскую монархіи до самыхъ новыхъ временъ, и можно къ тому пользоваться авторомъ первой части историческихъ дѣлъ Яганомъ Гибнеромъ, а для приискванія (sic) такъ называемымъ Бильдервааломъ“. Далѣе сказано: „Новую исторію трактовать, и въ оной, по приводу г. Пуффендорфа, новое дѣяніе каждаго и особливо пограничныхъ государствъ представлять и впрочемъ извѣстіе о правительствующей фамилии каждаго государства, интересъ, формъ правительства, силъ и слабости по малу подавать“. Затѣмъ: „Географію, отчасти по глобусу, отчасти по ландкартамъ, показывать и къ тому употреблять краткое описаніе Гибнерова“. Далѣе, въ этомъ планѣ

ученія упомянуто о механикѣ и оптикѣ, о геометріи и тригонометріи, о гражданской архитектурѣ и о разныхъ забавахъ и увеселеніяхъ („von den galanten und wohlverständigen Wissenschaften“), въ томъ числѣ „концертъ музыкаскій, стрѣльба, игра подъ названіемъ вальянтеншпиль, бильяръ, ловля на острову“ и пр. Въ общихъ примѣчаніяхъ къ этому плану ученія сказано, что Петръ Великій съ особенною выгодною для себя занимался изученіемъ новыхъ языковъ, и что на этотъ счетъ особенно важными должны считаться языки французскій и нѣмецкій. Говора о пользѣ изученія латинскаго языка, Остерманъ указывалъ на то, что германскіе императоры австрійскаго дома весьма тщательно занимались изученіемъ этого языка. Остерманъ высказалъ надежду, что Академія Наукъ займется составленіемъ учебниковъ для разныхъ предметовъ, которымъ станетъ учиться юный императоръ. Въ особенномъ отдѣлѣ плана ученія Остерманъ говоритъ о распредѣленіи часовъ для ученія. Ради избѣжанія утомленія, по большей части назначены для разныхъ предметовъ получасовые уроки. Ученіе должно было прерываться забавами, упражненіями. Достоянно вниманія еще замѣчаніе наставника о пользѣ чтенія біографій знаменитыхъ государей и мемуаровъ отличившихся своими дѣяніями министровъ и генераловъ.

Какъ видно, начала тогдашней педагогики, выработанныя въ западной Европѣ, должны были оказывать сильное вліяніе на воспитаніе Петра. Нѣмецкіе учебники и другія педагогическія пособія должны были играть важную роль при этомъ случаѣ. Къ тому же и другой наставникъ Петра, Теофанъ Прокоповичъ, написавшій записку: „Какимъ образомъ и порядкомъ надлежитъ багрянороднаго отрока наставлять въ христіанскомъ законѣ“, своимъ образованіемъ былъ обязанъ болѣе всего западной Европѣ. Онъ учился въ Римѣ, былъ знакомъ съ педагогическими началами іезуитскаго ордена, отличался начитанностью въ литературѣ нѣмецкаго протестантизма и могъ вообще считаться необыкновенно многосторонне образованнымъ и просвѣщеннымъ ученымъ.

Въ планѣ ученія Петра II прежде всего бросается въ глаза регулярность занятій, точное распредѣленіе времени. Сохранилась записка, подписанная самимъ Петромъ, гдѣ говорится: „Въ понедѣльникъ пополудни отъ 2 до 3-го часа учиться, а потомъ солдатъ учить; пополудни вторникъ и четвергъ съ собаками на полѣ; пополудни въ среду солдатъ обучать; пополудни въ пятницу съ птицами ѣздить; пополудни въ субботу музыкою и танцваніемъ; пополудни въ воскресенье въ лѣтній домъ и въ тамошніе огороды“.

Въ теоріи все это было какъ нельзя лучше, и дядя Петра II,

императоръ Карлъ VI, могъ быть доволенъ этимъ проеѣтомъ. Однако осуществленіе послѣдняго оказалось невозможнымъ.

То же самое происходило двадцатью годами раньше съ отцомъ Петра II, несчастнымъ царевичемъ Алексѣемъ. Его наставникомъ былъ назначенъ баронъ Бойсенъ; онъ составилъ подробный и обширный планъ ученія, который, однако, оставался на бумагѣ. Въ этомъ планѣ была рѣчь о той самой грамматикѣ французскаго языка, по которой учился дофинъ во Франціи, о пользѣ наукъ, о Пуффендорфѣ, о Фенелонѣ и пр. Все это оказалось лишнимъ, неудобоосуществимымъ, и Алексѣй воспитывался въ сущности совсѣмъ иначе, при чрезвычайно неблагоприятныхъ условіяхъ, которыя много содѣйствовали его катастрофѣ.

Сначала можно было думать, что Остерманъ успѣетъ оказать благотворное вліяніе на молодого государя. Въ бумагахъ Остермана сохранилось слѣдующее писаніе Петра II на латинскомъ языкѣ: „Каждый разъ, когда я съ собою разсуждаю, сколь много надлежащее воспитаніе императора содѣйствуетъ безопасности и благоденствію народа, не могу не принести неизмѣнной признательности свѣтлѣйшей княжнѣ, моей любезнѣйшей сестрѣ, которая меня поучаетъ полезными увѣщаніями, помогаетъ благоразумными совѣтами, изъ которыхъ каждый день извлекаю величайшую пользу, а мои вѣрные подданные ощущаютъ живѣйшую радость. Какъ могу я когда-либо забыть столько заслугъ ко мнѣ? Воистину, чѣмъ счастливѣе нѣкогда будетъ мое государство, тѣмъ болѣе, признавая плоды ея совѣтовъ, поступлю такъ, что она найдетъ во мнѣ благороднаго брата и императора“.

Тутъ и латинскій языкъ, и начала нравственности въ области политики, и ученіе о просвѣщенномъ абсолютизмѣ, и привязанность юнаго государя къ сестрѣ, Натальѣ Алексѣевнѣ. Однако все это оказалось вскорѣ пустыми словами, напыщенными фразами, бумажнымъ краснорѣчіемъ, продиктованнымъ Петру II свыше въ самомъ началѣ его царствованія. Онъ пересталъ учиться, не думалъ болѣе объ обязанностяхъ государя и даже не обращалъ никакого вниманія на совѣты сестры.

По плану Остермана Петръ долженъ былъ каждую среду и пятницу присутствовать въ верховномъ тайномъ совѣтѣ. 21-го іюня, въ началѣ одиннадцатаго часа, императоръ пріѣхалъ въ совѣтъ и объявилъ: „Послѣ какъ Богъ изволилъ меня въ малолѣтствѣ всея Россіи императоромъ учинить, наивысшее мое стараніе будетъ, чтобъ исполнить должность добраго императора, то-есть, чтобъ народъ мнѣ подданный съ богобоязненностью и правосудіемъ управлять, чтобъ бѣдныхъ защищать, обиженнымъ

вспомогать, убогихъ и неправедно отягощенныхъ отъ себя не отогнать, но веселымъ сердцемъ жалобы ихъ выслушать и, по похваленному императора Веспасіана примѣру, никого отъ себя печальнаго не отпускать^а.

И этотъ фактъ произнесенія этой рѣчи государемъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ относится къ самому началу его царствованія, т.-е. къ тому времени, когда Остерманъ могъ еще имѣть нѣкоторое значеніе въ качествѣ воспитателя. Затѣмъ Петръ II не думалъ объ участіи въ засѣданіяхъ совѣта и въ дѣлахъ вообще.

Австрійскій дипломатъ доносилъ, 12-го іюля 1727 г., что дѣло воспитанія юнаго императора не успѣваетъ, и что ему, Рабутину, приходится часто обращаться по этому вопросу къ Меншикову и къ Остерману съ настоятельнымъ требованіемъ, чтобы наконецъ они принялись серьезнѣе за это дѣло. Остерманъ, какъ иностранецъ,—писалъ Рабутинъ,—долженъ бороться съ разными затрудненіями. Люди, окружающіе государя, не заботятся о томъ, чтобы воспитывать императора, заставить его учиться и развить въ немъ твердость здравыхъ сужденій. „Дѣло воспитанія государя идетъ плохо,—писалъ Рабутинъ въ это время;—Остерманъ крайне уступчивъ, стараясь тѣмъ самымъ пріобрѣсть довѣріе своего воспитанника, и въ этомъ заключается сильное препятствіе успѣха. Развлеченія берутъ верхъ; часы ученія не опредѣлены точно, время проходитъ безъ пользы, и государь все болѣе и болѣе привыкаетъ къ своенравію. Я не вижу, чтобы государь былъ прилежнымъ. Объ этомъ можно сожалѣть тѣмъ болѣе, что государь обладаетъ необычайными способностями“.

Какъ видно, въ самомъ началѣ царствованія Петра II ожидали важныхъ результатовъ педагогической дѣятельности Остермана, а вскорѣ явилось полное разочарованіе. Вотъ что доносилъ королю Фридриху Вильгельму I прусскій дипломатъ Мардефельдъ: „Я былъ вчера у его величества императора въ Петергофѣ, гдѣ былъ приглашенъ къ столу. Императоръ сидѣлъ между своею сестрою и княземъ Меншиковымъ. Великая княжна приказала мнѣ сѣсть рядомъ съ нею, а баронъ Остерманъ сидѣлъ съ лѣвой стороны отъ меня. Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что дѣлаютъ всевозможное, чтобы дать императору лучшее воспитаніе, чѣмъ онъ получилъ до сихъ поръ, такъ какъ послѣднее не могло быть особенно хорошимъ: при жизни его дѣда его держали какъ арестанта, и онъ былъ окруженъ лишь дурными людьми. Теперь же я могъ замѣтить, что умная великая княжна, баронъ Остерманъ и графъ Лёвенвольде словно сговорились воспитать его разумно“. Въ письмѣ Мардефельда, отъ 17-го іюня 1727 г., ска-

зано: „Баронъ Остерманъ прилагаетъ съ большимъ искусствомъ до того превосходныя мѣры къ воспитанію императора, что графъ Рабутинъ, послѣ каждаго своего возвращенія въ Петергофа, не можетъ достаточно нахвалиться ими“. Мардефельдъ имѣлъ случай бесѣдовать подробно съ Остерманомъ о воспитаніи Петра и доносилъ королю: „Въ частномъ разговорѣ Остерманъ передалъ мнѣ, съ великою радостью, какъ онъ въ настоящее время добился, что молодой императоръ ежедневно слушаетъ его наставленія въ государственныхъ дѣлахъ, внутреннихъ и вѣнскихъ. Каждое утро императоръ приходитъ къ нему въ халатъ и питаетъ къ нему такую любовь и довѣріе, которыя нельзя выразить словами“.

Рабутинъ, напротивъ, не переставалъ жаловаться на нерегулярность въ дѣлѣ воспитанія Петра. Послѣ паденія Меншикова происходили при дворѣ пиршества, въ которыхъ участвовалъ государь. Дворъ собирался въ Москву, безпорядокъ въ образѣ жизни Петра II усилился.

Послѣ кончины Рабутина, секретарь австрійскаго посольства, Гогенгольцъ, часто бесѣдовалъ съ Остерманомъ о воспитаніи Петра. Карлъ VI въ этомъ отношеніи сильно безпокоился и требовалъ настоятельно, чтобы не было сдѣлано упущенія въ дѣлѣ благопріятнаго развитія характера и умственныхъ способностей племянника. Гогенгольцъ писалъ въ началѣ 1728 г., что имѣлъ случай видѣть юнаго императора и убѣдиться самолично въ прискорбныхъ результатахъ безпорядочнаго воспитанія его. Онъ даже прямо высказалъ свое сожалѣніе объ этомъ сестрѣ императора, Натальѣ Алексѣевнѣ. Самого Петра Гогенгольцъ умолялъ щадить свое здоровье, не выѣзжать въ ненастную погоду и т. п.

Около этого времени, т.-е. скоро послѣ переѣзда въ Москву двора, туда прибылъ испанскій посолъ дюкъ де-Лирія, который былъ очень часто при дворѣ, видѣлъ постоянно Петра II, былъ друженъ съ фаворитомъ государя и могъ составить себѣ точное понятіе о личности послѣдняго. Онъ считалъ Петра „одареннымъ проникательнымъ умомъ и рѣшительнымъ характеромъ“. Вотъ характеристика Петра II, составленная испанскимъ посломъ послѣ кончины молодого императора: „Добрыя качества сего государя давали надежду на счастливое и славное царствованіе. Въ немъ было много ума, смѣтливости и скромности. Въ немъ не было замѣтно никакой наклонности къ какимъ-либо порокамъ, а пьянство, въ то время общее, совсѣмъ не было по его вкусу. Собой онъ былъ очень красивъ и росту чрезвычайнаго по своимъ лѣтамъ. Онъ хорошо говорилъ по-нѣмцки, по-латыни и по-фран

цуски, и имѣлъ хорошія понятія въ наукахъ. Но, сдѣлавшись государемъ въ 11 лѣтъ, оставилъ совсѣмъ науки, а окружавшіе его русскіе старались отводить его отъ чтенія, чтобы онъ не научился. Онъ не имѣлъ еще столько твердости духа, чтобы дѣйствовать по собственному побужденію* и пр. Въ особой статьѣ дюка де-Лирія, приложенной къ его запискамъ („Характеры лицъ, бывшихъ при русскомъ дворѣ“), сказано между прочимъ: „Хотя и трудно сказать что-либо рѣшительное о характерѣ 14-лѣтняго государя, но можно было догадываться, что онъ будетъ вспыльчивъ, рѣшителенъ и, можетъ быть, жестокъ. Хотя съ приближенными къ нему онъ обходился ласково, однакоже не забывалъ своего высокаго сана и не вдавался въ слишкомъ короткія связи. Онъ быстро понималъ все, но былъ осмотрителенъ... Онъ могъ бы быть со временемъ великимъ государемъ, еслибы удалось ему поправить недостатокъ воспитанія“.

Герцогъ Лирійскій, очевидно, отзывался объ императорѣ выгоднѣе, чѣмъ австрійскіе дипломаты. Гогенгольцъ и Вратиславъ жаловались на Петра II за то, что онъ не хотѣлъ бесѣдовать съ ними по-нѣмецки, упорно молчалъ въ ихъ присутствіи или же довольствовался киваніемъ головы въ знакъ, что онъ понялъ то, что эти дипломаты ему говорили.

Видя нерегулярность воспитанія Петра II, графъ Вратиславъ обратился къ герцогу Лирійскому съ просьбою подѣйствовать на Ивана Долгорукаго, чтобы фаворитъ заставилъ императора учиться. Партія Долгорукихъ,—доносила графъ Вратиславъ,—уговаривала Петра избѣгать употребленія нѣмецкаго языка. Очевидно, въ этомъ направленіи трудился особенно отецъ фаворита, тогда какъ графъ Вратиславъ, равно какъ и герцогъ Лирійскій, не терялъ надежды оказывать на Петра II благотворное вліяніе чрезъ Ивана Долгорукаго. Эта надежда оказалась тщетною. Никто не могъ успѣшно бороться противъ вреднаго вліянія Долгорукихъ, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго эпизода, о которомъ сообщаетъ подробно графъ Вратиславъ.

Лѣтомъ 1728 г., Остерманъ придумалъ средство для того, чтобы, соединяя пріятное съ полезнымъ, привлечь Петра къ нѣсколько болѣе серьезнымъ занятіямъ и заставить его отказаться отъ постоянныхъ разѣздовъ на охоту и другихъ развлеченій. Воспитатель государя хотѣлъ-было развить въ Петрѣ страсть къ военному искусству, устраивая въ нѣсколько болѣшихъ размѣрахъ маневры. Для этой цѣли Остерманъ предполагалъ устроить около древней столицы лагерь, гдѣ должны были происходить военныя упражненія. Быть можетъ, это средство оказалось бы и цѣлесо-

образнымъ. Однако, какъ видно изъ писемъ графа Вратислава, проектъ не состоялся; какъ кажется, возни лицъ, окружающихъ юнаго монарха, помѣшали осуществленію его. Разъѣзды Петра продолжались, и Остерманъ не имѣлъ никакой возможности оказывать какое-либо прямое вліяніе на своего воспитанника. Вратиславъ находилъ, что постоянное пребываніе на охотѣ, разъѣзды, дачная жизнь развивали въ Петрѣ застѣчивость и дикость. Къ тому же нерегулярный образъ жизни содѣйствовалъ расстройству его здоровья. Осенью 1728 Петръ II, уѣзжая на нѣсколько недѣль на охоту, обѣщалъ Остерману исправиться послѣ возвращенія въ столицу, заняться дѣлами, присутствовать въ засѣданіяхъ верховнаго тайнаго совѣта; Остерманъ въ свою очередь заявилъ, что въ случаѣ продолженія разгульной жизни Петра онъ не останется болѣе его наставникомъ. Вратиславъ, узнавъ объ этомъ намѣреніи Остермана, умолялъ его не покидать этого поста. Въ ноябрѣ 1728 графъ Вратиславъ, узнавъ объ опасной болѣзни принцессы Натальи Алексѣевны, сожалѣлъ объ этомъ, между прочимъ, потому, что не было болѣе надежды чрезъ нее дѣйствовать на ея брата. Когда австрійскій дипломатъ по поводу кончины Натальи Алексѣевны побывалъ у Петра II, онъ воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы умолять его щадить свое здоровье. Петръ, однако, не отвѣчалъ ни слова. Около этого же времени графъ Вратиславъ бесѣдовалъ съ Иваномъ Долгорукимъ о необходимости перемѣны образа жизни молодого императора; то же самое австрійскій дипломатъ говорилъ и фельд-маршалу Долгорукову, выставляя на видъ, что Карлъ VI, какъ близкій родственникъ Петра, не можетъ относиться равнодушно къ вопросу о воспитаніи племянника и считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ это дѣло. Вратиславъ высказалъ при этомъ крайнее свое сожалѣніе, что никто не думаетъ о томъ, чтобы приучать Петра къ занятіямъ дѣлами, и что постоянное отсутствіе государя отзывается вредно на ходѣ дѣлъ. Остерманъ говорилъ Вратиславу въ мартѣ 1729, что не должно терять надежды и что при необычайныхъ способностяхъ Петра можно ожидать большихъ успѣховъ, лишь бы было прилежаніе (*application*). Въ маѣ 1729 Вратиславъ предложилъ австрійскому министру, графу Зинцендорфу, прислать въ Австрію специалиста-охотника, котораго можно бы было отпрать въ Россію какъ бы съ цѣлью быть помощникомъ Петра въ этомъ спортѣ, но который въ то же самое время могъ бы незамѣтнымъ для самого государя образомъ развить въ немъ склонность къ ученію и къ дѣламъ. Объ этомъ проектѣ говорится часто и въ другихъ письмахъ графа Врати-

слава. Быть можетъ, австрійскій дипломатъ вспомнилъ при этомъ случаѣ о пользѣ знакомства Петра Великаго съ Лефортомъ, который, угождая царю и не мѣшая попойкамъ его, все-таки своимъ многостороннимъ образованіемъ и бесѣдою о разныхъ предметахъ содѣйствовалъ расширенію умственного кругозора государя. О личномъ вліяніи графа Вратислава на Петра не могло быть рѣчи. При аудіенціяхъ Петръ не говорилъ ни слова, не отвѣчалъ на вопросы австрійскаго дипломата, становился все болѣе и болѣе дикимъ и грубымъ и развѣ только въ видѣ самаго рѣдкаго исключенія говорилъ два, три слова по-нѣмецки съ конюхами, которые были посланы въ Россію Карломъ VI.

Однажды—то было въ ноябрѣ 1729,—значить, за нѣсколько недѣль до скоропостижной кончины Петра,—графъ Вратиславъ, бывъ при дворѣ, имѣлъ случай бесѣдовать съ государемъ. Съ величайшею радостью онъ писалъ Карлу VI, что Петръ сказалъ ему нѣсколько словъ по-нѣмецки, и что произношеніе этихъ словъ было внятно и правильно. Австрійскій дипломатъ воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы замѣтить въ бесѣдѣ съ Петромъ, что императоръ Карлъ VI и его супруга, тетка юнаго монарха, весьма обрадовались бы, еслибы имѣли случай убѣдиться самолично въ умнѣнѣ Петра говорить по-нѣмецки. Петръ возразилъ, что умѣетъ цѣнить вниманіе къ нему императора и императрицы.

Такіе случаи давали графу Вратиславу высоекое понятіе о способностяхъ молодого государя. Ему казалось, что Долгорузіе нарочно отвлекали его отъ серьезныхъ занятій, надѣясь, что онъ будетъ неспособнымъ заниматься дѣлами и что тѣмъ самымъ будутъ обезпечены ихъ олигархическія стремленія. Графъ Вратиславъ около этого времени, когда зашла рѣчь о бракѣ государя съ княгинею Екатериною Алексѣевною Долгорукою, въ донесеніи Карлу VI выразилъ надежду, что авось супруга молодого государя сдѣлаетъ сдѣлается его воспитателемъ и окажетъ благоприятное вліяніе на него.

Еще наканунѣ кончины Петръ обнаружилъ вѣкоторую способность къ занятіямъ. Изъ донесеній Вратислава мы узнаемъ о слѣдующемъ обстоятельствѣ, о которомъ пока ничего не было извѣстно изъ другихъ источниковъ. Въ январѣ 1730 графъ Вратиславъ доносилъ, что Петръ полюбилъ музыку, и что онъ въ самое послѣднее время прилежно упражняется на виолончели. Страсть эта была такова, что и успѣхи были значительны. Послѣ немногихъ уроковъ Петръ выучился играть два менуэта. Графъ Вратиславъ удивлялся этому тѣмъ болѣе, что до этого государь никогда не занимался музыкою и не имѣлъ понятія о виолончели.

Людымъ, окружавшимъ Петра II, даже и это занятіе не нравилось, и они старались отвлечь его отъ музыки; онъ, однако, при этомъ случаѣ, какъ доносилъ Вратиславъ, выказалъ твердую волю, замѣчая, что, наконецъ, юный императоръ самъ сознаетъ необходимость учиться. „Дай Боже“,—писалъ австрійскій дипломатъ,— „чтобы это сдѣлалось началомъ болѣе солидности“.

Но вскорѣ послѣ этого Петръ II скончался.

II.

Владычество Меншикова.

Меншиковъ былъ главнымъ виновникомъ воцаренія Петра II. Недаромъ онъ еще во время царствованія Екатерины I мечталъ о томъ, чтобы выдать свою дочь за великаго князя. Въ качествѣ тестя молодого императора, онъ легче всего могъ бы удержать къ своихъ рукахъ всю власть.

Однако, затронутый еще до перемѣны на престолѣ вопросъ о бракѣ Петра—до его воцаренія оставался открытымъ. Меншиковъ пока довольствовался возведеніемъ на престолъ молодого государя, рассчитывая на то, что осуществленіе проекта брака не встрѣтитъ препятствія.

Меншиковъ началъ съ того, что перевезъ Петра тотчасъ же послѣ кончины Екатерины I въ свой домъ на Васильевскій Островъ. Далѣе, онъ получилъ давно желанное званіе генералиссимуса, получить которое такъ хотѣлось и герцогу голштинскому при Екатеринѣ I.

Рабутинъ доносилъ Карлу VI, что Петръ самолично въ засѣданіи верховнаго тайнаго совѣта сдѣлалъ предложеніе удостоить Меншикова этого чина, и что это предложеніе было принято. „Никто“—сказано въ депешѣ австрійскаго дипломата— „не противорѣчилъ этому, и даже герцогъ голштинскій, замѣтивъ, что всѣ другіе члены совѣта къ тому были приготовлены, изъявилъ свое согласіе“... „Тѣмъ самымъ“—прибавилъ Рабутинъ— „значеніе и власть князя значительно усилились“.

Способъ дѣйствія Петра II при этомъ случаѣ заставляетъ думать, что государь какъ будто не считался малолѣтнимъ, что настоящаго регентства не было, и что господствовало начало полнаго, безусловнаго произвола. Въ сущности же, о какомъ бы то ни было самостоятельномъ дѣйствіи вѣнцепосца-отрова нельзя было и думать. Замѣтка въ донесеніи Рабутина, что члены со-

вѣта „къ тому были приготовлены“, указываетъ на нѣкоторую махинацію, виновникомъ которой, конечно, былъ самъ князь.

Лефортъ доносилъ польскому королю 24-го мая: „Вчерашнее повышение князя Меншикова привело въ такое смущеніе голштинскій дворъ и царское семейство, что до сихъ поръ они не могутъ придти въ себя. Изъ этого видно, что Меншиковъ пользуется властью; у нихъ же только осталось одно названіе“ и т. д.

Иностранные дипломаты были также озадачены неограниченною властью князя. Баронъ Мардефельдъ писалъ прусскому королю, 24-го и 26-го мая: „Могущество Меншикова невообразимо возросло въ нѣсколько дней. Онъ вполне овладѣлъ и душою, и личностью молодого императора, который окруженъ лишь креатурами Меншикова, и для предохраненія его отъ вліянія другихъ лицъ онъ живетъ въ домѣ Меншикова. Князь уступилъ императору половину дворца и домикъ въ саду. Такое раздѣленіе имѣетъ слѣдствіемъ расстройство государственныхъ дѣлъ и засѣданій верховнаго тайнаго совѣта. Однимъ словомъ, все, что только пожелаетъ князь Меншиковъ и баронъ Остерманъ, могло считаться уже исполненнымъ, и правительственный совѣтъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ скоромъ времени сдѣлается только пустымъ украшеніемъ. Этимъ, однако, князь вызоветъ одни лишь несогласія и навлечетъ на себя неугасимую ненависть. Вчера онъ велѣлъ объявить себя генералиссимусомъ; легко разумѣть, какія отъ этого произойдутъ столкновенія между нимъ и герцогомъ голштинскимъ“. И далѣе: „Императоръ отдался теперь совершенно въ руки князя Меншикова и живетъ у него въ домѣ. Всѣ, которыхъ онъ когда-либо любилъ и которые находились на его сторонѣ, отстраняются отъ него и отправляются на службу въ Сибирь, Казань и подобныя мѣста. Князь никому не дозволяетъ разговаривать съ императоромъ, если самъ или кто-нибудь изъ его повѣренныхъ не присутствуютъ при этомъ. А также увѣряютъ меня, будто онъ намѣренъ обнести свой домъ палисадникомъ, что обращаетъ на себя общее сильнѣйшее вниманіе и вызываетъ общій ропотъ. Этимъ князь Меншиковъ навлечетъ на себя безконечныя подозрѣнія и ненависть, которыя ему угрожаютъ пагубными для него послѣдствіями. Герцогъ голштинскій рѣшился не противоудѣйствовать князю ни въ чемъ и не вмѣшиваться ни въ какія дѣла“, и т. д.

Графъ Рабутинъ былъ высокаго мѣннія о способностяхъ Меншикова и еще при Екатеринѣ I постоянно твердилъ въ донесеніяхъ въ Карлу VI, что въ видахъ поддержанія интересовъ Австріи нужно всячески стараться задобрить князя. Въ минуту воцаренія Петра II, австрійскій дипломатъ былъ весьма доволенъ

сосредоточеніемъ всей власти въ рукахъ Меншикова, такъ какъ и этотъ послѣдній, и Остерманъ увѣрили Рабутина въ прочности чрезвычайно благопріятныхъ отношеній между Россією и Австрією. Однако въ то же время Рабутинь, зная Меншикова, повторялъ, что нужно употреблять разныя средства для того, чтобы сохранить расположеніе князя въ пользу Австріи. „Мы должны стараться“ — сказано въ донесеніи Рабутина — „внушать князю мысль о нѣкоторой умѣренности; честолюбіе его заставитъ мечтать о расширеніи своей власти; но если онъ будетъ внимателенъ къ моимъ совѣтамъ, можно надѣяться на устраненіе этой опасности. Къ тому же необходимо дѣйствовать за-одно съ Остерманомъ, на солидность и справедливость идей котораго можно положиться“.

Вопросъ о бракѣ Петра съ дочерью Меншикова въ послѣднее время царствованія Екатерины, какъ уже было сказано, оставался открытымъ. Теперь же никто не сомнѣвался въ томъ, что князь безъ замедленія станетъ хлопотать о рѣшеніи этого вопроса. Рабутинь доносилъ Карлу VI, 31-го мая, что имѣлъ случай бесѣдовать объ этомъ дѣлѣ съ сестрою императора, которая должна была также и тотчасъ же послѣ кончины императрицы Екатерины поселиться во дворцѣ Меншикова на Васильевскомъ Острову. Туда ежедневно прѣзжали вельможи; туда отправлялся часто и Рабутинь, имѣвшій, въ качествѣ представителя близкихъ родственниковъ Петра и Натальи, свободный доступъ къ послѣднимъ. Онъ даже мечталъ о наймѣ квартиры на Островѣ, но опасался тѣмъ самымъ возбудить зависть другихъ дипломатовъ и оставался жить на лѣвомъ берегу Невы. При одномъ изъ такихъ свиданій и интимныхъ разговоровъ съ Натальею Алексѣевною она говорила австрійскому дипломату: „Нѣтъ никакой возможности превословить Меншикову въ дѣлѣ брака; это было бы слишкомъ опасно, послѣ того какъ Меншиковъ и Остерманъ доставили Петру самый престолъ. Во время малолѣтства государя — безъ Меншикова обойтись невозможно, такъ какъ онъ пользуется *кредитомъ*“. Въ то же время Наталья Алексѣевна довѣрила Рабутину тайну, сообщая ему, что Петръ II чувствуетъ сильнѣйшее отвращеніе къ дочери Меншикова, назначенной ему въ невѣсты. Рабутинь, соглашаясь съ великою княжною въ томъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ противиться проекту брака нѣтъ никакой возможности, прибавилъ, что со временемъ, особенно въ виду разстроеннаго здоровья князя, обстоятельства могутъ измѣниться, и тогда можно будетъ думать о бракѣ Петра съ одною изъ эрцгерцогинь. Сообщая обо всемъ этомъ Карлу VI, Рабутинь просилъ инструкцій, какъ дѣйствовать по этому вопросу, прибавляя, что Петръ II,

по мнѣнію его сестры, непременно предпочелъ бы какую-либо иностранную принцессу дочери князя Меншикова.

Предположеніе, что Меншиковъ не станетъ медлить рѣшеніемъ вопроса о сговорѣ, вполне оправдалось. Тайный верховный совѣтъ состоялъ въ это время подъ непосредственнымъ вліяніемъ князя. Въ немъ присутствовали часто лишь три члена: Апраксинъ, Головинъ и Голицынъ. Иногда отъ свѣтлѣйшаго князя объявлялись приказы, что онъ „изволилъ“ издать такой-то указъ. Теперь же, въ самомъ началѣ іюня, въ совѣтъ явился Остерманъ и объявилъ отъ имени императора, что послѣдній выбралъ себѣ будущю супругою старшую дочь князя Меншикова; верховный тайный совѣтъ тотчасъ одобрилъ этотъ выборъ и поздравилъ съ нимъ императора.

Мы обязаны графу Рабутину сообщеніемъ очень важныхъ данныхъ о томъ, какъ о томъ бракѣ думали самъ женихъ и великая княжна Наталья Алексѣевна. Данные въ его донесеніи, отъ 5-го іюня, столь важны, что съ ними былъ отправленъ въ Вѣну особый курьеръ. Вотъ извлеченіе изъ разсказа Рабутина.

Въ воскресенье у императора обѣдали гости, въ томъ числѣ и Рабутинъ. Послѣ обѣда всѣ разошлись; остались втроемъ лишь Петръ II, его сестра и австрійскій посланникъ. Тогда молодой государь обратился къ Рабутину съ просьбою откровенно высказать свое мнѣніе о предстоявшемъ бракѣ. Къ этому Петръ II присоединилъ желаніе руководствоваться въ этомъ дѣлѣ совѣтами Рабутина. Послѣдній возразилъ на это, что все это дѣло было предметомъ тщательныхъ заботъ князя Меншикова, что Петръ II обязанъ своимъ воцареніемъ главнымъ образомъ послѣднему и барону Остерману и что, какъ казалось, Остерманъ еще болѣе, чѣмъ Меншиковъ, былъ сторонникомъ правъ Петра. Рабутинъ прибавилъ, что желаніе Меншикова доставить дочери столь блестящее положеніе, какъ можно было думать, вполне согласовалось съ желаніями Петра II, который впрочемъ самъ долженъ знать, какъ относиться къ этому проекту. Рабутинъ далъ почувствовать молодому государю, что князь Меншиковъ имѣетъ полное право на его признательность и послѣдній долженъ, особенно въ самомъ началѣ своего царствованія, избѣгать выказывать неблагодарность. Въ заключеніе Рабутинъ совѣтовалъ Петру обратиться въ этомъ вопросѣ къ верховному тайному совѣту и къ синоду.

Петръ II, выслушавъ аргументацію Рабутина, спросилъ: „Неужели мнѣ уже теперь пора жениться?“ Рабутинъ отвѣтилъ, что для самаго брака государь не достигъ надлежащаго возраста, но что сговоръ можетъ состояться немедленно.

Тогда Петръ II далъ почувствовать Рабутина свое отвращеніе къ дочери Меншикова. Рабутинь замѣтилъ, что до самаго брака далеко, что до этого остается четыре года, или даже пять лѣтъ, и что тѣмъ временемъ Петръ II, быть можетъ, полюбитъ свою невѣсту, или же съумѣетъ устроить это дѣло иначе, по своему усмотрѣнію.

Передавая объ этомъ разговоръ Карлу VI, Рабутинь выставилъ на видъ свое затруднительное положеніе. Легко могло случиться, что Меншиковъ узналъ бы объ этой интимной бесѣдѣ Рабутина съ Петромъ и Натальею. Поэтому онъ долженъ былъ дѣйствовать вѣрнѣе осторожно и избѣгать выраженій, которыя могли бы повредить ему въ глазахъ Меншикова. Въ душѣ Рабутинь не одобрялъ проекта брака Петра II съ дочерью князя, предпочитая выборъ невѣсты за границею, — если возможно, въ Австріи. Предотвратить же сговоръ было почти невозможно. Вотъ почему Рабутинь, возражая общими мѣстами и особенно послѣднимъ аргументомъ о возможности измѣненія до поры до времени обстоятельствъ, намекнулъ на полную свободу дѣйствій Петра въ будущемъ. Онъ замѣчаетъ, что и Наталья Алексѣевна хорошо поняла настоящій смыслъ его выраженій.

Далѣе, Рабутинь въ этой же депешѣ сообщаетъ довольно важныя данныя о томъ, какъ вообще въ Россіи думали объ этомъ бракѣ. „Вельможи“, — сказано, — „кажется, согласны съ этимъ проектомъ. Однако въ сущности они ожидаютъ, что разстроенное здоровье Меншикова лишитъ его значенія, и что Петръ II не будетъ болѣе нуждаться въ князѣ. Сговоръ не можетъ быть обязательнымъ для Петра, если онъ не почувствуетъ привязанности къ невѣстѣ; онъ съумѣетъ высвободиться изъ-подъ опеки князя и станетъ свободнѣе съ нимъ говорить“, и т. д.

Вѣроятно, и князь сознавалъ, что его положеніе было не безопасно, и что Петръ не былъ расположенъ къ невѣстѣ. Онъ именно въ эти дни обратился къ Рабутину съ просьбою уговорить молодого государя, чтобы тотъ согласился на сговоръ. Рабутинь отвѣтилъ Меншикову, что онъ уже сдѣлалъ все возможное въ этомъ отношеніи, но что прежде всего нужно заручиться согласіемъ верховнаго тайнаго совѣта и синода. Меншиковъ, очевидно, не желалъ откладывать рѣшенія дѣла, а между тѣмъ австрійскій дипломатъ узналъ о слѣдующемъ довольно важномъ обстоятельстве: Петръ II, чувствуя отвращеніе къ младшей дочери князя, предпочиталъ ей старшую, которая, по прежнимъ предположеніямъ, должна была вступить въ бракъ съ Сапѣгою. Рабутинь удивлялся скрытности молодого монарха, который говорилъ нѣсколько болѣе откровенно лишь съ

сестрою: изъ этихъ бесѣдъ его съ Натальею Алексѣевною было видно, что Петръ собственно не любитъ и старшей дочери князя, но что его „отвращеніе къ ней было не такъ сильно, какъ къ ея сестрѣ“.

Рабутинъ не считалъ возможнымъ вмѣшиваться въ это дѣло. Онъ не безъ основанія ожидалъ, что со временемъ осуществленіе чрезмѣрно честолюбивыхъ замысловъ Меншикова окажется невозможнымъ, и что Петръ успѣетъ отдѣлаться отъ невѣсты, которую ему навязывали противъ его воли. Между тѣмъ совѣтъ и синодъ успѣли изъяснить согласіе, и въ этой же самой депешѣ Рабутина, въ которой сообщены всѣ эти любопытныя частности, сказано: „Сегодня будетъ сговоръ“. Въ тотъ же самый вечеръ Рабутинъ писалъ къ графу Зинцендорфу: „Церемонія сговора состоялась. Юный государь при этомъ случаѣ держалъ себя отлично“.

Невѣстою Петра сдѣлалась старшая дочь князя, бывшая невѣста молодого графа Сакъги, княжна Марія Александровна. Саксонскій резидентъ Лефортъ писалъ, 7 іюня: „Вотъ наконецъ княжна готова вступить на престолъ Россіи, къ великому удивленію всѣхъ, такъ какъ никто не думалъ, чтобы это могло такъ скоро случиться. Увѣряютъ, что скоро будетъ свадьба и коронація. Эта внезапная перемѣна произошла не безъ вѣдома фельдмаршала Сакъги, который, быть можетъ, въ другомъ случаѣ не захотѣлъ бы отказаться отъ прежняго сговора, но такъ какъ императоръ самъ предпочелъ младшей дочери старшую, обѣщанную другому (Сакъгѣ), полагаютъ, что фельдмаршалъ и его сынъ будутъ вознаграждены“.

Всѣ понимали, что состоявшійся сговоръ Петра съ дочерью князя долженъ былъ считаться сильнымъ средствомъ упроченія положенія Меншикова. Во всѣхъ церквахъ на ектеніи упоминали о невѣстѣ, называя ее по имени, тогда какъ о членахъ царской фамиліи при этомъ была рѣчь лишь въ общихъ выраженіяхъ. Ожидали, что князь прежде всего повончитъ съ герцогомъ голштинскимъ и его супругою. Ему были хорошо извѣстны прежнія старанія Карла-Фридриха погубить его, Меншикова; теперь же онъ имѣлъ всю власть расплатиться съ прежнимъ соперникомъ. Рабутинъ старался сдерживать князя въ этомъ отношеніи; онъ же умолялъ Карла VI заступиться за герцога голштинскаго,—однако власть князя оказалась неограниченною. Къ тому же Меншикову передавали частности о разныхъ неосторожныхъ выраженіяхъ, которыя употреблялъ герцогъ насчетъ

князя. Рабутичъ, крайне сожалѣя о неосторожности герцога, ничего не могъ сдѣлать въ его пользу.

Особенно рельефно о деспотизмѣ Меншикова писалъ саксонскій дипломатъ Лефорть. Такъ, напр., въ его донесеніи, отъ 7 іюня, говорится: „Здѣсь никогда не боялись и не слушались такъ покойнаго царя (Петра Великаго), какъ теперь Меншикова; все преклоняется передъ нимъ, все подчиняется его приказаніямъ, и горе тому, кто его ослушается. Внушили голштинскому двору и великой княгинѣ Елизаветѣ не являться во двору въ продолженіе четырехъ или пяти недѣль по причинѣ господствовавшей въ городѣ болѣзни...¹⁾ мнѣ кажется, что Меншиковъ задумываетъ женить своего сына на сестрѣ государя... Мнѣ кажется, что онъ хочетъ сдѣлать изъ своей младшей дочери герцогиню курляндскую, выдавъ ее замужъ за принца бранденбургскаго или кого другого“.

Около того времени рассказывали и о разныхъ безпорядкахъ, вызванныхъ общимъ раздраженіемъ противъ князя. Самъ Меншиковъ говорилъ Рабутину объ этомъ, и Остерманъ также намекалъ на опасность, угрожавшую князю. Болѣе сорока человекъ, впрочемъ принадлежавшихъ къ низшимъ классамъ, было арестовано. Что касается до Петра II, то онъ считался безопаснымъ; онъ пользовался всеобщимъ расположеніемъ, но зато считали возможнымъ покушеніе на Меншикова. Рабутичъ писалъ о слѣдующемъ эпизодѣ: „Однажды, ночью, князь вошелъ въ спальню молодого монарха, для того, чтобы убѣдиться самолично въ томъ, что дверь замкнута.—Я не боюсь,—сказалъ Петръ II князю:—мнѣ никто ничего не сдѣлаетъ; я никому не давалъ повода быть мною недовольнымъ“.

Въ шифрованной депешѣ Лефорта, отъ 28 іюня, сказано: „Меншиковъ продолжаетъ сажать въ темницу не только тѣхъ, которые совершили какое-либо государственное преступленіе, но и всѣхъ тѣхъ, которые находятъ что-нибудь сказать противъ его верховной власти. Такіе случаи насилія возбуждаютъ ропотъ. Правда, что всѣ его очень боятся, но зато и ненавидятъ. Его торопливость устроить сговоръ дочери не мало тому содѣйствуетъ; предполагаемый (prétendu) его зять первый позволяетъ себѣ нѣсколько колкія выраженія (en glose) и совсѣмъ не любитъ своей невѣсты“.

¹⁾ По этой же причинѣ, благодаря свирѣпствовавшей въ это время оспѣ, было запрещено всѣмъ, у кого дома были больные, проходить чрезъ Васильевскій Островъ, тѣмъ менѣе около дворца Меншикова. Благодаря этому, герцогъ и герцогиня, пребывавшіе въ Екатерингофѣ, изъявили лишь письменно свое согласіе на сговоръ и не участвовали въ церемоніи. См. Сб. Ист. Общ., т., стр. 476—477.

Все это подтверждается и донесеніемъ Рабутина, отъ 28 іюня, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „Меншиковъ вѣроятно скоро убѣдится въ томъ, что не можетъ безусловно рассчитывать на совершение брака дочери“.

Общее раздраженіе противъ Меншикова высказалось и при слѣдующемъ эпизодѣ, о которомъ пишетъ графъ Рабутинъ. Русскій дипломатъ въ Стокгольмѣ, Василій Лукичъ Долгорукій, въ бесѣдѣ съ тамошнимъ австрійскимъ дипломатомъ, Фридагомъ, жаловался на крайній деспотизмъ Меншикова, замѣчая при этомъ, что нужно заботиться объ обезпеченіи правъ древнихъ знатныхъ фамилій въ Россіи. Объ этой бесѣдѣ узналъ голштинскій дипломатъ въ Стокгольмѣ и сообщалъ о ней Басевичу, который въ свою очередь счелъ нужнымъ сообщить объ этомъ Остерману. Рабутинъ опасался неблагоприятныхъ послѣдствій отъ этой сплетни и просилъ австрійскаго министра, графа Зинцендорфа, сдѣлать Фридагу внушеніе за неосторожный образъ дѣйствій.

Рабутинъ, какъ мы видѣли, считалъ легко возможнымъ, что разстроенное здоровье Меншикова доставитъ государю полную свободу дѣйствій по вопросу о бракѣ. И дѣйствительно, князь въ іюлѣ заболѣлъ столь опасно кровохарканіемъ и лихорадкою, что ожидали его кончины. Самъ онъ не надѣялся оставаться въ живыхъ и написалъ извѣстное наставительное письмо императору, въ которомъ указывалъ ему его обязанности относительно Россіи, этой „недостроенной машины“, увѣщевалъ слушаться Остермана и министровъ и быть правосуднымъ. Князь, далѣе, въ письмѣ къ членамъ верховнаго тайнаго совѣта поручалъ имъ свою семью. Иностранные дипломаты начали обсуждать вопросъ о послѣдствіяхъ кончины князя. Такъ, напр., Лефортъ писалъ въ шифрахъ: „Если князь Меншиковъ умретъ,—на это будутъ смотреть какъ на худо и добро. На добро потому, что избавятся отъ безграничной власти, которую никто не осмѣлился бы себѣ присвоить, и древнія фамиліи снова займутъ свое прежнее положеніе. Многіе того мнѣнія, что князь Дмитрій Голицынъ, человекъ грубый, но честный, могъ бы стать во главѣ правительства, а братъ его, фельдмаршалъ, во главѣ войскъ. Родственники императора всегда къ нему привязаны, и потому это легко можетъ случиться. На смерть Меншикова смотреть какъ на несчастіе въ томъ смыслѣ, что никто не можетъ замѣнить его въ дѣлѣ исполнительной власти, и никто не захочетъ взять на себя всю тяжесть такихъ обязанностей. Боятся, чтобы дѣла не остановились и чтобы всѣ не стали ссылаться другъ на друга. Когда

Меншиковъ умереть, его дочь можно не считать больше невѣстой. Смерть его причинить здѣсь болѣе перемѣнъ, чѣмъ смерть покойнаго царя и царицы". — Рабутинь писалъ, 12 іюля 1727, что Меншиковъ при смерти, и что если даже онъ поправится, — нельзя ожидать, чтобы онъ долго оставался въ живыхъ. Въ такомъ случаѣ австрійскій дипломатъ ожидалъ чрезвычайнаго развитія вліянія древнихъ фамилій и ограниченія монархической власти. Затѣмъ, въ этомъ письмѣ Рабутина къ графу Зинцендорфу замѣчено: „Нѣтъ сомнѣнія, что Меншиковъ, несмотря на всѣ недостатки его характера, былъ полезенъ этому государству и оказался способнымъ сохранить тишину и порядокъ, обуздывая склонныхъ къ волненію. И мы лишаемся въ немъ человѣка, готоваго, благодаря его честолюбію, поддерживать наши (т.-е. австрійскіе) интересы. Всѣ выгоды, обѣщанныя ему другими державами, не имѣли на него такого вліянія, какъ почести и подарки, которые мы ему сулили". Немного позже, 19 іюля, Рабутинь могъ сообщить графу Зинцендорфу, что Меншиковъ поправляется: „Для насъ очень важно", — сказано далѣе въ этомъ письмѣ, — „чтобы Меншиковъ оставался въ живыхъ еще нѣкоторое время и продолжалъ поддерживать наши интересы".

Послѣ выздоровленія князя до катастрофы съ нимъ прошло не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ это время обнаружилось опять то же неограниченное честолюбіе Меншикова. Онъ между прочимъ сообщилъ официально австрійскому двору о помолвкѣ императора съ его дочерью. Сама княжна Марія Александровна Меншикова обратилась къ теткѣ жениха съ письмомъ, въ которомъ была рѣчь о сговорѣ; невѣста Петра II называла супругу императора Карла VI своею *теткою* („Kaiserin und Muhme"). Рабутинь находилъ такой образъ дѣйствій Меншиковыхъ чрезчуръ смѣльнымъ; онъ старался по крайней мѣрѣ устроить дѣло такъ, чтобы отправленіе письма было отложено: однако его старанія оказались тщетными. Австрійскій дипломатъ указывалъ на безтактность употребленія выраженія „племянницы" и „тетки". Въ письмѣ княжны Меншиковой было сказано, что Петръ „избралъ себѣ невѣсту по собственному побужденію". Въ Вѣнѣ, благодаря воспроизведенію бесѣдъ Петра II и Натальи Алексѣевны съ графомъ Рабутинымъ въ донесеніяхъ послѣдняго, хорошо знали, что юваго государя принудили противъ его воли согласиться на сговоръ съ княжною Меншиковой.

Около этого же времени Меншиковъ окончательно отдѣлился отъ герцога голштинскаго и его супруги, которые были принуждены покинуть Россію и поселиться въ Киль. Меншиковъ,

узнавъ о свосеніяхъ герцога Карла-Фридриха съ Толстымъ въ послѣднее время царствованія Екатерины I, считалъ дальнѣйшее пребываніе его въ С.-Петербургѣ опаснымъ. Князь чрезъ Бассевича велѣлъ сказать герцогу, что ему пора выѣхать за границу въ виду того, что при слѣдствіяхъ надъ политическими преступниками въ послѣднее время обнаружались такіе виды герцога, что, оставаясь въ Россіи, онъ могъ бы легко сдѣлаться жертвою раздраженія „народа“. Во время опасной болѣзни Меншикова происходили переговоры объ условіяхъ, на которыхъ герцогъ и и его супруга, Анна Петровна, должны были удалиться. Главный вопросъ заключался въ весьма значительной суммѣ денегъ. „Все будетъ устроено благопріятнымъ образомъ (de bonne grâce)“, писалъ Рабутинъ: „герцога уговорили согласиться на сдѣлку, и дѣло обойдется безъ скандала“.

Между Меншиковымъ и Бассевичемъ было условлено, чтобы герцогъ и герцогиня получили одинъ миллионъ рублей отчасти звонкою монетою, отчасти векселями; изъ этого миллиона герцогъ долженъ былъ заплатить Меншикову 80.000 рублей, а именно 60.000 рублей впередъ, а 20.000 при послѣдней выдачѣ. Когда все дѣло было кончено, а Бассевичъ привезъ Меншикову 60.000 р. и письменное обязательство герцога уплатить остальныя 20.000, то Меншиковъ отдалъ это обязательство Бассевичу назадъ, сказавъ ему: „Ваше превосходительство много при томъ труда имѣлъ; я дарю тебѣ эти 20.000; возьми ихъ съ герцога; ты ихъ заслужилъ“. Бассевичъ, однако, отъ герцога ничего не получилъ.

Не даромъ Лефортъ писалъ еще за нѣсколько недѣль до отъѣзда герцога изъ Россіи: „Бассевичъ играетъ роль болтуна, и, чтобы поддержать свой кредитъ, безъ совѣсти вретъ, а Меншиковъ извлекаетъ изъ него все, что ему было нужно, для лишенія герцога всякаго значенія; онъ водить его за носъ“. Въ шифрованной депешѣ Лефорта, отъ 8 іюля 1727 г. говорится: „Ни народъ, ни кто-либо вообще, не будетъ сожалѣть объ отъѣздѣ голштинскаго двора. Лукавый Бассевичъ открыто осуждаетъ рѣшеніе этого вопроса, а въ сущности онъ самъ очень радъ убраться отсюда“. Далѣе замѣчено въ донесеніи Лефорта объ Аннѣ Петровнѣ: „Герцогиня въ отчаяніи по поводу предстоящаго отъѣзда; какъ скоро она покинетъ свое отечество, ей предстоитъ тяжелая жизнь“.

Голштинскій дворъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга 25 іюля (5 августа). Современники видѣли въ этомъ событіи торжество князя Меншикова надъ своимъ прежнимъ соперникомъ, герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ. Саксонскій резидентъ писалъ по этому случаю: „Прошлый деспотизмъ въ сравненіи съ настоя-

щимъ ничего не значить. Всѣ страшно стѣснены; все дрожить передъ властью Меншикова". — „Трудно повѣрить“, — сообщалъ Лефорть наканунѣ катастрофы князя, — „какимъ образомъ управляютъ этимъ государствомъ. Меншиковъ хочетъ все дѣлать, но дѣлаетъ все только для себя. Деньги выдаются не иначе, какъ по его приказанію“.

Около этого же времени зашла рѣчь о проектѣ брака сына Меншикова съ дочерью фельдмаршала Голицына. Этимъ самымъ, какъ говорили, князь надѣялся содѣйствовать обезпеченію своей семьи. Графъ Рабутинь, сообщая объ этомъ императору Карлу VI, выразилъ сомнѣніе въ согласіи на это молодого монарха и нѣкоторыхъ вельможъ, которые вѣроятно стануть противиться усиленію семейства Голицына.

Для характеристики Меншикова не лишень значенія еще слѣдующій эпизодъ, о которомъ графъ Рабутинь писалъ Зинцендорфу, 19 августа 1727 года. Императоръ Карлъ VI чрезъ какого-то капитана Альбрехта отправилъ въ Петербургъ ящикъ съ разными предметами въ подарокъ императору Петру II и его сестрѣ, Натальѣ Алексѣевнѣ. Ящикъ былъ доставленъ во дворецъ князя, который велѣлъ вынуть предметы изъ ящика, при чемъ онъ самъ присутствовалъ. Очевидно Петръ II и его сестра были недовольны такимъ самовластнымъ поступкомъ князя. Рабутина пригласили пріѣхать во дворецъ; какъ скоро онъ явился, его спросили, не было ли описи предметамъ, находившимся въ ящикѣ. Рабутинь отвѣтилъ, что такой описи не было. Такъ какъ между подарками не оказалось никакихъ сколько-нибудь цѣнныхъ предметовъ, то считали вѣроятнымъ, что Меншиковъ не отдалъ государю и его сестрѣ всего, что было въ ящикѣ.

Такіе случаи не могли не повліять вредно на отношеніе Петра II къ князю. „Послѣ опасной болѣзни“, — пишетъ Рабутинь 19 августа, — „Меншиковъ сдѣлался особенно раздражительнымъ. Онъ часто находится теперь въ крайне неблагопріятномъ расположеніи духа. Со дня на день обращеніе съ нимъ становится болѣе труднымъ. Иногда его замѣчанія въ бесѣдѣ съ государемъ бывають слишкомъ рѣзкими. Государь чувствуетъ это. Остерманъ старается смягчать обострившіяся отношенія, желая выиграть время и ожидая, что Провидѣніе дастъ всѣмъ дѣламъ другой оборотъ. Все это заставляетъ меня дѣйствовать особенно осторожно“.

А. Бриенеръ.

ИЗЪ ГРУЗИНСКИХЪ ПОЭТОВЪ

Кн. И. ГР. ЧАВЧАВАДЗЕ.

1.

Съ тѣхъ лѣтъ невозвратныхъ, родная страна,
Съ тѣхъ поръ, какъ любовью къ тебѣ я сгараю,—
Покоя лишень я, не вѣдаю сна,
Въ груди замираетъ дыханья волна...
Я трепету жизни твоей все внимаю,—
Заря ль побѣждаетъ полночную тѣнь,
Иль въ сумракѣ вечера тонетъ мой день!...

И дума за думой стремится упорно,
Сливаясь потоками, къ цѣли одной;
И чувство, какъ Божья гроза, животворно,
Въ измученномъ сердцѣ кипитъ непокорно!...
Но вѣрь: я не сбѣую, край мой родной!
Нѣтъ, радъ я тому, что вся жизнь, всѣ мгновенья
Полны этихъ думъ, и любви, и томленья!...

Иное страданье мнѣ горше, больнѣй:
 Убийственна дума, сознание ужасно,
 Что я здѣсь, на лонѣ отчизны своей,
 Гдѣ столько завѣтовъ, гдѣ столько людей,—
 Того человѣка искалъ бы напрасно,
 Кому бы всё помислы вѣрять я могъ,
 Все пламя любви, всё потоки тревогъ!..

2.

Въ мѣрѣ все проходитъ вѣчной чередою:
 Вслѣдъ за ночью темной день сіяетъ вновь;
 Все, что разрушалось темною враждою,
 Снова создала свѣтлая любовь!..

3.

Къ чему за слезы вы корите храбреца?!
 Желѣзо, вѣдь, попалъ подъ молотъ кузнеца,
 Льетъ искры жгучихъ слезъ, гордынѣ въ назиданье!..
 Надъ жалкими звѣрьми, велѣніемъ Творца,
 Возвышенъ человекъ... слезами состраданья!..

4.

Между честными врагами
 Есть невидимыя звенья:
 Совѣсть—ихъ посредникъ вѣчный
 И апостолъ примиренья!..

5.

Того не назову я витяземъ прекраснымъ,
 Кто проливаетъ кровь, опасности презрѣвъ!
 Тотъ мужественъ, предъ кѣмъ безсиленъ ярый гнѣвъ,
 Кто гибнущихъ спасетъ, кто милостивъ къ несчастнымъ!..

6.

У мощнаго копья суровое призванье:
Пить кровь!.. Въ сравненьи съ нимъ иголочка мала,
Но ей дано свершать не малыя дѣла:
 Давать нагому одѣянье!
Насилья грубаго чуждается Добро:
Того не совершитъ мечъ грозный, закаленный,—
Что сдѣлаетъ въ рукѣ, любовью вдохновенной,
 Смирненное перо!..

ВАСИЛІЙ ВЕЛИЧКО.

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РОВИНСКІЙ

О ЧЕРКЪ.

I.

Наше время упрекають—и не безъ основанія—въ измельчаніи личности и въ господствѣ чрезмѣрной специализаціи. Оба эти явленія въ тѣсной связи между собою—и оба печально отражаются на духовномъ складѣ общественной жизни. Личность чаще и чаще умалывается, ступевывается, изъ сознательнаго и нравственно отвѣтственнаго „я“ стремится укрыться подъ безличное „мы“. Слабѣетъ воля, тускнѣютъ идеалы и все рѣже встрѣчаются такъ называемые характеры. Современный образованный человекъ можетъ, если захочетъ, обладать гораздо бѣльшимъ богатствомъ по части знаній, чѣмъ его отцы и дѣды; онъ окруженъ и гораздо бѣлье удобною внѣшнею обстановкою: масса техническихъ открытій облегчаетъ ему пользованіе матеріальною стороною жизни. Но на ряду съ этою возможностью широкаго знанія и съ этими удобствами въ немъ нерѣдко замѣчается недостатокъ нравственной силы и дѣятельнаго отношенія къ жизни во всемъ, что не касается узко-личныхъ, по бѣльшей части, мелкихъ интересовъ. Слова графа Уварова: „les circonstances sont infiniment grandes et les hommes infiniment petits“—звучать подчасъ горькою правдою. Ученіе о душевныхъ болѣзняхъ указываетъ на особое состояніе, называемое „равновѣсіемъ уменьшенныхъ силъ“, при которомъ ни одна изъ способностей организма не уничтожена,

но всё онѣ равномерно ослаблены и, такъ сказать, укорочены. Господство такого же равновѣсія уменьшенныхъ силъ въ области труда, энергіи, отзывчивости, дѣятельной любви—замѣчается и во многихъ областяхъ нашей общественной жизни. Къ этому присоединяется замыканіе себя въ узкую специальность, которая сторонится отъ живого и многоструйнаго теченія жизни—и вырабатываетъ въ своемъ обладателѣ равнодушное и даже презрительное отношеніе ко всему, что лежитъ внѣ ея области. Подъ влияніемъ всего этого часто утрачивается интересъ къ прошлому и вѣра въ будущее. „Вчерашній день“ ничего не говоритъ забывчивому, одностороннему и лѣнивому мышленію,—а день грядущій представляется лишь какъ повтореніе мелкихъ и личныхъ житейскихъ приспособленій.

Тѣмъ болѣе цѣнны люди съ опредѣленнымъ нравственнымъ обликомъ, чей многосторонній и безорытный трудъ не можетъ проходить безслѣдно для общества,—служенію интересамъ котораго, а также развитію его самосознанія онъ былъ всецѣло отданъ. Чѣмъ шире и разнороднѣе дѣятельность такихъ людей, тѣмъ интереснѣе ихъ личность,—чѣмъ богаче духовными дарами эта личность, тѣмъ глубже и плодотворнѣе результаты ея дѣятельности.

Къ такимъ людямъ принадлежалъ почившій лѣтомъ истекшаго года—Дмитрій Александровичъ Ровинскій.

Ученый, глубокій знатокъ и работникъ въ области искусства, опытный законовѣдъ и судебный практикъ, писатель и блестяще образованный человѣкъ, почетный членъ академій художествъ и наукъ и заслуженный членъ высшаго кассационнаго суда—Ровинскій былъ не только во всѣхъ отношеніяхъ выдающимся, но и въ высшей степени своеобразнымъ, цѣльнымъ и интереснымъ человѣкомъ. Въ немъ жила неутолимая жажда дѣятельности и живого труда, и онъ не зарылъ въ землю, какъ „рабъ лѣливый и лукавый“, талантъ своихъ обширныхъ знаній, проницательность ума и теплоту добраго сердца. Всю жизнь служа родинѣ и искусству, онъ сложилъ свои трудовыя руки лишь лицомъ къ лицу со смертью...

Личность и дѣятельность его не должны,—не могутъ быть забыты...

Его заслуги въ области исторіи искусства требуютъ—и, конечно, дождутся—особыхъ, подробныхъ изслѣдованій. Въ настоящемъ очеркѣ мы лишь коснемся ихъ—настолько, насколько въ нихъ выразилась личность покойнаго, и остановимся преимущественно на его служебной дѣятельности и на сильной характеристикѣ, по личнымъ воспоминаніямъ, его личности.

II.

Государственная служба Ровинского началась, когда ему еще не было полныхъ двадцати лѣтъ. Родившійся 16-го августа 1824 года, онъ былъ опредѣленъ на службу въ седьмой департаментъ сената 13-го іюня 1844, тотчасъ по окончаніи курса, однимъ изъ первыхъ, въ училищѣ правовѣденія. Седьмой департаментъ, гдѣ уже въ декабрѣ 1844 года Ровинскій занялъ должность помощника секретаря, находился въ Москвѣ. Въ „бѣловаменную“ влекли молодого юриста воспоминанія дѣтства и родственныя отношенія. Тамъ прожилъ до самой своей смерти, въ 1838 г., его отецъ, женатый на дочери лейбъ-медика Екатерины II—Мессинга, участникъ войнъ съ Наполеономъ и командиръ нижегородскаго ополченія въ 1812 году, бывшій затѣмъ, до 1830 г., вторымъ полиціймейстеромъ г. Москвы и дѣятельнымъ сотрудникомъ старшаго полиціймейстера генерала Шульгина по устройству городской пожарной команды. Къ изображенію Шульгина въ „Русскихъ гравированныхъ портретахъ“ Ровинскаго приложенъ такой характерный отзывъ объ этомъ оригиналѣ графа Н. Н. Муравьева-Карскаго: „человѣкъ простой и грубый, но исправный и проворный, хотя безъ дальнихъ соображеній, постоянно былъ употребляемъ въ должности полиціймейстера и къ ней имѣлъ особое призваніе;—большой крикунъ, хлопотунъ, любившій рассказывать о своихъ подвигахъ, тушить пожары и иногда своеручно поколотить...“ Эта любовь его къ тушенію пожаровъ, искусно направляемая отцомъ Д. А. Ровинскаго, имѣла своимъ послѣдствіемъ образцовую по тому времени организацію пожарной команды, которою москвичи гордились предъ иностранными гостями, а рѣзецъ народныхъ художниковъ запечатлѣлъ въ лубочныхъ листахъ подъ названіемъ: „Действіе московской пожарной команды во время Пожара“, при чемъ Шульгинъ нарисованъ мчащимся, стоя на „калиберѣ“, парю, въ сопровожденіи казака и жандарма.

Съ начала 1848 г., Ровинскій, оставивъ сенатъ, исполнялъ обязанности московскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго; съ лѣта 1850 г. въ теченіе почти трехъ лѣтъ—обязанности товарища предсѣдателя московской уголовной палаты, а въ августѣ 1853 г. былъ назначенъ на особо важный, трудный и отвѣтственный постъ московскаго губернскаго прокурора. Должность эта, составляя наслѣдіе Петровскихъ временъ и одно изъ лучшихъ украшеній Екатерининскихъ учреждений, имѣла огромное значеніе въ нашемъ до-реформенномъ строѣ. Упраздненіе связан-

ныхъ съ нею правъ и обязанностей по надзору за ходомъ несудебныхъ дѣлъ слѣдуетъ признать большою ошибкою составителей судебныхъ уставовъ. Совершенное измѣненіе въ характерѣ дѣятельности прокурора, придавая ему „обвинительную“ обособленность, быть можетъ, и выходило красивымъ съ теоретической точки зрѣнія, но противорѣчило условіямъ нашей административной жизни и шло въ разрѣзъ съ внутренними потребностями нашего губернскаго строя. Въ торопливомъ осуществленіи страстного желанія поскорѣе расчистить для новыхъ насажденій мѣсто, поросшее бурьяномъ и полустгнившими деревьями, былъ срубленъ дубъ, стоявшій на стражѣ гѣса...

Губернскій прокуроръ съ губернскими страпцами составлялъ особое, во многихъ отношеніяхъ совершенно независимое отъ мѣстной администраціи учрежденіе, такъ называемую „прокурорскую камеру“; оно имѣло надзоръ за всѣми мѣстными присутственными мѣстами, опредѣленія которыхъ только тогда признавались соответствующими закону и приводились въ исполненіе, когда на нихъ была извѣстная прокурорская помѣта: „читалъ“. Имѣя право безпрепятственнаго входа во всѣ губернскія мѣста и занимая мѣсто въ присутствіи при докладѣ дѣлъ, губернскій прокуроръ и страпціе въ уѣздахъ были живымъ напоминаніемъ закона и, во многихъ случаяхъ, его обязательными истолкователями. Въ дѣлахъ судебныхъ губернскій прокуроръ былъ всегдашнимъ ходатаемъ по искамъ казны, общества и установленій. На обязанности его лежало возбужденіе *беззасныхъ* дѣлъ. Онъ охранялъ—интересы казны, участвуя въ приемѣ казеннаго имущества и въ производствѣ торговъ на казенные подряды и поставки,—интересы населенія, не допуская съ него никакихъ, не установленныхъ закономъ, сборовъ,—интересы и права частныхъ лицъ, свидѣтельствуя, въ составѣ особаго присутствія губернскаго правленія, людей, подлежащихъ опека по безумію или сумасшествію и требуя учрежденія слѣдственныхъ комиссій по дѣламъ особой важности. Наконецъ, онъ охранялъ права арестантовъ, будучи главнымъ блюстителемъ ихъ содержанія „безъ употребленія орудій, закономъ запрещенныхъ“, и ходатаемъ по ихъ дѣламъ. Имѣя обязанность увѣдомлять губернское начальство о всѣхъ замѣченныхъ имъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, губернскій прокуроръ сносился въ то же время непосредственно съ министромъ юстиціи, свободный отъ какихъ-либо аттестацій со стороны начальника губерніи. Будучи, по существу своихъ правъ и обязанностей, делегатомъ центральной правительственной власти, выдвинутымъ въ среду мѣстнаго управленія, онъ,

при добромъ желаніи и сознаніи долга, могъ не безъ основанія считать себя „окомъ царевымъ“.

Исторія министерства юстиціи съ тридцатыхъ до шестидесятихъ годовъ представляетъ не мало примѣровъ энергической борьбы губернскихъ прокуроровъ съ мѣстными злоупотребленіями. Борьба эта не всегда была успѣшна, но даже самое возникновеніе ея, основанное на *предписаніи* закона, опредѣлявшаго обязанности губернскаго прокурора, дѣйствовало благотворно, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда послѣдствіемъ ея являлись сенаторскія реввіи, несшіяся, какъ грозовые тучи, на мѣстность, пораженную правовою засухою... Богъ знаетъ, сколько тягостныхъ пререканій, гдѣ голосъ оскорбленныхъ самолюбій и властолюбій заглушалъ ропотъ искажаемой истины, было бы устранено, сколько окольныхъ путей для жалобъ и взаимныхъ обвиненій „поросло бы травой забвенія“, еслибы въ широкія рамки обязанностей губернскаго прокурора была въ 1864 г. влита энергія тѣхъ молодыхъ и полныхъ любви къ дѣлу силъ, которыя обречены были упражнять свое стремленіе въ законности и талантливое трудолюбіе исключительно на обвинительномъ поприщѣ.

Сдѣлавшись губернскимъ прокуроромъ, Ровинскій принесть на эту должность всю свою молодую—ему было еще только 29 лѣтъ—жизненность и отзывчивость. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принесть и большой опытъ. Служба товарищемъ предсѣдателя палаты и, главное, губернскимъ стряпчимъ, дала ему богатый матеріалъ для обращенія вниманія на наиболѣе больныя мѣста судебной и въ особенности административной дѣятельности. Онъ горячо принялся за работу, настойчиво во все вникая и зорко ко всему приглядываясь. Задача московскаго губернскаго прокурора—именно московскаго—за его время была очень нелегкая. Не говоря уже о массѣ дѣла, требовавшей внимательнаго труда, въ виду особаго значенія, которое могло имѣть прокурорское: „читалъ“, для жителей столицы и одной изъ населеннѣйшихъ губерній,—область дѣятельности прокурора находилась въ совершенно особомъ положеніи. Въ Москвѣ былъ, кромѣ губернатора, еще и графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, снабженный особыми полномочіями, легендарный генералъ-губернаторъ, всевластно правившій въ Москвѣ съ 1848 г. въ теченіе десяти лѣтъ и назначенный туда послѣ 17-лѣтней опалы, какъ—по его собственнымъ словамъ—надежный оплотъ противъ разрушительныхъ идей, грозившихъ придти съ Запада. Безукоризненно честный въ матеріальныхъ отношеніяхъ, большой хлѣбосоль и нѣжный, слабый отецъ, этотъ осанистый, полный старикъ, совершенно лысый, съ маленькими

хитрыми глазами на кругломъ лицѣ („Русскіе гравированные портреты“), съ выдвинутою впередъ нижнею губою, творилъ судъ и быструю расправу по-своему, не стѣсняясь закономъ и своеобразно возстановляя порядокъ повсюду, даже и въ чужихъ семьяхъ, разными необычайными средствами, въ родѣ, на примѣръ, арестованія жены и родственниковъ неисправнаго подрядчика, забравшаго впередъ деньги, и т. п. Вторженія Закревскаго во всякія дѣла и въ томъ числѣ судебныя, особливо гражданскія, были явленіемъ частымъ и безъ сомнѣнія составляли соблазнительный примѣръ и для ближайшихъ его подчиненныхъ, такъ что губернскому прокурору нужно было много тавта и умной настойчивости, чтобы охранять законъ и исполнять свои обязанности, „не взирая на лица“. Нелюбимое и по большей части незамѣтное для окружающаго общества, прямое и косвенное отставаніе закона отнимало много времени у Ровинскаго и дѣлало его положеніе, какъ онъ самъ впоследствии сознавался, подчасъ болѣе чѣмъ затруднительнымъ. Недаромъ онъ обращался, при своихъ работахъ по судебному преобразованію, съ укоризнами къ генераль-губернаторской власти въ томъ видѣ, какъ ее понималъ и практиковалъ въ свое время графъ Закревскій.

Тяжела была и дѣятельность по чисто-судебной части. Права губернскаго прокурора были большія, и онъ могъ, съ 1846 года, останавливать своими протестами исполненіе приговоровъ уголовныхъ палатъ; но не слѣдуетъ забывать, что надъ судомъ и надъ прокуроромъ стояла теорія формальныхъ, предустановленныхъ доказательствъ, которая связывала и угнетала свободное приложеніе судейскаго разумія къ даннымъ дѣла. Какое бы вниманіе, какую бы серьезность ни вносилъ прокуроръ въ оцѣнку опредѣленія уголовной палаты, онъ былъ безсиленъ отворотить эту палату отъ того уклончиваго и ложнаго пути, который вончался знаменитымъ „оставленіемъ въ подозрѣніи“, нивого не удовлетворявшимъ, но прописываемымъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, указанныхъ въ судебной фармакопее, носившей названіе второй части XV тома Свода Законовъ. Громкія уголовныя дѣла, волновавшія Москву въ пятидесятыхъ годахъ, нерѣдко оканчивались приговоромъ, въ которомъ изъ-за формальной правильности и полнаго - соотвѣтствія дѣйствовавшимъ правиламъ о доказательствахъ ярео связывало матеріальное неправосудіе, при чемъ во всей красѣ связывались и молчаніе связанной по рукамъ и ногамъ судейской совѣсти, и апатичная работа притупившагося на механическомъ примѣненіи уложенія ума. Много огорченій, волненій и горькихъ минутъ сознанія своего безсилія предъ буквальнымъ

приложеніемъ безжизненнаго закона въ вопіющимъ явленіямъ жизни пережилъ Ровинскій въ бытность свою губернскимъ прокуроромъ. Дѣла о возмутительныхъ преступленіяхъ надъ личностью и о надругательствахъ слабого надъ сильнымъ, полныя краснорѣчивыхъ косвенныхъ уликъ, попавъ въ русло, вырытое *присяжными* свидѣтелями, достовѣрность показанія которыхъ обусловливалась ихъ общественнымъ положеніемъ—другими *совершенными* и *несовершенными* доказательствами—быстро и почти безповоротно выплывали, обростая тиною разныхъ крючкотворныхъ подходовъ и подъяческихъ подвоховъ, затемнявшихъ истину. Стоитъ припомнить хотя бы, напримѣръ, дѣло объ услышавшей—только отъ высшихъ судебныхъ учреждений—должную оцѣнку своей виновности вдовѣ гвардіи капитана, судившейся за чудовищное обращеніе съ десятилѣтнимъ сыномъ, проводившимъ дни и ночи въ запертомъ шкафу—голоднымъ до полусмерти, избитымъ, истерзаннымъ и завязаннымъ со скрученными назадъ руками въ чехолъ отъ дивана, при чемъ, подъ предлогомъ отлученія его отъ дурной привычки, обвиняемая, оставленная первоначально въ подозрѣніи и уже однажды судившаяся бесплодно за безчеловѣчное обращеніе съ крестьянами, предавалась по отношенію къ нему манипуляціямъ, въ которыхъ жестокость переплеталась съ извращеннымъ сладострастіемъ... Сюда надо отнести такія дѣла, какъ, напримѣръ, дѣло помѣщика, нанесшаго своему больному, девятилѣтнему слугѣ,—вымогая для себя у него его скудные сбереженія—28 рубленыхъ сабельныхъ ранъ, отъ которыхъ тотъ на другой день умеръ,—и непризнаннаго виновнымъ въ убійствѣ; или дѣло надворнаго совѣтника, наглымъ образомъ надругавшагося надъ невинною и беззащитною дѣвушкою, въ обстановкѣ, чрезвычайно напоминающей сцену покушенія Свидригалова на честь Дуни Раскольниковой въ „Преступленіи и Наказаніи“—и оставленнаго въ сильномъ подозрѣніи; или дѣло о покушеніи на жизнь калужскаго помѣщика посредствомъ адской машины, по которому надворный судъ призналъ возможнымъ оставить человѣка, принесшаго потерпѣвшему ящикъ, зная, что въ немъ заключена такая машина, въ сильномъ подозрѣніи, выславъ его въ то же время изъ Москвы; или, наконецъ, ужасное дѣло о семнадцатилѣтней фигуранткѣ, проданной своимъ отцомъ, театральнымъ музыкантомъ, знатному молодому человѣку, который напоилъ ее возбуждающимъ растворомъ и привелъ тѣмъ въ состояніе полового бѣшенства, коимъ воспользовались кромѣ него и другіе негодяи, окружавшіе его. Несчастная дѣвушка была возвращена домой лишь на третій день, съ разрушительнымъ мѣстнымъ воспаленіемъ и

омертвѣніемъ—и въ состояніи полного сумасшествія, изъ котораго не выходила до самой своей страдальческой кончины. Московскіе суды того времени нашли справедливымъ ограничиться отдачею главнаго виновника въ солдаты или военные списцы съ выслугою и безъ потери правъ,—и присужденіемъ отца жертвы за потворство *разрату дочери* къ тремълѣтнему лишенію свободы... А сколько, подъ прикрытіемъ строгаго соблюденія теоріи формальныхъ доказательствъ, разрѣшалось такимъ образомъ дѣлъ негромкихъ! Губернскій прокуроръ, обремененный массою другихъ обязанностей, долженъ былъ вчитываться и вдумываться въ каждое рѣшеніе, чтобы не покрыть своимъ „читалъ“ иногда вопіющую, но правильно и искусно оформленную неправду.

Не меньше вниманія надо было отдавать и слѣдствію. Оно было въ грубыхъ и не всегда чистыхъ рукахъ, а между тѣмъ составляло не только фундаментъ, но, въ сущности, единственный матеріалъ для сужденія о дѣлѣ. Изъ рѣчи, сказанной Ровинскимъ въ 1860 году („Вѣкъ“, 1860 г., № 16) молодымъ людямъ, вновь назначеннымъ на должность слѣдователя, переходную уже къ новому порядку, видно, что такое были въ его время, въ Москвѣ, нѣкоторые производители слѣдствій и какъ они дѣйствовали. Безотчетный произволъ, легкомысленное лишеніе свободы, напрасное производство обысковъ, отсутствіе всякой системы и раздуваніе дѣлъ были характернымъ признакомъ производства слѣдствій чинами наружной полиціи. Въ подтвержденіе этого Ровинскій приводилъ примѣры:—отобранные у сознавагося вора тулупъ и поддевка возвращены хозяевамъ безъ оцѣнки—*чрезъ годъ*. Приставъ, замѣтивъ свое упущеніе, требуетъ хозяевъ изъ разанской губерніи въ Москву *по стану* и обязываетъ ихъ подпискою представить тулупъ и поддевку;—трое крестьянъ жалуются на кражу у нихъ четырехъ боченковъ сельдей, и послѣ года производства слѣдствія объ этомъ приставъ начинаетъ слѣдствіе о томъ, откуда они взяли сельдей и имѣли ли право торговать ими;—мѣщанинъ Овечкинъ и извозчикъ, съ которымъ онъ ѣздилъ, сидятъ мѣсяць подъ стражею по обвиненію въ *праздничной ѣздѣ* по улицамъ; производя у этихъ лицъ обыскъ по жалобѣ солдатки о кражѣ бѣлья, приставъ обыскиваетъ встатъ и ее и, найдя „кусекъ металлическаго свойства“, заводитъ особое дѣло и вызываетъ эксперта для опредѣленія, какой это металлъ, и т. д., и т. д. „Главная причина всего этого,—говорилъ Ровинскій молодымъ слѣдователямъ,—кроется сколько въ неспособности полицейскихъ слѣдователей, столько и въ томъ, что многіе изъ нихъ, при ничтожномъ содержаніи и ежедневно возрастающихъ потреб-

нотахъ, привыкли, по необходимости, смотрѣть на взятіе подъ стражу, освобожденіе арестанта, вызовъ, высылку, вообще на все слѣдствіе, какъ на средство къ своему существованію. Вотъ почему полицейскіе слѣдователи тянутъ свои слѣдствія цѣлыя годы, оправдываясь медленностью высшихъ инстанцій и рассчитывая на полную безнаказанность со стороны своего начальства. Вотъ почему трактиръ, полпивная и всякое заведеніе, при самомагѣйшей возможности притануть ихъ, непременно пребываютъ у слѣдователи съ своимъ хозяиномъ, прислугой, чуть не со всею посудой. Но не одна неумѣлость и иногда желаніе „покориться“ искажали производство слѣдствія. Это искаженіе шло гораздо дальше тамъ, гдѣ нужно было выслужиться или отличиться. Ровинскій приводилъ слѣдователямъ „всплывшіе изъ глубины канцелярской тайны“ случаи—доведенія мѣщанина вывернутіемъ руки до „чистосердечнаго сознанія“ въ убійствѣ, совершенномъ со всѣмъ другимъ лицомъ, и сѣченія невинной, какъ то оказалось, въ кражѣ дѣвочки 16 лѣтъ плетью по животу, для полученія такого же сознанія... Въ объясненіяхъ къ „Народнымъ картинкамъ“ онъ указываетъ на обычный даже въ его время въ глухихъ мѣстностяхъ пріемъ полицейскаго слѣдствія, состоявшій въ недавніи пять заподозрѣнному, накормленному соленымъ сельдемъ и посаженному въ жарко-истопленную баню—и ссылается на производившееся еще во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ сената дѣло частнаго пристава Стерлигова, вѣшавшаго обвиняемаго со связанными назадъ и затѣмъ навсегда отнявшимися руками на перекосякъ, „исправлявшій должность *дыбы*“...

Губернскій прокуроръ могъ быть, если хотѣлъ, вліятельнымъ лицомъ въ тюремномъ управленіи. Ровинскій предавался этой сторонѣ своей служебной дѣятельности съ горячимъ усердіемъ и любовью. Примѣръ трогательнаго человеколюбца, тюремнаго доктора Федора Петровича Гааза, отдавашагося всецѣло помощи заключенному, утѣшенію его и заботѣ о немъ, вызывалъ въ Ровинскомъ глубоко-сочувственное къ себѣ отношеніе и въ словѣ, и въ дѣлѣ. Впослѣдствіи, въ официальныхъ запискахъ по поводу тюремной реформы и судебнаго преобразованія, онъ не разъ съ особымъ уваженіемъ указывалъ на дѣятельность Гааза, девизомъ котораго были удивительныя по своей простотѣ и глубинѣ слова: „торопитесь дѣлать добро“! Еще будучи губернскимъ страпчимъ, Ровинскій, постоянно посѣщая засѣданія тюремнаго комитета, былъ очевидцемъ оригинальнаго столновенія Гааза съ предсѣдателемъ комитета, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, изъ-за арестан-

товъ. Филарету наскучили постоянныя и, быть можетъ, не всегда строго провѣренныя, но вполнѣ понятныя при старомъ строѣ суда, ходатайства Гааза о предствательствѣ комитета за „невинно осужденныхъ“ арестантовъ.— „Вы все говорите, Фѳддоръ Петровичъ,—сказалъ Филаретъ,—о невинно-осужденныхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнуть карѣ—значить, есть за нимъ вина“... Вспыльчивый и сангвиническій Гаазъ вскопчилъ съ своего мѣста... „Да вы о Христѣ позабыли, владыко!“—вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе—осужденіе невиннаго... Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить. Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ: „Нѣтъ, Фѳддоръ Петровичъ! Когда я произнесъ мои послѣднія слова, не я о Христѣ позабылъ,—Христосъ меня позабылъ!..“—благословилъ всѣхъ и вышелъ.

Каждую субботу и праздниѳ объѣзжалъ Ровинскій разнообразныя московскія тюремныя помѣщенія и тщательно обходилъ пересыльную тюрьму и губернской замокъ въ сопровожденіи стряпчихъ и секретарей мѣстныхъ—уголовной палаты, магистрата и надворнаго суда, разрѣшая жалобы арестантовъ, пробуя ихъ пищу и тутъ же, на мѣстѣ, наводя справки по дѣламъ и ускоряя послѣднія. Простота въ обращеніи привязывала къ нему всѣхъ, а по отношенію къ должностнымъ лицамъ его настойчивыя просьбы— „батюшка! ну, сдѣлайте это для меня,—двиньте вы это дѣло въ личное для меня одолженіе“, —говаривалъ вліятельный прокуроръ секретарямъ судовъ—приобрѣтали характеръ требованій, которыхъ нельзя было не исполнить. Въ эпоху взяточничества и всякаго темнаго своекорыстія, личность московскаго губернскаго прокурора, всегда скромно и почти бѣдно одѣтаго, вѣчно занятаго живымъ дѣломъ, а не отписками у себя въ камерѣ, все знающаго и „видящаго насквозь“, производила глубокое нравственное впечатлѣніе на окружающихъ. Ему было трудно отказывать въ его просьбахъ, его было совѣстно послушаться, да и „втереть ему очки“—нечего было и думать... Вѣрныя завѣтамъ Гааза, Ровинскій съ успѣхомъ продолжалъ хлопоты о сокращеніи числа лицъ, подвергаемыхъ тягостному бритью половины головы въ предупрежденіе побѣговъ; изъ его записки о тюремныхъ помѣщеніяхъ московской губерніи, проникнутой человѣчностью, сквозить, несмотря на крайнюю скромность автора, рядъ облегчительныхъ мѣръ, предпринятыхъ

по его распоряженію съ цѣлю улучшить бытъ арестантовъ, выведя ихъ изъ пагубной праздности и вооруживъ ихъ для послѣдующей жизни хоть какимъ-нибудь практическимъ знаніемъ... Особенное вниманіе обращалъ онъ на „частные дома“ съ ихъ такъ называемыми „сѣзжими“. Тамъ часто можно было найти арестованныхъ безъ всякаго законнаго основанія; тамъ было мѣсто примѣненія личной расправы съ людьми, отпускаемыми затѣмъ безъ всякаго суда,—тамъ, наконецъ, производилась знаменитая, глубоко вопедшая въ тогдашніе нравы „сѣкуція“. „Въ доброе старое время,—вспоминаетъ Ровинскій въ „Русскихъ народныхъ картинкахъ“,—„сѣкуція“ производилась въ „частныхъ домахъ“ по утрамъ; части Городская и Тверская, въ Москвѣ, славились своими исполнителями; пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею за то, что не накормилъ въ-время барынину собачку,—всыплютъ сотню, и расфранченной барышниной камердинершѣ за то, что баринъ дѣлаетъ ей глазки,—и той высыплютъ сотню,—барыня-де особенно попросила частнаго; никому не было спуска, да и не спрашивали даже, въ чемъ кто виноватъ,—присланъ поучить, значить и виноватъ,—ну и дери кожу. Хорошее было время: стонъ и крики стояли въ воздухѣ кругомъ часто цѣлое утро; своего рода жизнь дяди Тома,—да не одна, а цѣлыя десятки“.—Если Городская и Тверская части приобрѣли свою особенную славу по части тѣлесныхъ наказаній, то Басманнй частный домъ отличался въ другомъ отношеніи. Тамъ негодующій Ровинскій нашелъ семь немедленно имъ уничтоженныхъ подвальныхъ темницъ, куда никогда не проникалъ лучъ свѣта. Онѣ назывались „могилами“, и въ нихъ разстраивали себѣ зрѣніе и даже слѣпли (почетный гражданинъ Соповъ) люди, числившіеся „за приставомъ“. Въ другой изъ московскихъ частей непрощенная любовнательность губернскаго прокурора отерыла „клоповникъ“ для арестованныхъ со всѣми его необходимыми принадлежностями.

Не мало тревожныхъ заботъ доставляли Ровинскому и дѣла о крестьянахъ и дворовыхъ. Иго крѣпостного рабства, которымъ, по выраженію Хомякова, была „клеймена Россія“, давило въ началѣ пятидесятихъ годовъ всей своею тяжестью и оказывало свое растлѣвающее вліяніе на все общественное зданіе. Въ московской губерніи постоянно возникали дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, и хотя Закревскій сурово относился въ этихъ случаяхъ къ виновнымъ, но въ то же время былъ, по замѣчанію Ровинскаго, ярымъ защитникомъ крѣпостного права, не допускавшимъ и мысли о ненормальности создаваемыхъ этимъ правомъ отношеній. Кромѣ всеильнаго генералъ-губернатора, на безо-

щадной стражъ этого права стоялъ и уголовный законъ, подвергавшій, на осн. ст. 1983 раздѣла IX, крестьянъ, непокорныхъ не только своимъ господамъ, но даже и тѣмъ, кому послѣдніе передали, вполнѣ или съ ограниченіями, свою власть—наказанію, установленному за возстаніе противъ властей, т.-е. каторжной работѣ на очень длинныя сроки и плетямъ. Понятно, какъ легко, при такихъ условіяхъ, могли быть возбуждаемы; по самымъ ничтожнымъ поводамъ, въ сущности сводившіяся къ недоразумѣніямъ, дѣла о возстаніяхъ крестьянъ, и какому одностороннему разрѣшенію онѣ подвергались, особливо если имѣть въ виду, что по ст. 221 второй части XV т. крѣпостные люди подсудимыхъ могли быть допрашиваемы при слѣдствіи лишь за недостаткомъ другихъ свидѣтелей. Ровинскому приходилось часто и горячо отстаивать и предъ Закревскимъ, и въ уголовной палатѣ, спокойный и трезвый взглядъ на дѣла о „возстаніяхъ“ крѣпостныхъ и, лавируя въ узкомъ проливѣ между формальными доказательствами, отыскивать въ дѣлѣ трудно и неохотно добытыя данныя, правдиво рисующія житейскую его сторону. А это было необходимо, чтобы убѣдить графа Закревскаго въ томъ, что тамъ, гдѣ предполагалось „дерзкое колебаніе коренныхъ основъ общества“,—было подчасъ вопіющее злоупотребленіе власти надъ ближнимъ, и что обиженная въ своихъ правахъ и безмятежности „жертва“ была иногда сама злобною и изобрѣтательною мучительницею,—и тѣмъ обратитъ его гнѣвъ на дѣйствительно виновную сторону. Нужно было много выдержки, спокойствія, знанія и безупречной чистоты въ дѣйствіяхъ, чтобы выходить побѣдителемъ при разрѣшеніи подобныхъ задачъ. Хотя это и удавалось Ровинскому, но оставило горькій осадокъ въ его душѣ, отразившійся вполнѣ между прочимъ и на его представленныхъ въ Государственную Канцелярію, въ 1860 г., разсужденіяхъ о необходимости „различать безсвязныя волненія отъ того, что еще такъ недавно возводилось на степень государственнаго преступленія...“

Когда, по выраженію А. П. Ермолова, въ 1856 г. „зардѣлась заря освобожденія крестьянъ“, и Ровинскому, какъ вліятельному губернскому прокурору, представилась возможность проводить въ жизнь свои взгляды на крѣпостное право, онъ неожиданно чуть не былъ лишенъ всякой дѣятельной роли: По причинамъ, которыхъ теперь доискаться невозможно, министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ рѣшилъ зачислить его за оберъ-прокурорскій столъ въ сенатъ. Для кипучей, полной страсти къ живому труду натуры Ровинскаго это было тяжкимъ ударомъ. Жестокое по

отношенію къ такому человѣку, какъ онъ, новое назначеніе—своего рода „сдача въ архивъ“—являлось лишѣннымъ смысла и по отношенію къ дѣлу, которое въ умѣлыхъ рукахъ Ровинскаго наладилось и шло хорошо. Графъ Панинъ, своеобразная личность котораго еще ждетъ своего историка, любилъ поражать неожиданными назначеніями, о способѣ производства которыхъ въ министерствѣ юстиціи ходили цѣлыя легенды. Вообще на странность и бездушную иронию нѣкоторыхъ изъ распоряженій по личному составу въ министерствѣ юстиціи да и судебной реформы можетъ указывать и приводимый Н. П. Собко въ прекрасной биографіи художника Перова, изданной Ровинскимъ, фактъ перевода въ *Архателъскъ* отца Перова, губернскаго прокурора въ *Тоболскъ*, просившагося въ болѣе умѣренный климатъ, потому что здоровье его не выносило суровой зимы... Но генералъ-губернаторъ, цѣнившій, несмотря на разногласія, личность и дѣятельность Ровинскаго, вступился за „своего“ губернскаго прокурора, и благодаря его письму, отъ 19-го апрѣля 1857 г., послѣдній остался на мѣстѣ. Впрочемъ, служебные дни самого гр. Забрескаго уже близились къ концу. Вокругъ него кипѣла новая, необычная для него жизнь; съ высоты престола, какъ святой благовѣсть, неслись призывы къ усовершенствованіямъ, къ подъему человѣческаго достоинства, къ правдѣ и милости, а онъ продолжалъ глядѣть на Москву, какъ смотреть рачительный, но суровый хозяинъ на свою вотчину, представляя еще въ 1858 году шефу жандармовъ „списокъ подозрительныхъ лицъ въ Москвѣ“, въ которомъ, кромѣ Аксаковыхъ и Хомякова, вина которыхъ обозначалась словомъ „славянофилъ“, значились, между прочимъ, М. Н. Катковъ, откупщикъ В. А. Коворевъ („западникъ, демократъ и возмутитель, желающій безпорядковъ“), К. Т. Солдатенковъ („раскольникъ и западникъ, желающій безпорядковъ и возмущеній“), академикъ М. П. Погодинъ („литераторъ, стремящійся къ возмущенію“), знаменитый артистъ Щепкинъ („желаетъ переворотовъ и на все готовый“), Юрій Самаринъ („славянофилъ, желающій безпорядковъ и на все готовый“) и др. Не допуская и мысли о возможности отмѣны крѣпостного права, онъ, уже послѣ извѣстнаго Высочайшаго рескрипта на имя Назимова, преслѣдовалъ въ Москвѣ всякіе знаки сочувствія къ предпринятому государемъ великому дѣлу, повелительно указавъ Ковореву на дверь, когда тотъ позволилъ себѣ „заявить себя на сторонѣ петербургскихъ глупостей“ (Русскій Архивъ, 1885 г.) и утверждалъ громогласно, что „въ Петербургѣ *одумаются* и все пойдетъ по старому“.

Отношенія Ровинскаго съ замѣстителемъ Закревскаго были вполне спокойныя, а въ ближайшіе затѣмъ годы онъ сразу испыталъ двѣ радости общественнаго характера. Избраніе въ депутаты звенигородскаго дворянства въ московскомъ комитетѣ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ—дало ему возможность по-работать по давно наболѣвшему у него вопросу и образовать вокругъ себя крупное меньшинство, которое, по его предложенію, высказалось за уничтоженіе въ будущемъ строеѣ крестьянскаго дѣла тѣлесныхъ наказаній, какъ „безполезнаго само по себѣ орудія возмутительнаго произвола“. Замѣчательно, что, почти одновременно съ этимъ, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ писалъ императору Александру II изъ Карлсруэ, 9-го сентября 1858 г.: „главную осмотрительность слѣдуетъ соблюсти въ постановленіяхъ для мірской общины и въ опредѣленіи рода наказаній по приговору міра; и то, и другое каждая община опредѣлитъ сама лучше всякихъ законодательныхъ теорій;—о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать,—это будетъ пятно для освобожденія, да и есть мѣста въ Россіи, гдѣ оныя, къ счастью, не употребляются“...

Изданіе давно и страстно ожиданнаго Ровинскимъ положенія объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей, исключительно предназначенныхъ для исполненія слѣдственныхъ обязанностей и обнародованія „Наказа судебнымъ слѣдователямъ“, было важнымъ шагомъ къ возможному, при существованіи старыхъ судовъ, упорядоченію этой части. Являлась возможность сдѣлать призывъ къ молодымъ еще, не испорченнымъ рутинною и соблазнами жизни, людямъ, въ способность которыхъ къ горячему и безкорыстному труду въ то время такъ охотно, такъ любовно вѣрилось... Рѣчь Ровинскаго, сказанная созваннымъ имъ къ себѣ вновь назначеннымъ слѣдователямъ, полна практическихъ замѣчаній и смѣлой критикой недавняго еще отношенія законодательства къ обществу, порождавшаго сначала въ послѣднемъ недовѣріе, а потомъ полное равнодушіе,—была своего рода расчетомъ съ начинавшими разлагаться судебными порядками и завѣтомъ для будущаго. Указывая, что общество только тогда повѣритъ, что подѣ вновь придуманными формами не скрываются недостатки прежняго слѣдствія, тогда почувствуетъ исключительную пользу отъ новаго учрежденія, Ровинскій сказалъ своимъ слушателямъ: „Большая часть изъ васъ, господа, только-что окончила образованіе. Вы еще неопытны въ дѣлѣ. Но намъ дорога ваша неопытность. Вы не привыкли еще видѣть въ арестантѣ нѣмую цифру, которую чиновники съ такимъ стараніемъ сбываютъ другъ

другу. Для васъ всякое дѣло еще такъ ново и полно жизни! Опытности вамъ научиться не долго, если вы рѣшитесь вполне отдаться вашему дѣлу. Съ вами подѣлятся ею тѣ изъ вашихъ товарищей, которые уже знакомы со службой. Вы же, въ свою очередь, подѣлитесь съ ними тѣмъ первымъ и дорогимъ жаромъ молодости, съ которымъ такъ спорится всякая работа. Помогайте другъ другу, господа, наблюдайте другъ за другомъ, не дайте упасть только-что начатому дѣлу, *будьте людьми*, господа, а не чиновниками! Опирайтесь на законъ, но объясняйте его разумно, съ цѣлью сдѣлать добро и принести пользу. Домогайтесь *одной награды*: добраго мнѣнія общества, которое всегда отличить и оцѣнить трудъ и способности. Можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ служба еще разъ соберетъ насъ вмѣстѣ,—дай Богъ, чтобы тогда вы могли сказать всѣмъ и каждому:

„Что вы служили дѣлу, а не лицамъ.“

„Что вы старались дѣлать правду и приносить пользу.“

„Что вы были прежде всего людьми, господа, а уже потомъ чиновниками“ ...

Какъ въ краткую лѣтнюю сѣверную почъ одна заря спѣшитъ смѣнить другую,—такъ въ незабвенные годы, ознаменованные новымъ царствованіемъ, зарю отмѣны рабства смѣняла заря настоящаго, правдиваго и вмѣстѣ милосерднаго суда. Ее привѣтствовалъ Ровинскій въ своей рѣчи... Эта рѣчь была и лучшимъ, послѣдовательнымъ заключеніемъ его служенія старому суду...

III.

Положеніе вещей при судебной реформѣ складывалось иначе, чѣмъ при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Если послѣдняя реформа выработывалась „горестно и трудно,“ — горестно для любившихъ исключительно себя, трудно — для любившихъ русскій народъ, — то, наоборотъ, пересозданіе всего судебного строя совершалось легко и безъ серьезныхъ противодѣйствій. Негодность существующихъ судебныхъ порядковъ въ ихъ главныхъ чертахъ и житейскихъ проявленіяхъ была признаваема всѣми. Могущественное слово осужденія этихъ порядковъ слышалось и въ неоднократныхъ Высочайшихъ резолюціяхъ. Отмѣтка императора Николая I на меморіи государственнаго совѣта по дѣлу Баташова, отъ 16 ноября 1848 года, о непомѣрной медленности производства, „ясно выставляющей всѣ неудобства и недостатки нашего судопроизводства“, по справедливости можетъ

считаться первымъ лучомъ судебного преобразованія.—Реформа судебной части не затрогивала ничьихъ личныхъ интересовъ—и поэтому на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы не могло найтись людей, которые посмѣли бы авторитетно рекомендовать старый порядокъ канцелярской безгласной и бездушной расправы—какъ желательный и неприкосновенный, или, прикрываясь лгуавою осторожностью рисовать „пагубныя послѣдствія“ предпринимаемаго государственнаго дѣла. За исключеніемъ темныхъ дѣльцовъ на низшихъ должностяхъ судебной службы—старый судъ не внушалъ привязанности никому,—отъ него сторонились почти всегда со страхомъ и нерѣдко съ отвращеніемъ, и слово поэта о томъ, что Русь „въ судахъ полна неправды черной“, было не празднымъ возгласомъ, а горькою, пережитою многимъ множествомъ русскихъ людей, истиною. Наконецъ—въ работахъ по судебному преобразованію не выдѣлялся особенно никто,—всѣ трудились дружно, съ единомысліемъ о необходимости, съ довѣріемъ къ близкому будущему и безъ застенной и любовной оглядки на близкое прошлое стараясь уврачевать въ своей родинѣ застарѣлый недугъ неправосудія. Поэтому не было среди этихъ работниковъ и человѣка, могущаго служить, подобно Ростовцеву, мишенью для недовольства, ненависти и клеветы, плохо прикрываемыхъ умышленно близорукою и прозрачно-недобросовѣстною критикою порученнаго ему дѣла. Печать и общество съ спокойною увѣренностью ожидали результатовъ судебного преобразованія.

Но сами работники въ дѣлѣ этого преобразованія не подходили, однако, подъ одинъ общій типъ и не представляли, въ своей совокупности, однороднаго цѣлага. Они явились на широкій призывъ со всѣхъ концовъ Россіи, изъ разнородныхъ служебныхъ областей, съ разнообразнымъ опытомъ и практическими свѣденіями, невольно внося въ свои предложенія и свои личные свойства. При разсмотрѣніи подготовительныхъ работъ по судебному преобразованію нельзя не замѣтить, что пионеры судебной реформы распались на четыре главныя группы. Первую составляли чистые *теоретики*, вносившіе въ свои предложенія строго логическіе выводы, построенные на отвлеченныхъ политиво-юридическихъ принципахъ; ко второй принадлежали *подражатели*, стремившіеся, безъ серьезной критики, перенести на нашу почву цѣликомъ западно-европейскіе порядки, предлагая преимущественно французскіе образцы съ ббльшею или меньшею примѣсью англійскихъ судебныхъ обычаевъ. Представителями третьей группы были люди, не рѣшавшіеся сразу оторваться отъ существующихъ уже

учреждений и приемов судопроизводства и желавшие медленного, осторожного и постепенного перехода от старого к новому. Они находили себѣ сильную опору о вліятельныхъ мнѣніяхъ автора „Общей объяснительной записки къ проекту новаго устава судопроизводства“, графа Д. Н. Блудова. Записка эта представляла, по богатству матеріала и своеобразному его освѣщенію, одинъ изъ интереснѣйшихъ трудовъ подготовительно-законодательнаго характера. Исходя изъ мысли, что внезапное введеніе новаго судебного устройства, безъ предварительнаго къ тому приготовленія и въ народѣ, и въ самыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, легко можетъ повести къ столбовеніямъ, запутанности и даже удалить отъ желаемой цѣли, графъ Блудовъ являлся поборникомъ *сплошнаго* начала и, относясь скептически къ началу *обвинительному*, предлагалъ улучшить существующее судопроизводство введеніемъ одиннадцати правилъ, „имѣющихъ цѣлью какъ огражденіе подсудимыхъ отъ напрасныхъ притѣсненій, такъ и доставленіе имъ дѣйствительныхъ и надежныхъ средствъ законной защиты“. Правила эти сводились, главнымъ образомъ, къ улучшенію учрежденія „депутатовъ“ при слѣдствіи; къ установленію права отвода слѣдователей; къ сообщенію обвиняемому матеріала, собраннаго противъ него по слѣдствію, съ окончательнымъ допросомъ его въ присутствіи родственниковъ, знакомыхъ, друзей или одного изъ состоящихъ при судѣ присяжныхъ повѣренныхъ; къ допущенію подсудимаго не только присутствовать при докладѣ дѣла, совершаемаго съ нѣкоторою публичностью, но и, защищаясь письменно чрезъ присяжныхъ повѣренныхъ, лично выслушивать объявленіе приговора съ правомъ подавать противъ него отзывы и дополнительные объясненія. — Наконецъ, четвертая группа заключала въ себѣ практическихъ судебныхъ дѣателей, желавшихъ обновленія судебного строя, для полнаго разрыва съ которымъ они черпали основанія не изъ теоретическихъ соображеній или слѣпой подражательности, но изъ знанія русской жизни въ ея судебно-бытовыхъ проявленіяхъ и изъ довѣрія къ умственнымъ и нравственнымъ силамъ народа, способнаго къ воспріятію новыхъ началъ судопроизводства, чуждаго опасенію „запутанности“. Къ этой группѣ принадлежало большинство „отцовъ судебныхъ уставовъ“, т. е. членовъ Высочайше учрежденной комиссіи, выработавшей основныя положенія преобразования судебной части.

Ровинскій, по высказываемымъ имъ взглядамъ, примыкалъ всего болѣе къ послѣдней группѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стоялъ, по многимъ вопросамъ, и отдѣльно отъ нея. Глубокій знатокъ жизни и свойствъ, вкусовъ и идеаловъ русскаго народа

въ ихъ историческомъ развитіи, онъ шелъ своею дорогою, богатый знаніемъ и наблюденіемъ. Его чисто русскому, проникнутому здравымъ смысломъ, уму были чужды отвлеченныя, теоретическія построенія, а любовь къ оригинальному и самобытному удерживала отъ слѣпой подражательности. Не могъ онъ, сердцемъ выстрадавшій всѣ недостатки старыхъ судебныхъ порядковъ, бывшій столь долго „за кулисами“ отжившаго суда, примириться и съ мыслью о постепенномъ, медлительномъ переходѣ отъ стараго къ новому. Будущій строй судебныхъ учреждений и ихъ дѣятельность, проникнутые началами, совершенно чуждыми слѣдственно-приказному отправленію правосудія, ясно рисовались его духовному взору. Отдаваясь съ горячностью и любовью призыву къ новому дѣлу, онъ не желалъ допускать, чтобы, по выраженію поэта, „заглушалъ плевель старинный—величья новаго посѣвъ“.

Принадлежавшій Ровинскому экземпляръ общей объяснительной записки Блудова весь испещренъ протестующими замѣчаніями. Общій ихъ смыслъ состоитъ въ томъ, чтобы предлагаемыя Блудовымъ мѣры, не улучшая ни въ чемъ существенномъ судопроизводства, не внесли въ него ничего такого, чего не всосали бы въ себя рутина и „приказное“ отношеніе къ дѣлу. Не штопать надо было изношенное и негодное, не приращать случайными и вышними прививками существовавшій судебный строй, не трогая его главнѣйшихъ внутреннихъ началъ. Слѣдовало, твердо опредѣливъ противоположный берегъ, смѣло причалить къ нему, или, въ крайнемъ случаѣ, соорудивъ лишь временный, на очень краткій срокъ мостъ, перейти по нему и тотчасъ же разобрать его... Въ „Русскихъ народныхъ лубочныхъ картинкахъ“ Ровинскій съ свойственною ему образностью выражаетъ мысль о бесполезности всякихъ частичныхъ реформъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, рассказывая о тщетной борьбѣ крутыхъ царей—Ивана Васильевича и Петра Алексѣевича съ чиновничьимъ взяточничествомъ въ судебныхъ приказахъ, съ произволомъ и „кормленьемъ“ воеводъ. Его не удовлетворяли и реформы Екатерины II по этой части, замѣнившія воеводу коллегіею, такъ какъ ими не измѣнялась сущность судебныхъ порядковъ и порочныя привычки судей. „Либеральныя декорации,—говоритъ онъ,—не всегда сходились съ сѣрою дѣйствительностью, и народъ отблагодарилъ за новыя учрежденія (судебныя коллегіи) мѣткою пословицею: „прежде одну свинью кормили, а теперь и съ поросятами“... По этому же поводу онъ приводитъ остроумный отзывъ князя А. С. Меншикова, назвавшаго нерѣшительныя, отрывочныя и частичныя мѣры, предпріятыя въ 1838-39 гг. относительно государственныхъ крестьянъ, „улучшеннымъ бытомъ въ уменьшен-

номъ видѣ". Поэтому патетическія выраженія „Общей объяснительной записки“, въ родѣ указанія на „естественную, драгоценную для всякаго чувствительнаго человѣка мысль о неотъемлемомъ правѣ каждаго, хотя и вполне заслуживающаго всей строгости карающихъ постановленій, ходатайствовать объ облегченіи своей участи“, — не подкупали Ровинскаго и не прикрывали въ его глазахъ скудость предлагаемыхъ ею мѣръ. Врагъ условныхъ формъ, не соответствующихъ содержанію, поклонникъ простоты и искренности въ дѣловомъ языкѣ, онъ былъ глухъ къ тому, что самъ называлъ, въ различныхъ мѣстахъ „Народныхъ картинокъ“, — „трескучими фразами“ и „уголовными прибаутками“, относя къ нимъ и знаменитыя слова Екатерины II: „лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго наказать“, сказанныя въ дѣйствительности впервые Петромъ Великимъ въ 1716 году, въ п. 9 главы V устава воинскаго.

На приглашеніе о доставленіи соображеній о судебномъ преобразованіи, послѣдовавшее по почину государственнаго совѣта и обращенное государственною канцеляріею къ юристамъ-практикамъ, однимъ изъ первыхъ откликнулся Ровинскій рядомъ записокъ — объ устройствѣ гражданскаго суда, объ устройствѣ уголовного, о должностныхъ лицахъ судебного вѣдомства, о производствѣ слѣдствія, обвинительномъ началѣ и отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, и наконецъ — о порядкѣ введенія новаго судоустройства вообще и въ московской губерніи въ особенности.

Въ этихъ запискахъ, въ высшей степени цѣнныхъ по своему содержанію и по обилію собраннаго въ нихъ матеріала, Ровинскій прежде всего остановился на устройствѣ мѣстнаго суда. Русская жизнь, обновленная освобожденіемъ крестьянъ, давала готовое учрежденіе для мѣстнаго, ближайшаго къ населенію, легко доступнаго, простаго и дѣйствительнаго суда. Это были мировые посредники. Отъ нихъ, по мнѣнію его, и надо было отправляться, строя новое судебное званіе. Мировой посредникъ долженъ былъ, совершивъ свое главное дѣло, введеніе уставныхъ грамотъ, обратиться въ „мирового судью — не юриста, судъ котораго не стѣсненъ никакими формальностями, а рѣшеніе говорится по совѣсти“. Дѣятельный мировой судья, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ рисовался практическому уму Ровинскаго — защитникъ правъ, примиритель и довѣренное лицо для жителей своего околотка; онъ — первое звѣно между ними и правительствомъ. Не составляя инстанціи, онъ окончательно рѣшаетъ подсудныя ему дѣла — по гражданскимъ спорамъ до 30 рублей, а въ уголовномъ отношеніи о всѣхъ маловажныхъ поступкахъ; но по гражданскимъ дѣламъ,

гдѣ вопросъ идетъ о завладѣніи или гдѣ замѣшаны *протѣжіе*, онъ разбираетъ споры на всякую сумму съ правомъ переноса дѣла недовольною стороною въ судъ 1-й степени. Проектируя учрежденіе такого живого, отзывчиваго на нужды населенія, органически съ нимъ связаннаго, путемъ выборнаго начала, суда, Ровинскій, конечно, не могъ предвидѣть, что въ послѣдствіи дѣятельность мирового судьи будетъ въ ея практическомъ осуществленіи, вслѣдствіе односторонняго направленія гражданскаго кассационнаго суда, обставлена рядомъ требованій формальнаго свойства и въ дѣлахъ гражданскихъ отчасти утратитъ тотъ живой и непосредственный характеръ, который онъ думалъ ей придать. Но его занималъ обычный и при всякой новой мѣрѣ роковымъ образомъ возникающій у насъ на Руси вопросъ:—гдѣ взять людей? Онъ отвѣчалъ, однако, на него успокоительно, указывая на то, что нашлись же дѣльные и способные люди, рѣшившіеся почти безвыѣдно жить въ деревнѣ изъ любви къ дѣлу и желанія пользы—и принявшіе на себя трудныя обязанности мировыхъ посредниковъ. „Конечно,—писалъ онъ,—дѣло освобожденія крестьянъ такъ громадно, что въ уровень съ нимъ не можетъ стать ни одно преобразование настоящаго времени, и что каждый считаетъ за особую честь такъ или иначе участвовать въ разрѣшеніи его; но можно надѣяться, что дѣльными, а главное, живыми преобразованиями по судебной части возбудятъ не менѣе сочувствія со стороны общества. Если мировому судьямъ будутъ сохранены—та независимость въ служебныхъ отношеніяхъ и то вліяніе на полицію, которыми пользуются мировые посредники, то можно ожидать, что должность мирового судьи сдѣлается еще выше и почетнѣе, а главное—еще полезнѣе должности мирового посредника“. Тепло, можно сказать, благодарное воспоминаніе о мировыхъ посредникахъ сохранилъ Ровинскій до конца дней своихъ. Онъ любилъ перечислять пользующихся общественнымъ уваженіемъ или занимающихъ нынѣ высокіе служебные посты людей, которые радостно и безразсчетно пошли на эту должность, когда „насталъ великій мигъ—въ скривляяхъ царства незабвенный“;—любилъ характеризовать посредниковъ перваго призыва по московской губерніи. Его всегда очень интересовала дѣятельность мировыхъ судей, въ житейскомъ обликѣ которыхъ сквозили дорогія для него и уже далекія черты мировыхъ посредниковъ...

Устройство будущаго уголовнаго суда представляло, однако, гораздо болѣе сложную задачу. Для него не было уже готоваго матеріала, какъ для мировыхъ судей. Старыя учрежденія не представляли, да по мысли Ровинскаго и не должны были предста-

вить ничего пригоднаго для новой постройки. Задача созданія въ этой области новаго, неиспытаннаго и притомъ въ связи съ новыми же началами судопроизводства, стояла внѣ обычнаго канцелярско-бюрократическаго пути и неразлучнаго съ нимъ высокогнѣрнаго взгляда на потребности общества, противъ котораго впоследствии горячо высказывался Ровинскій въ своихъ „Народныхъ картинкахъ“ (томъ IV, стр. 318). Поэтому здѣсь предстояла особо трудная и особо интересная работа. Главный вопросъ, выдвигавшійся прежде всѣхъ другихъ и опредѣлявшій сущность многихъ изъ послѣдующихъ—былъ вопросъ объ *основаніяхъ опредѣленія виновности*. Такихъ основаній, въ ихъ коренныхъ чертахъ, въ сущности два. Или вопросъ о виновности разрѣшается по заранее опредѣленному рецепту, съ разъ навсегда обязательною оцѣнкою взаимной силы и значенія доказательствъ и точно установленнымъ ихъ удѣльнымъ вѣсомъ,—или же эта оцѣнка свободна, не стѣснена никакими предустановленными правилами и поκειται исключительно на внутреннемъ убѣжденіи судьи. Въ первомъ случаѣ господствуютъ правила, подобныя тѣмъ, которыя начертаны въ нашихъ законахъ о судопроизводствѣ по второй части XV тома. На основаніи ихъ виновность признается лишь при *совершенныхъ доказательствахъ*. Къ совершеннымъ доказательствамъ относится, прежде всего, собственное сознаніе, а потомъ свидѣтельскія показанія, но правдивость ихъ измѣряется внѣшними признаками. Не имѣло поэтому для стараго суда большой цѣны показаніе „явнаго прелюбодѣя или „портившаго тайно межевые знаки“, или „иностранца, поведеніе котораго неизвѣстно“, да и въ присяжныхъ показаніяхъ отдавалось преимущество знатному предъ незнатнымъ, духовному предъ свѣтскимъ, мужчинѣ предъ женщиною, и т. д.

Теорія формальныхъ доказательствъ властно и нераздѣльно господствовала въ старомъ судѣ. Подъ ея покровомъ вершились иногда уголовныя дѣла, содержаніе которыхъ и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, волнуетъ при знакомствѣ съ ними и оставляетъ трудно забываемыя чувства нравственной неудовлетворенности и оскорбленной справедливости. Выдвигаемое этою теоріею на первый планъ, какъ „лучшее доказательство всего свѣта“, собственное сознаніе обвиняемаго—имѣло очень часто пагубное значеніе и на ходъ дѣла, и на его исходъ. На *ходъ дѣла*—потому, что зачастую всѣ усилія слѣдователей направлялись къ тому, чтобы такъ или иначе, подчасъ самыми противозаконными способами и приемами, добиться отъ обвиняемаго сознанія и тѣмъ „упростить“ дѣло;—на *исходъ* потому, что при массѣ косвен-

ныхъ уликъ, при вопіющей изъ дѣла житейской правдѣ, но при отсутствіи заранѣе предусмотрѣнныхъ, условныхъ, измѣренныхъ и взвѣшенныхъ формальныхъ доказательствъ, умѣвший не сознаваться злодѣй выходилъ изъ суда обвиненнымъ или—въ лучшемъ случаѣ—оставленнымъ „въ подозрѣніи“ и занималъ въ обществѣ, привыкшемъ быть „къ добру и злу постыдно равнодушнымъ“, прежнее положеніе.

Притомъ, теорія формальныхъ доказательствъ давала возможность постоянныхъ сдѣлокъ съ совѣстью, ставя многое въ зависимость отъ темперамента судьи. Молодой, съ желаніемъ, по возможности, добиться справедливости судья, чувствуя виновность подсудимаго, раскрывая ее въ рядѣ побочных обстоятельствъ, но не имѣя предъ собою ни собственнаго его сознанія, ни двухъ присяжныхъ свидѣтелей, старался найти нѣкоторое примиреніе съ совѣстью въ оставленіи виновнаго въ *сильномъ подозрѣніи*;—судья, „въ приказахъ поспѣлый“, привышій со скучающимъ равнодушіемъ „спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ“—безъ смущенія подписывалъ подсовываемые секретаремъ приговоры объ освобожденіи отъ суда и слѣдствія. Вслѣдствіе этого и въ то же время несмотря на это, не было никакой устойчивости въ уголовныхъ приговорахъ, и Ровинскій съ горечью указывалъ въ запискѣ объ устройствѣ уголовного суда на упомянутое уже дѣло фигурантки Аршининой, какъ на примѣръ вопіющей несправедливости и взаимнаго противорѣчія ряда предшествовавшихъ по одному и тому же дѣлу приговоровъ. Очевидно, что основанія опредѣленій виновности, связанныя съ теорією формальныхъ доказательствъ, приходилось отвергнуть безусловно. Оставалась свобода внутренняго убѣжденія судьи, ничѣмъ, кромѣ чувства долга, не стѣсняемая въ оцѣнкѣ всѣхъ законнымъ способомъ добытыхъ уликъ и доказательствъ. Но лучшимъ средствомъ для выработки этого убѣжденія служить осуществленіе обвинительнаго начала; оно же связано съ судомъ присяжныхъ, который является наиболее яркимъ представителемъ суда по убѣжденію совѣсти.

Такимъ образомъ, вопросъ о введеніи въ Россіи суда присяжныхъ невольно вырисовывался при устраненіи возможности продолжать отправленіе уголовного правосудія съ „лучшимъ доказательствомъ всего свѣта“ въ рукахъ. Хотя въ литературѣ уже съ 1858 г. раздавались голоса о преимуществахъ суда присяжныхъ, но среди многихъ представителей бюрократической Россіи, относившихся къ собственной правовой исторіи какъ къ чему-то чуждому и имѣющему лишь археологическій интересъ, идея о судѣ присяжныхъ въ Россіи должна была представляться совершеннымъ и притомъ беспочвен-

нымъ новшествомъ. Учрежденіе, слѣдовъ котораго нельзя было найти ни въ сводѣ, ни даже въ полномъ собраніи законовъ, и введеніе котораго въ континентальной Европѣ совпадало съ большими политическими потрясеніями,—едва ли могло разсчитывать на горячую рекомендацію и благосклонный приемъ со стороны этихъ лицъ. Даже самое возбужденіе вопроса о возможности такого суда въ чистомъ видѣ и безъ всякихъ искаженій представлялось гадательнымъ.

Ровинскій смотрѣлъ, однако, иначе на дѣло. Ему принадлежитъ огромная заслуга прямой и твердой постановки этого вопроса. Онъ первый изъ лицъ, призванныхъ высказаться относительно судебного преобразованія, раньше всѣхъ имѣлъ рѣшимость сказать, что если хотѣть имѣть непадающій въ рутину судъ по совѣсти, то надо безъ колебаній обратиться къ учрежденію суда присяжныхъ. Его труды и заявленія въ этомъ отношеніи имѣютъ одну драгоценную особенность. Возражая противникамъ суда присяжныхъ и развивая свои взгляды, онъ даетъ возможность прослѣдить самый *генезисъ* этихъ взглядовъ, чуждыхъ заимствованій и опирающихся на знаніи прошлаго русскаго народа, на уваженіи къ его духовнымъ силамъ и довѣрїи къ ихъ развитію.

Особенно сильнымъ противникомъ суда присяжныхъ былъ, въ своей объяснительной запискѣ, графъ Блудовъ. Онъ ясно сознавалъ неизбѣжную альтернативу между судомъ по предустановленнымъ доказательствамъ и судомъ присяжныхъ, но и обвинительное начало, и эта форма суда казались ему преждевременными. „Надлежитъ ли,—спрашивалъ гр. Блудовъ,—для отвращенія недостатковъ дѣйствующаго суда, прямо перейти къ принятой въ западныхъ государствахъ системѣ обвинительной или, по крайней мѣрѣ, слѣдственно-обвинительной? Сколь ни желательно было бы воспользоваться вдругъ всѣми усовершенствованіями, до которыхъ другіе народы дошли путемъ долговременныхъ постепенныхъ преобразованій, однакожь прежде нежели рѣшиться на какое-либо коренное измѣненіе, должно тщательно обовѣрѣть и взвѣсить имѣющіяся къ тому средства, дабы, предпринявъ слишкомъ много, не повредить дѣлу. Несмотря на всѣ преимущества обвинительной системы,—она до такой степени различествуетъ отъ существующаго нынѣ порядка, что внезапное введеніе оной, безъ предварительнаго къ нему приготовленія—и въ народѣ, и въ самыхъ правительственныхъ установленіяхъ, легко можетъ, вмѣсто усовершенствованія сей части, повести къ столкновеніямъ, запутанности и удалить насъ отъ желанной цѣли“. Изъ этихъ словъ самъ собою выясняется и взглядъ Блудова на судъ присяжныхъ.

„Въ настоящее время,—писалъ онъ въ своей запискѣ,—едва ли полезно устанавливать у насъ судъ *чрезъ* присяжныхъ. Легко себѣ представить дѣйствіе такого суда, когда бѣльшая часть нашего народа не имѣетъ еще не только юридическаго, но даже самаго первоначальнаго образованія, когда понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ до того не развиты и неясны, что нарушение чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, иныя преступленія удаельствомъ, а преступники—только *несчастливыми*. Допущеніе такихъ людей къ рѣшенію важнаго, иногда чрезвычайно труднаго вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, угрожаетъ не одними неудобствами, но едва ли и не прямымъ беззаконіемъ. Конечно, могутъ сказать, что для полученія убѣжденія о винѣ или невинности подсудимаго, не нужно особое образованіе и достаточно одного здраваго смысла. Дѣйствительно, здравый смыслъ иногда вѣрнѣе учености; но здравый смыслъ обыкновеннаго человѣка ограничивается тѣснымъ кругомъ его общественной жизни и ежедневнаго положенія: онъ рѣдко и съ трудомъ достигаетъ предметовъ выходящихъ изъ его круга. Не трудно заключить о винѣ или невинности подсудимаго, когда для сего есть въ виду положительныя, такъ сказать, осязаемыя доказательства и данныя; но въ бѣльшей части случаевъ, къ сему заключенію можетъ довести только внимательное соображеніе многихъ обстоятельствъ и высшая способность къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ; для сего уже одного здраваго смысла далеко недостаточно“.

Высокое официальное положеніе графа Блудова, пріобрѣтенный имъ почти непререкаемый авторитетъ въ дѣлахъ законодательства и глубокое его образованіе, придавали его мнѣнію особенный вѣсъ, дѣлая его серьезнымъ и опаснымъ противникомъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ его взгляды на неподготовленность русскаго народа къ воспринятію суда присяжныхъ оказались во многомъ сходными съ тѣмъ, что высказывалъ въ университетѣ на своихъ публичныхъ лекціяхъ о теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ молодой и глубоко талантливый профессоръ уголовного права.

Ровинскій пошелъ въ своихъ возраженіяхъ шагъ за шагомъ по пути, которымъ шелъ Блудовъ. Прежде всего онъ остановился на непризнаніи за русскимъ народомъ способности съ справедливою строгостью смотрѣть на преступленіе.

„Чтобы нашъ народъ смотрѣлъ на преступленіе свисходительно и признавалъ преступника *только несчастнымъ*, то предположеніе это,—писалъ Ровинскій въ запискѣ объ устройствѣ уголовного суда,

—противорѣчить всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ; но и это будетъ несправедливо,—народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія и потому единственно, что не имѣетъ никакого довѣрія ни къ добросовѣстности полиціи, которая можетъ замѣть дѣло, ни къ правосудію судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія.

„Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника уже наказаннаго плетми и осужденнаго на каторгу и ссылку, и, забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаванія вещами и деньгами—это правда. Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, просиживающихъ на основаніи теоріи уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія, въ явное разореніе своего семейства и государственной казны—и это правда.

„За это состраданіе слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ *глубокое нравственное достоинство*, нежели обвинять его въ недостатокъ юридическаго развитія“...

Эти прекрасныя строки, проникнутыя искреннимъ чувствомъ, знаніемъ народа и любовью къ нему, полезно было бы вспоминать почаще и въ наше время, тридцать-пять лѣтъ спустя, когда по поводу какого-нибудь дурно понятаго оправдательнаго приговора, съ легкомысленною поспѣшностью въ обобщеніяхъ, народу ставится встать въ упрекъ и такое проявленіе его сострадательности, которое даетъ право гордиться за него.

Жизнь Ровинскаго, исполненная вдумчивой наблюдательности и изученія, давала ему фактическія основанія высказывать свой взглядъ на причины такого отношенія народа къ осужденному. Въ его „Русскіяхъ народныхъ картинкахъ“ есть цѣлый рядъ интереснѣйшихъ замѣчаній, посвященныхъ тѣмъ причинамъ, по которымъ въ народѣ вѣками выработалось милосердное отношеніе къ наказанному преступнику и вообще „къ заключенному“. Народу изъ массы повторяющихся примѣровъ было извѣстно, какъ тяжело продолжительное *тюремное сидѣніе*, въ которомъ даже и виновный,—а сидѣвшій далеко не всегда былъ таковымъ,—съ избыткомъ искупалъ свою вину еще до тяжкаго приговора, его постигавшаго. Десятки лѣтъ пребыванія подъ стражею вовсе не были особо исключительнымъ явленіемъ. Напечатанная по повелѣнію императрицы Еваторины II лубочная картинка, изображающая обрядъ всенароднаго покаянія убійцъ Жуковыхъ, въ 1754 г., касается

дѣла, по которому даже состоявшійся о пяти подсудимыхъ приговоръ (четверо остальныхъ умерли отъ пытки) не былъ приведенъ въ исполненіе въ теченіе *двѣнадцати* лѣтъ, при чемъ осужденные содержались въ тѣсномъ заточеніи въ ожиданіи смертной казни, замѣненной впоследствии, — въ силу указа императрицы Елисаветы о непроизводствѣ *натуральной смертной казни* впредь до точнаго о томъ распоряженія, — ссылкой въ монастырь и на каторгу. Но и чрезъ сто лѣтъ Ровинскій въ „Свѣдѣніяхъ о положеніи дѣлъ судебного вѣдомства“ указывалъ, по своей практикѣ губернскаго прокурора, на необходимость принятія самыхъ энергическихъ мѣръ въ уменьшенію *многочисленнаго* сидѣнія въ тюрьмахъ *подсудимыхъ* арестантовъ, приводя въ примѣръ участь нѣкоего Вокарію, просидѣвшаго подъ слѣдствіемъ болѣе 4-хъ лѣтъ въ московскомъ губернскомъ замкѣ „за справками“. Въ промежутокъ отъ Жуковыхъ до Вокарію, Екатерина II написала, по словамъ Ровинскаго, энциклопедически-либеральный проектъ объ улучшеніи нашихъ темницъ и построила нѣсколько каменныхъ замковъ, но замки эти были вапкою въ морѣ, и тюрьма по прежнему оставалась мѣстомъ, гдѣ потребности заключеннаго на долгіе годы — въ воздухѣ, свѣтѣ, а въ первое время и въ пищѣ, вовсе не принимались въ расчетъ. Народная картинка первой половины XVIII вѣка, находящаяся въ собраніи Ровинскаго, представляетъ типическую темницу того времени, съ надписью: „въ темницѣ обѣхъ“. Въ примѣчаніи по поводу этой картинки Ровинскій говоритъ: „какъ извѣстно, преступники, дожидаясь суда и наказанія, сидѣли въ темницахъ, часто подземныхъ, и тюрьмахъ (отъ слова: Thurm — башня), сабиркахъ, острогахъ, а равно и въ болѣе упрощенныхъ мѣстахъ заключенія, носившихъ названія порубовъ, погребовъ, ямъ и каменныхъ мѣшковъ, въ которыхъ нельзя ни стать, ни лечь; такіе мѣшки, по свидѣтельству Снегирева, можно было видѣть еще весьма недавно въ Спасо-Прилуцкомъ вологодскомъ монастырѣ. Здѣсь заключенные, или колодники, сидѣли, смотря по важности обвиненія, или въ деревянныхъ колодежахъ, отъ которыхъ и назывались колодниками, или скованные желѣзами по рукамъ и ногамъ, — на шею надѣвалась имъ рогатка; особенно важные преступники приковывались цѣпью къ стулу, т.-е. къ деревянной колодѣ, пуда въ два вѣсомъ, или же приковывались къ стѣнѣ; самоуважѣннѣйшимъ вкладывали во рты деревянные кляпы (кльня), чтобы они не могли говорить. Древнія тюрьмы наши были тѣсны и грязны, накоплялось въ нихъ народу тьма тьмущая: одни ожидали суда, другіе наказанія“...

Но и въ первой четверти XIX столѣтія тюрьмы и вообще поло-

женіе арестантовъ были не лучше. Знаменитая записка англійскаго филантропа Венинга, поданная императору Александру I, данныя, относящіяся къ началу тюремной благотворительной дѣятельности въ Москвѣ доктора Гааза и нѣкоторые официальные памятники изъ дѣлъ того времени—рисуютъ самую безотрадную картину положенія тюремнаго дѣла предъ учрежденіемъ, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, попечительнаго о тюрьмахъ общества. Даже въ столицахъ полутемныя, сырыя, холодныя и невыразимо грязныя тюремныя помѣщенія были свыше всякой мѣры переполнены арестантами безъ различія возраста и рода преступленія. Отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ осуществлялось очень неудачно; дѣти и неисправныя должницы содержались вмѣстѣ съ проститутками и закоренѣлыми злодѣями. Все это тюремное населеніе было полуголодное, полунагое, лишненное почти всякой врачебной помощи. Въ этихъ шлоахъ взаимнаго обученія разврату и преступленію господствовали отчаяніе и озлобленіе, вызывавшія крутыя и жестокія мѣры обузданія: колодки, прикованіе къ тяжелымъ стульямъ, ошейники со спицами, мѣшавшими ложиться, и т. п. Препровожденіе ссыльныхъ въ Сибирь совершалось на желѣзномъ прутѣ, продѣтомъ сквозь наручники скованныхъ попарно арестантовъ. Подобранные случайно, безъ соображенія съ ростомъ, силами, здоровьемъ и родомъ вины, ссыльные, отъ 8 до 12 человекъ на каждомъ прутѣ, двигались между этапными пунктами, съ проклятіями таща за собой ослабѣвшихъ въ дорогѣ, больныхъ и даже умершихъ. Устройство пересыльныхъ тюремъ было еще хуже, чѣмъ устройство тюремъ срочныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что и въ 1863 году положеніе тюремъ въ районѣ будущаго московскаго судебнаго округа было, по донесенію Ровинскаго, крайне неудовлетворительно и представляло многія „безобразія“. Въ тогдашнемъ тюремномъ управленіи было огромное количество начальниковъ всякаго рода, сталкивавшихся у одного дѣла, почему совершенно отсутствовали настоящіе дѣлатели,—а управленіе путями сообщенія и публичными зданіями отняло у тюремныхъ комитетовъ право самимъ производить ремонтъ тюремъ, вслѣдствіе чего развелась многосложная переписка о каждой печкѣ, рамѣ и балкѣ, а зданія пришли въ упадокъ. Оканчивая свой отчетъ, Ровинскій говоритъ, что почти каждое слѣдствіе сопровождается предварительнымъ арестомъ обвиняемаго, а мѣсто, гдѣ онъ содержится, такъ душно, сыро и смрадно, что арестъ обращается во многихъ случаяхъ въ каторжное наказаніе, соединенное съ ослабленіемъ здоровья и умственныхъ способностей... Такое устройство и содержаніе тюремъ было не единственнымъ зломъ,—другое и притомъ, конечно, не меньшее состояло въ господствѣ произвола

при заключеніи въ тюрьму и необычайной медленности въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ. Ровинскій приводитъ выписку изъ указа Анны Іоанновны, изъ которой видно, что въ 1737 г. было освобождено „по многому держанію“ 420 колодниковъ, которые были забраны не за какіе-либо проступки, но „ради ваятокъ и бездѣльныхъ корыстей“. Даже и во второй четверти нашего столѣтія, по свидѣтельству его же, въ виду чрезвычайнаго накопленія арестантовъ, производились періодическія очищенія тюремъ, назначеніемъ по 300 и болѣе человекъ въ солдаты и въ арестантскія роты—*безъ суда*, сокращеннымъ порядкомъ. По этому поводу онъ рассказываетъ, что при одномъ изъ такихъ очищеній въ роспись мужчине ошибкою попала баба татарка съ мужскимъ именемъ, въ родѣ Гоголевской „Елизаветъ Воробей“, и ее назначили въ арестантскія роты. При исполненіи, ошибка оказалась, но никто не смѣлъ доложить о ней кому слѣдуетъ; такъ Елизаветъ Воробей и высидѣла свой срокъ, въ видѣ мужской персоны, „только, за неспособностью ея къ арестантскимъ ротамъ“, въ рабочемъ домѣ. Онъ прибавляетъ, что ему попадались тюрьмы, гдѣ гарнизонное начальство захватило въ свои руки всю власть и не пускало арестантовъ на дворъ освѣжиться воздухомъ. Въ одной изъ такихъ тюремъ содержались въ маленькихъ комнатахъ по 10—15 человекъ, а въ углу стоялъ ушатъ (параша) для испражнений,—воздухъ былъ зараженъ до послѣдней возможности, арестанты, истощенные и блѣдные—„а вѣдъ все это люди только лишь обвиняемые и быть можетъ вовсе и не виновные“. Представленіе объ арестантѣ какъ о *несчастномъ* слагалось у народа въ теченіе долгихъ лѣтъ и прочно укоренилось еще въ XVIII столѣтіи. Несомнѣнно, что въ связи съ мыслью о тяжести тюремнаго сидѣнія являлась у народа и мысль о пыткахъ, неразрывно связанныхъ съ нашимъ старымъ процессомъ; хотя онѣ и были уничтожены секретнымъ указомъ губернаторамъ въ 1767 г., но продолжали неофициально существовать подѣ именемъ допроса „съ пристрастіемъ“ до царствованія Александра I, который уничтожилъ самое названіе пытки, „какъ стыдъ и укоризну челоѣчеству наносящее“. Но народъ не могъ забывать о пыткахъ, которымъ подвергались обвиняемые, еще и потому, что почти до конца XVIII вѣка у насъ колодниковъ посылали „на связкахъ“ каждый день собирать подаяніе на пропитаніе по улицамъ и площадямъ, при чемъ пытаные, для возбужденія состраданія, ходили въ рубищахъ, пропитанныхъ запекшеюся кровью, и показывали народу свои раны. На народныхъ поговоркахъ сказалось это господство пытокъ въ нашемъ старомъ процессѣ—и выраженія „согнуть въ три погибели“, „вы-

пытать всю подноготную“ и т. п., съ несомнѣнною указываютъ на пыточные приемы для полученія сознанія. Установители нашихъ старинныхъ пытокъ не отличались такою изобрѣтательностью и систематичностью, какъ наши западные сосѣди, — наши пытки были жестоки, но проще и менѣе утонченны, тѣмъ, напр., подробно описанныя, съ тщательными рисунками, въ австрійскомъ кодексѣ Маріи-Терезіи. — Тѣмъ не менѣе нельзя безъ невольнаго содроганія читать приводимую Ровинскимъ въ „Народныхъ картинкахъ“ справку изъ дѣлъ тайной канцеляріи (1735—1754 г.), составленную для императрицы Еватеріны II, съ описаніемъ „обряда, како обвиненный пытается“, и съ подробнымъ описаніемъ, какъ приемы мученія, отъ которыхъ „онѣй злодѣй весьма изумленнымъ бываетъ“, такъ и способовъ усугубленія ихъ, „дабы онѣй болѣе істязанія чувствовалъ“.

Можно ли послѣ всего этого не согласиться съ Ровинскимъ, когда онъ говоритъ, что народъ имѣлъ при такомъ положеніи вещей основаніе смотрѣть на колодниковъ какъ на несчастныхъ — и, не разбирая между ними виноватыхъ и невинныхъ, щедро нести голоднымъ и холоднымъ своимъ братьямъ посильныя подаванія? Но не на одно долговременное и изнурительное тюремное сидѣніе, въ связи съ пытками, какъ на поводъ къ сострадательности народа къ несчастнымъ, указываетъ Ровинскій. Онъ говоритъ и о жестокихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, производившихся публично и конечно пробуждавшихъ, на ряду съ проявленіями кровожаднаго любопытства, и чувство глубокой жалости къ наказываемымъ. Въ примѣчаніяхъ и объясненіяхъ въ „Народныхъ картинкахъ“ Ровинскій, съ обычною своею обстоятельностью и подробностью въ сссылкахъ, приводитъ описанія кнута, плетей, шпидрутеноевъ — и способа наказанія ими. Не останавливаясь на отталкивающихъ частностяхъ этихъ описаній, нельзя не отмѣтить указываемой авторомъ своеобразной заботливости о техническомъ улучшеніи этой части. Такъ, старинный козелъ, на которомъ били кнутомъ „нещадно“, въ XVIII вѣкѣ замѣненъ былъ помощникомъ палача, а въ 1788 г. человекъ былъ замѣненъ станкомъ, называемымъ кобылою. Двухвостая до 1839 г., плеть была замѣнена въ 1840 г., по положенію комитета министровъ, трехвостую — въ 1847 году, установлены и разосланы по губернскимъ правленіямъ при особомъ циркулярѣ „образцовыя розги“; въ 1846 г., медицинскій совѣтъ преподавалъ правило для изготовленія особаго состава на предметъ затиранія ранъ отъ наложенія клейма на лбу и щекахъ, для чего прежде употреблялся порохъ, и т. д. Но и при этомъ обычномъ господствѣ тѣлесныхъ наказаній сказались особенности русскаго народа. „Со стороны“

никто не шелъ въ исполнители торговой казни. Изъ приводимыхъ Ровинскимъ интересныхъ свѣденій о палачахъ, видно, что у насъ никогда не было профессиональныхъ палачей, и господинъ во фракѣ, носящій титулъ Monsieur de Paris, прѣзжающій въ мѣсту исполненія казни въ собственномъ экипажѣ, слѣдящій свысока за „туалетомъ“ осужденнаго и брезгливо трогающій рукою въ бѣлой перчаткѣ пружинку гильотины — у насъ немыслимъ. До этой стороны западной культуры мы совершенно не доросли, — да, вѣроятно, никогда и не доростемъ... У насъ палачи набирались изъ тяжелыхъ уголовныхъ преступниковъ. Служба въ Москвѣ доставила Ровинскому возможность видѣть близко нѣсколькихъ типичныхъ палачей и между прочимъ знаменитаго семидесятилѣтняго „Алешку“, разрѣзавшаго однимъ ударомъ плети толстый лубокъ пополамъ. Изъ времени этой службы, со словъ очевидцевъ, вынесъ онъ и картину наказанія плетью, съ обычнымъ: „берегись, ожгу“! Свидѣтелемъ этой картины бывали и массы народа.

Бывалъ народъ свидѣтелемъ и другой страшной картины; въ живыхъ подробностяхъ ея описанія у Ровинскаго сквозить, что онъ и самъ имѣлъ несчастье видѣть эту картину. Дѣло идетъ о проводкѣ сквозъ строй, при чемъ уже 500 ударовъ шпицрутенами составляло, въ большей части случаевъ, замаскированную и вмѣстѣ съ тѣмъ квалифицированную смертную казнь. „Что сказать о шпицрутенахъ сквозъ тысячу, двѣнадцать разъ, безъ медика“! — восклицаетъ Ровинскій: — „надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы уже никогда не позабыть ея. Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому дается въ руки хлыстъ-шпицрутень; живая „зеленая улица“, только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго по поясъ и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ чтобы каждый шпицрутень имѣлъ время оставить слѣдъ свой на „солдатской шкурѣ“; сзади вывозится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ, раздается злобѣщая трескотня барабановъ; разъ, два... и пошла хлестать зеленая улица, справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается, сзади и спереди, широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ; летятъ кровавыя брызги... „Братцы, пощадите“!.. прорывается сквозъ глухую трескотню барабана; но вѣдь щадить значить самому быть пороту, — и еще усерднѣе хлещетъ „зеленая улица“. Скоро спина и бока представляютъ одну сплошную рану, мѣстами кожа сваливается клочьями

—и медленно двигается на прикладах живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянные глаза свои... вотъ онъ свалился, а бить еще осталось много, — живой трущъ кладутъ на дровни и снова возятъ, взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шницрутенонъ и рубятъ кровавую кашу. Смогли стоны, слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалить, да трещать злобѣщіе барабаны...“

Въ то время, когда гр. Блудовъ находилъ возможнымъ отрицать за русскимъ народомъ способность добросовѣстно исполнять судейскія обязанности потому, что у него существуетъ представленіе о „несчастномъ“, —картины, въ родѣ нарисованной Ровинскимъ, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ были еще явленіемъ, которое считалось обыновеннымъ и вполне цѣлесообразнымъ, — были управляемымъ съ полною публичностью проявленіемъ дѣятельности карательнаго механизма... Если все это могло лишь закрѣплять въ народѣ его трогательное отношеніе къ „несчастному“, а нисколько не доказывать, что народу чужда идея справедливаго суда за преступленіе, то съ другой стороны господство въ нашей карательной системѣ тѣлесныхъ наказаній поселяло во многихъ мыслящихъ и сердечныхъ людяхъ отвращеніе къ этому способу возмездія и страстное желаніе поскорѣ увидѣть его уничтоженіе. Къ такимъ людямъ надо отнести, прежде всего, русскаго посланника въ Брюсселѣ, князя Н. А. Орлова, которому принадлежитъ починъ возбужденія въ официальныхъ сферахъ, въ 1861 году, вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Его благородное имя не должно — не будетъ забыто русской исторіей! Къ такимъ же людямъ принадлежалъ и Ровинскій. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній сдѣлалась своего рода „caeterum censeo“ всѣхъ его работъ по поводу судебного преобразованія. Въ запискѣ объ улучшеніяхъ въ слѣдственной части онъ настаивалъ на необходимости вступленія суда на новый путь, свободный отъ необходимости подписывать приговоры о примѣненіи этого позорнаго наказанія; — въ запискѣ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія онъ указывалъ практическіе способы замѣны этого наказанія другими, даже безъ ломки существовавшей лѣстницы наказаній. Онъ какъ бы впередъ отвѣчалъ тѣмъ, кто, опираясь на черствый и безжизненный консерватизмъ въ законодательствѣ, сталъ бы говорить о невозможности уничтоженія тѣлеснаго наказанія безъ пересмотра всего уложенія о наказаніяхъ, что въ свою очередь представляется дѣломъ весьма сложнымъ и при томъ едва ли своевременнымъ, и т. д., и т. д. Тюрьмы переполнены арестантами, сидящими по годамъ за справками о

званіи;—отмѣните тѣлесное наказаніе, и собраніе свѣдѣній о званіи будетъ излишне, ибо всѣмъ привилегированнымъ и непривилегированнымъ будетъ грозить одинаковое наказаніе“, — писалъ онъ за 35 лѣтъ до появленія проекта новаго уголовного уложенія, который наконецъ уничтожаетъ это нелѣпое по отношенію къ преступленію и наказанію различіе. „Уничтожьте тѣлесныя наказанія, какъ прибавку къ нормальному наказанію, указанному въ 19, 21 и 22 ст. уложенія 1857 г., — пишетъ онъ далѣе, — и упраздните арестантскія роты, и рабочіе дома, этотъ рассадникъ тунеядцевъ, живущихъ на земскій счетъ и выработывающихъ отъ 4 до 5 р. въ годъ на человѣка, — организуйте переселенія нынѣ приговариваемыхъ къ содержанію въ нихъ прямо въ Сибирь и отдаленныя губерніи — и наказаніе сдѣлается средствомъ упрочить общественную безопасность и предупреждать преступления, давая виновному возможность исправиться и сдѣлаться полезнымъ въ новой для него средѣ, а не обрекая его на вынужденное бездѣйствіе въ разлагавшей и развращенной тюремной средѣ“.

Когда свершилась въ 1863 г. съ тревожною надеждоюжданная имъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній, Ровинскій съ жаромъ приветствовалъ ее и до конца дней съ любовью вспоминалъ объ этомъ времени своей общественной жизни. Уже въ 1881 году, когда и другая его мечта, о судѣ присяжныхъ, была давно осуществлена, онъ, описавъ въ „Народныхъ картинкахъ“ виды и способы выполнения наказаній „на тѣлѣ“, говоритъ: „съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это кровавое время, ушедшее отъ насъ безвозвратно, и говорить и о жестокихъ пыткахъ, и о татарскомъ кнутѣ и нѣмецкихъ шпицрутенахъ: народу данъ судъ присяжныхъ, при которомъ слѣдователю незачѣмъ добиваться отъ обвиняемаго „чистосердечнаго признанія“, — сознавайся не сознавайся, а если виновать, обвинень все-таки будешь, — а затѣмъ нѣтъ надобности прибѣгать ни къ пыткамъ, ни къ пристрастнымъ допросамъ. Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены, несмотря на то, что кнутофилы 1863 года, точно также какъ и собраты ихъ въ 1767 году, вопили нестройнымъ голосомъ прежнюю пѣсню, — „что теперь-де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли встанетъ поутру, и что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ“, — и что къ этимъ вопителямъ прибавились еще другіе, которымъ померещилось, что-де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутенонъ рушится... „Всуче смятошася и вотще прорѣвоша!“ — Миръ и тишина остались и въ домѣ, и въ постели; спать даже стали больше и крѣче прежняго; дисциплина тоже не пострадала. Кнутъ и шпицрутены и даже

розги исчезли изъ военного и судебного міра, а съ ними и замаскированная смертная казнь, въ самомъ гнусномъ ея видѣ "... И не забудетъ русскій народъ этого кроваваго дѣла и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти *святое имя* его Дѣлателя!" — прибавляетъ онъ въ благодарномъ воспоминаніи о томъ, кого въ „Словарѣ гравированныхъ портретовъ“ (I, 231, IV, 417) называетъ величайшимъ и человѣчнѣйшимъ изъ царей русскихъ.

Солидарный съ народомъ во взглядахъ, Ровинскій относился, подобно ему, скептически и къ содержанію въ тюрьмахъ, хотя бы и устроенныхъ съ разнообразными современными улучшеніями. Русская жизнь подтвердила его слова тридцать-пять лѣтъ назадъ, подтверждаетъ ихъ, въ сожалѣнію, и теперь для всякаго, кто, минуя образцовыя тюрьмы столицъ, заглянетъ немного въ сторону отъ торнаго пути.

„Безпорядки въ нашихъ тюрьмахъ происходятъ между прочимъ отъ того, — писалъ онъ въ 1863 г., — что всѣ ждутъ чего-то новаго, общихъ преобразованій по тюремной части, и въ ожиданіи ихъ не предпринимаютъ никакихъ улучшеній въ настоящемъ порядкѣ вещей, а составляютъ обширные планы на возведеніе новыхъ тюремъ въ цѣны милліоны рублей. Отовсюду слышатся разнообразныя требованія: одни требуютъ и при нынѣшнихъ средствахъ европейской чистоты и воздушной вентиляціи, забывая, что народъ нашъ ѣстъ постоянно кислое, квасъ, хлѣбъ, капусту; — что у насъ почти восемь мѣсяцевъ зимы, въ продолженіе которыхъ заключенные прикрыты одними полушерстяными халатами, — и что при такихъ условіяхъ устройство усиленной вентиляціи въ ихъ камерахъ можетъ повести къ плачевнымъ послѣдствіямъ для здоровья содержащихся; другіе весьма справедливо жалуются на то, что въ тюрьмахъ можно достать вино, но предлагаютъ для отвращенія этого зла усиленіе надзора и разныя стѣснительныя для арестантовъ мѣры, забывая, что именно лицами, приставленными для надзора, и проносится обыкновенно вино для продажи арестантамъ; третьи хотятъ заграничныхъ залъ и заведенія мастерскихъ въ большихъ размѣрахъ; четвертые требуютъ полного уединенія арестантовъ во время дня и ночи, забывая, что въ нашемъ суровомъ климатѣ содержаніе арестанта въ одиночной камерѣ обойдется не менѣе 300 рублей“ ... Въ 1881 году онъ возвращается въ „Народныхъ картинкахъ“ снова къ вопросу о тюрьмахъ — и о „несчастномъ“. Весь Ровинскій съ его теплотою, оригинальностью и близостью къ простому русскому человѣку — на страницѣ 329-ой IV тома этого изданія. „Съ новымъ судопроизводствомъ дѣла пошли скорѣе

и сроки тюремнаго сидѣнія стали короче, — говоритъ онъ, — и, кажется, всѣ убѣдились, что тюрьма человѣка не править, а портить, и что годится она только въ видѣ исправительно-устрашительной мѣры за мелкіе проступки. Важнаго преступника необходимо удалить изъ того общества, гдѣ онъ потерялъ довѣріе и гдѣ его всѣ боятся: ну, возьмете ли вы къ себѣ въ услуженіе человѣка съ волчьимъ паспортомъ? Только одно выселеніе въ новую среду можетъ поставить его на ноги; но не бросайте его тамъ на произволь судьбы: дайте ему возможность трудиться на новомъ мѣстѣ, стать снова человѣкомъ и завестись семьей, безъ которой нельзя привязаться къ мѣсту; онъ сторицею заплатитъ вамъ за ваше добро. Въ проступкахъ средней важности лучшая исправительная школа — военная служба; такъ по крайней мѣрѣ говоритъ народъ. Помѣщеніе провинившагося собрата, *на особызх конечно условіяхъ*, въ среду общесловнаго воинства нисколько не уронитъ чести и достоинства сего послѣдняго, — спросите объ этомъ бравыхъ солдатъ нашихъ, — ни одинъ изъ нихъ не рѣшится бросить въ наказаннаго фарисейскій камень: вѣдь только человѣкъ испорченный до мозга костей видитъ въ каждомъ провинившемся опаснаго преступника и придумываетъ для него такія исправительныя мѣры, которыя не лучше смертной казни "... „А сколько здороваго, сильнаго и разудалаго матеріала, — продолжаетъ онъ, защищая свое оригинальное мнѣніе, въ которомъ, быть можетъ, жизненная правда звучитъ въ ущербъ теоретической послѣдовательности, — матеріала, пропадающаго даромъ, прибавится въ арміи и пойдетъ въ дѣло. Дайте же провинившемуся собрату *настоящую возможность* исправиться, поставьте его въ новую среду, дайте ему трудомъ загладить прошедшее, а не стройте для него ваши грозныя тюрьмы, въ которыхъ, какъ вы сами увѣрены въ этомъ, *никто* еще не исправился и которыя лягутъ новымъ тяжелымъ гнетомъ на бѣдный народъ и въ денежномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Да еще въ иной тюрьмѣ, выстроенной съ новыми усовершенствованіями, говорятъ, умираетъ въ годъ отъ 27 до 30 процентовъ непривыкшаго къ этимъ усовершенствованіямъ народа"... „Много сдѣлано хорошаго въ судебномъ дѣлѣ, — заключаетъ Ровинскій, какъ бы возобновляя свой старый споръ съ Блудовымъ, — но многое еще остается сдѣлать, чтобы народъ не въ правѣ былъ смотрѣть на заключеннаго какъ на *несчастнаго!*“

Но не одно сострадательное отношеніе народа къ „несчастливымъ“ приводилось Блудовымъ какъ доводъ противъ введенія у насъ суда присяжныхъ. Указывалось на отсутствіе или полное

неразвитіе въ народѣ чувства законности. Противъ этого было невозможно, въ то время, спорить; съ этимъ надо было серьезно считаться. Такъ и поступилъ Ровинскій, прямодушно признавъ важность и справедливость обвиненія народа въ томъ, что понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ въ немъ до того неразвиты и неясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, считается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Но онъ признавалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что такое печальное явленіе, выражающееся въ массѣ кражъ, многіе виды которой освящены обычаями или даже узаконились отъ давности, начиная отъ ежедневной порубки въ казенныхъ лѣсахъ и кончая колоссальными хищеніями при подрядахъ на строительныя работы и всякія поставки, — зависитъ не отъ неразвитости народныхъ массъ, которыя ни въ одномъ государствѣ не могутъ еще похвалиться ни юридическимъ образованіемъ, ни высшею способностью къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ, о которыхъ говорилось въ общей объяснительной запискѣ Блудова. „Если юридическое образованіе и высшая способность къ тонкому анализу и дѣйствительно составляютъ удѣлъ однихъ иностранцевъ, — писалъ Ровинскій въ 1861 г., — то почему эти господа, перебравшись на нашу почву, такъ скоро осваиваются съ нашими порядками, смѣтами, доходными статьями и экономіями... и такъ быстро теряютъ и юридическое образованіе, и высшую способность къ тонкому анализу? Причина этой грязи коренится гораздо глубже; въ большинствѣ случаевъ человекъ остороженъ тогда, когда за поступками его слѣдитъ общество, у котораго есть возможность законнымъ путемъ порицать и наказывать его. Какой же осторожности можно ожидать отъ человека тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще совсѣмъ не сложилось и гдѣ попытка надзора со стороны общества еще такъ недавно преслѣдовалась наравнѣ со скопомъ и заговоромъ? Правительство должно дать законный исходъ общественному мнѣнію, имъ самимъ затронутому и возбужденному. Оно должно заставитьъ общество разбирать и осуждать поступки собственныхъ членовъ, оно должно посредствомъ такого суда слить свои интересы съ нуждами общества. Говорятъ, что введеніе такого суда присяжныхъ у насъ преждевременно, что народу и обществу предстоитъ, прежде всего, юридическое развитіе и т. д. Мы же, напротивъ, убѣждены, что такой судъ, строгій, гласный и всѣми уважаемый, долженъ предшествовать всякому юридическому развитію и общества, и самихъ судей, что только въ немъ народъ научится правдѣ и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло“.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ровинскій, еще не видя суда присяжныхъ въ дѣйстви, съ такою вѣрою въ его пригодность для Россіи и въ его цѣлесообразность ратовалъ за него. Возникшее затѣмъ существованіе у насъ этой формы суда нельзя назвать спокойнымъ и безмятежнымъ. За сравнительно краткій періодъ наши присяжные подверглись самымъ разнообразнымъ нападекамъ, при чемъ призванные и непризванные витязи идеальнаго правосудія произносили надъ ними свой суровый приговоръ, не допуская даже никакихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе, русскій присяжный устоялъ на ногахъ, принявъ за время своей дѣятельности на свои плечи тяжкій и безвозмездный трудъ постановки свыше четырехъ съ половиною миллионныхъ уголовныхъ приговоровъ. Можно сказать, что упованія Ровинскаго на судъ присяжныхъ сбылись. Совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, созданное министромъ юстиціи въ декабрѣ 1894 г., своимъ авторитетнымъ и почерпнутымъ изъ многолѣтняго и многосторонняго опыта словомъ подтвердило благородныя надежды стараго губернскаго прокурора, придя въ общемъ выводѣ безусловно въ пользу присяжныхъ. Совѣщаніе признало, что этотъ судъ — жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность и служащій проводникомъ народнаго правосознанія — долженъ не отойти въ область преданій, а укрѣпиться въ нашей жизни. Оно нашло, что русскій присяжный засѣдатель, особливо изъ крестьянъ, относящійся къ своему дѣлу какъ въ дѣлу служенія совѣсти, кладущій призывную повѣстку, сулящую ему тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія, *за образа*, честно и стойко вынесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому подвергъ его законодатель.

Наконецъ, изъ всѣхъ соображеній Блудова противъ защищаемыхъ Ровинскимъ началъ вытекало и опасеніе суда присяжныхъ, какъ *новшества*, совершенно чуждаго нашему строю, быту и направленію правительства, будто бы всегда чуждавшагося общественнаго суда и находившаго его неудобнымъ и незаконнымъ.

Въ запискѣ „Объ устройствѣ уголовного суда“ эти опасенія были опровергнуты блистательно и съ глубокимъ знаніемъ дѣйствовавшаго законодательства. Анализомъ практическаго примѣненія уложенія о наказ. 1845 г. съ его „188 ступеньками лѣстницы наказаній, по коимъ съ математическою точностью распределены кары—отъ 3 розогъ до 100 плетей“, въ связи съ результатами теоріи формальныхъ доказательствъ и ея „оставленій въ подозрѣніи“, —Ровинскій доказывалъ, что правительство было *вынуждено* устроить рядомъ съ судомъ короннымъ судъ обще-

ственный. Такимъ образомъ, мѣщанскимъ обществамъ было предоставлено удалять изъ своей среды по приговорамъ — т. е. въ сущности ссылать въ Сибирь—мѣщанъ, оставленныхъ въ подозрѣніи и опороченныхъ въ поведеніи при повальномъ обыскѣ,—возвращенныхъ въ общество для водворенія послѣ арестантскихъ ротъ и, наконецъ, трижды подвергнутыхъ по суду исправительнымъ наказаніямъ. Кромѣ того, мѣщанское общество имѣло право отдавать своихъ сочленовъ, по мірскимъ приговорамъ, въ казенныя и частныя работы на срокъ до шести мѣсяцевъ за порочное и развратное поведеніе. Такія же права были предоставлены и другимъ подобнымъ сословіямъ. Рядомъ съ этимъ, на основаніи устава о рекрутской повинности, присяжное показаніе 12 членовъ изъ общества, къ которому принадлежитъ подозрѣваемый въ умышленномъ членовредительствѣ, о томъ, что увѣче причинено имъ себѣ съ намѣреніемъ избѣжать рекрутства, безусловно влекло за собою установленное за это преступленіе наказаніе. Находя, что этотъ судъ *послѣ* суда и *безъ* суда есть тотъ же судъ присяжныхъ, но въ самой его безобразной формѣ, Ровинскій указывалъ, что, не говоря уже о сельскихъ расправахъ, ремесленныхъ управахъ и въ особенности о только-что учрежденномъ для временно-обязанныхъ крестьянъ волостномъ судѣ, гдѣ исключительно господствуетъ общественный элементъ,—и въ нашихъ коронныхъ судахъ того времени общественное, выборное начало было преобладающимъ. Всѣ пять членовъ уѣзднаго суда были выборные, точно также какъ шесть членовъ магистрата,—а изъ шести членовъ уголовной палаты только товарищъ предсѣдателя назначался правительствомъ. За исключеніемъ послѣдняго и, иногда, предсѣдателя палаты — всѣ эти члены разныхъ судовъ не имѣли обыкновенно никакого понятія о теоріи формальныхъ доказательствъ и, становясь ширмами для дѣятельнаго и ловкаго секретаря, во власти котораго находился дѣйствительный судъ и расправа надъ преступникомъ, по привычкѣ, безъ яснаго сознанія долга, „прописывали“ члену плети и ваторгу.

Но пусть—предлагалъ Ровинскій—эти самые люди будутъ, безъ всякихъ сословныхъ различій, назначаться на краткій срокъ, дѣйствовать гласно и высказывать свое мнѣніе о винѣ и невинности по убѣжденію совѣсти, предоставляя коронному судѣ назначать наказаніе по уложенію—и тогда станетъ видно, можетъ ли *такой* судъ угрожать „большимъ беззаконіемъ и большими неудобствами“, чѣмъ судъ, принятый подъ свою защиту гр. Блудовымъ. Правда, этотъ судъ долженъ быть связанъ съ обвинительнымъ началомъ, а введеніе его, по мнѣнію автора „Общей

объяснительной записки“, тоже невозможно, ибо гдѣ взять достаточно число образованныхъ людей, способныхъ принять на себя званіе обвинителей, — а если они и окажутся, то гдѣ взять надежныхъ защитниковъ, безъ которыхъ предлагаемое запискою устройство суда будетъ лишать подсудимаго и тѣхъ средствъ защиты, какія доставляетъ ему существующее судопроизводство (?). Ровинскій горячо возражалъ и противъ этого съ тѣмъ довѣріемъ къ духовнымъ силамъ и способностямъ русскихъ людей, которое его всегда характеризовало. Будутъ и прокуроры, будутъ и защитники; — они явятся тотчасъ же, въ этомъ нельзя сомнѣваться, утверждалъ онъ, предсказывая, что на первое время уголовные суды не услышатъ отъ защитниковъ трескучихъ рѣчей, съ желаніемъ оправдать во что бы то ни стало явнаго преступника, — да и самые прокуроры вѣроятно не будутъ поддерживать, во что бы то ни стало, обвиненіе. Его слова оказались пророческими. Какъ по мановенію волшебнаго жезла выросли съ первыхъ же дней судебной реформы обвинители и защитники, — умѣлые, талантливые и проникнутые сознаніемъ важности и святости новаго дѣла. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что наша судебная трибуна въ первые же годы существованія новыхъ судовъ стала въ уровень съ иностранною, не утративъ симпатическихъ національныхъ особенностей. У многихъ представителей ея въ то время можно, а нерѣдкимъ изъ современныхъ судебныхъ бойцовъ даже и весьма полезно и назидательно поучиться порядочности въ приемахъ борьбы, добросовѣстному изученію дѣла и уваженію къ своему и чужому человѣческому достоинству при отправленіи уголовного правосудія.

Не ограничиваясь критикою взглядовъ гр. Блудова, Ровинскій предлагалъ свои основанія, на которыхъ долженъ былъ быть построенъ будущій судъ присяжныхъ. Особенности его, отличныя отъ того, что было создано впоследствии, состояли въ правѣ подсудимаго требовать, чтобы половина присяжныхъ принадлежала къ одному съ нимъ сословію; въ единогласіи, какъ условіи приговора; въ правѣ предсѣдательствующаго съ присяжными члена губернскаго суда ходатайствовать предъ верховною властью о помилованіи осужденнаго и въ обязанности его говорить присяжнымъ объ ожидающемъ обвиненнаго наказаніи. Въ этихъ особенностяхъ, хотя и трудно выполнимыхъ по условіямъ нашей мѣстной жизни, сказывалось весьма справедливое желаніе наилучшимъ образомъ оградить участь подсудимаго, создавъ для него судъ, по возможности одинаковый съ нимъ по степени своего развитія и взглядовъ на житейскія отношенія и не скрывая отъ

этого суда послѣдствій его единогласнаго приговора. Послѣднее требованіе, не принятое составителями судебныхъ уставовъ, давно уже вопіеть о своемъ осуществленіи. Отсутствіе предоставленія даже предсѣдателю суда права говорить о наказаніи составляетъ одну изъ рѣдкихъ, но крайне вредныхъ „условностей“ нашего уголовного процесса — и можно только удивляться близорукому упорству, съ которымъ нѣкоторые юристы защищали въ теченіе многихъ лѣтъ запрещеніе, идущее въ разрѣзъ съ требованіями житейской логики, зачастую дѣлающее присяжныхъ жертвою заблужденія и создающее вредныя для правосудія неожиданности.

Горячій проповѣдникъ новыхъ формъ суда, Ровинскій предлагалъ организовать коронный элементъ суда такъ, чтобы въ каждомъ губернскомъ городѣ находился губернский судья, стоящій во главѣ мѣстнаго суда и облеченный особою властью. Утверждаемый Высочайшею волею и предаваемый суду лишь по Высочайшему повелѣнію, онъ долженъ былъ представлять на утвержденіе сената — мировыхъ судей (они же и слѣдователи по маловажнымъ дѣламъ) и членовъ суда, и самъ назначать, по соглашенію съ губернскимъ прокуроромъ, судебныхъ слѣдователей, которые производятъ слѣдствія лишь по важнымъ дѣламъ. Онъ получалъ право ревизовать всѣ судебныя и мировыя учрежденія и о найдепныхъ беспорядкахъ доносить непосредственно правительствующему сенату, — и требовать, по каждому дѣлу, освобожденія обвиняемаго изъ-подъ стражи. Первоначальное назначеніе губернскаго судьи и членовъ суда должно было исходить отъ правительства, но затѣмъ Ровинскій проектировалъ самую широкую систему самовосполненія коллегіи путемъ выборовъ, при чемъ и самый губернский судья подлежалъ бы выбору изъ среды членовъ суда ими самими. Точно также самими чинами судебныхъ канцелярій должны были избираться и замѣстители отрывшихся вакансій. Особенно оригинально было проектированное имъ назначеніе мировыхъ судей. Составленный уѣзднымъ предводителемъ списокъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ желаніе и право быть мировыми судьями, долженъ былъ разсматриваться собраніемъ дворянства, собраніемъ городского общества и сельскимъ обществомъ, по волостямъ, при чемъ каждое изъ нихъ имѣло бы право большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ исключать по уважительнымъ причинамъ нѣкоторыхъ лицъ изъ списка, изъ котораго, затѣмъ, губернский судья, по соглашенію съ прочими мировыми судьями уѣзда, назначалъ мировыхъ судей и кандидатовъ къ нимъ. Влѣккое вѣяніе будущихъ земскихъ учреждений чувствуется въ этомъ проектѣ, замѣчательномъ особою, по самостоятельности и значенію, постановкою должности губернскаго

судьи. Дальнѣйшая жизнь судебныхъ учрежденій показала, какъ трудно исполнимъ былъ бы въ этой своей части проектъ Ровинскаго во всѣхъ подробностяхъ, но онъ живо характеризуетъ взгляды составителя на необходимыя условія въ постановкѣ вновь учреждаемаго судейскаго званія въ судахъ „по внутреннему убѣжденію“. Убѣренный, что сословія наши не видѣли особо цѣнной привилегіи въ правѣ выбора засѣдателей въ суды „не по внутреннему убѣжденію“, Ровинскій, заканчивая свою записку о судебной службѣ, заявлялъ, что дворянству легко будетъ разстаться съ правомъ выбирать чиновниковъ на всевозможныя должности, ибо оно хорошо знаетъ, что истинное значеніе выборнаго начала зависитъ не отъ этого права. „Дворянству, — писалъ онъ, — какъ самому образованному сословію въ государствѣ, предстоптъ другая высокая обязанность: поддержать и развить *мировыя учрежденія*, сдѣлать изъ нихъ первую ступень для защиты дарованныхъ народу правъ и поддержанія общественной безопасности. Общія нужды и выгоды въ скоромъ времени сплотятъ его съ другими сословіями и свободнымъ путемъ отдадутъ въ его руки право общаго суда чрезъ присяжныхъ и мировыхъ судей, взамѣнъ тѣхъ непрочныхъ и непочтенныхъ правъ, которыми оно еще такъ недавно принуждено было пользоваться надъ половиною страны крѣпостнымъ порядкомъ“.

Съ такими планами, взглядами и надеждами прибылъ Ровинскій въ началѣ 1863 года въ Петербургъ для участія въ трудахъ комиссіи по составленію судебныхъ уставовъ, для чего былъ 8 ноября 1862 г. прикомандированъ въ государственной канцеляріи. Здѣсь, въ комиссіи, среди людей, оживленныхъ сознаниемъ плодотворности предпринятаго труда и тѣмъ подъемомъ духа, который пронизывалъ слова и дѣйствія крупныхъ и мелкихъ работниковъ по преобразованіямъ, наполнившимъ первое десятилѣтіе царствованія императора Александра Николаевича, Ровинскій нашель и благодарную почву для своихъ мнѣній, и разнообразную, оживленную ихъ критику. Многое видоизмѣнилось въ его взглядахъ на способы практическаго осуществленія судебного преобразования, но въ существенномъ и главномъ онъ пребылъ неизмѣненъ, оставаясь зачастую въ меньшинствѣ, вѣрнымъ тому, что подсказывала ему практическая складка его ума и знаніе русской жизни, — знаніе не книжное, а личное и непосредственное. Его мнѣнія, высказанныя въ комиссіи, очень цѣнны и въ настоящее время. Почти тридцати-лѣтняя практика указала на нѣкоторыя слабыя или черезъ чуръ сложныя, безъ пользы для правосудія, стороны уголовного процесса по судебнымъ уставамъ

1864 года, и по ряду вопросов приходится, путемъ живого опыта, возвращаться почти къ тѣмъ же выводамъ, къ которымъ, создавая судебные уставы, приходили нѣкоторые изъ ихъ составителей. Такъ, въ области уголовного судопроизводства Ровинскій былъ противъ безусловнаго *обряда преданія суду* обвинительною камерою, находя, что его слѣдуетъ установить лишь для случаевъ, гдѣ онъ по свойству дѣла и представленныхъ доказательствъ можетъ составлять существенное обезпеченіе для обвиняемаго, и отвергнуть какъ ненужную и замедляющую дѣло формальность, отягчительную для подсудимаго и обременительную для земской казны во всѣхъ случаяхъ, гдѣ къ обличенію виновнаго имѣются письменныя доказательства, поличное или собственное сознаніе. По вопросу о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ засѣдателей и вообще о ихъ положеніи на судѣ, Ровинскій былъ за широкое довѣріе къ этому учрежденію, чуждое оговорокъ и ограниченій, которыя отчасти внесены въ нашъ процессъ, ставя присяжнаго засѣдателя одновременно и въ положеніе безконтрольнаго и безответственнаго рѣшителя дѣла, и въ положеніе недозрѣлаго чловѣка, которому нельзя *всего* сказать, котораго всегда можно подозревать въ пристрастіи и легкомысліи, требующемъ непрестаннаго огражденія отъ внѣшнихъ вліяній и воздѣйствій. Онъ горячо возставалъ противъ проектированной многими двойной системы отвода присяжныхъ и въ прекрасномъ, сильномъ и убѣдительномъ, но, къ сожалѣнію, одинокомъ мнѣніи, совершенно отрицалъ за прокуроромъ право отвода присяжныхъ безъ объясненія причинъ, боясь, что прокуроръ, исключая изъ состава присяжныхъ мягкихъ и сердечныхъ людей и оставляя исключительно крутыхъ и строгихъ, нарушитъ внутреннее равновѣсіе въ отношеніи присяжныхъ къ дѣлу и исказитъ тотъ спокойный и правдивый характеръ, который необходимо придать званію прокурора въ противоположность его французскому собрату, обвинителю *quand mème*. Въ своей всегдашней заботѣ объ уменьшеніи народныхъ тягостей, онъ доказывалъ, что лишеніе прокурора права отвода 6 присяжныхъ составитъ уменьшеніе для 44 губерній Россіи въ 11.000 чловѣкъ присяжныхъ, избавленныхъ отъ бесполезной траты времени и расходовъ. Мнѣніе Ровинскаго осталось *vox clamantis in deserto*, несмотря на свою глубокую этическую связь съ самою сущностью суда присяжныхъ, въ коемъ сама судьба, путемъ жребія, указываетъ обвиняемому его судьей.

Но въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ это начало, по настоянію тогдашняго прокурора, было примѣнено въ одномъ изъ столичныхъ судовъ. Ни прокуроръ, ни его товарищи не вычер-

кивали присяжныхъ изъ списка, предоставляя суду по совѣсти сложиться безъ вмѣшательства личныхъ взглядовъ, симпатій и антипатій представителя закона, которому въ его почтенной роли „говорящаго судьи“ надлежало дѣйствовать правдивостью и вѣсностью своихъ доводовъ, а не краснымъ или синимъ карандашами. Сколько извѣстно—уголовное правосудіе въ столицѣ въ эти годы не пострадало отъ фактическаго упраздненія прокурорскихъ отводовъ... По мнѣнію Ровинскаго, присутствіе присяжныхъ должно быть выбираемо на рядъ дѣлъ, съ правомъ подсудимаго или требовать новаго избранія по жребію, или же отводить отдѣльныхъ присяжныхъ, дополняемыхъ въ такомъ случаѣ запасными. Мнѣніе это, опиравшееся, между прочимъ, на рядъ серьезныхъ практическихъ соображеній, было, однако, отвергнуто; но вотъ теперь мы имѣемъ предъ собою § 256 германскаго устава угол. судопр. 1877 года, устанавлиющій именно такое присутствіе—и къ тому же стремится итальянскій проектъ Таваниди Календа. Довѣріемъ къ присяжнымъ проникнуты и тѣ мнѣнія Ровинскаго, гдѣ онъ высказывается противъ злоупотребленія слишкомъ частою присягою, противъ подкрѣпленія ею же обязанности не разглашать тайны совѣщаній и противъ введенія въ уставы разнообразныхъ дидактическихъ приѣмовъ предсѣдателя относительно присяжныхъ. Не эти приемы, совѣты и наставленія, а принятая присяга и призывъ судить своего ближняго напрягутъ душевныя силы русскаго присяжнаго и усугубятъ его вниманіе,—думалось ему. Что же касается до присяги не открывать тайну совѣщанія, то онъ предостерегалъ противъ опасности вызывать напрасныя вѣтвопреступленія въ странѣ, гдѣ для простолюдина пребываніе въ судѣ въ качествѣ присяжнаго будетъ такимъ необыкновеннымъ событіемъ въ жизни, что едва ли можно надѣяться, чтобы онъ, по возвращеніи къ домашнему очагу, не проронилъ лишняго словечка на нескромные вопросы домашнихъ. Это послѣднее мнѣніе одержало верхъ, чего, однако, не случилось по отношенію къ единогласію присяжныхъ, какъ желательному для Ровинскаго началу, и къ воспрещенію передавать дѣла другому составу, если рѣшеніе присяжныхъ состоялось единогласно. Затѣмъ Ровинскій настойчиво приводилъ свой старый взглядъ на предсѣдательство въ судѣ съ присяжными единоличнаго судьи. Двѣ коллегии—воронная и выборная—на судѣ присяжныхъ всегда представлялись ему аномаліею. Его практическій умъ предвидѣлъ, что проблематическая польза участія членовъ коллегии въ постановкѣ вопросовъ никогда не искупитъ расхода на этихъ членовъ, бесплодной потери ими времени и вреднаго

освобождения, фактомъ ихъ присутствія, предсѣдателя отъ признанія своей единоличной отвѣтственности и связанной съ тѣмъ бдительности и болѣе глубокой вдумчивости въ дѣло. Впослѣдствіи, будучи прокуроромъ московской судебной палаты, онъ не разъ указывалъ на бесполезность коронной коллегіи при присяжныхъ, зло подсмѣиваясь надъ тѣми изъ своихъ старыхъ сослуживцевъ, которымъ приходилось проводить цѣлыя недѣли въ бездѣтельномъ сидѣніи на большихъ процессахъ, ведомыхъ энергическими и самодѣтельными предсѣдателями. Впадая въ тонъ здоровой шутки автора „Народныхъ картинокъ“, онъ предлагалъ „намалевать“ такихъ членовъ по бокамъ у предсѣдателя или сдѣлать ихъ для прочности изъ фарфора...

Не мало сомнѣній и опасеній возбуждалъ въ членахъ комиссіи будущій *защитникъ*,—невѣдомый дотошъ и представлявшійся вуждающимся въ особой опеку и надзорѣ. И тутъ Ровинскій смотрѣлъ широко и безбоязненно. Въ комиссіи раздавались многочисленные голоса, предлагавшіе предоставить предсѣдателю устранять защитника, не имѣющаго надлежащихъ свѣденій для правильной защиты,—разрѣшать подсудимому, содержащемуся подъ стражею, свиданіе наединѣ съ защитникомъ лишь въ случаѣ *благонадежности* послѣдняго и отсутствія подозрѣнія, что онъ будетъ укрывать слѣды преступленія;—наконецъ, предлагавшіе установить цѣлую нравственно-педагогическую программу дѣйствій защитника, при чемъ предсѣдатель долженъ былъ, между прочимъ, внушать ему, если только онъ не принадлежалъ къ присяжнымъ повѣреннымъ, что онъ не долженъ ни самъ отвѣчать на вопросы, обращенные къ подсудимому, ни подсказывать ему отвѣтовъ. Противникъ всего излишняго и всякой напрасной регламентаціи того, что само собою разумѣется, Ровинскій участвовалъ въ остроумныхъ возраженіяхъ на эти предположенія, то указывая на ихъ практическую несообразность, то обращая вниманіе комиссіи на сущность задачъ уголовной защиты, требующей довѣрчиваго обмена мыслей и признаній между адвокатомъ и подсудимымъ. Онъ высказался также противъ точнаго обозначенія правъ, коими пользуются стороны на судебномъ состязаніи, полагая достаточнымъ лишь указать на одинаковость этихъ правъ и боясь, что перечисленіе ихъ въ особой статьѣ на практикѣ повлечетъ за собой лишеніе подсудимыхъ другихъ, вытекающихъ изъ состязанія, правъ, коихъ законодатель не предвидѣлъ и потому не опредѣлилъ. Какъ извѣстно, мнѣніе это не было принято—и масса кассационныхъ толкованій, силащихся втиснуть въ узкія и вмѣстѣ не точно очерченныя рамки 630 ст. у. у. с. разнообразнѣйшія проявленія

судебнаго состязанія, служить лучшимъ указаніемъ на правоту Ровинскаго и по этому вопросу.

Въ отдѣленіи комиссіи по судоустройству Ровинскій принималъ менѣе участія, но и тутъ въ работахъ остался слѣдъ его мнѣній, клонившихся къ поднятію должности мирового судьи (которая въ столицахъ замѣщалась бы непременно лицами, получившими высшее юридическое образованіе), придачею ей матеріальной (для чего предполагался довольно высокой подоходный цензъ) и нравственной независимости. Для достиженія послѣдней предполагалось поставить судью внѣ тѣхъ тревогъ, которыя неизбѣжно должны наставать для него каждые три года, при новыхъ выборахъ.— „Люди, довольные дѣйствіями служащаго, у насъ рѣдко выступаютъ на его защиту, — недовольные, напротивъ, составляютъ партіи, и будутъ подбивать избирателей, — говорилось въ мнѣніи, подписанномъ, между прочими, Заруднымъ, Ковалевскимъ, Рѣпинскимъ и Ровинскимъ, — и хорошій человекъ, привычшій къ мѣсту и дѣлу, благодаря двумъ-тремъ лишнимъ шарамъ, долженъ будетъ уступить мѣсто другому, что будетъ особенно вредно въ столицахъ, гдѣ большое содержаніе неминуемо поведетъ къ многочисленнымъ вскательствамъ“. Поэтому Ровинскій „со товарищи“, оставляя свой старый планъ избранія мировыхъ судей, предлагалъ предоставить I-му департаменту сената въ концѣ каждаго трехлѣтія повѣрять первоначально утвержденный Государемъ Императоромъ списокъ выбранныхъ всѣми сословіями судей, и составлять, по тщательной провѣркѣ имѣющихся у него свѣденій, новый, съ тѣмъ, чтобы для замѣщенія оставленныхъ имъ свободными вакансіи производились установленнымъ порядкомъ новые выборы. вмѣстѣ съ тѣмъ Ровинскій, Зарудный и Ковалевскій предлагали постановить, что почетными мировыми судьями считаются, во все время исправленія ими своихъ должностей: — министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, члены государственнаго совѣта и сенаторы — по всему государству; члены судебной палаты — по округу палаты; члены суда, губернаторъ, губернский предводитель и предсѣдатель губернскаго земскаго собранія (управы) — по губерніи... Въ мотивахъ къ этому предложенію говорилось:

„Званіе почетныхъ мировыхъ судей учреждается для облегченія многочисленныхъ обязанностей мирового судьи, и для того, чтобы лица, заслуживающія полнаго уваженія и довѣрія, не лишались возможности оказывать своимъ вліяніемъ содѣйствіе къ охраненію общественнаго порядка и спокойствія, къ развитію мѣстнаго благосостоянія и къ поддержанію достоинства мировыхъ учреждений. Охраненіе общественнаго порядка и спокой-

ствія въ государствѣ составляетъ первую обязанность министра внутреннихъ дѣлъ; преслѣдованіе нарушителей этого порядка лежитъ на обязанности министра юстиціи; оба они должны внимательно слѣдить за ходомъ мировыхъ учреждений въ государствѣ, руководить ими, и съ этою цѣлью имѣть возможность сношиться съ ними непосредственно, *не въ формѣ начальниковъ*, а въ качествѣ старшихъ мировыхъ судей, хранителей тишины и порядка во всемъ государствѣ. Съ этою же цѣлію званіе почетныхъ мировыхъ судей должно быть предоставлено всѣмъ членамъ государственнаго совѣта, какъ высшаго мѣста, устанавливающаго государственный порядокъ, и членамъ сената, какъ главнаго судебного мѣста, наблюдающаго за отправленіемъ правосудія, поддерживающаго порядокъ въ государствѣ. Предоставленіе званія почетныхъ мировыхъ судей членамъ судебной палаты и окружныхъ судовъ должно ослабить разобщеніе судебного вѣдомства на коронное и мировое, возродивъ связь между коронными юристами и выборными судьями, постоянно обращающимися въ средѣ народа; участковые судьи будутъ имѣть въ лицѣ коронныхъ юристовъ товарищей по званію, готовыхъ и нравственно обязанныхъ толкователей закона и формъ дѣлопроизводства, — что *облегчитъ исполненіе многочисленныхъ занятій участковыхъ судей*, а короннымъ судьямъ доставитъ лестную возможность участвовать въ *общемъ дѣлѣ*, содѣйствуя *достиженію высокой цѣли мировыхъ учреждений*. На возраженія, высказываемыя противъ предоставленія званія почетнаго мирового судьи губернатору, надлежитъ замѣтить, что губернаторъ будетъ имѣть постоянныя отношенія къ мировымъ учреждениямъ. Предоставленіемъ ему званія почетнаго мирового судьи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и члена мировыхъ сѣздовъ въ губерніи, вынѣшней дѣятельности его по отношенію къ судебнымъ мѣстамъ 1-й инстанціи дается *законное направленіе* и правильный выходъ. Такой выходъ составляетъ дѣйствительное средство поставить высшіе органы власти административной въ правильное отношеніе къ непосредственнымъ представителямъ судебной власти предъ большинствомъ народонаселенія, заставить объ власти идти рука объ руку, помогать другъ другу и не тратить большую часть времени на безплодную борьбу между собою и постоянныя пререканія о первенствѣ власти, что должно непременно случиться, если власть губернаторская будетъ поставлена въ сторонѣ отъ мировыхъ учреждений и безъ всякаго участія *въ общемъ мировомъ дѣлѣ*.

Этими соображеніями, такъ хорошо характеризующими ши-

ровій и предусмотрительный взгляд Ровинскаго на постановку новаго судебного дѣла — и на его значеніе во внутреннемъ строѣ государства, приходится заключить обзоръ дѣятельности его по выработкѣ судебныхъ уставовъ.

Одновременно съ работами законодательнаго характера, наступала пора приготовить себя и окружающую среду къ совлеченію съ себя „ветхаго Адама“ — стараго судебного устройства, отъ порядковъ котораго такъ наболѣло сердце Ровинскаго. Еще 21-го ноября 1862 года ему было объявлено Высочайшее повелѣніе о собраніи всѣхъ необходимыхъ свѣденій для разрѣшенія вопроса объ условіяхъ и способахъ введенія новыхъ судебныхъ учрежденій въ округѣ будущей московской судебной палаты. Окруживъ себя дѣятельными сотрудниками, строго опредѣливъ, до малѣйшихъ подробностей, планъ занятій, онъ собралъ къ концу 1863 года массу разнообразнѣйшихъ и въ высшей степени наглядныхъ и интересныхъ данныхъ по всѣмъ вопросамъ, возникавшимъ при переходѣ отъ стараго порядка къ новому. Данные эти и соответствующія имъ таблицы вошли въ составъ двухъ обширныхъ томовъ in quarto — въ 265 и 303 страницы, подъ названіемъ „Свѣдѣній о положеніи дѣлъ судебного вѣдомства въ губерніяхъ московской, тверской, ярославской, владимірской, рязанской, тульской и калужской“. Трудъ этотъ, при своей громадности, могъ бы быть сухимъ и безжизненнымъ. Но Ровинскій не умѣлъ работать „какъ духомъ хладный скопецъ“, онъ вносилъ во все живую струю, и, благодаря этому, „Свѣдѣнія“ представляютъ яркую и весьма вразумительную картину всей несостоятельности разрушаемаго судебного строя и всей настоятельности создаемаго на новыхъ началахъ. Любимое „sacrum sensus“ Ровинскаго нашло и здѣсь свое мѣсто. Его постоянная забота о народѣ выражается въ настояніи, чтобы новая постройка не обошлась ему дорого и принесла бы дѣйствительную пользу. Опредѣляя непремѣнныя условія хорошаго суда, въ которомъ каждый членъ вполне способенъ предсѣдательствовать съ присяжными засѣдателями, онъ замѣчаетъ: „Только при такихъ условіяхъ справедливо будетъ дать судьямъ доброе содержаніе, только при нихъ народъ убѣдится, что деньги, собранныя съ его труда, употреблены расчетливо и сообразно съ его дѣйствительными нуждами, а не съ отвлеченными принципами, и что деньги эти купили для него тѣхъ судей знающихъ и справедливыхъ, которые обѣщаны ему Основными Положеніями“.

Освобожденіе крестьянъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній и учре-

ждевіе новаго суда осуществили завѣтныя мечты Ровинскаго. Но говорить: „нынѣ отпускаеши раба Твоего съ миромъ“—было еще рано. Съ высоты трона былъ сдѣланъ смѣлый и великодушный посѣвъ. Надо было охранить и направить его всходы. Слѣдовало идти служить примѣненію новаго дѣла на практикѣ. Ровинскій, какъ мы увидимъ, такъ и сдѣлалъ.

А. Ө. Кони.

АМЕРИКАНСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я бесѣдую съ читателями „Вѣстника Европы“ о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, но до сихъ поръ мои рассказы ограничивались описаніями жизни города и городскихъ условій, такъ какъ самъ я жилъ исключительно въ городахъ и занимался городскими дѣлами. Въ концѣ прошлаго 1894 года мнѣ наконецъ удалось развязаться съ „business“ и удовлетворить исконному стремленію всякаго русскаго человѣка — сѣсть на землю. Живу я въ настоящемъ деревенскомъ захолустѣ, занимаюсь землей и вполнѣ охваченъ американскими деревенскими условіями и интересами. Это даже не захолусте Чухломы, Весегонска или Царевовошайска, откуда все-таки въ два-три дня можно добраться и до Москвы, и до Петербурга, а въ четыре-пять—до Парижа и Лондона, а захолусте какой-нибудь Зарявшанской области или При-амурскаго края, потому что культурные и торговые центры востока Союза отстоятъ отъ насъ на шесть тысячъ верстъ; непосредственно на югѣ расположены полудикія сѣверныя провинціи Мексики, а на западѣ разстилается почти безграничный Тихій океанъ; словомъ, захолусте такое, глуше котораго трудно найти во всемъ остальномъ Союзѣ. Правда, двѣ трансконтинентальныя желѣзныя дороги у насъ подъ-бокомъ, всего въ нѣсколькихъ миляхъ, но за послѣднее время желѣзныя дороги настолько основательно проникли во всѣ даже самыя отдаленныя уголки Союза, что при опредѣленіи степени захолустности извѣстной мѣстности ихъ нечего принимать въ соображеніе: онѣ ни въ какомъ случаѣ не мо-

гутъ быть очень далеки, далеки настолько, чтобъ имѣть какое-либо существенное значеніе. Океанъ отъ насъ въ 60 миляхъ, а ближайшій портъ, городъ Санъ-Діего, въ 150; ближайшій значительный городъ, Лосъ-Анжелесъ, въ 44, а столица графства, городокъ Санъ-Бернардино, въ 20. Вотъ объ этой-то захолустной американской деревнѣ я и собираюсь побесѣдовать съ читателемъ.

I.

Графство Санъ-Бернардино.

Штатъ Калифорнія былъ принятъ въ Союзъ 9-го сентября 1850 года, и въ числѣ двадцати-четырехъ его первоначальныхъ графствъ—графство Санъ-Бернардино не значится, такъ какъ оно было организовано только въ семидесятыхъ годахъ, и, по федеральному цenzу, т.-е. переписи 1880 года, въ немъ было насчитано всего 7.800 жителей, въ томъ числѣ свыше тысячи индѣйцевъ и китайцевъ. Американское графство—county—величина крайне неопредѣленная и сама по себѣ, и постоянно измѣняющаяся новыми подраздѣленіями. Такъ, по цenzу 1890 года, штатъ Делаваръ раздѣлялся всего на 3 графства, съ населеніемъ отъ 30 до 100 тысячъ; Коннектикутъ—на 8, съ населеніемъ отъ 25 до 210 тысячъ; Калифорнія—на 52, съ населеніемъ—отъ 667 жителей обоого пола въ графствѣ Alpine, до 299.000 въ графствѣ Санъ-Франциско; Джорджія—на 140, съ населеніемъ отъ 3 до 85 тысячъ, а Тексасъ—на 271, съ населеніемъ отъ 25 всего жителей въ самомъ маленькомъ и до 67 тысячъ въ самомъ большемъ. Какъ неопредѣленно американское графство по населенію, такъ, же неопредѣленно оно и по пространству, начиная съ нѣсколькихъ квадратныхъ миль и кончая цѣлыми десятками и даже сотней тысячъ. Во многихъ западныхъ штатахъ есть графства по пространству превышающія нѣсколько восточныхъ штатовъ, взятыхъ вмѣстѣ; графство Санъ-Бернардино тянется свыше чѣмъ на 300 миль въ длину, до самыхъ границъ Аризоны и Невады на востокъ, и до 200 миль въ ширину, хотя почти все его населеніе скучено въ юго-западномъ его углу, въ небольшой долинѣ, образуемой хребтами Сиерра-Мадре и Санъ-Бернардино на сѣверѣ и востокѣ, съ покрытыми вѣчно снѣгами нѣсколькими пиками свыше 12.000 футовъ надъ поверхностью моря, и горнымъ плато Санъ-Діего на югѣ—долинѣ около 30 миль въ длину и отъ 8 до 15 м. въ ширину. Вся остальная территория состоитъ изъ дикой, не-

обитаемой пустыни, пересекаемой въ разныхъ направленіяхъ многочисленными горными хребтами. По цenzу 1890 года въ графствѣ Санъ-Бернардино было 25.500 жителей, но уже въ 1892 году южная его часть отдѣлилась и, захвативъ части прилежащихъ графствъ Лосъ-Анжелесъ и Санъ-Діего, организовала новое графство Риверсайдъ, оставивъ первоначальному графству Санъ-Бернардино всего около 19.000 жителей, хотя его территория и убавилась только на очень незначительное пространство, и оно все еще остается по территории самымъ большимъ графствомъ въ штатѣ, занимая свыше 22.000 квадратныхъ миль. Изъ трехъ графствъ, составлявшихъ южную Калифорнію въ 1850 году, съ населеніемъ всего въ 4 тысячи, и четырехъ въ 1880 году, въ 1895 образовалось уже семь, съ населеніемъ въ триста с лишкомъ тысячъ жителей.

Каждое графство совершенно самостоятельно во всѣхъ отправленияхъ своей общественной жизни, и de facto, если не вполне de jure, стоитъ въ этомъ отношеніи точно такъ же относительно штата, какъ этотъ послѣдній относительно всего Союза. Графство выбираетъ всѣхъ своихъ чиновъ, начиная съ судей, совѣта наблюдателей, шерифа и кончая мелкими общинными судебными и полицейскими чинами. Какъ федеральныя, такъ и штатныя власти имѣютъ только самое отдаленное значеніе. Какъ судебная, такъ и исполнительная и хозяйственная машина графства подлежатъ только мѣстному контролю, и ни президентъ Союза, ни губернаторъ штата не имѣютъ до нихъ ни малѣйшаго касательства. Единственнымъ осязательнымъ доказательствомъ существованія федеральнаго правительства служатъ почтовые конторы, которыхъ, встати, въ нашемъ графствѣ 36; власти же штата не имѣютъ рѣшительно никакихъ органовъ, и ихъ существованіе осязается только на выборахъ, да тѣмъ, что когда гражданинъ платитъ свои налоги, онъ замѣчаетъ, что они подраздѣляются на штатныя, графства, города или общины, смотря по тому, живетъ ли онъ въ городѣ, или въ деревнѣ.

Законъ строго и точно опредѣляетъ права и обязанности каждаго чиновника, начиная съ деревенскаго констебля и кончая президентомъ Союза; разъ такой чиновникъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ этого закона, онъ абсолютно независимъ, и никакая сила въ мірѣ не можетъ на него вліять. Президентъ Союза представляетъ собою высшую исполнительную власть Союза; губернаторъ—штата; шерифъ—графства, а констебль—своей деревни—и всѣ они равны въ томъ отношеніи, что у нихъ нѣтъ никакого начальства: не существуетъ ни одного лица, которое могло

бы имъ что-либо приказать. Каждый изъ нихъ абсолютно независимъ въ сферѣ своей дѣятельности—и не только имѣетъ право, но и обязанъ не исполнить чье бы то ни было требованіе, развѣ оно почему-либо кажется ему незаконнымъ. Необходимо замѣтить, что и въ графствѣ, и въ штатѣ, и въ Союзѣ, есть особые судебныя чины, на обязанности которыхъ лежитъ, между прочимъ, даровое разъясненіе закона и письменное изложеніе ихъ мнѣнія относительно всякаго недоразумѣнія, съ которыми могутъ встрѣтиться при отправленіи своихъ обязанностей различные чины Союза, штата или графства. Вооруженный такимъ письменнымъ мнѣніемъ надлежащаго судебного чина, чиновникъ совершенно неуязвимъ, и только законное судебное рѣшеніе можетъ заставить его измѣнить свое мнѣніе. На дѣйствіе американскаго чиновника какого бы то ни было ранга нельзя жаловаться его начальству, потому что такого не существуетъ; можно жаловаться только суду, совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ и по всякому другому частному дѣлу. Нѣтъ инстанцій деревни, графства, штата, Союза, а есть общіе суды, вѣдающіе и разрѣшающіе всѣ дѣла, какъ частныя, такъ и по жалобѣ, на дѣйствія разныхъ чиновниковъ, которые отвѣтственны исключительно передъ ними за свои официальные дѣйствія. Даже временно устранить какого-либо чиновника графства или штата отъ должности, не только смѣнить его, можетъ только общій судъ. За послѣднее время очень многочисленны рѣшенія какъ верховныхъ судовъ разныхъ штатовъ, такъ и верховнаго суда Союза (Supreme Court of the United States) въ томъ смыслѣ, что неуязвими безъ суда не только выбранныя народнымъ голосованіемъ чины, но и назначенныя этими выбранными чинами лица. Напримѣръ, назначенный совѣтомъ народнаго образованія графства учитель не можетъ быть смѣненъ до срока, на который онъ назначенъ этимъ же совѣтомъ, безъ cause, т.-е. причины—и если учитель несогласенъ съ совѣтомъ,—только судъ компетентенъ рѣшить это несогласіе, и, пока оно не рѣшено, учитель имѣетъ право занимать свое мѣсто и получать опредѣленное жалованье.

Я всегда искренно удивлялся тому умѣнью, съ которымъ американскій народъ справляется со всей этой самостоятельностью и независимостью отдѣльныхъ чиновъ, городовъ, графствъ, штатовъ, той плавности и порядку, съ которыми дѣйствуютъ какъ отдѣльныя лица, такъ и всѣ эти отдѣльныя, независимыя одна отъ другой, сложныя машины, и той рѣдкости, если не положительному отсутствію всякихъ недоразумѣній и пререканій. Конечно, сфера каждой строго ограничена, и не можетъ быть мѣста

произволу ни отдѣльной личности, ни отдѣльнаго учрежденія; тѣмъ не менѣе, сложность интересовъ и ихъ взаимная зависимость таковы, что русскому человѣку остается только изумляться, какъ это всё они не перепутаются и не перегрызутся до того, что обращеніе къ палкѣ окажется единственнымъ выходомъ. Впрочемъ, даже англичанинъ Брайсъ, въ своей извѣстной книгѣ: „The American Commonwealth“, неоднократно и искренно удивляется, какъ это американцы справляются съ своими единственными въ мірѣ методами; и ему эта абсолютная независимость всѣхъ и каждаго, лицъ и учреждений, кажется странной и необъяснимой даже въ узкой, сравнительно, сферѣ дѣятельности низшей федеральной палаты представителей.

Я не буду касаться организаціи общихъ судебныхъ и исполнительныхъ властей графства, но скажу нѣсколько словъ объ его хозяйственномъ управленіи. Оно состоитъ изъ совѣта наблюдателей (Board of Supervisors), оцѣнщика (Tax Assessor) и сборщика (Tax Collector) налоговъ и казначея. Всякая собственность во всемъ графствѣ переоцѣнивается каждый годъ, весной, и каждый же годъ составляются новыя оцѣночныя и раскладочныя книги. Задача эта, повидимому очень сложная, особенно въ большихъ графствахъ, на дѣлѣ чрезвычайно упрощается, во-первыхъ, однороднымъ прямоугольнымъ размежеваніемъ всей территоріи, а во-вторыхъ, закономъ, обязывающимъ всякаго собственника заявить оцѣнщику не позже 1-го апрѣля каждаго года на особомъ бланкѣ, подъ присягой, количество, качество и стоимость имущества всякаго рода, которое ему принадлежало 1-го марта. Для облегченія жителей и для разъясненія неизбежно возникающихъ при этомъ недомѣннѣй, на весь мартъ мѣсяцъ оцѣнщикъ назначаетъ въ каждый дистриктъ особаго депутата, который принимаетъ оцѣночныя заявленія, разъясняетъ недоразумѣнія, лично осматриваетъ тѣ улучшения, которыя были сдѣланы въ теченіе прошлаго года и которыя вызываютъ увеличеніе оцѣнки, и вообще помогаетъ населенію по возможности точно исполнить требованіе закона. Послѣ 1-го апрѣля всѣ эти оцѣночныя свѣденія систематизируются и публикуются во всеобщее свѣденіе. Каждый желающій можетъ получить бесплатно списокъ всѣхъ плательщиковъ налоговъ графства, и потому всякому дается возможность провѣрить, добросовѣстно ли оцѣнилъ свое имущество его сосѣдъ. Всѣ исправленія и измѣненія должны быть окончены къ 1-му октября; совѣтъ наблюдателей представляетъ собою окончательную инстанцію, которая рѣшаетъ всѣ споры по оцѣнкѣ, и затѣмъ оцѣночныя книги должны быть переданы сборщику налоговъ, и первая половина налоговъ за те-

купцїй годъ должна быть уплачена въ 25 ноября, а вторая—въ 27 апрѣля; послѣ этихъ сроковъ на недоимку насчитывается пеня въ 1⁰/₆ въ мѣсяцъ.

На 1894 годъ собственность въ графствѣ Санъ-Бернардино была оцѣнена въ \$ 18.685.553⁰⁰. Вездѣ въ Союзѣ оцѣночная для раскладки налоговъ стоимость гораздо ниже дѣйствительной—обыкновенно въ три раза, иногда даже больше, такъ что дѣйствительная стоимость собственности въ нашемъ графствѣ навѣрное превышаетъ сумму въ пятьдесятъ миллионъ долларовъ, чтд, принимая его население въ двадцать тысячъ душъ обоого пола, составить около двухъ съ половиною тысячъ долларовъ или пяти тысячъ рублей на каждаго мужчину, женщину и ребенка въ графствѣ.

Tax gate, то-есть процентъ налога съ оцѣнки, чрезвычайно разнообразенъ, и, опускаясь иногда ниже 1⁰/₆, доходить въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 3 и даже 4⁰/₆. Средній процентъ колеблется между 1³/₄ и 2⁰/₆, включая всѣ налоги. Совѣтъ наблюдателей утверждаетъ бюджетъ графства на слѣдующій годъ и опредѣляетъ tax gate. Чтобы удержать графства и въ особенности большіе города отъ излишней расточительности, многіе штаты воспрещаютъ имъ устанавливать tax gate выше извѣстнаго процента съ оцѣнки—въ Калифорніи, напр., выше 1⁰/₆. Такъ какъ и издержки штата ограничены тѣмъ же, разъ навсегда, то деревенскій житель нашего штата не можетъ быть обложенъ налогомъ свыше 2⁰/₆ съ оцѣнки, чтд, принимая въ соображеніе низкіе ея размѣры, составляетъ въ среднемъ очень незначительный налогъ. Въ графствѣ Санъ-Бернардино tax gate этотъ за послѣднія 5 лѣтъ колеблется между 1.60 и 2.00. Мое имѣніе, стоящее съ инвентаремъ свыше пятидесяти тысячъ долларовъ, платитъ всего около девяноста долларовъ въ годъ всѣхъ налоговъ. На 1894 годъ tax gate былъ установленъ въ 2⁰/₆, и распадался слѣдующимъ образомъ: на штатный налогъ 0,685; на содержаніе судебныхъ и исполнительныхъ учрежденій графства 0,715; на госпиталь 0,110; на школы 0,240; на дорожныя сооруженія 0,250. Большая половина штатнаго налога возвращается графству обратно въ формѣ вспомоствованія на народное образованіе. Весь бюджетъ даль прихода \$ 575.901.66; расхода—\$ 575.752.91, въ томъ числѣ штатнаго налога \$ 147.799.52. Около ²/₃ прихода составляется изъ прямыхъ налоговъ на имущество; остальная треть получается отъ спеціальныхъ налоговъ, какъ—подушный, за явку купчихъ крѣпостей и условій, налагаемыхъ судебными учрежденіями, пенъ, licenses, т.-е. торговыхъ и мануфактурныхъ правъ, и т. д.

Вся дѣловая и денежная отчетность всѣхъ чиновъ и учреждений графства повѣряется особымъ учрежденіемъ, называемымъ Grand Jury и состоящимъ изъ 19 человекъ, ежегодно выбираемыхъ по жребію изъ числа жителей графства окружнымъ судьей, который руководить ихъ занятіями, и которому они представляютъ докладъ о результатахъ своей ревизіи. Grand jury пользуется всѣми правами суда относительно вызова свидѣтелей, осмотра книгъ в учреждений, можетъ приглашать себѣ на помощь экспертовъ и профессиональныхъ бухгалтеровъ, и ему же предоставляется право дѣлать въ своемъ докладѣ судѣ представленія о необходимыхъ, по его мнѣнію, преобразованіяхъ и улучшеніяхъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства графства. Grand jury—единственное учреждение въ графствѣ, которое засѣдаетъ при закрытыхъ дверяхъ; все его дѣлопроизводство ведется секретно—и открыто только судѣ.

Grand jury въ Калифорніи— учреждение, отживающее свой вѣкъ. Его первоначальное непосредственное назначеніе состояло въ изслѣдованіи преступленій и преданіи суду уголовныхъ преступниковъ важнаго характера, не ниже felony, оно замѣняло собою судебныхъ слѣдователей русскаго уголовного права и взято было цѣлкомъ первыми законодателями изъ законодательствъ штатовъ Новой-Англіи съ густо населенными, большими графствами. Съ теченіемъ времени оказалось, что маленькимъ графствамъ, составлявшимъ большинство, не подѣ силу содержать постоянно такое многочисленное учреждение для изслѣдованія рѣдкихъ, сравнительно, крупныхъ преступленій; тогда на него же возложили и вышеупомянутыя обязанности контроля и повѣрки всѣхъ хозяйственныхъ учреждений графства. Вскорѣ выяснились неудобства и несовмѣстимость отправленія судебныхъ и хозяйственныхъ функцій однимъ и тѣмъ же учрежденіемъ; проведены были особые законы объ учрежденіи совѣтовъ наблюдателей, для отправленія хозяйственныхъ функцій grand jury, и предварительныхъ гласныхъ изслѣдованій преступленій передъ судомъ—preliminary examination—для отправленія судебныхъ, и такимъ образомъ grand jury, въ сущности, представляетъ собою уже замѣненное другими органами учреждение, хотя и не уничтоженное закономъ, а потому его значеніе въ дѣйствительной жизни совершенно утратилось.

Совѣтъ наблюдателей состоитъ изъ пяти членовъ, выбираемыхъ столькими же отдѣльными дистриктами, на которые съ этою цѣлью раздѣлено все графство. Совѣтъ этотъ представляетъ собою и законодательную, и исполнительную власть касательно всѣхъ хозяйственныхъ и финансовыхъ дѣлъ графства. Онъ совершенно независимъ отъ вышеупомянутаго grand jury и пользуется тѣми же

правами, но ни въ чемъ не подчиненъ судѣ, и только публикуетъ свои отчеты и доклады въ общее свѣденіе. Засѣдаетъ этотъ совѣтъ въ извѣстныя, опредѣленные сроки, и вся его дѣятельность и дѣлопроизводство всегда должны быть открыты всякому гражданину. Въ его непосредственномъ завѣдываніи находится дѣло народнаго здравія въ графствѣ. Призрѣніе сумасшедшихъ и идиотовъ, слѣпыхъ и глухонѣмыхъ — въ штатѣ Калифорніи — находится въ завѣдываніи штатныхъ властей, и графства не даютъ населенію деревни никакой медицинской помощи, предоставляя ее совершенно личному усмотрѣнію каждаго, исключая немногихъ случаевъ полной бездомности больного или внезапныхъ несчастій — да и то County Hospital, т. е. больница графства, обыкновенно составляетъ часть какого-либо частнаго благотворительнаго учрежденія въ столицѣ графства, которое, по предварительному взаимному соглашенію, призрѣваетъ и лечитъ за извѣстную плату тѣхъ, за кого почему-либо платитъ графство. Въ нашемъ графствѣ, впрочемъ, имѣется свой собственный госпиталь, и при немъ ферма для бѣдныхъ, poor farm, для призрѣнія престарѣлыхъ и убогихъ бездомныхъ, безсемейныхъ людей. На содержаніе обоихъ этихъ учреждений, находящихся въ завѣдываніи одного управляющаго и подъ наблюденіемъ доктора графства, издержано въ 1894 году всего \$ 18.997.99.

Совѣтъ народнаго образованія — County Board of Education — въ графствѣ Санъ-Бернардино состоитъ изъ пяти членовъ, изъ которыхъ двѣ женщины; женщина же состоитъ управляющимъ школами графства, съ жалованьемъ въ двѣ тысячи долларовъ въ годъ. Для удобства наблюденія за школами мѣстными попечителями — trustees — графство раздѣлено на 51 школьный дистриктъ ¹⁾, въ которыхъ всего 2 высшихъ — High school, 23 среднихъ — Grammar school — и 46 низшихъ — Primary school, школъ, помещающихся въ 75 отдѣльныхъ зданіяхъ, изъ которыхъ 13 каменныхъ, 58 деревянныхъ и 4 нанятыхъ временно у частныхъ лицъ. Въ низшихъ школахъ — 5 классовъ или grades; въ среднихъ — 9, въ томъ числѣ 5 съ тѣмъ же курсомъ, что и въ низшихъ; въ высшихъ — 3 класса. Дипломъ средней школы даетъ право на поступленіе безъ экзамена въ высшую, а дипломъ высшей — въ университетъ штата Калифорніи въ мѣстечкѣ Берkeley.

Всѣхъ учащихся 145, изъ нихъ 30 мужчинъ и 115 женщинъ. Среднее жалованье мужинъ въ высшихъ школахъ \$ 117⁸⁰ въ мѣсяцъ,

¹⁾ Всѣ эти статистическія данныя взяты изъ отчета совѣта за 1894 годъ, только что вышущаго въ свѣтъ.

а въ остальныхъ—\$ 89¹¹; женщинъ въ высшихъ—\$ 96²⁹, въ остальныхъ—\$ 64³⁹. Стоимость школьной собственности—\$ 434.351⁰⁰, въ томъ числѣ стоимость мѣсть, зданій и мебели \$ 414.535⁰⁰; школьныхъ библиотекъ \$ 13.422⁰⁰ и школьныхъ пособій \$ 6.694⁰⁰. На содержаніе школъ издержано \$ 140.836.98. Сумма эта составляется изъ 1) вспомошествованія штата, раздѣляемаго поровну между графствами по числу учащихся, и получаемого изъ а) особаго подушнаго налога; каждый мужчина въ рабочемъ возрастѣ, т.-е. отъ 21 до 55 лѣтъ, платитъ два доллара въ годъ этого налога, что доставляетъ около полумилліона долларовъ на весь штатъ; б) особыхъ специальныхъ налоговъ на содержаніе школъ; в) процентовъ съ пожертвованныхъ штату въ пользу народнаго образованія капиталовъ, и d) изъ частныхъ пожертвованій; 2) изъ специального мѣстнаго налога на все имущество графства въ пользу школъ; 3) изъ частныхъ пожертвованій, которыя въ общемъ довольно значительны, и 4) изъ специальныхъ налоговъ, назначаемыхъ городами и отдѣльными общинами. Въ данномъ случаѣ 51% получено отъ штата, 24% отъ графства, 9% отъ пожертвованій и 16% отъ городовъ и общинъ.

Изъ общей суммы издержано: на жалованье учащихся—\$ 89.960⁸²; на топливо, ремонтъ и наемъ зданій, учительскій сѣздъ, учительскую библиотечку, администрацію и мелкіе расходы \$ 26.068⁶⁴; на постройку новыхъ школьныхъ зданій и ихъ обмеліровку \$ 22.290⁸⁵; на школьныя библиотечки \$ 1.927⁰⁷; на школьныя пособия—\$ 589⁰⁰. Средняя продолжительность школьнаго года—8.58 мѣсяца. Всѣхъ учащихся въ высшихъ школахъ 368; въ среднихъ 1.418; въ низшихъ 3.285,—всего 5.071. Средній процентъ посѣщенія 93.83%. Расходъ на каждого жителя въ графствѣ около семи долларовъ въ годъ; на каждого учащагося—около двадцати-восьми.

Во всемъ графствѣ всего двѣ частныхъ школы: одна—женскій католическій монастырь съ 149 учащимися, содержимый исключительно въ интересахъ первоначальнаго испанско-мексиканскаго населенія страны; другая—методистскій колледжъ для молодыхъ людей обоюго пола, съ академической программой и 148 учащимися. Обѣ поддерживаются главнымъ образомъ на пожертвованные на ихъ устройство капиталы и частныя приношенія, такъ какъ плата за ученіе минимальная.

Для учителей устраивается ежегодно учительскій сѣздъ, для завѣдыванія которымъ приглашаются специалисты съ востока; для нихъ же устроена учительская библиотечка, изъ которой, по требованію учителей, книги посылаются имъ на счетъ графства, и

на пополненіе которой ежегодно надерживается пятьсотъ долларовъ.

Во всемъ графствѣ 48 церковныхъ организацій и 33 церковныхъ зданія; нѣкоторыя изъ нихъ, въ маленькихъ поселеніяхъ, служатъ нѣсколькимъ сектамъ за разъ, и священники ѣздятъ изъ одного поселенія въ другое, по извѣстнымъ днямъ, такъ какъ число ихъ прихожанъ въ этихъ поселеніяхъ недостаточно для содержанія отдѣльнаго причта.

Въ предѣлахъ графства Санъ-Бернардино издается 15 газетъ, изъ нихъ три ежедневныхъ и 12 еженедѣльныхъ. Въ столицѣ графства, городѣ Санъ-Бернардино съ населеніемъ около четырехъ тысячъ, выходятъ двѣ ежедневныя газеты, одна утренняя, другая вечерняя, дающія всѣ телеграммы международнаго и американскихъ телеграфныхъ агентствъ и издаваемые весьма опрятно въ размѣрѣ большого печатнаго листа въ день.

Въ нашемъ графствѣ работаетъ 12 банковъ—4 національныхъ, 6 штатныхъ и 2 сберегательныхъ, съ общимъ капиталомъ свыше полутора милліона долларовъ. Четыре изъ нихъ—въ главномъ городѣ графства; остальные—разбросаны по болѣе значительнымъ мѣстечкамъ.

Меня нерѣдко упрекаютъ въ томъ, что въ моихъ статьяхъ слишкомъ много цифръ. Одинъ журналъ даже откровенно усомнился въ ихъ достовѣрности. Дѣло въ томъ, что меня, отдавашаго всю свою молодость земской службѣ и работѣ въ русской деревнѣ, и хорошо съ ними лично знакомому, именно эти-то цифры и поражаютъ всего больше. На француза или англичанина онѣ, конечно, такъ бы не подѣйствовали. Они и сами привыкли къ большимъ итогамъ у себя дома, они и сами знаютъ тѣ предѣлы, до которыхъ дошли современныя потребности цивилизованныхъ націй и ихъ общее благосостояніе, и американская статистика для нихъ и понятна, и естественна. Для русскаго же человѣка всѣ эти цифры настолько невѣроятны, что онъ даже безъ всякихъ основаній, кромѣ своей собственной отсталости, такъ сказать, съ плеча, заподозриваетъ ихъ точность. Могу завѣрить читателя, что всѣ приводимыя мною, какъ въ настоящей, такъ и въ предыдущихъ статьяхъ, цифры не только безусловно достовѣрны, но и всегда получаютъ мною изъ официальныхъ источниковъ, не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію, и что, разъ такое сомнѣніе почему-либо возможно относительно какихъ-либо статистическихъ данныхъ, я неизмѣнно оставляю ихъ въ сторонѣ. Данные настоящей статьи получены мною непосредственно отъ властей графства, цифры списаны изъ официальныхъ, проверенныхъ под-

писями членовъ grand jury книгъ, въ свое время были опубликованы во всеобщее свѣденіе во всѣхъ газетахъ графства и точны до послѣдняго цента.

Изъ насчитанныхъ переписью 1890 года около шести тысячъ бѣлаго населенія, большая часть была мексиканскаго происхожденія, — потомки когда-то владѣвшихъ тихоокеанскимъ побережьемъ, сначала испанцевъ, потомъ мексиканцевъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ это — грязная, едва ли способная къ современной цивилизаціи, вымирающая здѣсь раса, состоящая изъ смѣси небольшого количества испанской крови съ ацтеками и индѣйцами; занимаются они почти исключительно примитивными земледѣліемъ и скотоводствомъ. Заселеніе графства Санъ-Бернардино чистокровными американцами началось всего лѣтъ 12 тому назадъ, когда трансконтинентальная желѣзная дорога Atchison, Topeka et Santa Fé достигла береговъ Тихаго океана. Земледѣліе безъ ирригаціи здѣсь крайне безуспѣшно, и только съ тѣхъ поръ, какъ стали примѣнять искусственную ирригацію и выработались современные ея методы, выяснилось все значеніе пустыни для интенсивнаго фруктоводства и винодѣлія. Еще только десять лѣтъ тому назадъ во всемъ графствѣ была всего одна миля ирригаціонныхъ трубъ — теперь ихъ насчитывается свыше 600, отъ трехъ до 24 дюймовъ въ діаметрѣ. Снѣга и воды горныхъ хребтовъ утилизируются съ каждымъ годомъ все больше и больше, и нѣсколько гигантскихъ предпріятій въ этомъ направленіи уже доказали полную успѣшность системы горныхъ резервуаровъ. Въ Bear Valley, на высотѣ 6.500 футовъ надъ поверхностью моря, громадная площадь въ 60 квадратныхъ миль охвачена со всѣхъ сторонъ каменными плотинами и составляетъ въ настоящій моментъ, по всей вѣроятности, наибольшій искусственный водный резервуаръ цивилизованнаго міра. Работы стоили милліоновъ, и резервуаръ этотъ орошаетъ огромную площадь съ безусловнымъ успѣхомъ. Предпріятіе Atgownhead Comrapu еще грандіознѣе. Горная площадь въ 76 квадратныхъ миль, до сихъ поръ имѣвшая истокъ на сѣверъ, гдѣ ея воды пропадали въ бездонныхъ пещкахъ пустыни Мохави, запирается съ сѣвера гигантской каменной плотиной, а сквозь отдѣляющій эту площадь съ юга отъ долины Санъ-Бернардино горный хребетъ пробивается туннель въ 8 тысячъ футовъ длины, для пропуска водъ въ эту долину, чѣмъ искусственнымъ образомъ измѣняется водораздѣлъ, и, въ сущности, безконечное количество воды пріобрѣтается для земледѣлія. Наконецъ, и сѣверный, и восточный склоны хребта Сиерра-Мадре не оставлены безъ вниманія. Въ двухъ мѣстахъ воздвигаются

громадныя подземныя плотны для удержанія уходящихъ въ песокъ водъ текущихъ съ нихъ рѣкъ и образованія грандіозныхъ искусственныхъ резервуаровъ.

Первыя поселенія американскихъ всельниковъ съ Востока, понятно, основались въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вода для ирригаціи давалась самой природой. Горныя рѣчки южнаго склона были запружены, и ихъ воды, сначала посредствомъ самыхъ примитивныхъ сооружений, послужили ядромъ для основанія южно-калифорнскаго садоводства. Графство Санъ-Бернардино по производству апельсиновъ стоитъ первымъ во всемъ Союзѣ—въ немъ около 18.000 акровъ апельсиновыхъ плантацій, около 7.000 акровъ другихъ фруктовыхъ деревьевъ, какъ абрикосы, персики, груши, сливы, миндаль, орѣхи, оливки и т. д., и до 6.000 акровъ виноградниковъ. Въ немъ же, въ мѣстечкѣ Chino, находится и самый большой свекловично-сахарный заводъ во всемъ Союзѣ. Въ теченіе 1893 года заводъ этотъ выработалъ свыше 15 милліоновъ фунтовъ сахару. Въ среднемъ акръ даетъ около пятнадцати тоннъ свекловицы, производящей около 300 фунтовъ сахара на тонну; подъ свекловицей нѣсколько больше 15 тысячъ акровъ. Нашъ климатъ оказывается особенно благоприятнымъ этому новому у насъ производству: садятъ ее съ января по іюнь, а заводъ работаетъ съ іюля до декабря. Необыкновенно большой процентъ ясныхъ солнечныхъ дней снабжаетъ свекловицу особенно высокимъ процентомъ сахара, и производство это, по всей вѣроятности, будетъ быстро распространяться съ каждымъ годомъ.

Зеленые, цвѣтушіе оазисы этихъ плантацій разбросаны вучками по всей долинѣ; между ними пустыня, ожидающая дальнѣйшей разработки воды для ирригаціи,—пустыня, клочки которой отвоевываются человекомъ съ каждымъ годомъ и увеличиваютъ первоначальныя поселенія. Населеніе этихъ оазисовъ, отъ трехсотъ до тысячи душъ въ каждомъ, тѣсно сплочено между собою однимъ общимъ интересомъ—водой, получаемой изъ одного и того же источника. Землевладѣніе въ владѣваемыхъ пространствахъ преимущественно мелкое, отъ пяти до сорока акровъ въ участкѣ. Первоначально земля почти всегда принадлежитъ акціонерной компаніи, которая давно скупила ее за безцѣнокъ у мексиканскихъ владѣльцевъ, устроила систему орошенія и затѣмъ распродаетъ участки дѣйствительнымъ поселенцамъ съ большимъ барышомъ. Только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ частное лицо—конечно, не обыкновенный заурядный фермеръ—можетъ обладать достаточными средствами для того, чтобы устроить такую колонію: на резервуары и водопроводныя трубы прихо-

дятся затрачивать сотни тысячъ капитала, прежде чѣмъ земля дѣлается способной къ успѣшной обработкѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ штатъ Калифорнія, желая вырвать новыхъ поселенцевъ, прибывавшихъ со всѣхъ концовъ Союза, изъ лапъ жадныхъ капиталистическихъ организацій, провелъ у себя знаменитый ирригаціонный законъ Райта — Wright irrigation Act — давшій возможность организованнымъ дистриктамъ новыхъ поселенцевъ выпускать гарантированныя всѣмъ поземельнымъ имуществомъ дистрикта облигаціи на полученіе средствъ для значительныхъ ирригаціонныхъ работъ. Благодаря этому закону, многія колоніи сравнительно бѣдныхъ фермеровъ успѣли приобрести землю гораздо дешевле, чѣмъ посредствомъ акціонерныхъ поземельныхъ компаній, и до тридцати милліоновъ ирригаціонныхъ облигацій были помѣщены въ денежныхъ центрахъ Востока;—но нынѣшнимъ лѣтомъ, по жалобѣ одного фермера, не пожелавшаго присоединиться къ вновь образованному ирригаціонному дистрикту, захватывавшему и его землю, актъ Райта былъ признанъ противоконституціоннымъ, что, конечно, неминуемо повліяетъ на дальнѣйшее орошеніе и заселеніе пустыни.

Калифорнская пустыня въ своемъ первоначальномъ видѣ большую часть года не представляетъ собою ничего привлекательнаго. Ранней весной, послѣ зимнихъ дождей, она покрывается на короткое время массой самыхъ разнообразныхъ дикихъ цвѣтовъ — и затѣмъ опять принимаетъ свой постоянный сѣро-желтый цвѣтъ. Только сухой, придавленный Sage brush, низкій, некрасивый пыльнаго цвѣта кустарникъ, да кактусы и немногія другія, такія же некрасивыя, ползучія и волючія растенія покрываютъ неровными кочками, какъ бы пятнами, желтовато-сѣрую, голую почву. Нижніе склоны горъ еще голѣе; только въ ущельяхъ, гдѣ бѣгутъ зимніе ручьи и гдѣ сохраняется влага все лѣто, растутъ немногочисленные дубы, сикоморы и ольха. На высотѣ около пяти тысячъ футовъ начинаютъ попадаться сосны, сначала мелкія и рѣдкія, затѣмъ все учащающіяся и на высокихъ горныхъ плато образующія настоящіе лѣса, которыхъ, впрочемъ, не видно изъ долинъ. Долины полны зайцами, земляными бѣлками и шакалами; въ горахъ есть олени, горные бараны, медвѣди, черные и гриззли, и американскій горный левъ — равновидность пантеры, попадающейся на всемъ сѣверо-американскомъ континентѣ. Зайцы размножаются такъ невѣроятно быстро и такъ серьезно вредятъ молодымъ садамъ и виноградникамъ, что иногда приходится огораживать ихъ проволочными сѣтками; нерѣдко устроиваются на

нихъ отдѣльными поселеніями правильныя облавы, въ которыхъ принимается участие все окрестное населеніе.

Почва большей части всей пустыни и въ особенности тѣхъ узкихъ, заключенныхъ между значительными горными хребтами долинъ, подобныхъ той, въ которой лежитъ заселенная часть графства Санъ-Бернардино, чрезвычайно богата и при надлежащей ирригаціи даетъ обильнѣйшіе урожаи не только фруктовъ и винограда, но и сѣна, картофеля, пшеницы и т. д. Только естественные сезоны посѣва и уборки совсѣмъ другіе, чѣмъ во всемъ остальномъ мірѣ; а при ирригаціи они совсѣмъ не существуютъ и зависятъ не отъ времени года, а отъ самого фермера. Воздѣлываемый слой очень глубокъ; въ немъ много гравела и булыжныхъ камней, снесенныхъ зимними дождями съ горныхъ уступовъ, и онъ пористъ какъ губка и принимаетъ въ себя огромное количество воды, прежде чѣмъ напитается до того, что она можетъ стекать — вода проникаетъ на семь, на восемь футовъ въ глубину въ полчаса времени, и обращаетъ почву въ довольно жидкое мѣсиво, въ нѣчто въ родѣ топкаго болота, по которому можно ходить только съ большимъ трудомъ. Цвѣтъ почвы отъ очень блѣднаго сѣро-желтаго въ среднихъ частяхъ долины доходитъ до очень темнаго шоколаднаго у подножія горъ, и эти подножія считаются самыми плодородными и заселяются всегда прежде остальныхъ частей.

Климатъ долины — одинъ изъ наиболѣе постоянныхъ на всемъ земномъ шарѣ. Лѣтніе жары умѣряются постоянно дующими съ запада тихо-океанскими пассатами, насыщенными влагой; по ночамъ очень часты сильныя туманы, заносимыя этими пассатами миль на сто внутрь страны. По зимамъ термометръ никогда не опускается до точки замерзанія — морозы въ долинѣ неизвѣстны, хотя горы и покрыты снѣгомъ всю зиму, а многія вершины — круглый годъ. Первые зимніе дожди выпадаютъ обыкновенно въ декабрѣ, кончаются въ мартѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ начались въ долинѣ Санъ-Бернардино метеорологическія наблюденія, maximum дождя въ одинъ сезонъ былъ 37 дюймовъ, minimum 9, въ среднемъ, за все время наблюденія, около 17 дюймовъ. Въ горахъ выпаденіе дождя гораздо значительнѣе, и достигаетъ 60 дюймовъ въ сезонъ; дожди въ нихъ начинаются раньше и кончаются позже, чѣмъ въ долинѣ.

II.

ПОСЕЛЕНІЯ КУКАМОНГА.

Мое имѣніе лежитъ въ предѣлахъ поселенія, известнаго подъ общимъ именемъ Кукамонга, и въ которомъ, по переписи 1890 года, было 425 жителей, а теперь, по всей вѣроятности, число это удвоилось. Поселеніе это тянется узкой, длинной полосой отъ желѣзной дороги до подножія горъ и со всѣхъ сторонъ окружено пустыней, какъ моремъ; основано оно лѣтъ десять тому назадъ, и въ его основаніи участвовали три-четыре акціонерныя компаніи, скупившія землю почти за ничто и разработавшія воду для ирригаціи въ нѣсколькихъ горныхъ ущельяхъ. Вся входящая въ составъ поселенія земля, около шести тысячъ акровъ, распланирована правильными квадратами, и четыре длинные проспекта идутъ отъ желѣзной дороги до самыхъ горъ, на разстояніи полумили одинъ отъ другого, пересѣкаясь поперечными улицами на томъ же разстояніи, такъ что каждая квадратная четверть мили, или 160 акровъ, составляетъ отдѣльный, окруженный со всѣхъ сторонъ общественными улицами, участокъ. Эти проспекты и улицы обсажены съ обѣихъ сторонъ аллеями перечныхъ деревьевъ, эвкалиптусовъ, австралійскихъ тамариндовъ, пальмъ, сосенъ, розъ — смотря по тому, что нравится владѣльцу — даютъ хорошую тѣнь цѣлый день и содержатся обыкновенно въ превосходномъ порядкѣ. Когда проѣзжаешь по нимъ въ экипажѣ, съ улицы видны только очень немногіе дома — большинство ихъ совсѣмъ скрыто за чащей аллей и окружающихъ ихъ садовъ. Аллеи эти, необыкновенно скрашивающія весь наружный видъ поселенія, имѣютъ нѣсколько назначеній, и кромѣ украшенія — во-первыхъ, онѣ задерживаютъ, а если онѣ очень густы, совсѣмъ уничтожаютъ силу зимнихъ вѣтровъ, обивающихъ фрукты въ незащищенныхъ садахъ; во-вторыхъ, всѣ онѣ состоятъ изъ быстро растущихъ древесныхъ породъ, и ихъ вершины срубаются постепенно на топливо¹⁾, замѣняясь новыми побѣгами; въ-третьихъ, онѣ отънимаютъ дороги и сады и помогаютъ задерживать въ почвѣ быстро испаряющуюся на солнцѣ влагу. Почва такъ богата, что, при надлежащей ирригаціи, нѣкоторыя породы, особенно эвкалиптусы, употребляемые чаще всего, растутъ чрезвычайно быстро, уже черезъ три года

¹⁾ Всѣ растущія въ пустынѣ древесныя породы, какъ естественныя, такъ и искусственно разводимыя, чрезвычайно богаты маслянистыми веществами и даютъ превосходное топливо. Даже листья и мелкіе побѣги даютъ сильный огонь.

давая деревья въ тридцать футовъ вышины и въ футъ толщины у комля.

Станція желѣзной дороги выходитъ на одинъ изъ проспектовъ, какъ разъ на южной окраинѣ поселенія, лежащей на 800 футовъ выше поверхности океана; отъ этой окраины мѣстность замѣтно, хотя и постепенно, повышается до самаго подножія горъ сѣверной окраины, на высотѣ около двухъ съ половиною тысячъ футовъ выше поверхности океана и на разстояніи около пяти миль, или семи съ половиною верстъ, между южной и сѣверной границами поселенія. Горный хребетъ Сиерра-Мадре поднимается сразу отъ этого подножія, очень крутыми, утесистыми склонами, и нѣсколько пиковъ выше десяти тысячъ футовъ отъ поверхности океана высится какъ разъ свади, ограждая долину и поселеніе отъ сѣверныхъ вѣтровъ и составляя очень красивую, хотя и однообразную вѣчную панораму. На югѣ, миляхъ въ десяти отъ желѣзной дороги, черезъ пустыню, чертится другой горный хребетъ, значительно ниже Сиерры-Мадре; воздухъ такъ прозраченъ и чистъ, что оба эти горные хребта съ линіи желѣзной дороги кажутся совсѣмъ-совсѣмъ близко, всего въ нѣсколькихъ стахъ саженьяхъ, хотя въ дѣйствительности они и отстоятъ больше чѣмъ на десять верстъ. Люди, никогда прежде не бывавшіе въ южной Калифорніи и не имѣющіе понятія о прозрачности здѣшняго воздуха, всегда неизмѣнно отказываются вѣрить, когда имъ говорятъ о здѣшнихъ разстояніяхъ, и принимаютъ эти рассказы за желаніе посмѣяться надъ ними.

Главные водопроводныя трубы идутъ по продольнымъ проспектамъ, отъ горъ до желѣзной дороги, и даютъ отъ себя меньшія поперечныя линіи на всѣхъ перекресткахъ, такъ что каждый участокъ земли имѣетъ свой собственный кранъ для ирригаціи. Давленіе очень сильное, и усиливается по мѣрѣ того, какъ мѣстность понижается. Каждый участокъ земли былъ проданъ компаніей съ правомъ на пользование извѣстнымъ количествомъ воды. Вода здѣсь измѣряется „дюймоу рудопопа“ — *miner's inch*. Выраженіе это осталось въ наслѣдство современной ирригаціи отъ гидравлической рудопопной системы, давно уже воспрещенной въ Калифорніи особымъ закономъ, и означаетъ собою такое количество воды, которое дается постояннымъ, круглый годъ безостановочно, токомъ черезъ отверстіе въ одинъ квадратный дюймъ, при давленіи въ четыре дюйма воды; въ переводѣ на кубическое содержаніе это составляетъ 13.000 галлоновъ въ часъ. Въ купчей крѣпости на каждый участокъ проставляется, сколько такихъ дюймовъ воды продается съ участкомъ, такъ сказать, не-

раздѣльно отъ него. Современное ирригаціонное законодательство штата Калифорніи еще довольно сбивчиво, не вполне еще установилось и постоянно перерабатывается; тѣмъ не менѣе, тотъ принципъ, что вода нераздѣльна отъ земли и не можетъ быть ни продана, ни заложена отдѣльно, уже былъ нѣсколько разъ подтвержденъ рѣшеніями верховнаго суда штата и, по всѣмъ видимостямъ, вполне соответствуетъ современнымъ понятіямъ населенія. Основаніемъ такого взгляда служить то обстоятельство, что если владѣлецъ извѣстнаго участка переведетъ принадлежащую этому участку воду куда-нибудь въ другое мѣсто, онъ этимъ самымъ обратитъ его въ пустыню, въ сухое мѣсто, которое немедленно заростетъ сорными травами, сдѣлается убѣжищемъ зайцевъ и кротовъ, и своимъ присутствіемъ будетъ постоянно вредно вліять на сосѣдніе участки и немедленно понизитъ ихъ цѣнность. Другими словами, прикрѣпленіе воды необходимо для общаго благополучія всего поселенія, и не позволяетъ разъ воздѣланнымъ землямъ обращаться въ первобытное состояніе; цѣнность воды слишкомъ велика, чтобы оставлять ее безъ употребленія, а разъ она употребляется именно на данномъ участкѣ, онъ не можетъ обратиться въ пустыню.

До сихъ поръ предполагалось, что одной десятой „дюйма рудкопа“ воды достаточно для успѣшнаго орошенія одного акра апельсинной или лимонной плантаціи, требующихъ воды больше всѣхъ другихъ, воздѣлываемыхъ въ южной Калифорніи, растений, и одной-двадцатой для другихъ фруктовъ, какъ персики, абрикосы, орѣхи и т. д. Но, по мѣрѣ того, какъ деревья вырастаютъ и начинаютъ давать все болѣе и болѣе урожая, оказывается, что для взрослыхъ апельсиновъ этого количества воды недостаточно, и что къ тому времени, когда они достигнутъ зрѣлости, его, по всей вѣроятности, придется удвоить. Поэтому, потребность въ водѣ и помимо того, что нужно для вновь воздѣлываемыхъ пространствъ, постоянно, хотя и медленно, возрастаетъ въ каждомъ поселеніи, и первоначальной покупки воды съ землей оказывается недостаточно—а съ сознаніемъ этой недостаточности возвышается и цѣна на воду. Тогда какъ въ молодыхъ поселеніяхъ дюймъ воды стоитъ только около 750—800 долларовъ, въ старшихъ, гдѣ плантаціи достигаютъ или уже достигли зрѣлости, цѣна эта поднимается до полуторы и двухъ тысячъ долларовъ; извѣстны примѣры, когда за дюймъ платили даже до 2¹/₂ тысячъ. Хотя ирригаціонныя работы, и въ особенности разработка старыхъ и новыхъ источниковъ, постоянно ведутся повсемѣстно, и часто слышно объ организаціи новыхъ водяныхъ

компаний, тѣмъ не менѣе населеніе возрастаетъ такъ быстро и засаживается ежегодно такая значительная площадь новыхъ плантацій, что спросъ на воду возрастаетъ гораздо быстрее ея предложенія, и потому цѣна на нее постоянно возрастаетъ. Покупка земли и воды отъ акціонерной компаніи не означаетъ, что покупатель получаетъ право на постоянное, ежедневное ея пользованіе. Количество принадлежащей ему воды отпускается ему только въ извѣстные сроки, обыкновенно тридцатидневные; всѣ принадлежащіе къ извѣстной главной водопроводной трубѣ участки имѣютъ свои извѣстные, заранее опредѣленные, дни и часы, когда вода направляется въ ихъ частныя трубы, и они принуждены ею пользоваться именно въ эти дни и часы, днемъ или ночью, въ будни или въ праздники; пользованіе водой распределено между ними напередъ, и количество принадлежащей и отпускаемой имъ воды опредѣляется давленіемъ въ извѣстномъ пунктѣ и срокомъ пользованія. Тогда какъ апельсины и лимоны требуютъ орошенія только каждыя 30 дней, нѣкоторые другія растенія, какъ, напр., картофель, требуютъ его каждыя 15, а оливки или персики довольствуются каждыя 60; поэтому фермеры, воздѣлывающіе на своихъ участкахъ разныя растенія, фрукты, овощи, сѣно, вынуждены обыкновенно строить свои собственные резервуары, въ которыхъ они сохраняютъ приходящуюся на ихъ долю воду до того времени, пока она имъ не понадобится. Резервуары эти строятся изъ камня или кирпича, скрѣпленныхъ гидравлическимъ портландскимъ цементомъ, стоятъ очень дорого, и все-таки сохраняютъ воду не совсѣмъ удовлетворительно, такъ какъ въ долинѣ испареніе ея лѣтомъ чрезвычайно сильно.

Цѣнность земли и фермъ въ нашемъ поселеніи очень разнообразна. Тогда какъ пустынная земля на окраинахъ, съ одной десятой дюйма воды на акръ, можетъ быть куплена у владѣющихъ ею поземельныхъ компаній отъ полутора до двухсотъ-пятидесяти долларовъ за акръ, смотря по ровности поверхности, количеству наружнаго камня, удобствамъ расположенія относительно центральныхъ пунктовъ и богатству почвы, — воздѣланныя земли съ достигающими зрѣлости апельсиновыми и лимонными плантаціями стоятъ около тысячи долларовъ за акръ и даже больше, смотря по цѣнности построекъ, состоянію деревьевъ, красотѣ положенія и т. д. Участокъ въ 20 акровъ, съ двумя дюймами воды, хорошимъ домомъ и почти достигшимъ зрѣлости апельсиновымъ садомъ, былъ проданъ недавно за двадцать-пять тысячъ долларовъ наличными. Апельсиновые и лимонныя план-

таціи, какъ требующія больше времени для достиженія зрѣлости, стоятъ гораздо дороже другихъ; за ними слѣдуютъ оливковыя, абрикосовыя, персиковыя; виноградники—какъ на вино, такъ и на изюмъ—стоятъ отъ трехсотъ до пятисотъ долларовъ за акръ. Доходность этихъ земель также очень разнообразна. На окраинахъ можно нанять землю для сѣна, напр., весной, безъ воды, за долларъ или долларъ съ четвертью за акръ; осенью, для картофеля, съ водой, придется заплатить двадцать-пять долларовъ за акръ. Хорошіе фруктовые сады, особенно апельсины и лимоны, даютъ громадный, баснословный доходъ. Такъ, одинъ изъ моихъ сосѣдей продалъ въ настоящемъ году урожай съ 240 лимонныхъ деревьевъ, т.-е. съ 2¹/₂ акровъ, за 1.600 долларовъ. Акръ достигшей зрѣлости апельсиновой плантаціи, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, даетъ до пятисотъ долларовъ въ годъ чистаго дохода. Такихъ садовъ въ южной Калифорніи еще очень немного, такъ какъ только самый незначительный процентъ—можетъ быть, около 1/2%—всѣхъ ея апельсиновыхъ и лимонныхъ плантацій достигъ полной зрѣлости. Абрикосы, персики и т. д. продаются или на жестяночные заводы, которыхъ очень много, гдѣ ихъ обрабатываютъ въ консервы, развозимые потомъ по всему міру, или сушатся на солнцѣ и продаются въ сушеномъ видѣ. Цѣна за хорошіе зеленые фрукты колеблется отъ одного до полутора цента за фунтъ; за сушеные—отъ четырехъ съ половиной до шести и восьми центовъ. Акръ достигшей зрѣлости персиковой или абрикосовой плантаціи даетъ отъ полутора до трех-сотъ долларовъ дохода. Оливки идутъ или на масло, или на пивули; они были введены въ южной Калифорніи позже всѣхъ остальныхъ фруктовыхъ растений, и ихъ воздѣлываніе и сбытъ и до сихъ поръ находятся въ значительной степени въ экспериментальномъ состояніи, хотя и говорятъ, что они чрезвычайно выгодны. Въ нашемъ поселеніи есть нѣсколько большихъ, относительно старыхъ, лѣтъ 6-ти и 7-ми, оливковыхъ плантацій, и ихъ хозяева утверждаютъ, что ихъ доходность почти равняется апельсиновымъ. Виноградъ за послѣдніе два-три года былъ въ большомъ забросѣ, и цѣна на него значительно упала—съ 20—25 долларовъ за тонну до 9 и даже 7. Въ нашемъ поселеніи имѣется огромный виноградникъ въ 700 акровъ, принадлежащій акціонерной компаніи, занимающейся выдѣлкой высшихъ сортовъ калифорнскихъ винъ въ большихъ размѣрахъ, и мнѣ нѣсколько разъ пришлось побывать въ его обширныхъ подвалахъ. Цѣна на вино понижалась въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ и упала до 17 центовъ за галлонъ за высшіе сорта, нѣчто въ родѣ русскихъ крымскихъ

винъ; самые лучшіе сорта продаются теперь не выше полутора доллара за галлонъ. Изюмъ тоже сильно упалъ въ цѣнѣ — съ тѣхъ поръ какъ центральная Калифорнія, въ особенности долина рѣки Санъ-Жоакина, засадила сотни-тысячи акровъ виноградомъ на изюмъ, рынокъ былъ запруженъ, и въ южной Калифорніи вообще, и въ нашемъ поселеніи въ особенности, многіе виноградники на изюмъ были уничтожены и засажены другими растеніями. Несмотря на то, что виноградъ на изюмъ не требуетъ воды и довольствуется самымъ незначительнымъ уходомъ — здѣсь совсѣмъ не употребляютъ какихъ-либо подставокъ, а оставляютъ его стлаться по землѣ — цѣна на изюмъ такъ низка, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не возвращаетъ даже расхода на его уборку и сушку. Зато большой доходъ даетъ французскій черносливъ, введенный здѣсь въ самое послѣднее время, даже послѣ оливокъ. Яблоки, груши, вишни даютъ очень хорошіе урожаи и приносятъ прекрасный доходъ на фермахъ, расположенныхъ на двѣ тысячи футовъ надъ поверхностью океана и выше. Грецкіе орѣхи то же обратили на себя вниманіе нашихъ садоводовъ и обѣщаютъ хорошіе результаты. Наконецъ, дыни, арбузы, тыквы и всевозможныя овощи тоже растутъ превосходно, давая плодъ почти круглый годъ; томаты вызрѣваютъ раньше, чѣмъ гдѣ-либо во всемъ остальномъ Союзѣ, и отправляются ранней весной въ большіе города Востока, принося по пяти и шести долларовъ за ящикъ въ одинъ бушель емкости.

На небольшомъ сравнительно пространствѣ нашего поселенія можно найти рѣшительно всѣ фруктовыя растенія всѣхъ поясовъ. Дѣлаются опыты даже съ чаемъ, съ кофе, съ бананами и ананасами. Страна еще очень молода, самыя доходныя растенія еще не вполне точно выяснились, и почти всякій фермеръ экспериментируетъ съ чѣмъ-нибудь. Нерѣдко на цѣлыхъ участкахъ — десять, двадцать акровъ — деревья вырываются и замѣняются другими, иногда просто другимъ сортомъ того же рода, въ глазахъ владѣльца почему либо обѣщающимъ большую доходность въ будущемъ. У каждаго фермера есть своя теорія, свои взгляды на дѣло — не существуетъ какихъ-либо признанныхъ основъ чего-либо безусловно доказаннаго и признаваемого всѣми. Даже самые методы культуры дерева нерѣдко радикально различаются — нѣсколькихъ дней наблюденія достаточно для того, чтобы убѣдиться въ новизнѣ всей страны, всѣхъ приемовъ земледѣлія и неустойчивости и опытнаго характера всего существующаго.

Постройки фермъ состоятъ всегда изъ жилого дома владѣльца и stable или barn, постройки общаго американскаго типа, обык-

новенно очень большой и заключающей въ себѣ конюшню, скотный дворъ, сѣнной, каретный и машинный сарай, все вмѣстѣ подъ одной крышей. Дома, за очень рѣдкими исключениями, въ пиленого теса, обычной американской конструкціи, почти всегда выкрашенные сваружи и општукатуренные внутри. Какъ бы малъ ни былъ участокъ и какъ бы бѣденъ, ни былъ поселенецъ, вокругъ дома непремѣнно устроенъ цвѣтникъ, посажено нѣсколько красивыхъ тѣнистыхъ деревь и разведенъ lawn, т.-е. искусственный лугъ изъ кентукійскаго blue grass, специальной американской газонной травы, и все это всегда содержится въ превосходномъ порядкѣ, подчищено, подстрижено и придаетъ самому плохенькому, самому дешавому домику въ 2 или 3 комнаты веселый, праздничный видъ. Цвѣтовъ, часто очень рѣдкихъ и дорогихъ, въ нашемъ поселеніи—нѣтъ конца; также много очень красивыхъ кустовъ и деревьевъ, разводимыхъ единственно для украшенія, какъ, напр., вонтичныхъ, разныхъ видовъ бамбука, камфорнаго дерева, сосенъ, японскихъ сливъ, олеандровъ и т. п.

Въ районѣ поселенія, въ разныхъ пунктахъ, имѣется четыре магазина, торгующіе всякимъ товаромъ, отъ гвоздей и сахара до готоваго платья и башмаковъ; одна аптека; три почтовыхъ конторы, на разстояніи полуторы мили одна отъ другой, съ полученіемъ и отправленіемъ всякаго рода корреспонденціи два раза въ день; три школы и одна церковь; впрочемъ, и всѣми школьными зданіями пользуются различныя секты для богослуженія по воскресеньямъ.

Само собой разумѣется, что самымъ интереснымъ, самымъ существеннымъ факторомъ всякой деревни является ея населеніе, люди: страна сама по себѣ можетъ быть велика и обильна, но не обладать ни порядкомъ, ни человѣческими условіями жизни. Насколько мнѣ приходилось слышать и наблюдать, нигдѣ въ Америкѣ нѣтъ сплошнаго фермерскаго населенія, нѣтъ такихъ хотя бы и исключительно земледѣльческихъ мѣстностей, гдѣ бы все населеніе было исконно земледѣльческое, со всѣмъ его обычнымъ консерватизмомъ и особенностями: между настоящими фермерами всюду всегда попадаетъ значительный процентъ и профессиональныхъ людей, и бывшихъ городскихъ ремесленниковъ, и бывшихъ купцовъ и мануфактуристовъ, удалившихся на лоно природы отъ перипетій городской жизни. А въ нашемъ поселеніи, да и вообще въ южной Калифорніи, процентъ такихъ людей особенно великъ, и они, навѣрное, составляютъ большинство нашего деревенскаго люда; земледѣльцы по профессіи, земледѣльцы отъ рожденія—въ безусловномъ меньшинствѣ, и не только не преобладаютъ въ

жизни поселения, но и почти совсѣмъ ступеваются въ общей его массѣ. Разнородность и разнокалиберность этого населенія просто изумительны. Есть люди всѣхъ странъ, всѣхъ націй, всѣхъ профессій, всѣхъ ремеслъ, всѣхъ образовъ жизни и занятій. Нѣмцы, французы, англичане, испанцы, итальянцы, мексиканцы, китайцы — совершенное вавилонское столпотвореніе. Доктора, адвокаты, учителя, торговцы, мануфактуристы, плотники, машинисты, желѣзнодорожники, фермеры съ прерій Иллинойса и Эйоуэ, изъ лѣсовъ Мэна и Вермонта, изъ хлопковыхъ и табачныхъ плантацій Юга; есть представители рѣшительно всѣхъ штатовъ, всѣхъ мѣстностей, всѣхъ странъ земного шара. Встрѣчаешь человека въ настоящемъ фермерскомъ костюмѣ, небритаго, съ грубыми мозолистыми рабочими руками, въ широкополой обтрепанной шляпѣ — и рядомъ съ нимъ даму въ очень модномъ нарядѣ, въ брилліантахъ и дорогихъ перчаткахъ: оказывается, это бывший профессоръ какой-нибудь высшей школы, докторъ съ когда-то большой практикой въ одномъ изъ самыхъ большихъ городовъ Востока, адвокатъ съ Сѣвера или отставной священникъ съ Юга, сбѣжавшіе или отъ мятежей и морозовъ, или отъ переменъ обстоятельствъ, или отъ осилившаго все остальное стремленія къ деревенскому покою. Много такихъ, которые пріѣхали исключительно изъ-за климата, въ надеждѣ продолжить и поддержать жизнь кого-либо изъ членовъ семьи — легочныя болѣзни гонятъ сотни людей на крайній югъ, и чистый, сухой воздухъ пустыни считается наилучшимъ цѣлительнымъ для нихъ средствомъ. Фруктоводство не требуетъ особенной выносливости, особенной силы мускуловъ и привычки къ земледѣльческой работѣ — и слабый, относительно, горожанинъ скоро втягивается и дѣлается способнымъ воздѣлывать свой виноградникъ или апельсиновую плантацію. Я лично знаю многихъ бывшихъ городскихъ профессиональныхъ людей, съ большимъ успѣхомъ обрабатывающихъ собственными руками свои сады, безъ всякой посторонней помощи. Какихъ-нибудь трехъ, четырехъ, много-много шести мѣсяцевъ совершенно достаточно для того, чтобы усвоить необходимые приемы и приноровиться къ тому именно, что нужно въ данномъ случаѣ. Само собой разумѣется, что этому чрезвычайно много способствуетъ сама здѣшняя городская жизнь; въ Америкѣ мужская прислуга составляетъ весьма рѣдкое исключеніе, и обыкновенно главѣ дома и въ городѣ, кто бы онъ ни былъ, приходится и отпрягать и запрягать лошадей, и вымыть экипажъ, и наколоть растопокъ, и полить вечеромъ газонъ передъ домомъ и вскопать цвѣты, и нерѣдко даже растопить печь и приготовить завтракъ или ужинъ. Все это въ порядкѣ

вещей и въ городѣ, и тамъ все это естественно и обычно, никого не удивляетъ и не затрудняетъ. Поэтому-то такія существенныя перемѣны въ жизни, какъ переходъ человѣка отъ профессорской катедры или докторской практики или прилавка купца къ дѣйствительному фермерству совершается здѣсь гораздо легче, съ гораздо меньшими требованіями на его физіку, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ, и несравненно болѣе процентъ горожанъ выдерживаетъ съ большимъ успѣхомъ эту перемѣну и очень быстро къ ней приспособливается. Это—чрезвычайно существенное условіе, и его нужно постоянно имѣть въ виду, когда рѣчь идетъ объ американскомъ фермерскомъ людѣ.

Фермы, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить выше, въ среднемъ у насъ очень невелики. Разсчитываютъ, что одинъ взрослый мужчина можетъ съ успѣхомъ обрабатывать около пятидесяти акровъ апельсинной плантаціи—но фермъ такой величины очень немного, онѣ принадлежатъ людямъ со средствами, и такія фермы обыкновенно обрабатываются наемнымъ трудомъ; большинство заключаетъ въ себѣ не болѣе 20, 15, 10 акровъ; много такихъ, въ которыхъ всего 5 акровъ. На такой фермѣ требуется только нѣсколько часовъ въ день, работы иногда больше, иногда меньше, для того, чтобы содержать ее въ превосходномъ порядкѣ. Какіе-нибудь 2—3 часа въ день не могутъ очень утомить даже совершеннаго новичка-бѣлоручку. Правда, работы всего больше, пока сады молоды и деревья требуютъ постояннаго ухода, но новопоселенцы-горожане почти всегда нанимаютъ постороннихъ, опытныхъ людей, настоящихъ земледѣльцевъ, для того, чтобы произвести всѣ первоначальныя работы, или же покупаютъ готовыя молодыя плантаціи, уже вошедшія въ силу и требующія только обычнаго ухода, который уменьшается съ каждымъ годомъ по мѣрѣ того какъ деревья приближаются къ зрѣлости. Акціонерныя поземельныя компаніи и частныя спекуляторы постоянно заняты посадкой и разведеніемъ молодыхъ садовъ, которые потомъ и перепродаются именно этимъ горожанамъ, предпочитающимъ уже насѣженное, такъ сказать, мѣсто голой пустыни, и готовымъ заплатить за то, что всѣ первоначальныя хлопоты и тяжелая работа сдѣланы кѣмъ-нибудь другимъ. Въ нашемъ поселеніи этотъ обычный всей Америкѣ процессъ перехода поземельной собственности изъ рукъ въ руки происходитъ постоянно, круглый годъ; онъ увеличиваетъ населеніе, привлекаетъ въ его среду болѣе состоятельныхъ, болѣе интеллигентныхъ людей и постепенно повышаетъ запасы знанія и культуры во всемъ поселеніи.

Чрезмѣрный физическій трудъ, такъ нераздѣльно связанный

съ обыкновеннымъ земледѣліемъ умѣренныхъ поясовъ и такъ убійственно дѣйствующій на нравственныя и умственныя силы земледѣльца, въ данномъ случаѣ совершенно отсутствуетъ. Нѣтъ долгихъ часовъ, нѣтъ мускульнаго напряженія, нѣтъ именно того, что обращаетъ человѣка въ звѣря и притупляетъ его мозгъ и нервы. Садоводу-фермеру въ нашемъ поселеніи неслѣдуетъ надсѣдаться, неслѣдуетъ уродовать себя. Онъ не знаетъ, что значить жаркій іюльскій или августовскій день, или что значатъ тучи на горизонтѣ, когда подваленъ большой лугъ или клеверное поле. Вся эта горькая чаща земледѣльца умѣренного пояса минуетъ его совершенно. Онъ не боится ни безвременныхъ дождей, ни засухи—ирригація дѣлаетъ его дѣйствительнымъ хозяиномъ не только его урожая, но и его времени; онъ знаетъ впередъ за мѣсяць, что именно онъ будетъ дѣлать въ извѣстный день и часъ, и его рабочее время и физическія усилія распределены болѣе или менѣе равномерно, безъ скачковъ и излишняго утомленія.

За послѣднее время населеніе Куамаонги, какъ, впрочемъ, и всѣхъ другихъ поселеній южной Калифорніи, особенно занято вопросомъ о наиболѣе выгодномъ и вѣрномъ сбытѣ своихъ произведеній. По мѣрѣ того, какъ сады наши постепенно достигаютъ зрѣлости и количество продуктовъ увеличивается, вопросъ этотъ приобретаетъ все болѣе и болѣе существенное значеніе, и удачное его разрѣшеніе составляетъ нашу современную деревенскую „злѣбу дня“. До послѣднихъ лѣтъ фрукты обыкновенно посылались на Востокъ разнымъ коммисіонерскимъ домамъ, которые часто пользовались отдаленностью и незнаніемъ нашими фермерами дѣйствительнаго положенія рынка въ данный моментъ, и отчислили себѣ самымъ безцеремоннымъ образомъ львиную долю въ барышахъ—а иногда просто-на-просто зажаливали деньги и отдѣлывались извѣщеніями, что товаръ былъ слишкомъ долго въ дорогѣ, испортился или отчасти, или совершенно, и не могъ быть проданъ съ успѣхомъ. Только очень крупныя производители могли или лично, или черезъ повѣренныхъ, слѣдить за продажей—мелкіе фермеры, продающіе всего нѣсколько вагоновъ въ годъ, не могли, выносить расходовъ на поѣздки за три-девять земель и на дорогое житіе въ большихъ городахъ, пока ихъ фрукты будутъ проданы. Читатель не долженъ забывать, что все южно-калифорнское фруктовое дѣло еще очень молодо, что самыя старыя сады и плантаціи не достигли еще двадцатилѣтняго возраста, и что нашимъ фермерамъ пришлось создать и рынки, и потребность, и спросъ на ихъ товары, и что, естественно, все это не дается разомъ. Тѣмъ не менѣе, опыты немногихъ первыхъ лѣтъ убѣдили всѣхъ и cadaго,

что продажа посредствомъ комиссіонерскихъ домовъ въ лучшемъ случаѣ дѣло крайне ненадежное, и что для успѣха необходимы иные методы. Обратились къ коопераціи—сосѣди складывались и посылали довѣренныхъ съ товаромъ, дѣля между собою его издержки. Съ теченіемъ времени нѣкоторыя мѣстности соединились и завели постоянныхъ агентовъ на мѣстахъ сбыта—и такимъ образомъ было положено начало ассоціаціямъ апельсиновыхъ, лимонныхъ и всякихъ другихъ производителей. Эти ассоціаціи въ настоящій моментъ охватили почти всѣхъ безъ исключенія производителей, и дѣйствуютъ съ каждымъ годомъ все успѣшнѣе и успѣшнѣе. Мѣстныя организаціи сплачиваются въ одну общую для всей южной Калифорніи, содержатъ центральное управленіе здѣсь и агентовъ во всѣхъ главныхъ рынкахъ страны, и въ теченіе самыхъ послѣднихъ лѣтъ достигли того, что фруктовая торговля находится всецѣло въ ихъ рукахъ и подлежитъ только естественнымъ, законнымъ требованіямъ всемірнаго рынка. Во-первыхъ, введена строгая классификація качества разныхъ фруктовъ, нѣчто въ родѣ инспекціи; на Востокѣ—опытные люди завѣдуютъ сортировкой и упаковкой, и процентъ потерь отъ этого фактора, всегда чрезвычайно важнаго въ торговлѣ такимъ скоро портящимся отъ малѣйшей недоглядки товаромъ, сократился уже почти до нуля. Во-вторыхъ, снабженіе рынковъ производится не зря, какъ бывало прежде, а съ полнымъ знаніемъ дѣйствительныхъ ихъ потребностей въ данную минуту—не отправятъ сотни вагоновъ заразъ въ одинъ городъ и не оставятъ другого совсѣмъ безъ ничего; мѣстные агенты слѣдятъ за имѣющимися запасами и заблаговременно извѣщаютъ центральную администрацію, такъ что снабженіе идетъ правильнымъ дѣловымъ образомъ. Въ-третьихъ, желѣзныя дороги, мало обращавшія вниманія на требованія мелкихъ отправителей, принуждены были совершенно переимѣнить тонъ съ замѣнившими ихъ могучими организаціями—не только фрахты были значительно понижены, но и введены были спеціальныя фруктовые поѣзда, по скорости мало чѣмъ отличающіеся отъ обыкновенныхъ пассажирскихъ и идущіе по опредѣленнымъ росписаніямъ, такъ что время доставки можетъ быть впередъ точно рассчитано; наконецъ, заведены были особые фруктовые вагоны, автоматически охлаждаемые лѣтомъ и нагрѣваемые зимой, вагоны, въ которыхъ порча фруктовъ задерживается всѣми извѣстными наукой и опыту способами. Нѣсколько лѣтъ толковой общей работы совершенно измѣнили весь видъ дѣла; а расходъ на каждый ящикъ фруктовъ уменьшается съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ увеличивается количество отправляемаго товара и вы-

работываются болѣе дешевые, болѣе соответственные потребностямъ методы.

Въ нашемъ населеніи съ успѣхомъ работаютъ апельсиновая, лимонная, картофельная и т. д. ассоціаціи. Члены всѣхъ ихъ собираются въ извѣстные сроки, въ теченіе сезона разъ въ недѣлю, а то и чаще, выбираютъ своихъ чиновъ и обсуждаютъ всѣ детали. Само собой разумѣется, что эти ассоціаціи, и помимо исполненія своихъ прямыхъ задачъ, много способствуютъ общенію населенія и обмѣну мыслей. Благодаря имъ, производители тѣсно спланиваются между собой, и онѣ неизбѣжно вліяютъ болѣе или менѣе на всю общественную жизнь поселенія, благосостояніе котораго зависитъ отъ нихъ въ такой значительной степени.

Въ политическомъ отношеніи наше поселеніе даетъ значительное республиканское большинство, хотя, конечно, имѣются и демократическая, и популистская, и даже проибиціонистская организація. Мѣстные чины—мировой судья и констебль—не играютъ абсолютно никакой роли и только чрезвычайно рѣдко имѣютъ случай проявить свой авторитетъ какимъ-либо образомъ. Первый исправляетъ въ то же время должность нотариуса и содержитъ для этого особую контору въ центрѣ поселенія. Въ прошломъ году у насъ не было никакихъ выборовъ, и потому я еще не имѣлъ случая наблюдать политическую кампанію въ деревнѣ.

Церковныя организаціи чрезвычайно способствуютъ общественной жизни здѣсь, въ деревнѣ,—я думаю, даже нѣсколько больше, чѣмъ въ городѣ, особенно въ средѣ женскаго населенія. Кромѣ воскресныхъ школъ, организованныхъ всѣми сектами, всѣми denominations, какъ онѣ здѣсь называются, имѣются разные благотворительныя, преимущественно дамскіе, комитеты и учрежденія, какъ мѣстные, такъ и представляющіе развѣтвленія различныхъ національныхъ и штатныхъ организацій. Всѣ они собираются по извѣстнымъ днямъ, имѣютъ своихъ выборныхъ чиновъ, и дѣятельность эта болѣе или менѣе оживляетъ однообразіе деревенской жизни и способствуетъ поддержанію обще-человѣческихъ интересовъ. Въ своихъ ежедневныхъ сношеніяхъ жители нашего поселенія строго придерживаются всѣхъ тѣхъ обычныхъ американскихъ условностей, которыя практикуются и въ городской жизни. Тѣ же дамскіе визиты, тѣ же визитныя карточки, тѣ же модные костюмы, перчатки и прочее. У каждаго фермера есть „визитный“ экипажъ, бѣгги или фэтонъ, и его жена и дочери обыкновенно умѣютъ пользоваться имъ съ большимъ успѣхомъ. Въ каждомъ домѣ есть гостиная, „parlor“, съ коврами, мягкой мебелью, гардинами и т. д.; въ громадномъ большинствѣ случаевъ

имѣется роля или органъ, получается нѣсколько газетъ и журналовъ и замѣчается хотя бы и односторонняя, но все-таки умственная жизнь. Никакъ нельзя угадать, о чемъ съ вами заведетъ рѣчь нашъ фермеръ или его жена—имъ, по всей вѣроятности, извѣстенъ и Толстой, и Тургеневъ, они слышали и объ еврейскомъ вопросѣ въ Россіи, и о молодомъ Царѣ, и о смерти Гёксли и Гельмгольца, и о фортскомъ мостѣ и о новомъ премьерѣ колоній миса Доброй Надежды. Есть даже спеціальныя литературныя кружки, собирающіеся поочередно въ домахъ членовъ по извѣстнымъ днямъ и разсуждающіе о послѣднихъ новинкахъ беллетристической прессы. До сихъ поръ, если не считать болѣе или менѣе небрежнаго костюма мужчинъ, мнѣ не удалось подмѣтить никакихъ признаковъ заскорузлости и отсталости—деревенскій житель совсѣмъ не отстаетъ отъ городского, и если и отличается отъ него, то только наружными признаками; онъ, можетъ быть, не такъ развязенъ, не такъ самонадѣянъ, но живетъ тою же жизнью и занятъ тѣми же интересами, разъ дѣло касается общественныхъ или государственныхъ дѣлъ. Въ значительной степени сохранилось у насъ традиціонное гостепримство и безкорыстная, добродушная взаимопомощь, которыми всегда отличается американскій дальній Западъ. Въ случаѣ болѣзни всѣ сосѣди помогаютъ поочередно ходить за больнымъ, днемъ и ночью; въ случаѣ смерти они же снимаютъ съ семьи умершаго всѣ тѣ хлопоты и тяжелыя детали, съ которыми обыкновенно сопряжена смерть въ домѣ. Все это дѣлается само собой, добродушно и естественно—никто не чувствуетъ неловкости, обязательства—всякій чувствуетъ, что это услуги взаимныя, не требующія какихъ-либо объясненій или благодарностей. Недавно я былъ глубоко тронутъ, когда мои наемныя рабочіе, молодые ребята, проработавъ цѣлый день, отправлялись каждую ночь поочередно помогать больному сосѣду, безъ зова, безъ спросу, безъ всякихъ ненужныхъ разсужденій: его жена выбилась изъ силъ, и ихъ помощь была необходима—этимъ все было сказано.

III.

Мое мнѣніе.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, вся долина Санъ-Бернардино принадлежала нѣсколькимъ стариннымъ испанско-мексиканскимъ фамиліямъ, и вся та территория, которая составляетъ въ настоящій моментъ наше поселеніе, принадлежала къ одному ганчо,

какъ назывались въ то время эти обширныя имѣнія, никѣмъ никогда не размежеванныя и основывавшія свои права на владѣніе на дарственныхъ записяхъ старинныхъ испанскихъ губернаторовъ всего тихо-океанскаго побережья. Замѣчу кстати, что слово „ферма“ — *farm* — не употребляется совсѣмъ въ Америкѣ на западъ отъ Скалистыхъ горъ, оно вездѣ замѣнено словомъ „ранчъ“ — *ranch*, происходящимъ отъ испанскаго *ranch*o, оставшимся въ наслѣдство и усвоеннымъ нынѣшнимъ населеніемъ отъ первоначальныхъ хозяевъ страны, испано-мексиканцевъ. Права на поземельную собственность, благодаря вышеупомянутымъ дарственнымъ записямъ, были обыкновенно крайне неопредѣленны и сбивчивы, — современными американскими судами были выяснены многіе случаи, когда на одну и ту же территорію были выданы такія записи тремъ и даже пяти отдѣльнымъ лицамъ, иногда однимъ и тѣмъ же губернаторомъ. Не было ни порядка, ни вѣрности дѣлъ учреждений, гдѣ бы подобные документы могли быть зарегистрированы. Девять-десятихъ поземельнаго имущества въ территоріяхъ Аризона и Нью-Мексико, гдѣ испано-мексиканское владычество продолжалось гораздо дольше, чѣмъ въ Калифорніи и гдѣ до захвата ихъ Соединенными Штатами успѣло образоваться относительно значительное народонаселеніе, и до сихъ поръ находится въ тяжбахъ, и федеральный конгрессъ не разъ уже находился вынужденнымъ назначать особыя спеціальныя коммиссіи, чтобы хоть сколько-нибудь распутать эту, какъ теперь оказывается на дѣлѣ, почти безнадежную путаницу, больше всего другого задерживающую развитіе и заселеніе новыми элементами этихъ обширныхъ территорій.

Владѣніе поземельнымъ имуществомъ въ первоначальномъ союзѣ, включая почти весь Югъ ¹⁾ и весь Сѣверо-Западъ, въ общемъ чрезвычайно солидно и прочно, и переходы его изъ рукъ въ руки упорядочены до мельчайшихъ деталей; во всѣхъ моихъ поземельныхъ сдѣлкахъ на Востокѣ я никогда не встрѣчалъ никакихъ затрудненій, и только здѣсь, въ Калифорніи, благодаря сравнительно недавнему иновемному владычеству, мнѣ пришлось въ первый разъ столкнуться съ запутанными документами на владѣніе. Впрочемъ и здѣсь, за послѣднее время, удивительная, всему въ Америкѣ присущая частная предприимчивость уже успѣла въ значительной степени исправить оставленные ей въ наслѣд-

¹⁾ Когда говорятъ о законодательствѣ и обычаяхъ Юга, всегда необходимо исключать штаты Луизиану и нѣкоторыя смежныя съ нею части штата Миссисипи, жизнь которыхъ сложилась подъ французскимъ владычествомъ и до сихъ поръ въ значительной степени удержала европейскіе традиціи и порядки.

ство и незнакомые всему остальному Союзу недостатки. Въ каждомъ графствѣ организовались нѣсколько акціонерныхъ компаній съ большими запасными капиталами,—Title Assurance Companies—обеспечивающими ихъ кліентамъ выдаваемые ими гарантіи при покупкѣ поземельнаго имущества, гарантіи въ безспорномъ владѣніи покупаемымъ. Компаніи эти состоятъ изъ адвокатовъ-дѣльцовъ, разыскивающихъ первоначальныхъ владѣльцевъ земли, ея переходимость и раздробленіе, и ведущихъ правильныя книги всему поземельному имуществу въ предѣлахъ графства или извѣстныхъ его частей. Онѣ знаютъ, какое имущество безспорно, какое спорно, насколько великъ рискъ, въ чемъ именно онъ заключается, и т. д., и за извѣстную, по соглашенію, сумму гарантируютъ безспорность и принимаютъ на себя весь рискъ и всѣ издержки возможныхъ процессовъ. Само собой разумѣется, что если частное лицо желаетъ возстановить безспорность своего владѣнія, оно можетъ и само по себѣ обратиться въ судъ и добиваться своихъ правъ—но то специальное знаніе дѣйствительной исторіи всякаго поземельнаго участка и тѣ преимущества, которыя даются опытомъ и систематичнымъ веденіемъ дѣла, обыкновенно такъ значительны, что Title Assurance Co всегда въ состояніи добиться болѣе дешевыхъ и быстрыхъ результатовъ, чѣмъ частное лицо, и потому публича всегда обращается къ ихъ посредству, и, благодаря имъ, упорядоченіе документовъ на владѣніе въ южной Калифорніи очень быстро подвигается впередъ, и недалеко то время, когда частная предприимчивость окончательно исправитъ полученное отъ Испаніи неприятое, разорительное для всего края наслѣдство.

Rancho Cucamongo, заключавшее въ себѣ въ то время нѣсколько тысячъ старинныхъ испанскихъ лигъ танувшееся на многія мили въ длину и ширину, безъ всякихъ опредѣленныхъ границъ, и принадлежавшее выродившейся, пришедшей въ совершенный упадокъ старинной испанско-мексиканской фамиліи, было распродано ею по частямъ, какъ только являлся охотникъ, и ловкіе американцы-спекуляторы, явившіеся покупателями, чтобы получить безспорные документы на владѣніе посредствомъ фидеицныхъ исковъ по несуществовавшимъ долговымъ обязательствамъ добивались судебныхъ аукціоновъ, считающихся повсемѣстно въ Америкѣ самыми безспорными правами на владѣніе. Но еще прежде, чѣмъ такимъ образомъ распалось первоначальное rancho,—продѣлано это было акціонерными компаніями во время южно-калифорнскаго boom'a 1884—1886 годовъ: изъ штата Кентуки добрался черезъ пустыню одинъ изъ тѣхъ піонеровъ, которымъ западъ Аме-

ржи обязанъ своимъ первоначальнымъ заселеніемъ, остановился у подножія хребта Сіерра-Мадре и, частію по соглашенію, частію насильственно, отхватилъ у безсловесныхъ дѣйствительныхъ хозяевъ наиболѣе плодородную полосу, съ нѣсколькими ущельями и горными источниками, всего нѣсколько тысячъ акровъ, и поселился на своемъ, такимъ оригинальнымъ образомъ благопріобрѣтенномъ мѣстѣ. Земля въ то время не стоила ничего, и на такой захватъ никто не обращалъ никакого вниманія. Когда, лѣтъ десять спустя, появились спекуляторы, купившіе, между прочими, и захваченныя имъ части гапчо у ея легальныхъ владѣльцевъ, и началось между ними и имъ судбище, онъ пригласилъ въ компанію нѣсколькихъ вліятельныхъ, свѣдущихъ людей и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ непрестаннаго, упорнаго сутяжничества, успѣлъ-таки получить безспорные, уже легальные документы на владѣніе, уступивъ впрочемъ большую половину первоначально захваченной имъ территоріи своимъ новымъ партнерамъ за оказанную ими въ борьбѣ помощь. Когда было основано наше поселеніе, только эти участки и не принадлежали акціонернымъ компаніямъ, находились въ частномъ безспорномъ владѣніи и были заселены прежде всей остальной территоріи гапчо Сисатонго вышеупомянутымъ старикомъ-піонеромъ и его многочисленными, уже взрослыми, дѣтьми. Они и не помышляли о правильной культурѣ своей земли, занимались охотой и примитивнымъ скотоводствомъ и земледѣіемъ, основаннымъ на зимнихъ дождяхъ, и до сегодняшняго дня большая часть ихъ участковъ находится въ сравнительно дѣйствительномъ состояніи и вообще гораздо малоцѣннѣе позднѣйшихъ правильныхъ плантацій, хотя ихъ естественное положеніе несомнѣнно выгоднѣе и лучше всего остального поселенія. Когда организовано было графство и появились налоги, старикъ нашелъ, что невыгодно владѣть такимъ большимъ количествомъ необработанной земли; онъ началъ искать покупателей на ненужныя ему части, продалъ нѣсколько участковъ мелкимъ фермерамъ съ Востока, а лѣтъ семь тому назадъ столкнулся съ богатымъ англичаниномъ, успѣвшимъ скопить долголѣтними трудами на адвокатскомъ поприщѣ значительный капиталъ на родинѣ и стремившимся отдохнуть на лонѣ природы, „подъ сѣнью собственныхъ виноградниковъ“, подъ благословеннымъ небомъ южной Калифорніи. Англичанинъ; прельстился сравнительной уединенностью мѣстности, отрѣзанностью отъ міра сего, снѣжными вершинами, прозрачнымъ воздухомъ, богатой почвой, прелестными горными ущельями и чистыми горными источниками—словомъ, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ прошлой весной прельстился и вашъ покорный слуга, и купилъ

у старика около трехъ сотъ акровъ со всѣми этими прелестями, и немедленно занялся обращеніемъ ихъ изъ дѣвственнаго состоянія въ большое образцовое имѣніе. Какъ и громадное большинство всѣхъ англичанъ въ Америкѣ, онъ презиралъ своихъ сосѣдей-американцевъ, считалъ ихъ поголовно мошенниками и думалъ, что онъ—единственный честный человѣкъ во всемъ округѣ; кромѣ того, опять-таки какъ и всѣ его соотечественники-эмигранты, онъ обладалъ изумительными самонадѣянностью и самоувѣненіемъ, воображая, что знаетъ все и всѣхъ лучше кого бы то ни было, и что никто не въ состояніи сказать ему что-либо новое даже относительно южно-калифорнскаго земледѣлія. Въ теченіе переговоровъ о покупкѣ, тянувшихся очень долго, мнѣ пришлось довольно близко съ нимъ познакомиться—и даже я, хорошо знакомый со всѣми особенностями истаго британца на американской почвѣ, нерѣдко удивлялся до крайности типичности этого старика-адвоката, его безконечному презрѣнію ко всему окружающему, не-англійскому, и тому болѣзненному раздраженію, которое онъ неизмѣнно проявлялъ, разъ дѣло касалось американскихъ порядковъ и обычаевъ. Онъ прожилъ въ имѣніи семь лѣтъ, убилъ на него уйму денегъ, наложилъ на все неизгладимую печать англійской солидности, но мало-по-малу дошелъ до такой степени хроническаго нервнаго раздраженія, что вынужденъ былъ бросить все и опять переселиться въ городъ. Имѣніе, чрезвычайно цѣнное и само по себѣ, благодаря естественнымъ условіямъ, и доведенное его затратами и британскимъ упрямствомъ до высокой степени культуры, пошло, сравнительно, за безцѣнокъ, что, впрочемъ, составляетъ неизбѣжную судьбу девяти-десятихъ всѣхъ англійскихъ предпріятій на американской почвѣ. Разъ англичанинъ приходитъ въ тому убѣжденію, что ему всего приличнѣе удалиться, онъ бросаетъ все зря и нерѣдко уходитъ домой съ одной сумою.

Я остановился на всѣхъ этихъ подробностяхъ не потому, что считаю ихъ особенно интересными въ данномъ случаѣ, а потому что онѣ, въ общемъ, тождественны для всѣхъ вновь заселяемыхъ мѣстностей и отлично характеризуютъ тотъ существенный фактъ, что поземельная собственность почти всегда нѣскольکو разъ переходитъ изъ рукъ въ руки до тѣхъ поръ, пока наконецъ не пріобрѣтеть постоянныхъ хозяевъ, которые въ будущемъ и составятъ дѣйствительное осѣдлое ядро населенія мѣстности. Первоначальный типъ піонеровъ, въ родѣ перваго владѣльца моего настоящаго имѣнія, конечно перерождается съ теченіемъ времени и измѣненіемъ общихъ условій; тѣмъ не менѣе онъ еще играетъ

большую роль на дальнемъ Западѣ, встрѣчается повсемѣстно на Тихоокеанскомъ побережьѣ, и не мало въ нашемъ графствѣ такихъ людей, которые покидаютъ мѣстность, ими отвоеванную отъ природы и дикихъ звѣрей, какъ только въ сосѣдствѣ появляется желѣзная дорога, а съ нею и болѣе культурные типы населенія. И мой сосѣдъ-піонеръ, съ тѣхъ поръ, какъ наше поселеніе разрослось и заселилось, и не стало необходимаго его вольному духу „простора“, только и думаетъ о томъ, какъ бы продать остатки своихъ владѣній и переселиться въ первобытную глушь, хотя таковой и остается въ настоящее время только очень немного на всемъ сѣверо-американскомъ континентѣ, если не считать сѣверныхъ частей Канады и Аляски.

Конечно, триста акровъ, или около ста десятинъ, по русскимъ помѣщичьимъ понятіямъ, очень мелкое имѣніе, въ которомъ на святой Руси „не у чего“ было бы жить, но здѣсь, въ южной Калифорніи, воздѣлываемое пространство отличается очень мелкимъ землевладѣніемъ, какъ я уже не разъ имѣлъ случай замѣчать выше, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ частныя лица владѣютъ такимъ пространствомъ. Впрочемъ, и въ моемъ настоящемъ имѣніи только около $\frac{3}{7}$ или ни въ какомъ случаѣ не больше половины земли способны къ обработкѣ — остальная часть заключается въ горныхъ склонахъ и ущельяхъ и необходима только какъ источникъ воды. Задерживаемая и собираемая горнымъ хребтомъ, вода зимнихъ снѣговъ и дождей пробивается наружу во многихъ мѣстахъ незначительными ключами и требуетъ серьезной разработки и большихъ расходовъ, чтобы получить достаточное для ея утилизациі количество. Мой англичанинъ пробилъ въ одномъ изъ ущелій три туннеля, въ нѣсколько сотъ футовъ длины каждый, добрался посредствомъ нихъ до значительныхъ водяныхъ постоянныхъ жилъ и, соединивъ такимъ образомъ полученные источники подземными трубами, собралъ всю эту воду въ одинъ громадный круглый резервуаръ, построенный изъ камня и цемента, въ 110 футовъ въ діаметръ и 10 ф. въ глубину, вмѣстимостью около милліона галлоновъ и расположенный выше всей воздѣлываемой въ имѣніи земли; затѣмъ, частью посредствомъ открытыхъ возвышенныхъ цементныхъ канавъ, частью посредствомъ желѣзныхъ трубъ, провелъ воду по всему имѣнію, такъ что каждый его клочокъ можетъ быть орошенъ отдѣльно, по желанію, безъ всякихъ хлопотъ — стоитъ только или открыть жестяныя воротца въ цементной канавѣ, или кранъ въ трубѣ. Одна эта водяная система, устроенная чрезвычайно солидно и цѣлесообразно, стоила ему свыше десяти тысячъ долларовъ и, принадлежа безраздѣльно

имѣнію, дѣлаетъ его совершенно независимымъ отъ какихъ бы то ни было водныхъ компаній и всѣхъ неизбежно связанныхъ съ ними расходовъ, стѣсненій и неудобствъ.

Въ имѣніи обрабатывается всего около ста акровъ—около пятидесяти подъ фруктами и виноградомъ, и около пятидесяти подъ картофелемъ, кукурузой и сѣномъ. Изъ фруктовъ больше всего апельсиновъ, около сорока акровъ, т.-е. около четырехъ тысячъ деревьевъ, породы Washington pavel, особой разновидности, растущей, кажется, исключительно въ южной Калифорніи, очень сладкой и совсѣмъ безъ сѣмянъ. Затѣмъ слѣдуютъ лимоны, персики, сливы, груши, винныя ягоды, яблоки, вишни, абрикосы и много другихъ видовъ, свойственныхъ, насколько мнѣ известно, одной Америкѣ, такъ какъ въ Европѣ я никогда объ нихъ не слыжалъ. Нѣтъ такого времени года, нѣтъ такого дня круглый годъ, чтобъ у насъ не было какихъ-нибудь свѣжихъ фруктовъ или ягодъ—малина и клубника вызрѣваютъ круглый годъ—всѣ они поспѣваютъ въ разное время; апельсины вызрѣваютъ въ декабрь, но ихъ можно оставлять на деревьяхъ до слѣдующей осени; лимоны же вызрѣваютъ круглый годъ. Картофель даетъ два и даже три урожая въ годъ на томъ же мѣстѣ. Кукуруза, подсолнечники, тыквы садятся на кормъ скоту и домашней птицѣ. На сѣно сѣютъ ячмень и пшеницу; косить ихъ въ апрѣль, когда они только-что начинаютъ желтѣть, и кормятъ съ зерномъ. У меня есть около 1³/₄ акровъ альфальфы—не знаю русскаго названія, если такое существуетъ,—дающей 8 и 9 укусовъ въ годъ, около 4—5 тоннъ на укосъ, такъ что десятина засѣянной этой драгоценной травкою земли даетъ свыше 3.000 пудовъ превосходнаго сѣна въ годъ. Лѣтомъ ее косить каждые 25—30 дней, при чемъ каждый разъ требуется обильное орошеніе; зимой—каждые 35—40 дней, безъ орошенія. Разъ посѣянная, альфальфа растетъ многіе годы безъ всякаго ухода, и изумительная производительность южно-калифорниской почвы всего лучше иллюстрируется именно укусами этой травы.

Со всѣмъ этимъ, сравнительно, довольно сложнымъ хозяйствомъ съ успѣхомъ можетъ управиться одинъ рабочій на парѣ лошадей; только весной, на какой-нибудь мѣсяцъ, на время сѣнокоса, нужно прихватить другого рабочаго. Я держу постоянно двонжъ, потому что намѣренъ воздѣлывать всю годную въ имѣніи землю и въ свободное отъ ухода уже за имѣющимъ время употребляю ихъ на подготовку невоздѣланной еще земли, но англичанинъ никогда не держалъ больше одного человѣка. Возможно это, благодаря машинамъ и приспособленіямъ: вся рѣшительно работа производится маши-

нами, чрезвычайно остроумными и приспособленными до самых последних мелочей. Быстрота, аккуратность и цѣлесообразность каждой работы и до сихъ поръ нерѣдко изумляютъ даже меня, прожившаго въ Америкѣ цѣлыхъ 14 лѣтъ и уже успѣвшаго насмотрѣться на ея техническія чудеса—я все еще не могу забыть мое усадебное хозяйство въ Россіи, такъ часто, бывало, приводившее меня въ совершенное отчаяніе. Даже здѣшній топоръ и здѣшняя лопата, эти самыя примитивныя земледѣльческія орудія, такъ далеко ушли отъ русскихъ, настолько, очевидно, болѣе цѣлесообразны, при томъ же физическомъ усиліи достигаютъ настолько лучшихъ результатовъ, что я, право, нерѣдко искренне недоумѣваю, почему хоть они-то не переняты до сихъ поръ? Не потому ли, что, задаваясь отвлеченными, туманными идеалами, русская „опрашивающаяся“ интеллигенція стремится всегда за журавлемъ въ небѣ и упускаетъ синицу изъ рукъ?

Рабочіе получаютъ круглый годъ, на полномъ содержаніи, двадцать пять долларовъ въ мѣсяць жалованья. Мои парни оба кончили курсъ въ Grammar Schools, одинъ даже проучился годъ въ High School, и мой старшій сынъ, когда въ первый разъ встрѣтился съ ними, былъ очень наивно удивленъ тѣмъ, что они, убирая сѣно, не только серьезнѣйшимъ образомъ обсуждали между собою какую-то алгебраическую тонкость, но и съ успѣхомъ поставили его въ тупикъ.

Мой англичанинъ оставилъ мнѣ въ наслѣдство превосходныя, дорогія постройки. Домъ изъ дикаго камня, сложеннаго на портлендскомъ цементѣ, трехъ-этажный, большой, чрезвычайно удобный. Вода, теплая и холодная, проведена всюду—въ каждомъ этажѣ ватеръ-клозеты, мраморныя умывальники, ванны и прочія удобства; газовая машина освѣщаетъ каждый закоулокъ и отопляетъ кухню и весь домъ. Американская находчивость и техническая ловкость всюду соединены съ британскою солидностью. Мнѣ самому пришлось сдѣлать только одно существенное улучшение—выломать тяжелыя, дюймовыя желѣзныя рѣшетки изъ оконъ перваго этажа. Чудаку ужасно боялся воровъ и разбойниковъ, и выстроилъ себѣ нѣчто въ родѣ тюрьмы или цитадели, хотя на прощанье и долженъ былъ сознаться, что въ теченіе семи лѣтъ жизни здѣсь у него никогда ничего не пропало. Въ этомъ отношеніи американская деревня просто идеальна. Люди уѣзжаютъ на недѣлю, на двѣ, оставляя и домъ и все хозяйство, такъ сказать, настежъ—нѣтъ ни замковъ, ни запоровъ, а со времени основанія поселенія никто не запомнить ни одной кражи, ни одного преступленія въ этомъ родѣ.

Въ смыслѣ жизненныхъ удобствъ наша деревня очень мало чѣмъ отличается отъ города. И мясникъ, и зеленщикъ, и бакалейщикъ, также точно привозятъ за заказами и доставляютъ свой товаръ прямо на кухню. Можно имѣть каждый день и ледъ, и свѣжій хлѣбъ, и морскую свѣжую рыбу. На все это имѣется потребность и спросъ въ каждомъ фермерскомъ домѣ, какъ бы бѣдны ни были его владѣльцы. Американскій народъ вообще ѣсть очень хорошо, по-человѣчески, а въ деревнѣ столъ бѣдняка значительно меньше отличается отъ стола богатаго челоуѣка, чѣмъ въ городѣ. Наемные рабочіе всегда ѣдятъ то же, что и хозяева, хотя, можетъ быть, и не за однимъ столомъ.

Школа и почта подъ бокомъ—можно и получать, и отправлять корреспонденцію два раза въ день. Въ центральномъ магазинѣ поселенія, миляхъ въ двухъ съ половиною отъ моего дома, имѣется общественный телефонъ, посредствомъ котораго можно, за незначительную плату, разговаривать и съ Лосъ-Анжелесомъ, и со всей южной Калифорніей, и съ Санъ-Франциско. На желѣзнодорожной станціи есть и телеграфная станція, открытая цѣлыя сутки. Ежедневно утреннія газеты Лосъ-Анжелеса получаютъ въ 9 часовъ утра, а Санъ-Франциско—на другой день утромъ. Съѣздить въ главный городъ графства и назадъ стоитъ долларъ; въ Лосъ-Анжелесъ и назадъ—два. Поѣздовъ такъ много, что можно въ одинъ день побывать въ обоихъ городахъ, обдѣлать свои дѣла и поспѣть домой къ ужину.

П. А. Тверской.

Cucamonga,
San-Bernardino County
California.

СИЛА ВОЛИ

Романъ Фр. Маутнера.

I *).

День былъ мартовскій, но уже жаркій, какъ лѣтомъ. Ни почекъ, ни листьевъ не было еще на деревьяхъ, окаймлявшихъ улицу; кусты въ палисадникахъ также еще стояли обнаженные. Между рельсами вонножельзнаго пути прыгали и суетились воробьи. Люди сновали по улицѣ въ новыхъ, свѣтлыхъ нарядахъ.

*) *Фрицъ Маутнеръ* принадлежитъ къ числу писателей *новой германской школы*. Онъ родился въ Богеміи, въ 1849 г., гдѣ и жилъ до самаго переселенія своего въ Берлинъ. Отецъ Маутнера былъ богатый торговецъ въ г. Прагѣ, гдѣ Фрицъ Маутнеръ прошелъ курсъ гимназій и университета, готовясь, согласно желанію своего отца, къ юридической карьерѣ. Но первыя же его литературныя попытки выяснили ему его призваніе, и онъ принялъ предложеніе пражскихъ газетъ снабжать ихъ фельетонами, которныя весьма скоро стали извѣстны своимъ смѣлымъ и живымъ содержаніемъ. Такая смѣлость молодого журналиста еще въ 1871 г. чуть не навлекла на него непріятности по поводу перваго его произведенія, появившагося тогда подъ названіемъ: „Sonettencyclus“.

Съ 1876 г. онъ перѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ сдѣлался сотрудникомъ „Berliner Tageblatt“ и „Schöner's Familienblatt“, а два года спустя Фрицъ Маутнеръ выступилъ въ свѣтъ съ пародіями на извѣстныхъ писателей, Эберса, Ауэрбаха, Захера-Мазоха, Францова, Фрейтага и др. Остроумное содержаніе сдѣлало общезвѣстной его небольшую книжку: „Nach berühmten Mustern“ (1878),—вслѣдъ за которой, въ слѣдующемъ же 1879 г., вышли его сборники: критическій—„Kleiner Krieg“ и очерки: „Einsame Fahrten“, романъ „Vom armen Franischko“. Изъ *драматическихъ* произведеній Маутнера извѣстны: „Anna“ 1874 г., драма, и комедія: „Kein Gut, kein Mut“ (1876 г.). Къ числу вѣроятно типичныхъ его романовъ принадлежатъ: „Der neue Ahasver“, „Aturenbriefe“, „Dilettanten-Spiegel“, а изъ позднѣйшихъ: „Glück im Spiel“ (1892 г.) и, наконецъ, „Kraft“—„Сила воли“.

На главной улицѣ Шарлоттенбурга, въ нѣсколькихъ минутахъ отъ замка, была расположена вила майора фонъ-Оссендорфа, на котораго лѣтъ пять тому назадъ обрушилось страшное несчастье. На опытахъ съ новымъ пороховымъ составомъ, разорвало гранату, при чемъ одинъ унтеръ-офицеръ и два нижнихъ чина были убиты на мѣстѣ. О нихъ до сихъ поръ еще говорилъ майоръ съ завистью, а ежегодно, въ день взрыва, никогда не забывалъ дарить семьи убитыхъ, чтобы имъ хоть одинъ день въ году выдался отрадный.

Самъ майоръ остался живъ, но былъ искалѣченъ на-вѣки; по его приблизительному расчету, у него уцѣлѣло добрыхъ три-четверти всего его тѣла. И въ самомъ дѣлѣ, не хватало у него только лѣвой ноги и части правой, всей лѣвой руки и нѣсколькихъ незначительныхъ частицъ головы. Но душа его уцѣлѣла ли также на три-четверти? Нѣтъ, врядъ ли и на половину.

Сегодня фонъ-Оссендорфъ былъ сердитъ на то, что хорошая лѣтняя погода пришла спозаранку. Обыкновенно, лѣтомъ ему доставляло удовольствіе сидѣть въ палисадникѣ (говоря вѣрнѣе, полу-лежать, какъ беспомощное дитя, въ большомъ креслѣ на колесахъ). Укутанный по горло въ свое черное бархатное покрывало, онъ зналъ, что кусты мѣшакотъ ему видѣтъ прохожихъ, а прохожимъ—видѣтъ его. Теперь, въ мартѣ мѣсяцѣ—дѣло другое: теперь нельзя такъ удобно и спокойно читать или писать на столикѣ, который онъ самъ для себя придумалъ: теперь онъ еще не защищенъ листвою отъ несвѣдомыхъ взоровъ.

Сегодня ему было стыдно за себя передъ этими людьми, расфранченными по-праздничному: всѣ они бѣгали, ходили, смѣялись... О, какъ бы дорого онъ далъ, чтобы ходить и бѣгать, какъ дѣти, какъ всѣ люди!

Но и его сманило на воздухъ горячее солнце; ему захотѣлось поглядѣть на толпу, идущую изъ церкви, на переполненные народомъ вагоны, дрожки и собственные экипажи. А ему... ему эта проклятая, единственная рука отказываетъ даже въ удовольствіи править самому!

Толстая латинская книга, которую онъ придерживалъ правою рукою, соскользнула на одѣяло. Фонъ-Оссендорфъ закинулъ голову назадъ и полу-закрываетъ глаза. Тому, кто могъ его замѣтить сквозь обнаженные вѣтви кустарника, онъ показался бы, пожалуй, даже красивымъ мужчиной лѣтъ подъ-сорокъ. Его густые, темнорусые волосы были только на вискахъ чуть-чуть подернуты сѣдиною и тщательно причесаны. Умные глаза свѣтились доброю, а подъ густыми усами обрисовывался товка очерченный, но

не слишкомъ маленький ротъ, въ которомъ при малѣйшей улыбкѣ сверкали бѣлоснѣжныя зубы. Прекрасно выбритая правая щека отличалась смуглою блѣдностью. Ого всей его изящной головы вѣяло нѣжнымъ запахомъ фіалокъ—любимыми духами его жены. Съ правой стороны,— со стороны крыльца, которое вело изъ палисадника въ домъ,—не было замѣтно, что отъ лѣваго виска майора внизъ, до самой шеи, шелъ ужасный рубецъ съ темными краями.

За нѣсколько минутъ до десяти часовъ утра, на крыльцо вышла майорша фонъ-Оссендорфъ. Красивая, стройная блондинка, съ такими застѣнчивыми движеніями и общимъ видомъ, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка, которая только-что начинаетъ выѣзжать. Ей, вѣрно, не было еще и тридцати лѣтъ. Платье на ней было простенькое, коричневое, съ черной кружевной нарядкой. На мягкихъ бѣлокурыхъ волосахъ—черная кружевная шляпка.

Застегивая непослушную пуговку на перчаткѣ, она крикнула челоѣву, уходя:

— Скажите мужу, что въ завтраку я буду дома!

Дверь за нею захлопнулась.

— Ты, вѣрно, въ церковь?—спросилъ Оссендорфъ, и въ его глубокомъ голосѣ было столько доброты, что насмѣшливый отгнѣнокъ вопроса прошелъ незамѣченнымъ.

Жена вздрогнула. Смущенная улыбка на губахъ ея еще не прошла, но на лицо легло выраженіе женственной и строгой сдержанности. Это было дѣломъ одного мгновенія. Затѣмъ она спокойно и ласково прошла въ палисадникъ и сказала:

— А ты ужъ на воздухѣ, Вольфгангъ? Я и не знала! Я думала, что ты у себя, въ лабораторіи...

Оссендорфъ закрылъ глаза и еще разъ повторилъ съ добродушной усмѣшкой.

— Ты, вѣрно, въ церковь?

— Ты знаешь, я иду гулять, какъ обыкновенно.

Оссендорфъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на жену и проговорилъ:

— Да, да: иди... только подальше... дальше отсюда. И если ты гдѣ-нибудь раздобудешь душистаго запаха древесной смолы, привнеси мнѣ его хоть немножечко въ своей милой ручкѣ... но ничего другого... Анна-Марія! Не правда ли: ровно ничего!

Маріанна фонъ-Оссендорфъ, которую мужъ любилъ называть полнымъ именемъ, наклонила голову, словно желая поцѣловать мужа въ лобъ, но у нея хватило духу только разъ слегка провести рукой по его волосамъ и по черному покрывалу.

— Ну, до свиданія, Вольфгангъ.

— А я-то такъ радовался! Ты должна была сегодня сидѣть рядомъ со мной... съ лѣвой стороны. Не кажется ли тебѣ, что такъ бы и слѣдовало для приличія, на глазахъ у людей? Не мѣшало бы полицейскимъ указомъ предоставить тебѣ показываться въ публикѣ рядомъ со мною... Но приказывать я не желаю.

Жена вздохнула глубже обыкновеннаго и отвѣчала:

— Черезъ полчаса я буду дома.

И въ то время, какъ въ глазахъ Оссендорфа незамѣтно загорѣлась радость, она мѣрнымъ шагомъ пошла по направленію къ замку. Долго провожалъ ее мужъ глазами и долго еще могъ различать ея голову среди головъ толпы.

Между тѣмъ Анна-Марія спокойно шла себѣ впередъ, черезъ лугъ, который отдѣлялъ ее отъ замка, и вошла въ садъ. Еще нѣсколько шаговъ—и къ ней съ вѣжливымъ поклономъ подошелъ господинъ, судя по выраженію лица—хорошій знакомый. Онъ былъ высокаго роста, и тоже немного старше тридцати лѣтъ. Лицо его обрамляла шелковистая темнорусая борода. Его, пожалуй, можно было принять за художника или нѣчто подобное, благодаря его большой черной войлочной шляпѣ и открытому, словно побѣдоносному взгляду, а также и благодаря его приличному, но несовсѣмъ модному наряду. Но въ общемъ онъ держался прямо, по-военному, только голова его, на полноватой шеѣ, наклонилась нѣсколько впередъ.

То былъ адвокатъ, докторъ правъ Робертъ ванъ-Теніусъ, который явился сюда для переговоровъ съ Маріанной фонъ-Оссендорфъ.

Они протянули и пожали другъ другу руки и одновременно проговорили:

— Благодарю тебя!—и одновременно разсмѣялись этому совпаденію. Маріанна взяла ванъ-Теніуса подъ-руку, и нѣсколько минутъ они шли молча, въ глубь аллеи, на которой почти никого не было. Они уже знали по опыту, что здѣсь они не встрѣтятъ знакомыхъ, и были въ этомъ совершенно увѣрены, тѣмъ болѣе, что адвокатъ жилъ далеко отсюда, близъ центральнаго вокзала желѣзныхъ дорогъ, а майорша фонъ-Оссендорфъ почти ни съ кѣмъ не вела знакомства.

Полные тихаго счастья, они прошли еще нѣсколько шаговъ. Вдругъ ванъ-Теніусъ вполголоса запѣлъ что-то...

Маріанна чуть замѣтно качнула головой, и глаза ея подернулись слезами:

— Нѣтъ, нѣтъ! Не строй никакихъ плановъ! Не думай о

будущемъ... это можетъ насъ только опечалить... а мнѣ бы не хотѣлось проводить въ печали тѣ минуты, которыя я бываю съ тобою. Это такія рѣдкія минуты!

— Сердце мое!..

— А сегодня, Робертъ, я могу побыть съ тобой только недолго. Не спрашивай... не говори... Я должна, я обязана ему послушаніемъ!

Взглядъ ванъ-Теніуса омрачился.

— Какъ хочешь, сердце мое. Дѣлай, какъ надо... Ничего новаго?

— Нѣтъ, ничего!—отвѣтила Маріанна съ грустной покорностью.

Ванъ-Теніусъ недоувѣрчиво и пытливо заглянулъ ей въ глаза.

— Навѣрное?

— Да успокойся же, Робертъ! Между нами ничего не могло бы измѣниться, даже еслибы онъ и не былъ самый лучший, добрый-шій, снисходительнѣйшій изъ людей.

Глаза ея снова подернулись влагой, а ванъ-Теніусъ прижалъ ея руку крѣпче къ своей груди.

— Знаешь ли, дорогая,—сказалъ онъ, слабо улыбувшись:—мы, собственно, презабавная парочка влюбленныхъ. Мы сходимся тайкомъ для того только, чтобы нѣтъ хвалу твоему мужу и взаимно поддерживать другъ въ другѣ покорность судьбѣ. И въ то же время—мы любимъ другъ друга... не правда ли? Ну, кто бы могъ этого отъ меня ожидать? Ни одинъ изъ моихъ корпусныхъ товарищей въ Боннѣ ни за что бы этому не повѣрилъ: тамъ меня величали: „Робертъ-Дьяволъ“.

— Знаю, но и между дьяволами бываютъ добряки...

— Ну, ты, смотри: не буди во мнѣ дьявола!

Маріанна разсмѣялась какъ ребенокъ:

— Знаю, знаю! Тамъ, въ Кобленцѣ, мнѣ рассказывали про тебя такія страсти! Я не могу себѣ представить, чтобы ты до сихъ поръ былъ такимъ же бѣшенымъ, какъ и тогда.

— Ты меня сдѣлала ручнымъ, Маріанна. Право, даже трудно повѣрить. Вотъ ужъ два года, какъ ты отшатнулась отъ меня... Да, два года тому назадъ я тебя цѣловалъ... Тебя... тебя... въ эти самыя губки...

— Будь умница, Робертъ!

— Да, и съ тѣхъ поръ ни разу... ни одного, единственнаго разу!

— Робертъ, у меня благодарная память: я до сихъ поръ чувствую твой поцѣлуй.

— А я—твой, сердце мое дорогое! Твой первый и послѣдній поцѣлуй... Надо же, чтобы это случилось со мною, съ чело-вѣкомъ необузданнымъ, лишеннымъ сантиментальности и страха предрасудковъ. Видно, ужъ очень я тебя люблю!

Оба остановились и обернулись лицомъ къ лицу. Марианна радостно посмотрѣла на любимаго чело-вѣка и сказала:

— Намъ иначе нельзя... именно—намъ съ тобою.

Гордо и твердо стояла она передъ нимъ, и смущенная улыбка на губахъ казалась лишь наружной игрой лица, не связанной съ внутренними ея убѣжденіями.

Они прошли еще нѣсколько шаговъ, и Марианна рассказала свой разговоръ съ мужемъ:

— Ты понимаешь, конечно, что мы должны исполнять каждое его желаніе. Бѣдный! Какъ онъ мучаетъ себя... и только одного себя! Еслибы онъ зналъ, какъ черствы люди, онъ никогда и не подумалъ бы, что его видъ можетъ ихъ растревожить.

— Значить, тебѣ нельзя сегодня побыть со мною?

— Приходи къ намъ обѣдать. Его присутствіе ничего между нами не измѣнитъ.

— Ну, однако!.. Я, съ своей стороны, не ревнивъ... о, нѣтъ! Но для меня его присутствіе очень много значить... И, наконецъ, я, все равно, сегодня не могу придти: обязанности службы не пускаютъ.

— Обязанности службы... въ воскресенье?

— Да, очень интересный случай. Расскажу, когда у насъ будетъ больше времени, чѣмъ сегодня. Да и ты сама, развѣ не чувствуешь, что было бы жалъ понапрасну растратить такой чудный весенній день, какъ сегодня? Марианна! Неужели ты мнѣ не подаришь ни единаго вполне отраднаго, мирнаго часочка?

Рука ея двинулась тихонько на его рукъ и чуть слышно коснулась его пальцевъ. На мгновение, она словно колебалась, но затѣмъ рѣшительно сказала:

— Ты правъ. Послѣ обѣда ему легче всего будетъ обойтись безъ меня... Будь въ пять часовъ... Тебѣ будетъ время?

Вмѣсто отвѣта ванъ-Тениусъ только радостно взглянулъ на нее.

— Ну, значить, въ пять часовъ будь здѣсь... нѣтъ, у входа въ садъ, и мы сдѣлаемъ большую прогулку.

— Въ каретѣ... Хорошо?

— Все хорошо, что ты ни захочешь. А теперь, будь любезенъ, расскажи мнѣ, что ты дѣлалъ сегодня: мы вѣдь съ самаго четверга не видались.

Они принялись весело болтать о постороннихъ предметахъ.

Ванъ-Теніусъ разсказалъ кое-что изъ своихъ служебныхъ приключеній и добрался до такихъ мелочей, что долженъ былъ дать отчетъ даже о томъ, гдѣ завтракалъ и гдѣ обѣдалъ наканунѣ.

У нихъ вошло въ привычку обѣдать въ одинъ и тотъ же часъ; читать однѣ и тѣ же книги; получать однѣ и тѣ же газеты и только въ одинъ и тотъ же день бывать въ театрѣ. Когда же имъ, иной разъ, хотѣлось позабавиться, они шутки ради заказывали даже однѣ и тѣ же кушанья въ обѣду и ѣли одновременно одно и то же: она — у себя дома, въ Шарлоттенбургѣ, а онъ — на Доротеенштрассе; а за обѣдомъ онъ пилъ за ея здоровье, до два осушая стаканъ.

— Ну, а вчера — сколько разъ? — спросила она, смѣясь.

— Да только три: я вчера велъ себя скромно.

— Прощай же, мнѣ пора! Такъ до свиданья... до пяти часовъ. Бѣдненькій мой! Сколько разъ приходится тебѣ шагать такую даль!

Онъ снова пожалъ ея руку, и они пошли въ воротамъ. Три раза порывалась она съ нимъ проститься, и каждый разъ онъ шелъ съ нею дальше, не замѣчая, что они уже вышли изъ воротъ и переходятъ лужайку. И только тогда, въ толпѣ, они окончательно простились, молча пожавъ другъ другу руки. Марианна, не оглядываясь назадъ, пошла домой, а ванъ-Теніусъ на ходу всочлилъ въ вагонъ конно-железной дороги и поглубже забился въ самый незамѣтный уголокъ, гдѣ бы его не видно было ворыкому Оссендорфу.

II.

Вернувшись домой, Марианна поздоровалась съ мужемъ и хотѣла пройти прямо въ домъ, но майоръ остановилъ ее просьбой остаться такъ, какъ она есть, и съ ними посидѣть.

— По крайней мѣрѣ, я тогда могу вообразить, что ты мнѣ не жена, соблюдающая просто свою законную обязанность — повиноваться мужу, а посторонняя женщина, добрый другъ, прекрасный другъ, навѣстившій меня по своей доброй волѣ, по своему собственному желанію, исполненіе котораго ему не въ тягость. Не такъ ли? Не такъ ли, мой милый, добрый другъ? Вы добровольно посѣтили своего бѣднаго больного друга и не сердитесь на него за шутку?

— Нисколько, г-нъ майоръ!

Марианна подхватила шутку мужа, и онъ премило дѣлалъ видъ, что ухаживаетъ за нею, какъ за посторонней: хвалилъ ея

нарядъ, шутя давалъ ей кой-какія вѣскія указанія, что собственно должно лежать въ основаніи понятій объ вязанномъ, и въ заключеніе на памятномъ листкѣ набросалъ рисунокъ новаго пальто, какое онъ считалъ бы наиболѣе подходящимъ къ фигурѣ и лицу жены. Она была настолько женщиной, чтобы увлечься его любезнымъ вниманіемъ и обѣщать, что непременно закажетъ портнихѣ точно такое пальто...

— Если она пойметъ рисунокъ, — прибавила Маріанна.

— Да, это было бы дѣйствительно недурно! — оживленно воскликнулъ Оссендорфъ. — Я чертилъ планы для взятія Парижа и Бронштадта; проектировалъ походы Россіи на Англію и наоборотъ; составлялъ даже таблицы стрѣльбы. Неужели же, въ качествѣ отставного офицера, я не окажусь способнымъ... Анна-Марія! Я считаю въ высшей степени художественной задачей — придумать для тебя достойныя рамки, и былъ бы счастливѣйшій человекъ въ мірѣ, еслибы мнѣ это удалось исполнѣ!

Въ увлеченіи своемъ онъ жадно протянулъ къ ней руку. Анна-Марія нагнулась къ нему какъ бы для того, чтобы отвѣтить ему поцѣлуемъ; но губы ея, дрожа, коснулись его съдѣющихъ волосъ, а рука скользнула съ тихой лаской по его бархатному покрывалу, которое спускалось съ плеча ровно, какъ погребальный покровъ.

Тихій стонъ вырвался у него и красивые усы нервно дрогнули. Онъ порывисто положилъ свою здоровую руку на ея руку, но тотчасъ же отдернулъ прочь и ласково кивнулъ женѣ головою:

— Прости!.. Эта весна какъ вихрь налетѣла... и не меня одного застала врасплохъ... Погляди вокругъ!..

Завтракъ былъ поданъ въ саду, и послѣ того Оссендорфъ снова углубился въ свои ученые занятія. Книга, которую онъ теперь изучалъ, представляла собою изслѣдованіе взаимныхъ отношеній газообразныхъ тѣлъ при сильномъ давленіи.

Жена долго сидѣла около мужа и подъ его диктовку записывала все, что ему было нужно. Онъ каждый разъ весело и привѣтливо благодарилъ ее за услугу; но особенно радовало его, когда она вполне правильно и точно заносила на бумагу какую-нибудь длинную математическую формулу. Она не совсѣмъ понимала всю эту премудрость, но съ теченіемъ времени сѣумѣла научиться быть мужу дѣльной помощницей. Случалось, что Оссендорфъ иногда принимался разъяснять ей, въ чемъ, собственно, состоитъ важное значеніе той или другой формулы — и радовался, если жена слушала его со вниманіемъ. Когда же она отходила

отъ него, онъ откладывалъ книгу въ сторону. Онъ разучился работать, когда ея не было воля.

Въ четыре часа Оссендорфы обѣдали на этотъ разъ одни.

Незадолго до обѣда бывшій деньщикъ майора, Францъ, вышелъ въ садъ и покатилъ домой подвижное кресло, въ которомъ полу-сидѣлъ майоръ. Марианна осталась въ саду, пока Францъ не пришелъ доложить ей, что онъ „устроился“, — какъ научилъ его говорить самъ Оссендорфъ.

Послѣ своего несчастія, и долго-долго спустя послѣ выздоровленія, майоръ не позволялъ женѣ сидѣть за столомъ съ такимъ ужаснымъ калѣбой, какъ онъ. Ей пришлось добиваться этого разрѣшенія, какъ особой и чрезвычайной милости. Но изъ условій, которыя она должна была соблюдать при этомъ, бѣдняга не поступился ни однимъ.

Такъ, напримѣръ, столовая была обязательно освѣщена лишь на половину, а майоръ сидѣлъ лѣвымъ бокомъ въ самый темный уголъ. И за обѣдомъ также онъ былъ покрытъ чернымъ покрываломъ, которое доходило ему до самыхъ плечъ. За круглымъ обѣденнымъ столомъ Марианна садилась всегда по правую руку мужа, и никогда, за всѣ минувшія пять лѣтъ, ей еще не случилось видѣть его прямо въ лицо: онъ сидѣлъ всегда въ профиль и только съ правой, — здоровой стороны. „Устроившись“, т.-е. усѣвшись и приготовившись надлежащимъ образомъ, Оссендорфъ привѣтливо принималъ жену за столомъ и былъ самымъ веселымъ, самымъ остроумнымъ собесѣдникомъ. Онъ непринужденно болталъ обо всемъ: о наукахъ и искусствѣ, о своихъ собственныхъ научныхъ работахъ и воспоминаніяхъ юности...

И порой глаза его свѣтились такимъ огонькомъ оживленія, рѣчь его была такъ свободна и такъ близко касалась событій дня, за которыми онъ внимательно слѣдилъ, — что жена вдругъ, какимъ-нибудь нечаяннымъ замѣчаніемъ, выдавала свою забывчивость объ ужасномъ искалѣченномъ состояніи мужа. И мужъ самъ же первый лукаво и весело смѣялся надъ этой забывчивостью.

Аннѣ-Маріи разрѣшено было класть ему кушанья на тарелку и рѣзать жаркое, но большей частью кушанья выбирались съ тѣмъ расчетомъ, чтобы майоръ могъ самъ обходиться съ помощью своей здоровой руки. Хлѣбъ онъ ломалъ преискусно и вообще, глядя на него за столомъ, никому и въ голову бы не пришло, что рядомъ съ своею женою сидитъ не изящный, свѣтскій чело-вѣкъ, а несчастный калѣка.

Сегодня также Оссендорфъ былъ крайне привѣтливъ во время

обѣда: даже обычныхъ его насмѣшекъ надъ своимъ безпомощнымъ положеніемъ вовсе не было. Онъ очень мило и разнообразно говорилъ о новой пьесѣ въ королевскомъ театрѣ. Считая удовольствіе посѣщать театры для себя недоступнымъ, онъ не отказывалъ въ немъ женѣ и, сидя дома, прочитывалъ непремѣнно ту самую пьесу, которую она смотрѣла на сценѣ; а затѣмъ, собравъ отъ нея свѣденія о впечатлѣніи, которое спектакль произвелъ на публику, Оссендорфъ взвѣшивалъ свое собственное мнѣніе, равно какъ и мнѣніе газетныхъ рецензентовъ: въ результатъ получалась весьма оживленная бесѣда и даже споры съ женою о малѣйшихъ подробностяхъ данной пьесы.

Сегодня онъ былъ особенно въ ударѣ. Обыкновенно въ разговорѣ о натуралистическомъ направленіи ему нравилось приводить себя въ примѣръ того, насколько ложно стремленіе воспроизводить *натуру* безъ прикрасъ, какъ она есть. По его мнѣнію, воспроизводить голую истину не могло быть задачей настоящаго творчества.

— Посмотрѣлъ бы я, какой шальной поэтъ рискнулъ бы вывести меня въ своей поэмѣ!—часто говаривалъ онъ.—Ну, если бы и попробовалъ онъ, то не надолго: такая правдивая картина способна всѣхъ чертей разогнать... И остался бы въ накладѣ я одинъ-одинѣшенекъ!

На этотъ разъ онъ отнесся къ представителямъ новѣйшей школы довольно снисходительно, и добродушно, утвердительно кивнулъ головой, когда жена сообщила ему послѣднюю новость, — что одинъ изъ „новѣйшихъ“ и современныхъ драматурговъ получилъ доступъ въ королевскій театръ. Вообще, Оссендорфъ никогда не оборачивался лицомъ къ женѣ и выражалъ ей свое одобреніе знаками или словами. Для того же, чтобы поучать ее, у него былъ свой особый приѣмъ. Съ великосвѣтской услужливостью благовоспитаннаго поручика, желающаго угодить барышнѣ, за которой онъ ухаживаетъ, майоръ какъ бы предлагалъ женѣ на выборъ тѣ или другія теоріи, тѣ или другіе научные факты, какъ бы увѣренный въ томъ, что она съ ними уже знакома. Въ его отношеніяхъ къ ней была твердая увѣренность ученаго и нѣжная почтительность жениха—молодого и влюбленнаго.

Одного только разговора опасалась Маріанна, а его-то какъ разъ и коснулся мужъ. Онъ заговаривалъ о ихъ общемъ другѣ — ванъ-Тениусѣ.

Оссендорфъ часто заводилъ рѣчь о немъ и всегда отзывался съ полнымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ. Кромѣ него, онъ признавалъ только военныхъ техникувъ и вообще людей

науки и искусства: всё остальные были въ его глазахъ пусто-мелями и лѣнтами—, всё эти купцы и чиновники“! Рѣдко это ему нравился изъ ихъ среды; но ванъ-Тениусъ составлялъ исключеніе. Несмотря на разногласіе въ политическихъ воззрѣніяхъ, оба друга въ каждомъ разговорѣ непремѣнно находили хоть одинъ общій пунктъ, и именно этотъ пунктъ казался имъ тогда самымъ важнымъ.

Майоръ вспомнилъ сегодня женѣ, при какихъ странныхъ обстоятельствахъ онъ познакомился съ ванъ-Тениусомъ. Послѣ взрыва Оссендорфъ лежалъ больной, искалѣченный, еще колебался между жизнью и смертью (объ этомъ онъ не любилъ говорить иначе, какъ подъ общимъ выраженіемъ: *тогда*),—когда узналъ, что какой-то молодой адвокатъ принялъ на себя защиту другихъ, уцѣлѣвшихъ жертвъ взрыва противъ строгостей прокурорскаго надзора. Показаніе майора было для этихъ несчастныхъ дѣломъ первѣйшей важности, и потому ванъ-Тениусъ первый рѣшился потревожить опасно больного, первый получилъ доступъ къ нему.

— Видишь ли,—говорилъ майоръ женѣ, принимая отъ нея блюдо съ кусочками очищеннаго и нарѣзаннаго яблока и привѣтливо благодаря ее.—Видишь ли, онъ оказалъ мнѣ этимъ истинное благодѣяніе. Я лежалъ тогда одиноко, и нельзя сказать, чтобы въ самомъ блестящемъ настроеніи духа... Ну, объ этомъ лучше когда-нибудь... въ другой разъ. Такъ вотъ, подходитъ ко мнѣ человекъ, который безвозмездно защищаетъ бѣдняковъ,—который, какъ я узнаю, прервалъ свою блестящую карьеру на казенной службѣ, съ цѣлью послужить бѣднымъ людямъ, которыхъ (какъ онъ полагаетъ) ему удалось хорошо узнать, и интересы которыхъ не вьжутся съ интересами правительства. Онъ подошелъ ко мнѣ и напрямикъ сказалъ, что надо поступиться удобствами единичнаго лица, когда дѣло идетъ о существованіи цѣлаго десятка голодныхъ и холодныхъ людей. Такая рѣзкость и прямота сужденія мнѣ тогда же понравилась и подбодрила меня. Я съ той же минуты очутился на его сторонѣ. Ну, а потомъ, когда я узналъ, что вы съ нимъ старые друзья еще изъ Кобленца!.. Инымъ и не могъ быть *твоей* другъ!

Оссендорфъ смотрѣлъ себѣ въ тарелку, и въ голосъ его не было ни тѣни насмѣшки. А между тѣмъ Маріаннѣ просто невыносимо было выслушивать его похвалы. Она поспѣшно перевела разговоръ на тему, которая всегда служила имъ обоимъ пунктомъ единенія, и которая надолго заслоняла мысли обо всемъ другомъ.

Она напомнила ему о сынѣ:

— А завтра вѣдь придетъ письмо отъ Вельфи.

Не было еще десяти лѣтъ, какъ они были женаты, и мальчику только недавно исполнилось восемь лѣтъ. *Toгда*—вскорѣ послѣ несчастія съ маіоромъ — родилась у нихъ дочка, но не осталась въ живыхъ,—и Вельфи оказался единственнымъ ребенкомъ.

Когда отецъ рѣшился, наконецъ, жить и выносить жизнь ради жены и сына, его рѣшеніе было твердо и поддерживало въ немъ бодрость духа; одинъ только разъ онъ не могъ удержаться отъ слезъ, когда его трехлѣтній сынишка, милый, веселенькій бутузикъ, въ первый разъ увидалъ своего отца-калѣку и... не узналъ его. Съ тѣхъ поръ, всѣхъ больныхъ, которыхъ катали въ креслахъ, малютка называлъ: *папа!* Цѣлые годы Маріанна неутомимо слѣдила за тѣмъ, чтобы отгонять отъ мужа мысль о смерти, и главной преградой между нимъ и смертью ставила сына. Однако, несмотря на все ея старанье, случилось какъ-то такъ, что сынъ чуть не заставилъ отца покончить съ собою.

Два года тому назадъ—мальчику былъ ужъ седьмой годъ—онъ по обыкновенію долженъ былъ встать и прочесть молитву. Въ тотъ день у Оссендорфовъ обѣдали двое гостей: тетушка и ванъ-Тениусъ. Ребенокъ премило склонилъ свою бѣлокурую головку, и его румяныя губы пролепетали два вопроса:

— Папа, отчего ты не встаешь? Развѣ другіе папы тоже всѣ безъ ногъ, не могутъ ходить?

Оссендорфъ молча закрылъ глаза. Маріанна торопливо прибавила сыну еще изюму, чтобы отвлечь его вниманіе. Тетушка съ перепугу начала креститься, и только ванъ-Тениусъ нашелся сказать:

— Ты глупый мальчикъ, Вельфи! Другіе папы могутъ ходить, но зато случается, что они и совсѣмъ уходятъ отъ своихъ дѣтокъ. А папа твой добръе: онъ никуда отъ тебя не уйдетъ!

Два дня несчастный отецъ просидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, наединѣ съ своими тяжкими думами, и послѣ того рѣшился переговорить съ женою. Онъ пришелъ къ заключенію, что Вельфи теперь уже въ такомъ возрастѣ, когда дѣти особенно зорко за всѣмъ наблюдаютъ, а слѣдовательно подобныя сцены могутъ ежедневно повторяться. Во избѣжаніе же ихъ, самое лучшее ему, Оссендорфу, уйти въ больницу или въ какое-нибудь болѣе удобное учрежденіе для калѣкъ; или же отдать самого Вельфи въ училище, подальше отъ дому.

Два мѣсяца боролась Маріанна съ рѣшеніемъ мужа и со сво-

имъ собственнымъ сердцемъ. По наружности, какъ всегда, спокойная и привѣтливая, она по ночамъ дрожала въ лихорадкѣ и давала волю слезамъ при мысли о разлукѣ со своимъ сокровищемъ. Наконецъ, она подчинилась воззрѣніямъ мужа.

Тогда-то и случилось, что она добровольно (въ первый и въ послѣдній разъ) обняла и поцѣловала своего друга, — въ ту минуту, когда разлука съ сыномъ подошла ея душевную бодрость.

По счастью, она узнала, что ея любимая преподавательница открыла собственное учебное заведеніе недалеко отъ Дрездена, и она сама отвезла туда своего веселенькаго, беззаботнаго шалунышкину.

Еще поцѣлуй, — другой... и она рассталась съ нимъ.

— Мама! Мама! — кричалъ ей вдогонку восторженный голосъ ребенка: — Ахъ, какъ тутъ чудесно! Какой павлинь! Пстой немножко, подожди: пусть онъ еще разъ развернетъ свой хвостъ. Я его подразню... смотри!

Но мать была уже далеко.

Съ тѣхъ поръ, разъ въ мѣсяцъ, Маріанна ѣздилла навѣщать сына, чтобы онъ хоть ее-то не забылъ. Каждое воскресенье писала ей бывшая ея учительница, отдавая подробный отчетъ въ дѣлахъ и помпшленіяхъ ея маленькаго пансіонера, и при каждомъ письмѣ была приложена хоть маленькая записочка съ его собственноручными каракульками. Съ нѣкоторыхъ поръ эти каракульки стали уже значительно благообразнѣе и дѣлались похожи на нѣчто въ родѣ писемъ.

— Да, завтра придетъ письмо отъ Вельфи! — повторила Маріанна.

Глаза Оссендорфа на мгновеніе сверкнули подозрительностью; но онъ тотчасъ же оправился и охотно поддался этой новой темѣ. Еще и еще принялся онъ переспрашивать жену о малѣйшихъ подробностяхъ свиданія съ мальчикомъ: какимъ показался онъ ей въ своемъ свѣтломъ русскомъ костюмчикѣ; какъ смотрѣлъ, что говорилъ... Еще разъ вернулся майоръ въ разговоръ въ своему забытому намѣренію — когда-нибудь, безъ вѣдома Вельфи, ухитриться поглядѣть на него украдкой, неожиданно-негаданно; когда-нибудь потомъ, когда онъ его навѣрное позабудетъ настолько, что не узнаетъ въ немъ отца. А еще много лѣтъ спустя, — когда мальчикъ ужъ будетъ въ поручичьемъ чинѣ и вернется домой, съ войны, съ желѣзнымъ крестомъ за храбрость, — тогда онъ ужъ навѣрное перестанетъ бояться своего отца-калѣку, — и Анна-Марія должна будетъ ему сказать: — „Да, ты вотъ получилъ желѣзный крестъ за храбрость, а тысячи людей, которыхъ ты видѣлъ распро-

стертыми на полѣ битвы, — тѣ ничего не получили. И это отъ нихъ не зависитъ. Твой отецъ пострадалъ все равно что на полѣ битвы; онъ также, хотъ и остался живъ, а не имѣеть креста за храбрость. Отъ него также это не зависитъ”.

Но Анна-Марія знала, что не должна поддакивать сантиментальному настроенію мужа, равно какъ и его рѣзкимъ, насмѣшливымъ выходкамъ противъ Бога и людей (что съ нимъ бывало иногда, особенно при постороннихъ). Поэтому она не побоялась и на этотъ разъ ему противорѣчить:

— Ахъ, полно, милый Вольфгангъ! — перебила она. — Ты самъ прекрасно знаешь, что Вельфи и не подумаетъ такъ долго ждать. Въ тотъ день, какъ онъ пойметъ, въ чемъ дѣло, онъ самъ, никого не спросивъ, сбѣжитъ отъ фрау-Кригеръ и приватитъ въ Берлинъ; ворвется сюда, прямо къ тебѣ, и самъ же посмѣется надъ твоимъ страхомъ!.. Ты вѣдь единственный, который еще не успѣлъ свѣннуться со своимъ положеніемъ... Право же, ты — единственный!

Она встала изъ-за стола, подала ему руку и, нагнувшись, поцѣловала мужа въ лобъ съ правой стороны.

— Мой добрый ангелъ!..

— Вольфгангъ, я тебѣ больше не нужна?

Послѣ обѣда Оссендорфъ дремалъ съ полчаса, а затѣмъ самъ, собственноручно писалъ письма на особомъ столикѣ, на которомъ Францъ умѣлъ прикрѣплять поудобнѣ листки почтовой бумаги.

— Ты знаешь, Францъ у меня большой искусникъ... А ты что: уходишь?

— Да, Вольфгангъ!

— Иди, иди... Да приходи скорѣе!

Маріанна вышла изъ столовой.

Ей даже не было необходимости лгать передъ мужемъ: онъ никогда не спрашивалъ ее, куда она идетъ, или откуда пришла. А между тѣмъ, прощаясь съ нимъ, въ простыхъ обыденныхъ словахъ: *прощай* и *до свиданья*, ей чудилось, что она лжетъ, и... становилось стыдно.

III.

Въ пять часовъ пополудни улицы кипѣли народомъ. Конки были переполнены; экипажи сновали туда и сюда.

Маріанна дошла до воротъ замковаго сада, гдѣ ее ждало закрытое ландо. Ванъ-Тениусъ узналъ ее и распахнулъ передъ нею дверцу.

Не оглядываясь вокруг, но и не здороваясь съ нимъ, молодая женщина вскочила въ карету и съ порывистымъ біеніемъ сердца откинулась на подушки. Но едва тронулась въ путь коляска, какъ она уже улыбнулась другу.

— Ты надолго свободна?

— Къ семи часамъ я бы хотѣла быть уже дома.

Ванъ-Тениусъ высунулся изъ передняго окна и отдалъ кучеру соответствующее приказаніе; затѣмъ сѣлъ рядомъ съ Маріанной и завладѣлъ ея обѣими руками:

— Ну, наконецъ-то мы одни!

Она склонила голову къ нему на грудь и, въ свою очередь, придерживая его руку въ своей, тихо, чувствуя себя вполне счастливой, умиrotворенной, осталась такъ нѣсколько минутъ, не чувствуя даже желанія говорить. Онъ также не могъ бы сказать, кто изъ нихъ первый вышелъ изъ безмолвнаго оцѣпенѣнія—однаково близкаго къ радостной дремотѣ и къ тихому, безотрадному счастью.

Маріанна шептала:

— Еслибъ не ты, не знаю, какъ бы я жила на свѣтѣ! Да иначе мнѣ жить и невозможно, немислимо. Не можетъ никто жить безъ товарища, безъ друга. Значить, и я имѣю право имѣть человѣка, которому я, по крайней мѣрѣ, хоть „здравствуй!“ могу сказать радостно, отъ души; которому могу весело смотрѣть въ глаза, и онъ, я знаю, отвѣтитъ мнѣ тѣмъ же. Да, такъ-то, милый! Вотъ мнѣ опять легко и хорошо на-сердцѣ стало; и я опять набралась силъ и мужества до слѣдующаго свиданія!..

Она опять прижалась къ нему головою и только слегка покачивала ее, когда Робертъ покрѣпче жаль ей руку.

По дорогѣ лѣсомъ имъ попадались на встрѣчу экипажи и группы гуляющихъ, которые спѣшили вернуться за-свѣтло въ Берлинъ.

Когда ландъ поватилось вдоль берега рѣки, ванъ-Тениусъ съ Маріанной очутились совсѣмъ наединѣ. Задумчиво смотрѣла молодая женщина на тихую картину, разстлавшуюся передъ ними и мысленно сравнила ее съ видами своей родины.

— Право, ну, точь-въ-точь Кобленцъ! — съ добродушной усмѣшкой замѣтилъ Робертъ: — Тамъ—слиянiе Мозеля съ Рейномъ, здѣсь—Шпрее съ Гавелемъ...

— А виноградники тамъ... помнишь?—оживилась Маріанна.

Ванъ-Тениусъ горячо поцѣловалъ ей руку. Еще бы не помнить! Тогда, на „праздникѣ пѣвцовъ“, они вновь познакомились и уже въ качествѣ взрослыхъ возобновили дружбу своихъ дѣт-

скихъ лѣтъ: онъ былъ уже студентъ, а она восемнадцатилѣтняя дѣвушка-невѣста.

— Собственно говоря, ты тогда и не думалъ ухаживать за мной...

— А все-таки, *собственно говоря*, уже любилъ тебя! Видишь ли, оно даже и лучше вышло, что мы тогда не растратили своихъ чувствъ. Я и не знаю, какъ это такъ случилось... Знаю только, что я слишкомъ серьезно смотрѣлъ на вещи. Помнишь, мнѣ полагалось обучать барышню-невѣсту премудростямъ нѣмецкой исторіи и литературы. Въ то время я былъ социалистомъ или революционеромъ... или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, и воображалъ, что моя священная обязанность ненавидѣть барышню-бѣлоручку и всячески убѣждать ее сдѣлаться сторонницей народа.

— Постой, Робертъ! Но вѣдь и теперь еще ты по-прежнему социалистъ. По крайней мѣрѣ, *онъ* всегда тебя такъ дразнитъ.

— Къ сожалѣнію, сердце мое, это просто шутка съ его стороны. Я лишь *ме-*карьеристъ, а въ свѣтѣ почему-то принято считать подозрительнымъ человекомъ всякаго, кто не стремится сдѣлать карьеру. Теперь я мало во что вѣрю; тогда я еще былъ искренно вѣрующимъ...

— Робертъ! Напротивъ...

— Нѣтъ, сердце мое, нѣтъ: въ Бога я не вѣрилъ, но былъ вѣрующимъ вообще.

— А, понимаю!.. Но, все-таки, хоть что-нибудь изъ этихъ вѣрованій у тебя должно же было сохраниться? Ну, хоть одно: вѣра въ себя и въ свое дѣло?.. Видишь ли, милый, мнѣ бы такъ хотѣлось чувствовать себя счастливой...

Маріанна задумчиво склонила голову, не договоривъ; потомъ сняла шляпку и, держа ее на колѣняхъ, продолжала какъ бы облегченно:

— Ты самъ вѣдь такъ меня училъ тогда... десять лѣтъ тому назадъ. Мнѣ такъ хотѣлось бы всегда быть веселой, счастливой и довольной... вотъ, какъ сейчасъ! Но въ то же время и серьезной, дѣятельной: помогать другимъ, трудиться...

— Ну, ужъ это предоставь намъ, мужчинамъ!

— Ахъ, ты глупенькій! ты, кажется, не понимаешь! Да тебѣ, *тебѣ* помогать,—человѣку, котораго я люблю... которому я хочу быть полезной и необходимой!

— Ахъ ты, женщина!

Маріанна призадумалась.

— Еще бы ничего, еслибы *онъ* не разлучилъ меня съ ребенкомъ... Да нѣтъ! Это совсѣмъ другое.

Ванъ-Теніусъ нервно поведъ головою—такая у него была привычка—и проговорилъ:

— Такъ, значитъ, ты еще дѣвухной мечтала сдѣлаться для Оссендорфа незамѣнимой?

— Да, Робертъ: еще невѣстой. Но это продолжалось недолго... Пожалуйста, больше не будемъ объ этомъ говорить; впрочемъ, сегодня я, такъ и быть, скажу. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ примѣрный человѣкъ... тогда, до своего несчастія. Но и тогда въ немъ чего-то не хватало...

— Чего же именно?

— Право, не знаю! Все въ немъ было такъ гладко, изящно, отшлифовано... Миѣ нивогда не приходилось бояться, что онъ сдѣлаетъ что-нибудь неожиданное, невозможное... грубое, неподходящее. Но потому-то именно...

— Ахъ, ты, аристократка!

— Не говори такъ, Робертъ: ты знаешь, какъ я сочувствую твоимъ стремленіямъ!

Тяжеловѣсный старикъ-кучеръ ужъ два раза пытался оглянуться и окликнуть господъ; наконецъ, потерявъ терпѣніе, рѣшился постучать кнутомъ въ окно:

— Пора, что-ли, назадъ?

— Вамъ сказано: къ семи часамъ обратно!—крикнулъ ему Робертъ.

— Ну, хорошо; поѣдемъ назадъ шагомъ!

— Чтѣ онъ тамъ выдумалъ? — вдругъ перебила кучера Маріанна.—Пожалуйста, вели откинуть верхъ и пройдемся пѣшкомъ немного: насъ никто не увидитъ! Пожалуйста... чуть-чуть... подъ-руку!

Не долго думая, хоть и не особенно рѣшительнымъ движеніемъ руки, ванъ-Теніусъ приказалъ остановиться, и пока кучеръ откидывалъ спинку коляски, они уже вышли и подъ-руку пошли впередъ, по берегу рѣки, по направленію къ маленькой, совершенно опустѣвшей гостинницѣ.

Тамъ ванъ-Теніусъ потребовалъ два стакана мѣстнаго вина, и, чокнувшись, оба вышли другъ за друга; затѣмъ, опять сѣли въ экипажъ и поѣхали обратно въ полу-открытой коляскѣ.

Сумерки спускались на землю, и лишь позади тѣхъ самыхъ облаковъ, за которыми только-что угасли послѣдніе лучи дневнаго солнца, порой искрились первыя вечернія звѣздочки.

— Ну, а теперь ты долженъ миѣ покаяться! — говорила Маріанна.—отчего ты не пришелъ сегодня обѣдать?

— У меня было rendez-vous... съ одной дамой!

Маріанна приутихла, но потомъ сказала:

— Если-бъ я не была такъ увѣрена въ твоей любви, которая меня нѣжитъ и согрѣваетъ, какъ теплый, драгоценный плащъ, я бы, конечно, спросила: кто она, эта дама?

— Ты безъ того должна спросить, сердце мое! Я, не шутя, обѣдалъ у одной молодой и красивой дамы... Но, я думаю, из лишне говорить, что я-то не нахожу ее такой красивой.

— Я ее знаю?

— Нѣтъ; ты съ нею не встрѣчалась, хоть и живетъ она недалеко отъ васъ, въ Вестэндѣ. Это богатая вдова, Берта Шаде. Она любитъ удивленіе, потому... потому... что никогда не любитъ быть одной.

— Насмѣшникъ!

— Нѣтъ, право!.. И лишь для меня она сдѣлала исключеніе: пригласила не какъ гостя, а въ качествѣ юриста; но этотъ юристъ не можетъ ее, глупую, выручить изъ бѣды!

— Можешь мнѣ рассказать, въ чемъ дѣло?

— Тебѣ-то? Ну, еще бы! Вдобавокъ, я могу именъ не называть. Эта бѣдняжка связалась съ какимъ-то негодяемъ, да съ такимъ ловкимъ, что его никто не разгадаетъ. Такихъ господъ, по наружности великосвѣтскихъ, вылощенныхъ и хищныхъ, въ обществѣ сколько хочешь. Ихъ терпятъ всюду и вездѣ; можетъ быть, даже ты сама протягивала ему руку при встрѣчѣ... не подозрѣвая, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Такіе господа кончаютъ или на каторгѣ, или наоборотъ—въ почетѣ, на видныхъ должностяхъ, и становятся „славой и украшеніемъ города“... Впрочемъ, въ общемъ онъ весьма неглупый и красивый малый; но у этого красиваго малаго есть весьма „не-красивыя“ любовныя письма, которыя онъ получалъ отъ вдовушки и теперь грозитъ обнаружить, если она не согласится выйти за него.

— Чего же она отъ тебя хочетъ?

— По глупости своей, она вообразила, что съ такимъ господиномъ можно взять судомъ. Ей, на бѣду, понравилась моя послѣдняя защита (знаешь, той телеграфистки съ револьверомъ?), и она обратилась ко мнѣ.

— И ты... ты рѣшительно не можешь ей помочь?

— Дѣло ея внѣ закона, и я ничего не могу для нея сдѣлать. Одинъ только совѣтъ я могъ ей дать, какъ ей искренній доброжелатель: убить этого негодяя—и тогда я ручаюсь, что моя защита дѣйствительно защититъ ее!

— Ну, а мы сами съ тобой? Развѣ мы дѣствуемъ не внѣ закона?

Ванъ-Теніусъ нѣжно и крѣпко пожатъ ея ручки.

— Да, мы, конечно, вѣдъ закона; но вѣдъ и бѣда, постигшая Оссендорфа, не была предусмотрѣна закономъ. Наши же поступки относительно него — лишь слѣдствіе этой бѣды.

Ванъ-Теніусъ прильнулъ губами къ ея рукѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончалась перчатка, и Маріанна сначала не мѣшала ему; но когда его подѣлуи стали горячѣе, когда его правая рука обняла ее и крѣпче прижала къ себѣ, Маріанна тихо отстранила его.

— Полно!.. Будь же благоразуменъ! Ты знаешь, а бы не могла вернуться къ нему... А я ему еще нужна!

Рыданія душили ее. Она дала имъ волю и обѣими руками, словно нища опоры, ухватилась за плечо друга. Спрятавъ лицо у него на груди, она долго не могла придти въ себя и только шептала отрывистыя слова, полныя ласки и нѣжности. Теніусъ отвѣчалъ ей тѣмъ же, пока она не стала спокойнѣе. Тогда, чтобы развлечь ее, онъ понемногу рассказывалъ ей про красивую вдовушку; описалъ ея наружность и платье, ея обѣдъ и квартиру.

У воротъ, при выѣздѣ изъ Грюневальда, Маріанна бросила таверъ старику-шарманщику. Обернувшись къ своему спутнику, она сказала ему, что, должно быть, этотъ бѣдняга не видитъ, и надо бы ему помочь хорошенько, а не простою милостынею, мимоходомъ...

Съ той стороны, гдѣ она сидѣла, ванъ-Теніусъ вдругъ замѣтилъ, что къ нимъ на встрѣчу идетъ господинъ, котораго онъ тотчасъ же узналъ. Господинъ тоже, повидимому, узналъ его; онъ остановился и пристально смотрѣлъ на его спутницу. Ванъ-Теніусъ успѣлъ только очень быстро заговорить самъ съ Маріанной, чтобы она совершенно обернулась къ нему лицомъ; но и это не особенно помогло.

Прохожій снялъ шляпу и, насмѣшливо улыбаясь, глубоко поклонился, обнаживъ свою лысую голову. Ванъ-Теніусъ не отвѣтилъ на его поклонъ, чтобы не испугать Маріанну.

— Чтѣ съ тобой? — спросила она, однако.

— Послушай, сердце мое! — отвѣчалъ онъ рѣшительно. — Ты вѣдъ всегда мнѣ довѣряла. Послушай же меня и на этотъ разъ: поднять верхъ коляски теперь, когда мы вѣзжаемъ на жилую дорогу, значило бы дать прямой поводъ къ подозрѣнію. Лучше я выйду и пойду пѣшкомъ, а ты спокойно дождешь и одна, въ открытомъ экипажѣ...

— Какъ хочешь, — грустно согласилась Маріанна.

Ванъ-Теніусъ улыбнулся:

— Или ты боишься моей вдовушки? Сердце мое! Вѣдь я тебя люблю.

— Любишь... навѣрное?

— Да.

— Ну, такъ когда же мы увидимся?

— Въ четвергъ я буду у васъ, какъ всегда... А пока—до свиданія.

— До свиданія!

Ванъ-Тениусъ выскочилъ изъ коляски, крикнулъ кучеру, чтобы тотъ ѣхалъ дальше, и взялъ изъ откинутаго верха ландо свою тяжелую палку. Затѣмъ, мѣрнымъ шагомъ пошелъ себѣ обратно.

IV.

Господинъ, который съ ними встрѣтился, продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ, гдѣ раскланялся.

Идя прямо передъ собою, адвокатъ старался найти выходъ изъ своего страннаго положенія и не могъ ни на чемъ остановиться. Дорогой онъ пришелъ только къ одному рѣшенію: что избѣжать неприятнаго объясненія невозможно, и лучше всего—ни отклонять его, ни вызывать. Остальное выяснится ужъ само собою.

Фонъ-Церпенъ, изящный и еще молодой господинъ, поджидалъ его, нервно похлопывая тросточкой по своимъ лакированнымъ башмачкамъ. Во всѣхъ высшихъ слояхъ свѣтскаго и зажиточнаго общества вращался фонъ-Церпенъ; всѣмъ и каждому было извѣстно, что онъ велъ не совсѣмъ добропорядочный родъ жизни, но никто не рѣшался проявить открыто свое осужденіе, и потому фонъ-Церпенъ былъ принятъ повсемѣстно. Впрочемъ, никто и не зналъ о немъ ничего опредѣленнаго: говорили, что онъ занимается журналистикой, и это давало ему если не званіе, то хоть нѣкоторое право на него. Онъ былъ родомъ изъ Остзейскаго края, но жилъ всегда въ Берлинѣ и вполнѣ усвоилъ себѣ манеры и языкъ Старога-Берлина. Побывалъ онъ и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, гдѣ исполнялъ какія-то полу-дипломатическія обязанности, но ухитрился какимъ-то образомъ сдѣлаться и тамъ настолько нестерпимымъ, что его попросили убраться восвояси. Въ свѣтскомъ обществѣ онъ былъ незамѣнимъ, какъ разнообразный и остроумный собесѣдникъ; игралъ на фортепіано... болѣею частью танцы, при чемъ зналъ главнымъ образомъ всѣ самыя новыя вальсы Штрауса; впрочемъ, ему было знакомо также кое-что изъ сочиненій Вагнера, и онъ игралъ великаго композитора если не

съ блестящею техникой, то съ чувствомъ. За столомъ фонъ-Церпенъ всегда былъ первѣйшее лицо; зайдетъ ли рѣчь о Викторѣ Гюго—оказывается, что фонъ-Церпенъ былъ у него въ Джерсеѣ, въ Парижѣ, въ Швейцаріи. Анекдотами онъ такъ и сыплетъ. Заговорить ли о Бисмаркѣ—и о немъ ему все извѣстно: извѣстны даже такія слова и мнѣнія „железнаго канцлера“, которыя могли у него выпряться лишь въ самомъ тѣсномъ кругу. Въ общемъ, развѣ только мужчины могли считать фонъ-Церпена серьезнымъ, дѣльнымъ человѣкомъ—и имѣли на то основаніе. Онъ съ каждымъ непремѣнно съ полнымъ вниманіемъ бесѣдовалъ о его излюбленныхъ планахъ; а у кого изъ насъ нѣтъ своихъ личныхъ, сокровенныхъ стремленій? У всѣхъ такихъ проектовъ есть непремѣнно какая-нибудь закорючка, которую надо сгладить или обойти; а кто же въ этомъ искусіе Церпена? Онъ охотно приходилъ всякому на помощь, и если ему деликатно предлагали за это нѣкоторое вознагражденіе,—онъ принималъ его такъ же просто, какъ еслибъ ему предложили... ну, напримѣръ, хорошую сигару... По всему городу ходила молва, что холостая квартира почти сорокалѣтняго красавца „журналиста“ отдѣлана съ поразительной роскошью. Спальня въ персидскомъ вкусѣ, ванна и уборная—въ турецкомъ, столовая и кабинетъ наполнены дорогими шкапами,—все это было одно другого лучше.

Только сегодня узналъ ванъ-Тениусъ отъ богатой вдовушки, что фонъ-Церпенъ и есть тотъ самый негодяй, противъ котораго она просила защиты. И надо же ему было его видѣть вмѣстѣ съ Маріанной!

Когда адвокатъ приблизился, фонъ-Церпенъ снялъ шляпу и привѣтливо улыбнулся ему на встрѣчу.

Ванъ-Тениусъ также, но съ отѣвкомъ нервѣшимости, приподнял шляпу.

—Здравствуйте! Прекрасная погода для катанья... А я вѣдь и не подозрѣвалъ, что вы такъ близко знакомы съ семьей Оссендорфа. Вы вѣрно оставили майора дома, подъ его вѣчнымъ чернымъ покрываломъ? Я что-то его не примѣтилъ съ вами.

Фонъ-Церпенъ проговорилъ эти слова такъ просто и непринужденно, что адвокатъ сначала не нашелся ему отвѣтить, тѣмъ болѣе, что у него кровь прилила къ головѣ, когда онъ услышалъ имя друга въ устахъ этого негодяя. Ему показалось, что мысли его путаются, что онъ сходитъ съ ума.

„Пришибить бы на мѣстѣ негоднаго пса!“—пронеслось у него въ умѣ,—впрочемъ, скорѣе какъ возмущенный протестъ, нежели какъ опредѣленное желаніе.—И замахнуться, хватить его

со всего размаху тяжеловѣсной палкой... дѣло одной минуты... одного мгновенья ока... А тамъ... тамъ ужъ не можетъ быть и разговора... Однако, что если этотъ негодный пестъ окажется бѣшеннымъ? Тоже несовсѣмъ ладно!

Ванъ-Тениусъ глубоко перевелъ духъ, и это отрезвило его, дало ему возможность убѣдиться, что онъ еще въ своемъ умѣ. Благодареніе Богу! въ цивилизованной странѣ не допускаются такіа безшабашныя расправы со всякимъ, кто кому придется не по вкусу.

Фонъ-Церпенъ продолжалъ смотрѣть на него, ожидая отвѣта.

— Да! Сегодня удивительно жарко,—подтвердилъ адвокатъ.

— Вотъ и я тоже говорю!—и съдоватый кончикъ бородки фонъ-Церпена дрогнулъ отъ сдержанной насмѣшки.

— Значить, вы... знакомы съ моими друзьями?—спросилъ адвокатъ.

— Позвольте вамъ сказать, что я знакомъ со всякимъ, кто что-нибудь изъ себя представляетъ, а майору Оссендорфу предстояло сдѣлаться важною птицей. Но этотъ злополучный взрывъ всему помѣшалъ... Въ то время я былъ посланъ къ майору отъ военнаго министра, который заинтересовался одной моею затѣей—техническимъ словаремъ подъ ученнымъ наблюдениемъ и управленіемъ Оссендорфа; редакцію его я бралъ на себя. Дѣло было вѣрное: словарь долженъ былъ состоять изъ восьми томовъ, по десяти марокъ каждый, и всѣмъ поручикамъ было бы предписано его приобрести... хотя бы и въ расрочку. Но тутъ вышло маленькое недоразумѣніе: министръ полагалъ, что у меня есть на это средства, а я—что онъ самъ предоставитъ свои въ „мое“ распоряженіе... Ну, словомъ, это дѣло рухнуло. Но въ то же время оправдалась моя любимая поговорка: „нѣтъ худа безъ добра“. Не будь этой затѣи, я бы не имѣлъ случая познакомиться съ майоромъ и сложить мое восхищеніе у ногъ его прелестнѣйшей супруги.

Сильнѣе прежняго обуюло ванъ-Тениуса желаніе пришибить его, какъ собаку; а между тѣмъ, съ неизяемымъ краснорѣчіемъ, фонъ-Церпенъ продолжалъ повѣствовать о томъ, какъ и когда онъ отличался на дипломатическомъ или какомъ иномъ поприщѣ. Онъ за-просто былъ принятъ у министровъ и вообще у великихъ міра сего. Все вздоръ, что Мольте будто бы не разговаривавъ: онъ любитъ самъ зазывать въ себя въ Крейзау. Вотъ тамъ у него уютно! И этотъ славный старичокъ такъ мило говоритъ:—„Послушайте, мой дорогой фонъ-Церпенъ“!..

Ванъ-Тениусъ и не думалъ слушать его болтовню. Его вооб-

раженіе напряженно работало. Ему начинало казаться, что это говорить не человекъ, а жужжить неотвязно и назойливо какая-то гигантская муха, въ родѣ... ну, хоть въ родѣ африканской.

Тамъ, въ Африкѣ, въ знойныхъ степяхъ, больше простора, свободы... Тамъ можно, не стѣняясь приличіями, убѣжать, просто-на-просто убѣжать безъ оглядки отъ всего, что неприятно или надобно. Солнце тамъ жжетъ ужасно... но зато что за наслажденіе представить себѣ уютный паланкинъ, мѣрно болыхающийся на плечахъ мускулистыхъ чернокожихъ туземцевъ. А въ паланкинѣ... О! онъ, конечно, не одинъ: съ нимъ неразлучно всюду ходить и ѣдить вѣрная Маріанна. И какъ было бы просто—безжалостно, мимоходомъ придавить ногой докучную муху и... забыть о ней навсегда!

Да, тамъ, въ Африкѣ, все это хорошо и прекрасно, но здѣсь, въ самомъ центрѣ германской образованности, полагается даже къ такому рода мухамъ относиться снисходительно и великодушно...

Минуть пять оба прохаживались туда и сюда, мимо шарманщика, котораго фонъ-Церпенъ словно нарочно поставилъ тутъ на часахъ. Говорить, хотя бы и при такомъ свидѣтелѣ, было несовсѣмъ удобно. Проходя мимо него уже въ третій разъ, фонъ-Церпенъ бросилъ ему какую-то монету и приказалъ прекратить свою жалкую музыку. Опять они пришли къ повороту большой дороги, гдѣ сваленъ былъ хворостъ и куча бревенъ и полѣньявъ. Собесѣдники остановились.

— Простите, что я долженъ по неволѣ васъ прервать!—началъ ванъ-Тениусъ.—Но мнѣ необходимо переговорить съ вами.

— Я знаю, и даже по двумъ вопросамъ,—отвѣчалъ фонъ-Церпенъ.—Но я ужъ говорилъ Мольте, и вамъ теперь повторю:—наступление—самый лучший способъ прикрытія!.. Какъ видите—это и есть причина, почему я здѣсь прогуливаюсь въ настоящую минуту, и, слѣдовательно, прогуливаюсь не случайно. У васъ такой запасъ проникательности, милый ванъ-Тениусъ, что вы по этому вступленію, конечно, уже догадались, что фрау Шаде передала мнѣ вашъ съ нею разговоръ. Вы не особенно дружелюбно отнеслись ко мнѣ, но поступили какъ безусловно порядочный человекъ, и я не могу этого не признать.

— Я не уполномоченъ касаться съ вами этого вопроса.

— Но, милый другъ, вѣдь мнѣ это все прекрасно извѣстно. Мнѣ только самому для себя хотѣлось бы дать вамъ понять, что сегодня впервые, съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Берлинѣ, одинъ господинъ неодобрительно обо мнѣ отзывался. Надѣюсь, вы не можете этого отрицать? Я, знаете, хочу жениться, а моя суже-

ная обращается за помощью противъ меня къ юристу. Съ ея стороны это крайне необдуманнѣйшій поступокъ; тѣмъ болѣе, что я *хочу* на ней жениться и женюсь, не справляясь, угодно ли ей это, или не угодно? Говоря откровенно, я просто взвѣсился! Но вотъ сама судьба посылаетъ мнѣ неожиданную поддержку: человекъ, которому она довѣряетъ свою тайну, не кто иной, какъ вы, милый мой ванъ-Тениусъ! Вы, конечно, никому объ этомъ не проговоритесь и, такимъ образомъ, окажетесь также и моимъ повѣреннымъ. И я этому очень радъ. Клянусь честью, вы мнѣ очень нравитесь!

Рука адвоката невольно потянулась къ одному изъ полѣвъ. Онъ поднялъ его, словно желая взвѣсить, и отбросилъ въ сторону.

— Но, право же, фонъ-Церпенъ, я не уполномоченъ...

— Да хорошо ужъ! Говорю вамъ, что вы напрасно считаете меня черствымъ эгоистомъ: я развѣ только въ томъ и доказываю любовь къ себѣ, что не люблю голодать и холодать. А этого, я полагаю, никто не любитъ. Вотъ вы считаете предосудительнымъ, что я хочу обезпечить себя женитьбой на моей милой вдовушкѣ. Но, позвольте спросить: вы-то сами за что получаете деньги? За то, что знаете больше другихъ, не такъ ли? Если биржевикъ богатѣетъ, то, конечно, оттого, что лучше другихъ знаетъ тонкости биржевой игры! Я тоже хочу воспользоваться своимъ знаніемъ нѣкоторыхъ тонкостей, потому что знаю больше другихъ и желаю нажитья. Вотъ и все; чего естественнѣе?

— Да, это крайне интересное воззрѣніе!

— Не правда ли, мой другъ?

Раздраженный наглостью своего случайнаго собесѣдника, ванъ-Тениусъ даже позабылъ о Маріаннѣ Оссендорфъ и думалъ только о несчастной фрау Шаде. Нѣсколько оживившись, онъ принялся доказывать фонъ-Церпену всю неприглядность и даже безразсудность его поступка.

— Послушайте меня,—говорилъ онъ:—отдайте ей назадъ ея письма! Поймите, что такимъ образомъ вы роете яму себѣ же самому и сами въ нее упадете. Ну, пусть будетъ предана огласкѣ, какъ вы говорите, ваша переписка—вѣдь и вамъ отъ нея ничего, кромѣ вреда, не будетъ: вы сами знаете прекрасно, съ какой яростью выступаетъ въ этихъ письмахъ ваше предосудительное поведеніе. Повѣрьте мнѣ, фрау Шаде гораздо больше боится вашихъ правъ, какъ мужа, нежели огласки, которою вы такъ страшаете ее. Ни за какія блага въ мнѣ она не согла-

сятся быть вашей женой... и я ей это горячо отсовѣтовалъ. Въ сущности, представьте вы эти письма въ судъ, или позвольте себѣ еще болѣе ужасныя угрозы... Да что я говорю! Ничего вы не сдѣлаете и не можете сдѣлать, потому что не посмѣете, да и не захотите сами себѣ повредить.

— Милый другъ, я вижу, что вы совсѣмъ не понимаете моего дѣла. Во-первыхъ, я уже кой-кому заблаговременно успѣлъ показать ея письма, и это не только мнѣ не повредило, но даже увеличило мой кредитъ; во-вторыхъ, для всѣхъ мой бракъ — дѣло рѣшенное, и всѣ только того и ждутъ, чтобы ихъ позвали на свадьбу. Наконецъ, вы совсѣмъ не знаете женщинъ. Отдай я ей сегодня ея письма, она же сама скажетъ: „Вотъ-то дрянъ, трусь!.. Положимъ, очень мило съ его стороны, что онъ исполнилъ мое желаніе, но зато онъ, видно, трусишка“... Пусть я, напротивъ, поставлю на своемъ, и вотъ увидите: она покричитъ, покричитъ, побранится... а все-таки выйдетъ за меня. Такъ вотъ, милый другъ, что значить умѣнне обращаться съ дамами. Да, впрочемъ, вамъ самимъ лучше знать: могутъ ли что подѣлать противъ насъ законы.

Ванъ-Теніусу давила горло ненависть, презрѣніе, которое его тянуло открыто высказаться въ лицо этому процалыгѣ. Но опять-таки правила строгой благовоспитанности одержали верхъ.

— Вы совершенно правы! — подтвердилъ онъ: — я и самъ говорилъ фрау Шаде, что судомъ она ничего съ васъ не возьметъ. Я ей сказалъ...

— Если вы ей сказали, милый другъ, что отъ такого врага, какъ я, можно избавиться только посредствомъ убійства, вы болѣе чѣмъ правы! Хоть я, положимъ, и не понимаю, какъ это ваши юридическія науки могли вамъ подсказать подобный совѣтъ. Но вы вѣдь вообще идеалистъ большой руки, какихъ ужъ больше не бываетъ... Да-съ: не бываетъ! Еслибъ у фрау-Шаде былъ такой рыцарски-смѣлый другъ, я не совѣтовалъ бы ему вызывать меня на дуэль: ему не сладко придется! Допустимъ, милый другъ, что вамъ пришла бы такая охота... Но на это могли бы быть только такія причины... которыхъ нѣтъ, конечно!

Они опять вернулись къ кучѣ дровъ, и ванъ-Теніусъ опять машинально взвѣсилъ на руцѣ самое тяжелое изъ полѣньевъ, — то самое, которое онъ уже бралъ въ руки.

— О, да! Вы совершенно правы: такихъ причинъ за мной не водится, конечно! — съ усмѣшкой проговорилъ онъ.

Между тѣмъ становилось все темнѣе. Гдѣ-то вдалекѣ раздавались не то раскаты грома, не то грохотъ поѣздныхъ колесъ.

Ворона, яркая, тяжело сорвалась съ дерева и пролетѣла надъ собесѣдниками.

Фонъ Церпенъ снялъ шляпу и полковымъ платочкомъ вытеръ свою изжуга-блѣдную, потную лысину. Въ эту минуту онъ казался лѣтъ на десять старше, чѣмъ обыкновенно.

„Голова-то у него... точно картонная!“ — подумалъ почему-то ванъ-Тениусъ.

Вдругъ въ темнотѣ, недалеко отъ нихъ, что-то зашевелилось: то поднимался и собрался уходить старикъ шарманщикъ.

Фонъ-Церпенъ сталъ какъ будто безпокойнѣе. Онъ нервно хватался за свой внутренній карманъ, словно тамъ былъ у него спрятанъ револьверъ.

— Какъ бы то ни было, — заговорилъ онъ вдругъ: — это еще большое счастье для насъ обоихъ, что именно васъ, а не кого другого, выбрала фрау-Шаде въ свои повѣренныя. Я женюсь на ней преспокойно, а вы... вы сохраните полное молчанье...

— Да, я сохраню молчанье.

— Видите, шарманщикъ уже собрался домой: значить, ужъ семь часовъ, а слѣдовательно и прошелъ часъ, который я вамъ мысленно далъ на размышленье. Такъ вотъ же, милый другъ, что я теперь скажу: по мнѣ, лучше вести дѣло па чистоту. Я, признаюсь, не вѣрю, чтобы самъ г. майоръ былъ со своей супругою въ коласкѣ... Итакъ, каждый изъ насъ знаетъ кое-что о другомъ... Что-жъ, по рукамъ? Идетъ? Будемъ молчать!

Ванъ-Тениусъ не выпускалъ изъ руки полѣна, и только думалъ:

„Какъ? Неужели я протяну ему руку? Или я жалкій трусъ“?..

И вдругъ всѣ мысли у него помутились:

„Да! Пришибить его!.. Не надо!.. Кровь... Убийство... Марианна!.. Защитить ее!.. Убить его?.. Вотъ, вздоръ какой“!..

А тотъ стоялъ съ протянутой впередъ рукою и, злобно улыбаясь, выжидалъ, пока ему отвѣтятъ тѣмъ же.

— Ну же, смѣлѣй! Я вѣдь не какой-нибудь прощальга, и у меня есть своего рода драгоценное умѣнье помогать другимъ; и если вамъ когда захочется проблаженствовать часочекъ съ прелестной майоршей...

Теперь ванъ-Тениусъ зналъ ужъ навѣрное, что онъ не протянетъ руку этому негодяю... этой бѣшеной собацѣ...

Угрозы ни въ чему не поведутъ... ни убійство также, само собою разумѣется. Собаки рвутъ за шиворотъ лихого человѣка, но это позволительно только собакамъ, а не... адвокатамъ!.. Какая путаница въ головѣ... даже смѣшно!..

Вдругъ, какъ тяжелый ударъ, раздались у него въ ухахъ послѣднiя слова негодяя.

Сверху внизъ, надъ желтоватой лысиной мелькнулъ кулакъ, и такъ хватилъ фонъ-Церпена по головѣ, что тотъ упалъ отъ сотрясенiя на колѣни и въ испугѣ широко раскрылъ глаза. Но еще разъ шевельнулъ рукой ванъ-Тениусъ (и опять сверху внизъ), и грустное похѣно съ ужасающей силой опустилось на лысину, давшюю потоки крови.

Ванъ-Тениусъ швырнулъ въ сторону похѣно и, глядя на неподвижнаго врага, даже усмѣхнулся.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ онъ — картонный!

Но вдругъ онъ вдрогнулъ и нагнулся взглянуть на раненаго, сталъ рядомъ съ нимъ на колѣни, чтобы видѣть ближе.

Фонъ-Церпенъ какъ упалъ, такъ и не могъ подняться: онъ уже былъ мертвъ; а его правая рука еще держала лоснящiйся цилиндръ—какъ будто покойникъ кланялся своему убийцѣ...

V.

Въ ночь на понедѣльникъ разразилась буря, но безъ грома и молнiи, въ родѣ ранней грозы съ дождемъ, который какъ принялся лить послѣ полуночи, такъ и не переставалъ весь слѣдующiй день. Воздухъ опять сталъ рѣзкiй и холодный.

Во вторникъ въ вечернихъ газетахъ появилась краткая записка объ убiйствѣ въ гѣсу, близъ Вестэнда. Въ среду, въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ и достоверныхъ газетъ уже говорилось болѣе подробно о „загадочномъ“ убiйствѣ, которое „обнаружилось благодаря одному рабочему на желѣзной дорогѣ, проходившему во вторникъ утромъ мимо того мѣста, гдѣ лежалъ трупъ какого-то бродяги, безъ сюртука и безъ сапогъ; рядомъ съ нимъ валялась поношенная шляпа-цилиндръ. Однако дознанiемъ удостовѣрено, что убитый принадлежалъ къ болѣе цивилизованному обществу. Онъ былъ немолодъ, но еще и не старъ, какъ это можно было предположить, суда по лицу. На его выхолонной правой рукѣ виднѣется красноватая полоска, очевидно отъ кольца, которое повойный носилъ много лѣтъ. Въ жилетномъ карманѣ найдены билеты въ театръ, и все на дорогiя мѣста, квитанцiи и счета,—одинъ изъ нихъ большого прачешнаго заведенiя М. Губнеръ, другой—изъ виноторговли. Особенно бросается въ глаза высокое качество тончайшаго нижняго бѣлья, чулокъ и т. п., къ какимъ привычна лишь наша „золотая моло-

дежь". Судебный слѣдователь рѣшительно склоненъ думать, что несчастный былъ убитъ съ цѣлью грабежа: не даромъ у него пропали: платье, сапоги, кольцо и даже часы. По всей вѣроятности (какъ и выяснено медицинскимъ осмотромъ), убитый — жертва несчастной случайности: судя по формѣ и размѣрамъ раскрыеннаго черепа, онъ былъ раздавленъ экипажемъ. Мы твердо надѣемся сообщить уже сегодня къ вечеру дальнѣйшія подробности этого возмутительнаго злодѣянія"...

Въ вечернихъ газетахъ въ тотъ же день уже появились болѣе подробныя данныя о злополучномъ „молодомъ человѣкѣ" и почти слово въ слово гласили нижеслѣдующее:

„Злодѣйской рукою совершенно въ понедѣльникъ, недалеко отъ городской окраины, возмутительное преступленіе. Нашему образцовому полицейскому и судебному вѣдомству никакого труда не стоило, по билетамъ и счетамъ (главное — по счету изъ прачешной) выяснить имя несчастнаго, а личность его установлена на предварительныхъ допросахъ его огорченныхъ друзей и знакомыхъ, — а кто не былъ другомъ изящнаго г. фонъ-Церпена, безукоризненно воспитаннаго и умнаго члена общества и выдающагося журналиста? Кому изъ насъ не извѣстны блестящія талантомъ и природнымъ юморомъ статьи Эгона фонъ-Церпенъ, котораго не трудно было угадать за скромной подписью: „Э. ф. Ц."?

„Предположенія личной мести нельзя допускать въ данномъ случаѣ: человѣкъ, котораго всѣ безъ исключенія любили, не могъ подать къ ней повода. Впрочемъ, убійца и грабитель уже найденъ и, до выясненія его виновности, препровожденъ въ домъ предварительнаго заключенія“.

„Примѣчаніе. Нашъ злополучный сотрудникъ, собственно говоря, долженъ былъ носить фамилію своего отца — *Герр*; но по свойственному людямъ тщеславію (весьма извинительному, конечно, особенно въ такомъ выдающемся дѣятелѣ печати и общества!) предпочелъ принять дворянскую фамилію *фонъ-Церпенъ*, вѣроятно по имени своей матери или ея родового помѣстья.

„Онъ былъ знакомъ и велъ оживленную переписку со многими высокопоставленными лицами. Погребеніе состоится въ четвергъ, въ 12 ч. дня.

„Общества и кружки, къ которымъ принадлежалъ покойный, почтутъ за честь отдать ему послѣдній долгъ, какъ уважаемому и любимому своему собрату...“

Съ этого дня ежедневно въ газетахъ стали появляться новыя свѣденія (или просто дополненія къ старымъ) все о томъ же высоко-интересномъ убійствѣ. Одна изъ газетъ даже весьма кар-

тинно, въ порывѣ благороднаго лиризма, изобразила тотъ моментъ, когда насильственно окончилъ жизнь покойный труженикъ *нечести и общества*, а недалеко отъ него „заливалась прерывистыми звуками плачущая шарманка, которую съ невозмутимымъ равнодушіемъ вертѣлъ старикъ-шарманщикъ, не подовѣривая о близости къ нему ужаснѣйшаго злодѣянія!..“ Въ этихъ трогательныхъ и бесспорно-прочувствованныхъ строкахъ, конечно, не былъ забытъ и воробей, „беззаботно чирикавшій на вѣткѣ“. Кромѣ лиризма, было въ этомъ отчетѣ еще и то достоинство, что измѣреніе разстояній между *вещественными доказательствами* преступленія и ихъ *безмолвными свидѣтелями* были показаны съ поразительной точностью, и число шаговъ высчитано съ чисто-аптекарьскою аккуратностью. Напримѣръ: мѣсто злодѣянія отъ шарманщика раздѣляли какихъ-нибудь 355 шаговъ; отъ воротъ до мѣста своей смерти убитый долженъ былъ сдѣлать столько-то шаговъ, и т. д., и т. д.

Нашлись и такіе всевѣдущіе журналисты, которые сочли себя въ правѣ намекнуть на душевную жизнь покойнаго и утверждали, что „гдѣ-нибудь въ аристократическомъ уголкѣ Вестэнда, вѣрно, горькія слезы проливаетъ по ихъ покойномъ собратѣ красавица-дѣвушка, а (почемъ знать?) можетъ быть и оболъстительная вдовушка-богачиха. Фонъ-Церпенъ былъ настолько джентльменъ, чтобы не увлекаться вообще погоней за женщинами; но въ томъ, что онъ былъ Донъ-Жуанъ, въ самомъ благородномъ смыслѣ слова, можно ему только отдать справедливость. Ничего не будетъ для его чести постыднаго, если впоследствии выяснится, что онъ спѣшилъ на rendez-vous и погибъ жертвою своего слова“...

Оссендорфъ, какъ всегда, внимательно читалъ газеты и часто обсуждалъ теперь съ ванъ-Тениусомъ юридически-интересныя стороны *вестэндскаго убійства*. Помимо военныхъ и чисто-техническихъ вопросовъ, которыми онъ непрерывно занимался, Оссендорфъ любилъ еще бесѣдовать и о гражданскихъ условіяхъ политической и общественной безопасности. Маріанна, обыкновенно, сидѣла тутъ же съ какой-нибудь работой и благодарно улыбалась мужу каждый разъ, когда онъ объяснялъ какія-нибудь трудности болѣе для нея понятнымъ языкомъ. Ванъ-Тениусъ каждый разъ спѣшилъ самъ принести и разъяснить майору тѣ или другія новости судебной процедуры въ этомъ загадочномъ дѣлѣ, которымъ майоръ такъ интересовался.

— Еще бы!— говорилъ майоръ. — Вѣдь я, можно сказать, почти что былъ знакомъ съ этимъ прощальгой. Помнится, онъ было-заварилъ тогда такую кашу, въ которую хотѣлъ запутать не

только меня, но и военного министра; къ нему, какъ и ко мнѣ, онъ подѣхалъ со своимъ чертовскимъ краснорѣчіемъ. Я ему отказалъ отъ дома, а онъ принялъ мои слова такъ мило улыбался, безъ малѣйшаго смущенія, какъ бы простое: *до свиданья!* Онъ руку цѣловалъ тебѣ, Маріанна... Ухаживать еще хотѣлъ!.. А? Помнишь?

Равнодушно слушала мужа Маріанна и, лишь поднявъ глаза, вдругъ увидала огонекъ ревности, горѣвшій во взорѣ ея друга.

„Ну, глупенькій! Чего онъ такъ ревнуетъ?“ — подумала она и поспѣшила отвѣтить:

— Какъ же; помню превосходно! Помню еще, что, не взирая на все свое умѣнье обойти человѣка, онъ съ самаго начала сдѣлался мнѣ непріятель, и я очень обрадовалась, что Вольфгангъ удалил его тогда. Съ тѣхъ поръ я уже его не встрѣчала.

— Ну, а газеты? Подняли вой на всѣ лады! — продолжалъ Оссендорфъ. — Это премилая картинка нашихъ журналистскихъ нравовъ и привычекъ. Сколько столбцовъ я ни прочелъ до сихъ поръ, а все же ясное представленіе объ убійствѣ отъ меня такъ же далеко, какъ и прежде. Я, кажется, готовъ поклониться, что полиція и слѣдственная коммиссія идутъ по ложному слѣду: да довольно было взглянуть на этого господина, чтобы издали еще догадаться, что отъ него деньгами не разживешься. И, наконецъ, этого не могли не видѣть наши присяжные воры; а на одинъ только сюртукъ и сапоги убійца не польстится.

Ванъ-Тениусъ былъ вполне съ нимъ согласенъ. Кому же естественнѣе, какъ не юристу, интересоваться такимъ важнымъ вопросомъ?

Разговоръ перешелъ на болѣе заурядныя темы, и въ одиннадцать часовъ адвокатъ простился съ хозяиномъ дома; хозяйка вышла провожать его въ прихожую.

— Вы что-то угрюмы сегодня... Не я ли тому причиной? — спросила она такимъ тономъ, какимъ спросила бы и въ присутствіи мужа.

— Нѣтъ, не вы, — спокойно отвѣчалъ ванъ-Тениусъ.

— А я ужъ думала, что васъ разстроило это глупое ухаживанье, о которомъ вспоминалъ мужъ?.. Ну, такъ вотъ... какъ это говорится во французской пьесѣ? Ахъ, да: „Efface“!

И Маріанна съ милой улыбкой протанула ему руку, а онъ поцѣловалъ ее въ то самое мѣсто, котораго когда-то касался своими блѣдными губами фонъ-Церпень.

— Покойной ночи!

— Покойной ночи и вамъ! — повторила Маріанна и съумѣла

вложить въ этотъ обиденный привѣтъ мягкость тона и ласку, которыя помогали имъ выражать другъ другу свою любовь при постороннихъ.

Въ пятницу газеты уже объявили что найденъ не только убійца, но и его сообщникъ. Убійца же не кто иной какъ слѣпой шарманщикъ, нѣкій Вильгельмъ Иркъ, пятидесяти-семи лѣтъ отъ роду, обратившій на себя вниманіе въ понедѣльникъ вечеромъ тѣмъ, что противу своего обыкновенія сорилъ деньгами и даже всѣмъ и каждому говорилъ, что ему не хочется идти домой на ночлегъ... что, впрочемъ, совершенно понятно: онъ боялся полиція; онъ зналъ, что убійство будетъ раскрыто и его слѣды приведеть прямо къ нему на квартиру. Поговорка, что „на ворѣ шапка горитъ“, оправдалась еще разъ на допросѣ. Смущеніе шарманщика негодяя при видѣ мѣста преступленія полиція, конечно, не отнесла просто на счетъ „естественной робости“,—какъ бы онъ того хотѣлъ,—а приняла (какъ и подобало) за неудачное желаніе скрыть свой преступный испугъ.

„Особенно смѣшны были (говорилось въ одной газетѣ) его усилія истолковать причину появленія у него денегъ въ понедѣльникъ, когда это было замѣчено, напримѣръ, въ трактирѣ. Онъ говорилъ, что цѣлый талеръ получилъ отъ проѣзжихъ, а вслѣдъ затѣмъ еще монету въ одну марку. Слѣдствіемъ, произведеннымъ на мѣстѣ жительства обвиняемаго, выяснилось, что Иркъ втихомолку изво-литъ довольно-таки поучивать, чему явное доказательство—найденныя въ кухнѣ пивныя бутулки (на добрый талеръ!) и пустая банка отъ сардинокъ. Наконецъ, гдѣ-то въ углу, подъ спудомъ, откопали очевидно краденое портмонѣ и въ немъ десять монетъ по одной маркѣ!.. Дѣло стало теперь только за показаніемъ виновнаго...“

Отъ квартирной хозяйки шарманщика было получено немало цѣнныхъ свѣденій о личности ея преступнаго квартиранта. Она никакъ не могла ему простить, что онъ пряталъ отъ нея деньги и попивалъ (украдкой отъ нея!) пиво и вино...

— Да не простое, настоящее! — съ негодованіемъ восклицала она, прихлебывая кофе:—А я-то... я, дескать, и однимъ циноріемъ обойдусь!

Но въ тотъ же день вечернія газеты принесли совершенно противоположныя вѣсти:

„Поспѣшность и недостатокъ проницательности чиновника, производившаго слѣдствіе, виною, что на бѣднаго, честнаго труженника Иркъ звалили такое чудовищное обвиненіе! Медицин-

свое слѣдствіе положительно установило, что фонъ-Церпенъ убить еще въ понедѣльникъ утромъ, т.-е. въ тотъ день, когда шарманщикъ, разбогатѣвшій наканунѣ отъ подачекъ воскресныхъ гулякъ, самъ пожелалъ погулять и всю ночь напролетъ пропировалъ въ трактирѣ, въ пріятномъ обществѣ женскаго пола, и пошелъ во-свося лишь въ понедѣльникъ, послѣ полудня... Справками же у другихъ шарманщиковъ подтверждается, что дѣйствительно вы-ручка шарманщика по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ бы-ваетъ весьма значительна. Такъ что и съ этой стороны позорное клеймо снято съ почтеннаго Вильгельма Иркэ"...

Нѣсколько ниже подробно объяснились обстоятельства, на осно-ваніи которыхъ медики и хирурги могли точно опредѣлить время убійства, тѣмъ болѣе, что это подтверждало и показаніе двухъ фаб-ричныхъ, которые „проходили мимо мѣста преступленія въ 5 ч. 14 мин. утра и ничего подозрительнаго (не говоря уже о тѣлѣ убитаго) не замѣтили“.

Далѣе слѣдовало витіеватое разсужденіе о томъ, какъ легко, волею роковой случайности, несчастный Иркэ могъ попасть на скамью подсудимыхъ, еслибы не добросовѣстное отношеніе къ нему полицейскихъ и великодушный возгласъ: „Какъ жаль, что пра-вительство, вообще такъ прекрасно обставившее судопроизводство, еще не рѣшается дать свое согласіе на выдачу хотя бы денеж-наго вознагражденія лицамъ, потерпѣвшимъ такъ или иначе отъ несправедливаго обвиненія“!..

Но убійца (настоящій) все-таки еще не былъ найденъ. По городу были расклеены объявленія, обѣщавшія 500 марокъ тому, кто уважетъ полиціи его вѣрный слѣдъ. Газеты все еще раску-пались нарасхватъ и шли одинаково бойко, какъ вечеромъ, такъ и утромъ.

Проходя по Фридрихштрассе, ванъ-Теніусъ разслышалъ за-зывной крикъ газетчика, обѣщавшаго еще что-то „новое, самое новѣйшее“! Однако, накупивъ у него съ полдюжины разныхъ „Листковъ“ и „Газетъ“, онъ не нашелъ ничего новаго, за исклю-ченіемъ, впрочемъ, краткой замѣтки, озаглавленной: „Интервью съ г-жею Ш.“.

Несмотря на неполноту имени и фамиліи, легко было дога-даться, о комъ идетъ рѣчь; стоило только взять въ руки адресную книгу города Берлина и найти имя жилицы по тому адресу, ко-торый былъ весьма точно обозначенъ въ той же замѣткѣ. Послѣ эффектнаго вступленія шелъ и самый разсказъ, въ которомъ добро-совѣстный интервьюеръ весьма картинно описывалъ отчаяніе и грусть прекрасной вдовушки (необъявленной невѣсты покойнаго),

во время бесѣды съ нимъ, за чашкою кофе, у камина. Бѣдная осиротѣвшая женщина съ трогательной откровенностью сообщила ему, что ея незабвенный другъ и будущій мужъ ушелъ отъ нея часовъ въ шесть вечера, въ воскресенье, и, можетъ быть, съ единственной цѣлью порадовать ее, свою возлюбленную, какимъ-нибудь новымъ подаркомъ, — букетомъ или рѣдкимъ растеніемъ... Но, увы! Ему не суждено было вернуться... Бѣдная, одинокая женщина! Лей неутѣшныя слезы: ты ужъ больше его не увидишь!

А въ воскресенье опять газеты, а съ ними и читающая публика, пришли въ неопишное волненіе: убійца найденъ... и на этотъ разъ уже безъ малѣйшей опасности ошибиться! Какой-то рабочій, полякъ по происхожденію... Да! это онъ, навѣрно!

VI.

Въ тотъ день ванъ-Тениусъ долженъ былъ обѣдать у майора. Несмотря на довольно свѣжую погоду, народу на улицахъ была масса, и онъ радъ былъ, что досталъ свободное мѣстечко хоть на имперіаль конки. Тутъ тоже только объ одномъ и раздавался оживленный говоръ: всѣ ѣхали, всѣ (даже цѣлыми семьями) спѣшили побывать на мѣстѣ преступленія; всѣ обсуждали послѣднія навѣстія и даже остряли, придумывая игру словъ на *знаменитыхъ полянахъ*, которыхъ будто бы ужъ нѣтъ ни одного на мѣстѣ преступленія, — ихъ живо расхватывали любопытные по одной штучкѣ, себѣ на память.

Остальные гости Оссендорфа — его тетушка и двоюродный братъ — уже были оба на лицо, когда пріѣхалъ ванъ-Тениусъ.

Кувенъ Рихардъ — это былъ черненькій, вертлявенькій артиллерійскій поручикъ, прикомандированный къ военной шеолѣ. Какъ и всегда, онъ, какъ вѣрный пажъ, ухаживалъ за Анной-Маріей; какъ и всегда, майоръ лукаво донималъ его задорными шуточками насчетъ его слабости къ *платоническимъ* чувствамъ.

Тетушка, добродушная старушка въ старомодной бѣлой кружевной наколкѣ и въ черномъ шолововомъ платкѣ, которое ей стоило не мало труда поддерживать въ приличномъ видѣ, — какъ и всегда, когда она собиралась ѣхать къ Оссендорфамъ, приготовила-было имъ маленькій подарокъ и, какъ всегда, забыла его дома.

— Такой маленькій, сущую бездѣлицу! — повторяла она: — десяточекъ корольковъ... и въ такой хорошенькой корзинкѣ! Я еще съ вечера сама своими руками поставила ее на комодъ и

своей служанкѣ наказала, строго на-строго: смотри ты, не забудь напомнить мнѣ, чтобы я не забыла!.. А ты вѣдь, мой голубчикъ, такъ любишь королевы!

— Ну, не бѣда: можно и въ будущее воскресенье!—добродушно проговорилъ майоръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! Такъ долго королевы не пролежать, сгніють! Но что же дѣлать! Хочешь не хочешь, а должна буду я сама ихъ съѣсть, чтобы не пропали.

Ровно въ четыре часа всѣ сидѣли за столомъ на своихъ обычныхъ мѣстахъ, сообразно съ неизмѣннымъ мѣстомъ хозяина дома. Рядомъ съ нимъ, по правую руку (какъ всегда) сидѣла жена; около нея тетушка, затѣмъ ванъ-Тениусъ и, наконецъ, кузень.

— Пусть себѣ, глядя на меня, онъ приучается смотрѣть безъ страха на бомбы и граваты: не даромъ онъ военный!—шутить по адресу поручика майоръ.

Разговоръ шелъ весьма оживленный. Тетушка была изъ болтливыхъ, и ея болтовня была даже добрымъ дѣломъ: она спасала общество отъ молчанія въ тѣ минуты, когда разговоръ прерывался. Старушка спрашивала Маріанну, что сколько стоитъ, а у ванъ-Тениуса освѣдомлялась о порядкахъ, которые установлены закономъ для богаделенъ и домовъ призрѣнія. Но говорила она весьма неглупо, и поэтому ея болтовня не надоѣдала. Кузень посвящалъ Оссендорфа во всѣ вопросы современной баллистики; но это ему не мѣшало вернуть иной разъ любовное словечко по адресу *милѣйшей кузины*. Да и майоръ не отставалъ отъ прочихъ. Онъ премило перебивалъ его (шутки-ради, конечно) каждый разъ, какъ Рихардъ начиналъ разсыпаться передъ Маріанной въ горячихъ любезностяхъ, и вдругъ спрашивалъ съ лукавою улыбкой:

— А какъ господинъ поручикъ изволили веселиться на послѣднемъ балѣ?

Маріанна была довольна и счастлива. Ея бѣдный Вольфгангъ не скучалъ, развлекался веселой болтовнею, и ея лучший другъ былъ тутъ же, почти рядомъ съ нею. Она мало съ нимъ говорила и ограничивалась лишь замѣчаніями, вызванными въ ней заботливостью, естественной въ хозяйкѣ дома; но и въ этихъ незначительныхъ словахъ, въ ея короткихъ взглядахъ звучалъ вопросъ, такъ ясный для обоихъ:

„Доволенъ ли ты мной? Правлюсь ли я тебѣ“?..

— Вы ничего не имѣете противъ щуки?—говорила она, напирѣвъ.

Но тетушка подхватывала на-лету новую тему, и раньше чѣмъ

ванъ—Тениусъ успѣвалъ докончить свой отвѣтъ:—Ничего ровно!—она уже стремительно, съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ повѣствовала:

— Да, да! Для хозяйки дома нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ чтобы ей гостямъ все приходилось по вкусу! Щуку, конечно, надо умѣть приготовить... Я ее дѣлаю по-своему, совсѣмъ особеннымъ манеромъ... Да, ужъ въ этомъ никто со мной не сравнится!.. Но и я должна сознаться: у васъ щука приготовлена идеально!

Раза три въ теченіе обѣда тетушкѣ хотѣлось подойти къ вопросу объ убійствѣ. Ея стѣпенныя средства не позволяли ей даже хотя бы изрѣдка покупать газеты, и всѣ новости она узнавала только по наслышкѣ, отъ своей Лизаветы. Купала тетушка немного (вѣроятно, просто по привычкѣ), и потому въ гостяхъ всегда успѣвала обо всемъ поразспросить. Но сегодня, какъ на грѣхъ, ей это не удавалось.

— Да, я вотъ одинока и беззащитна, а мало ли такихъ на свѣтѣ?—начала она издалека.—И ни одна изъ насъ не знаетъ, что ей можетъ угрожать: жестокая обида словомъ и дѣломъ, поджогъ или воровство, или, наконецъ, убійство?

— Полно, тетя!—съ комичнымъ паѳосомъ возражалъ ей майоръ.—Ну, что за борысть мошеннику лишать тебя жизни? И наконецъ, развѣ жизнь твоя—и: все ли равно, что застрахована—тѣмъ секретнымъ замкомъ, который я тебѣ подарилъ?

— Нѣтъ, позволь, Вольфгангъ, а настояціе-то убійцы на что?—горячо возражала старушка.

— Да убійцы и совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ!—настаивалъ племянникъ.

— Ужъ тридцать лѣтъ, какъ не было въ Пруссіи ни одного убійства!—поддержалъ кузена Рихардъ. А слухи—газетныя утки, только и всего!

— А какъ же... казни?

— Ну, тоже утки, конечно!

Мало-по-малу тетушка подмѣчала, что надъ нею племянники просто подтрунивають; тогда она и сама добродушно усмѣхалась и умоляла.

Однако, во время мороженого (чудное было мороженое!) она опять начала съ подходцемъ:

— Знаю, знаю, что теперь дають на сценѣ писателей новой школы, но вѣдь и старинныя пьесы очень хороши и, главное, интересны. Ваши новѣйшія не дають развиваться интересу: онѣ прямо начинаются съ убійства. Зато въ мое время хорошенькое, загадочное убійство... Не правда ли, кузень, вѣдь пьесы съ убійствами бывають?

— О, да! пьесъ-то съ убійствами—сколько вашей душѣ угодно, — согласился тотъ.

И тотчасъ же свернулъ разговоръ на тему о литературныхъ произведеніяхъ Толстого.

— Да да! — подхватила тетья: — мнѣ очень нравится его изящный слогъ!

Наконецъ, вида, что ея собесѣдниковъ ничто не беретъ, она отчаянно пошла напроломъ.

— Положимъ, у насъ, въ Шарлоттенбургѣ, вовсе ужъ не такъ дурно живется, — говорила она. — Вотъ только достать дичь трудновато и дорога она непомѣрно!.. Да оно и понятно, если охотниковъ мало... Не правда ли, душечка Маріанна? И рыбка, въ настоящемъ смыслѣ слова, я что-то не встрѣчала... А, чтд ты говоришь?.. Ну, а касательно остальныхъ условій жизни, вамъ, адвокатамъ, лучше знать (обратилась она уже прямо къ ванъ-Теніусу), чтд за некрасивыя дѣла у насъ творятся... Да, да: я прекрасно вижу, что вы съ майоромъ нарочно заминаете разговоръ; но теперь, когда... Нѣтъ, душечка: благодарю! Право, я больше не могу... Нѣтъ, нѣтъ: и не проси! Ты говоришь: розмаринъ? Да, очень хороши эти розмарины... Ну, хорошо; развѣ ужъ четвертушку, и только для тебя. Розмариновъ я ужъ нѣсколько... нѣсколько недѣль не ѣла... Итакъ, ванъ-Теніусъ, должны же вы согласиться, что этотъ несчастный молодой человекъ...

— Позвольте, однако: вовсе онъ ужъ не такъ молодъ! — не выдержалъ Оссендорфъ.

— И чистокровный дворянинъ... — не унималась тетюшка.

— Прошу прощенья! — отозвался ванъ-Теніусъ, такимъ серьезнымъ тономъ, что Маріанна съ мужемъ изумленно переглянулись и отъ души разсмѣялись: — но я долженъ поддержать Оссендорфа... по крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ главныхъ пунктовъ. Конечно, случается (и даже не особенно рѣдко), что одинъ человекъ убьетъ другого... Но я не вѣрю, чтобы существовали, какъ вы говорите, настоящіе убійцы!

Во время наступившаго молчанія все маленькое общество встало изъ-за стола и перешло въ гостиную, весело болтая; затѣмъ мужчины удалились курить въ рабочій кабинетъ Оссендорфа; дамы также ушли къ себѣ. Въ отсутствіе ихъ кузень Рихардъ былъ совсѣмъ умницей и весьма серьезно прислушивался къ спору двухъ друзей, адвоката и майора, который никакъ не хотѣлъ согласиться съ новѣйшими теоріями о неответственности преступника. Горячѣе, чѣмъ когда-либо, защищалъ сегодня ванъ-Теніусъ свою теорію *несвободной воли*. Вскорѣ, однако, къ нимъ

присоединились дамы, и Оссендорфъ привѣтливо обратился къ тетушкѣ:

— Ну, а теперь, тета, я къ твоимъ услугамъ! Выкладывай все по порядку: во-первыхъ,—убійство въ Вестэндѣ, о которомъ, право же, болѣе пристало толковать за рюмкой коньяку, нежели за обѣдомъ. И если ужъ тебѣ такъ хочется, изволь: давай, настраиваемъ другъ друга хорошенько!

— Я ужъ, право, не знаю, какъ тебя и понимать, Вольфгангъ! Я вѣдь все объ этомъ ужъ перечитала, но вась обоимъ, какъ ближайшихъ сосѣдей той мѣстности, гдѣ совершено злодѣяніе, интересно послушать: вамъ все-таки гораздо больше должно быть извѣстно.

— Нѣтъ, все, — совершенно все! — трагически воскликнулъ Оссендорфъ.— Убійца—мой другъ и пріятель, и въ будущее воскресенье онъ поведетъ тебя подъ-руку къ столу.

— Ну, Вольфгангъ! Чтѣ за грубия шутки! Твой отецъ скажетъ бы...

— „Молчать“! сказалъ бы мой отецъ... одному изъ насъ. Нѣтъ, тета, нѣтъ: мнѣ одному!—добродушно поспѣшилъ онъ ее успокоить.—Мнѣ бы только хотѣлось напомнить тебѣ про ту сказку, которую ты такъ любила говорить по воскресеньямъ намъ въ награду, когда я былъ еще ребенкомъ; и говорила ты прекрасно, самымъ настоящимъ, гробовымъ голосомъ. Смотри же, тета, слушай хорошенько, не позабылъ ли я хоть слово? Ну-съ, начинаю.

„Жилъ-былъ за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ-государствѣ, какой-то человѣкъ объ одной ногѣ. Вотъ онъ призвалъ къ себѣ золотыхъ дѣлъ мастера и говоритъ: — Сдѣлай-ка ты мнѣ серебряную ногу!

„И тотъ послушался, сдѣлалъ ему серебряную ногу, и человѣкъ сталъ ходить на двухъ ногахъ и еще долго, долго жилъ на свѣтѣ. Наконецъ, онъ умеръ и ужъ пролежалъ цѣлый годъ въ гробу, какъ вдругъ его жена (скупая была баба!) вспомнила про серебряную ногу, и жаль ей стало, что столько добра даромъ пропадаетъ. Приказала она выкопать мужнинъ гробъ изъ фамильнаго склепа, открыла его и вынула серебряную ногу: ей-то за годъ ничего не сдѣлалось. Отдала жена ее сплавить и радуется, что разбогатѣетъ. Вдругъ ночью слышитъ она: „стукъ, стукъ, стукъ!“—за дверью. Холодомъ вѣетъ вокругъ, а стукъ приближается... Вотъ ужъ въ комнату... близко! Холодный воздухъ струей дуетъ ей прямо въ лицо... Страшно становится жестокой женѣ и слышитъ она глухой голосъ: — Ногу отдай, ногу, ногу!..

„Три ночи подъ-рядъ промучилась такъ бѣдная вдова и наконецъ

послала въ золотыхъ дѣль мастеру просить его вернуть ей серебряную ногу. По счастью, тотъ еще не успѣлъ ее расплавить и могъ исполнить желаніе вдовы. Четвертый разъ пришелъ опять невидимой ея мужъ. Опять застучалъ за дверью, и въ комнатѣ пронесся холодный... мертвый духъ, и послышался голосъ:—Ногу отдай, ногу, ногу!...

— „На! Вотъ она“!—скрипучимъ бабынмъ голосомъ прокричала майоръ, да такъ мастерски, что мужчины встрепенулись, а сама тетушка даже глаза закрыла отъ испуга...

Вдругъ за окномъ въ это время раздались такіе же скрипучіе голоса, постепенно приближавшіеся:

— Прибавленіе, прибавленіе! Купите, господа, прибавленіе!.. Подробное описаніе жизни и наружности убійцы!.. Новое, новѣйшее прибавленіе... купите!

Оссендорфъ послалъ Франца купить одинъ номеръ.

— Ахъ, пожалуйста, и на мою долю!—спохватилась тетушка. — Не знаю, достану ли я еще газеты въ Берлинѣ: онѣ вѣдь на-расхватъ. Во всякомъ случаѣ, лишній номеръ и моей Лизаветѣ пригодится!

Францъ живо вернулся и принесъ два листа прибавленій: бумага была еще совсѣмъ сырая и сильно пахла типографской краской. Тетушка сложила и спрятала свой листокъ въ карманъ. Оссендорфъ пробѣжалъ свою страничку глазами:

— Гмъ, странно!—замѣтилъ онъ. — Повидимому, это и есть настоящій убійца... А я былъ готовъ голову отдать на отсѣченіе, что полиція опять пошла по ложному слѣду!

Ванъ-Теніусъ спокойно протянулъ руку, чтобы взять у него листокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—возразилъ майоръ:—Въ торжественныя минуты газеты принято читать вслухъ; ну, вотъ, я вамъ и прочту все, отъ слова до слова. Садитесь и слушайте. Рихардъ, закури новую сигару!.. Для меня эстетическое наслажденіе вслухъ любоваться произведеніями нашей журналистики. Признаюсь, не только слогъ, но и самое содержаніе сенсаціонныхъ извѣстій (какъ, на-примѣръ, этого убійства) интересуютъ меня такъ же горячо, какъ и тебя, милая тетя! Вотъ видишь:

— „Преступникъ арестованъ“!..

„Наконецъ, всѣ усилія тайной полиціи и судебныхъ властей увѣнчались полнымъ и вполне заслуженнымъ успѣхомъ. Въ ту самую минуту, когда злодѣй уже могъ питать надежду на безнаказанность своего возмутительнаго поступка, невидимую хитросплетенную сѣть дознаній стаяли надъ его преступной головою и...

онъ навѣки погибъ во мнѣніи людей, въ глазахъ всего человѣчества!..

„Теперь въ алополучномъ лѣсу все тихо, мирно. Обыватели города Берлина и его окрестностей спокойно могутъ вдыхать въ себя живительный кислородъ, которымъ такъ богатъ нашъ милый Грюневальдъ, не боясь никакихъ роковыхъ случайностей. Повторяемъ: въ лѣсу водворены, стараніями и бдительностью полиціи, полный порядокъ, миръ и тишина, столь отрадная для городского жителя“. — А? Слогъ-то каковъ? — посмѣялся Оссендорфъ.

„Еще въ пятницу сдѣлалось извѣстнымъ, что фонъ-Церпенъ не имѣлъ привычки носить портмонэ, и деньги держалъ — бумажныя въ жилетномъ карманѣ, а мелочь въ сюртукѣ. Слѣдовательно, розыски портмонэ покойнаго можно было прекратить. Тогда все вниманіе полиціи сосредоточилось на отысканіи золотыхъ часовъ убитаго. По словамъ извѣстнаго часовщика Ф. Зибенлиста (Потсдамерштрассе, № 25, с.), за послѣдніе полгода его клиентъ фонъ-Церпенъ носилъ изящныя золотыя заводныя дамскіе часы на 15 рублинахъ съ вензелемъ S. B. въ миниатюрныхъ брилліантовъ на глухой крышкѣ. Съ Рождества и до Новаго года эти часики были у него, Зибенлиста, въ починкѣ, которая обошлась 7½ марокъ. Этихъ часовъ при покойномъ не оказалось. Но тутъ помогъ простой случай: за буйство въ трактирѣ былъ задержанъ на дняхъ ремесленникъ, Іоганнъ Твардкій, въ карманѣ котораго найденъ билетъ ссудной кассы на золотыя дамскіе часы... Кто не пойметъ волненія, которое охватило сыщика, когда, по предъявленіи этого билета, ему показали тѣ самые часы, которые такъ важны въ смыслѣ вещественнаго доказательства. Твардкій между тѣмъ еще сидѣлъ подъ арестомъ и на другое утро былъ пораженъ, какъ громомъ, когда его спросили, откуда онъ взялъ эти часы, чтобы ихъ заложить. Онъ запынлся, путался, не зналъ, что и придумать себѣ въ оправданье. То онъ говорилъ, что нашелъ ихъ на дорогѣ, то вдругъ объявилъ, что ихъ подарилъ ему какой-то незнакомецъ... такъ просто на память! Понятно, ему не повѣрили ни на грошъ и строго сказали: — Твардкій! Ты убійца фонъ-Церпена; это его часы!

„Твардкій тяжело опустился на стулъ и лишился чувствъ.

„Въ его виновности нѣтъ болѣе основаній сомнѣваться.

„Ему тридцать-четвертый годъ; онъ холостъ, родомъ полякъ, вѣроисповѣданія католическаго. Глядя на его добродушное лицо, не вѣрится, чтобы онъ былъ способенъ на такое злодѣйство.

„Изъ всего приведеннаго выше читатели могутъ съ удовольствіемъ убѣдиться, что еще не перевелись на свѣтѣ талантливые

блистатели ихъ интересовъ,—представители судебной правды и милости!..

Слѣдственные данныя Оссендорфъ читалъ медленно, внимательно, вступленіе же и заключительныя строки — шуточно, тономъ торговца, зазывающаго къ себѣ покупателей. Окончивъ, онъ откинулъ голову назадъ на кресло и спросилъ своего друга:

— Ну, ванъ-Тениусъ, какъ по вашему?

— Да, это все весьма логично, но...

— ...Ошибочно?—подсказалъ Оссендорфъ. — Я тоже готовъ въ этомъ поклѣсть! Онъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ никого не убивалъ!

Ванъ-Тениусъ поднялся не спѣша.

— Это положительно выдающійся случай!—проговорилъ онъ. —Знаете,—мнѣ хочется пойти въ защитники къ этому бѣднягѣ. Я даже сегодня, если еще не поздно, могу начать хлопотать объ этомъ.

— Bravo, ванъ-Тениусъ!—воскликнулъ майоръ:—меня въ васъ это радуетъ!

Тетушка какъ-то жеманно посмотрѣла на нихъ и приняла соответствующую позу, не зная, что и подумать о такомъ неожиданномъ инцидентѣ. Маріанна переводила удивленный взглядъ съ одного на другого. Кузель-Рихардъ замѣтилъ со смѣхомъ:

— Да, хорошо, еслибы намъ можно было самимъ распоряжаться. Но, я думаю, особенно страннымъ покажется властямъ, если къ нимъ, ни съ того, ни съ сего, со стороны явится такой доброволецъ, который объявитъ: „Вотъ я такую-то или такую-то защиту желалъ бы получить“.

— Но у адвокатовъ это иной разъ водится,—привѣтливо вступилась за ванъ-Тениуса старушка-тетушка. — Они не *хотятъ* допускать несправедливости!.. Судебныя правила чести все-равно, что военныя.

— Видите, ванъ-Тениусъ, наша милая тетушка уже считаетъ васъ поборникомъ справедливости, потому что вы хотите дѣйствовать наперекоръ полиціи и слѣдователей!—замѣтилъ Оссендорфъ. — Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что можете поспѣть еще сегодня?

— Надѣюсь!

— Ну, такъ не смѣю задерживать. Поклонитесь же отъ меня Твардкому, да не забудьте!

Маріанна опять вышла провожать гостя въ коридоръ.

— До свиданья!—проговорила она. —Вы, кажется, очень волнуетесь? Неужели это такъ важно?

— О, да. Еще бы!

— А мнѣ... не будетъ ни слова ласки, на сегодня?

Ванъ-Теніусъ чуть-чуть нагнулся и шепнулъ ей сердечно:

— Мнѣ бы хотѣлось за васъ умереть!..

— Но мнѣ этого мало: для меня надо „жить“!

Ванъ-Теніусъ удержалъ ея руку въ своей и глубоко заглянулъ ей въ глаза.

— Ну, жить, такъ жить!—тихо, но твердо прозвучалъ его голосъ.

VII.

Адвокатъ прошелъ пѣшкомъ всю дорогу домой. Онъ глубоко задумался. Ничто не мѣшало ему въ толпѣ прохожихъ предаваться своимъ угрюмымъ мыслямъ... если не считать, впрочемъ, крикливыхъ и надорванныхъ голосовъ, которые продолжали предлагать газеты. Одну изъ нихъ, мимоходомъ, ванъ-Теніусъ даже купилъ; но съ разсѣянной улыбкой, не заглядывая въ нее, сунулъ себѣ въ карманъ. Повернувъ въ Доротеенштрассе, онъ направился къ тому дому, гдѣ жилъ его знакомый юристъ, которому было поручено вести прокурорскую часть дѣла Іоганна Твардвага. Но его знакомаго не оказалось дома, и, черкнувъ ему пару словъ на визитной карточкѣ, ванъ-Теніусъ отправился дальше.

Зайдя въ портерную, гдѣ онъ былъ однимъ изъ завсегдатаевъ, озабоченный адвокатъ не сталъ тамъ засиживаться и неожиданно для кельнера поднялся съ мѣста, чтобы уходить.

— Какъ? Одну только кружку изволили выпивать, г-нъ докторъ?—воскликнулъ добродушный мальш, получая на чай.

— Да. Мнѣ некогда... Спѣшу по дѣламъ!—солгалъ ванъ-Теніусъ.—Можетъ быть, взгляну потомъ, немножко погоды.

Сердито стиснувъ губы, уходилъ онъ прочь, пристыженный тѣмъ, что безъ всякой надобности сказалъ ложь... чего съ нимъ еще никогда не случалось. Нѣчего сказать, дожدهшься хорошаго, если ужъ пошелъ по такой дорожкѣ!

На углу Кирхштрассе, въ третьемъ этажѣ большого дома, ванъ-Теніусъ занималъ „барски-меблированную“ квартиру въ три комнаты, изъ которыхъ одна служила пріемной и такъ же, какъ и всѣ остальные, находилась на попеченіи квартирной хозяйки или вѣрнѣе—ея племянницы. Эта недурная собой, очень видная особа, съ лицомъ и бровями чистокровной испанки, замѣняла собой въ домѣ тетку и горничную, и компаньонку,—смотря по обстоятельствамъ; но это не мѣшало ей быть дородной, краснощевой (даже несмотря на смуглую кожу) и—что всего замѣчательнѣе!—

веселой. Съ утра до вечера, за работой или между дѣломъ, она постоянно болтала, вмѣшиваясь въ личныя дѣла жильцовъ и подчасъ надѣдая имъ; но зато въ ихъ глазахъ она даже имѣла свою особую прелесть, которая имъ живо напоминала назойливую безцеремонность рейнскихъ крестьянокъ.

Войдя къ себѣ въ кабинетъ, адвокатъ засталъ тамъ племянницу, какъ всѣ ее за глаза величали. Она стояла у его стола... и это неприятно поразило ванъ-Тениуса: тамъ было немало такихъ вещей, которыя видѣть ей не подобало. На столѣ былъ портретъ Маріанны, а въ ящикѣ (положимъ, подъ ключомъ,—да вѣдь и ключъ бабьему любопытству не помѣха!), въ ящикѣ кой-какія важныя бумаги—дѣловыя и свои собственныя... письма Маріанны...

Повидимому, племянница воображала, что онъ и сегодня, по обыновенію, вернется изъ гостей лишь въ двѣнадцатомъ часу: до сихъ поръ оно такъ и было каждое воскресенье. Значить, и она, по привычкѣ, расположилась безъ церемоніи у него въ комнату, или только зашла порыться въ его бумагахъ...

— Извините, я не ошибся? Это дѣйствительно моя комната?—спросилъ онъ непрошеную гостью.

— Пожалуйста не сердитесь, я только такъ зашла... хотѣла заглянуть... не надо ли... Я собиралась вамъ постлать постель... съ вашего позволенія,—уже смѣясь, заключила она.

„Только бы не подавать виду, что я струсилъ... Это было бы глупо!“—думалъ ванъ-Тениусъ, а самъ говорилъ вслухъ:—Я не хотѣлъ васъ обидѣть, фрейлейнъ! Я поджидаю телеграмму... и потому предпочитаю сидѣть дома. Можетъ быть, и придетъ моя телеграмма... а можетъ быть и нѣтъ... все равно... Если вы уже тутъ, такъ не будете ли такъ добры зажечь мнѣ лампу...

Племянница бросилась исполнять желаніе жильца и захопотала съ преувеличеннымъ усердіемъ.

— Ахъ, какъ это прекрасно!—затараторила она.—Мнѣ становится такъ уютно въ нашемъ старомъ домѣ, когда вы тутъ, г-нъ докторъ! Особенно сегодня, когда весь день только и слышишь, что про убійство!.. Мнѣ такъ было жутко одной... А теперь вотъ весь страхъ какъ рукой сняло!..

— Да, да... да!—бормоталъ безсвязно ванъ-Тениусъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, чтобы показать ей, что онъ желаетъ избавиться отъ ея присутствія.

Какъ только онъ этого добился, тотчасъ же сѣлъ въ столу и, вынувъ изъ ящика нѣсколько листовъ исписанной бумаги, принялся пробѣгать ихъ глазами, то хмурясь, то презрительно са-

тому себя улыбаясь, то наконецъ вздыхая глубоко и больно, и вздохъ его звучалъ какъ подавленный стонъ. Изъ высокой рѣзной деревянной рамы на него въ строгой задумчивости смотрѣла Марианна.

На листахъ было написано:

Королевскому Судебному Управленію въ Берлинѣ

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Берлинъ, 25 марта 1888 г.

„Я, нижеподписавшійся, въ послѣдній разъ исполняя долгъ правосудія, которому служилъ вѣрой и правдой, симъ заявляю, что считаю себя обязаннымъ сдѣлать Судебнымъ Властямъ нижеслѣдующее признаніе.

„Нѣсколько часовъ тому назадъ, очутившись въ такихъ условіяхъ, которыхъ я не считаю себя въ правѣ разъяснить, а именно: въ условіяхъ, вынудившихъ меня дѣйствовать быстро и рѣшительно (подъ этой строкою были зачеркнуты слова: „*въ порывѣ борьбы чести съ человеколюбіемъ*“), я нанесъ другому смертельный ударъ (вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: „*совершилъ убійство*“). Въ причинахъ, послужившихъ стимуломъ къ преступленію, я не имѣю права признаться, а потому, когда эта бумага будетъ получена на мѣстѣ своего назначенія, меня уже не будетъ на“...

Понедѣльникъ 26-го.

„Можетъ оказаться необходимымъ, а слѣдовательно и возможнымъ, что мнѣ придется покончить съ собою внезапно, прежде чѣмъ мнѣ удастся оформить мое показаніе, а между тѣмъ надо, чтобы между моими бумагами нашлось также и мое чистосердечное признаніе. Поэтому я тутъ же изложу просто и откровенно все, что я сдѣлалъ и что я думаю о своихъ поступкахъ. Надѣюсь, что Судебныя Власти такъ и посмотрятъ на мою исповѣдь и положатся на мое честное слово.

„Я не убивалъ журналиста фонъ-Церпена; но я нанесъ ему смертельный ударъ,—это не подлежитъ сомнѣнію. О причинахъ, заставившихъ меня его ударить, я умолчу, потому что не считаю возможнымъ о нихъ говорить, и умолчалъ бы даже на допросѣ, еслибы меня арестовали. Не имѣя намѣренія „убить“ фонъ-Церпена, я однако убилъ его, чтобы онъ не проболтался: онъ былъ негодный человѣкъ. Друга моего, который можетъ обо всемъ догадаться, я убѣдительно прошу и клятвенно умоляю нашей дружбой ничего не разглашать дурного ни противъ него... ни противъ *него*, ни противъ кого бы то ни было другого.

„Еще разъ говорю чистосердечно: это не убійство, а *смертельный ударъ*. По чистой совѣсти, разбирая свои дѣйствія какъ бы посторонній, я прихожу къ убѣжденію, что это дѣйствительно былъ ударъ и, можетъ быть, даже *не-смертельный*. Вотъ какъ это случилось.

„За вѣсколько минутъ до того я такъ же мало думалъ о фонъ-Церпенѣ, какъ о какомъ-нибудь хищномъ звѣрѣ. Потомъ вдругъ во мнѣ родилось желаніе, чтобы онъ умеръ тутъ же, на мѣстѣ, у меня на глазахъ—такъ, сразу, какъ испускаетъ духъ застигнутый врасплохъ дикій звѣрь или бѣшеная собака, которая хочетъ броситься и укусить.

„Прошу убѣдительно Судебныя Власти обратить вниманіе на мое заявленіе, что ударъ, который свалилъ съ ногъ фонъ-Церпена, оказался *смертельнымъ* лишь благодаря его крайней слабости въ физическомъ отношеніи: всякаго другого, здороваго и сильнаго человѣка, тотъ же самый ударъ могъ не болѣе какъ ошеломить или ненадолго лишить сознанія... но убить—никогда!.. Въ самый моментъ совершенія убійства—даю въ томъ мое честное слово!—я ни о чемъ не думалъ, ничего не хотѣлъ. Но потомъ...

„Потомъ я все дѣлалъ обдуманно и совершенно сознательно. Прошло ли между моимъ безпамятствомъ и возвращеніемъ къ сознанію пять минутъ или цѣлый часъ—я не знаю... Я знаю только, что я сдѣлалъ все возможное, чтобы направить розыски по ложному слѣду. Часы, напримѣръ, я самъ взялъ и унесъ съ собою. Все это я сдѣлалъ, повинуюсь чувству страха, и съ тѣхъ поръ этотъ страхъ не оставлялъ и не оставляетъ меня ни на минуту. Угрызеній совѣсти я не чувствую никакихъ и лишь сначала ошибочно принималъ свой страхъ за тревогу совѣсти, но теперь я вижу ясно, что не раскаиваюсь въ своемъ поступкѣ: совѣсть моя положительно меня не упрекаетъ... Я радъ, что покончу съ собою, но радъ не потому, что случайно совершилъ преступленіе, а просто потому, что мои умственные способности какъ-то притупились... какъ у больного.

„А все-таки, несмотря на все, что я говорилъ выше, я дѣйствительно сознаю, что лишилъ жизни человѣка, и не чувствую угрызеній совѣсти“!...

Вторникъ, 27-го марта.

„Сегодня ночью я видѣлъ *его* во снѣ.

„Онъ смотрѣлъ на меня въ упоръ своими ненавистными бѣлыми глазами и снялъ передо мной шляпу, чтобы раскланяться.

Меня морозъ подралъ по кожѣ, и я проснулся весь въ холодномъ поту, но счастливый тѣмъ, что у меня, значить, еще есть совѣсть...

„Но нѣтъ! это была просто трусость передъ грознымъ, отвратительнымъ призракомъ, которая и смутила меня. Очнувшись окончательно, я уже на яву долженъ былъ самъ себя признать, что совѣсть моя молчитъ, а жалость къ убитому—и того подавно. Я положительно не совсѣмъ въ здоровомъ умѣ, и мое состояніе крайне любопытно въ медицинскомъ отношеніи. Такое странное состояніе можетъ объяснить только тотъ, кто самъ его испыталъ на себѣ. Я знаю, что во мнѣ твердо сознаніе долга, но не наоборотъ; знаю также, что жилъ въ юности такъ цѣломудренно, какъ это рѣдко встрѣчается, и что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ довольно легкомысленно, опять живу такою же скромной и, такъ сказать, невинной, дѣвственной жизнью. Сколько мнѣ помнится, никогда я не грѣшилъ по своей доброй волѣ... вотъ и теперь... О, слава Богу, что матери моей уже нѣтъ на свѣтѣ“!..

Въ тотъ же день, ночью.

„Я страшно боюсь, чтобы не напали на мой слѣдъ. Трупъ найденъ, но пока нѣтъ ни малѣйшаго указанія, которое навело бы на мысль, что именно я уб... Да! ни малѣйшаго!.. если только не зяится дать свое показаніе кучеръ“...

Ванъ-Тениусъ вздрогнулъ и порывистымъ движеніемъ вырвалъ большими ножницами ту строку, гдѣ говорилось о „кучерѣ“; затѣмъ поднесъ къ лампѣ эту узенькую полоску бумаги и подождалъ, пока она сгорѣла до тла. Закуривъ сигару, онъ еще разъ пробѣжалъ глазами уцѣлѣвшія строки, чтобы проверить, не осталось ли въ нихъ еще чего подозрительнаго, и затѣмъ продолжалъ:

„Итакъ, я положительно испытываю страхъ... да, самый заурядный страхъ смерти! Или нѣтъ: скорѣе боязнь передъ тѣмъ возмездіемъ, которое меня ожидаетъ, такъ какъ я знаю, что мой проступокъ карается по закону не смертною казнью. И знаю тѣмъ вѣрнѣе, что я совершилъ его невольно... въ чемъ меня еще болѣе убѣждаетъ сознаніе, что случись это все опять сначала—я уже добровольно, преднамѣренно поступилъ бы такъ точно, какъ это вышло нечаянно.

„Боюсь я еще и стыда, позора! Мнѣ страшно сидѣть теперь въ кругу своихъ начальниковъ и сослуживцевъ; жутко пользоваться всеобщимъ уваженіемъ и думать, что не сегодня-завтра я могу попасть въ газеты и на позорную свамью.

„Иной разъ, въ порывѣ тревоги, я хватаюсь за зеркало, пристально смотрю на свое лицо и думаю:

— „Ага! Такъ вотъ какъ смотреть преступникъ!

„И вижу, что не чувствую въ душѣ ни малѣйшаго укора; а между тѣмъ вѣдь нельзя отрицать, что я—палачъ... убійца! Но почему же Богъ не сразилъ меня на мѣстѣ Своимъ гнѣвомъ? Вѣдь Ему повинуются громы небесные. Ты, Боже, первый долженъ бы осудить меня за такой страшный грѣхъ...

„Но этимъ обращеніемъ къ Богу я не хочу сказать, что началъ въ Него вѣрить.

„Нѣтъ, я—невѣрующій вообще, и только повинуюсь естественному стремленію не нести одному всю свою вину“.

28-го, ночью.

„Судебное слѣдствіе состоялось. Въ судѣ только о томъ и говорятъ, что за человѣкъ былъ убитый. Молва растетъ. Ходятъ слухи, что фонъ-Церпенъ былъ негодяй и прощальга, а не „бѣдный, добродушный труженикъ“ и „всеобщій другъ“.

„Положимъ, мнѣ до этого дѣла нѣтъ: все равно, я не жалѣю о своемъ поступкѣ. Но отовсюду,—главное, въ судѣ,—только и слышишь, что виновный „не волѣнъ“ въ своихъ поступкахъ и, слѣдовательно, за нихъ „не отвѣтственъ“. Значитъ, фонъ-Церпенъ тоже не виноватъ въ томъ, что былъ негодяй?.. Или, быть можетъ, все-таки можно допустить, что онъ дѣйствительно былъ негодяй и прощальга.

„Сегодня утромъ я случайно взялъ въ руки томъ Шопенгауэра, котораго не перечитывалъ со дней моей юности. Перелистывая книгу, я замѣтилъ во многихъ мѣстахъ отмѣтки карандашомъ, а тамъ, гдѣ говорилось о несвободной волѣ, о неотвѣтственности человѣка за свои поступки, стояли на поляхъ восклицательные знаки.

„Значитъ, еще тогда, давно, когда я не могъ и предвидѣть, что буду бояться отвѣтственности за свое преступленіе, меня уже поражало это разсужденіе“...

Четвергъ.

„Сейчасъ вернулся отъ Маріанны.

„Въ ея присутствіи совѣсть моя молчала, а все-таки мнѣ кажется, что Маріанна должна была бы оттолкнуть меня съ отвращеніемъ, какъ пресмыкающагося. Но, право же, мое дѣло—поразительный примѣръ невмѣняемости.

„Гдѣ-нибудь на экваторѣ поднимаются въ воздухѣ жгучіе пары

(и надо же было имъ подняться именно тогда у насъ еще мартъ мѣсяцъ!); вѣтеръ подхватываетъ насыщенные ими облака и несетъ къ намъ на сѣверъ. Надо же намъ съ Марианной поѣхать кататься именно въ этотъ самый, теплый день, надо ей было непременно пожелать открыть коляску... Надо же мнѣ было непременно ударить этого негодяя... Но кто же всему этому виною?..

„Кто, какъ не жгучее, тропическое солнце!..

„То же разсужденіе можно примѣнить и къ убитому: зачѣмъ онъ пошелъ именно въ этотъ лѣсъ, зачѣмъ не въ другой, а именно въ этотъ самый часъ? зачѣмъ попался намъ на встрѣчу?

„Боже мой! Да, наконецъ, развѣ уничтоженіе слабыхъ организмовъ въ природѣ сильными не есть постоянный, исконный порядокъ? Развѣ не погибаютъ въ борьбѣ за существованіе „ежедневно“ цѣлыя миллиарды невидимыхъ для глаза живыхъ существъ? И въ необъятномъ мірозданіи, которое кипитъ болѣе крупными существами, какое могъ имѣть значеніе какой-нибудь фонъ-Церпель? Самое большее, съ чѣмъ можно бы его сравнить по этому значенію, это—съ гусеницей или даже... съ самымъ простымъ микробомъ.

„Какой я вздоръ несу! Даже смѣшно... Ну, кто можетъ себя считать безпристрастнымъ оцѣнщикомъ на великихъ торгахъ жизни человеческой? — Только не я!.. Но и не власти... И не пѣла... Стоитъ ли онъ того, чтобы о немъ жалѣть? Да почему же кто это знаетъ? Кто можетъ сказать навѣрное другому:— Милостивый государь, вы негодяй!

„Не все ли кому равно, убилъ ли я голубя, крота или раздавилъ гнуснаго червя, чтобы не испугать Марианну? Не все ли равно? По законамъ природы: горе побѣжденнымъ, и жизнь и безопасность—побѣдителямъ, т.-е. сильнымъ! Я оказался сильнымъ и воспользовался правомъ сильнаго... Что жъ тутъ такого?

„Вѣдь я же люблю тебя, Марианна“!..

Банъ-Теніуса передернуло. Онъ съ удивленіемъ перечиталъ послѣднюю строку и покачалъ головою. Это нельзя было дать въ руки никому на свѣтѣ. Да и всѣ эти разсужденія о тщетѣ всего земнаго—ну, къ чему они?.. Онъ бросилъ весь листокъ въ огонь и принялся читать дальше.

30-го марта, 8 час. утра.

„Бѣдный шарманщикъ! Онъ арестованъ; онъ страдаетъ за меня. Нѣтъ, я не могу этого пережить“!..

Ночью.

„Да! власти непогрѣшны; полиція непогрѣшима. Законы непогрѣшны!..

„Убійство совершено въ понедѣльникъ, на разсвѣтъ... это установлено медицинскимъ осмотромъ... Да здравствуетъ наука! Наука тоже вѣдь непогрѣшима!..

„Если у меня хватить силъ жить, я напишу большое сочиненіе о непогрѣшности науки, выступлю противъ ея жрецовъ, ея непогрѣшимыхъ... ея ремесленниковъ! Полудикій человекъ—не то, что человекъ науки. Первый можетъ и ошибиться: онъ слѣдуетъ лишь своему инстинкту; послѣдній же рѣшаетъ на основаніи своихъ ученыхъ таблицъ. Въ таблицахъ не можетъ быть ошибки: онѣ—дѣло официальное. А официальныя заблужденія не признаются: власти и судьи, и ученые, не могутъ ошибаться!

„Хиромантія, что-ли, имъ помогла опредѣлить, что убійство совершено именно въ понедѣльникъ? Нечего сказать, хороши хироманты!..

„А какъ выкинешь въ суть дѣла, то, право же, на повѣрку окажется, что властямъ въ сущности рѣшительно все равно: я ли поплачусь за свой проступокъ, или за меня безвинно пострадаетъ старикъ-шарманщикъ.

„Какъ бы ни былъ неудобенъ для властей адвокатъ ванъ-Тениусъ, онѣ еще неудобнѣ будутъ себя чувствовать, если этотъ же ванъ-Тениусъ окажется злодѣемъ и убійцей: вѣдь онъ защитникъ отъ правительства; онъ представитель правосудія... официальный!

„И потому, чтобы не срамить власти, лучше ему молчать... официально“!..

Ночью.

„Дѣло близится къ развязкѣ. На всѣхъ столбахъ, на всѣхъ перекресткахъ наклеены афиши. За выдачу убійцы обѣщано пятьсотъ марокъ.

„Кучеръ донесетъ непременно“!..

Едва дочитавъ этотъ послѣдній листокъ, ванъ-Тениусъ отрѣзалъ лишь послѣднія строки и сжегъ; но ватѣмъ снова взялся за перо и долго думалъ надъ нимъ. Какъ во снѣ, всталъ онъ и подошелъ къ окну, но не видѣлъ мелькавшихъ огней, не слышалъ гама суетливой толпы...

Вдругъ все его вниманіе сосредоточилось на большой мухѣ, которая, жужжа, билась объ оконную раму. Ванъ-Тениусъ уже протянулъ-было руку, чтобы ее пришибить, какъ вдругъ почему-то

раздумалъ. Съ горькимъ, насмѣшливымъ смѣхомъ отошелъ онъ прочь и пробормоталъ себѣ подъ носъ:

— Мы квиты! У одного Божьяго созданья я отнял жизнь, а другому—подарилъ ее...

И, подойдя къ столу, сталъ писать дальше.

Воскресенье 1-го апрѣля, 8 час. вечера.

„Я знаю, что мнѣ остается дѣлать: я постараюсь, я попробую остаться жить. Теперь я могу жить и чувствую, что моихъ силъ на это хватитъ... Жизнь вѣдь еще такъ хороша!

„И, на ряду съ этимъ, есть у меня еще другое, такое же твердое желаніе: употребить всѣ старанія къ тому, чтобы ремесленника Твардыаго оправдали. Я буду его защитникомъ; я возвращу ему свободу! Я буду остороженъ и хитеръ, какъ самый ловкій изъ мошенниковъ. Надо послужить правосудію, и если возможно, то послужить—не обижая никого; но если это невозможно иначе, какъ во вредъ мнѣ самому, то что же тогда дѣлать? Я долженъ буду и этимъ поступиться, лишь бы не дать осудить неповиннаго!

„Да!.. Надо мнѣ собраться съ силами“!...

На этомъ закончилъ ванъ-Тениусъ свои отмѣтки, заперъ ихъ въ столъ, по обыкновенію, и пошелъ пройти пѣшкомъ до знакомой портерной.

Тамъ онъ посидѣлъ и поболталъ, за кружкой пива, съ двумя пріятелями,—о томъ, о семь, а главное, конечно, объ убійствѣ въ Вестэндѣ.

Вернувшись домой, впервые за минувшую ужасную недѣлю, онъ заснулъ крѣпкимъ и здоровымъ сномъ, какимъ спится лишь тѣмъ людямъ, у которыхъ на совѣсти нѣтъ ничего дурного.

VIII.

На слѣдующій день ванъ-Тениусъ отправился въ судъ и тамъ узналъ, что веденіе интереснаго ему дѣла было поручено дѣйствительно его хорошему знакомому, губернскому судѣ, доктору правъ Цирроту.

Не теряя времени, адвокатъ въ то же утро отправился прямо къ нему на квартиру, гдѣ его встрѣтили самымъ радушнымъ образомъ.

— А, ванъ-Тениусъ! Вы были у меня вчера? Ну, говорите же, въ чемъ дѣло? Ужъ не поднимаете ли вы вопросъ о томъ, нельзя-ли затруднить разводъ?

Память у д-ра Циррота была превосходная: онъ въ шутку продолжалъ разговоръ съ того самаго слова, на которомъ они его прервали, когда видѣлись послѣдній разъ,—а видѣться имъ приходилось рѣдко, чуть ли не разъ въ годъ.

— Совсѣмъ не то, другъ мой! Я по-прежнему отстаиваю ненарушимость брака. Но я, собственно говоря, пришелъ сегодня по другому дѣлу.

И ванъ-Тениусъ, безъ малѣйшаго стѣсненія, высказалъ другу свое желаніе. Разслѣдованіе поручено ему, Цирроту, и потому, прежде чѣмъ сдѣлать свое заявленіе официально, ванъ-Тениусъ счелъ своимъ долгомъ поговорить съ нимъ объ этомъ частнымъ образомъ.

— Ну, милый мой, это съ вашей стороны такъ корректно, что даже черезчуръ!—засмѣялся Цирротъ.—Ваши коллеги поступаютъ совершенно иначе, когда хотятъ добиться такого отличія.

— Право, мнѣ эти уловки незнакомы; тѣмъ болѣе, что мнѣ еще ни разу не случалось „просить“ поручить мнѣ защиту!

— Ну, полно, полно, г-нъ Катонъ! Во всякомъ случаѣ, для васъ это—перемѣна! Ужъ вы не влюблены ли? А женитесь—вотъ походите!—и сами станете, какъ всѣ, служить маммонѣ.

Но Тениуса не могли пронять никакія шутки.

— Признайтесь, вы, конечно, и сами увѣрены, что отъ Твардкаго я не могу ожидать гонорара?—возразилъ онъ серьезно:—да я и самъ, прежде всего, дамъ ему понять, что буду защищать его безвозмездно.

— Ну, и прекрасно! Но я долженъ васъ предупредить, что особой славы эта защита вамъ не принесетъ. Не сегодня-завтра Твардкій сознается во всемъ подробно, и тогда вамъ останется лишь прибѣгнуть къ пресловутымъ „смягчающимъ вину обстоятельствамъ“:

— А все-таки я бы хотѣлъ, чтобы вы мнѣ его уступили!

— Извольте, милый другъ, извольте! Ничего противъ этого не имѣю. Меня даже несказанно радуетъ такой вашъ переходъ. До сихъ поръ вы защищали только „оскорбителей власти“ „наносителей побоевъ“, а теперь перенесли свое вниманіе и на „убійцъ“. Право же, это очень мило съ вашей стороны!.. Но только вотъ что: раньше какъ черезъ недѣлю я не могу вамъ разрѣшить видѣться съ обвиняемымъ наединѣ!

— Какъ прикажете, дорогой collega.

— Ну, тогда я сейчас же оповѣщу кого слѣдуетъ и попрошу нашего главнаго цербера присутствовать при вашихъ свиданіяхъ, пока вы будете вести съ обвиняемымъ одни только еще дипломатическіе переговоры. Итакъ, если васъ никто на этомъ пути не опередилъ, вы минуть черезъ пять, а много черезъ десять ужъ будете на мѣстѣ и приметесь за дѣло.

Д-ръ Цирротъ позвонилъ и приказалъ сторожу проводить ванъ-Тениуса къ тѣмъ-то и тѣмъ-то должностнымъ лицамъ тюремнаго управленія.

— И не благодарите: право же, не за что!—сказалъ онъ, прощаясь:—до свиданія!

Квартира того служащаго, котораго Цирротъ назвалъ церберомъ, помѣщалась въ концѣ длиннѣйшаго коридора. По счастью, онъ оказался дома и принялъ посѣтителя въ своемъ кабинетѣ, гдѣ запахъ кожи сливался съ ароматомъ розъ.

Еще минута и, пройдя еще черезъ нѣсколько гулкихъ коридоровъ, они оба остановились у двери, въ которой было устроено маленькое отверстіе.

— Вотъ онъ: смотрите!—проговорилъ спутникъ ванъ-Тениуса.

Въ маленькой чистой камерѣ за маленькимъ столикомъ сидѣлъ понурившійся коренастый человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти; лицо у него было добродушное, несмотря на грубые черты. Рыжеватая борода обросла его такъ густо, что трудно было различить, подстрижена ли она коротко, или просто давно не брита. На толстой шерстяной рубахѣ красовался галстухъ съ ярко-красными цвѣтами, а сверху рубахи была надѣта чистенькая куртка темнаго цвѣта. Брюки небѣленаго полотна, сильно поношенные, тонули въ большихъ стоптанныхъ калошахъ.

Смотритель вошелъ вмѣстѣ съ адвокатомъ.

Бѣдный полякъ испуганно приподнялся и просто изнемогалъ въ усиліяхъ казаться невиннымъ и развязнымъ.

— Твардкій! вотъ господинъ, который хочетъ попробовать васъ обмануть, какъ день! Совѣтую вамъ облегчить ему эту нелегкую задачу и во всемъ признаться безъ утайки. Право, вамъ же будетъ лучше!—заклучилъ свою маленькую рѣчь смотритель.

Полякъ метнулъ взглядомъ отъ одного посѣтителя къ другому и проговорилъ грубоватымъ голосомъ, но на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ:

— Это не я, ну, право же, не я! Все выяснится, вотъ увидите!

— Будьте благоразумны, Твардкій! Скажите правду,—и никто

вась за это не укусить. Только одно скажите: вы одинъ, или у вась есть сообщникъ?

— Да вѣдь не я же виноватъ; не я убійца!—настаивалъ обвиняемый.—Клянусь Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, Пречистой Матерью его и Праведнымъ Іосифомъ, Хранителемъ Ея Дѣвства! Я ни въ чемъ не повиненъ: никто мнѣ не помогаль и я самъ никому не былъ сообщникомъ.

— Твардкій! Да не будьте же вы такъ упрямы! Ну, чего вы уперлись на своемъ, будто совсѣмъ случайно нашли эти часы на дорогѣ?

— Ну и нашель!—проговорилъ Твардкій и продолжалъ такимъ голосомъ, словно хорошо затверженный урокъ: — Близъ улицы Фриденау, на дорогѣ въ Вильмерсдорфъ, въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, послѣ полуночи...

Ванъ-Тениусъ не дагъ договорить смотрителю:

— Позвольте мнѣ спросить...

Но смотритель уже горячился:

— Слушайте, Твардкій! Вамъ положительно везеть. Вотъ господинъ адвокатъ взялся вась защищать, и если вамъ надо ему что-нибудь сказать интересное—не стѣсняйтесь!

Твардкій окинулъ его робкимъ взглядомъ; затѣмъ пытливо посмотрѣлъ на ванъ-Тениуса своими маленькими, узкими глазками и протянулъ:

— А... Такъ мнѣ, значить, полагается защитникъ?

— Да; это къ вашему же благу.

— А можно ли спросить: затѣмъ ему понадобилось меня защищать? Мнѣ вѣдь нечѣмъ заплатить ему за его защиту.

— Я съ удовольствіемъ возьмусь и безвозмездно.

— А!... То-есть, это *даромъ*?—протянулъ опять полякъ по адресу смотрителя и продолжалъ:—А не можетъ ли онъ мнѣ все это написать... на записочкѣ? И чтобы тамъ все, все стояло—и *даромъ* непременно? Вотъ тутъ, сейчасъ, при вась же!

Оба посѣтителя дружно разсмѣялись.

Смотритель объяснилъ арестанту, что это излишняя предосторожность: обѣщаніе устное, данное въ присутствіи представителя судебной власти, равносильно письменному.

— Ну, хорошо! Если ужъ вамъ такъ хочется, что-жь? Защищайте. И попомните мое слово: моя защита принесеть вамъ славу! Я непременно долженъ быть оправданъ!

Ванъ-Тениусъ далъ ему слово, что вѣрить въ его непричастность къ убійству, и тотчасъ же приступилъ къ разспросамъ.

Когда обвиняемый описаль ему свою домашнюю обстановку,

свое жилище, своихъ товарищей и знакомыхъ, адвокатъ выразилъ даже надежду, что ему, можетъ быть, удастся установить его „alibi“.

— Эти „алиби“ самое лучшее дѣло!—проговорилъ полякъ, почесывая въ затылкѣ съ ужимкой озабоченной обезьяны:—потому... меня въ эту ночь совсѣмъ даже не было дома.

Домъ его, по его описанію, былъ просто-на-просто одна изъ жалкихъ лачугъ, въ которыхъ ютятся берлинскіе поляки-землекопы.

Привѣтливо простившись съ обвиняемымъ, ванъ-Тениусъ вышелъ вмѣстѣ съ зрителемъ и высказалъ ему свое убѣжденіе въ невинности Твардаго.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?!—удивился зритель.—Ну, признаюсь, никогда бы этого отъ васъ не ожидалъ! Только съ вами это и можетъ случиться,—право! Ну, чего ужъ доказательнѣе виновности этого полячишки? Вдобавокъ же еще явился кучеръ, чтобы получить обѣщанные пятьсотъ марокъ. Зовутъ его Радушъ. Онъ говоритъ, что въ воскресенье вечеромъ, отъ 5 до 7 часовъ, возилъ отъ замкового сада въ Шарлоттенбургѣ до Шильдгорна и обратно парочку влюбленныхъ... и вретъ конечно! Онъ говоритъ, что коляска была открыта; а гдѣ же видано, позвольте спросить, чтобы влюбленные не прятались отъ людей? И кто повѣритъ его глупымъ бреднямъ? Выдумалъ онъ еще, что съ его сѣдоками встрѣтился какой-то пѣшеходъ, недалеко отъ Вестѣнда и чрезвычайно похоже описываетъ наружность фонъ-Церпена, который будто бы съ ними раскланялся. Затѣмъ, будто бы, господинъ вышелъ изъ коляски, и дама поѣхала дальше одна, а ея спутникъ остался одинъ съ прохожимъ. Выслушавъ эти розсказы, мы все-таки махнули на этого свидѣтеля рукою и отправили его во-своица, такъ какъ всѣ его слова не имѣютъ никакого отношенія къ тому, что произошло въ понедѣльникъ утромъ, а не въ воскресенье вечеромъ, какъ было бы въ дѣйствительности согласно съ его показаніемъ.

Ванъ-Тениусъ слушалъ, скрестивъ на груди руки.

— Простите, коллега, но по-моему выводъ этотъ не совсѣмъ логиченъ. Вѣдь время совершенія убійства, въ сущности, даже не установлено. Если и есть что дѣльное въ сообщеніи кучера, такъ все оно говоритъ въ пользу предположенія, что именно въ воскресенье вечеромъ совершено убійство.

— Однако, обвиняемый все воскресенье, до пяти часовъ утра, провелъ съ товарищами, безотлучно. Слѣдовательно, онъ не виновенъ, если убійство дѣйствительно случилось въ воскресенье.

— Вотъ и я то же говорю, любезный коллега! По-моему онъ ни въ чемъ невиновентъ.

— Совершенно отъ васъ зависитъ развить это предположеніе въ вашей защитѣ,—проговорилъ смотритель.

Ванъ-Тениусъ замѣтилъ, что разговоръ нѣсколько обострился, и поспѣшилъ смягчить его отгѣнокъ:

— Если ужъ вы были такъ добры, что сообщили мнѣ инцидентъ съ кучеромъ, то не согласитесь ли вы повліять на тѣ, чтобы его показанію данъ былъ нѣкоторый ходъ? Я вамъ глубоко благодаренъ за оказанное мнѣ довѣріе и, съ вашего позволенія, сочту своимъ долгомъ сослаться на слова кучера, которыя необходимы и весьма важны для доказательства невиновности моего довѣрителя.

Холодный потъ выступилъ у него на лбу. Но не могъ же онъ поступать противъ своей совѣсти! Его священный долгъ—направлять правосудіе на путь истинный.

— Къ сожалѣнію, кучеръ явился на сцену уже тогда, когда нельзя было прибѣгнуть къ очной ставкѣ: фонъ-Церпенъ былъ уже преданъ землѣ...—заявилъ смотритель уже значительно мягче.

— Но можно вѣдь удостовѣриться въ безошибочности его показаній по карточкамъ покойнаго,—предложилъ адвокатъ.

— А вѣдь вы правы,—согласился смотритель.—Пусть въ ходъ фотографическіе снимки!.. Да, не легко вамъ достанется побѣда надъ нашими полицейскими дѣятелями; но такъ и быть ужъ, обличайте ихъ, сбдненькихъ, на здоровье... обличайте!..

Во вторникъ призвали на судъ кучера и показали ему два различныхъ снимка съ покойнаго.

На первомъ онъ, еще живой и расположившійся, повидимому, на отдыхъ, былъ изображенъ въ своемъ домашнемъ турецкомъ халатѣ, съ книгою въ одной рукѣ и съ сигарою въ другой. Лицо его выражало какъ бы лирическое чувство послѣ только-что прочитаннаго стихотворенія. Второй снимокъ былъ сдѣланъ уже съ покойника, какъ онъ былъ найденъ,—оборванный, съ голой, разможженной головою, которая, какъ и все тѣло, носила на себѣ слѣды ужасной ночи, проведенной трупомъ въ грязи, подъ дождемъ.

Долго и внимательно глядѣлъ кучеръ на обѣ карточки и, наконецъ, проговорилъ:

— Нѣтъ, послушайте, что я вамъ скажу! Вѣдь этакъ вознагражденіе-то у меня мимо носа пройдетъ!.. Вотъ тутъ, гдѣ онъ

въ маскарадѣ собрался—еще ничего, похоже. Борода, какъ будто его собственная; ну, а все остальное... Послушайте! Я честный человѣкъ, я скажу всю правду: думается мнѣ, что у *того*... который шелъ намъ на встрѣчу, не могло быть такой здоровой лысины... Да и вообще-то онъ былъ... ну, какъ будто совсѣмъ другой! Борода-то похожа, что и говорить! ну, а все остальное... *Этотъ*—просто размякшій трупъ и весь совсѣмъ не тотъ. Прохожій-то былъ куда лучше и лѣтъ на двадцать помоложе; ну, и красивѣе, и вообще... Это не тотъ... Прошу прощенья!

IX.

Съ тѣхъ поръ, какъ это (т.-е. убійство) совершилось, ванъ-Тениусъ избѣгалъ встрѣчи съ Марианной, избѣгалъ свиданій наединѣ, съ глазу на глазъ: въ ея присутствіи ему было еще тяжело. Когда она заговаривала съ нимъ, спрашивала:— „Когда увидимся?“—онъ отвѣчалъ ей просто:— „Сегодня (или завтра) мнѣ нельзя!“—безъ дальнѣйшихъ объясненій.

Такъ шла уже третья недѣля, когда имъ разъ пришлось нечаянно остаться однимъ.

— Нельзя ли повидаться завтра?—спросила Марианна, и съ языка у него уже готово было сорваться обычное:

— Нельзя!..—но, вмѣсто того, вслухъ онъ проговорилъ только:
— Когда?

Какъ ни хотѣлось ему развязать ей руки и подготовить въ ней почву къ равнодушію, когда съ нимъ можетъ случиться ужасный для нея переворотъ,—а все-таки, помимо его воли, въ немъ горячо пылала жажда отдохнуть душой въ бесѣдѣ съ нею, чувствовать блаженную истому, пожимая руки своей милой и радуясь ея довѣрью къ нему....

— Когда? Ну, въ пять часовъ, въ саду у замка.

— Хорошо; я тамъ буду!

И, по обыкновенію, оба сошлись въ назначенный часъ, какъ и договорились.

За минувшія двѣ недѣли ни разу не спросила Марианна, почему ей приходилось всегда получать отказъ. Ни любопытства въ ней не было, ни жгучей ревности: она всецѣло довѣряла другу. Она хорошо понимала, что причины на это у него есть, и серьезныя, если онъ такъ угрюмъ и разстроенъ, и находила въ себѣ достаточно силы воли, чтобъ выждать, пока онъ самъ для себя найдетъ удобнымъ подѣлиться съ нею своими заботами.

Она чувствовала, что такое довѣріе съ ея стороны ей не въ тягость, и что безъ этого довѣрія она не могла бы находить счастье въ своей любви къ нему.

Очутившись теперь рядомъ съ Маріанной, не выпуская изъ своей руки ея ручки, ванъ-Теніусъ порой обращался къ ней съ замѣчаніемъ насчетъ какого-нибудь цвѣтка или рѣдкостнаго кустарника... но мысли его были далеко.

Ему казалось, что его преслѣдовалъ какой-то злой духъ, который не давалъ ему покоя двѣ недѣли и пытался разлучить его съ Маріанной. Кто же, какъ не злой духъ, напештывалъ ему отторгнуть ее отъ себя, повончить съ нею навсегда, какъ онъ собирался повончить съ жизнью?.. И чѣмъ сильнѣе разгорались въ немъ эти мысли, тѣмъ ярше сжималъ онъ руку Маріаннѣ и тѣмъ дороже, тѣмъ незамѣнимѣе для него она становилась, а сердце его билось сильнѣе, и бодрость, желаніе побѣды надъ злою волей росли съ каждымъ мигомъ...

— Будь терпѣлива со мной, дорогая!—сказалъ онъ наконецъ:—у меня есть ужасный гнетъ на душѣ...

— Можешь ты мнѣ его повѣрить?

— Нѣтъ, никогда! Ограничимъ взаимно свои притязанія: не надо забывать, что мы съ тобой два однородныхъ обломка... но и только! Жизнь наша одинаково надломлена, разбита, и слишкомъ больно ощущать заблужденіе, что изъ насъ обомъ можетъ когда-нибудь составиться нѣчто цѣлое...

— Ахъ, Робертъ, полно! Чтò ты говоришь? Не смѣешь ты считать себя обломкомъ. Я женщина, и моя жизнь, дѣйствительно, надломлена судьбою; но *тебѣ* стыдно такъ со мной равняться! Не говори такъ больше никогда, не думай... Хоть изъ любви ко мнѣ, хоть для того, чтобы не сдѣлать боль своей Маріаннѣ!.. Да, наконецъ, это просто неправда!

Тихо, съ невыразимо нѣжной лаской погладилъ ее ванъ-Теніусъ по рукѣ, и она еще тише, робѣя, продолжала:

— Ты вѣдь совсѣмъ меня не знаешь! Въ моихъ глазахъ сомнѣніе—все равно, что слабость характера. Такіе достойные люди, какъ ты, не должны чувствовать сомнѣній. Видишь ли, мой другъ, я такъ глупа, что... Но все-таки... Еще и до несчастія съ Вольфгангомъ мнѣ часто случалось... ловить себя на этомъ чувствѣ. Онъ былъ всегда такой знатокъ своего дѣла, но иной разъ онъ рѣшительно сомнѣвался въ необходимости того, на пользу чего самъ же онъ работалъ. И знаешь ли, еще тогда, давно, мнѣ начало казаться, что я ощущаю какъ будто отчужденность отъ него... а все по той причинѣ, что онъ не былъ

за-одно со своимъ призваніемъ. Вотъ потому-то я и говорю тебѣ, что я въ тебя такъ вѣрю, потому-что ты самъ того хочешь, что ты... Ну да: то, что ты хочешь дѣлать, ты дѣлаешь по своей доброй волѣ... Я за то именно и люблю тебя, что ты не обломь, не то, что другіе, какъ теиерь, такъ и въ былое время...

Ванъ-Тениусъ отвѣтилъ не сразу.

Отрицать свое настроеніе онъ, конечно, не могъ, но въ источникахъ его могъ и ошибаться. Чтобы облегчить свою душу, онъ еще разъ, вмѣстѣ съ Маріанной, припомнилъ свою горькую юность и горше прежняго говорилъ о ней.

Въ раннемъ дѣтствѣ остался онъ круглымъ сиротой, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Родные—а у него была тѣма родныхъ!—приютили, пригрѣли его, одѣвали, воспитали. Кажалось бы, чего лучше? Они могли бы отдать его въ ремесленники, но онъ былъ способный мальчишъ, и ему великодушно дали барское образованіе, его не держали впроголодь, не помыкали имъ, какъ нищимъ, который живетъ изъ милости... Но ежедневно приходилось мальчику платить за это своимъ самолюбіемъ, своими душевными чувствами. Онъ вынужденъ былъ, въ силу обстоятельствъ, лицемерить, выказывать притворную любовь и благодарность, и уваженіе къ старшимъ. Онъ былъ обязанъ помнить двѣнадцать семейныхъ праздниковъ въ году и къ каждому приготовить, волей-неволей, привѣтливое, хорошенъкое письмецо, на Рождество же и на Пасху приходилось ихъ писать всѣ двѣнадцать заразъ.

Его никогда и никто не попрекалъ благодареніями, его даже хвалили, но съ нѣкоторымъ покровительственнымъ отгѣнкомъ. Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ подавляли его дядюшки и тетюшки своимъ великодушіемъ, своими неисчислимыми благодареніями и довели до того, что развили въ немъ ненависть къ не-заработанному богатству, къ общественнымъ порядкамъ и... къ самому себѣ, за свою неискренность, за свое притворство, за свое низкопоклонническое положеніе...

— Ты мнѣ, пожалуй, не повѣришь,—продолжалъ ванъ-Тениусъ,—но едва мнѣ минуло двѣнадцать лѣтъ, какъ у меня ужъ былъ предначертанъ планъ моей дальнѣйшей жизни... тотъ самый, которому я и теиерь еще слѣдую. Можетъ быть, онъ и несовсѣмъ мой собственный, а заимствованный отчасти изъ возвращеній и опыта одного бѣдняка-учителя, всегда грустнаго, нуждающагося... Мнѣ шель всего тринадцатый годъ, когда я взялъ на себя задачу быть благодарнымъ и принимать благодаренія моихъ дядюшекъ и кузеновъ, а взамѣнъ разыгрывать передъ ними коме-

дію раболѣпства, потому что хотѣлъ быть образованнымъ и ученымъ, хотѣлъ быть „молотомъ“, а не „наковальной“; потому что хотѣлъ возсѣсть на пиру жизни настоящимъ, сильнымъ мужчиной вмѣстѣ съ „господами“, а не жаться гдѣ-нибудь въ углу, въ „людской“, выжидая, не упадетъ ли съ господскаго стола лишняя кроха на мою долю? Велика премудрость, нечего сказать: пятнадцать лѣтъ быть рабомъ и потомъ попасть въ господа!.. Нѣтъ, говорю тебѣ вѣрно, Маріанна: уже двѣнадцати-лѣтнимъ мальчишомъ я сознавалъ, что стремлюсь даже къ большому, стремлюсь быть молотомъ изъ молотовъ и надъ другими молотами, а не надъ простою наковальной. Меня плѣняло то, что эти молоты могутъ и меня ударить, чтобы я закалился, развилъ бы въ себѣ силу воли и сумѣлъ примѣнить на дѣлѣ свои познанія на пользу моихъ же товарищей, подчиненныхъ и слугъ...

Маріанна припомнила ванъ-Теніусу, что какъ разъ въ то время, когда онъ вышелъ изъ университета, одинъ изъ дядюшекъ оставилъ ему небольшое наслѣдство, которое даетъ ему еще и по сейчасъ возможность жить скромно, не нуждаясь въ самомъ необходимомъ, и что за это благодареніе ему передъ покойникомъ можно не притворяться благодарнымъ.

Теніусъ разсмѣялся.

— Ну, да, конечно: я могу нанять себѣ комнату, кормиться и даже дѣлать себѣ въ Рождеству новый сюртукъ, да мнѣ больше ничего и не надо. Но такъ какъ у меня нѣтъ лишняго гроша, которымъ я могъ бы подѣлиться съ бѣдняками, то я и предоставляю въ ихъ распоряженіе все то, чему я научился... Но для этого мнѣ надо было лгать пятнадцать лѣтъ, и мои всѣ двѣнадцать дядей и кузеновъ—какъ мертвые, такъ и живые—получили право назвать меня... лжецомъ!..

Маріанна остановилась, какъ вкопанная, и съ ужасомъ глядѣла на своего собесѣдника:

— Чтѣ ты, Робертъ? Опомнись! Скажи мнѣ: чтѣ съ тобой?

— Ничего, сердце мое! Вѣроятно, ничего! Или просто весна такъ дѣйствуетъ, какъ и на всякое живое созданье, которое къ чему-нибудь стремится...

— А вѣдь сознайся, Робертъ: моя любовь тебя не удовлетворяетъ?

На этотъ разъ остановился Робертъ.

Складки въ углахъ его губъ стали еще замѣтнѣе, хоть улыбка и была веселая:

— Сердце мое! Ты прежде всего женщина, и потому мы не всегда съ тобой сойдемся въ этомъ вопросѣ. Видишь ли, боль-

ного ребенка или юношу любовь может поглотить всецѣло такъ же точно, какъ она поглощаетъ все вниманіе, весь душевный міръ женщины. Но мужчина въ жизни—то же, что воинъ на войнѣ. Если ему и не приходится бороться, то ужъ во всякомъ случаѣ приходится идти впередъ. Я еще долженъ радоваться, что моя дорога ведетъ прямо на поле битвы, а не безцѣльно куда-нибудь въ сторону, на ложный путь. Мнѣ кажется, что я дѣйствительно иду прямой дорогой, и потому у меня есть еще другія думы и заботы, кромѣ моей любви. Ты это знаешь и принимаешь какъ должное. Но и у война есть непременно что-нибудь на свѣтѣ, что для него дороже войны. Помнишь, сердце мое, старинное выраженіе: „люблю тебя какъ зеницу ока“?.. Вотъ и я не всегда думаю о томъ, что у меня есть глаза, а между тѣмъ они непрерывно дарятъ меня и красотой, и счастьемъ, я такъ же непрерывно и совершенно машинально охраняю ихъ, а когда вспоминаю, что они у меня есть, это мнѣ доставляетъ большую отраду... Но нѣтъ! И это сравненіе невѣрно... потому что я люблю тебя, Маріанна, больше, несравненно больше, чѣмъ даже „свѣтъ очей моихъ“!..

— Нѣтъ!— снова начала молодая женщина:—это все не то! Ты все-таки грустишь, ты озабоченъ... А! знаю: ты сдѣлался честолюбивъ?

— Сдѣлался?! — улыбаясь, переспросилъ ванъ-Тениусъ.—Я былъ честолюбивъ... тогда, еще мальчишкой. Тогда во мнѣ было желаніе двигать горы съ мѣста, разрушать и уничтожать до тла цѣлыя государства, или, по крайней мѣрѣ, хоть немного измѣнить къ лучшему вселенную... Но я давно оставилъ эти честолюбивыя затѣи. Еще студентомъ, за кружкой пива, я научился дѣлать сравненія и такимъ образомъ узналъ, что я самъ принадлежу къ „благоразумной серединѣ“... Нѣтъ, нѣтъ: не возражай, Маріанна! Я лучше тебя знаю, и ты сама, повѣрь, будешь меня любить, какъ эту... „середину“. Я вовсе не выдающійся человѣкъ и не хочу ничего больше, какъ только принести и прибавить свой камешекъ къ общему, большому зданію челоуѣчества... если только такое зданіе существуетъ. Въ томъ-то и заключается, главнымъ образомъ, иллюзія челоуѣка, что ему все хочется созидать и созидать. Всѣ мы не прочь быть каменщиками и даже каменщиками „вольно“-наемными, но въ томъ-то и бѣда, что мы каменщики нерадивые, лѣнныи! Когда я доведу до конца свою большую статистическую работу, тогда ее должны будутъ просмотрѣть и переработать нѣсколько сотъ добросовѣстныхъ и честныхъ труженниковъ-европейцевъ, а миллионы раболѣп-

ствующихъ слугъ завопятъ, призывая къ себѣ на помощь до тѣхъ поръ, пока намъ, нашей прямой и честной сотнѣ, не удастся дотащить нашъ ничтожный камешекъ до общаго зданія. Да что камешекъ?! Нашъ трудъ будетъ лишь незамѣтная песчинка изъ числа тѣхъ, которыя необходимы для составленія замазки, чтобы соединить всѣ камни зданія. Да, каждаго ничтожнѣйшаго муравья мы бы должны стыдиться... такіе мы нерадивые лѣнтяи!..

— Робертъ! Ты чувствуешь себя несчастнымъ?—воскликнула Маріанна.—И ты никакъ, никакъ не можешь мнѣ сказать? О, я и сама догадалась: ты такъ добръ и потому такъ волнуешься за этого поляка... Какъ ты разстроены, бѣдный, этимъ дѣломъ! Съ того самаго дня ты самъ не свой!

— Что жъ, очень можетъ быть, но я долженъ довести до конца защиту. Это одинъ изъ главныхъ пунктовъ моей жизненной программы: я долженъ научиться помогать бѣднякамъ!

А. Б—г—

ИЗЪ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ИМПЕРІИ

Etudes sur le Second Empire, par Étienne Lamy. Paris. 1895.

I.

Въ день избранія принца Луи-Наполеона на постъ президента республики, 20 декабря 1848 года, вторая имперія была уже готова въ принципѣ, и формальное провозглашеніе ея было только дѣломъ времени. Невозможно было сомнѣваться, что человекъ, дважды пытавшійся захватить власть съ оружіемъ въ рукахъ, въ качествѣ наслѣдника Наполеона I, приметъ народный выборъ какъ подтвержденіе его притязаній и какъ призывъ къ исполненію его завѣтной, всѣмъ извѣстной мечты. Республика, въ короткій періодъ своего существованія, успѣла разочаровать и оттолкнуть отъ себя всѣ классы общества: привлекиши къ себѣ рабочихъ, она обманула ихъ ожиданія и жестоко расправилась съ ними въ кровавые іюньскіе дни; она напугала буржуазію призракомъ соціальной революціи, встревожила духовенство и прежнія консервативныя партіи, возбудила безпокойство въ финансовыхъ и промышленныхъ сферахъ, въ мелкой буржуазіи и въ сельскомъ населеніи. Республиканская идея потерпѣла крушеніе, благодаря непримиримому антагонизму между господствовавшею буржуазіею и многочисленнымъ рабочимъ классомъ, требовавшимъ своей доли участія въ выгодахъ народнаго верховенства. Жажда твердой власти и порядка овладѣла французскимъ обществомъ, и

неожиданное торжество Бонапарта на президентскихъ выборахъ должно было удовлетворить эту потребность страны. Многие выдающіеся консерваторы и республиканцы не хотѣли понять истинный смыслъ этого избранія, которому они отчасти сами способствовали; они утѣшали себя надеждою, что молчаливый, неповоротливый принцъ предоставитъ управлять государствомъ старымъ опытнымъ дѣятелямъ, и что личное ничтожество его окажется достаточной гарантіею для будущаго. Первые дѣйствія и заявленія новаго президента показали, однако, что онъ превосходно понимаетъ свою роль, что у него есть умъ, энергія и политической тактъ, и что въ руководителяхъ онъ нисколько не нуждается. Его короткія рѣчи всегда отличались мѣткостью и образною выразительностью; его твердо отчеканенныя фразы какъ нельзя лучше формулировали именно то, что требовалось сказать въ данную минуту и при данныхъ обстоятельствахъ. Онъ признавалъ республику на словахъ, но при всякомъ удобномъ случаѣ ссылался на учрежденія консульства и имперіи. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ старательно исполнялъ обязанности президента, исподоволь подготавливая переходъ къ новой формѣ правительства; администрація была въ его рукахъ, и составъ ея былъ подобранъ соответственно его планамъ. Онъ имѣлъ полную возможность достигнуть императорскаго сана законнымъ способомъ, безъ потрясеній и насилій, при помощи всеобщей подачи голосовъ; вторичные выборы, предстоявшіе въ декабрѣ 1852 года, были бы безусловно для него благопріятны, такъ какъ они могли производиться уже подъ давленіемъ его агентовъ. Народъ несомнѣнно отвѣтилъ бы утвердительно огромнымъ большинствомъ голосовъ, еслибы принцъ Луи-Наполеонъ обратился къ избирателямъ съ вопросомъ о восстановленіи имперіи. Но воспоминанія о 18-мъ брюмера Наполеона I, настойчивыя убѣжденія честолюбивыхъ друзей, графа Морни, Фіалена-Персиньи и другихъ, льстивыя похвалы военныхъ честолюбцевъ и безплодные партійные раздоры законодательнаго собранія толкнули принца-президента на путь насильственныхъ переворотовъ, которые придали его возвышенію характеръ беззаконія. Среди общаго спокойствія и безопасности онъ выступилъ спасителемъ общества отъ мнимыхъ революціонныхъ происковъ и неурядиць, и подъ этимъ фальшивымъ предлогомъ наложилъ руку на консервативнѣйшихъ политическихъ дѣятелей, на всѣхъ тѣхъ, отъ кого ожидалось почему-либо противодѣйствіе дальнѣйшимъ его замысламъ. Въ ночь съ 1 на 2 декабря 1851 года онъ совершилъ не только преступленіе, но и роковую политическую ошибку. Отдавшись безцеремоннымъ и хищнымъ авантю-

ристамъ, онъ промѣнялъ почетное, спокойное царствованіе на тревожное владычество произвола, отравленное невольными угроженіями совѣсти и постояннымъ страхомъ возмездія. Изъ законнаго выборнаго главы государства онъ сдѣлался узурпаторомъ, безъ всякой къ тому надобности, и эта узурпація опредѣлила направленіе и судьбу второй имперіи.

Вторая имперія была тиранніею въ классическомъ значеніи этого слова: правитель утвердился во власти во имя своего особаго интереса, противопоставленнаго интересу общественному и народному; онъ забралъ государство въ свои руки, какъ добычу для себя, для своихъ союзниковъ и приверженцевъ, воспользовавшись общимъ настроеніемъ тогдашней Франціи. Тиранъ былъ не злой, даже добрый и мягкій въ личныхъ отношеніяхъ, иногда великодушный въ своихъ намѣреніяхъ и мечтаніяхъ; но его управленіе было чисто династическое, и онъ не могъ чувствовать себя солидарнымъ съ націею, которая, въ порывѣ увлеченія, отдалась его громкому имени и затѣмъ должна была противъ воли подчиниться господству его многочисленныхъ клеветовъ. Въ основѣ его владычества лежала цѣлая система лжи и обмана. Онъ опирался на народную волю, выражаемую всеобщимъ голосованіемъ, но эту народную волю онъ заковалъ въ цѣпи административно-полицейскаго всевластія, превращавшаго всеобщую подачу голосовъ въ недостойную комедію. Онъ устроилъ народное представительство съ тѣмъ, чтобы оно представляло не мнѣнія и желанія населенія, а интересы и желанія администраціи, которая посредствомъ официальной кандидатуры сама назначала кандидатовъ въ члены выборной законодательной палаты. Онъ говорилъ и дѣйствовалъ отъ имени Франціи, но на самомъ дѣлѣ руководствовался исключительно интересами своей династіи; онъ допускалъ свободу слова и печати только для своихъ сторонниковъ и хвалителей, уничтоживъ право критики для всѣхъ честныхъ людей страны; онъ часто упоминалъ о неблагонамѣренныхъ лицахъ, подвѣшывающихся подъ общественный порядокъ, но всякій понималъ, что подъ неблагонамѣренными онъ разумѣетъ только тѣхъ, которые не сочувствуютъ взглядамъ и пріемамъ его правительства, и въ числѣ этихъ неблагонамѣренныхъ были всѣ независимые умы и характеры, благонамѣреннѣйшіе патріоты Франціи, безусловные защитники общественнаго порядка, какъ, напр., Тьеръ и его единомышленники. Антагонизмъ между властью и обществомъ возведенъ былъ на степень правительственнаго принципа. На первыхъ порахъ дѣятели переворота 2 декабря распоразались во Франціи какъ въ непріятельской

странѣ; но и поздѣе, до конца имперіи, общество разсматривалось какъ враждебная сила, которую надо обуздать или обмануть для успокоенія власти.

Первою заботою правительства было создать атмосферу молчанія, въ которой свободно раздавались бы только голоса официальной лести, лицемерія и ханжества. Дѣвнадцать большихъ газетъ въ Парижѣ было закрыто, или закрылось по-неволѣ, по крайней мѣрѣ на время; оставлено только четыре — „Presse“, „Constitutionnel“, „Patrie“ и „Journal des Débats“, подъ условіемъ преданности и подъ строгимъ наблюденіемъ особаго цензурнаго бюро, учрежденнаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Декретомъ 17 февраля 1852 года установлены новыя правила о печати. Всякое изданіе журнала или газеты было поставлено въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія администраціи; пережѣна издателя, редактора или завѣдующаго также требовала официальнаго согласія. „Газета или журналъ, — говоритъ Пьеръ де-ла-Горсь, — въ силу самаго факта своего выхода въ свѣтъ и обращенія въ продажу, подпадали подъ дѣйствіе спеціальнаго режима, столь же стѣснительнаго, какъ и произвольнаго, напоминающаго карательныя мѣры въ казармахъ или систему выговоровъ и наказаній въ женскихъ пансіонахъ. Въ Парижѣ министръ внутреннихъ дѣлъ, въ департаментахъ префекты, имѣли право давать „предостереженія“ за напечатаніе статей, признаваемыхъ ими неудобными или неприятными. Первое и даже второе предостереженіе не причиняли никакого вреда: это были простые призы къ осторожности. Но если газета, двукратно предупрежденная, продолжала быть неприятною, то министерскіе громы могли настичь ея въ видѣ распоряженія о приостановкѣ на два мѣсяца. Правительство соглашалось предупреждать два раза, прежде чѣмъ наказывать; но это было съ его стороны простое снисхожденіе, ибо можно было вовсе не предупреждать, а прямо останавливать или упразднить неприятную газету, безъ предварительнаго извѣщенія, въ видѣ мѣры общественной безопасности. Но въ этихъ крайнихъ случаяхъ недостаточно было одного министерскаго постановленія: необходимо было, чтобы президентъ республики принималъ на себя трудъ подписать декретъ и приказалъ обнародовать его въ „Bulletin des lois“. Слѣдуетъ прибавить, что административныя строгости нисколько не мѣшали строгостямъ судебнымъ. Тѣ и другіе, напротивъ, дополняли себя взаимно самымъ цѣлесообразнымъ образомъ. Кто считался подозрительнымъ по направленію своихъ мыслей и грѣшилъ больше настроеніемъ, чѣмъ словами, болѣе упущеніями, чѣмъ дѣйствіями, тотъ подлежалъ

мѣропріятіямъ министерства или префектуры. Когда обвиненіе могло выразиться въ точномъ указаніи проступка, то вмѣшивалось судебное вѣдомство и брало виновнаго въ кругъ своей компетенціи. Въ этомъ отношеніи редакторъ или администраторъ изданія долженъ былъ постоянно держаться на-сторожѣ, ибо число возможныхъ проступковъ было безконечно. Нельзя было сообщать такіа-либо другія свѣденія, кромѣ официальныхъ, о засѣданіяхъ палатъ; нельзя было откладывать обнародованіе документовъ, сообщений и разъясненій, которыя угодно было административной власти заставлять печатать; запрещено было печатать такъ называемыя ложныя извѣстія, хотя бы съ оговорками или при добросовѣстномъ убѣжденіи въ ихъ истинности. Все было предусмотрено для того, чтобы преслѣдованіе не служило рекламою, какъ въ прежнее время, а приводило къ вѣрному осужденію. Человѣкъ, вздумавшій издавать газету, долженъ былъ выдержать множество испытаній, и если ему удалось благополучно одолѣть всѣ поставленныя преграды, то онъ обязанъ былъ „выказывать чудеса предусмотрительности, печатать какъ можно больше новостей и ни одной невѣрной, заинтересовать читателя отгѣнкомъ оппозиціи и не давать повода къ официальнымъ строгостямъ, говорить мало о законодательномъ корпусѣ и вовсе не говорить о сенатѣ, соблюдать уваженіе къ конституціи, къ главамъ государства, ко всеобщей подачѣ голосовъ, къ принципамъ 1789 года, вызывать надежды и сожалѣнія настолько тихо, чтобы подписчики поняли, и чтобы префектъ или министръ ничего не разслышали, касаться всего и не задѣвать ничего и въ то же время оставаться всегда интереснымъ, легко носить свои цѣпи, не давая ихъ чувствовать читателямъ, и даже напускать на себя свободу и развязность движеній“. Само собою разумѣется, что эти тягостныя условія были особенно чувствительны для французскихъ писателей, привыкшихъ уже въ свободѣ печати въ царствованіе короля Луи-Филиппа и отчасти въ предшествовавшую эпоху реставраціи.

Администрація во Франціи смѣло взяла общественную мысль подъ свою бдительную опеку; министерство полиціи, а потомъ внутреннихъ дѣлъ, авторитетно поправляло писателей въ области всевозможныхъ вопросовъ философскихъ, историческихъ и экономическихъ; оно слѣдило также за соблюденіемъ литературныхъ приличій и добрыхъ нравовъ. Министръ полиціи, Мона, призывалъ журналистовъ, чтобы предостеречь ихъ отъ малѣйшихъ „заинтересованныхъ преувеличеній“ въ отзывахъ о биржевыхъ дѣлахъ, и никто не могъ предвидѣть, что именно будетъ сочтено достаточнымъ признакомъ для отличія заинтересованныхъ преувеличе-

ній отъ безпристрастныхъ и вѣрныхъ сужденій. Когда кто-нибудь задѣвалъ печатно крупныхъ биржевыхъ дѣльцовъ, хотя бы вполнѣ основательно и осторожно, онъ тотчасъ навлекалъ на себя обвиненіе въ недозволенныхъ нападкахъ, имѣющихъ характеръ „заинтересованныхъ преувеличеній“. Министерство одинаково брало подъ свою охрану и финансовыхъ эксплуататоровъ, и балетныхъ танцовщицъ, и религію, и свѣтскихъ жуировъ, и продажныхъ сановниковъ, имѣвшихъ основаніе опасаться гласности. Въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ министръ Мона и его префекты успѣли дать газетамъ девяносто предостереженій и сдѣлать три приостановки. Мотивы приводились самыя разнообразныя: газетамъ ставилось въ вину, что онѣ рѣзко критиковали постановленія о сахарѣ, что онѣ ошибочно понимали историческую роль Наполеона I, что онѣ выходили изъ предѣловъ умѣренной и приличной полемики, что онѣ неправильно обсуждали дѣйствія муниципальных властей относительно театра и т. п. Даже официозныя газеты не избѣгали каръ. „Constitutionnel“ получилъ два предостереженія за то, что позволилъ себѣ усомниться въ точности сообщеній „Монитѣра“. При министерствѣ Персиньи, въ продолженіе одного года, дано было газетамъ тридцать-два предостереженія. Персиньи не стѣснялся употреблять карательныя мѣры противъ всѣхъ, несогласныхъ съ его личными взглядами, хотя бы безусловно преданныхъ имперіи. „Constitutionnel“ подвергся высканію за биржевое обозрѣніе, въ которомъ министръ усмотрѣлъ односторонніе и несправедливыя замѣчанія, вызванныя будто бы „дѣлами частной спекуляціи“. Солидному „Journal des Economistes“ поставлено на видъ, что въ статьѣ о хлѣбной таксѣ и о массѣ булочниковъ онъ старается „дискредитировать учрежденіе общественнаго интереса, ради частныхъ выгодъ“. Одна изъ провинціальныхъ газетъ, въ которой самъ императоръ былъ прежде сотрудникомъ, получила предостереженіе за статью о ремонтерахъ и за свои „общія тенденціи“. „Siècle“ провинился тѣмъ, что слишкомъ настойчиво доказывалъ необходимость освобожденія арестованнаго адвоката Гюббара, возбуждая косвенно „ненависть и презрѣніе въ публичной власти“. „Patrie“ подверглась карѣ за напечатаніе „правдоподобныхъ, но не официальныхъ“ извѣстій изъ Константинополя. Высканія налагаются за „статьи, противорѣчащія національному чувству“, за сужденія о союзникахъ Франціи, за споры объ удобительныхъ матеріалахъ, „могущіе поколебать довѣріе къ административному контролю и возбудить нерѣшительность въ умахъ покупателей“. Изобрѣтательность цензурныхъ чиновниковъ усиливалась по мѣрѣ расширенія ихъ практики. Въ романѣ

Жоржъ-Зандъ, печатавшемся въ фельетонѣ „Presse“, найдены были фразы, обидныя для римскаго папы, и газетѣ дано предостереженіе; сельско-хозяйственный органъ привлекается къ отвѣту за „систематически тревожную полемику о торговлѣ хлѣбными продуктами“; полемика объ общинныхъ пастбищахъ запрещается, такъ какъ она „способна породить неудовольствіе въ одномъ изъ классовъ гражданъ“. При министерствѣ Билльдо дано было пятьдесятъ-семь предостереженій, мотивированныхъ подобнымъ же образомъ; пять изданій было приостановлено, а два превращены со всѣмъ. Всякое самостоятельное обсужденіе общественныхъ и политическихъ вопросовъ было рѣшительно изгнано изъ области журналистики. Газеты могли говорить о чемъ угодно, но только не о томъ, что серьезно занимало публику и затрагивало ея интересы.

На этой почвѣ выросла и достигла большого процвѣтанія новая журнальная литература, свободная отъ какихъ бы то ни было нравственныхъ правилъ и всецѣло посвященная скандальной парижской хроникѣ, беззащитной порнографіи и промышленно-биржевымъ предпріятіямъ. „Figaro“, основанный Вильмесаномъ, приобрѣлъ въ короткое время значительный успѣхъ. Страсть къ наслажденіямъ и къ легкой наживѣ наполнила образовавшуюся пустоту въ общественно-политической жизни Франціи; духъ спекуляціи проникъ во всѣ слои общества; непрерывно создавались новыя соблазнительныя аферы, раздуваемые рекламой, и газетная „publicité“ впервые получила то широкое и своеобразное значеніе, какое удержалось за нею до сихъ поръ. Печать, обреченная на бесиліе въ служеніи общественнымъ интересамъ, превратилась въ могущественное орудіе частныхъ интересовъ для обираянія довѣрчивой публики; ловкія промышленныя статьи, извѣстія и объявленія стали главнѣйшимъ источникомъ газетныхъ доходовъ. Крупные капиталисты часто платили огромныя деньги за какую-нибудь видную газету для того, чтобы предложить ее въ распоряженіе правительства; этимъ они одновременно приобрѣтали орудіе для рекламы и официальную протекцію въ промышленныхъ дѣлахъ. Извѣстный спекулянтъ Миресь купилъ двѣ газеты, „Pays“ и „Constitutionnel“; послѣдняя была тогда въ упадкѣ, имѣла два предостереженія и мало подписчиковъ, и однако покупатель далъ за нее около полутора милліона франковъ. Эмиль де-Жирарденъ продалъ свою долю участія въ газетѣ „Presse“ банкиру Милльдо за восемьсотъ тысячъ франковъ. Финансовыя дѣльцы находились въ двойномъ замаскированномъ союзѣ — съ властью и съ журналистикой; они играли одновременно роль руководителей общественнаго мнѣнія и вдохновителей промышлен-

ной политики. Это былъ золотой вѣкъ для денежныхъ тузовъ, для необузданной биржевой предприимчивости и игры; Милресы и Перейры были тогда настоящими господами положенія. Опасно и даже невозможно было разоблачать практикуемые ими „геніальныя“ способы перемищенія капиталовъ изъ слабыхъ рукъ въ сильныя и умѣлыя; многія продѣлки, которыя теперь послужили бы предметомъ громкаго и шумнаго процесса, покрывались тогда благосклоннымъ одобреніемъ и поощреніемъ высшихъ властей. Продажность приняла новыя формы, не предусмотрѣнныя никакимъ уголовнымъ закономъ; вліятельныя лица обогащались съ необычайною легкостью и быстротою при помощи фиктивного участія въ акціонерныхъ предпріятіяхъ, имѣвшихъ единственною цѣлью привлечь сбереженія публики въ карманы предпринимателей. Сомнительныя иностранныя займы, въ родѣ турецкихъ или мексиканскихъ, поддерживались официально, и огромныя состоянія наживались посредствомъ искусственнаго повышенія цѣнностей, которыя въ дѣйствительности не заслуживали довѣрія. Кто позволялъ себѣ относиться критически къ финансовой благонадежности Мексики или Турціи, въ періодъ игры на повышение ихъ бумагъ, тотъ навлекалъ на себя административную кару, подъ предлогомъ „колебанія общественнаго кредита“. Аферисты разнаго рода и ранга господствовали при второй имперіи, ибо сама эта имперія была прежде всего колоссальною аферою. Государственные финансы велись такимъ образомъ, что даже личный другъ Наполеона III, банкиръ Фульдъ, счелъ долгомъ въ 1861 году предостеречь его отъ опасностей подобнаго хозяйничанья. Въ восемь лѣтъ такъ называемыя чрезвычайныя кредиты поглотили почти два съ половиною миллиарда франковъ, и изъ года въ годъ повторялся въ бюджетѣ дефицитъ въ размѣрѣ около трехсотъ милліоновъ. Когда въ „Revue des deux Mondes“ указано было на недостатокъ этой бюджетной системы, то журналу дано было предостереженіе за „ложныя увѣренія, могущія распространять тревогу въ странѣ“; а вслѣдъ затѣмъ самъ императоръ, на основаніи секретной записки Фульда, рѣшилъ смѣнить министра финансовъ и произвести необходимыя реформы для избѣжанія финансоваго кризиса. Даже съ банкирской точки зрѣнія представлялось желательнымъ установить порядокъ и контроль въ государственныхъ расходахъ, а другихъ точекъ зрѣнія, кромѣ банкирской и династической, тогда не допускалось. Деньги и удовольствія замѣнили собою общественные интересы; властители были довольны настоящимъ и не думали о будущемъ. Блестящія придворныя празднества, краснорѣчиво описываемыя въ газетахъ, должны

были свидѣтельствовать о всеобщемъ благополучіи; распущенность нравовъ послужила замѣною политической и умственной свободы. Утонченный развратъ процвѣталъ безъ всякихъ стѣненій; хищнымъ и неизменнымъ инстинктамъ былъ предоставленъ полный просторъ, а наука и литература находились въ загонѣ, подъ придирчивымъ надзоромъ официальныхъ опекуновъ. Университеты и школы, ученые дѣятели и публицисты подчинены были многочисленнымъ ограниченіямъ, оставаясь въ постоянной зависимости отъ произвола администраціи, которая вообще предполагалась всебѣдущею и непогрѣшимую; зато оперетка и канканъ пользовались покровительствомъ, и ихъ свободное царство было предметомъ удомстворенія и гордости для правителей. Миресы и Перейры, балетныя танцовщицы и продажныя журналисты властвовали въ Парижѣ, тогда какъ Викторъ Гюго не имѣлъ доступа во Францію. При всемъ своемъ могуществѣ и блескѣ, вторая имперія оставалась до конца тѣмъ-то эфемернымъ, искусственнымъ и глубоко-фальшивымъ; это не было настоящее, серьезное правительство, озабоченное такъ или иначе интересами страны и народа,—это была организованная узурпація, приспособленная къ цѣлямъ и стремленіямъ небольшой горсти честолюбцевъ.

II.

Зданіе второй имперіи было непрочное въ своей основѣ; оно могло держаться только до тѣхъ поръ, пока внѣшніе успѣхи скрывали отъ взоровъ толпы внутреннюю его пустоту. Новѣйшіе французскіе историки, стараясь быть безпристрастными, отыскиваютъ слѣды сознательной политической программы въ разрозненныхъ предпріятіяхъ и рѣшеніяхъ Наполеона III, при чемъ главное вниманіе обращаютъ на его иностранную политику, приведшую къ заключительной седанской катастрофѣ. Въ книгѣ Этьена Лами, заглавіе которой приведено выше, признается важѣйшею ошибкою этого царствованія безкорыстное усвоеніе и примѣненіе принципа національностей въ интересахъ Италіи и Германіи. Та же мысль, впервые высказанная въ свое время Тьеромъ, повторяется и въ другомъ сочиненіи — Пьера де-ла-Горса. Но Лами указываетъ еще другую руководящую идею второй имперіи — желаніе улучшить положеніе рабочаго класса, поднять его матеріальный и умственный уровень. Власть Наполеона III, по мнѣнію Лами, опиралась на три страсти современнаго ему французскаго общества—на страхъ буржуазіи передъ демагогіею,

на военную гордость и на жажду богатства. „Въ теченіе семи лѣтъ,—говоритъ этотъ авторъ,—режимъ продолжался въ томъ же духѣ, какъ и начался, оставаясь послѣдовательнымъ, искуснымъ и счастливымъ. Трибуна, пресса, общественные союзы,—все, что создаетъ публичную мысль народа, было разрушено; граждане сдѣлались одинокими и нѣмыми; свобода слова и дѣйствій принадлежала лишь агентамъ правительства, а всеобщее голосованіе — единственный обломокъ свободныхъ учреждений—служило Франціи только для того, чтобы возобновлять и санкціонировать ея самоотреченіе, когда это было угодно императору. Слабую сторону этой диктатуры составлялъ только самъ диктаторъ. Страна считала для себя обезпеченными обычныя блага неограниченнаго правленія. Но оригинальность Бонапартовъ заключается въ томъ, что они употребляютъ свое могущество не для сохраненія порядка, а для его измѣненія: ихъ деспотизмъ есть рычагъ, подавляющій своею тяжестью то мѣсто, на которое онъ опирается, чтобы поднять міръ“.

Въ молодости Луи-Наполеонъ, будучи противникомъ монархіи, основанной образованными и богатыми классами для ихъ собственной выгоды, отстаивалъ въ своихъ писаніяхъ права и интересы низшихъ слоевъ общества и требовалъ для народа надлежащей доли участія въ выгодахъ господства, захваченнаго олигархіею въ ущербъ трудящемуся большинству. Какъ наследникъ челоуѣка, осужденнаго Европою въ 1815 году, онъ возставалъ противъ трактатовъ, устроившихъ судьбу государствъ по одностороннему рѣшенію монарховъ, и въ противоположность консервативной силѣ традицій онъ выдвинулъ право національностей на независимое существованіе и развитіе. Мнѣнія, которыя онъ раздѣлялъ въ юности, приписывались его роли претендента, и имъ не придавали серьезной важности. Всѣ ошиблись въ немъ, потому что онъ оказался искреннамъ. „Достигши владычества во Франціи и перваго мѣста въ Европѣ, онъ не переставалъ вѣрить, что нѣтъ справедливаго порядка ни между націями, ни между людьми, и на тронѣ онъ счумѣлъ остаться недовольнымъ. Власть далеко не уничтожила въ немъ революціонера; скрытый революціонеръ жилъ въ императорѣ. Наполеонъ III былъ убѣжденъ, что его могущество, его призваніе и его честь заставляютъ его осуществить ту справедливость, которую онъ возвѣщалъ въ тюрьмѣ и въ изгнаніи“. Поэтому была рѣшена итальянская война; но подъ ея вліяніемъ оживилось общественное мнѣніе, и мало-по-малу правительство расширило рамки печатнаго слова, чтобы позволить прогрессистамъ полемизировать съ клерикалами, нападавшими на

политику императора относительно Италии. Расширение свободы печати возродило либеральную оппозицию, и для болѣе успѣшной борьбы съ нею дѣлались попытки привлечь рабочій классъ на сторону династїи, съ цѣлью ослабить значеніе буржуазїи; въ этомъ случаѣ политическій расчетъ совпадалъ съ давнишними чувствами и идеями Наполеона III. Такъ представляетъ себѣ Этьенъ Лами постепенный ходъ внѣшнихъ и внутреннихъ событїй второй имперїи. Чтобы дойти до своихъ выводовъ, онъ долженъ былъ пропустить еще крымскую кампанїю, которая предшествовала итальянской войнѣ и не имѣла ничего общаго съ принципомъ національностей; онъ упускаетъ изъ виду переговоры съ Кавуромъ и Бисмаркомъ о территориальномъ вознагражденїи Франціи, умалчиваетъ о мексиканской экспедиціи и ничего не говоритъ о главной постоянной заботѣ императора—о поддержанїи внѣшняго авторитета и „престижа“ имперїи посредствомъ дѣлаго ряда эффектныхъ предпрїятїй.

Этьенъ Лами смѣло идеализируетъ Наполеона III и находитъ у него широкіе и великодушные замыслы, которыми будто бы объясняются всѣ его разнородныя династическія войны. Наполеонъ III, по его словамъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ государей, которые, не довольствуясь задачами правителя данной страны, трудятся надъ установленїемъ лучшаго порядка въ человеческомъ обществѣ. „Главныя изъ предпринятыхъ имъ дѣлъ, войнъ, переговоровъ и законодательныхъ актовъ преслѣдовали болѣе обширные планы, чѣмъ простыя выгоды государя или Франціи. Въ Крыму онъ защищалъ равновѣсіе Европы, въ Итали и Германїи—независимость народовъ, въ Сирїи—религіозную свободу, въ Китаѣ—свободу торговли, въ Америкѣ—будущность латинской расы противъ преобладанїя расы саксонской. Своею политикою относительно рабочаго класса онъ поощрялъ союзы рабочихъ для защиты ихъ интересовъ и даже соединенїе рабочихъ всѣхъ государствъ и народовъ въ одну ассоціацію, для улучшенїя участи рабочихъ во всемъ мірѣ. Въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣйствїя его выражаютъ непосредственное, постоянное, великодушное желанїе служить праву, активное состраданїе къ слабымъ и международное представленїе объ общемъ благѣ“. Наполеонъ III былъ въ этомъ отношенїи вполне самостоятеленъ, и „если уваженїе къ автономїи народовъ могло быть внушено ему доктринами французской революціи, то заботливость о рабочемъ классѣ не была заимствована имъ ни отъ одного правительства“. Онъ самъ выработалъ свои воззрѣнїя на социальный вопросъ и сохранилъ потомъ неповоротную вѣрность идеѣ эман-

ципаціи четвертаго сословія. Въ своей рабочей политикѣ онъ дѣйствовалъ по собственному побужденію, во вредъ своимъ интересамъ. „Старые законы налагали крѣпкую узду на рабочихъ; ихъ бѣдствія не имѣли коллективной силы въ той изолированной жизни, на которую они были обречены; между ними незамѣтно было никакого слѣда движеній, предвѣщающихъ революціонныя вспышки. Возвративъ рабочимъ право слова и общенія, императоръ добровольно положилъ конецъ этому сповоиствію“. Столь же беззорыстно стоялъ онъ за принципъ національностей. „Внушенія этой политики были великодушныя, человѣчныя, и рѣдко правитель создавалъ себѣ болѣе высокой идеалъ власти“. Этьенъ Лами понимаетъ ненормальность порядка, построеннаго на беззаконіи и на общемъ вынужденномъ молчаніи; онъ видитъ первоначальный грѣхъ, присущій этому режиму, и не оправдываетъ притязанія Наполеона III сосредоточивать въ себѣ одномъ всю политическую мысль, волю и спасеніе цѣлой націи. Но главнѣйшею особенностью императора и причиною его позднѣйшихъ неудачъ онъ все-таки считаетъ его мечтательное великодушіе, его довѣрчивую готовность помогать чужимъ народамъ во имя справедливости, тогда какъ эти чужіе народы руководствуются только грубымъ расчетомъ и эгоизмомъ. Объ этомъ возвышенномъ благородствѣ французской политики, объ ея стремленіи къ торжеству права въ Европѣ, въ противоположность холодному реализму Пруссіи, говорится очень много и краснорѣчиво въ книгѣ Этьена Лами. Наполеонъ будто бы съ любовью покровительствовалъ Пруссіи, которая отплатила ему за это черною неблагодарностью; онъ хотѣлъ поправить свою ошибку и сталъ тоже слѣдовать политикѣ интересовъ, но не могъ съ прежнею вѣрою отдаться новымъ планамъ, противорѣчившимъ его натурѣ, и сдѣлался жертвою своихъ колебаній и сомнѣній. Онъ продолжалъ относиться довѣрчиво къ Пруссіи и чистосердечно сообщалъ Бисмарку свои проекты насчетъ увеличенія французской территоріи, не подозревая его коварства, и за это былъ достойно наказанъ впоследствии. Точно такъ же его сочувствіе къ рабочему классу не принесло ожидаемыхъ плодовъ, а только дало толчокъ оппозиціонному движенію; онъ вернулся къ мѣрамъ строгости, но въ концѣ концовъ, утомленный избыткомъ власти и отвѣтственности, озабоченный будущностью своей династіи, въ виду неблагоприятнаго поворота обстоятельствъ, онъ рѣшился восстановить парламентскую свободу, уничтоженную имъ въ началѣ, и въ этомъ, по мнѣнію Лами, проявилъ свое беззорытіе. Но преобразовать свою систему

управленія ему уже не удалось,—было слишкомъ поздно. „Посѣвъ зло, онъ призывалъ Францію къ общественной работѣ въ тотъ моментъ, когда жатва несчастій была готова; онъ не только навлекъ на страну удары судьбы, но сдѣлалъ общество неспособнымъ бороться противъ нихъ“. Словомъ, Наполеонъ III былъ слишкомъ большой идеалистъ для своего времени; онъ былъ суровъ по недоразумѣнію, великодушенъ неустати и уступчивъ не во-время. Этьенъ Лами изображаетъ его какимъ-то благожелательнымъ Гамлетомъ, вѣчно колеблющимся между норывами къ исполненію своей высокой мисси и невольными уступками давленію окружающихъ условий.

Однако, тѣ благородныя черты, которыми авторъ надѣляетъ Наполеона III, выступали только тогда, когда это было выгодно императору: онъ тотчасъ исчезали, когда проходила въ нихъ надобность. Холодное бездушіе, съ какимъ онъ ссылазъ въ Кайенну, заключалъ въ тюрьмы и изгонялъ изъ страны недавнихъ своихъ коллегъ по національному собранію и по журналистикѣ, поразило современниковъ и напомнило имъ о нравахъ давно минувшей эпохи; только фанатизъ своего призванія могъ рѣшиться на повтореніе римскихъ проскрипцій, среди культурнаго французскаго общества, въ половинѣ девятнадцатаго вѣка. Онъ дѣйствовалъ исключительно во имя своего призванія къ власти, какъ претендентъ, въ которомъ воспитанное съ дѣтства честолюбіе заглушило естественныя побужденія нравственнаго чувства.

Онъ споконно жертвовалъ интересами націи и игралъ имъ для утвержденія своего господства; онъ первый откровенно прибѣгалъ къ ненужнымъ и разорительнымъ для страны международнымъ предпріятіямъ съ специальною цѣлью отвлечь умы отъ внутреннихъ дѣлъ государства. Наполеонъ III гораздо раньше Бисмарка примѣнялъ политику корыстнаго расчета въ иностранныхъ дѣлахъ, съ тѣмъ только различіемъ, что его расчеты были династическіе, а расчеты прусскаго министра были государственно-національные. Крымская война была бесполезна для Франціи, но она доставила ему лично первенствующую роль въ Европѣ и, слѣдовательно, имѣла для него громадное практическое значеніе; другихъ результатовъ ему и не требовалось. Свое опекуновское участіе въ дѣлахъ Италіи и римскаго престола онъ далъ почувствовать итальянскимъ патріотамъ, разбивъ гарибальдійцевъ при Ментанѣ, гдѣ „ружья Шасспо дѣлали чудеса“; Пруссію онъ поощрялъ только въ надеждѣ на полученіе отъ нея лѣваго берега Рейна, въ обмѣнъ на поддержку ея плановъ въ Германіи,

а затѣмъ, послѣ неожиданной побѣды пруссаковъ при Садовой, пытался возстановить свой поколебленный престижъ пріобрѣтеніемъ Люксенбурга и наконецъ войной. Наполеонъ III имѣлъ свои мечты объ европейскомъ конгрессѣ для разрѣшенія всѣхъ спорныхъ международныхъ вопросовъ и о постепенномъ разоруженіи великихъ державъ; роль общаго умиротворителя наиболѣе улыбалась ему, при отсутствіи въ немъ талантовъ полководца, — она надолго упрочила бы его славу въ Европѣ и, слѣдовательно, была для него въ высшей степени выгодна. Мечтательная филантропія исходила у него изъ скрытаго или явнаго эгоизма, которымъ вполне опредѣлялись ея границы и условія.

Можно только удивляться увѣренію Этьена Лами, что „величайшею мыслью этого царствованія было освобожденіе пролетаріевъ“. Съ такимъ же правомъ можно было бы сказать, что величайшею заслугою второй имперіи было введеніе политической и общественной свободы. Этьенъ Лами въ самомъ дѣлѣ видитъ рѣдкій подвигъ самоотверженія въ рѣшимости Наполеона III начать либеральную эру въ концѣ шестидесятихъ годовъ, хотя тутъ же прибавляетъ, что опытъ предпринять былъ слишкомъ поздно, т.-е., что необходимо было сдѣлать этотъ подвигъ гораздо раньше, для спасенія династіи. Если извѣстныя мѣры вызывались необходимостью, ради сохраненія власти, то принятіе ихъ не было, очевидно, доказательствомъ великодушія или самоотверженія. Когда имперія стала терпѣть неудачи во внѣшней политикѣ, а внутри недовольство возрастало, то невозможно было уже поддерживать прежнее высокоумѣренное отношеніе къ обществу, къ печати и къ парламенту; надо было по неволѣ искать точку опоры въ самомъ обществѣ, чтобы замѣнить искусственныя подпорки власти болѣе надежными и постоянными. Опытъ сдѣланъ былъ не только слишкомъ поздно, но и неискренно, съ заднею мыслью подорвать его значеніе посредствомъ побѣдоносной войны. Одинъ изъ блестящихъ фразеровъ, столь часто принимаемыхъ во Франціи за государственныхъ людей, взялъ на себя задачу превращенія имперіи въ либерально-парламентскій режимъ; и черезъ нѣкоторое время этотъ же мнимый реформаторъ оказался въ сѣтяхъ придворной интриги, имѣвшей цѣлью избавить династію отъ парламентаризма при помощи военнаго торжества надъ Пруссією. Конецъ имперіи былъ такъ же отравленъ ложью и обманомъ, какъ и ея начало. Оттого Наполеонъ III былъ столь жалокъ въ несчастіи: всѣ отвернулись отъ него, какъ отъ прогорѣвшаго игрока, и больной, разслабленный, онъ долженъ былъ тащиться вслѣдъ за армією

съ своимъ императорскимъ багажемъ, не смѣя и думать о возвращеніи въ Парижъ. Собственный дворъ и семья не пускали его въ столицу безъ побѣды, намекая ему довольно ясно, что въ случаѣ окончательной неудачи лучше всего было бы ему пасть отъ непріятельской пули, ради спасенія престола для наслѣдника. Послѣ седанскаго погрома императрица-регентша случайно получила роковое извѣстіе днемъ раньше, чѣмъ министерство; она скрыла депешу отъ законодательнаго корпуса и отъ публики, чтобы выиграть время для переговоровъ съ возможными спасителями династіи, въ родѣ Тьера; но популярный парламентскій дѣятель отклонилъ сомнительную честь покровителя умиравшаго бонапартизма, и послѣдній маленькій обманъ второй имперіи не привелъ ни къ чему; чрезъ два дня императрица, въ свою очередь покинутая всѣми, оставила опустѣвшій тюльерійскій дворецъ и въ скромномъ фіакрѣ уѣхала съ своею лектрисою, провожаемая сочувственными фразами двухъ иностранцевъ, посланниковъ австрійскаго и итальянскаго. Герои павшаго режима не имѣли права жаловаться на судьбу, такъ какъ они сами провозгласили и примѣняли тотъ принципъ, что политика не знаетъ жалости, что ей должны быть чужды побужденія нравственности и человѣчности. Люди, строившіе свою жизнь на эгоизмъ и властолюбіи, ничего не могли сказать противъ эгоизма бывшихъ помощниковъ и слугъ, исчезнувшихъ въ минуту опасности; и тѣ, и другіе были сметены, какъ негодный мусоръ, поднявшеюся волною общественнаго возбужденія, подъ влияніемъ національныхъ бѣдствій. Но прошла четверть вѣка, и добродушные историки отыскиваютъ великія руководящія идеи тамъ, гдѣ ихъ не подозревали непосредственные участники и свидѣтели событій.

Отношеніе второй имперіи къ рабочему классу было такое же холодно-эгоистическое, какъ и ко всему остальному. Рабочіе надѣялись на Луи-Наполеона и равнодушно смотрѣли на попытку буржуазныхъ депутатовъ воздвигнуть баррикады на улицахъ Парижа, послѣ 2 декабря. Когда депутатъ Боденъ предложилъ одному изъ рабочихъ принять участіе въ борьбѣ, тотъ пренебрежительно отвѣтилъ, что пусть депутаты сами сражаются за свои двадцать-пять франковъ суточныхъ денегъ, и Боденъ успѣшилъ показать, какъ люди умираютъ за двадцать-пять франковъ: онъ палъ на баррикадѣ подъ выстрѣлами наступающихъ солдатъ, на глазахъ скептика-рабочаго. Рабочіе не замедлили убѣдиться, что переворотъ направленъ и противъ нихъ; возможные вожаки ихъ были арестованы, и тюрьмы переполнились гражданами въ блу-

захъ. Рабочіе союзы, производительныя и потребительныя общества, были уничтожены, и завѣдывавшія ими лица попали въ тюремное заключеніе; даже денежные средства этихъ обществъ были захвачены полицейскими агентами. Во Франціи существовало тогда около трехсотъ промышленныхъ рабочихъ ассоціацій, изъ которыхъ многія достигли прочнаго развитія и процвѣтанія; почти всѣ онѣ подверглись внезапному разгрому, безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей. Многочисленные общественные магазины столяровъ, сапожниковъ, токарей, портныхъ, мясниковъ, булочниковъ, ножевщиковъ, каменщиковъ и пр. должны были немедленно ликвидировать свои дѣла и въ нѣсколько дней распродать имущество съ публичнаго торга; рабочіе были лишены права составлять себѣ сбереженія при помощи организацій, успѣвшихъ уже принести благотворные плоды въ разныхъ промышленныхъ мѣстностяхъ Франціи. Большинство рабочихъ союзовъ не выходило изъ круга экономическихъ интересовъ и вовсе не касалось политики; безпричинныя и негнѣныя насилія обрушились на нихъ только въ томъ предположеніи, что эти союзы, быть можетъ, скрываютъ въ себѣ зародыши революціонной оппозиціи и окажутся опасными центрами рабочаго движенія въ будущемъ. Въмѣсто того, чтобы установить извѣстный контроль надъ дѣятельностью рабочихъ обществъ, новые распорядители просто упразднили ихъ, для облегченія задачъ и заботъ правительства. Какъ отразится этотъ разгромъ на жизненныхъ интересахъ и чувствахъ трудящагося населенія,—это было вполне безразлично для людей, основывавшихъ свою власть на усердіи полиціи и войска. Теперь Этьенъ Лами доказываетъ, что Наполеонъ III въ душѣ былъ преданъ интересамъ рабочаго класса; это видно будто бы изъ того, что въ 1862 году, черезъ десять лѣтъ послѣ провозглашенія имперіи, парижскимъ рабочимъ дозволено было послать выборныхъ делегатовъ въ Лондонъ, по случаю всемірной выставки, и что имъ даже ассигновано было сорокъ тысячъ франковъ на путевые расходы. Между французскими рабочими возникла мысль объ основаніи международнаго общества рабочихъ, съ весьма умѣренной экономической программой, и императоръ будто бы поощрялъ учрежденіе этой знаменитой впоследствии „интернаціоналки“; однако способъ этого поощренія характеризуется уже тѣмъ, что конгрессы общества могли собираться только за границею, въ Швейцаріи или въ Англии, и что мало-по-малу, подъ влияніемъ полицейскихъ преслѣдованій, первоначальныя умѣренныя идеи французскихъ учредителей, съ Толѣномъ во главѣ, должны были

уступить мѣсто радикальнымъ взглядамъ и стремленіямъ среди французскихъ рабочихъ. Этьенъ Лами ничего не говоритъ о судьбѣ рабочихъ союзовъ при второй имперіи; но факты, приводимые имъ самимъ, достаточно ярко освѣщаютъ истинный смыслъ той оригинальной „эмансипаціи пролетаріевъ“, которая началась истребленіемъ невинныхъ промышленно-рабочихъ союзовъ и завершилась вынужденнымъ превращеніемъ мирнаго международного общества рабочихъ въ революціонную политическую силу.

Л. Слонимскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I. — ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ.

Вавилонская башня растетъ и растетъ...
Величаво надъ сводомъ возносится сводъ;
Глибы камней сливаются твердо.
День и ночь неустанно работа кипитъ,
И народъ, какъ могучее море, шумитъ
И шумитъ, и волнуется гордо.

И мечтаетъ онъ дерзко:—Владыка и Царь,
Я, пигмей-человѣкъ, воздвигаю алтарь,
Чтобъ предѣлъ положить всѣмъ тревогамъ.
И воздвигну, и неба коснуся рукой,
И одѣну изъ звѣздъ я вѣнецъ золотой,
И сравняюсь величіемъ съ Богомъ!..

День и ночь неустанно трудится народъ.
Какъ живое чудовище, башня растетъ.
Что предъ ней пирамиды Востока!
Высоко надъ землею она вознеслась
И вершиной своей въ облака уперлась,
А до неба далѣко-далѣко.

Люди бьются, хлопчуть... Рабы! Муравьи!
Внизъ и вверхъ по камнямъ вѣсь, какъ струи
Почернѣвшаго въ бурю потока,
Тащатъ камни они, выбиваясь изъ силъ...
Съ каждымъ днемъ возлѣ башни все больше могилъ,
А до неба, какъ прежде, далѣко.

Красотой первозданной сияет оно,
 Величавою тайной, какъ прежде, полно,
 Равнодушное къ горю людскому.
 Звѣзды тихо ведутъ по ночамъ хороводъ,
 Днемъ палящее солнце, свершая обходъ,
 По простору плыветъ голубому.

И народъ возропталъ, и въ безумьѣ своемъ
 Проклялъ небо съ его недоступнымъ Творцомъ,
 И въ отвѣтъ ему дрогнуло небо,
 И упалъ ницъ народъ, какъ испуганный тать,
 И, очнувшись, другъ друга не сталъ понимать:
 Камень ближнимъ давалъ вмѣсто хлѣба.

Разошелся народъ и погибъ Вавилонъ!
 Стерло въ прахъ его башню крылами время,
 За могилой сравнялась могила.
 Но, какъ прежде, величьемъ небо полно,
 И красой первозданной сияетъ оно,
 И плывутъ величаво свѣтила.

II.—СЕРЕБРЯНАЯ НОЧЬ.

Серебряная ночь царить надъ снѣжной степью.
 Въ морозномъ воздухѣ малѣйшій слышенъ звукъ...
 Вонъ медленный обозъ по снѣгу вьется цѣпью
 И звонъ бубенчиковъ разносится вокругъ.

Все это такъ давно на родинѣ знакомо:
 И голубая ночь, и степь, и мужики...
 Зачѣмъ же въ сердцѣ вновь щемящая истома?
 Зачѣмъ кого-то жаль и больно отъ тоски?

Вонъ звѣздочка съ небесъ сорвалась и, какъ тайна,
 Исчезла... Слѣдъ погасъ, какъ дѣтская печаль...
 Все это просто такъ и такъ необычайно!
 Все это такъ влечетъ въ невѣдомую даль!

Холоднымъ вносимъ разубраны на диво
И кони, и возы, и эти мужики...
Въ сіяніи луны все блещетъ прихотливо...
А степь торжественно, безстрастно, молчаливо
Заснула и по ней играютъ огоньки.

А. М. Федоровъ.

ЛЕРМОНТОВЪ и КОЛЬЦОВЪ

Въ періодъ дѣятельности Гоголя началось и закончилось поприще двухъ поѣтовъ разной величины, но изъ которыхъ каждый, вслѣдъ за своими предшественниками начала столѣтія, вносилъ въ русскую литературу новую поѣтическую стихію, раньше совсѣмъ или почти совсѣмъ не затронутую. Лермонтовъ и Кольцовъ являлись новымъ свидѣтельствомъ того, что для литературы наступала пора самостоятельнаго органическаго развитія, и вмѣстѣ свидѣтельствомъ того богатства поѣтической жизни, какое было для нея возможно.

Дѣятельность Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова и начало дѣятельности тѣхъ послѣдующихъ писателей, которыхъ можно назвать школой Пушкина и Гоголя, принадлежитъ второй четверти столѣтія, и обиліе художественнаго творчества въ эпоху, которая была далеко не благопріятна для просвѣщенія и общественнаго прогресса, приводило многихъ историковъ этого литературнаго періода къ заключенію, что развитіе искусства и не зависитъ отъ условій общественныхъ и политическихъ, какъ самое содержаніе искусства стоитъ выше этихъ случайныхъ опредѣленій и вмѣстѣ съ тѣмъ независимо отъ какихъ-либо практическихъ требованій и примѣненій въ общественной жизни. Не говоря о теоретическомъ толкованіи чистаго искусства, будто бы совершенно свободнаго и служащаго только идеѣ красоты, замѣтимъ, что историческая ссылка въ данномъ случаѣ не доставляетъ никакого доказательства. Обиліе художественнаго творчества только внѣшнимъ образомъ совпадало съ этой исторической эпохой, но вовсе не было ея слѣдствіемъ и порожденіемъ: художественныя силы созрѣвали во внутренней жизни общества вслѣдствіе давняго процесса, ближайшую стадію котораго мы указывали въ

последнихъ десятилѣтїяхъ XVIII вѣка и затѣмъ въ эпохѣ двѣнадцатаго года,—такъ было не только съ Жуковскимъ, но съ Пушкинымъ и съ Гоголемъ. Упорный консерватизмъ второй четверти столѣтїя самъ по себѣ исключалъ возможность свободнаго духовнаго развитїя: въ эту пору только хронологически совпало съ нимъ богатое поэтическое развитіе, которое въ сущности унаследовано было отъ предъидущаго періода, но относительно того, была ли эта эпоха благоприятна для самаго искусства, едва ли можетъ быть сомнѣніе. Одинъ только Жуковский могъ не чувствовать на себѣ стѣснительныхъ условій времени, но подъ конецъ даже и ему пришлось испытать цензурныя запрещенїя; для Пушкина и Гоголя эти стѣсненїя бывали не разъ мучительною пыткой; Грибоѣдовъ не увидѣлъ полнаго изданїя своего гениальнаго произведенїя. Если въ этихъ частныхъ случаяхъ „чистое“ искусство не осталось свободнымъ и неприкосновеннымъ, то очевидно, что и цѣлое творчество было стѣснено: писатель не былъ свободенъ ни въ выборѣ темъ, ни въ способѣ ихъ обработки, для него была закрыта цѣлая область народнаго и общественнаго быта, однако, глубоко существенная; а съ другой стороны рядомъ съ этимъ осталась, безъ сомнѣнїя, неразвитой и цѣлая сторона въ самомъ дарѣ художественнаго изображенїя. Въ литературѣ, даже въ рукахъ наиболѣе могущественныхъ писателей, было всегда множество недосказаннаго, и если это недосказанное было въ умахъ и въ чувствахъ, то оно въ большой степени пропадало какъ мертвый капиталъ, потому что не было закрѣплено литературнымъ фактомъ и не переходило въ пониманїе и сознанїе общества,—не говоря уже о народной массѣ, которая въ теченїе всего этого времени пребывала въ состоянїи первобытнаго невежества и сплошь и рядомъ даже не шла въ счетъ... Была одна сторона, которую описываемое время оказывало свою долю положительнаго влїянїя: „слава“ и „полный гордаго довѣрїя покой“, то-есть, политическое значенїе Россїи во второй четверти столѣтїя, питали національное чувство поэтовъ—хотя не всѣхъ. Но была и обратная сторона. Въ концѣ концовъ здѣсь было внутреннее противорѣчіе, отразившееся потомъ неблагоприятными послѣдствїями: это политическое значенїе носило реакціонный характеръ и внѣшняя слава сопровождалась внутреннимъ застоємъ. Заявленїе національнаго начала получило форму официальной народности, и эта послѣдняя далеко не совпадала съ народностью дѣйствительной и сливалась съ тою массою официальной лжи, которая подвѣшывала, наконецъ, самыя силы государства, какъ это обнаружилось вскорѣ въ событїяхъ Крымской войны...

Это положеніе вещей стало довольно рано понятно лучшимъ умамъ, но не могло быть высказано въ литературѣ, которая вслѣдствіе своего приниженаго и стѣсненаго положенія не могла исполнить своего дѣла; подобнымъ образомъ это положеніе вещей сказывалось на жизни общественной, на складѣ бытовыхъ отношеній, на характерахъ и цѣлыхъ типахъ, которые могли и должны были быть предметомъ художественнаго изображенія, и однако были для него закрыты упомянутыми условіями литературы. Нѣтъ сомнѣнія, какъ мы сказали, что эти внѣшнія обстоятельства литературы должны были подѣйствовать угнетающимъ образомъ на самую природу поэтическаго творчества: художественный замыселъ могъ сразу оказаться неисполнимымъ и извѣстная доля содержанія была устранена изъ области искусства. Очевидно, что самое искусство было насильственно стѣснено, и было бы странно говорить при этомъ о чистомъ и свободномъ искусствѣ: метафизическое разсужденіе слишкомъ оспаривалось бы простыми историческими фактами.

Это было, напротивъ, не свободно выросшее изъ своихъ естественныхъ данныхъ развитіе искусства, а состояніе борьбы, гдѣ искусство еще только добивалось своего права на существованіе. Въ первый разъ внушенное образованіемъ, которое было почерпнуто изъ чужого источника и еще не успѣло установиться въ своемъ глубокомъ значеніи, это искусство впервые приобрѣтало тогда свою независимость отъ чужихъ образцовъ, но жило все еще лишь въ тѣсномъ болѣе образованномъ кругу, не имѣло почвы въ эстетическомъ воспитаніи общества, въ понятіяхъ массы и даже во взглядахъ тѣхъ высшихъ сферъ, которымъ принадлежалъ безусловный контроль надъ всеми проявленіями жизни общества, матеріальной и духовной,—насколько онѣ могли услѣдить за этою послѣднею. Въ то время, когда, наконецъ, послѣ долгой подготовительной школы гениальные таланты готовы были широко обнять содержаніе русской жизни и передать его въ произведеніяхъ искусства, облеченныхъ богатствами поэтическаго творчества и тонко выработаннаго языка, въ той массѣ были лишь очень немногіе цѣнители, которые способны были понять эти произведенія и силу, ихъ порождающую, увидѣть въ томъ и другомъ великое проявленіе національнаго гения, окружить ихъ своимъ уваженіемъ и удивленіемъ, признать въ нихъ залогъ еще болѣе широкаго развитія и самаго искусства, и національнаго сознанія,—но большинство продолжало и теперь смотрѣть на это искусство такъ же, какъ выучилось смотрѣть въ XVIII столѣтіи, видѣть въ немъ не поэтическое откровеніе національнаго духа, а только забаву,

только украшеніе къ официальной жизни, каковымъ бывала нѣбогда ода, или наконецъ прихоть своевольнаго поэта. Такъ понималъ искусство весь нашъ XVIII вѣкъ: за литературой признавалась только роль чисто служебная; при невысокомъ уровнѣ просвѣщенія она считалась возможной только подъ строгимъ надзоромъ, а этотъ послѣдній руководился невѣжественнымъ состояніемъ большинства. Такимъ образомъ, когда явились наконецъ истинно великіе писатели, на нихъ легла двоякая забота, и одна изъ нихъ была совершенно непосильна: имъ предстояло работать въ области самаго искусства, воплощать въ художественныхъ произведеніяхъ русское содержаніе, находить для него поэтическіе образы, овладѣть всѣми затаенными сокровищами языка, — но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ же предстояло объяснять и защищать самое свое дѣло, бороться съ невѣжествомъ, предразсудкомъ, рутинной, которые готовы были заподозрѣть и уничтожить все ихъ предпріятіе. Эта послѣдняя задача, какъ мы сказали, была для нихъ совершенно непосильна, потому что противъ нихъ были преданія вѣкового застоя, господствовавшія надъ всею русскою жизнью. Правда, необычайная прелесть новыхъ созданій русской поэзіи, — какъ это было въ произведеніяхъ Жуковскаго, Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя и нѣсколькихъ поэтовъ второстепенныхъ, — подкупала самихъ строгихъ судей, литературныхъ и административныхъ, но этимъ пріобрѣтались только частныя уступки, а не признаніе самого дѣла: тяжелыя испытанія, какія приходилось переносить всѣмъ этимъ писателямъ, чтобы достигнуть права гражданства для самыхъ главныхъ своихъ произведеній, эти испытанія долго спустя приходилось переносить и писателямъ позднѣйшимъ, — назовемъ Тургенева. Въ этой защитѣ правъ искусства была одна сторона, болѣе доступная для самихъ писателей: это была защита его идеальнаго значенія противъ такъ называемой „толпы“. Съ ней приходилось встрѣтаться и Пушкину, и Гоголю: первый, въ знаменитыхъ сихотвореніяхъ, каралъ толпу за ея непониманіе, вознося надъ нею художника на такую высоту, гдѣ онъ рисковалъ наконецъ остаться одинъ, — и Пушкинъ готовъ былъ на это („ты царь: живи одинъ“); второй, въ „Театральномъ Развѣздѣ“, давалъ той же толпѣ восторженное толкованіе великаго значенія искусства. Но вопросъ все-таки не рѣшался: въ понятіяхъ величайшихъ русскихъ художниковъ первой половины вѣка вопросъ видимо ставился такъ, что истинное искусство рисковало не встрѣтить пониманія въ той средѣ, для которой оно должно было однако существовать, — но тогда оно теряло бы самую причину своего существованія. Какъ извѣстно, Пушкинъ не остановился

на своей исключительной точкѣ зрѣнія: онъ все-таки испыталъ и сочувствія толпы и дѣйствія на нее. Еще болѣе этотъ вопросъ тревожилъ Гоголя: самое творчество его погубило въ стремленіи рѣшить непосильную задачу—какъ согласить свою художественную дѣятельность съ тѣмъ нравственнымъ идеаломъ, какой онъ себѣ создалъ, и который долженъ былъ служить именно къ поученію и исправленію ближнихъ, т. е. общества.

Быть можетъ, оба великіе писателя, глубоко преданные искусству, не вполне сознавали значеніе того историческаго момента, въ какой привелось имъ ставить этотъ многотрудный вопросъ. Имъ предстояло защищать дѣло искусства не только передъ болѣе или менѣе тѣснымъ кругомъ „общества“, которому для его уразумѣнія могло недоставать только умственнаго и эстетическаго воспитанія,—имъ предстояло защищать его въ виду цѣлой исторической эпохи, въ виду низменнаго состоянія просвѣщенія,—на дѣлѣ, истинное пониманіе принадлежало только незначительному меньшинству, и притомъ тому самому, которое, опередивъ массу общества и заявляя болѣе высокія умственныя требованія, тѣмъ самымъ навлекало на себя подозрѣнія и преслѣдованія. Таково было положеніе вещей, въ которомъ проходила дѣятельность Пушкина и Гоголя и съ какимъ долженъ былъ встрѣтиться ихъ младшій гениальный современникъ, Лермонтовъ. Общія условія были тѣ же, и съ новой стороны передъ нимъ стоялъ тотъ же самый вопросъ. Какъ ни были исключительны характеръ и направленіе этого дарованія, какъ, повидимому, ни чуждался Лермонтовъ литературной среды, онъ сталъ новымъ участникомъ въ разрѣшеніи исторической задачи. Это рѣшеніе все болѣе и болѣе осложнялось, но также и опредѣлялось, и если съ одной стороны старая традиція за время его дѣятельности нисколько не измѣнилась, то съ другой все болѣе возростали тѣ просвѣтительныя силы, которыя боролись за установленіе русскаго искусства, нераздѣльнаго отъ интересовъ просвѣщенія и общественнаго самосознанія. Въ ряду писателей, которымъ принадлежала здѣсь великая заслуга, Лермонтовъ займетъ одно изъ самыхъ блестящихъ мѣстъ, какъ ни было кратко его поприще и самая жизнь, и хотя его историческій трудъ остался недовершеннымъ, едва начатымъ...

Появленіе великихъ историческихъ дѣятелей остается всегда необъяснимымъ: надо только думать, что если общій процентъ выдающихся дарованій можно предположить равномѣрнымъ въ теченіе исторіи, то ихъ дѣятельность въ разные вѣка или направляется смотря по задачамъ времени, или же гложетъ за отсутствіемъ питанія и приложенія силы; особенный приливъ да-

рованій на извѣстномъ поприщѣ можетъ свидѣтельствовать, что въ этой области особливо затронуть національный интересъ просвѣщенія, поэзіи и т. д. Въ развитіи нашей литературы это обиліе гениальныхъ дарованій, слѣдовавшихъ быстро одно за другимъ, указываетъ во всякомъ случаѣ, что литература выступала на самостоятельную дорогу. И дѣйствительно, въ рукахъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова, она создавала произведенія совершенно своеобразныя и произведенія такого художественнаго достоинства, что онѣ въ первый разъ могли бы занять мѣсто въ ряду изящнѣйшихъ созданій всемірной литературы.

Литературное поприще Лермонтова было такъ коротко, что безъ сомнѣнія мы должны видѣть въ его произведеніяхъ только первые шаги; трудно сказать и бесплодно загадывать, чѣмъ могли бы завершиться эти начатки, но и то, что было имъ сдѣлано, было чрезвычайно цѣннымъ приобрѣтеніемъ литературы, указаніемъ на дальнѣйшее развитіе того, на чемъ остановились его великіе предшественники... Мы видѣли, что съ тѣхъ поръ, какъ наша литература послѣ школы XVIII вѣка стремилась дать сознательное опредѣленіе искусства, поэзія впервые получала значеніе высшаго художественно творческаго проявленія человѣческаго духа, свободнаго отъ какихъ-либо внѣшнихъ мотивовъ и примѣній, дѣйствующаго только въ силу началъ добра и красоты. Первое опредѣленіе этого рода дано было Жуковскимъ, съ одной стороны въ окраскѣ мечтательнаго романтизма, съ другой въ согласіи съ его нравственно-религіозными идеями: „поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“; „поэзія есть добродѣтель“. Пушкинъ былъ еще близокъ къ этому опредѣленію, когда указывалъ, что поэтъ созданъ „для звуковъ сладкихъ и молитвъ“, но какъ самый горизонтъ его творчества былъ гораздо шире, чѣмъ у Жуковского, такъ и въ теоретическомъ опредѣленіи онъ раздвигалъ рамки поэзіи для множества новыхъ темъ, какія не нашли бы мѣста у Жуковского: кромѣ молитвъ, въ поэзіи Пушкина нашли мѣсто самыя разнообразныя стороны личной и общественной жизни, отъ эпикурейской лирики до жесткой и ѣдкой сатиры, наконецъ до спокойнаго эпическаго изображенія; искусство не является уже только выраженіемъ религіозно-нравственной идеи, а напротивъ, свободной, чисто человѣческой дѣятельностью творчества, основой и средоточіемъ котораго становится художественная красота: поэзія существуетъ для поэзіи, и въ этомъ опредѣленіи Пушкинъ, руководимый только своимъ личнымъ пониманіемъ и внушеніями собственной художественной природы, сходилса съ нарождавшимся поволеніемъ теоретиковъ искусства, воспринимав-

шихъ ученія нѣмецкой философіи, на первый разъ Шеллинга, а позднѣе Гегеля. Съ этимъ впервые приобрѣталось представленіе объ искусствѣ, какъ независимой, свободной дѣятельности человѣческаго духа, которая ищетъ законовъ въ самой себѣ и содержаніемъ которой можетъ стать все содержаніе человѣческой жизни. Извѣстно, какъ высоко стремился Пушкинъ поставить знамя этого искусства: поэтъ долженъ слушаться только своего генія, онъ можетъ „не дорожить любовью народной“, онъ въ правѣ даже презирать „толпу“ и довольствоваться сознаніемъ исполненнаго жертвоприношенія красотѣ. Когда въ этомъ настроеніи своего творчества онъ обращался къ изображенію русской жизни, у него впервые получались правдивыя картины этой жизни въ ея прошломъ и настоящемъ, и онѣ стали потому первымъ заявленіемъ реализма, который съ тѣхъ поръ развился въ преобладающую черту русской поэзіи. Гоголь, также какъ и Пушкинъ, начиналъ свое литературное поприще безъ опредѣленныхъ теоретическихъ представленій о значеніи искусства, которыя стали выработываться у него только позднѣе, съ одной стороны подъ прямымъ вліяніемъ Пушкина, съ другой, подъ впечатлѣніями собственнаго творчества, различнымъ образомъ наводившими его на размышленія о внутреннемъ смыслѣ его дѣла. Особенность его собственнаго таланта, въ которомъ теплое человѣческое чувство соединилось съ чрезвычайно развитой наблюдательностью и юморомъ, эта особенность направила его на изображеніе такихъ сторонъ русской жизни и вообще человѣческой природы, какія никогда раньше не встрѣчались у русскихъ писателей; и сила изображенія была такова, что произведенія Гоголя приобрѣтали не только интересъ художественный, но также глубокій интересъ психологическій и наконецъ общественный, какого опять до тѣхъ поръ еще не встрѣчалось въ русской литературѣ съ такою силой. Теоретическія понятія Гоголя высказались двояко: во-первыхъ, какъ мы упоминали, въ „Театральномъ Развѣдѣ“¹⁾, гдѣ къ общему представленію объ искусствѣ, параллельному съ представленіями Пушкина, присоединилось объясненіе нравственнаго вліянія искусства; во-вторыхъ, въ тѣхъ сочиненіяхъ, какія принадлежатъ его послѣдней порѣ²⁾, и гдѣ это представленіе о воспитательной роли искусства переродилось въ представленіе о художникѣ именно какъ учителѣ общества, который для того,

¹⁾ И также въ повѣстяхъ, гдѣ онъ изображалъ художниковъ: „Невскій проспектъ“ и „Портретъ“ (въ первой редакціи).

²⁾ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, повѣсть „Портретъ“ (во второй редакціи).

чтобы достойно исполнять свою миссію, долженъ самъ воспитать себя для этого учительства, — въ концѣ концовъ художникъ Гоголя превращается въ аскета, какими бывали нѣкогда средневѣковые аскеты художники и церковные учителя... Безсознательно, но какъ бы въ намѣренный противовѣсъ этой точкѣ зрѣнія Гоголя явилась поэзія Лермонтова. На мѣсто аскетическаго самоотрицанія, гдѣ личность художника почти исчезала подъ смиреннымъ монашескимъ одѣяніемъ, становилась, напротивъ, именно эта личность съ ея безграничными эгоистическими требованіями, и такъ какъ эти требованія не могли найти себѣ удовлетворенія въ обществѣ, то эта личность съ одной стороны замыкалась въ себѣ самой, а съ другой относилась къ этому обществу съ желчнымъ и презрительнымъ отрицаніемъ. Въ русской литературѣ снова являлось то байроническое настроеніе, которое однажды слегка и поверхностно промелькнуло у Пушкина и теперь, хотя опять односторонне, но гораздо глубже сказалось въ поэзіи Лермонтова, гдѣ оно проходило постоянной чертой и, при всей безотрадности своего тона, овладѣвало умами силою проникнутаго имъ чувства и необычайной красоты созданія. Опять ничего подобнаго не знала русская литература прежде, и великое значеніе этой новой поэзіи было въ томъ, что, хотя не довершенная, не сказавшая своего послѣдняго слова, эта столь личная, субъективная поэзія сознательно и бессознательно сплеталась съ нравственными мотивами современнаго общества и въ концѣ концовъ давала новыя возбужденія личному и общественному чувству въ тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, которыя стремилось преодолѣть личное и общественное достоинство. Нѣкоторымъ историкамъ поэзіи Лермонтова казалось, что вслѣдствіе этой субъективности она была именно только личной поэзіей, лишенной отношенія къ общественному интересу; но самъ Лермонтовъ былъ однако дѣтищемъ этого общества и уже тѣмъ самымъ, какъ бы ни казались исключительными мотивы его поэзіи, связанъ съ этимъ обществомъ, какъ одно изъ его явленій; мы увидимъ, что въ дѣйствительности эта связь была еще тѣснѣе.

Едва ли какое-нибудь явленіе въ исторіи русской поэзіи вызывало столько разнорѣчивыхъ сужденій, какъ поэзія Лермонтова. Было много причинъ этого разнорѣчія. Самъ поэтъ, поприще котораго такъ рано прервалось, не успѣлъ высказаться съ такой опредѣленностью, какъ всѣ другіе первостепенные представители нашей поэзіи, и оттого тѣ различныя стихіи, какія мы встрѣчаемъ въ его складывавшейся поэзіи, могли получать значеніе основнаго и кореннаго мотива. Съ другой стороны историкъ

подходили къ нему съ разныхъ точекъ зрѣнія, и это впередъ побуждало ихъ дѣлать удареніе на какомъ-либо одномъ проявленіи его поэтическаго содержанія; далѣе, различно судили современники и послѣдующіе историки и потому, что первымъ для объясненія Лермонтова недоставало того біографическаго матеріала, который, хотя и до сихъ поръ не можетъ считаться достаточно полнымъ, былъ доступенъ послѣднимъ, давая возможность судить о личности, познаніе которой такъ необходимо для историко-литературнаго рѣшенія; наконецъ, Лермонтовъ при жизни былъ такъ далекъ отъ литературныхъ круговъ, которые могли питать особенный интересъ къ его поэтическому и теоретическому міровоззрѣнію и способны были новать и оцѣнить его, и вообще былъ такъ скрытенъ, такъ избѣгалъ дѣлиться своими задушевными мыслями и идеалами, и представлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ такія крайности самой возвышенной поэзіи и житейской необузданности, что оставался для современниковъ загадкой, какъ остается ею и до сихъ поръ... Разнорѣчіе продолжается и теперь, когда прошло уже болѣе полувѣка съ его кончины и когда собрано едва ли не все, что можно было собрать для его біографіи и для исторіи его творчества по сохранившимся рукописямъ и біографическимъ даннымъ.

Не перечисляя всѣхъ варіацій въ сужденіяхъ о Лермонтовѣ, можно отмѣтить два главные мотива, на какихъ строится объясненіе Лермонтова въ настоящее время ¹⁾. Одинъ взглядъ вводитъ Лермонтова въ общій ходъ литературнаго развитія, ставя его въ связь съ развитіемъ предыдущимъ и съ содержаніемъ той

¹⁾ Литература о Лермонтовѣ весьма значительна, хотя цѣлыми и всесторонніи работы очень немногочисленны. Изъ его современниковъ, въ особенности изучалъ его поэзію Бѣлинскій; въ новѣйшей литературѣ, вызванной новыми изданіями Лермонтова, когда его сочиненія стали общимъ литературнымъ достояніемъ, наиболѣе обстоятельнымъ комментариемъ къ его произведеніямъ была книга г. Котляревскаго (Спб. 1891), вызвавшая разборъ г. Спасовича („Вѣстн. Европы“ 1891, декабрь); послѣднему принадлежатъ ранѣе того особый трактатъ: „Байронизмъ у Лермонтова“ („Вѣстн. Европы“ 1888, мартъ, апрѣль, и „Сочиненія“. Спб. 1889, т. II). Здѣсь встрѣтились двѣ разныя точки зрѣнія: одна, признающая Лермонтова естественнымъ и необходимымъ звеномъ въ развитіи общественной стихіи нашей литературы, и другая, признающая въ немъ чисто субъективнаго художника и высоко замѣчательнаго дѣятеля чистаго искусства. Изъ этихъ двухъ взглядовъ мы считаемъ первый, налагаемый также въ книгѣ г. Острогорскаго, болѣе отвѣчающимъ историческому факту. Второй былъ въ особенности поддерживаемъ г. Андреевскимъ, но его крайности въ свое время указалъ г. Михайловскій; и т. д. Изъ критики 60-хъ годовъ мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ взгляды Добролюбова. Наиболѣе подробная біографія составлена г. Висковатовымъ, со многими новыми подробностями, но и съ нѣкоторыми странностями; между прочимъ автобіографическое толкованіе сочиненій Лермонтова нерѣдко преувеличено.

общественной эпохи; другой взглядъ даетъ Лермонтову исключительную роль, ставитъ его особнякомъ, не находитъ въ немъ элементовъ общности, къ которой Лермонтовъ относился будто бы лишь отрицательно, рассматриваетъ его только съ точки зрѣнія чистаго искусства, гдѣ отводитъ ему мѣсто въ ряду перво-степенныхъ поэтовъ всемірной литературы... Если въ поэзи Лермонтова не легко установить процессъ, который не былъ доведенъ до конца—не по волѣ поэта, и если иногда приходится прибѣгать къ гадательнымъ толкованіямъ, гдѣ у поэта недостаетъ ясно высказанной мысли и опредѣленнаго поэтическаго образа,—то съ другой стороны, когда говорятъ, что „исключительная особенность Лермонтова состояла въ томъ, что въ немъ соединилось глубокое пониманіе жизни съ громаднымъ тяготѣніемъ къ сверхчувственному міру“; что „нѣтъ другого поэта, который бы такъ явно считалъ небо своей родиной и землю—своимъ изгнаніемъ“; что „сожительство въ Лермонтовѣ безсмертнаго и смертнаго чело-вѣка составляло всю горечь его существованія, обусловило весь драматизмъ, всю привлекательность, глубину и ѣдкость его поэзи“; когда говорятъ это, даже признавая въ произведеніяхъ Лермонтова „чрезвычайную близость ихъ интересамъ дѣйствительности“, у насъ ускользаетъ историческая почва и дѣятельность поэта остается внѣ пространства и времени. Но Лермонтовъ былъ несомнѣнно русскій поэтъ извѣстной эпохи; его историческая связь съ этой эпохой даетъ ключъ и къ его поэзи. Если, какъ мы сказали, онъ представляется загадочнымъ для своихъ историковъ, главной причиной этого, кромѣ крайней личной замкнутости поэта, было въ особенности то, что его дѣятельность прервана была на половинѣ пути и осталось невысказаннымъ то, къ чему должно было привести жизненное и поэтическое развитіе.

Извѣстны результаты новѣйшихъ біографическихъ изслѣдованій о Лермонтовѣ. Натура исключительно богато одаренная, Лермонтовъ отъ природы надѣленъ былъ необычайной поэтической фантазіей и меланхолическимъ настроеніемъ, которое развивалось потомъ и подъ вліяніемъ его жизненныхъ условій. Потерявши рано мать, ребенокъ сталъ предметомъ извѣстнаго семейнаго раздора между отцомъ и бабушкой и вскорѣ могъ быть свидѣтелемъ тяжелыхъ проявленій этого раздора; въ концѣ концовъ онъ остался на рукахъ этой бабушки, которая его боготворила и могла окружить его удобствами своего богатства. Онъ росъ балованнымъ баричемъ, но повидимому въ очень тѣсномъ родственномъ кругу. Путешествіе на Кавказъ въ дѣтствѣ оставило въ немъ сильныя впечатлѣнія грандіозной природы, оригинальнаго восточнаго быта,

которыя доставили ему роскошныя краски для его поэзіи, давали просторъ фантазіи и мотивы для героическихъ мечтаній, — Кавказъ казался ему второю родиной. Дома шло воспитаніе при помощи учителей и гувернеровъ-иностранцевъ и на полномъ просторѣ для прихотей отрока и потомъ юноши. Геніальный талантъ сказался очень рано и повидимому былъ предоставленъ исключительно самому себѣ. Формальнымъ образомъ онъ учился, кажется, на Пушкинѣ, и его первые опыты состояли въ томъ, что онъ переписывалъ и перефразировалъ поэмы Пушкина, но уже вскорѣ Пушкинъ былъ оставленъ, потому что, повидимому, пересталъ удовлетворять его. Затѣмъ воспитаніе Лермонтова продолжалось въ Москвѣ, въ университетскомъ пансіонѣ и въ университетѣ, гдѣ онъ пробылъ только два года, и завершилось въ юнкерской школѣ въ Петербургѣ. Въ университетѣ онъ держался особнякомъ, не сходился съ товарищами и остался чуждъ тому умственному броженію, которое однако уже совершалось тогда въ молодыхъ университетскихъ поколѣніяхъ: припомнимъ, что въ двадцатыхъ годахъ учились въ университетѣ Веневитиновъ и кн. Одоевскій, въ тридцатыхъ, частью въ одно время съ Лермонтовымъ, проходили университетъ Бѣлинскій, Герценъ, Станкевичъ, К. Аксаковъ и др. Причины этой отчужденности не выяснены: кромѣ того, что Лермонтовъ могъ чуждаться демократическаго студенчества по чувству аристократизма, потому что былъ среди этого студенчества свѣтскимъ человѣкомъ, — въ томъ же качествѣ онъ бывалъ дерзокъ и съ старомодными профессорами, — главнымъ образомъ эта отчужденность приводилась тѣмъ складомъ его внутренней жизни, который отличалъ его съ дѣтства и до послѣднихъ лѣтъ. Онъ былъ совершенно замкнутъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ, о которомъ давали знать только его поэтическія произведенія, и его представленіе о самомъ себѣ могло приводить только къ одиночеству. Мы видѣли раньше, какъ Пушкинъ, потомъ Гоголь съ юныхъ лѣтъ проникнуты были чувствомъ своего великаго предназначенія; несомнѣнно еще въ большей степени это чувство владело Лермонтовымъ; но въ то время какъ Пушкинъ при всемъ презрѣніи къ толпѣ, отъ которой онъ дѣйствительно уходилъ въ интимный міръ своего творчества, былъ все-таки болѣе открытъ по натурѣ и дѣлился съ кружкомъ ближайшихъ друзей, которые могли понимать его, своими мыслями и своими поэтическими планами, у Лермонтова его субъективный міръ былъ абсолютно закрытъ отъ посторонняго глаза и высокое представленіе о своемъ призваніи наполняло его гордостью, и поэтическое презрѣніе къ толпѣ сливалось съ фактическимъ отчужденіемъ отъ нея, потому что она

дѣйствительно ему казалась слишкомъ низменной. Брожденное меланхолическое настроеніе рисовало ему мрачныя картины жизни, въ которой ему предстояло быть непонятнымъ и неприваннымъ страдальцемъ, и усиливало пессимизмъ, въ разныхъ формахъ и степеняхъ сопровождавшій его всю жизнь... Юнкерская школа въ первый разъ въ извѣстномъ отношеніи нарушила эту отчужденность, связавъ его, хотя внѣшнимъ образомъ, съ товариществомъ, съ которымъ онъ дѣлилъ по крайней мѣрѣ необузданный юношескій разгулъ. Это была первая тѣсная встрѣча съ жизнью; плодомъ этихъ лѣтъ остались извѣстныя поэмы, которыхъ авторъ никогда конечно не думалъ вводить въ печать, которыя писались для пріятельскаго кружка и до сихъ поръ не могутъ вынести печати, хотя усердные издатели постарались дать по крайней мѣрѣ ихъ отрывки. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ Лермонтова защищали это право поэта на житейскій и поэтическій разгулъ, какъ проявленіе широкой натуры; другіе однако, не будучи вовсе узкими пуристами, находили, что не было здѣсь и особенной выгоды. Въ поэтическомъ отношеніи это время представляется бесплоднымъ; для самого Лермонтова годы, проведенные въ юнкерской школѣ, были *deux années terribles*, или *répibles*, — очевидно, онъ самъ видѣлъ въ нихъ даромъ потраченное время. Его поэтическая дѣятельность обновляется опять уже съ 1835, по выходѣ изъ школы.

Поэтическая дѣятельность Лермонтова началась очень рано и въ юношескіе годы была очень плодovitая. Уже въ эту раннюю пору ярко сказался тотъ основной тонъ, который проходитъ потомъ черезъ всю его поэзію. Это былъ меланхолическій пессимизмъ, уже тогда находившій себѣ сильное образное выраженіе, и съ другой стороны стремленіе въ заоблачныя сферы, гдѣ представлялся ему источникъ его возвышенныхъ стремленій и его вдохновенія. Очень рано сказалось также у Лермонтова представленіе о томъ, что онъ долженъ совершить что-то великое, но что вмѣстѣ съ тѣмъ ему суждены страданія, наконецъ даже гибель. Во всемъ этомъ сливались и порывы собственной мысли, чувства и фантазіи, и результаты чтенія. Біографы рассказываютъ, что его чтеніе было очень обширно, что онъ много перечиталъ изъ русской литературы и изъ европейскихъ поэтовъ; романтическое чтеніе обогатило его готовыми образами и формулами для тѣхъ нравственныхъ положеній, какія представлялись ему въ общихъ чертахъ, и только отсюда можно объяснить тѣ мало вѣроятные эпизоды, когда онъ въ юношескихъ, почти дѣтскихъ, стихотвореніяхъ говорить о „развратныхъ“ годахъ своей прошлой жизни, о своихъ страданіяхъ,

объ испытанныхъ измѣнахъ и т. п. Но если чтеніе доставляло ему матеріалъ для развитія подобныхъ темъ, то самыя темы выражали его собственное настроеніе, только страшно преувеличенное работою пессимистической мысли и разгоряченной фантазіи. Но, повидимому, это чтеніе не оказало органическаго вліянія на самый складъ его міровоззрѣнія: онъ находилъ, что ему нечего заимствовать у Пушкина, — и тѣмъ менѣе онъ могъ заимствовать у какаго-нибудь другого русскаго поэта. Этого дѣйствительно не могло быть при томъ сильномъ субъективномъ чувствѣ, какое имъ владѣло, и для котораго онъ не могъ найти въ нихъ ни параллели, ни объясненія. Столь же мало, повидимому, дѣйствовала на него по своему существу поэзія Шиллера и Гёте; зато несомнѣнное вліяніе оказала поэзія Байрона, съ которой онъ познакомился очень рано, вѣроятно съ 1829 года. Здѣсь, однако, не было для него вполне новаго откровенія, а были только сильно выраженные сочувственные мотивы, которыми онъ могъ развить и расширить свои собственные темы. У Байрона Лермонтова увлекали его протестующіе герои, одаренные демоническими силами, какими надѣлялъ Лермонтовъ и собственныхъ героевъ, увлекало пессимистическое отрицаніе, — но было между ними великое различіе, которое приводилось всѣмъ различіемъ широкихъ стремленій байроновской поэзіи, внушенной внутреннею борьбою западно-европейской жизни, и субъективными протестами гениальнаго, но одинокаго русскаго поэта-пессимиста. Такимъ образомъ они могли совпадать только въ отдѣльныхъ пунктахъ общаго настроенія и расходились въ примѣненіяхъ. Поэзія Байрона становилась во главѣ европейскаго протеста противъ реакціи, заглушавшей освободительныя преданія XVIII-го вѣка, становилась на защиту свободы народовъ и отрицала угнетеніе во имя гуманности; въ поэзіи Лермонтова эти мотивы отсутствовали и его отрицаніе обращалось только противъ общества, въ которомъ не было мѣста для великихъ подвиговъ его собственнаго избраннаго героя.

Этимъ героемъ былъ онъ самъ. Въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ высказывается, какъ мы замѣтили, глубокая вѣра въ свое избраніе, стремленіе къ совершенію великихъ подвиговъ, къ чему-то необычайному. Шестнадцатилѣтнимъ юношей онъ смѣло говоритъ: „Невѣдомый пророкъ мнѣ обѣщалъ безсмертье“, или:

Для небснаго могилы нѣтъ.
 Когда я буду прахъ, мои мечты,
 Хоть не поймешь ихъ, удивленный свѣтъ
 Благословить.

Въ чемъ состояло это избраніе, поэтъ не объяснял, конечно, потому, что для него самого оно было неясно, и въ то же время у него являлась уже мрачная увѣренность, что ему не суждено совершить это великое, что, напротивъ, его ждутъ страданія и гибель:

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ;
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забыть умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.

Онъ думалъ даже, что ему предстоитъ казнь... Очевидно, романтическое чтеніе доставило краски для его пессимизма. То же чтеніе доставило ему и другой матеріалъ, который послужилъ для цѣлага ряда его юношескихъ драмъ. Первая изъ нихъ, „Испанцы“, была вполне навѣяна западнымъ романтизмомъ; въ другихъ видѣли автобіографическія отраженія, такъ какъ главный герой является мученикомъ и жертвой семейнаго разлада, каковой поэту привелось испытать на самомъ себѣ. Скорѣе можно сказать, что дѣйствительный житейскій опытъ послужилъ только поводомъ, который разработанъ былъ поэтомъ уже независимо отъ автобіографическихъ фактовъ, потому что въ различныхъ пьесахъ самыя условія семейнаго раздора изображены совершенно различно. Интересъ юношескихъ драмъ (появившихся сполна только въ позднѣйшихъ изданіяхъ сочиненій Лермонтова) заключается въ изображеніи одного главнаго лица, которое, довѣрчиво вступая въ жизнь, встрѣчаетъ въ ней только жестокія разочарованія въ своихъ лучшихъ чувствахъ, долженъ потерять вѣру въ свои идеалы, въ любовь, дружбу и, наконецъ, или гибнетъ жертвою нравственнаго страданія, или окончателно теряетъ вѣру въ людей и презираетъ ихъ. Въ своихъ герояхъ Лермонтовъ влагаетъ субъективное настроеніе въ различныхъ стадіяхъ его развитія, и позднѣе то же субъективное настроеніе онъ переноситъ на героев своихъ поэмъ и повѣстей до „Героя нашего времени“.

Однимъ изъ любимыхъ произведеній Лермонтова былъ „Демонъ“, юношеская поэма, надъ которой онъ работалъ до самаго конца своей жизни. Первый набросокъ ея сдѣланъ былъ въ 1829, затѣмъ она нѣсколько разъ была переработана и послѣдняя редакція относится, какъ полагаютъ, къ 1840 или 1841 году. Въ первомъ очеркѣ мѣсто дѣйствія неясно; потомъ только сценой былъ выбранъ тотъ Кавказъ, который далъ Лермонтову столько поэти-

ческихъ вдохновеній. Общее настроеніе поэмы совпадаетъ съ романтическими вкусами эпохи, которая не разъ выводила на сцену демоническія силы, сопоставляла ихъ съ человѣкомъ, разгадывая или символизируя духовную борьбу человѣка и его отношеніе къ сверхчужественному міру. Поэма Лермонтова только отчасти привязана къ легендѣ, но въ главной основѣ опять имѣеть субъективное значеніе. Тому критику, который особенно настаивалъ на таинственности Лермонтова къ небесному міру, „Демонъ“ представляется именно удивительнымъ созданіемъ фантазіи, „въ которомъ мы по неволѣ чувствуемъ воплощеніе чего-то божественнаго въ какія-то близкія намъ человѣческія черты“; устами Демона Лермонтовъ изливъ „всю свою неудовлетворенность жизнью, т.-е. здѣшнюю жизнью, а не тогдашнимъ обществомъ, всю исполинскую глубину своихъ чувствъ, превышающихъ обыкновенныя человѣческія чувства, всю необъятность своей случающейся на землѣ фантазіи“. Несомнѣнно, однако, что въ фантастическій сюжетъ вложены черты той же субъективной жизни, разгадка и анализъ которой остались навсегда задачей размышленій и поэтическаго творчества Лермонтова. Другимъ историкомъ его справедливо было замѣчено, что тѣ же мысли, какія высказываются въ рѣчахъ Демона, можно встрѣтить въ юношескихъ стихотвореніяхъ, современныхъ первымъ очеркамъ поэмы, а въ концѣ второго очерка „Демона“ (1830—1831) онъ прямо отождествляетъ себя съ своимъ героемъ, между прочимъ, не заявляя притязаній на ту небесную родину, какую ему иные приписываютъ ¹⁾). Легендарный и субъективный элементы поэмы съ самаго начала были тѣсно соединены, отчасти противорѣча одинъ другому, и вмѣстѣ съ тѣмъ это соединеніе было привлекательно для поэта, который стремился дать грандіозное олицетвореніе обуревавшему его разладу съ жизнью. Отсюда происходила эта усиленная работа надъ сюжетомъ, когда прежнія обработки его

1)

Я не для ангеловъ и рай
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ;
Но для чего живу, страдаю,
Про это больше знаетъ Онъ.

Какъ демонъ мой, я ала избранникъ,
Какъ демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безлечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой.

Прочти, мою съ его судьбон
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душой,
Что ми на свѣтѣ съ нимъ одинъ.

видимо не удовлетворяли. Въ этихъ обработкахъ измѣнялось не только мѣсто дѣйствія и бытовая обстановка, но частію и настроеніе главнаго дѣйствующаго лица. Легендарный демонъ остается невыдержаннымъ. Это во всякомъ случаѣ не настоящій сатана, а духъ подначальный и не только способный къ человѣческимъ чувствамъ, какъ самая любовь къ Тamarѣ, но обнаруживаетъ даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ несвойственную демону мягкость этого чувства; и если поэтъ съ перваго юношескаго опыта занять былъ этимъ сюжетомъ до послѣднихъ лѣтъ своей жизни, когда наступила уже болѣе зрѣлая пора творчества, естественно предположить, что его привлекала къ сюжету именно эта сторона его—отраженіе его субъективной внутренней борьбы. Въ „Сказкѣ для дѣтей“, писанной, какъ полагаютъ, въ послѣдній годъ его жизни, Лермонтовъ относится уже критически къ этому созданію его юности, которое кажется ему „дикимъ бредомъ“—безъ сомнѣнія потому, что эта субъективная тема, нѣкогда носившаяся передъ нимъ въ фантастическихъ очертаніяхъ, начинала принимать болѣе опредѣленныя черты дѣйствительной жизни; самый демонъ становится только риторической фигурой и стилистическимъ оборотомъ ¹⁾).

„Демонъ“ не былъ изданъ при жизни поэта и потомъ на первый разъ былъ запрещенъ цензурой, но онъ уже давно ходилъ по рукамъ и возбуждалъ восторгъ въ читателяхъ, особенно юнаго поколѣнія. Тема была нова въ русской поэзіи, поэма привлекала и фантастической, пугающей красотой демоническаго героя, и необычайной драмой, и наконецъ множествомъ прелестныхъ поэтическихъ подробностей; въ ряду другихъ произведеній Лермонтова „Демонъ“ являлся однимъ изъ самыхъ яркихъ выраженій общаго тона его поэзіи, въ которой современниковъ привлекали эти порывы отрицанія и бурныхъ, хотя неясныхъ, стремленій къ какому-то освобождающему идеалу.

Первые годы жизни въ Петербургѣ послѣ выхода изъ юнкерской школы были довольно бесплодны для поэзіи Лермонтова. Онъ отчасти развиваетъ старыя темы, отчасти пробуетъ форму

1)

Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ юныхъ видѣній,
Какъ царь, вѣмой и гордый онъ сіялъ
Такой волшебной-сладкой красотой,
Что было страшно.. И душа тоскою
Сжималась—и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ,
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлился—стихами.

легкой поэмы въ манерѣ Донъ-Жуана, какъ „Сашка“, начинаетъ повѣсть: „Княгиня Лиговская“; пишетъ свои кавказскія поэмы „Хаджи Абрекъ“, „Измаиль-Бей“; въ то же время написаны были пьесы, не предназначавшіяся для печати, какъ „Петергофскій праздникъ“, „Уланша“ и пр. Наиболее серьезнымъ изъ произведеній этого времени была драма „Маскарадъ“, въ героѣ котораго Лермонтовъ изображалъ снова типъ разочарованнаго, озлобленнаго человѣка, потерявшаго всякій путь къ примиренію съ жизнью и оканчивающаго бесплодною и въ сущности безсодержательною ненавистью.

Въ 1837 одно событіе, какимъ поражено было тогда русское общество, произвело и на Лермонтова глубокое впечатлѣніе и, какъ надо думать, открыло передъ нимъ новые вопросы. Это была смерть Пушкина. Она вызвала у Лермонтова знаменитое стихотвореніе, которое поразило современниковъ силою негодованія, каковой мало встрѣчалось на страницахъ скромной русской поэзіи. Лермонтовъ не былъ близокъ къ Пушкину; литературное вліяніе Пушкина, какъ мы видѣли, очень мало на немъ отразилось, но его поразила великая національная потеря, его наполнило негодованіе противъ ничтожества того „свѣта“, жертвою интригъ котораго сталъ великій поэтъ. Въѣстъ съ тѣмъ возникалъ для Лермонтова вопросъ, который не однажды возставалъ передъ самимъ Пушкинымъ, былъ даже однимъ изъ его жизненныхъ вопросовъ и долженъ былъ обновиться теперь въ литературѣ, когда самая дѣятельность его должна была вызвать историческую оцѣнку. Это былъ вопросъ объ отношеніи поэта къ обществу и къ жизни, вопросъ о нравственномъ долгѣ, вытекающемъ для поэта изъ того самаго превосходства надъ толпою, которое онъ заявляетъ такъ настойчиво и высокоумно. Дѣйствительно, Лермонтовъ съ тѣхъ поръ не разъ возвращается къ этому вопросу и въ послѣдніе годы его поэзіи, хотя по-прежнему не опредѣлившаяся въ какое-либо положительное міровоззрѣніе, гораздо больше приближается къ дѣйствительности—общественной, народной и исторической. Если стихотвореніе на смерть Пушкина было уже прямымъ и страстно-энергическимъ вмѣшательствомъ въ интересы общества, то въ „Думѣ“, написанной въ слѣдующемъ году, мы встрѣчаемъ очевидно не случайную вспышку пессимизма, а результатъ размышленія, на которомъ поэтъ не разъ останавливается и которое его тревожило.

Критикъ, полагающій главную особенность Лермонтова въ его близкомъ родствѣ съ небомъ и полагающій, что это былъ „человѣкъ гордый и въ то же время огорченный своимъ божествен-

нымъ происхожденіемъ“, рѣшительно и съ нѣкоторымъ негодованіемъ отвергаетъ мысль, будто бы „Дума“ Лермонтова могла заключать въ себѣ скорбь общественнаго характера, протестъ противъ бездушнаго формализма жизни, гнѣвъ на отсутствіе высокихъ идеаловъ, чтò въ ней обыкновенно видятъ. „Можно ли,—говорить критикъ,—болѣе фальшиво объяснить источнакъ скорби Лермонтова?“ И онъ указываетъ напротивъ, что „Думу“ едва-ли не слѣдуетъ объяснять съ „космической“ точки зрѣнія, т. е. „съ высоты вѣчности“¹⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ „Думѣ“ Лермонтовъ бросилъ своему поколѣнію укоръ, „который можно впредь до скончанія міра повторять всякому поколѣнію“²⁾. Критикъ дѣлаетъ однако крупную ошибку, не обративъ вниманія на то, что если и есть въ „Думѣ“ отголоски обычной господствующей меланхолической Лермонтова, то рядомъ съ ними стоятъ совершенно опредѣленныя указанія именно на его время, на его поколѣніе и на печальную судьбу этого давнаго поколѣнія, а не всего вообще человѣческаго рода.... „Печально я гляжу на *наше* поколѣнье“,—говоритъ Лермонтовъ, и очевидно, что онъ, говоритъ именно о своихъ сверстникахъ; онъ скорбитъ, что ихъ поколѣніе „состарится въ бездѣйствіи“, что—

Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вѣдемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно-малодушны,
И передъ властію презрѣнны рабы;—

онъ скорбитъ, что его поколѣніе неспособно увлекаться мечтами поэзіи и созданіями искусства и что оно пройдетъ безъ слѣда надъ міромъ, „не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovitой, ни гениемъ начатаго труда“.

„Дума“ комментировалась множество разъ и наконецъ не остается сомнѣнія въ томъ, что Лермонтовъ не могъ имѣть въ

¹⁾ Андреевскій, „Литературныя чтенія“, стр. 225, 226, 235.

²⁾ Онъ иронически замѣчаетъ: „Точно и въ самомъ дѣлѣ, послѣ Николаевской эпохи, въ періодъ реформъ, Лермонтовъ чувствовалъ бы себя какъ рыба въ водѣ! Точно послѣ освобожденія крестьянъ и въ особенности въ шестидесятые годы открылась дѣйствительная возможность „вѣчно любить“ одну и ту же женщину? Или всѣмъ исворенилась „лесть враговъ и клевета друзей“? Или „сладкій недугъ страстей“ превратился въ безконечное блаженство, не „исчезающее при словѣ разсуда“?... Ни въ какую эпоху не получили бы онъ отвѣтовъ на эти вопросы“, и т. д.

„Совершенно справедливо,—замѣчалъ на это г. Михайловскій:—ни въ какую эпоху нѣтъ отвѣтовъ на эти праздные вопросы. Но не въ этомъ и дѣло, а въ томъ—какія эпохи окрашиваются возниженіемъ подобныхъ вопросовъ“ („Литература и жизнь“. Сиб. 1892, стр. 246 и д.).

виду той доли своего поколѣнія, изъ которой уже вскорѣ вышли известные люди сороковыхъ годовъ въ ихъ обоихъ лагеряхъ ¹⁾, — ихъ невозможно было бы упрекнуть ни въ равнодушіи въ добру и злу, ни въ отсутствіи увлеченія поэзіей и искусствомъ, ни въ томъ, чтобы они не вели борьбы изъ-за своихъ идеаловъ, ни въ томъ, чтобы ихъ дѣятельность не оставила плодотворной мысли и даже гениемъ начатаго труда. Напротивъ, эта доля поколѣнія была именно исполнена энтузіазма, который и не остался безъ слѣда для умственного и нравственного воспитанія общества; можно жалѣть только о томъ, что Лермонтовъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей своего нрава остался чуждъ этой области идеализма, въ которой созрѣвали люди сороковыхъ годовъ, — надо сказать впрочемъ, что сами они въ то время только начинали свое поприще и ихъ дѣятельность не сложилась еще въ определенное направленіе, съ которымъ было бы безусловно необходимо считаться.... Но и при этомъ ограниченіи „Дума“ не была лишена общественнаго значенія: скорбь Лермонтова была совершенно справедлива въ отношеніи къ тому кругу, въ которомъ онъ самъ жилъ и который по внѣшнему положенію принадлежалъ къ вершинамъ общества.

Какъ бы ни опредѣлялась хронологія стихотворенія „Поэтъ“, было ли оно написано раньше или позже „Думы“, и хронологія стихотворенія: „Не вѣрь себѣ, мечтатель молодой“, эти пьесы одинаково указываютъ, хотя въ разныхъ отгѣнкахъ, господство той же мысли объ общественномъ долгѣ поэта. Въ стихотвореніи „Поэтъ“ Лермонтовъ высказываетъ сожалѣніе, что поэтъ пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ онъ нѣкогда, когда —

Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
 Воспламенялъ бойца для битвы;
 Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
 Какъ опіямъ въ часы молитвы.
 Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой
 И отзывъ мыслей благородныхъ
 Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
 Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.

Одинъ изъ критиковъ Лермонтова указываетъ въ этомъ стихотвореніи новое доказательство того, что Лермонтовъ не былъ и не думалъ быть поэтомъ современной общественности, что оттого онъ и перенесъ изображаемаго имъ поэта въ прошедшее. „Увле-

¹⁾ Г. Андреевскій къ удивленію предполагаетъ здѣсь именно этихъ людей; но Лермонтовъ ихъ не зналъ, или зналъ только поверхностно.

кату людей къ предпріятіямъ практическимъ можетъ только человекъ, любящій другихъ и имѣющій практическую смѣтку, а у Лермонтова недоставало этихъ качествъ. Въ приведенномъ нами „Поэтѣ“ Лермонтовъ изображаетъ не себя, но поэта, какимъ онъ нѣкогда былъ и быть нынѣ не можетъ—предположеніе ошибочное, потому что функція поэзіи не измѣняется нѣкогда и она не теряетъ и нынѣ своего высокаго значенія“¹⁾). Но, во-первыхъ, не дѣло поэта звать къ практическимъ предпріятіямъ, и во-вторыхъ, едва-ли Лермонтовъ считалъ невозможной для нашего времени возбуждающую роль поэта: „отзывъ мыслей благородныхъ“ и въ его время могъ носиться надъ толпой, какъ носились его собственныя произведенія, увлекавшія толпу поэтическимъ очарованіемъ и какъ въ частности произвели сильное впечатлѣніе его стихотвореніе на смерть Пушкина, его „Дума“, его „Пророкъ“ и пр. Опять новый отгѣновъ его мысли на ту же тему представляетъ то его стихотвореніе („Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой“) съ характернымъ эпиграфомъ изъ Барбье, гдѣ онъ въ противоположность поэту ставитъ эту столь презираемую толпу, въ которой однако „едва ли есть одинъ, тяжелой пыткой не измятый“, у которой есть свои глубокія страданія и для нея будетъ смѣшонъ его плачъ и его укоръ „съ своимъ напѣвомъ заученнымъ“. Съ этимъ указана была новая сторона вопроса, но самый вопросъ остался все-таки неразрѣшеннымъ. Еще разъ Лермонтовъ остановился на немъ въ извѣстномъ стихотвореніи: „Журналистъ, читатель и писатель“, гдѣ высказано еще новое сомнѣніе о томъ, насколько поэтъ имѣетъ право изображать мрачныя картины общественной жизни и показывать эти горькія строки „не приготовленному взору“, насколько онъ можетъ быть этимъ полезенъ. Наконецъ, возвратился онъ къ этой темѣ въ стихотвореніи „Пророкъ“, гдѣ нарисована тяжелая судьба поэта, непонимаемаго и отвергаемаго тою толпою, къ которой онъ несъ свои обличенія злости и порока: между поэтомъ и обществомъ опять не нашлось пониманія. Послѣдній выводъ—повидимому отрицательный; но уже одно постоянное возвращеніе Лермонтова къ этой темѣ указываетъ, что вопросъ общественности для него не былъ безразличенъ, какъ это кажется нѣкоторымъ изъ его новѣйшихъ критиковъ. Другое дѣло, успѣлъ ли онъ правильно понять его общее значеніе; но, кромѣ того, что онъ ставилъ вопросъ въ названныхъ стихотвореніяхъ, относящихся къ богѣ зрѣлой порѣ его дѣятельности, Лермонтовъ не остался чуждъ обще-

¹⁾ Спасовичъ, Сочиненія, т. II, стр. 405.

ственности независимо и раньше его теоретической постановки. Въ самомъ дѣлѣ, онъ затрогивалъ общественную дѣйствительность уже въ очень раннихъ своихъ произведеніяхъ: такова была юношеская историческая повѣсть изъ временъ Пугачевского бунта, юношеская по исполненію, но гдѣ онъ уже дѣлалъ опыты реального изображенія и коснулся крѣпостного права; крѣпостныя отношенія затронуты также и въ его юношескихъ драмахъ; жизненная дѣйствительность находила мѣсто въ кавказскихъ поэмкахъ, какъ Измаилъ-Бей, повдѣе въ поэмкахъ какъ „Сашка“, въ опытахъ повѣсти, какъ „Княгиня Лиговская“ и т. д. Мало-по-малу та разработка исключительно субъективнаго типа, которая наполняла его произведенія, начинаетъ переходить въ болѣе широкое изображеніе жизни, и въ „Герой нашего времени“ передъ нами является какъ бы отрывокъ большого романа, который долженъ былъ представить цѣлую картину русскаго общества и уже въ этомъ началѣ далъ эпизоды чисто реального характера. Планъ остался недовершеннымъ; самый „Герой нашего времени“ все еще носить слѣды прежней субъективной темы; но если по этимъ начаткамъ нельзя дѣлать опредѣленнаго вывода о томъ, какъ должно было направиться дальнѣйше творчество Лермонтова, то съ другой стороны нельзя дѣлать и отрицательнаго вывода, что Лермонтовъ могъ быть только поэтомъ космополитомъ. Съ большимъ основаніемъ новѣйшій историкъ Лермонтова замѣчалъ, что вопросъ объ отношеніи поэта къ обществу, поставленный Лермонтовымъ, не прошелъ бесплодно для русской литературы. „Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Лермонтова эти сомнѣнія стали предметомъ спора литературныхъ лагерей. Стихотвореніе Лермонтова „Поэтъ“ можетъ служить удачнымъ эпиграфомъ ко многимъ критическимъ статьямъ Добролюбова, точно также, какъ конецъ стихотворенія „Не вѣрь себѣ“ можетъ съ успѣхомъ стоять на заглавномъ листѣ нѣкоторыхъ томовъ Писарева“.

„Герой нашего времени“ вызывалъ самыя разнородныя сужденія. Главное дѣйствующее лицо въ романѣ стоитъ въ несомнѣнномъ родствѣ съ прежними разочарованными, озлобленными, демоническими лицами, въ изображеніи которыхъ Лермонтовъ стремился передать тревоги своего внутренняго міра. Романъ изданъ былъ въ 1839; при второмъ изданіи Лермонтовъ прибавилъ предисловіе, въ которомъ утверждалъ, будто бы главный герой его есть „портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи“; онъ устранялъ „тонкое“ замѣчаніе нѣкоторыхъ читателей, что „сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ“; онъ устранялъ

также всякую мысль о поученіи и исправленіи людскихъ пороковъ: „автору просто было весело рисовать современнаго чело-вѣка, какимъ онъ его понимаетъ и, къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излечить — это ужъ Богъ знаетъ!“ Для изображенія пороковъ всего поболѣнія нуженъ былъ бы болѣе разносторонній опытъ, чѣмъ былъ въ распоряженіи Лермонтова, и невозможно было бы совмѣстить ихъ въ одномъ лицѣ; цѣлей поученія у него не было, хотя, назвавъ наблюдаемое явленіе болѣзнию, онъ указы-валъ свой взглядъ на него. Но онъ говорилъ это уже черезъ два года послѣ того, какъ романъ былъ написанъ; самый романъ остался безъ продолженія, и думаютъ не безъ основанія, что у самого поэта измѣнилось отношеніе къ этой темѣ, что въ послѣд-ніе годы онъ переживалъ новое настроеніе и снова перерабо-тывалъ свое міровоззрѣніе...

Печоринъ, какъ извѣстно, былъ понятъ весьма различно и критикой и читателями, и взгляды на него мѣнялись также вмѣстѣ съ цѣлымъ отношеніемъ къ поэзіи Лермонтова. Одни, какъ, напримѣръ, Бѣлинскій, видѣли въ немъ чело-вѣка съ великою силой духа и воли, но который ушелъ въ отрицаніе, не нашедши себѣ достойнаго поприща въ условіяхъ времени; самые пороки, которые онъ самъ сознаетъ, не закрываютъ въ немъ могуще-ственной натуры ¹⁾. Другимъ Печоринъ казался свѣтскимъ фатомъ, натурой хотя талантливой, но именно съ слабою волею, и оттого неспособной ни къ какому общественному стремленію, и повиднѣ, для Добролюбова Печоринъ есть только варіація того русскаго общественнаго типа, который Гончаровъ обезсмертилъ въ Обломовѣ ²⁾.

¹⁾ „Этому чело-вѣку нечего бояться: въ немъ есть тайное сознаніе, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется и что онъ есть только въ настоящую минуту... Его страсти—бури, очищающія сферу духа; его заблужденія, какъ ни страшны они, остра болѣзнь въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь. Это лихорадки и горячки, а не подагра, не ревматизмъ и геморрой, которыми мы, бѣдныя, такъ безплодно страдаемъ... Пусть онъ клевететь на вѣчные законы разума, поставивъ высшее счастье въ насущной гордости; пусть онъ клевететь на чело-вѣческую природу, видя въ ней одинъ эгоизмъ; пусть клевететь на самого себя, при-нимая моменты своего духа за его полное развитіе и снѣживая вѣность съ возму-жалостью,—пусть!... Наставеть торжественная минута и противорѣчіе разрѣшится, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются въ одинъ гармоническій аккордъ!... Даже и теперь онъ проговаривается и противорѣчитъ себѣ, уничтожая одною страницей всѣ предыдущія: такъ глубока его натура, такъ врожденна ему разумность, такъ силенъ у него инстинктъ истины!“ (Бѣлинскій, Сочиненія, т. III, стр. 602—608).

²⁾ „Ужъ на что, кажется, Печоринъ, а и тотъ полагаетъ (какъ Обломовъ), что

Въ дѣйствительности, Печоринъ носитъ несомнѣнныя автобиографическія черты; это—новое видоизмѣненіе того же общаго типа, который столько разъ возвращался въ поэмахъ, драмахъ, стихотвореніяхъ и повѣстяхъ Лермонтова, и въ которомъ онъ старался осмыслить и оправдать различные фазисы своего личнаго настроенія. Последніе годы жизни Лермонтова не успѣли привести разрѣшенія той жизненной и личной загадки, раскрыть которую онъ стремился всю свою жизнь. Его послѣднія стихотворенія не представляютъ яснаго мировоззрѣнія, но въ немъ можно замѣтить новыя или болѣе, чѣмъ прежде, выраженные элементы: его чувство пріобрѣтаетъ болѣе мягкіе элегическіе тоны съ отгнѣномъ религіознымъ... Это раздумье могла быть новая ступень къ искомому примиренію съ жизнью... Это наблюдение, сдѣланное однимъ историкомъ Лермонтова, было рѣшительно отвергаемо другимъ ¹⁾, но тѣмъ не менѣе кажется намъ справедливымъ. Мотивы поэзіи Лермонтова мѣнялись, за одно и то же время, вмѣстѣ съ настроеніемъ данной минуты, — рядомъ съ настоящей „Молитвой“ онъ можетъ вернуться къ обычному бурному отрицанію, и трудно, даже невозможно обозначать въ этой поэзіи какія-нибудь опредѣленныя грани подобныхъ настроеній. Но дѣйствительно за послѣдніе годы нельзя не замѣтить повторенія элегическихъ мотивовъ, между прочимъ въ тѣхъ особенно частыхъ обращеніяхъ къ природѣ, гдѣ олицетвореніе ея переходитъ въ пейзажъ, окрашенный субъективной скорбью ²⁾, а съ другой стороны, въ выраженіяхъ чисто личнаго чувства, гдѣ вромѣ титаническаго задора мы найдемъ совсѣмъ иные тоны, какъ въ стихотвореніи „Выхожу одинъ я на дорогу“, „Завѣщаніе“ (1841),

счастье, можетъ быть, заключается въ покоѣ и сладкомъ отдыхѣ. Онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ сравниваетъ себя съ человѣкомъ, томимымъ голодомъ, который „въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ предъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче... но только проснулся, мечта исчезаетъ, остается удвоенный голодъ и отчаяніе“... Въ другомъ мѣстѣ Печоринъ себя спрашиваетъ: „отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?“ Онъ самъ полагаетъ, — оттого, что „душа его сжилась съ бурями и жаждетъ кипучей дѣятельности“... Но вѣдь онъ вѣчно недоволенъ своей борьбой и самъ же безпрестанно высказываетъ, что всѣ свои дрянныя дебашества затѣваетъ потому только, что ничего лучшаго не находитъ дѣлать. А ужъ коли не находитъ дѣла, и вслѣдствіе того ничего не дѣлаетъ и ничѣмъ не удовлетворяется, такъ это значитъ, что къ бездѣлю болѣе склоненъ, чѣмъ къ дѣлу... Та же обломовщина“... (Сочиненія, 1-е изд., II, стр. 542, 544 и далѣе).

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1891, декабрь, стр. 680—681.

²⁾ „Гучи небесина“, „Сосна“ (1840), „Утѣсь“, „Зеленый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой“ (1841).

или нѣсколько раньше въ стихотвореніи „Памяти кн. Одоевскаго“, наконецъ и въ стихотвореніи: „Люблю отчизну я“.

Чувство общенности связано съ чувствомъ патріотическимъ. И здѣсь Лермонтовъ былъ своеобразенъ. На основаніи своей генеалогіи, начало которой онъ относилъ сначала въ Испанію, потомъ въ Шотландію, онъ романтически искалъ своей родины то въ одной, то въ другой изъ этихъ странъ; остановившись затѣмъ на своей родинѣ дѣйствительной, онъ питалъ обыкновенный военный и государственный патріотизмъ, увлекался вѣшнимъ величіемъ Россіи, громомъ побѣдъ, необъятными границами, чуть ли даже не предположеніемъ о всемірной русской монархіи въ будущемъ ¹⁾. Но затѣмъ являлось и другое настроеніе. Служба на Кавказѣ, участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ не развили въ немъ этого военного патріотизма и, напротивъ, въ знаменитомъ стихотвореніи, „Люблю отчизну я“ (1841): онъ заявляетъ свою холодность къ этому вѣшнему величію, которое нѣкогда его увлекало. Его „странной“ любви къ отчизнѣ не можетъ побѣдить „разсудокъ“:

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтные преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднана мечтанья.

Такимъ образомъ, за устраненіемъ разсудка, въ немъ говорить инстинктъ, непосредственное чувство, и это чувство влечетъ его именно къ русской природѣ, къ ея степямъ, лѣсамъ, къ разливамъ ея рѣкъ, къ деревенскому пейзажу и къ народной жизни. Укажемъ впечатлѣніе, какое производило это стихотвореніе на Добролюбова, въ ту пору, которой приписываютъ охлажденіе къ поэзіи Лермонтова. „Лермонтовъ,—говорилъ онъ,—умѣвши рано постичь недостатки современнаго общества, умѣлъ понять и то, что спасеніе отъ этого ложнаго пути находится только въ народѣ.

¹⁾ Самое яркое выраженіе этой стороны его патріотизма въ началѣ III части *Измаиль-Бей* (1832):

Кавія стени, горы и моря
Оружія славянъ сопротивлялись?
И гдѣ велѣнью русскаго цара
Измѣна и вражда не покорялись?
Смирись, черкесь! и Западъ, и Востокъ,
Быть можетъ, скоро твой раздѣлятъ рокъ,
Настанетъ часъ, и скажешь самъ надменно:
„Пускай я рабъ, но рабъ цара вселенной!“
Настанетъ часъ—и новый, грозный Римъ
Украсятъ Сѣверъ Августомъ другимъ.

Доказательствомъ служить его удивительное стихотвореніе „Родина“, въ которомъ онъ становится рѣшительно выше всѣхъ предрасудковъ патріотизма и понимаетъ любовь къ отечеству истинно, свято и разумно“. И, указавъ содержаніе стихотворенія, онъ продолжаетъ: „полнѣйшаго выраженія чистой любви къ народу, гуманнѣйшаго взгляда на его жизнь нельзя и требовать отъ русскаго поэта“¹⁾).

Поэзія Лермонтова, какъ и его личность, до сихъ поръ заключаютъ много загадочнаго: въ чемъ былъ истинный смыслъ его титаническихъ стремленій, его непримиримаго отрицанія, къ которому съ другой стороны присоединилась самая задушевная молитва; откуда явился этотъ мрачный и безграничный пессимизмъ и какая нравственная основа лежала въ этой бурной дѣятельности его духа и его поэзіи? Нѣтъ сомнѣнія, что въ лицѣ Лермонтова прошла въ русской поэзіи личность феноменальная, не менѣе, если не болѣе оригинальная и самобытная, чѣмъ даже Пушкинъ; и Лермонтова менѣе чѣмъ кого-нибудь изъ русскихъ писателей можно объяснить предшествующимъ развитіемъ и современными условіями. Онъ поражаетъ неожиданностями, какъ поражаетъ и противорѣчіями; онъ какъ будто ничѣмъ не былъ обязанъ ни воспитанію, ни особенно школѣ, которую онъ проходилъ, кромѣ того развѣ, что воспитаніе открыло ему возможность знакомства съ европейской литературой, въ которой онъ самъ отыскалъ немногихъ писателей, отвѣчавшихъ настроенію его мысли и его поэзіи,—во главѣ ихъ сталъ Байронъ. Затѣмъ, какъ мы видѣли, черезъ всю его поэзію проходитъ въ разныхъ отгѣнкахъ изображеніе одного основнаго типа, въ которомъ онъ и символически и реально изображалъ внутреннюю борьбу, совершавшуюся въ немъ самомъ, борьбу сильной личности или властнаго духа съ условіями ограниченной жизни или, въ частности, съ условіями общества. вмѣсто слишкомъ фантастическаго объясненія Лермонтова его небеснымъ родствомъ или тѣмъ, что онъ огорченъ былъ своимъ божественнымъ происхожденіемъ, можно поставить высокую степень поэтическаго идеализма или то, что другой критикъ Лермонтова назвалъ „метафизичностью“, источникъ которой прежде всего былъ въ его собственной натурѣ и которая только поддержана была господствующимъ тономъ тогдашней европейской поэзіи и всего больше Байрономъ. Эти метафизическіе вопросы объ отношеніи человѣка къ божеству, къ природѣ, къ человѣчеству, къ смыслу собствен-

¹⁾ Сочиненія, 1-е изд., I, стр. 542—548.

ной жизни, вопросы вѣчные и доступные только вѣрѣ или скептицизму, какъ мы видѣли, рѣшались Лермонтовымъ въ разныхъ смыслахъ: или брали верхъ въ его душѣ и въ поэзи непосредственная вѣра съ привычными образами легенды ¹⁾, или чувство протеста, переходившее, затѣмъ, въ мрачное раздраженіе и пессимизмъ ²⁾. Идеалистическія требованія отъ жизни, въ соединеніи съ сознаниемъ своего превосходства, которое казалось избранничествомъ, создали его отчужденіе отъ общества, то презрѣніе, какое питалъ онъ къ толпѣ, его желаніе властвовать надъ людьми, его суровость, которая не покидала его въ самыхъ увлеченіяхъ страсти и даже въ любимыхъ женщинахъ допускала видѣть потомъ только безразличныя для него жертвы ³⁾. Но рядомъ съ этимъ отталкивающимъ себялюбіемъ, не разъ вводившимъ его въ положенія, которыя даже не должны бы особенно льстить его высокому мнѣнію о себѣ ⁴⁾, шло иное настроеніе—строгий анализъ самого себя, усилія опредѣлить свое отношеніе къ обществу, сознаніе нравственнаго долга, лежащаго на поэтѣ, которому не даромъ дано его избранничество ⁵⁾. Въ концѣ концовъ поэтъ не остался чуждъ этому обществу и его лучшимъ стремленіямъ...

Все это сложное содержаніе одѣто было въ гениальную поэзію. По смерти Пушкина юный поэтъ былъ единодушно признанъ его преемникомъ, — и именно преемникомъ независимымъ и самобытнымъ. Оригинальное, глубокое содержаніе, богатство

¹⁾ Его молитвы, „Ангель“, „Вѣтка Палестини“, нѣкоторые эпизоды „Демона“ и пр.

²⁾ „И скучно, и грустно“, „Благодарность“ и пр. и пр.

³⁾ Ср. различныя притванія Печорина:

„Неужели, думалъ я, мое единственное назначеніе на землѣ—разрушать чужія надежды?.. Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно я разыгрывалъ жалкую роль палача или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?..

„...Вѣрно мнѣ было назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія. И съ той поры сколько разъ уже я игралъ роль тотора въ рукахъ судьбы! Какъ орудіе казни я унадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія“... и т. д.

⁴⁾ Отношенія Печорина къ Грушницкому и нѣкоторыя отношенія самого Лермонтова.

⁵⁾ Еще притваніе Печорина: „Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей —и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ, а головою. Я избѣживаю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его: первый, быть можетъ, черезъ часъ простится съ вами и хиромъ на вѣки, а второй... второй?“

фантазій, тонкость чувства, удивительное изящество формы быстро создали его славу и увлекали читателей—несмотря на то, что тонъ этой поэзіи слишкомъ часто былъ безотрадно отрицательный, что она не давала, повидимому, никакой тѣни положительнаго идеала. Одинъ изъ критиковъ, задавая вопросъ о томъ, почему однако было такъ сильно впечатлѣніе поэзіи Лермонтова, говорилъ: „...Несмотря на отсутствіе положительной вѣры, а вмѣстѣ съ нею и твердой точки опоры для убѣжденій, несмотря на свой мрачный и радикальнѣйшій пессимизмъ, поэзія Лермонтова не производила, однако, на современниковъ и не производитъ на потомство удручающаго впечатлѣнія и чувства отчаянія и безнадежности, которыхъ, повидимому, можно было бы отъ нея ожидать по ея отрицательному направленію. Напротивъ того, дѣйствіе ея было какъ будто бы противоположное: она воспламеняла энтузіастовъ, вселяла скорѣе бодрость, а не малодушіе; она заставила признать Лермонтова прямымъ наслѣдникомъ лиры Пушкина, первымъ въ Россіи поэтомъ, ранняя смерть котораго оплакиваема была какъ народное бѣдствіе. Какъ согласовать эти кажущіяся противорѣчія?“ Рѣшеніе ихъ критикъ находилъ въ томъ метафизическомъ элементѣ поэзіи Лермонтова, который и обезпечиваетъ за нею прочное и могучее вліяніе, сообщаетъ ей чарующую прелесть... „Таинственное, непознаваемое есть вѣчный антагонистъ систематическаго, научнаго знанія, но и къ нему наука ежеминутно подходитъ, строя помосты изъ гипотезъ, искусство же и обойтись не можетъ безъ мысленнаго продолженія никогда не высказываемой вполнѣ въ произведеніи идеи его въ безконечномъ... Мы имѣемъ передъ собою систематическаго мечтателя, похожаго на лунатика, ходящаго по улицамъ съ открытыми, но не зрящими глазами. Этотъ мечтатель относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ окружающимъ его людямъ и предметамъ и устраиваетъ для себя мысленно иной міръ, убранный во все то, что только авторъ отмѣтилъ въ природѣ, какъ наиболѣе подходящее къ состояніямъ его души, и населенный не настоящими людьми, въ которыхъ добро и зло смѣшаны, а существами воображаемыми, либо вполнѣ ангельскими, либо вполнѣ демоническими. Онъ до того замечтался, и умъ его до того расположенъ мыслить метафизически, становясь на внѣ-человѣческой метафизической точкѣ зрѣнія, что, въ концѣ концовъ, самъ не знаетъ, онъ ли это самъ мечтаетъ, или иное, сидящее въ немъ „высшее существо“. Вспомнимъ „Чашу жизни“, чашу бытія съ золотыми краями.... Умирая, мы убѣждаемся, „Что пуста была золотая чаша, — Что въ ней напитокъ былъ мечта — И

что она *не наша!*“ Отъ этого обычнаго у Лермонтова поэтическаго его лунатизма происходило и пренебреженіе къ людямъ, похожее на Байроновское, но въ сущности запечатлѣнное нѣсколько инымъ характеромъ. Люди ему противны не потому, что далеки отъ идеала челоуѣчества, какимъ онъ долженъ былъ быть по понятіямъ Байрона: гордый, свободный, любящій. Люди досаждаютъ Лермонтову просто потому, что они — призраки... Это пренебреженіе жизнью, которую не ставятъ ни въ грошъ, замѣчательно еще и тѣмъ, что оно не дополняется вовсе видѣніями будущей жизни, расчетами на мзду за земное за гробомъ. Лермонтовъ потому-то именно и цѣнится тѣми, которые не имѣютъ счастья вѣрить, что онъ вовсе не мистикъ, а только мечтатель, что онъ не испытываетъ видѣній, а только какъ будто бы вспоминаетъ, что имѣлъ ихъ когда-то, въ какомъ-то волшебномъ снѣ. Какъ величайшій изъ мечтателей-философовъ — Платонъ, онъ убѣжденъ, что эти сны снились его не имѣющей ни начала, ни конца душѣ еще до его рожденія на землѣ“. Поэзія Лермонтова похожа на тотъ лучъ солнца, который при закатѣ блеститъ на снѣжныхъ вершинахъ Кавказа ¹⁾: „онъ, конечно, ничего не освѣщалъ, но среди глубочайшаго мрака все-таки свидѣтельствовавъ о невидимомъ солѣцѣ. Иногда этого пурпурнаго воспоминанія о невидимомъ достаточно для приободренія живущихъ къ тому, чтобы они перенесли всю тягость ночи и дожили до слѣдующаго дня“ ²⁾.

Но если это опредѣленіе рисуеъ намъ мечтательный идеализмъ Лермонтова, то оно требуетъ оговорки, потому что не обнимаетъ всѣхъ сторонъ его поэзіи. Одна метафизическая поэзія, окрашенная притомъ въ радикальнѣйшій пессимизмъ, едва ли была бы въ состояніи въ такой степени увлекать массу, какъ увлекала поэзія Лермонтова: она была бы для этого слишкомъ монотонна, слишкомъ чужда живой дѣйствительности, отъ которой все-таки

¹⁾ ...Въ часъ торжественный заката,
Когда, растаявъ въ морѣ злата,
Ужъ скрылась колесница дня,—
Снѣга Кавказа на мгновенье,
Отливъ пурпурный сохрани,
Сіяютъ въ темномъ отдаленѣ,
Но этотъ лучъ полуживой
Въ пустынѣ отблеска не встрѣтитъ
И путь ничей онъ не освѣтитъ
Съ своей вершины ледяной...

(Въ одномъ изъ вариантовъ „Демона“.)

²⁾ Спасовичъ, Сочиненія. II, стр. 400—406.

трудно отрѣшиться читателю... Согласно съ общей своей мыслию, критикъ Лермонтова отвергаетъ въ его поэзи всякое общественное значеніе. „По своей необщительной натурѣ Лермонтовъ не постигалъ общественнаго значенія поэзи; онъ догадывался, что поэзі должна имѣть власть надъ людьми, но какъ истый романтикъ онъ перенесъ ея владычество изъ прозаическаго извѣженнаго XIX вѣка въ прошедшее“. Такъ объясняетъ критикъ его „Поэта“, — какъ поэта прошедшихъ временъ; но въ объясненіи упущено изъ виду, что стихотвореніе оканчивается призывомъ: „проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ“ — и осмѣянь онъ тѣмъ ничтожнымъ обществомъ, которое самъ авторъ презираетъ; и самъ Лермонтовъ только за годъ передъ тѣмъ ¹⁾ вырывалъ изъ ноженъ этотъ клинокъ въ стихотвореніи на смерть Пушкина. Такъ объясняетъ критикъ и „Пророка“, котораго Лермонтовъ заставляетъ провозглашать любви и правды чистыя ученья, какихъ „онъ самъ и провозглашать никогда не могъ, по своей нелюдимости и отчужденности отъ свѣта“; котораго онъ изображаетъ „съ самой непривлекательной стороны, со стороны его суровой неуживчивости“; котораго онъ писалъ „не съ себя“. Но „Пророкъ“ и не долженъ былъ быть портретомъ; это — изображеніе извѣстнаго традиціоннаго лица, о которомъ сказано было, что „нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ“, и отношенія въ нему толпы, бросающей въ него каменя за ту правду, которую онъ говоритъ. Самъ критикъ, сказавъ, что „Пророка“ Лермонтовъ писалъ не съ себя, замѣчаетъ, что Лермонтовъ „употребилъ для изображенія его черты, которыхъ ему самому недоставало, а не указалъ, напротивъ того, на тѣ, которыми онъ дорогъ намъ, — именно на гордое одиночество энергической души, выдѣляющей себя изъ толпы, и на увѣренность въ бытіи чего-то лучшаго, вѣстникомъ котораго онъ былъ въ *тяжелыя времена*“ ²⁾. Мы указывали выше, что Лермонтовъ именно и былъ такимъ вѣстникомъ не одною метафизической поэзіей, но и прямымъ, хотя рѣдкимъ, вмѣшательствомъ въ общественность своего времени. Намъ кажется болѣе вѣрной и исторически полной точка зрѣнія, съ которой судить другой историкъ.

„Поэзія Лермонтова была самымъ яркимъ отраженіемъ этого тревожнаго времени въ русской жизни (тридцатыхъ годовъ) и она съ особенной силой выразила этотъ переходный моментъ въ развитіи русской мысли. Недовольство старымъ, сознаніе грѣховъ

¹⁾ Можетъ быть, и въ томъ же году, потому что хронологія стихотворенія колеблется между 1837 и 1838. Ср. въ изданіи Висковатова.

²⁾ Тамъ же, стр. 406—406

современныхъ, искреннее, но туманное стремленіе къ лучшему будущему, растерянность передъ массой противорѣчивыхъ взглядовъ, непоколебимая увѣренность въ необходимости найти исходъ изъ этихъ противорѣчій, сознание своей слабости передъ этой высокой задачей, часто повторяющійся упадокъ духа и, наконецъ, гнѣвъ на внѣшнія условія, стѣснявшія и безъ того стѣсненную мысль—вотъ цѣль идей и чувствъ, какими жило молодое поколѣніе 30-хъ годовъ и которыя наглядно отразились въ поэзіи Лермонтова. Эта солидарность Лермонтова съ современнымъ ему поколѣніемъ придава обществу-прогрессивному значенію его творчества особенную силу...

„Дѣятельность Лермонтова есть исповѣдь энергической души, ищущей примиренія съ жизнью, борьба мечты и дѣйствительности, борьба лихорадочная, изнурительная. Казалось бы, что человѣку съ такой организаціей, какъ Лермонтовъ, и бороться было бесполезно; примиреніе, повидимому, было невозможно. Всякій другой человѣкъ съ менѣе развитымъ чувствомъ общенности при такихъ природныхъ задаткахъ, дѣлающихъ всякое соглашеніе съ жизнью невыносимымъ, или совсѣмъ отвернулся бы отъ нея, или сталъ бы прямо враждовать съ нею. Лермонтовъ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Онъ не замыкался въ узкомъ кругѣ мечтаній, не улеталъ отъ земли въ область видѣній, куда бесспорно могъ улетать въ силу своей очень живой фантазіи; онъ не навязывалъ себѣ насильно какого-нибудь успокоивающаго міросозерцанія, ни узко-національнаго, ни узко-религіознаго; онъ также не отвергивался отъ жизни со злобой, не враждовалъ съ ней какъ таковой, т.-е. не былъ мизантропомъ и пессимистомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова... Онъ всю жизнь боролся, выясняя себѣ всевозможные вопросы жизни, желая проникнуть въ ихъ глубину, связать ихъ вмѣстѣ и согласовать ихъ съ всѣми слишкомъ требовательными и высокими идеалами...

„Лермонтовъ никогда не былъ проповѣдникомъ какой-либо положительной истины, глашатаемъ какихъ-либо ясныхъ и установившихся убѣжденій, такъ какъ самъ не имѣлъ ихъ. Естественно, что у него не было и того восторженнаго и увѣреннаго тона, какимъ всегда отличается рѣчь убѣжденнаго человѣка... Единственнымъ предметомъ его бесѣдъ съ другими былъ его собственный душевный разладъ и надобно было имѣть много смиренія и много любви къ людямъ, чтобы на ихъ глазахъ такъ безпощадно бить собственное сердце, какъ это дѣлалъ Лермонтовъ. Субъективизмъ Лермонтова въ его поэзіи, постоянный возвратъ къ своему собственному „я“ признается иногда за красно-

рѣчивое доказательство его гордости и эгоизма. Но не есть ли эта строгая и правдивая исповѣдь поэта прямое доказательство обратнаго—его любви къ людям?.. Онъ можетъ служить образцомъ совѣстливаго и строгаго надзора челоуѣка надъ самимъ собою¹⁾...

Если новѣйшимъ критикамъ можетъ казаться, что для признанія за поэзіей Лермонтова общественнаго значенія требовались бы болѣе опредѣленные заявленія, чѣмъ тѣ, какія можно находить въ стихотвореніи на смерть Пушкина, въ „Думѣ“, въ „Поэтѣ“, или въ самомъ „Герое нашего времени“, то должно припомнить, что болѣшая опредѣленность была и невозможна въ то время. Ни общество, ни литература не знали ни открытаго общественнаго языка, ни даже опредѣленныхъ общественныхъ взглядовъ: эти взгляды выяснялись только къ концу сороковыхъ годовъ, а до тѣхъ поръ они жили въ видѣ идеалистическихъ порывовъ, и на нихъ давала отвѣтъ поэзія Лермонтова. Его немногія стихотворенія собственно общественнаго характера объясняли тонъ цѣлаго міровоззрѣнія и давали ему особенное удареніе. Когда въ этомъ смыслѣ, какъ извѣстно, въ людяхъ сороковыхъ годовъ охладѣвали симпатіи къ Пушкину, тѣмъ больше выростало увлеченіе Лермонтовымъ. Мы видѣли еще живой отголосокъ этого настроенія сороковыхъ годовъ: внѣ вопроса чисто художественнаго Лермонтову принадлежали самыя горячія сочувствія²⁾.

Намъ должно коснуться еще одного вопроса—о степени самобытности поэзіи Лермонтова. Историкъ его, настаивавшій на исключительно метафизической основѣ его поэзіи и отрицавшій ея значеніе общественное, чуждое самому Лермонтову какъ челоуѣку „безпочвенному“, этотъ историкъ считаетъ Лермонтова вполне дѣтищемъ Байрона, хотя для вліянія Байрона была уже

¹⁾ Котляревскій, стр. 264, 275, 282 и др.

²⁾ Мы вспоминаемъ К. Д. Кавелина. Прибавимъ еще замѣчаніе. Отвергая мнѣніе г. Котляревскаго, что общественный вопросъ есть великая заслуга XIX вѣка, г. Славосвичъ („Вѣсти. Европа“, 1891, дек., стр. 607 и дал.) ссылается съ одной стороны на христіанство, давно проповѣдующее любовь къ ближнему, а съ другой на тотъ фактъ, что XIX вѣкъ не меньше прежняго изобилуетъ политикою „крови и желѣза“. Но, къ сожалѣнію, христіанство, и ставъ господствующей религіей, не могло устранить этой политики, и не подлежитъ сомнѣнію, что чувство общественности и челоуѣчности—не въ связи съ этой политикою, а наперекоръ ей—никогда не провинило европейскіхъ обществъ съ такою силою, какъ именно теперь: таково развитіе рабочаго и крестьянскаго вопроса; таковъ социализмъ, который дѣлается наконецъ церковнымъ и государственнымъ; таковы разнообразныя стремленія общества къ помощи народнымъ массамъ, къ поднятію ихъ матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго состоянія; такова демократизація школы и литературы, и т. д.

своя подготовленная почва. „*Не будь Байрона* и его вліянія— изъ Лермонтова вышелъ бы, можетъ быть, крупный поэтъ, не очень высокаго полета, съ узкимъ національнымъ направленіемъ, сильно державшійся за родную почву множествомъ корней, а потому и популярный и любимый. Подъ вліяніемъ Байрона изъ Лермонтова выработался поэтъ весьма высокаго полета, но космополитическій, можетъ быть и беспочвенный, но столь могучій по силѣ гения, что въ теченіе всѣхъ истекающихъ по его смерти 50 лѣтъ ни одинъ изъ появившихся потомъ пѣвцовъ не унаследовалъ его волшебной лиры, никто не приблизился къ нему — всѣ они точно маленькіе холмы въ виду этого поэтическаго Казбека“¹⁾. Подобныя рѣшенія легко могутъ быть дѣломъ личнаго вкуса, такъ какъ самый фактъ, быть можетъ, никогда не допустить абсолютно точнаго изслѣдованія. Вліяніе Байрона на юношу Лермонтова не подлежитъ сомнѣнію: онъ самъ оставилъ объ этомъ ясныя указанія, но мы не поставили бы Лермонтова въ такую полную зависимость отъ англійскаго поэта. Лермонтовъ былъ почти мальчикъ, когда познакомился съ Байрономъ впервые, но его собственная натура была исполнена такой энергіей и въ ней былъ такъ обозначенъ настойчивый, бурный, неповоротливый характеръ, что его трудно представить подъ чужимъ руководствомъ. Здѣсь опять можно примѣнить извѣстныя слова Пушкина: „талантъ неволея, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе— признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть *новые міры*, стремясь по слѣдамъ гения“. Байронизмъ тридцатыхъ годовъ не былъ уже только личное и единичное вліяніе: это было настроеніе эпохи, созданное не однимъ Байрономъ; а съ другой стороны историкъ сознаетъ, что Лермонтовъ, во-первыхъ, остался чуждъ извѣстнымъ сторонамъ Байрона, напр. его политическимъ идеямъ и гуманизму, а во-вторыхъ уходилъ дальше его: „По методу безпощаднаго психологическаго анализа авторъ „Героя нашего времени“ и „Маскарада“ *выходитъ далеко за предѣлы* круга Байроновскаго вліянія и главенства“; или „Лермонтовское настроеніе можетъ иногда показаться болѣе Байроновскимъ, чѣмъ у самого Байрона“²⁾. Затѣмъ, онъ дѣйствительно открывалъ „новые міры“: таковъ „Демонъ“ — произведеніе единственное, *выходящее за предѣлы* Байроновской поэзіи, въ высшей степени романтическое и поражающее своею смѣлостью, даже если его разсматривать какъ одну

1) Спассовичъ, Сочиненія. II, стр. 373.

2) Тамъ же, стр. 379, 398.

изъ самыхъ крупныхъ волнъ этого порывистаго и слѣпнаго литературнаго движенія;—поль-вѣва прошло съ тѣхъ поръ, какъ была задумана поэма, романтизмъ прошелъ и забытъ, но этотъ цвѣтокъ романтизма, одинъ изъ самыхъ пышныхъ, сохранялъ донынѣ свой сильный и неподобный аромат". О другой поэмѣ Лермонтова авторъ говоритъ: „Чувства поэта, истаго сына дикой природы, находятъ въ полномъ созвучіи съ этою природою: въ этомъ отношеніи поэма „Мцыри“ есть одинъ изъ прелестныхъ алмазовъ поэзіи не только русской, но и всемірной“. И едва ли поэтъ, зависимый отъ чужаго внушенія, могъ стать „однимъ изъ великановъ не только русской, но и европейской литературы“¹⁾.

Еще однимъ изъ такихъ неожиданныхъ явленій, въ которыхъ выражалось вступленіе русской литературы на самостоятельную дорогу, была поэзія Кольцова, старшаго современника Лермонтова и сверстника Гоголя. И его дѣятельность была опять очень кратковременна: съ тѣхъ поръ, какъ онъ нашелъ свой настоящій поэтический путь, онъ дѣйствовалъ всего шесть-семь лѣтъ,—но и этого было достаточно, чтобы онъ могъ достойнымъ образомъ отмѣтить свое имя въ исторіи русской поэзіи и внести въ нее новый плодотворный элементъ.

Кольцовъ дѣйствительно представляетъ столь оригинальное явленіе, что хотя внесенное имъ новое содержаніе нашло потомъ свое дальнѣйшее развитіе, но поэтъ съ нимъ однороднаго и равносильнаго русская поэзія и до сихъ поръ не видѣла. Правда, онъ какъ будто имѣлъ предшественниковъ, тѣмъ не менѣе его поэзія была для своего времени совершенно новой и стала опять знаменательнымъ факторомъ въ нашемъ литературномъ развитіи.

Попытки ввести народную пѣсню въ литературное обращеніе дѣлались уже давно, почти съ самаго начала нашей новой литературы. Цѣнность народной пѣсни въ литературномъ отношеніи понималъ уже Тредьяковскій, который находилъ, что именно въ „подыхъ“ пѣсняхъ заключается истинный образецъ русскаго стихосложенія. Сумароковъ написалъ очень много „пѣсней“, которыя были даже любимы въ тогдашнемъ обществѣ и въ которыхъ были иногда намеки на народный тонъ²⁾, употреблялись народно-

¹⁾ Тамъ же, стр. 389, 395, 406.

²⁾ Напримѣръ, № VIII (по изданію 1781, т. VIII):

Въ роцѣ дѣвки гуляли,
Калина ли моя, малина ли моя.
И весну прославляли.

пѣсенныя выраженія, уже не находившія мѣста въ литературномъ языкѣ (напр.: мой свѣтъ, красно солнце, кручина и т. п.). Причина этого вкуса къ народной пѣснѣ была двоякая: съ одной стороны, въ то время пѣсня еще твердо хранилась въ самой дворянской средѣ, гдѣ не только въ деревенской, но и въ городской жизни она береглась какъ старинное патріархальное развлеченіе; съ другой стороны, народная пѣсня бывала и придворнымъ развлеченіемъ и примѣръ двора оказывалъ свое обычное дѣйствіе. Изданія „пѣсенниковъ“, въ которыхъ находили мѣсто и сочиненныя пѣсни и романсы, и настоящія народныя пѣсни, начинаются уже съ семидесятихъ годовъ XVIII вѣка, составляя несомнѣнно прямое продолженіе сборниковъ рукописныхъ; и со времени Сумарокова отраженія пѣсенныхъ образцовъ не перестаютъ появляться въ литературѣ, — напомнимъ, напримѣръ, комическія оперы конца прошлаго вѣка, и между прочимъ пьесы имп. Екатерины. Это отраженіе можно встрѣтить даже въ тѣхъ школьныхъ виршахъ и кантахъ, гдѣ въ старинный силлабическій стихъ проникала пѣсенная манера, народныя слова и выраженія. Последніе представители этого давняго подражанія пѣсенному складу были въ особенности два писателя Пушкинскаго времени: одинъ — ревностный классикъ, дожившій до окончательнаго паденія стараго классицизма, Мерзляковъ; другой — поэтъ Пушкинскою плеяды, романтикъ съ антологическими вкусами, одинъ изъ ближайшихъ друзей Пушкина, баронъ Дельвигъ. Тотъ и другой пользова-

Калина ли и пр.
 Дѣвку горестъ морила.
 Калина ли и пр.
 Дѣвка тутъ говорила:
 Калина ли и пр., и т. д.

Или, № XIX:

О, ты крѣпкой крѣпкой Бендеръ градъ,
 О, разумный храбрый Панинъ графъ,
 Ждетъ Европа чуда славнова,
 Ждетъ Россія славы новыя.
 Царь Турецкой и не думаетъ,
 Чтобы Бендеръ было взяти лязя, и т. д.

Или, № CLVIII:

Прилетѣла на берегъ синица,
 Изъ заполючна моря,
 Изъ захождна Океана:
 Спрашивали гостейку прѣзжу,
 За моремъ какіе обряды.
 Гостя прѣзжа отвѣчала:
 Все тамъ превратно на свѣтѣ, и т. д.

лись въ свое время большою славою; ихъ „народныя“ пѣсни, въ сущности романсы на нѣсколько народный ладъ, полагались на музыку и были чрезвычайно распространены въ свое время. Бѣлинскій указывалъ уже, какъ, однако, были далеки они отъ истинно народнаго стиля. „Въ пѣсняхъ Мерзлякова, — говоритъ онъ, — попадаются иногда мѣста, въ которыхъ онъ удачно подражаетъ народнымъ мелодіямъ, и вообще онъ по этой части сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать талантъ. Но несмотря на то, въ цѣломъ его русскія пѣсни не что иное, какъ романсы, пропѣтые на русскій народный мотивъ. Въ нихъ видѣнъ баринъ, которому пришла охота попробовать сыграть роль крестьянина. Что же касается до русскихъ пѣсенъ Дельвига — это уже рѣшительные романсы, въ которыхъ русскаго — одни слова. Это чистая поддѣлка, въ которой роль русскаго крестьянина игралъ даже и не совсѣмъ русскій, а скорѣе нѣмецкій, или, еще ближе къ дѣлу, итальянскій баринъ. Мерзляковъ по крайней мѣрѣ перенесъ въ свои русскія пѣсни русскую грусть-тоску, русское гореванье, отъ котораго щемитъ сердце и захватываетъ духъ. Въ пѣсняхъ Дельвига нѣтъ ничего, кромѣ сладенькаго любезничанья и сладенькой задумчивости, слѣдовательно, нѣтъ ничего русскаго“ ... „Изъ поэтовъ, — говоритъ онъ дальше, — только Мерзляковъ, и то въ одной только пѣснѣ, и то не вполне, умѣлъ приблизиться къ языку народному безъ изысканности, народному не внѣшнимъ только образомъ, но и внутренно, умѣлъ сохранить силу чувства и избѣжать будуарной сентиментальности романа, — въ пѣснѣ: „Чернобровый, черноглазый“. По крайней мѣрѣ, слѣдующіе стихи изъ этой пѣсни нельзя не признать удивительными:

Воетъ сырѣ-боръ за горою,
Мятелница въ полѣ;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога“ ¹⁾..

Въ пѣсняхъ Дельвига страннымъ образомъ мѣшаются народный складъ съ приемами романа или даже съ псевдо-классической идилліей. Наиболѣе удачныя изъ нихъ стали любимыми романсами ²⁾; но ему ничего не стоило не только рядомъ съ народною пѣснью писать идилліи съ Титиромъ и съ Зоей, но и въ самыя пѣсни помѣщать „пастушекъ“, Хлою и т. п.

¹⁾ Стихотворенія Кольцова. М. 1857, Біографія, стр. 55, 56, 62 (Біографія, явившаяся первоначально въ изданіи Кольцова 1846 г., повторена и въ собраніи сочиненій Бѣлинскаго, т. XII, 1862).

²⁾ Напримѣръ: „Ахъ ты ночь ли ноченька“, „Пѣла, пѣла пташечка“, „Соловей, мой соловей“ и т. п.

Такимъ образомъ народная пѣсня вводилась въ литературу крайне поверхностно: для истиннаго проникновенія въ духъ народной поэзіи требовался бы особый исключительный талантъ, а также и нѣчто иное—уразумѣніе народной жизни путемъ болѣе глубокаго сознанія. Это сознаніе могло быть двоякое: или непосредственное чувство, или теоретическое изученіе... Въ тридцатыхъ годахъ возникало и то, и другое. Непосредственное сознаніе едва ли когда-нибудь высказалось въ нашей литературѣ съ такою характерною силою, какъ въ стихотвореніи Лермонтова: „Люблю отчизну я“. Поэтъ справедливо говорилъ, что его разсудокъ не могъ побѣдить этой любви: дѣйствительно, это — чисто непосредственная любовь, въ основу которой не подложено никакой теоретической мысли, изъ которой впередъ намѣренно устранены обычные побужденія патріотизма (какъ гордость величіемъ своего народа, привычка и привязанность къ преданію), и которая взята и высказана въ самой простой, свободной отъ всякой рефлексіи формѣ и можетъ быть доступна людямъ самыхъ разнообразныхъ положеній и ступеней развитія.

Еще раньше, чѣмъ Лермонтовъ далъ это опредѣленіе своего патріотизма, который сводится такимъ образомъ на любовь къ народу и народной жизни, онъ далъ замѣчательное доказательство того, что дѣйствительно можетъ глубоко понимать созданія этой народной жизни. Раньше, чѣмъ какое-нибудь научное изслѣдованіе успѣло объяснить особенности русской старины и старой народной поэзіи, Лермонтовъ создалъ, въ 1836 или 1837 году, „Пѣсню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“. Новѣйшій изслѣдователь разыскалъ, что въ этой пѣснѣ Лермонтовъ руководился не однимъ сборникомъ Кириши Данилова, какъ обыкновенно полагали, и что у него могли быть подъ руками и другія собранія народныхъ пѣсенъ, а кромѣ того и пѣсни, имъ самимъ слышанныя: такъ можно встрѣтить здѣсь отголоски разбойничьихъ, удалыхъ и другихъ бытовыхъ пѣсенъ; наконецъ, несомнѣнно было и собственное наблюденіе народнаго обычая въ крестьянской и купеческой средѣ, — причемъ оказываются даже и нѣкоторыя неточныя подробности. „Нельзя однако, — говоритъ этотъ изслѣдователь, — считать „Пѣсню“ Лермонтова какимъ-то сборнымъ произведеніемъ изъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, переложеніемъ этихъ отдѣльныхъ мотивовъ и картинъ, не говоря уже о томъ, что едва ли можно отыскать что-либо отвѣчающее всему сюжету Лермонтовской „Пѣсни“ въ народныхъ преданіяхъ, въ народныхъ пѣсняхъ. Поэтъ силой своего творчества представилъ новое произведеніе, которое родственно съ

народной поэзіей, но не тождественно. Его „Пѣсня“ такъ же связана съ народными мотивами, какъ большая величавая рѣка, разливающаяся въ ширь и въ даль, — съ своими истоками — изъ родниковъ, ручьевъ и рѣчекъ, выбѣгающихъ изъ почвы“¹⁾. „Пѣсня“ Лермонтова была крупнымъ литературнымъ фактомъ въ томъ отношеніи, что едва ли не впервые, послѣ нѣкоторыхъ опытовъ Пушкина, открывала возможность ввести въ литературу чисто народное содержаніе въ чисто народной формѣ, сохраняя все художественное изящество этой формы, не дѣлая никакихъ уступокъ данной литературной манерѣ.

Выѣстъ съ тѣмъ развивалась постепенно другая сторона усвоенія исторической, бытовой и поэтической народности. Въ другомъ мѣстѣ²⁾ мы подробно говорили о томъ, какъ, начиная съ XVIII-го вѣка, разрасталось все шире и шире въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ изученіе Россіи и русскаго народа. Тотъ разрывъ высшихъ классовъ отъ народа, который происходилъ съ XVIII-го вѣка отчасти отъ вліянія учреждений, отчасти отъ распространенія иностраннаго обычая, въ значительной мѣрѣ происходилъ однако просто оттого, что высшіе классы приобрѣтали извѣстное образованіе въ то время, какъ масса довольствовалась остатками старой книжности или пребывала въ кругломъ или довольно кругломъ невѣжествѣ. Если съ одной стороны терялось непосредственное пребываніе въ старомъ народномъ обычаѣ, а при этомъ терялось и многое народно-поэтическое, то съ другой стороны дѣлалось и великое приобрѣтеніе. Древній русскій человѣкъ въ самомъ пониманіи своего отечества ограниченъ былъ однимъ инстинктомъ, и только съ помощію новой науки могло быть приобрѣтено сознательное представленіе о самомъ отечествѣ, объ его исторіи и его современномъ состояніи. Отечество было громадно и совершенно не изслѣдовано даже относительно его естественныхъ богатствъ; исторія извѣстна была древнему русскому человѣку въ элементарной лѣтописной формѣ и чѣмъ дальше, тѣмъ становилась непонятнѣе, и только при помощи новой науки можно было возстановить ея дѣйствительные факты; и въ самомъ дѣлѣ только благодаря ученымъ поискамъ могли быть открыты и объяснены многіе драгоценные памятники нашей древности, совсѣмъ забытые книжниками XVII-го вѣка. Старый обычай хранился въ народѣ и забывался въ средѣ образованныхъ классовъ (что было между

¹⁾ П. В. Владиміровъ. „Историческіе и народно-бытовне сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова“. Кіевъ, 1892 (изъ „Чтеній“ въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца, т. VI), стр. 23—24.

²⁾ „Исторія русской этнографіи“, т. I—II.

прочимъ совершенно естественно и потому, что этотъ обычай, по существу сельскій, мало укладывался въ развивавшуюся все болѣе городскую жизнь), но частію этотъ обычай мало-по-малу падалъ, просто вслѣдствіе незамѣтнаго, но постоянного наплыва новыхъ культурныхъ отношеній (и его паденіе нерѣдко было и желательно, потому что онъ бывалъ слишкомъ первобытно грубъ и вреденъ, какъ на это указывалъ, напр., Ломоносовъ), а частію безконечно варьировался по мѣстностямъ и племеннымъ отгѣнкамъ, и въ концѣ концовъ представлялъ массу бессознательнаго преданія, въ которомъ новая наука также стремилась осмотрѣться и отдать себѣ отчетъ. Сама народная поэзія была заключена въ этомъ процессѣ паденія патріархальной старины. Повидимому, она была еще свѣжа въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка, но, какъ не подлежитъ теперь сомнѣнію, она и въ то время утратила уже многое изъ своего стараго содержанія: пѣсни эпическія становились все рѣже; въ пѣсняхъ обрядовыхъ много было уже непонятно самому народу; съ каждой смѣной повольтнѣй должны были стираться черты архаическія и подновляться новыми вариантами. Потребность закрѣпить народную поэзію записями сказалась уже въ XVII вѣкѣ; но главнымъ образомъ онѣ опять сдѣланы были только въ XVIII столѣтіи,—таковъ былъ знаменитый сборникъ Кирши Данилова и многочисленные печатные пѣсенники послѣднихъ десятилѣтій прошлаго вѣка; наконецъ тому же времени принадлежитъ открытіе драгоценнаго памятника древней поэзіи, окончательно забытаго старыми книжниками, Слова о полку Игоревѣ... Если могло и должно было быть сознательное представленіе о русскомъ народѣ, его исторіи, его преданіяхъ, очевидно, необходима была эта работа реставраціи, потому что безъ нея недоставало бы простыхъ фактовъ. Эту работу дѣлали въ особенности такъ называемые сухіе археологи, вмѣстѣ съ историками и этнографами, но благодаря имъ становилось возможно то обращеніе къ „народности“, которое стало важнымъ факторомъ въ развитіи литературы вообще, а также въ высшей области художественнаго творчества. Отсюда, вмѣстѣ съ собственными этнографическими наблюденіями, вышли народно-поэтическія произведенія Пушкина; и отсюда стала возможна „Пѣсня“ Лермонтова.

Въ сравненіи съ тою стариной, которая казалась и кажется многимъ столь завидна по своей непосредственной привязанности къ древнему обычаю и преданію, во всей этой новѣйшей работѣ изслѣдованія и собиранія пріобрѣтался результатъ своего высокаго достоинства — сознательное объединеніе національнаго преданія... Подъ вліяніемъ этого движенія въ тридцатыхъ годахъ

заявленъ былъ извѣстный тройственный принципъ русской національности, и „народность“ получала въ немъ официальную санкцію. Въ свое время и долго послѣ это заявленіе множество разъ цитировалось какъ откровеніе истинныхъ началъ русской жизни. Иногда служило оно добрымъ цѣлямъ, давая защиту изученіямъ народной жизни, которыя еще въ тридцатыхъ годахъ иннымъ ревнителямъ стараго обскурантизма казались вредными и опасными, потому что въ нихъ видѣлось что-то демократическое¹⁾; но съ другой стороны это заявленіе было не однажды злоупотребляемо, потому что изъ слова „народность“ хотѣли сдѣлать оружіе противъ иноземнаго, между прочимъ противъ иноземной науки, и официальная народность, какъ нѣчто уже достигнутое, становилась прикрытіемъ столь привычнаго застоя²⁾.

Какъ бы то ни было, словомъ „народность“ сказано было многое, что могло утвердить въ литературѣ интересъ къ народной жизни. Не разъ можно было видѣть, что слово не было достаточно понимаемо³⁾; — но, хотя смутно, былъ заявленъ принципъ существенно важный, или, другими словами, признано было движеніе, начавшееся гораздо ранѣе. Уже вскорѣ, въ сороковыхъ годахъ, подъ влияніемъ нѣмецкой философіи, вопросъ народности поставленъ былъ на философско-историческую почву и возникла та борьба двухъ лагерей, которая съ разными видоизмѣненіями тянется до сихъ поръ, захватывая вопросы національный, нравственный и общественный.

Жизненная важность этого движенія между прочимъ сказалась въ томъ, что на ряду съ фактическими изученіями народной жизни слышались новые интересы въ поэзіи. Это не была традиція прежнихъ подражаній народному стилю, какія мы видѣли съ XVIII-го вѣка до Мерзлякова и барона Дельвига вклучительно; это было нѣчто новое, свѣжее и самостоятельное, какой-то инстинктивный порывъ художественнаго творчества, который и совпалъ съ общимъ движеніемъ литературнаго развитія по таинственной связи жизненныхъ явленій. Таковы были произведенія Лермонтова и Кольцова. Мы видѣли, что Лермонтовъ вѣдшимъ образомъ сопривасался съ упомянутымъ этнографическимъ изуче-

¹⁾ Напомнимъ рассказы Сахарова о преслѣдованіяхъ, какія грозили ему за его этнографическія изслѣданія.

²⁾ Напомнимъ, что въ первоначальной редакціи заявленія вмѣсто неопредѣленнаго слова „народность“ стояло болѣе опредѣленное и выражавшее политическій принципъ, именно: крѣпостное право.

³⁾ Раньше мы указывали, что оно не было достаточно понято между прочимъ и Шлегелемъ въ его рѣчи о народности.

ніемъ народнаго быта, почерпая между прочимъ изъ книги поэтической матеріалъ для знаменитой „Пѣсни“; но стихотвореніе „Люблю отчизну я“ указываетъ также всю непосредственность его чувства въ народу и вмѣстѣ въ народно-поэтическому преданію и стилю. Эту самую непосредственность, хотя въ совсѣмъ иномъ примѣненіи, мы найдемъ въ Кольцовѣ.

Біографія Кольцова извѣстна. Въ средѣ, очень далекой отъ литературы, не подозрѣвавшей объ ея существованіи, въ матеріальныхъ условіяхъ, мало благоприятныхъ для самаго элементарнаго обученія, въ провинціальной глуши, куда только случайно проникала книга, оказалась необычайная поэтическая сила, которая только съ великимъ трудомъ достигла пониманія первоначальныхъ литературныхъ приемовъ и затѣмъ развернулась въ оригинальныхъ произведеніяхъ еще небывалой поэзіи. Это былъ полный контрастъ съ Лермонтовымъ: богатый баричъ и—сынъ мѣщанина, еще мальчикомъ поставленный за дѣло; всѣ средства широкаго домашняго образованія и университетъ, и—первый классъ провинціальнаго уѣзднаго училища вмѣсто всей школы; знакомство съ великими произведеніями европейской литературы, не говоря о русской, и—нѣсколько русскихъ книжекъ, купленныхъ на мѣдныя деньги; блестящій аристократическій кругъ, и—обстановка мѣщанскаго промысла; высокомѣріе балованнаго аристократа, который какъ будто лишь снисходилъ въ отечественной литературѣ, и—пугливое смущеніе полу-образованнаго мѣщанина передъ учеными людьми, у которыхъ онъ искалъ помощи своимъ скуднымъ познаніямъ, — и однако тотъ и другой заняли высокое положеніе въ русской поэзіи, въ которую вносили различные мотивы содержанія, но одинаковую непосредственность національно-поэтическаго чувства. Когда въ Кольцовѣ впервые заговорили неясныя поэтическія инстинкты, онъ былъ совершенно безпомощенъ какъ самоучка. Первымъ чтеніемъ его были сказки, и онъ самъ захотѣлъ составлять что-нибудь въ этомъ родѣ; потомъ попалась ему „Тысяча и одна ночь“ и романы; однажды случилось за сходную цѣну купить сочиненія Дмитріева, стихи показались ему пѣснями и онъ думалъ, что надо ихъ пѣть; мало-по-малу его книжный запасъ увеличился и у него были сочиненія не только Ломоносова и Державина, но Жуковскаго и Пушкина. Онъ былъ чрезвычайно обрадованъ, когда попалась ему въ руки книжка стихотвореній барона Дельвига: здѣсь между другими стихотвореніями оказались русскія пѣсни—стало быть, и пѣсня, какая начинала складываться у него самого, есть также поэзія... Нашлись наконецъ люди, которые могли помочь ему: это были воронежскій книгопродавецъ, который снаб-

даль его книжкой о стихосложеніи, и въ особенности Серебрянскій, талантливый, но рано умершій юноша, который направилъ первые стихотворные опыты Кольцова. Съ начала тридцатыхъ годовъ стихотворенія Кольцова стали изрѣдка являться въ печати, и въ это время узналъ его извѣстный Н. В. Станкевичъ, который и издалъ первое небольшое собраніе его стихотвореній въ 1835. Въ 1836 (и потомъ еще въ 1838 и 1840) Кольцову пришлось по своимъ дѣламъ прожить довольно долго въ Москвѣ и побывать въ Петербургѣ; онъ завязалъ тогда многія литературныя знакомства и въ особенности сблизился съ Бѣлинскимъ, съ которымъ поддерживалъ потомъ постоянныя сношенія; въ Петербургѣ онъ былъ ласково принятъ Жуковскимъ и Пушкинымъ, кн. Одоевскимъ и кн. Вяземскимъ, а затѣмъ, въ 1837, во время путешествія наследника (впослѣдствіи императора Александра II) по Россіи, Жуковский, въ Воронежѣ, все свободное время проводилъ съ Кольцовымъ и былъ въ его домѣ. Это конечно произвело впечатлѣніе и въ городѣ и въ самой семьѣ, гдѣ на литературныя занятія Кольцова смотрѣли прежде очень косо; но потомъ его домашнія отношенія стали опять невыносимы, и послѣдніе годы его жизни, въ тяжелой болѣзни и среди горькихъ личныхъ разочарованій, прошли очень печально.

Бѣлинскій высоко цѣнилъ въ Кольцовѣ его поэтическое дарованіе, которое опредѣлялъ онъ какъ „геніальный талантъ“, а также замѣчательный умъ. Знакомство съ литературнымъ кругомъ открыло передъ нимъ новый міръ понятій; воронежская жизнь стала тяготить его; онъ почувствовалъ еще сильнѣе недостатокъ образованія, старался пополнить его; его мысль останавливалась на тѣхъ глубокихъ вопросахъ, опредѣленіе которыхъ бываетъ основой какого-либо міровоззрѣнія,—откуда произошли его „думы“, которыя были наиболѣе слабою частью его поэзіи, но очень характерны для изученія самой личности поэта... Бѣлинскій замѣчаетъ, что жизнь въ Москвѣ въ томъ кругу, гдѣ Кольцовъ встрѣчалъ сочувствіе и находилъ пищу для своихъ духовныхъ интересовъ, очень привлекала его, и за это время онъ написалъ много хорошаго. Дома его жизнь была страшно тяжела. Переписка его съ Бѣлинскимъ, напечатанная теперь сполна въ новыхъ изданіяхъ его стихотвореній, даетъ понятіе объ этомъ безотрадномъ существованіи, такъ что надо удивляться, какъ среди этого мрака онъ могъ создавать свои удивительныя произведенія. „Давно уже,—напримѣръ, писалъ онъ Бѣлинскому въ 1840,—лежитъ на душѣ грустное сознаніе, что въ Воронежѣ долго мнѣ не сдобровать. Давно живу я въ немъ и глажу

вонъ, какъ звѣрь. Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ, горько жить мнѣ въ немъ, и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно. Какая-нибудь добрая сила невидимо поддерживаетъ меня“... „А что въ 1838 году написалъ такъ много порадочнаго—это потому, во-первыхъ, что я былъ съ вами и съ людьми, которые меня каждый день настраивали, а во-вторыхъ, я почти ничего не дѣлалъ и былъ празденъ“... „А здѣсь кругомъ меня другой народъ—татаринъ на татаринъ“... „И для чего пишу?—для васъ, для васъ однихъ; а здѣсь я за писанія терплю одни оскорбленія“.

Стихотворенія Кольцова распадаются на три группы, отвѣчающія различнымъ сторонамъ и ступенямъ его поэтическаго развитія. Это—стихотворенія, особливо его ранней поры, писанныя правильнымъ размѣромъ въ подражаніе любимымъ поэтамъ; далѣе—пѣсни, и наконецъ „думы“. Вторая группа именно заключаетъ его самостоятельный поэтический трудъ и его историческую заслугу въ судьбахъ русской поэзіи. Въ свое время никто не ставилъ этихъ произведеній Кольцова такъ высоко, какъ Бѣлинскій. Область „русской пѣсни“ была специальнымъ достояніемъ его поэзіи: для нея онъ былъ созданъ, и могъ овладѣть ею именно потому, что былъ сыномъ народа. Бѣлинскій думалъ, что самъ Пушкинъ, —хотя въ пьесахъ его изъ народной жизни видна душа глубоко-русская,—не могъ бы создать такихъ произведеній: онъ былъ для этого слишкомъ художественно-объективенъ, и въ его пьесахъ слышенъ поэтъ, образованный европейски, и при внимательномъ наблюденіи въ нихъ замѣтны поэтическіе мотивы, скорѣе прилаженные къ русской темѣ, нежели чисто-русскіе. Кольцовъ выросъ въ русской народной средѣ. „Онъ не для фразы, не для краснаго словца, не воображеніемъ, не мечтою, а душою, сердцемъ, кровью любилъ русскую природу и все хорошее и прекрасное, что какъ зародышъ, какъ возможность, живетъ въ натурѣ русскаго селянина. Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ... Онъ носилъ въ себѣ всѣ элементы русскаго духа, —въ особенности страшную силу въ страданіи и въ насладеніи, способность бѣшено предаваться и печали и веселію и, вмѣсто того, чтобы падать подъ бременемъ самаго отчаянія, способность находить въ немъ какое-то буйное, удалое, размашистое упоеніе“... „Любовь играетъ въ его пѣсняхъ большую, но далеко не исключительную роль: нѣтъ, въ нихъ вошли и другіе, можетъ быть, еще болѣе общіе элементы, изъ которыхъ слагается русскій простонародный бытъ. Мотивъ многихъ его пѣсенъ состав-

ляетъ то нужда и бѣдность, то борьба изъ копейки, то прожитое счастье, то жалобы на судьбу-мачиху“.

Кольцовъ остается народнымъ въ своемъ чувствѣ, выраженіи и языкѣ. „Чувство его всегда глубоко, сильно, мощно, и никогда не впадаетъ въ сентиментальность, даже и тамъ, гдѣ оно становится нѣжнымъ и трогательнымъ. Въ выраженіи онъ также вѣренъ русскому духу. Даже въ слабыхъ его пѣсняхъ никогда не найдете фальшиваго русскаго выраженія; но лучшія его пѣсни представляютъ собою изумительное богатство самыхъ роскошныхъ, самыхъ оригинальныхъ образовъ въ высшей степени русской поэзіи. Съ этой стороны, языкъ его столько же удивителенъ, сколько и неподражаемъ“.

Слова Бѣлинскаго вполне рисуютъ то впечатлѣніе, какое произвела поэзія Кольцова на современниковъ. Бѣлинскій былъ другомъ Кольцова, и другомъ именно потому, что видѣлъ въ немъ богатое нравственное содержаніе и рѣдкую поэтическую силу, въ которой заключалась великая надежда русской литературы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ кругу Кольцовъ находилъ хотя нѣкоторое удовлетвореніе томившей его умственной жажды; и нѣтъ сомнѣнія также, что въ этомъ кругу была поддержана и его художественная работа: онъ самъ объяснялъ, какъ мы видѣли, что, живя въ Москвѣ, онъ написалъ такъ много „порядочнаго“ потому, что въ этомъ кругу его „настраивали“¹⁾. Для Бѣлинскаго Кольцовъ былъ дорогъ вдвойнѣ и какъ замѣчательная личность, вышедшая прямо изъ народа, и какъ поэтъ, созданія котораго казались ему настоящимъ откровеніемъ.

Приведенныя нами слова были сказаны Бѣлинскимъ уже въ концѣ его дѣятельности, а за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ съ такимъ же энтузіазмомъ говорилъ о „Пѣснѣ“ Лермонтова. „Толпа и не подозрѣваетъ высокаго достоинства этой поэмы,—говорилъ онъ въ 1841.—Здѣсь поэтъ отъ настоящаго міра неудовлетворяющей его русской жизни перенесся въ ея историческое прошедшее, подслушалъ бѣненіе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа, сроднился и слился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ себѣ складъ его старинной рѣчи, простодушную суровость его

¹⁾ Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Благодарю васъ, благодарю вмѣстѣ и всѣхъ вашихъ друзей. Вы и они много для меня сдѣлали, о, слишкомъ много, много. Эти послѣдніе два мѣсяца стоили для меня пяти лѣтъ воронежской жизни“. Или: „Да,—говорилъ онъ по смерти своего друга Серебрянскаго,—внѣшнія обстоятельства могутъ подавить и великую душу человѣка, если они безирерывно тяготятъ ее, и когда противу нихъ зацѣпты нѣтъ“.

нравовъ, богатырскую силу и широкій размахъ его чувства и, какъ будто современникъ этой эпохи, принявъ условія ея грубой и дикой общественности, со всѣми ихъ отгѣнками, какъ будто бы никогда и не знавалъ о другихъ, и вынесъ изъ нея вымышленную быль, которая достовѣрнѣе всякой дѣйствительности, несомнѣннѣе всякой исторіи. И подлинно этой пѣсни можно заслушаться, и все нельзя ея довольно послушаться: какъ маніемъ волшебнаго свистра воскрешаетъ она прошедшее и мы не можемъ посмотрѣться на него, забываемъ для него свое настоящее, ни на минуту не сводимъ съ него взоровъ, боясь, чтобъ оно не исчезло отъ насъ". Народныя легенды, съ которыми сопоставляли поэмѣ Лермонтова (сборникъ Кирши Данилова), кажутся Бѣлинскому дѣтскимъ лепетомъ; здѣсь, напротивъ, поэтъ „вышелъ въ царство народности какъ ея полный властелинъ и, проникнувшись ея духомъ, слившись съ нею, онъ показалъ только свое родство съ нею, а не тождество... Онъ показалъ этимъ только богатство элементовъ своей поэзіи, кровное родство своего духа съ духомъ народности своего отечества; показалъ, что и прошедшее его родины такъ же присуще его натурѣ, какъ и ея настоящее; и потому онъ въ этой поэмѣ является не безыскусственнымъ пѣвцомъ народности, но истиннымъ художникомъ" ¹⁾. Извѣстно, какую высокую важность Бѣлинскій придавалъ этимъ актамъ художественнаго творчества: это были для него вѣрные показатели духовнаго развитія общества и успѣхи искусства были успѣхами общественнаго сознанія. Лермонтовъ и Кольцовъ завоевывали для этого сознанія новую область: они облегчали пониманіе прошедшаго,—на этотъ разъ въ лицѣ одной изъ самыхъ крупныхъ фигуръ нашей старой исторіи,—и пониманіе настоящаго народнаго быта, въ первый разъ открывая незамѣченную до тѣхъ поръ глубину нравственнаго содержанія и приближая общество къ уразумѣнію народа.

Вслѣдъ за Бѣлинскимъ и именно по поводу новаго изданія Кольцова съ біографіей, имъ написанной, остановился на этой народной поэзіи критикъ новаго поколѣнія и съ самостоятельнымъ пониманіемъ, Валеріанъ Майковъ. Для него Кольцовъ есть столь же знаменательная поэтическая сила, какъ и для Бѣлинскаго, быть можетъ, даже еще болѣе могущественная... Стихотворенія Кольцова внушили ему цѣлый обширный трактатъ, гдѣ онъ объяснялъ и отношеніе художества къ жизни, и значеніе тѣхъ лицъ, которыя выдаются изъ среды общества и народа, становясь

¹⁾ Сочиненія, т. IV, изд. 2-е, стр. 288—304.

ихъ руководителями или ихъ учителями и поэтами. Точка зрѣнія Бѣлинскаго, гдѣ Кольцовъ является сыномъ народа, представителемъ его духа и поэтическимъ изобразителемъ народнаго быта, Майкова не удовлетворяетъ. Онъ понимаетъ значеніе Кольцова несравненно шире. „Но ограничивается ли,—спрашиваетъ онъ,—сфера Кольцова возведеніемъ въ поэзію, то-есть, гуманизированіемъ русскаго крестьянскаго быта? Мы полагаемъ, что эта сфера гораздо обширнѣе, и что поэзія русскаго крестьянскаго быта составляетъ только одну изъ подчиненныхъ областей того міра, который создалъ или по крайней мѣрѣ стремился создать нашъ художникъ. Въ собраніи его стихотвореній находимъ мы много превосходныхъ пьесъ, отличающихся глубокою оригинальностью и вовсе не заключающихъ въ себѣ отвѣта на вопросъ объ упомянутомъ характерѣ русскаго крестьянина. Читая эти пьесы, нельзя не замѣтить, что другая, несравненно громаднѣйшая задача занимала поэта; другое, колоссальное, богатырское стремленіе рвалось изъ тревожной души, силилось пробиться сквозь огромныя препятствія, иногда и успѣвало на мигъ находить себѣ выходъ, но всегда должно было возвращаться внутрь себя, однакожъ не для вослѣбія въ безвыходномъ отчаяніи, а для присканія новыхъ путей къ выходу на широкое поле свободной дѣятельности. Это могучее, ничѣмъ несокрушимое стремленіе не переставало бушевать въ сердцѣ Кольцова до самой его смерти и выразилось во всей своей физиономіи въ его стихотвореніяхъ... Къ чему же онъ стремился? Къ чему рвалась эта странная сила, раздраженная, но не смятая преградами. Онъ стремился къ *жизни*, къ дѣятельности, соразмѣрной съ его огромными способностями, къ разнообразной и обильной пищѣ для души, переполненной черезъ край безконечно разнообразными и вопіющими потребностями—символами могучей жизненности“¹⁾. Вся жизнь Кольцова прошла въ борьбѣ съ дѣйствительностью; эта дѣйствительность „безжалостно дразнила его, указывая ему по временамъ тотъ обѣтованный край, къ которому онъ неуклонно стремился, для того только, чтобъ снова отбрасывать его къ началу пути“. Всего больше онъ любилъ науку и искусство, но лишенъ былъ возможности съ ними познакомиться, какъ бы хотѣлъ; онъ не могъ жить среди людей, въ которыхъ находилъ сочувствіе и опору, и долженъ былъ возвращаться въ среду, его не понимавшую и оскорблявшую... „И что жъ? Онъ не только не изнемогъ подъ бременемъ этой дѣйствительности, но еще отыскалъ въ ней источникъ

¹⁾ В. Майковъ. Критическіе опыты (1845—1847). Спб. 1891, стр. 50 и дал.

упоений и матеріалъ для поэзіи. Тяжко ему было жить въ степи, потому что душа его рвалась въ міръ, созданный наукой и просвѣтленный искусствомъ; но самая степь плѣняла его своею нерукотворною красотою; онъ любилъ ее какъ художникъ... Еще тяжеле ему было сносить всѣ явленія окружающаго его быта; но и въ этомъ быту художественный инстинктъ его отыскалъ искры человѣчности, заслоненныя отъ глазъ обыкновеннаго человѣка, и создалъ то, что называемъ мы поэзіей крестьянскаго быта". Наконецъ, онъ находилъ привлекательность и въ своемъ собственномъ трудѣ, который, хотя противорѣчилъ его склонностямъ, но давалъ исходъ для дѣятельности и, можетъ быть, помогалъ забыть горестныя думы... „Иногда жизненность доходила у Кольцова до такой высоты страстнаго увлеченія, что онъ плѣнялся жизнью, представляя ее себѣ въ какомъ-то упонительномъ отвлеченіи, охватывая любовью всѣ ея стороны разомъ, благословляя однимъ задушевнымъ гимномъ все ея содержаніе, и добро и зло, и радость и горе. Казалось бы, что такой взглядъ не можетъ составлять поэтическаго содержанія; ибо по привычкѣ къ мелкимъ, одностороннимъ страстямъ намъ не вѣрится, что такая многообъемлющая идея, какова идея жизни, могла быть прочувствована человѣческимъ сердцемъ и изъ чистой мысли перейти въ ощущеніе. Но посмотрите и подивитесь, какъ легко совершается этотъ процессъ въ могучей натурѣ нашего поэта, и согласитесь, что онъ носилъ въ себѣ силы исполина:

Въ непогоду вѣтеръ
Воесть, завываетъ;
Буйную головушку
Злая грусть терзаетъ.

Горемышной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:
До сѣдыхъ волосъ любовью
Душа не согрѣта.

Нѣту силъ; усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,—
А на свѣтъ посмотришь:
Жалко съ нимъ проститься!

Доля жъ, моя доля!
Гдѣ ты запропала?
До поры, до время
Въ воду камнемъ пала?

Поднимись—что силм,
Размахни крылами:
Можетъ, наша радость
Живеть за горами.

Если нѣтъ, у моря
Садемъ да дождемся;
*Безъ любви и съ горемъ
Жизнью насладемся.*

„Но—трудно найти поэта, котораго стремленія были бы въ одно время такъ же сильны и такъ же бесплодны, какъ стремленія Кольцова. Читая его, вы убѣждаетесь въ ихъ неподдѣльности, въ ихъ несомнѣнной реальности; но нѣтъ у него ни одной пьесы, гдѣ бы онъ высказалъ яро и опредѣлительно тотъ идеалъ жизни, къ которому постоянно и неуклонно рвалась страстная душа его. Видно, что онъ самъ никогда не могъ дать въ этомъ себѣ столь яснаго отчета, чтобъ могъ передать его точными и живописно вѣрными словами. Поэтому, ясный и точный во всемъ остальномъ, онъ дѣлается загадочнымъ всякій разъ, когда доводить рѣчь до предмета своихъ порывовъ. Вы чувствуете, что стремленіе его исполнено жизни и могущества; но напрасно стали бы вы искать въ его стихахъ изображенія того міра, который самому ему являлся полнымъ неуловимой тайны“.

Истолкованіе этой неясности сознанія даетъ его біографія: это была великая внутренняя драма, „положеніе истиннаго таланта, томимаго жаждой исхода и обреченнаго тѣмъ, что называется *судьбою*, на томленіе почти безвыходное“. „Кольцовъ, какъ художникъ, не имѣвшій чести принадлежать къ блестящему сонму романтическихъ поэтовъ, не смѣлъ и братья за рассказы о томъ, чего не сознавалъ ясно“; а съ другой стороны „праздное соверпаніе брамина ему невыносимо“... Если предметомъ его изображеній и сценой, гдѣ высказалось его настроеніе, была крестьянская жизнь, это было только потому, что эта жизнь была именно ему совершенно знакома и въ ней онъ находилъ реальныя черты для выраженія владѣвшихъ имъ стремленій.

Отвергая данное Бѣлинскимъ опредѣленіе Кольцова, какъ изобразителя народнаго быта, Валеріанъ Майковъ отвергалъ и представленіе Кольцова, какъ типа русской природы. Въ объясненіе своего взгляда Валеріанъ Майковъ ставитъ то теоретическое положеніе, что великіе люди, высокія дарованія, выдѣляющіяся изъ массы, бываютъ вовсе не представителями этой массы, а исключеніемъ изъ нея. „Каждый народъ,—говорилъ онъ,—имѣетъ двѣ фizioноміи: одна изъ нихъ діаметрально противоположна другой;

одна принадлежит большинству, другая — меньшинству. Большинство народа всегда представляет собою механическую подчиненность влияніямъ климата, мѣстности, племени и судьбы; меньшинство же впадаетъ въ крайность отрицанія этихъ влияній“. Опредѣляя дѣятельность великихъ людей (въ томъ числѣ Петра Великаго), онъ замѣчаетъ, что „виновники великихъ общественныхъ переворотовъ всѣ безъ исключенія были и должны быть одарены великою свободою личности и ополчены на подвиги вопіющимъ *противорѣчіемъ* своихъ свойствъ съ свойствами окружающихъ ихъ явленій общественности и природы: иначе эти явленія увлекли бы ихъ въ свой круговоротъ, и порядокъ вещей оставался бы неизмѣннымъ. Величайшій переворотъ въ жизни человѣчества произведенъ былъ самимъ Богомъ въ образѣ человѣка“¹⁾. „Личность заключается въ противоположности внѣшнимъ влияніямъ; но чтобы перейти въ человѣчность, она должна освободиться отъ крайности, противоположной той, которая преобладаетъ въ національности“. Русский народный характеръ носить черты, свойственныя вообще сѣвернымъ народамъ; Майковъ указываетъ въ немъ именно упомянутую двойственность — съ одной стороны механическую подчиненность и усыпленіе, съ другой — удалство, и послѣднее или какъ постоянную особенность, или какъ вспышку. И еслибы Кольцовъ былъ дѣйствительно представителемъ *русской* натуры, то онъ „долженъ бы былъ проявлять во всѣхъ своихъ мысляхъ, чувствахъ и дѣлахъ или самую отчаявающую неподвижность, или самое отчаянное удалство“. Въ дѣйствительности этого не было: „стихотворенія Кольцова, выражая собою изумительную жизненность, вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются какою-то необыкновенною *дальностью* и *нормальностью*. Никакъ не уличите вы его ни въ какой крайности, ни въ какомъ болѣзненномъ проявленіи раздражительности“... „Кольцовъ былъ далекъ и отъ романтизма, и отъ разочарованія. Нельзя не говорить о немъ съ особеннымъ уваженіемъ, если вспомнить, что эпоха его первой молодости совпадаетъ съ эпохой господства у насъ этихъ двухъ чудовищ“, — если ихъ не было въ его средѣ, то онъ могъ увидать ихъ въ литературномъ кругу и начитаться въ тогдашней романтической поэзіи²⁾.

Общій выводъ Валеріана Майкова объ историческомъ положеніи Кольцова въ развитіи русской поэзіи состоитъ въ слѣдующемъ. „По недостатку образованія Кольцовъ не могъ своими

¹⁾ Тамъ же, стр. 67 и далѣе.

²⁾ Тамъ же, стр. 94—95, 100.

произведеніями попасть въ колею современнаго ему движенія общества и литературы. Въ то же время, могучая личность ставила его выше времени. Его произведенія положительно выразили собою тотъ идеалъ, на который остальные поэты наши указываютъ путемъ отрицанія. Онъ былъ болѣе поэтомъ возможнаго и будущаго, чѣмъ поэтомъ дѣйствительнаго и настоящаго. Его поэзія прямо призываетъ къ полнотѣ наслажденія тою жизнью, которой простые законы стремится опредѣлить и современная мудрость путемъ критики и утопіи. Страсть и трудъ, въ ихъ естественномъ благоустройствѣ,—вотъ простыя начала, изъ которыхъ сложился яркій идеалъ жизни, пронизанный восторгомъ здоровую натуру поэта-мѣщанина. Замѣчательно, что появленіе его стихотвореній современно появленію произведеній Гоголя, величайшаго поэта-аналитика, давашаго надолго нашей литературѣ направленіе критическое. Такъ и должно быть: сознаніе идеала одно только и можетъ дать смыслъ и крѣпость анализу и отрицанію. Иначе анализъ переходитъ въ мелочное сплетничанье, а отрицаніе — въ болѣзненное и бесплодное раздраженіе желчи. Эпоха критики должна быть въ то же время эпохою утопіи (принимая это слово въ его первоначальномъ, разумномъ значеніи): иначе человѣчество утратило бы всю энергію живыхъ стремленій и осталось бы безъ отвѣта на призывы бытія¹⁾.

Валеріанъ Майковъ находилъ, что Кольцовъ былъ поэтъ безъ публики: народъ не читалъ его, „образованные люди“ смотрѣли на него только какъ на рѣдкость, — отъ нихъ была далека народная дѣйствительность, поэтически изображенная Кольцовымъ, и романтизмъ еще ослѣплялъ общество „блескомъ своей красивой лжи“. Вліяніе Кольцова—въ будущемъ²⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 114—115.

²⁾ Послѣ біографіи Бѣлинскаго, явилось не мало отдѣльныхъ свѣденій объ его жизни. Самымъ крупнымъ сборникомъ свѣденій является книга Де-Пуле: „А. В. Кольцовъ, въ его житейскихъ и литературныхъ дѣлахъ и въ семейной обстановкѣ“, Спб. 1878, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ странная (ср. его статью въ „Нов. Времени“, 1878, 31-го декабря). Въ настоящее время изученіе Кольцова облегчено новыми изданіями, явившимися послѣ того, какъ сочиненія Кольцова съ 1892 стали общимъ литературнымъ достояніемъ; таковы изданія, вышедшія подъ редакціей г. Лященко, г. Введенскаго (2-е изд. Спб. 1895), гдѣ между прочимъ напечатаны сохранившіяся письма Кольцова; иллюстрированное изданіе подъ редакціей г. Бикова. О бумагахъ самого Кольцова, въ числѣ которыхъ были письма Бѣлинскаго и другихъ литераторовъ, Де-Пуле сообщаетъ (пред., стр. IV), что послѣ его смерти онѣ попали въ руки зятя его Семенова, отъ котораго, вмѣстѣ съ разнымъ хламомъ, перешли на толкуцій рынокъ,

Таковы были два оригинальные поэта въ періодъ, наступающій въ послѣдніе годы Пушкина. Оба ставили Пушкина очень высоко: одинъ за негодующее стихотвореніе на смерть Пушкина былъ отосланъ на Кавказъ, другой „благоговѣлъ“ передъ Пушкинымъ; но оба были отъ него независимы. Какъ будто не случайно они вышли изъ противоположныхъ слоевъ общества, одинъ съ глубокоотрицательнымъ отношеніемъ къ жизни, другой съ полнымъ признаніемъ ея даровъ, которые онъ встрѣчалъ своей энергической поэзіей. Оба были какъ будто далеки отъ общественныхъ вопросовъ данной минуты; во всемъ объемѣ своей поэзіи оба какъ будто не были вполне поняты современниками и не оставили непосредственной школы,—но тѣмъ не менѣе имъ принадлежало несомнѣнное и глубокое дѣйствіе въ послѣдующихъ литературныхъ поколѣніяхъ. Необычайная художественная красота ихъ созданій повышала уровень поэтического и нравственнаго настроенія; по внѣшности независимо отъ нихъ, но въ несомнѣнной связи съ ними расширялось самое содержаніе послѣдующаго творчества. Отрицательное направленіе Лермонтова примѣнялось къ насущной дѣйствительности и усиливало нравственныя требованія, съ которыми писатель приступалъ къ изображенію жизни; неопредѣленные впечатлѣнія народнаго патриотизма развивались все въ болѣе опредѣленные чувства уваженія къ народу. Еще сильнѣе дѣйствовала въ этомъ послѣднемъ направленіи поэзія Кольцова. Едва ли и теперь она принимается въ томъ обширномъ значеніи, какое придавалъ ей Валеріанъ Майковъ; но исполненныя добраго чувства и смѣлаго взгляда на жизнь изображенія народнаго быта не только указывали на богатый запасъ поэзіи въ этой почти невѣдомой области, но заставляли иначе взглянуть и на нравственно-общественную сторону народнаго вопроса. Кольцовъ становился популяренъ, его стихотворенія стали необходимой принадлежностью хрестоматій, какъ образцы народно-литературнаго стиля, изъ нихъ готовились романсы; но болѣе глубокой слѣды его поэзіи можно наблюдать въ той послѣдующей литературѣ, которая съ сороковыхъ годовъ стала обращаться къ изображенію народной жизни. Если, какъ увидимъ, основнымъ тономъ реализма эта литература обязана была выше всего Гоголю, то въ признаніи достоинства народной жизни и характера она въ большой мѣрѣ обязана именно Кольцову. Съ нимъ очевидно связанъ Некрасовъ;

и такимъ образомъ почти всѣ погибли безвозвратно. См. еще брошюру П. Владимірова, „А. В. Кольцовъ, какъ человекъ и какъ поэтъ“. Кіевъ, 1894 (изъ „Чтеній“ истор. общества Нестора Лѣопольска).

менѣе ясно, по различію формы, но несомнѣнно—по нравствен-
ному тону отношенія къ народу, съ нимъ связанъ и Тургеневъ
въ „Запискахъ Охотника“... Это уваженіе къ народной личности,
которое съ сороковыхъ годовъ становится все болѣе господствующимъ,
создавалось многими мотивами, но въ ряду ихъ важное
мѣсто принадлежитъ именно поэзіи Кольцова.

. А. Пыпинъ.

ВИЗАНТИЗМЪ

и

РОССІЯ

I.

Языческій Римъ палъ потому, что его идея абсолютнаго, обожественнаго государства была несовмѣстима съ открывшеюся въ христіанствѣ истиной, въ силу которой верховная государственная власть есть лишь *делегация* дѣйствительно абсолютной богочеловѣческой власти Христовой. Второй Римъ—Византія, палъ потому, что, принявъ на словахъ идею христіанскаго царства, отказался отъ нея на дѣлѣ, коснѣя въ постоянномъ и систематическомъ противорѣчій своихъ законовъ и управленія съ требованіями высшаго нравственнаго начала. Древній Римъ обожествилъ самого себя и погибъ. Византія, смирившись мыслью передъ высшимъ началомъ, считала себя спасенною тѣмъ, что языческую жизнь она покрыла внѣшнимъ покровомъ христіанскихъ догматовъ и священнодѣйствій,—и она погибла. Эта гибель дала сильный толчокъ историческому сознанію того народа, который вмѣстѣ съ крещеніемъ получилъ отъ грековъ и понятіе христіанскаго царства. Въ русскомъ національномъ сознаніи, насколько оно выражалось въ мысляхъ и писаніяхъ нашихъ книжныхъ людей, явилось послѣ паденія Константинополя твердое убѣжденіе, что значеніе христіанскаго царства переходитъ отнынѣ въ Россію, что она есть третій и послѣдній Римъ ¹⁾.

¹⁾ Подъ вліяніемъ богословской полемики грековъ противъ латинянъ, наши книжники первымъ Римомъ считали не Римъ языческій, а папскій Римъ, который, по ихъ мнѣнію, отпалъ отъ православія.

Нашимъ предкамъ позволительно было останавливаться на этой идеѣ въ ея первоначальномъ образѣ безотчетнаго чувства или предчувствія. Отъ насъ требуется провѣрить ее послѣдовательною мыслью и опытомъ, и чрезъ то или возвести ее на степень разумнаго сознанія, или отвергнуть какъ дѣтскую мечту и произвольную претензію.

II.

„Два Рима пали, третій—московское царство—стоитъ, а четвертому не быть“... Если общее свойство стараго и новаго Рима состоитъ въ томъ, что оба они *пали*, то всего важнѣе намъ знать, *отчего* они пали, и, слѣдовательно, *чего* должно избѣгать третьему, новѣйшему Риму, чтобы не подвергнуться той же участи.

Еслибы дѣло шло только о первомъ Римѣ, то вопросъ о причинѣ паденія не представлялъ бы никакой трудности. Римъ палъ потому, что начало его жизни было ложнымъ и не могло устоять въ столетовеніи съ высшею истиною. Но что сказать о православной Византіи? Начало ея жизни было истиною, и ея столкновеніе съ турками-мусульманами не было столкновеніемъ съ высшею истиною. Или она сокрушилась только о матеріальную силу? Но такое предположеніе, помимо его невозможности съ точки зрѣнія христіанской, одинаково противно и разуму, и опыту историческому, который полонъ наглядными доказательствами того, что матеріальная сила сама по себѣ есть безсиліе. Не перевѣсомъ матеріальной силы классическіе предки византійскихъ грековъ сокрушили восточныя царства, и не количественнымъ превосходствомъ войскъ аррагонцы и кастильцы окончательно отгѣснили мусульманскій міръ на Западѣ какъ разъ въ то время, когда онъ повончилъ съ восточною имперіей.

Была внутренняя, духовная причина паденія Византіи, и такъ какъ она не заключалась въ ложномъ предметѣ вѣры,—ибо то, во что вѣрили византійцы, было истинно,—то причину ихъ гибели слѣдуетъ признать ложный характеръ самой ихъ вѣры, т. е. ихъ ложное отношеніе къ христіанству: *истинную идею они понимали и принимали неверно*. Она была только предметомъ ихъ умственного признанія и обрядоваго почитанія, а не движущимъ началомъ жизни. Гордясь своимъ правовѣріемъ и благочестіемъ, они не хотѣли понять той простой и самоочевидной истины, что дѣйствительное правовѣріе и благочестіе требуютъ, чтобы мы сколько-нибудь сообразовали свою жизнь съ тѣмъ, во

что вѣримъ и что почитаемъ,—они не хотѣли понять, что дѣйствительное преимущество принадлежитъ христіанскому царству передъ другими лишь постольку оно устроится и управляется въ духѣ Христовомъ.

Разумѣется, отъ самаго искренняго и добросовѣстнаго признанія того, что съ исповѣданіемъ высшей истины связаны соответствующія жизненныя требованія,—еще очень далеко до осуществленія этихъ требованій; но во всякомъ случаѣ такое признаніе уже побуждаетъ къ усиліямъ въ должномъ направленіи, заставляетъ дѣлать что-нибудь для приближенія къ высшей цѣли, и, не давая сразу совершенства, служитъ внутреннимъ двигателемъ *совершенствованія*. Но въ Византіи именно отрицались сами жизненныя требованія христіанства, не ставилось никакой высшей задачи для жизни общества и для государственной дѣятельности. Несовершенство есть общій удѣлъ, и Византія погилла, конечно, не потому, что была несовершенна, а потому, что не хотѣла совершенствоваться. Въ личныхъ своихъ грѣхахъ эти люди иногда каялись, но о своемъ грѣхѣ *общественномъ* совсѣмъ они забыли, и паденіе своего царства приписывали только грѣхамъ отдѣльныхъ людей. Но если личные грѣхи человека могутъ погубить его, а раскаяніе и исправленіе—спасти отъ гибели, то можно ли ставить отъ этого въ зависимость судьбу царствъ? Если три праведника могутъ спасти городъ, то, конечно, лишь въ томъ случаѣ, когда они—настоящіе праведники, т.-е. не ограничивающіеся эгоистическими заботами о себѣ самихъ, а думающіе также и о спасеніи всего города; если же они этого не дѣлаютъ, то они вмѣстѣ со своими дурными согражданами виновны въ грѣхѣ общественномъ, отъ котораго городъ и погибаетъ.

Царства, какъ собирательныя цѣлыя, гибнутъ только отъ грѣховъ собирательныхъ—всенародныхъ, государственныхъ—и спасаются только исправленіемъ своего общественнаго строя, или его приближеніемъ къ нравственному порядку. А еслибы все дѣло было въ личной праведности, независимо отъ исправленія общественнаго, то вѣдь святыхъ въ этомъ смыслѣ людей въ византійскомъ царствѣ было не меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было—отчего же это царство погилло? По византійскимъ понятіямъ, если какой-нибудь господинъ не мучилъ своихъ рабовъ и хорошо кормилъ ихъ, то ничего больше отъ него не требовалось въ отношеніи къ рабству, и ни ему, ни его духовнику, ни самому автократуру „ромеевъ“ какъ будто не приходила въ голову даже та простая мысль, что отъ хорошаго положенія рабовъ у добраго господина нисколько не легче несчастнымъ рабамъ его

злыхъ сосѣдей, тогда какъ законодательное упраздненіе рабства сразу облегчило бы участь всѣхъ и сразу придвинуло бы земное царство къ царству Божію, гдѣ нѣтъ господъ и рабовъ.

Отдѣльныя явленія безчеловѣчія и разврата, какъ бы они ни были многочисленны и обычны, еще не составляли сами по себѣ достаточнаго основанія для конечнаго паденія Византіи. Но мы вполне поймемъ это паденіе, если обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ теченіе всей собственно византійской исторіи (т.-е. со времени рѣшительнаго отчужденія восточнаго христіанскаго міра отъ западнаго—приурочивать ли это отчужденіе къ XI, или же къ IX вѣку), нельзя указать ни на одно публичное дѣйствіе, ни на одну общую мѣру правительства, которая имѣла бы въ виду сколько-нибудь существенное улучшеніе общественныхъ отношеній въ смыслѣ нравственномъ, какое-нибудь возвышеніе даннаго правового состоянія, сообразно требованіямъ безусловной правды, какое-нибудь исправленіе собирательной жизни внутри царства, или въ его внѣшнихъ отношеніяхъ,—однимъ словомъ, мы не найдемъ здѣсь ничего такого, на чемъ можно было бы замѣтить хотя бы слабыя слѣды высшаго духа, движущаго всемірную исторію. Пусть злодѣянія и распутство однихъ людей уравновѣшивались добрыми дѣлами другихъ и молитвами святыхъ монаховъ, но это полное и всеобщее равнодушіе къ *историческому дѣланію добра*, къ проведенію воли Божіей въ собирательную жизнь людей—ничѣмъ не уравновѣшивалось и не искупалось.

Прямые преемники римскихъ кесарей забыли, что они вмѣстѣ съ тѣмъ делегаты верховной власти Христовой. Вмѣсто того, чтобы унаслѣдованное ими языческое государство поднимать до высоты христіанскаго царства, они, напротивъ, христіанское царство понизили до уровня языческой самодовлѣющей государственности. Самодержавію совѣсти, согласной съ волею Божіей, они предпочли самодержавіе собственнаго человѣческаго произвола, представляющаго сосредоточенную въ одномъ лицѣ сумму всѣхъ частныхъ произволовъ. Они называли себя автократорами, но въ сущности были, какъ и языческіе императоры, лишь пожизненными, а иногда и временными уполномоченными народной толпы и ея вооруженныхъ силъ.

Оказавшись безнадежно неспособною къ своему высокому назначенію—быть христіанскимъ царствомъ—Византія теряла внутреннюю причину своего существованія. Ибо текуція, обычныя задачи государственнаго управленія могли, и даже гораздо лучше, быть исполнены правительствомъ турецкаго султана, которое, бу-

дучи свободно отъ внутренняго противорѣчiя, было честнѣе и крѣпче и притомъ не вмѣшивалось въ религиозную область христіанства, не сочиняло сомнительныхъ догматовъ и зловредныхъ ересей, а также не защищало православiя посредствомъ повальнаго избiенiя еретиковъ и торжественнаго сожиганiя ересеарховъ на кострахъ.

Послѣ многихъ отсрочекъ и долгой борьбы съ матеріальнымъ разложенiемъ восточная имперiя, давно умершая нравственно, была наконецъ, какъ разъ передъ возрожденiемъ Запада, снесена съ историческаго поприща. Хотя современникамъ этой печальной катастрофы внутренняя причина ея и не была совсѣмъ ясна, однако и они замѣтили еще другое совпаденiе событiй: турки покончили съ царствомъ Константина именно въ то время, когда въ восточной Европѣ всталъ на свои ноги новый историческій дѣятель, способный принять ту задачу христіанскаго царства, въ исполненiи которой Византiя оказалась такъ жалко несостоятельной.

III.

Славяно-финнская народность, оплодотворенная германцами, — Россiя съ самаго начала своей исторической жизни обнаружила преимущества своего религиозно-политическаго сознанiя передъ византiйскимъ. Первый христіанскій князь кiевскій, который, бывши язычникомъ, неограниченно отдавался своимъ естественнымъ склонностямъ, — крестившись, сразу понялъ ту простую истину, которой никогда не понимали ни византiйскіе императоры, начиная съ Константина Великаго, ни епископы греческіе, между прочимъ и тѣ, что были присланы въ Кiевъ для наставленiя новыхъ христіанъ, — онъ понялъ, что *истинная вѣра обязываетъ*, именно обязываетъ перемѣнить правила жизни, своей и общей, согласно съ духомъ новой вѣры. Онъ понялъ это и въ примѣненiи въ такому случаю, который былъ неясенъ не для однихъ византiйцевъ; онъ нашель несогласнымъ съ духомъ Христовымъ казнить смертью даже явныхъ разбойниковъ. Новокрещенный Владимiръ понялъ, что отнимать жизнь у людей обезоруженныхъ, и слѣдовательно безвредныхъ — въ отмщенiе за ихъ прежнiя злодѣянiя, противно христіанской справедливости. Замѣчательно, что въ такомъ отношенiи къ этому вопросу онъ руководился не однимъ только естественнымъ чувствомъ жалости, а прямо своимъ сознанiемъ истинныхъ христіанскихъ требованiй. Въ отвѣтъ на увѣщанiя греческихъ епископовъ, уговаривавшихъ его казнить злодѣевъ,

онъ не говорилъ, что ему ихъ жалко, а сказалъ: „боюсь грѣха“, т.-е. боюсь поступать противно тому, что должно по высшему нравственному началу. Въ отличіе отъ своихъ мнимо-христіанскихъ наставниковъ онъ боялся грѣха больше, чѣмъ разбойниковъ, и не его вина, если чужой авторитетъ, пренебречь которымъ онъ не могъ, ограничилъ въ этомъ случаѣ самодержавіе совѣсти, подобающее христіанскому государю.

Находя несправедливою смертную казнь, Владиміръ также отрицательно относился и къ войнѣ съ христіанскими народами, сохраняя свою дружину только для защиты земли отъ дикихъ и хищныхъ кочевниковъ, недоступныхъ никакимъ другимъ аргументамъ, кромѣ вооруженной силы.

Подчиняя внѣшнюю политику духу миролюбія, Владиміръ во внутреннихъ дѣлахъ проявлялъ духъ Христовъ не только съ отрицательной его стороны—справедливости, въ силу которой онъ считалъ грѣхомъ умерщвлять даже разбойниковъ, но и съ положительной стороны—милосердія, о чемъ свидѣлствуютъ его постоянныя заботы о бѣдствующемъ населеніи Кіева и другихъ мѣстъ ⁴⁾.

Вѣрное пониманіе христіанства сказалось наконецъ и въ томъ свѣтломъ радостномъ настроеніи, которое возобладало въ жизни и княженіи Владиміра и осталось въ народной памяти о немъ, связанное съ полу-историческими, полу-миѳологическими образами и выраженное въ прозваніи Краснаго-Солнышка. Этимъ свѣтлымъ настроеніемъ не исключалось, какъ мы знаемъ, не только сознаніе прежнихъ грѣховъ, но и боязнь грѣха въ настоящемъ. Въ истинномъ христіанствѣ все это совмѣщается: основанное на искупленіи прошедшаго, давая норму настоящей дѣятельности, оно живетъ въ будущемъ, радостно предваряя наступленіе полного совершенства—не духовной только, но и матеріальной жизни. Такимъ образомъ, нашъ первый христіанскій государь со всѣхъ сторонъ вѣрно понялъ и принялъ нравственную сущность христіанства, которая есть „правда, милость и радость о Духѣ Святомъ“.

⁴⁾ Важнѣе не столько фактъ этихъ заботъ, сколько ихъ чисто-нравственныя побужденія, явствующія изъ разсказа лѣтописца. Въ княженіи Владиміра не было какого-нибудь общаго народнаго бѣдствія, которое грозило бы безопасности государства; но этотъ князь считалъ для себя непозволительнымъ оставлять въ безпомощномъ положеніи кого бы то ни было изъ своихъ подданныхъ.

IV.

Христіанское сознаніе въ Россіи не умерло съ его первымъ выразителемъ. Черезъ сто лѣтъ послѣ Владиміра св., его правнукъ Владиміръ Мономахъ оставилъ поученіе, проникнутое тѣмъ же духомъ. Но примѣръ этого самаго Мономаха достаточно показываетъ, что осуществленіе нравственнаго порядка въ мірѣ, или хотя бы только въ одной странѣ, кромѣ личного сознанія истины и личной доброй воли, требуетъ еще сложныхъ историко-политическихъ условій, которыя вдругъ не даются. Владиміръ Мономахъ, который, подобно своему прадѣду, былъ настолько проникнутъ христіанскимъ духомъ, что считалъ непозволительнымъ умерщвлять даже злодѣевъ, долженъ былъ всю свою жизнь провести на конѣ въ непрерывныхъ походахъ, защищая народъ отъ дикихъ хищниковъ, или умиряя усобицы князей.

Историческій народъ для того, чтобы исполнить свое назначеніе, чтобы становиться христіанскимъ царствомъ и способствовать всемірному совершенствованію, долженъ прежде всего *существовать*. А то положеніе дѣлъ, которое ярко засвидѣтельствовано въ поученіи Мономаха, а также въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“, грозило самому существованію русскаго народа. Это не было пустымъ страхомъ, ибо подъ-рукой были примѣры народовъ, не успѣвшихъ сложиться и погибшихъ отъ нестроенія политическаго.

Ясно было для всѣхъ людей здраваго смысла и доброй воли, чего недоставало Россіи. Высшій духовный свѣтъ былъ внесенъ въ темную душу народа и поддерживался въ ней достойными подвижниками благочестія и милосердія; христіанство приносило плоды въ личной жизни многихъ, а цѣлое общество погибало отъ братоубійственной розни, дѣлавшей его беззащитнымъ противъ вѣшняго врага, несшаго съ собою разрушеніе и одичаніе. Ясно, что прежде всего нужно было обезпечить существованіе національнаго тѣла, сплотивши его сосредоточенною и крѣпкою организаціей—т. е. создать сильное государство. Эта необходимость, уже ясно сознававшаяся ближайшими преемниками Владиміра Мономаха—Юріемъ Суздальскимъ и Андреемъ Боголюбскимъ,—была только наглядно подтверждена для всѣхъ монгольскимъ нашествіемъ, противъ котораго слабогосударственная Русь оказалась безпомощною. И если очевидною причиною слабости было княжеское многоначаліе и междоусобіе, то идея единой державы явилась для всего народа какъ знамя спасенія. Къ этому тяготѣло и наше

національное міросозерпаніе, которое ближайшимъ образомъ опредѣлило и характеръ нашей монархіи.

Вслѣдствіе существенной однородности земледѣльческаго населенія и отсутствія обособленныхъ общественныхъ группъ—феодалныхъ, городскихъ, церковныхъ—въ Россіи не могло явиться западно-европейское понятіе государства (Status), какъ равновѣсія самостоятельныхъ и равносильныхъ элементовъ. Самое слово государство = *юсподарство* въ первоначальномъ своемъ значеніи указываетъ на *домовладыку*, который, конечно, не былъ представителемъ равновѣсія борющихся домоладцевъ, а былъ полновластнымъ хозяиномъ родового общества. Даже тамъ, гдѣ единовластія не было на дѣлѣ, оно оставалось въ олицетворяющемъ представленіи и словѣ. Такъ, хотя позднѣйшіе историки и говорятъ о нашихъ народоправствахъ, но сами эти такъ называемыя „народоправства“ выражались о себѣ иначе. Новгородцы называли свое государство „*юсподинъ* Великій Новгород“, олицетворяя его въ образѣ могущественнаго монарха. Этотъ монархъ враждовалъ противъ московскаго монарха, а не противъ монархической идеи. Что борьба Рязани, или Твери противъ Москвы была только соперничествомъ за обладаніе верховною властью, а никакъ не принципиальнымъ противодѣйствіемъ единодержавію—ясно само собою. Мѣстное соперничество не имѣло почвы въ народѣ, который давно угадалъ въ князьяхъ московскихъ настоящихъ хозяевъ земли; а рѣшительная поддержка духовнаго авторитета, представляемаго такими іерархами, какъ св. Алексій, и такими монахами, какъ св. Сергій, окончательно утвердила за ними высшее значеніе христіанскихъ государей, къ которымъ затѣмъ при Иванѣ III перешло и историческое преемство восточно-римскаго царства.

Но очень скоро оказалось, что это историческое наслѣдіе есть не только даръ и преимущество, но и великое *испытаніе*.

Первымъ настоящимъ носителемъ царскаго самодержавія у насъ долженъ быть признанъ Иванъ IV не только по фактической полнотѣ своей власти, но и по ясному сознанію о ея характерѣ и источникѣ. Безъ сомнѣнія, между Владиміромъ Святымъ и Петромъ Великимъ, это есть самое значительное, характерное и интересное лицо въ нашей исторіи.

V.

Отъ Ивана Грознаго къ намъ дошла, между прочимъ, самая вѣрная и самая полная формула христіанской монархической идеи:

„Земля правится Божиимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы милостію и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ и послѣди нами, государями своими, а не судьями и воеводи, и еже чпаты и стратиги“...

Эта формула безукоризненна; нельзя лучше выразить христіанскій взглядъ на земное царство. Но если это совершенное слово сопоставить съ историческимъ образомъ того, кто его провнзнесъ, то какой новый, потрясающій, трагическій смыслъ оно получаетъ. По истинѣ русская исторія по глубокому внутреннему интересу не уступить никакой другой.

Объ Иванѣ Грозномъ въ русской литературѣ много судили съ разныхъ точекъ зрѣнія и высказывали о немъ различныя частныя мнѣнія, вѣрныя и невѣрныя. Насколько мнѣ извѣстно, его не подвергали только окончательному суду той высшей инстанціи, которая указана св. Писаніемъ: „отъ своего слова человекъ оправдается и отъ своего слова осудится“. Между тѣмъ, этотъ судъ есть не только самый правильный, но и самый интересный, потому что только въ сопоставленіи съ этимъ своимъ пребывающимъ словомъ личность Ивана Грознаго получаетъ общее и поучительное значеніе, тогда какъ помимо этого она есть только одно изъ минувшихъ и неповторяемыхъ воплощеній человѣческаго зла.

Въ той формулѣ Ивана Грознаго есть отрицательная и положительная часть: указано, кѣмъ земля не правится (въ смыслѣ самостоятельной власти) и кѣмъ она правится согласно идеѣ христіанскаго царства. Земля не правится судьями и воеводами—это отрицательное указаніе справедливо поставлено въ концѣ формулы, потому что оно имѣетъ въ ней лишь второстепенное значеніе. Что верховная власть христіанскихъ государей неограничена снизу—въ этомъ собственно для нея нѣтъ ничего характернаго, такъ какъ это въ равной мѣрѣ принадлежитъ и власти языческихъ деспотовъ: и для Навуходоносора, и для Нерона, ихъ „ипаты и стратиги“ были не самостоятельными участниками въ правленіи—а только слугами. При всей своей важности въ связи съ другими опредѣленіями, этотъ отрицательный признакъ самъ по себѣ не отличаетъ качественной сущности правленія, будучи безразличенъ даже въ отношеніи къ христіанству и язычеству.

Существенное значеніе принадлежитъ, слѣдовательно, положительной части формулы. „Земля правится Божиимъ милосердіемъ и т. д.—и послѣди—нами, своими государями“. Изъ порядка рѣчи и изъ слова „послѣди“ совершенно ясно, что власть государя утверждается здѣсь какъ делегація свыше съ совершенно

опредѣленнымъ религиозно-правственнымъ характеромъ и назначеніемъ, на которыя указываютъ такія условія и средства, какъ милость Пречистой Богородицы, молитвы всѣхъ святыхъ и благословеніе родителей.

Такимъ образомъ, царствованіе Ивана Грознаго въ ту эпоху, когда окончательно опредѣлился его характеръ, не есть только собраніе всякихъ ужасовъ, а имѣетъ болѣе глубокое значеніе *отступленія* отъ имъ самимъ формулированной монархической идеи и *противодѣйствія* имъ самимъ провозглашенной верховной власти. Божье милосердіе и милость Пречистой Богородицы не разрѣшали Ивану Грозному избить десятки тысячъ мирнаго новгородскаго народа; онъ самъ и вся Россія безъ малѣйшей тѣни сомнѣнія знали, что, совершая это избиеніе, онъ поступалъ прямо вопреки тому, что требовало Божье милосердіе, слѣдовательно находился въ открытомъ противорѣчій съ тою верховною властью, отъ которой онъ имѣлъ порученіе *последи* ея править землею. Совершенно ясно, что „молитвы всѣхъ святыхъ“ не уполномочивали благочестиваго царя умертвить святаго митрополита Филиппа, и не менѣе ясно, что ближайшая изъ провозглашенныхъ имъ санкцій и источниковъ его власти— „благословеніе родителей“— была дана ему не для того, чтобы онъ убійствомъ своего наслѣдника привелъ династію въ прекращенію и лишилъ своихъ родителей родового преемства.

Царствованіе Ивана Грознаго было яркимъ и своеобразнымъ повтореніемъ того противорѣчія, которое погубило Византію— противорѣчія между словеснымъ исповѣданіемъ истины и ея отрицаніемъ на дѣлѣ. Онъ былъ достаточно ученъ, чтобы понять смыслъ византійской исторіи, но онъ не захотѣлъ его понять и предпочелъ раздѣлять византійскую точку зрѣнія, что *истина не обязываетъ*. Возвращаться къ этой „безвѣрной вѣрѣ“ для наслѣдника Мономаха было тѣмъ непростительнѣе, что онъ въ собственныхъ предѣлахъ уже имѣлъ примѣръ лучшаго сознанія, а съ другой стороны, никакая даже кажущаяся необходимость не принуждала его къ злодѣяніямъ. Удѣльное княжеское нестроеніе, погубившее кievскую Русь, несмотря на заложеныя въ ней сѣмена здоровой жизни, не существовало болѣе при вступленіи Ивана IV на престолъ, серьезныхъ противниковъ у единодержавія не было, слѣдовательно ничто не мѣшало царю пользоваться своею крѣпкою и неограниченною властью въ смыслѣ христіанскихъ началъ, имъ самимъ провозглашенныхъ, тѣхъ самыхъ началъ, которыя ранѣе его не только понимались, но въ извѣстной мѣрѣ и примѣнялись его кievскими предѣками. Пред-

почта гнилое языческое преданіе лучшимъ завѣтамъ Владиміра Святого и Мономаха, несчастный царь погубилъ себя, свою династію и довелъ до края гибели саму Россію.

VI.

Царствованіе Ивана Грознаго съ его ужасами и съ его роковыми послѣдствіями было бы въ нравственномъ смыслѣ вопіющею нецѣпностью, еслибы отступленіе отъ истинной идеи христіанскаго царства было только личнымъ грѣхомъ царя. Ибо за чтѣ бы тогда лились эти рѣки крови и за что подвергалось бы вопросу самое существованіе цѣлой страны?

Но это не было только личнымъ грѣхомъ Ивана IV. Двоедушіе этого царя, который, предаваясь Нероновскимъ злодѣяніямъ, ссылаясь въ то же время на милосердіе Божіе и милость Пречистой Богородицы, — это двоедушіе поддерживалось и въ извѣстномъ смыслѣ извинялось *политическимъ двоевѣріемъ* русскаго народа.

Въ области собственно-религіозной и бытовой въ эту эпоху двоевѣріе русскаго, какъ и большинства другихъ христіанскихъ народовъ, есть дѣло общеизвѣстное. Менѣе обращало на себя вниманія характерное явленіе, свойственное именно русскому народному сознанию, начиная съ XV-го вѣка, именно то, чтѣ я называю политическимъ двоевѣріемъ—признаніе заразъ двухъ непримиримыхъ идеаловъ царства: съ одной стороны—христіанскій идеалъ царя, какъ земнаго олицетворенія и орудія Божьей правды и милости—идеалъ, поддерживаемый памятью о лучшихъ изъ великихъ князей кievской и монгольской эпохи, а съ другой стороны—чисто-языческій образъ властелина, какъ олицетворенія грозной, всеограшающей, ничѣмъ нравственно не обусловленной силы,—идеалъ римскаго кесаря, оживленный и усиленный воздѣйствіемъ ближайшихъ ордынскихъ впечатлѣній.

Это вызванное историческими несчастіями возвращеніе русскаго сознания къ старому языческому обожанію безмѣрной всепоглащающей силы, олицетворенной въ монархѣ, чрезвычайно выразительно запечатлѣлось въ удивительной легендѣ, по которой власть московскихъ государей получаетъ свою верховную санкцію ни отъ кого иного, какъ отъ Навуходносора, т.-е. какъ разъ отъ главы сокрушеннаго Христомъ языческаго волосса,—отъ типичнѣйшаго олицетворенія богопротивной и свыше обличенной идеи безграницаго деспотизма ¹⁾).

¹⁾ Легендѣ этой приписывается происхожденіе византійское, однако греческаго текста ея не найдено; въ Россіи же она была очень распространена въ разнообразныхъ, донынѣ сохранившихся редакціяхъ.

Всѣмъ извѣстно преданіе о томъ, что священные знаки царской власти перешли къ московскимъ государямъ отъ ихъ предка, великаго князя кievскаго Владиміра Всеволодовича, который въ свою очередь получилъ ихъ въ даръ отъ восточно-римскаго императора Константина Мономаха (передавшаго Владиміру и это прозваніе). Но откуда взялись эти регалии въ самой Византіи? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ наша легенда.

Послѣ паденія Навуходоносорова царства, рассказывается въ ней, Вавилонъ запуслъ, сдѣлался жилищемъ безчисленныхъ змѣй и снаружи былъ окруженъ однимъ огромнымъ змѣемъ, такъ что городъ сталъ недоступенъ. Тѣмъ не менѣе греческій царь Левъ, „во св. крещеніи Василій“, рѣшилъ добыть сокровища, принадлежавшія нѣкогда Навуходоносору. Собравши войско, Левъ отправился къ Вавилону и, не дошедши до него пятнадцать поприщъ, остановился и послалъ въ городъ трехъ благочестивыхъ мужей—грека, обожанина (абхазца) и русина. Путь былъ очень трудный: вокругъ города на шестнадцать верстъ поросла трава великая, какъ волчецъ; было множество всякихъ гадовъ, змѣй, жабъ, которые кучами, какъ сѣнные копы, поднимались вверхъ отъ земли,—они свистѣли и шипѣли, а отъ иныхъ несло стужей, какъ зимой. Послы прошли благополучно къ великому змѣю, который спалъ, и къ стѣнѣ города. У стѣны была лѣстница съ надписью на трехъ языкахъ—греческомъ, грузинскомъ и русскомъ,—гласившая, что по этой лѣстницѣ можно благополучно пробраться въ городъ. Исполнивши это, послы среди Вавилона увидали церковь, и войдя въ нее, на гробницѣ трехъ святыхъ отроковъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, горѣвшихъ нѣкогда въ печи огненной, они нашли драгоценный кубокъ, наполненный муррой и ливаномъ; они испили изъ кубка, стали веселы и на долгое время уснули; проснувшись, хотѣли взять кубокъ, но голосъ изъ гробницы запретилъ имъ это дѣлать и велѣлъ идти въ Навуходоносорову сокровищницу взять „знаменіе“, т. е. царскія инсигніи. Въ сокровищницѣ они среди другихъ драгоценностей нашли два царскихъ вѣнца, при которыхъ была грамота, гдѣ говорилось, что вѣнцы сдѣланы Навуходоносоромъ, *царемъ вавилонскимъ и всея вселенныя*, для него самого и для его царицы, а теперь должны быть носимы царемъ Львомъ и его царицей; кромѣ того послы нашли въ вавилонской казнѣ „красицу сердоликовую“, въ которой была „царская багряница, сирѣчь порфира, и шапка Мономаха, и скипетръ царскій“. Взявши вещи, послы вернулись въ церковь, поклонились гробницѣ трехъ отроковъ, еще выпили изъ кубка и на другой день пошли въ

обратный путь. Одинъ изъ нихъ на той же лѣстницѣ оступился, упалъ на великаго змія и разбудилъ его; когда же „великій змій услышалъ его, то встала на немъ чешуя какъ волны морскія и начала колебаться“; два другіе посла ухватили товарища и поспѣшно бѣжали; они добрались до мѣста, гдѣ оставили своихъ коней и уже положили на нихъ добычу, какъ вдругъ великій змій свиснулъ: они попадали на землю и долго лежали какъ мертвые; пока, наконецъ, очнулись и отправились къ царю. Но въ царскомъ войскѣ змѣнный свистъ надѣлалъ еще больше бѣды: погибло не мало воиновъ и коней. Остальные въ испугѣ бѣжали, и лишь за тридцать верстъ отъ Вавилона царь остановился подождать своихъ посланцевъ. Придя, они рассказали свои приключенія и отдали царю инсигніи Навуходоносоровы, — тѣ самыя, которыя — по другимъ сказаніямъ — отъ одного изъ послѣдующихъ византійскихъ императоровъ перешли къ кievскимъ, а отъ нихъ — къ московскимъ государямъ.

Другой, позднѣйшій вариантъ той же легенды (записанный въ самарскомъ краѣ) прямо ставитъ на мѣсто Византіи Москву, замѣняя императора Льва московскимъ государемъ, — и именно Иваномъ Грознымъ. Это онъ оказывается непосредственнымъ преемникомъ Навуходоносоровой власти!

Царь Иванъ Васильевичъ кликалъ кличь: кто мнѣ достанетъ изъ вавилонскаго царства корону, скиптръ, руць державу и книжку при нихъ? По трое сутокъ кликалъ онъ кличь, — никто не явился. Приходитъ Борма-арыжка и берется исполнить царское желаніе. Послѣ тридцатилѣтнихъ скитаній и всевозможныхъ приключеній онъ, наконецъ, возвращается къ московскому государю, приноситъ ему вавилонскаго царства корону, скиптръ, руць державу и книжку и въ награду проситъ у царя Ивана только одного: „дозволь мнѣ три года безданно, безпошлинно пить во всѣхъ кабакахъ!“ — не лишенное знаменательности заключеніе для этого обратнаго процесса народнаго сознанія въ сторону дивныхъ языческихъ идеаловъ¹⁾.

VII.

Хотя Борма-арыжка, отъ котораго Иванъ IV получилъ Навуходоносоровы регалии, доселѣ представляетъ немаловажный факторъ русской жизни и русскаго сознанія, однако преобладающаго значенія онъ не имѣлъ и въ XVI вѣкѣ. И тогда чувствовалось противо-

¹⁾ См. у А. Н. Пипина: „Новая эпоха“ (Вѣстникъ Европы, январь 1894).

рѣчіе между дѣянiями Ивана Грознаго и идеаломъ христіанскаго царя, отъ котораго русскій народъ все-таки не отказался въ пользу понятій, принесенныхъ изъ „Вавилона“ Бормою-арыжкой. Было сознание великаго отступленія отъ религіозныхъ основъ истинной царской власти, и вслѣдствіе этого явилось стремленіе торжественно утвердить эти основы, поднять всенародно значеніе духовнаго христіанскаго начала, поруганнаго грубымъ насиліемъ, придать ему новый блескъ въ лицѣ его видимаго церковнаго представительства. При непосредственномъ преемникѣ Ивана IV, замаливавшемъ грѣхи своего отца, учреждается въ Москвѣ патриаршество, а затѣмъ при двухъ первыхъ царяхъ новой династіи духовная власть въ лицѣ патриарховъ-государей Филарета Нивитича и Никона становится почти равносальной и равноправной съ властью царскою. Эта клерикальная реакція противъ вавилонскаго типа монархіи весьма замѣчательна, но въ окончательномъ результатѣ она къ добру не привела, и это по двумъ причинамъ. Съ внѣшней стороны, патриаршество, будучи собственно лишь созданиемъ той же государственной власти, не могло имѣть прочно обезпеченной самостоятельности и вліянія; то высокое значеніе, котораго церковная власть дважды достигала у насъ въ XVII вѣкѣ, какъ извѣстно, зависѣло главнымъ образомъ отъ того, что патриархъ Филаретъ былъ роднымъ отцомъ царя Михаила Ѳеодоровича, а патриархъ Никонъ—личнымъ другомъ Алексѣя Михайловича,—а при первомъ столкновеніи съ источникомъ своей силы іерархія роковымъ образомъ обнаруживала свою зависимость отъ государственнаго начала. А съ внутренней стороны, только нераздѣльное преобладаніе истинно-духовнаго христіанскаго интереса въ обѣихъ властяхъ могло бы сдѣлать соединеніе ихъ плодотворнымъ. Но патриаршеское званіе само по себѣ, конечно, не ручается за христіанскій духъ его носителя, и примѣръ Владиміра Св. и его греческихъ епископовъ показываетъ, что иногда свѣтскіе государи бывають болѣе воспримчивы къ высшимъ духовнымъ требованіямъ, нежели официальные представители церкви.

Патриархъ Никонъ, пользовавшійся, благодаря преданности ему царя, фактически почти верховною властью, по собственному сознанію своихъ правъ и преимуществъ былъ въ нашей исторіи главнымъ и къ счастью единственнымъ значительнымъ представителемъ клерикализма, за что онъ по недоразумѣнію и превознесенъ своимъ католическимъ биографомъ (Пальмеромъ), который не сообразилъ, что превращеніе московскаго патриарха въ какагото восточнаго quasi-папу сдѣлало бы вполне невозможнымъ какое бы то ни было сближеніе Россіи и Востока съ настоящимъ рим-

скимъ папствомъ. Негодность Никоновскаго клерикализма мы познали по его горькому плоду—церковному расколу,—который однако есть худо не безъ добра, такъ какъ благодаря ему мѣстный клерикализмъ въ Россіи сдѣлался окончателно невозможнымъ.

Чтобы стать на путь христіанскаго царства, Россія XVII в. нуждалась не въ Никоновскомъ клерикализмѣ, а въ сознании своей несостоятельности и въ рѣшеніи дѣйствительно улучшить свою жизнь. Крѣпкое государство было создано Москвою, національное существованіе обезпечено. Но историческому народу, какъ и отдѣльному человѣку, мало существовать—онъ долженъ стать *достойнымъ* существованія. Въ мірѣ несовершенномъ достоинъ существованія только тотъ, кто освобождается отъ своего несовершенства,—кто совершенствуется. Византія погибла потому, что чуждалась самой мысли о совершенствованіи. Всякое существо, единичное или собирательное, которое отказывается отъ этой мысли, неизбежно погибаетъ. Ибо этотъ отказъ отъ задачи совершенствованія можетъ имѣть только два смысла. Или мы считаемъ себя уже совершенными,—что есть безуміе и богохульство; или же, зная свое дурное состояніе, мы имъ довольствуемся, не желая ничего лучшаго,—что есть отреченіе отъ самой сущности нравственной человѣка, или отъ образа и подобія Божіей безконечности въ немъ.

Россія въ XVII вѣкѣ избѣгла участи Византіи: она сознала свою несостоятельность и рѣшила совершенствоваться. Великій моментъ этого сознанія и этого рѣшенія воплотился въ лицѣ Петра Великаго. Если Богъ хотѣлъ спасти Россію и могъ это сдѣлать только чрезъ свободную дѣятельность человѣка, то Петръ Великій былъ несомнѣнно такимъ человѣкомъ. При всѣхъ своихъ частныхъ порокахъ и дикостяхъ, онъ былъ историческимъ сотрудникомъ Божіимъ, лицомъ истинно-провиденціальнымъ, или теократическимъ. Истинное значеніе человѣка опредѣляется не его отдѣльными качествами и поступками, а преобладающимъ интересомъ его жизни. И едва ли во всемірной исторіи есть другой примѣръ такого, какъ у Петра Великаго, всецѣлаго, рѣшительнаго и неуклоннаго преобладанія одного нравственнаго интереса общаго блага. Отъ раннихъ лѣтъ понявши, чего недостаетъ Россіи, чтобы стать на путь дѣйствительнаго совершенствованія, онъ до послѣдняго дня жизни заботился только о томъ, чтобы создать для насъ эти необходимыя условія. Въ лицѣ Петра Великаго Россія рѣшительно обличила и отвергла византійское искаженіе христіанской идеи,—самодовольный квіэтизмъ. Выстъ съ тѣмъ Петръ Великій былъ совершенно чуждъ Навуходоносоровскаго идеала власти для власти. Его власть была для него обя-

занностью непрерывнаго труда на пользу общую, а для Россіи—необходимымъ условіемъ ея поворота на путь истиннаго прогресса. Безъ неограниченной власти Петра Великаго преобразование нашего отечества и его приобщеніе къ европейской культурѣ не могло бы совершиться, и онъ самъ смотрѣлъ на свое самодержавіе какъ на орудіе этого провиденціального дѣла. Отъ никогда и не помышлялъ о своей власти отдѣльно отъ той задачи, для которой она служила, и не принималъ никакихъ искусственныхъ мѣръ для огражденія этой власти въ видахъ личнаго или династическаго интереса, къ которому онъ, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, относился даже враждебно. Для Петра Великаго все, даже жизнь единственнаго его сына, зависѣло отъ интересовъ его дѣла, и у него не было ни одного врага, кромѣ враговъ его дѣла.

А дѣло его состояло въ томъ, чтобы дать Россіи реальную возможность стать христіанскимъ царствомъ—исполнить ту задачу, отъ которой отреклась Византія. Извѣстное подложное завѣщаніе Петра Великаго обязывало Россію завоевать Константинополь и потомъ весь міръ. Дѣйствительное завѣщаніе Петра Великаго, написанное его дѣлами на лучшихъ страницахъ русской исторіи, обязывало Россію, научившись урокомъ Византіи, приняться за то, что должна была, но чего не захотѣла дѣлать имперія Константина, вслѣдствіе чего она и погибла. Усвоивши себѣ значеніе третьяго Рима, Россія, чтобы не раздѣлить судьбу двухъ первыхъ, должна была стать на путь дѣйствительнаго улучшения своей національной жизни—не для того, чтобы завоевать весь міръ, а для того, чтобы принести пользу всему міру.

VIII.

По самой идеѣ христіанства, какъ религіи *бого-человѣческой*, христіанское царство должно состоять изъ свободныхъ *человѣческихъ* лицъ, какъ и во главѣ его должно стоять такое лицо. Понятіе *человѣческой* личности въ ея безусловномъ значеніи было совершенно чуждо византійскому міросозерданію, какъ это признается и его сторонниками. Развитие этого существеннаго для христіанства начала, совершенно задавленнаго на Востокѣ, составляетъ смыслъ западной исторіи. Сближеніе съ Европой, которымъ мы обязаны Петру Великому, принципиальную свою важность имѣетъ именно въ этомъ: чрезъ европейское просвѣщеніе русскій умъ раскрылся для такихъ понятій, какъ *человѣческое достоинство*,

права личности, свобода совѣсти и т. д., безъ которыхъ невозможно достойное существованіе, истинное совершенствованіе, а слѣдовательно невозможно и христіанское царство. Объ этой сторонѣ своего дѣла самъ Петръ Великій прямо не думалъ, но это не уменьшаетъ его значенія ¹⁾).

Черезъ полвѣка послѣ Петра В., люди, пріобретенные благодаря его реформамъ къ умственному движенію Европы, стали ясно понимать и громко заявлять, что личное рабство—крѣпостное состояніе,—въ которомъ благочестивая Москва, какъ и благочестивая Византія, не подозрѣвала ничего дурного, есть вопіющее нарушеніе неотъемлемыхъ человѣческихъ правъ, несомѣстимое съ достоинствомъ просвѣщеннаго государства. Требования такой коренной перемѣны могли казаться матеріально-опасными, но нравственная обязанность, вытекавшая изъ идеи христіанскаго царства, овладѣла—вслѣдъ за немногими частными умами—и мыслию русскихъ государей. Рѣшительное исполненіе этой обязанности блистательно оправдало дѣло Петра Великаго и „петербургскую эпоху“ русской исторіи.

Въ освобожденіи крестьянъ, какъ и въ другихъ реформахъ того же направленія, Россія въ лицѣ своего государя еще разъ послѣ Петра Великаго и на новой высшей ступени своего историческаго развитія, отказалась отъ византійскаго искаженія христіанства и на дѣлѣ признала то нравственное начало, которое обязываетъ къ дѣятельному добру, къ дѣйствительному исправленію и совершенствованію народной жизни.

Нельзя однако сказать, чтобы это было сдѣлано съ полною сознательностью. Такіе вопіющіе общественные грѣхи, какъ крѣпостное право, продажные суды, квалифицированная смертная казнь—были рѣшительно осуждены совѣстью и упразднены; тѣмъ самымъ были исполнены *нѣкоторыя* условія для того, чтобы Россія стала христіанскимъ царствомъ, или—что тоже—были устранены *нѣкоторыя* препятствія на пути къ этой цѣли. Но сама цѣль не ставилась ясно и во всемъ своемъ объемѣ, а вслѣдствіе этого и многія важныя условія для ея достиженія не только не исполнялись, но и не совнавались.

Этимъ же недостаткомъ сознательности въ русскомъ обществѣ объясняются еще особыя странности въ нашей новѣйшей исторіи. Съ одной стороны, люди, требовавшіе нравственнаго перерожденія

¹⁾ Нельзя впрочемъ сказать, чтобы совсѣмъ не думалъ: между книгами, которыя во его приказанію переводились на русскій языкъ, рядомъ съ учебниками ариметики и фортификаціи, были также сочиненія Самуила Пуффендорфа и Гуго Гроція, лучшихъ нѣкогда выразителей западнаго правового сознанія.

и самоотверженныхъ подвиговъ на благо народное, связывали эти требованія съ такими ученіями, которыми упраздняется самое понятіе о нравственности: „ничего не существуетъ, кромѣ вещества и силы, человѣкъ есть только разновидность обезьяны, а потому мы должны думать только о благѣ народа и полагать душу свою за меньшихъ братьевъ“. Съ другой стороны, люди, исповѣдовавшіе и даже съ особымъ усердіемъ христіанскія начала, вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдовали самую дикую антихристіанскую политику насилія и истребленія.—Первое противорѣчіе принадлежитъ прошедшему. Второе, болѣе глубокое и пагубное, еще тагуетъ надъ нами. Пора наконецъ освободиться отъ этого историческаго ада, поражающаго самыя источники нашей жизни.

Владиміръ Соловьевъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

ГЕРМАНИИ

I.

Осенью, при открытіи сессіи рейхстага, каждый изъ 397 депутатовъ находитъ предъ своимъ поппитромъ цѣлую гору печатнаго матеріала, носящаго общее заглавіе: „Etat“. Кромѣ общей росписи, по отдѣльнымъ вѣдомствамъ составляются денежные расчеты, въ которыхъ до послѣдней мелочи указаны источники доходовъ и назначеніе расходовъ и проведены сравненія съ предшествующимъ годомъ. Если министерству иностранныхъ дѣлъ нужны, напр., 40 тысячъ марокъ на реставрацію палаццо Каффарелли, зданія посольства въ Римѣ, то оно въ примѣчаніи къ статьѣ подробно мотивируетъ необходимость этого расхода; точно также всякій министръ, назначая гдѣ-нибудь новыхъ чиновниковъ, долженъ внести въ роспись отмѣтку объ ихъ жалованьѣ и объясненіе, чѣмъ вызвано увеличеніе штата. Изъ отдѣльныхъ бюджетовъ, бюджеты военнаго и морского вѣдомствъ бросаются въ глаза своимъ вышнимъ видомъ: первый составляетъ огромный томъ in-4° въ 659 страницъ, второй—занимаетъ 155 такихъ же страницъ. Это сразу говоритъ всякому приступающему къ изученію германскаго бюджета, что подавляющая часть имперскихъ доходовъ уходитъ на армію и флотъ.

Бюджетный годъ въ Германіи начинается съ 1-го апрѣля. Такъ какъ парламентская сессія обыкновенно начинается въ ноябрѣ (въ нынѣшнемъ году, правда, она открылась только 3 декабря в. ст.), то въ распоряженіи рейхстага почти полгода времени для обсуждения бюджета. Сначала происходитъ первое „чтеніе“ росписи, по традиціи принимающее характеръ обзора всей внутренней и внешней политики; представители каждой партіи высказываются при этомъ и относительно росписи, но въ ея детали рѣдко входятъ. Ее сдаютъ

въ бюджетную комиссію, гдѣ она остается мѣсяць или полтора, смотря по тому, вызываетъ ли она больше или меньше критики со стороны компетентныхъ въ финансовыхъ вопросахъ членовъ парламента. Затѣмъ роспись, вмѣстѣ съ докладомъ комиссіи и съ ея поправками, поступаетъ на второе чтеніе, состоящее изъ „генеральныхъ“ и „спеціальныхъ“ дебатовъ. Въ прошлой сессіи второе чтеніе длилось 22 засѣданія, хотя въ бюджетѣ не было крупныхъ измѣненій противъ предшествовавшаго года. Рейхстагу, однако, удалось уменьшить расходный бюджетъ на 18½ миллионѣвъ, и правительство послѣ нѣкоторой борьбы подчинилось его требованію. Третье чтеніе по большей части ограничивается голосованіемъ росписи въ отдѣльныхъ статьяхъ и въ цѣломъ.

Въ нынѣшнемъ году роспись сведена съ 1¼ миллиарда въ приходахъ и расходахъ. Последнее составляется изъ слѣдующихъ цифръ:

Изъ 1.136.389.624 марокъ постоянныхъ расходовъ ординарныхъ бюджетовъ.	
„ 93.481.438 „	единовременныхъ ординарныхъ бюджетовъ.
„ 29.350.921 „	единовременныхъ экстраординарныхъ бюджетовъ.

Разница между 2-й и 3-й цифрой состоитъ въ томъ, что 2-я покрывается изъ текущихъ доходовъ, 3-я же требуетъ чрезвычайныя средства покрытія—путемъ займа. При другомъ государственномъ устройствѣ различіе было бы менѣ существенно; въ Германіи же съ ея федеративнымъ строемъ необходимо точно различать между расходами, покрытіе которыхъ, въ случаѣ надобности, можетъ быть возложено на бюджеты союзныхъ государствъ, и такими, которые должны быть покрываемы изъ имперскаго бюджета.

Въ сравненіи съ бюджетомъ предъидущаго года, роспись увеличена на 20 миллионѣвъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она въ дѣйствительности, послѣ утвержденія ея рейстагомъ, была больше на 20 миллионѣвъ. Роспись 1895 и 1896 года, какъ она внесена была правительствомъ, сведена съ 1.247 миллионѣми, но послѣ обсужденія въ рейхстагѣ она сократилась почти до 1.233½ миллионѣвъ. Весьма вѣроятно, что такова же будетъ участь и нынѣшней. Тѣмъ не менѣе постоянный ростъ имперскаго бюджета, какъ послѣдствіе усиленія военнаго бюджета, составляетъ явленіе, надъ которымъ тяжело задумываются въ Германіи, и на которомъ слѣдуетъ остановиться.

Прежде всего, однако, надо устранить недоразумѣніе, возникающее при чтеніи цифръ имперской росписи,—недоразумѣніе, которое естественно вызывается, во-первыхъ, сложностью бюджета, тѣсно связаннаго съ территоріальнымъ бюджетомъ, и, во-вторыхъ, смѣшеніемъ категорій валовыхъ и чистыхъ бюджетовъ. Одна изъ главнѣйшихъ статей имперскаго бюджета — таможенные доходы—достигаетъ по нынѣшней

росписи 356 милліоновъ. Между тѣмъ, при переходѣ въ 1879 г. къ протекціонной политикѣ, рейхстагъ постановилъ, что изъ чистаго дохода отъ таможенныхъ пошлинъ въ распоряженіи имперіи должны остаться только 130 милліоновъ,—остальные должны быть „переведены“ отдѣльнымъ государствамъ, входящимъ въ составъ имперіи. На основаніи этого постановленія, носящаго по имени своего инициатора, клерикала Франкенштейна, названіе *Clausula Frankenstein*, сотни милліоновъ переходятъ изъ имперской въ прусскую, саксонскую и др. казны. То же самое происходитъ съ доходами отъ нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ. Въ законченномъ бюджетѣ 1893—94 года, „*Ueberweisungen*“ составили 339 милліоновъ, въ 1895—96 г. они должны были составить уже 374 милліона. Съ другой стороны, однако, союзные бюджеты привлекаются къ участію въ имперскихъ расходахъ еще непосредственно при помощи разверстки между ними дефицита имперскаго бюджета, за исключеніемъ того, который покрывается займомъ. Эти *Matrikularbeiträge* составили въ 1893—94 г. 370 милліоновъ; по росписи они теперь опредѣлены въ 413 милліоновъ. Распредѣленіе ихъ происходитъ соотвѣтственно населенію каждаго государства, такъ что на Пруссію, напр., въ прошломъ году приходилось 233 милліона, на Баварію 50, Саксонію 27 и т. д. до маленькаго Шаумбургъ-Липпе, платящаго 305 тысячъ. До конца 80-хъ годовъ платежи союзниковъ имперіи (*Matrikularbeiträge*) были ниже, чѣмъ суммы, выплаченныя имъ изъ имперскаго бюджета на основаніи *Clausula Frankenstein* (въ 1889—90 г. на 740 милліоновъ); теперь же тѣ и другіе приблизительно совпадаютъ, такъ какъ имперскіе расходы увеличиваются быстрѣе, нежели доходы отъ пошлинъ съ косвенныхъ налоговъ; доходы отъ пошлинъ даже уменьшились, вслѣдствіе торговыхъ трактатовъ.

Иностранцу эта путаница покажется совершенно непонятною. Если „*Matrikularbeiträge* и *Ueberweisungen* такъ близко подходятъ другъ къ другу, то почему бы не освободить имперскую роспись отъ связи съ мѣстными (территоріальными), признавъ доходы отъ пошлинъ и косвенныхъ налоговъ принадлежащими имперскому бюджету? Въ дѣйствительности же эта сложная система имѣетъ разумное основаніе, на которое мы сейчасъ укажемъ. Прежде всего надо еще однако отмѣтить, что цифры бюджета представляютъ смѣсь „валового“ и „чистаго“ бюджета. Доходы отъ таможенныхъ пошлинъ и налоговъ съ государственныхъ предпріятій—„чистые“ доходы; во всѣхъ же отрасляхъ государственнаго управленія показаны всѣ расходы каждаго вѣдомства, тогда какъ ихъ доходы фигурируютъ въ общемъ доходномъ бюджетѣ. Доходы всѣхъ вѣдомствъ составляютъ по новой росписи 18¹/₂ милліоновъ,—слѣдовательно, въ чистомъ бюджетѣ на та-

кую же сумму уменьшаются действительныя поступления отъ плательщиковъ налоговъ и пошлинъ. Въ доходахъ полностью фигурируютъ всѣ поступления отъ пошлинъ и налоговъ, какъ и доплаты союзныхъ государствъ, но въ расходной росписи значительнѣйшая часть поступленийъ отъ пошлинъ и налоговъ значителенъ подлежащей возвращенію тѣмъ же союзникамъ. Понятно, что вслѣдствіе этого бюджетъ, по исключенію переходныхъ суммъ, отличается болѣе скромными цифрами: ординарный бюджетъ 1895—96 г., съ 1.180 милліоновъ, такимъ образомъ свелся къ чистому бюджету въ 771 милліонъ, и о милліардѣ еще пока нѣтъ рѣчи. Если нѣкоторые критики германскихъ финансовъ указываютъ на то, что одинъ имперскій бюджетъ уже перешагнулъ милліардъ, то это основывается на фактическомъ недоразумѣніи.

Тѣмъ не менѣе, и реальныя цифры сами достаточно подчеркиваютъ напряженіе платежныхъ силъ. Съ 1880 по 1895 г. имперскіе расходы увеличились вдвое—съ 380 до 771 милліоновъ въ одномъ только обыкновенномъ бюджетѣ. Между тѣмъ, за тотъ же періодъ, населеніе увеличилось лишь съ 45 до 52 милліоновъ, или на 16 процентовъ, и никому изъ нѣмецкихъ публицистовъ не придетъ въ голову сказать, что народное благосостояніе шло параллельно съ ростомъ имперскаго бюджета. Въ 80-мъ году на 1 жителя Германіи оказывалось 8 м. 65 пф. имперскихъ доходовъ,—теперь ихъ ровно 15. И не одно только нынѣшнее поколѣніе расплачивается за ростъ имперскаго бюджета,—оно падаетъ и на будущія поколѣнія. Потомки побѣдителей 1870 года, быть можетъ, укажутъ, что имперія имѣетъ теперь долгъ въ два милліарда, тогда какъ въ первые годы она вовсе не имѣла долговъ, и изъ французской контрибуціи удалось даже погасить весь долгъ сѣверо-американскаго союза. Въ первый разъ заемъ сдѣланъ былъ для покрытія чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ въ бюджетѣ 1876 г. Десять лѣтъ спустя, цифра имперскаго долга еще сравнительно скромна—440 милліоновъ, но за послѣднее десятилѣтіе она выросла колоссально, достигнувъ уже двухъ милліардовъ. Всего печальнѣе то, что имперскій долгъ вызванъ не производительными затратами,—какъ въ Пруссіи и остальной Германіи, гдѣ государственныя займы почти исключительно желѣзнодорожныя,—а перевооруженіями, постройками крѣпостей, увеличеніемъ контингента арміи, постройкой новыхъ броненосцевъ и подобными военными „реформами“. Только незначительная часть займовъ употреблена на производительныя цѣли: на прорытіе канала Вильгельма I и на желѣзныя дороги въ Эльзасѣ и Лотарингіи.

Непроизводительность затратъ—характерная черта всей имперской росписи. Изъ 771 милліоновъ, по бюджету 1895—96 г., 563 ушли

на армию и 77¹/₂ на флотъ. Въ росписи на 1896—97 годъ правительство испрашиваетъ увеличенія воезнаго бюджета на 9 и морского на 5¹/₂ милліоновъ. Если даже рейхстагъ и не пойдетъ на эти предложенія, то все же по опыту прежнихъ лѣтъ можно сказать, что ростъ милитаризма, къ сожалѣнію, постоянное явленіе. Съ 309 милліоновъ, послѣ франко-прусской войны, ежегодныя обыкновенныя издержки дошли до суммы свыше 600 милліоновъ, т.-е. удвоились за 25 лѣтъ германскаго объединенія. Если сложить всѣ военные расходы Германіи за этотъ періодъ, то окажется, что вооруженный миръ ей обошелся почти въ 14 милліардовъ марокъ, или въ 3¹/₂ раза больше, чѣмъ она получила французской контрибуціи. Послѣ военныхъ и морскихъ расходовъ, самая крупная статья расходнаго бюджета—платежи по имперскимъ долгамъ—76 милліоновъ, тоже преимущественно продуктъ затратъ на армию и флотъ. Оставшаяся сумма распределяется между министерствомъ иностранныхъ дѣлъ—10¹/₂ милліоновъ, министерствомъ внутренняго имперскаго управленія (Reichsamt des Innern), юстиціи и нѣкоторыми второстепенными вѣдомствами. Юстиція входитъ въ компетенцію отдѣльныхъ территорій, но объединяющее всѣхъ законодательство вызвало необходимость въ центральномъ учрежденіи „Reichstjustizamt“, съ статсъ-секретаремъ во главѣ. Изъ судовъ, только верховный кассационный судъ въ Лейпцигѣ общій для всей имперіи, и содержится на счетъ имперскаго бюджета (1¹/₂ милліона). Истинными оазисами въ имперскихъ расходахъ являются такія статьи, какъ 400 тысячъ на содержаніе университета въ Страсбургѣ, 1¹/₄ милліона на центральное учрежденіе и страхованіе рабочихъ, и 18 милліоновъ государственныхъ приплатъ къ страхованію рабочихъ, при наступленіи старости и неспособности къ труду. По закону 1889 г., государство изъ имперскаго бюджета приплачиваетъ къ взносамъ хозяевъ и рабочихъ по 50 марокъ въ годъ—къ каждой выплачиваемой рентѣ. Въ первый годъ по вступленіи въ силу закона, государственная приплата составляла 6¹/₂ милліоновъ, теперь она уже 18 милліоновъ, и очень естественно, что съ каждымъ годомъ государству придется платить больше, такъ какъ убыль вслѣдствіе смерти пенсіонеровъ еще незначительна—въ сравненіи съ приливомъ новыхъ инвалидовъ. Къ концу нынѣшняго года насчитываютъ 202.500 рабочихъ, получающихъ старческую, и 109.800, получающихъ инвалидную ренту. Въ 1896 г., на основаніи опыта предъидущихъ лѣтъ, можно ожидать убыли 43.000 и прибыли 81.000 пенсіонеровъ. По истеченіи 47 лѣтъ должно наступить такъ называемое „состояніе новое“ (Beharrungsstand), и, вклада въ расчетъ только цифру нынѣшняго населенія, статистики страхового бюро опредѣляютъ размѣръ государственныхъ приплатъ по достиженіи этого пе-

рода—въ 68 миллионѣвъ. Въ дѣйствительности она будетъ больше, потому что населеніе увеличивается. Одинъ этотъ фактъ показываетъ, какъ велика проблема, которую Германія пытается разрѣшить законодательствомъ о страхованіи рабочихъ,

Выше мы уже упомянули о наложенныхъ пошлинахъ, какъ крупнейшей статьѣ имперскаго *доходнаго бюджета*. Въ нынѣшней росписи наложенныя пошлины фигурируютъ 356 миллионнами, противъ 348¹/₂—въ прошлой. Въ 1892—93 году, чистый доходъ отъ наложенныхъ пошливъ составлялъ 360 миллионѣвъ, но съ пониженіемъ тарифа въ торговыхъ договорахъ (по уменьшеніи пошлины на хлѣбъ) доходъ въ слѣдующемъ году понизился до 336¹/₂ миллионѣвъ, т.-е. на 23¹/₂ миллиона; еслибъ ввозъ остался безъ измѣненія, пониженіе должно было бы составлять 35 миллионѣвъ. Въ сравненіи съ наложенными доходами до 1879 года (1878 г.—111 миллионѣвъ), нынѣшніе кажутся огромными, но они—результатъ протекціонной политики, возложившей очень значительное бремя на массу неимущаго населенія. Изъ отдѣльныхъ статей таможеннаго дохода, наиболѣе крупныя слѣдующія: пошлины на хлѣбъ (по даннымъ 93—94 г.)—74¹/₂ миллиона; петролеумъ—53¹/₂ миллиона; кофе—46 миллионѣвъ; табакъ въ листьяхъ—41 милл.; лѣсъ—14 милл.; вино—14 милл.; скоть—8 милл.; спиртъ—7 милл.; хлопковъ—6¹/₂ милл.

Къ пошлинамъ, въ качествѣ другой капитальной статьи имперскаго бюджета, присоединены косвенные налоги: на спиртъ 117 миллионѣвъ марокъ по новой росписи; пиво—26 миллионѣвъ; сахаръ—80 милл.; соль—44¹/₂ милл., и табакъ—11 миллионѣвъ. Изъ собственныхъ предпріятій имперіи только два заслуживаютъ упоминанія: почта и телеграфъ, дающіе 39 миллионѣвъ чистаго дохода, и желѣзныя дороги въ Эльзасѣ и Лотарингіи вносящіе въ бюджетъ 23¹/₂ милл. Цифры доходнаго бюджета, относящіяся къ почтово-телеграфному вѣдомству, даютъ нѣкоторое представленіе о колоссальномъ развитіи этой отрасли государственной дѣятельности въ Германіи. Валовой доходъ исчисленъ въ 294 миллиона, а чистый доходъ—почти въ 40 миллионѣвъ. Въ законченномъ бюджетѣ 1894—95 года валовой доходъ составилъ изъ 209 миллионѣвъ выручки почтъ, 24 миллиона отъ телеграфа и 15³/₄ миллиона отъ телефоновъ, составляющихъ въ Германіи принадлежность почтоваго вѣдомства. Къ 1 января 1894 года имперская почта (за выключеніемъ, слѣдовательно, Баваріи и Вюртемберга) располагала 26.000 почтовыми конторами, 17.000 телеграфными отдѣленіями и 366 телефонными конторами; длина телеграфной сѣти доходила до 400 тысячъ километровъ (проволокъ); число телефоновъ превышало 80 тысячъ, и въ одномъ Берлинѣ ихъ было больше, чѣмъ во всей Франціи. Писемъ во всей Германіи ежегодно доставляется

болѣе 2 миллиардовъ, что составитъ въ среднемъ около 40 писемъ на 1 жителя въ годъ.

Дѣятельность почтъ, однако, не ограничивается доставкою писемъ. Многообразны услуги, оказываемыя населенію хорошо организованной почтой. Кромѣ двухъ миллиардовъ простыхъ писемъ (безъ обозначенія цѣнности), почта доставляетъ ежегодно почти 10 милліоновъ цѣнныхъ писемъ и пакетовъ, цѣнностью въ 12 миллиардовъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ деньги пересылаются въ письмахъ, въ большинствѣ же случаевъ для этого служатъ почтовые переводы. Ежегодно оборотъ имперской почты по переводу денегъ достигаетъ 5 миллиардовъ. Къ этому надо присоединить 116 милліоновъ за посылки съ наложеннымъ платежемъ, и около 600 милліоновъ, доставленныхъ почтою по порученію должниковъ и различнымъ обязательствамъ и сдѣлкамъ.

Среди косвенныхъ налоговъ есть одинъ, которому трудно не почувствовать, даже будучи принципиальнымъ противникомъ косвеннаго обложенія; это налогъ на биржу, или иначе, налогъ на выпускъ цѣнныхъ бумагъ и торговыя сдѣлки съ товарами и бумагами, обыкновенно совершаемыя на фондовыхъ и торговыхъ биржахъ. До 1881 г. эта статья вовсе отсутствовала въ доходномъ бюджетѣ, а теперь она фигурируетъ съ очень солидною суммой марокъ. Исторія биржевого налога въ Германіи поучительна, какъ доказательство неосновательности опасеній, будто со введеніемъ налога должно послѣдовать паденіе биржи и сокращеніе ея реальныхъ оборотовъ. Въ 1881 г., представители haute finance и ея защитники предсказывали, что введеніе штемпельнаго сбора покажетъ значеніе берлинской биржи, но это такъ мало оправдалось, что уже черезъ 4 года (закономъ 29-го мая 1885 г.) можно было рискнуть повысить налогъ. Наиболѣе рѣшительный шагъ, однако, предпринятъ былъ въ законѣ 1-го мая 1894 г. До него, налогъ на выпускъ акцій и бумагъ на предъявителя составлялъ 5 съ 1.000 ($\frac{1}{2}\%$); новымъ закономъ онъ *удвоенъ* (1%) для акцій германскихъ и *утроенъ* для акцій иностранныхъ выпусковъ. Бумаги на предъявителя, выпускаемыя общинами и коммунальными союзами, однако, по прежнему обложены только сборомъ 1 марки съ 1.000; облигаціи гипотечныхъ банковъ, наоборотъ, платятъ теперь 2% съ тысячи нарицательной, вмѣсто $\frac{1}{1000}$. Государственная рента и внутренніе государственные займы, разумѣется, не подлежатъ налогу. Въ послѣдніе годы предъ увеличеніемъ налога, доходъ отъ него колебался между $3\frac{1}{2}$ и 4 милліонами. Съ 1-го дня мая 1894 по 1 мая 1895 г. налогъ на выпускъ акцій и т. п. бумагъ далъ государству 9.683.388 марокъ, т. е. болѣе, чѣмъ въ $2\frac{1}{2}$ раза, что доказываетъ, что эмиссіонныя операціи не сократились, а увеличились. Разумѣется, онъ увеличились не благодаря закону, но это доказываетъ, что выпуски

имѣютъ своимъ источникомъ экономическія условія, которыя налогомъ не могутъ быть парализованы. Нерѣдко такое послѣдствіе обложенія (сокращеніе эмиссіонныхъ операцій) было бы очень желательно, но въ одномъ отношеніи критики биржевого налога совершенно правы: на него точно также нельзя возлагать этическихъ надеждъ, какъ на сборъ съ карты и т. п. мѣры. Карты станутъ дороже, но играть не станутъ оттого меньше профессиональные и азартные игроки.

Этика такихъ налоговъ совсѣмъ другого свойства и состоитъ въ томъ, что нѣкоторая часть легко нажитыхъ доходовъ поступаетъ на общественныя нужды, для удовлетворенія которыхъ обыкновенно привлекаются доходы, зарабатываемые болѣе тяжелымъ трудомъ. Это еще въ большей мѣрѣ относится къ другой категоріи биржевого налога, носящаго названіе „Stempelsteuer von Kauf und Anschaffungsgeschäften“ и имѣющаго въ виду биржевыя сдѣлки въ тѣсномъ смыслѣ слова: обороты фондовой биржи и биржевыя сдѣлки на сроки (Terminhandel). Съ 1-го мая 1894 г., этотъ сборъ удвоенъ и составляетъ $\frac{2}{100}\%$ съ покупокъ-продажи цѣнныхъ бумагъ и $\frac{4}{100}\%$ со всѣхъ сдѣлокъ на сроки. За первый годъ дѣйствія новаго закона доходъ казны съ биржевыхъ сдѣлокъ болѣе чѣмъ удвоился и составлялъ $17\frac{1}{2}$ милліоновъ марокъ, вмѣсто 8 милліоновъ съ небольшимъ въ предъидущемъ году. Въ росписи 96—97 г. доходъ отъ обоихъ видовъ биржевого налога опредѣленъ въ $31\frac{1}{2}$ милліона.

II.

Чаще оппозиція склонна къ пессимизму, а правительство и поддерживающія его партіи имѣютъ привычку находить состояніе финансовъ образцовыми. Въ Германіи роли перемѣнились, и оригинальное зрѣлище представляютъ въ бюджетныхъ дебатахъ турниры министра финансовъ и секретаря казначейства съ наиболѣе компетентнымъ въ бюджетныхъ вопросахъ вождемъ свободомыслящей партіи, Евгениемъ Рихтеромъ. При представленіи росписей на 1894—95 г., финансовое вѣдомство указывало на предстоящій дефицитъ въ 52 милліона. Бюджетная коммиссія, преимущественно подъ влияніемъ Рихтера, пришла однако къ заключенію, что при нѣкоторыхъ возможныхъ сокращеніяхъ въ расходахъ роспись можетъ быть сведена съ незначительнымъ дефицитомъ, такъ какъ доходныя статьи указаны уже съ чрезмѣрною осторожностью. Каковъ былъ результатъ?—Бюджетъ 1894—95 г. закончился съ недочетомъ всего въ два милліона. То же самое повторилось въ слѣдующемъ году: Микель и графъ Позадовскій увѣрили, что въ этотъ разъ уже павѣрное союзнымъ госу-

дарствамъ придется приплатить къ имперскому бюджету 37 милліоновъ; рейхстагъ это категорически оспаривалъ, и теперь точно такъ же графъ Позадовскій долженъ былъ сознаться, что не только союзныя страны ничего не приплатятъ, но еще получатъ изъ имперской кассы около 20 милліоновъ. Правда, благоприятный результатъ достигнуть увеличеніемъ доходовъ и сокращеніемъ расходныхъ статей, по инициативѣ рейхстага, преимущественно въ военномъ вѣдомствѣ. Тѣмъ не менѣе даже военный министръ не рѣшается утверждать, чтобы отъ вмѣшательства рейхстага наступило ухудшеніе арміи; парламентъ исполнилъ свое назначеніе, сберегъ милліоны, которые не были крайне необходимы, и оказался въ сужденіи о росписи компетентнѣе финансоваго вѣдомства.

Весьма вѣроятно, что правительство было бы менѣе пессимистично, а рейхстагъ не столь оптимистиченъ, еслибъ состояніе бюджетовъ не служило средствомъ къ очень серьезной цѣли. Послѣ принятія крупныхъ военныхъ расходовъ, связанныхъ съ увеличеніемъ арміи и сокращеніемъ срока солдатской службы, въ концѣ 1893 г. возникли проекты о новыхъ налогахъ. Прусскій министръ финансовъ Микель, на котораго возложена была задача—найти источники доходовъ для покрытія военнаго бюджета,—возмѣнилъ намѣреніе воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы окончательно разграничить территоріальныя и имперскіе финансы. Для основанія послѣднихъ на твердомъ базисѣ, по проекту Микеля, необходимо было установить на продолжительный срокъ размѣръ участія каждаго государства въ имперскихъ расходахъ, и при томъ такъ, что не отдѣльныя государства приплачиваютъ изъ своихъ бюджетовъ къ имперскому, а наоборотъ, изъ таможенныхъ доходовъ и табачнаго налога опредѣленная часть (40 милліоновъ) подлежитъ разверсткѣ между союзниками. Такъ какъ новые военные расходы исчислены были въ 60 милліоновъ, то предстояло изыскать новые источники доходовъ по крайней мѣрѣ въ 100 милліоновъ. Послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ внести въ рейхстагъ налогъ на освобождаемыхъ отъ воинской повинности, налогъ на спички и нѣкоторые другіе мелкіе, Микель остановился на трехъ крупныхъ проектахъ: увеличеніи биржевого налога и обложеніи фабрикаціи табака и винограднаго вина. Въ рейхстагѣ ему удалось, однако, провести только первый проектъ, принятый значительнымъ большинствомъ; противъ налоговъ на табакъ и вино поднялась такая буря въ странѣ, что даже въ союзномъ совѣтѣ высказаны были возраженія,—въ рейхстагѣ же налоги рѣшительно были отклонены.

Не станемъ останавливаться на достоинствахъ или недостаткахъ проектированной реформы, но отмѣтимъ очень серьезныя возраженія, приведенныя оппозиціей противъ основной идеи реформы. Глав-

ные расходы империи, говорили противники Микеля, это—армия и флотъ. При нынѣшнихъ условіяхъ, усиленіе милитаризма встрѣчаетъ противодѣйствіе не только въ парламентѣ, но и въ союзныхъ правительствахъ; каждое увеличеніе военного бюджета немедленно отражается на финансахъ отдѣльныхъ странъ. Въ томъ и заключается смыслъ федеративнаго устройства, что каждая часть ощущаетъ колебанія цѣлой,—и потому незачѣмъ ослаблять этотъ принципъ.

Другое вѣское возраженіе заключается въ слѣдующемъ: разъ приплатамъ союзныхъ странъ положенъ будетъ предѣлъ, всякое дальнѣйшее увеличеніе военныхъ расходовъ произойдетъ на счетъ собственныхъ имперскихъ доходовъ. Имперскій же бюджетъ имѣетъ только пошлыны и косвенные налоги, преимущественно обременяющіе бѣдную и маломощную часть населенія. Такимъ образомъ, ростъ милитаризма приметъ еще болѣе сильный антисоціальныи характеръ, чѣмъ теперь, такъ какъ *вся* тяжесть его ляжетъ на народныя массы, богатые же уклонятся отъ платежей, которые пали бы на нихъ въ формѣ увеличенія подоходнаго и другихъ прямыхъ налоговъ.

Понятно, поэтому, стремленіе правительства представить нынѣшнее состояніе бюджета въ мрачномъ свѣтѣ; понятна и обратная тенденція оппозиціи. Рейхстагъ тѣмъ болѣе имѣетъ пока право сопротивляться введенію новыхъ налоговъ, что, благодаря сокращенію въ другихъ статьяхъ военного бюджета, новые военные расходы составляютъ не 60, а 44 милліона; поступления отъ существующихъ доходныхъ статей увеличились, и одного новаго налога на биржу оказалось достаточнымъ, чтобы свести бюджетъ безъ дефицитовъ.

III.

Мы выше сказали, что при союзномъ характерѣ государственнаго строя имперскіе финансы даютъ только слабое представленіе о томъ, какъ покрываются потребности государства; изъ какихъ источниковъ средства черпаются и какъ складывается отношеніе между затратами на военно-полицейскія и культурныя задачи общества? Чтобы получить болѣе вѣрное представленіе, обратимся къ бюджету крупнѣйшихъ изъ составныхъ частей германской имперіи. Если въ Баваріи, Баденѣ, Вюртембергѣ, Саксоніи, и т. д., источники доходовъ и расходовъ далеко не совпадаютъ съ прусскими, то можно однако утверждать, что финансы Пруссіи типичны для финансовъ союзныхъ странъ, и что въ главныхъ чертахъ прусскій доходный бюджетъ служитъ образцомъ, которому подражаютъ въ остальной Германіи. Въ своихъ расходныхъ бюджетахъ южно-германскія госу-

дарства, наоборотъ, проявили больше самостоятельной инициативы, въ особенности по отношенію къ народному и профессиональному образованію.

Чтобы не нагромождать массы цифръ, мы остановимся на цифрахъ „чистаго бюджета“ (Nettoetat). Въ странѣ, какъ Пруссія, въ которой главныя статьи бюджета—подходный налогъ и собственныя государственныя предпріятія, разница между валовымъ и чистымъ бюджетомъ особенно рѣзко бросается въ глаза. Такъ, по росписи 1895—96 г. валовой расходъ достигаетъ почти 2 миллиардовъ (1.899.473.497) марокъ, чистый же—не превышаетъ 446¹/₂ миллионѣвъ. Это понятно, если принять во вниманіе, что бюджетъ, напр., желѣзныхъ дорогъ, составляется изъ 984 миллионѣвъ дохода и 807¹/₂ миллионѣвъ въ расходъ. Въ меньшей степени это повторяется въ статьяхъ: горное вѣдомство, государственныя имущества и др. Представленіе о размѣрахъ податнаго бремени, конечно, вполне будетъ соответствовать дѣйствительности въ томъ лишь случаѣ, если къ чистому доходу отъ налоговъ присоединить и расходы на ихъ взиманіе, падающіе на плательщиковъ. Съ этой послѣдней оговоркой прусскій бюджетъ (по росписи 1895—96 г.) представится въ слѣдующемъ видѣ:

Прямые налоги:	Марки:
1) Подходный налогъ	121.400.000
2) Налогъ на капиталъ	35.000.000
3) Разныя мелкіе (прямые) сборы	5.153.900
Всего прямыхъ налоговъ	161.553.900
А за вычетомъ расходовъ	146.907.800

Такимъ образомъ, въ чистомъ бюджетѣ прямые налоги фигурируютъ *тридцатью-пятью* процентами, и что еще больше достойно вниманія: эти 35% прусскаго бюджета, за самымъ незначительнымъ исключеніемъ, падаютъ на зажиточное и богатое населеніе, почти не обременяя народной массы. Не имѣя здѣсь въ виду останавливаться на характеристикѣ прусскаго подходнаго налога, не могу не привести слѣдующихъ въ высшей степени поучительныхъ данныхъ изъ законченнаго нынѣ 1894—95 бюджетнаго года. Такъ какъ доходы ниже 900 марокъ вовсе освобождены отъ налога, то число плательщиковъ во всей Пруссіи не превышало 2¹/₂ миллионѣвъ лицъ, которыя уплатили 122 миллиона налога; если исключить юридическія лица, то въ среднемъ каждый плательщикъ внесъ 45 марокъ. Въ то время однако, какъ 2.199.634 плательщика съ доходомъ отъ 900 до 3.000 марокъ уплатили всѣ вмѣстѣ 34¹/₄ миллионѣвъ, 111 тысячъ богатыхъ, доходъ которыхъ превышалъ 6.000 въ годъ, внесли 61 миллионѣвъ. На гражданина 1-й категоріи падаетъ въ среднемъ 15¹/₂ марокъ въ годъ, 2-й же—746 марокъ. Тѣми же чер-

тами „уравнительной справедливости“ отличается налогъ на имущество, официально именуемый „дополнительнымъ“. Назначеніе его— сильнее привлечь къ участию въ повинностяхъ доходы отъ капитала и недвижимаго имущества, чѣмъ доходы отъ труда и профессиональныхъ занятій.

Не надо думать, что остальные 65% прусскаго бюджета покрываются косвенными налогами. Последніе не превышаютъ 36½ миллионъ и не составляютъ еще 9% доходнаго бюджета; притомъ и косвенные налоги падаютъ не на предметы потребленія, а на обороты и наслѣдства: гербовый сборъ съ 23 милл. и налогъ на наслѣдства съ 8½ миллионами—единственныя крупныя статьи въ бюджетѣ. Вся остальная часть, т.-е. большая половина расходовъ, покрывается собственными предпріятіями государства. Желѣзныя дороги даютъ 147 миллионъ; государственныя имущества (домены и лѣса)—47½ миллионъ; горныя предпріятія—около 10 миллионъ; государственный банкъ (Seehandlung и доля прибылей имперскаго банка)—почти 2 миллионъ. Единственное пятно на этомъ свѣтломъ фонѣ—цифра почти въ 10 миллионъ отъ прусской лотереи, сохраненіе которой тѣмъ удивительнѣе, что ради государственнаго барыша въ 10 миллионъ населеніе ея ежегодно отдаетъ на игру 82 миллионъ (72 миллионъ составляютъ выигрыши, расходы на управленіе и вознагражденіе агентовъ), которые если и не всѣ потеряны, то во всякомъ случаѣ предоставлены слѣпому случаю, лишь возбуждающему дурныя инстинкты и не содѣйствующему справедливому распредѣленію богатства.

Если мы отъ доходныхъ статей обратимся къ расходнымъ, то намъ прежде всего, конечно, бросится въ глаза, что среди нихъ вовсе нѣтъ расходовъ на армію и флотъ, такъ какъ они фигурируютъ въ имперскомъ бюджетѣ; по той же причинѣ на министерство иностранныхъ дѣлъ удѣлена только скромная цифра въ ½ миллионъ марокъ. Зато львиная доля расходовъ падаетъ на „внутреннее управленіе“ и народное просвѣщеніе. На однѣ народныя школы изъ прусскаго бюджета отпускается 54.671.962 марки; это больше, чѣмъ по нашему бюджету на все министерство народнаго просвѣщенія. При томъ въ цифру 54½ миллионъ не вошли ни расходъ на учительскія семинаріи и школьныя совѣты, сфера которыхъ не ограничивается элементарнымъ образованіемъ, по которымъ обходятся государству почти въ 10 миллионъ,—ни государственная субсидія низшимъ профессиональнымъ школамъ, ни пенсіи семьямъ умершихъ учителей. Между тѣмъ въ Пруссіи не прекращаются жалобы на недостаточность школьнаго бюджета, хотя народное образованіе преимущественно принадлежитъ къ задачамъ самоуправленія и играетъ первенствующую роль въ мѣстныхъ бюджетахъ. Когда мы, далѣе,

видимъ, что изъ бюджета ежегодно ассигнуется $8\frac{1}{4}$ милліоновъ на университеты, $8\frac{1}{2}$ милліоновъ на средне-учебныя заведенія (содержаніе которыхъ въ городахъ также въ значительной степени относится и къ городскимъ обязанностямъ), и болѣе 4 милліоновъ на академіи и музеи, не говоря о другихъ, болѣе мелкихъ расходахъ, — то намъ становится понятнымъ, какъ сравнительно высоко идетъ запросъ населенія, если оно не перестаетъ укорять правительство и палату за медленное развитіе культурной дѣятельности.

На внутреннее управленіе, за выключеніемъ собственныхъ доходовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ Пруссіи тратятъ около 60 милліоновъ; такъ какъ, однако, нѣкоторыя задачи этого вѣдомства, относящіяся къ категоріи управленія и огражденія порядка, исполняются мѣстнымъ самоуправленіемъ, то послѣднему изъ общегосударственныхъ суммъ отпускается еще $37\frac{1}{2}$ милліоновъ въ годъ. Сравнительно дешево обходится въ Пруссіи юстиція — 35 милліоновъ; но этотъ результатъ достигается дороговизною судебныхъ издержекъ въ гражданскихъ процессахъ; судебныя издержки, штрафы и сборы даютъ казнѣ около 60 милл. въ годъ. Въ прусской юстиціи проведенъ примитивный взглядъ на государство, какъ на учрежденіе, стоящее въ частно-договорномъ отношеніи къ гражданину. Болѣе 16 милл. бюджета уходитъ на содержаніе протестантскаго и католическаго духовенства и церковное управленіе; $15\frac{3}{4}$ милліона на *liste civile*, да еще около 4 милліоновъ на „фондъ милостей“ и ренты принцамъ. Къ числу наиболѣе производительныхъ расходовъ принадлежатъ 19 милліоновъ — на министерство публичныхъ работъ, такъ какъ значительнѣйшая часть этой суммы затрачивается на улучшеніе водныхъ путей, постройку мостовъ и т. п. Почти ежегодно къ ординарному бюджету этого вѣдомства присоединяется болѣе или менѣе крупная статья на экстра-ординарности (въ нынѣшнемъ году 15 милліоновъ). Къ той же категоріи расходовъ надо причислить $15\frac{3}{4}$ милліоновъ министерства сельскаго хозяйства и 5 милліоновъ министерства промышленности и торговли. Остаются еще двѣ крупныя статьи: платежи по государственнымъ долгамъ, кромѣ желѣзнодорожныхъ, — $46\frac{1}{2}$ милліоновъ, и пенсіи — $49\frac{1}{2}$ милліоновъ. Прямая приплата Пруссіи къ имперскимъ расходамъ въ росписи показана въ $20\frac{1}{2}$ милліоновъ, но благодаря улучшеніямъ въ имперскомъ бюджетѣ она должна была вовсе исчезнуть.

Какъ по источникамъ своихъ доходовъ, такъ и по назначенію расходовъ, прусскій бюджетъ представляется совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ имперскій. Можно безъ преувеличенія сказать, что онъ самъ по себѣ если разсматривать его безъ связи съ имперскимъ, приближается къ идеалу государственнаго хозяйства, которое обрѣ-

меняетъ гражданина налогами только соответственно его достатку и употребляетъ средства населенія для увеличенія благосостоянія и просвѣщенія. И таковъ же характеръ коммунальныхъ бюджетовъ, играющихъ въ Пруссіи и въ остальной Германіи не меньшую роль въ осуществленіи цѣлей общегитія, чѣмъ государственный бюджетъ. По расчетамъ, основывающимся на данныхъ 80-хъ годовъ, расходы мѣстнаго самоуправленія достигаютъ 482 милліоновъ въ годъ, а теперь они, вѣроятно, превышаютъ 500 милліоновъ. Одинъ бюджетъ городовъ достигаетъ 350 милліоновъ. До реформы прусской податной системы, предпринятой Микелемъ въ 1891—93 гг., главными источниками мѣстныхъ бюджетовъ были: подоходный налогъ, взимаемый въ видѣ придатка къ государственному, но неоднократно въ нѣсколько разъ превышавшій его, квартирный, промысловый, налогъ на недвижимую собственность и собственныя земскія и городскія предпріятія, доходъ отъ которыхъ достигалъ 30—32 процентовъ всего бюджета. Кроме того, на основаніи такъ называемаго *lex Huene* (по имени депутата Гюне) значительная часть доли Пруссіи въ таможенныхъ пошлинахъ на хлѣбъ и скоть распредѣлялась между общинами, чтобы этимъ отнять у протекціонной политики ея ненавистный, анти-народный вкусъ.

Реформа Микеля по отношенію къ разграниченію государственныхъ, городскихъ и земскихъ финансовъ состояла въ томъ, что государство вовсе отказывается отъ поземельнаго, промысловаго и горнаго налога, составляющихъ вмѣстѣ около 100 милліоновъ въ годъ. Зато мѣстные бюджеты не получаютъ больше своей доли въ пошлинахъ на хлѣбъ и мясо (около 50 милліоновъ), отказываются отъ вниманія квартирнаго налога и обязываются не брать болѣе 100% подоходнаго налога, т.-е. не больше того, что беретъ государство. Безспорно,—это даетъ мѣстнымъ бюджетамъ болѣе прочный, чѣмъ прежній, базисъ. Въ общемъ итогъ доходы городовъ и сельскаго самоуправления также увеличились, т.-е. 100% нынѣшняго подоходнаго налога, основывающагося на принудительной деклараціи дохода и имѣющаго болѣе высокой тарифъ, приносятъ больше, чѣмъ 130—150% при прежнемъ порядкѣ.

Мы считали не лишнимъ привести эту краткую характеристику мѣстныхъ финансовъ, потому что только изъ сложенія имперскаго, территоріальнаго и мѣстныхъ бюджетовъ получается ясное представленіе о характерѣ податнаго бремени, назначеніи расходовъ и о всей постановкѣ общественнаго хозяйства въ Германіи. Недостаточно знать, напр., что въ Пруссіи государство отпускаетъ почти 90 милл. на цѣли просвѣщенія: на гимназіи, университеты, народныя школы, музеи и т. п., такъ какъ, если обратиться къ статистикѣ школьнаго учрежденія,

то окажется, что мѣстное самоуправленіе, кромѣ того, расходуетъ на народное образованіе болѣе 100 милл. въ годъ, а если, наконецъ, еще присоединить собственные доходы школъ всѣхъ видовъ, то окажется, что въ одной Пруссіи на народное образованіе ежегодно уходитъ болѣе 230 милліоновъ марокъ, т.-е. около 100 милліоновъ рублей,— и это въ странѣ съ населеніемъ вчетверо меньше нашего. Безспорно, что милитаризмъ, какъ онъ выступаетъ предъ нами въ бюджетѣ имперіи—тяжелое бремя для нѣмецкаго народа, и тѣмъ болѣе чувствительное, что источникомъ для покрытія военныхъ издержекъ служатъ пошлыны и косвенные налоги, падающіе на малоимущихъ; но при этомъ не надо забывать, что и зажиточное, и богатое населеніе въ Германіи, благодаря образцовой постановкѣ бюджетовъ отдѣльныхъ государствъ и общинъ, привлекается къ государственнымъ повинностямъ въ большей мѣрѣ, нежели это происходитъ во многихъ другихъ странахъ. Но вотъ чего никакъ нельзя не признавать, а именно, что эти „бѣдные нѣмцы“ тратятъ на культурныя цѣли, на просвѣщеніе народа, улучшение благосостоянія, общественную благотворительность, страхованіе работъ и т. д.—все-таки гораздо больше, чѣмъ на армію и полицію.

Берлинъ, 4 (16) декабря.

Г. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1896.

Итоги истекшаго года и предстоящіе труды.—„Забытыя слова“.—О „гибельныхъ послѣдствіяхъ“ законности и закономѣрности.—Законопостъ—„лакомое“ слово— для Петербурга, или для провинціи?—„Московскія Вѣдомости“ и г-нъ Н.—Нѣ сколько опасныхъ софизмовъ.—„Новости“ въ роли апологета.—Когда нарушители закона защищаютъ законность?

Истекшій 1895-й годъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые оставляютъ глубокой слѣдъ въ государственной или общественной жизни. Общее положеніе дѣлъ существенно не измѣнилось; въ личномъ составѣ высшаго управленія смерть Н. Х. Бунге оставила пробѣлъ, нелегко пополнимый. Бывшій предѣдатель комитета министровъ представлялъ собою лучшія административныя традиціи эпохи реформъ, пережитой Россіею на рубежѣ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Съ его именемъ связано все то, что было задумано, въ интересахъ народа, въ послѣдніе мѣсяцы жизни Александра II-го и отчасти осуществлено въ первые годы царствованія Александра III-го. Передавъ, съ 1887 г., играть активную роль въ государственномъ управленіи, онъ немного, съ тѣхъ поръ, могъ сдѣлать, но сравнительно многое могъ предупредить, сдержать, смягчить—и этому призванію онъ былъ вѣренъ до конца жизни. Другая крупная переимѣна—призваніе И. Л. Горемыкина на постъ министра внутреннихъ дѣлъ—совершилась такъ недавно, что о значеніи ея и результатахъ возможны пока только догадки.—Въ законодательныхъ актахъ минувшаго года не трудно замѣтить разнородныя теченія, изъ которыхъ съ большею ясностью и силой выступаетъ на видъ то одно, то другое. Желаніе облегчить податное бремя выразилось, между прочимъ, въ пониженіи страховой пошлины, въ отиѣнѣ пошлинъ съ наследства въ нисходящей линіи и между супругами, въ льготномъ, для нѣкоторыхъ случаевъ, исчисленіи крѣпостныхъ пошлинъ—только двѣ послѣднія мѣры внушены, кромѣ того, стремленіемъ помочь землевла-

дѣльцамъ, среднимъ и крупнымъ. Законъ, освобождающій земство отъ взносовъ на содержаніе мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденій, безспорно, улучшаетъ хозяйственное положеніе земства, хотя все еще носитъ на себѣ слѣды нѣкотораго недовѣрія къ нему, еще ярче высказавшагося въ разъяснительномъ циркулярѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ. Законъ, регулирующий наемъ рабочихъ на частные золотые и платиновые промыслы, ограждаетъ интересы рабочихъ, но нерѣшительно и не вполне достаточно. Законъ о всеобщей переписи, удовлетворяя давно назрѣвшую потребность, нѣсколько затрудняетъ разработку свѣденій, которыя дастъ перепись, на мѣстахъ, земскими статистическими органами. Ассигнованіе трехъ милліоновъ рублей на церковно-приходскія школы и школы грамоты расширяетъ непосредственное участіе государства въ затратахъ на начальное обученіе, но пока исключительно въ пользу одной категоріи училищъ. Именной указъ 13-го января, предоставляя академіи наукъ значительныя средства для оказанія помощи нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, признаетъ полезное значеніе временной печати—хотя она по-прежнему остается при „временныхъ“ правилахъ 1882 г., въ силу которыхъ распоряженіемъ четырехъ министровъ положенъ конецъ существованію „Русской Жизни“; безслѣдно, повидимому, проходятъ даже ходатайства нейтральнаго, въ политическомъ отношеніи, сѣзда дѣятелей по печатному дѣлу. Въ уставѣ женскаго медицинскаго института—одномъ изъ лучшихъ пріобрѣтеній минувшаго года—какъ бы диссонансомъ звучитъ закрытіе доступа въ институтъ для всѣхъ лицъ не-христіанскихъ исповѣданій. Настоящее, такимъ образомъ, не даетъ еще намъ прочныхъ основъ для сужденія о будущемъ.—Продолжительнымъ, однако, такое неопредѣленное положеніе быть не можетъ, такъ какъ на ближайшей очереди стоятъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ, въ томъ или другомъ смыслѣ, неминуемо должно открыть передъ нами тѣ или другія болѣе ясныя перспективы. Будетъ ли введенъ въ дѣйствіе лечебный уставъ 1893 г., отсрочка въ исполненіи котораго еще не рѣшаетъ окончательной его судьбы. Какія перемѣны будутъ внесены въ проектъ продовольственнаго устава, взятый назадъ, для пересмотра, новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ? Будутъ ли сняты ограниченія, которымъ въ послѣдніе годы подвергались земскія статистическія изслѣдованія, въ виду близости всенародной переписи—и будутъ ли, вообще, наложены какія-нибудь узы на земскую статистику? Какая роль будетъ отведена земству при преобразованіи мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ? Всѣ эти вопросы сводятся, въ сущности, къ одному, болѣе общему: *чѣмъ должно быть земство—зависимымъ и подчиненнымъ*

придаткомъ къ мѣстной администраціи, или самостоятельнымъ (но, конечно, не безконтрольнымъ) распорядителемъ въ области мѣстнаго хозяйства и представительствомъ мѣстнаго населенія? Въ первомъ случаѣ, слѣдуетъ ожидать не только сохраненія всѣхъ основъ земскаго положенія 1890 г., но и логическаго ихъ развитія, въ смыслѣ сокращенія и, если можно такъ выразиться, обезцвѣченія земскихъ функций, съ соответственнымъ обезличеніемъ земскихъ дѣятелей; во второмъ случаѣ, наоборотъ, неизбежно возвращеніе къ главнымъ началамъ положенія 1864 г. Еще важнѣе, съ занимающей насъ точки зрѣнія, дальнѣйшее движеніе двухъ работъ, предпринятыхъ еще въ 1894 г. — пересмотра судебныхъ уставовъ и пересмотра положеній о крестьянахъ. Первая изъ этихъ работъ не можетъ не коснуться существующаго раздвоенія судебной власти или, лучше сказать, изыатія изъ области суда огромной массы судебныхъ дѣлъ и значительно большей части населенія; не можетъ она обойти и другихъ отступленій отъ основныхъ положеній, во имя и подѣ влияніемъ которыхъ была осуществлена судебная реформа 1864 г. Пересмотръ положеній о крестьянахъ какъ разъ теперь вступаетъ въ тотъ фазисъ, когда предстоитъ опредѣлить *способъ* и *форму* его продолженія, сдѣлать выборъ между двумя путями — чисто-бюрократическимъ и общественнымъ, именно на этой почвѣ испытаннымъ уже тридцать-пять лѣтъ тому назадъ. По существу вопроса, дилемма ставится такъ: *замкнутость* крестьянства — или *общете* его съ другими классами населенія, признаніе или непризнаніе крестьянъ достигшими гражданскаго совершеннолѣтія. Въ тѣсной связи съ тѣмъ или инымъ отношеніемъ къ народной массѣ стоитъ, наконецъ, и назрѣвающій все болѣе и болѣе вопросъ о всеобщемъ начальномъ обученіи. Если крестьянство — такая же часть великаго цѣлага, какъ и всѣ остальные, то государство не можетъ, очевидно, сложить съ себя заботу о его образованіи и передать ее всецѣло въ руки одного духовнаго вѣдомства... Въ 1896 г. начнутся повсюду городскіе выборы или приготовленія къ нимъ, но о результатахъ пересмотра городского положенія 1892 г. ничего вѣрнаго неизвѣстно; между тѣмъ неудачные результаты послѣднихъ городскихъ выборовъ признаются всѣми — и обществомъ, и, надобно думать, самою администраціею; всего ярче это отразилось на ходѣ столичнаго городского хозяйства, скорѣе обратномъ, нежели поступательномъ...

Послѣднія строки, вышедшія изъ-подъ пера Салтыкова, какъ извѣстно, были посвящены *забытымъ словамъ*. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе шести лѣтъ — и только теперь слова, о которыхъ хотѣлъ напомнить почившій сатирикъ, едва начинаютъ выплывать изъ сгу-

стившагося вокругъ нихъ тумана. Достаточно, однако, было и слабыхъ проблесковъ свѣта, чтобы возбудить тревогу среди всѣхъ тѣхъ, кому былъ удобенъ и выгоденъ полумракъ. Нѣкій стражъ порядка, бодрствующій — а потому и называющій себя: *Vigilans* — на берегахъ Невы, сигнализируетъ, черезъ посредство „Московскихъ Вѣдомостей“, опасное возрожденіе моды на „лакомыя слова“. „Лакомыя слова“ — терминъ новый, но не ново понятіе, имъ означаемое; это все тѣ же „забытыя слова“ — свобода мысли, право, законность. Появленіе ихъ на нашемъ „умственномъ горизонтѣ“ повергаетъ въ трепеть „долго молчавшаго“ охранителя общественной тишины: онъ спѣшитъ процитировать старыя фразы о неразрывной связи между свободой личности — и анархизмомъ; правовымъ порядкомъ — и первымъ марта, и возстать противъ „доктринерскихъ идей“, приложеніе которыхъ къ дѣйствительности „можетъ породить явленія уродливыя и подчасъ даже гибельныя“. „Жупеломъ“ или „металломъ“, напугавшимъ г. „Бодрствующаго“, корреспондента московской газеты, оказались, на этотъ разъ, два слова: „законность“ и „закономѣрность“ — слова „безспорно почтенныя“, но „слишкомъ настойчиво“ повторяемыя, за послѣднее время, въ петербургскомъ обществѣ. „Привычное ухо“ г-на *Vigilans* слышитъ „въ этомъ повтореніи какую-то „фальшь“, между тѣмъ какъ оно кажется, наоборотъ, естественно и неизбежно. Нигдѣ не говорятъ о здоровьѣ такъ часто и такъ охотно, какъ въ комнатѣ больного, — конечно, если онъ не совсѣмъ безнадеженъ; никто не мечтаетъ о здоровьѣ такъ напряженно и такъ страстно, какъ самъ больной — и наоборотъ, никогда не думается о немъ такъ мало, какъ въ моментъ полного обладанія имъ. Рѣже всего, безъ сомнѣнія, о законности говорится, наприм., въ Англіи или Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, потому что господство закона не встрѣчается тамъ ни отрицанія въ теоріи, ни противодѣйствія на практикѣ; чаще всего на ней должна останавливаться мысль въ томъ обществѣ, гдѣ *nominalis* законности распространено хотя и слабо, но все же гораздо больше, чѣмъ ея *applicatio*. Не всегда, конечно, эта мысль высказывается прямо — по въ „скрытомъ состояніи“ (*à l'état latent*) она ничуть не менѣе „настойчива“, и формы проявленія ея зависятъ не столько отъ ея интенсивности, сколько отъ внѣшнихъ условій. Нѣсколько чаще, чѣмъ въ ближайшемъ прошломъ, слышны слова „законность“ и „закономѣрность“, г. *Vigilans* испытываетъ благородное негодованіе: „точно мы ихъ сейчасъ только открыли, — восклицаетъ онъ, — словно до сихъ поръ мы жили, не зная ни законности, ни закономѣрности“. Въ томъ-то и дѣло, что мы ихъ знали и знаемъ, но далеко не всегда видѣли и видимъ ихъ вокругъ себя. Приводить этому фактическія доказательства мы считаемъ на-

лишнимъ: они разсѣяны, а отчасти и сгруппированы въ цѣломъ рядѣ нашихъ прежнихъ обзорѣній ¹⁾). Что законность находилась и находится у насъ не въ авантажѣ — въ этомъ едва ли сомнѣвается и самъ г. *Vigilans*. Спорнымъ между нами является, въ сущности, не вопросъ о *существованіи* у насъ законности, а вопросъ о *правѣ ея на существованіе*, другими словами — о ея необходимости и цѣлесообразности. „Примѣненіе неправильно понятаго принципа законности, — читаемъ мы въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, — поведетъ къ тому, что высшаго администратора предадутъ суду за то, что онъ посадилъ въ холодную пьянаго банщика; что противъ градоправителя, обливашаго керосиномъ гнилую дычъ, лавочникъ начнетъ вчинять искъ объ убыткахъ; что, наконецъ, вамъ, если у васъ уйдетъ сотня рабочихъ въ страдную пору, будетъ предложено искать гражданскимъ порядкомъ съ этой гольтыбы ваши десятитысячные убытки, и всѣ эти иски и претензіи будутъ разрѣшены черезъ два, самое позднее — черезъ три года. Эти и еще многія другія премести судить намъ *системы управленія Россіей путемъ судебныхъ приговоровъ* (курсивъ въ подлинникѣ), которая неизбежно установилась бы у насъ при неправильномъ пониманіи идеи законности и законности“.

Въ этихъ словахъ отразилась цѣлая теорія, какъ нельзя болѣе характеристичная. Во имя чего, на какомъ основаніи, авторъ беретъ подъ свою защиту совершеніе дѣйствій, запрещенныхъ или недозволенныхъ закономъ? Появленіе въ публичномъ мѣстѣ пьянымъ до безобразія или до безпамятства, равно какъ и продажа испорченныхъ съѣстныхъ припасовъ, составляютъ проступки, наказуемые въ силу закона (уст. о наказ. налаг. миров. суд., ст. 42 и 115), и въ чрезвычайныхъ мѣрахъ для ихъ обузданія нѣтъ, слѣдовательно, никакой надобности. Никто не сомнѣвается, далѣе, въ правѣ полиціи задержать безчувственно или безобразно-пьянаго — впредь до его вытрезвленія, наложить арестъ на сомнительные съѣстные припасы — впредь до надлежащаго ихъ освидѣтельствованія. Не только „высшій администраторъ“ или „градоправитель“, но и гораздо болѣе скромный полицейскій агентъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи „законности“ способы къ огражденію безопасности, порядка и общественного здоровья. Обращеніе въ другимъ средствамъ, закономъ не предусмотрѣннымъ, представляется, поэтому, не только неправильнымъ съ формальной точки зрѣнія, но и ненужнымъ — а *возможность* обойтись безъ нихъ равносильна *обязанности* воздерживаться отъ ихъ употребленія. Уклоненіе съ законнаго пути можетъ быть оправдано только наличностью такъ называемой *force majeure*; при отсутствіи ея оно является просто

¹⁾ См., напримѣръ, Внутреннее Обозрѣніе въ № 1 „Вѣстн. Европа“ за 1895 г.

произволомъ, со всѣми его опасными послѣдствіями. Въ большемъ, какъ и въ маломъ, каждый въ благоустроенномъ государствѣ долженъ сознать себя огражденнымъ отъ „случайностей“, сопряженныхъ съ „усмотрѣніемъ“. Къ этому направлены, между прочимъ, всѣ процессуальныя гарантіи. Торговецъ, у котораго найдена сомнительной свѣжести дичь, имѣетъ такое же право на защиту, какъ и обвиняемый въ гораздо болѣе важномъ проступкѣ—а для осуществленія этого права необходимо, между прочимъ, чтобы *corpus delicti* оставался до суда или до судебного осмотра въ такомъ именно видѣ, въ какомъ онъ былъ въ моментъ возбужденія дѣла. Отсюда ясно, какого рода правонарушеніемъ представляется „облітіе дичи керосиномъ“. Даже „градоправитель“ можетъ впасть въ ошибку, можетъ увлечься раздраженіемъ противъ торговца, желаніемъ показать свою власть или другими, также мало одобрительными мотивами—а торговца это увлеченіе или ошибка лишаетъ не только принадлежащаго ему имущества, но и возможности доказать свою правоту передъ судомъ! „Пьяный банщикъ“, посаженный въ „холодную“, на самомъ дѣлѣ могъ быть вовсе не пьянымъ, а больнымъ (припомнимъ стихи поэта: „а несчастнаго отъ пьянаго не умѣютъ отличить“), или пьянымъ далеко не въ той степени, которая одна влечетъ за собою законную кару... Что касается рабочихъ, ушедшихъ съ работы въ страдную пору, то г. *Vigilans* не договариваетъ, какими „не-закономѣрными“ средствами могло бы быть замѣнено предъавленіе противъ нихъ гражданскаго иска. Вѣроятно, здѣсь имѣется въ виду насильственное возвращеніе рабочихъ къ хозяину и принужденіе ихъ работать (уголовное преслѣдованіе за самовольный уходъ представляется у насъ, въ настоящее время, мѣрой формально-законной). Если наша догадка вѣрна, —истинный смыслъ теоріи г-на *Vigilans* становится еще болѣе яснымъ. „Закономѣрность“ кажется ему стѣснительной и вредной тогда, когда она охраняетъ слабыхъ—въ ихъ отношеніяхъ къ сильному, бѣдныхъ—въ ихъ отношеніяхъ къ богатому, безвластныхъ—въ ихъ отношеніяхъ къ власти. Банщикъ—и высшій администраторъ, лавочникъ—и градоправитель, сотня рабочихъ—и землевладѣлецъ (конечно, крупный), къ которому она нанялась работать: какія безконечно различныя величины, и какъ негѣно считать ихъ равными между собою! А вѣдь закономѣрность, одной своей стороною, тѣсно связана съ равноправностью; если законъ одинаково обязателенъ для всѣхъ, то всѣ, *eo ipso*, равны передъ этимъ закономъ. Чтобы предупредить столь „чудовищную“ несообразность, нужно поставить *надъ закономъ* власть высшихъ его исполнителей, лишь бы только они пользовались ею въ заранѣе предопредѣленномъ направленіи и давали чувствовать ее тя-

жестъ преимущественно ¹⁾ *среднему и низшему роду* людей. Таковъ, очевидно, ходъ мысли, приводящій къ отрицанію законности и закономѣрности—или, что то же самое, къ такому ихъ толкованію, при которомъ отъ понятій остаются только пустые звуки.

Если вѣрить гг. „бодрствующимъ“ и предостерегающимъ,—*неправильное* (т.-е. единственно правильное) пониманіе законности и закономѣрности привело бы Россію къ „системѣ управленія путемъ судебныхъ приговоровъ“. Чѣмъ же объяснить, однако, что господство „превратныхъ“ понятій о законности оказывается, на самомъ дѣлѣ, вполне совмѣстимымъ съ обычнымъ типомъ управленія,—управленія административными распоряженіями, а не судебными приговорами? Какъ бы широка ни была компетенція судебной власти, судъ никогда не замѣняетъ собою администрацію, никогда не становится на ея мѣсто; онъ приходитъ въ движеніе лишь въ виду совершившихся фактовъ, по чьему-либо требованію или просьбѣ, между тѣмъ какъ администрація сама, если можно такъ выразиться, создаетъ факты, не ожидая, силошь и рядомъ, ничьей инициативы. Даже предоставленіе общему суду права непосредственно принимать жалобы на администрацію, не дѣлаетъ ее *зависимой* отъ суда подобно тому, какъ постоянною возможностью отвѣтственности передъ судомъ гражданскимъ и уголовнымъ, отнюдь не исключается самодѣятельность частныхъ лицъ. Судъ можетъ признать неправильными только такія дѣйствія администраціи, которыя содержатъ въ себѣ *нарушеніе* закона; въ его *примѣненіи* она сохраняетъ громаднѣйшій просторъ, такъ какъ именно въ сферѣ управленія законъ даетъ только общія нормы, не предусматривая и не регулируя деталей. Закономѣрность дѣйствій администраціи обезпечивается, притомъ, не только непосредственнымъ обращеніемъ потерпѣвшихъ къ суду, но и другими способами, изъ которыхъ иные знакомы и нашему законодательству. Эти способы болѣе или менѣе дѣйствительны, болѣе или менѣе совершенны, но они всѣ предполагаютъ *обязанность администраціи дѣйствовать согласно съ закономъ*. Такая обязанность нисколько не идетъ въ разрѣзъ съ назначеніемъ администраціи, не перемѣщаетъ центръ тяжести управленія, не стираетъ демаркаціонную черту между различными функціями власти. Призракъ „управленія путемъ судебныхъ приговоровъ“, которымъ пугаетъ своихъ читателей г. Vigilans, похожъ на привидѣніе, изображаемое съ по-

¹⁾ Мы говоримъ: *преимущественно*, а не *исключительно*, потому что и для „высшаго рода людей“, т.-е. для привилегированныхъ сословій, закономѣрность, какъ ее понимаютъ гг. Vigilans и К^о, является охраной далеко не всегда; чтобы пользоваться ею, нужно быть не только привилегированнымъ, но и „согласно мыслящимъ и чувствующимъ“—съ г. Vigilans.

мощью простыни; рассматриваемое вблизи, оно может возбудить только смѣхъ, а не ужасъ.

Особенно опасными слова: „законность“ и „закономѣрность“ кажутся г-ну *Vigilans* потому, что они звучатъ въ Петербургѣ. „Повсюду въ провинціи“—говоритъ онъ,—„гдѣ дѣйствительная жизнь стоитъ ближе, и гдѣ болѣе сильно ея здоровое, отрезвляющее вліяніе, такое временное увлеченіе словами всплыло бы на минуту и затѣмъ разсѣялось бы какъ мыльный пузырь. Но иное дѣло у насъ, въ Петербургѣ, въ царствѣ бумаги и чернилъ. Наша многотысячная чиновная среда удивительно восприимчива на всякое такого рода поверхностное міросозерцаніе“. Невѣренъ здѣсь, прежде всего, самый фактъ, отъ котораго отправляется авторъ. *Слышатся* непріятныя для него слова особенно часто, можетъ быть, въ Петербургѣ (и въ Москвѣ)—но это еще не значитъ, что здѣсь они всего чаще *прозвонятся* или *мыслятся*. Мы вполне убѣждены, что гораздо больше о нихъ думаетъ провинція, по той простой причинѣ, что она еще больше столицѣ страдаетъ отъ незаконности и незаконномѣрности; но высказывать свои думы она можетъ еще менѣе свободно, чѣмъ столица—и вотъ разгадка явленія, совершенно неправильно истолкованнаго корреспондентомъ московской газеты. Чѣмъ ближе провинція стоитъ къ дѣйствительной жизни, чѣмъ сильнѣе она чувствуетъ ея вліяніе, тѣмъ яснѣе она должна сознавать, что это вліяніе—далеко не всегда „здоровое“, и что ненормальныя его стороны обуславливаются отчасти именно недостаткомъ законности и законномѣрности. Провинція служитъ театромъ дѣятельности учреждений, всего чаще подающихъ примѣръ неуваженія къ закону; провинція видитъ во-дѣлю такія сцены, которыя если и происходятъ въ столицахъ, то не иначе, какъ при закрытыхъ дверяхъ; провинція лишена, сплошь и рядомъ, даже возможности высказать голосъ противъ правонарушеній, отъ которыхъ она прямо или косвенно страдаетъ. Неудивительно, что больше всего восприимчивы къ „забытымъ словамъ“ представители провинціи—губернскіе и уѣздныя земскія собранія. Менѣе всего восприимчива къ нимъ, наоборотъ, столичная „чиновная среда“ рассматриваемая какъ одно цѣлое. Подозрѣнія г-на *Vigilans* вѣскольکو запоздали; идеалъ нашей новѣйшей бюрократіи—un gouvernement fort, въ специфически французскомъ смыслѣ слова, а для силы, такимъ образомъ понимаемой, законномѣрность—скорѣе помѣха, чѣмъ опора. И теперь, конечно, между должностными лицами есть приверженцы прежнихъ лучшихъ традицій,—но не они обыкновенно даютъ тонъ „чиновной средѣ“... Страхъ, наведенный на г-на *Vigilans* „забытыми словами“, объясняется, въ сущности, вовсе не мѣстомъ, гдѣ они произносятся, а смутнымъ сознаниемъ, что они произносятся не безъ причины и проходятъ не

безслѣдно. Напрасно онъ старается скрыть свое смущеніе и отвести глаза читателямъ, называя законность и законмѣрность *лакомыми* словами; онъ не можетъ не понимать, что выбранный имъ эпитетъ гораздо больше подходитъ къ такимъ словечкамъ, какъ „охраненіе“ именно дворянскаго землевладѣнія, *удешевленіе* такового же кредита, *поощреніе* такового же хозяйства и службы...

По странному совпаденію обстоятельствъ, неотразимо сильный доводъ противъ аргументаціи г. Vigilans мы находимъ въ той самой газетѣ, въ которой онъ прокричалъ свое: „Sentinelles, veillez“! Въ № 326 „Московскихъ Вѣдомостей“ напечатано письмо г. N., озаглавленное: „Кавказскіе духоборы“. О томъ, что на Кавказѣ произошли какія-то необычныя событія, объектомъ которыхъ были именно духоборцы, давно уже носились слухи, нашедшіе отголосокъ въ нашей ноябрьской хроникѣ; но связнаго разсказа объ этихъ событіяхъ въ русской печати, до письма г. N., не появлялось. Мы заимствуемъ изъ него только то, что имѣетъ прямое отношеніе къ занимавшему насъ выше вопросу. Послѣ смерти „духоборческой богородицы“, Лукерьи Васильевой, — разсказываетъ г. N., — осталось весьма значительное имущество, на самомъ дѣлѣ принадлежавшее духоборческой общинѣ, но съ формальной точки зрѣнія составлявшее личную собственность покойной и закрѣпленное судомъ за ея наслѣдниками. Отсюда несогласія между духоборцами, изъ которыхъ одни — жители селенія Гореловки — признавали наслѣдственные права братьевъ Васильевой и считали излишнимъ избраніе, на ея мѣсто, новаго „духоборскаго владыки“, а другіе, иначе смотрѣвшіе на свойство спорнаго имущества, выбрали въ преемники Васильевой Петра Веригина, „человѣка безо всякаго образованія, но не глупаго отъ природы“ и усвоившаго себѣ ученіе гр. Л. Н. Толстого. Противники Веригина, „народъ денежный и поддерживаемый мѣстной администраціей“, начали „изыскивать средства, чтобы такъ или иначе покончить съ Веригинымъ“. Безъ сомнѣнія, — говоритъ г. N., — такія явленія въ жизни кавказскихъ духоборовъ не могли быть оставлены безъ вниманія людьми власть имѣющими. Тотъ же Веригинъ имѣетъ настолько здраваго смысла, чтобы понимать истинное значеніе государственной власти и предѣлы этой власти, а потому можно было внушить ему, что, ради его личнаго благополучія (Веригинъ не изувѣръ), расколъ среди духоборовъ не долженъ выходить изъ рамокъ обыкновенной легальной борьбы; а духоборы — народъ дисциплинированный, умѣющій безпрекословно повиноваться приказаніямъ своего духовнаго главы... Начальство, въ теченіе послѣдняго полу столѣтія, игнорировало существованіе духоборовъ, при условіи

тишины, спокойствія и отбыванія положенныхъ государственныхъ повинностей; слѣдовательно, продолжить этотъ порядокъ вещей еще на десять-двадцать лѣтъ было бы мѣрой строго логическою, не ставя, безъ надобности, сотни людей въ положеніе мучениковъ и не воскресшая въ жизни уже потухавшій естественнымъ путемъ народный фанатизмъ. Но гореловцы рѣшили дѣло иначе,—имъ удалось добиться отъ администраціи рѣшительныхъ мѣръ: Веригина, какъ вреднаго человѣка, выслали административнымъ порядкомъ въ городъ Колу, и эта мѣра окончательно свела съ ума его приверженцевъ, то-есть значительное большинство кавказскихъ духоборовъ¹⁾. Начались „паломничества“ въ Колу, откуда „паломники“ привозили съ собою предписанія въ родѣ слѣдующихъ: „чиновникамъ взатокъ не давать, водки не пить, съ женами три года не жить, ближняго не убивать; нѣтъ начальства, кромѣ Бога“. Духоборцы, подъ вліяніемъ этихъ предписаній, сожигаютъ имѣвшееся у нихъ оружіе, запрещаютъ сыновьямъ своимъ, находящимся въ военной службѣ, брать въ руки ружье, не снимаютъ шапокъ при встрѣчѣ съ начальствомъ, отказываются платить подати, предоставляя, впрочемъ, полиціи брать сколько слѣдуетъ изъ ихъ общественной кассы. Въ результатѣ,—говоритъ г. Н.,—„получается бунтъ, вся сила котораго заключается въ его пассивности. Во время предварительныхъ военныхъ экзекуцій, когда казаки нагайками сгоняли народъ на сходки для вразумленія ихъ мѣстнымъ начальствомъ, духоборы только и говорили, что они желаютъ пострадать за вѣру... Власть превратила простолюдина въ изувѣра, готоваго жертвовать жизнью ради какихъ-то чисто химерическихъ заблужденій своего духовнаго пастыря, когда эти идеи боются дневного свѣта и лопаются, какъ мыльные пузыри, при соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Стоило ли изъ-за этой траги-комедіи разорять если не тысячи, то сотни семей русскихъ пионеровъ въ Закавказскомъ краѣ¹⁾? И кому же перейдетъ ихъ разоренное пепелище? Конечно, армянамъ, выходцамъ изъ предѣловъ азіатской Турціи, которые хлопочутъ о чемъ хотите, но только не объ интересахъ русскаго государства“...

Особенное вниманіе обращаетъ на себя выраженіе г. Н.: „во время предварительныхъ военныхъ экзекуцій“. Развѣ были еще экзекуціи окончательныя? Какимъ закономъ могли быть предусмотрѣны тѣ и другія? Въ оправданіе экстраординарныхъ административныхъ распоряженій ссылаются, обыкновенно, на ст. 340 улож. о нак., по которой не считается превышеніемъ власти принятіе должностнымъ лицомъ чрезвычайной, болѣе или менѣе рѣшительной мѣры, если она *est videtur* со-

¹⁾ Раньше въ письмѣ г. Н. идетъ рѣчь объ административной „разсылкѣ“ духоборцевъ (въ числѣ, которое одни опредѣляютъ въ 6.000, другіе въ 2.000, третьи—въ 800) по разнымъ „медвѣжьимъ угламъ“ закавказскаго края.

сударственной пользы была необходима и неотложна. По отношенію къ „предварительной военной экзекуціи“ (объ окончательной мы не говоримъ, потому что о ней г. Н. прямо не упоминаетъ) не было на лицо ни одного изъ этихъ трехъ условий. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить необходимость *снять* людей для *вразумленія*, другими словами, необходимость приступа съ *насилиемъ* къ такой мѣрѣ, которая должна имѣть характеръ исключительно *нравственнаго воздѣйствія*. Если кого-нибудь хотятъ *вразумить*, т.-е. разъяснить ему его ошибку, направить на путь истинный, то нельзя же начинать съ возбужденія въ немъ *страха*, притупляющаго *способность*, или *лѣнь*, уменьшающаго *готовность* воспринимать вразумленіе. Вразумленіе—та же проповѣдь, только апеллирующая не столько къ чувству, сколько къ разуму; а не трудно представить себѣ шансы успѣха проповѣдника, слушатели котораго были бы приведены къ подножію его кафедръ съ помощью *насилія*! Еще меньше можетъ быть рѣчь о „неотложности“ вразумленія, разъ что въ средѣ лицъ, ему подлежащихъ, господствуетъ невозмутимое спокойствіе, и самое *противодѣйствіе* власти остается *вполнѣ пассивнымъ*. Что касается до „сударственной пользы“, то на эту сторону дѣла бросаютъ достаточно яркій свѣтъ послѣднія слова приведенной нами цитаты... Не менѣе цѣнной иллюстраціей къ вопросу о значеніи „закономѣрности“ является и первоначальный поводъ къ движенію среди *кавказскихъ* духоборцевъ, окончившемуся столь печально. Въ обыкновенномъ, законномъ порядкѣ, Веригинъ не подлежалъ бы никакой карательной мѣрѣ—а еслибы онъ остался у себя дома, то не было бы, по всей вѣроятности, никакихъ новшествъ въ ученіи духоборцевъ, не было бы и вызванныхъ ими волненій; вѣдь всѣ „предписанія“, изъ-за которыхъ понадобилось „вразумленіе“, были присланы изъ Козы... Весьма характеристичны, далѣе, обстоятельства, предшествовавшія *высылкѣ* Веригина. Въ борьбу духоборскихъ партій замѣшались, по словамъ г. Н., „обыкновенныя *человѣческія* страсти, мелочныя и зачастую грязныя. Слабѣйшій непременно хочетъ торжествовать побѣду, а потому приискиваетъ себѣ союзниковъ на сторонѣ. Такихъ союзниковъ гореловскіе духоборы скоро обрѣли въ рядахъ „низшей и средней мѣстной администраціи“. Особенно опасными подобныя усложненія становятся именно тогда, когда дѣло вступаетъ на путь *въ-законный*. Противъ преслѣдуемаго соединяются здѣсь, хотя и по совершенно различнымъ мотивамъ, и должностныя, и частныя лица,—а онъ остается одинъ, безпомощный и беззащитный. Рѣшеніе, постановленное въ тайнѣ и безъ выслушанія обвиняемаго, слишкомъ легко,—вопреки намѣренію лицъ, его постановившихъ,—можетъ обратиться въ орудіе мести или корыстнаго расчета...

Любопытны нѣкоторыя оговорки, сдѣланныя редакціей „Москов-

скихъ Вѣдомостей“ къ сообщенію г. Н. „Нѣкоторые изъ противниковъ Веригина“ — говоритъ г. Н. — „увѣряютъ, что онъ совершилъ своего рода паломничество въ Ясную Поляну, гдѣ, въ личныхъ бесѣдахъ съ маститымъ философомъ, почерпнулъ все то, что ему требовалось для своего обихода. Конечно, все это сплетни: для Веригина было довольно праздношатающагося шалопая, познакомившаго его, по своему, съ сущностью философскихъ ученій Толстого“. Въ подстрочной выносѣ къ этимъ словамъ редація московской газеты считаетъ нужнымъ замѣтить, что для нея „вопросъ о паломничествѣ Веригина въ Ясную Поляну все-таки остается неяснымъ“. Словамъ г. Н., что идеи, волнующія духоборцевъ, боятся дневного свѣта, „Московскія Вѣдомости“ противопоставляютъ примѣръ „интеллигентныхъ толстовцевъ“, которые, ниѣмъ не преслѣдуемые, остаются, однако, „въ своемъ омраченіи, распространяя его и на Веригинныхъ“. Очевидно, московская газета жалѣетъ не о томъ, что административной карѣ подверглись Веригинъ и его послѣдователи, а о томъ, что ей не подверглись и не подвергаются Л. Н. Толстой и „интеллигентные толстовцы“... Противъ мнѣнія г. Н., что всего лучше было бы не трогать еще лѣтъ десять-двадцать положеніе вещей, сложившееся у духоборцевъ за послѣдніе полвѣка, „Московскія Вѣдомости“ возражаютъ, что высылка Веригина состоялась по требованію общества или, по крайней мѣрѣ, того меньшинства, которое отрѣшилось отъ своихъ прежнихъ заблужденій—а право требовать высылки одного изъ своихъ членовъ „имѣетъ по закону всякое крестьянское общество“. Волѣе чѣмъ странное впечатлѣніе производитъ, въ устахъ ожесточенныхъ противниковъ законности, ссылка на законъ, напоминающая извѣстный стихъ: *le diable lui aussi peut citer l'Écriture!* Неожиданности ея появленія вполне соотвѣтствуетъ ея неумѣстность. Право требовать высылки одного изъ своихъ членовъ принадлежитъ, во-первыхъ, *крестьянскому* обществу, составляющему *законно-организованное* цѣлое — а общество или община *духоборцевъ* въ глазахъ закона вовсе не существуетъ. За ссылку по приговору общества должно, во-вторыхъ, высказаться *большинство* *двухъ третей* *всѣхъ членовъ* *схода*, а за высылку Веригина стояло, какъ признаютъ и „Московскія Вѣдомости“, только *меньшинство*—можетъ быть, очень благонамѣренное, но все-таки меньшинство. Гореловцы, въ-третьихъ, только *хлопотали* о высылкѣ, а *рѣшена* она была администраціей, вовсе не въ томъ порядкѣ, какой установленъ для ссылки вредныхъ и *порочныхъ* членовъ крестьянскихъ обществъ. О *порочности* Веригина не было, наконецъ, и рѣчи, а *среднимъ* если онъ до ссылки и былъ, то во всякомъ случаѣ не для большинства своихъ со-общественниковъ. Совершенно непонятно, такимъ образомъ, зачѣмъ „Московскія Вѣдомости“ заговорили

о законѣ: вѣдь съ ихъ точки зрѣнія законность — обуза и препона, которую администрація, по своему усмотрѣнію, не только можетъ, но и должна откладывать въ сторону...

Въ пользу примѣненія административно-карательныхъ мѣръ, не предусмотрѣнныхъ закономъ, многими приводится иногда то соображеніе, что одно сознаніе возможности такихъ мѣръ имѣетъ сдерживающее вліяніе на населеніе. Это едва ли подтверждается опытомъ. Въ холерное лѣто 1892 г., административно-карательныя мѣры противъ виновниковъ беспорядковъ были въ большомъ ходу, и это было очень хорошо извѣстно жителямъ приволжскихъ губерній; тѣмъ не менѣе беспорядки повторились въ разныхъ мѣстахъ неоднократно, по той простой причинѣ, что для нихъ слишкомъ хорошо была подготовлена почва невѣжествомъ народа и недоувѣріемъ его къ администраціи ¹⁾. Страхъ наказанія—все равно, налагается ли оно по суду или по административному распоряженію—крайне недостаточная гарантія противъ преступленій, особенно совершаемыхъ массами, въ силу внезапнаго порыва, въ какомъ-то ослѣпленіи, на половину безсознательно. Весьма часто отъ административной расправы, предпринимаемой второпяхъ и безъ разбора, ускользаютъ именно руководители и зачинщики движенія, ловко скрываясь за спиною своихъ случайныхъ сообщниковъ. Если прибавить къ этому, что примѣненіе административно-карательныхъ мѣръ, по самому ихъ свойству, осуществимо только послѣ восстановленія спокойствія и, слѣдовательно, не можетъ быть рассматриваемо какъ средство къ прекращенію беспорядковъ (а тѣмъ менѣе—къ ихъ *предупрежденію*, такъ какъ кара предполагаетъ дѣйствіе уже совершившееся), то нельзя не признать, что на сторонѣ такихъ мѣръ нѣтъ даже преимуществъ практичности и цѣлесообразности. Гарантировать правильность ихъ примѣненія—если въ такомъ дѣлѣ позволительно говорить о правильности и гарантіяхъ—не можетъ и высокое іерархическое положеніе должностныхъ лицъ, по распоряженію которыхъ онѣ пускаются въ ходъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить дѣйствія казанскаго губернатора, раскрытыя сенаторскою ревизіей 1880 г., или весьма недавнія Execuціи въ орловской губерніи, аналогіи которымъ наститый поэтъ Я. П. Полонскій не могъ подыскать даже въ своихъ воспоминаніяхъ о звѣрствахъ крѣпостной эпохи ²⁾... Произволъ опасенъ, между прочимъ, именно потому, что онъ не совмѣстенъ ни съ какими гарантіями и угрожаетъ всѣмъ основамъ нормальнаго

¹⁾ Къ аналогичнымъ выводамъ приводитъ исторія беспорядковъ, сопровождавшихъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, введеніе въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ а также исторія еврейскихъ погромовъ въ восьмидесятныхъ годахъ.

²⁾ См. Общества. Хронику въ № 11 „В. Европа“ за 1896 г.

общественнаго быта. Когда идетъ рѣчь, напримѣръ, о судебно-уголовной карѣ, всё безъ изъятія согласны съ тѣмъ, что она примѣнима только къ *виновнымъ*, т.-е. къ лицамъ, виновность которыхъ въ преступленіи или проступкѣ *достаточно доказана*; но когда рѣчь идетъ о карахъ административныхъ, то слишкомъ часто и слишкомъ легко является мысль о распространеніи ихъ, въ случаѣ *необнаруженія виновныхъ*, или на могущихъ быть виновными, или на *наиболѣе вѣроятныхъ* лицъ данной мѣстности. Удивительно ли, въ виду всего этого, что въ обществѣ усиливается и распространяется сознание благъ, обезпечиваемыхъ *законностью и закономѣрностью*?

Къ сожалѣнію, самыя очевидныя истины воспринимаются иногда крайне туго и понимаются неясно. Въ статьѣ „Новостей“ (№ 339), озаглавленной: „Отклики“, и перечисляющей заслуги бывшаго с.-петербургскаго градоначальника, мы прочли слѣдующее мѣсто: „неизбѣжны въ житейскомъ обиходѣ мѣры *обузданія и пресѣченія*, никогда и нигдѣ не пользующіяся симпатіями въ обществѣ, часто заслоняютъ собою самую полезную, самую плодотворную дѣятельность градоначальника. Справедливость требуетъ отдѣлять въ подобной крайне трудной и отвѣтственной дѣятельности положительную, такъ сказать, созидательную работу отъ всего случайнаго, преходящаго, руководствуясь пословицей: гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ“.—Каковы были мѣры *обузданія и пресѣченія*, которыя принимались въ столицѣ недавно,—объ этомъ мы не разъ уже бесѣдовали съ нашими читателями ¹⁾: они не забыли еще, быть можетъ, такихъ случаевъ, какъ взысканіе присужденнаго судомъ штрафа *до* вступленія приговора въ законную силу; принятіе противъ дворника, оскорбившаго жильцовъ, высшей мѣры пресѣченія, установленной для наиболѣе важныхъ преступленій (заключеніе подъ стражу на все время судебного разбирательства); высылка извозчика изъ столицы за неотработку полученныхъ впередъ 30 копѣекъ; оштрафованіе тремястами руб. хозяевъ извозчика, напившагося пьянымъ во время ѣзды; содержаніе извозчиковъ, за неосторожную ѣзду, въ *темномъ* карцерѣ или на *хлѣбъ и водѣ*; и т. п. Обо всемъ этомъ мы уже говорили, а потому повтораться не будемъ. Но нужны совсѣмъ особыя очки, чтобы видѣть въ подобныхъ мѣрахъ нѣчто *неизбѣжное*. Для „обузданія“ и „пресѣченія“, гдѣ они дѣйствительно необходимы и насколько они необходимы, законъ облагаетъ полицію вполне достаточною властью; выходитъ за ея пре-

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 11 „В. Европа“ за 1893 г. и № 2 за 1894 г., Обществ. Хроника въ № 12 за 1894 г.

дѣлы, и въ особенности выходить такъ далеко, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, она — говорили мы неоднократно — не имѣетъ ни основанія, ни серьезнаго повода. Считать проступкомъ дѣйствіе, закономъ не запрещенное, наказывать за чужую вину, ставить личное усмотрѣніе выше судебного приговора, пускать въ ходъ, вмѣсто общеустановленныхъ взысканій, произвольныя карательныя мѣры, явно несоотвѣтствующія характеру и степени вины — значить, не только нарушать права отдѣльныхъ лицъ, но и колебать безъ того уже слишкомъ мало распространенное у насъ уваженіе къ закону, поощрять безъ того уже чрезчуръ свойственное нашему обществу пренебреженіе къ беззащитнымъ и слабымъ. Выходить, что „какой-нибудь“ извозчикъ, „какой-нибудь“ дворникъ — вѣдь это не болѣе какъ „щепки“, судьба которыхъ совершенно безразлична, лишь бы только были хорошо нарублены дрова, т.-е. хорошо ограждены интересы другихъ общественныхъ классовъ! Дворникъ оскорбилъ жильца, извозчикъ обсчиталъ сѣдока — этого довольно, чтобы толпа жильцовъ и сѣдоковъ рукоплескала всякой крутой расправѣ съ „преступникомъ“; но не на точку зрѣнія такой толпы должна становиться власть, созданная для охраненія закона. Обида, обманъ, неосторожная ѣзда, неисполненіе санитарныхъ правилъ — всѣ эти проступки предусмотрѣны закономъ, опредѣляющимъ какъ порядокъ ихъ преслѣдованія, такъ и степень отвѣтственности виновнаго. Если этотъ порядокъ признается неудобнымъ, эта отвѣтственность — недостаточной, ничто не мѣшаетъ возбудить вопросъ объ измѣненіи закона; но нельзя выхватывать нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ изъ массы другихъ, совершенно однородныхъ, и примѣнять къ нимъ, безъ правильнаго разбора, какія-то экстраординарныя, ad hoc устанавливаемыя взысканія. Господствующая роль, при такомъ образѣ дѣйствій, неминуемо принадлежитъ случаю, настроенію власть имѣющаго лица и его подчиненныхъ, общественному положенію жалобщика, обстоятельствамъ, при которыхъ возникло дѣло, и т. п. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ приказъ бывшаго градоначальника, отъ 4-го минувшаго декабря, изданный за два дня до оставленія имъ должности. Въ этомъ приказѣ, кромѣ частныхъ распоряженій о сложеніи штрафа и объ отмѣнѣ запрещенія (быть дворникомъ), мы встрѣчаемъ слѣдующее общее постановленіе: „признавая возможнымъ отмѣнить *est* распоряженія мои о воспрещеніи различнымъ лицамъ занимать должности приказчиковъ различнаго рода торговыхъ заведеній, поручаю гг. приставамъ объявить объ этомъ всѣмъ лицамъ, подвергшимся подобнаго рода взысканіямъ за нарушеніе обязательныхъ постановленій и другихъ правилъ“. Связать эту мѣру съ предстоявшимъ выходомъ градоначальника невозможно,

такъ какъ амнистія—хотя бы и для одного Петербурга и для одной категоріи лицъ—очевидно превышала бы власть градоначальника. Затѣмъ, остается одно изъ двухъ: или—для воспрещеній, отиѣненныхъ приказомъ 4-го декабря, съ самаго начала не было достаточныхъ основаній; или—такія основанія имѣлись на лицо. Въ первомъ случаѣ были неправильны и произвольны самыя воспрещенія; во второмъ—неправильна и произвольна ихъ отиѣна. Еслибы взято было назадъ какое-нибудь одно отдѣльное распоряженіе, это можно было бы объяснить обнаруженіемъ ошибки, его вызвавшей, но къ огульной отиѣнѣ цѣлаго ряда однородныхъ мѣръ—такое объясненіе непримѣнимо. Чтобы воспретить кому-нибудь исполненіе должности привазчика, нужно было предварительно удостовѣриться въ томъ, что онъ пользуется ею ко вреду покупателей, обиѣриваетъ, обсчитываетъ, продаетъ недоброкачественный товаръ и т. п.; чѣмъ же оправдать предоставленіе такимъ лицамъ—безъ удостовѣренія въ ихъ невиновности—возможности опять приняться за прежнія предосудительныя дѣйствія? Не слышится ли тутъ наша старинная формула: „хочу—казню, хочу—милую“, которую можно было считать похоронною въ одной могилѣ съ крѣпостнымъ строемъ?

Мы видѣли уже выше, по поводу высылки Веригина, какъ забавна бываетъ реакціонная печать, когда считаетъ нужнымъ заговорить объ уваженіи къ закону. Такое же комическое впечатлѣніе производятъ ея не смолкающіе вопли о незаконности земскихъ ходатайствъ, направленныхъ къ ограниченію или отиѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Рекомендуемъ, съ этой точки зрѣнія, послѣднее (декабрьское) внутреннее обозрѣніе, въ московскомъ журналѣ „Русское Обозрѣніе“, переполненное такими, напримѣръ, варіаціями на старую тему, заграничную „Московскими Вѣдомостями“: „ратуя на словахъ постоянно за законность, земскія учрежденія своими неумѣстными ходатайствами первыя показываютъ примѣръ сознательнаго неуваженія къ закону, такъ какъ, что ни говори, а вѣдь нельзя же думать, будто земскіе дѣятели не знаютъ, что они призваны заниматься лишь мѣстными хозяйственными дѣлами, а отнюдь не обсуждать общественные вопросы“. Всѣ остальные доводы автора—такого же калибра; онъ повторяетъ избытныя клишѣ объ „ограниченномъ умѣ подданныхъ“ (право разсуждать о тѣлесныхъ наказаніяхъ признается, кромѣ специалистовъ по уголовному праву, только за „государственными дѣтелями, могущими охватить вопросъ во всемъ его объемѣ“, и удивляется „безнаказанности“ предводителей, допускающихъ обсужденіе запретнаго вопроса. Плохую услугу оказываютъ подобныя „добровольцы“ даже авто-

ритету власти, непрошенными хранителями котораго они выступают. „Представьте себѣ,—говоритъ авторъ названнаго нами обозрѣнія,— что въ правительственной средѣ само собою созрѣло сознаніе о необходимости отмѣны тѣлеснаго наказанія по приговору волостныхъ судовъ; въ этомъ случаѣ земская агитація, конечно, можетъ не облегчить, а лишь затруднить положеніе, такъ какъ отмѣна тѣлеснаго наказанія послѣ агитаціи могла бы быть принята, какъ уступка *движенію* и, конечно, лишь вызвала бы подобныя движенія и по другимъ государственнымъ вопросамъ, т.-е. неожиданно фактически создала бы у насъ нѣкую *конституцію*“. Итакъ, правительство признается способнымъ не принимать извѣстной мѣры, по его мнѣнію, необходимой, только потому, что такое же мнѣніе выражено и обществомъ! Очевидно, авторъ не понимаетъ, какія логическія заключенія вытекаютъ изъ защищаемыхъ имъ посылокъ... Въ основаніи всякаго ходатайства объ измѣненіи чего-либо существующаго лежитъ предположеніе, что эта перемѣна еще не предрѣшена въ правительственныхъ сферахъ. Если такое предположеніе ошибочно, если перемѣна принята въ принципѣ и близка къ осуществленію, ходатайство является излишнимъ,—не болѣе; въ противномъ случаѣ, оно можетъ принести существенную пользу, выясняя цѣлесообразность желаннаго рѣшенія и способствуя устраненію задерживающихъ его недоразумѣній. Нельзя же утверждать серьезно, что земство кое-что смыслить только въ „вопросахъ колокольни“, а за ихъ предѣлами неизбѣжно и фатально заблуждается, стремясь либо къ несбыточному, либо къ вредному для государства...

Еслибы со стороны господъ, упорно ограничивающихъ свой кругозоръ формулою: „Чего изволите“ или „Какъ прикажете“, — мыслимо было сознаніе въ ошибкѣ, мы обратили бы вниманіе „Русскаго Обозрѣнія“ на нѣсколько фактовъ, которые не могли ему быть извѣстны во время печатанія декабрьской книжки. Въ пользу отмѣны тѣлеснаго наказанія высказалось недавно *учрежденіе чисто административнаго характера*, въ губерніи *не-земской* — коммиссія, образованная при кievскомъ губернаторѣ для обсужденія предположенныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ измѣненій въ законодательствѣ о крестьянахъ. Въ лукояновскомъ (нижегородской губерніи) уѣздномъ земскомъ собраніи предложеніе возобновить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія было сдѣлано (но предсѣдателемъ не допущено къ обсужденію) *священникомъ* Миловскимъ, т.-е. не выборнымъ, а назначеннымъ членомъ собранія. Въ тамбовскомъ губернскомъ земскомъ собраніи за законность подобнаго ходатайства подаль голосъ Б. Н. Чичеринъ, котораго уже, конечно, нельзя заподозрить въ неуваженіи къ закону, агитаціонныхъ стремленій или какихъ бы

то ни было „измахъ“. Другой тамбовскій гласный, В. И. Комсннъ, указалъ на то, что губернаторъ, открывая собраніе, предложилъ ему ходатайствовать объ измѣненіи продовольственнаго устава, въ смыслѣ разрѣшенія засыпать въ запасные магазины вмѣсто одного хлѣба другой. По справедливому замѣчанію г. Комсина, это послѣднее ходатайство касается порядка, обязательнаго не для одной тамбовской губерніи, и слѣдовательно столь же незаконно—или столь же законно,—какъ и ходатайство объ отмиѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Губернское собраніе, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ трехъ (кн. Цертелева, графа Толстого и г. Жемчужникова), постановило, согласно предложенію Б. Н. Чичерина, принести жалобу на бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, собственною властью, безъ внесенія дѣла на разрѣшеніе комитета министровъ, отклонившаго прошлогоднее ходатайство собранія по вопросу о тѣлесномъ наказаніи. Въ нижегородскомъ губ. земскомъ собраніи только пять гласныхъ (въ томъ числѣ не безызвѣстные гг. Хотяинцевъ и Обтяжновъ) отстранились отъ обсужденія аналогичнаго ходатайства, находя его относящимся къ „общегосударственному вопросу, а всѣми остальными членами собранія принято слѣдующее постановленіе: „если правительство не признаетъ за земствомъ права на возбужденіе ходатайства объ отмиѣнѣ вообще тѣлеснаго наказанія, то, выразивъ глубокое и единодушное желаніе этой отмиѣны, возбудить ходатайство объ отмиѣнѣ этого вида наказанія для лицъ, окончившихъ курсъ въ низшихъ школахъ нижегородской губерніи“. Обсуждая этотъ вопросъ, нижегородскіе земцы имѣли въ виду, между прочимъ, интересныя цифровыя данныя, показывающія, что въ нижегородской губерніи быстро понижается какъ число постановленныхъ, такъ и число исполненныхъ приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи (съ 1-го сентября 1890 по 1-е января 1892 г. первыхъ было 1.899, послѣднихъ—873, въ 1892 г.—979 и 403, въ 1893 г.—553 и 208, въ 1894 г.—540 и 154). Въ этихъ цифрахъ земское собраніе усмотрѣло, и совершенно правильно, новый аргументъ въ пользу своего ходатайства, такъ какъ онѣ свидѣтельствуютъ о распространеніи въ средѣ населенія сознанія бесполезности тѣлеснаго наказанія. Совершенно иначе толкуетъ ихъ „Русское Обзоріе“, находя, что если случаи примѣненія тѣлеснаго наказанія становятся, сами собою, все рѣже и рѣже, то нѣтъ надобности возбуждать общій вопросъ о его отмиѣнѣ. Не говоримъ уже о томъ, что этотъ доводъ непримѣнимъ къ другимъ губерніямъ, въ которыхъ число тѣлесныхъ наказаній понижается медленно, или совсѣмъ не понижается: даже въ нижегородской губерніи *ездь ли замѣтно пониженіе, вездѣ ли оно идетъ болѣе или менѣе одинаковымъ ходомъ? Не падаютъ ли общія цифры только благодаря тому, что въ нѣкоторыхъ участкахъ тѣлес-*

ное наказаніе не допускается' вовсе или почти вовсе? На возможность утвердительнаго разрѣшенія этого вопроса прямо указываютъ цифры, приведенныя нами, въ свое время, относительно губерній тверской и тульской ¹⁾). Легче ли несправедливо опозоренному человѣку отъ того, что въ сосѣднемъ уѣздѣ или участкѣ никто, можетъ быть, не подвергается такому позору? Или необходимо ждать наступленія того времени, когда вовсе исчезнетъ изъ среды земскихъ начальниковъ послѣдній сторонникъ грубѣйшаго вида уголовной расправы?

Если роль „рыцарей законности“ не къ лицу газетамъ и журналамъ, готовымъ оправдать и даже одобрить всякое властное неуваженіе къ закону, то что сказать о тѣхъ случаяхъ, когда въ этой роли выступаютъ прямые нарушители законнаго порядка? Мы видѣли, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, насколько стѣсняется закономъ земскій начальникъ арзамасскаго уѣзда (нижегородской губерніи) Д. В. Хотяинцевъ ²⁾)—и видимъ его теперь въ числѣ уклоняющихся отъ обсужденія ходатайства, будто бы несогласнаго съ закономъ. Для полноты картины желательно было бы знать, одно ли и то же лицо — г. Хотяинцевъ и земскій начальникъ арзамасскаго уѣзда Д. В. Х., о которомъ нижегородскій корреспондентъ „Самарской Газеты“ (№ 246) повѣствуетъ слѣдующее: „г-нь Д. В. Х. рѣшилъ построить для мужиковъ своего участка, въ с. Вадѣ, большой пріютъ, стоимостью въ нѣсколько тысячъ рублей. Крестьяне были противъ этого, такъ какъ они очень бѣдны, сами живутъ въ такихъ лачугахъ, въ которыхъ порядочная собака не сочла бы за особенное удовольствіе почевать“. Не обращая вниманія на настроеніе крестьянъ, г. Х. купилъ срубы для пріюта у богатаго мужика Халтурина и приказалъ собирать деньги для уплаты за срубы за постройку. Крестьянскія общества, скрѣпя сердце, подчинились тому приказанію, за исключеніемъ двухъ, самыхъ бѣдныхъ. Когда хранимыхъ денегъ, вслѣдствіе того, оказалось мало, г. Х. заставилъ крестьянъ „наработать“ на недостающую сумму: они обязывались дѣлать Халтурину дрова, а плата за доставку шла на постройку пріюта. Ѣздить за дровами приходилось на разстояніе 10, 15, 20 верстъ, по плохой дорогѣ, часто на слабосильныхъ лошадяхъ, дѣлая свое больше концевъ, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ.—„Да вы смѣетесь въ губернское присутствіе“,—говорили мужикамъ мѣстные дватели;—„тамъ не похвалятъ г. Х. за такія дѣла“.—„Да развѣ жпло на него жаловаться“—отвѣчали мужики:—„онъ вѣдь со свѣта

¹⁾ См. Внутр. Обзор. въ № 11 „В. Европы“ за 1893 г. и Общ. Хронику въ № 1 1895 г.

²⁾ За дѣйствія г. Хотяинцева въ с. Лопатинѣ и Солалелѣхъ (см. Обществ. Хро-ту въ № 10 „Вѣстн. Европы“ за 1895 г.) нижегородское губернское присутствіе мало ему выговоръ.

сживеть". Корреспонденція заканчивается слѣдующими словами: „вѣроятно, въ скоромъ времени въ нѣкоторой части печати появится статья о *лучшемъ въ Россіи земскомъ начальникѣ*, г. Х., который такъ любитъ мужиковъ, что построилъ имъ великолѣпный пріютъ, за что мужики со слезами умиленія благодарятъ своего благодѣтеля. Пусть все это появляется въ печати, мы уже знаемъ, какъ къ этому относиться—но мы надѣемся, что кромѣ восторженныхъ словъ будетъ нанечатанъ и подробный отчетъ на всѣ деньги, собранныя на пріютъ и вырученныя отъ перевозки лѣса. Интересно увидѣть этотъ отчетъ“.... И вотъ какіе дѣятели выступаютъ у насъ, на словахъ, защитниками закона и закономѣрности, и вотъ какіе бываютъ у насъ благотворители! Не мѣшало бы имъ вспомнить вѣчно юныя слова дѣдушки Крылова: „чѣмъ кумушекъ считать трудиться—не лучше-ль на себя, кума, оборотиться“...

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1896 г.

Политическія событія истекшаго года.—Правительственныя и министерскія перемѣны въ различныхъ государствахъ.—Внѣшняя и внутренняя политика отдѣльныхъ державъ.—Турецкій кризисъ и балканскія дѣла.—Положеніе дѣлъ въ Японіи.—Англо-американскій конфликтъ.

Въ началѣ истекшаго года выступила на сцену новая великая держава на дальнемъ Востокѣ, а годъ кончается рѣшительнымъ выступленіемъ великой державы дальняго Запада на путь дѣятельной международной политики. Одновременно съ оживленіемъ предприимчивости во внѣшнихъ дѣлахъ замѣчается болѣе твердое сознание солидарности между культурными націями; Германія дѣйствовала заодно съ Франціею и Россіею относительно Японіи, и всѣ европейскіе кабинеты впервые прониклись единодушіемъ по отношенію къ Турціи, по поводу армянскаго вопроса.

Въ большей части государствъ произошли значительныя перемѣны въ составѣ правительствъ. Во Франціи избранъ въ январѣ новый президентъ, на мѣсто вышедшаго добровольно въ отставку Казимира Перье; у насъ въ Россіи назначенъ около того же времени новый министръ иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто умершаго Н. К. Гирса; въ Австро-Венгріи, въ маѣ, удалился графъ Кальноки, и мѣсто его занялъ гр. Агеноръ Голуховскій; въ Австріи, послѣ отставки князя Зиндигрѣца, въ іюнѣ, сдѣлался главою кабинета сначала графъ Шильмансгъ, а съ октября—графъ Бадени; въ Венгріи, въ январѣ, Аронъ Банфи смѣнилъ Векерле, въ должности министра-президента; въ Англіи, управление перешло отъ лорда Розбери къ лорду Сольсбери, въ іюнѣ; въ октябрѣ пало министерство Рибо во Франціи; Турція сбѣла смѣнить двухъ великихъ визирей; Греція перемѣнила опять трикуписа на Дельяниса; только Италия держится Крипи, а въ Германіи Вильгельмъ II остается своимъ собственнымъ первымъ министромъ,—такъ что перемѣны въ составѣ его сотрудниковъ не производятъ замѣтнаго вліянія на общій ходъ дѣлъ.

Французскій президентскій кризисъ возникъ по случайнымъ причинамъ, лишеннымъ политическаго значенія. Казимиръ Перье, выдвинутый президентомъ послѣ трагической смерти Карно, не выдержалъ волненій, сопряженныхъ съ ролью главы государства, и пред-

почелъ возвратиться въ спокойной жизни богатаго землевладѣльца и капиталиста; его внезапное рѣшеніе покинуть свой постъ было похоже на бѣгство съ поля битвы, такъ какъ оно послѣдовало во время самаго разгара министерскаго кризиса, послѣ паденія кабинета Дюпюи. Президентское посланіе, прочитанное въ палатахъ 15 января, не объяснило мотивовъ неожиданнаго поступка Казимира Перье; оно заключало въ себѣ только темные намеки на трудность почетнаго положенія, которое заставляетъ человѣка быть постоянно на виду и подвергаться непрерывному и назойливому контролю многочисленныхъ репортеровъ и журналистовъ. Щекотливыя обязанности officialнаго представительства, которыя съ такимъ достоинствомъ и самоотверженіемъ исполнялъ Карно, оказались не по силамъ его преемнику, и этотъ неожиданный фактъ политической несостоятельности Перье былъ чувствительнымъ ударомъ для высшей буржуазіи, видѣвшей въ немъ своего избранника. Переходъ власти въ другія руки совершился безъ всякихъ замѣшательствъ; черезъ два дня, 17 января, Франція имѣла новаго президента, въ лицѣ бывшаго морского министра Феликса Форя. Демократъ по происхожденію, энергичный и прямодушный по характеру, Феликсъ Форъ вноситъ въ исполненіе своей должности больше личнаго элемента, чѣмъ его предшественники, Карно и Гриви; онъ болѣе подвиженъ по темпераменту, менѣе связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ, и въ то же время весьма тактиченъ, остороженъ и находчивъ. Онъ самъ вышелъ изъ рядовъ трудящагося населенія, достигъ успѣха и богатства своими личными усиліями, и занялся политической дѣятельностью, какъ умный и образованный практикъ, отлично знающій свѣтъ и людей; и при всѣхъ своихъ житейскихъ удачахъ онъ сохранилъ безукоризненную честность и прямоту, что встрѣчается рѣдко между дѣловыми людьми въ наше время. Въ обществѣ, въ парламентѣ и печати господствуетъ довольно шаткій кодексъ морали, а между тѣмъ въ этой средѣ тонкихъ скептиковъ и дѣльцовъ чрезвычайно высоко цѣнится честность, и на нее предъявляется усиленный спросъ при избраніи лицъ на высшія должности въ государствѣ. Въ атмосферѣ, зараженной панамскими и прочими сомнительными дѣлами, сильнѣе чувствуется потребность въ возвышеніи людей безупречныхъ, и замѣчательно, что эта потребность овладѣваетъ именно тѣми элементами общества, которые всего менѣе руководятся принципами нравственности. Здоровые общественные инстинкты берутъ верхъ надъ эгоистическими разсчетами при публичномъ обсужденіи общихъ интересовъ, и этимъ объясняется то обстоятельство, что со времени извѣстныхъ разоблаченій при президентствѣ Гриви выдвигается цѣлый рядъ дѣятелей, отличительное качество которыхъ— безусловная честность.

Министерство Рибо, смѣнившее собою кабинетъ Дюшюи, держалось главнымъ образомъ своею честностью и добросовѣстностью; но оно было слишкомъ безцвѣтно и умѣренно для того, чтобы пріобрѣсти популяриность и завоевать прочныя симпатіи въ странѣ. Изъ министровъ наиболѣе выдвинулся дипломатъ Ганото, сѣумѣвшій совмѣстить твердость и увѣренность тона съ сознательнымъ миролюбіемъ; въ одной изъ своихъ рѣчей, 10-го іюня, онъ впервые назвалъ сближеніе съ Россіею союзомъ, чѣмъ возбудилъ горячіе толки во Франціи и внѣ ея. Подтверженіемъ официальной близости съ Россіею было присутствіе нашего министра иностранныхъ дѣлъ въ Миркурѣ, во время пребыванія тамъ президента республики и г-на Ганото, по случаю большихъ осеннихъ маневровъ; во время этихъ маневровъ находился также при главномъ французскомъ штабѣ генералъ Драгомировъ. Франко-русская дружба осталась и остается однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ общей европейской политики, хотя она едва ли облечена въ форму положительнаго трактата; этотъ фактическій союзъ обезпечиваетъ Францію отъ опасныхъ неожиданностей со стороны Германіи и позволяетъ намъ въ свою очередь болѣе активно охранять наши международные интересы, безъ ущерба для внѣшняго мира. При французскомъ содѣйствіи мы могли ограничить требованія Японіи послѣ побѣды ея надъ Китаемъ и облегчить для китайскаго правительства заключеніе крупнаго займа подъ нашимъ ручательствомъ; японцы должны были отказаться отъ пріобрѣтенія занятой ими территоріи на материкѣ, въ южной части Манджурии, съ крѣпостью Портъ-Артуръ, а китайцы предоставили или могутъ предоставить намъ въ будущемъ значительныя выгоды, въ благодарность за оказанную имъ поддержку. Такъ же точно въ Константинополѣ, совмѣстными усиліями Франціи и Россіи, достигнуты уступки, которыхъ долго не могла добиться Англія. Обоюдная выгодность союза есть лучшая гарантія его прочности, и частныя перемѣны въ составѣ правительственныхъ лицъ во Франціи не имѣютъ въ этомъ случаѣ большого значенія; многіе приписываютъ особенныя заслуги министру Ганото, какъ прежде приписывали его предшественникамъ; но эти предположенія основаны на догадкахъ, которыя трудно провѣрить. Каждый послѣдующій министръ неизбѣжно поддерживаетъ традиціи, благодѣтельность которыхъ неоднократно испытана на дѣлѣ и вошла уже въ общее сознаніе; — Ганото имѣлъ предъ собою готовую политику, которую надо было только продолжать въ томъ же духѣ. Во внѣшнихъ дѣлахъ кабинетъ Рибо дѣйствовалъ вообще успѣшно; между прочимъ, мадагаскарская экспедиція доведена была до благополучнаго конца занятіемъ Тананаривы войсками генерала Дюшена, 30-го сентября, и заключеніемъ мирнаго договора 1-го октября о протек-

торатѣ. Но внутренняя программа министерства не шла далѣе обычнаго лавировапія между партіями и вызывала неустанную оппозицію со стороны болѣе прогрессивныхъ парламентскихъ группъ. Стачка рабочихъ стеклянныхъ заводовъ въ Кармо поставила на очередь вопросъ о правѣ хозяевъ произвольно увольнять рабочихъ за принадлежность къ рабочимъ синдикатамъ и за участіе въ устраиваемыхъ ими періодическихъ сѣздахъ; министръ внутреннихъ дѣлъ, Лейгъ, и самъ Рибо отстаивали точку зрѣнія хозяина означенныхъ заводовъ, г-на Рессеге, и на этой почвѣ министерство потерпѣло рѣшительную неудачу въ парламентѣ, въ засѣданіи 28-го октября. Президентъ республики обратился къ одному изъ предводителей радикальной партіи, Леону Буржуа, и черезъ нѣсколько дней вступилъ во власть первый радикальный кабинетъ, вполне однородный по составу и направленію. Умѣренная печать выражала свое удовольствіе по поводу этого опыта, не скрывая надежды на скорое обнаруженіе несостоятельности радикализма на практикѣ; газеты сожалѣли только о выходѣ въ отставку Ганото и удивлялись назначенію на его мѣсто знаменитаго химика Бертело, не имѣвшаго еще случая выказать свои дарованія и опытность въ дипломатіи. Министерская декларация, прочитанная въ палатахъ 4-го ноября, обѣщала серьезныя экономическія реформы, въ томъ числѣ введеніе подоходнаго налога, и произвела пріятное впечатлѣніе своею сравнительною скромностью и дѣловитостью, отсутствіемъ громкихъ фразъ и словъ, безъ которыхъ не обходятся подобныя вступительныя манифесты.

Съ радикалами произошла удивительная метаморфоза со времени образованія министерства Буржуа; они стали сдержанными и дѣловитыми, и парламентскія занятія пошли совсѣмъ не такъ, какъ при прежнихъ кабинетахъ. Палата необыкновенно скоро справилась съ бюджетомъ на будущій годъ, такъ что на этотъ разъ не понадобится прибѣгать къ временнымъ мѣсячнымъ кредитамъ; радикальный кабинетъ принималъ проектъ бюджета, внесенный министерствомъ Рибо, съ нѣкоторыми лишь второстепенными измѣненіями, и не только радикалы, но и социалисты одобрили этотъ бюджетъ, въ виду краткости времени, оставшагося до конца года. Умѣренное большинство, съ своей стороны, не рѣшалось возражать противъ принятія закона о прогрессивномъ налогѣ на имущество, переходящія по наследству; по этому закону, утвержденному палатою 19-го ноября, взимается отъ одного до четырехъ процентовъ съ цѣны имущества при переходѣ къ нисходящимъ наследникамъ, сообразно размѣру суммы; такъ напр., съ двухъ тысячъ франковъ и менѣе полагается платить одинъ процентъ, а съ двухъ милліоновъ и выше—четыре процента. При переходѣ имущества между супругами и въ боковыхъ линіяхъ размѣръ

налога увеличивается и доходит до двадцати процентов при наибольшей отдаленности родства. Очевидно, эта форма представляет первый шагъ къ установленію общаго прогрессивнаго подоходнаго налога, и принятіе ея парламентомъ есть въ то же время первый практический успѣхъ радикально-правительственной программы. Леонъ Буржуа и его товарищи по министерству высказываются по многимъ вопросамъ въ весьма умѣренномъ тонѣ и даже повторяютъ заявленія и доводи своихъ предшественниковъ, какъ, напр., относительно бюджета духовенства; и эти заявленія одобряются радикалами, къ великому удивленію оппортунистовъ. Непримиримая оппозиція крайней лѣвой совершенно исчезла; радикалы и социалисты превратились въ благоразумную правительственную партію и прониклись стремленіемъ поддерживать кабинетъ во что бы то ни стало, избѣгая лишнихъ преній и споровъ. Особенный интересъ возбуждаетъ поведение социалистовъ: министры, и прежде всего Леонъ Буржуа, категорически отрицаютъ свою солидарность съ ними; а они упорно остаются вѣрными друзьями министерства, подаютъ за него свои голоса и ни въ чемъ не нарушаютъ установившейся гармоніи между правительствомъ и бывшею оппозиціею въ парламентѣ. Парламентскіе социалисты довольствуются малымъ; они рады уже тому, что министры въ принципѣ признаютъ справедливость нѣкоторыхъ ихъ требованій и по мѣрѣ возможности способствуютъ осуществленію послѣднихъ. Умѣренныя и консервативныя элементы французскаго общества съ любопытствомъ слѣдятъ за этою радикальною переимѣною въ настроеніи людей, считавшихся по традиціи врагами существующаго порядка; представители буржуазіи все болѣе убѣждаются, что социалисты, какъ и радикалы, далеко не столь страшны, какими они казались издали, въ теоріи, и что съ ними можно отлично ладить, при помощи нѣкоторыхъ своевременныхъ и необходимыхъ уступокъ. Тѣ экономическія нововведенія, которыя во Франціи считаются еще социалистическими, рассматриваются въ другихъ государствахъ, напр. въ Англии и Германіи, какъ разумныя охранительныя мѣры финансовой и народно-хозяйственной политики; англичане, напримѣръ, смотрятъ на подоходный налогъ какъ на явленіе вполне естественное, и не находят ничего ненормальнаго въ законодательномъ регулированіи отношеній между землевладѣльцами и арендаторами, капиталистами и рабочими; они привыкли уже признавать за рабочими такое же право на устройство синдикатовъ и стачекъ, какъ и за хозяевами,—а для вліятельной части французскаго общества всѣ эти формы законодательнаго вмѣшательства и контроля, какъ и требованія законной равноправности хозяевъ и рабочихъ, представляются опасною ересью, чѣмъ-то похожимъ на отрцаніе священнаго права собственности.

Въ сущности прогрессивный налогъ съ наслѣдства есть одинъ изъ наиболѣе доступныхъ и цѣлесообразныхъ способовъ увеличенія государственныхъ доходовъ, независимо отъ какихъ бы то ни было теорій; между тѣмъ до недавняго времени французскіе публицисты причисляли его почему-то къ разряду рискованныхъ социалистическихъ домогательствъ. Податные платежи, приходящіеся среднимъ числомъ на каждаго изъ гражданъ, нигдѣ въ мірѣ не достигли такой высоты, какъ во Франціи; милліонная армія поглощаетъ огромныя суммы, потребности государства и управленія возрастаютъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ болѣе широкаго удовлетворенія народныхъ и общественныхъ нуждъ, и министры финансовъ, вмѣстѣ съ бюджетными комиссіями, по неволѣ должны придумывать новые источники доходовъ, возможно менѣе обременительные для плательщиковъ. Общая цифра государственныхъ расходовъ приближается къ четырремъ милліардамъ; и за послѣдніе годы дефицитъ соотвѣтственно увеличивается, дойдя до полутора мѣста милліоновъ франковъ въ 1895 году. Обыкновенныя подати уже не могутъ быть повышены; земля обложена свыше мѣры, разные предметы потребленія едва выносятъ бремя налоговъ, а милліонныя состоянія, болѣе всего нуждающіяся въ услугахъ государственныхъ учреждений, наименѣе привлекались къ участию въ государственныхъ расходахъ. Для лицъ, получающихъ крупныя суммы по наслѣдству, иногда въ силу далекихъ и чисто формальныхъ родственныхъ связей, уплата нѣкоторой доли наслѣдственного имущества не можетъ быть чувствительна, и чѣмъ отдаленнѣе родство, тѣмъ справедливѣе требовать соотвѣтственнаго повышения налога, ибо въ этихъ случаяхъ люди обогащаются только на основаніи условныхъ и искусственныхъ правилъ, созданныхъ закономъ. Если такимъ путемъ часть податныхъ тягостей переложится съ болѣе обремененныхъ плательщиковъ на менѣе обремененныхъ, то это будетъ только удобная и выгодная финансовая мѣра, противъ которой ничего нельзя сказать съ точки зрѣнія справедливости. Соціализмъ тутъ, конечно, ни при чемъ; но французскіе республиканцы, какъ и консерваторы, видятъ побѣду соціализма въ каждой попыткѣ болѣе равномернаго распредѣленія налоговъ. Министерство Буржуа свободно отъ этого предразсудка, и потому оно пользуется симпатіями соціалистовъ; оно внимательно относится къ интересамъ рабочаго класса, какъ это видно и изъ его стараній въ дѣлѣ Кармб; оно готово провозгласить общее право гражданъ вступать между собою въ союзы, послѣ чего соврѣтетъ вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства; оно вообще не отступаетъ предъ мыслью о возможныхъ смѣлыхъ реформахъ, и въ этомъ смыслѣ оно считается радикальнымъ.

Пока, въ ожиданіи будущаго, французскіе министры-радикалы дѣйствуютъ какъ осторожныя практики, и даже наиболѣе выдающійся изъ нихъ, военный министръ Кавеньякъ, не приступаетъ къ тѣмъ обширнымъ преобразованіямъ, какихъ можно было ожидать отъ него послѣ памятныхъ его рѣчей и докладовъ о порядкахъ военной администраціи. Кавеньякъ родился радикаломъ, какъ носитель одного изъ историческихъ именъ, выдвинутыхъ революціею 1848 года; уже въ раннемъ возрастѣ, будучи воспитанникомъ учебнаго заведенія, онъ выказалъ свой политическій характеръ, заявивъ на публичномъ актѣ, что не желаетъ получить награду изъ рукъ императорскаго принца, отецъ котораго незаконно арестовалъ его отца во время государственнаго переворота. Кавеньякъ извѣстенъ своею правдивостію и своею безусловною вѣрностію разъ усвоеннымъ принципамъ; тѣмъ не менѣе и онъ, сдѣлавшись министромъ, не можетъ исполнѣ проводить на дѣлѣ взгляды, которые онъ проповѣдовалъ, находясь въ оппозиціи. Такова ужъ сила власти, связанной съ отвѣтственностію; она дѣлаетъ радикаловъ оппортунистами, а социалистовъ — робкими реформаторами, приверженцами временныхъ компромиссовъ и уступокъ. Чтобы измѣнить существующее положеніе вещей въ томъ или другомъ духѣ, надо не только сломить противодѣйствіе среды, но и имѣть достаточное число надежныхъ исполнителей и обезпечить неуклонное и послѣдовательное примѣненіе данной реформаторской системы; бюрократія, номинально подчиненная министрамъ, легко сдерживаетъ и парализуетъ ихъ порывы своими особыми традиціями, своими архивными и фактическими справками, своею безконечною перепискою и формалистикою, всёмъ своимъ сложнымъ механизмомъ, противъ котораго бессильна воля отдѣльныхъ личностей. Быть можетъ, вслѣдъ за радикальнымъ кабинетомъ явится современемъ и социалистическій, и главою министерства будетъ Жоресъ; нѣтъ сомнѣнія, что даже и тогда ничто не измѣнится въ ходѣ правительственной машины во Франціи.

Правительство въ Германіи поставлено гораздо независимѣе и крѣпче, чѣмъ во Франціи, и императоръ Вильгельмъ II сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю ту власть, которую дѣдъ его дѣлилъ съ Бисмаркомъ; однако, и въ германской имперіи дѣйствительная жизнь далеко не всегда идетъ по пути, желательному для правителей. Вильгельмъ II рѣшительно высказался противъ стремленій консервативныхъ землевладѣльцевъ, или такъ называемыхъ аграріевъ, противъ ихъ неумѣренной агитаціи въ печати и обществѣ; онъ безусловно отвергалъ проектъ графа Каница относительно запрещенія свободнаго привоза хлѣбовъ изъ-за границы и передачи этой отрасли торговли въ вѣденіе государства. При приемѣ представителей германскаго „союза сельскихъ хозяевъ“, 18 февраля, онъ ясно далъ имъ по-

нять, какъ онъ смотритъ на ихъ оппозиціонную дѣятельность; въ послѣдствіи, онъ согласился подробно выслушать и обсудить всѣ требованія и доводы аграріевъ, для чего созвалъ государственный совѣтъ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ. Консерваторы защищали проектъ графа Каница, во имя нуждъ сельскаго хозяйства, и не стѣснялись противорѣчить взглядамъ императора, руководившаго преніями замѣчательно терпѣливо и спокойно; въ концѣ концовъ проектъ признанъ вполне несостоятельнымъ, и тѣмъ не менѣе онъ до сихъ поръ еще не сходитъ съ очереди, въ качествѣ одного изъ существенныхъ пунктовъ сельско-хозяйственной политической программы. Нѣмецкіе консервативные землевладѣльцы не смѣшиваютъ преданности престолу съ отсутствіемъ личныхъ убѣжденій; напротивъ, они увѣрены, что служатъ императору и имперіи именно тѣмъ, что открыто выражаютъ свои мысли и настойчиво доказываютъ ошибочность взглядовъ правительства.

Такое же откровенное разногласіе между властью и представителями общественнаго мнѣнія существовало по поводу предположенныхъ законодательныхъ мѣръ противъ социалистовъ. Вильгельмъ II много разъ грозилъ раздавить социаль-демократію и въ своихъ обращеніяхъ къ войскамъ намекалъ на возможность военныхъ дѣйствій противъ согражданъ; онъ очень желалъ установить новые законы, которые ограничили бы свободу слова, печати и сходовъ для социалистовъ, и съ этою цѣлью былъ выработанъ законопроектъ и внесенъ въ имперскій сеймъ, въ концѣ 1894 года. Проектированныя постановленія неминуемо стѣснили бы политическія и гражданскія права всѣхъ вообще нѣмецкихъ обывателей, въ виду крайней неопредѣленности признаковъ „разрушительныхъ“ идей; произвольныя толкованія администраціи могли бы привести къ установленію контроля малосвѣдущихъ чиновниковъ надъ наукою, философіею и публицистикою, чего не имѣли, конечно, въ виду составители законопроекта. Въ печати поднялись сильнѣйшіе протесты противъ придуманныхъ правилъ, пагубныхъ для умственной свободы въ Германіи; въ этомъ движеніи приняли участіе многіе выдающіеся ученые, авторитетные профессора и писатели. Имперскій сеймъ, въ засѣданіи 11-го мая, отклонилъ законопроектъ, несмотря на защиту его правительствомъ и на извѣстное всѣмъ желаніе Вильгельма II. Германскій парламентъ не могъ одобрить мѣру, которую признавалъ вредною для высшихъ интересовъ имперіи и для авторитета самого императора. Удержавъ правительство отъ ложнаго шага, имперскій сеймъ косвенно оказалъ услугу самому Вильгельму II. Власть не могла желать войны съ общественнымъ мнѣніемъ подъ предлогомъ похода противъ социалистовъ: никто не думалъ умышленно возбуж-

дать неудовольствіе и раздраженіе въ печати и обществѣ, для успѣшной борьбы съ социаль-демократіею. Мѣры были отвергнуты, какъ недостаточно обдуманныя и нецѣлесообразныя, и правительству предоставляется теперь выработать болѣе подходящіе способы для законнаго противодѣйствія успѣхамъ социаль-демократической партіи. Даже въ мелкихъ, второстепенныхъ вопросахъ случаются противорѣчія между желаніями Вильгельма II и мнѣніями общества или парламента. Такъ, императоръ хотѣлъ особенно торжественно чествовать Бисмарка, въ день его 80-лѣтія, 1-го апрѣля; заблаговременно предложено было имперскому сейму постановить, въ какой формѣ послать привѣтствіе старому канцлеру; а имперскій сеймъ, вспомнивъ судьбу главныхъ парламентскихъ партій при Бисмаркѣ, отказался участвовать въ празднованіи его юбилея, чѣмъ невольно огорчилъ Вильгельма II. Нѣсколькими годами раньше императоръ былъ бы, наоборотъ, очень огорченъ, еслибъ имперскій сеймъ вздумалъ обратиться съ официальнымъ поздравленіемъ къ опальному канцлеру. Такъ какъ правители столь радикально мѣняютъ свои мнѣнія, то несогласіе съ однимъ изъ этихъ мнѣній не могло быть поставлено въ вину даже вѣрнѣйшимъ царедворцамъ. Не имѣя основанія считать себя непогрѣшимымъ въ области практическихъ проектовъ и идей, Вильгельмъ II располагаетъ всею полнотою власти въ двухъ важныхъ областяхъ—въ выборѣ лицъ на правительственныя должности и въ распоряженіи арміею, въ устройствѣ военныхъ празднествъ, маневровъ и упражненій. Часто выборъ министровъ или удаленіе ихъ поражаетъ публику своею неожиданностью; но въ этомъ именно и сказывается полная свобода выбора—въ отсутствіи мотивовъ, которые можно бы предусмотрѣть. Весною назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ малоизвѣстный бюрократъ Келлеръ, а зимою уволенъ въ отставку; причины его возвышенія и паденія одинаково недоступны пониманію. Что касается военныхъ торжествъ, то они повторяются періодически; на этотъ разъ отличались своими размѣрами военные маневры у Штеттина.

Въ Англіи либеральное министерство постепенно клонилось къ упадку, благодаря отсутствію положительной программы и недостатку единства между лордомъ Розбери и сэромъ Гаркортонъ; большинство въ парламентѣ дошло до 14 голосовъ, при окончаніи преній объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, въ засѣданіи 18-го февраля. Министры завѣдывали текущими дѣлами изо дня въ день, оставивъ въ сторонѣ всякіе политическіе замыслы и проекты; они перестали говорить о привилегіяхъ верхней палаты и объ ирландской автономіи,

а довольствовались болѣе скромными задачами и рѣчами, предвидя скорый конецъ своему управленію. Либеральная партія осталась безъ вождей и безъ идей; роль ея въ палатѣ общинъ была крайне безцвѣтна, и малѣйшій инцидентъ могъ произвести крушеніе. Министерство готовилось къ неизбѣжной развязкѣ, но не счумѣло ни выбрать удобный моментъ, ни привлечь къ себѣ сочувствіе передъ паденіемъ. Предводителю либераловъ въ палатѣ общинъ, сэру Гаркорту, было все равно, какъ сойдетъ со сцены официальный глава кабинета, лордъ Розбери; а премьеру было безразлично, какъ удалится сэръ Гаркортъ. Первою жертвою кризиса былъ военный министръ, Кемпбелъ-Баннерманъ, на котораго напали, въ засѣданіи 21-го іюня, за неудовлетворительное состояніе запасовъ въ военныхъ складахъ; но предложенію одного изъ членовъ оппозиціи, Бродрика, большинство выразило министру свое недовѣріе, и вслѣдъ затѣмъ было заявлено о выходѣ всего кабинета въ отставку. По исполненіи обычныхъ формальностей, при обязательномъ участіи королевы Викторіи, маркизъ Сольсбери окончательно образовалъ свое министерство 25-го іюня. Правительство по своему составу имѣетъ смѣшанный характеръ; бывшіе либералы, отдѣлившіеся отъ Гладстона изъ-за ирландскаго „гомруля“, представляютъ весьма вліятельную и энергическую силу въ парламентѣ и странѣ, подъ именемъ уніонистовъ, и главные ихъ дѣятели, Чамберленъ и герцогъ Devonshire состоятъ ближайшими сотрудниками лорда Сольсбери. Общіе парламентскіе выборы, произведенные въ іюлѣ, довершили пораженіе либеральной партіи и доставили новому министерству громадное большинство въ парламентѣ.

Послѣ вялаго и пассивнаго кабинета Розбери-Гаркорта, усилилось въ необычайной степени довѣріе къ энергическому и опытному консервативному премьеру. Но лордъ Сольсбери не оправдалъ общихъ ожиданій; онъ навлекъ на себя неудовольствіе печати своею странною неровностью, своими переходами и скачками отъ одной политики къ другой. Такъ, въ японско-китайскомъ вопросѣ онъ уклонился отъ совмѣстныхъ дѣйствій съ другими европейскими кабинетами и принялъ какъ будто сторону Японіи, но затѣмъ предоставилъ дѣйствовать Франціи, Россіи и Германіи, создавъ для Англіи изолированное положеніе безъ видимой надобности и цѣли. Въ армянско-турецкомъ дѣлѣ онъ съ наибольшою настойчивостью выступалъ противъ Порты, требуя введенія необходимости реформъ, и въ этомъ направленіи онъ пошелъ дальше, чѣмъ дипломаты остальныхъ великихъ державъ; споръ съ Турціею отчасти принималъ у него оттѣнокъ личной полемики съ султаномъ и его министрами, а между тѣмъ нельзя было понять, почему лордъ Сольсбери бывший защитникъ оттоманской имперіи на берлинскомъ конгрессѣ, сдѣлался те-

перь противникомъ ея и сталъ принимать такъ близко къ сердцу интересы подвластныхъ туркамъ народностей. Въ результатѣ Англія ничего не выиграла въ Константинополь и возбудила повсюду подозрѣнія въ своей искренности, послѣ чего присоединилась уже къ общей дипломатической кампаніи въ защиту истребляемыхъ христіанъ въ Турціи. Крайне неудачно—то слишкомъ рѣзко и порывисто, то медлительно и небрежно, — велась также дипломатическая переписка съ Соединенными Штатами по поводу Венецуэлы. Съ своей стороны, министръ колоній, Чамберленъ, устраниваетъ экспедицію противъ ашантиевъ за оставленіе безъ отвѣта англійскаго ультиматума, котораго не понялъ ихъ предводитель, или который онъ понял по своему; ашантиевъ собираются наказать за нарушеніе международныхъ приличій въ то самое время, какъ въ Лондонъ прибыли уполномоченные представители ихъ „короля“ для веденія переговоровъ съ грознымъ министромъ, который не хочетъ принимать этихъ посланниковъ по недостаточности ихъ формальныхъ полномочій. Выходитъ какая-то путаница, и можно думать, что старая политическая репутація лорда Сольсбери и Чамберлена значительно пострадаетъ отъ подобнаго направления внѣшней политики Англіи.

Въ Италіи парламентскіе споры и разоблаченія нисколько не колебали авторитета Криспи; новая палата депутатовъ, собравшаяся 10 іюня для выслушанія тронной рѣчи, даетъ твердую опору министерству, вопреки всѣмъ враждебнымъ усиліямъ оппозиціи. Криспи вѣрною рукою ведетъ Италію къ политическому и финансовому банкротству. Военныя приключенія въ Африкѣ поглощаютъ милліоны, вытягиваемые изъ полуголоднаго итальянскаго населенія, и до сихъ поръ не завершились даже внѣшнею удачею; недавно еще произошла кровавая катастрофа съ частью войскъ генерала Баратьери, при Амба-Алаги, а министръ-президентъ и его единомышленники продолжаютъ твердить о необходимости поддерживать величіе и могущество Италіи цѣною дальнѣйшихъ жертвъ.

Страсть итальянскихъ патриотовъ къ шумной внѣшней политикѣ, соответствующей будто бы достоинству Италіи, какъ великой державы, послужила причиною народнаго обвиненія и упадка; насущные интересы страны заброшены ради фантастической Эритрейской колоніи, разорительной въ настоящемъ и совершенно бесполезной въ будущемъ. Король Гумбертъ и его совѣтники не послѣдовали примѣру австро-венгерской монархіи, которая, будучи несомнѣнно великою державою и находясь въ союзѣ съ Германіею, благоразумно избѣгаетъ всякихъ внѣшнихъ предпріятій и умѣетъ вести

большую политику безъ риска, безъ непосильныхъ затратъ и заботъ. Австро-Венгрія присоединила къ себѣ двѣ турецкія провинціи, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, послѣ чужой войны, въ которой она не принимала никакого участія; затѣмъ, она довольствуется устройствомъ своихъ сложныхъ внутреннихъ дѣлъ, поправляетъ по мѣрѣ возможности свои финансы, развиваетъ культуру и промышленность, тогда какъ Италия, стремясь вверхъ при помощи чрезмѣрныхъ вооруженій, неудержимо идетъ по наклонной плоскости внизъ.

Турція не имѣетъ уже возможности разсматривать свои внутреннія дѣла какъ свои собственныя и распорядиться ими по своему усмотрѣнію; для нея и внутреннія дѣла стали внѣшними, международными. Турецкія области, населенныя отчасти или преимущественно христіанами, выходятъ фактически изъ-подъ владычества центральныхъ властей и оказываются въ состояніи броженія, которое временами принимаетъ характеръ остраго кризиса. Мѣстные администраторы, чтобы удержаться на мѣстѣ, напускаютъ черкесовъ или курдовъ на христіанъ, призываютъ войска, устраиваютъ кровопролитіе и сообщаютъ Портѣ о водвореніи порядка и благополучія; туземные жители массами бѣгутъ отъ жестокой расправы, но иностранные консулы заступаются за нихъ, даютъ знать дипломатамъ, которые вспоминаютъ о турецкихъ реформахъ, обѣщанныхъ международными трактатами, и такимъ образомъ начинается политическая кампанія, болѣе или менѣе запутанная, при участіи соперничающихъ между собою великихъ державъ. Такъ было и съ армянскимъ вопросомъ, который сначала турки думали потушить истребленіемъ неудобныхъ обывателей, а потомъ должны были сдѣлать предметомъ переговоровъ съ представителями европейскихъ кабинетовъ. Въ маѣ предложена была Портѣ довольно скромная программа реформъ для турецкой Арменіи; послѣ долгихъ проволочекъ, уступая давленію дипломатіи, султанъ принялъ проектъ, съ значительными урѣзками и измѣненіями, а тѣмъ временемъ рѣзня въ армянскихъ округахъ Малой Азіи продолжалась съ возрастающею силою. Корреспонденты сообщали о десяткахъ тысячъ жертвъ въ разныхъ мѣстахъ страны. Поворотъ къ худшему замѣчается уже съ начала октября, послѣ армянской демонстраціи и послѣдовавшихъ за нею беспорядковъ въ Константинополѣ (30 сентября). Султанъ какъ бы растерялся, началъ мѣнять великихъ визирей и савонниковъ, увольнялъ слишкомъ усердныхъ патріотовъ истребителей, щедро награждая ихъ за кулисами, и справлялся, какъ могъ, съ настойчивыми домогательствами посланниковъ. Въмѣсто Джевада-паши былъ назначенъ великимъ ви-

зиретъ Сандъ; послѣдній уступилъ мѣсто Кіамилю, который, въ свою очередь, смѣненъ Рифать-пашой. Характерный эпизодъ случился съ Сандомъ-пашою: въ отвѣтъ на требованіе султана поселиться въ его дворцѣ, въ качествѣ ближайшаго совѣтника, бывшій великій визирь бѣжалъ съ малолѣтнимъ сыномъ въ британское посольство, чтобы спастись отъ грозившей ему участи. При подобной системѣ управления всѣ разговоры о мѣстныхъ реформахъ въ Турціи не имѣютъ въ сущности разумнаго смысла.

Въ Болгаріи главнымъ политическимъ событіемъ было убійство Стамбулова, въ іюлѣ. Мотивы преступленія и личности участниковъ остались нераскрытыми до сихъ поръ. Такъ какъ бывшій диктаторъ имѣлъ многихъ враговъ и не игралъ уже замѣтной роли въ политикѣ, то вѣрнѣе всего предположить здѣсь личную месть. Вопросъ объ официальномъ примиреніи съ Россією долго стоялъ на очереди, но не подвинулся впередъ; болгарская депутація, присланная съ этою цѣлью въ Петербургъ, не достигла никакого положительнаго результата. Въ связи съ заботами о примиреніи находится рѣшеніе принца Фердинанда крестить наследника, принца Бориса, въ православную вѣру, согласно ходатайству народнаго собранія. Что касается Сербіи, то политика по прежнему вращается тамъ около финансовыхъ сдѣлокъ, въ которыхъ болѣе или менѣе заинтересованъ бывшій король Миланъ.

Мы упоминали уже о крупныхъ переиѣнахъ на дальнемъ Востокѣ, вслѣдствіе японскихъ побѣдъ надъ Китаемъ. Японія выдвинулась не только военными успѣхами, но и промышленными и культурными; послѣдніе предшествовали первымъ и подготовили ихъ, какъ это понятно само собою. Въ англійскихъ газетахъ постоянно помѣщаются статьи о вытѣсненіи британскихъ товаровъ японскими въ Китаѣ, объ опасности японскаго соперничества для англійской торговли въ восточной части азіатскаго материка, о необыкновенномъ ростѣ производительности Японіи въ такихъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ англичане долго господствовали почти безраздѣльно; обороты японцевъ по вѣшной торговлѣ увеличились за послѣднее десятилѣтіе въ три съ половиною раза. Въ Токио открывается каждые четыре года промышленная выставка, удивляющая иностранцевъ изяществомъ, разнообразіемъ и высокими качествами издѣлій; англичане заранѣе привыкаютъ къ мысли о потерѣ для нихъ японскаго рынка и придумываютъ мѣры для сохраненія за собою промышленнаго первенства въ Китаѣ. Литература и журналистика, повидимому, также достигли

значительнаго развитія и процвѣтанія; между прочимъ, намъ присылаются изъ Токио три ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ журнала, названія которыхъ приведены въ письмѣ японскаго издателя, собственноручно написаннаго имъ весьма корректно на русскомъ языкѣ, — „Солнце“, „Миръ Юношества“ и „Литературный Клубъ“. Журналы печатаются очень красиво, на прекрасной бумагѣ, и украшены многочисленными, весьма отчетливо исполненными рисунками; имѣется ли на этихъ изданіяхъ помѣтка о дозволении цензуры—мы разобрать не могли. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что при своей энергіи, даровитости и трудолюбіи японцы призваны играть большую роль въ Азіи.

Мирное развитіе народовъ въ будущемъ не пострадаетъ, конечно, отъ венецуэльскаго вопроса, неожиданно обострившагося въ концѣ истекшаго года и подавшаго даже поводъ къ толкамъ о войнѣ между Англіею и Соединенными Штатами. Президентское посланіе Кливелэнда, прочитанное въ сенатѣ 17 декабря, предвѣщало какъ будто грозу; но оно служило лишь отвѣтомъ на весьма рѣзкую ноту лорда Сольсбери, отъ 26 ноября, въ которой подробно опровергается содержаніе депеши американскаго министра иностранныхъ дѣлъ, м-ра Ольнея, отъ 7 августа. Отвѣчая лишь въ ноябрѣ на августовскую ноту, британскій премьеръ выказалъ къ американской дипломатіи пренебреженіе, едва ли согласное съ европейскими дипломатическими традиціями; въ своихъ замѣчаніяхъ онъ просто высмѣиваетъ доводы противника, безъ всякихъ церемоній. Неудивительно поэтому, что и президентъ Кливелэндъ счелъ долгомъ напомнить англійскому правительству, что Соединенные Штаты—такая же могущественная великая держава, какъ и Англія. Если такова была цѣль Кливелэнда, то онъ вполне ее достигъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ достигъ и другого результата, весьма важнаго для него послѣ недавняго торжества враждебной ему республиканской партіи на выборахъ въ отдѣльныхъ штатахъ,—онъ сдѣлался самымъ популярнымъ человекомъ въ странѣ и имѣетъ шансы быть вновь выбраннымъ на постъ президента въ будущемъ году.

НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ БЕРЛИНѢ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ городской учительницы.

Лѣтомъ 1894 года, проѣздомъ черезъ Берлинъ, намъ представился удобный случай познакомиться съ мѣстными народными городскими школами, ихъ устройствомъ и обученіемъ въ нихъ.

Намъ указали прежде всего на женскую школу въ улицѣ Шарнгорста (Scharnhorststrasse).

Эта школа, какъ и прочія городскія народныя школы въ Берлинѣ, помѣщается въ домѣ, специально построенномъ для учебной цѣли; предъ нимъ, за желѣзной рѣшеткой, разбитъ красивый палисадникъ; у воротъ два звонка: въ „ректору“ школы и въ сторожу. Ректоръ былъ дома и оказался очень симпатичнымъ, вполне преданнымъ своему дѣлу человекомъ. Видя наше желаніе познакомиться со школами, онъ предложилъ придти на слѣдующій же день съ утра, обѣщавъ показать все, что насъ можетъ интересовать. На слѣдующій день какъ разъ начинались послѣ каникулъ классы. Итакъ, намъ будетъ возможно видѣть не одно школьное помѣщеніе, но и самый ходъ обученія.

Ректоръ познакомилъ насъ со своей дочерью, молодой дѣвушкой, окончившей курсъ сначала въ той школѣ, во главѣ которой стоитъ ея отецъ, а затѣмъ въ учительской семинаріи. Она держала потомъ экзаменъ при ратушѣ (городская дума) и теперь состоитъ, въ ожиданіи штатнаго мѣста, запасной учительницей. Здѣсь запасныя учительницы, какъ и у насъ, замѣняютъ больныхъ, съ платою по одной маркѣ за часъ.

На слѣдующее утро рано, въ 9 часамъ, мы поспѣшили въ школу. Это былъ уже часъ рекреаціи: ученіе началось еще въ 7 часовъ утра. Влѣво изъ-подъ воротъ, противъ двери ректора, лѣстница вела въ школу. По этой широкой лѣстницѣ спускались по четыре въ рядъ и проходили во дворъ ученицы. Подъ воротами стояло нѣсколько учителей и учительницъ. Скоро пришелъ самъ ректоръ и познакомилъ насъ съ ними. Дѣти, между тѣмъ, проходили мимо, привѣтливо здоровались съ нами. При этомъ не было ни особеннаго шума, ни толкотни, хотя дѣтскія личики и выражали веселье и счастье. Дѣти очень опрятно одѣты, всѣ въ передничкахъ, но формы у нихъ нѣтъ: всѣ въ разныхъ платьяхъ.

Мы послѣдовали за дѣвочками во дворъ, по которому онѣ ходили кругомъ, также по четыре, не разбѣгаясь, и въ томъ же порядкѣ, какъ пришли. Дѣтей здѣсь ставятъ не по-парно, а по четыре въ рядъ, для экономіи во времени, чтобы скорѣе выпустить и дать имъ возможность дольше пользоваться воздухомъ: при выпускѣ ихъ по-парно, пришлось бы употребить вдвое больше времени на спускъ и обратный подъемъ по лѣстницѣ. Дворъ при школѣ очень большой; среди него нѣсколько развѣсистыхъ каштановъ; стѣны забора покрыты плющомъ. Такъ какъ дворъ немощеный, то, во избѣжаніе пыли, предъ приходомъ дѣтей его поливаютъ.

Во время дѣтской прогулки по двору, ректоръ сообщилъ намъ, что въ этой школѣ обучается 853 ученицы въ 16-ти классныхъ комнатахъ,—значить, въ младшихъ классахъ свыше 50, а въ старшихъ—ниже; въ среднемъ по 54 въ классѣ. Занятія идутъ съ 7-ми до 11-ти часовъ утра и съ 2-хъ до 4-хъ пополудни. Дѣти принимаются съ 6-ти лѣтъ и остаются до 14-ти, до конфирмаціи; въ этому времени дѣвочки должны кончить курсъ, потому что послѣ конфирмаціи онѣ уже не посѣщаютъ народной школы. Дѣти здѣсь очень рѣдко пропускаютъ уроки. Каникулы у нихъ гораздо короче нашихъ, праздничныхъ дней также меньше, чѣмъ у насъ, а слѣдовательно, учебныхъ дней—значительно больше. Лѣтнія вакаціи продолжаются 4 недѣли, рождественскія — 2 недѣли; на Пасхѣ дѣти свободны отъ занятій всего 5 дней; кромѣ воскресныхъ дней, въ году всего три праздника: день реформаціи, память седанской битвы и день рожденія императора.

По окончаніи рекреаціи, дѣти и мы вслѣдъ за ними вернулись въ классы. Прежде всего мы зашли въ младшій классъ: тутъ были дѣти 6—7-лѣтнаго возраста, только въ апрѣлѣ поступившія въ школу; шель урокъ ариеметики. Дѣвочки сидѣли прямо, держа на столѣ сложенные кисти рукъ. Всѣ внимательно смотрѣли на учительницу и давали полные, толковые отвѣты на ея вопросы (считали въ предѣлѣ десяти). Полные, вѣрные отвѣты дѣтей меня удивили тѣмъ болѣе, что за время каникулъ они ничего не забыли. Въ этомъ же классѣ директоръ досталъ нѣсколько олеографическихъ картинъ для нагляднаго обученія, съ изображеніемъ различныхъ басенъ. Каждая картина имѣетъ въ длину не менѣе одного аршина, такъ что на ней получаютъ большія фигуры. Относительно картины къ баснѣ: „Шпицъ и Мопсъ“, ректоръ предложилъ дѣтямъ нѣсколько вопросовъ и получилъ на нихъ полные, ясные и громкіе отвѣты.—По стѣнамъ класса помѣщались вѣшалки съ дѣтскими платьями; намъ объяснили, что въ этой школѣ, также, какъ и въ другихъ, нѣтъ отдѣльной раздѣвальной, а дѣти вѣшаютъ свою одежду въ классѣ или въ корри-

дорахъ, если они достаточно для этого широки. Классные столы обыкновенные съ покатою доской, каждый на четверыхъ; передъ ними на возвышеніи—каедрa.

Потомъ мы прошли на урокъ географіи: учитель показалъ примѣняемые имъ учебныя пособия, между прочимъ, прекрасно выполненныя картины различныхъ явленій природы. Каждая такая картина навита на круглую палку съ колечками на концахъ, для прикрѣпленія къ особой вертикальной стойкѣ, похожей на классные счеты; въ такомъ видѣ онѣ не выгораютъ, занимаютъ не много мѣста и быстро вынимаются по мѣрѣ надобности. Изученіе географіи начинается съ отчизновѣденія. Затѣмъ, кромѣ знакомства съ общей географіей, главное вниманіе обращается на подробное изученіе родной страны и сосѣднихъ государствъ.

Въ слѣдующемъ классѣ шель урокъ рисованія. Преподаваніе рисованія ведется классное: учитель рисуетъ на доскѣ фигуру, объясняетъ ея построеніе, и, послѣ повторительныхъ вопросовъ, дѣти принимаются за воспроизведеніе рисунка. Первоначально рисованіе ведется по клѣткамъ. Самыя употребительныя таблицы для рисованія — Штульмана.

Въ старшемъ классѣ, на урокъ пѣнія, учитель аккомпанировалъ на скрипкѣ; сначала дѣти встали и пропѣли псаломъ, затѣмъ—гимнь и, наконецъ, одна дѣвушка звонкимъ, полнымъ голосомъ спѣла любимый нѣмецкій романсъ: „Лорелей“. Кромѣ хорового пѣнія, учитель заставляеть дѣтей пѣть соло, дуэты, квартеты. Подобный способъ преподаванія очень хорошъ, потому что приучаетъ внимательнѣе слѣдить за музыкой и вѣрнѣе ставить голосъ: въ массѣ трудно замѣтить ошибки.

Заходили мы и въ другіе классы, но только для того, чтобы взглянуть на нихъ: не было времени слушать уроки. Въ нѣкоторыхъ классахъ на стѣнѣ передъ учениками находятся классныя доски съ числами; это—хронологическія записи, куда вносятся послѣдовательно всѣ года, встрѣчающіеся въ курсѣ исторіи. Цифры эти никогда не стираются, дѣти постоянно имѣютъ ихъ передъ собой, очень легко запоминаютъ и повторяютъ хронологію.

Чрезвычайно интересно проходится курсъ ботаники: каждый ребенокъ самостоятельно составляетъ себѣ ботаническую коллекцію. Обученіе вполне наглядное: каждую недѣлю по всѣмъ народнымъ школамъ развозятся пучки травъ и растеній; пучки эти настолько велики, что даютъ возможность удѣлить каждому ученику экземпляръ для помѣщенія въ гербарій. Это занятіе требуетъ большой аккуратности, но оно очень интересуетъ дѣтей, и они охотно и старательно его исполняютъ.

При школѣ имѣется много учебныхъ пособій: географическія карты и картины, картины изъ священной и народной исторіи, атласы для рисованія, зоологическіе и ботаническіе атласы, различныя чучела рыбъ, птицъ, звѣрей, коллекціи минераловъ, насѣкомыхъ, физическіе и химическіе приборы, электрическая машина и т. д.

Кромѣ предметовъ, дѣвочки обучаются: вязанью, шитью, вышиванью и штопѣ. Матеріалъ для работы дѣти приносятъ изъ дому. Вязанье начинаютъ съ мѣшка для ножницъ, наперстка, нитокъ и иголовъ. Шитью учатся на полотняныхъ образцахъ, на которыхъ проходятъ всѣ швы. Для вышивки продаются куски тонкаго колена коры съ отпечатаннымъ на нихъ рисункомъ—буквъ простыхъ и болѣе сложныхъ, монограммъ, цифръ, фестоновъ и гирляндъ. Образецъ для вышивки—величиною въ обыкновенный дамскій носовой платокъ. По окончаніи образцовъ, дѣти приносятъ изъ дому разную работу, которую выполняютъ подъ руководствомъ опытной учительницы рукодѣлія. Штопаютъ на канвѣ и на полотнѣ разноцвѣтной бумагой, разнымъ узоромъ.

Лучшія ученицы по окончаніи курса получаютъ въ награду рабочей столикъ со всѣми принадлежностями работы или книгу.

Отдѣльной рекреационной залы при школѣ нѣтъ: дѣти въ свободное время гуляютъ или въ широкихъ корридорахъ, или на дворѣ.

При школахъ нѣтъ пансіонеровъ— всѣ дѣти приходящія, какъ и у насъ.

Изъ учебнаго персонала при школѣ живетъ только ректоръ, который для поддержанія чистоты и топки печей нанимаетъ слугу и истопника. Ректоръ слѣдитъ за воспитаніемъ и преподаваніемъ, ему же ввѣренъ и инвентаръ школы...

Получивъ рекомендацію къ другому ректору, мы имѣли возможность познакомиться съ новѣйшей школой, открытой въ 1888 году, а та школа существуетъ съ 1835 года, и зданіе ея не такъ хорошо приспособлено для школы, какъ новѣйшія.

Во второй школѣ квартиры служащихъ помѣщаются въ отдѣльномъ домѣ; гимнастическій залъ представляетъ также совершенно отдѣльное отъ школьнаго зданіе, специально приспособленное для гимнастики. Оно состоитъ изъ одной громадной свѣтлой комнаты, въ которой окна продѣланы довольно высоко, выше человеческого роста, а стѣны отдѣланы пестрыми изразцами. Съ потолка спускаются веревки, ремни, шести, лѣстницы, а вдоль стѣнъ расположены различныя гимнастическіе приборы; есть и матрасы, которые подкладываются, чтобы дѣти не ушибались.

Для того, чтобы изъ гимнастическаго зала попасть въ школьный домъ, надо пройти большой дворъ, вымощенный рисункомъ небольшими

каменками, имѣющими гладкую поверхность; вдоль стѣнъ, окружающихъ школьный дворъ и у забора вьется зелень; среди двора посажено нѣсколько молодыхъ деревьевъ. Этотъ первый дворъ принадлежитъ мужской школѣ; по другую сторону дома—дворъ для дѣвочекъ. Школьное зданіе построено на двѣ школы—мужскую въ правой его части, и женскую—въ лѣвой. Гимнастическій залъ и домъ для служащихъ принадлежатъ также обѣимъ школамъ.

Ректоръ показалъ намъ все школьное зданіе, начиная съ подвала, гдѣ проведены трубы и устроена печь для парового отопленія. Кромѣ 11 классныхъ комнатъ, есть отдѣльная комната для учителей, другая—для учебныхъ пособій, и громадная—не только хорошо, но скорѣе роскошно отдѣланная (Aula) зала для лекцій и различныхъ торжественныхъ собраній. Стѣны ея покрыты пестрыми, узорчатыми изразцами, на которыхъ мѣстами красными буквами на желтоватомъ фонѣ выступаютъ изреченія изъ священнаго писанія. Стекла въ окнахъ украшены живописью, съ потолка спускается большая изящная люстра. Въ этой залѣ стоятъ столы и каяедра. Вся обстановка въ ней очень изящна, и ректоръ особенно ею гордится.

Само зданіе въ гигиеническомъ отношеніи не оставляетъ желать ничего лучшаго. Вездѣ устроена вентиляція, потолки высокіе, стѣны вездѣ выкрашены масляною краскою, окна большія, такъ что въ классахъ и въ корридорѣ много свѣту. Освѣщеніе во всемъ зданіи газовое.

Въ свободное время дѣти гуляютъ во дворѣ или въ корридорѣ, гдѣ прибиты также и вѣшалки для верхняго платья.

При новыхъ школахъ ректоръ пользуется большою, хорошо отдѣланною квартирой, въ 6—7 комнатъ, съ ванной и со всѣми удобствами...

При такомъ бѣгломъ обзорѣ намъ удалось, однако, собрать не мало интересныхъ свѣденій по школьному дѣлу въ Берлинѣ.

При каждой школѣ, какъ мы уже упомянули, живетъ ректоръ, на обязанности котораго лежитъ наблюденіе за преподаваніемъ. Ректоромъ можетъ быть только лицо, получившее высшее образованіе. Въ школѣ преподають учителя и учительницы. Чтобы получить мѣсто учителя или учительницы въ городской школѣ, надо пройти курсъ учительской семинаріи, который продолжается три года, и, по предъявленіи въ ратушу свидѣтельства объ окончаніи курса въ семинаріи, выдержать испытательный экзаменъ при училищной комиссіи. Послѣ удовлетворительнаго результата при испытаніи въ ратушѣ, получается право на занятіе учительской должности, а также

и на временное замѣщеніе учащихъ, которые по болѣзни лишены возможности сами заниматься съ классомъ.

Ректоръ получаетъ квартиру, которая цѣнится въ 800 марокъ, на отопленіе полагается 90 марокъ; жалованье въ первыя шесть лѣтъ службы 3.400 марокъ, а затѣмъ содержаніе постепенно увеличивается черезъ каждыя 12 лѣтъ и доходитъ до 4.200 марокъ,—высшаго ректорскаго оклада.

Первоначальное содержаніе учителя оплачивается 1.200 марками; черезъ 4 года службы онъ получаетъ уже 1.600 марокъ—

черезъ	6	лѣтъ	1.900	марокъ.
"	8	"	2.200	"
"	11	"	2.600	"
"	14	"	2.800	"
"	17	"	3.000	"
"	20	"	3.200	"
"	23	"	3.400	"
"	27	"	3.600	"
"	31	"	3.800	"

Свыше 3.800 марокъ учитель не получаетъ. Къ годамъ дѣйствительной службы присчитываются, кромѣ занятій въ берлинскихъ народныхъ школахъ, и занятія въ другихъ школахъ Германіи, а съ 1-го апрѣля 1894 года и занятія въ частныхъ берлинскихъ школахъ.

Первоначальное содержаніе учительницъ также 1.200 марокъ, а наибольшее 2.200. Высшаго оклада онѣ достигаютъ черезъ 18 лѣтъ, въ слѣдующей постепенности со дня поступления на службу:

Первые 3 года 1.200 марокъ.				
черезъ	3	"	1.400	"
"	6	"	1.500	"
"	9	"	1.700	"
"	12	"	1.800	"
"	15	"	2.000	"
"	18	"	2.200	"

Сюда присчитывается и время занятій въ другихъ нѣмецкихъ школахъ.

Итакъ, первоначальное содержаніе учителей и учительницъ одинаково; затѣмъ содержаніе учительницъ становится значительно меньше сравнительно съ учителями: черезъ 18 лѣтъ со дня начала службы учитель получаетъ 3.000 марокъ, а учительница всего 2.200, на которыхъ она и остается до конца службы, между тѣмъ какъ содержаніе учителя, какъ мы привели выше, можетъ дойти до 3.800 марокъ, т. е. увеличиться болѣе чѣмъ въ три раза противъ первоначальнаго. При подобномъ распредѣленіи содержанія, въ Берлинѣ руководствуются тѣмъ, что у учителей есть или могутъ быть семьи,

на содержаніе которыхъ имъ и надо больше денегъ, а учительницы большей частью живутъ у родителей. По выходѣ замужъ, учительница обязана оставить школу.

Инспекторъ гимнастики получаетъ отъ 2.400 до 3.600 марокъ черезъ 24 года службы.

Учитель гимнастики—отъ 1.900 до 2.700 марокъ черезъ 20 лѣтъ.

Прибавимъ сюда содержаніе, получаемое двумя членами городского училищнаго совѣта и инспекторами: одинъ членъ совѣта, состоящій на службѣ съ 1874 года, получаетъ 12.000 марокъ; другой—съ 1882 года—11.000.

Школьные инспектора первоначально поступаютъ на содержаніе въ 5.400 марокъ, черезъ каждые 3 года получаютъ по 300 марокъ прибавки, такъ что ихъ содержаніе можетъ дойти до 7.200 марокъ; болѣе эта сумма не увеличивается.

Такъ вознаграждается въ г. Берлинѣ педагогическій трудъ, и это даетъ возможность всецѣло ему отдаваться, не отыскивая на сторонѣ занятій для пополненія своего бюджета.

По списку 1-го іюня 1894 года въ Берлинѣ было 203 народныя школы (у насъ 330), съ 3.434 классами (у насъ тѣже 330 класса): 1.690 для мальчиковъ, 1.709 для дѣвочекъ, и 35 смѣшанныхъ. Изъ этого числа 14 школъ католическихъ, остальные лютеранскія. Ученики іудейскаго исповѣданія берутъ уроки Моисеева закона у своихъ учителей въ нѣсколькихъ центральныхъ школахъ.

Учебный персоналъ школъ составляли 203 ректора,—все академикъ,—2.093 учителя, 1.136 учительницъ и 609 помощницъ и преподавательницъ работъ. Всего въ народныхъ школахъ преподаютъ 4.138 учителей и учительницъ (у насъ 330). На каждую школу среднимъ числомъ приходится 16,90 классовъ съ 905 учениками, а на каждый классъ 54 ученика. Есть много школъ, въ которыхъ число учащихся превышаетъ 1 тысячу человекъ: въ одной школѣ числится 1.566 учащихся, и при ней имѣется 28 классныхъ комнатъ, 25 для мальчиковъ и 3 для дѣвочекъ: въ другой—1.503 ученика распределены слѣдующимъ образомъ: 15 мужскихъ классовъ, 16 женскихъ и 2 смѣшанныхъ. Есть школа въ 33 классныхъ комнаты; вообще свыше двадцати классовъ имѣютъ пятнадцать школъ, и только одна имѣетъ сѣять классныхъ комнатъ. Наибольшее число преподавателей по школамъ—38 человекъ, наименьшее—11.

Въ іюні 1894 г. было: 203 ректора, 2,093 учителя, 1,136 учительн., всего 3,432.
 „ 1893 г. „ 198 „ 2,050 „ 1,083 „ „ 3,331.

За 1 годъ прибавилось 5 ректор., 43 учителя, 53 учительн., всего 101.

Въ іюні 1894 г. было: 203 школы, 3,434 класса, 183,769 учащихся.
 „ 1893 г. „ 198 „ 3,331 „ 180,756 „

За 1 годъ прибавилось: 5 школъ, 103 класса, 3,013 учащихся.

Въ Петербургѣ 330 училищъ и въ нихъ всего 17,300 учащихся.

Для нѣмцевъ обученіе въ школахъ бесплатное, для иностранцевъ— 2 маркы 50 пф. въ мѣсяцъ. Способныя дѣти бѣдныхъ родителей получаютъ также на счетъ города книги, тетради и другія учебныя вещи; остальные—покупаютъ ихъ на свой счетъ. Матеріалъ для работы бѣдные получаютъ также изъ школы.

По сметѣ на 1894-5-й годъ, предполагался приходъ въ 92,530 марокъ, а расходъ—9,904,428 марокъ, такъ что городъ долженъ былъ добавить на содержаніе школъ 9,811,898 марокъ.

Во всѣхъ школахъ преподаваніе ведется по одной программѣ и раздѣляется на 3 отдѣленія, по 2 класса въ каждомъ; существуютъ также параллельныя классы, и число ихъ находится въ зависимости отъ числа учениковъ и количества классныхъ комнатъ.

Расписаніе уроковъ также общее для всѣхъ школъ:

МЛАДШЕЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Въ женскихъ и мужскихъ школахъ.

6-й классъ.		5-й классъ.	
Законъ Божій въ недѣлю	4 часа.	Законъ Божій	4 часа.
Чтеніе, письмо, нѣмецк. яз.	11 „	Чтеніе, письмо, нѣмецк. яз.	9 „
Арифметика.	4 „	Арифметика.	4 „
Гимнастика.	2 „	Рисованіе	2 „
Пѣніе	1 „	Гимнастика	2 „
		Пѣніе	1 „
	<u>Итого 22 часа.</u>		<u>Итого 22 часа.</u>

СРЕДНЕЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Въ женскихъ классахъ.

4-й классъ.		3-й классъ.	
Законъ Божій	4 часа.	Законъ Божій	4 часа.
Чтеніе, письмо, нѣмецк. яз.	8 „	Чтеніе, письмо, нѣмецк. яз.	8 „
Рисованіе.	2 „	Рисованіе	2 „
Арифметика	4 „	Арифметика.	4 „
Отечеств. исторія	2 „	Географія.	2 „
Пѣніе	2 „	Исторія	2 „
Гимнастика	2 „	Естеств. исторія	2 „
Руководствіе	4 „	Пѣніе.	2 „
	<u>Итого 28 часовъ.</u>	Гимнастика	2 „
		Руководствіе.	4 „
		<u>Итого. . . . 32 часа.</u>	

Въ мужскихъ школахъ.

4-й классъ.		3-й классъ.	
Законъ Божій	4 часа.	Законъ Божій	4 часа.
Чтеніе, письмо, нѣмецк. яз.	10 "	Чтеніе, письмо, нѣмецк. яз.	10 "
Арифметика	4 "	Арифметика	4 "
Отечеств. исторія	2 "	Отечеств. исторія	2 "
Естеств. исторія	2 "	Естеств. исторія	2 "
Рисованіе	2 "	Рисованіе	4 "
Пѣніе	2 "	Пѣніе	2 "
Гимнастика	2 "	Гимнастика	2 "
Итого	28 часовъ.	Итого	30 часовъ.

СТАРШЕЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Въ женскихъ школахъ.

2-й и 1-й классы.

Законъ Божій	4 часа.	Географія	2 часа.
Чтеніе, письмо, нѣмецк. яз.	6 "	Исторія	2 "
Рисованіе	2 "	Естеств. исторія	2 "
Арифметика	4 "	Гимнастика	2 "
Пѣніе	2 "	Руководствіе	6 "
Итого	32 часа.		

Въ мужскихъ школахъ.

2-й классъ.		1-й классъ.	
Законъ Божій	4 часа.	Законъ Божій	4 часа.
Чтеніе, письмо, нѣмецк. яз.	8 часовъ.	Чтеніе, письмо, нѣмецк. яз.	8 часовъ.
Арифметика	4 часа.	Арифметика	4 часа.
Исторія	2 "	Исторія	2 "
Географія	2 "	Географія	2 "
Естеств. исторія	2 "	Естеств. исторія	3 "
Геометрія	2 "	Геометрія	3 "
Рисованіе	2 "	Рисованіе	2 "
Пѣніе	2 "	Пѣніе	2 "
Гимнастика	2 "	Гимнастика	2 "
Итого	30 часовъ.	Итого	32 часа.

Итакъ, первый и второй годъ дѣти занимаются 22 часа въ неделю, третій—28, четвертый, пятый и шестой—мальчики—30, а дѣвочки 32 часа.

Кромѣ народныхъ школъ, городъ Берлинъ содержитъ слѣдующія аготворительно-воспитательныя учрежденія:

1) *Школа мукомольныхъ* (основана въ 1875 году), при ней 15 смѣнныхъ классовъ на 130 учащихся.

Директоръ, 11 учителей, 3 учительницы, 3 техническихъ преподавателя, въ томъ числѣ учитель рисованія.

2) *Школа слѣпыхъ* существуетъ съ 1878 г., имѣетъ 4 смѣшанныхъ класса на 54 учащихся.

Директоръ, 1 учитель, 2 учительницы, 1 садовница, 1 учитель музыки.

При этой школѣ 4 мастерскія: плетенія стульевъ, производства щетокъ, плетенія корзинъ и печатанья для слѣпыхъ.

Въ каждой изъ трехъ первыхъ мастерскихъ обучаютъ спеціальные мастера.

Городское убѣжище для слѣпыхъ состоитъ изъ школы на 54 воспитанника и мастерской на 78 человѣкъ, всего на 132 человѣка.

3) *Убѣжище для идиотовъ* имѣетъ 11 смѣшанныхъ классовъ на 189 учащихся; въ отчетномъ году тамъ содержалось 121 мальчикъ и 68 дѣвочекъ, а кромѣ того 24 приарѣваемыхъ, которые вовсе не посѣщали школу. Учебный персоналъ составляютъ: директоръ, 4 учителя, 2 учительницы, 1 учительница ремесла.

4) *Воспитательный домъ* имѣетъ 4 класса на 150 учащихся мальчиковъ. Во главѣ его стоитъ директоръ, онъ же и воспитатель и 5 учителей.

5) *Воспитательный домъ для малолѣтнихъ, страдающихъ припадками.* При немъ 6 смѣшанныхъ классовъ на 74 воспитанника: 45 мальчиковъ и 29 дѣвочекъ. Заведеніе ведется инспекторомъ съ помощью учителя, учительницы и одной преподавательницы ремесла.

6) *Большой императора Фридриха сиротскій домъ* на 420 человѣкъ. При немъ 8 классовъ для мальчиковъ, 1—для дѣвочекъ. Учебный персоналъ: директоръ, 14 учителей, 1 учитель рисованія.

7) *Городской сиротскій домъ* имѣетъ 3 класса для дѣвочекъ и 1 смѣшанный классъ, всего на 100 учащихся. При нихъ: 2 воспитателя, 2 воспитательницы, 1 учительница шитья, 1 учительница ручного труда и 1 учительница глаженья.

8) *Воспитательный домъ* для покинутыхъ дѣвочекъ состоитъ подъ надзоромъ смотрительницы и воспитательницы.

9) *Школа при городскомъ „убѣжищѣ“* имѣетъ одинъ смѣшанный классъ, который ежегодно посѣщаютъ не менѣе 1.200 дѣтей. При ней одинъ учитель.

Всѣ названныя учрежденія вмѣстѣ со школами подчинены городской училищной комиссіи. Кромѣ того школы подчинены и министерству народнаго просвѣщенія. Члены городской училищной комиссіи слѣдятъ за порядкомъ содержанія школьныхъ домовъ и инвентаря. Они же утверждаютъ въ должности учителей для постоянныхъ или временныхъ занятій, слѣдятъ за учебнымъ персоналомъ, посѣщаютъ школы, слѣдятъ за преподаваніемъ и гимнастикой и налагаютъ наказанія за упущенія; на нихъ же возложено наблюденіе

за частными школами. Комиссія для обсуждения школьных дѣлъ собирается въ ратушѣ 2 раза въ мѣсяцъ. Въ составъ комиссіи входятъ 32 члена.

Со стороны министерства наблюдение за школами возложено на десять инспекторовъ, по числу школьных участковъ, на которые раздѣленъ Берлинъ. Эти же инспектора слѣдятъ за преподаваніемъ въ семинаріяхъ, школахъ слѣбныхъ, частныхъ и т. д. Всѣ они получаютъ хорошее вознагражденіе и принадлежать къ лицамъ, получившимъ высшее образованіе.

Наконецъ, городъ Берлинъ содержитъ сверхъ всего упомянутаго еще слѣдующія высшія учебныя заведенія: 11 классическихъ гимназій; 7 реальныхъ гимназій; 2 высшія реальныя школы; 11 реальныхъ школъ для горожанъ и 6 высшихъ школъ для дѣвочекъ.

Въ заключеніе скажемъ о положеніи берлинскихъ учителей и учительницъ, внавшихъ въ болѣзненное состояніе, о вдовахъ и сиротахъ учащихся.

Служащіе въ народныхъ школахъ имѣютъ право на пенсію; для этого они должны состоять на службѣ не менѣе 10-ти лѣтъ. Если, по прошествіи этого времени, состояніе здоровья не позволитъ имъ продолжать занятія, они получаютъ пожизненную пенсію въ размѣрѣ четвертой части того содержанія, которое они получаютъ по день выхода въ отставку; за каждый слѣдующій за десятию годами учебный годъ пенсія увеличивается на $\frac{1}{100}$ содержанія, но не превышаетъ трехъ четвертей его. Года службы, дающіе право на пенсію, считаются только съ 21-лѣтняго возраста.

Если по смерти учителя, получавшаго пенсію, остаются вдова или потомки, они получаютъ эту пенсію еще за одинъ мѣсяцъ послѣ его смерти; это же правило касается и ближайшихъ потомковъ учительницы, если она вдова. Зачисленіе пенсіи черезъ одинъ мѣсяцъ послѣ смерти слѣдуетъ и въ томъ случаѣ, когда послѣ умершаго остаются въ нуждѣ родители, братья и сестры, племянники или приемыши дѣти, которыхъ онъ содержалъ, и если оставшееся наслѣдство не покрываетъ послѣднихъ расходовъ по болѣзни и погребенію.

Для обезпеченія вдовъ существуетъ особое „Общество попеченія о вдовахъ“, куда долженъ вступать членомъ всякій женатый учитель, а холостые — тотчасъ по вступленіи въ бракъ. Если членъ этого общества оставляетъ службу до выслуги пенсіи, то получаетъ обратно сдѣланные имъ въ Общество взносы, за исключеніемъ процентовъ.

Кромѣ того, существуютъ различныя благотворительныя учрежденія, оказывающія помощь народному учительскому персоналу и ихъ близкимъ родственникамъ.

Похоронная касса выдаетъ 360 марокъ на погребеніе ея членовъ.

Членскій взносъ 6 марокъ. Жены учителей также имѣютъ право принимать участіе въ кассѣ. Денежныя средства кассы въ 1892 году доходили до 623.920 марокъ.

„Больничная касса“—члены ея платятъ ежемѣсячно 50 пфенниговъ—въ случаѣ болѣзни одного изъ членовъ выдаетъ 6 марокъ въ недѣлю, а иногда и больше.

„Попеченіе о сиротахъ учителей въ память Лютера“—общество, которое принимаетъ на себя заботы о нуждающихся сиротахъ берлинскихъ учителей.

Можно еще насчитать подобныхъ обществъ съ одною и тою же цѣлю не менѣ десяти, сверхъ вышеупомянутыхъ. Особенно замѣчательно учрежденіе доктора Кубе: оно имѣетъ цѣлю попеченіе учительницъ, учителей и ихъ вдовахъ въ старости. Зданіе для этого учрежденія уже окончено. Приврѣваемые получаютъ тамъ: жилище, отопленіе, освѣщеніе, содержаніе, одежду, бѣлье и услуги, а совершенно немущіе, сверхъ этого, ежемѣсячно имѣютъ небольшія карманныя деньги. На полученіе права помѣщенія въ это учрежденіе надо не менѣ десяти лѣтъ состоять на службѣ въ частной или общественной берлинской школѣ. Принимаются только лица христіанскаго исповѣданія, и при одинаковыхъ условіяхъ лютеране имѣютъ преимущество передъ католиками. Принадлежащій учрежденію по завѣщанію капиталъ состоитъ изъ 30.000 марокъ, находящихся въ неограниченномъ распоряженіи городского магистрата (управа), и 8.000 марокъ пожизненной ренты, получаемыхъ съ 77.000 марокъ. Большая часть завѣщаннаго наслѣдства состоитъ изъ недвижимаго имущества.

Послѣднее учрежденіе, какъ новое, еще не вполне открыло свои дѣйствія...

С. Доливо-Довровольская.

Слб. 1895 г.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1896.

— М. И. Драгомировъ. Разборъ романа „Война и Миръ“. Кіевъ, 1895.

Настоящая книжка есть новое изданіе статей М. И. Драгомирова, написанныхъ давно; а именно, онѣ писались по мѣрѣ выхода въ свѣтъ знаменитаго романа. Статьи являлись въ спеціальному журналѣ и поэтому даже въ свое время были мало замѣчены, и для многихъ будутъ теперь совершенно новы. Онѣ заслуживали однако полного вниманія и настоящее ихъ изданіе является и теперь очень кстати. Какъ тогда, такъ еще болѣе теперь имя гр. Л. Н. Толстого у всѣхъ на устахъ, его философскія ученія и его поэтическое творчество составляютъ предметъ живѣйшаго интереса не только въ русской, но, можно сказать, во всемирной литературѣ, и чрезвычайно любопытно и поучительно вернуться къ первымъ годамъ славы писателя, когда въ его произведеніяхъ, и особенно въ „Войнѣ и Мирѣ“, впервые сказались задатки той двойственности, которая такъ рѣзко раздѣлила дѣятельность нашего писателя впоследствии. Книжка г. Драгомирова очень интересна именно тѣмъ, что онъ одинъ изъ первыхъ совершенно отчетливо понялъ и объяснилъ эту двойственность великаго художника и мечтателя-философа и, отдавая всю дань удивленія первому, указалъ въ послѣднемъ тѣ черты, которыя потомъ увлекли его въ рядъ парадоксовъ. Затѣмъ въ сочиненіи г. Драгомирова есть и другая особенность: авторъ—военный писатель, спеціалистъ военнаго дѣла, и онъ могъ съ полнымъ знаніемъ этого дѣла судить о военныхъ эпизодахъ романа, которые въ немъ довольно обширны, и судить о которыхъ было бы очень трудно обыкновенному штатскому критику. Въ обоихъ случаяхъ замѣчанія г. Драгомирова были очень цѣнны.

Авторъ начинаетъ свой разборъ именно съ военной стороны романа. „Нельзя сказать,—говорить онъ,—чтобы военная литература,

особенно за послѣдніе два вѣка, отличалась бѣдностью; нельзя сказать также, чтобы человѣчество обоихъ полушарій было слишкомъ скупо на ту дѣятельность, которая даетъ матеріалъ для военной литературы; несмотря на это, мы не знаемъ ничего, или почти ничего о тѣхъ внутреннихъ процессахъ и явленіяхъ, которые происходятъ въ душѣ человѣка подѣ влияніемъ опасности. Причинъ такому основательному невѣжеству въ дѣлѣ, занимающемъ довольно видное мѣсто въ жизни народовъ, много—и весьма вѣскихъ; но отъ этого ничуть не легче самому дѣлу, или, лучше сказать, состоянію понятій о немъ, ибо никто, конечно, не станетъ спорить противъ того, что фальшивыя представленія о душевныхъ процессахъ, при какой бы то ни было дѣятельности, до добра не доводятъ. На военномъ дѣлѣ это отразилось самымъ нагляднымъ образомъ; если были цѣлыя эпохи, убѣжденные въ томъ, что чѣмъ массы людей совершеннѣе воспроизводятъ прямолинейныя и прямоугольныя геометрическія фигуры, тѣмъ войско лучше, чѣмъ солдатъ ближе къ автомату, тѣмъ онъ болѣе годенъ для дѣла;—если, повторяемъ, были подобныя цѣлыя эпохи, то это ни чему иному приписано быть не можетъ, какъ полному невниманію къ духовной дѣятельности человѣка, призваннаго дѣйствовать въ массахъ, на боевомъ полѣ, подѣ влияніемъ опасности“.

Многимъ можетъ показаться, продолжаетъ авторъ, что война и не заслуживаетъ особаго изученія, потому что война есть остатокъ дикихъ временъ и впослѣдствіи споры народовъ будутъ разрѣшаться мирно, „разговоромъ“, и въ концѣ концовъ наступитъ вѣчный миръ; но г. Драгомировъ склоняется къ мнѣнію Лейбница, что „вѣчный миръ возможенъ только на кладбищѣ“. Но еслибы когда-нибудь и наступилъ вѣчный миръ, война пока еще существуетъ и во всякомъ случаѣ должна привлечь вниманіе психологовъ. „Война, и только одна война, вызываетъ то страшное и совмѣстное напряженіе всѣхъ духовныхъ сторонъ человѣка, въ особенности воли, которое показываетъ всю мѣру его мощи и которое не вызывается никакимъ другимъ родомъ дѣятельности“. Невниманіе психологовъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя происходятъ въ душѣ человѣка „подъ пулями и гранатами“ или въ битвахъ, рѣшавшихъ самую судьбу полководцевъ, лишило ихъ множества драгоцѣнныхъ фактовъ о духовной дѣятельности человѣческаго организма. До сихъ поръ военная исторія стоитъ на энической точкѣ зрѣнія, но Агамемноны и Ахиллесы должны наконецъ сойти со сцены и уступить мѣсто обыкновеннымъ людямъ со всякими ихъ достоинствами и всякими слабостями. „Дѣло отъ этого выиграетъ: оно всегда выигрываетъ отъ правды. Въ теоріи не будутъ ограничиваться всеизвиняющей фразой: „это случайность“,

а будутъ задаваться вопросомъ о томъ: какъ нужно вести и организовывать войска, дабы они возможно менѣе поддавались неблагоприятнымъ случайностямъ^а. Въ доказательство, что пришло время такого трезваго отношенія къ военному дѣлу, авторъ указываетъ два сочиненія, повидимому разнородныя, но въ сущности тѣсно связанныя по внутреннему смыслу: это, были книга генерала Трошю о французской арміи и романъ „Война и миръ“, и авторъ не разъ потомъ сличаетъ ихъ въ изображеніяхъ битвы и психологій военныхъ людей.

Романъ гр. Толстого съ самаго начала оставляетъ въ критикѣ двойственное впечатлѣніе; это, во-первыхъ, сцены военного быта, и во-вторыхъ, выводы о нѣкоторыхъ вопросахъ военного искусства; первыя вызываютъ у критика величайшія похвалы, вторыя онъ считаетъ ниже самой снисходительной критики.

„На первомъ планѣ является бытовая мирно-военная картина, но какая! Десять батальныхъ полотенъ самаго лучшаго мастера, самаго большого размѣра можно отдать за нее. Смѣло говоримъ, что не одинъ военный, прочитавъ ее, невольно скажетъ себѣ: да это онъ списалъ съ нашего полка!“ И такое впечатлѣніе повторяется каждый разъ, когда изображаются въ романѣ различные эпизоды военныхъ событій; не будемъ перечислять ихъ, такъ какъ читателю должны быть памятны всѣ эти мастерски написанныя сцены. Но вскорѣ критикъ встрѣчается и съ другимъ элементомъ романа, съ упомянутыми соображеніями гр. Толстого о самомъ существѣ военного искусства, и критикъ, какъ специалистъ военного дѣла, отвергаетъ эти соображенія самымъ категорическимъ образомъ. По мнѣнію гр. Толстого, никакого военного искусства не существуетъ: когда встрѣчаются двѣ военныя массы, дѣло рѣшается вовсе не планами полководцевъ, не распоряженіями, которыя сплошь и рядомъ остаются неисполненными, а рѣшаются стихійно, простыми инстинктами массъ и отдѣльныхъ лицъ, и результатъ, какой обыкновенно приписывается военными историками тѣмъ или другимъ распоряженіямъ полководцевъ, въ сущности является совершенно независимо отъ нихъ и въ этомъ смыслѣ бываетъ чистой случайностью. Военный критикъ романа даетъ цѣлый рядъ фактическихъ объясненій и доказываетъ, что эти случайности вовсе не такъ велики, и изъ самаго разсказа гр. Толстого извлекаетъ подробности, изъ которыхъ видно, что въ самихъ участникахъ боя, которымъ романистъ даетъ эти стихійныя побужденія, бывали, напротивъ, именно соображенія о томъ, что именно надо дѣлать въ данную минуту... Но если критика привели въ недоумѣніе эти военныя соображенія романиста, то еще больше поражаютъ его историческія разсужденія гр. Толстого. Въ томъ и другомъ случаѣ критикъ вѣрно указываетъ источникъ парадоксальныхъ

рѣшеній гр. Толстого въ свойствахъ художественнаго изображенія, которое онъ постоянно смѣшиваетъ съ изображеніемъ теоретическимъ или философскимъ.

„Теоретическія воззрѣнія, принадлежащія собственно автору,—говоритъ г. Драгомировъ,—носятъ на себѣ отпечатокъ односторонности, составляющей послѣдствіе сильной стороны его таланта, т.-е. способности живописать отдѣльныя явленія. Всякій живописецъ, для того, чтобы картина была вѣрна, *должна* рисовать ее съ одной точки. Если онъ строго соблюдаетъ при этомъ отношеніе свѣта и тѣни, изображеніе выходитъ до того художественно, что даетъ возможность дополнять воображеніемъ то, что находится и за этой, *одной только*, представленной стороной. Какъ всякое вѣрное воплощеніе идеи, такое изображеніе проявляетъ ее *всю*, несмотря на то, что воспроизводитъ только одну ея сторону. Отъ этого и происходитъ, что художественное произведеніе наводитъ иногда критика на такія мысли, которыя самому художнику, можетъ быть, и не приходили въ голову въ моментъ творчества.

„Условія вѣрнаго воспроизведенія (въ этомъ случаѣ *воспроизведеніе* обращается уже въ *развитіе* идеи) той же идеи не посредствомъ образовъ, а путемъ умозаключеній, совершенно иныхъ; кто беретъ за подобную задачу, тотъ долженъ изслѣдовать идею уже не съ одной какой-либо, а съ возможно большаго числа сторонъ: иначе выводъ получится односторонній, чтобы не выразиться иначе. Понятно, что кто привыкъ работать въ сферѣ, требующей для выполненія задачи не сходить, такъ сказать, съ одной точки, тотъ, при малѣйшей оплошности, упадетъ въ эту манеру и тамъ, гдѣ она совершенно перестаетъ соответствовать природѣ поставленной цѣли. Отъ этого и происходитъ, что большинство живописцевъ—плохіе философы, и наоборотъ: почти всѣ философы—плохіе живописцы, разумѣя, конечно, живопись словомъ. Первымъ трудно сдвинуться съ одной точки зрѣнія; вторымъ, напротивъ, невозможно установиться на одной точкѣ зрѣнія. Бываютъ исключенія (въ родѣ Гёте), но они до такой степени рѣдки, что за всю жизнь человѣчества ихъ считаютъ единицами.

„Лучшее подтвержденіе сказанному—Гоголь: всякій знаетъ пропасть, отдѣляющую первую часть его „Мертвыхъ Душъ“ отъ „Переписки съ друзьями“. Сильный въ одномъ извѣстномъ направленіи, онъ потерпѣлъ полное фіаско, какъ только вздумалъ сойти съ этого направленія“ (стр. 56 и д.).

Критикъ справедливо замѣчаетъ, что это уклоненіе отъ прямой художественной задачи не только производитъ плохія теоретическія разсужденія, но заставляетъ художника прилаживать къ этимъ плохимъ разсужденіямъ и самыя изображаемыя имъ лица: такъ это и

случилось съ Гоголемъ во второй части „Мертвыхъ Душъ“. То же случилось и съ гр. Толстымъ, — замѣчаетъ критикъ, хотя не въ такой степени, и не дай Богъ, конечно, чтобы оно когда-либо дошло до *такой* степени“.

Это было написано, когда вышли въ свѣтъ еще только четыре части „Войны и мира“, гдѣ критикъ могъ отмѣтить нарушение художественной гармоніи тѣми разсужденіями, которыми онъ хотѣлъ доказывать свои мнѣнія о военномъ искусствѣ. Въ 1895 критикъ прибавилъ къ этому мѣсту примѣчаніе, что оно дѣйствительно *дошло*... По мѣрѣ выхода остальныхъ частей романа, критику пришлось снова встрѣтиться съ этими нарушениями художественной гармоніи, когда къ разсужденіямъ о военномъ искусствѣ прибавились еще болѣе обширныя разсужденія объ исторической наукѣ, которую гр. Толстой также считалъ мнимомъ и ложномъ.

„Авторъ, — говоритъ г. Драгомировъ, — и въ послѣднихъ томахъ своего труда остается вѣрнѣе себя: та же правда изображеній и тонкость психическаго анализа, когда дѣло идетъ о частной жизни, и та же самоувѣренная односторонность и такъ сказать незаконченность понятій, когда онъ пускается въ разсужденія по поводу описываемыхъ фактовъ, или выдающихся представителей массъ. Разница съ предшествующими томами его произведеній только въ томъ, что меньше картинъ и больше разсужденій; да еще въ томъ развѣ, что въ разсужденія, особенно VI тома, напущено туману при помощи разныхъ хорошихъ словъ и замысловатыхъ фразъ, за которыми не трудно открыть тѣ же одностороннія мнѣнія, которыя извѣстны уже читателю изъ IV тома.

„Манера аргументаціи автора въ разсужденіяхъ та же: онъ не доказываетъ своихъ положеній, а, если можно такъ выразиться, втираетъ ихъ, повторяя совершенно одно и то же на разные лады по нѣскольку разъ и ссылаясь или на человѣческой умъ, которому будто бы противно признать то, что не нравится автору, или же на факты, которые могли бы быть, да не были и быть не могли или, наконецъ, на какое-либо сравненіе съ пароходомъ, стадомъ и т. п., сдѣланное такъ, что обыкновенно оно не идетъ къ дѣлу“ (стр. 95—96).

Критикъ останавливается на нѣкоторыхъ изъ этихъ разсужденій и придерживается гр. Толстого на логическихъ скачкахъ, несоответственныхъ сравненіяхъ, неправильныхъ выводахъ и другихъ средствахъ для того, что критикъ называетъ „отводомъ глазъ“; между прочимъ, критикъ иногда опровергаетъ писателя и его собственными фактами.

Критикъ беретъ, напр., то отрицаніе исторической науки, для котораго гр. Толстой, по словамъ г. Драгомирова, „обезпокоилъ диф-

ференциалы и интегралы". Гр. Толстой рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Только допустивъ безконечно малую единицу для наблюденія—дифференціалъ исторіи, т.-е. однородныя влеченія людей, и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы этихъ безконечно малыхъ), мы можемъ надѣяться на постигновеніе законовъ исторіи“. „Т.-е., — говоритъ на это г. Драгомировъ, — для того, напр., чтобы уразумѣть хотя бы 12-й годъ, нужно предварительно изучить біографію и влеченія, по крайней мѣрѣ, всѣхъ, принимавшихъ участіе въ ней, начиная, положимъ, хоть отъ Лаврушки въ одномъ лагерѣ и кончая Наполеономъ въ другомъ, и только тогда можно претендовать на правильность выводовъ объ этой кампаніи: такъ ли? Если авторъ въ этомъ убѣжденъ, то ему первому не слѣдовало пускаться въ разсужденія о 12-мъ годѣ, такъ какъ онъ всѣхъ помннутыхъ влеченій и біографій, конечно, не изучилъ“.

„Авторъ, — продолжаетъ г. Драгомировъ, — чтобы выпутаться изъ затрудненія, въ которое самъ себя поставилъ, отвергая всякое значеніе исторіи въ ея современномъ состояніи, ставить ей идеалъ, едва ли когда-либо достижимый, — и на основаніи этого идеала неопредѣленно, по его мнѣнію, опрокидываетъ доводы, ею добытые.“

„Съ точки зрѣнія своего идеала онъ признаетъ выводы современной исторіи неполными—что совершенно вѣрно,—и потому ложными—что уже вовсе не вѣрно и составляетъ логическій скачокъ. Исторія есть именно та наука, въ которой неполныя умозаключенія (т.-е. основанныя на соображеніи не всѣхъ данныхъ) менѣе всего могутъ утвердиться, ибо имъ всегда есть поправка—въ самомъ совершившемся фактѣ, возникшемъ изъ тѣхъ, которые историкъ послужили матеріаломъ для выводовъ. Что нужно, если историкъ не высказалъ намъ всѣхъ причинъ событія? Само это событіе доскажетъ то, что онъ упустилъ изъ виду. За нимъ явятся другой, третій, сотый историки, и, исправляя мало-по-малу односторонности другъ друга, выработаютъ возможно вѣрный для современной имъ эпохи взглядъ на сказанный фактъ. И въ этомъ процессѣ критика не разрушаетъ въ прахъ прежде сдѣланныхъ выводовъ, какъ кажется автору; но разъясненіемъ обстоятельствъ, упущенныхъ изъ виду, только способствуетъ превращенію взглядовъ болѣе одностороннихъ въ менѣе односторонніе“ (стр. 97—98).

Отвергая историческую науку, романистъ находитъ, что описать жизнь не только человѣчества, но даже одного народа, есть дѣло невозможное или, другими словами, что исторія есть бессмыслица. Онъ утверждаетъ, что разница между древними и новыми историками состоитъ въ томъ, что первые все относили къ божеству, а вторые отвергли это начало. Критикъ замѣчаетъ, что разница была не въ

этомъ, а въ томъ, что первыя, назвавъ высшее начало Юпитерами, Меркуріями и т. п., воображали, что понимаютъ его (хотя и у нихъ,— замѣчаетъ г. Драгомировъ,—выше всѣхъ боговъ была Судьба, которой они понимать не претендовали), а вторыя, искренно признавъ его непостижимымъ, не хотятъ тратить времени на то, что человѣку недоступно. Гр. Толстой принимаетъ это за отрицаніе и поражаетъ историковъ съ точки зрѣнія причины всѣхъ причинъ.

„Цѣль такого мажевра очевидна, — говоритъ г. Драгомировъ:— обнаруженная несостоятельность воззрѣній автора на ближайшія причины событій побудила его укрыться въ фортецію конечныхъ причинъ, изъ которой,—какъ съ точки зрѣнія вѣчности,—все оказывается ничтожнымъ: основательное, какъ и самое поверхностное изслѣдованіе факта; наборъ словъ, какъ и гениальное произведеніе. Въ IV томѣ было „ничто не причина“; въ V и VI причина нашлась, но недоступная человѣческому пониманію, передъ которой всѣ прочія, разубѣется, одинаково нелѣпы и одинаково несостоятельны и передъ которой не только Наполеонъ является ничѣмъ не выше послѣдняго солдата, но и народъ, да и весь земной шаръ ничего не значать!“ (стр. 119).

Зачѣмъ же тогда и указывать на эту причину, недоступную человѣческому пониманію, — говоритъ критикъ, — вѣдь авторъ о ней знаетъ столько же, сколько и истребляемые имъ историки, т.-е. ровно ничего не знаетъ. Или, можетъ быть, онъ претендуетъ на откровеніе... Что толку въ томъ, еслибы какой-нибудь метафизикъ, признавъ коверъ-самолетъ единственнымъ совершеннымъ экипажемъ, надилъ бы кучу недостатковъ въ современныхъ каретахъ, паровозахъ и пароходахъ? И тѣ, и другіе, и третьи не перестали бы двигаться своимъ путемъ, возить не только безпритязательное человѣчество, и самого метафизика, несмотря на то, что до ковра-самолета имъ, вѣчно, далеко“.

„Предназначенные жить на землѣ,—продолжаетъ г. Драгомировъ, — не выше и не ниже,—жить между людьми, займемся лучше тѣмъ, что около насъ и между нами дѣлается, не заносясь въ недоступныя горы горняя.

„Добытые подъ вліяніемъ такого взгляда выводы не будутъ высиженны, за то плодотворны. Охотники до забавы находятъ все неурезаннымъ, конечно, будутъ твердить, что такое относительное не есть знаніе—пусть ихъ твердятъ: опытъ показалъ, что отъ оныхъ они не подвигаются къ знанію абсолютному ни на волосъ. Вѣдь въ одной исторіи, а во всѣхъ наукахъ давно уже пришли къ тому выводу, что не только первичныхъ, но даже и производныхъ силъ, ихъ существъ, человѣкъ знать не можетъ, а судить о нихъ по

ихъ проявленіямъ; слѣдовательно и нужно заниматься этими послѣдними“.

Критикъ объясняетъ, что при объясненіи сложныхъ явленій недостаточно взять какое-нибудь положеніе и привести его къ нелѣпости; это не будетъ значить, что обратное положеніе справедливо, а покажетъ только, что разсужденіе было одностороннее. Въ эту ошибку постоянно впадаетъ гр. Толстой. Въ концѣ концовъ эти разсужденія становятся утомительны. Г. Драгомировъ въ концѣ книги даетъ еще одинъ примѣръ, приводя мнѣніе гр. Толстого о связи историческихъ идей и условій съ массами: „По своему обычаю, авторъ, послѣ разсужденій, приводитъ уподобленіе: идетъ пароходъ и движеніе его одинъ мужикъ объясняетъ чортомъ, другой движеніемъ колесъ, третій дымомъ, относимымъ вѣтромъ. Объясненіе явленій народной жизни вліяніемъ идей по автору то же, что объясненіе движенія парохода дымомъ. Предоставляемъ читателю рѣшить, серьезное ли это уподобленіе, или только юношеское играніе для отвода глазъ“.

Въ концѣ романа историческія и философскія разсужденія особенно избытчны, и критикъ выражается о нихъ такъ: „Слѣдить за мыслью автора въ его послѣдующихъ разсужденіяхъ, уловить, чего онъ хочетъ и хочетъ ли чего-либо,—мы въ состояніи не были. Можетъ, читатели будутъ счастливѣе: можетъ-быть, разсужденія автора носятъ въ себѣ глубокій смыслъ—мы не нашли его. Вѣчное повтореніе одного и того же, только въ измѣненной формѣ; поползновеніе сомнѣваться въ очевидныхъ фактахъ, ни чѣмъ не оправдываемое; красивыя, но безсодержательныя фразы; произвольно поставленные вопросы и притянутые къ нимъ за волосы отвѣты; наконецъ, ненадобныя уподобленія: все это—такъ показалось намъ по крайней мѣрѣ—тянется безъ всякой внутренней логической связи. Видно только, что авторъ тщится истреблять историковъ, но все какъ-то ходитъ кругомъ и около, а ничего яснаго не говоритъ“ (стр. 128).

Изъ приведенныхъ нами выдержекъ читатель можетъ судить объ интересѣ „Разбора“ г. Драгомирова. Онъ отдалъ всю справедливость необыкновеннымъ художественнымъ достоинствамъ романа, и въ частности считаетъ его чрезвычайно полезнымъ для специалистовъ военнаго дѣла по той массѣ правдивыхъ изображеній, объясняющихъ психологическое состояніе людей во время боя или вообще во время войны; но затѣмъ онъ считаетъ теоретическія разсужденія романиста о военномъ искусствѣ и объ исторической наукѣ сплошною ошибкою противъ художественныхъ требованій, а также и противъ самой логики. Онъ останавливается на главнѣйшихъ мотивахъ этихъ теорій гр. Толстого и первую причину его логическихъ ошибокъ указываетъ очень тонко, именно его преобладаніемъ художественнаго дара, т.-е. спо-

способности живописать отдѣльныя явленія, тогда какъ теоретическое разсужденіе требуетъ многосторонняго и сложнаго наблюденія. Впослѣдствіи гр. Толстой отдалъ цѣлый періодъ своего литературнаго труда этой теоретической односторонности и одно время предасть осужденію самое искусство; къ счастью для русской литературы, въ послѣдніе годы онъ снова возвращается къ своему славному художественному поприщу.—А. П.

— Сборникъ для содѣйствія самообразованію. Программы чтенія для самообразованія. Съ приложеніемъ статей Н. И. Карѣева, В. И. Семевскаго, М. С. Корелина и Н. М. Сиченова. Изданіе особаго Отдѣла Комитета Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній. Спб. 1895.

Мы говорили недавно о программахъ общеобразовательнаго чтенія, изданныхъ комиссіей, состоящей при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ и упоминали о рѣдкомъ у насъ успѣхѣ этихъ программъ, которыя въ короткое время потребовали трехъ изданій, каждый разъ въ весьма значительномъ числѣ экземпляровъ. Одновременно съ московскимъ Обществомъ (въ концѣ 1894 года) та же мысль о содѣйствіи самообразованію возникла въ Педагогическомъ Музеѣ Военно-учебныхъ заведеній въ Петербургѣ (такъ называемый Соляной Городокъ), гдѣ, благодаря интересу къ этому дѣлу среди профессоровъ, писателей и иныхъ друзей просвѣщенія, образовался особый „Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію“, который взялъ на себя составленіе программъ, служащихъ для этой цѣли. Эти программы напечатаны были въ первый разъ въ „Историческомъ Обзорѣнн“, которое издается Историческимъ Обществомъ при спб. университетѣ, и теперь вышли отдѣльно въ настоящемъ Сборникѣ, съ прибавленіемъ статей, имѣющихъ отношеніе къ тому же предмету.

Отдѣлъ Педагогическаго Музея для содѣйствія самообразованію опредѣлилъ свою дѣятельность слѣдующимъ образомъ.

Во-первыхъ, онъ составляетъ и печатаетъ въ общее свѣденіе программы какъ по естествознанію, такъ и по гуманитарнымъ наукамъ въ двухъ циклахъ: а) одну энциклопедическую программу, въ которой по каждой наукѣ указываются лишь важнѣйшіе вопросы, знакомство съ которыми необходимо для каждаго образованнаго чело-вѣка, желающаго составить себѣ опредѣленное міросозерцаніе, причѣмъ однакоже Отдѣлъ не дѣлаетъ обязательнымъ тотъ порядокъ изученія, какой указанъ въ общей энциклопедической программѣ, и б) отдѣльныя программы по тѣмъ же наукамъ. Программы эти со-

проводятся указаніями на литературу предмета, преимущественно на русскомъ языкѣ и лишь въ крайнемъ случаѣ на языкахъ иностранныхъ, при чемъ предполагается знакомство съ курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сверхъ того, составляются еще по мѣрѣ обращенія къ Отдѣлу за указаніями программы по известнымъ вопросамъ, напр. объ общинномъ землевладѣніи, переселеніяхъ и проч., съ болѣе подробнымъ указаніемъ на литературу предмета.

Во-вторыхъ, кромѣ закрытыхъ своихъ совѣщаній, Отдѣлъ устраиваетъ и публичныя собранія, въ которыхъ дѣлаются сообщенія о ходѣ популяризаціи науки на Западѣ и въ Россіи, разбираются сочиненія, входящія въ программу дѣятельности Отдѣла, читаются рефераты по вопросамъ, включеннымъ въ эти программы и т. п., а также онъ устраиваетъ общедоступныя публичныя лекціи на общихъ основаніяхъ. Въ нѣкоторыхъ наукахъ, какъ, напр., въ физикѣ и химіи, это признано особенно нужнымъ для успѣшнаго достиженія цѣли Отдѣла въ виду необходимости опытнаго ознакомленія съ предметомъ.

Въ-третьихъ, Отдѣлъ сводится лично и письменно съ лицами, желающими пользоваться его указаніями и живущими какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи, и наконецъ издаетъ оригинальныя и переводныя сочиненія, а также сборники статей, соотвѣтствующіе цѣли Отдѣла.

Такимъ образомъ дѣятельность Отдѣла довольно схожа съ тѣмъ, что дѣлаетъ московская коммиссія; въ программахъ есть нѣкоторое различіе. Петербургская программа меньше входитъ въ подробности и желаетъ дать самое существенное, чтобы не отягощать читателя слишкомъ обширной программой чтенія, — и это кажется намъ весьма цѣлесообразнымъ, такъ какъ, овладѣвши руководящими книгами, читатель можетъ потомъ расширять свое чтеніе и самостоятельно, или же, какъ надо думать, будетъ находить новыя указанія въ дальнѣйшихъ изданіяхъ программъ. Въ настоящемъ Сборникѣ помѣщены программы двоякаго рода; во-первыхъ, программа энциклопедическая, въ которой заключаются слѣдующія науки: философія; физика; химія; астрономія; геологія; ботаника и зоологія; анатомія и физиологія животныхъ; антропологія; соціологія; юриспруденція и государство-вѣденіе; политическая экономія; всеобщая исторія; русская исторія; исторія литературы; — во-вторыхъ, двѣ спеціальныя программы: по русской исторіи и по политической экономіи. Въ приложеніяхъ помѣщены слѣдующія статьи: г. Карѣва, Объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія интересовъ общаго образованія; г. Семевского, Крестьяне въ Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка; г. Корелина, Гуманизмъ; г. Сѣченова. Физиологическіе критеріи для установки длины рабочаго дня

Нечего говорить, что предпріятіе лицъ, собравшихся „въ Отдѣлѣ для содѣйствія самообразованію“, заслуживаетъ всякаго сочувствія. Нужды нашего образованія такъ велики и школьныя средства, въ сравненіи съ громадностью нашего отечества и съ числомъ ищущихъ образованія, такъ скудны, что подобная общественная помощь становится необходимой, и трудъ людей, отдающихъ на это свое время, есть настоящая заслуга. Упомянутый нами необыкновенный успѣхъ московскихъ программъ свидѣтельствуетъ, что въ обществѣ есть дѣйствительно множество людей, которые ищутъ этой помощи и этихъ указаній.... Къ сожалѣнію, у насъ еще не установилось серьезное пониманіе этого вопроса: образованіе, даже самое скромное, все еще считается какъ будто роскошью, безъ которой въ случаѣ нужды можно обойтись; находятся люди, которые считаютъ даже и жалкое, элементарное обученіе роскошью для крестьянина, а то, пожалуй, и вредомъ. Въ дѣйствительности, образованіе народа есть вопросъ перво-степенной важности, національной и государственной. Жизнь быстро усложняется и вмѣстѣ возростааетъ конкуренція народовъ и государствъ, и слишкомъ отстать въ ней, отстать въ развитіи національныхъ силъ, въ концѣ концовъ можетъ стать серьезной опасностью; съ другой стороны, національное и простое человеческое достоинство требуютъ, чтобы даны были народу и обществу средства умственного и нравственнаго развитія, необходимыя даже для чисто экономическаго благосостоянія, нужды котораго въ послѣднее время заявляютъ о себѣ такъ громко. Извѣстно, что заботы о расширеніи народнаго знанія принимаютъ теперь широкіе размѣры даже въ странахъ съ высокимъ уровнемъ просвѣщенія: Германія давно усыпана школами; Франція за послѣднія десятилѣтія сдѣлала громадныя затраты на народное образованіе; въ Англии и въ Скандинавскихъ странахъ стремятся создать или „народные университеты“, или непосредственное участіе университетовъ въ той или другой формѣ, въ служеніи нуждамъ народной умственной жизни — своего рода официальное и систематически поставленное „хожденіе въ народъ“ людей съ высшимъ образованіемъ. Какъ еще скромны и скудны наши работы въ этомъ направленіи!

— Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета св. Владиміра
Сиб. 1896.

Настоящій Сборникъ задуманъ года полтора тому назадъ и печатаніе его задержалось вслѣдствіе недостатка средствъ; писатели, въ числѣ которыхъ есть нѣсколько профессоровъ (и нѣтъ нихъ только

одинъ—кіевскаго университета) отдали свои труды бесплатно; чистая выручка предназначена въ распоряженіе ректора кіевскаго университета для пособій студентамъ, нуждающимся въ средствахъ существованія, и для уплаты за слушаніе лекцій. Сборникъ составилъ очень интересный. Изъ нашихъ беллетристовъ приняли здѣсь участіе гг. Баранцевичъ, Мачтетъ, Гаринъ, г-жа Шабельская и въ качествѣ беллетриста явился также Н. К. Михайловскій съ отрывкомъ изъ романа: „Барьера Оладушкина“, въ сожалѣнію слишкомъ краткимъ; г-жа Лучицкая доставила статью объ Арне Гарборгѣ, одномъ изъ выдающихся представителей общественнаго и литературнаго народничества въ Норвегіи; покойному Н. Н. Ге принадлежать воспоминанія о кіевской первой гимназій въ сороковыхъ годахъ; г. Гольцевъ далъ также свои гимназическія воспоминанія, впрочемъ весьма краткія; г. Личковъ, извѣстный своими трудами по земской статистикѣ, рассказываетъ свои скитанія среди бураты въ Тункинскомъ округѣ. Изъ статей и очерковъ научнаго характера находимъ статьи: г. Ѳ. Мищенко, О судѣ присяжныхъ въ Аѳинахъ (изъ Аѳинской Политіи Аристотеля); г. Челпанова, Зрѣніе и осязаніе; г. Маякотина, Крестьянское землевладѣніе въ Полтав. уѣздѣ въ 1767 г.; г. Карѣва, О сущности гуманитарнаго образованія; г. Лучицкаго, По поводу одной изъ историческихъ легендъ (рѣчь идетъ впрочемъ не о какой-нибудь настоящей легендѣ: авторъ разбираетъ мнѣнія историковъ о продажѣ церковныхъ имуществъ во Франціи во время революціи). Съ особеннымъ интересомъ мы прочли статью г. Лесевича: „Сказки и присказки дѣда Чмыкала“,—авторъ видитъ въ нихъ, между прочимъ, остатокъ народнаго преданія, которое, по его наблюденіямъ, должно скоро исчезнуть подъ наплывомъ новаго обычая и измѣняющихся условій жизни. Наконецъ г. Виноградовъ сообщаетъ весьма любопытныя извлеченія изъ черновыхъ курсовъ Грановскаго, хранящихся въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ. По предположенію г. Виноградова, это былъ черновой курсъ, составленный Грановскимъ въ началѣ его профессуры: въ первыхъ тетрадахъ текстъ почти вполне обработанъ, такъ что можетъ читаться какъ готовое сочиненіе, но затѣмъ онъ принимаетъ видъ конспекта. Въ первое время Грановскій, повидимому, не полагался на изустное изложеніе, и написанный текстъ долженъ былъ на всякій случай служить ему опорой. Впослѣдствіи это было иначе: „Грановскій не нуждался въ такихъ предосторожностяхъ, когда созналъ свою силу,—рѣдко кто владѣлъ въ такой степени даромъ свободнаго и литературно-законченнаго изложенія“. Изданный здѣсь отрывокъ относится къ вопросу о задачѣ всеобщей исторіи—предметъ, на которомъ Грановскій останавливался не однажды, въ качествѣ введенія къ своимъ курсамъ, и представ-

ляетъ чрезвычайно интересный образчикъ московскихъ университетскихъ лекцій сороковыхъ годовъ.

— М. А. Протопоповъ. Литературно-критическія характеристики. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство“. Сиб. 1896.

Въ предисловіи г. Протопоповъ говоритъ, что статьи, вошедшія въ настоящую книгу, выбраны имъ по чисто формальному основанію: „всѣ онѣ написаны о писателяхъ, уже закончившихъ свою литературную дѣятельность“. Не знаемъ, какъ понять это, потому что въ числѣ разбираемыхъ здѣсь писателей находятся гр. Л. Н. Толстой, г. Жемчужниковъ, г. Златовратскій,—они еще дѣйствуютъ въ литературѣ. Онъ замѣчаетъ дальше, что оставляетъ статьи въ томъ видѣ, какъ онѣ были написаны; для новой обработки ихъ у него не было ни времени, ни желанія; впрочемъ, эта обработка могла относиться только къ вѣшнему изложенію—„къ упорядоченію языка, къ исключенію кое-какихъ полемическихъ мѣстъ, потерявшихъ свой *raison d'être*, къ смягченію общаго, быть можетъ, слишкомъ запальчиваго тона и т. п.“, но это авторъ считаетъ дѣломъ второстепеннымъ или третьестепеннымъ. „Духъ, направленіе, внутренній смыслъ моихъ работъ и послѣ самой коренной переработки остались бы тѣ же самыя, а это все или почти все“.

Кромѣ названныхъ, еще дѣйствующихъ въ литературѣ, лицъ, авторъ даетъ характеристики слѣдующихъ писателей: Бѣлинскаго, Шелгунова, Всеволода Гаршина, С. Т. Аксакова, Рѣшетникова, Петропавловскаго (Каролина), Глѣба Успенскаго.

Г. Протопоповъ самъ указываетъ одну черту того тона, въ какомъ велась и ведется его критическая дѣятельность: это—тонъ запальчивый, т.-е. не спокойный, лишенный хладнокровія. Очень естественно, что сужденія, высказанные въ этомъ тонѣ, будутъ иногда неумѣренны, преувеличены, придирчивы, а потому въ многомъ и несправедливы. Но есть въ критической дѣятельности г. Протопопова и другое качество, которое способно помирить съ этой запальчивостью, иногда заставить признать ея необходимость: источникъ ея—искреннее убѣжденіе, направленное къ лучшимъ интересамъ народной жизни, общественности и литературы. И это присутствіе горячаго убѣжденія, которое хранитъ лучшія завѣты нашей литературы и требуетъ отъ писателя прежде всего честнаго обращенія со словомъ, становится особенно цѣнно среди полной безпринципности, дѣлающей такіе успѣхи въ новѣйшихъ литературныхъ поколѣніяхъ!—Т.

Въ теченіе декабря мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

- Александръ, М.*—М. Тулій Цицеронъ. Рѣчи противъ Катилины. Съ лат., съ введеніями и примѣчаніями. Изд. 2-е. Спб. 96. Стр. 78.
- Алчевская, Х. Д.*—Полгода изъ жизни воскресной школы. Спб. 95. Стр. 126.
- Астыревъ, Н.*—Въ волостныхъ писаряхъ. Очерки крестьянскаго самоуправления. Съ портретомъ автора. М. 96. Стр. 394. Ц. 1 р. 50 к.
- Базилевскій, М.*—Наша старина: № 14. Иосифъ-Соломонъ Дельмедаго изъ Кандіи. Од. 95. Стр. 48. Ц. 15 к.
- Блабанова, Е.*—Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани. Спб. 96. Стр. 170. Ц. 1 р.
- Бинъ.*—Введеніе въ экспериментальную психологію. Перев. съ франц. Е. И. Максимовой. Спб. 95. Стр. 212. Ц. 1 р. 25 к.
- Бутурлинъ, гр. П.*—Сонеты. Посмертное изданіе. Кіевъ, 95. Стр. 58.
- Бьлззерская, Н.*—Василій Нарѣжнѣй. Истор.-литерат. очеркъ. Изд. 2-е. Спб. 96. Стр. 159. Ц. 1 р. 75 к.
- Ветерофъ, С. А.*—Русскія книги. Съ биографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893). Вып. II: Аддисонъ-Акаенстъ. Спб. 95. Стр. 49—96. Ц. 35 к.
- Верещатинъ, Александръ.*—У болгаръ и за границей. 1881—1893 г. Воспоминанія и рассказы (Продолженіе очерковъ „Дома и на войнѣ“). Съ портретами. Спб. 96. Стр. 328.
- Водозовой, Е.*—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Нѣмцы. Спб. 95. Стр. 228. Ц. 40 к.
- Водозовъ, Н. В.*—Р. Мальтусъ, его жизнь и научная дѣятельность. Съ портретомъ Мальтуса. Спб. 95. Стр. 95. Ц. 25 к.
- Волкова, А. И.*—Прирѣніе покинутыхъ дѣтей. М. 94. Стр. 70. Ц. 30 к.
- Волынский, А. Л.*—Русскіе критики и Литературные очерки. Спб. 96. Стр. 827. Ц. 3 р. 50 к.
- Галантъ, д-ръ М. И.*—Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ. Изд. 3-е, пересмотрѣн. и дополн. съ прибавленіемъ діететики беременности, родовъ и послѣродового періода, женщ.-вр. Е. Глотовой-Беккеръ. Спб. 96. Стр. 336. Ц. 1 р. 75 к.
- Гатицукъ, В. А.*—Сказки русскаго народа. Рис. художниковъ Н. Богатова, Г. Доре и др. М. 95. Стр. 192. Ц. 25 к.
- Гиббинсъ.*—Англійскіе реформаторы. Перев. А. Санина. М. 96. Стр. 338. Ц. 1 р. 25 к.
- Госстаевъ, А. А.*—Семейное призрѣніе душевно-больныхъ въ екатеринославской губерніи. Екатериносл. 95. Стр. 39.
- Гриммъ, д-ръ Ф. А.*—Каспійско-волжское рыболовство. Спб. 96. Стр. 153. Ц. 2 р.
- Гюго, В.*—Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскіхъ писателей, и. р. И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. VIII, стр. 193—220. Тифл. 95. Ц. 20 к.
- Вып. IX, стр. 221—248. Тифл. 95. Ц. 20 к.
- Дебольскій, Н. Н.*—Бъ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ. Спб. 95. Стр. 40.
- Державинскій, В.*—Отвѣтъ г. профессору Тарасову: Какъ иногда оцѣниваются диссертациі на ученую степень. Спб. 95. Стр. 28.
- Джаншиевъ, Гр.*—Эпоха великихъ реформъ: Освобожденіе крестьянъ. От-

жѣна тѣлеснаго наказанія. Университетская автопомія. Земство. Центральна реформа. Гласный судъ. Военская реформа. Городовое самоуправленіе. Изъ общественной хроники: 1) Московское юридич. общество; 2) 25-лѣтіе „Вѣстника Европы“. Дѣятели преобразовательной эпохи. Историческія справки. Съ портретами Грановскаго, Ровинскаго и Бѣлоголоваго. 6-е дополн. изд. М. 96. Стр. 797. Ц. 2 р. 50 к.

— Судъ надъ судомъ присяжныхъ. По поводу статьи г. Дейтриха. М. 96. Стр. 102. Ц. 40 к.

Жемитовская, В. П.—Кавказскіе рассказы. Съ 33 иллюстр. по оригин. рис. проф. А. Шарлемана. Спб. 96. Стр. 368. Ц. 2 р. 50 к. (Изд. А. Девриена).

Заринъ, Ф. Е.—Отхотворенія. Спб. 96. Стр. 93. Ц. 1 р.

Камаровскій, проф. Л. А.—Предисловіе къ „Положенію армянъ въ Турціи до виѣшательства державъ въ 1895 г.: Рѣчь Гладстона; статьи: Ролень Жекмена, Мак-Кола, Грина, Диллона, Діева и др. Съ портретами Гладстона и каюликоса Мретица. М. 96. Стр. 443. Ц. 1 р.

Кампфмейеръ, П.—Кустарная промышленность въ Германіи. Перев. съ нѣм. І. Гербера, п. р. Л. Зака, съ приложеніемъ: Кустарная промышленность въ Россіи, С. Сергѣева. Од. 96. Стр. 52. Ц. 25 к.

Канестрини, Г.—Антропология. Съ 10 рис. въ текстѣ. Од. 96. Стр. 132. Ц. 40 к.

Каразинъ, Н. Н.—Мои сказки. Съ иллюстраціями автора. 8 литогр., 100 рис. въ текстѣ и портретомъ автора. Спб. 96. Стр. 158 (Изд. А. Девриена).

Кейра, Ф.—Воображеніе и память. Перев. съ франц. Е. Максимовой. Спб. 96. Стр. 66. Ц. 40 к.

Кернеренко, Гршцько.—Въ досужий часъ. Харьковъ, 96. Стр. 60. Ц. 50 к.

Кертъ, Э. Э.—Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. Съ 1 табл. и 15 рис. Тула, 96. Стр. 166. Ц. 1 р.

Клестерера, д-ръ В.—Вольтеръ и Евреи. Перев. съ нѣм. Ав. Ракузинъ. Рига, 96. Стр. 36. Ц. 30 к.

Ковалевскій, проф. П. И.—Альбомъ душевно-больныхъ. Варш. 96. Стр. 63. Ц. 1 руб.

Коркуновъ, Н. М.—Пропорціональные выборы. Спб. 96. Стр. 95. Ц. 60 к.

Крестовская, М. В.—Ревность. Бабушкина внучка. Торжество Юліи Андреевны. Спб. 96. Стр. 443. Ц. 1 р.

— Смыль. Немудренне. Семейныя непріятности. Именинница. Сонъ въ лѣтнюю ночь. Дѣти. Первое счастье. Спб. 96. Стр. 429. Ц. 1 р.

— Артистка. Романъ. Спб. 96. Стр. 575. Ц. 2 р.

Кротъ, П.—Психографія. I: Что такое психографія? М. 95. Стр. 34 in 12°. Ц. 10 к.

Кулишера, М. И.—Разводъ и положеніе женщины. Спб. 96. Стр. 288. Ц. 1 р. 50 к.

Лаландъ, А.—Этюды по философіи наукъ. Перев. съ франц. Спб. 96. Стр. 180. Ц. 75 к.

Ламе, Конрадъ.—Художественное воспитаніе въ дѣтской. Перев. съ нѣм. И. Городецкія. М. 95. Стр. 76. Ц. 50 к.

Латышевъ, врачъ П.—Здоровье. Весѣды о томъ, какъ устроено человѣческое тѣло и чѣмъ оно живетъ. Для школь и грамотнаго народа. М. 95. Стр. 96. Ц. 25 к.

Линдеманъ, Марія.—Руководство къ вройкѣ бѣлья мужского, дамскаго и дѣтскаго для школьнаго и домашняго употребленія. Въ 36 табл. съ масштабомъ

и текстомъ. Перев. съ 8-го нѣм. изд. Спб. 96. Изд. А. Маркса. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Лыкошинъ, Нилъ.—Автобіографія Тамерлана (р. 1333 г., ум. 1406 г.). Перев. съ тюркскаго. Ташкентъ, 94. Стр. 115.

Максимовъ, Евг.—Очеркъ земской дѣятельности въ области общественнаго призрѣнія. Спб. 95. Стр. 105.

Манаскина, М. М.—Бое-что объ искусствѣ. По поводу жудож. выставокъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Гагѣ, лѣтомъ 1895 г. Спб. 95. Стр. 158.

Минскій, Н. М.—Стихотворенія. Изд. 3-е. Спб. 96. Стр. 343. Ц. 2 р.

Молчановъ, А. Н.—Царство рулетки. Спб. 95. Стр. 34. Ц. 35 к.

Мюллеръ, А.—Исторія Ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Перев. съ нѣм. п. р. Н. А. Мѣдяникова. Т. III и IV. Спб. 96. Стр. 448 и 272. Ц. за 2 т. 5 руб.

Недришайловъ, д-ръ В.—О бѣшенствѣ у людей и животныхъ. Общедоступное изложеніе. Харьков. 95. Стр. 40. Ц. 20 к.

N. Z.—Женщина предъ судомъ литературы. Изд. 2-е, знач. дополненное. Спб. 96. Стр. 31 in 12°.

Нефедовъ, Ф.—Святочные рассказы. М. 96. Стр. 215. Ц. 75 к.

Норденшельдъ.—Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путешествіе вокругъ Европы и Азіи въ 1878—80 гг. Составилъ Э. Гранстремъ. Изд. 3-е, съ картою и 65 рис. Спб. 96. Стр. 175. Ц. 1 р. 50 к.

Писаревскій, Г.—Къ исторіи сношеній Россіи къ Германіи въ началѣ XVI вѣка. М. 95. Стр. 21.

По, Эдгаръ.—Таинственные рассказы. Перев. съ англ. К. Д. Бальмонта. М. 95. Стр. 204. Ц. 1 р.

Португаловъ, д-ръ В. О.—Борьба съ пьянствомъ или съ алкоголизмомъ. Од. 95. Стр. 28.

Пржевальскій, В. В.—Профессоръ Францъ Листъ и его основныя воззрѣнія на преступленіе и наказаніе. Спб. 95. Стр. 58.

Протоповъ, М. А.—Литературно-критическія характеристикн. Спб. 96. Стр. 592. Ц. 2 р. 20 к.

Прюдомъ.—Крашеніе и печатаніе. Перев. съ франц. В. Шапошниковъ. Спб. 96. Стр. 160. Ц. 1 р.

Плутузовъ, Е. В.—О главнѣйшихъ направленіяхъ въ русской литературѣ XVIII-го и первой четверти XIX-го вѣка. Вступительная лекція 19-го октября 1895 года въ Импер. Юрьевскомъ университетѣ. Юрьевъ, 95. Стр. 23.

— Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. 1820—1832 (къ 75-лѣтію со дня основанія). Историческій очеркъ. Спб. 95. Стр. 61.

Разумовскій, прот. Д. В.—Патріаршіе пѣвчіе, діаки и поддіаки и государевы пѣвчіе діаки. Съ портр. и факс. автора, библиографическимъ очеркомъ и спискомъ его трудовъ. Спб. 95. Стр. 92. Ц. 50 к.

Рачинскій, д-ръ Н. I.—Массажъ и гимнастика при женскихъ болѣзняхъ, съ предисл. проф. Д. Отта. Спб. 95. Стр. 99. Ц. 1 р. 40 к.

Рогова, О. И.—Рѣносчетъ. Преданія о духѣ исполнинскихъ горъ. Съ нѣм. Съ 6 хромолитогр. Спб. 96. Стр. 90 (изд. А. Девріена).

Розенгеймъ, М. П.—Стихотворенія. Изд. 5-е, дополн., съ портрет. и біографич. очеркомъ, въ 2-хъ частяхъ. Спб. 96. Стр. 675. Ц. 3 р.

Святловскій 2-й, В.—Л. Брентано, его жизнь, воззрѣнія и школа. Съ портретомъ Л. Брентано. М. 96. Стр. 212. Ц. 1 р. 25 к.

Смирновъ, В. В.—О внутренности земли. М. 95. Стр. 258. Ц. 80 к.

Соковетъ, Н. А.—Быть и казаться. Три повѣсти изъ дѣтской жизни. 2-е изд. Съ 27 илл. Е. Самокишъ-Судковской. Спб. 96. Стр. 239. Ц. 2 р. (изд. А. Девриена).

Соколовъ, Н.—О происхожденіи лимановъ въ южной Россіи. Съ картой лимановъ. Труды Геологическаго Комитета. Т. X. № 4 и послѣдній. Спб. 95. Стр. 102. Ц. 2 р.

Сперанскій, Сергѣй.—Организація взаимодѣйствія органовъ приврѣнія бѣдныхъ въ западной Европѣ и въ Россіи. Стр. 48 (брошюра). М. 95.

Страннолюбская, Е.—Очерки начального образованія въ скандинавскихъ странахъ. Спб. 96. Стр. 92. Ц. 30 к.

Тариовскій, А.—О способѣ обученія письму-чтенію въ Киргизскихъ училищахъ. Оренб. 93. Стр. 22.

Тжаска, А. А.—Русская Азбука, съ прибавленіемъ церковно-славянской азбуки, нѣкоторыхъ молитвъ, латинской азбуки, чиселъ до 10 съ задачами, таблицы мѣръ и вѣсовъ, и со многими рисунками. М. 96. Стр. 92. Ц. 30 к.

Филитовъ, Е. С.—Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія. Вып. 2: I. Краткій историческій очеркъ малорусскаго землевладѣнія. II. Записка о вивантийскомъ землевладѣніи X—XIII ст. Пермь, 95. Стр. 63.

Фламмаріонъ, Кам.—Многочисленность обитаемыхъ міровъ. Съ 30-го франц. изд. перев. К. Толстой. Съ 4 рис. и 1 хромолитогр. Спб. 96. Стр. 390.

Хикманъ, А. Проф.—Монеты всѣхъ странъ въ образцахъ и условія ихъ обращенія. 42 таблицы, съ пояснительнымъ текстомъ. Мѣры и вѣсы всѣхъ государствъ. 2-е дополненное и исправленное изданіе. Переводъ съ примѣчаніями и дополненіями К. Флуга. Спб. 95. Стр. 53 (кромѣ таблицъ).

Царевскій, А. А.—Императоръ Александръ II-Освободитель въ памяти народа своего. По поводу открытія памятника Александру II въ Казани, 30 авг. 1895 г. Каз. 96. Стр. 78. Ц. 50 к.

Цюлковскій, К.—Грѣзы о землѣ и небѣ и эффекты всемірнаго тяготѣнія. М. 96. Стр. 143. Ц. 1 р.

Шерръ, I.—Всеобщая исторія литературы. Перев. п. р. П. И. Вейнберга. Вып. V. Спб. 95. Стр. 193—240. Ц. за 20 вып. 6 р., по подпискѣ.

Шиттелъ, М.—Технический прогрессъ въ современной промышленности. Перев. съ нѣм. Л. Зава. Од. 95. Стр. 36. Ц. 20 к.

Шохоръ-Троцкій, С. И.—Методическій сборникъ ариметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I: Для приготовительныхъ классовъ и для первоначальнаго домашняго обученія. Спб. 96. Стр. 75. Ц. 20 к.

Юмъ, Давидъ.—Опыты.—*Бентамъ, Іеремія.*—Принципы законодательства; О вліяніи условій времени и мѣста на законодательства; Руководство по политической экономіи. Перев. М. Гермензона. (Библіотека экономистовъ). М. 96. Стр. 136. Ц. 1 р.

Явейнъ, Л.—Руководство къ качественному и количественному химическому анализу съ 49-ю полнотипажими. 7-е изд. Руководство къ качественному химическому анализу Ф. Бейльштейна. Спб. 96. Стр. 160. Ц. 1 р. 20 к.

Français, Adolphe.—Les grands problèmes. I. La question du bonheur. II. Le bien social. III. Le beau. IV. La question de l'âme. Par. 95. Стр. 362.

Moustafa, Kamil.—Une alliance qui s'impose. Le Sultan et l'Europe. Par. 95. Стр. 13.

— Statistique des mouvements de la navigation pendant les années 1886—90. Bureau de Statistique de la Principauté de Bulgarie. Sophia. 95. Стр. 207, in 4°.

- Бесѣды объ огородахъ, для учащихся въ сельскихъ школахъ и грамотнаго народа. Съ 26 рис. Е. Г. Аверкіевой. М. 95. Стр. 99. Ц. 25 к.
- „Деревня“ № 1. Новый иллюстрированный сельско-хозяйственный журналъ. 12 вып., съ прилож., доставкой и пересыл. 3 р. Сиб. 95.
- Ежегодникъ Полтавскаго губернскаго вѣмства на 1895 г. Годъ I. Полт. 95.
- Настольный Энциклопедическій Словарь. Вып. 101 и 102 (Стасфуртъ—Термохимія). Изд. А. Гранатъ и К°. М. 95. Стр. 4651—4746. Ц. по 40 к.
- Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнауль, Томской губерніи. Отчетъ за 1894 г. Годъ X. Барн. 95. Стр. 60.
- Одесса.—1794-1894 гг.—Изданіе городского общественнаго управленія, въ столѣтію города. Съ Алфавитнымъ Указателемъ, 165 рисунками, фотографіями, планами и диаграммами. Од. 95. Стр. 836.
- Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1892—94 г. М. 95. Стр. 120.
- Отчетъ о дѣятельности попечительства Имп. Человѣкол. Общества для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство дѣтей въ мастерство. XII-й годъ. Сиб. 95. Стр. 132.
- Отчетъ Совѣта Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Омскѣ за 1894 г. Омскъ, 95. Стр. 25.
- Популярный гигиеническій календарь для всѣхъ. Будьте здоровы! Сиб. 96. Стр. 275. Ц. 1 р.
- Популярная Галерея знаменитостей. 25 портретовъ съ характеристикою, составленными И. Ф. Василевскимъ (Буква). Сиб. 95.
- Сборникъ узаконеній о крестьянскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ, преобразованныхъ по закону 12-го іюля 1889 г. Изд. Земскаго отдѣла Мин. вндѣлъ. Изд. 5-е. Сиб. 95. Стр. 273. Ц. 2 р.
- Сельскій кредитъ въ Полтавской губерніи. Вып. II: Мелкій частный кредитъ. Полт. 95. Стр. 172.
- Харьковскій народный календарь на 1896 г. X. 95. Стр. 304. Ц. 80 к.
- Энциклопедическій Словарь. Томъ XVI, А. (Кодловичъ—Кулонъ). Изд. Ф. Брокгаузъ и Ефронъ. Сиб. 95. Стр. 481—960. Ц. 3 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Henry Becque. Souvenirs d'un auteur dramatique. Paris 1895. Стр. 280.

„Воспоминанія“ Анри Бека, повѣствующія о судьбѣ его театраль-ныхъ пьесъ, освѣщаютъ интересный уголокъ парижской жизни—закулисные нравы парижскихъ театровъ и парижской прессы. Написанная въ очень задорномъ и сердитомъ тонѣ, книга Бека производитъ странное впечатлѣніе;—будь она подписана неизвѣстнымъ въ литературѣ именемъ, она казалась бы произведеніемъ мелкаго оскорбленнаго тщеславія, исповѣдью человѣка, страдающаго маніей преслѣдованія, видающаго повсюду интриги и заговоры, направленные противъ него. Но Анри Бекъ менѣе всего новичокъ въ современномъ французскомъ театрѣ: за нимъ числится двадцать лѣтъ писательской дѣятельности,—много успѣховъ на различныхъ парижскихъ сценахъ, и, что самое важное, нѣсколько истинно талантливыхъ пьесъ, ставшихъ въ ряду *pièces de résistance* французскаго репертуара, наравнѣ съ драмами Дюма, Ожье и лучшими комедіями Сарду. Если же этотъ признаваемый теперь всѣми драматургъ говоритъ о тяжести пройденнаго имъ пути, о горечи и негодованіи, возбужденныхъ въ немъ сношеніями съ критиками и директорами театровъ, о всей унижательной эпопее драматической карьеры во Франціи,—ему приходится вѣрить; онъ дѣйствительно одинъ изъ самыхъ талантливыхъ драматурговъ въ современной Франціи, и дѣйствительно его пьесы лежали подъ снудомъ долгіе годы, а авторъ оставался неизвѣстнымъ или подвергался уничтожающимъ насмѣшкамъ авторитетной критики, сознавая въ то же время явную несправедливость испытываемыхъ гоненій. Несомнѣнно, что ту же печальную борьбу съ равнодушіемъ и недоброжелательствомъ окружающихъ продѣлывали и другіе талантливые писатели, выступавшіе предъ публикой не подъ защитой уже извѣстнаго имени, подобно Дюма-сыну, или при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но отличіе Анри Бека отъ другихъ неудачниковъ—въ томъ, что онъ по натурѣ своей крайне агрессивенъ. Въмѣсто того, чтобы терпѣливо выжидать успѣха—и, быть можетъ, никогда не дожидаться его, онъ рѣшилъ создать себѣ успѣхъ. Каждую свою пьесу онъ отстаивалъ всѣми средствами, не останавливаясь въ жару

полемики ни предъ чѣмъ. Если, принявъ его пьесу, директора театровъ (въ особенности директоръ Théâtre Français, Жюль Кларети, на котораго Бекъ съ озлобленіемъ обрушивается теперь въ своихъ воспоминаніяхъ) не ставятъ ее по какимъ-нибудь личнымъ причинамъ, Бекъ поднимаетъ на ноги весь театральнй міръ, облачаетъ интригующихъ противъ него людей, заинтересовываетъ въ судьбѣ своей пьесы министра просвѣщенія, дѣлаетъ изъ постановки пьесы почти общественный скандалъ, и, наконецъ, добивается этой постановки, къ собственному удовлетворенію и къ удовольствію многочисленныхъ цѣнителей его таланта. Если поставленная на большой сценѣ пьеса собираетъ громадную публику въ первые разы, но потомъ успѣхъ ея обрывается послѣ недоброжелательнаго отзыва Ф. Сарсэ или другихъ авторитетныхъ для публики критиковъ,—Бекъ не унываетъ: онъ ополчается противъ этихъ критиковъ, доказываетъ ихъ несостоятельность въ рядѣ полемическихъ статей, наконецъ, затѣваетъ судебные процессы противъ нихъ, обвиняя ихъ въ недобросовѣстности, въ незаконности дѣйствій и т. д. Такъ, по поводу постановки „Parisienne“ и фельетона Сарсэ о ней, Бекъ возбудилъ судебное преслѣдованіе противъ критика „Temps“, требуя отъ него возмѣщенія понесенныхъ имъ, Бекомъ, денежныхъ убытковъ. Конечно, процессъ былъ проигранъ неугоднымъ драматургомъ, внесшимъ совершенно новые приемы въ борьбу авторовъ съ театральной критикой; но шумъ, возбужденный вокругъ спорной пьесы, возобновилъ успѣхъ ея на сценѣ. И почти каждая новая пьеса Бека требовала необычайныхъ усилій со стороны автора, чтобы побѣдить равнодушіе публики и поборотъ недоброжелательство критики. Всѣ эти кампаніи по поводу своихъ пьесъ, всѣ столкновения съ міромъ театровъ и міромъ журнальнымъ, Бекъ рассказываетъ теперь въ своихъ „Souvenirs“, не щадя своихъ враговъ, говоря, напр., о Сарсэ и о Кларети въ крайне оскорбительномъ тонѣ, обвиняя перваго въ продажности, нравственной непорядочности, называя его „vieux misérable“, „vieille et odieuse portière“, а Кларети—„académicien de carton“, „littérateur de pacotille“ и т. п. Конечно, этотъ личный характеръ нападокъ Бека и его самозащита производятъ отчасти впечатлѣніе рекламы, намѣренно создаваемой имъ въ пользу своихъ пьесъ; но реклама—печальное явленіе, если она имѣетъ шарлатанскій характеръ, если за внѣшнимъ шумомъ не скрывается внутреннихъ достоинствъ; но если она способствуетъ успѣху работъ, заслуживающихъ вниманія, она можетъ быть несомнѣнно полезна для автора. Публика должна была быть только признательною А. Беку за энергію, съ которой онъ проводилъ свои пьесы и создавалъ ими въ концѣ концовъ успѣхъ.

Анри Бекъ примыкаетъ лишь отчасти къ Александру Дюма въ

своихъ анализахъ современной французской женщины; онъ прежде всего реалистъ. Онъ стремится перенести на сцену дѣйствительность во всей ея сѣрой монотонности и безпощадности. Его пьесы какой-то критикъ справедливо называлъ „des tranches de vie“. Въ самомъ дѣлѣ, это страницы жизни, переданной съ жестокою холодною анатома, озабоченнаго лишь полнотою и вѣрностью своихъ изслѣдованій и не дѣлающаго никакого вывода изъ представляющагося ему зрѣлища. Мы уже отвыкли теперь отъ этого протоколизма въ литературѣ, отъ искусства, чуждаго идейныхъ замысловъ; но талантливыя пьесы Бека все-таки производятъ сильное впечатлѣнiе, потому что въ его простой передачѣ несложныхъ жизненныхъ фактовъ чувствуется трагизмъ жизни; онъ чувствуется, быть можетъ, даже болѣе въ его комедияхъ, рисующихъ бытъ французскихъ счастливыхъ семей, чѣмъ въ его драмахъ; но и въ тѣхъ, и въ другихъ, Бекъ, не вдаваясь въ психологiю дѣйствующихъ лицъ, а показывая лишь условiя, въ которыхъ они живутъ, воспроизводитъ современность съ большимъ пониманiемъ ея скрытыхъ пружинъ.

Возьмемъ, напр., первую изъ его крупныхъ пьесъ: „Les Corbeaux“. Эта пьеса почти безъ интриги. Въ зажиточной и согласно живущей семьѣ умираетъ отецъ, и непонимающiя дѣла вдова и дочери дѣлаются жертвами налетѣвшихъ на нихъ „вороновъ“ т.-е. спекуляторовъ, пользующихся ихъ невѣденiемъ,—вотъ весь сюжетъ пьесы. Но въ ней авторъ сумѣлъ выразить всю жестокость жизни, неумолимой въ столкновенiяхъ эгоизма съ намѣченными имъ жертвами. Мастерство драматурга сказалось главнымъ образомъ въ изображенiи наступательнаго движенiя жизненнаго рока: уже въ первомъ актѣ, гдѣ рисуется мирная картина семейнаго благополучiя, чувствуется приближенiе грозы, скрытой именно въ довѣрчивомъ и безмятежномъ настроенiи семьи. Когда же первый ударъ разразился, каждый шагъ, каждое слово, увѣреннымъ роковымъ образомъ ведутъ къ гибели. Совершенно напрасны доводы, объясненiя и увѣщеванiя, которые пускаются въ ходъ застигнутыми врасплохъ жертвами. Наступило столкновенiе двухъ мировъ: осиротѣвшая семья живетъ понятiями добродушной морали и не можетъ постичь власти грубой силы; ихъ кредиторы—люди практической жизни и считаютъ мотивы своихъ жертвъ фантастическими бреднями. Въ этой дуэли благородства и практичности побѣда неминуемо должна оказаться на сторонѣ последней. Семья разорена и очутилась совершенно во власти адвоката и кулака, эксплуатирующихъ ее; молодая дѣвушка сознательно продаетъ свою молодость внушающему ей ужасъ старику, чтобы этимъ путемъ спасти остальныхъ членовъ семьи, и пьеса заканчивается безотраднѣйшею картиною наступившаго полнаго царства „воро-

новъ"; ихъ жертвы уже не возмущаются, не бьются въ разставленныхъ сѣтяхъ,—онѣ покорились, и опять наступила тишина и согласіе,—только это уже не мирная картина удовлетворенной счастливой семьи, а тишина смерти.

Странно читать въ „Souvenirs“ Бека про судьбу этой пьесы, которая своей жизненностью должна была бы, казалось, сразу покориить и театральныхъ директоровъ, и публику. Бекъ рассказываетъ, что онъ работалъ надъ „Corbeaux“ въ теченіе года, при чемъ особенно успѣшно работа шла лѣтомъ. „Среди зелени и свѣжаго воздуха, когда надъ головой моей высилось безоблачное небо, я находилъ самыя жестокія слова для своей пьесы“,—пишетъ этотъ суровый обличитель современности. А когда пьеса была написана, начались закулисныя дразги, и Бекъ перечисляетъ десять парижскихъ театровъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ отказавшихся принять его пьесу, которая теперь считается одной изъ самыхъ сильныхъ въ репертуарѣ реалистическаго театра.

Такова же была судьба второй пьесы Бека: „La Parisienne“. Эта комедія возмутила критику рѣзкостью сатиры и была осуждена какъ пасквиль на парижскіе нравы. Не касаясь того, правдоподобно ли изображена Беккомъ закулисная жизнь парижской семьи, отмѣтимъ только художественность исполненія этой комедіи. Смѣлость и оригинальность первой сцены остается единственной въ своемъ родѣ среди современныхъ пьесъ; классическая „exposition“, т.-е. изложеніе обстоятельствъ, среди которыхъ должно развиваться дѣйствіе, сдѣлано въ одной заключительной фразѣ этой сцены. Въ началѣ пьесы на сценѣ двое лицъ, мужчина и женщина; первый дѣлаетъ сцену ревности, выпытываетъ у своей собесѣдницы, откуда она пришла, кому она писала, требуетъ, чтобы ему показали письмо, осыпаетъ ее упреками, подозрѣніями въ измѣнѣ; она возмущается, объясняетъ, оправдывается, — и вдругъ среди бурнаго разговора пріотворяется дверь, и Клотильда останавливаетъ своего собесѣдника словами: „Prenez garde, voilà mon mari“. Вся пьеса развивается изъ этой фразы и заключается въ передачѣ внутренней жизни такого ménage à trois, гдѣ женщина оберегается ревностью двухъ мужчинъ, говорящихъ оба о долгѣ вѣрности и нравственности, и гдѣ она искусно лавируетъ между чувствами обоихъ, обманывая и того и другого и создавая вокругъ себя атмосферу лжи, среди которой всѣ живутъ какъ будто спокойно и счастливо, а она сама—счастливище всѣхъ своимъ паразитнымъ существованіемъ. Бекъ не вдается въ мораль, рисуя Клотильду чисто инстинктивнымъ существомъ, по-своему добрымъ, не сознающимъ ужаса своей душевной жизни, — и благодаря безпристрастію автора и той простотѣ, съ которой въ пьесѣ рисуется кошмаръ не-

нормальныхъ людскихъ отношеній, впечатлѣніе получается необычайно сильное. И, видно, не такъ уже неправъ оказался Бекъ въ своей сатирѣ, если возбудилъ столь сильное негодованіе критики, въ особенности въ лицѣ аккредитованнаго моралиста буржуазной нравственности, Франсиска Сарсэ. Бекъ, конечно, глубоко неправъ, отрицая у Сарсэ право говорить что бы то ни было про пьесу, даже если это компрометируетъ ея успѣхъ; нелѣпо было съ его стороны затѣвать процессъ, въ которомъ сочувствіе общества было, конечно, на сторонѣ критика. Но если, поступая такимъ образомъ, Бекъ выказалъ отсутствіе такта, то Сарсэ, не разглядѣвшій въ авторѣ „La Parisienne“ первокласснаго драматическаго таланта, выказалъ нѣчто болѣе роковое для критика—отсутствіе художественнаго вкуса.

Бекъ говоритъ въ „Souvenirs“ и о другихъ своихъ пьесахъ, въ особенности о граціозной „La Navette“, съ тонкимъ юморомъ рисующей буржуазность, вносимую французской женщиной даже въ отношенія, идущія въ разрѣзъ съ буржуазной моралью. Судьба всѣхъ этихъ пьесъ одинаковая: всѣ онѣ долго не прививались вслѣдствіе того, что публика не сразу мирилась съ безпощадностью сатиры, затрогивающей самыя интимныя стороны жизни.

II.

René Doumic. Les Jeunes. Études et portraits. Paris 1896, стр. 290.

Въ предисловіи къ своей книгѣ Р. Думикъ пытается опредѣлить общій характеръ современной французской литературы и приходитъ къ нѣсколькимъ довольно оригинальнымъ заключеніямъ. Онъ не отрицаетъ „идеалистическихъ тенденцій“ въ новѣйшихъ писателяхъ и причисляетъ къ философамъ, породившимъ эти тенденціи, Ренана; послѣдній, по его мнѣнію, имѣлъ вліяніе на современниковъ своимъ идеализмомъ и склонностью къ вопросамъ религіи. Но на этомъ идеалистическомъ фонѣ Думикъ различаетъ множество самыхъ разнообразныхъ литературныхъ теченій и приходитъ къ выводу, что „общаго теченія“ въ литературѣ нашего времени нѣтъ. Выводъ этотъ, послѣ признанія идеалистическаго характера всей новѣйшей литературы, является, очевидно, внутреннимъ противорѣчіемъ. Къ чему иному, какъ не къ философской подкладкѣ художественнаго творчества, можетъ относиться „общность теченія“, о которой говоритъ критикъ? А самое поверхностное изученіе современной литературы во всѣхъ странахъ показываетъ, что прежняя склонность къ воспроизведенію одной только дѣйствительности, прежнее преклоненіе передъ

жизненными идеалами, прошли въ литературѣ вмѣстѣ съ господствомъ позитивизма; новая философія, о которой говоритъ Думикъ, породила новую литературу, объединенную общимъ міросозерцаніемъ. Все болѣе укрѣпляется убѣжденіе, что „внѣшняя жизнь“, какъ говоритъ Думикъ въ другомъ мѣстѣ своего предисловія, „имѣетъ значеніе, лишь насколько она отражаетъ жизнь души; что надъ реальностью фактовъ есть болѣе высокая реальность идей, и что человѣчество, съ тѣхъ поръ какъ оно существуетъ, работаетъ надъ высокими задачами; разрѣшить ихъ, быть можетъ, никогда не будетъ дано человѣчеству, но стремленіе къ этой цѣли составляетъ благородство и достоинство человѣческой мысли“.

Болѣе справедливымъ является другой выводъ критика о современной литературѣ: онъ отмѣчаетъ въ ней отсутствіе тѣснаго общенія между писателемъ и публикой. Думикъ видитъ въ этой отчужденности литературы печальный признакъ для развитія послѣдней, но намъ кажется, что отчужденность эта не намѣренная, а прямо вытекающая изъ условій жизни. Развитіе общества ведетъ все къ большому распространенію демократизма, къ господству большинства во всѣхъ областяхъ, къ распространенію жизненныхъ началъ, близкихъ и понятныхъ толпѣ. А искусство въ основѣ своей аристократично, оно есть результатъ той утонченности нервной организаціи, которая дается на высшихъ ступеняхъ культуры. Чѣмъ выше искусство, тѣмъ болѣе оно обращается лишь къ избраннымъ, къ тѣмъ, кто имѣлъ возможность проникнуться одинаковой съ художникомъ культурой. Въ обществѣ, гдѣ интеллигентность составляетъ удѣлъ большинства, — эстетическіе критеріи опредѣляются вкусами массы, еще далекой отъ умственного уровня, нужнаго для пониманія высшихъ идеаловъ искусства. Если желать для искусства безграничнаго совершенствованія, то нужно мириться съ тѣмъ, что оно удалится и будетъ удалиться отъ пониманія массы; приспособляться къ идеаламъ большинства значило бы понижать свои требованія и проходить путь, уже однажды пройденный. Это дѣло популяризаторовъ, учителей, а не искусства, которое не можетъ сообразоваться съ умственнымъ уровнемъ тѣхъ, кто внимаетъ ему въ тотъ или другой моментъ общественнаго развитія.

Перехода отъ этихъ заключеній общаго характера къ очерку современной французской литературы, Думикъ останавливается исключительно на писателяхъ, выступившихъ за послѣднее десятилѣтіе и обобщаемыхъ подъ именемъ „молодыхъ“ (*Les jeunes*). Среди нихъ мы встрѣчаемъ давно извѣстныя имена Рода, Рони, Гюисманса, Барреса и др., на-ряду съ болѣе новыми П. Эрвье, Леона Додэ, Кюреля, и цѣлой плеяды молодыхъ поэтовъ, представителей новѣйшихъ ересей въ литературѣ. Въ этюдѣ объ Эдуардѣ Родѣ Думикъ даетъ симпа-

тичный очеркъ романиста-философа, исходящаго изъ опредѣленнаго нравственнаго міросозерцанія въ своемъ изображеніи жизни и людей. Характеризуя это міросозерцаніе, въ которомъ христіанское пониманіе любви и долга самоотреченія играетъ такую большую роль, критикъ забываетъ почему-то указать на несомнѣнный источникъ настроеній Рода—философію гр. Толстого. А между тѣмъ она и объясняетъ коренное различіе между первой серіей романовъ Рода и второй. Въ первой серіи, къ которой Думикъ причисляетъ „Cours à la mort“ и „Vie de Michel Teissier“, Родъ является пессимистомъ, признающимъ въ жизни лишь господство зла и страданія,—между тѣмъ какъ въ дальнѣйшихъ романахъ: „Sacrifiée“, „Vie privée de Michel Teissier“, „Silence“, — на первый планъ выступаетъ подвигъ любви, составляющій идеальную сторону жизни и дающій нравственный противовѣсъ внѣшнему господству зла. Въ этомъ примирительномъ характерѣ романовъ второй серіи видно вліяніе гр. Толстого, о которомъ женеvскій философъ писалъ очень пространно въ своихъ „Idées morales du temps présent“.

Одна изъ интересныхъ статей въ книгѣ Думика носить заглавіе: „La glorification de l'énergie“—и посвящена философіи Барреса, по поводу его послѣдней книги: „Du sang, de la volupté et de la mort“. Несмотря на свое странное и вызывающее заглавіе, книга Барреса—не что иное, какъ собраніе путевыхъ замѣтокъ объ Испаніи, Итали и южной Франціи. Думикъ отмѣчаетъ, какъ заслуживающій большого интереса, очеркъ Испаніи. Въ немъ Барресъ высказываетъ свою симпатію къ единственной странѣ въ Европѣ, гдѣ еще сохранилась нетронутой энергія жизни. Въ Испаніи Барреса чаруютъ настроенія, вызываемыя силою чувствъ, обусловленныхъ испанскою жизнью. Тамъ все возбуждаетъ нервы, будитъ уставшую душу, восстанавливаетъ упавшія силы. Природа вся создана изъ контрастовъ; сухая на сѣверѣ, на югѣ располагающая къ нѣгѣ, она дѣйствуетъ, благодаря этимъ контрастамъ, такимъ же возбуждающимъ образомъ на настроеніе, какъ дѣйствуютъ на тѣло чередующіяся струи, то горячія, то холодныя. Исторія, искусство, литература, нравы, свидѣтельствуютъ въ Испаніи о страсти къ сильнымъ ощущеніямъ. Всѣ писатели и всѣ художники проявляютъ одинаковую фантазію, склонную во всякаго рода ужасамъ, у всѣхъ наталкиваешься на тѣ же кровавыя сцены. Даже теперь, несмотря на смягченные нравы, самымъ характернымъ проявленіемъ испанскаго темперамента является тотъ крикъ, который поднимается въ каждомъ маленькомъ городкѣ въ моментъ, когда падаетъ сраженный торреадоромъ быкъ. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ человѣкъ не живетъ столь сильной жизнью нервовъ. Среди всеобщей атоніи чувствъ въ Европѣ, Испанія—единственный источникъ, гдѣ

имѣются еще возбуждающія средства. Какъ бы сдвинутыя къ крайнему пункту нашего материка, скопляются, живутъ и переплетаются между собой на южномъ полуостровѣ чувства и страсти, изгнанныя изъ всѣхъ другихъ странъ. Испанія—самая необузданная страна въ мѣрѣ,—страна, гдѣ чувствовалъ бы себя хорошо или дикарь, не знающій ничего, или философъ, разочарованный во всемъ, кромѣ энергій.

Философу, проповѣдующему „эгоизмъ“, кипучая жизнь страстнаго, непосредственнаго въ своихъ инстинктахъ народа кажется воплощеніемъ его личнаго идеала: крайности въ чувствахъ, сила и страстность вызываютъ въ немъ преклоненіе, такъ какъ въ нихъ проявляется вся полнота человѣческаго „я“.

Этотъ культъ „энергій жизни“ не впервые возникъ въ философіи Барреса. Думикъ даетъ полное развитіе этой теоріи отъ первыхъ ея проявленій у Стендаля и до нынѣшняго ея примѣненія авторомъ „*Homme Libre*“. Герой Стендалевскаго „*Rouge et Noir*“, Жюльенъ Сорель—прототипъ Барессовскихъ героевъ; онъ воспитывается въ себѣ ту „сенситивность“, которая не оставляетъ въ бездѣйствіи ни одного нерва; добро и зло ему одинаково дороги для того, чтобы проявить свое „я“, всю потенциальность своей души; не нравственное значеніе поступковъ, а проявляющаяся въ нихъ сила личности дорога ему, и жизнь его становится своего рода героической эпопеей, въ которой трофеями становятся покоренныя души другихъ людей, нужны „эгоисту“ для того, чтобы онъ чувствовалъ силу своей собственной души. Вслѣдъ за Жюльеномъ Сорелемъ тянется цѣлый рядъ героевъ романовъ, занятыхъ культомъ своей нервной восприимчивости, развитіемъ въ себѣ самыхъ разнообразныхъ и утонченныхъ ощущений, въ которыхъ отражалось бы на тысячу ладовъ возводимое на пьедесталъ мыслящее и чувствующее „я“. Таковы герои Меримэ съ ихъ приподнятыми страстями; таковъ „*Disciple*“ Бурже, спокойно дѣлающій эксперименты надъ живой душой, чтобы добиться этимъ путемъ новизны ощущений; таковъ, наконецъ, „*Homme Libre*“ Барреса, провозглашающій громогласно культъ своего „я“ и свое „*Credo*“, которое заключается въ томъ, чтобы чувствовать какъ можно больше и разнообразнѣе, какъ можно болѣе развивая въ себѣ силу анализа.

Изъ другихъ очерковъ, составляющихъ книгу Думика, отиѣтитъ его этюды о нѣсколькихъ новѣйшихъ писателяхъ, П. Эрвье, Курелѣ, Лаведанѣ. Эрвье выступилъ около десяти лѣтъ тому назадъ оригинальной „исторіей о Діогенѣ-собакѣ“. Съ тѣхъ поръ онъ подпадалъ нѣсколько разъ подъ различныя литературныя вліанія, написалъ, подъ обаяніемъ прозы Эдгара Поэ, фантастическіе рассказы: „*Les Yeux verts et les Yeux bleus*“, „*L'Inconnu*“, „*l'Exorcisée*“,—въ которыхъ стремился показать, какъ неопредѣленна и условна линія, отдѣляю-

щая психологию нормальнаго человѣка отъ душевной жизни сумасшедшихъ. Съ тѣхъ поръ, идя по слѣдамъ Поля Бурже, Эрвье сталъ писать свѣтскіе романы и въ этой области окончательно нашелъ свое призваніе. Лучшія его вещи—„Flirt“ и „Peints par eux-mêmes“; за послѣдній годъ появились обратившіе на себя вниманіе романъ „Aptitude“ и пьеса „Les Tenailles“, имѣвшая огромный успѣхъ въ Парижѣ и поставленная недавно въ русскомъ переводѣ въ Петербургѣ. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Эрвье выказалъ значительный даръ наблюдательности и умѣнье сатирически обрисовать мелочность и внутреннюю густоту свѣтской жизни, развивающей мнимыя чувства и мнимыя траданія, поверхностныя и лишеныя внутренняго значенія. Пьеса „Les Tenailles“ разработываетъ устарѣвшую у насъ тему о тяжести семейныхъ оковъ для женщины, не любящей мужа и стремящейся къ свободѣ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1896.

Газетная агитація противъ реформы крестьянскаго поземельнаго банка.—Похвальная откровенность: „объясненіе“ дворянскихъ имѣній; второстепенное значеніе грамотности; судъ Линча надъ „несогласно-мыслящими“.—Нѣсколько любопытныхъ фактовъ.—Юбилей проф. А. И. Чупрова, и шестое изданіе книги Г. А. Джаншиева.

Только на-дняхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилось Высочайше утвержденное 27-го ноября мнѣніе государственнаго совѣта, вносящее существенныя измѣненія въ уставъ крестьянскаго поземельнаго банка. Отлагая, поэтому, разборъ новаго закона до слѣдующаго мѣсяца, мы остановимся только на замѣчательно-упорныхъ нападеніяхъ, которымъ, именно въ послѣдніе дни до его опубликованія, нѣкоторыя изъ главныхъ основаній реформы подвергались со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“. Съ 30-го ноября по 13-ое декабря (№№ 330 — 343), онѣ посвятили этой темѣ не менѣе десяти передовыхъ статей, къ которымъ примыкаетъ еще особый этюдъ Д. О. Самарина. Агитація—къ счастью, нѣсколько запоздавшая—была ведена съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ. О характерѣ ея можно судить, отчасти, по самымъ заглавіямъ нѣкоторыхъ статей: „Опасный опытъ“; „Органъ земельной спекуляціи“. Новыя задачи крестьянскаго банка приравниваютъ его, по словамъ московской газеты, къ ростовщикамъ, къ „земельнымъ спекулянтамъ“, превращаютъ его изъ „плохой вѣтряной мельницы“, какою онъ былъ до сихъ поръ, въ „усовершенствованную паровую мельницу для перемола дворянскаго землевладѣнія“, въ орудіе „экономической нивелировки сословій“... Сдѣланы были попытки перенести агитацію и въ другія періодическія изданія, напр. въ „Новое Время“, гдѣ была помѣщена написанная въ томъ же духѣ статья г. К. Головина—но она встрѣтила сильный отпоръ со стороны самой редакціи газеты. Заявлялись, повидимому, и какіе-то протесты со стороны представителей дворянскаго сословія, но въ печать они, кажется, не проникали. Изъ-за чего же загорѣлся сыръ-боръ? Изъ-за представленія крестьянскому банку временно, въ теченіе пяти лѣтъ (по 1-е января 1901 г.), покупать на свое имя, за счетъ собственнаго своего капитала, земли и имѣнія и затѣмъ продавать ихъ по возможности крестьянамъ, а до продажи—отдавать въ аренду, также преимущественно крестьянамъ. Съ перваго взгляда трудно понять, какинъ образомъ столь скромная мѣра (замѣтимъ, что въ продолженіе ближайшихъ пяти лѣтъ въ

„собственный капитал“ банка должно поступить лишь около 10 миллионъ рублей) могла вызвать столь горячее противодѣйствіе. Чего опасаются ревностные не по разуму охранители дворянскаго землевладѣнія? Того, что дворяне, прельщенные высокими покупными цѣнами, предложатъ на продажу массу земель, которыя перейдутъ въ руки крестьянъ и навсегда, такимъ образомъ, будутъ потеряны для дворянства? Но, во-первыхъ, какъ бы велико ни было предложеніе, спросъ будетъ ограниченъ весьма тѣсными границами, и какіе-нибудь два миллиона въ годъ (или даже вдвое, втрое большая сумма, если допустить быстрый оборотъ капитала) будутъ едва замѣтны въ сравненіи съ тѣми десятками миллионъ рублей, на которые ежегодно уменьшается, путемъ продажи другимъ сословіямъ, общая стоимость дворянскихъ имѣній. Не настолько, во-вторыхъ, будутъ роскошны покупныя цѣны, предлагаемыя банкомъ, чтобы послужить непреодолимымъ соблазномъ для дворянъ. Банку не будетъ никакого расчета поднимать через-чуръ высоко цѣну на земли, которыя ему же, вслѣдъ затѣмъ, придется продавать. Когда непосредственными покупателями земли являются крестьяне, они даютъ за нее иногда непомерно высокую цѣну, какъ потому, что она имъ крайне нужна, такъ и потому, что, слишкомъ дешево цѣня свой собственный трудъ, они легко ошибаются въ опредѣленіи высшей нормы платежей, которые способна вынести земля; но со стороны крестьянскаго банка такихъ увлеченій и ошибокъ, конечно, ожидать нельзя. Небольшую цѣнность для сословія дворянъ-землевладѣльцевъ представляютъ, наконецъ, тѣ его члены, которые готовы разстаться съ землей, какъ только за нее дадутъ хорошую цѣну. Не сегодня, такъ завтра, не банку, такъ кому-нибудь другому эти землевладѣльцы непременно продадутъ свои имѣнія, и вся разница будетъ заключаться въ томъ, что вмѣсто учрежденія, въ дѣятельности котораго только болная фантазія или жалкое недомысліе можетъ усмотрѣть что-либо „спекулятивное“, земля попадетъ въ руки несомнѣнныхъ „земельныхъ спекулянтовъ“. Нигдѣ раздраженіе противъ реформы крестьянскаго банка не выразилось столь ярко, какъ именно въ обозваніи его „органомъ земельной спекуляціи“. Что общаго у него съ скупщиками земли, перепродающими ее крестьянамъ? А вотъ что, отвѣчаютъ „Московскія Вѣдомости“: скупщики раздробляютъ землю на мелкіе участки—и банкъ будетъ поступать точно такъ же; скупщики дѣйствуютъ на „коммерческомъ основаніи“, стараясь купить землю какъ можно дешевле и продать ее какъ можно дороже—и на томъ же основаніи будетъ построена дѣятельность банка; вся разница между „земельнымъ ростовщикомъ“ и банкомъ сводится къ тому, что первый изъ своихъ барышей кое-что проживааетъ, а банкъ всѣ свои барыши будетъ присоединять къ

собственному капиталу, „дабы еще въ большихъ размѣрахъ продолжать дальнѣйшее дробленіе и крошеніе помѣстій“. Злобность и злостность доведены въ этой параллели до крайняго предѣла—но тѣмъ яснѣе обнаруживается ея полнѣйшая внутренняя несостоятельность. О „коммерческомъ основаніи“ дѣятельности банка можетъ идти рѣчь лишь въ томъ смыслѣ, что банкъ обязанъ избѣгать потерь, ничѣмъ не вызываемыхъ и не оправдываемыхъ. Онъ не долженъ, безъ сомнѣнія, покупать землю по несоразмѣрно дорогой цѣнѣ, не долженъ безъ необходимости продавать ее дешевле, чѣмъ она ему самому стоитъ—но этимъ и исчерпывается аналогія между нимъ и коммерческимъ дѣятелемъ. Банку нѣтъ никакой надобности покупать, во что бы то ни стало, *какъ можно дешевле*. Онъ не выжидаетъ минуты, особенно тяжелой для продавца, не старается разузнать его финансовое положеніе, не пользуется его запутанными обстоятельствами, не скупаеъ за пол-цѣны его долговыхъ обязательствъ, не понижаетъ цѣну стачкою съ другими покупщиками; онъ даетъ за землю настоящую ея цѣну, опредѣляемую не личными, случайными, а реальными условіями. Точно такъ же онъ поступаетъ и при продажѣ: онъ не спекулируетъ на жадность крестьянъ къ землѣ, не донимаетъ ихъ, если они его сосѣди, прижимками, преслѣдованіями за потравы, непомернымъ увеличеніемъ арендной платы, чтобы понудить ихъ къ покупкѣ земли, какъ къ единственному выходу изъ невозможнаго положенія. Его цѣль — не просто продажа имѣющей у него земли, но продажа не обременительная и не убыточная для покупщиковъ. Для „земельнаго спекулянта“ и даже для огромнаго большинства обыкновенныхъ продавцовъ безразлична личность покупателя; продавцу нужно только получить деньги, по возможности больше денегъ, а кѣмъ и для чего покупается земля — это ему все равно. Можетъ быть, покупщикъ тотчасъ же перепродаетъ ее, раздробивъ ее еще больше; можетъ быть, будетъ эксплуатировать, при ея посредствѣ, сосѣднюю деревню; можетъ быть, устроить на ней кабакъ; можетъ быть, присоединить ее къ своимъ, безъ того уже обширнымъ земельнымъ угодьямъ;—до всего этого продавцу нѣтъ никакого дѣла. Въ иномъ положеніи находится крестьянскій банкъ, обязанный не только продавать землю *по возможности* крестьянамъ, но и между крестьянами выбирать особенно нуждающихся въ землѣ и продавать имъ лишь такіе участки, какіе могутъ быть обработаны собственными силами покупщиковъ, безъ помощи наемнаго труда.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы дать понятіе о характерѣ и достоинствѣ газетной кампаніи, предпринятой противъ преобразованій крестьянскаго банка. Невольно возникаетъ вопросъ, чѣмъ объяснить страстность нападеній, ихъ явную тенденціозность или непо-

жѣрныя преувеличенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ всего легче можно отыскать въ предложеніяхъ, съ которыми выступаетъ одинъ изъ сравнительно-умѣренныхъ оппонентовъ реформы, г. Д. Самаринъ. Онъ стоитъ за казенную покупку земель—съ возложеніемъ ея отнюдь не на крестьянскій банкъ,—«это съ самаго начала незрѣло обдуманное учрежденіе»,—а на какой-нибудь иной правительственный органъ, но съ тѣмъ, чтобы она производилась *ни окраинахъ Россіи*, куда и направлялось бы переселеніе крестьянъ изъ тѣхъ обществъ, поземельный надѣлъ которыхъ будетъ признавъ подлежащимъ увеличенію. По мнѣнію другого единомышленнаго „Московскихъ Вѣдомостей“, г. К. Головина, реформа грозитъ не только „разгромомъ личнаго землевладѣнія“ и возможностью „аграрныхъ беспорядковъ“ (вслѣдствіе оживленія надежды на вторичное надѣленіе землею), но и „утратой крестьянами заработка въ помѣщичьихъ экономіяхъ“. Не ближе ли къ истинѣ было бы сказать, что нѣкоторые землевладѣльцы боятся утраты сравнительно-дешеваго крестьянскаго труда? Что не такова мысль самого г. Головина—этому мы охотно вѣримъ; но что такъ думаютъ многіе изъ той среды, которая забила тревогу при вѣсти о предстоящемъ преобразованіи крестьянскаго банка,—это ясно видно изъ той статьи „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 334), гдѣ указывается на „упраздненіе помѣщичьяго хозяйства“, какъ на логическій результатъ „опаснаго опыта“. „Некому будетъ обрабатывать помѣщичьи поля“—вотъ основная мысль противниковъ реформы, только выраженная не совсѣмъ точно; правильнѣе было бы формулировать ее такъ: „въ мѣстахъ, гдѣ широко разовьется новая дѣятельность банка, никто не станетъ обрабатывать помѣщичьи поля *по несоразмѣрно дешевой цѣнѣ*“. Къ этому главному мотиву присоединяются еще другіе.

Нѣкоторую, хотя и незначительную роль въ уменьшеніи дворянскаго землевладѣнія покупка земель за счетъ крестьянскаго банка сыграть, безспорно, можетъ. Съ этимъ не хотятъ примириться односторонніе и близорукіе защитники дворянскихъ интересовъ. Ихъ обижаетъ работливость государства, направленная не только не въ ихъ пользу, но какъ будто бы имъ въ ущербъ. Для нихъ не важно, что безъ смѣшательства банка земля, ускользающая изъ рукъ дворянъ, попадала въ руки наименѣе желательной категоріи землевладѣльцевъ—чишниковъ, одинаково безцеремонно эксплуатирующихъ и почву, и людей,—или досталась бы крестьянамъ только послѣ нѣсколькихъ переходовъ, уменьшающихъ ея внутреннюю стоимость и увеличивающихъ ея продажную цѣнность. Для нихъ не важно, что всякое расширеніе крестьянскаго землевладѣнія—*крестьянскаго* не столько по основному положенію владѣльца, сколько по формѣ владѣнія и по способу пользованія,—поднимаетъ общій уровень народнаго благо-

состоянія. Они знаютъ и хотятъ знать только одно: безъ посредничества банка земля, *можетъ быть*, осталась бы за прежнимъ ея владѣльцемъ-дворяниномъ, или перешла бы отъ него, *можетъ быть*, къ другому дворянину—и этого для нихъ довольно, чтобы вопиать противъ нарушенія „естественнаго хода событій“, который они сами, но только въ пользу свою или *своихъ*, готовы нарушать сколько угодно и какъ угодно.

Эту послѣднюю черту нашихъ „охранителей“ иллюстрируетъ весьма наглядно статья: „Къ дворянскому вопросу“, напечатанная въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 325) какъ разъ за нѣсколько дней до начала залповой пальбы противъ реформы крестьянскаго банка. Авторъ статьи, вѣроятно—въ виду приближавшихся рождественскихъ праздниковъ, проситъ небольшого подарочка для дворянъ-землевладѣльцевъ: временнаго *объясненія* ихъ имѣнній отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ налоговъ. Мотивируетъ онъ эту скромную просьбу съ одной стороны тѣмъ, что уменьшеніемъ налоговъ въ настоящее время дворянству помочь уже нельзя, въ виду слишкомъ большого упадка его благосостоянія, а съ другой стороны тѣмъ, что общая для всего сословія податная льгота, „не заключая въ себѣ ничего деморализующаго отдѣльныхъ членовъ сословія, составляла бы лишь, такъ сказать, государственную премію дворянамъ, оставшимся вѣрными своему исконному и полезному, съ государственной точки зрѣнія, занятію земледѣліемъ“. Что это такое—крайняя наивность или столь же крайняя смѣлость? Освобожденіе цѣлаго сословія отъ упадающей на него доли податного бремени неминуемо влечетъ за собою увеличеніе платежей, лежащихъ на другихъ сословіяхъ. Податная привилегія, оборотною стороною которой непременно является податная тягость, можетъ быть оправдана развѣ тогда, когда привилегированный классъ настолько малочисленъ, что изъятіе, дѣлаемое въ его пользу, весьма слабо отражается на остальной части населенія—и настолько бѣденъ средствами, настолько затрудненъ въ ихъ приобрѣтеніи, настолько обремененъ общепользными обязанностями, что въ льготномъ, съ финансовой точки зрѣнія, его положеніи никѣмъ не чувствуется несправедливость. Ни подъ одно изъ этихъ условій дворянскій землевладѣльческій классъ, очевидно, не подходитъ. Малочисленный только въ сравненіи съ крестьянской массой, онъ владѣлъ еще недавно четвертьмя-пятьми всей частной поземельной собственности и значительно бѣольшую часть ея сохраняетъ въ своихъ рукахъ и до настоящаго времени. Никакихъ спеціальныхъ обязанностей, помимо принимаемыхъ добровольно, онъ не несетъ, за свой служебный трудъ получаетъ достаточное вознагражденіе изъ государственныхъ средствъ, свободно движется на всѣхъ путяхъ, ведущихъ къ умноженію или поддержанію матеріальнаго достатка, и больше чѣмъ какой бы то

ни было другой пользуется услугами государства. При такомъ положеніи дѣль *объленіе* его отъ налоговъ несомнѣнно было бы равносильно его „деморализаціи“—и вмѣстѣ съ тѣмъ, если можно такъ выразиться, его „депопуляризаціи“. Чѣмъ выше поднялось бы его собственное мнѣніе о себѣ, какъ объ объектѣ экстраординарнаго вниманія государственной власти, тѣмъ ниже упало бы мнѣніе о немъ другихъ, руководимое сознаниемъ, что въ государственной жизни, какъ и въ частной, должно существовать извѣстное соотношеніе между тѣмъ, что даешь, и тѣмъ, что получаешь. Напрасно реакціонные софисты пытаются приравнять „объленіе“ дворянскихъ земель къ государственнымъ преміямъ, „выдаваемымъ за самые разнообразныя предметы—начиная отъ преміи за убитаго волка до преміи за выработку извѣстнаго фабриката высокаго качества“. Въ основаніи всѣхъ подобныхъ премій лежитъ *доказанная личная заслуга*; другими словами, премія выдается только тому, кто непосредственно и несомнѣнно принесъ извѣстную пользу государству, или какой-либо его части. Ни о чемъ подобномъ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи, какъ потому, что *владѣніе землею* далеко не всегда синонимъ *занятія земледѣліемъ*, такъ и потому, что пассивное удержаніе въ своихъ рукахъ земельного владѣнія не имѣетъ ничего общаго съ *дѣятельностью* на пользу государства. Что касается до практическихъ послѣдствій „объленія“, то первымъ и главнымъ изъ нихъ былъ бы полнѣйшій крахъ земскаго хозяйства. Липившись сразу четверти, трети, кое-гдѣ, быть можетъ, даже половины земскихъ сборовъ, земство должно было бы до крайности ограничить или совершенно прекратить свои „необязательные“ расходы, т.-е. уничтожить или урѣзать все сдѣланное имъ въ области народной школы и народной медицины. Защитники „объленія“ были бы этому, впрочемъ, очень рады; для нихъ это значило бы—*faire d'une pierre deux coups*“. Самымъ подходящимъ сдѣлалищемъ для „объленнаго“ дворянства было бы, бесспорно, разоренное земское пепелище...

На одномъ „объленіи“ дворянскихъ имѣній опасные друзья дворянства, еслибы на ихъ улицѣ возобновился праздникъ, конечно не остановились бы. „Мало ли что можно было бы сдѣлать“—воскликаетъ авторъ цитированной нами статьи,—„чтобы облегчить помѣстному дворянству его существованіе въ помѣстьяхъ“! Еще характеристичнѣе слѣдующее его признаніе: „въ отношеніи доступности и легкости кредита для помѣстнаго дворянства сдѣлано многое, можетъ быть сдѣлано все, что возможно; но, по нашему глубокому убѣжденію, эта сравнительная легкость и доступность кредита была крупною государственною ошибкой, въ концѣ концовъ причинившею дворянству гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы“. Кто же, однако, вопіялъ всего громче о необходимости легкодоступнаго дворянскаго кредита,

кто восторженно рукоплескалъ всѣмъ мѣрамъ, направленнымъ къ этой цѣли? Именно реакціонная печать, которая теперь заводитъ рѣчь о „крупной государственной ошибкѣ“. Такой же ошибкой было бы „обѣщаніе“ дворянскихъ имѣній—и точно такъ же отнеслись бы къ нему нѣсколько лѣтъ спустя тѣ же ненасытные и неугомонные выпрашиватели льготъ и снисхожденій. Свобода отъ налоговъ помогла бы дворянству, въ концѣ концовъ, столь же мало, какъ и удешевленіе кредита—но вмѣсто того, чтобы убѣдиться, наконецъ, въ бесплодности привилегій, новую неудачу стали бы выставлять основаніемъ для новыхъ ходатайствъ, и заколдованному кругу не предвидѣлось бы конца и края.

Однимъ достоинствомъ статьи въ родѣ той, о которой мы только что говорили, обладаютъ несомнѣнно: достоинствомъ откровенности! Онѣ не только раскрываютъ и фиксируютъ мысль, въ данный моментъ бродящую въ данныхъ сферахъ, но позволяютъ заглянуть еще дальше, въ область назрѣвающихъ „проектовъ“ или слагающихся настроеній. Съ этой точки зрѣнія не лишены интереса двѣ статьи въ декабрьской книжкѣ „Русскаго Обзорѣнія“. Одна изъ нихъ, подписанная не безызвѣстнымъ псевдонимомъ: „Spectator“, озаглавлена: „Истинное значеніе грамотности“. Сходясь съ „Московскими Вѣдомостями“ въ основной мысли: „вмѣсто того, чтобы спѣшить открытіемъ громаднаго количества школъ, необходимо поработать надъ усовершенствованіемъ ихъ качества“ (при чемъ подъ именемъ добродѣтельныхъ разумѣются, конечно, только школы, подчиненныя ближайшему надзору духовенства), г. Spectator гораздо безцеремоннѣе въ своей аргументаціи: онъ вовсе не старается скрыть, что для него распространеніе грамотности—вопросъ весьма и весьма второстепенный. Предвидя обычное возраженіе: „пока мы будемъ ждать для открытія школъ хорошихъ, благонадежныхъ учителей, время уйдетъ, а народъ останется безъ школъ“,—г. Spectator заранѣе на него отвѣчаетъ: „и пусть время идетъ, подъ нами вѣдь не горитъ; есть вопросы, отъ быстрого рѣшенія которыхъ гораздо болѣе зависитъ благосостояніе народа, чѣмъ отъ его грамотности“. Въ другомъ мѣстѣ статьи онъ относитъ къ числу такихъ вопросовъ, въ видѣ примѣра, обезпеченіе народнаго продовольствія и правильную государственную организацію переселеній, прибавляя, что „можетъ наступить время, когда, по удовлетворительномъ рѣшеніи настоятельныхъ жизненныхъ (курсивъ въ подлинникѣ) вопросовъ народнаго благосостоянія, вопросъ о распространеніи народной грамотности станетъ у насъ вопросомъ первостепенной важности“. Это время, очевидно, еще очень пѣблизко, если для его отсрочки достаточно выдвинуть на первый планъ вопросы въ родѣ продовольствія или переселенія. Такихъ вопросовъ въ государственной жизни всегда много;

они идутъ другъ за другомъ непрерывнымъ рядомъ и часто возникаютъ съизнова, потому что не допускаютъ *окончательнаго* рѣшенія. Соблюдать извѣстную постепенность въ ихъ разрѣшеніи необходимо только тогда, когда оно требуетъ значительныхъ затратъ, одновременное производство которыхъ было бы непосильно для государства. Какихъ же затратъ требуетъ обезпеченіе народнаго продовольствія, разъ что официальные проекты, составлявшіеся по этому предмету — и встрѣчавшіе одобреніе со стороны реакціонной печати, — вертятся всѣ безъ изъятія вокругъ засыпки общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ средствами самихъ крестьянъ? Какихъ крупныхъ затратъ требуетъ упорядоченіе крестьянскаго переселенія, разъ что пособіе переселенцамъ со стороны казны сводится къ минимальнымъ нормамъ? Не ясно ли, что ни то, ни другое не можетъ затруднить присканіе средствъ для болѣе быстраго распространенія грамотности? Неужели въ каждую данную минуту возможно вести только одну работу государственной важности или, максимумъ, двѣ? Неужели нельзя заняться въ одно и то же время и продовольственнымъ уставомъ, и пересмотромъ закона о переселеніяхъ, и подготовкой всеобщаго начальнаго обученія? Почему, наконецъ, вопросъ о переселеніяхъ болѣе неотложенъ, чѣмъ вопросъ о всеобщей народной грамотности? Не усиливается ли потребность въ переселеніи, между прочимъ, темнотою народной массы, безсильной приспособиться къ измѣняющимся экономическимъ условіямъ? Можно ли сидѣть сложа руки и утѣшать себя мыслью: *подъ нами не юритъ*, — когда безпрестанно приходится слышать о такихъ страшныхъ проявленіяхъ народнаго невѣжества, какъ напр. избиеніе „вѣдьмы“ на улицахъ Москвы или убійство „колдуньи“ въ мышкинскомъ уѣздѣ ярославской губерніи ¹⁾?

Другая статья „Русскаго Обзорѣнія“, не менѣе характеристичная, принадлежитъ г. В. Розанову, достаточно извѣстному нашимъ читателямъ по этюду Вл. С. Соловьева: „Порфирій Головлевъ о свободѣ и вѣрѣ“ („Вѣстн. Европы“, 1894 г., № 2). Съ нѣкоторыхъ поръ г. Розановъ избралъ своею спеціальностью писаніе открытыхъ писемъ къ современникамъ, преднамѣренно и систематически грубыхъ. Первое произведеніе этого рода было адресовано къ гр. Л. Н. Толстому; второе обращено къ Алексѣю Ник. Веселовскому, по поводу напечатаннаго имъ въ нашемъ журналѣ (1895 г., № 9) этюда о Гоголѣ и о Чаадаевѣ. Отправляясь отъ эпитета: *многострадальное*, прижизненнаго г. Веселовскимъ къ извѣстному письму Чаадаева, г. Розановъ „открыто“ ставитъ вопросъ: *насиліе—есть ли фактъ правый*

¹⁾ Жертвою суевѣрія пала, въ послѣднемъ случаѣ, свекровь молодой женщины, которую считали „испорченною“ — и участіе въ преступленіи принимала, между прочимъ, мужъ „испорченной“, т. е. родной сынъ убитой! Подробности этого ужаснаго дѣла см. въ № 7116 „Новаго Времени“.

передъ мыслью, которая завтра поведетъ къ насилію, сегодня приводитъ къ страданію“? Въ статьѣ г. Веселовскаго упомянуто о происшедшемъ въ свое время слухѣ, будто бы нѣсколько студентовъ московскаго университета, послѣ напечатанія въ „Телескопѣ“ письма Чаадаева, заявили попечителю округа о готовности своей съ оружіемъ въ рукахъ отмстить за оскорбленіе, нанесенное Россіи, а въ редакціи „Телескопа“ грозно протестовали противъ письма. Оправдывая и защищая этихъ, можетъ быть и легендарныхъ, студентовъ, усматривая въ „натискѣ общественнаго мнѣнія“, побудившемъ правительство принять строгія мѣры противъ Чаадаева и „Телескопа“, доказательство „серьезности и нравственной чуткости“ тогдашняго общества, признавая за народомъ право на „защиту своего символа тѣми же матеріальными средствами, тѣми же грубымъ орудіемъ, какимъ на него нападаютъ“,—г. Розановъ восклицаетъ: „раньше, чѣмъ вы (т.-е. писатели ненавистнаго ему направленія) успѣли не уважить древній историческій символъ—общество, страна въ правѣ не уважить вашъ новый; и прежде чѣмъ въ сатирѣ, художественномъ образѣ, философскомъ разсужденіи вы успѣли доказать, что почтеніе къ старшимъ не существенно, что права родителей сомнительны, обязанности дѣтей проблематичны—я не говорю уже о большемъ—общество въ правѣ разорить вашъ домъ и, если вы сами не поторопитесь переехать за Эйдкуненъ, выбросить васъ туда съ вашею неинтересной для него философіей и ненужной поэзіей. Я говорю, что идеальное право это сдѣлать у него есть, что оно его не примѣняетъ, или примѣняетъ недостаточно по милосердію“. До такихъ геркулесовыхъ столповъ наша реакціонная печать не доходила еще, кажется, даже въ минуты наибольшей разнузданности. Она оправдывала общественное насиліе *post factum* (припомнимъ, напримѣръ, исторію 1879 г. съ московскими мясниками), она грозила имъ, какъ стихійной, трудно сдерживаемой силой,—но никогда, сколько помнится, не возводила его на степень *права*, смягчаемаго только *милосердіемъ*. И гдѣ же, когда же проповѣдуется этотъ своеобразный судъ Линча—судъ Линча надъ людьми, „виновными“ только въ мышленіи не по указѣ и не по шаблонамъ? Въ странѣ, гдѣ правительство вооружено болѣе чѣмъ достаточными способами репрессіи печатнаго слова, гдѣ ни оно, ни другіе устои общественнаго строя не нуждаются, слѣдовательно, въ безформенной и беспорядочной охранѣ со стороны „добровольцевъ“; въ эпоху полнѣйшей внутренней тишины, не оставляющей даже предлога для какихъ-то экстраординарныхъ походовъ противъ личности и собственности „несогласно-мыслящихъ“. За что должны пострадать послѣдніе? За то, что они высказали или даже только хотѣли высказать нѣчто идущее въ разрѣзъ съ мнѣніями и привычками большинства; за то, что ихъ философія для большинства не

интересна, ихъ поэзія для него *не нужна*. Въ чемъ должна заключаться ихъ кара? Въ *разореніи дома*, т.-е. въ отвѣтственности дѣтей за отца, жены за мужа, родителей за сына, братьевъ за брата; въ *изманіи* изъ государства, для многихъ равносильномъ умственной или даже физической смерти. Можно ли представить себѣ что-нибудь болѣе чудовищное и дикое?! Конечно, въ грозныхъ рѣчахъ г. Розанова слышится не столько обдуманнй планъ, сколько празднословіе напускнаго негодованія; болѣе чѣмъ вѣроятно, однако, что нѣкоторую ихъ долю онъ былъ бы готовъ, при случаѣ, осуществить на практикѣ... Передъ нами развертывается, такимъ образомъ, слѣдующая картина будущаго, которое бы хотѣли уготовить для Россіи благодѣтели извѣстнаго сорта: помѣстное дворянство, освобожденное отъ налоговъ, огражденное отъ конкуренціи съ другими сословіями, обезпеченное дешевою рабочею силою; безграмотная или малограмотная народная масса, выжидающая наступленія минуты, когда, послѣ всѣхъ другихъ, будетъ поставленъ, наконецъ, на очередь вопросъ о всеобщемъ начальномъ обученіи; общество, хранящее глубокое молчаніе, или говорящее только въ заранѣе предрѣшенномъ смыслѣ, потому что за всякую другую рѣчь дерзновенный рискуетъ подвергнуться погрому или, какъ говорилось въ старину, *потому*. Утѣшительная перспектива!.. Къ счастью—*de la soupe aux lègues il y a loin*,—и кухоннымъ мастерамъ газетно-журнальной реакціи едва-ли удастся вкусить приготавливаемый ими съ такимъ усердіемъ напитокъ.

Занесемъ въ нашу хронику нѣсколько фактовъ, бросающихъ новый свѣтъ на положеніе школьнаго вопроса. Изъ Корочи (курской губерніи) сообщаютъ въ „Недѣлю“ (№ 48), что на послѣднемъ уѣздномъ земскомъ собраніи обнаружилось нѣсколько случаевъ противодѣйствія лицъ духовнаго вѣдомства земскимъ школамъ. Въ селѣ Никольскомъ, на примѣръ, не могла быть открыта земская школа, потому что тамъ *числится* школа церковно-приходская. Гласный отъ крестьянъ той волости, къ которой принадлежитъ Никольское, заявилъ въ собраніи, что фактически церковно-приходская школа не существуетъ въ Никольскомъ уже третій годъ. По дальнѣйшимъ справкамъ оказалось, что мѣстный священникъ ежегодно получалъ земское пособіе на несуществующую школу. Въ с. Вознесенскомъ, на землѣ госпожи Арнольди, на совмѣстныхъ средства помѣщика Гангардта и двухъ сельскихъ обществъ, выстроено зданіе специально для земскаго училища. Лѣтомъ, во время отсутствія учительницы, священникъ занялъ это зданіе подъ церковную караулку и затѣмъ отказался впустить туда учительницу, заявляя, что зданіе принадлежитъ церкви. Жалоба на его дѣйствія оставлена епархіальнымъ начальствомъ безъ

послѣдствій, и теперь предстоитъ гражданскій искъ. Еще характеристичѣе слѣдующій фактъ, происшедшій, если вѣрить газетамъ, въ ярославскомъ уѣздѣ. Въ одномъ изъ селеній предстояло открытіе церковно-приходской школы, при ближайшемъ содѣйствіи предсѣдателя мѣстной уѣздной земской управы. Послѣдній предложилъ въ преподаватели одного изъ мѣстныхъ священниковъ, ссылаясь на усердную службу его, какъ законоучителя, въ земской школѣ. На это былъ данъ отвѣтъ, что дѣятельность священника въ земской школѣ не можетъ служить рекомендаціей при опредѣленіи его въ школу церковно-приходскую (1). Идти еще дальше въ мѣстничествѣ вѣдомствъ едва ли возможно. Нетрудно представить себѣ, во что обратилась бы самодѣятельность земскихъ, министерскихъ и вообще свѣтскихъ школъ, еслибы осуществлена была мысль о подчиненіи ихъ властному надзору духовнаго вѣдомства. Нетрудно понять, также, какъ опасны попытки административнаго давленія на крестьянъ, съ цѣлью добиться отъ нихъ приговора о замѣнѣ земской школы церковно-приходскою. Изъ недавняго разъясненія сената, что на такую замѣну крестьянскія общества имѣютъ *право*, нѣкоторые администраторы спѣшатъ сдѣлать выводъ, что къ ней *должны* стремиться *власти*, поставленныя надъ крестьянами. Сообщая, циркулярно, земскимъ начальникамъ о разъясненіи сената, тверской губернаторъ, какъ видно изъ корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 348), выразилъ увѣренность, что „земскіе начальники съ особенною заботливостью отнесутся къ этому вопросу, составляющему предметъ одной изъ первыхъ государственныхъ потребностей“. Мы думали до сихъ поръ, что одною изъ первыхъ государственныхъ потребностей является распространеніе начальныхъ школъ вообще, какъ бы онѣ ни назывались и въ чемъ бы управленіи ни состояли, а отнюдь не простой переводъ ихъ изъ одного вѣдомства въ другое, очень часто равносильный не повышенію, а пониженію количественнаго и качественного уровня обученія. Чтѣ такое „заботливость“ начальства, вызванная предписаніемъ свѣше—это слишкомъ хорошо извѣстно; не даромъ же корреспондентъ московской газеты говоритъ о *миссіи*, возложенной губернаторомъ на земскихъ начальниковъ. Что въ тверской губерніи, въ ближайшемъ будущемъ, увеличится число церковно-приходскихъ и уменьшится число земскихъ школъ—это болѣе чѣмъ вѣроятно; но что такая перемѣна произойдетъ не по доброй волѣ крестьянъ и принесетъ имъ больше вреда, чѣмъ пользы—это несомнѣнно. Особенно прискорбнымъ перенесеніе въ крестьянскую среду пререканій между двумя школьными типами представляется именно въ тверской губерніи, гдѣ безъ того уже накопилось столько неудовольствій всякаго рода. „Московскія Вѣдомости“ сообщили недавно, съ прозрачными намеками и ясными подчеркиваньями, о нѣкоторыхъ инцидентахъ,

происшедшихъ при открытіи сессіи тверскаго губ. земскаго собранія; но сообщать ли онѣ объ инцидентѣ, происшедшемъ, нѣсколько дней спустя, не въ земскомъ собраніи, а въ сессіи тверскаго *дворянскаго* собранія? Впрочемъ, это взялъ на себя „Гражданинъ“ (18-го декабря, № 348); онѣ объяснилъ, что дворяне тверской губерніи нашли неправильными, по отношенію дворянства, дѣйствія мѣстнаго губернатора, какъ подрывающія значеніе дворянства среди другихъ сословій, а потому собраніе огромнымъ большинствомъ постановило просить будущаго губернскаго предводителя дворянства представить, по этому поводу, г-ну министру внутреннихъ дѣлъ жалобу на губернатора.

Говоря недавно о земскихъ ходатайствахъ, мы замѣтили, что министерство внутреннихъ дѣлъ, при гр. Д. А. Толстомъ, не только допускало ходатайства по общегосударственнымъ вопросамъ, но считало одновременное заявленіе одного и того же ходатайства нѣсколькими земствами основаніемъ для особенно внимательнаго къ нему отношенія. Теперь оказывается, что точно также министерство внутреннихъ дѣлъ относится къ спорному вопросу, по крайней мѣрѣ иногда, и въ настоящее время. Въ отвѣтѣ министерства на ходатайство полтавскаго губернскаго земскаго собранія о предоставленіи ему права устанавливать таксы для найма ямщиковъ пассажирами, будущими со станціи желѣзныхъ дорогъ, сказано, между прочимъ, слѣдующее: „ходатайство собранія могло бы быть удовлетворено не иначе, какъ путемъ дополненія *въ законодательномъ порядкѣ* п. 7, ст. 63 полож. о зем. учр. изд. 1890 г.; но такъ какъ подобныхъ ходатайствъ со стороны земскихъ учрежденій прочихъ губерній въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ возбуждаемо не было и для внесенія вопроса на обсужденіе государственнаго совѣта достаточныхъ оснований не имѣется, то не признано возможнымъ дать дальнѣйшее, въ установленномъ порядкѣ, направленіе настоящему дѣлу“. Во что же обращаются, затѣмъ, всѣ крики реакціонной печати о *незаконности* ходатайствъ, вносящихся къ дополненію или измѣненію общаго закона, объ *опасности* ходатайствъ, возбуждаемыхъ въ одно и то же время нѣсколькими земскими собраніями?..

Въ концѣ ноября и началѣ декабря чествовалось, сначала въ небольшомъ дружескомъ кружкѣ, потомъ въ многочисленномъ собраніи, соединившемъ въ себѣ всѣ лучшія умственныя силы Москвы, двадцатипятилѣтіе профессорской дѣятельности А. И. Чупрова. Немного найдется не только теперь, но и въ прошедшемъ, профессоровъ, которые пользовались бы такою всеобщей, неизмѣнною, горячею любовью. Для московскаго университета, а отчасти и для всей Москвы, А. И. Чупровъ является тѣмъ, чѣмъ были въ свое время Грановскій и Куд-

рявцевъ—въ Москвѣ, Мейеръ—въ Казани, Каченовскій—въ Харьковѣ, Павловъ—въ Кіевѣ, Кавелинъ—въ Петербургѣ: учителемъ и наставникомъ, въ лучшемъ и самомъ широкомъ смыслѣ слова, живымъ примѣромъ служенія наукѣ, не отдѣляемой отъ жизни. Онъ дорогъ и близокъ не для однихъ лишь слушателей его, нынѣшнихъ и прежнихъ: его знаютъ всѣ нуждающіеся въ совѣтѣ и поддержкѣ, его встрѣчаютъ вездѣ, гдѣ предстоитъ трудъ на общую пользу. Его ученныя работы, какъ и его лекціи, удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ науки, но не исчерпываютъ его дѣятельности, особенно въ такіа тяжелыя эпохи, какъ, напримѣръ, недавніе неурожайные годы. Имя А. И. Чупрова—одно изъ немногихъ, которыя можно противопоставить „хвалителямъ временъ минувшихъ“, когда они оплакиваютъ упадокъ университетовъ, ослабленіе вліянія ихъ на общество, ослабленіе связи между профессорами и учащеюся молодежью. Утѣшительно видѣть, что такихъ людей понимаютъ и цѣнятъ, что чествованіе ихъ принимаетъ характеръ общественнаго празднества, въ сторонѣ отъ котораго остаются только тѣ, чье участіе въ немъ звучало бы фальшивой нотой...

Къ числу немногихъ отрадныхъ явленій современной дѣйствительности можно отнести еще необыкновенный успѣхъ книги Г. А. Джаншіева: „Эпоха великихъ реформъ“, менѣе чѣмъ въ 3¹/₂ года выдержавшей пять изданій и теперь появившейся въ шестомъ, второе болѣе объемистомъ, нежели первое. Такое быстрое распространеніе выпадаетъ у насъ обыкновенно только на долю беллетристическихъ произведеній, или въ самомъ дѣлѣ замѣчательныхъ, или льстящихъ низменнымъ вкусамъ толпы; къ послѣдней категоріи примыкаютъ еще сочиненія разныхъ „вопросительныхъ“ и „восклицательныхъ“ знаковъ и другія изданія ejusdem farinae. На этотъ разъ читателей привлекаетъ нѣчто совершенно иное: имъ дорога книга, воспроизводящая, въ живыхъ очеркахъ, лучшія страницы нашего недавняго прошлаго. Сколько бы ни клеветали на эпоху великихъ—дѣйствительно великихъ—реформъ, она остается могущественнымъ магнитомъ, притягивающимъ къ себѣ сердца и умы людей. Для однихъ—это неисчерпимый источникъ воспоминаній, для другихъ—столь же неисчерпимый источникъ надеждъ. Г. А. Джаншіевъ много потрудился надъ освѣщеніемъ полузабытаго, надъ возстановленіемъ искаженнаго—и его заслуга оцѣнена по достоинству русскимъ обществомъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отчетъ Секретаря Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за время съ 10 апрѣля по 2-е октября 1895 г.

Съ 10-го апрѣля по 2 октября Комитетъ Общества имѣлъ 12 за-сѣданій, въ которыхъ состоялось 223 постановленія по разнымъ ходатайствамъ, заявленіямъ и вопросамъ, относящимся къ дѣятельности Общества.

Въ постановленіяхъ этихъ выразились нижеслѣдующія дѣйствія Комитета:

1) Выдача единовременныхъ пособій 40 лицамъ: по 100 р.—пяти лицамъ; въ 60 р. одному; по 50 р.—семнадцати; по 30 р.—двумъ; по 25 р.—тринадцати; по 15 р.—двумъ и сверхъ того уплачено за содержаніе одного писателя въ больницѣ 90 р. и выдано 60 р. писателю, находившемуся въ одной изъ петербургскихъ больницъ и по выздоровленіи уѣхавшему на родину: всего на сумму 1.975 руб.

2) Назначеніе продолжительныхъ пособій 4 лицамъ; на годъ, въ 180 р.—одному лицу и въ 120 р.—двумъ; на три мѣсяца, въ 45 р.—одному; всего на сумму 465 рублей.

3) Выдача безсрочныхъ ссудъ 15 лицамъ: въ 600 р.—двумъ; въ 300 р.—одному; въ 200 р.—одному; въ 150 р.—одному; въ 100 р. четыремъ; въ 50 р.—тремъ; въ 30 р.—одному; всего на сумму 2.490 рублей.

4) Выдача срочныхъ ссудъ 10 лицамъ: въ 300 р.—одному, на 8 мѣсяцевъ; въ 300 р.—двумъ, на 6 мѣсяцевъ; въ 250 р.—одному, на 8 мѣсяцевъ; въ 200 р.—одному, на 8 мѣсяцевъ; въ 200 р.—одному, на 5 мѣсяцевъ; въ 150 р.—одному, на 10 мѣсяцевъ; въ 150 р.—одному, на 3 мѣсяца; въ 100 р.—одному на 10 мѣсяцевъ и въ 100 р.—одному, на 4 мѣсяца; всего на сумму 1.550 рублей.

5) Предоставленіе стипендій двумъ студентамъ Харьковскаго университета и одному студенту Петербургскаго университета.

6) Уплата за слушаніе лекцій на Педагогическихъ Курсахъ одной слушательницы.

7) Уплата за воспитаніе и ученіе 10 дѣтей и зачисленіе на открывающуюся въ будущемъ учебномъ году вакансію стипендіатки Общества въ Гимназіи г-жи Таганцевой дочери одного писателя.

8) Выдача на погребеніе скончавшихся въ теченіе отчетнаго времени писателей роднымъ этихъ писателей: одному 31 р.; двумъ—по 50 р. и одному—25 р.

9) Оказаніе неденежныхъ пособій. Пособія эти заключались: въ сношеніи съ однимъ издательемъ по ходатайству писателя, которому издатель этотъ уплатилъ гонораръ не сполна, и передачѣ доставлен-

ной издателемъ доплаты по принадлежности; въ выдачѣ рекомендательнаго письма одной писательницѣ для полученія ею мѣста, въ сношеніи съ одной издательницей, оставившей безъ отвѣта запросы сотрудника о времени напечатанія принятой уже ранѣе работы и передачѣ этому сотруднику объясненій издательницы; въ помѣщеніи одной писательницы на бесплатное леченіе минеральными водами по ходатайству Комитета; въ сношеніи съ директоромъ одной больницы о положеніи находящагося въ этой больницѣ на излеченіи писателя; въ медицинской помощи клиентамъ литературнаго фонда.

10) Отклоненіе 28 просьбъ 21 лица.

11) Принятіе пожертвованій: отъ Г. А. Джаншіева на образованіе капитала имени покойнаго д-ра Н. А. Вѣлоголоваго 100 р. и отъ начальницы женскаго учебнаго заведенія, А. П. Шуйской, предоставленія права Обществу помѣстить въ учебное заведеніе двухъ бесплатныхъ приходящихъ ученицъ.

12) Совершеніе довѣренности д-ру А. Н. Крылову на продажу имѣнія, завѣщаннаго Обществу покойною О. К. Палашковскою.

Отчетъ Казначая Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за время съ 1-го января по 20 октября 1895 г.

I. Неприкосновенный и именные капиталы.

Къ 1-му января числилось:

въ капиталъ неприкосновенномъ	21.871 р. 68 ¹ / ₄ к.
въ именныхъ	273.943 „ 59 „

Итого. . . 295.815 р. 27¹/₄ к.

За отчетное время поступило:

а) въ капиталъ неприкосновенный:

1) Возмѣщенные Обществу Министерствомъ Финансовъ убытки изъ конверсіи 5—билетовъ Государственнаго Банка и Облигацій Восточныхъ Займовъ въ 4—государственную ренту съ—по 15 марта . 13.078 р. 25 к.

2) Пожизненный членскій взносъ г. Ремизова. 100 „ — „

Итого . . . 13.178 р. 25 к.

б) въ капиталы именные:

П. А. Гайдебурова 31 р. — к.

С. Я. Надсона (отъ изд. соч.). 6.721 „ — „

В. М. Гаршина (отъ изд. соч.) 2.499 „ 75 „

А. М. Унковскаго. 400 „ — „

Итого 9.651 р. 75 к.

Списаны со счета капиталовъ именныхъ, издержанные на изданіе

сочиненій С. Я. Надсона 2.763 р. 30 к.

В. М. Гаршина 1.066 „ 28 „

3.829 р. 58 к.

За сѣмъ въ 20 октября имѣется въ капиталахъ:

неприкосновенномъ	35.049 р. 93— к.
именныхъ	279.765 „ 76 „
	<hr/>
	314.815 р. 69— к.

II. Расходный капиталъ.

Поступило:

1. Пожалованій Высочайшихъ Особъ . . .	1.700 р. — к.
2. Годовыхъ членскихъ взносов	716 „ — „
3. Пожертвованій	504 „ 50 „
4. Отъ предпріятій Общества (публичн. лекціи П. Д. Боборыкина и Грибоѣдовск. веч.)	750 „ 57 „
5. Возвратъ безсрочныхъ ссудъ	75 „ — „
6. Отъ изданій Общества (за исключеніемъ суммъ, причисленныхъ къ именнымъ капиталамъ)	17 „ — „
7. Пособія отъ Мин—ва Народн. Просв. .	1.000 „ — „
8. Процентовъ.	
а) съ капиталовъ . . 7.643 р. 12— к.	
б) по срочн. ссудамъ 116 „ — „	7.759 „ 12 „
9. Разныхъ	101 „ — „
10. Оборотныхъ	410 „ — „
	<hr/>
	13.033 р. 19— к.

Израсходовано:

1. На пенсіи	4.377 „ — „
2. „ продолжительн. пособія	2.785 „ — „
3. „ стипендіи	745 „ — „
4. „ обученіе и воспитаніе	2.351 „ — „
5. „ пособія единовременныя	4.577 „ 86 „
6. „ ссуды безсрочныя	3.600 „ — „
7 „ выдачи по духовн. завѣщ. Г. З. Елисеева	536 „ — „
8. „ Расходы общіе: почтовые, храненіе и страхованіе бумагъ, сборъ членскихъ взносов и т. д.	856 „ 79 „
9. Оборотныя	350 „ — „
	<hr/>
	19.678 р. 65 „

На 1-е января остатокъ расходнаго капитала составлялъ 195—20—; поступило въ этотъ капиталъ 13.033 „ 19— „
выдано за счетъ его 19.678 „ 65 „
такимъ образомъ по 20 октября образовался перерасходъ 6.450 „ 25— „

III. Ссудный капиталъ.

По постановленію Комитета въ ссудный капиталъ отчислено было изъ неприкосновеннаго капитала 3.000 р. — к.

Къ 1-му января числилось за разными лицами 2.231 „ 60 „

Вновь выдано въ ссуды	2.850	» —	»
Поступило въ погашеніе ссудъ	2.426	» 60	»
За сими къ 20 октября остается свободный остатокъ сего капитала	345	» —	»
IV. Переходныя суммы.			
Къ 1-му января числилось на этомъ счетѣ.	3.052	» 90	»
Поступило	3.164	» 95	»
Выдано	3.137	» —	»
Засимъ къ 20 октября числится	3.080	» 85	»

О б щ і й в ы в о д ъ.

Къ 20 октября было:

Капитала неприкоснов.	35.049	р. 93—	к.
Капиталовъ именныхъ	279.765	» 76	»
Капитала ссуднаго	345	» —	»
Переходящихъ суммъ	3.080	» 85	»
А за вычетомъ перерасхода расходн. ка- питала	6.450	» 25—	»
	318.241	р. 54—	к.
	311.791	» 29—	»

Что вмѣстѣ съ числящимся за разными
лицами по срочнымъ ссудамъ 2.655 р. — к.
представляетъ совокупность средствъ Об-
щества въ 314.446 р. 29 к.

Средства эти заключались:

Въ проценти. бумагахъ	306.275	р. —	к.
Въ наличныхъ деньгахъ (на текущихъ счетахъ и въ кассѣ)	5.516	» 29	»
Въ долгахъ по срочнымъ ссудамъ	2.655	» —	»

Итого. 314.446 р. 29 к.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Эпоха великихъ реформъ. Гр. Джаншьева. Съ портретами Грановскаго, Ронинскаго, Визюльскаго и библиотечною карточкою. 6-ое дополненное изданіе. М. 96. Стр. 797. Ц. 2 р. 60 к.

„Эпоха великихъ реформъ“ — шестидесять летъ — давно приковала къ себѣ вниманіе почтеннаго автора, и судя потому, что въ теченіи четверти вѣка со времени перваго изданія его труда, этотъ трудъ выходитъ шестымъ изданіемъ, можно думать, что и въ обществѣ интересъ къ той эпохѣ далеко не остылъ. Съ каждымъ новымъ изданіемъ авторъ расширялъ область своихъ изслѣдованій, и только нынѣшній разъ, введя реформу городского самоуправленія, которое въ 1870 году завершилось вмѣстѣ и шестидесять летъ, онъ достигъ полноты обзора важнейшихъ преобразованій той эпохи, отдаленной отъ насъ не столько по времени, сколько по крайней противоположности послѣдующихъ теченій общественной мысли съ теченіемъ ея въ ту эпоху. Впрочемъ, авторъ, вѣрный правду, на которое онъ сослался въ предисловіи къ первому изданію, въ 1891 г., — *ditto* *ergo*, *ergo* — въ предисловіи къ послѣднему изданію находитъ, что „личіе, какъ будто начинаеть нѣсколько разсѣяться тутъ чадъ и сумятица въ понятіяхъ, которую такъ долго и назойливо старались распространять небезкорыстные апологеты не совсемъ еще ожившаго крѣпостнаго строя, формальная лживость котораго провоза такую рѣзкую черту между до и послѣ 19-го февраля“. Въ подытожномъ своемъ „эрге“, авторъ останавливается, въ предисловіи къ новому изданію, на „новомъ фазисѣ работъ судебной комиссіи“.

Помощникъ армянъ въ Турціи до вмешательства англичанъ въ 1895 г. Ричъ Гладстона, статьи: Р. Жемена, Мак Колдъ, Грина, Диллона, Дема и др. Съ предисловіемъ проф. Л. А. Камавроваго и портретами Гладстона и адвоката Мартина. М. 96. Стр. 448. Ц. 1 р.

Настоящій сборникъ статей по армянскому вопросу имѣеть цѣлью разъяснить, что этотъ вопросъ вовсе не есть продуктъ революціоннаго армянско-англійскаго комитета въ Лондонѣ, или ужасной англійской дипломатіи — внести смуту въ восточный вопросъ съ цѣлью спеціально повредить Россіи. Корень армянскаго вопроса лежитъ также глубоко, какъ онъ лежалъ наканунѣ греческаго вопроса въ 20-хъ годахъ, когда нѣкоторые тоже усматривали въ возстаніи грековъ возстаніе вѣнншней интриги, или наканунѣ возстанія сербовъ, или — болгаръ; настоящая причина всегда оставалась одна и та же — въ турецкихъ вѣравахъ. По мнѣнію автора, „самое важное вѣще рѣшительно требуетъ *испривѣннаго контроля* великихъ державъ надъ армянскими дѣлами“, такъ какъ армянская защита интересовъ христіанскаго населенія Турціи имѣла до сихъ поръ въ результатѣ формальнаго общаго реформъ со стороны Порты, а на дѣлѣ — только распыляла фанатизмъ мусульманъ и превращалась въ источникъ новыхъ бѣдъ для христіанскаго населенія Турціи. Въ подтвержденіе этой мысли и приводятся раздѣльные изслѣдованія положеній армянъ „до вмешательства державъ въ 1895 году“, — положенія,

которое само по себѣ съ достаточною ясностью указываетъ на настоящую причину совершающихся на нашихъ глазахъ событій на Востокѣ.

Стихотворенія М. П. Розенгейма. Изданіе пятое, дополненное (второе посмертное) съ портретами и библиографическимъ очеркомъ. Спб. 96. Стр. 675. Ц. 3 р.

Сборникъ обнимаетъ собою цѣлое пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности поэта, начиная отъ первыхъ опытовъ въ 1838 г. и до 1887 г. — года его смерти. Мы имѣли уже случай отнестись къ поэзіи М. П. Розенгейма; въ свое время онъ болѣе обращалъ вниманіе читателя публики своими юмористическими и шуточными произведеніями, какъ имѣвшими близкое отношеніе къ текущимъ событіямъ, а потому многія изъ нихъ, до появленія въ печати, ходили по рукамъ въ рукописи; впрочемъ, нѣкоторыя не утратили своего значенія и донинѣ, какъ, напримѣръ, стихотвореніе, посвященное петербургской городской думѣ. Усильхъ изданія, впрочемъ, также говорить и о томъ, что поэзія покойнаго поэта и по настоящее время цѣнится многими.

Исторія культуры. Ю. Липперта. Въ трехъ отдѣлахъ. Съ 83 рисунками въ текстѣ. Перевели съ нѣмецкаго А. Острогорскій и П. Струве. 2-е изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1895. Стр. 893. Ц. 1 р. 60 к.

Книга Липперта, вышедшая теперь вторымъ изданіемъ въ русскомъ переводѣ, представляетъ собою сокращенное изложеніе двухтомнаго трактата того же автора объ „исторіи культуры человѣчества въ ея органическомъ ростѣ“. Достоинства этой книги, соединяющей въ себѣ богатство содержанія съ легкостью формы, очевидны, какъ видно, и у насъ; этому усильху несомнѣнно способствовали и качества русскаго перевода, не только точнаго и яснаго, но и шлолий литературнаго.

Фигуряхъ Альбертъ Ланге. Рабочій вопросъ, его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія А. В. Белеа, съ предисловіемъ Р. П. Сементковскаго. Спб., 1895. Стр. 326. Ц. 1 р. 25 к.

Со времени перваго появленія книги Ланге, въ 1865 году, образовалась громадная литература по рабочему вопросу въ Германіи и въ другихъ странахъ, и несмотря на это, до сихъ поръ еще сочиненіе Ланге сохраняетъ свою цѣнность, благодаря той искренности и широтѣ пониманія, съ какими оно написано. Объ интересѣ этой книги и для русскаго читателя свидѣтельствуетъ уже выходъ втораго изданія въ русскій переводъ.

Владимиръ Дель. Къ ученію о цѣнности. Три очерка. Спб., 1895. Стр. 219. Ц. 1 р. 25 к.

Въ книгѣ г. Деля положены и разобраны три ученія о цѣнности — Адама Смита, Давида Рикардо и Карла Родбертуса-Ягетцова. Назарія Смита у насъ хорошо извѣстны, идеи Рикардо — также, а Родбертуса наша публика знаетъ гораздо меньше, — такъ что характеристика идей этого послѣдняго должна представлять для читателя наиболѣе интересную часть работъ г. Деля.

**ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1896 г.**

(Тридцать-первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. совѣзѣ	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Въмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка во всеобщіе дни: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

— Принимается подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1896 г. —

Въ книжныхъ магазинахъ, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербурѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цвизерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасякова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линія — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, фамилию съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ означеніемъ ближайшаго къ нему почтового учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* вылата журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія — самимъ мѣстожителямъ подписчика. — 2) *Переменная адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, живущіе въ иногороднѣ, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, въ подписку была сдѣлана въ вышеозначенныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Восточнаго Департамента, не можетъ быть по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Вылеты* изъ будущей книги журнала выставляются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Анладем. пер., 7.

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ.

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 2-я.

ФЕВРАЛЬ, 1896.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1896.

Стр.

I.—УНИВЕРСИТЕТЫ И НАРОДЪ ВЪ АНГЛІИ.—В. П. Герье	465
II.—ДУМА.—Стих. А. М. Жемчужникова	495
III.—КНЯГИНЯ.—Романъ въ двухъ частяхъ. — Часть первая: XIV-XXVIII.—И. Д. Воборыкина	497
IV.—РУССКІЙ ДВОРЪ ПРИ ПЕТРѢ II. — 1727-1730. — По документамъ вѣскаго архіепа.—III. Катастрофа съ Мепшиковимъ.—IV. Реакція противъ реформы Петра I.—А. Врикнера	559
V.—ИЗЪ КАТЮЛЛЬ-МЕНДЕСА.—I. Лирическія стихотворенія.—II. Миниатюры.—О. Михайлова	589
VI.—ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РОВИНСКІЙ. — Очеркъ.—IV-VII.—Окончаніе.—А. Ф. Кошн	607
VII.—ЦИЦЕРОНЪ—въ исторіи европейской культуры.—I-VI.—Ф. Ф. Зѣлинскаго	661
VIII.—СИЛА ВОЛИ.—Романъ Фр. Маунера.—X-XVIII.—Съ вѣд. А. В-г-	702
IX.—ПОСЛѢ ГОГОЛЯ.—А. Н. Пыпина	785
X.—ХРОНИКА.—Государственная роспись на 1896 г.—О.	815
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Манифестъ о коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Цовій уставъ престѣпскаго поземельнаго банка. — Переходъ тюремъ въ вѣденіе министерства юстиціи.—Разъясненіе положенія объ усиленной охранѣ. — Еще о законности и законодѣрности. — Несправедливое обвиненіе противъ земства	820
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Порывъ воинственности въ Англіи.—Тонъ печати по поводу событій въ Трансваалѣ. — Республика боэровъ и ея особенности. — Полноправные крестьяне и подчиненные имъ промышленники. — Набѣгъ Джемсона, его причины и послѣдствія. — Имперская поэтика Англіи	852
XIII.—ЕЩЕ О ТРѢСТАХЪ.—Письмо въ Редакцію.—Н. А. Тверского	866
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Декабристы въ Западной Сибири, А. Дмитриева-Мамолова.—В. Т. Наръшій, очеркъ Н. Вѣлозерской.—Автобіографія Тамерлана, перев. съ турскаго Н. Лихомана.—Т.— <i>Buska krajčovníci, parížsko U. Jadró.</i> —А. П.—Новыя книги и брошюры	872
XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. F. Brunetière, <i>Les époques du Théâtre Français.</i> —II. Léon A. Daudet, <i>Les idées en marche.</i> —III. Gedichte v. Graf Al. Tolstoy, v. Fr. Fiedler.—З. В.	889
XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Оригинальная судьба одной газетѣ.—Новая редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.—Возможенъ ли узкій национализмъ въ средѣ „либераловъ“?—Чествованіе В. Р. Короленко въ Нижнемъ-Новгородѣ.—В. Г. Короленко и проф. Сумцово о провинціи.—Преждевременное лизованіе.—Замѣчательное рѣшеніе сената	904
XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Объ отаритивъ дѣятельности Высочайше утвержденнаго 21-го ноября 1895 года Главнаго Центрального Комитета для сбора пожертвованій въ пользу дѣтскихъ приютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.—II. Отъ Имп. Общества исторіи и древностей русскихких	918
XVIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Ф. Терверъ, Государство и землевладѣніе, ч. I.—Часы досуга, И. и Е. Лягузь.—М. И. Семеновскій, біограф, очеркъ В. В. Тимошукъ, съ предисл. Н. К. Шилдера.—О геодезическихъ работахъ и сооруженіи великаго сибирскаго вѣтя, Э. А. Кеверскій.—Библиотека для самообразованія, т. II: Исторія Грціи, вып. I.—Настольный Энциклопедическій Словарь, вып. 115 и 116.	
XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-XVI стр.	

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть года въ 1896 г.
(См. подробности о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

УНИВЕРСИТЕТЫ

и

НАРОДЪ ВЪ АНГЛІИ

— The Universities and the Social Problem. Ed. by J. M. Knapp. Lond. 1895.

Культурный прогрессъ, поднимая людей надъ первобытнымъ состояніемъ, въ то же время разобщаетъ ихъ, создавая между ними различія въ образованіи и въ достаткѣ. Такое разобщеніе съ своей стороны всегда вызывало у людей стремленіе смягчать, если не уничтожить установившіяся различія. Въ этомъ отношеніи можно различать три направленія или способа дѣйствія. Однимъ изъ нихъ является социализмъ, который представляетъ собою, какъ извѣстно, чрезвычайное разнообразіе оттѣнковъ—отъ идеалистическихъ утопій до чисто-революціонныхъ программъ. Всѣ они, однако, связываются въ одно направленіе слѣдующими чертами: относясь отрицательно къ существующему общественному строю, приверженцы этого направленія мечтаютъ объ *искусственной* организаціи общества съ *принудительнымъ* порядкомъ вещей, при чемъ приносятъ въ жертву идеѣ равенства интересы образованія и культуры. Другое направленіе можетъ быть названо *соціальнымъ романтизмомъ*. И оно, преслѣдуя идею равенства въ ущербъ интересамъ образованія и культуры, относится къ послѣднимъ даже съ большимъ недоувѣріемъ и нерасположеніемъ, чѣмъ социализмъ вообще. Но оно рѣзко отличается отъ гдндаго тѣмъ, что далеко отъ мысли о насиліи и о какой-либо уступенной, принудительной организаціи общества. Идеаломъ этой направленія является добровольное отреченіе отъ

преимуществомъ образованія и матеріальнаго достатка и сліяніе съ массою, лишенной этихъ преимуществъ. Направленіе это можетъ быть названо „соціальнымъ романтизмомъ“ потому, что оно исходитъ изъ романтическаго представленія о нравственныхъ достоинствахъ, сопряженныхъ съ не-культурнымъ состояніемъ, и изъ идеализаціи простаго народа. Это направленіе иногда проявляется въ дѣтскомъ подражаніи одеждѣ, рѣчи и быту народнои массы. Но болѣе серьезную подкладку такой романтизмъ получаетъ тогда, когда въ нему примѣшивается *аскетическій* мотивъ, задачи котораго лежатъ въ человѣческой природѣ. Во всѣ эпохи встрѣчаются натуры, предрасположенныя къ аскетизму, а сліяніе съ народомъ, когда оно сопряжено съ отреченіемъ отъ образованія и достатка, представляетъ собою своего рода аскетическій подвигъ, который является потребностью такихъ натуръ. Хотя романтическій аскетизмъ ведетъ—какъ аскетизмъ вообще—къ непроизводительной для общества тратѣ личныхъ силъ, ему нельзя отказать въ общественномъ значеніи по мѣрѣ того, какъ онъ содѣйствуетъ пробужденію въ обществѣ соціальнаго инстинкта и привлеченію высшихъ классовъ къ служенію народу.

Третье направленіе можетъ быть названо положительнымъ—въ отличіе отъ двухъ вышеуказанныхъ *отрицательныхъ*. Не отвергая созданнаго культурнымъ процессомъ соціальнаго порядка и не отрекаясь отъ преимуществъ, вытекающихъ изъ образованія и достатка, люди этого направленія пользуются этими преимуществами въ интересахъ того большинства, которое ими не обладаетъ. Такія лица, располагая образованіемъ и досугомъ, представляютъ собою соціальный органъ, вырабатываемый народнымъ организмомъ съ значительной на то затратой силъ, и на нихъ поэтому лежатъ обязанности служить общему дѣлу. Въ этомъ смыслѣ всегда трудились многочисленные дѣятели и подвижники; нашъ вѣкъ можетъ гордиться лишь тѣмъ, что движеніе верхнихъ классовъ на встрѣчу нуждамъ народа получило болѣе принципіальный характеръ и лучшую организацію. Соціальный инстинктъ нашего времени порождаетъ все новыя и новыя организаціи, и съ одной изъ самыхъ новыхъ и симпатичныхъ мы желаемъ познакомить нашихъ читателей.

Оригинальной чертой движенія, которое мы имѣемъ въ виду, заключается въ томъ, что исходнымъ пунктомъ его служатъ университеты и высшія школы. Съ перваго взгляда можетъ казаться, что университеты, занятые теоретическою работою, изученіемъ и преподаваніемъ науки, стоятъ вдали отъ задачъ практической

филантропіи и соціальныхъ реформъ—тѣмъ интереснѣе открывающееся предъ нами явленіе. Его родиной является та самая Англія, которая среди другихъ націй такъ часто выставляется воплощеніемъ эгоизма, но которая давно опередила другія страны на поприщѣ филантропіи и индивидуальнаго самопожертвованія. На этой, подготовленной вѣками почвѣ зародилась мысль о соціальной роли университетскихъ дѣятелей. Правда, еще въ 1848 году, въ моментъ разгара соціальной борьбы во Франціи, извѣстный историкъ Мишлѣ возложилъ съ кафедры на университетскую молодежь соціальную роль миротворцевъ и посредниковъ между „народомъ“ и „достаточными классами“. Обращаясь къ своимъ слушателямъ, Мишлѣ приглашалъ ихъ „сдѣлаться у домашняго очага, за столомъ богача, магистратомъ бѣдняка, голосомъ справедливости въ еще непорочныхъ устахъ“. Въ своемъ пыломъ воображеніи историкъ уже предвидѣлъ „новый крестовый походъ“, всеобщее движеніе верхнихъ классовъ для единенія съ *народомъ*. Обстоятельства были, однако, весьма неблагоприятны для осуществленія мечтаній Мишлѣ. Вызванныя социалистами кровавыя столкновенія на улицахъ Парижа сдѣлали невозможнымъ миротворчество молодежи и породили „магистратуру“ другого рода, которая скоро закрыла уста и самому Мишлѣ. Но и помимо этихъ обстоятельствъ, идея Мишлѣ была слишкомъ неопредѣленна, чтобы пустить корни въ общество, и указанный имъ путь единенія съ *народомъ*, пролегая по области чувствъ и „добрыхъ намѣреній“, не велъ ни къ какой практической организаціи...

Мысль о соціальной роли университетовъ нашла себѣ болѣе благоприятную почву въ Англіи, Америкѣ и въ Даніи. Движеніе, вызванное этою мыслью въ области наиболее близкой дѣятельности университетовъ—въ области народнаго образованія, и носило вездѣ *мѣстный* характеръ, приравниваясь къ даннымъ условіямъ. Въ Даніи, гдѣ существуетъ зажиточное и политически-влиятельное крестьянство, стремленіе „образованнаго класса“ направлено къ тому, чтобы подѣлиться съ крестьянствомъ своими познаніями, къ устройству высшихъ сельскихъ школъ или, какъ ихъ называютъ, „крестьянскихъ университетовъ“. Аналогическое движеніе, какъ извѣстно, существуетъ и въ Англіи (University Extension Society), гдѣ оно впрочемъ преимущественно имѣетъ въ виду горожанъ. Но, помимо этого, въ большихъ городахъ Англіи и Америки происходитъ другое, болѣе глубокое и сложное движеніе, въ которомъ нагляднѣе и полнѣе проявляется идея „единенія съ *народомъ*“—это такъ-называемыя университетскія колоніи (University Settlements), т.-е. *поселенія* „интеллигентныхъ“ людей

въ рабочихъ кварталахъ, среди городского пролетаріата для *сближенія* съ нимъ и осуществленія этимъ путемъ своего социальнаго призванія. Мы сосредоточимся на томъ, что въ этомъ отношеніи сдѣлано въ Лондонѣ, гдѣ починъ взялъ на себя оксфордскій университетъ. Сообщаемыя нами свѣденія почерпнуты изъ выше названной книги: „Университетъ и социальная проблема“, въ которой различные сотрудники *поселеній* сообщили публикѣ о ходѣ дѣла, взятаго на себя каждымъ изъ нихъ, и изъ отчета¹⁾ „Оксфордскаго поселенія“ за десятый (1894) годъ его дѣятельности легко понять, почему характерная форма *поселенія* (Settlement) среди пролетаріата возникла и развилась именно въ Лондонѣ. По мѣстнымъ причинамъ, разьединеніе между бѣдняками и богатыми нигдѣ не проявилось въ такомъ наглядномъ *топографическомъ* отдаленіи, какъ въ Лондонѣ. Въ этомъ громадномъ городѣ появились какъ бы два полюса, притягивавшіе къ себѣ различные слои населенія; по мѣрѣ того, какъ богатый людъ сталъ исключительно селиться въ *западномъ концѣ* (Westend), рабочее население скупивалось въ другихъ частяхъ, на сѣверѣ, на югѣ и въ особенности же въ *восточномъ концѣ* „метрополи“ — въ злополучномъ Eastend'ѣ. Въ одномъ городѣ стали жить бокъ-о-бокъ, такимъ образомъ, какъ бы *два* народа, и въ виду топографическаго разстоянія сношеніе одного съ другимъ становилось все затруднительнѣе. Значительная часть досуга, которымъ филантропы „Уэстэнда“, запада, могли располагать въ интересахъ своихъ восточныхъ братьевъ „Истэнда“, поглощалась бесплодной тратой времени на переѣзды. Тогда въ оксфордскомъ университетѣ зародилась мысль „содѣйствовать разрѣшенію вѣчной (ever present) социальной проблемы посредствомъ *поселеній* (Settlements), въ которыхъ „молодые люди — и молодые женщины — получали возможность жить въ самомъ сердцѣ Истэнда (Eastend), стараясь разными способами *украшать* (brighten) жизнь своихъ менѣе счастливыхъ собратій (fellow creatures)“.

Такъ возникло *Оксфордское поселеніе*, Oxford House, которое помѣщается теперь въ своемъ собственномъ домѣ въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Лондона (Bethnal Green), заключаая въ себѣ 20 постоянныхъ поселенцевъ (residents) и столько же сотрудниковъ, являющихся на помощь въ извѣстные дни или вечера. *Поселенцы* обыкновенно берутъ на себя свой трудный подвигъ на цѣлый годъ, пользуясь небольшими отпусками. Въ настоящее время во главѣ Оксфордъ-гауза стоитъ духовное лицо,

¹⁾ Oxford House, Report etc. Oxford. 1895.

старшина Кабль-Колледжа въ Оксфордѣ—Reverend A. Ф. Винингтонъ Ингремъ.

Почти всѣ прочіе поселенцы — бывшіе воспитанники какого-нибудь изъ оксфордскихъ колледжей, сохраняющіе, какъ извѣстно, на всю жизнь связь съ своимъ колледжемъ. По образцу Оксфорда и кембриджскій университетъ и разныя другія учебныя учрежденія приняли участіе въ общемъ движеніи, или поддерживая денежными пособіями „поселенія“, или принимая на свое содержаніе какое-нибудь изъ учреждений, возникающихъ около *поселеній*. Среди этихъ поселеній и учреждений есть и женскія, какъ напр. Mayfield House, поселеніе женскаго колледжа въ Челтенгемѣ, и St. Margarets House — женское отдѣленіе Оксфордъ-гауза.

Такъ стала осуществляться мечта о „новомъ крестовомъ походѣ“, о движеніи людей съ одного конца общественной жизни на „другой“. Не вдаваясь въ перечисленіе всѣхъ колоній и описаніе круга дѣятельности каждаго изъ нихъ, рассмотримъ прежде всего, какими побужденіями руководились люди, оставлявшіе свою обычную жизненную обстановку и поселявшіеся среди бѣднаго, грубаго и недовѣрчиваго къ нимъ населенія? Чтò вызвало къ жизни эти новыя „подвижническія обитатели“, не уступающія нравственной энергіей и идеализмомъ своихъ членовъ — средневѣковымъ монашескимъ? „Мотивы, побуждающіе образованнаго и привыкшаго къ культурѣ мужчину или женщину поселиться въ околоткѣ, отличающемся полнымъ отсутствіемъ указанныхъ свойствъ — *различны*“ — говоритъ сэръ Дж. Горстъ, членъ парламента, въ своей рѣчи въ глазгоскомъ университетѣ — и эти мотивы, можетъ быть, не всегда точно анализируются самими поселенцами. Здѣсь на первомъ мѣстѣ жажда дѣятельности, столь естественная во всякомъ молодомъ и здоровомъ существѣ (*intellect*). Нѣкоторые по крайней мѣрѣ изъ молодыхъ людей и женщинъ, воспитанные въ нашихъ университетахъ, не находятъ въ своихъ профессіяхъ и въ зарабатываніи денегъ достаточнаго выхода для своей умственной энергіи, и именно работа среди бѣдняковъ даетъ удовлетвореніе избытку ихъ силъ. Здѣсь дѣйствуетъ также духъ *пропаганды*, побуждающій всякаго, кто обладаетъ какимъ-нибудь знаніемъ, распространять его среди другихъ. Этотъ духъ вызвалъ университетское движеніе (*University Extension*); и университетскія *поселенія* представляютъ собою его естественное и логическое продолженіе. Правда, поселенія основаны не съ образовательною, а съ соціальною цѣлью, но они оказались самими дѣй-

ствительными средствами какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи“.

Въ числѣ мотивовъ Горстъ, далѣе, отмѣчаетъ испытываемое нѣкоторыми людьми непреодолимое влеченіе отказаться отъ случайныхъ преимуществъ рожденія и состоянія и сойти на общую арену, чтобы принять участіе въ борьбѣ за существованіе на ряду съ другими. Глава одного изъ самыхъ аристократическихъ родовъ Шотландіи провелъ лучшіе годы своей жизни простымъ матросомъ. Даже люди, ничѣмъ этого не выказывающіе въ жизни, часто сохраняютъ въ тайнѣ своего сердца чувство недовольства (*mortification*) своею *безполезностью*. Они жаждутъ имѣть какое-нибудь дѣло; они завидуютъ участи дѣятельныхъ, полезныхъ членовъ общества. Миссъ Эддемъ, изъ Чикаго, признающая такое желаніе участвовать въ „расовой жизни“, главною причиною, побуждающей женщинъ селиться между бѣдняками и принимать участіе въ ихъ работахъ, думаетъ, что оно коренится въ борьбѣ за существованіе первобытнаго человѣка и представляетъ собою унаслѣдованный отъ дальнихъ предковъ инстинктъ. Но каковъ бы ни былъ источникъ этого желанія и похвально ли оно или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что такая склонность дѣйствительно существуетъ, и что жизнь въ университетскомъ *поселеніи* даетъ ей законное и полезное направленіе.

Продолжая анализировать побужденія идти въ университетскія поселенія, или, какъ можно было бы это назвать, „идти въ народъ“, почтенный, ректоръ глазгогскаго университета справедливо указываетъ на присущее молодымъ людямъ влеченіе къ равенству, находящее себѣ удовлетвореніе въ братаніи съ бѣдными. Горстъ говоритъ объ источникѣ этого влеченія почти словами Мишле: „Дѣти рождаются безъ всякаго пониманія (*sense*) различій положенія и состоянія. Имъ приходится научиться этимъ различіямъ искусственнымъ способомъ и иногда не безъ горечи. Нѣкоторые никогда этому не учатся и остаются всю свою жизнь упрямыми „левеллерами“. Нѣкоторые въ своемъ внѣшнемъ поведеніи сообразуются съ правилами общества, но въ душѣ хранятъ чувство возмущенія противъ несправедливости и лицемерія, которое они принуждены практиковать. Политическое равенство не удовлетворяетъ этого влеченія: оно можетъ существовать рядомъ съ грубѣйшей соціальною несправедливостью“. Горстъ приводитъ въ примѣръ то, что негры въ Соединенныхъ Штатахъ пользуются политическими правами наравнѣ съ бѣлымъ населеніемъ, но живутъ „въ соціальномъ ostracismѣ“.

Не претендуя дать полный перечень мотивовъ, благодаря ко-

торымъ напѣляются университетскія *поселенія*, Горстъ считаетъ нужнымъ указать еще на одно побужденіе— „болѣе важное, чѣмъ всѣ имъ упомянутыя“, и всякій, кто хочетъ понять истинный характеръ *оксфордскаго* движенія, долженъ принять во вниманіе его слова. *Важнѣйшимъ* мотивомъ этого движенія названный нами дѣятель считаетъ „возрожденіе (revival) ученія Иисуса Христа, практиковавшагося христіанами перваго вѣка,—возрожденіе этого ученія въ смыслѣ реальной, руководящей силы въ человѣческой жизни. Оно заключается въ признаніи образа и подобія Божія въ самомъ глубокопавшемъ и искаженномъ членѣ человѣческаго рода, въ убѣжденіи, что единственная *достойная жизни* — та жизнь, въ которой таланты и способности индивидуума тратятся на служеніе человечеству. Для молодыхъ мужчинъ и женщинъ, одушевленныхъ этою вѣрою, условія жизни современнаго общества тагостны. Филантропія, заключающаяся въ подпискахъ, базарахъ и митингахъ, не можетъ удовлетворить ихъ желаній. Они жаждутъ придти въ *личное* сопровосновеніе съ человѣческими бѣдствіями, перевязывать раны собственною рукою, вливать елей и вино изъ собственныхъ припасовъ, отдать своего мула и самимъ идти пѣшкомъ — привѣтствовать страждущаго въ *своемъ* помѣщеніи и принять его въ свое общество. Денежныя приношенія не могутъ урочевать бѣдствій бѣдняка; хорошо еще, если они не ухудшатъ ихъ; обязанность по отношенію къ сосѣду не можетъ быть исполнена посредствомъ *замѣстителя*: посвященіе жизни благу человечества, составляющее суть религіи Иисуса Христа, требуетъ *личнаго* служенія“... „Я вовсе не желаю сказать,—прибавляетъ Горстъ,—что для такого убѣжденія нѣтъ другого выхода, какъ участіе въ университетскомъ поселеніи или вообще жизнь среди бѣдняковъ. Благородные подвиги, отмѣченные исторіей, показываютъ, что духъ Христа можетъ обнаружиться многими способами. Но университетскія поселенія представляютъ собою весьма прямой и естественный выходъ для такихъ чувствъ, и значительная часть членовъ *всѣхъ поселеній* одушевлены, сознательно или бессознательно, христіанскою любовью къ человечеству“.

Мы съ удовольствіемъ привели эту прекрасную страницу, достойную вниманія всякаго, кто сочувствуетъ соціальной филантропіи, и ярко освѣщающую „оксфордское“ движеніе. Не будучи *миссіонерскимъ* движеніемъ, въ строгомъ смыслѣ, оно носитъ печать глубоко-религіознаго настроенія англійскаго общества и этимъ выгодно отличается отъ того „народолюбства“ и „единенія съ народомъ“, которое проповѣдовалъ во Франціи Мишле.

Такая религіозная подкладка соціальной филантропіи въ Англии

ярко выступает также и въ объясненіяхъ, которыя дала миссъ Талботъ, начальница женскаго отдѣленія Оксфордъ-гауза. „Движеніе, — говоритъ она, — результатомъ котораго были наши два учрежденія, шло изъ Оксфорда; его живительной силой было желаніе подѣлиться съ народомъ восточнаго Лондона двумя вещами, которыми Оксфордъ обязанъ своимъ величіемъ, своей религіозной вѣрою и развитіемъ всѣхъ способностей — умственныхъ, физическихъ, соціальныхъ — своихъ сыновъ“. Вслѣдствіе этого руководители оксфордскаго движенія, признавая, что ихъ христіанство и ихъ церковность (churchmanship) составляютъ лучшее ихъ достоинствіе, пожелали подѣлиться ими съ жителями Бетналь-Грина“; во-вторыхъ же, они сознавали, что университетское поселеніе не должно ограничивать свое вниманіе *одною* стороною жизни народа, среди котораго оно помѣщается, но стремиться къ тому, чтобы поднять весь бытъ народа (standard of living), и что оно должно въ особенности налегать на обязанность изучать какъ можно основательнѣе экономическіе и соціальные вопросы, его касающіеся“.

Какъ изъ этого видно, религіозные мотивы и цѣли англійскихъ университетскихъ поселеній тѣсно связаны съ культурными и общественными; самое распространеніе религіозныхъ представленій и чувствъ среди населенія, въ которомъ цѣлыя поколѣнія вырастаютъ и живутъ безъ крещенія и брака, на самой низкой степени душевнаго и нравственнаго развитія, является въ рукахъ поселенцевъ дѣйствительнымъ средствомъ къ тому, чтобы *поднять* уровень жизни (standard of living) своихъ низшихъ собратьевъ. Это свою главную цѣль поселенцы стараются осуществить, и въ этомъ заключается отличительный признакъ новаго движенія — посредствомъ *личнаго* сближенія съ людьми изъ „народа“. Первая задача, по отношенію къ которой всѣ прочія являются второстепенными, — говоритъ Горстъ, — это приобрести *друзей* въ околотеѣ, принять участіе въ общей жизни сосѣдей; вращаться въ народѣ на равной ногѣ безъ покровительства и въ то же время безъ заискиванія; дѣлиться съ народомъ радостью и горемъ, занятіями и развлеченіями; добиться того, чтобы онъ смотрѣлъ на поселенцевъ какъ на своихъ друзей“. Названіе нью-іоркскаго поселенія: „Сосѣдское товарищество“ (Neighbourhood-Guild), хорошо выражаетъ собою принципъ, на которомъ оно основано. „Эта задача, если она достигнута, наполняетъ пропасть или по крайней мѣрѣ перебрасываетъ черезъ нее мостъ между классами, созданными цивилизаціей, и возстановляетъ солидарность расы“.

Но эта первая задача не служить сама по себѣ цѣлью; ея

достиженіе не является романтическимъ увлеченіемъ или какимъ-то новымъ „спортомъ“. Руководители университетскихъ „поселеній“ исходили не изъ фантазій, не изъ навѣянныхъ литературой или книжной теоріей соображеній, а изъ бросающагося въ глаза реального факта; они ясно и сознательно имѣли въ виду разрѣшенную проблему, поставленную современною цивилизаціею. Исходный ихъ фактъ—та поляризація общества, которая такъ наглядно и болѣзненно проявляется въ топографическомъ и культурномъ отчужденіи между жителями западнаго и восточнаго Лондона. Они задались мыслью вновь соединить то, что раздѣлила жизнь— „приблизить другъ къ другу эти *два народа*, дать имъ возможность взаимно понимать свои мысли, намѣренія, вождельнія, желанія, и такимъ образомъ сдѣлать первый шагъ для рѣшенія соціальной проблемы“. Они видѣли, „съ одной стороны, скрытую силу массы и скрытыя въ ней потребности (*latent interest*), съ другой стороны—остающіяся безплодными (*latent*) познанія и способности культурныхъ людей“, и они рѣшились „свести эти два немогущихъ въ своей розни фактора и сдѣлать изъ нихъ мощное орудіе національнаго прогресса“. Они говорили себѣ: „сдружи́мъ между собою и сблизимъ эти двѣ стороны, и тогда проблемы, которыя неразрѣшимы для каждой въ отдѣльности, оважутся по плечу для ихъ соединенныхъ силъ“.

Изъ такихъ соображеній возникло „университетское движеніе“, цѣль котораго отчетливо формулирована Горстомъ въ слѣдующихъ четырехъ положеніяхъ:

1) „Общественныя подписки денегъ для облегченія періодическаго ухудшенія хронической бѣдности и пауперизма—далеко не устраняютъ, но увеличиваютъ зло.

2) „Университеты, представляя собою высшій расадникъ знанія и науки въ націи, нравственно обязаны взять на себя тяжелую задачу открыть средство противъ соціального недуга, представляющагося въ большихъ городахъ.

3) „Методъ, усвоенный университетскими поселеніями, основывающій разслѣдованіе зла и средствъ противъ него на установленіи добрыхъ соціальныхъ сношеній съ различными классами рабочихъ,—есть настоящій способъ, съ помощью котораго можно приблизиться къ разрѣшенію проблемы.

4) „Результаты университетскихъ поселеній, насколько они обнаружались здѣсь и въ Америкѣ, удовлетворительны и ободраютъ къ дальнѣйшему развитію системы на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ эти результаты добыты“.

Какіе же это *результаты*? Что дало движеніе, которое началось лишь такъ недавно и находится, по признанію его руководителей, въ періодъ опыта (*experimental stage*)? Результаты эти такъ обильны и разнообразны, что ихъ не легко обозрѣть хотя бы въ предѣлахъ незначительнаго по объему матеріала, собраннаго въ книжечкѣ: „Университеты и социальная проблема“. Перелистывая ее, всякій читатель найдетъ въ ней результаты для *него* особенно интересные; филантропъ, и психологъ, и социологъ, и администраторъ, отмѣтять относящійся къ ихъ области матеріалъ; подводя итоги, можно говорить о результатахъ для народной массы, о результатахъ для культурнаго класса, объ *общихъ* результатахъ теоретическаго или нравственнаго свойства, о практическихъ результатахъ, поддающихся опредѣленію цифрами, и т. д.

Естественнымъ послѣдствіемъ стремленія „сблизить между собою два народа“ является прежде всего взаимное знакомство между ними. Ничто такъ не помогаетъ *узнать народъ*, какъ дѣятельность въ университетскихъ поселеніяхъ Лондона. Впечатлѣнія, выносимыя поселенцами изъ знакомства съ народомъ, представляютъ собою самый правдивый и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательный матеріалъ для психолога и социолога. Тутъ нѣтъ слѣдовъ той предвзятой идеализаціи, того сентиментальнаго пафоса, которые мы находимъ у романтиковъ народничества, какъ, напр., у Мишле; но *народъ* ничего не теряетъ отъ реалистическаго изображенія, чуждаго тенденціи, и симпатія къ нему можетъ лишь возрастать, благодаря такимъ характеристикамъ, какую даетъ, напр., начальница Mayfield-гауза, миссъ Корбетъ: „Народъ, среди котораго мы работаемъ, большею частью принадлежитъ къ лучшему классу, т. е. не къ преступному (*not criminal*). Эти люди главнымъ образомъ работаютъ въ качествѣ столяровъ, сапожниковъ, подевичковъ, или выдѣлываютъ коробки для спичекъ, бонбоньерки и щетки. Среди нихъ большая бѣдность, вызываемая преимущественно плохимъ состояніемъ промысла; со всѣхъ сторонъ приходится слышать: „мы бы желали что-нибудь дѣлать, еслибы только имѣли работу“. Въ общемъ, они не склонны прибѣгать къ общественному призрѣнію (*are not pauperized*), но обладаютъ значительной долей самоуваженія и независимости. Они очень терпѣливы, всегда расположены помогать другъ другу, очень привѣтливы, и часто бываетъ умиительно видѣть, какое дружеское участіе они принимаютъ въ насъ, охотно входя въ наши удовольствія и выражая всякій разъ желаніе, когда кто-нибудь изъ насъ отправляется на праздникъ домой, чтобы намъ было весело и мы благополучно

вернулись; ни на минуту они не противопоставляютъ нашей жизни свою, гдѣ столбимъ бѣднымъ матерямъ приходится трудиться съ начала года до конца безъ всякаго отдыха и перемѣны въ работѣ—за исключеніемъ, можетъ быть, одного дня въ году, когда мы ихъ приглашаемъ лѣтомъ за-городъ. Тогда онѣ какъ будто сбрасываютъ съ себя всякое горе, ведутъ себя какъ дѣти, качаясь на качеляхъ, бѣгая въ перегонку, предаваясь играмъ, повидимому, съ безусловнымъ забвеніемъ заботъ,—пока не приходитъ время, когда мы ихъ должны собрать и проститься съ друзьями, такъ радушно насъ принимавшими. Тогда слышатся со всѣхъ сторонъ возгласы: „Милая, какъ время скоро прошло, право!“ или:—„Я бы рада была остаться здѣсь всю ночь“. Онѣ покоряются неизбежному, но очень весело и безъ умолку болтаютъ всю дорогу“ ... „Ихъ цѣли и понятія о жизни и ихъ поведеніе не слишкомъ высокаго свойства; замѣчательно, однако, какъ онѣ въ жизни вообще строго руководятся этими своими понятіями. У нихъ замѣтно большое равнодушіе къ высокимъ стремленіямъ и благороднымъ опредѣленіямъ того, что хорошо и что дурно—замѣтно какъ будто какое-то притупленіе (dulness), безсиліе заглянуть за предѣлы ежедневныхъ рутинныхъ заботъ и хлопотъ и подумать о страшномъ вопросѣ, откуда взять завтра необходимую пищу и одежду для дѣтей, или долго ли онѣ будутъ въ состояніи платить за свой кровъ“ ...

Иного рода впечатлѣніе сообщаетъ учредитель рентонскаго клуба для подростковъ, но и они въ своемъ родѣ подтверждаютъ мысль Мишле, что „народъ“ обладаетъ горячимъ сердцемъ и способностью къ самопожертвованію,—мысль, которой онъ придалъ невѣрный и парадоксальный смыслъ, будто образованіе и культура приносятъ ущербъ этимъ свойствамъ. Склонный къ дракамъ и насиліямъ, нравъ этихъ подростковъ лондонскаго пролетаріата достаточно характеризуется тѣмъ, что добровольцы для англійской арміи вербуются съ особеннымъ успѣхомъ изъ ихъ среды. Но характеріе всѣхъ общихъ опредѣлений случай, рассказанный г. Лэджемъ. Ему пришли сказать, что въ его клубъ явился новый посѣтитель. Онъ спросилъ: кто такой?—„Онъ работаетъ на нашемъ заводѣ, и однажды мы приподняли его за шею по столбу, такъ что лицо его почернѣло и глаза выкатились, а когда мы его сняли, онъ цѣлый часъ не могъ придти въ себя“. Лэдждъ замѣтилъ, что это странный способъ поступать съ товарищемъ, и услышалъ въ отвѣтъ: „О, это ничего сравнительно съ тѣмъ, что было послѣ: онъ спалъ на ящикѣ, а мы взяли лейку керосана, облили ящикъ и зажгли керосинъ,—вы бы посмотрѣли,

какъ онъ соскочилъ съ своего ящика! — Лэдъжъ потомъ узналъ, что эта жертва дивой шутки былъ долго безъ работы и пропалъ съ голода, а его спасителемъ былъ разсказчикъ жестокой продѣлки. Онъ сталъ отказываться разъ въ недѣлю отъ своей работы на стеклянномъ заводѣ, для того, чтобы предоставить голодающему свой заработокъ. „Ихъ доброта (charity) другъ къ другу безпредѣльна, насколько позволяютъ ихъ средства“, заключаетъ свою замѣтку руководитель рентонскаго клуба.

Доброе сердце этихъ дивихъ дѣтей природы проявляется не только въ взаимныхъ отношеніяхъ, но и относительно ихъ друзей изъ другого міра, и если они въ первомъ случаѣ ничѣмъ не стѣсняются, то удивительно, какую деликатность они иногда тутъ проявляютъ. „Недовѣрчивость, подозрительность, сознательное и бессознательное плутовство (humbug),—говоритъ начальница С.-Маргеритъ-гауза,—конечно, встрѣчаются, но искреннее довѣріе и привязанность, часто выражающіяся въ умиленной безропотности, изъ страха быть въ тягость друзьямъ, гораздо чаще знаменуютъ собою образъ дѣйствія народа съ нами“ (the ways of the people). Другія черты обнаруживаются предъ нами въ характеристикахъ, имѣющихъ въ виду серьезную, практическую сторону вопроса, важную для экономиста и политика. Въ помощи „поселенцевъ“ нуждаются не тѣ привилегированные рабочіе, которые обладаютъ спеціальной сноровкой, получаютъ хорошій заработокъ и организованы въ вліятельные „рабочіе союзы“ (trade union), но та масса неорганизованныхъ, большею частью не имѣющихъ опредѣленнаго промысла (unskilled) рабочихъ, составляющихъ около пяти-шестыхъ всего рабочаго населенія въ Англіи съ „заработкомъ, который находится ниже или лишь немного выше линіи голоданія“ (starvation point). Объ этой массѣ говоритъ наблюдатель, что ея преобладающее чувство—*apatia*. Эти люди живутъ изо дня въ день, не имѣя надежды на улучшеніе своего положенія и предаваясь тѣмъ удовольствіямъ, иногда весьма унизительнаго свойства, которыя имъ доступны; обѣщанія улучшеній, которыя имъ дѣлаютъ филантропы и политики—часто изъ весьма корыстныхъ побужденій—они принимаютъ съ презрительнымъ недоувѣріемъ. У нихъ смутное чувство несправедливости къ нимъ со стороны общества и смутное озлобленіе къ богатымъ и досужимъ классамъ за то, что тѣ не придумаютъ чего-нибудь для улучшенія ихъ положенія; но сами они не имѣютъ никакихъ плановъ на этотъ счетъ, у нихъ нѣтъ вождей, которымъ они доувѣряютъ, нѣтъ и революціонныхъ замысловъ, которые они хотѣли бы осуществить насильственно или законнымъ путемъ поли-

тисевого голосованія. Весьма ошибочно думать, что лондонскій Уайтчепель, или 19-й участок (Ward) въ Чикаго, кишать неудовольствіемъ и созрѣли для мятежа и анархіи. Этотъ народъ способенъ, какъ всякая бѣдствующая масса, быть увлеченъ въ какое-нибудь внезапное и бессмысленное движеніе (outbreak), но общее его состояніе—равнодушіе къ своему экономическому положенію“.

Вѣрное представленіе о *народѣ* есть, конечно, первое условіе правильной дѣятельности среди него; но еще другое преимущество выносить поселенцы изъ своего сближенія съ нимъ. Знакомленіе съ народомъ, несомнѣнно, становится для самихъ поселенцевъ нравственной школою. Чутье не обманывало Мишле, когда онъ завѣрялъ своихъ слушателей: „вы нуждаетесь въ народѣ столько же и больше, чѣмъ онъ въ васъ“. Послушаемъ, что говорить миссъ Корбетъ вслѣдъ за вышеприведенной характеристикой покорности народа: „Стараясь придти къ нимъ на помощь, поднять ихъ къ болѣе высокимъ стремленіямъ и болѣе благороднымъ представленіямъ о добрѣ и злѣ, мы, дѣятели (workers), часто чувствуемъ, какъ много мы сами у нихъ научаемся при видѣ ихъ долготерпѣнія, ихъ бодрости, ихъ признательности; принимая въ соображеніе ихъ обстановку и воспитаніе, мы можемъ только удивляться, что они достигли такого высокаго уровня, и со стыдомъ сознавать, какъ мало мы воспользовались преимуществами нашей обстановки“. При такихъ условіяхъ, поселенцы выносить изъ своего общенія съ народомъ чувство глубокаго удовлетворенія. Призывая всѣхъ, кто располагаетъ свободнымъ вечеромъ, кто обладаетъ какимъ-нибудь общественнымъ талантомъ—придти на помощь, руководитель федераціи рабочихъ клубовъ восклицаетъ:—Увѣряю всѣхъ, что они будутъ щедро вознаграждены. Могу сказать, что вечеръ, проведенный въ рабочемъ клубѣ, несравненно веселѣе, чѣмъ „раутъ (a crush) въ гостиной „эст-Энда“! Если такимъ образомъ университетскія поселенія въ Англіи знакомятъ высшіе классы съ *народомъ*, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ рабочаго пролетаріата, то ихъ дѣятельность среди народа внушаетъ и ему болѣе правильныя представленія верхнемъ слоѣ.

Въ Лондонѣ существуетъ особое общество для доставленія вѣтямъ бѣдныхъ людей возможности провести нѣсколько лѣтнихъ дней за городомъ. Университетскія поселенія дѣйствуютъ и въ этой области. Одинъ изъ сотрудниковъ названной выше книги сазываетъ на то, какую отличную точку отправленія даютъ и хлопоты для установленія связи и дружбы между поселенцами и рабочимъ населеніемъ. „Никакимъ инымъ способомъ нельзя,

можетъ быть, приобрести такое вліяніе на родителей, какъ посредствомъ ихъ дѣтей. Тѣ, кто столько хлопчуть и заботатся о благополучіи ихъ дѣтей, гораздо болѣе вызываютъ ихъ благодарность, чѣмъ тѣ, кто доставляетъ имъ деньги. Имъ дорого личное пожертвованіе временемъ или удобствами: они видятъ трудъ и знаютъ ему цѣну; что же касается до денегъ, то всякій бѣднякъ обыкновенно предполагаетъ, что для людей изъ образованнаго класса деньги ни-почѣмъ (is nothing to a University man). На почвѣ же общей заботы о дѣтяхъ родители начинаютъ испытывать искреннюю дружбу къ другу ихъ ребенка и готовы сдѣлать что угодно въ возмездіе. Они начинаютъ сознавать, что цѣль нашего поселенія среди нихъ дѣйствительно заключается въ томъ, чтобы быть имъ полезнымъ. Они начинаютъ вѣрить въ наше безкорыстіе—мысль, которую, увы! они весьма медленно усваиваютъ“.

Здѣсь высказаны двѣ глубокія истины, которыя подтвердить всякій, кто имѣлъ дѣло съ благотворительностью. Простолудинъ всегда увѣренъ, что человѣку прилично одѣтому стоитъ только опустить руку въ карманъ за деньгами, чтобы ему помочь. Этотъ фактъ долженъ былъ бы служить путеводной нитью для всякой системы общественнаго призрѣнія. Оптовая благотворительность, особенно изъ „казны“, которая представляется простолудину неисчерпаемою сокровищницей, можетъ быть иногда отравой для народнаго организма.

Какими же способами „оксфордскіе люди“ служатъ народу и осуществляютъ свое намѣреніе *украсить* (brighten) его жизнь? Это слово отлично выражаетъ собою дѣятельность „университетскихъ поселеній“; въ это понятіе входитъ все, что дѣлаетъ жизнь краше, отъ простой физической потребности отдыха и развлеченія до удовлетворенія болѣе высокихъ духовныхъ нуждъ. „Среди нашихъ рабочихъ, — говоритъ одна изъ сотрудницъ женскаго челтенгемскаго общества, миссисъ Мэсъ, — замѣчается глубокое неудовольствіе (revolt) противъ однообразія жизни, противъ неизмѣннаго гнета (grind) труда, съ которымъ мирились ихъ отцы; замѣчается неутомимая жажда удовольствій, слишкомъ часто обращающаяся къ грязнымъ источникамъ, но способная подчиниться хорошему руководству и громко требующая, чтобы ее направили къ болѣе чистымъ потокамъ. Англійская жизнь давно выработала средство, которое можетъ служить удобнымъ проводникомъ благотворнаго вліянія на массы — а именно, *клубы*. Давно уже, по обычаю вышнихъ классовъ, стали возникать въ Англійи клубы для *рабочихъ*. Для содѣйствія этому движенію денежнымъ и нравственнымъ по-

собіемъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, образовалось особое общество— „The Club and Institute Union“, предсѣдателями котораго были лорды Брумъ и Литльтонъ. Въ настоящее время въ составъ этого „Союза Клубовъ“ входятъ 155 рабочихъ клубовъ въ Лондонѣ и 219 въ провинціи. Число членовъ лондонскихъ клубовъ 32.845. Во всѣхъ клубахъ находятся бильярды, столы для карточныхъ и иныхъ игръ (bagatelle)—при чемъ игра на деньги строго воспрещается правилами — газеты и журналы; во всѣхъ этихъ клубахъ часто даются концерты и драматическія представленія; въ 78, изъ 155 клубовъ, происходятъ правильныя воскресныя чтенія, посѣщаемыя слушателями въ числѣ отъ 15 до 200; изъ этихъ 78 клубовъ—59 принадлежатъ къ числу *политическихъ*, а 19—къ такъ называемымъ *общественнымъ*, т.-е. исключаящимъ политическія дебаты. Во всѣхъ клубахъ „Уни“ продаются спиртные напитки; въ началѣ они не допускались, но когда, несмотря на денежныя пожертвованія со стороны, рабочіе клубы стали чахнуть, лордъ Литльтонъ измѣнилъ уставъ клубовъ, и съ тѣхъ поръ они процвѣтають. Защитники этой системы справедливо указываютъ на то, что, несмотря на „напитки“, эти клубы при строгомъ контролѣ представляютъ громадное преимущество передъ харчевнями, посѣщаемыми рабочими, и имѣють для нихъ высокое воспитательное значеніе.

На ряду съ клубами указанной категоріи стали возникать въ рабочихъ кварталахъ клубы, которые можно назвать *приходскими*. Руководителями ихъ становились приходскіе пасторы, старавшіеся по своимъ средствамъ украсить жизнь тѣхъ изъ бѣдныхъ прихожанъ, которые ходили къ причастію или посѣщали „библейскіе классы“ и курсы. Эти клубы, конечно, носили болѣе ли менѣе религіозную окраску и служили дѣламъ религіозной пропаганды.

Въ такомъ положеніи застали дѣла „оксфордскіе люди“, когда они принялись служить народному дѣлу путемъ клубовъ. При организаціи своихъ клубовъ они поставили себѣ въ руководство три правила—а именно, не допускать спиртныхъ напитковъ (no gin) и не требовать отъ членовъ опредѣленныхъ убѣжденій, ни политическихъ, ни религіозныхъ. Если послѣднія два правила огли облегчить задачу приобрѣтенія членовъ для новыхъ рабочихъ клубовъ, то изгнаніе напитковъ въ значительной степени затрудняло, требуя отъ поселенцевъ большихъ *личныхъ* усилій.

Тѣмъ не менѣе дѣло упрочилось и все болѣе процвѣтаетъ. режде всего возникъ клубъ Оксфордъ-Гауза. Старѣйшіе члены о—изъ рабочихъ—охотно рассказываютъ, съ какимъ смѣшан-

нымъ чувствомъ любопытства и страха они тѣснились въ углу незатѣйливаго помѣщенія, служившаго прежде школою, чтобы поглядѣть на „оксфордскихъ господъ“ (Oxford gents). Въ настоящее время клубъ помѣщается въ собственномъ домѣ, выстроенномъ на капиталъ въ 140.000 р., собранный въ теченіе пятилѣтія по особой подпискѣ. Число его членовъ по послѣднему отчету—261; членскій взносъ повышенъ съ 1¹/₂ пенса (6 к.) въ недѣлю на 2 п. (8 к.). При прежней платѣ клубу приходилось уплачивать за наемъ помѣщенія съ помощью пожертвованій. При клубѣ находятся слѣдующія отдѣленія, одно перечисленіе которыхъ даетъ понятіе о широкой дѣятельности и значеніи клуба:—гимнастическое, музыкальное, драматическое, Шекспировское, дебатующее, общества—одно для игры въ крикетъ, другое для игры въ мячъ (football), банкъ взаимнаго кредита и фельдшерскій курсъ (Ambulance). Открытіе клуба въ новомъ помѣщеніи происходило, какъ указываетъ отчетъ, въ присутствіи ея королевскаго высочества принцессы Маріи Тэкъ.

Другой клубъ называется университетскимъ. У него было до 1.000 членовъ; число это уменьшилось до 780 вслѣдствіе того, что по сосѣдству открылись три новыхъ клуба на оксфордскихъ основаніяхъ. Кромѣ вышеназванныхъ отдѣленій, мы находимъ здѣсь еще клубъ для велосипедистовъ, выставившій на одно состязаніе 80 членовъ, совершившихъ „ночную гонку“ въ 110 верстъ; затѣмъ, отдѣленіе гребцовъ, пловцовъ, туристовъ, танцклассъ, сберегательную кассу (Penny Bank) и кассу для больныхъ. Подобныя же клубы представляютъ собою клубы подѣ названіемъ „Университетскаго Института“ и института Уэбба. Эти оксфордскіе клубы вызвали цѣлое движеніе въ указанномъ ими направленіи. Образовался комитетъ, имѣющій цѣлью организацію и „федерацию рабочихъ клубовъ“ по оксфордской программѣ. Въ настоящее время въ этой „федерациі“ числится 65 рабочихъ клубовъ въ разныхъ частяхъ Лондона. Дѣятельность центрального комитета, который состоитъ изъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ клубовъ—по одному на сто членовъ—заключается, между прочимъ, въ выдачѣ денежныхъ ссудъ клубамъ—такъ, были даны 400 ф. клубу въ Шедуэллѣ, на покупку бильярда, которые и были уплачены съ доходовъ отъ этого бильярда;—въ организаціи циркулирующей библіотеки, такъ чтобы отдѣльнымъ клубамъ не было надобности приобретать новости на свой счетъ;—въ рассылкѣ сотрудниковъ по клубамъ для того, чтобы вести дебаты тамъ, гдѣ нѣтъ для этого на мѣстахъ подходящихъ людей, и пр.

Но не руководство только дебатами, а вообще поста-

нова на *мѣста* нужныхъ людей, способныхъ нести на плечахъ все дѣло, составляетъ призваніе *поселеній*. Какъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ жизни, такъ и здѣсь, прежде всего требуются *лица*, нужны вожди, которые своей личной инициативой, своимъ служеніемъ дѣлу, собираютъ около себя другихъ. Весьма мѣтко почетный секретарь „Федерации Клубовъ“, въ своемъ очеркѣ этого движенія, говорить, что для его успѣха нужно, какъ въ былыя времена то бывало съ *кунинами* (предводителями) быть подяту на пять дружинниками за ихъ достоинства или преимуществва. Это замѣчаніе сопровождается весьма интересной характеристикой лондонскаго рабочаго народа, въ которомъ такъ легко узнать всякій другой *народъ*. „Нужно помнить, — говоритъ Дж. Финъ, — что въ демократическомъ Лондонѣ всего существеннѣе такой „*кунизмъ*“... „Всякій, кто понимаетъ клубную жизнь, бываетъ пораженъ тѣмъ, до какой степени рабочій человекъ неспособенъ позаботиться о себѣ. Онъ не только не видитъ — по недостатку опытности — всего, что можетъ ему дать клубъ, но — что въ особенности важно — *зависть къ лучшимъ* (the jealousy of the best), присущая демократіи, мѣшаетъ рабочему настолько довѣриться человеку своего класса, чтобы предоставить ему контроль и руководительство. Англичане, какъ видно, не представляли собою исключенія, изгоняя Аристида... Въ самоуправляемомъ клубѣ эта демократическая зависть страннымъ способомъ ведетъ къ аристократизму. „Намъ нуженъ кто-нибудь изъ вашихъ оксфордцевъ (Oxford House gentlemen) для веденія дѣла“ (to work it for us) — вотъ почти всегдашній отвѣтъ на запросъ какому-нибудь клубу: въ чемъ онъ нуждается?“ Таковъ въ общихъ чертахъ отличительный характеръ клубовъ, устроенныхъ Оксфордгаузомъ или по его образцу. Благодаря ему, въ значительной степени установилось убѣжденіе, что рабочій клубъ, изъ котораго исключены три „*фурии* нашего времени“ — спортъ, политика и азартная игра, — составляетъ необходимое условіе всякаго хорошо организованнаго прихода въ рабочемъ кварталѣ.

Распространяться о пользѣ, которую такого рода клубы приносятъ рабочему населенію, доставляя ему всякаго рода *развлеченіе* — нѣтъ надобности. Важнѣе выставить на видъ воспитательную и культурную роль этихъ развлеченій. Оксфордцы, вѣрные преданію своего университета и какъ истые англичане, стараются внушить членамъ своихъ клубовъ „спортменскій духъ“ (the true sportsman spirit), и для этого устрояются всякаго рода „состязанія“ между соответствующими отдѣленіями разныхъ клубовъ. Эти состязанія должны служить не только въ тому, чтобы раз-

вить охоту „въ здоровымъ упражненіямъ“, но и „артельное“, „общественное“ начало, и этимъ содѣйствовать развитію „характера“. Съ этою цѣлью руководители стараются придать всякому состязанію и всякой побѣдѣ значеніе не столько индивидуальное, сколько общее. Этимъ путемъ они добиваются того, чтобы „участіе въ спортѣ имѣло послѣдствіемъ общій энтузіазмъ, самозабвеніе лица въ интересахъ общества, самообладаніе (self-restraint) и спокойствіе (good temper) въ бѣдѣ—свойства, содѣйствующія образованію характера,—а характеръ и есть именно то, что всего важнѣе развитъ въ человѣкѣ восточнаго Лондона.

Воспитательное и культурное вліяніе оксфордскихъ клубовъ не ограничивается этимъ непосредственнымъ вліяніемъ „спорта“. Оно такъ разнообразно и сильно, что, несмотря на непродолжительность движенія, проникло во всѣ области быта рабочихъ. На вопросъ: „какіе же результаты можете вы въ концѣ концовъ указать по истеченіи десяти-лѣтняго опыта“ — Ингрэмъ, глава Оксфордъ-гауза, отвѣчаетъ: „я склоненъ поставить на первое и главное мѣсто поразительное воспитаніе въ способности самоуправленія, которое клубъ даетъ своимъ членамъ, въ особенности членамъ комитета. Безкорыстная и бесплатная работа, требуемая отъ нихъ, озареніе (grip of) новымъ идеаломъ—трудиться виѣ предѣловъ непосредственныхъ нуждъ ежедневной жизни,—развитіе способностей къ организаціи и веденію дѣла, долго мертвѣвшія вслѣдствіе непримѣненія къ дѣлу,—по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ создаютъ людей, которымъ вы бы охотно довѣрили вашу жизнь и вашу честь, и которые оказались бы способными, еслибы представился случай для должностей съ высокою отвѣтственностью въ городской и гражданской жизни“.

Другой результатъ—болѣе поздніе браки, заключаемые членами клуба. Г. Ингрэмъ, въ качествѣ „клубнаго пастора“ (club-ragson), обыкновенно приглашаемаго женихомъ и невѣстой для совершенія обряда вѣнчанія и задолго до этого посвящаемаго „въ ихъ тайну“, утверждаетъ на основаніи многочисленныхъ наблюденій, что тогда какъ рабочіе, не принадлежащіе къ клубу, женятся обыкновенно 19 лѣтъ, члены клуба не женятся раньше 25. Это подтверждается отзывами и другихъ сотрудниковъ; между прочимъ, приводится случай рабочаго, женившася 24-хъ лѣтъ, но зато онъ уже успѣлъ скопить около 900 руб. (около 100 фунт.) подъ вліяніемъ своего „добраго друга“ изъ Уэстэнда.

Какъ это происходитъ—понятно. Молодой рабочій, пріятно проводящій свободное время въ клубѣ, не скучаетъ и не чувствуетъ потребности въ „своемъ очагѣ“; между тѣмъ, возрастаетъ и

его требованіе отъ жизни, и чувство достоинства по отношенію къ самому себѣ и къ будущей женѣ.

Третій результатъ, это—*цивилизирующее* вліяніе клубовъ на бытъ и нравы рабочихъ. Въ клубахъ, устроенныхъ для мальчиковъ, „поселенцы“ считаютъ первымъ признакомъ того, что клубъ „принялся“, когда слышатъ слова кого-нибудь изъ мальчиковъ: „ступай и умойся, ты грязный звѣрокъ“ (you dirty little brute). Однажды Ингрэмъ навѣстилъ въ больницѣ молодого члена своего клуба и услышалъ отъ него замѣчаніе: „а вѣдь большая разница въ клубѣ теперь и какъ онъ былъ семь лѣтъ тому назадъ“. — „Вы чтѣ разумѣете?“ — „Да вотъ, напр., я прежде никогда не носилъ воротничковъ, какъ и многіе другіе; а вѣдь теперь мы приличный народъ“. — „Очень приличный! какъ же вы справляетесь съ тѣмъ, чтобы при вашемъ небольшомъ заработкѣ быть такимъ молодцомъ (look so smart)“? — „Очень просто: если кто побывалъ годъ или два въ такомъ клубѣ, какъ вашъ,—у него будутъ и деньги, чтобы купить пиджакъ“.

Другой разъ Ингрэмъ разговорился въ больницѣ же съ содержателемъ харчевни. „Какъ здоровье такого-то и такого-то?“ — спросилъ больной, называя двухъ членовъ оксфордскаго клуба? — „Хорошо; а вы почему ихъ знаете?“ — „О, они были постоянными моими посѣтителеми, пока я не поступилъ къ вамъ. Мое заведеніе было близко отъ васъ“. — „Вы и теперь тамъ?“ — „О, нѣтъ, я переѣхалъ подалеже (a little further (sic) off)“.

А каково вліяніе клуба на домашнюю жизнь членовъ? „Если человѣкъ становится менѣ эгоистиченъ, и если онъ приобрѣтаетъ болѣе самообладанія, бережливости и трезвости, то, само собою разумѣется, онъ и въ семьѣ становится лучшимъ отцомъ, лучшимъ братомъ или сыномъ. Но помимо этого, вліяніе разнообразныхъ занятій въ клубѣ постоянно содѣйствуетъ улаженію и домашней жизни. Когда я совершаю свой обходъ, оставаясь иногда на чашку чая у хозяйки, я застаю дочерей, напѣвающихъ за работой отрывки изъ хора для музыкальнаго отдѣленія; шустрый сынишко, ковыряя шиломъ въ сапогахъ, заказанныхъ отцу, весь устремленъ мыслью на предстоящее въ субботу состязаніе въ крикетъ; самъ же хозяинъ или собирается идти играть на тромбонѣ въ клубномъ оркестрѣ, или, доканчивая стулъ, готовить рѣчь, которою намѣренъ вечеромъ удивить товарищей въ залѣ для преній“.

А каковы, наконецъ, результаты въ религіозномъ отношеніи? Отвѣтъ въ высшей степени знаменателенъ для характеристики оксфордскаго движенія, особенно если имѣть въ виду, что отвѣтъ

исходить отъ духовнаго лица, въ тому же принадлежащаго къ „государственной церкви“. „Я могу только сказать, что всякій, кто принимаетъ во вниманіе истинный характеръ проблемы, которую мы задались, медленность, съ которою переизменяются привычки цѣлой жизни, недоразумѣнія и подозрительность, съ которыми относятся къ церкви и къ самому христіанству, отождествленіе многими христіанства съ кальвинизмомъ, не совсѣмъ благовидные поступки нѣкоторыхъ официальныхъ представителей религіи въ околоткѣ—всякій, повторю я, признаетъ результаты нашего кратковременнаго опыта таковыми, что мы должны благодарить за нихъ Бога“.

Много устранено предубѣжденій и подозрѣній; чтенія въ залѣ или подѣ открытымъ небомъ, сопровождаемые вопросами и преніями, сдѣлали свое дѣло, главнымъ образомъ, потому, что добѣріе слушателей было приобрѣтено въ клубахъ; „ланцизмъ“ въ значительной степени „дискредитованъ“; швырять библію признается неприличнымъ; на *сокращенномъ* богослуженіи въ клубномъ залѣ по воскресеньямъ бывають съ женами и дѣтьми такіе члены клуба, которыхъ не видали въ своихъ стѣнахъ никакая церковь или часовня (диссентерская), и среди нихъ сложилась „небольшая, но прочная община людей, рѣшившихся, послѣ долгаго раздумья и нѣкотораго самопожертвованія, примѣннуть къ церкви посредствомъ причащенія—всѣ они совершили свои первые шаги на пути къ христіанству съ помощью клуба“.

Къ этому прибавимъ, что всего успѣшнѣе совершается, повидимому, привлеченіе къ христіанству путемъ личнаго вліянія *женскихъ* „поселенцевъ“ на женъ и дочерей рабочихъ, хотя обращеннымъ верѣдео приходится за это не мало терпѣть. Такъ, миссъ Борбетъ сообщаетъ о „бѣдной женщинѣ“, которая была избита мужемъ при выходѣ изъ церкви за то, что окрестила тамъ своего ребенка.

Съ другой стороны, миссъ Талботъ (St. Margarets House) справедливо замѣчаетъ, что тамъ, гдѣ, какъ въ Бетваль-Гринѣ, исполненіе церковныхъ обрядовъ не въ обычаѣ — „крещеніе и причащеніе представляютъ собою болѣе убѣдительно доказательство (fairis test) серьезной религіозности, чѣмъ въ иныхъ случаяхъ“, и если дѣвушка начинаетъ уклоняться отъ посѣщенія танцевальныхъ вечеровъ въ клубѣ во время поста или просить, чтобы кто-нибудь изъ „дамъ“ уговорилъ (liven up) ея младшую сестру креститься, то это можно считать признакомъ искренняго убѣжденія.

Чтобы полнѣе оцѣнить результаты, достигнутые университетскими „поселеніями“, нужно еще принять въ расчетъ другія стороны ихъ дѣятельности, которыя не находятся въ прямой связи съ клубами. Здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно упомянуть о распространеніи образованія, точнѣе—интереса къ образованію, среди рабочаго населенія, посредствомъ чтеній и курсовъ. По словамъ Горста, самымъ раннимъ и наиболѣе бросающимся въ глаза результатомъ болѣе части „поселеній“ является возбужденіе сильной охоты къ образованію (a great stimulus to education). Въ этомъ отношеніи „университетскія поселенія“ дѣйствуютъ заодно съ обществомъ „популяризаціи университетскихъ знаній“ и съ такими спеціальными учрежденіями, какъ Тоунбее-Халл. Посторонняго наблюдателя прежде всего поражаетъ при обзорѣ программъ этихъ чтеній и курсовъ ихъ необыкновенно спеціальныи или отвлеченныи характеръ.

Секретарь Тоунбее-Халл'а сообщаетъ даже, „какъ курьезъ“, что когда ученый Паркеръ предложилъ въ 1890 г. руководителю Тойнби-голла свои услуги, то онъ намѣтилъ въ своей программѣ лекціи: „О вліяніи Гегеля на новѣйшіи фазисъ идеалистическаго міровоззрѣнія“ и „О нѣкоторыхъ промахахъ въ пониманіи субстанции Спинозы“. Но затѣмъ, *исправившись*, почтенный ученый читалъ объ „Англіи въ вѣкъ Шекспира“ и „О древностяхъ въ восточномъ Лондонѣ“.

Предупреждая недоумѣніе посѣтителя ¹⁾,—какимъ же образомъ такія лекціи могутъ воспитывать народъ,—секретарь Тойнби-голла отвѣтилъ: „прежде всего не слѣдуетъ слишкомъ низко цѣнить народъ. Пьяницы и идіоты къ намъ не приходятъ, мы развѣ сами ихъ разыскиваемъ; но болѣею частью они становятся добычею генерала Буса и его воинства („армія спасенія“). Посѣтители нашихъ аудиторій—или молодые люди, прошедшіе шесть классовъ народной школы и желающіе расширить свои познанія, или ремесленники и дѣловые люди“.

Лекціи въ Оксфордъ-гаузѣ предназначены для рабочаго населенія, и однако въ отчетѣ за 1894 годъ мы встрѣчаемъ слѣдующія воскресныя лекціи: „Совершенный человѣкъ“;—„Основатели нашей англиканской церкви“;—„Лордъ Маунтъ Темплъ“;—„Христіанское представленіе о грѣхѣ“;—„Св. Бернардъ“;—„Учители Колумба“;—„Взятіе Орана“;—„Слѣдующее поколѣніе“;—„Подвигъ терпѣнія“;—„Воскресеніе (1 апрѣля)“;—„Почему я принадлежу къ церкви?“—„Слѣпота и неспособность различать

¹⁾ Леопольдъ Кальнеръ, „Neue Freie Presse“, 11091 № этой газеты.

цвѣта“; — „Нѣкоторая польза горя“; — „Самопожертвованіе“; — „Ключъ въ мірозданію“; — „Соціальныя послѣдствія воплощенія“; — „Журнализмъ“; — „Наука и книга Бытія“; — „Огмѣна государственной церкви“; — „Детерминизмъ и свобода воли“; — „Пчелы“; — „Почему мы христіане“; — „Условія прогресса“; — „Здоровая жизнь и оздоровленные жилища“; — „Политическая экономія и мораль“; — „Что случилось во время реформаціи“; — „Какъ свести счеты“ и т. п.

Комментаріемъ въ этому могутъ служить слѣдующія знаменательныя слова Горста: „Замѣчательно, что желаніе знаній даже у наиболѣе бѣдныхъ рабочихъ направлено скорѣе къ отвлеченной наукѣ и общему образованію, чѣмъ въ свѣденіямъ, которыя можно было бы практически примѣнить къ фабричной промышленности. Этого трудно было ожидать среди народа, который борется за свой насущный хлѣбъ. Даже въ Чикаго, гдѣ весь городъ преданъ поклоненію доллару, — какъ то видно изъ отчета нынѣшняго года, главное вниманіе обращено на гуманитарныя курсы (humanities), и самыя популярныя и наиболѣе постоянно посѣщаемыя курсы касались литературы, языка, музыки, искусства, исторіи, математики и рисованія“. Въ Голль-гаузѣ въ Чикаго студенты образовали общество, распадающееся на литературное, драматическое, музыкальное и дебатирующее отдѣленія, и каждое изъ нихъ обязано по очереди взять на себя устройство вечера (in evenings entertainment). Горстъ заключаетъ свои указанія словами: „Эти факты доказываютъ, что университетскія поселенія не навязываютъ неподходящія знанія неохотно принимающему ихъ народу; напротивъ, затрудненіе въ томъ, чтобы удовлетворить запросъ; и такъ-называемыя „низшіе классы“ обнаруживаютъ такое рвеніе къ самоусовершенствованію и приобрѣли такой запасъ познаній, который въ состояніи пристыдить иныхъ членовъ такъ называемыхъ „высшихъ классовъ“...“

Весьма цѣненъ такой отзывъ серьезнаго народнаго дѣятеля въ виду искусственнаго противоположенія народнаго *инстинкта* — буржуазной интеллигенціи, которое составляетъ достоинствѣ романтическаго періода народничества. Если въ народной массѣ истиннѣе преобладаетъ надъ знаніемъ и образованіемъ, то это надо понимать въ томъ смыслѣ, что народъ обладаетъ инстинктивною *потребностью* знанія и образованія, которая идетъ далеко за предѣлы того, что въ глазахъ поверхностнаго наблюдателя можетъ *интересовать* народъ.

Вообще нельзя не повторить, что кратковременная дѣятельность университетскихъ „поселеній“ обильна и практическимъ

результатами, и наблюденіями, которыя должны содѣйствовать правильному отношенію къ социальнымъ вопросамъ. Обыкновенно эти наблюденія и вызванные ими практическіе результаты идутъ рука объ руку. Возьмемъ, напр., почтенную дѣятельность „поселенцевъ“, по большей части женщинъ, которыя поставили себѣ задачей содѣйствовать среди самаго бѣднаго рабочаго населенія мелкимъ *сбереженіямъ*, важнымъ столько же по своимъ экономическимъ, какъ и по нравственнымъ результатамъ. „Небережливость и непредусмотрительность англійскаго народа, — говоритъ миссисъ Мэсъ, — вошли въ поговорку, и въ теченіе многихъ лѣтъ прилагались всякаго рода старанія побудить бѣдняковъ въ нашей странѣ позаботиться о будущемъ. Народу по этому вопросу читаютъ лекціи и говорятъ рѣчи, ему вручаются листки, сберегательныя кассы широко раскрываютъ предъ нимъ свои двери. Но много остается здѣсь сдѣлать индивидуальному влиянію и убѣжденію.

„И вотъ мы ходимъ по нашимъ бѣднымъ сосѣдямъ и уговариваемъ ихъ принять участіе въ нашей сберегательной кассѣ. Всѣ они говорятъ, что едва въ состояніи платить за пищу и одежду: гдѣ же тутъ дѣлать сбереженія! — и когда мы убѣждаемъ ихъ начать съ пенса, они пренебрежительно смѣются надъ этимъ. Ни у кого нѣтъ такого недоувѣрія къ цѣнѣ „нѣсколькихъ пятаковъ“ (a few ha' pence), какъ у тѣхъ, доходъ которыхъ преимущественно составляетъ именно этой презрѣнной монетой. Однако, въ угоду посѣтителю и съ разными шуточками относительно нелѣпности всего этого дѣла, они одинъ за другимъ вручаютъ намъ свой пенсъ, который аккуратно записывается въ книжечку сборщика и на листѣкѣ подавателя.

„Каждый понедѣльникъ аккуратно сборщикъ появляется у дверей своихъ давальцевъ и скоро становится любезнымъ для нихъ посѣтителемъ. По единодушному отзыву сборщиковъ, бѣдные относятся съ большею признательностью къ тѣмъ людямъ, которые во всякую погоду приходятъ за ихъ сбереженіями, чѣмъ въ лицамъ, разносящимъ подаванія. Если сборщикъ не имѣетъ успѣха, то, по выраженію г-жи Мэсъ, это объясняется тѣмъ, что у него нѣтъ методичности и нѣтъ такта. Рѣзкіе отказы бываютъ такъ рѣдки, что не должны входить въ расчетъ“. Авторъ сообщаетъ по этому случаю характерный отвѣтъ, который былъ данъ одному изъ поселенцевъ старымъ вдовцомъ. — „Нѣтъ, я не согласенъ. Не хочу васъ обижать, но я не могу знать, по какому побужденію вы приходите за нашими сбереженіями; я жилъ довольно долго на свѣтѣ, и никогда не видѣлъ, чтобы кто-либо что-нибудь дѣлалъ даромъ“. Съ своей стороны, г-жа Мэсъ никогда не слышала

грубаго слова; но ей случалось, когда она выплачивала назадъ влады, что ей предлагали, съ крайней деликатностью и въжливостью, „что-нибудь за ея труды“.

По мѣрѣ того какъ увеличивается скудная сумма вклада, въ тяжелую жизнь падаетъ лучъ надежды имѣть что-нибудь на случай особенной надобности. Тѣ, кто правильно давали по одному пенсу, скоро находятъ, что могутъ откладывать по два и по три, и откровенно признаются, что сдумѣли обойтись безъ нихъ; а затѣмъ, когда презрѣнные пенсы начинаютъ накопляться, то это составляетъ безвѣчный источникъ изумленія и удовольствія. — „Вѣдь это точно подарокъ“, — сказала одна женщина, которой былъ выплаченъ вкладъ: — „только это лучше подарка“ (there's such a relish with it). Другая женщина, въ болѣе благоприятномъ положеніи, которой удалось въ 15 мѣсяцевъ скопить около 16 ф. (150 р.), сказала съ улыбкой глубокаго удовольствія: „Я знаю, все это пошло бы на шоколадъ и на игрушки дѣтямъ, если бы вы не ходили къ намъ“.

Съ другой, болѣе трагической стороною жизни знакомишь насъ отчетъ о ночлежномъ домѣ съ исправительною цѣлью въ Шордичѣ и замѣтка о немъ О. Джея (Rev. O. Jay). Позволимъ себѣ привести слова, съ которыхъ начинается замѣтка, хотя они заключаютъ въ себѣ общеизвѣстную истину. Интересъ ея въ томъ, что ее считаютъ нужнымъ повторять въ *классической* странѣ филантропіи. „Ни въ какой области дѣятельности отчетливое званіе не бываетъ такъ существенно и болѣе рѣдко, чѣмъ въ той, которая называется филантропіей. Окулистъ долженъ быть знакомъ съ глазомъ, дантистъ долженъ имѣть нѣкоторые свѣденія о зубахъ; но филантропу предоставляется примѣнять свою роковую систему ко всѣмъ, кто попадется на его пути, ему достаточно заявить, что у него доброе сердце. На это слѣдуетъ, однако, сказать: но почему же у него такая слабая голова (poor head)! Загубить милостыней цѣлый околотокъ тоже можетъ быть подведено подъ категорію филантропіи, но тѣмъ не менѣе это будетъ нравственнымъ душегубствомъ“ (moral homicide).

Критика автора специально направлена на нецѣлесообразное примѣненіе филантропіи къ устройству даровыхъ ночлеговъ. „Обезумѣвшая филантропія (grip wild) не могла придумать болѣе легкаго средства доставить себѣ удовлетвореніе и вредить другимъ, какъ предоставленіе дароваго ночлега лѣнтямъ и нравственно распущеннымъ людямъ (dissolute). Съ другой стороны, однако, нужно помнить, что хотя всякая неразборчивая благотворительность вредна для обѣихъ сторонъ, и для того, кто даетъ, и для

того, кто получаетъ,—тщательная, обдуманная и съ разборомъ дѣйствующая благотворительность—самое благословенное между всѣми хорошими дѣлами. Такъ можетъ ли такая благотворительность,—спрашиваетъ авторъ,—проявляться въ доставленіи дароваго ночлега“?

Вопросъ этотъ поставленъ человѣкомъ, который въ теченіе трехъ лѣтъ самъ ночевалъ въ ночлежномъ домѣ, въ ложѣ, устроенной въ общей залѣ, откуда онъ могъ всегда наблюдать надъ многочисленнымъ населеніемъ, находившимъ тамъ пріютъ. И по прошествіи этихъ лѣтъ О. Джей продолжалъ завѣдывать домомъ и лично рѣшать на основаніи своей долготѣльной опытности и тщательныхъ разспросовъ, допускать ли просителя—или нѣтъ. Для объясненія этого нужно имѣть въ виду, что въ Англии всякій, въ томъ нуждающійся, можетъ найти помѣщеніе въ работномъ домѣ своего округа (Union). Кромѣ того, существуютъ особые отдѣленія или дома для людей *случайныхъ* или *примылыхъ* бѣдняковъ, такъ называемыхъ casual paupers, которые обязаны работать доставленный имъ ночлегъ и прокормленіе. При такихъ условіяхъ понятно, что руководитель ночлежнаго дома въ Шордичѣ считаетъ себя въ правѣ отказывать въ пріемѣ лицамъ, которыхъ онъ признаетъ недостойными. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ выдаетъ просителямъ 2 пенса (8 коп.) для уплаты за ночлегъ въ платномъ ночлежномъ домѣ. Домъ въ Шордичѣ устроенъ для такихъ лицъ, которыхъ можно надѣяться поставить на ноги и которымъ поэтому дается даровой пріютъ до тѣхъ поръ, пока эта цѣль не достигнута или оказалась недостижимой. Вслѣдствіе этого многимъ изъ нихъ ночлегъ предоставляется лишь въ продолженіе двухъ или трехъ ночей, пока о нихъ наводятся справки. Большею частью эти справки оказываются неблагоприятны, какъ видно изъ слѣдующаго отчета. За зиму 1893—4 года пріютъ былъ предоставленъ 1.063 лицамъ; изъ нихъ:

- 35 сами нашли себѣ мѣсто или постоянную работу;
- 26 лицъ были поставлены на мѣста;
- 32 выселились (съ помощью);
- 24-ремъ была найдена временная работа;
- 946 оказались неподходящими.

Итакъ, лишь 11% вернулись къ самостоятельной гражданской жизни; но тотъ, кто цѣнитъ жизнь человѣка и имѣетъ понятіе, о какомъ разрядѣ людей идетъ здѣсь рѣчь,—не будетъ относиться съ пренебреженіемъ въ достигаемымъ результатамъ. Въ числѣ ночлежниковъ упоминаемаго пріюта бывали и юристы, и доктора, и много людей съ „неприятными исторіями въ про-

шломъ"; многие были загублены спиртными напитками. Такие обыкновенно становятся рецидивистами. Одинъ изъ нихъ нашелъ хорошее мѣсто и велъ себя отлично, но полученное имъ наследство въ 800 р. погубило его. Другой въ теченіе двухъ лѣтъ успѣлъ сдѣлать сбереженіе въ 300 р. и затѣмъ „спустилъ ихъ въ два дня“. И тѣмъ не менѣе почтенный филантропъ, посвятившій себя „спасенію утопающихъ“, не потерялъ бодрости и заключаетъ свою замѣтку заявленіемъ, что „заботы и хлопоты могутъ быть съ пользою употреблены на помощь даже самымъ низшимъ изъ ближнихъ“ (for God's lowest and least).

Гораздо болѣе отрадна дѣятельность „поселенцевъ“, которая имѣетъ цѣлью доставить дѣтямъ бѣдныхъ родителей возможность провести лѣтомъ „праздникъ“ въ деревнѣ. Таковой праздникъ продолжается обыкновенно около двухъ недѣль. Дѣтей развозятъ по окрестностямъ Лондона на разстояніи около 100 верстъ и далѣе, и помѣщаютъ у „хорошихъ людей“ даромъ или за плату. Содержаніе ребенка обходится около 13 шиллинговъ (6 р.) за двѣ недѣли. Другіе „хорошіе люди“ изъ мѣстныхъ жителей берутъ на себя обязанность наблюдать, чтобы дѣтей хорошо содержали и доставляютъ дѣтямъ возможность предаваться столь любимымъ всѣми классами играмъ, которыя такъ содѣйствуютъ физическому развитію молодежи въ Англіи. „Ни въ чемъ,—говоритъ одинъ изъ сотрудниковъ въ этой области—Кирилль Джэксонъ (of Toynbee Hall),—ни въ чемъ другомъ непосредственная польза нашей дѣятельности среди бѣдныхъ не обнаруживается такъ быстро и осязательно. Несомнѣнный результатъ нашихъ хлопотъ наглядно отражается на счастливыхъ и загорѣлыхъ лицахъ дѣтей, которыхъ мы веземъ обратно въ городъ. Какъ рѣдко удается видѣть всходы того, что мы посѣяли; слишкомъ часто они медлятъ обнаружиться, и мы иногда воображаемъ, что ихъ никогда и не будетъ“. „Поселенцы“ являются въ этомъ дѣлѣ лишь сотрудниками другого, раньше существовавшего учрежденія (Country Holidays Fund), имѣющаго цѣлью помѣщеніе дѣтей въ лѣтнія колоніи. Это учрежденіе располагаетъ 50 комитетами въ разныхъ частяхъ Лондона съ 500 членовъ; въ 1894 году оно доставило „лѣтній праздникъ“ 28.000 дѣтей и истратило на это около 140.000 р. Польза, которую *поселенцы* оказываютъ этому учрежденію, весьма разнообразна: она заключается, во-первыхъ, въ томъ, чтобы, благодаря знакомству съ рабочимъ населеніемъ, разыскивать дѣтей, особенно нуждающихся въ лѣтнемъ праздникѣ; въ томъ, чтобы, благодаря знакомству съ лицами высшихъ классовъ, разыскивать зажиточныхъ людей въ провинціи, которые предоставляютъ город-

свѣмъ дѣтямъ свои усадьбы, парки и т. п., или берутъ на себя надзоръ за ними. Но польза эта еще гораздо серьезнѣе, и тутъ мы должны признать великій успѣхъ, который сдѣлала филантропія въ особенности въ Англіи: изъ инстинктивнаго чувства и меченія она становится раціональной наукой; милостыня все болѣе и болѣе замѣняется подвигомъ самопожертвованія, и благотворительность обращается въ средство народнаго воспитанія. „Первымъ движеніемъ *поселенца*,—говорить г. К. Джэксонъ,—является, вѣроятно, желаніе отобрать (pick out) нѣсколько бѣдныхъ дѣтей, изъ живущихъ по сосѣдству, и отправить ихъ въ колонію *даромъ*. Но это скоро оказывается нецѣлесообразнымъ и неметодичнымъ: опытъ показываетъ, насколько лучше дѣлать дѣло основательно (thorough work)—этотъ опытъ насъ научаетъ, что въ известныхъ случаяхъ богатый не можетъ дѣлать дѣло за бѣднаго (do things for the poor), но въ состояніи лишь облегчить бѣдному *сапомощь*“.

Эти слова, мимоходомъ сказанныя, заключаютъ въ себѣ всю суть раціональной филантропіи, ибо филантропія имѣетъ дѣло хотя съ ослабленнымъ, но съ сознательнымъ и самодѣтельнымъ существомъ.

Въ примѣненіи къ дѣлу лѣтнихъ колоній принципъ, высказанный г. Джэксономъ, сводится къ тому, чтобы по возможности привлекать даже самыхъ бѣдныхъ родителей къ посильному участию въ расходахъ на лѣтнія колоніи. Здѣсь предъ „поселенцами“ открывается новая и трудная задача, которая, впрочемъ, облегчается тѣмъ, что ихъ знаютъ и цѣнятъ въ околоткѣ. Но много подчасъ требуется посѣщеній, чтобы убѣдить иную мать дать свою лепту на этотъ предметъ, и много требуется разговоровъ, чтобы объяснить ей, что чѣмъ больше она дастъ, тѣмъ болѣе помощи можетъ быть оказано дѣтямъ ея еще болѣе бѣдной сосѣдки. И дѣло здѣсь не столько въ увеличеніи денежныхъ средствъ „лѣтнихъ колоній“, сколько вообще въ распространеніи среди рабочаго народа убѣжденія, что успѣхъ этого дѣла—въ интересѣ его класса и въ привлеченіи его къ сознательному и активному содѣйствію.

Съ другой стороны, эта дѣятельность служитъ *поселенцамъ* важнымъ подспорьемъ къ тому, чтобы „пустить корни“ въ народѣ и приобрести его довѣріе. Ибо чѣмъ тѣснѣе ихъ „единеніе съ народомъ“, тѣмъ успѣшнѣе можетъ быть ихъ служеніе народу. А это служеніе обнимаетъ собою весьма разнообразныя области, которыхъ мы еще не касались.

Поселенцы являются совѣтниками и хозяевами по дѣламъ

бѣдныхъ. Въ поселеніи Глазгоскаго университета и въ Мэнсфіельдъ-гаузѣ въ Лондонѣ юристы предварительно разсматриваютъ въ опредѣленные дни *иски* со стороны бѣдныхъ, которые, какъ и вездѣ, мало знакомы съ законами; весьма часто оказывается, что искъ основанъ на недоразумѣніи со стороны истца; въ другихъ случаяхъ тяжбы, съ помощью *поселенцевъ*, разрѣшаются добровольнымъ соглашеніемъ; въ крайнихъ случаяхъ дѣло передается хорошему адвокату. Затѣмъ *поселенцы* играютъ большую роль въ организаціи „кооперативныхъ учреждений“, въ особенности обществъ „взаимнаго потребленія“. Еще важнѣе участіе поселенцевъ въ дѣятельности „мѣстныхъ учреждений“ въ рабочихъ кварталахъ — *школьныхъ, санитарныхъ и благотворительныхъ совѣтахъ*. Всѣ эти мѣстныя учрежденія въ Англіи съ своими платными должностями требуютъ множества досужныхъ людей, и рабочіе кварталы весьма часто затруднены отсутствіемъ въ ихъ средѣ подходящихъ лицъ для занятія, напр., должности *wardiana* (члена попечительства общественнаго призрѣнія). Въ рабочихъ кварталахъ домохозяева нерѣдко обходятъ всѣ санитарныя законы; жалоба со стороны жильца кончается его изгнаніемъ съ квартиры. При такихъ условіяхъ *поселенія* устриваютъ бдительные комитеты изъ рабочихъ, которые „поднимаютъ на ноги мѣстныя власти въ случаѣ плохихъ сточныхъ трубъ, заброшенныхъ ямъ, сырыхъ сѣней и стѣнъ, протечныхъ крышъ и тифозныхъ очаговъ“.

Въ особенности плодотворна эта дѣятельность „университетскихъ поселеній“ въ Америкѣ, гдѣ какъ государственныя, такъ и муниципальныя должности такъ сильно эксплуатируются промышленными и продажными политиками. Въ Америкѣ инициатива „студентовъ-граждановъ“ (*citizen student*) нерѣдко замѣняетъ собою отсутствіе правительственной инициативы. Такъ, напр., въ законодательную палату штата Иллиноиса былъ внесенъ билль для опредѣленія часовъ и условій женскаго и дѣтскаго труда по настоянію миссъ Кэлли—члена женскаго поселенія Hall-House въ Чикаго. Но мы не коснемся этой стороны дѣла и ограничимся краткимъ указаніемъ на дѣятельность женскихъ „поселеній“ въ Лондонѣ“. Одинъ изъ ближайшихъ предметовъ ихъ попеченій составляютъ, конечно, дѣвушки въ рабочихъ кварталахъ, и здѣсь также плодотворнымъ орудіемъ вліянія становятся клубы. При женскомъ отдѣленіи Оксфордъ-гауза для дѣвушекъ устроены 4 клуба: одинъ для дѣвочекъ, посѣщающихъ школу; другой для дѣвочекъ моложе 15 лѣтъ, оставившихъ школу; третій для дѣвушекъ старше 15 лѣтъ, работающихъ на фабрикахъ; этотъ разрядъ пришлось раздѣлить, ибо „между фабричными дѣвушками устанавливаются вполне отчет-

ливыя социальныя отличія и представляется весьма цѣлесообразнымъ принимать въ соображеніе эти *барьеры**, а потому пришлось устроить особый клубъ „для дѣвушекъ низшаго социальнаго типа“, распознаваемыхъ по низкой чолѣ на лбу и необычно громаднымъ шляпамъ, или по совершенному ихъ отсутствію.

Но этимъ не ограничивается дѣятельность лондонскихъ женскихъ *поселеній*. При одномъ изъ нихъ мы находимъ вечерніе классы для 70—80 молодыхъ рабочихъ, которые зато обучаются рѣзбѣ на деревѣ и другимъ работамъ на кожѣ, желѣзѣ и пр., представляющимъ для нихъ развлеченіе послѣ ихъ однообразной фабричной работы. Дѣятельность „поселеній“ направлена вообще на удовлетвореніе „нуждъ“ окрестнаго населенія; въ кругъ этой дѣятельности входятъ: „митинги матерей“, классы для обученія, какъ вскармливать грудныхъ младенцевъ, библейскіе классы, музыкальные классы, воскресныя классы, устройство дешевыхъ хорошихъ обѣдовъ для рабочихъ, продажа дешеваго новаго и ношеннаго платья, посѣщеніе шкѣлъ для бѣдныхъ дѣтей, содѣйствіе благотворительнымъ обществамъ (Charity Organisation Society)—обществу оказанія помощи дѣвушкамъ, находящимся въ услуженіи (Maids), обществу оказанія помощи больнымъ дѣтямъ (Invalid Children's Aid Association), и пр. пр. По поводу послѣдней заботы мы читаемъ:— „Въ нѣкоторыхъ домахъ кровать маленькаго больного является единственнымъ свѣтлымъ мѣстомъ (spot of brightness): ни брань, ни угроза, не достаются на его долю, и болѣе мягкое выраженіе осѣняетъ лицо матери, когда она говоритъ о немъ или смотритъ на него. Задача „поселенца“—доставить больному ребенку друга, который заботится о немъ и дѣлаетъ все, что любовь и здравый смыслъ въ данномъ случаѣ ему внушаютъ“...

Эти слова, какъ намъ кажется, лучше всего выражаютъ общій принципъ, вызывающій и отличающій дѣятельность „университетскихъ поселеній“, это *ополченіе* англійской „интеллигенціи“ на служеніе *народу* и соединеніе съ нимъ. Много великаго уже совершила, въ теченіе вѣковъ, англійская филантропія—какъ обязательная, такъ и добровольная; нынѣ ей нужно отдать справедливость, что она выработала и внесла въ свое дѣло новую высокую идею. Ея поборники, не довольствуясь благотвореніемъ, пытаются войти въ душу народа (get into the lives of the people); хотятъ въ личномъ общеніи съ простымъ народомъ озацаться *друзьями* и приобрести *друзей*; не ограничиваясь дружескимъ расположеніемъ къ народу, они стараются проникнуть *глубже* (dig deeper) и помимо внѣшней помощи дать народу то, что можетъ существенно измѣнить его жизнь.

Изъ настоящаго очерка видно, какъ англійское общество, благодаря своимъ житейскимъ условіямъ, своему общественному воспитанію и своему практическому смыслу, постигло идею сближенія съ народомъ въ ея *культурномъ* и прогрессивномъ значеніи, и повсюду друзьямъ народа надлежитъ привѣтствовать это новое отрадное явленіе на пути единенія культурныхъ классовъ съ народомъ, не фантастическаго и безплоднаго, а полезнаго для обѣихъ сторонъ.

В. ГЕРЬЕ.

ДУМА

По времени—день; а дня нѣтъ изъ окна!
Одинъ, въ полутьмѣ, я сижу у каминна;
И грезится все мнѣ картина одна—
Просторна, привольна и свѣта полна,—
То сельская прошлаго лѣта картина.

И вотъ отчего она памятна мнѣ:
Быль праздникъ природы—пора сѣнокоса;
Сидѣлъ я на свѣжей, душистой копнѣ;
Въ лугу—никого; только конны однѣ
Въ окраскѣ лучей, уже падавшихъ косо.

И я любовался на видѣ мнѣ родной—
Красивый, но скромный; простой, но могучій;
И такъ былъ безмолвенъ природы покой,
Что не было слышно, въ сосѣдствѣ со мной,
Шуршаніе листьевъ березы плакучей.

И вскорѣ возникла изъ глуби души
И въ даль унесла меня тихая дума...
Такъ птица большая, средь полной тиши,
Вспорхнетъ изъ лѣсной, сокровенной глуши
И рветъ подъ небомъ безъ крика и шума.

Мнѣ вспомнился рядъ дорогихъ мнѣ могилъ.
Друзей и родныхъ мной утрачено много.
И думалось мнѣ: я ихъ всѣхъ схоронилъ,
А все еще жизненныхъ полонъ я силъ...
За что же мнѣ милость такая отъ Бога?

Оплоть непреклонныйъ высокихъ началъ,
 Меня исповѣдаться вызвала совѣсть.
 Мой словно двойникъ предо мною стоялъ;
 Онъ ставилъ вопросы, а я отвѣчалъ;
 И жизни слагалась правдивая повѣсть.

И онъ, о моей размышляя судьбѣ,
 Ропталъ и скорбѣлъ, что могучаго слова
 Звѣждительный даръ зарывалъ я въ себѣ;
 И притчи Христа о лукавомъ рабѣ
 И зернахъ погибшихъ напомнилъ сурово.

На рѣчь же мою, что готовлюсь къ труду;
 Что сердцемъ я чуютъ; что умъ еще свѣтелъ;
 Что праздности прежней исправить бѣду
 Я силы живыя ищу и найду—
 „Ужъ поздно!“ —двойникъ мнѣ печально отвѣтилъ.

Я исповѣдь кончилъ. Итакъ, искупать
 Не время мои прегрѣшенья... Ужъ поздно!
 Отжитая жизнь не направится вспять;
 Не время собираться, нельзя начинать,
 Когда ужъ конецъ приближается грозно.

Межъ тѣмъ всю окрестность задернула мгла;
 Ни дали не вижу, ни близкой березы...
 Не тьма наступила, не ночь ужъ пришла,—
 Но камнемъ на сердце тоска налегла
 И зрѣнья затмили нежданная слезы.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Декабрь 1896 г.

КНЯГИНЯ

Романъ въ двухъ частяхъ.

XIV *).

Въ церкви Большого Вознесенія отошла поздняя обѣдня, и только въ одномъ придѣлѣ и оставалось нѣсколько богомольцевъ. Около дверей, по другую сторону свѣчнаго шкапа — дожидался ливрейный лакей въ траурѣ.

Кунгуровы съ племянницами служили панихиду въ сорововой день по кончинѣ ихъ матери.

Сестры, въ длинныхъ ереповыхъ вуаляхъ, какъ только раздался первый минорный возгласъ дьякона — точно по командѣ опустились на колѣни и начали утирать глаза платкомъ съ широкимъ траурнымъ бордюромъ.

Вѣра первая предложила дѣвицамъ отстоять и обѣдню. Онѣ согласились, но, кажется, безъ особаго усердія; а князь пріѣхалъ только въ самому началу панихиды. Онъ сталъ справа отъ того мѣста, гдѣ служили, около паникадилъ, въ тѣни. На его лицо не падало никакой панихидной тѣни. Лицо было неприятно возбуждено, съ пятнами на щекахъ, почти бурое. Наканунѣ онъ очень поздно пріѣхалъ изъ клуба, и жена его предполагала, что онъ проигралъ порядочную сумму.

Князь Вадимъ Дмитриевичъ выпячивалъ губы и щипалъ бороду лѣвой рукой; а правой, по-дворянски, „чистилъ пуговицы“. Это купеческое выраженіе ея сестры Антонида пришло сейчасъ

*) См. январь, 34 стр.

на память Вѣры, когда она боковымъ взглядомъ окинула своего мужа. Черезъ каждую минуту онъ перебиралъ ладонью правой руки по бортамъ весенняго пальто изъ мохнатого драпа.

Конечно, онъ въ эту минуту не уносится душой „въ горнюю обитель“. Да и когда онъ въ нее уносится? За православіе онъ стоитъ горой, любитъ строить фразы о частотѣ русскаго христіанскаго „смиренія“, но въ немъ самомъ нѣтъ ни капли истинной вѣры, наивнаго трепета или глубокаго чувства того, что надъ нами, надъ нашей судьбой царитъ Высшая Воля. Ни капли! Да и не въ немъ одномъ.

Прежде, до замужества, Вѣра думала, что въ высшемъ дворянскомъ быту живетъ настоящее благочестіе, безъ изувѣрства и мертвой буквы. По крайней мѣрѣ, въ старинныхъ семьяхъ, съ „традиціями“. Тамъ постытся, служатъ часто молебны, приглашаютъ умныхъ священниковъ, постомъ происходятъ „собесѣдованія“, любятъ дѣлать визиты „преосвященнымъ“, о предметахъ религіи не говорятъ никогда шутливо, пѣхота не вольнодумствуютъ.

И это ей скорѣе—нравилось. Она находила тогда, что только у этого слоя дворянскаго класса и есть связь съ народомъ на почвѣ вѣроисповѣдной. И во многихъ купеческихъ семьяхъ она видала богомольность, строгое исполненіе обрядовъ, нерѣдко христіанское смиреніе и „страхъ Господень“, особенно у пожилыхъ женщинъ; но обрядность преобладаетъ, безъ крестьянской простоты и наивности. Ей казалось тогда, что въ стародворянскомъ кругу все это выше сортомъ: надъ буквой и обрядомъ господствуетъ духъ.

Въ эти два года она достаточно присмотрѣлась. Да, въ двухъ-трехъ пожилыхъ барыняхъ она находила серьезное чувство и сознательное исполненіе всего, что освящено преданіемъ. Мужчине — особенно пожилому — не встрѣтила еще ни одного, въ которомъ сочилась бы струйка внутренняго настроенія. Точно также въ молодыхъ дамахъ; о дѣвицахъ и говорить нечего.

И въ нѣкоторыхъ домахъ, гдѣ соблюдали всѣ обряды, это смахиваетъ на игру въ высшую порядочность. Она сказала бы: похоже на исполненіе дворянскаго кодекса. Одни молились по-католически, другіе на лютеранскій манеръ, кое-кто съ оттѣнкомъ тоже привознаго мистицизма, во вкусѣ Редстова или петербургскихъ анабаптистовъ.

Нигдѣ она не находила того воздуха теплой „нутряной“ вѣры, какъ у своей матери Степаниды Фодотовны. Та была благочестива, безъ всякихъ ужимокъ, и когда у ней вырывались слова,

тѣ слышался голосъ души, которая „ходить подъ Богомъ“—ей всегда дѣлалось тепло и молодо.

Она хранила въ себѣ дѣтскую вѣру и провела ее сквозь чтеніе всѣхъ книгъ, которыя могли окунуть ее въ „разъѣдающій“ скептицизмъ. Такою выходила она замужъ. Ей нравилось то, что князь Вадимъ Дмитриевичъ вѣрующій и высоко чтить законъ, пришедшій изъ Византии и ставшій для великорусскаго народа его духовнымъ достояніемъ. Но не прошло полгода, какъ она начала разглядывать всѣ „устои“ своего мужа. Онъ былъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на большинство людей своего круга—мужчинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ. Внутри—ничего, кромѣ, быть можетъ, съ дѣтства развитого страха передъ смертью. Но никакой дѣтской наивности, никакой теплоты, ничего похожего на то, что бодритъ и окриляетъ душу каждой даже старухи-нищенки—вонъ изъ тѣхъ, что стоять теперь на паперти Большаго Вознесенія.

И чѣмъ больше она входила въ барскую жизнь, тѣмъ сама дѣлалась все суше и равнодушнѣе. Не помнила она, чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ у нея вышелъ хоть одинъ разговоръ съ мужемъ, съ глазу на глазъ, „о спасеніи души“—какъ выражается Степанида Фодотовна. Работа критической мысли тоже не тревожила ее. И ей не разъ сдавалось, что лучше уже дойти до утраты вѣры, чѣмъ прозябать въ такомъ безразличіи.

Но она ни съ кѣмъ не говорила объ этомъ сама—ни съ Остожинымъ, ни съ Слѣпневымъ. Изъ дамъ ея лѣтъ ни съ одной и не приходило ей на умъ завязать подобный разговоръ.

Вѣра полузакрѣла глаза и опустила на колѣни, когда дьяконъ выговаривалъ возгласъ: „О еже проститеса ей всякому прегрѣшенію вольному же и невольному“...

Она опустила на колѣни не отъ внезапнаго волненія. Въ сердцѣ ея не было печали по усопшей—она не хотѣла лгать. Скорѣе печаль совсѣмъ личная закралась къ ней въ душу. О смерти она рѣдко думала—считала это малодушіемъ. Панихида всегда на нее дѣйствовала—и всего чаще ею овладѣвалъ страхъ за мать. Той уже идетъ шестьдесятъ-седьмой годъ, и Вѣра знала, что мать—съ болѣзнью печени, и припадки дѣлаются все чаще и чаще.

Она поглядѣла въ сторону племянницъ. Обѣ опять стояли на колѣняхъ, но уже не плакали. Ихъ вуали и плѣрезы вокругъ шеи, и рукавички—все это говорило ей о цѣлой вереницѣ всякихъ барскихъ дразгъ, черезъ какія она должна еще будетъ

пройти до тѣхъ поръ, пока эти двѣ барышни живутъ въ домѣ ея мужа.

И князь Вадимъ Дмитріевичъ стоялъ въ небрежной позѣ, взявшись рукой за край паникадила. Онъ даже и не „чистилъ пуговицы“. Ничто въ эту минуту, никакой общій порывъ не соединялъ ихъ—четыре существа, принужденныя жить подъ одной кровлей.

Теперь она и про себя, въ тиши своей спальни — если въ домѣ все спитъ, а мужъ не возвращался еще изъ гостей или изъ клуба—врядъ ли способна унести въ минутамъ сладкой и жуткой вѣры, когда, бывало, она проснется и слышитъ гулъ колокола зимней заутрени. Ее не брала съ собой нянька, а мать рѣдко бывала на ночной службѣ.

Припомнились ей худенькое лицо и вся фигура чернички — изъ дворянокъ. Мать не очень любила монашекъ и разныхъ „побирушекъ“. Но эта „странница“ была особенная. Звали ее Пелагея Дормидонтовна. Она родилась гдѣ-то на Волгѣ, въ чиновничьей семьѣ, осталась сиротой съ маленькими денежками. Ее приняли въ „бѣлицы“ въ монастырь. Большая она была рукодѣльница, вышивала золотомъ, вязала шерстяныя туфли, разъ въ годъ привозила продавать монастырскій товаръ въ Москву. Но подолгу она не могла оставаться въ своей кельѣ. Непремѣнно—какъ лѣто — уйдетъ куда-нибудь на поклоненіе—то къ Троицѣ, то въ Оранскую обитель, то въ Ростовскимъ чудотворцамъ... Въ Киевѣ бывала много разъ.

И такъ она „вкусно“ рассказывала про свои хожденія, сидя въ дѣвчечьей комнаткѣ, за самоваромъ. Вѣра залзетъ на сундукъ, подопретъ кулачкомъ щеку, устремитъ на „черничку“ свои большіе глаза и слушаетъ... слушаетъ безъ конца.

Изъ рассказовъ Пелагеи Дормидонтовны привлекательнѣе всѣхъ были для Вѣры про Саровскую пустынь, въ лѣсахъ Нижегородскаго края, гдѣ спасался старецъ Серафимъ. До сихъ поръ она помнитъ картинку, гдѣ старецъ въ лѣсу приручалъ медвѣдя и ходилъ за пчелами. Пелагея Дормидонтовна своимъ надтреснутымъ высокимъ голосомъ съ умиленіемъ представляла ей все это въ лицахъ. И дѣвчечѣ хотѣлось самой уйти въ „скитъ“, жить съ птицами и звѣрами, сажать цвѣты, черпать студеную воду изъ ключа ковшикомъ, сдѣланнымъ изъ бересты, быть похожей на „ангела“.

Пелагея Дормидонтовна недолго жила, схватила чахотку—сильно простудилась дорогой, идя пѣшкомъ съ богомолья по дремучимъ лѣсамъ.

И послѣ уже ни у кого Вѣра не находила такой дѣтски-трепетной души, такого слиянія съ природой, съ людьми, съ откровеніемъ, съ возможностью и вездѣприсутствіемъ чуда, съ жаждой подвига и умиленнаго смиренія.

Голосъ дьякона внезапно прервалъ ее мечту.

— „О блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи“...

Она опять опустилась на колѣни и закрыла глаза. Этотъ зауповойный возгласъ панихиды всегда разстраивалъ ее. На рѣсницахъ она почувала слезинки, но не захотѣла отирать ихъ платкомъ: это могло показаться ей племянницамъ „фарисействомъ“.

И тотчасъ же ею овладѣло все то же дворянское настроеніе — что-то дѣланное и дряблѣе, подчиненное одному безконечно тягучему ритуалу — и здѣсь, на этой панихидѣ, и у себя дома, и въ гостяхъ, и въ деревнѣ, — вездѣ.

Князь двинулся съ своего мѣста. Барышни заплакали въ разъ и потомъ начали довольно громко сморкаться.

Ни одна изъ нихъ не подошла къ ней и не поцѣловала ее. И въ сторону своего родного дяди онѣ не сдѣлали такого движенія, которое показывало бы желаніе прильнуть къ нему.

— Tu prendras les petites? — спросилъ ее мужъ. — J'ai des courses à faire.

— Très bien, — беззвучно отвѣтила Вѣра и подумала: „вѣдь надо еще отвѣдать кутьи и заплатить священникамъ“.

Князь куда-то заторопился.

XV.

— Графиня дома? — увѣренно сказала Вѣра лакею, пропустившему ее наверхъ.

— Дома, пожалуйста.

Особнякъ графини Боровицкой очень ей нравился — въ одинъ этажъ, съ лѣстницей въ нѣсколько ступеней, изъ передней. Весь онъ дышалъ особой радушной порядочностью отдѣлки, немного на старинный ладъ, безъ тѣхъ нынѣшнихъ „ненужностей“, которыя раздражали Вѣру и у себя, дома.

И переулочекъ, гдѣ стоялъ особнякъ графини, сохранилъ въ себѣ что-то добродушное и порядочное. Онъ весь состоялъ изъ небольшихъ домовъ, съ фронтонами, мезонинами и палисадниками.

Домъ графини достался ей въ приданое и она имъ немного гордилась. Здѣсь когда-то собирался кружокъ Станкевича. Ея отецъ былъ съ нимъ пріятель. Эти стѣны видали Герцена, Ога-

рева, Грановскаго, Сатина, слышали раскаты Кетчеровскаго хохота. Происходили тутъ и пренія съ славянофилами. Хомяковъ ломалъ копыя съ западниками и, когда нужно, пускалъ въ ходъ цитаты, которыхъ потомъ нигдѣ нельзя было найти. Сама графиня не помнила этого времени—отецъ ея умеръ еще молодымъ, но мать, умершая недавно, годами рассказывала ей про это время.

Изъ всѣхъ „большихъ“ барынь графиня Татьяна Львовна одна только и привлекала Вѣру. Она не заискивала въ ней и не „обезьянила“, какъ думаетъ ея мужъ, а заняла при ней положеніе молодой женщины, признающей ея авторитетъ, безъ всякой лести и подлаживанья. И до сихъ поръ графиня ни въ чемъ не дала ей почувствовать того, что она—выше ея по происхожденію и связямъ. Ни повровительственнаго тона, ни фамильярности, а всегда милый, искренній пріемъ и желаніе показать—какъ она дорожитъ такой „сотрудницей“ и какъ цѣнить серьезность и развитость Вѣры.

Графиня вдовѣтъ уже четвертый годъ, и Вѣра не знавала ея покойнаго мужа. Дѣтей при ней нѣтъ: дочь замужемъ за секретаремъ посольства гдѣ-то на югѣ Европы, а сынъ—военный, и, кажется, не очень ее утѣшаетъ. Но она не любитъ жаловаться, хотя Вѣра не замѣчала въ ней никакой скрытности.

Сегодня ей особенно пріятно было ѣхать къ графинѣ послѣ визитовъ, гдѣ такъ много болтали всякаго „чисто дворянскаго“ вздору, и съ прибавкой разныхъ выходовъ противъ всего, что ей до сихъ поръ дорого въ русскомъ обществѣ. Одна барынька, считающая себя необыкновенно остроумной, на разные лады произносила слово „интеллигенція“ съ звукомъ „х“ вмѣсто „г“ и вызывала общій смѣхъ.

Ничего подобнаго отъ графини не услышишь, потому ее в считаютъ „восторженной либералкой“,—всѣ, начиная съ князя Вадима Дмитріевича до послѣдняго дворянчика, состоящаго въ домашнихъ шутахъ у какого-нибудь милліонщика по „пунцовой части“.

Графиня сидѣла у большаго стола и раскладывала на немъ разныя вещи—вышиванья, коробочки, рисунки—для лотереи въ пользу одного изъ своихъ обществъ.

Она одѣвалась и причесывалась какъ старуха, но лицо и въ сѣдыхъ волосахъ смотрѣло еще очень молодо, съ ровнымъ и свѣжимъ цвѣтомъ твердыхъ щекъ. Красивый овалъ, очертанія носа и взглядъ карихъ глазъ выказывали тонкость породы.

— А, милая моя! Какъ вы встали!.. Вы мнѣ поможете, не правда ли?

Она немного привстала, чтобы поздороваться съ Вѣрой. Обѣ были почти одного роста, и графиня, въ черномъ платьѣ и такой же короткой мантильѣ, держалась очень прямо.

Сейчасъ же онѣ обѣ стали „работать“ и разговоръ пошелъ тихій, какъ бы между двумя пріятельницами неодинаковыхъ лѣтъ. Вѣра желала со временемъ выработать себѣ такой же тонъ, какъ у графини—ровный, мягкій, съ ласковыми переливами голоса. Самый звукъ его ей нравился, немного точно вздрагивающій и низковатый.

Графиня только-что начала ей рассказывать про свой визитъ къ одному должностному лицу, съ которымъ слишкомъ часто приходилось имѣть дѣло, какъ лакей въ дверяхъ доложилъ:

— Господинъ Остожинъ!

Графиня сказала: „проси“, и поглядѣла на свою гостью. Вѣра чуть замѣтно покраснѣла. Она никогда не встрѣчала здѣсь Остожина и только тутъ вспомнила, что онъ съ графиней знакомъ.

Это похоже было на уговоръ. Всякая другая барыня, кромѣ графини, заподозрила бы ее.

Вѣра неловкимъ жестомъ подала руку Остожину и даже ничего ему не сказала.

Остожинъ улынулся ей глазами, какъ бы хотѣлъ сказать: какъ онъ радъ этой встрѣчѣ; но тотчасъ же, отдавая поклонъ графинѣ, весь какъ-то подтянулся и сѣлъ въ нѣсколько напряженной позѣ, какой Вѣра давно не видала у него.

Ей сдавалось, что Остожинъ въ свѣтѣ, тамъ, гдѣ хозяйка дѣйствительно принадлежитъ къ старо-дворянскому обществу, держать себя гораздо суше, съ отгвѣномъ не „важничанья“, а чопорности, что онъ желаетъ поддержать свое высокое личное достоинство.

И графиня тоже подтянулась, и сейчасъ же завела „умный“ разговоръ. У ней была маленькая слабость показать свою начитанность, а главное—то, что она вѣрна лучшимъ „традиціямъ великой эпохи“, и что за границей она жила не такъ, какъ другія русскія дамы. Когда ее дочь была еще дѣвушкой, онѣ ходили въ Парижъ на разные курсы, знакомились съ профессорами и писателями. Любимый разговоръ графини былъ объ авторѣ „Жизни Иисуса“.

На вопросъ ея—не собирается ли Остожинъ за границу и куда—онъ отвѣтилъ, что думаетъ ѣхать не раньше января на

цѣлый годъ, сначала въ Италію, работать въ архивахъ Венеціи и Равенны, а потомъ на цѣлое полугодіе въ Англію.

Графиня почему-то не особенно благоволила къ англичанамъ и не въ примѣръ барынямъ ея времени не любила франтить англійскимъ жаргономъ, хотя языкъ знала хорошо и съ дѣтства говорила на немъ.

— Ахъ, ш-г Остожинъ!—вдохнула она громко.—Вы все съ вашей Англіей. Не знаю—какъ она вамъ не надоѣла!

— Я бы могъ сдѣлать вамъ, графиня, тотъ же вопросъ. Если выбирать между этими двумя націями, то, право, не знаю: чѣмъ теперь пріятнѣе быть—англоманомъ или галломаномъ. Признаюсь, то, что теперь дѣлается во Франціи, могло бы отрезвить насъ... насчетъ воображаемыхъ друзей... И что всего забавнѣе,—Остожинъ обернулъ голову въ сторону Вѣры—что всего забавнѣе,—повторилъ онъ:—меня безпрестанно угощаютъ возгласомъ: „Ну, ужъ ваши французики!“... Ха, ха, ха! Мои французики! Ужъ если они чьи-нибудь, то ваши, графиня!..

Онъ еще разъ засмѣялся короткимъ и сухимъ смѣхомъ.

Щеки графини пошли вдругъ пятнами. Вѣра сама знала за ней пристрастіе къ французамъ—не такое, какъ у многихъ пустыхъ старухъ и барынекъ, а съ налетомъ идеализаціи. А Остожинъ только нѣкоторыя имена, изъ самыхъ громкихъ, произносить съ уваженіемъ, вообще же не любить „нынѣшнихъ“ французь, и она съ нимъ во многомъ согласна.

Но тутъ она не хотѣла брать ни ту, ни другую сторону. Графиня умная женщина, и одна сумѣетъ защищать себя и свои взгляды.

Обыкновенно графиня сохраняла ровный и мягкій, увѣренный тонъ, а тутъ она сразу начала замѣтно волноваться.

Въ немного сладковатой манерѣ она стала перебирать свои воспоминанія о парижскихъ курсахъ Collège de France и Сорбонны. Явилось и имя Ренана.

Остожинъ сидѣлъ все съ той же усмѣшкой въ глазахъ и, отъ времени до времени, какъ бы искалъ взгляда Вѣры. Она нарочно не смотрѣла на него, чтобы это не имѣло вида какой-то стачки. Графиня все сильнѣе волновалась и говорила уже съ оттѣнкомъ нѣкоторой обиженности, точно будто напали на что-то ей особенно близкое. Ея доводы не отвѣчали, однако, на то, что слышалось въ презрительныхъ фразахъ Остожина. Не о такой Франціи говорилъ онъ. Она впала—и въ первый разъ при Вѣрѣ—въ довольно слащавую фразеологию, и слишкомъ все сводила на личныя впечатлѣнія и знакомства. Онъ же представлялъ

собою—хотя и въ неприятной формѣ—мужской умъ и знаніе, безъ всякой сантиментальности. Все, что онъ говорилъ, подтверждалъ онъ не одними своими впечатлѣніями, а выводами изъ огромнаго ряда фактовъ.

— Какъ же вы, графиня, — слышался Вѣра отчетливый и слегка вибрирующий голосъ Остожина: — вы, кому такъ дороги извѣстныя традиціи — вы не возмущаетесь тѣмъ, какъ теперь въ Парижѣ тамошняя интеллигенція смотритъ на все, что творится въ нашемъ отечествѣ?

— Кто же больше дружить съ нами? — тяжело дыша, спросила графиня.

— Изъ-за того, что имъ нужно побить нѣмца — имъ однимъ это никогда не удастся — они впадаютъ въ такое... какъ бы это парламентски выразиться... въ такое подхалимство... Извините, графиня, я иначе не умѣю выразиться. И вамъ не обидно, что всѣ эти радикалы, способные у себя на какія угодно выходы противъ своихъ властей и противъ всего, что имъ желательно втоптать въ грязь — навязываютъ каждому изъ насъ какую-то маниловщину? Мы должны блаженствовать, потому что они наши друзья и у насъ нѣсколько миллиардовъ ихъ денегъ! Точно мы не смѣемъ имѣть ни идей, ни желаній, ни законнѣйшихъ требованій? Тридцать лѣтъ назадъ мы были „mangeurs de chandeliers“; но тогда всякій полицейскій комиссаръ допускалъ, что мы имѣемъ право кое-чѣмъ быть недовольными и жаловаться. А теперь?...

— Все-таки это великая нація! — почти со слезами выговорила графиня, взялась за платокъ и тревожно оглянулась на лверь своей спальни.

Вѣра хотѣла тихонько спросить ее: не нужно ли ей принести чего-нибудь?

— И грѣшно, грѣшно, monsieur Остожинъ, вамъ... ученому европейцу, такъ зло относиться... Pardon!.. Сію минуту.

Графиня поспѣшно поднялась и вышла.

Остожинъ и Вѣра разомъ взглянули другъ на друга.

— Что съ ней? — спросилъ онъ, слегка пожавъ плечами.

— Вы уже очень.. Владиміръ Григорьевичъ...

— Ничего лишняго я, кажется, не позволилъ себѣ...

Онъ не договорилъ и повелъ губами.

И въ этой минѣ его лица Вѣра прочла:

„Всѣ-то вы такъ — женщины. Не умѣете вести никакого серьезнаго разговора. Только все ощущенія да сантиментальные, скороспѣлые выводы“.

Она не могла не согласиться съ нимъ. Въ какихъ-нибудь четверть часа личность графини покачнулась въ ея глазахъ. Когда она входила сюда, она считала эту старую барыню гораздо крупнѣе по своему умственному складу и характеру. Ей было непріятно сознавать это; но она не могла лгать самой себѣ.

— Pardou...—раздался отъ портьеры голосъ графини.

Она сѣла на прежнее мѣсто. Видно было, что она смочила виски одеколономъ и что-нибудь приняла внутрь. Запахъ валерьяны сейчасъ же далъ о себѣ знать.

Остожинъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ и, уходя, сказалъ съ широкимъ поклономъ:

— Извините, графиня, что я напалъ на такую чувствительную для васъ тему.

Она ничего не отвѣтила и принужденно улыбнулась ему на прощанье.

Когда онѣ остались вдвоемъ съ Вѣрой, графиня вполголоса, нагнувъ къ ней голову, выговорила:

— Выше звѣзды ходячей себя ставить. И корчить изъ себя лорда. А, кажется, его дѣдъ былъ выслужившійся кутейникъ.

Тонъ этихъ словъ прошелся болѣзненно по нервамъ Вѣры. Она и Остожинъ были все-таки для этой барыни—разночинцы, которые не должны „забываться“, какъ бы ни были умны и учены.

XVI.

Биллиардная тонула въ пріятномъ, расслабляющемъ полусвѣтѣ.

Только-что кончился большой обѣдъ, какіе даются разъ въ недѣлю. Члены и гости разбрелись по обширному помѣщенію клуба. За нѣсколько столовъ уже засѣли игроки. Въ проходной комнатѣ, гдѣ былъ приготовленъ кофе, еще оставалось не мало народу.

На первомъ, очень низкомъ диванѣ, слѣва отъ входа—разлегся князь Вадимъ Дмитріевичъ Кунгуровъ и съ нимъ его двоюродный братъ Погулянинъ, пріѣхавшій въ Москву наканунѣ.

Лакей подставилъ имъ столикъ съ двумя чашками и бутылкой желтаго шартреза.

Оба плотно покушали, и шампанскаго было выпито двѣ бутылки, не считая тѣхъ стакановъ, которые пришлось принимать отъ знакомыхъ по клубному обычаю.

Щеки обоихъ пылали, и глаза князя задорно щурились.

Его родственникъ былъ выше его ростомъ, смугль, точно

цыганъ, съ казацкими усѣми и взъерошенной гривой черныхъ волосъ. Рыбки замѣтно залегли у него на щекахъ и около крыльевъ широкаго, вздернутаго и мясистаго носа. На немъ мѣшковато сидѣлъ длинный по модѣ скрутокъ при бѣломъ жилетѣ. Онъ любилъ украшенія. Въ цвѣтной галстухъ была воткнута дорогая булавка и на двухъ пальцахъ блестяли перстни.

Погулянинъ говорилъ раскатисто и картаво, съ дворянской оттяжкой голоса, какъ говорятъ красобан и пересмѣшники. Большіе глаза съ густыми рѣсницами постоянно смѣялись на особый самодовольный ладъ.

Оба кузена были возбуждены, кромѣ пряной ѣды и стакана шампанскаго, и тѣмъ, что вышло на ихъ углу большого стола въ концѣ обѣда.

— Что, Вада,—спросилъ Погулянинъ, удобно размѣщаясь на диванѣ:—не дурно я отбрилъ того либералишку?

— Подъ воскъ отдѣлалъ!

— Да вѣдь меня, голубчикъ, досада разобрала! Этакій эскс-профессоръ... Прогнали его честно-благородно по третьему пункту. Ну, и благодари святыхъ угодниковъ за то, что „ко Іисусу“ не потянули. Ты помнишь, еще въ позапрошлую зиму... намъ Шура Полозовъ показывалъ тетради свои... Какіе тамъ камуфлеты этотъ самый разжалованный умникъ выкидывалъ. Прямо—измѣнникъ своей присягѣ. Да еще смѣетъ играть въ мученика... Вы ихъ очень здѣсь избаловали, дѣтиньки!..

Слово „дѣтиньки“ было одной изъ любимыхъ прибаутокъ Погулянина.

— Я никогда и никому не спускаю,—выговорилъ князь:—только рубъ не хочется марать.

— А потому, миленькіе мои, что вы сюда всякой дряни напустили.

— Это точно,—согласился князь и поглядѣлъ вслѣдъ одному члену—брюнету въ золотыхъ очкахъ, проходившему въ читальню.

— Ну, вотъ этотъ гусь,—громкимъ шопотомъ указалъ Погулянинъ:—это тотъ самый, что сталъ тоже хорохориться въ обличительномъ духѣ. Кто онъ?

— Адвокатишка какой-то.

— И судя по физіи—жидъ?

— Кажется, православный.

— Ну такъ перекрестъ. Эти еще гнуснѣе. Я сейчасъ по его акценту призналъ,—даромъ, что онъ старается „говорить“ по-московски,—передразнилъ Погулянинъ и засмѣялся.

— Кажется, такъ.

— Навѣрно!.. Да и онъ ли одинъ? Что это за составъ? Два-три человека изъ настоящаго хорошаго общества... да нѣсколько „енараловъ“. Остальные... лекаришки, брехунцы-абламаты, чинуши, газетные писульки, купчики, актеры, а то такъ просто биржевые зайцы—колѣна Рувимова и Гадова.

Отъ этой остроты оба они разомъ разсмѣялись.

— Требуется очистки, — требуетъ, — повторилъ князь уже въ болѣе меланхолическомъ тонѣ. — Совѣстно дѣлается носить порядочное имя.

Онъ отпилъ изъ рюмки и сдѣлалъ грустную гримасу.

Въ немъ поднялось, именно въ эту минуту, чувство титулованнаго „Гедиминовича“, сознающаго, что онъ ничего не значить въ этомъ „первопрестольномъ градѣ“, гдѣ порода и преданіе не болѣе уважаются, чѣмъ въ „чухонской“ столицѣ съ ея выскочками и жуликами.

Для этого нужно имѣть положеніе или большую деньги. Ни того, ни другого у него нѣтъ. Служить по выборамъ онъ не пойдетъ. Это разореніе или приманка для карьеристовъ, мѣтающихся въ губернаторы. Въ этой окупечившейся Москвѣ „его степенство“ — фабрикантъ и оптовый торговецъ, учредители желѣзно-дорожныхъ обществъ и крупныхъ банковъ—взяли такую силу, что съ ними нельзя тягаться.

Только одна „деньга“ можетъ дать такому дворянину, какъ онъ, полную независимость. Вотъ почему и приходится пускаться въ дѣла. Въ своемъ кузенѣ Погулянинѣ онъ — къ счастью—нашелъ „драгоценнаго“ товарища съ дѣлецкой жилкой и смысленностью. Самъ онъ—не имѣетъ для этого технической подготовки; а Погулянинъ—отставной офицеръ, изъ ученыхъ, знакомъ съ механикой и съ химіей, былъ одно время и въ нѣмецкой выучкѣ, въ Карлсруэ и въ Цюрихѣ. Дѣло ихъ общества—обработка лѣсныхъ продуктовъ — пошло бойко, и теперь надо только увеличить оборотный капиталъ. Погулянина на здѣшнемъ денежномъ рынкѣ еще не знаютъ. Ни одинъ изъ нихъ не желалъ бы унижаться передъ „купчишками“ — зря или платить „жидовскіе“ проценты. Самая лучшая комбинація—на нее Погулянинъ и указывалъ сегодня—это обратиться къ тещѣ князя. У жены князь не хотѣлъ бы просить того капитала, какой остался еще у нея. У него—не хамская душа. Онъ—и въ супружескихъ отношеніяхъ стоитъ за извѣстную щепетильность и прежде всего ставитъ себѣ въ обязанность ограждать свое достоинство. Но на старуху надо произвести новое давленіе. Онъ это сдѣлаетъ самъ, не вмѣшивая Вѣры. Онъ уже успѣлъ сооб-

щитъ кузену, что на Святой „нанесъ“ визитъ старухѣ. Она не особенно „прыгала“ передъ нимъ; но онъ изучилъ отлично купеческій „гоноръ“: внутренно она была въ восхищеніи. И этотъ „ходъ“ князь считалъ чрезвычайно тонкимъ.

Погулянинъ, допивъ свой кофе и бросивъ окурокъ папирсы, вынулъ часы и, обнимая одной рукой спину князя, обlickнулъ его:

— Вады!

— Что, милый?

— Вѣра Тимоѣевна ждетъ насъ въ чаю.

— А который часъ?

— Да ужъ десятый... И отроковицъ твоихъ я еще порядкомъ не видаю... Онѣ тоже дома?

— Дома.

— Такъ ѣдемъ.

И, подмигнувъ, Погулянинъ сказалъ на ухо князю:

— Такъ ты жену не будешь просить? Это рѣшенное дѣло?

— Рѣшенное, Antoine... У старухи я буду самъ.

— Твоя жена считается умницей. Она должна понять, что это—богатѣйшее помѣщеніе капитала. Нынче на государственной рентѣ не очень разлакомишься. Глядишь, и у насъ заведутъ консоли въ два съ половиной процентика. Идемъ.

Оба прошли въ переднюю. Князь заглянулъ по дорогѣ въ одну изъ „усыпальницъ“. Въ ней двое похрапывали, растянувшись на кушеткахъ.

— Мертвые бо сраму не имутъ!—пошутилъ Погулянинъ. Безъ какой-нибудь прибаутки онъ рѣшительно не въ силахъ былъ обойтись.

Коляска ждала ихъ на дворѣ. Швейцаръ—безъ фуражки—подсадилъ ихъ обоихъ съ широкимъ поклономъ и сказалъ Погулянину:

— Рѣдко изволите къ намъ жаловать.

— Больно у васъ, старче, стало отшибать пархатымъ,—крикнулъ ему Погулянинъ, когда лошади тронули.

Швейцаръ пошелъ и пожалъ плечами: „и я, молъ, того же мнѣнія“.

Князь зналъ, что Вѣра Тимоѣевна съ трудомъ выноситъ его кузена. Она ничего не говоритъ въ такомъ духѣ; но ея манеру съ нимъ считаетъ онъ крайне брезгливою, между тѣмъ какъ Antoine зоветъ ее „кузиночка“ и ничѣмъ не показываетъ ей, что она—„урожденная дѣвица Финикова“.

Еслибъ не соображеніе насчетъ Степаниды Федотовны, онъ долженъ бы сдѣлать ей замѣчаніе. Они скоро будутъ собираться

въ деревню. Туда Погулянинъ станетъ очень часто наѣзжать. Съ какой же стати его женѣ, хозяйкѣ дома, держаться такъ сухо-пренебрежительно съ его двоюроднымъ братомъ, человѣкомъ прерасной фамилии, веселымъ и совершеннымъ „bon garçon“, хотя и безпощаднымъ во всякимъ нынѣшнимъ претензіямъ „разночливой интеллигенціи“?...

Коляска спускалась къ Арбатскимъ воротамъ.

Погулянинъ дотронулся до локтя князя.

— А каковы хоромы возводятъ?— вскричалъ онъ.— И навѣрно лабазникъ какой-нибудь.

— Угадалъ,— отозвался грустной нотой князь.— А знаешь ли, чей домъ тутъ споконъ вѣка стоялъ? Можно сказать, святиня Москвы.

— Навѣрняка стародворянскій?

— Да чей?

— Не знаю, душа моя.

Князь назвалъ имя одного изъ столповъ славянофильства— домъ, куда онъ когда-то попадалъ въ качествѣ неофита.

— А какъ же иначе?— откликнулся Погулянинъ и сдѣлалъ широкій жестъ по воздуху.— А возводятъ оныя чертоги какой-нибудь миткалевый король?

— Угадалъ! Ихъ степенство Федулъ Вакуловичъ!

И, точно вспомнивъ, что онъ женатъ на купчихѣ, князь смолкъ и сталъ смотрѣть въ другую сторону.

— И въ какомъ же, примѣрно, *итиль* будутъ эти палаты?

— Чортъ ихъ знаетъ!

— Въ индѣйскомъ? Аль опять въ ассирійскомъ, а то въ средневѣковомъ, рыцарскомъ? *Имз* все теперъ дозволяется. Забыли то время, когда они не смѣли даже цугомъ ѣздить.

— Забыли! Ха, ха, ха!

Смѣхъ князя звучалъ иронически. Когда его кузень указывалъ ему на строившіяся купеческія палаты, онъ, какъ разъ, обдумывалъ ходы своего дѣлового визита къ старухѣ Финиковой и подготавливалъ фразы, которыми надѣялся поддѣть ее.

XVII.

За княземъ Вадимомъ Дмитріевичемъ водились примѣты. Онъ ихъ не скрывалъ. Одно только не совсѣмъ шло къ его „вѣрности высокимъ преданіямъ“— встрѣча со священникомъ.

Онъ ѣхалъ въ низкой пролеткѣ московскаго фасона и огляды-

вался въ объ стороны. На Тверской ему попалось цѣлыхъ три ясы—и дальше—въ двухъ переулкахъ.

Можетъ быть, онъ не обратилъ бы на нихъ вниманія въ другое время—вѣдь въ Москвѣ „сорокъ сороковъ“ церквей,—но сегодня видъ каждой изъ этихъ расъ вызывалъ у него сжатіе въ груди.

Вчера онъ, не говоря ничего женѣ, послалъ сказать Степанидѣ Ѳедотовѣ, что навѣститъ ее около двухъ часовъ. Онъ зналъ, что Вѣра сегодня врядъ ли будетъ заѣзжать въ своей матери—она цѣлый день занята на благотворительномъ базарѣ въ манежѣ.

Посланный принесъ отвѣтъ, что Степанида Ѳедотовна благодарятъ за честь и будутъ дома объ эту пору.

Была у него мысль взять съ собою Погулянина. У него большое умѣнье найти подходящій тонъ со всякимъ народомъ. И разъ онъ попадетъ на зарубку своего „дѣла“—онъ хоть кого убѣдитъ. Но потомъ князь разсудилъ, что лучше сначала нащупать почву. Погулянинъ, пожалуй, смутитъ строгую и чопорную старуху своимъ шумливымъ краснобайствомъ, и шутками, и смѣхомъ. Съ этими „ѣрихонцами“, воспитанными „по-византійски“, надо непременно сдерживать себя, безъ подходовъ съ ними ничего не добьешься.

За нѣсколько сажень до дома Финиковой показалась опять яса, кажется дьякона, а не священника—онъ былъ слишкомъ молодъ и шелъ безъ палки. Но все-таки увѣренное настроеніе князя затуманилось, когда пролетка въѣзжала на чистый, какъ фарфоровое блюдо, асфальтовый дворъ.

Малому, отворившему наружную дверь, князь привѣтливо улыбнулся и спросилъ его даже:

- Какъ поживаешь?
- Слава Богу, ваше сіятельство.
- Христосъ воскрес!
- Во истину воскрес, ваше сіятельство.
- Степанида Ѳедотовна у себя?
- Пожалуйте... поджидаютъ.

Это ободрило князя. Онъ скинулъ съ себя быстро свѣтлое пальто на золотистой подкладкѣ и передъ зеркаломъ передней поправилъ волосы и галстукъ. На немъ плотно сидѣлъ застегнутый черный сюртукъ. И это было сдѣлано съ нѣкоторымъ расчетомъ на представительность всего облика.

Старуха поджидала его въ столовой, гдѣ уже блестѣлъ серебряный самоваръ. У нея сегодня, еще съ ночи, совсѣмъ разломилло крестецъ, и ей стоило не малаго усилія подняться и пойти

къ нему на встрѣчу. По лицу незамѣтно было, что ей нездоровится; только она больше обыкновеннаго горбилась.

— А Вѣруша что?—спросила Финикова, пожимая руку зятя.
—Здорова ли?

— Она сегодня весь день на базарѣ.

— Въ пользу бѣдныхъ? Гдѣ это?

— Въ манежѣ, Степанида Ѳедотовна.

— Простудиться тамъ ничего не стоитъ... Отовсюду дуеть... А бабенки молоды... въ легкомъ во всемъ. Да еще рукава эти нынѣшніе, точно пузыри надувные.

— Именно, Степанида Ѳедотовна.

Оба разсмѣялись.

— Ужъ вы, князь, извините меня—старую. Позвольте здѣсь остаться... И чайку, можетъ, откушаете?

— И весьма, Степанида Ѳедотовна.

Старуха нѣтъ-нѣтъ да и вскинетъ быстро рѣсницами на своего зятя. Она его видѣла насквозь. Ни съ того, ни съ сего не будетъ онъ такъ „милостиво“ обходиться съ нею. Чуетъ она—чѣмъ тутъ пахнетъ.

Но ни однимъ звукомъ или чертой лица не выдастъ она себя. У нея на все уже готовъ отвѣтъ.

Дѣлать „подходы“ мастера купцы, а не дворяне. Они, когда сойдутся на дѣловой разговоръ и каждый „ведетъ свою линію“, могутъ добрыхъ полчаса, а то и больше, пересыпать обо всемъ, начиная съ погоды, и только досыта утомивъ себя такимъ пересыпаньемъ изъ пустого въ порожнее—приступаютъ къ самой сути дѣла.

Князь почувствовалъ черезъ десять минутъ, послѣ второй чашки очень крѣпкаго чая, что онъ дольше не выдержитъ.

Да и унижительно ему показалось тянуть. Онъ считалъ себя смѣлымъ и былъ увѣренъ, что онъ ничего не боится, и всего менѣе своей жены.

— А у насъ съ Вѣрой гость—мой двоюродный братъ Погулянинъ; вы его не знаете, Степанида Ѳедотовна?

— Что-то не помню, князь. Боюсь солгать. А только я много слышана о немъ. Можетъ, имѣла разъ удовольствіе встрѣтить ихъ...

Глаза старухи прибавили:

„Когда я еще ѣздила къ вашему сіятельству“.

— Жалѣю, что вы его лично не знаете, Степанида Ѳедотовна. Талантливъ чрезвычайно... къ дѣламъ особенно способенъ.

— На службѣ?—спросила, не замутя воды, старуха.

— Нѣтъ, онъ въ отставкѣ. Мы вѣдь съ нимъ вмѣстѣ создали наше товарищество.

Князь посмотрѣлъ на тещу: „ты, молъ, матушка, не хитри; вѣдь я у тебя денегъ-то уже разъ просилъ“.

— А! Такъ это тотъ самый!—выговорила, какъ ни въ чемъ не бывало, Финикова.

— Да, добрыйша Степанида Федотовна,—продолжалъ князь, пододвигая къ ней свой стулъ:—вы тогда помните... я вамъ предлагалъ войти въ наше дѣло... и вы отнеслись съ нѣкоторымъ недоверьемъ. А дѣло растетъ. Если позволите, я могу васъ въ подробностяхъ познакомить съ нимъ. И вузенъ мой будетъ очень радъ... съ своей стороны, освѣтить вамъ, такъ сказать...

Глаза старухи усталились на него какъ будто внимательно и даже съ веселымъ выраженіемъ; но почему-то князь не сумѣлъ закруглить свою фразу, и рѣчь его оборвалась на полпути.

— Что-жъ!—отозвалась съ той же благодушной миной Финикова.—За васъ сердечно рада, да и за дочь мою также,—значительно добавила она.

Зять понялъ намекъ старухи, немного покраснѣлъ и завозился на стулѣ.

— Могу васъ завѣрить, добрыйша Степанида Федотовна,—замѣтилъ онъ болѣе дворянскимъ тономъ,—что я, какъ зѣницу ока, храню матеріальные интересы жены моей.

— Развѣ я что говорю... Вадимъ Дмитриевичъ?—вполголоса откликнулась старуха.

— И прошу васъ вѣрить,—продолжалъ князь въ томъ же приподнятомъ тонѣ,—что въ дѣлахъ мои отношенія къ княгинѣ Вѣрѣ Тимофеевнѣ самыя... такъ сказать, щекотливыя... Вотъ и теперь,—прибавилъ онъ помягче,—я не хотѣлъ вмѣшиваться Вѣру и ничего не говорилъ ей о моемъ намѣреніи обратиться къ вамъ.

Онъ нагнулъ голову и проглотилъ ложку клубничнаго варенья. Но когда взглянулъ потомъ на тещу, то понялъ, что она впередъ все уже „раскусила“ и втянуть себя въ дѣло не дастся. Глаза старухи смотрѣли ясно, скорѣе съ ласковымъ выраженіемъ.

„А! подлая!“—брызнулъ князь про себя. И ему тутъ же вспомнились слова лѣтописца—онъ любилъ щегольнуть ими: „переклюкала мя еси Ольга“.

Сдаться сейчасъ же, безъ боя, было бы постыдно.

— Вы понимаете, Степанида Федотовна, ни я, ни мой двоюродный братъ Погулянинъ не позволили бы себѣ предлагать вамъ что-нибудь на фуфѣ. Но наше товарищество идетъ блистательно. Только размѣры эксплуатаціи необходимо расширить. Вы это сами

прекрасно понимаете. Вы, до сихъ поръ, если не ошибаюсь—
стоитъ во главѣ...

— Наше дѣло—тихое, Вадимъ Дмитриевичъ. И позвольте
вамъ на чистоту сказать—ужь, Бога ради, не обидьтесь...

„Откажетъ—какъ пить дать!“—промелькнуло въ головѣ князя.

— Не буду спорить... Быть можетъ, вашъ братецъ и золо-
тыя горы вамъ доставить... Миѣ—старухѣ—въ такое дѣло вхо-
дить совсѣмъ невозможно. Заводъ... по москательной, выходитъ,
части? Чтѣ же я въ этомъ смыслу?

— Вашъ сынъ...

— Сына я не могу втагивать въ такое дѣло... да онъ и не
пойдетъ—ни подъ какимъ видомъ. Онъ и теперешней-то торгов-
лей нашей тяготится и по смерти моей навѣрно рѣшить ее въ
скоромъ времени. Онъ у меня—сами изволите знать—философъ.

— Стало, Степанида Федотовна,—князь поднялся съ своего
мѣста,—вы миѣ наотрѣвъ отказываете? А сумма была бы для
васъ весьма незначительна... Какихъ-нибудь тридцать-сорокъ
тысячь.

— Какъ же, батюшка, это за-глазно знать?—спросила Фи-
никова.—Въ чужомъ карманѣ считать трудно. Да и зачѣмъ? По-
нимаю—ваше положеніе, въ настоящую пору, не авантажное.
У каждого своя гордость есть. Слѣдственно, мой долгъ сказать
вамъ, какъ я сказала бы на духу: вы знаете, какъ Вѣра миѣ
дорога. Все, чтѣ я могу оставить ей, не обижая другихъ—я
оставлю. Но раньше смерти—передъ Богомъ и людьми—не могу
взять на себя отвѣта—распоряжаться ея же деньгами.

Старуха замолчала, громко перевела духъ и стала наливать
себѣ чаю.

Все это было выговорено ею такъ значительно и благородно,
что у князя не нашлось никакихъ доводовъ. Но онъ разсердился,
и нѣсколько бранныхъ словъ—про себя—проскочило въ его головѣ.

— На Москвѣ деньги водятся,—сказала Степанида Федо-
товна полушутливо.—Вы человекъ значительный... съ титуломъ.
Такіе есть и господа, которые даютъ ходъ предпріятіямъ...

— Однако,—всвричалъ насмѣшливо князь, берясь уже за
шляпу:—вы небось не уважете миѣ ни на одного изъ вашихъ
близкихъ знакомыхъ—милліонщиковъ.

— Да вотъ первый... нашъ свойственникъ—Умновъ, Степанъ
Петровичъ. У этого, доподлинно, денегъ куры не клюютъ. И
честь любить. Предложите ему быть предсѣдателемъ, ежели у
васъ общество имѣется.

— Благодарю за указаніе,—съ явной ироніей выговорилъ князь и сталъ прощаться.

— Какъ передъ истиннымъ Богомъ,—говорила ему вслѣдъ Степанида Фодотовна:—не могу, Вадимъ Дмитриевичъ, поступать не по совѣсти. Можетъ, и вы потомъ спасибо скажете.

„Шельма!“ —выругался про себя князь, когда сѣлъ въ пролетку.

XVIII.

Передъ обѣдомъ, оба вузена совѣщались въ кабинетѣ князя. Погулянинъ, въ военной синей тужурѣ, лежалъ на низкомъ турецкомъ диванѣ. Князь—въ креслѣ, около письменнаго стола.

— Такъ *бельмерочка* уперлась?—спросилъ Погулянинъ, щельнувъ, по-кадетски, языкомъ.—Или, можетъ, знаешь, какъ сваха гдѣ-то говорить про жениха... у Островскаго, кажется: „полумамши, да посовѣтамши“... а?

У него была привычка почти къ каждому вопросу приставлять звукъ „а“, если его что интересовало.

— Нѣтъ, братъ, наотрѣвъ, хотя и въ очень тонкой формѣ. Прошлась насчетъ благородства своихъ материнскихъ чувствъ.

— То-есть, въ какихъ же это смыслахъ?

— А вотъ видишь ли, Вѣра—ея любимая дочь.

— Это вѣрно... а?

— Положимъ... хотя я не понимаю такой любви.

Князь хотѣлъ связать: такой *хамской* любви.

— Когда въ нашемъ кругу мать особенно любить свою дочь—она не будетъ производить каверзы...

— Но тутъ штука въ томъ, Вадя,—перебилъ Погулянинъ, оглянувшись на дверь,—что Вѣра Тимофеевна ничего сама не просила. Ты, кажется, поделиватничаль, голубчикъ... а?

— Поделиватничаль,—подхватилъ князь и повелъ плечами:—это дѣло моихъ правилъ, мой другъ. Я не желаю давать женѣ права не только говорить, но и думать, что я ее эксплуатирую.

— Ну, поѣхаль! Само собою... Наши шляхетныя чувства при насъ остаются.

— И наконецъ у меня былъ прецедентъ. Ты забываешь.

— Въ прошломъ году?

— Именно. Тогда я крайне сожалѣлъ, крайне,—протянулъ князь и страхнулъ пепель съ папиросы,—о томъ, что вмѣшалъ Вѣру. Но все-таки это не оправдываетъ ея матери.

Князь сдерживалъ себя, не называлъ свою тещу никакими

Погулянинскими словами, въ родѣ „старушенціи“, или „ея степенство“. Онъ и передъ своимъ родственникомъ и компаньономъ не хотѣлъ унижаться до такихъ пріемовъ. Купчиха Финикова была *ею* теща, и Вѣра Тимоѣевна, ея дочь—*ею* жена.

Оба эти ударившіеся въ аферы дворянина—князь побольше, Погулянинъ поменьше—искренно считали себя неизмѣримо выше, по своимъ „правиламъ“, и старухи Финиковой, и всякаго „хамья“. И въ то же время каждому изъ нихъ хотѣлось теперь одного: какимъ бы то ни было способомъ разбогатѣть, добиться того, чтобы акціи ихъ товарищества загремѣли на биржѣ, вызвать игру на повышеніе, довести ихъ до извѣстной цѣны, тогда продать и уйти—по добру по здорову.

Любви къ дѣлу не было ни малѣйшей у князя Вадима Дмитриевича; а въ Погулянинѣ пока игралъ еще задоръ самоучки и умника, желающаго „утереть носъ“ всякимъ „іерихонцамъ“, кто бы они ни были: купцы, иностранные техники, или свои ученые изъ тѣхъ, что набираются „разрывныхъ“ началъ въ разныхъ спеціальныхъ заведеніяхъ.

— Однако, Вадя,—заговорилъ онъ, облокотившись о валькъ дивана:—обидно будетъ, душа моя, такъ, какъ, не солоно хлѣбавши, отчалить отъ твоей „бельмерки“... Пусти меня къ ней самолично... а?

— Я ничего не имѣю противъ этого. Но скажу тебѣ откровенно—она противъ тебя видимо предубѣждена. Тебя-то она и считаетъ главнымъ заводчикомъ.

— Такъ пускай акціи купить! Она и увидитъ—какой мы ей дивидендъ поднесемъ къ веснѣ.

— Не согласится и на это. У ней, я предполагаю, какія должны быть бумаги: страховыхъ обществъ, самыхъ кражистыхъ, перваго петербургскаго и здѣшняго московскаго.

— Какъ будто и на нихъ нѣтъ краха? Два-три хорошихъ пожара, такихъ, чтобы по цѣлому городу выдрало—вотъ и полетитъ все вверхъ тормашками.

— Надо тебѣ пойти на развѣдки.

— Гдѣ вубышки лежать?! Знаю, милый—въ банкахъ. Въ любомъ достаточно, чтобы наше дѣло пустить полнымъ аллюромъ; но намъ съ тобой по соло-векселямъ полушки не отвалать. Нужны другія подписи. И право я, на твоёмъ бы мѣстѣ, живой рукой приспособилъ двухъ-трехъ тузистыхъ коммерсантовъ. Помилуй—вѣдь они всѣ помѣшаны на чести. Только бы имъ потереться около титулованныхъ господъ. Психію-то ихъ ты долженъ достаточно знать. Живи я—какъ ты—постоянно въ Москвѣ, да я давнымъ бы давно былъ директоромъ въ пяти обществахъ и бан-

какъ и водилъ бы пріятельство съ самыми важными изъ вашихъ купеческихъ династій!.. Честной человекъ!

Погулянинъ вскинулъ ногами и сдѣлалъ ими даже пируеть въ воздухъ.

— *Tout ça, mon cher,*—отвѣтилъ князь:—*c'est pas sérieux.*

И онъ выпятилъ губы съ усмѣшкой человека, у котораго есть за душой *ничто*, съ чѣмъ онъ не можетъ не справиться.

— *Nonз канѣско!*—лихо крикнулъ Погулянинъ и, подогнувъ ноги, легъ бокомъ, лицомъ въ князю.

— Какъ же это не понять,—заговорилъ тотъ, тономъ человека, не желающаго шутить.—Конечно, я могъ бы всего этого достигъ, еслибы согласился „амикошонствовать“ съ денежными тузами. Но я этого не искалъ и не ищу.

— Сама кубышка въ намъ, Вадя, не подкатится... а?

— Знаю. И все-таки я поставилъ себѣ за правило—не подражать тѣмъ изъ людей моего имени и сословія, которые, всякими правдами и неправдами, добываютъ себѣ подачки съ трапезы богатѣевъ, вотъ всѣхъ этихъ, какъ ты называешь ихъ, династій съ Варварки и Якиманки.

Тотчасъ же затѣмъ у князя вырвалось восклицаніе:

— И какъ ловко она это подвела!.. Дипломатъ!

— Что такое? Про кого? Ты точно блаженненькій прорицаешь, Вадя!

— Я о старухѣ.

— О бельмерочѣ?

Князь поднялся и подсѣлъ къ Погулянину на край низкаго дивана.

— *Ecoute, mon cher.*

И онъ, почему-то по-французски, передалъ ему въ лицахъ,—какъ Степанида Федотовна на прощанье указала ему на архимилліонщика Умова, ихъ „братца“, извѣстнаго раскольника и балетомана, съ которымъ онъ, кажется, знакомъ.

— Тебѣ *кажется?*—крикнулъ Погулянинъ.—Надо бы это доподлинно знать, душа моя!

Князь, когда состоялъ въ женихахъ, познакомился съ Умовымъ. И ему вспомнилось, что этотъ „братецъ“ какъ будто самъ имѣлъ виды на „сестрицу“ и держалъ себя съ нимъ слишкомъ брезгливо и при встрѣчахъ дожидался его поклона. Кончилось тѣмъ, что князь дѣлалъ—и на улицѣ, и въ театрахъ—видъ, что не узнаетъ его.

Но ничего этого онъ не сказалъ Погулянину.

— Идеа!—крикнулъ кузень, однимъ взмахомъ спустилъ ноги

и сталъ шагать по кабинету. — Нужды нѣтъ, что твоя Марѳа Посадница — онъ и такъ звалъ старуху Финикову — ретируется. И, быть можетъ, она это тебѣ только пыли въ глаза пустила, въ видѣ отвода.

— Je m'en fiche! — презрительно выговорилъ князь.

— Не суть важно, душа моя. Все-таки, такого братца нельзя выпускать, не пощупавъ его предварительно. И тутъ — воля твоя — сестричка, какъ вѣрная твоя подруга, должна намъ помочь.

— Съ какой стати? — слабѣе звукомъ отозвался князь.

У него у самого, мелькнула мысль, когда онъ ѣхалъ отъ Финиковой — на зло ей — воспользоваться ея „ехиднымъ“ совѣтомъ и привлечь братца. И самъ онъ подумалъ, что Вѣра должна бы, для общаго дѣла, взять на себя эту дипломатическую миссію. Вспомнилъ онъ и то, что она не особенно благоволила къ этому „братцу“, считая его развратникомъ и бездушнымъ эгоистомъ.

Но теперь князю стоило усилія сейчасъ же согласиться съ кузеномъ, и онъ послѣ своего возгласа: „съ какой стати!“ — замолчалъ.

— Ну ужъ это, братецъ, просто глупо будетъ съ твоей стороны! — далъ на него окрикъ Погулянинъ. — Тутъ дѣло въ дѣлѣ, а не въ тонкостяхъ шляхетнаго point d'honneur. Я самъ берусь поговорить съ Вѣрой Тимофеевной. Она у тебя умница. Твое дѣло — сторона... Богъ съ тобою. Жалѣю только, что она не особенно благосклоннымъ окомъ взираетъ на меня.

— Однако, другъ мой, — осадилъ Погулянина князь. — Вѣра отказала намъ въ посильномъ содѣйствіи.

— Знаю, знаю!

Погулянинъ остановился и повернулъ лѣвое ухо къ двери.

— Кажется, она вернулась.

— Да, пора, — подтвердилъ князь, вынимая часы. — Седьмой ужъ часъ.

— Она съ базара?.. Навѣрное, имѣла большой успѣхъ... А это всегда прекрасно настраиваетъ всѣхъ нашихъ базарокъ.

— Какъ? — строговато переспросилъ князь.

— Базарокъ!

— Что это у тебя, mon cher, за словечки!

— Не я выдумалъ. У какого-то фельетониста предвосхитилъ. Прекрасное слово — *базарки*.

Погулянинъ подошелъ къ князю, положилъ ему обѣ руки на плечи и полушопотомъ сказалъ:

— Только ты пожалуйста, если разговоръ будетъ при тебѣ, не расколаживай своими сентенціями. Прибери на время твой гоноръ и сложи его въ кладовую твоей чести.

— Ладно, ладно, — добродушно откликнулся князь.

— За обѣдомъ я заведу рѣчь стороной; а потому здѣсь или у сестрицы въ угловой — поведу атаку съ фронта.

XIX.

Разговоръ дошелъ до главнаго пункта въ кабинетнѣхъ Вѣры. Она сидѣла и вышивала. Вышивание позволяло ей слушать внимательно и вмѣстѣ дѣлало спокойнѣе.

Погулянинъ сидѣлъ противъ нея на низкомъ кресельцѣ, сильно подавшись впередъ всѣмъ корпусомъ. Князь стоялъ въ портьерѣ и курилъ.

Съ самаго начала разговора онъ держался своей „программы“, не желая вмѣшиваться и вліять на жену. Онъ смутно сознавалъ, что это врядъ ли бы повело къ хорошему исходу. Въ послѣднее время она незамѣтно измѣнила свой тонъ и работаетъ надъ своей „независимостью“ — его собственное выраженіе. Дѣлать ей сцены — онъ не унизить себя до этого. Вѣра не можетъ не примѣрять на себя какого-нибудь моднаго „интеллигентнаго фасона“ — это было также его выраженіе.

Вотъ теперь „юродивые“ обоюгаго пола, какъ онъ ихъ понимаетъ, носятъ съ скандинавскими героинями. И наши барыньки начали обезьянить съ Гедды Габлеръ. Пускай ихъ! Это пройдетъ, какъ пройдетъ мода на рукава, раздутые точно кузнечные мѣха.

Погулянинъ, на его оцѣнку, повелъ довольно ловко атаку. Онъ сталъ доказывать, что наши барыни напрасно уклоняются отъ практическихъ интересовъ, и указалъ на Францію. Мы привыкли смотрѣть на „французинокъ“, какъ на разряженныхъ, пусто болтающихъ жуколъ; а онѣ — въ богатой буржуазіи, да и въ дворянствѣ — ведутъ часто крупныя дѣла, не уступать ни мужьямъ своимъ, ни братьямъ въ дѣловитости и энергіи.

Вѣра выслушала это безъ возраженій. Только на губахъ ея появлялась чуть замѣтная улыбка — мужъ схватилъ эту игру губъ, и она ему показалась подозрительна.

Какъ ни будетъ подѣзжать Погулянинъ — врядъ ли ему удастся „подыграться“ къ Вѣрѣ. Она его съ трудомъ выноситъ.

И князь не ошибался. Даже когда Погулянинъ говорилъ толково, бойко и даже остроумно, жена его не могла относиться къ нему серьезно и добродушно. Она ему не вѣрила. Для нея онъ былъ олицетвореніемъ самодовольной пошловатости, какою она слишкомъ часто встрѣчала въ ея теперешнемъ обществѣ. Не могло

у такого человека быть и твердыхъ правилъ, даже и въ чисто практическихъ дѣлахъ.

Съ первыхъ же его фразъ о дѣловитости французеновъ она уже догадалась, что это пахнетъ подѣвжаньемъ къ ея деньгамъ или къ деньгамъ ея матери.

Усилия его краснорѣчія и начали смѣшить ее внутренно. Не сомнѣвалась она и въ томъ, что Погулянинъ уже старался убѣдить Вадима Дмитриевича въ блестящемъ ходѣ ихъ дѣла и въ необходимости „расширенія эксплуатаціи“.

Матери она сегодня не видала и не могла ничего знать о визитѣ къ ней князя. Онъ самъ съ ней не заговаривалъ о дѣлахъ, и его сдержанность тоже начала казаться ей подозрительной.

Вопросъ о тѣхъ деньгахъ, какія остались въ ея пользованіи — былъ ею твердо рѣшенъ. Капиталь этотъ долженъ остаться неприкосновеннымъ. Она такъ сдѣлаетъ не потому, что ей жаль денегъ; а потому, что она не вѣритъ въ успѣхъ промышленныхъ предпріятій, затѣваемыхъ дворянами. Стало-быть, надо имѣть копейку на черный день. Ей было бы стыдно и за себя, и за мужа, въ случаѣ ихъ разоренія, попасть на хлѣба къ Степанидѣ Федотовнѣ. Наконецъ—въ послѣднее время—она считала оставшіяся нетронутыми деньги залогомъ своей независимости. Года два тому назадъ, она бы такъ не разсуждала. Но эти два года во многомъ—въ слишкомъ даже многомъ—отрезвили ее.

— Такъ вотъ-съ, дорогая кузиночка,—заговорилъ Погулянинъ и всплеснулъ руками:—и васъ я считаю одной изъ русскихъ женщинъ, способныхъ къ дѣльному и дѣловому отношенію къ жизни.

— Merci, cher cousin,—отвѣтила Вѣра и поблагодарила наклономъ головы, продолжая вышивать.

— Въ настоящую минуту я желалъ бы поставить васъ въ курсъ дѣла...

— Какое ужасное выраженіе— „курсъ дѣла“!— шутиливо остановила его Вѣра.

— Почему?

— Это такъ отзывается путейцемъ, инженеромъ.

— Суть не въ словахъ, кузиночка.

Отъ слова „кузиночка“, да еще съ той интонаціей, съ какой Погулянинъ произносилъ его, Вѣру каждый разъ тошнило, и она удивилась сама тому—какъ до сихъ поръ не попросила его бросить это словечко.

— Je crois bien!—замѣтилъ съ отяжкой князь изъ-за занавѣси портьеры.

Онъ нашелъ, что Вѣрѣ надо было тонко дать понять, что не

слѣдуетъ такъ придираться къ человѣку, искренно и серьезно говорящему съ ней, особенно когда онъ — двоюродный братъ ея мужа, князя Кунгурова.

Вѣра поняла это.

— *Parдон*, — сказала она тономъ дамы, а не родственницы. — Я васъ слушаю, Антонъ Николаевичъ.

Не очень нравилось князю и то, что она зоветъ его не иначе, какъ Антонъ Николаевичъ, а не *cousin*, какъ бы слѣдовало. Послѣ этого нечего ей обижаться тѣмъ, что племянницы не удостоиваютъ звать ее „тетя“ или „*ma tante*“.

— Вы вѣдь пайщица нашего товарищества, — продолжалъ Погулянинъ.

— Чисто платоническая, — отозвалась Вѣра.

— Почему же? Ни я, ни Вадя, не желаемъ вовсе, чтобы вы оказывали намъ слѣпое довѣріе.

— *Ça va de soi*, — вставилъ какъ бы про себя князь.

— Вы знаете, я дала полную довѣренность Вадиму. И право, еслибъ я вздумала потребовать отъ васъ отчета — я все-таки не поняла бы ничего.

— Напрасно, сестричка милая. Вотъ поѣдете въ деревню, загляните и въ мои палестины. Вы вѣдь у насъ многоученая. И химіей, кажется, немного занимались... а?

— Очень мало.

— Не боги горшки обжигаютъ. Угодно, я вамъ и книжки по технической части достану.

— Благодарю васъ.

— Словомъ, такъ или иначе — вы наша пайщица, и вамъ, по всѣмъ статьямъ, причествуетъ — входить въ дальнѣйшее успѣханіе он-наго... Ха, ха!

Смѣхъ Погулянина былъ такъ же противенъ Вѣрѣ, какъ и его прибауточный тонъ.

— Въ началѣ будущаго года мы надѣемся поднести вамъ дивидендикъ — пальчики облизаты!..

— Очень рада, Антонъ Николаевичъ.

— Но во всякомъ ходкомъ дѣлѣ топливо — первый артикулъ; а главное топливо... сами знаете...

— Деньги? — подсказала Вѣра.

— Bravo, кузиночка! Именно... И мы съ Вадей — по зрѣломъ обсужденіи — пришли къ выводу, что надо увеличить оборотный капиталъ, по малой мѣрѣ, еще на треть *он-наго*.

У Погулянина была привычка, какъ только онъ употребилъ

какое-нибудь словечко—повторить его еще нѣсколько разъ. Вѣра становилось все тошнѣе.

— И вотъ...—Погулянинъ запнулся.

Онъ чуть-было не проговорился насчетъ Степаниды Федотовны. Князь, стоя въ дверяхъ, догадался объ этомъ и кашлянулъ.

— И вотъ, кузиночка, мы къ вамъ за совѣтомъ и содѣйствіемъ.

Вѣра подняла голову отъ шитья и посмотрѣла въ сторону мужа.

Князь сдѣлалъ шага два впередъ къ столику, за которымъ сидѣла Вѣра.

— Il ne s'agit pas de toi, Véra,—сказалъ онъ своими вибрирующими нотами, и взглядъ, посланный вслѣдъ этимъ словамъ, досказалъ ей: „прошу вѣрить, что я никому не уступлю въ высшей деликатности“.

— Плохая совѣтница, Антонъ Николаевичъ.

— Напротивъ! Вы совершенно въ курсѣ. Виновать, кузиночка, опять мое путейское слово.

И однимъ духомъ онъ назвалъ ей имя ея „брата“ Умнова и сталъ, уже безъ всякихъ оговорокъ, просить ее привлечь „он-наю раскольничьяго набоба“ къ ихъ дѣлу.

Вѣра и это выслушала до конца, потомъ положила свое шитье на столѣе, выпрямилась и поглядѣла на мужа.

— Вадимъ,—начала она гораздо строже, чѣмъ оба они ожидали:—тебѣ извѣстно, что за личность Умновъ, и какъ я къ нему всегда относилась. Развѣ ты его не знаешь? Ему ничего не стоитъ бросить сорокъ-пятьдесятъ тысячъ. Но для этого надо передъ нимъ заискивать. И я первая на это не пойду.

Она встала, отряхнула платье и поправила рукой волосы.

— Зачѣмъ же такъ грозно, кузиночка?

— Дѣло ведете, господа, вы оба—Вадимъ и вы, Антонъ Николаевичъ. Мое участіе чисто-анонимное. И даже, сколько я понимаю, не участіе...

Она сдѣлала намекъ на то, что мужъ—ея должникъ, по заемному письму.

— Стало быть, господа,—голосъ Вѣры звучалъ немного помягче, но такъ же твердо:—придется обращаться къ Умнову отъ имени вашего, т.-е. прежде всего отъ имени Вадима.

— Насъ обоихъ!—возразилъ князь.

— Антонъ Николаевичъ съ нимъ не знакомъ. Еслибъ даже я стала его просить, то опять-таки отъ твоего же имени. А ты съ нимъ—если я не ошибаюсь—даже не кланяешься.

Погулянинъ вскочилъ и подбѣжалъ къ князю.

— Какъ такъ, Вада?

— Вѣра преувеличиваетъ немножко.

— Нисколько, Вадимъ. И ты слишкомъ гордъ, чтобы изъ-за подачки отъ милліонера, котораго ты считаешь дрянью, разлетѣться къ нему въ качествѣ просителя.

„Ловко!“ — подумалъ про себя Погулянинъ. Князь хотѣлъ что-то сказать; но въ дверяхъ гостиной появилась ливрея лакея, доложившаго, что самоваръ поданъ.

XX.

Разливала чай Лена. Она дѣлала это точно изъ особаго снисхожденія. У нея—во время разливанія—какъ-то косился ротъ и вѣки были полуопущены.

Погулянинъ сѣлъ рядомъ съ ней. По лѣвую руку отъ нея—Маруса, успѣвшая, за это время, еще растолстѣть. Еслибъ не ея суконное платье англійскаго фасона, съ плерезами на воротѣ и рукавахъ, нельзя бы подумать, что она недавно потеряла мать. Щеки у нея лоснились отъ полноты.

Съ „дѣвочками“—онъ ихъ такъ называлъ и въ глаза—Погулянинъ постоянно балагурилъ и то-и-дѣло поддразнивалъ ихъ. Маруса громко визжала, и Лена позволяла ему задирать ее. Будь онъ не Погулянинъ, не двоюродный братъ ея матери—она бы находила его страшнымъ „мовешкой“. И эту снисходительность къ „дядѣ“ Лена какъ бы нарочно поддерживала по адресу Вѣры Тимофеевны. Въ общемъ она держалась съ нею того же сухо-брезгливаго тона. Маруса—когда нужно было что-нибудь „выклянчить“, по выраженію ея сестры—дѣлалась гораздо ласковѣе и даже звала ее нѣсколько разъ, но не въ присутствіи Лены, „chère tante“.

Мужчины сѣли за чайный столъ, сознавая, что они потерпѣли полнѣйшій провалъ. Въ особенности уязвленъ былъ князь. Но онъ съ достоинствомъ молчалъ и его мина—когда онъ поворачивалъ голову въ сторону Вѣры—говорила: „пожалуйста, не воображайте, что вы сдѣлали мнѣ репримандъ. Мнѣ до всего этого, въ сущности, очень мало дѣла“.

Ему неприятнѣе всего было то, что Вѣра какъ-то подъ шумокъ измѣнила всю свою „manière d'être“—назвалъ онъ мысленно по-французски. Точно она—первый номеръ въ домѣ и

считаетъ своимъ долгомъ напоминать своему мужу о его „шляхетскихъ“ чувствахъ.

Прибауточные слова Погулянина, противъ воли, напрашивались ему. И это ему было тоже неприятно. Вообще, съ кузеномъ очень легко было приучиться къ деревенско-офицерскому жаргону. И онъ тамъ на заводѣ — началъ „хамѣть“. Князю показалось, что слово „хамѣть“ онъ самъ сейчасъ сочинилъ, и это немного утѣшило его.

Въ разговорѣ съ Вѣрой виноватъ прямо Погулянинъ. Пускай самъ, если желаетъ, отправляется къ этому „братцу“; но онъ потребуетъ отъ него „категорически“, — строго вскричалъ про себя князь, — чтобы его имя и личность были безусловно выгорожены.

„Безусловно“, — еще строже повторилъ князь, не замѣчая, что Лена давно уже подносить ему чашку. Онъ пилъ всегда въ чашкѣ, и стаканы съ подстаканниками считалъ тоже немалымъ „хамствомъ“, приличнымъ для купцовъ и армейскихъ офицеровъ.

— Merci, ma chèrre, — строго сказалъ онъ, принимая чашку изъ рукъ племянницы.

Поглядѣвъ потомъ на Погулянина, онъ подумалъ:

„Ты, братецъ, добудешь кубышку. Это твое дѣло. Поподличай съ ихъ степенствомъ, попьанствуй съ нимъ и подебоширь — и навѣрно добудешь. T'es un malin!“

А въ головѣ Погулянина — какъ разъ въ ту же минуту — выскочилъ возгласъ:

„Коли вы *сепенитесь*, сестричка, такъ и шутъ съ вами“.

Всегда, послѣ всякой осѣчки, онъ чувствовалъ себя задорно-весело. И цѣлый рой всякихъ соображеній и надеждъ начиналъ порождать его юркій и самоувѣренный мозгъ.

— Ну что же, Леночка, мой другъ, — окликнулъ онъ Лену, когда она, все съ тѣмъ же уязвленнымъ видомъ, наливала воды въ чайникъ: — какъ стойтъ, на красную горку, жениховская биржа, а?

Маруся поняла его прибаутку и прыснула, какъ смѣшливая гимназистка.

Лена подняла на Погулянина тяжелыя вѣки и сдѣлала гримаску.

— Ходко? Или туго, а?

На этотъ разъ Маруся уже совсѣмъ раскохоталась, не замѣтивъ укоризненного взгляда старшей сестры.

— П у а deux mariages, — выговорила наконецъ Лена совсѣмъ серьезно, какимъ-то дѣловымъ звукомъ.

— Всего только два? На все количество московскихъ отроковицъ. Не густо! Нечего сказать!

— Я говорю только о нашемъ обществѣ.

— А!.. Такъ всего два несчастныхъ попали?

— Почему несчастныхъ, дядя? — весело спросила Маруся и жадно начала отхлебывать чай изъ своей чашки.

— Вотъ когда выйдешь, тогда узнаешь, — отвѣтилъ Погулянинъ, подмигнувъ ей лѣвымъ глазомъ.

Вѣра пила чай молча. Весь этотъ разговоръ коробилъ ее. Она себя спрашивала: въ какомъ купеческомъ домѣ, гдѣ мужчина учился въ университетѣ, а женщина вышла изъ гимназій — будетъ такой тонъ „рядскаго приказчика“, какъ у этого двоюроднаго брата князя Вадима Дмитриевича? И право она была бы довольна, еслибы эта злока и еривляка Лена отдѣлала его.

Но разговоромъ овладѣла не Лена, а Маруся. Покончивъ глотанье горячаго чая, она, съ блескомъ въ глазахъ, заговорила о свадьбахъ, точно будто она сама — дѣвушка на возрастѣ.

Надо бы было Вѣрѣ остановить ее; но она взяла за правило, въ присутствіи князя, не дѣлать ни одной изъ дѣвиць никакихъ замѣчаній.

— И кто же женише?

— Какъ, дядя? — переспросила со смѣхомъ Маруся.

— Женише? Небось забыла... А чтѣ священникъ-то говорить при вѣнчаніи?.. „Возвеселися, женише“!

— Позволь, — остановилъ князь.

Вѣра подумала, что онъ прекратитъ этотъ разговоръ.

— Не женише... Ты неправильно...

— Вотъ это прекрасно! На сколькихъ свадьбахъ я бывалъ!

— Это звательный падежъ, — продолжалъ князь серьезнѣйшимъ тономъ. — А существительныя съ „х“ принимаютъ въ зательномъ звукъ „с“.

— Не знаю, по каковски это; а мы говоримъ: *женише*. Такъ кто же это, Маруся, а?.. И кто невѣсты?

— Мари Лабузина и Кятти Ненарокова, — сообщила, опять тѣмъ же дѣловымъ звукомъ, Лена.

— Ну и эта... Мари... За кого же ее Господь Богъ сподобилъ?

— Ахъ, дядя! — воскликнула Маруся. — Сподобилъ! Онъ — офицеръ.

— Изъ корпусатниковъ небось? У васъ здѣсь другихъ почти что нѣтъ! Сумецъ поди? Это ваша московская гвардія.

— Нѣтъ, онъ гвардеецъ! — почти обиженно откликнулась Маруся.

— Да какого полка-то? Полкъ-то какой? Вотъ вопросъ.

— Кажется, онъ—въ егеряхъ,—сообщила Лена.

— Ну... значить, женихъ не изъ пунцихъ. Да она-то богатенькая?

— О, да!—почти разомъ воскликнули обѣ дѣвицы.

— А другая? Та... какъ бишь ее... Ненарошквина?

— Ненарокова, топ опсе, —внушительно поправила Лена. —Это очень хорошая фамилія. Очень хорошая,—протянула она.—*Du meilleur monde*. Только ихъ очень много... пять сестеръ и два брата.

— Стало, насчетъ приданого швахъ. И женише подыскался съ капиталомъ?

— О, да!

Возгласъ Маруси звонко разнесся по столовой.

— Эге! Какой, значить, капиталъ!

Вѣра и князь продолжали молчать.

— *C'est un jeune monsieur riche à millions*,—сказала Лена и подняла на особенный ладъ брови.

Имя жениха не было еще нигдѣ произнесено; но Вѣра слышала объ этой свадьбѣ и знала, что женихъ—молодой купчикъ, не окончившій курса. Ему дали позволеніе жениться еще студентомъ. Онъ учился въ „ливей“ и терся постоянно въ барскомъ обществѣ. Но фамилія его была самая „рядская“.

— И какъ фамилія? —спросилъ Погулянинъ, возбужденный опять запахомъ купеческихъ милліоновъ.

— Фамилія,—приснула Маруса,—смѣшная:—Пусиковъ.

— *Oui.. c'est ainsi*,—съ особой миной выговорила Лена и черезъ столъ спросила Вѣру:

— Вамъ еще не угодно?

Всѣ, безъ объясненій, понимали, что этотъ Пусиковъ — непременно купецъ. Развѣ такая фамилія могла быть у человѣка изъ настоящаго общества? И князь, и Погулянинъ, и даже обѣ дѣвицы знали, что есть старинныя фамиліи вродѣ Сукиныхъ и другихъ; но онѣ „освящены преданіемъ“, какъ сказалъ бы князь Вадимъ Дмитріевичъ.

И разговоръ сейчасъ же оборвался. Даже безцеремонный Погулянинъ какъ будто догадался. Замолчали такъ, какъ смолкаютъ при входѣ еврея, когда разговоръ былъ на тему „жидовъ“, или въ домѣ, гдѣ есть сумасшедшій, запойный пьяница, банкротъ или бѣглая жена.

Вѣра сидѣла на углу стола, отдѣльно ото всѣхъ, и она особенно сильно сознавала свою отчужденность отъ всѣхъ нихъ.

Какъ Погулянинъ ни коробилъ ее своимъ невозможнымъ то-

номъ—онъ все-таки изъ человѣкъ, а будь она ума палата и воспитана какъ принцесса крови—она все-таки „хамка“.

Это ужасное слово пришло ей именно теперь, когда взглядъ ея остановился на головѣ ея мужа. Губы князя хранили смутную усмѣшку человѣка, который ѣжится отъ дурного запаха.

Ему разговоръ могъ быть непріятенъ не потому, что упоминалась смѣшная купеческая фамилія и это задѣвало его жену, а для него самого.

„Немножко и за меня“,—подумала Вѣра. Но не за Вѣру Тимошеевну Финикову, а за княгиню Кунгурову, его супругу.

XXI.

Вокругъ террасы господскаго дома—въ паркѣ—все отливало осеннимъ багрянцемъ. Стояли послѣдніе хорошіе дни. Въ домѣ уже пахло отъѣздомъ.

Кунгуровы собирались недѣлю черезъ двѣ обратно въ городъ.

Вѣра сидѣла одна въ большой и прохладной гостиной, въ качающемся креслѣ, у открытой двери на террасу и читала.

Лѣто прошло, и скоро надо подниматься опять на житье въ Москву. Она рассчитывала провести его съ толкомъ, отдохнуть отъ московской суетоки, много читать, ходить часто на деревню, заняться школой.

И ничего этого не вышло. Досадно ей стало и смѣшно, когда она подводила итоги своего лѣтняго сезона.

Уѣхали они гораздо позднѣе, чѣмъ хотѣлось. Заболѣла старшая племянница и не могла оправиться раньше конца мая. Доктора нашли у нея сильнѣйшее малокровіе и предписали желѣзистыя воды.

Отправлять Лену за границу князь не разсудилъ. Остановились на Липецкихъ водахъ и въ началѣ іюня перебрались туда дѣльнымъ домомъ. Князь наѣзжалъ нѣсколько разъ изъ Москвы и обоихъ имѣній—своего и деревни Погулянина, гдѣ находится заводъ. Она принуждена была принимать, дѣлать визиты, участвовать въ пикникахъ. Дѣвицы стали носить полутрауръ и ходили каждый вечеръ въ вокзалъ, на музыку.

Нашлись у нихъ подруги, и пошла глупая, безпокойная водная жизнь.

И случился „инцидентъ“, о которомъ Вѣра вспоминала теперь съ юморомъ. Но тогда ей пришлось переносить очень жуткія минуты.

Изъ мужчинъ, пріѣхавшихъ лечиться, самымъ блестящимъ „женихомъ“ считался командиръ армейскаго драгунскаго полка. Онъ сталъ часто бывать у нихъ. Лена сейчасъ же объяснила себѣ эти посѣщенія интересомъ къ ней. Полковникъ былъ красивый усачъ, избалованный легкими успѣхами среди своихъ полковыхъ дамъ и чиновницъ губернскихъ городовъ. Вѣрѣ онъ совсѣмъ не нравился, но она „вмѣнила себѣ въ обязанность“ принимать его ласково, чтобы Лена не могла потомъ упрекать ее ни въ чемъ.

Вышло, однако, такъ, что полковникъ, къ концу ихъ житья на водахъ, ничѣмъ больше не занимался, какъ ею. Пошли сплетни о его ухаживаніи, и она сама должна была дать ему понять — въ какой степени это ей непріятно.

Но Лена давно уже рѣшила, что „хитрая купчиха“ влюбляетъ въ себя полковника только для того, чтобы лишить ее прекрасной партіи.

Начались невыносимыя мины, колкости, а потомъ и сцены съ истерикой. Одна такая сцена разразилась даже въ присутствіи полковника.

Въ первый разъ Вѣра заявила тогда мужу, что она „требуетъ“ отъ него сдѣлать племянницѣ строгій выговоръ и настояла на томъ, чтобы уѣхать съ водъ до перваго августа.

Полковникъ былъ настолько неглупъ, что самъ до отъѣзда ихъ умѣрилъ свои посѣщенія.

Въ деревнѣ дѣвицы — къ счастью — вдали въ усиленный спортъ. Обѣ летали по цѣлымъ часамъ на „бисиклетахъ“, и Вѣра могла бы хоть немного жить своими интересами. Но и тутъ не обошлось безъ столкновений. Маруся не перешла въ слѣдующій классъ. Ей надо было хоть по-немногу заниматься. На водахъ она еще сильнѣе облѣнилась, хотя водъ не пила. Каждый день давала она слово Вѣрѣ засѣсть за книги и тетради, но домой она возвращалась утомленная, неспособная ни къ какой работѣ.

Прошрое лѣто Вѣра провела за границей, и она до сихъ поръ еще живетъ милыми воспоминаніями о своихъ друзьяхъ въ Англіи. Какъ ей было хорошо прошлымъ лѣтомъ, и ровно три года тому назадъ, въ сентябрѣ. Цѣлыхъ двѣ недѣли прогостила она у своей пріятельницы, миссъ Бистеръ, на островѣ Уайтъ.

Съ какой бы радостью она перелетѣла туда, на этотъ островъ, весь въ долинахъ и холмахъ, съ дубовой листвою и яснымъ, мѣстами почти итальянскимъ, небомъ. Какъ ярко отражаются въ ея памяти всѣ мѣста южнаго прибрежья, гдѣ скалы выглады-

ваютъ изъ воды въ видѣ столбовъ, „needles“—такъ называютъ ихъ тамъ. Она себя чувствовала въ городѣ Вентноръ и его окрестностяхъ точно на южномъ берегу Крыма.

Какъ все тамъ своеобразно и высоко по своей культурѣ. Ей бы слѣдовало родиться въ этой странѣ, съ ея природой и людьми. Ни съ кѣмъ ей такъ не „удобно“, какъ съ англичанами. Испытанныхъ друзей только и можно найти между ними.

Когда она была еще дѣвщей, одна русская вдова, очень блестящая и смѣлая въ своихъ взглядахъ и привычкахъ, живущая постоянно за границей, говорила ей на тему переписки съ приятельницами:

— „Француженка напишетъ вамъ большое письмо, когда ей вдумается, когда она влюблена, или когда хочетъ посплетничать. Съ русской лучше и не начинать переписки. Англичанка—если обѣщала вамъ писать каждыя двѣ недѣли—до самой смерти не перестанетъ. Письмо—не больше трехъ страницъ, иногда одна, но все въ немъ есть, что поддерживаетъ дружбу. И если она вамъ скажетъ—„разъ въ годъ, такого-то числа я васъ буду навѣщать, гдѣ бы вы ни были“,—будьте увѣрены, что день въ день она явится.

Вотъ и она это испытываетъ съ своимъ другомъ, миссъ Бистеръ. Не каждый мѣсяцъ она сама ей пишетъ, но каждый мѣсяцъ получаетъ письмо, гдѣ бы та ни была—въ Итали, въ Тиролѣ, въ Норвеги, въ Америкѣ, или на Шотландскихъ озерахъ. Миссъ Бистеръ—уже не очень молодая дѣвушка, дочь известнаго „соллиситора“ съ большой практикой, старшая дочь, и живетъ самостоятельно,—часть года проводитъ при отцѣ, въ Лондонѣ, а остальное время—разъѣзжаетъ.

Не дальше какъ вчера пришло отъ нея письмо, опять съ острова Уайта. Оно—въ связи съ тѣмъ, что Вѣра читала въ ту минуту, и вызвало въ ней цѣлый рой мыслей и воспоминаній, заставило подводить свои невеселые „итоги“ за все лѣто.

Вмѣсто унылаго помѣщичьяго цвѣтника съ желтѣющими березами, передъ ней вставала смѣющаяся природа милого островка. Вотъ онѣ ѣдутъ въ плетеной виктори съ миссъ Бистеръ, по извилистой дорогѣ, мимо кирпичныхъ коттеджей и дубовыхъ ропицъ. На всемъ лежитъ розоватый коверъ—на крышахъ, на обрывахъ гранитныхъ овраговъ, на изломахъ прибрежныхъ скалъ.

Изъ фаэтонъ проѣзжалъ мимо изгороди, откуда выглядывала крыша красивой виллы, съ чудеснымъ видомъ на море.

— Lord Tennison's Haus!—указалъ рукой кучеръ, обернувшись къ нимъ свое бритое, загорѣлое лицо.

Поэта уже нѣтъ въ живыхъ; но Вѣра не пошла бы представляться къ нему. Она не очень любила его „подвиженное“ настроеніе государственнаго лауреата. Но какъ она позавидовала той „богоподобной“ жизни, какую онъ могъ вести въ своемъ трудовомъ кабинетѣ, гдѣ передъ нимъ зеркальное широкое окно открывало все ту же картину морского побережья.

Не объ однѣхъ увеселительныхъ прогулкахъ сообщала ей подруга. Она пожираема и потребностью дѣла. Давно уже она начала свою писательскую жизнь. И не прѣсные, сантиментально-поучительные „novels“ изготовляетъ она во слѣдъ безчисленнымъ новеллистамъ Великобританіи, которыхъ и тамъ зовутъ „spinsters“ — „старыя дѣвы“, а пишетъ статьи въ журналахъ, только о томъ, что сама переживала, какъ общественный дѣятель.

На два мѣсяца она отправляется въ какой-нибудь большой рабочей городъ—въ Манчестеръ, Глазго, Бирмингамъ или Шеффилдъ. Вездѣ у нея есть помощницы, вездѣ она находитъ и очень богатыхъ, и совсѣмъ небогатыхъ, но тароватыхъ людей, помогающихъ ей дѣлу.

Каждую недѣлю набираетъ она цѣлую ватагу дѣтей, изъ самыхъ бѣдныхъ кварталовъ, везетъ ихъ въ деревню, нанимаетъ нѣсколько коттеджей, или сараевъ, ригъ—что обойдется дешевле—устраиваетъ походныя кухни, поить и кормить ихъ, водить гулять и купаться, читаетъ имъ, рассказываетъ про птицъ, про травы, про небесныя явленія, про хорошихъ людей всѣхъ странъ, любившихъ свою родину и все человѣчество. Ея подруги—нынѣ уже въ лѣтахъ, матери семействъ—отрываютъ себя отъ своихъ занятій и удовольствій и дѣлать съ нею ея добровольную „муку“—возятся съ сотней одичалыхъ, нечистоплотныхъ, крикливыхъ и драчливыхъ ребятишекъ.

И такъ каждый годъ и каждое лѣто свозитъ она нѣсколько партій дѣтей, и никогда не жалуется на усталость, на нервы, распатанные отъ такого благотворительнаго „спорта“.

Трогательно рассказывала она зимой, въ одномъ изъ своихъ писемъ, съ британскимъ тихимъ юморомъ—какъ начала учиться играть на двухъ „легко переносимыхъ“ инструментахъ—на скрипкѣ и на флажолетѣ, чтобы тѣшить ребятишекъ въ поляхъ и танцами, и пѣсенками.

И такъ все это просто и убѣжденно выходитъ у нея—еще не отцѣвшею дѣвушкой, способной нравиться, да еще съ хорошимъ приданымъ—что въ Англии не попадается на каждомъ шагѣ.

А теперь, на осень, собирается миссъ Бистеръ изучать на

континентѣ все то, что сдѣлано для малолѣтнихъ „outlaws“ — преступныхъ дѣтей всякаго рода.

XXII.

Вѣра оглядѣла полутемную отъ маркизъ комнату. Точно она гоститъ въ чужомъ домѣ и сама не знаетъ: зачѣмъ она такъ въ немъ зажилась.

Почти два мѣсяца провела она въ деревнѣ. И если сравнить то, что успѣла надѣлать ея другъ миссъ Бистеръ съ ея деревенскимъ житьемъ—какое выйдетъ бездѣлье, какое русско-дворянское прозябаніе!

Въ прошломъ году она только заглянула сюда весной. И тогда уже она намѣтила себѣ „программу“ на будущій годъ. Но и тогда она уже предчувствовала, что ей не удастся заняться „деревней“ такъ, какъ она мечтала.

Да и деревня оказалась чѣмъ-то совсѣмъ постороннимъ ихъ усадьбѣ.

Домъ стоитъ въ сторонѣ, въ двухъ верстахъ отъ большого села—когда-то крѣпостныхъ крестьянъ князей Кунгуровыхъ; за то въ полуверстѣ отъ уѣзднаго города, на бойкомъ желѣзно-дорожномъ пути. Около города много дачниковъ. Безпрестанно сюда заѣзжаютъ знакомые изъ Москвы. Мѣстные крестьяне вовсе не похожи на „мужиковъ“. Они промышляютъ извозомъ и огородничествомъ, одѣваются по-городски; а бабы и дѣвки франтятъ въ шерстяныхъ и даже шелковыхъ платьяхъ, и имъ извѣстны такіа слова, какъ „раверы“—revers и „веста“. Рукава у нѣкоторыхъ, по воскресеньямъ, торчатъ такими же пузырями, какъ и у барынь.

Но это не смущало Вѣру. Она хотѣла сдѣлать что-нибудь прочное для шеолы.

И тутъ князь Вадимъ Дмитріевичъ сталъ попережь ея дороги съ какимъ-то особеннымъ задоромъ.

Сейчасъ, когда Вѣра думала о своемъ другѣ, миссъ Бистеръ, ей подъ конецъ стало какъ бы совѣстно:—почему же она такъ возноситъ гражданскую доблесть своей англичанки, а забываетъ—сколько у насъ, среди молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, есть истинныхъ подвижницъ? Она лично была знакома съ нѣсколькими барышнями, по призванію пошедшими въ сельскія учительницы.

И ей припомнилась недавняя встрѣча съ одной изъ нихъ.

Вѣра была уже „княгиня“. Ей подавали экипажъ на Кузнецкомъ, и у подъѣзда магазина онѣ столкнулись на троттуарѣ. Вѣра съ трудомъ узнала ее—та была въ пальто, какія носятъ горничныя, и въ старенькой поярковой шляпкѣ, загорѣлая, дурно причесанная, съ башлыкомъ изъ солдатскаго сукна. Ей даже стыдно стало своихъ „грандѣровъ“. Она взяла ея адресъ и увидалась съ ней. Учительница гостила—на праздникахъ—у своей подруги—начальницы городского училища.

Три суровыхъ зимы та провела въ захолустѣ, въ Муромскихъ лѣсахъ. Онѣ стоятъ десяти лѣтъ экскурсій въ англійскомъ вѣвусѣ. Ей дали плохую „пятистѣнную“ избу съ прогнившими углами и землянымъ поломъ сѣней. Она спала за перегородкой класснаго помѣщенія, вмѣстѣ съ своей странухой. Ребятишки приходили изъ трехъ деревень. Зимой они являлись задолго до разсвѣта, стучали въ окно и кричали:

— Матвѣвна! Отопри! замерзнемъ!

И вваливались гурьбой, наносили слѣды на своихъ валенкахъ и лаптахъ и ложились вповалку, на скамьяхъ и на полу. Но какъ же на нихъ сердиться?

— Часовъ у насъ не водится, Матвѣвна,—говорили они въ свое оправданіе:—ты насъ не обезсудь!

И что она ѣла—на свои пятнадцать рублей жалованья! И какія жестокия головныя боли схватывала отъ угара, по крайней мѣрѣ по три раза на недѣлѣ!

— Одичала я,—шутила она съ Вѣрой,—совсѣмъ точно туземка съ Фиджійскихъ острововъ!.. За цѣлые полгода ни съ однимъ стоящимъ человекомъ словомъ не обмѣнялась.

Ей предлагали хорошее мѣсто въ городѣ, она было-согласилась и въ послѣднюю минуту возвратила свое слово.

— Жить не могу безъ моихъ чумазыхъ!—повторала она, и выраженіе глазъ ея принимало „блаженный“ отгѣнокъ.

Одно только было не совсѣмъ по душѣ Вѣрѣ—полу-мистическое отношеніе къ народу. Англичанки смотрятъ на него проще. Онѣ идутъ всюду, гдѣ нищета, порокъ, заброшенность, одичалость, но не проповѣдуютъ какого-то „искупленія“ посредствомъ народа, не считаютъ себя передъ нимъ „въ неоплатномъ долгу“.

Она не могла бы именно такъ по-русски смотрѣть на дѣло. Но борьбу съ невѣжествомъ и огрубѣlostью готова была повести честно и энергично.

Мужъ ея—на деревенскомъ досугѣ—воспылалъ противъ развращающей, ненужной для народа шволы. Въ селѣ швола была приходская. Земскій начальникъ—и тотъ жаловался на то, какъ

ее ведутъ. Князь, стоящій вообще за „институтъ законныхъ преступновъ народа“ — находилъ, что и земскій начальникъ „пропитанъ лже-либеральнымъ ядомъ“. И каждый день она слушаетъ его тирады, съ повтореніемъ все однихъ и тѣхъ же выводовъ, вычитанныхъ изъ „его“ газеты.

Когда ей это надоѣло и она сказала ему, что доводовъ его не принимаетъ — князь крикнулъ ей:

— И вашъ Толстой небось то же проповѣдовалъ? Народъ хочетъ читать о божественномъ — и больше ему ничего не надо! А вы только мудрите и развращаете его съ вашими умниками.

Приходилось начинать съ нимъ войну, не только какъ съ мужемъ, но и какъ съ попечителемъ сельской школы.

Всю свою начитанность, по части „вдреню“ древнерусскихъ началъ, князь Вадимъ Дмитріевичъ выдвигалъ точно баттарею противъ ея доводовъ.

На прошлой недѣлѣ онъ въ шкапу, зимующемъ обыкновенно въ усадьбѣ, отыскалъ тонкую книжку въ бумажной оберткѣ и, отряхнувъ съ нея густой слой пыли, возбужденно крикнулъ:

— А эту вещь изволили читать?

Они, незамѣтно для нихъ обоихъ, часто переходили уже на „вы“.

Книжка оказалась сатирической пьесой пятидесятихъ годовъ, съ которой когда-то носились тѣ, съ кого князь обезьянилъ. Она про нее смутно слыхала, но не читала ея.

— Вотъ извольте-ка на досугъ проштудировать! — крикнулъ ей мужъ и пошелъ спать въ себѣ въ кабинетъ.

„Князь Луповицкій“ — такъ называется комедія, и она ее пробѣжала въ одинъ присѣсть, пока Вадимъ Дмитріевичъ занялся послѣобѣденнымъ сномъ.

Въ комедіи поднимается на смѣхъ каррикатурный молодой баринъ, пріѣхавшій въ деревню изъ-за границы — просвѣщать мужиковъ. И, разумѣется, очутился въ гороховыхъ шутахъ, получая рядъ щелчковъ по носу и поучительныхъ внушеній отъ темной массы, хранящей завѣты „хорового начала“ и высокаго московско-византійскаго „міроразумѣнія“.

Все это было бы допустимо, еслибъ личность князя Вадима Дмитріевича не выяснялась передъ нею теперь такъ безошадно-отчетливо. Въ деревнѣ весь шумный и лживый вздоръ его „завѣтовъ“ и „вѣрованій“ выступалъ еще ярче.

Восхищается онъ сценой комедіи, гдѣ князю Луповицкому міръ подаетъ примѣръ истинно христіанской милости, а самъ не любитъ нисколько народа, не знаетъ его нуждъ, цѣлыми днями только жалуется на „безтолочь“ и „павостное озорство“ крестьянъ,

пальца не хочет повернуть, чтобы въ чемъ-нибудь помочь или наставить ихъ, шумно обличаетъ „цитакательство“ и „гнилое либеральничанье“ уѣздныхъ властей, хотя она прекрасно видитъ, что уѣздъ выдался ретроградный, съ предводителемъ—прямо крѣпостническихъ замашекъ и съ тремя земскими начальниками, изъ четырехъ, ему подъ пару; въ управѣ засѣдали два купца-подрядчика и одинъ дворянинъ, всѣмъ и каждому твердившій, что тратить на шлолы—„совершеннѣйшее безуміе-съ“.

Вѣру начинало гнестя чувство, близкое къ потерѣ всякаго уваженія къ ихъ „союзу“. Сколько бы она ни вложила въ ихъ совместную жизнь ума, чувства, великодушія, терпимости—все это будетъ отскакивать отъ ея мужа, какъ горохъ отъ стѣны.

Она признавала въ себѣ больше воли, чѣмъ въ немъ, но знала впередъ, что съ той минуты, какъ она пойдетъ на открытую борьбу—ихъ супружество окончательно рухнетъ. Онъ сдѣлается ей совсѣмъ чуждымъ и невыносимымъ, а пересоздавать такія натуры, какъ онъ—нельзя. Ихъ можетъ пришибить только матеріальный ударъ. И тогда онъ способенъ унижаться... Это было бы еще печальнѣе.

Умный романъ, начатый ею сегодня утромъ, написанъ англичаниномъ—съ жестокимъ знаніемъ женщины. И тутъ—какъ и въ жизни—все та же неизбѣжная борьба двухъ половъ съ вѣчнымъ непониманіемъ и ненужными, часто бессмысленными, жертвами.

„Кто лучше, кто хуже, кто выше, кто ниже“—несмолкаемое перебирание все того же задорнаго и презрительнаго вопроса.

Вотъ сейчасъ прочла она опредѣленіе, сдѣланное очень умной женщиной особамъ своего пола. Та выразилась такъ:

„Мужчины—посѣвъ; женщины—только прививки“.

Но не подсказалъ ли ей это изреченіе самъ авторъ? Всѣ мужчины—болѣе или менѣе способны подписать такой вотъ приговоръ: она его взяла изъ другого романа того же англичанина и помнила наизусть по-англійски: „возбудимы, безъ воли, расположены ко лжи“.

И губы Вѣры громкимъ шопотомъ повторили:

— „Impulsive, without will, readily able to lie“.

А они сами—сочинители этихъ афоризмовъ, грозные судьи, складывающіе эти приговоры? Князь Вадимъ Дмитриевичъ будетъ, конечно, въ восторгѣ отъ обоихъ изреченій. Одинъ ли онъ? Не заодно ли съ нимъ окажутся и самые развитые, считающіе себя рыцарями, съ культомъ того, что пошло ходить по свѣту, съ легкой руки гётевскаго: „Ewig-Weibliche“? Можетъ, такъ тому

и быть слѣдуетъ, и какъ бы плохъ и пошлъ ни оказался мужчина, онъ все-таки—„посѣвъ“, а онѣ—только „прививки“.

— Slips, slips!—громко повторила она и закрыла книгу.

XXIII.

Въ паркѣ раздался шумъ голосовъ.

Вѣра положила книгу на столикъ и вышла на террасу.

Голоса доносились справа.

Она сдѣлала изъ руки зонтикъ отъ солнца и вглядывалась.

По дальней аллеѣ парка катили дѣвцы: впереди Лена, въ короткой юбкѣ и панталонахъ темносѣраго цвѣта, за ней и Маруся, выпросившая себѣ позволеніе сдѣлать шаровары изъ парусины.

Но за ними слѣдомъ какой-то мужчина, также на бисиклетѣ.

Съ перваго взгляда Вѣра не могла распознать его. Средняго роста, въ клѣтчатой визитѣ и такомъ же картузѣ жокейской формы и, кажется, въ темныхъ чулкахъ или гѣтрахъ.

Онъ догналъ дѣвицъ, и они разомъ остановились, продолжая оживленно болтать. Взрывы Марусина смѣха пронизывали ухо.

„Да это Владиміръ Григорьевичъ!“—быстро сообразила Вѣра, и краска выступила у нея въ щекахъ.

Остожинъ! Здѣсь! На велосипедѣ! Съ ея дѣвцами!

Она и обрадовалась, и немного смутилась.

Если онъ такъ налегѣвъ пріѣхалъ—значить, живетъ гдѣ-нибудь по близости...

Они—не въ перепискѣ. Въ Москвѣ, до болѣзни Лены и ихъ отъѣзда—они видѣлись всего разъ. Онъ былъ съ визитомъ, сидѣлъ при князѣ, и опять вышелъ очень тягостный для него разговоръ. Пріѣзжалъ онъ какъ бы проститься. Онъ собрался за границу, на лѣто и осень, и она думала, что онъ вернется въ Москву къ октябрю.

Князя не было дома. Онъ уѣхалъ въ Москву и врядъ ли будетъ раньше, чѣмъ завтра къ обѣду.

Обѣдъ, безъ него, былъ всегда гораздо скромнѣе. Сегодня у нихъ супъ-лапша, караси и рубленныя котлеты. Остожина надо оставить обѣдать. Почевать онъ, конечно, не собрался. Его отношенія къ хозяину не такія, чтобы онъ, запросто, пріѣхалъ въ почевку. Да и съ нимъ, на велосипедѣ, нѣтъ, кажется, сумки.

Вѣра оживилась и сейчасъ же пошла къ себѣ—освѣжить голову и поправить волосы—и надѣла кружевную косынку на

своей кретоновый лифъ. За послѣдніе два мѣсяца она сильно похудѣла; талія ея стала еще тоньше и стройнѣе; но лицо еще не освободилось отъ лѣтняго загара.

Дѣвицы подвятили прямо къ террасѣ; Остожинъ—за ними. Онъ первый ловко соскочилъ съ велосипеда и приставилъ его къ косяку террасы.

Сестры, какъ опытные ѣздоки, спрыгнули съ своихъ бискетовъ, и Маруся, въ беретѣ, съ пылающими щеками отъ возбужденія, продолжала смѣяться.

— Хотите пари, monsieur Остожинъ,—кричала она,—что я до станціи доѣду въ восемь минутъ?

— Не доѣдешь,—остановила ее Лена и, обращаясь къ гостю, сказала болѣе церемонно:—Вѣра Тимоѣевна навѣрное въ гостиной.

Онъ видѣлъ ихъ всего нѣсколько минутъ, когда пріѣзжалъ въ послѣдній разъ съ визитомъ.

— А вотъ и она,—указала головой Лена, оправляя юбку.

Вѣра стояла уже въ дверяхъ террасы. Остожинъ снялъ свой жюкейскій картузъ и повелъ имъ въ воздухъ.

— Вѣра Тимоѣевна! Не ожидали такого наѣзда?—крикнулъ онъ. — Встрѣтилъ вашихъ племянницъ около самой станціи. Mesdames, пожалуйста!

Онъ пригласилъ дѣвицъ подняться первыми по ступенькамъ террасы. Лена прошла мимо Вѣры молча, точно она пріѣхала въ отель; а Маруся проговорила:

— Monsieur Остожинъ сбился съ дороги, и мы его привезли сюда.

Вѣра сошла внизъ.

Остожинъ стоялъ передъ ней съ открытой головой. Онъ пополнѣлъ, и глаза смотрѣли добрѣе и безъ его обычной усмѣшки. Ей показалось, что въ бородѣ блестятъ нѣсколько бѣлыхъ волосъ. Но фигура была все такая же гибкая. Костюмъ велосипедиста шелъ къ нему. Темносиніе гѣтры обтягивали его икры. Изъ-подъ воротника жакетки-блузы виднѣлась цвѣтная шолковая рубашка съ повязушками, безъ галстука. Для визита было бы слишкомъ запросто; но онъ—на велосипедѣ, и такая „tenue“—допустима.

— Откуда, Владиміръ Григорьевичъ?

Она пожала ему руку по-пріятельски, очень крѣпко, и онъ не сразу отпустилъ ее.

— Откуда? Изъ Хабарина. Пріѣхалъ въ знакомымъ на два дня.

— Изъ Москвы?

— Да.

— Вы такъ рано вернулись?

— Какъ рано? Отпускъ былъ на четыре мѣсяца. Здѣсь масса работы, и я не хотѣлъ опаздывать. Четыре мѣсяца цѣлыхъ пролетѣло... И вы зажились. Но позвольте...

Онъ опять протянулъ ей руку.

— Что?—полу-смущенно спросила она.

— Да вы смотрите моложе вашихъ дѣвицъ,—добавилъ онъ вполголоса.

— Вы съ ними гдѣ встрѣтились?

— Около станціи.

— И ѣхали сюда? Давно вы велосипедистъ?

Допросы ея звучали немного тревожно. И она точно не знала—пригласить его сейчасъ же въ гостиную или остаться на воздухѣ.

— Давно ли я cyclistъ?—весело переспросилъ Остожинъ.— Съ весны! Сталъ учиться за границей; а теперь—фанатикъ cyclistма.

— Фанатикъ! Вы?.. человекъ кабинетнаго труда?..

Тутъ Вѣра спохватилась, что надо же его попросить податься въ залу.

— Pardou, Владиміръ Григорьевичъ. И я тоже хороша! Не приглашу васъ въ комнаты. Вы весь въ пыли. Пожалуйте... Позвольте, я вамъ укажу уборную князя.

Онъ замѣтилъ сейчасъ же, какъ она произнесла слово: „князь“.

— Да вѣдь я къ вамъ налетомъ... А cyclistы не знаютъ никакихъ потребностей комфорта. Вы меня извините—я пріѣхалъ въ обязательной формѣ.

Они уже стояли у двери въ гостиную.

— Вы останетесь отобѣдать... Васъ не ждутъ тамъ... въ Хабаринѣ? Сколько это верстъ отсюда?

— Да верстъ около двадцати. Я сказалъ, чтобы меня не ждали.

— Вотъ это мило! Такъ идите же... умойтесь.

Минутное смущеніе Вѣры прошло, и ея тонъ Остожинъ находилъ гораздо болѣе увѣреннымъ и твердымъ, чѣмъ въ Москвѣ. Въ ней онъ чувствовалъ и болѣе хозяйку дома, и болѣе княгиню Кунгурову. Она принимала его по-пріятельски, и этотъ новый оттѣнокъ не совсѣмъ ему нравился.

Зато въ ней было что-то новое. Лицо стало худощавѣе и тоньше въ очертаніяхъ носа и подбородка. Такой она ему сильнѣе нравилась, и это обаяніе испытывалъ онъ тоже заново.

Не совсѣмъ то же самое почувствовала Вѣра.

Мужчина по-прежнему нравился ей; не больше того, какъ это

было въ Москвѣ. Но ученый съ европейской репутаціей куда-то ушелъ.

Неужели отъ велосипеда?—могла бы она спросить себя. Или оттого, что онъ перегонялся съ ея племянницами и весело болталъ съ ними?

Жюкейскій картузь и штилеты и „циклистскій“ жаргонъ измѣняли его. Странно было бы заговорить сейчасъ же съ нимъ на одну изъ обычныхъ темъ.

Спорта она не презирала—не такъ, какъ ея мужъ, не признающій ничего, кромѣ псовой охоты, потому что это „древнерусская утѣха“.

Она сама, въ дѣвицахъ, была хорошей наѣздницей, училась въ Англіи смѣло перескакивать барьеры и даже участвовала въ травлѣ лись, въ настоящей „chasse à courre“. И въ первый годъ ея замужества она еще ѣздила въ манежѣ. Послѣ того, какъ она должна была сократить „личные“ расходы, она продала свою верховую лошадь и въ этомъ году совсѣмъ не ѣздила.

Она умѣла играть и въ „lawn-tennis“, и даже въ „foot-ball“; но не настолько увлекалась британскимъ культомъ спорта, чтобы цѣлые дни проводить въ бросаніи мяча или въ бѣготѣхъ по лужайкѣ.

Въ крокетъ дѣвицы не любили играть—можетъ быть, въ пику своей „тетенькѣ“. Велосипедомъ онѣ завладѣли не безъ борьбы съ дядей. Съ недѣлю князь Вадимъ Дмитриевичъ острилъ надъ „дѣвѣлами“, которыя разрѣзаютъ пространство, сидя верхомъ на блюдечкѣ, но уступили.

Велосипеды взяли въ Москвѣ напрокатъ. Вѣра и дѣвушкой воздерживалась отъ этой „маніи“, находила позу женщины невязанной и не очень довѣрала толкамъ о необыкновенной гигиеничности велосипеда для женщины.

Можетъ быть, ее удерживало то, что она слишкомъ высока и тонка. Она съ трудомъ представляла себя въ шароварахъ или короткой юбкѣ; а обыкновенное платье при ѣздѣ развѣвается очень некрасиво.

И вдругъ—Остожинъ „циклистъ“, и говорить объ этомъ—точно онъ поступилъ въ какую-нибудь секту. И сейчасъ же объ ея племянницы очутились съ нимъ товарищами.

Это ее какъ будто защемило.

XXIV.

Обѣдъ затянулся. Принесли лампу. Она освѣщала — и то не очень ярко — столъ, а всю длинную и унылую комнату оставляла въ тѣни.

Столовая смотрѣла очень голо — какъ во всѣхъ почти дворянскихъ домахъ, гдѣ живутъ только лѣтомъ. Стѣны — безъ картинъ или блюдъ, кисейныя занавѣси на окнахъ, въ углу клеенчатый диванъ — и у двери буфетъ краснаго дерева, тяжелый, некрасивой формы.

Какъ хозяйкѣ, Вѣра вся эта запущенность бросалась въ глаза отъ присутствія Остожина. Онъ такъ любитъ англійскій комфортъ и такъ умѣетъ цѣнить художественность отдѣловъ комнатъ, обѣденныхъ столовъ, садовъ, театральныхъ залъ. Обоихъ интересовали огромные успѣхи англійскаго „прикладнаго искусства“ и имя Морриса — артиста и бойца за освободительныя идеи — было имъ обоемъ одинаково знакомо.

Вѣра вспомнила, какъ разъ посѣтила она Оксфордъ и завтракала у профессоровъ, завѣдующихъ колледжами. Столовая у одного изъ такихъ „masters“ приходила ей на память — свѣтлая, высокая, съ готическимъ окномъ и расписными стеклами, съ отдѣлкой въ стилѣ средневѣковыхъ англійскихъ домовъ, со множествомъ цѣнной мебели, артистическихъ блюдъ, серебра, хрустала.

И какая сервировка стола для простаго „lunch'a“! Передъ каждымъ сервизомъ — ваза съ живыми цвѣтами. И это было у профессора философіи, а не у титулованнаго дворянина, какъ здѣсь.

Ни одного цвѣточка не скрашивало сервировки ихъ обѣда. Да и гдѣ взять цвѣтовъ въ концѣ сентября? Теплицы у нихъ нѣтъ. Въ цвѣтницѣ послѣднія астры и георгины уже тронуты утренниками.

Остожинъ, кажется, обращалъ очень мало вниманія и на отдѣлку столовой, и на сервировку, и на то, что подавали. Онъ ѣлъ съ аппетитомъ и лапшу, и карасей, и продолжалъ оживленно разговаривать съ дѣвицами.

Къ обѣду онѣ принарядились. Лена надѣла бѣлую батистовую рубашечку съ широкимъ полковымъ кушакомъ и причесалась въ лицу, съ двумя широкими прядями волосъ. Она смахивала на англичанку. Въ лицѣ она посвѣжѣла въ деревнѣ и глаза ея исврились.

„Elle faire un promis“, — подумала Вѣра.

Ей почему-то казалось, что Остожинъ слишкомъ усердно „занимаетъ“ ея племянницъ.

Маруся ушла въ огромные рукава своего полу-траурнаго платья и поражала непомѣрными его формами. Она безпрестанно задавала гостю вопросы насчетъ того—какой въ Англіи женскій костюмъ для разныхъ видовъ спорта—и Остожинъ обстоятельно рассказывалъ ей.

Зашла рѣчь о гонѣхъ гребныхъ лодокъ въ Оксфордѣ.

Нивогда Остожинъ не былъ въ такомъ ударѣ. Дѣвицы получали цѣлую картину этихъ университетскихъ состязаній съ ихъ пестрой толпой на берегу, съ *баржами* разныхъ коллегій, съ криками и пистолетными выстрѣлами и звономъ колокольчиковъ.

— Да,—пристала Вѣра къ ихъ разговору.—Я помню, какъ это оригинально. И вечеромъ, и днемъ, по главной улицѣ только и видно, что молодыхъ людей, въ соломенныхъ шляпахъ, и дѣвушекъ, въ простенькихъ туалетахъ—ихъ сестеръ, кузинъ. Такъ они и движутся цѣлыми толпами.

— Какъ вы сказали?—раздался вопросъ Лены.

Она поглядѣла сначала на сестру—и та поняла ее; а потомъ бросила боковой взглядъ и на Остожина.

И тотъ ее понялъ.

— Толпами, — повторила Вѣра. — Цѣлыми толпами.

Она произнесла это слово съ удареніемъ на первомъ слогѣ, а не на второмъ.

Иногда она себя ловила на такихъ „вупеческихъ“ удареніяхъ; но тутъ она выговорила оба раза увѣренно.

И только по глазамъ Лены, злымъ и смѣющимся, она догадалась,—и это ее разсердило, такъ разсердило, что она не продолжала дальше и наклонилась надъ тарелкой.

На Остожина она не рѣшилась взглянуть, но она чула на себѣ и его усмѣшку, хотя онъ не выдалъ себѣ ничѣмъ. Маруся фырнула про себя, и заранѣе тѣшилась тѣмъ—какъ онъ съ сестрой будутъ прохаживаться у себя въ спальнѣ насчетъ этихъ „толпами“.

— Да, и въ этомъ году было то же,—заговорилъ Остожинъ, обращаясь къ Ленѣ.

— А какія моды... у всѣхъ этихъ англичановъ? — спросила она.

— Онѣ смотрять студентками, конечно, не нашими... Туалетъ—какъ у васъ... свѣтлая рубашка, бушакъ, низкая соломенная шляпка, безъ цвѣтовъ, мужской воротникъ и галстукъ.

— *La toilette classique*, — опредѣлила Лена и улыбнулась ему, польщенная тѣмъ, что онъ замѣтилъ ея туалеть.

Вѣра не могла еще вполне совладать съ собою. И ее обижало такое малодушіе. Но ступевать впечатлѣніе уже нельзя было.

Это не случайная ошибка, не обмолвка.

„*Ça sent le boutiquier*“, — какъ выражаются тамъ, куда она забралась не по праву рожденія, а потому, что господа дворяне обмелъчали.

Остожинъ хитритъ. Онъ прекрасно понялъ — какъ ей досадно было такъ „провратъся“ передъ своими племянницами. И не можетъ быть, чтобы онъ не замѣчалъ и раньше, какія у ней остались купеческія ударенія. И никогда онъ ее пріятельски не остановилъ.

Отчего? Оттого, что онъ желаетъ постоянно быть „интереснымъ мужчиной“. Сближеніе съ женщиной должно быть для него совсѣмъ на другой почвѣ.

Лена наклонила голову въ сторону Остожина, сидѣвшаго отъ нея слѣва, и что-то сказала ему вполголоса, по-французски.

Вѣра не разслышала самыхъ словъ, но эта быстрая неприужденность, особенно въ тонѣ такой „кривляки“, какъ Лена — усилила ея раздраженіе.

По привычкѣ сдерживать себя, она ничего не замѣтила Ленѣ, но не могла стряхнуть съ себя совершенно новаго для нея недовольства, близкаго къ раздраженію.

Для нея вдругъ стало ясно, что Остожинъ чувствуетъ себя гораздо ближе къ этимъ барышнямъ-дворянкамъ, чѣмъ къ ней.

Стало, и въ немъ сословная завеска заявляетъ себя. Нужды нѣтъ, что онъ едва ли не „кутейнаго“ рода. Но онъ считаетъ себя „*perfect gentleman*“ и держится всегда какъ свѣтскій чело-вѣкъ, желающій имѣть въ „избранномъ“ обществѣ личные успѣхи.

Послѣднее блюдо всѣ уже съѣли и на столъ поставили вазочку съ фруктами, какіе случились — съ красными сливами и недорогими грушами.

Кофе разливала обыкновенно Лена.

Но она не торопилась удалиться въ гостиную, гдѣ былъ уже сервированъ кофейный приборъ.

Первая встала Вѣра и спросила Остожина:

- Владиміръ Григорьевичъ, вы и обратно на велосипедѣ?
- А то какъ же?
- Не боитесь нашихъ дорогъ?
- Откуда до шоссе очень сносно.
- Хотите, мы васъ проводимъ? — крикнула Маруся.

— Владимиръ Григорьевичъ и самъ найдетъ дорогу, — тономъ настоящей „тетки“ выговорила Вѣра. — А вамъ велосипедъ не поможетъ выдержать экзаментъ... Вы имъ слишкомъ увлекаетесь.

Никогда она не „осадила“ бы такъ при постороннемъ даже Лену, а не то что эту пустую, но добродушную дѣвочку.

— Пожалуйста, Лена, налейте намъ кофею.

Это было сказано такъ увѣренно, что и Лена только наклонила голову и, шепнувъ что-то Марусѣ, повела ее къ двери.

Конечно, эти „дѣвочки“ шепчутся о ней и будутъ мѣшать ей разговору съ Остожинимъ.

А она не хотѣла отпускать его послѣ такого „глупаго обѣда“.

— Владимиръ Григорьевичъ, хотите покурить тамъ у меня, въ угловой?

Комната, рядомъ съ гостиной, гдѣ стоялъ ея письменный столъ и швабциевъ книгъ, привезенный изъ города, выходила на террасу немного бокомъ. Даже половинки дверей „для воздуха“ были сняты.

Лена могла видѣть ихъ изъ гостиной. Но еслибъ она пожелала придти и вмѣшаться въ ихъ разговоръ, Вѣра чувствовала, что способна сейчасъ удалить ее подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ.

— Лена намъ поиграетъ, — сказала она ласковѣе, проходя мимо столика съ кофейнымъ приборомъ.

XXV.

— Нѣтъ, Владимиръ Григорьевичъ, — говорила Вѣра подъ звуки серенады Мошвовскаго, которую играла въ гостиной Лена и про себя бѣсилась на „купчиху“. — Нѣтъ! Не вижу я и въ людяхъ, какъ вы, — она слегка наклонила голову, — смѣлости, чтобы сказать намъ, женщинамъ: „надо вамъ учиться думать“.

Она взяла тотъ томикъ, который читала передъ обѣдомъ.

— Вы его знаете? — указала она на переплетъ имя автора.

— Нѣтъ! Лично никогда не встрѣчалъ въ Англии.

— И не читали?

— Читалъ его стихотворенія и одинъ изъ его романовъ. Не помню — какой.

— Какъ его тамъ цѣнять? Кажется, теперь только онъ достигъ славы. А больше двадцати лѣтъ его замалчивали или смѣялись надъ нимъ.

Остожинъ взялъ у нея изъ рукъ книжку въ синемъ англійскомъ переплетѣ, и сталъ перелистывать.

— Еще не дальше, какъ передъ отъѣздомъ мнѣ, послѣ очень блестящаго обѣда — когда началось вечернее „reception ouverte“ — зашелъ у меня разговоръ съ двумя дамами и молодымъ „fellow“ одной изъ кэмбриджскихъ коллегій, пишущимъ критическіе этюды. И всѣ они въ голосъ повторяли: „Его трудно читать; это головоломная работа. He is too difficult!“ — провзнесъ Остожинъ, нарочно поддѣлываясь подъ англійскій акцентъ.

— Можетъ быть... Онъ не очень простъ, — вдумчиво сказала Вѣра: — и любить выражаться образами. Иногда метафоры идутъ у него цѣлыми...

Вѣра хотѣла сказать „толпами“, испугалась и замѣнила слово „серіями“.

— Вотъ, позвольте...

Она протянула руку и взяла у него синюю книжку.

— Какъ это восклицаніе сильно и смѣло!

Она отыскала мѣсто и прочла, выговаривая гораздо проще, чѣмъ Остожинъ, по-англійски:

— More brain, o, lord! More brain!

— Это онъ кому же желаетъ? — спросилъ съ усмѣшкой Остожинъ.

— Намъ, намъ — женщинамъ, Владиміръ Григорьевичъ.

— Будто бы онъ васъ обидѣлъ по этой части, княгиня? Мнѣ кажется, что наши женщины уже черезъ-чуръ напрягаютъ свои мозги.

— Какія женщины?

— Принадлежащія къ такъ называемой интеллигенціи.

— Вотъ видите, вы сами говорите — „къ такъ называемой“...

Она не досказала.

„Зачѣмъ я все это говорю?“ — остановила она себя. Совсѣмъ не такъ и не о томъ хотѣла бы она говорить съ нимъ.

И онъ подумалъ въ эту минуту почти то же самое. Невольно они поглядѣли одинъ на другого, и имъ стало неловко.

Но еслибъ она начала говорить съ нимъ „по душѣ“ — любимое слово всѣхъ интеллигентовъ — она непременно начала бы сожалѣться въ своемъ недовольствѣ тѣмъ — какъ складывается ея жизнь.

А это звучитъ пошлой жалобой на супружескую обстановку, т.-е. на мужа. И этого она ни подъ какимъ видомъ не хотѣла.

Да и на что ей жаловаться? Мужъ какъ мужъ, не дуракъ,

не безпутный, невѣрностей ей еще не дѣлалъ, всѣхъ ея денегъ пока еще не прожилъ, а желаетъ даже увеличить ея капиталъ.

Что въ ихъ супружествѣ оказалась брешь—кто же въ этомъ виновать?

Она одна! Развѣ ее кто насильно отдавалъ замужъ?

Быть можетъ, впервые горечь роковой ошибки разлилась по ней. И если это такъ, то надо молчать, а не изливаться передъ женщиной, передъ тѣмъ, кто представлялся ей антиподомъ князю Вадиму Дмитриевичу.

Кто мѣшалъ ей—свободной и богатой дѣвушкѣ—искать прочной привязанности въ той средѣ, куда она всегда стремилась? Не княгиней ей слѣдовало быть, а женой профессора, медика, даже простого учителя или писателя.

Червякъ тщеславія забрался въ нее, и по крайней мѣрѣ цѣлый годъ, по выходѣ замужъ, держалъ ее въ какомъ-то туманѣ.

Ей припомнилось, какъ одинъ развинченный французикъ, виконтъ, путешествующій по Россіи, любитель византійскаго стиля „double du style de Souzdale“ — никакъ не хотѣлъ вѣрить, что она — внучка ярославскаго мужичка, кустаря, промышленнаго сапожника товаромъ.

Когда кто-то изъ ея свѣтскихъ знакомыхъ—врядъ ли не безъ затаенной ироніи—передавалъ ей возгласы француза: „C'est inouï! C'est renversant!“—это льстило ей. Тогда она увѣровала въ свою необычайную, чисто-княжескую „distinction“, на которую выдалъ патентъ парижанинъ, да еще легитимистъ, доказывающій, что его предокъ былъ пажемъ Людовика Святого, когда тотъ тяжело заболѣлъ во время похода въ Палестину.

— Ахъ, княгиня!—окликнулъ Остожинъ и покачалъ пріятельски головой.—Бѣда нашихъ барынь...

— Пожалуйста, Остожинъ, не называйте меня княгиней и не употребляйте слова: барыня.

— Слушаю-сь,—какъ будто обидѣвшись, отвѣтилъ онъ.

Вѣра протянула ему руку.

— Не будемъ тратить понапрасну словъ... Вотъ вы сейчасъ подниметесь—и жди васъ.

Игра Лены замолкла. Она могла придти. Ея присутствіе было бы для Вѣры крайне неприятно въ эту именно минуту. Пожалуй опять онъ начнетъ съ ней болтать о спортѣ.

Наконецъ, Лена могла ему понравиться. Никогда еще до сегодня Вѣра не подумала даже, что Остожинъ можетъ заинтересоваться одною изъ ея племянницъ. А сегодня ее что-то тревожило, мѣшало ей въ этомъ разговорѣ съ глазу на глазъ быть

самой собою. И онъ не сказалъ ей ни одного теплаго слова. Точно онъ отъ нея ускользаетъ.

„Бѣдная!—думалъ, глядя на нее, Остожинъ.—Тебѣ хочется говорить про себя, и ты не смѣешь. Тебѣ хочется любить, и ты мудришь, выскиваешь афоризмы въ англійскихъ романахъ и терпишь жестокую тоску съ своимъ благовѣрнымъ и съ племянницами, которыя тебя презираютъ за то, что ты купеческаго рода. Нѣтъ, тамъ на западѣ, даже въ развращенномъ Парижѣ, женщины берутъ изъ жизни все, что только можно взять, и онѣ по-своему тысячу разъ правы“.

И онъ вспомнилъ вечеръ, проведенный уже не въ чопорномъ домѣ въ Лондонѣ, а въ кабинетѣ великолѣпнаго ресторана Кюба, бывшаго петербургскаго ресторатора, въ Елисейскихъ Поляхъ, въ знаменитомъ когда-то „Hôtel Palva“.

Его пригласилъ русскій баринъ, вмѣстѣ съ двумя парижанами-журналистами и актрисой — „*sa petite*“, на тамошнемъ жаргонѣ.

Остожина посадили рядомъ съ нею. Она бывала въ Петербургѣ и всѣхъ знала. Ничего она не говорила особенно умнаго и остраго; но какъ съ ней дышалось легко и ловко! И всякая француженка—какой бы она „марки“ ни была—умѣетъ найти униссонъ съ мужчинами, обходиться съ ними за панибрата и въ то же время дѣйствовать на нихъ всѣмъ, что только въ ней есть гипнотизирующаго—и своего, и поддѣльнаго.

Насколько—на оцѣнку Остожина—Вѣра Тимоѣевна была выше той средней руки актрисы—и насколько та умѣе обходится съ жизнью!

Еслибъ ей продекламировать восклицаніе романиста: „*More brain, o, lord! More brain!*“—она бы крикнула:—*Mais ma saboche me suffit à moi!*

И она была бы вполне права! Ей всегда достанетъ собственной „*saboche*“...

— Мы будемъ видаться, — сказалъ Остожинъ, собираясь уходить. — Я къ зимѣ буду гораздо свободнѣе.

Глаза его ласково остановились на ней.

Вѣра встала и провела ладонью правой руки по щекамъ.

— Какъ здѣсь душно!—сказала она, недовольная тѣмъ, что ее почему-то бросило въ краску. — Вамъ давно пора, Владиміръ Григорьевичъ... Какъ вы поѣдете? Вѣдь ночь.

— А луну забыли?

Предложить ему экипажъ она не могла. Кучеръ еще вчера

доложилъ, что „бѣлоножка“ хромаетъ, а въ одиночку ходитъ пролетка, оставшаяся въ Москвѣ.

— Что же вы мнѣ скажете на прощанье?—спросила Вѣра, понижая голосъ.—Мы вѣдь старые друзья, Владиміръ Григорьевичъ!..

— Самое худшее, Вѣра Тимофеевна,—это не вѣрить себѣ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— У васъ всегда достанетъ натуры, и ума, и воли, чтобы начать жизнь по-своему. Излишняя цекотливость—большой грѣхъ.

— Это слишкомъ обще!

— Вовсе нѣтъ!

Они отошли къ двери.

— И потомъ,—прибавилъ онъ вполголоса:—надо быть искренней съ тѣми, кого вы считаете вашими друзьями.

— Вы пожалуй правы, Владиміръ Григорьевичъ,—проговорила Вѣра и быстро оглянулась на дверь,—какъ бы Лена не подошла.

— Вы сами сознаетесь.

— Но иногда молчаніе...

— Золото?... Ха, ха!

Они вошли въ гостиную вмѣстѣ. Лена стояла у піанино и прибирала ноты.

— Vous partez?—окликнула она Остожина.

Ея глаза, прищуренные въ направленіи Вѣры, говорили:

„Не думайте, что я ничего не понимаю... Вы—лицемеръ, и я васъ ненавижу“.

Остожинъ сказалъ ей что-то по-французски и, повернувшись къ двери террасы, обратился къ Вѣрѣ:

— Вѣдь моя лошадь тамъ, внизу... Поклонитесь князю.

Объ проводили его на террасу. Въ паревѣ стоялъ яркій лунный свѣтъ.

XXVI.

— Мама! Родная моя!

Вѣра опустилась на колѣни у изголовья кровати, схвативъ руку матери и стала цѣловать.

— Ужасно похудѣли! И ничего не написали! Какъ не стыдно!

Степанида Федотовна лежала въ постели, прикрытая по плечамъ шалью.

Она очень измѣнилась. Лицо пожелтѣло, глаза впали. И голосъ ослабѣлъ.

— Да ничего, Вѣруна, мнѣ теперь гораздо лучше. Докторъ

говорить, послѣ-завтра могу и встать.. И ночь эту, благодаря Бога, спала послѣ легкой испарины.

— Все-таки, мама, почему же было не написать?

Она упрекала мать, а сама развѣ не кругомъ виновата? Передъ отъѣздомъ изъ деревни она больше недѣли не писала къ матери и не видала ее съ конца іюля, когда они вернулись съ водъ и проѣзжали Москвой.

Степанида Ѳедотовна гостила у старшей дочери въ Кунцовѣ; а сама дачи не брала. Вѣра знала, что она должна была сильно скучать безъ нея, особенно въ сентябрѣ.

— Родная... простите меня!

— За что?

Старуха разсмѣялась и погладила ее по плечу.

— Какъ же я такъ ничего не знала! И зажились мы въ деревнѣ, Богъ знаетъ зачѣмъ.

— Значить, тебѣ такъ надо было. Ты мужняя жена—подневольный человѣкъ. Я все время была здорова. И въ лавки каждый день ѣздила. Застудила поясницу, должно быть. Тутъ какъ-то сировато было... Съ какой же стати тебя тревожить, Вѣруна?

Глаза Степаниды Ѳедотовны—впалые и съ маленькимъ блескомъ—любовно оглаживали голову дочери.

— Да садъ ты пожалуйста!—болѣе сильнымъ голосомъ выговорила она.

Вѣра поднялась и присѣла въ ногахъ, на самой кровати—широкой, двуспальной.

Она еще не говорила съ докторомъ, но общій видъ больной смущалъ ее.

За послѣднее время не одна печень беспокоила Степаниду Ѳедотовну. И почки стали „пошаливать“. Но она оставалась вѣрна своему правилу—до послѣдней возможности быть на ногахъ и никому не жаловаться.

— Вѣдь я не одна была,—заговорила Степанида Ѳедотовна, замѣтно подбадривая себя:—Аня каждый день, бывало, завернеть. Вотъ и нынче была.

— Какъ же вы не послали за сестрой?

— Какой сестрой, Вѣруна?

— За сестрой милосердія.

— За сидѣлкой? Богъ съ ними! Не больно я ихъ долюблю, прости Господи! Очень ужъ франтоваты. Не знаешь, какъ съ ними и обходиться. Ну да что ты все обо мнѣ да обо мнѣ.

Что ты, голубка? Вонъ ты въ личикѣ-то точно похудѣла, и цвѣтъ не тотъ.

— Это загаръ.

— Загаръ—загаромъ...

И, помотавъ головой, Степанида Ѳедотовна поднялась корпусомъ и протянула къ дочери обѣ руки.

— Твои принцессы-то, чай, донимали тебя?—спросила она съ тихимъ смѣхомъ.

— Мы теперь больше ладимъ.

— Ишь ты! Ну, слава Богу. И князь, поди, теперь въ полномъ удовлетвореніи?

Степанида Ѳедотовна подмигнула дочери.

— Почему же, маменька?

— Да какъ же? Нешто тебѣ не извѣстно? Насчетъ новаго ихъ компаньона?

Вѣра знала, на что намекаетъ мать.

Вотъ уже болѣе двухъ недѣль, какъ князь съ Погулянинымъ торжествуютъ побѣду.

Черезъ Лену, еще до отъѣзда ихъ на воды, оба познакомились съ богатенькимъ купчикомъ Пусиковымъ, женившимся на ея подругѣ, и въ одно лѣто „обработали“ его. Онъ сталъ пайщикомъ, и съ его кредитомъ они выпустили акціи и успѣли на половину ихъ размѣстить между родственниками этого самаго Пусикова.

Съ этихъ поръ князь особенно нѣженъ къ старшей племянницѣ и всѣмъ своимъ тономъ старается показать женѣ, что вотъ, молъ, вы только нотации читать изволите, а оказать содѣйствіе не считаете нужнымъ. Черезъ мою же родную племянницу мы нашли ходы и безъ васъ.

Лена теперь и днюетъ и ночуетъ у этой четы Пусиковыхъ, ѣздитъ съ ними въ театры, въ концерты и, кажется, даже слушать цыганъ къ Яру и въ Стрѣльну—во что дядя ея не желаетъ входить.

— Да, князь очень доволенъ.

Проницательные глаза Степаниды Ѳедотовны сдѣлали чуть замѣтное движеніе.

Прежде ея Вѣруня всегда называла его „Вадимъ“, даже не „мужъ“; а теперь онъ— „князь“.

Это не просто; но она не хотѣла допытываться.

Благодареніе Господу хоть и за то, что все еще, какъ-никакъ, держится. Про какое-нибудь скандальное безпутство зятя до нея не доходило.

Одно она видѣла—Вѣра не такъ уже смотритъ на своего благовѣрнаго, какъ годъ тому назадъ. Она его тоже начинаетъ цѣнить и разумѣть по другому.

Выходить, стало-быть, что она, своимъ старушечьимъ умишкомъ, тоже кое-что смыслить. Да и всѣ въ ихъ купеческомъ кругу также его раскусили.

Только радоваться-то этому нельзя! До тѣхъ поръ, пока мужъ — каковъ бы онъ ни былъ—все-таки дорогъ для жены, хотя бы онъ и не стоилъ ея любви—все ладно. А уйдетъ любовь—тогда что?

И чуткой старухѣ сдавалось, что Вѣра начинаетъ таготиться своимъ замужствомъ. Но и объ этомъ она пытатъ ее не будетъ.

— Ну, что жъ теперь?—спросила Степанида Федотовна другимъ тономъ:—приемы у васъ будутъ, Вѣруша? Вѣдь надо старшей-то барышнѣ и жениха искать.

— Мы еще въ траурѣ, маменька; да признаться вамъ сказать—не очень бы я этого желала.

Когда онѣ вдвоемъ съ матерью, у Вѣры сейчасъ же начнутъ высказывать такія выраженія, какъ „признаться сказать“. Но она не слѣдитъ за собою.

Здѣсь ей всего удобнѣе и теплѣе, даже и въ такіе дни, какъ сегодня, около разнемогшейся матери.

— Коли не для барышень, такъ для себя. Почему же тебѣ не потѣшить себя? Муженокъ-то, небось, ни въ чемъ себѣ не отказываетъ. Ты, Вѣруня, я замѣчаю, и одѣваться стала очень ужъ какъ-то по-старушечьи. Точно монашка какая.

— Мы еще въ траурѣ.

— Сколько же времени все трауръ будетъ? Вѣдь она тебѣ не родная сестра была, а золовка.

— Какъ-то не очень хочется, маменька.

Неожиданно Вѣру схватила за сердце тоска, какая-то жалость къ себѣ. Такъ бы она и осталась въ этомъ домѣ, гдѣ ея комнаты до сихъ поръ стоятъ съ той же отдѣлкой; опять бы пошла вольная жизнь съ идеями, съ хорошими порывами, около той, кто души въ ней не чаеъ. Тутъ она своя, кровная дѣвица Финикова, дочь почетной гражданки Степаниды Федотовны. Цѣлыхъ четыре мѣсяца она почти не видалась съ матерью. Та могла заболѣть гораздо опаснѣе, и она узнала бы объ этомъ только вернувшись въ Москву.

И отъ всѣхъ своихъ кровныхъ она ушла. Съ сестрой совсѣмъ не видится. Съ братомъ—также. А тамъ, у „господъ“—одна, всегда одна.

Слезы подступили ей къ рѣсницамъ и давили горло. Она сдѣлала надъ собой усиліе и встала, чтобы скрыть отъ зоркаго взгляда матери выраженіе своего лица.

Дверь отворилась. На цыпочкахъ вошелъ братъ ея Герасимъ Тимоѣевичъ—такой же хмурый и запыленный.

Но какъ она ему обрадовалась—точно они не видались нѣсколько лѣтъ.

— Гара! Здравствуй, голубчикъ!

Она хотѣла обнять его.

— Здравствуй, сестра,—отвѣтилъ онъ ей сухо и ограничился пожатіемъ руки.

И въ его тревожныхъ, недобрыхъ глазахъ былъ упрекъ:

„Наконецъ-то, молю, пожаловала, сестрица милая. Вѣдь не кто другой, мать родная заболѣла“.

— Какъ маменька? — шопотомъ спросилъ онъ, остановившись у двери.

— Войди, Гара. Я—молодцомъ! — откликнулась Степанида Федотовна.

И въ самомъ дѣлѣ, пріѣздъ обожаемой дочери до-вѣльзя оживилъ ее.

„Чужая я брату, чужая—и за дѣло!“—все съ той же горечью подумала Вѣра и отошла къ окну, чтобы не выдать себя матери.

XXVII.

Носильщики втащили двѣ большіе пальмы въ гостиную. На шумъ ихъ шаговъ Вѣра показала изъ своего кабинета.

— Что это такое?—спросила она у человѣка.

— Князь изволили прислать подводу съ растеніями,—доложилъ тотъ:—и приказали разставить въ гостиной и въ угловой.

Она ничего не знала про эту новую покупку.

Вотъ уже третью покупку для дома дѣлаетъ князь, не предупредивъ ее. Третьяго дня принесли къ нему картину—двѣ купальщицы—французской работы. Онъ проговорился, что платилъ за нее не дешево, что-то около тысячи рублей. Она нашла работу ординарной и положеніе голыхъ женщинъ слишкомъ безстыднымъ, но ничего не сказала.

Вчера былъ поставленъ въ гостиной шкафчикъ-буль, съ никростаціей, въ которомъ не было никакой надобности.

Прежде за княземъ что-то не водилось страсти къ антикварнымъ вещамъ. Кажется, это—только предлогъ къ издержкамъ.

Неожиданный „*сoup de filet*“ — успешная ловля пайщика и „лян-сировка“ акций превратили ихъ съ кузеномъ Погуляниннымъ въ крупныхъ дѣльцовъ съ кредитомъ во всѣхъ московскихъ банкахъ.

Старшей племянницѣ — въ награду, если не въ видѣ „комиссія“ — дядя заказалъ песцовую шубу, купилъ велосипедъ, на которомъ она ѣздитъ въ манежѣ, и общалъ ей и Марусѣ къ зимѣ сани заграничнаго образца и пару пони.

Женѣ онъ предложилъ выбрать какую-угодно цѣнную парюру у ювелира. Вѣра поблагодарила и не приняла подарка. Онъ сморщился и вотъ уже третій день дуется.

— Куда же прикажете вотъ эту поставить, ваше сіятельство? — спросилъ лакея.

Носильщики ждали у дверей.

— Надо покрыть полъ бумагою, — распорядилась Вѣра. — А то рабочіе натопчутъ сапогами.

Изъ заднихъ комнатъ — одѣтая на прогулку — вышла Лена. За ней должна была заѣхать ея подруга — Пусигова.

— Поставьте туда въ уголъ, надъ диваномъ, — сказала Вѣра.

— Совсѣмъ не туда! — увѣренно поправила Лена. — Дядя желаетъ, чтобы эти обѣ пальмы поставили по бокамъ. Такъ будетъ гораздо красивѣе. *N'est-ce pas?* — спросила она въ сторону Вѣры.

— Мнѣ, право, все равно, — отделинулась Вѣра и, не желая перекоряться съ Леной, ушла къ себѣ.

Изъ своей комнаты она слышала, какъ Лена продолжала распоряжаться. Передвигали мебель на нѣсколько ладовъ, и голосъ племянницы раздавался увѣренно и властно, прерываемый замѣчаніями рабочихъ и лакея.

Еще болѣе чужой почувствовала себя Вѣра, оставшись у себя — когда въ гостиной все утихло. Племянница, конечно, и не заглянула къ ней — сказать, куда она ѣдетъ и скоро ли вернется.

Да и къ чему она стала бы въ это вмѣшиваться?

Лена — на правахъ большой. Родной дядя позволяетъ ей теперь жить на полной свободѣ. Это — дѣло его правилъ и совѣсти. Она сама слишкомъ всегда высоко ставила свободу, чтобы лишать ея кого бы то ни было. Въ лѣта Лены она могла уѣзжать, не спросившись матери, и возвращаться домой — въ поздніе часы. А въ купеческомъ строномъ домѣ это такъ же необычно, какъ и въ дворянскомъ.

Лена дѣлается все злѣе и нахальнѣе съ нею. Вотъ сейчасъ она могла бы хорошенько осадить ее, и не сдѣлала этого не изъ малодушія, а изъ желанія — ни во что не вмѣшиваться, чтò не

касается прямо ея обязанностей, какъ жены и хозяйки дома, въ томъ, что ей лично поручено.

Князь Вадимъ Дмитріевичъ покупаетъ картины, мебель и растенія; онъ даетъ инструкціи—какъ поставить пальмовыя деревья—не ей, а Ленѣ—пускай та и распоряжается.

Неужели такъ пойдетъ и дальше? Долго ли выдержитъ она свое полное одиночество въ домѣ мужа?

Вопросъ встаетъ передъ ней уже не въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ они переѣхали въ городъ. У ней есть кое-какая своя жизнь: есть засѣданія двухъ обществъ, посѣщеніе одного училища и одного пріюта; но и къ нимъ она охладѣла. И не теперь только, а еще съ весны. Она—„подручная дама“ графини Боровицкой, и на графиню Вѣра—съ того дня, когда Остожинъ разстроилъ ея нервы—не можетъ почему-то смотрѣть по-прежнему. Еслибы не книги и не ежедневное посѣщеніе матери—она бы затосковала. Прошли уже двѣ недѣли съ пріѣзда изъ деревни, а Остожинъ еще не являлся.

Онъ теперь сильно занятъ въ какой-то комиссіи. Только „къ снѣгу“ будетъ онъ свободнѣе. Зачѣмъ же надоѣдать ему съ приставаньемъ? Да и какая ему сладость выносить общество и „рацев“ князя Вадима Дмитріевича? Нельзя не пускать его въ гостиную или вотъ сюда, въ ея кабинетъ. Еще одинъ такой милый „разговорецъ“, какъ тогда весной—и Остожинъ наотрѣвъ откажется бывать у нея.

Можно встрѣчаться у знакомыхъ. У какихъ? У графини онъ бываетъ разъ въ полгода, да и приглашать его за-просто она не станетъ.

Профессорскіе кружки она совсѣмъ забросила, и если вдругъ начать появляться на „фиксахъ“ въ какой-нибудь профессорской квартирѣ вмѣстѣ съ нимъ—это сейчасъ примутъ за свиданія.

А она этого не хочетъ—ни подъ какимъ видомъ.

Вѣра прошлась нѣсколько разъ по своему кабинету—прямо не зная, чѣмъ ей заняться, какую раскрыть книгу или куда поѣхать. Она выѣзжала передъ завтракомъ, была у матери. Погода неприятная—мороситъ изморозь. Дѣлать визиты—еще пущая тоска. Да и лошадей нѣтъ. Князь утромъ ѣздилъ на извозчикѣ; а послѣ завтрака велѣлъ запереть пару сѣрыхъ. Кучеръ у нихъ одинъ.

Онъ даже не спросилъ ее—собирается ли она выѣзжать, или нѣтъ. Прежде этого не бывало.

Отъ портьеры глухой голосъ лакея заставилъ ее обернуться отъ окна.

— Господинъ Спѣшневъ.

— Кто?—переспросила Вѣра.

— Спѣшневъ... господинъ. Какъ-то были здѣсь, кушали, передъ праздникомъ,—пояснилъ лакей.

— Прости! Прости!

— Куда приглашаете?

— Сюда... во мнѣ.

Вѣра искренно обрадовалась своему пріятелю. Не видала она его съ обѣда у нихъ. Опять она упрекнула себя въ охлажденіи и къ тѣмъ, кто ближе къ ней всего ея теперешняго „общества“. Но переписываться она никогда не пробовала съ Никитой Васильевичемъ. Узнавать о немъ тоже было не у кого.

— Позвольте, Вѣра Тимоѣевна?

— Идите, идите, милый Никита Васильевичъ.

Она протянула ему обѣ руки.

— Да какъ вы похорошѣли!.. Ха, ха!

Ея смѣхъ показался ей самой чѣмъ-то чужимъ—такъ давно она молодо и весело не смѣялась.

— Будто?—изумленно спросилъ Спѣшневъ, цѣлуя ея правую руку.

— Ей Богу! Пополнѣли. И колоритъ какой въ лицѣ! Точно вы жили на Неаполитанскомъ заливѣ. Садитесь, садитесь, вотъ сюда, на диванъ.

И одѣтъ онъ былъ старательнѣе обыкновеннаго.

— Да почти-что на Неаполитанскомъ заливѣ жилъ, Вѣра Тимоѣевна. Море-то вѣдь одно; тамъ Средиземное, а тутъ—Черное.

— Въ Крыму?

— Тамъ, тамъ, и цѣлыхъ четыре мѣсяца.

— Одни?

Вопросъ слетѣлъ съ ея губъ раньше, чѣмъ она подумала.

Спѣшневъ немного потупился и наклонилъ свою характерную голову, точно пришелъ съ повинной.

— Нѣтъ... состоялъ...

— При ней?—вполголоса вымолвила Вѣра.—И цѣпи еще сильнѣе вѣзались?

— Не знаю. Не могу отвѣтить по совѣсти. Притупилось сознание.

Онъ тихо усмѣхнулся.

— Жилъ я въ сторонѣ... Въ горахъ. И на берегъ спускался, когда очень ужъ защемишь.

— Въ Ялту?

— Въ нее самую. И что это, я вамъ скажу, голубушка, за

гнѣздо! Вся-то здѣшняя обывательская пошлость туда перекочевываетъ. Самые махровые экзѣмпляры.

Онъ хотѣлъ сказать „махровыя купчихи“ — и въ-время удержался.

— Знаю,—подтвердила Вѣра.

— Перечиталъ до сотни разъ „Крымскіе сонеты“ Мицкевича. Вотъ поэтъ! Вотъ вдохновеніе! Господи!

— И вы могли бы, Никита Васильевичъ...—точно про себя обронила Вѣра.

— Эхъ, полноте! Зачѣмъ начинать сказку про бѣлаго бычка... Вѣдь я къ вамъ съ дипломатическимъ порученіемъ.

— Отъ кого?

— Отъ кого! Неужели не догадываетесь? Сразу не скажешь, голубушка,—бдзвно.

XXVIII.

Вѣра готова была бы всячески одолжить Спѣшнева; у нея къ нему была особенная слабость. Талантъ его она ставила очень высоко. Ему самому она не разъ говаривала:

— Изъ васъ вышелъ бы русскій Альфредъ де-Мюссе, еслибъ вы больше въ себя вѣрили.

Въ публикѣ его мало знали. Онъ печаталъ лучшія свои вещи анонимно или подъ инициалами. До сихъ поръ онъ не издалъ ихъ отдѣльной книжкой. А въ послѣдніе два года онъ почти всѣмъ смолкъ.

— Чѣмъ могу быть полезна?—спросила она шутливо, чиновничьимъ тономъ.

— Я посланъ къ вамъ, голубушка, отъ Вассы Ивановны.

Имя Лопаревой онъ выговорилъ гораздо тише.

До сихъ поръ онъ стѣсняется произносить ея имя въ самыхъ интимныхъ бесѣдахъ. Говоря о ней, онъ употребляетъ слово „она“, или же называетъ ее: „мое навожденіе“, когда способенъ — шутить.

— У нея есть до меня дѣло?—почти удивленно спросила Вѣра.

— Есть.

Лопареву Вѣра почти-что не видала съ того времени, какъ замужемъ. Та приходится какъ-то сродни сестрѣ ея Антонидѣ, черезъ мужа. Видѣтъ ее у себя ей было бы тяжело,—даже помимо того, какъ сталъ бы гримасничать князь Вадимъ Дмитриевичъ.

Репутація Вассы Ивановны слишкомъ скандальна. Ее даже въ самыхъ распущенныхъ кружевахъ не иначе называютъ, какъ „московская Мессалина“.

Мелкая пресса сдѣлала изъ нея одно изъ своихъ постоянныхъ клише. Еще недавно, на-водахъ, Вѣра попалась замѣтка, гдѣ описывались ея новѣйшія похождения. И теперь Вѣра вспомнила, что замѣтка была въ видѣ юмористическаго письма изъ Ялты, откуда Спѣшневъ пріѣхалъ. Прямо была поставлена большая буква Л; а имя и отчество измѣнены такъ, чтобы каждый могъ узнать. Васса Ивановна, послѣ „пріобрѣтенія“—такъ выражалась газета—какого-то грузинскаго князька-красавца, не разрывая съ нимъ, „пріобрѣла“ и заѣзжаго фокусника-итальянца. Между обоими предметами ея аппетита въшла схватка, и дѣло кончилось судебнымъ разбирательствомъ.

Спѣшневъ могъ предложить, что Вѣра знала про эту недавнюю крымскую исторію.

И когда онъ, помолчавъ, просительно взглянулъ на нее, въ его добрыхъ, грустно-ласковыхъ глазахъ она прочла какъ бы просьбу: не спрашивать его о томъ,—дѣйствительно ли произошло въ Ялтѣ побоище двухъ „кавалеровъ“ Вассы Ивановны, или это только грязная газетная утка.

Съ опущенными рѣсницами сидѣла Вѣра, предчувствуя, что ей придется, можетъ быть, огорчить или обидѣть своего пріятеля.

— Пожалуйста, бездѣльная Вѣра Тимоѣевна, вы на меня, въ настоящій моментъ, смотрите только какъ на механизмъ... въ родѣ фонографа... Я только передаю. Если чтѣ отъ себя лично и прибавлю, то—въ видѣ совершенно объективнаго поясненія.

Не легко ему было выкарабкаться изъ этого предисловія.

— Со мною-то, кажется, вамъ нечего стѣсняться, Никита Васильевичъ,—сказала вполголоса Вѣра и дотронулась до его руки.

— Видите ли... Теперь на насъ—это значило: на Вассу Ивановну—нашелъ стихъ учредительства.

— Въ какомъ родѣ?

— Въ самомъ прогрессивномъ—чтобы это было послѣднее слово науки и человеколюбія.

— Что-жъ? Развѣ это плохо, Никита Васильевичъ?

— Не знаю, голубушка. Я только воспроизвожу фактъ. Въ тѣхъ краяхъ, откуда мы теперь благополучно прибыли, въ прошломъ году мы задумали учредить нѣчто въ родѣ страннопріимнаго дома нашего имени для призрѣнія семействъ тѣхъ тузем-

цевъ, безъ различія религіи и расы, кто погибъ на морѣ—въ какомъ бы ни было промыслѣ.

— Что-жъ! Идея прекрасная!

— Въ этомъ году мы заложили фундаментъ, и воображеніе у насъ разыгралось... И вмѣстѣ сожалѣніе о томъ, что здѣсь, въ Москвѣ, мы не заявили себя съ той же стороны.

— Развѣ это трудно? При такихъ-то средствахъ!

— Тутъ является... психологическій моментъ. Намъ нужна, такъ сказать... реабилитація.

— Реабилитація?—повторила полу-шутя Вѣра.

— Да-съ... реабилитація. Надо имѣть сначала доступъ къ особамъ, одно имя которыхъ дастъ вамъ, такъ сказать... Ну, да вы меня понимаете, голубушка.

— Понимаю.

Вѣра поняла теперь и остальное: зачѣмъ она понадобилась Вассѣ Ивановнѣ Лопаревой.

— У насъ,—продолжалъ въ томъ же тонѣ Спѣшневъ:—есть нѣсколько проектовъ—и планы, и фасады, и сѣтты. Недостаетъ только особы, подъ эгидою которой мы выступимъ, какъ съ ногъ спибающая благодѣтельница московскихъ мизераблей.

Ей стало дѣлаться непріятно, почти больно отъ его тона.

— Нивита Васильевичъ!—остановила она его.

— Чтѣ угодно, Вѣра Тимофеевна?

— Вы себя напрасно такъ настраиваете... Въ такомъ тонѣ... У васъ на душѣ—адъ. И вы хотите облегчить себя ироніей... Если то, чтѣ вы сейчасъ сказали—не шутка...

— Какая же шутка! Помилуйте!—вскричалъ Спѣшневъ.—Капиталы мы на сей вонецъ ассигновали.

— Перестаньте... Говорите проще, прошу васъ, Нивита Васильевичъ.

— Проще не могу, голубушка.

— Стало быть, она дѣйствительно хочетъ?..

— Реабилитировать себя... я уже имѣлъ честь вамъ докладывать.

— Отчего же этимъ не воспользоваться?

— Кому?

— Вамъ.

— Мнѣ?—вскрикнулъ Спѣшневъ, вскочилъ и заходилъ по комнатѣ.

— Отчего же вы не можете участвовать въ такихъ планахъ, направлять ее, развить въ ней совсѣмъ другія склонности?..

— Ха, ха, ха!—разразился Спѣшневъ. — Словомъ, помочь ей убѣдить себя, какъ лилію долины, какъ евангельскій кринъ

сельный? Этого еще не доставало! Чтобы я—въ глазахъ самыхъ влиятельныхъ обывателей—прослылъ за падшаго мужчину, обдѣлывающаго свои дѣлишки въ качествѣ агента ея степенства, по части смѣтъ и закупокъ матеріаловъ, сдѣлокъ съ подрядчиками и архитекторами?!

— Полноте, Никита Васильевичъ, такъ нельзя.

Тонъ Вѣры звучалъ строже.

— Матушка! Вѣра Тимоѣевна?..

Спѣшневъ подбѣжалъ къ дивану, подсѣлъ къ ней близко, взялъ ее за руку и не выпускалъ.

— Неужели вы воображаете,—заговорилъ онъ съ дрожью въ голосѣ:—что она отъ этихъ затѣй переродится и станетъ приличной супругой? Ха, ха!.. Тогда первымъ долгомъ ей слѣдуетъ выгнать меня. А я—ея вещь! Вещь бессмѣнная... Другіе—игрушки на время, на мѣсяцъ, иногда и на одинъ вечеръ. Для меня,—онъ сталъ говорить тяжело дыша:—для меня, дорогая, вся эта игра въ гуманизмъ еще отвратительнѣе. Ужъ развратъ, такъ развратъ! На чистоту! На-гдло! А теперь... Помилуйте... Я слово скажи... вотъ когда въ груди клокочетъ и готовъ былъ бы и себя, и ее уложить на мѣстѣ—она сейчасъ губы бабочкой и пошла окачивать струей своего презрѣнія: „Да вы сами, милый мой, ведете такую пустую и жалкую жизнь, что вамъ до меня—какъ до звѣзды небесной. У меня теперь высшія стремленія, и я вамъ покажу, сколько во мнѣ энергіи“...

— Кто же знаетъ... Бывали примѣры.

— Покажете! Заставить о себѣ въ колокола звонить... И въ первую голову купить тѣхъ, кто сдѣлалъ изъ нея героиню скандальной хроники. Господи! Господи!

Голосъ его оборвался. Онъ взялъ голову въ обѣ руки и тяжело опустился.

— Полноте, Никита Васильевичъ. Не хорошо такъ. Не достойно. Вѣдь у васъ было порученіе отъ нея. Какое же?

— Какое? Черезъ васъ мы желаемъ подыграть къ графинѣ Боровицкой.

— Вотъ что!..

Лицо Вѣры затуманилось.

— Мы, конечно, желаемъ, чтобы вы къ намъ сами забѣжали. А съ какой стати? Съ какой стати вамъ, княгинѣ Вѣрѣ Тимоѣевнѣ Кунгуровой, такой женщинѣ, которой... она...

Спѣшневъ не договорилъ и отвернулся.

— Все это можно устроить... милый мой, Никита Василье-

вичь. За графиню я, конечно, ручаться не могу... Но если Васса Ивановна сразу заявитъ свое желаніе фактически участвовать...

— Кушъ будетъ. Но намъ захотѣлось реабилитаціи. Вотъ, молъ, такая уже истинно лилія долины, по чистотѣ своей, Вѣра Тимоѣевна — и та со мною товарка по дѣламъ высшаго альтруизма. Этакихъ словъ мы, пожалуй, еще не употребляемъ, но будемъ употреблять.

Онъ всталъ.

— Простите... Я васъ только разстроилъ моимъ презрѣннымъ юродствомъ. Чтѣ же прикажете передать?

— Я поговорю съ графиней.

Вѣрѣ стало до-нелзя жаль его. Она предвидѣла — чтѣ графиня скажетъ... Какой бы кушъ ни приготовила эта Васса Ивановна — принимать ее къ себѣ графиня не будетъ.

— А про васъ что же я скажу?

— Если она пріѣдетъ ко мнѣ по дѣлу...

— Почему же не принять ее? — докончилъ онъ.

Вѣра покраснѣла и схватила его руку.

— Я не то хотѣла сказать, Никита Васильевичъ.

— То, то самое... Ну, гоните меня! А то я, пожалуй, какъ кликуша, начну причитать.

Вѣра проводила его до передней.

П. БОВОРЫКИНЪ.

РУССКІЙ ДВОРЪ

ПРИ

ПЕТРЪ II

1727—1730.

ПО ДОКУМЕНТАМЪ ВЪНСКАГО АРХИВА.

III *).

КАТАСТРОФА СЪ МЕНШИКОВЫМЪ.

Прусскій дипломатъ Мардефельдъ сообщалъ за нѣсколько недѣль до паденія князя: „Меншиковъ низложилъ всѣхъ своихъ противниковъ; никто не смѣетъ шевельнуться, а императорская фамилія пришла къ тому убѣжденію, что между всѣми вельможами россійской имперіи нѣтъ другого, кто бы лучше могъ занять мѣсто при особѣ государя и былъ бы такъ способенъ на важныя рѣшенія и на приведеніе ихъ въ исполненіе. Онъ имѣетъ на своей сторонѣ императора, великую княжну и императорское семейство, а потому можно разсчитывать, что настоящее правленіе продолжится безъ всякой перемѣны“...

А уже вскорѣ послѣ этого Лефортъ писалъ: „Молодой монархъ употребляетъ всѣ усилія свергнуть иго Меншикова“...

*) См. январь, 99 стр.

Между княземъ и государемъ начали происходить непріятныя сцены.

Разсказываютъ, что цехъ петербургскихъ каменщиковъ поднесъ государю 9.000 червонныхъ, которые Петръ II отослалъ въ подарокъ своей сестрѣ; но посланный встрѣтился съ Меншиковымъ, который велѣлъ ему отнести деньги въ свой кабинетъ, сказавши при этомъ: „Императоръ еще очень молодъ, и потому не умѣетъ распорядиться деньгами, какъ слѣдуетъ“. Петръ II, узнавши объ этомъ, спросилъ у Меншикова раздраженнымъ голосомъ, какъ онъ смѣлъ помѣшать исполненію его приказанія? Князь, не привышій къ такимъ выходкамъ молодого государя, сначала смутился, а потомъ отвѣчалъ, что государство нуждается въ деньгахъ, казна истощена, и что онъ въ тотъ же день хотѣлъ представить проектъ, какъ лучше употребить эти деньги. Петръ II, разсказываютъ, топнулъ ногою и сказалъ: „Я тебя научу, что я императоръ, и что мнѣ надобно повиноваться“. Съ этими словами онъ повернулся къ нему спиною и вышелъ; Меншиковъ отправился за нимъ и едва успѣлъ его успокоить.

Между тѣмъ, Лефортъ опять писалъ 23 августа 1727 г.: „Меншиковъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ; его скупость чрезмѣрна. Онъ такъ себя поставилъ, что императоръ не можетъ ни видѣть, ни слышать его. Недавно этотъ ворчунъ (le grognard) спросилъ лакея, которому было дано 3.000 рублей для мелкихъ расходовъ монарха, сколько онъ истратилъ? Узнавъ, что лакей далъ Петру II сумму хотя и очень умѣренную, но онъ выругалъ слугу и прогналъ его. Царь, узнавъ объ этомъ, поднялъ страшный шумъ и принялъ обратно слугу. Другой разъ царь послалъ спросить у Меншикова 500 червонцевъ. Князь полюбопытствовалъ знать, къ чему пужны эти деньги. Петръ II сказалъ, что онъ ему просто нужны, и, получивъ ихъ, подарилъ сестрѣ. Узнавъ объ этомъ, Меншиковъ разгорячился и отнял деньги у великой княжны“... Разсказывая объ этомъ; саксонскій дипломатъ критикуетъ образъ дѣйствій князя и замѣчаетъ: „Вотъ странный способъ снискать расположение. Богу известно, въ какой мѣрѣ они (Петръ II и Наталья) желаютъ освободиться отъ князя“.

Въ концѣ того же августа случился еще эпизодъ, о которомъ сообщаетъ также Лефортъ: жители Ярославля поднесли царю серебряный подарокъ. Онъ отдалъ его сестрѣ. Узнавъ объ этомъ, Меншиковъ три раза посылалъ за нимъ. Великая княжна возвращала посланнаго съ приказаніемъ сказать Меншикову, что она знаетъ разницу между царемъ и частнымъ человѣкомъ въ родѣ князя, и поклялась никогда не быть въ его домѣ.

Уже въ это время можно было ожидать кризиса. „День именинъ великой княжны, — писалъ Лефорть, 26 августа ст. ст., — прошелъ въ спорѣ между царемъ и Меншиковымъ. Какъ только послѣдній хотѣлъ съ нимъ говорить, тотъ поворачивалъ ему спину. Царь поддерживаетъ свой авторитетъ. Одному изъ своихъ любимцевъ онъ сказалъ по поводу стараній князя говорить съ нимъ: „Вотъ вы увидите, что я сумѣю проучить его“. Меншиковъ упрекалъ его въ томъ, что онъ мало заботится о своей невѣстѣ и о женитьбѣ. Царь отвѣчалъ: „Развѣ не довольно, что я люблю ее въ душѣ? Ласки излишни. А что касается до женитьбы, то Меншиковъ знаетъ, что я не имѣю никакого желанія жениться ранѣе 25 лѣтъ“. Мардефельдъ въ это же время писалъ, что царь влюбился въ Елизавету Петровну, и нисколько не уважаетъ своей невѣсты, которую онъ называлъ „статуей“, что, разумѣется, сильно озадачивало князя Меншикова. Далѣе, Мардефельдъ доносилъ 29 августа (9 сентября) 1727 г.: „Императоръ въ Петергофѣ до того отличилъ великую княжну Елизавету Петровну, что начинаетъ быть съ нею неразлучно и замѣтно пренебрегаетъ невѣстой, а это вызываетъ на дальнѣйшія размышленія. Быть можетъ, князь при этомъ дѣлѣ брака дочери руководствовался болѣе своимъ честолюбіемъ, чѣмъ правилами мудрости, ибо этотъ бракъ не пользуется одобреніемъ ни римскаго императорскаго двора, ни старыхъ русскихъ вельможъ; князь добился этого своимъ всемогуществомъ. Можетъ быть, это дѣло обратится во вредъ ему, если у императора вмѣсто любви появится отвращеніе“. Недѣлею позже, 5 (16) сентября, прусскій посланникъ извѣщалъ: „Весь дворъ находится въ ожиданіи важной перемѣны. Я полагаю, что императоръ будетъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, ибо князь Меншиковъ, пользуясь несовершеннолѣтіемъ государя во вредъ государству, завладѣлъ могуществомъ и авторитетомъ правителя и старается слишкомъ ограничить значеніе особы императора и администраціи. Такъ какъ нѣтъ никого, кто бы могъ открыто бороться противъ него, то нѣтъ болѣе дѣйствительнаго средства къ его униженію, какъ придать полный авторитетъ самодержавной власти, при чемъ министры, въ особенности Остерманъ, будутъ значительно сильнѣе князя уже потому, что онъ въ настоящее время пользуется гораздо меньшею милостію императора“.

Графъ Рабутинъ, какъ кажется, нѣсколько ранѣ другихъ иностранныхъ дипломатовъ узналъ объ опасности, угрожавшей князю. Въ его письмѣ къ графу Зинцендорфу, еще отъ 22 августа (2 сентября) 1727 г., сказано: „Буря, грозящая князю, усиливается. Главою партіи, образующейся противъ него, служить

канцлеръ (Головкинъ), человекъ честный и миролюбивый, но раздраженный удаленіемъ своего зятя, Ягужинскаго (назначеннаго губернаторомъ въ Астрахань). Меншиковъ выговаривалъ Головкину за Ягужинскаго въ столь рѣзкихъ выраженіяхъ, что наконецъ такіе припадки деспотизма становятся невыносимыми для всѣхъ, кто не хочетъ зависѣть вполне отъ произвола князя. Головкинъ говорилъ открыто объ этомъ съ барономъ Остерманомъ, увѣряя его, что всѣ вельможи желаютъ для сохраненія пользы государства приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Остерманъ въ свою очередь сообщилъ мнѣ слѣдующія данныя о положеніи дѣлъ. Прежде всего желаютъ положить конецъ произволу и насилію князя, избѣгая по возможности скандала. Слишкомъ быстрая перемѣна можетъ повести слишкомъ далеко и нарушить спокойствіе всего государства. Поэтому мечтаютъ объ объявленіи юнаго монарха совершеннолѣтнимъ, а послѣ этого императоръ могъ бы собрать данныя для формальныхъ жалобъ противъ Меншикова. Я самъ,—продолжаетъ Рабутинъ,—настаивалъ на томъ, чтобы такъ было поступлено. Дѣйствовать противъ князя, не объявивъ государя совершеннолѣтнимъ, значило бы возбудить страсти людей партіи, которые могли бы воспользоваться этимъ для ограниченія монархической власти, которая должна считаться единственнымъ средствомъ поддержать силу Россіи. Довѣріе, которымъ Остерманъ пользуется у молодого государя, можетъ содѣйствовать нѣсколько болѣе умѣреннымъ поступкамъ^а. Рабутинъ сообщаетъ далѣе еще слѣдующія данныя о готовившемся кризисѣ: „Его Величество находится въ настоящую минуту въ имѣніи канцлера Головкина, а князь Меншиковъ пребываетъ у себя на дачѣ (т.-е. въ Ораніенбаумѣ). Въ продолженіе трехъ-четырехъ дней можно будетъ видѣть, до чего будутъ простираться виды канцлера. Быть можетъ, успѣютъ устроить дѣло мирнымъ путемъ, выставляя на видъ князю, что онъ подвергаетъ себя страшной опасности. Мы впрочемъ (т.-е. Австрія), несмотря на главные пороки князя, т.-е. на его алчность и его чрезмѣрное честолюбіе, пока нуждаемся въ немъ для нашихъ интересовъ. Поэтому я стараюсь сдерживать тѣхъ, которые могутъ участвовать въ этомъ дѣлѣ“^а.

Нельзя не удивляться тому, что нѣкоторые лица считали возможнымъ объявить Петра совершеннолѣтнимъ. Въ сентябрѣ 1727 г. ему было одиннадцать лѣтъ и одиннадцать мѣсяцевъ. Регентство оказалось бы необходимымъ и послѣ объявленія молодого государя совершеннолѣтнимъ. Эта мѣра, которая должна была служить средствомъ для успѣшной борьбы противъ князя, оказалась бы официальною ложью, неправильною формальностью. Она и

не состоялась. Развязка воспослѣдовала, какъ кажется, главнымъ образомъ благодаря личному раздраженію Петра II, считавшагося на фактъ совершеннолѣтнимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что царь, рѣшившись на разрывъ съ княземъ, руководствовался совѣтами нѣкоторыхъ лицъ, при чемъ можно думать прежде всего объ Остерманѣ и о Головкинѣ.

Рабутинъ не былъ свидѣтелемъ самой катастрофы. Онъ скончался наканунѣ ея. Гогенгольцъ въ это время находился въ Вѣнѣ. Единственнымъ представителемъ австрійской миссіи былъ Караме, донесеніямъ котораго мы обязаны нѣкоторыми любопытными данными о событіяхъ въ Петербургѣ въ сентябрѣ 1727 года.

Караме доносилъ 6 (17) сентября: „Холодность отношеній между его величествомъ и княземъ Меншиковымъ становится все болѣе и болѣе замѣтною. Князь два раза приглашалъ монарха въ Ораніенбаумъ. Государь извинялся нездоровьемъ, но въ то же время отправился на охоту. Одинъ изъ служителей князя мнѣ самъ говорилъ о томъ, что государь и князь недовольны другъ другомъ“...

Объ участіи Остермана въ паденіи Меншикова сохранились слѣдующія данныя въ одномъ изъ донесеній Мардефельда. „Я только недавно узналъ весьма секретнымъ и достовѣрнымъ образомъ, — доносилъ прусскій дипломатъ 12 (23) сентября, — что именно больше всего способствовало паденію Меншикова, а именно: завидуя особому расположенію императора къ барону Остерману, князь намѣревался низвергнуть послѣдняго. Такъ какъ онъ не могъ найти ничего, за что придратъся къ Остерману, то употребилъ религію какъ орудіе для своихъ цѣлей, и обвинялъ его въ томъ, что онъ препятствуетъ императору въ частомъ посѣщеніи церкви; что нація этимъ недовольна, ибо она не привыкла къ такому образу жизни своего монарха; что Остерманъ старается воспитывать императора въ лютеранскомъ вѣроисповѣданіи, или оставляетъ его безъ всякой религіи, такъ какъ онъ самъ ни во что не вѣритъ. Меншиковъ говорилъ далѣе, что хотя Остерманъ и былъ назначенъ воспитателемъ великаго князя, но онъ съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній сталъ императоромъ, уже не можетъ состоять въ этой должности. Князь намѣревался въ этомъ дѣлѣ привлечь на свою сторону духовенство. Когда же Остерманъ въ Петергофѣ хотѣлъ объясниться съ княземъ Меншиковымъ, князь разгорячился и думалъ его испугать своею властью; онъ ему повторилъ то же обвиненіе, обругалъ его атеистомъ и спросилъ его, знаетъ ли онъ, что онъ (Меншиковъ) его сейчасъ можетъ погубить и сослать въ Сибирь. Тутъ не воздержался баронъ Остерманъ и наговорилъ князю много суроваго, и между прочимъ сказалъ ему, что князь

ошибается, полагая, что онъ въ силѣ сослать его въ Сибирь; онъ же, баронъ, въ состояніи заставить четвертовать князя, ибо онъ и вполнѣ заслуживаетъ того“.

С. М. Соловьевъ относитъ этотъ крупный разговоръ, происшедшій между Меншиковымъ и Остерманомъ, въ 5 сентября, т.-е. къ тому времени, когда разрывъ между государемъ и княземъ былъ открытымъ. За двѣ недѣли до этого, по крайней мѣрѣ, внѣшнія отношенія между Остерманомъ и Петромъ, съ одной стороны, и Меншиковымъ, съ другой, могли считаться благопріятными, какъ видно изъ слѣдующей переписки.

20 августа, въ то время, когда Меншиковъ находился въ Ораніенбаумѣ, Остерманъ, состоявшій при молодомъ императорѣ, писалъ князю: „Сего момента получилъ я вашей великокняжеской свѣтлости милостивѣйшее писаніе отъ 19. Его императорское величество радуется о счастливомъ вашей великокняжеской свѣтлости прибытіи въ Ораніенбаумъ, и отъ сердца желаетъ, чтобы сіе гуляніе ваше дражайшее здравіе совершенно возставитъ могло, еже и мое вѣрное всепокорнѣйшее желаніе есть; при семъ вашей высококняжеской свѣтлости всенижайше доношу, что его императорское величество намѣренъ завтра послѣ обѣда отсюда идти и ночевать въ Стрѣльнѣ, а оттуда въ понедѣльникъ въ Ропшу, и надѣюсь, что въ четвертокъ изволитъ прибыть въ Петергофъ, и хотя здоровье мое весьма плохое, однакожъ туда жъ побреду; вашу высококняжескую свѣтлость всепокорнѣйше прошу о продолженіи вашей высокой милости, и, моля Бога о здравіи вашемъ, пребываю съ глубочайшимъ респектомъ вашей высококняжеской свѣтлости всенижайшій слуга—А. Остерманъ“. Петръ II приписалъ: „И я при семъ вашей свѣтлости и свѣтлѣйшей княгинѣ, и невѣстѣ, и своячинѣ, и тетѣ, и шурина, поклонъ отдаю любительный.—Петръ“.

21 августа, Остерманъ написалъ князю еще другое письмо, извѣщая князя о намѣреніи Петра II поѣхать въ Ропшу. Далѣе, въ этомъ письмѣ сказано: „Его императорское величество писанію вашей высококняжеской свѣтлости весьма обрадовался и купно съ ея императорскимъ высочествомъ любезно кланяются, а на особенное писаніе нынѣ ваша свѣтлость не изволите погнѣваться, понеже учрежденіемъ охоты и другихъ въ дорогу потребныхъ предуготовленій забавлены, а изъ Ропши, надѣюсь, писать будутъ“.

С. М. Соловьевъ, сообщая эти записки, заимствованныя имъ изъ московскаго архива, находитъ, что Остерманъ обманывалъ Меншикова насчетъ расположенія императора къ нему. Послѣ всѣхъ

данныхъ въ донесеніяхъ иностранныхъ дипломатовъ, мы едва ли можемъ сомнѣваться въ томъ, что князю въ это время было хорошо извѣстно нерасположеніе къ нему Петра II. Переписка 20 и 21 августа имѣетъ лишь формальное значеніе. Внѣшняго разрыва пока не было. Пока еще соблюдались обыкновенныя формы учтивости. Въ началѣ же сентября разладъ, существовавшій до этого, обнаружился открыто.

Совершенно справедливо, какъ намъ кажется, С. М. Соловьевъ приписываетъ болѣзни Меншикова (въ іюлѣ) важное вліяніе на переѣзду отношеній между Петромъ и княземъ. Молодой императоръ во время болѣзни князя чувствовалъ себя болѣе свободнымъ. Онъ послѣ этого не могъ желать возвращенія къ полной зависимости отъ князя. Совершенно такъ же дѣйствовало пребываніе князя въ Ораніенбаумѣ во второй половинѣ августа и въ началѣ сентября. Петру жилось свободнѣе безъ князя. А къ тому же именно въ это время онъ находился въ обществѣ недоброжелателей Меншикова, подъ вліяніемъ Головкина и Остермана, серьезно, какъ мы видѣли, мечтавшихъ о средствахъ ограничить власть князя. Такимъ образомъ, катастрофа сдѣлалась неизбежною.

Въ Ораніенбаумѣ, къ 3 сентября, готовилось большое торжество—освященіе церкви. Меншикову хотѣлось непременно, чтобы императоръ присутствовалъ на этой церемоніи. Когда все было готово, Петръ II велѣлъ сказать, что не будетъ; есть извѣстіе, что Меншиковъ имѣлъ неосторожность не пригласить цесаревны Елизаветы Петровны. Церковь была освящена безъ императора.

На другой день, въ понедѣльникъ, 4 сентября, Меншиковъ пріѣхалъ въ Петергофъ на ночь и едва могъ вскользь видѣться съ императоромъ. То было послѣднее свиданіе между Петромъ II и Меншиковымъ. Во вторникъ, 5 сентября, рано утромъ императоръ отправился на охоту; великая княжна Наталья, чтобы не встрѣтиться съ Меншиковымъ, выпрыгнула въ окно и отправилась вмѣстѣ съ братомъ.

Въ Петергофѣ находилась и цесаревна Елизавета Петровна. Она въ этотъ день была именинница. Князь пошелъ поздравить ее; тутъ онъ сталъ жаловаться на неблагодарность Петра II и вычислять свои заслуги; онъ заключилъ, что, видя всѣ свои старанія тщетными, хочетъ удалиться въ Украину и принять тамъ начальство надъ войскомъ.

Не дождавшись возвращенія Петра въ Петергофъ, Меншиковъ отправился въ Петербургъ со всѣмъ семействомъ. Но тутъ онъ засталъ весьма важную переѣзду. Въ тотъ же день въ засѣданіи верховнаго тайнаго совѣта, гдѣ присутствовали Апраксинъ,

Головинъ и Голицынъ, объявленъ былъ указъ императора интенданту Петру Мошкову: „Лѣтній и зимній дома, гдѣ надлежитъ, починить и совсѣмъ убрать, чтобъ къ приходу его величества совсѣмъ были готовы“. Мошковъ былъ спрошенъ, скоро ли тѣ дома могутъ быть убраны, и отвѣчалъ, что въ три дня все можетъ быть сдѣлано.

Значить, Петръ, прожившій во дворцѣ Меншикова на Васильевскомъ Островѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ, рѣшился покинуть это помѣщеніе, пользуясь отсутствіемъ князя, и не извѣстивъ его объ этомъ предварительно. И эта важная перемѣна состоялась на основаніи „указа“ малолѣтняго государя. Петру II было тогда безъ мала двѣнадцать лѣтъ. Онъ не былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ. Однако верховный тайный совѣтъ уже дѣйствуетъ, руководствуясь „указами“ ребенка. Эти обстоятельства весьма наглядно изображаютъ хаотическое состояніе дѣлъ, полное отсутствіе умѣнья и охоты точнѣе опредѣлить права лицъ, участвующихъ въ администраціи. Царствуетъ произволь; важнѣйшіе вопросы рѣшаются какъ бы случайно. Недавно верховный тайный совѣтъ исполнялъ исключительно волю Меншикова, не занимавшаго поста регента и лишь фактически захватившаго бразды правленія. Теперь этотъ же верховный тайный совѣтъ руководствовался указомъ несовершеннолѣтняго государя, значить, некомпетентнаго лица,—для того, чтобы нанести ударъ Меншикову и лишить его прежняго значенія. Нѣтъ сомнѣнія,—дѣйствующимъ лицомъ при этомъ не былъ въ сущности самъ Петръ II, но другія лица продиктовали ему эту мѣру—переселеніе изъ дворца князя въ „лѣтній домъ“.

Прусскій дипломатъ, сообщая обо всемъ этомъ, весьма справедливо характеризуетъ теченіе дѣлъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Должно сознаться, что князь принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы ускорить свое паденіе, и легкомысленно отказывался отъ всего того, что ему совѣтовали добрые люди для его охраны, но онъ слѣдовалъ единственно своей страсти къ деньгамъ и необузданному честолюбію. Ему должно было дѣйствовать за-одно съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, поддерживать государственный строй, имъ самимъ заведенный, и этимъ пріобрѣсти и удержать за собой расположеніе императора и великой княжны Натальи Алексѣевны. Но его дѣйствія были прямо противоположны всему этому: онъ присвоилъ себѣ права правителя, прибралъ къ своимъ рукамъ все финансовое управленіе и располагалъ всѣми дѣлами, какъ военными, такъ и гражданскими, по своему усмотрѣнію, какъ настоящій императоръ. Самому императору и великой княжнѣ онъ досаждал самымъ чувствительнымъ образомъ и отказывалъ обо-

нимъ въ самомъ необходимомъ, — въ томъ ложномъ мнѣніи, что такимъ образомъ онъ ихъ будетъ держать подъ своей ферулой. Передъ отъѣздомъ въ Петергофъ онъ именно изъ-за этого поссорился съ молодымъ императоромъ, а для поправленія дѣла предложилъ ему увеселительное путешествіе. Императоръ, однако, продолжалъ свое холодное съ нимъ обращеніе, что понудило князя вернуться съ дачи сюда двумя днями раньше. Между тѣмъ императоромъ былъ присланъ сюда приказъ перенести всѣ вещи изъ дома князя въ лѣтній дворецъ“.

Лефорть, рассказавъ о пріѣздѣ Меншикова въ Петергофъ, о его послѣднемъ свиданіи съ Петромъ II вечеромъ 4 сентября, о его разговорѣ съ Елизаветою Петровною и о переѣздѣ императора въ лѣтній дворецъ, продолжаетъ: „Итакъ, императоръ избавленъ отъ сосѣдства князя; онъ живетъ около любимой имъ Елизаветы, оставляя Меншикова въ страшномъ бѣшенствѣ. Я никогда не сомнѣвался въ томъ, что болѣзненная страсть Меншикова (*cette archimanie*) поведетъ къ страшной развязкѣ. Онъ этого и заслуживаетъ“. Лефорть продолжаетъ: „Царь сказалъ барону Остерману, старавшемуся его успокоить, что онъ покажетъ — это императоръ: онъ или Меншиковъ. Онъ запретилъ всему двору ходить къ Меншикову... Что касается до желанія князя уѣхать въ Украину, то его знаютъ слишкомъ хорошо, чтобы поручить ему начальствованіе надъ тамошними войсками“.

Въ это самое время, 7 сентября, Меншиковъ писалъ къ князю Михаилу Михайловичу Голицыну, чтобы послѣдній поспѣшилъ прибыть въ Петербургъ „какъ возможно на почтѣ“; также и Зейкина онъ приглашалъ въ столицу. С. М. Соловьевъ, сообщая эти письма, не сомнѣвается въ томъ, что князь въ этихъ лицахъ надѣялся найти себѣ защитниковъ въ борьбѣ съ императоромъ и лицами его окружавшими. Какъ бы то ни было, окончательная развязка была неминуема.

Въ тотъ самый день, когда Меншиковъ написалъ письма къ Голицыну и Зейкину, Петръ, по своемъ прибытіи въ Петербургъ, остановился въ лѣтнемъ дворцѣ. Одновременно былъ опубликованъ гвардейскимъ полкамъ указъ, что императоръ самъ намѣренъ командовать ими, и чтобы они впредь слушались приказаній однихъ только генераль-лейтенантовъ Юсупова и Салтыкова. Вечеромъ этого же дня, невѣста императора и ея сестра явились въ лѣтній дворецъ поздравить Петра съ пріѣздомъ, но не были приняты радушно, что и заставило ихъ удалиться.

8 сентября, въ пятницу, судьба Меншикова рѣшилась: поутру къ нему явился майоръ гвардіи генераль-лейтенантъ Семенъ Салты-

ковъ съ объявленіемъ ареста, чтобъ онъ со двора своего никуда не сбѣжалъ и не вмѣшивался болѣе ни въ какія дѣла, при чемъ у него отняли почетный караулъ генералиссимуса.

Извѣстія о томъ, какъ при этомъ держалъ себя князь, расходятся. Лефортъ доносилъ, что Меншиковъ упалъ въ обморокъ, и ему пустили кровь; австрійскій дипломатъ Караме, напротивъ, рассказываетъ, что Меншиковъ хотя былъ сильно пораженъ этимъ объявленіемъ, но держалъ себя спокойно и съ достоинствомъ. Мардефельдъ доносилъ, что князь, какъ скоро ему объявили объ арестѣ, вышелъ въ приемную и жаловался всѣмъ присутствующимъ, что вотъ какъ его награждаютъ за вѣрную службу государству и молодому императору.

Это былъ праздникъ Рождества Богородицы. Княгиня Меншикова съ сыномъ отправились ко двору въ крайнемъ отчаяніи и ждали Петра II у двери церкви, въ которой находился въ это время молодой государь. Они припали къ стопамъ его и молили его о пощадѣ. И тутъ есть равныя извѣстія о томъ, какъ при этомъ держалъ себя государь. По донесенію Мардефельда, Петръ II поднялъ княгиню Меншикову и утѣшалъ ее. Караме писалъ, что Петръ обратился съ просителями нѣсколько рѣзко и велѣлъ приказатъ Меншикову не беспокоить его болѣе какими бы то ни было просьбами. Лефортъ сообщалъ, что Петръ не хотѣлъ и выслушать княгиню, и, не произнеся ни слова, удалился. Есть извѣстіе, что княгиня Меншикова отправилась затѣмъ къ Елизаветѣ Петровнѣ, потомъ къ Натальѣ Алексѣевнѣ, наконецъ къ барону Остерману, но никто не внялъ ея мольбѣ.

Остерманъ поспѣшилъ въ верховный тайный совѣтъ, куда явился и самъ Петръ II для подписанія слѣдующаго указа: „Понеже мы всемилостивѣйше намѣреніе взяли отъ сего времени сами въ верховномъ тайномъ совѣтѣ присутствовать, и всѣмъ указамъ отправленнымъ быть за подписаніемъ собственныя нашей руки и верховнаго тайнаго совѣта, того ради повелѣли, дабы никакихъ указовъ или писемъ, о какихъ бы дѣлахъ оныя ни были, которые отъ князя Меншикова или отъ кого бъ иного партикулярно писаны или отправлены будутъ, не слушать и по онымъ отнюдь не исполнять, подъ опасеніемъ нашего гнѣва, и о семъ публиковать всенародно во всемъ государствѣ и въ войскѣ изъ сената“.

Какъ видно, въ этомъ указѣ заключалось нѣкоторымъ образомъ объявленіе о совершеннolѣтіи государя, хотя объ этомъ не было прямо сказано. Такъ какъ до этого, послѣ кончины Екатерины I, не было формально учреждено регентство, то оказалось невозможнымъ формально отмѣнять несуществующее. Была лишь

одна фактическая диктатура Меншикова, безъ какаго бы то ни было юридическаго основанія. Возлѣ князя не имѣли значенія ни малолѣтній государь, ни верховный тайный совѣтъ. Теперь же происходила эманципация отъ этой опеки Меншикова. Вотъ почему новый указъ не заключалъ въ себѣ никакого указанія на какую-либо перемену въ государственныхъ учрежденіяхъ. Въ немъ заключалась лишь административная мѣра, направленная противъ князя. Мѣра эта принята двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Въ этой инициативѣ Петра II заключалось признаніе его совершеннолѣтнимъ. Говорить объ этомъ оказалось лишнимъ, потому что и до этого существовала фикція о такой инициативѣ государя, именно благодаря недостатку въ формулированіи учрежденія регентства.

Австрійскій дипломатъ Караме, сообщая объ этомъ указѣ, замѣчаетъ, что такое постановленіе, безъ сомнѣнія, должно будетъ усилить раздраженіе Меншикова. Онъ же рассказываетъ, что въ Петербургѣ всѣ безъ исключенія говорятъ о паденіи князя, обсуждая и причины, и ожидаемыя послѣдствія этого событія.

Баронъ Остерманъ, пригласивъ къ себѣ австрійскаго дипломата въ самый день ареста Меншикова, объявилъ ему о случившемся. „Карлу VI—говорилъ онъ—хорошо извѣстно, въ какой мѣрѣ страннымъ былъ образъ дѣйствій князя; эта странность поступковъ князя становилась со дня на день хуже, такъ что императоръ не могъ не рѣшиться положить конецъ всему этому. Впрочемъ,—прибавилъ Остерманъ,—не будетъ принято никакой болѣе крутой мѣры противъ князя; лишь бы онъ не подавалъ къ этому повода. Ему будетъ дозволено жить въ одномъ изъ его имѣній“. Ко всему этому Остерманъ присоединилъ замѣчаніе, что это событіе останется безъ всякаго вліянія на отношенія между Россією и Австрією.

Понятно, что Караме интересовался вопросомъ о невѣстѣ молодого государя. Въ своемъ донесеніи къ Карлу VI онъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что почетная стража, стоявшая у дворца генералиссимуса Меншикова, стояла также и для невѣсты, и что отиѣна этой почетной стражи не могла не коснуться и положенія княжны Маріи Александровны Меншиковой.

Въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ хранится слѣдующее письмо, которое Меншиковъ отправилъ къ императору:

„Всемиловѣйшій государь императоръ! по вашего императорскаго величества указу сказанъ мнѣ арестъ; и хотя никакого вымышленнаго предъ вашимъ величествомъ погрѣшенія въ совѣсти моей не нахожу, понеже все чинилъ я ради лучшей пользы вашего величества, въ чемъ свидѣтельствуюсь нелицемѣрнымъ су-

домъ Божиимъ, развѣ, можетъ быть, что вашему величеству или вселюбивѣйшей сестрицѣ вашей, ея императорскому высочеству, учинилъ забвеніемъ и невѣденіемъ или въ моихъ вашему величеству для пользы вашей представленіяхъ; и въ такомъ моемъ невѣденіи и недоумѣніи всенижайше прошу за вѣрныя моя къ вашему величеству извѣстныя службы всемилостивѣйшаго прощенія, и дабы ваше величество изволили повелѣть меня изъ-подъ ареста свободить, памятуя рѣченіе Христа Спасителя нашего: да не зайдетъ солнце во гнѣвъ вашемъ. Сіе все предаю на всемилостивѣйшее вашего величества разсужденіе; я же обѣщаюся мнѣ къ вашему величеству вѣрность содержать даже до гроба моего. Также мнѣ сказанъ указъ, чтобъ мнѣ ни въ какія дѣла не вступаться, такъ что я всенижайше и прошу, дабы ваше величество повелѣли для моей старости и болѣзни отъ всѣхъ дѣлъ меня уволить вовсе, какъ по указу блаженной и вѣчной достойной памяти ея императорскаго величества уволенъ генералъ-фельдцейг-мейстеръ Брюсъ. Что же я Кайсарову далъ письмо, дабы безъ подписанія моего расходовъ не держать, а словесно ему неоднократно приказывалъ, чтобы безъ моего или Андрея Ивановича Остермана приказу расходовъ не чинилъ, и то я учинилъ для того, что понеже штатъ еще не оконченъ и онъ къ тому опредѣленъ на время, дабы подъ образомъ повелѣнія вашего величества напрасныхъ расходовъ не было. Ежели же ваше величество изволите о томъ письмѣ разсуждать въ другую силу, и въ томъ моемъ недоумѣніи прошу милостиваго прощенія“.

Какъ видно изъ этого письма, Меншикова обвиняли въ чрезмѣрно самовластномъ образѣ дѣвствій, особенно въ области финансоваго управленія. Караме доносилъ, что его, далѣе, обвиняли въ чрезмѣрно произвольныхъ дѣвствіяхъ по вопросамъ Курляндіи и Польши. Еще при Екатеринѣ I противники князя намѣревались-было воспользоваться его выходками въ Ригѣ и въ Митавѣ лѣтомъ 1726 г. для того, чтобы погубить его, но тогда князю удалось замять это дѣло.

На письмо Меншикова не послѣдовало никакого отвѣта. Изъ диктатора онъ превратился въ подсудимаго; мало того, онъ сдѣлался опальнымъ. Оставалось рѣшить вопросъ о формѣ его ссылки.

На другой день, 9-го сентября, въ верховномъ тайномъ совѣтѣ докладывали Петру II о Меншиковѣ и о другихъ лицахъ, къ нему близкихъ, по запискѣ Остермана, которая была сочинена передъ приходомъ государя по общему совѣту всѣхъ членовъ. Меншикова лишали всѣхъ чиновъ и орденовъ и ссылали въ дальнее имѣніе его—Ораніенбургъ. Петръ II согласился; по его выходѣ

изъ совѣта, указъ о лишеніи чиновъ былъ написанъ; государь подписалъ его въ своихъ покояхъ и отправилъ объявить его Меншикову Семена Самылова, который привезъ во дворецъ двѣ „кавалеріи“, взятыя у бывшаго генералиссимуса—андреевскую и александровскую.

Въ донесеніи Караме, отъ 16 (27-го) сентября, сообщаются любопытныя, но, быть можетъ, не совсѣмъ достовѣрныя данныя объ образѣ дѣйствій Меншикова до отъѣзда въ Ораніенбургъ. Ему рассказывали, будто князь, тотчасъ же послѣ того какъ была отмѣнена стража предъ его дворцомъ, приказалъ привести изъ другого полка почетную стражу. Далѣе, передавали, будто послѣ отнятія у него русскихъ орденовъ онъ явился украшеннымъ иностранными орденами и хвастался ими въ разговорѣ съ лицами, его окружавшими; наконецъ, еще говорили о томъ, будто Меншиковъ, готовясь къ отъѣзду, раздавалъ многочисленной прислугѣ своей оружіе. Все это—замѣчаетъ Караме—не могло не повредить князю въ глазахъ правительства, и его положеніе становилось все болѣе и болѣе опаснымъ.

10-го сентября, продолжали разсуждать въ верховномъ тайномъ совѣтѣ о Меншиковѣ. Были приняты мѣры насчетъ конвоя, который долженъ былъ сопровождать князя до Ораніенбурга. Призвали новгородскаго архіерея и приказали, чтобы впредь обреченной невѣсты въ церквахъ не поминали. Пригласили Алексѣя Макарова и Петра Мошкова и приказали имъ, чтобъ они отобрали у Меншикова большой яхонтъ. Между тѣмъ князь прислалъ просьбу изъ четырехъ пунктовъ: 1) уволить невѣсту, княжну Марію Александровну, въ свои деревни; 2) дозволить ей вывезти свои деньги, суммою 34.000 рублей; 3) дозволить князю взять съ собою доктора и лекаря, и 4) гетманскаго сына, Петра Апостола. Въ послѣднемъ пунктѣ было отказано. О деньгахъ положили справиться. Остальное было разрѣшено.

Въ донесеніи Лефорта сообщается, что Меншиковъ прислалъ Петру просьбу о позволеніи ему ѣхать въ Украину, и что ему отвѣчали: „поп concedo“; что далѣе было приказано лишить все семейство дворянства и орденовъ и отнять у невѣсты экипажи и прислугу царя. Мардефельдъ доносилъ, что Меншиковъ просилъ отсрочки отправленія въ Ораніенбургъ на восемь дней, въ чемъ ему, однако, было отказано.

Меншиковъ выѣхалъ изъ Петербурга 10-го сентября, значить, въ тотъ самый день, когда еще велись переговоры о вышеупомянутыхъ условіяхъ, въ четыре часа пополудни. Лефортъ доносилъ объ этомъ слѣдующее: „Князь уѣхалъ со всѣмъ своимъ семей-

ствомъ и обозомъ, состоящимъ изъ сорока-двухъ повозокъ и изъ четырехъ каретъ, каждая въ шесть лошадей. Въ первой сидѣлъ самъ князь, его супруга и невѣста; во второй—его сынъ съ карликомъ; въ третьей—двѣ дочери князя и двѣ служанки; въ четвертой—братъ княгини Меншиковой и другіе изъ придворныхъ. Затѣмъ слѣдовали десять колясокъ въ двѣ лошади каждая. Всѣ путешественники были въ траурѣ. Экипажи были конвоированы гвардіи капитаномъ и 120 человекъ солдатъ. Никогда не видали такого множества собравшагося народа, какъ при этомъ кризисѣ (débacle)“.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Меншикова изъ столицы, Остерманъ, бесѣдуя съ австрійскимъ дипломатомъ Караме объ этомъ дѣлѣ, замѣтилъ, что ежедневно получаютъ жалобы на Меншикова. Къ этому Остерманъ прибавилъ, что произвольныя дѣйствія князя въ области администраціи можно бы было оставить безъ послѣдствій, но непростительный образъ дѣйствій Меншикова въ отношеніи къ интересамъ частныхъ лицъ потребуетъ разбирательства. Наконецъ, еще Остерманъ заявилъ, что стговоръ императора съ княжною Меншиковою уничтоженъ (suspendirt).

Въ средѣ дипломатовъ ходили въ это время разные слухи о мнимыхъ преступленіяхъ князя Меншикова. Лефортъ писалъ 27-го сентября: „По сдѣланнымъ открытіямъ видно, что Меншиковъ желалъ быть не только герцогомъ (вурляндскимъ?), но имѣлъ виды и на корону. Меня увѣряютъ, что найдено письмо, написанное имъ прусскому двору, въ которомъ онъ проситъ дать ему десять милліоновъ въ займы, съ обѣщаніемъ отдать вдвое больше, какъ только онъ вступитъ на престолъ русскій; кромѣ того, нашли приказаніе отрѣшнить отъ должности подъ разными предлогами гвардейскихъ офицеровъ преображенскаго полка и замѣнить ихъ любимцами Меншикова. Принявъ еще во вниманіе его сокровища, набранныя изъ денегъ царя, можно заключить, какъ далеко прострелились его планы“.

Изъ вышеприведеннаго письма Меншикова къ Петру, написаннаго тотчасъ же послѣ объявленія ему ареста, видно, что его обвиняли въ своевольномъ дѣйствіи въ области финансовъ; онъ предписалъ Кайсарову не выдавать никому денегъ безъ его подписи. Въ публикѣ ходили слухи о разныхъ продѣлкахъ князя, будто грабившаго казну и принимавшаго разные мѣры въ ущербъ народнаго благосостоянія. Мардефельдъ писалъ 23-го сентября: „Говорятъ, будто у князя отобрали (до отъѣзда въ Ораніенбургъ) 500.000 рублей. Я однако полагаю, что этимъ дѣло не кончится, ибо онъ совершилъ много уголовныхъ преступленій и

имѣеть много враговъ... Онъ держалъ у себя челоуѣка, умѣвшаго поддѣлывать серебро; онъ отчеканилъ много тысячъ рублей изъ того мнимаго серебра и пустилъ бы ихъ дѣйствительно въ оборотъ, еслибы императрица, по настоянію герцога голштинскаго, этого не запретила. Впрочемъ, онъ все-таки отослалъ эти деньги въ Персію для уплаты жалованья войскамъ, что возбудить сильныя жалобы туземцевъ и вызоветъ молву, будто русскіе хотятъ ихъ обмануть фальшивыми монетами“.

Въ донесеніи Лефорта, отъ 23-го сентября, говорится: „Нашли 70 указовъ Меншикова, которые онъ далъ царю подписать безъ вѣдома о содержаніи ихъ... Онъ ограбилъ своего государя, опустошилъ его казну, присвоилъ себѣ драгоценныя вещи, принадлежавшія двору, отбиралъ у подданныхъ, въ силу своей власти, земли и имѣнія, въ тысячи случаяхъ злоупотреблялъ подписью и словомъ государя и, какъ теперь узнали, для своей выгоды злоупотреблялъ при монетномъ дѣлѣ. Его обвиняють въ приказаніи вычеканить пятикопѣчныя монеты, которыхъ появилось такое огромное количество, что онѣ будутъ уничтожены; эти монеты были легковѣсны, но ходили какъ настоящія деньги“.

Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ идетъ рѣчь о мѣдныхъ пятикопѣчникахъ, которые были пущены въ ходъ сначала еще при Петрѣ Великомъ въ 1723 году и оставались въ обращеніи до 1756 г. Въ этой операціи заключалась дѣйствительно порча монеты. Наричательная цѣна этихъ монетъ — по сорока рублей за пудъ — далеко превосходила реальную цѣнность заключавашагося въ нихъ металла. Однако эта операція началась въ то время, когда вся отвѣтственность за нее лежала не на Меншиковѣ. Въ царствованіе Петра В. было уже выпущено полмилліона этихъ денегъ; правда, при Екатеринѣ I, а именно въ январѣ 1727 г., было отчеканено еще два милліона рублей въ пятикопѣчникахъ; но и въ это время, безспорно, отвѣтственность за эту болѣе или менѣе опасную финансовую мѣру лежала на Меншиковѣ. Однако и въ позднѣйшее время правительство продолжало дѣйствовать въ этомъ направленіи, и былъ выпущенъ въ маѣ 1729 г., т.-е. послѣ удаленія Меншикова, еще одинъ милліонъ рублей мѣдными пятикопѣчниками; впрочемъ, вся эта операція не имѣла вовсе тѣхъ губельныхъ послѣдствій, которыхъ тогда опасались.

При Екатеринѣ I Меншиковъ желалъ сдѣлаться герцогомъ курляндскимъ, и сама императрица нѣкоторое время поддерживала этотъ проектъ. Затѣмъ, однако, своеволие и насиліе князя во время его пребыванія въ Ригѣ и Митавѣ вызвали противъ него сильную оппозицію и даже была учреждена слѣдственная

комиссія для обсужденія образа дѣйствій Меншикова. Но самая кандидатура его не могла считаться преступленіемъ. Теперь, въ минуту его паденія, возникли опять новыя слухи о проискахъ князя для достиженія этой цѣли. Мардефельдъ писалъ: „Полагаютъ также найти между его письмами извѣстіе о томъ, что онъ далъ двумъ генераламъ, при отправленіи ихъ въ Курляндію, денегъ и инструкціи, чтобы помочь ему сдѣлаться герцогомъ. Это онъ, однако, предпринялъ безъ вѣдома верховнаго тайнаго совѣта, что, разумѣется, достойно наказанія“.

Толки о мнимыхъ и фактическихъ преступленіяхъ Меншикова въ эти дни были важнѣйшимъ предметомъ бесѣдъ дипломатовъ въ столицѣ. Публика была свидѣтелемъ отъѣзда князя изъ Петербурга. Онъ выѣхалъ въ экипажахъ и съ многочисленною свитою, какъ богатый вельможа, а не какъ арестантъ и изгнанникъ. Несмотря на пышность обстановки, никто однако не сомнѣвался въ томъ, что все это скоро рухнетъ. Лефортъ писалъ уже 23-го сентября: „Можетъ быть, еще на дорогѣ положеніе Меншиковыхъ измѣнится, благодаря какому-либо указу“; и далѣе въ этомъ же донесеніи сказано: „Съ Меншикова взяли подписку никогда не имѣть съ кѣмъ бы то ни было переписки... Какъ скоро онъ пріѣдетъ въ Москву, Ромадановскій не замедлитъ угостить его по-своему, и мнѣ кажется, его изгнаніе кончится въ отдаленныхъ пустыняхъ. Я сомнѣваюсь, чтобы онъ былъ въ состояніи перенести то, что ему предстоитъ“. Въ донесеніи саксонскаго резидента, отъ 27-го сентября, сказано: „Приказано воротить драгоценныя вещи, посуду и деньги, утащенные Меншиковымъ; всего наберется болѣе трехъ милліоновъ. Назначено слѣдствіе“... „Меншиковъ и Варвара сосланы въ глубь Сибири; жена и дѣти свободны жить, гдѣ хотятъ; но до сихъ поръ они не разлучены, тѣмъ болѣе, что имъ не долго осталось жить вмѣстѣ“. 4-го октября, Лефортъ писалъ: „Увѣряютъ, что у Меншикова оковы на рукахъ и ногахъ. У него были несмѣтныя богатства. Одни говорятъ, что вещи, отнятыя у него въ дорогѣ, превышаютъ 20 милліоновъ; другіе же говорятъ, что только пять“... 11-го октября: „Много трудятся надъ дѣломъ Меншикова. Верховный тайный совѣтъ послалъ къ нему 120 вопросовъ, на которые онъ долженъ отвѣчать“... 25-го ноября: „Составляется опись имуществу, оставшемуся въ домѣ князя Меншикова. Собираютъ всѣ данныя о незаконно пріобрѣтенномъ имъ въ различное время изъ государственной казны, какъ-то: на 250.000 рублей серебряной столовой посуды, на 8 милліоновъ червонцевъ и на 30 милліоновъ серебряной монеты. Едва ли можно вѣрить этому“.

И въ донесеніяхъ Караме упомянуто о конфискаціи имущества князя. Зато въ донесеніяхъ дипломатовъ не упомянуто о перемѣнѣ въ положеніи Меншикова въ минуту его пріѣзда въ Тверь. Тутъ, какъ разсказано въ запискахъ Манштейна, онъ узналъ, что приказано опечатать всѣ его вещи, а для него оставить только необходимо нужное. Стража была удвоена, и надворъ надъ нимъ усиленъ. Какъ только онъ прибылъ въ Ораніенбургъ, туда явились чиновники для производства слѣдствія о проступкахъ князя.

Впрочемъ судьба князя рѣшилась не такъ скоро, и онъ прожилъ въ своемъ дворцѣ въ Ораніенбургѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Караме доносилъ императору Карлу VI въ декабрѣ, что Меншиковъ въ своемъ имѣніи живъ и здоровъ, и что ему живется хорошо, но что можно ожидать въ скоромъ времени другихъ извѣстій“. Въ донесеніяхъ Лефорта, отъ 9-го декабря 1727 г., сообщается: „Надъ Меншиковымъ таковой строгій надзоръ въ Ораніенбургѣ, что онъ не смѣетъ говорить съ кѣмъ бы то ни было, даже со слугою. Весь образъ жизни его весьма стѣсненъ. Въ письмѣ къ Остерману, въ которомъ онъ сообщаетъ о своемъ пріѣздѣ въ Ораніенбургъ, онъ пишетъ, что здоровъ и желаетъ Остерману всего хорошаго, а царю, чтобы онъ укрѣпился и въ возрастѣ и въ добродѣтеляхъ“ ... Далѣе Лефортъ писалъ, 19 (30-го) декабря: „Продолжаютъ производить слѣдствіе надъ Меншиковымъ. Къ нему отправленъ жестокой слѣдователь Плещеевъ допросить его о различныхъ дѣлахъ. Трое изъ его секретарей: Вюсть, какой-то русскій и сынъ вице-президента юстицъ-коллегии Вольфъ, посажены въ крѣпость. Вольфъ замѣшанъ въ это дѣло лишь изъ-за своего отца, привлеченнаго къ суду и обвиняемаго въ исполненіи нѣкоторыхъ приказаній Меншикова“.

Между тѣмъ въ Россію вернулся австрійскій дипломатъ Гогенгольцъ; онъ тотчасъ же справился о судьбѣ Меншикова, и узналъ объ отправленіи въ Ораніенбургъ Плещеева и о конфискаціи имущества князя. По его разказу, слѣдователи старались выпытать, въ какихъ мѣстахъ и въ какой формѣ находятся капиталы Меншикова. Плещеева, какъ сообщаетъ Гогенгольцъ, уполномочили, въ случаѣ надобности, подвергнуть князя пыткѣ. Въ мартѣ 1728 г., Гогенгольцъ доносилъ Карлу VI о возвращеніи Плещеева изъ Ораніенбурга. „Онъ нашелъ Меншикова въ самомъ спокойномъ расположеніи духа. Меншиковъ, одѣтый въ соболью шубу, весьма скромно, но не безъ грусти отвѣчалъ на сдѣланные ему вопросы. Онъ вѣроятно проведетъ остальную часть своей жизни въ Ораніенбургѣ“.

Положеніе Меншикова ухудшилось позже благодаря слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Въ ноябрѣ 1727 г. русскій посланникъ при шведскомъ дворѣ, графъ Головинъ, донесъ о какомъ-то письмѣ Меншикова, когда-то писанномъ въ шведскому сенатору Дюбену. Донесеніе Головина было прочтено въ верховномъ тайномъ совѣтѣ. Петръ II сказалъ при этомъ случаѣ, что такіе поступки Меншикова могутъ считаться измѣною, и приказалъ послать къ нему нарочнаго, который бы обо всемъ допросилъ его „съ принужденіемъ и угрозами“.

Между тѣмъ, находившійся при Меншиковѣ въ Ораніенбургѣ офицеръ Мельгуновъ прислалъ въ Москву, куда переѣхалъ дворъ, заявленіе, что для лучшаго надзора необходимо прибавить еще караульство. По этому поводу, 16-го января верховный тайный совѣтъ имѣлъ разсужденіе, не лучше ли послать Меншикова куда-нибудь подальше, напримѣръ въ Вятку, и держать при немъ карауль не такой большой. 9-го февраля, Остерманъ объявилъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, что государь изволилъ о князѣ Меншиковѣ разговаривать, чтобы его куда-нибудь послать, а позитивъ его взять, оставивъ княгинѣ и его дѣтямъ по 10.000 на cadaго, да нѣсколько деревень, и чтобы объ этомъ члены совѣта изволили впредь учинить опредѣленіе, потому что изъ военной и другихъ коллегій и канцеларій подаются доношенія, что князь Меншиковъ взялъ изъ казны деньги и матеріалы, и требуютъ возвращенія изъ пожитковъ его; также Мельгуновъ пишетъ, что многіе служители Меншикова требуютъ отпуска; наконецъ, еще Мельгуновъ доносилъ, что изъ деревень, принадлежащихъ князю, ему пишутъ, и онъ отвѣчаетъ на эти письма.

Все это могло казаться опаснымъ. Но хуже всего подѣйствовало слѣдующій случай. 24-го марта, у Спасскихъ воротъ было найдено подметное письмо въ пользу Меншикова. О содержаніи этого письма мы узнаемъ изъ донесенія Лефорта, отъ 8 (19-го) апрѣля 1728 г. Оно содержало въ себѣ воззваніе къ народу, чтобы онъ обратилъ вниманіе на настоящее положеніе верховнаго правленія. Проводя параллель между правленіемъ Меншикова и настоящимъ, неизвѣстный авторъ письма говоритъ, что, правда, Меншиковъ не могъ удовлетворить всѣхъ, и это было причиною его паденія; но съ тѣхъ поръ какъ его удалили отъ двора, другія лица стали вкрадываться въ довѣріе монарха, знакомятъ его съ различными пороками и образомъ жизни, недостойнымъ монарха.

Началось слѣдствіе по поводу того подметнаго письма. Верховный тайный совѣтъ разсуждалъ объ этомъ дѣлѣ 3 (14-го) апрѣля въ присутствіи Петра II. Лефортъ писалъ 8 (19-го) апрѣля:

„Слѣдствіе продолжается. Тринадцать человекъ биты кнутомъ. Въ субботу былъ собранъ чрезвычайный совѣтъ, гдѣ съ большимъ жаромъ допрашивали одного изъ вельможъ, имени котораго я не знаю. Думаютъ, что Голицыны, ревностные приверженцы Меншикова, принимали въ этомъ участіе. Супруга стараго Бестужева, его дочь Волконская и остальные члены семейства были арестованы, недалеко отсюда, въ ихъ помѣстьѣ; вещи ихъ были опечатаны. Многіе того мнѣнія, что Меншикова и его невѣстку привезутъ сюда съ цѣлью допросить ихъ по тому дѣлу.

Около этого же времени въ Москвѣ разнеслась молва о кончинѣ княгини Меншиковой. Слухъ этотъ обаялся лишеннымъ основанія, а подметное письмо имѣло слѣдствіемъ ссылку всего семейства Меншиковыхъ въ Сибирь. Приговоръ состоялся въ первой половинѣ апрѣля. Можно думать, что Меншиковы повинули Ораниенбургъ еще въ апрѣлѣ. Лефорть писалъ 3 (14-го) іюня: „Судя по письмамъ, присланнымъ 26-го числа прошлаго мѣсяца изъ Нижняго-Новгорода, князь Меншиковъ уѣхалъ оттуда водою 23-го числа со всѣмъ своимъ семействомъ въ Сибирь въ отдаленное мѣсто за Тобольскомъ, по имени „Gnila Bergosowa“ („das faule Birken-Eyland“); во время путешествія видѣли его, какъ онъ готовилъ собственноручно пищу, и принуждены были купить его женѣ, совершенно больной и разстроенной, тулупъ, чтобы ее прикрыть имъ. Ихъ всѣхъ пятнадцать человекъ, отецъ, мать, сынъ и двѣ дочери, и еще десять человекъ прислуги; имъ всѣмъ выдается каждому по одному рублю въ день“.

На пути въ Березовъ, на лѣвомъ берегу Волги, близъ Казани скончалась княгиня Меншикова. Рассказываютъ, что князь собственноручно вырылъ могилу для супруги. Впослѣдствіи въ этомъ мѣстѣ, въ Услонѣ, была воздвигнута деревянная церковь, которая вскорѣ сгорѣла. Въ 1863-мъ году потомки построили на этомъ мѣстѣ часовню.

Именно въ то время, когда происходило слѣдствіе въ Ораниенбургѣ и Москвѣ, къ иностраннымъ дипломатамъ, находившимся въ Россіи и сообщавшимъ разныя свѣденія о катастрофѣ Меншикова, присоединился испанскій посолъ герцогъ Лирійскій. Изъ его записокъ и писемъ видно, съ какимъ вниманіемъ за границею слѣдили за этою важною переменною, происходившею въ центрѣ Россіи.

Еще въ то время, когда герцогъ находился на пути въ Россію, онъ писалъ маркизу де-ла-Пастъ, изъ Дрездена, гдѣ онъ узналъ о паденіи Меншикова (5 октября): „Въ Москвѣ ничего не можетъ быть важнѣе этой новости, потому что князь Меншиковъ

былъ единственный человекъ, который поддерживалъ правила покойныхъ царя и царицы. Съ его паденіемъ, нужно опасаться, московиты захотятъ поставить свое правительство на старую ногу, увезутъ царя въ Москву, откажутся отъ вѣнскаго союза, а слѣдовательно и отъ нашего, и возвратятся къ своему древнему существованію. Тогда союзъ съ ними бесполезенъ и не можетъ имѣть никакой цѣны. Польскій король того же мнѣнія: онъ мнѣ это говорилъ нынѣшнимъ утромъ. Несчастіе Меншикова приписываютъ, прежде всего, враждѣ, происшедшей между нимъ и герцогомъ голштинскимъ, котораго онъ заставилъ удалиться изъ Петербурга въ свои владѣнія; а также, интригамъ князей Куракина, Голицына и Долгорукихъ, открытыхъ враговъ Меншикова, котораго власть достигла до такой высоты, что можно было опасаться всего отъ его честолюбія. Но я прибавлю третье обстоятельство, которое, не сомнѣваюсь, содѣйствовало его паденію столько же, какъ и первыя двѣ причины — это деньги Англіи. Единственное средство отдалить Московію отъ вѣнскаго союза, это погубить Меншикова, самаго усерднаго сторонника императора, и я не сомнѣваюсь, что для этого англичане употребили всевозможныя усилія“...

Предположеніе испанскаго дипломата объ интригѣ Англіи въ этомъ дѣлѣ, конечно, лишено всякаго основанія. Зато нельзя не удивляться тому, что Лирія вовсе не упоминаетъ о личныхъ отношеніяхъ между Меншиковымъ и молодымъ государемъ. Вѣроятно, въ западной Европѣ не считали возможнымъ, чтобы двѣнадцати-лѣтній мальчикъ могъ, благодаря своему личному раздраженію, удалить вельможу, который превосходилъ всѣхъ другихъ рабочею силою и опытностью въ дѣлахъ.

Въ Берлинѣ герцогъ Лирійскій узналъ еще нѣкоторыя подробности катастрофы Меншикова, о которыхъ онъ доносилъ испанскому министру 11-го октября: „Графъ Зеккендорфъ и графъ Головинъ, русскій министръ въ Пруссіи, увѣрили меня, что политика настоящаго русскаго министерства послѣ паденія Меншикова не измѣнится. Меншикова хотѣли сначала сослать въ его помѣстья. Русскіе этимъ снисхожденіемъ хотѣли показать, что они вышли изъ своего варварства. Но въ его бумагахъ нашли какія-то распоряженія о ссылкѣ въ Сибирь большей части высшихъ сановниковъ; опредѣленіе это было отмѣнено, и его рѣшили судить по всей строгости. Его разлучили съ женою и, говорятъ, были основанія къ тому, чтобы отрубить ему десять головъ, еслибы только онъ имѣлъ ихъ“.

Пріѣхавъ въ Ригу, Лирія писалъ (14-го ноября), что ему въ

этомъ городѣ отвели помѣщеніе въ бывшемъ домѣ Меншикова; тутъ ему рассказывали о слухѣ, будто Меншиковъ умеръ въ Казани. Вскорѣ послѣ этого, прибывъ въ Москву, испанскій дипломатъ узналъ о пребываніи князя въ Ораніенбургѣ. Въ Москвѣ Лирія былъ свидѣтелемъ волненія, причиненнаго анонимнымъ письмомъ, въ которомъ заключались указанія на заслуги Меншикова и критика образа дѣйствій вельможъ, руководившихъ дѣлами послѣ паденія князя. Въ мемуарахъ герцога мы встрѣчаемъ слѣдующія данныя объ этомъ эпизодѣ. Онъ пишетъ: „Въ половинѣ апрѣля дошло даже до самого царя какое-то писаніе, не извѣстно кѣмъ сочиненное, въ которомъ оправдывался князь Меншиковъ и восхвалялись великія способности и умъ сего несчастнаго министра. Писаніе заключалось тѣмъ, что ежели не призовуть его опять, то дѣла никогда не пойдутъ хорошо. Очевидно было, что эта бумага была писана самимъ княземъ или кѣмъ-либо изъ преданныхъ ему. Поэтому произведенъ былъ строгій розыскъ и изданъ царскій указъ, которымъ обѣщана была большая награда тому, кто откроетъ сочинителя. Вслѣдствіе сего узнали, что духовникъ царицы-бабки получилъ тысячу ефимковъ за то, чтобы онъ постарался ввести его въ милость царицы. Духовника взяли тотчасъ въ допросу, и какъ онъ признался въ своемъ преступленіи, то его наказали строго, а Меншикова отправили на Березовый островъ у Ледовитаго моря, въ 10.000 верстахъ отъ Москвы. Свояченица его, Варвара, была сослана въ какой-то монастырь на границѣ персидской, а другая его свояченица, жившая въ Москвѣ, была взята, и уже хотѣли-было ее пытать кнутомъ, но какъ она призналась во всемъ, чего отъ нея требовали, то и оставили ее только въ заключеніи. За нѣсколько дней до сего происшествія, княгиня Меншикова умерла съ печали отъ несчастія своего мужа, котораго сказанное писаніе повергло еще въ большее горе: еслибы онъ или его друзья не сдѣлали этого, то я думаю, что ему позволили бы жить спокойно въ Ораніенбургѣ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что подметное письмо могло имѣть слѣдствіемъ ссылку Меншикова въ Сибирь; но трудно сказать, оставался ли бы онъ спокойно въ Ораніенбургѣ безъ этого эпизода. Его считали опаснымъ агитаторомъ; онъ располагалъ средствами для интригъ противъ вліятельныхъ лицъ. Поэтому вельможи, имѣвшіе вліяніе въ центрѣ, не могли не желать окончательнаго удаленія соперника. И безъ подметнаго письма, въ которомъ Меншиковъ вѣроятно не имѣлъ никакого участія, было нетрудно найти поводъ въ строгимъ мѣрамъ противъ князя.

Меншиковъ не долго прожилъ въ Сибири. Онъ умеръ еще при Петрѣ II, осенью 1729 года.

Противники Меншикова радовались его паденію. Анна Петровна осенью 1727 года писала къ сестрѣ Елизаветѣ: „Что изволите писать о князѣ, что его сослали, и у насъ такая же печаль сдѣлалась объ немъ, какъ у васъ“... Ѳеофанъ Прокоповичъ писалъ къ одному изъ архіереевъ: „Молчаніе наше извиняется нашимъ великимъ бѣдствіемъ, претерпѣннымъ отъ тиранніи, которая, благодаря Бога, уже разрѣшилась въ дымъ. Ярость помѣшаннаго человѣка, чѣмъ болѣе возбуждала противъ него всеобщей ненависти и предускоряла его погибель, тѣмъ болѣе и болѣе со дня на день усиливала свое свирѣпство. А мое положеніе было такъ стѣснено, что я думалъ, что все уже для меня кончено. Поэтому я не отвѣчалъ на твои письма и, казалось, находился уже въ царствѣ молчанія. Но Богъ, воздвигающій мертвыхъ, защитникъ нашъ, Богъ Іаковль, рассыпавши совѣты нечестивыхъ и сомкнувши уста зіяющаго на насъ земного тартара, оживотворилъ насъ по безпредѣльному Своему милосердію“. Пашковъ писалъ Черкасову въ Москву: „Прошла и погубила суетная слава прежняго Голиаѳа, котораго Богъ сильною десницею сокрушилъ; всѣ этому очень рады, и я, многогрѣшный, слава св. Троицу, пребываю безъ всякаго страха; у насъ все благополучно и такихъ страховъ теперь ни отъ кого нѣтъ, какъ было при князѣ Меншиковѣ“.

10 (21) февраля 1728 г., въ Килѣ у герцогини Анны Петровны родился сынъ, Петръ (III); Ѳеофанъ Прокоповичъ, поздравляя герцогиню, описывалъ въ своемъ письмѣ огорченія, претерпѣнныя ею и ея мужемъ въ Россіи, при чемъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ говорилъ о Меншиковѣ. Онъ писалъ: „Васъ постигло то, что почти превышаетъ мѣру вѣроятія. Этотъ бездушный человѣкъ, эта язва, этотъ негодяй, которому нѣтъ подобнаго, васъ, кровь Петрову, старался унижить до той низкой доли, изъ которой самъ рукою вашихъ родителей былъ возведенъ почти до царственнаго состоянія, и, вдобавокъ, наглый человѣкъ показавъ примѣръ неблагодарной души въ такой же мѣрѣ, въ какой былъ облагодѣтельствованъ. Этотъ колоссъ изъ пигмея, оставленный счастіемъ, которое довело до опьяненія, упалъ съ великимъ шумомъ“.

Для Анны Петровны паденіе Меншикова могло имѣть самыя благоприятныя послѣдствія. Рассказываютъ, что она, узнавъ объ этой перемѣнѣ, происшедшей въ Россіи, намѣревалась-было вернуться въ отечество. Однако она заболѣла и скончалась около

того самаго времени, когда семейство Меншиковыхъ должно было предпринять путешествіе въ Сибирь.

О заслугахъ Меншикова пока никто не говорилъ. А между тѣмъ его паденіе невыгодно отозвалось на положеніи Россіи. При Екатеринѣ I путешествіе князя въ Курляндію имѣло слѣдствіемъ нѣкоторыя застой въ текущихъ дѣлахъ. То же самое было замѣтно во время опасной болѣзни Меншикова лѣтомъ 1727 года. Мардефельдъ писалъ тогда: „Невозможно предсказать, окажется ли кто-либо изъ старыхъ русскихъ вельможъ способнымъ овладѣть всѣми государственными дѣлами и занять этотъ постъ съ тѣмъ же успѣхомъ и авторитетомъ, какъ князь?“... „Опасаются,—доносилъ Лефортъ,— что въ случаѣ смерти Меншикова всѣ дѣла останутся; никто не можетъ замѣнить его въ дѣлѣ исполнительной власти“. Тотчасъ же послѣ паденія Меншикова, Лефортъ описывалъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ положеніе государства. Весьма рельефно изображалъ немного позже англійскій консулъ Рондо пагубныя послѣдствія паденія Меншикова. Онъ писалъ изъ Москвы, 30-го мая 1729 г.: „Русскій дворъ не сдѣлалъ въ иностранныхъ сношеніяхъ ни шагу съ самаго дня паденія князя Меншикова. Пока князь стоялъ у кормила, все шло прежнимъ порядкомъ, но затѣмъ не предпринималось ничего существеннаго: ни съ кѣмъ изъ европейскихъ монарховъ не заключалось никакихъ договоровъ, ни передъ кѣмъ не принято ни малѣйшаго обязательства“. Не даромъ герцогъ Лирія еще на пути въ Россію высказалъ предположеніе, что паденіе Меншикова станетъ исходною точкою реакціонныхъ стремленій, и что Россія, благодаря этому, лишится всякаго значенія въ Европѣ. Пострадалъ отъ этого и самъ Петръ II. Австрійскій дипломатъ, графъ Вратиславъ, доносилъ Карлу VI, 4-го октября 1728 г., что послѣ паденія князя Меншикова нравъ молодого монарха испортился совершенно, и положеніе государства сдѣлалось опаснымъ.

IV.—Реакція противъ реформы Петра I.

Не безъ основанія австрійскіе дипломаты считали вѣроятнымъ, что удаленіе отъ дѣлъ князя Меншикова окажетъ сильное вліяніе на состояніе Россіи, и что катастрофа князя будетъ имѣть слѣдствіемъ измѣненіе государственнаго строя. Меншиковъ былъ представителемъ абсолютизма Петра В; его противники мечтали объ ограниченіи монархической власти. Сильный перевѣсъ князя, зани-

мавшаго со времени кончины Петра В. на фактъ мѣсто самодержавнаго государя, заставляя вельможъ подумать о средствахъ избавитися отъ такого абсолютизма. Въ бумагахъ вѣнскаго архива, въ донесеніяхъ австрійскихъ дипломатовъ, пребывавшихъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ при Екаторинѣ I и Петрѣ II, мы находимъ множество данныхъ, доказывающихъ, что мысль объ ограниченіи монархическаго начала, минутное осуществленіе которой состоялось, какъ извѣстно, въ началѣ 1730 года при воцареніи Анны, появилась гораздо раньше и созрѣвала именно во время упорной борьбы противъ чрезыбрнаго авторитета и несноснаго для вельможъ произвола князя Меншикова. Рабутино, Гогенгольцъ и Вратиславъ, въ своихъ донесеніяхъ постоянно возвращаясь къ этому вопросу о такой перемѣнѣ въ Россіи, въ связи съ этимъ обсуждаютъ тѣ послѣдствія, которыя будутъ сопряжены съ водвореніемъ олигархическихъ порядковъ въ Россіи. Австрійскіе дипломаты нисколько не сомнѣвались въ томъ, что сохраненіе чисто монархическаго начала въ Россіи должно было считаться важнѣйшимъ условіемъ поддержанія той важной роли, которую Россія разыгрывала въ Европѣ, благодаря реформамъ Петра В., тогда какъ отмѣна абсолютизма и олигархія нѣкоторыхъ вельможъ непременно должны были лишить Россію того значенія, которымъ она пользовалась въ общей политической системѣ. Австрія, состоявшая въ союзѣ съ Россіею, не могла не желать сохраненія силъ и средствъ своего союзника. Поэтому вѣнскіе государственные люди не безъ опасенія слѣдили за развитіемъ мысли объ ограниченіи монархической власти. Заменить самодержавіе олигархіею, по мнѣнію австрійскихъ дипломатовъ, значило—лишить Россію важнѣйшей доли результатовъ реформы Петра Великаго, возвратиться къ прежнимъ, до-Петровскимъ порядкамъ, отказаться отъ всѣхъ выгодъ политическаго и общественнаго прогресса.

Нельзя удивляться тому, что обстоятельства, при которыхъ совершилось воцареніе Екаторины I, Петра II и Анны Іоанновны, и самая личность Екаторины и малолѣтство Петра II—благоприятствовали усиленію мысли объ ограниченіи монархической власти въ пользу олигархій, и австрійскіе дипломаты зорко слѣдили за развитіемъ всѣхъ этихъ умысловъ.

Гогенгольцъ доносилъ въ минуту кончины Петра Великаго, что датскій посланникъ Вестфаленъ желалъ назначенія Петра II государемъ, а Екаторины—регентшею, въ виду раздѣленія, т.-е. ослабленія центральной власти. Между тѣмъ, Австрія желала имѣть дѣло съ сильною Россіею. Данія надѣялась на реакцію

въ этомъ государствѣ, которое вмѣшивалось въ дѣла западной Европы. Вестфаленъ, также какъ и шведскій дипломатъ Седергельмъ, въ минуту переменъ на престолѣ, въ февралѣ 1725 г., рассчитывали на преобладаніе „аристократическаго“ элемента въ правленіи. Когда императрица Екатерина I весной 1727 г. заболѣла опасно, графъ Рабутинъ высказалъ въ письмѣ къ императору Карлу VI опасеніе, что русскіе вельможи воспользуются переменною на престолѣ для „смягченія формы правленія“. Немного позже Рабутинъ писалъ прямо, что вельможи, въ виду чрезмѣрнаго произвола властелиновъ, „мечтають о переменѣ, клонящейся къ смягченію власти“. Послѣ этого однако Меншиковъ и при Петрѣ II продолжалъ сосредоточивать всю власть въ своихъ рукахъ, и вельможи имъ были потому крайне недовольны. Именно въ средѣ Долгорукихъ возникла сильнѣйшая оппозиція противъ Меншикова. Князь Василій Лукичъ Долгорукій, русскій дипломатъ въ Швеціи, въ бесѣдѣ съ австрійскимъ дипломатомъ Фридагомъ говорилъ о необходимости положить конецъ усиліямъ князя Меншикова—уничтожить значеніе старыхъ фамилій. Вотъ почему, доносилъ Рабутинъ, Василій Лукичъ Долгорукій состоялъ, въ самое послѣднее время царствованія Екатерины, въ нѣкоторой связи съ Девьеромъ. Къ этому австрійскій дипломатъ присоединилъ слѣдующія соображенія. „Едва ли,—писалъ онъ,—такая переменна оказалась бы выгодною для Австріи; абсолютизмъ,—по мнѣнію Рабутина,—долженъ считаться для Россіи лучшею формою правленія; какъ скоро древнія фамиліи будутъ находиться у кормила правленія, русскіе мало-по-малу возвратятся къ прежнимъ формамъ обществѣ и стануть по прежнему относиться равнодушно къ политическимъ дѣламъ въ западной Европѣ, Россія лишится всякаго значенія, и союзъ съ нею не окажется выгоднымъ. Поэтому,—какъ казалось Рабутину,—Петръ Великій не безъ основанія считалъ кореннымъ правиломъ противодѣйствовать старымъ фамиліямъ и опираться на людей новыхъ“.

Опасная болѣзнь Меншикова лѣтомъ 1727 г. служила поводомъ для усиленія надеждъ сторонниковъ олигархическаго начала. Разсуждая о послѣдствіяхъ кончины князя, Рабутинъ писалъ: „Вельможи непремѣнно успѣють присвоить себѣ значительную долю въ правленіи, ограничивая верховную власть, насколько это окажется возможнымъ при малолѣтнемъ государѣ“. „Затѣмъ,—писалъ Рабутинъ далѣе,—вельможи поселятся въ Москвѣ, не стануть болѣе заботиться о флотѣ и о войсѣхъ, и вновь завоеванныя провинціи окажутся подвергнутыми крайней опасности. Развѣ только,—продолжалъ австрійскій дипломатъ,—можно надѣяться на

то, что соперничество между разными партіями воспрепятствуетъ соединенію ихъ; благодаря этому, можно будетъ выиграть время и дать молодому монарху точное понятіе о настоящихъ умышляхъ вельможъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самую главную роль станутъ играть Голицыны и Долгорукіе; однако уже нынѣ замѣтно нѣкоторое соперничество между этими родами. Что касается Долгорукихъ, то особенно полководецъ, командующій въ Персіи, можетъ сдѣлаться опаснымъ; дипломатъ въ Швеціи имѣетъ гораздо менѣе инициативы, и на него можно будетъ подѣйствовать посредствомъ подкупа“.

Меншиковъ выздоровѣлъ; осуществленіе проектовъ Долгорукихъ и Голицыныхъ было отложено. Однако свѣтлѣйшій князь, какъ мы видѣли, мечталъ о союзѣ съ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ; предполагая устроить бракъ своего сына съ дочерью Голицына, Меншиковъ надѣялся препятствовать соединенію Голицына съ Долгорукими и привязать къ себѣ замѣчательно образованнаго и пользующагося большимъ вліяніемъ военачальника. Однако Рабутины, сообщая въ августѣ 1727 г. императору Карлу VI о такомъ проектѣ Меншикова, къ этому прибавили, что Голицынъ серьезно думаетъ объ ограниченіи верховной власти.

Рабутину все это казалось чрезвычайно опаснымъ. Онъ въ это время прямо говорилъ Меншикову о томъ, что послѣ того, какъ князь успѣлъ рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи въ пользу Петра II, онъ долженъ оказать Россіи еще другую важную услугу, поддерживая авторитетъ Россіи въ обще-европейскихъ дѣлахъ посредствомъ сохраненія настоящей формы правленія. Поэтому Рабутины совѣтовали Меншикову не думать о переселеніи двора въ Москву.

Не даромъ австрійскій дипломатъ считалъ Меншикова оплотомъ монархическаго авторитета въ Россіи. Въ то время, когда уже можно было предвидѣть паденіе князя, Рабутины писали къ графу Зинцендорфу, что это событіе легко можетъ имѣть слѣдствіемъ перенесеніе двора въ Москву и перемѣну въ государственномъ строѣ.

Послѣ паденія Меншикова, Гогенгольцъ (Рабутины тѣмъ временемъ умеръ) узнавалъ нѣкоторыя любопытныя подробности о состояніи дѣлъ чрезъ Ягужинскаго. По разсказамъ послѣдняго, существовали двѣ партіи: реакціонная, во главѣ которой находились Долгорукіе и большая часть знати, и партія, желавшая продолжать дѣйствовать въ духѣ Петра В.; къ ней принадлежали великая княгиня Наталія Алексѣевна, Остерманъ, Лѣвенвольде и пр.

Гогенгольцъ въ бесѣдѣ съ Ягужинскимъ, затронувъ вопросъ о беспорядочномъ образѣ жизни малолѣтняго государя, замѣтилъ, что вельможи, не бывъ въ состояніи исправить Петра II, очевидно боятся его болѣе, чѣмъ боялись его дѣда. Ягужинскій возразилъ на это, что вельможи не боятся императора; они, напротивъ, очень рады переселенію двора въ Москву и возвращенію къ прежнимъ нравамъ и порядкамъ, ожидая содѣйствія реакціи и со стороны царицы Евдокіи.

Послѣ переселенія двора въ Москву и пріѣзда туда новаго австрійскаго дипломата, графа Вратислава, послѣдній тотчасъ же убѣдился въ томъ, что сторонники реакціи противъ реформы Петра Великаго желали удержать Петра II въ Москвѣ съ цѣлью измѣненія государственнаго строя. „Въ Москвѣ, — доносилъ Вратиславъ, — находится самое ничтожное количество войска; поэтому политическіе агитаторы имѣютъ болѣе свободы для своихъ дѣйствій, тогда какъ въ Петербургѣ каждый министръ, желающій поддерживать авторитетъ государя, легко могъ бы уничтожить умыслы вельможъ, желающихъ ограничить монархическую власть“. Въ этой перепискѣ графъ Вратиславъ еще полтора года до воцаренія императрицы Анны Іоанновны видѣлъ крайнее несчастье для Россіи. Не безъ основанія онъ полагалъ, что пребываніе двора въ Москвѣ и необращеніе вниманія на сохраненіе въ надлежащемъ состояніи войска и флота находилось въ самой тѣсной связи съ этими умыслами вельможъ-реакціонеровъ. Австрія не могла равнодушно смотрѣть на эту переписку. Союзъ съ ослабѣвшею и возвратившеюся къ прежнему состоянію Россіею не могъ имѣть цѣны для Карла VI. Въ крайнемъ раздраженіи графъ Вратиславъ доносилъ своему императору, за нѣсколько недѣль до кончины Петра II, что вельможи умышленно не заботились о развитіи умственныхъ способностей молодого государя, чтобы тѣмъ временемъ забрать въ свои руки государственныя дѣла и распорядиться всѣмъ по своему усмотрѣнію.

Эти жалобы австрійскихъ дипломатовъ на упадокъ силъ, средствъ и значенія Россіи при Петрѣ II достойны вниманія. Рабутинъ еще лѣтомъ 1727 г. доносилъ, что упадокъ флота и войска не можетъ не подвергнуть опасности завоеванныя Петромъ Великимъ провинціи. Караме, какъ скоро заговорили о поѣздкѣ двора въ Москву для коронаціи, узналъ, что есть люди, которые надѣются на продолжительное пребываніе въ древней столицѣ и на вліяніе царицы Евдокіи на дѣла въ духѣ реакціи противъ нововведеній Петра Великаго. Совершенно справедливо Караме ожидалъ, что Остерманъ, какъ иностранецъ, „благодаря ненависти

русскихъ въ чужимъ“, лишится всякаго вліянія, и что поѣздка двора въ Москву окажется самымъ важнымъ и рововымъ событіемъ.

Въ инструкціи, которую въ Вѣнѣ написали для графа Братислава при отправленіи его въ Москву, этому дипломату было вмѣнено въ обязанность убѣждать Петра II по возможности скорѣе возвратиться изъ Москвы въ Петербургъ. Тотчасъ же послѣ приѣзда въ новую столицу графъ Братиславъ узналъ о существованіи сильной партіи вельможъ, старавшихся удерживать Петра II въ Москвѣ съ цѣлью возвращенія къ прежнимъ до-Петровскимъ правамъ. Туда были уже переведены изъ Петербурга всѣ коллегіи, за исключеніемъ коммерцъ-коллегіи, и о возвращеніи въ новую столицу не было и рѣчи.

Почти одновременно съ графомъ Братиславомъ въ Россію прибылъ и испанскій посолъ, герцогъ Лирія. Онъ разсуждалъ объ этомъ предметѣ, какъ и австрійскіе дипломаты. Еще на пути въ Россію Лирія писалъ къ маркизу де-ла-Пась, 6-го сентября 1727 г.: „Нужно опасаться, чтобы деньги Англии не заставили царя навсегда поселиться въ Москвѣ. Тогда бы я не далъ и гроша за его союзъ, и пускай его себѣ возится съ персами и татарами; вѣдь государствамъ Европы тогда онъ не можетъ сдѣлать ни добра, ни зла... Обитатели новыхъ завоеваній царя (на сѣверѣ) тяготятся его владычествомъ, и они бы свергли его, еслибы ихъ не сдерживало его (царя) присутствіе; лишь только онъ удалится, они восстанутъ, и мы будемъ свидѣтелями всеобщей революціи: флотъ и торговля погибнутъ, потому что въ началѣ только присутствіе государя можетъ заставить ихъ процвѣтать, и такъ какъ старыя москвиты, считая за правило держаться какъ можно дальше отъ иностранцевъ, поселятся въ Москвѣ, то вслѣдствіе этого московская монархія возвратится къ своему прежнему варварству“.

Послѣ приѣзда въ Россію Лирія писалъ о состояніи русскаго двора слѣдующее: „Царь не терпитъ ни моря, ни кораблей, и страстно любитъ псовую охоту. Здѣсь въ Петербургѣ мало гдѣ можно охотиться, но въ Москвѣ для этого раздолье. Вотъ почему предполагаютъ, и мнѣ кажется не безъ достаточнаго основанія, что, захавъ туда разъ, онъ едва ли возвратится. Главною причиною, по которой покойные царь Петръ I и царица основали здѣсь свою резиденцію, было то, чтобы всегда имѣть въ виду рождающуюся морскую силу, доставлявшую имъ величайшее удовольствіе, и чтобы держать въ почтеніи сосѣднихъ государей, особенно шведскихъ. Молодой монархъ не походитъ на нихъ: онъ ненавидитъ морское дѣло и обруженъ такими русскими,

которые, скучая своимъ удаленіемъ отъ родины, непрестанно внушаютъ ему, чтобы онъ перешелъ въ Москву, гдѣ жили его предки, превозносятъ ему московскій климатъ и бездну дачи въ окрестностяхъ, а здѣсь климатъ не только не здоровъ, но и мраченъ, и негдѣ охотиться“.

Вопросъ о столицѣ возбуждалъ тогда многіе толки. Лирія послѣ переселенія двора въ Москву писалъ оттуда, 4-го марта 1728 г.: „Вчера обнародованъ и прибитъ на публичныхъ мѣстахъ указъ, которымъ подъ строжайшимъ наказаніемъ запрещается говорить о томъ, возвратится ли царь въ Петербургъ, или нѣтъ“.

Лирія всѣмъ этимъ былъ очень недоволенъ. Въ его письмѣ, отъ 27-го апрѣля 1728 г., сказано: „Царь все лѣто проведетъ въ развлеченіи охотою, для каковой цѣли приготовили различныя дачи, въ которыхъ онъ будетъ жить попеременно. Итакъ, нѣтъ надежды возвратиться въ Петербургъ до зимы“.

Въ запискахъ дюка де-Лирія, изданныхъ Языковымъ въ 1845 г., говорится, что Остерманъ желалъ возвращенія двора въ Петербургъ, но тѣ русскіе, „которые занимались болѣе своими, нежели государственными дѣлами, старались удерживать царя въ Москвѣ, чтобы быть поближе къ своимъ домамъ и деревнямъ“.

Иностранные дипломаты, состоявшіе въ связи съ Остерманомъ, рѣшились наконецъ дѣйствовать въ пользу возвращенія двора въ новую столицу. 4-го іюня, у герцога Лирія обѣдалъ баронъ Краммъ, посланникъ бланкенбургскій. Онъ объяснялъ, что царю непремѣнно нужно возвратиться въ Петербургъ, и просилъ испанскаго посла повліять на фаворита, Ивана Долгорукаго, и убѣдить его содѣйствовать возвращенію двора въ Петербургъ. Лирія не безъ основанія думалъ, что чрезъ барона Крамма дѣйствовалъ на него Остерманъ, знавшій, что Лирія былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Иваномъ Долгорукинымъ.

Но говорить объ этомъ предметѣ было опасно, и Лирія выразилъ желаніе, чтобы заговорилъ о немъ впервые австрійскій посланникъ, графъ Вратиславъ. Въ депешѣ послѣдняго, отъ 15-го іюля 1728 г., сообщается, что Иванъ Долгорукій въ это время и знать не хотѣлъ о Петербургѣ. Вратиславъ писалъ: „Эти люди не желаютъ, чтобы я имѣлъ какое-либо вліяніе на государя“. Тѣмъ не менѣе Вратиславъ намѣревался, хотя крайне осторожно, заговорить съ Иваномъ Долгорукинымъ о необходимости вернуться въ Петербургъ. Но въ то же время онъ сожалѣлъ о томъ, что Остерманъ ничего не могъ сдѣлать, и что тѣ самые люди, кото-

рые окружали молодого государя, легко могут завладѣть всѣми отраслями администраціи, а главное—войскомъ.

Реакціонныя стремленія Долгорукихъ высказались и въ холодномъ обращеніи Петра II съ иностранными дипломатами. Вратиславъ доносилъ Карлу VI, что люди, окружавшіе государя, убѣждали его избѣгать случаевъ говорить по-нѣмецки. Особенно Вратиславъ сожалѣлъ о томъ, что ненависть русскихъ къ иностранцамъ лишала Остермана всякаго вліянія. Австрійскій дипломатъ прямо опасался окончательнаго удаленія отъ дѣлъ Остермана. Довольно часто въ донесеніяхъ Вратислава упомянуто объ интригахъ, направленныхъ противъ послѣдняго. Поэтому нельзя было надѣяться на вліяніе этого опытнаго государственнаго дѣятеля въ вопросѣ о возвращеніи двора въ Петербургъ. Довольно благоприятныя отношенія, существовавшія между Остерманомъ и Иваномъ Долгорукимъ, не могли оказывать пользы, потому что самъ фаворитъ въ это время не былъ въ ладахъ со своими родственниками. Въ реляціи герцога Лирія, отъ 2-го августа, мы читаемъ: „Иванъ Долгорукій меня увѣрялъ, что онъ имѣетъ твердое намѣреніе убѣдить царя возвратиться въ Петербургъ, но онъ не желаетъ, чтобы это знали его соотечественники и его родные, которые всѣ хотятъ, чтобы дворъ оставался здѣсь; онъ надѣется побудить царя возвратиться въ Петербургъ тотчасъ же, какъ только выпадетъ достаточно снѣгу, чтобы ѣздить на саняхъ. При этомъ онъ просилъ меня хранить тайну“. И Лирія, и Вратиславъ, неоднократно говорили съ Иваномъ Долгорукимъ о Петербургѣ: онъ обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее для того, чтобы убѣдить Петра покинуть Москву, но всѣ старанія его оказались тщетными. Вліяніе представителей реакціи оказалось сильнѣе вліянія Остермана и Ивана Долгорукаго.

Карла VI интересовалъ вопросъ о женитьбѣ Петра II, и Вратиславъ долженъ былъ предложить царю одну изъ принцессъ западной Европы. Однако австрійскій дипломатъ, въ виду развившагося въ средѣ вельможъ націонализма, считалъ опаснымъ заговорить объ этомъ предметѣ, ожидая, что Долгорукіе, ненавидѣвшіе иностранцевъ, поспѣшили бы избрать для молодого государя русскую невѣсту. Оволо этого времени, въ октябрѣ 1728 г., ходилъ слухъ о намѣреніи Долгорукихъ запретить иностранцамъ занимать какія-либо должности въ войскѣ или въ гражданской администраціи.

Въ концѣ ноября скончалась сестра императора, Наталья Алексѣевна. Герцогъ Лирія надѣялся, что это событіе будетъ имѣть слѣдствіемъ переселеніе двора въ Петербургъ. 25-го ноября

онъ писалъ: „Остерманъ желаетъ этого съ нетерпѣніемъ, и вчера онъ имѣлъ со мною, графомъ Вратиславомъ и посланникомъ бланкенбургскимъ продолжительный объ этомъ разговоръ. Мы разсуждали о способѣ, какъ добиться этого. Всѣ соглашались въ необходимости, чтобы графъ Вратиславъ во имя своихъ государей съ настойчивостью поговорилъ объ этомъ съ царемъ“. Вратиславъ, донося Карлу VI (6-го декабря) о кончинѣ его племянницы, говорилъ опять о возвращеніи двора въ Петербургъ. Во-первыхъ, онъ узналъ, что Наталья Алексѣевна, умирая, убѣждала брата щадить свое здоровье и по возможности скорѣе покинуть Москву. Далѣе, Вратиславъ надѣялся, что тѣло великой княжны будетъ перевезено въ новую столицу, и что при этомъ случаѣ и Петръ II рѣшится переѣхать въ С.-Петербургъ. Однако люди, окружавшіе Петра, представили ему, что хоронить великую княжну не въ Москвѣ значило бы оскорбить народное чувство. Такимъ образомъ, надежда австрійскаго и испанскаго дипломатовъ на переселеніе двора въ Петербургъ рушилась окончательно. Убѣщанія герцога Лирія и графа Вратислава не могли измѣнить рѣшенія олигарховъ оставаться въ Москвѣ.

Въ началѣ 1729 г., Вратиславъ писалъ: „Партія Долгорукихъ со дня на день усиливается все болѣе и болѣе“. Случайно австрійскій дипломатъ, благодаря какому-то тайному источнику, узналъ о слѣдующемъ любопытномъ эпизодѣ. Русскіе государственные люди убѣждали Остермана принять православіе. Въ этомъ заключалась интрига. Въ случаѣ упорнаго сохраненія протестантизма, Остерманъ легко могъ быть совершенно удаленъ отъ дѣлъ. Въ случаѣ перемѣны исповѣданія, онъ долженъ былъ бы измѣнить и свои политическія убѣжденія и руководствоваться правилами русскаго духовенства, которое, воспользовавшись удобнымъ временемъ, легко могло бы по прежнему оказывать сильное вліяніе на дѣла и мечтать о новомъ патріархѣ. Остерманъ, несмотря на опасность своего положенія, объявилъ категорически, что принять православіе не намѣренъ.

На тѣсную связь между реакціоннымъ движеніемъ въ области политическихъ учрежденій и возвращеніемъ къ прежнимъ порядкамъ въ области церкви, графъ Вратиславъ указываетъ и въ другихъ донесеніяхъ. Такъ, напр., онъ упоминаетъ о появленіи полемической брошюры противъ протестантизма. Во время поста въ 1729 г. во всѣхъ церквахъ при богослуженіи осуждались другія исповѣданія въ формѣ, которую строго запретилъ Петръ Великій. Въ донесеніи Вратислава, отъ 16-го декабря 1729 г., сообщается по поводу помолвки молодого государя съ княжною Дол-

горуюю: „Уже прежде считали невозможнымъ заключеніе браковъ между русскими государями и иностранными принцессами вслѣдствіе различія исповѣданій. Еслибы даже самъ Петръ II желалъ жениться на иностранкѣ, онъ едва ли успѣлъ бы это сдѣлать. Остерманъ, совѣтуя императору вступить въ бракъ съ иностранною принцессою, навлекъ бы этия на себя общую ненависть. Иностранная принцесса встрѣтила бы въ здѣшнемъ краѣ сильную оппозицію; ее здѣсь ненавидѣли бы; нравы и обычаи здѣсь нисколько не соотвѣтствуютъ тому, къ чему привыкли западно-европейскія принцессы; супруга царя легко можетъ подвергнуться опасности удаленія или грубаго съ нею обращенія. Принцесса изъ Лотарингіи не могла бы сдѣлаться невѣстою императора. Русское духовенство, правда, ненавидитъ протестантизмъ болѣе, чѣмъ католицизмъ, но оно болѣе опасается вліянія римской церкви, нежели протестантизма“.

Австрійскій дипломатъ говоритъ въ своихъ донесеніяхъ о разныхъ признакахъ сильной ненависти къ иностранцамъ вообще. Такъ, напр., въ его донесеніи, отъ 18-го апрѣля 1729 г., сказано: „Люди, окружающіе государя, возбуждаютъ въ немъ нерасположеніе къ Остерману, говоря ему, что иностранцы стремятся въ ограниченію его воли и свободы. Вотъ почему я долженъ дѣйствовать крайне осторожно“. Фанатизмъ черни высказался и при слѣдующемъ случаѣ. Весною 1729 г. въ Москвѣ случился пожаръ. Оказалось множество грабителей при этомъ случаѣ, и особенно солдаты отличались неистовствомъ и хищеніемъ. Многіе выразили сожалѣніе о томъ, что не загорѣлись дома, въ которыхъ жили Вратиславъ и Лирія; иначе они бы охотно разграбили эти дома и съ удовольствіемъ видѣли бы „нѣмцевъ“, гибнущихъ въ пламени.

Въ августѣ 1729 г., была внезапно удалена отъ двора г-жа Крамеръ, которая пользовалась расположеніемъ императрицы Екатерины I и великой княжны Наталіи Алексѣевны. Графъ Вратиславъ, сообщая объ этомъ, замѣчаетъ, что въ этомъ крутомъ обращеніи съ иностранкою должно видѣть признакъ ненависти къ ней Долгорукихъ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ о какой-либо иностранкѣ-невѣстѣ не могло быть рѣчи. Карлъ VI не переставалъ мечтать о бракѣ Петра II съ одною изъ принцессъ въ западной Европѣ; однако Вратиславъ, которому было поручено хлопотать объ этомъ, не имѣлъ никакой возможности исполнить такое порученіе. Самъ Петръ II становился все менѣе и менѣе доступнымъ. Люди, окружавшіе царя, не допускали его къ сближенію съ кѣмъ бы то ни было и желали отвлечь его отъ занятій, отъ ученія и т. п. Невѣжда, по мнѣнію Долгорукихъ,

скорѣе могъ оставаться ихъ орудіемъ. Вотъ почему иностранные дипломаты лишь весьма рѣдко имѣли случай видѣть Петра II, который впрочемъ хранилъ упорное молчаніе, какъ только Вратиславъ или кто-либо изъ иностранцевъ искалъ случая заговорить съ нимъ о чемъ-либо. Тщетно австрійскій дипломатъ обращался къ Остерману съ просьбою доставить ему случай бесѣдовать съ царемъ; Остерманъ не имѣлъ на этотъ счетъ никакого вліянія.

Такимъ образомъ, графъ Вратиславъ не надѣялся болѣе на возвращеніе двора въ Петербургъ. „Всѣ вельможи, — писалъ онъ 11-го апрѣля 1729 г., — только и стремятся къ тому, чтобы оставаться въ своихъ имѣніяхъ въ окрестностяхъ Москвы, возвратиться къ своему прежнему сповойному житью-бытью“... „Духовенство, — доносилъ австрійскій дипломатъ 16-го декабря 1729 г., — надѣется получить обратно конфискованныя Петромъ Великимъ духовныя имущества, а дворянство — возвратиться къ прежнимъ правамъ и обычаямъ“.

Вратиславъ, видя все это, былъ въ отчаяніи. Въ бесѣдахъ съ русскими министрами онъ говорилъ неоднократно о необходимости заботиться и во время пребыванія двора въ Москвѣ о флотѣ и о войскѣ, о содержаніи въ надлежащемъ состояніи крѣпостей. Его увѣряли, что все будетъ сдѣлано, но упадокъ въ этомъ отношеніи всякому бросался въ глаза. Говоря въ донесеніи, отъ 23-го мая 1729 г., о возможности разрыва Россіи съ Турціею, Вратиславъ замѣчаетъ, что, быть можетъ, турецкая война окажетъ пользу, возбуждая народъ къ дѣятельности и давая Петру II случай осмотрѣться и убѣдиться въ недостаткахъ правленія.

Герцогъ Ларія всецѣло раздѣлялъ пессимизмъ графа Вратислава. Онъ писалъ въ концѣ января 1729 г., что надежды на возвращеніе въ Петербургъ пѣтъ, что главнымъ противникомъ этого проекта отецъ фаворита, Алексѣй Долгорукій, и что это „приводитъ въ отчаяніе всѣхъ желающихъ добра царю“. Не много позже Ларія опять писалъ: „О Петербургѣ здѣсь совершенно забыли и мало-по-малу начинаютъ забывать о всемъ хорошемъ, что сдѣлалъ Петръ Великій: каждый думаетъ о своемъ собственномъ интересѣ, и никто — объ интересѣ своего государя. Посему этотъ дворъ теперь настоящій Вавилонъ“.

Отецъ Петра II, несчастный царевичъ Алексѣй, когда-то говорилъ своей любовницѣ Афросинѣ, что онъ, „когда будетъ государемъ, опять будетъ жить въ Москвѣ, а Петербургъ оставить простымъ городомъ, также и корабли оставить и держать ихъ не будетъ... и намѣренъ жить зиму въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ“. Сынъ царевича Алексѣя, подъ вліяніемъ олигарховъ, пошелъ по

стопамъ отца. Англійскій консулъ Рондо доносилъ своему правительству въ августѣ 1728 г.: „Его величество моря не любитъ. Поэтому нельзя ожидать, чтобы онъ вернулся въ Петербургъ. Если это такъ, великіе замыслы его дѣда вскорѣ обратятся въ ничто; уже нынѣ работы въ Кроншлотѣ почти совсѣмъ прекратились“... „Петербургъ превратился въ пустыню“, писалъ около этого же времени Лирія. Когда однажды Остерманъ хотѣлъ-было склонить Петра II къ возвращенію въ Петербургъ, онъ возразилъ: „Что мнѣ дѣлать въ мѣстности, гдѣ кромѣ болотъ да воды ничего не видать“. Въ Петербургѣ случались наводненія, и англійскій консулъ замѣчалъ, въ ноябрѣ 1729 г., по поводу такого случая: „Наводненія всегда будутъ служить старорусской партіи предлогомъ отклонять его величество отъ возвращенія въ Петербургъ; они скажутъ, что неудобно для государя жить въ мѣстности, гдѣ онъ постоянно подвергается опасности“.

Страдалъ отъ всего этого флотъ; но страдало и войско. Рондо писалъ въ маѣ 1729 г.: „хорошіе иностранные офицеры чуть не ежедневно одинъ за другимъ просятъ отставки и возвращаются на родину. Отставка дается безпрепятственно. Русская политика крѣпко измѣнилась съ кончиною послѣдняго государя“. О развившейся въ это время ненависти къ иностранцамъ писалъ и Веберъ. Графъ Апраксинъ, по отзыву герцога Лирія, „смертельно ненавидѣлъ иностранцевъ“, а князь Димитрій Голицынъ говорилъ: „къ чему всѣ сіи затѣи? Развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ жилали наши отцы и дѣды, которые не пускали къ себѣ иноземцевъ“. О Василиѣ Лукичѣ Долгорукомъ Лирія сообщалъ: „онъ находилъ удовольствіе видѣть дѣла въ дурномъ положеніи, думая посредствомъ сего ввести старинные обычаи“. „Старые бояре, — утверждалъ Рондо, — всѣми мѣрами постараются помѣшать возвращенію двора въ Петербургъ: они охотно бросятъ свои прекрасные дома въ новой столицѣ, лишь бы остаться въ Москвѣ и жить тамъ по старинѣ“. Особенно Долгорукіе удерживали царя въ Москвѣ, потому что ихъ большія помѣстья были расположены подъ древнею столицею.

О ненависти противъ иностранцевъ и объ умыслахъ Алексѣя Долгорукаго, считавшагося главнымъ представителемъ реакціи противъ результатовъ эпохи Петра Великаго свидѣтельствуетъ слѣдующій любопытный рассказъ саксонскаго резидента Лефорта въ его шифрованной депешѣ, отъ 8 августа 1729 г.: „Архіепископъ ростовскій, большой приверженецъ отца фаворита, представлялъ недавно прошеніе въ синодъ, гдѣ просилъ выбрать его въ архимандриты всероссійскіе (sic) — мѣсто, занимаемое нѣкогда патриар-

хомъ; онъ получилъ единогласный отказъ; обиженный этимъ отказомъ, онъ вошелъ въ синодъ съ другимъ предложеніемъ—издать новый законъ: чтобы впредь ни одинъ русскій не вступалъ въ бракъ съ кѣмъ-либо другого исповѣданія, а всѣхъ находящихся въ таковомъ бракѣ до изданія этого закона развести. Члены синода были готовы подписать этотъ законъ, кромѣ одного новгородскаго архіепископа, Теофана Прокоповича. Онъ далъ понять, какъ странно (*ridicule*) расторгнуть около четырехъ-сотъ браковъ, давно признанныхъ законными, и если было глупо согласиться на такой законъ, то будетъ еще глупѣе отмѣнить его. Несмотря на это, ростовскій архіепископъ просилъ фельдмаршала Долгорукаго отмѣнить свадьбу его племянницы съ Брюсомъ, но фельдмаршалъ отказалъ ему и объяснилъ, что иностранцы такіе же хорошіе люди, какъ русскіе, если не лучше. Неизвѣстно, что изъ этого выйдетъ. Вѣроятно, это продѣлка отца фаворита, посредствомъ которой онъ хотѣлъ устроить свадьбу цари съ одной изъ своихъ дочерей; но это по всей вѣроятности ему не удастся ¹⁾.

Благодаря всему этому, иностранцы считали свое положеніе въ Россіи далеко не безопаснымъ. Герцогъ Лирія писалъ испанскому министру: „Если случится какое-либо несчастье, здѣсь произойдетъ ужасный беспорядокъ; не безопасны даже иностранные министры по причинѣ страшной ненависти, которую туземцы питаютъ ко всѣмъ иноземцамъ. По поводу приближающейся кончины великой княжны Натальи Алексѣевны, Лирія полагалъ, что „въ случаѣ кончины государя, здѣсь произойдетъ ужаснѣйшая революція; не берусь предвѣщать, что послѣдуетъ, скажу только, что Россія возвратится къ своему прежнему состоянію безъ надежды подняться, по крайней мѣрѣ въ наше время“. Испанскій посолъ доносилъ въ другихъ депешахъ: „при такой неурядицѣ, здѣсь можетъ случиться все; можетъ даже случиться что-нибудь и вредное достоинству короля моего государя, потому что этотъ народъ, разъ выведенный изъ себя, не пощадитъ никого; злоба противъ иностранцевъ всеобщая; народъ не замедлитъ напасть на наши дома, и мы рискуемъ не только пострадать, но и погибнуть ¹⁾“.

Лирія доносилъ, далѣе, о хаотическомъ состояніи Россіи въ это время: „Все идетъ дурно; царь не занимается дѣлами, да и не думаетъ заниматься; денегъ никому не платятъ, и Богъ знаетъ, до чего дойдутъ здѣшніе финансы; каждый воруетъ, сколько можетъ. Всѣ члены верховнаго совѣта нездоровы, и потому этотъ

¹⁾ Сб. Ист. Общ. V, стр. 327.

²⁾ „Осмнадцатый вѣкъ“, II, 43, 111, 147.

трибуналѣ, душа здѣшняго управленія, вовсе не собирается. Всѣ соподчиненныя вѣдомства тоже остановили свои дѣла. Жалобъ бездна; каждый дѣлаетъ то, что ему взбредетъ на умъ. Объ управленіи всего этого серьезно никто не думаетъ, кромѣ барона Остермана, который одинъ не въ состояніи сдѣлать всего. Я полагаю, что здѣсь все готово для революціи, которая можетъ нанести неисправимый вредъ этой монархіи“. Въ другомъ донесеніи испанскаго посла сказано: „очень важно, чтобы царь не женился на своей подданной, потому что съ нимъ связанъ вопросъ о возвращеніи этой монархіи къ ея первобытному состоянію, чего желаютъ всѣ старые русскіе. Недовольныхъ теперь безчисленное множество. Всѣ жалуются: епископы, солдаты, министры; наконецъ, всѣ въ отчаяніи отъ худого управленія. Не знаю, чѣмъ все это кончится, но боюсь, какъ бы не погибъ Остерманъ, если онъ не сможетъ поставить дѣла на лучшую ногу, чѣмъ они находятся теперь. Но сдѣлать это ему очень трудно, потому что всѣ противъ него; хотя и безъ всякаго основанія, такъ какъ онъ способный министръ и не желаетъ ничего, кромѣ величія этой монархіи“.

Нельзя удивляться тому, что Лирія считалъ свое пребываніе въ Россіи несчастіемъ. Въ одномъ изъ его писемъ говорится: „Завтра исполнится годъ, какъ я при этомъ дворѣ; дай Богъ, чтобы мнѣ не пришлось прожить здѣсь другого“. И далѣе: „Не предвидится ли случай вытащить меня изъ этой тюрьмы? Вотъ я здѣсь уже годъ съ недѣлей, и увѣраю васъ, это слишкомъ долго для человѣка, который привыкъ жить въ странахъ менѣе варварскихъ“¹⁾. Въ крайнемъ раздраженіи, Лирія писалъ по поводу интригъ, направленныхъ противъ Ивана Долгорукаго: „Въ Россіи нѣтъ ни уваженія, ни довѣрія ни къ кому; здѣсь всякій хлопочетъ о личной выгодѣ и ради своей цѣли готовъ предать отца, мать, родныхъ и друзей“²⁾.

Неоднократно герцогъ Лирія въ своихъ донесеніяхъ говорилъ о совершенной бесполезности своего пребыванія въ Россіи. Онъ писалъ между прочимъ: „Кажется, что я не только здѣсь бесполезенъ, но даже противно чести нашего короля оставлять меня здѣсь. Монарха мы не видимъ никогда, развѣ только въ торжественные дни; во дворцѣ не бываемъ никогда; тщеславіе этихъ туземцевъ таково, что они воображаютъ, что мы недостойны равняться съ ними. Правда, мнѣ еще нѣсколько больше оказы-

¹⁾ „Осмнадцатый вѣкъ“, II, 82, 111, 118, 115.

²⁾ Прибавленія къ запискамъ герцога де-Лирія въ „Русской Старинѣ“, VIII, стр. 86.

завоютъ вниманія, чѣмъ другимъ иностраннымъ министрамъ, но вниманіе это ограничивается тѣмъ, что они приходятъ ко мнѣ въ домъ, когда я ихъ приглашаю—но не иначе, и еще думаютъ, что они дѣлаютъ мнѣ слишкомъ много чести. Повторяю, что достаточно и даже больше чѣмъ достаточно имѣть здѣсь секретаря или по крайней мѣрѣ резидента“. То же представлялъ своему двору графъ Вратиславъ“.

Не менѣе жаловались на отчаянное положеніе Россіи въ это время и другіе дипломаты. Рондо писалъ англійскому министру: „Вы не можете себѣ представить, какъ здѣсь жалуются на ходъ дѣлъ. Никакой опредѣленной системы управленія нѣтъ; никакихъ жалобъ не слушаютъ; очень многіе разоряются. Царь думаетъ исключительно о развлеченияхъ и охотѣ, а сановники—о томъ, какъ бы сгубить одинъ другого. Графъ Вратиславъ убѣдилъ-было министровъ устроить подѣ Московю лагерь на 10.000 человекъ, дабы его величество обучался военному дѣлу. Совѣтъ графа имъ понравился, но заботы о содержаніи такого лагеря заставили ихъ переменить рѣшеніе. Другіе прибавляютъ, будто лагеря не устроили въ виду жалкаго состоянія солдатскихъ мундировъ, которые показать совѣстно“. Въ другомъ письмѣ англійскаго консула сказано: „Вблизи государя нѣтъ ни одного человѣка, способнаго внушить ему надлежащія свѣденія по государственному управленію; ни малѣйшая доля его времени не посвящается совершенствованію его въ познаніи гражданской или военной дисциплины“¹⁾.

Особенно рѣзко отзывался объ упадкѣ Россіи во время царствованія Петра II саксонскій резидентъ Лефорть. Онъ писалъ въ ноябрѣ 1727 г.: „Можно составить себѣ понятіе о будущемъ состояніи Россіи, вида молодого монарха, не принимающаго никакихъ совѣтовъ, дѣйствующаго по своей собственной волѣ и по внушеніямъ своего друга, Ивана Долгорукаго, самого нуждающагося быть подѣ строгимъ надзоромъ... Все коснѣеть, все страждетъ²⁾, и едва между всѣмъ этимъ возвышается Остерманъ, назрѣнія котораго хороши, но вѣдь нельзя вездѣ поспѣть“.

Въ январѣ 1728 г. Лефорть писалъ: „Разсудительные люди увѣряютъ, что неустройство, безпорядокъ и развратъ возьмутъ верхъ... Я полагаю, что все погибнетъ отъ бездѣйствія. Стыдно смотрѣть, какъ все дѣлается“ и т. д. Въ мартѣ: „Неужели намъ никогда не придется видѣть прочнаго и постояннаго положенія дѣлъ?“...

¹⁾ Сб. Ист. Общ., LXVI, стр. 19 и 26.

²⁾ „Tout croupit, tout languit“.

Въ іюні: „Когда я обращаю вниманіе на настоящее управленіе государствомъ, мнѣ кажется, что царствованіе Петра Великаго было не что иное, какъ сонъ. Всѣ живутъ здѣсь въ такой безопасности, что человѣческій разумъ не можетъ постигнуть, какъ такая огромная машина держится безъ всякой подмоги; каждый старается набавиться отъ заботъ, никто не хочетъ взять что-либо на себя и молчить... Войско вездѣ погибаетъ. Верховный тайный совѣтъ все выслушиваетъ, предвидитъ будущія несчастія, но никто не имѣетъ права говорить. Я полагаю, достаточно не болѣе года, чтобы флотъ не въ состояніи былъ выйти въ море. Швеція старается возратить себѣ отнятыя земли... Монархъ Божьею милостью знаетъ, что ему никто не осмѣлится прекословить: въ этомъ постарались его еще болѣе убѣдить. Царь не знаетъ истиннаго пути, которому онъ долженъ слѣдовать, и все это идетъ къ разрушенію (*tout va à l'abandon*)“. Въ письмахъ Лефорта, отъ 15-го и 25-го ноября, говорится: „Если великая княжна умретъ, иностранцы лишатся своей поддержки, и можно предвидѣть, что дѣла въ этомъ государствѣ примутъ другой оборотъ. Русскіе совершенно овладѣютъ слишкомъ суровымъ и упрямымъ духомъ государя, на котораго не дѣйствуютъ никакіе спасительные совѣты. Баронъ Остерманъ въ отчаяніи отъ грозящей ему опасности“... „Стараясь понять состояніе этого государства, убѣждаешься, что его положеніе съ каждымъ днемъ дѣлается непонятнѣе. Можно бы было сравнить его съ кораблемъ, предоставленнымъ на произволъ судьбы. Буря готова разразиться, а кормчій и всѣ матросы оцѣпѣли или заснули. Огромное судно несется, и никто не думаетъ о будущемъ. Каждый поводитъ кормило и остается въ бездѣйствіи, тогда какъ слѣдовало бы работать, имѣя въ виду грядущее повогнѣніе; дѣйствительно, можно подуматъ, что всѣ на этомъ суднѣ ждутъ только сильной бури, чтобы при первомъ несчастіи воспользоваться пожитками корабля“¹⁾.

На характеристическую черту въ дѣйствіяхъ или скорѣе въ бездѣйствіи лицъ, окружавшихъ Петра II, указываетъ и Гогенгольцъ: „Нѣтъ никакого единства въ управленіи дѣлами; отсюда выходитъ неурядица“²⁾. Никто не довѣряетъ другому; никто не желаетъ взять на себя отвѣтственность. Благодаря этому, все въ застоѣ“. „Никто не имѣетъ инициативы,—говорится въ донесеніи графа Вратислава отъ 21-го февраля 1729 г.,—верховный тайный совѣтъ собирается весьма лишь рѣдко. Дѣла остановлены.

¹⁾ Сб. Ист. Общ., III. 508; V, 295, 296, 301, 308, 315.

²⁾ „Es geht ziemlich confus zu“.

Судопроизводство, администрація, всё присутственными мѣста находятся въ хаотическомъ состояніи. Никто не думаетъ о томъ, какъ бы помочь этому злу. Остерманъ обремененъ дѣлами и не въ состояніи съ ними справиться, встрѣчая на каждомъ шагѣ затрудненія всякаго рода. Все это не можетъ продолжаться долго такимъ образомъ. Развѣ какимъ-либо Божиимъ промысломъ молодой государь будетъ направленъ на лучшей путь и къ сознанию своихъ обязанностей". Австрійскій дипломатъ точно такъ же, какъ и герцогъ Лирія, приходилъ въ заключенію, что нельзя желать союза и дружбы съ столь разстроеннымъ государствомъ ¹⁾. „Стоитъ ли, — спрашивалъ графъ Вратиславъ въ декабрѣ 1729 г., — связываться съ краемъ, гдѣ войско ослабѣваетъ, дисциплина исчезаетъ, финансы въ разстройствѣ, и люди, стоящіе въ центрѣ, оказываются совершенно неспособными къ управленію дѣлами"... „Къ тому же, — жаловался Вратиславъ, — здѣсь нѣтъ никакого постоянства; каждый день все измѣняется и идетъ верхъ дномъ" ²⁾.

Мы не безъ причины старались привести отзывы многочисленныхъ современниковъ о печальномъ состояніи Россіи при Петрѣ II, въ особенности послѣ паденія Меншикова. Въ запискахъ Манштейна мы встрѣчаемъ совершенно противоположный отзывъ о характерѣ этого царствованія. „Русскіе были высокаго мнѣнія о Петрѣ II, — говоритъ Манштейнъ; — онъ имъ былъ по сердцу, особенно потому, что при немъ столица была переведена изъ Петербурга въ Москву. Еще нынѣ ³⁾ это царствованіе считается счастливѣйшимъ изъ всѣхъ царствованій въ Россіи въ продолженіе цѣлаго столѣтія. Царствовали миръ и тишина. Никого не принуждали служить въ войскѣ; каждый могъ спокойно оставаться дома и безпрепятственно пользоваться своимъ имуществомъ. Кромѣ нѣкоторыхъ вельможъ, завидовавшихъ Долгорукину, весь народъ былъ доволенъ. Радость сіяла на всѣхъ лицахъ; казна была полна" ⁴⁾. Этотъ отзывъ Манштейна сильно повліялъ на историографію. Такъ, напр., Вейдемейеръ воспроизводитъ почти слово въ слово панегирикъ Манштейна, не считая, впрочемъ, нужнымъ при этомъ указать на источникъ ⁵⁾.

¹⁾ „Man kann mit dem russischen Hof keinen Staat machen nach der Art, wie die innerlichen und äusserlichen Geschäfte tractirt werden“.

²⁾ „Heute unten, morgen wieder oben und vice versa“.

³⁾ Манштейнъ писалъ въ 1748—51 годахъ.

⁴⁾ Historische, politische und militärische Nachrichten von Russland v. 1727—44 A. d. Franz. des Generals von Manstein. Leipzig. 1771. Стр. 81.

⁵⁾ Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны. С.-Петербургъ. 1881. ч. I. Стр. 81.

Не удивительно, что писатель въ родѣ Вейдемейера, особенно если принять во вниманіе офиціозный характеръ историографіи въ то время, безъ всякой критики отнесся къ отзыву Манштейна. Но даже и такой серьезный историкъ, какъ С. М. Соловьевъ, находился также подъ влияніемъ разсказа послѣдняго. Въ „Исторіи Россіи“ знаменитаго историка, — послѣ замѣтки о нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ отзывахъ иностранныхъ дипломатовъ, — говорится: „Въ этихъ извѣстіяхъ была правда. Дѣйствительно, съ перваго взгляда все должно было представляться въ страшномъ разстройствѣ; но при этомъ видимомъ разстройствѣ правительственной машины *болѣе внимательные наблюдатели* (Манштейнъ) замѣчали однако, что народъ вообще былъ доволенъ“¹⁾. Остается невыясненнымъ, почему С. М. Соловьевъ могъ считать Манштейна „болѣе внимательнымъ наблюдателемъ“, чѣмъ были герцогъ Лирія, Лефортъ, графъ Вратиславъ и другіе. Манштейнъ вообще не могъ быть наблюдателемъ событій царствованія Петра II. Онъ родился въ 1711 году, значить, былъ въ это время очень молодымъ человѣкомъ: далѣе, онъ во все время царствованія Петра II находился не въ Россіи, а за границею, гдѣ онъ воспитывался. Въ Россію онъ пріѣхалъ не раньше какъ въ 1736 году. Онъ лишь можетъ считаться современникомъ этого царствованія, но уже никакъ не очевидцемъ, свидѣтелемъ, наблюдателемъ того, что происходило въ Россіи при Петрѣ II. Позднѣйшіе благопріятные отзывы объ этомъ царствованіи, которыми, быть можетъ, воспользовался Манштейнъ при составленіи своихъ записокъ, едва ли могутъ имѣть значеніе въ сравненіи съ отзывами настоящихъ наблюдателей, иностранныхъ дипломатовъ. Мрачныя краски въ донесеніяхъ герцога Лирія, Лефорта, Рондо и Вратислава гораздо болѣе непосредственно и вѣрно изображаютъ эпоху 1727—30 годовъ, нежели голословные отзывы Манштейна. Немного позже Манштейна писалъ князь Щербатовъ „о поврежденіи нравовъ“, но и тутъ событія царствованія Петра II изображены далеко не въ выгодномъ свѣтѣ.

А. БРЕННЕРЪ.

¹⁾ Исторія Россіи, XIX. Стр. 167.

ИЗЪ КАТЮЛЬ-МЕНДЕСА

I.—ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

1.—ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ.

Советъ.

Презирая доступныя цѣли,
Къ отдаленнымъ, волшебнымъ краямъ,
Не пугаясь предательской мели—
Поплывемъ по безбрежнымъ морямъ.

И пускай небеса потемнѣли—
Довѣряя своимъ парусамъ,
Мы безстрашно плывемъ къ колыбели
Идеала: къ волшебнымъ краямъ.

Въ тщетныхъ поискахъ новаго рая,
Мы, искатели чуднаго края,
Будемъ вѣчно стремиться туда,
Съ тѣмъ, чтобъ, вѣчною жаждой старая,
Не увидѣть, вдали умирая,
Намъ предѣловъ его никогда.

2.—ИНСТИНКТЬ ЖИЗНИ.

Сонетъ.

Давно уста разсталися съ улыбкой,
 Давно въ очахъ не видно прежнихъ слезъ,
 Все худшее я въ жизни перенесъ,
 Все лучшее—считаю я ошибкой.

Я не страшусь, судьба, твоихъ угрозъ,
 Не дорожу твоею я улыбкой;
 Недѣли, дни—проходить тѣнью зыбкой,
 Безъ горестей и безъ блаженныхъ грѣзъ.

Какъ заживо въ могилѣ погребенный,
 Иль какъ скупецъ, сокровища лишенный,
 Гнетъ бытія обязанъ я влечь.
 Страхнуть его—мнѣ было бь облегченье,
 Но я живу: изъ одного влеченья,
 Потребности—дышать и жить.

3.—ПОЭТЬ.

Вечерняя звѣзда сіяла въ вышинѣ
 И отражалася въ дробящейся волнѣ.

И путникъ тутъ спросилъ у юноши поэта:
 — Скажи же, наконецъ, исцатель вѣчный свѣта,
 Ты, воспѣвающій, среди цвѣтущихъ розъ,
 Иллюзію страстей и обольщенье грѣзъ,—
 Какая разница межъ нами и тобою?

— Смотрите,—молвилъ тотъ:—надъ вашей головою
 Вы видите звѣзду блестящую?

— О, да!

— Но если вы глаза закроете—звѣзда
 Вамъ будетъ не видна, не правда ли?

— Конечно.

— А мнѣ,—сказалъ поэтъ,—она сіяетъ вѣчно:

Закрѣвъ глаза свои, я вижу предъ собой
Сіяніе ея въ лазури голубой.

4.—ПѢСНЯ.

Молвить солнце землѣ бѣлоснѣжной:
— О, когда жъ моею ласкою пѣжной
Растоплю я снѣга твои вновь?—
И сердцамъ повторяетъ любовь
То, что солнце—землѣ бѣлоснѣжной.

Молвятъ пчѣлы сиренямъ лиловымъ:
— О, когда же мы къ вашимъ медовымъ
И душистымъ прильнемъ лепесткамъ?—
Говорятъ поцѣлуи устамъ
То, что пчелы—сиренямъ лиловымъ.

Молвятъ звѣздочки гордой планетѣ:
— Лишь въ твоемъ ослѣпительномъ свѣтѣ
Жизнь, и радость, и счастье намъ!—
Молвятъ взоры любимымъ очамъ
То, что звѣздочки—гордой планетѣ.

5.—СОЧУВСТВІЕ.

Когда, подобно горлицѣ пугливой,
Ты уклоняешься смущенно и стыдливо
Отъ поцѣлуя одного—
Я буду терпѣливъ; повѣрь, не оскорблю я
Тебя, дитя, безумьемъ поцѣлуя
Я своего.

Когда глаза твои съ ихъ глубиной прозрачной
Не любить, чтобы въ нихъ глядѣлся вечеръ мрачный—
Страданье затая,
Веселья твоего пускай я буду эхо,
И для тебя охотно маску смѣха
Надѣну я.

Но если, другъ, склоняясь, какъ лилея

Подъ зноемъ, ты грустишь, томяся и блѣднѣя —
 Повѣрь, печаль твоя
 Священною мнѣ будетъ и родною,
 И непритворными слезами надъ тобою
 Заплачу я!

II.—МИНИАТЮРЫ.

(Menus poèmes.)

1.—УЧЕНИКЪ БУДДЫ.

Въ раздумье погруженъ, стоялъ недвижно Будда.
 И молвилъ ученикъ:—Любовь свершаетъ чудо.
 Освобожденные отъ вѣковѣчной тьмы—
 Подобны вольному теченію умы!
 Лѣса переходя, переплывая рѣки,
 Я къ отдаленнѣйшимъ изъ міровыхъ племенъ
 Поиду, чтобъ возвѣстить великій твой законъ,
 И тѣмъ утѣшить ихъ и просвѣтить во-вѣки.

Но Будда отвѣчалъ, ученика любя:
 — А если захлѣбать проклятіемъ тебя,
 Чтѣ скажешь ты, о, другъ?

— Скажу, что люди эти

Не чужды жалости: взаимнѣ мужи и дѣти
 Могли бы закидать камнями меня.

— А если ихъ толпа, пророка изгоня,
 Подниметъ на тебя дѣйствительно камень?

— Я все же призову на нихъ благословенья.

Не камни и песокъ, а лезвіе меча
 Могли они поднять, безжалостно влача

Меня на судьбище и осудивъ на муки.

— Но если грозный мечъ поднимутъ эти руки?

— Такъ я скажу себѣ: разгнѣванной толпой

Я могъ убитымъ быть, межъ тѣмъ я только раненъ.

— А если отъ меча падешь ты бездыханенъ?

— Скажу: блаженны всѣ, обрѣтшіе покой.

— Ступай,—сказалъ тогда ему великій Будда:

— Учи, освобождай,—тебѣ возможно чудо!

2.—МИЛОСЕРДІЕ.

Въ теченье семнадцати долгихъ вѣковъ,
 Отъ синихъ морей до сыпучихъ песковъ,
 Съ усильемъ влача утомленныя ноги,
 Вездѣ исходилъ онъ пути и дороги.
 Пустынею диею, во мракъ пещерь,
 Гонимый проклятемъ, бѣжалъ Агасферъ.
 Своимъ появленьемъ прохожихъ пугая,
 Весь міръ обошелъ онъ, отъ края до края,
 Не зная покоя, не вѣдая сна.

На сѣверѣ дикомъ, гдѣ плещетъ волна,
 Однажды, печальныя очи понуря,
 Онъ шелъ по сугробамъ, и снѣжная буря,
 Казалось, ему повторяла:—Иди!
 И вырвался вопль изъ усталой груди.
 — О, еслибъ найти мнѣ для отдыха ложе
 Межъ этихъ утесовъ! Повѣдай, о, Боже!
 Чтѣ долженъ я сдѣлать, чтобъ тягостный путь
 На вѣки окончить и въ мирѣ уснуть?

Покуда молилъ онъ о жалости небо,
 Старикъ, не имѣющій крова и хлѣба,
 Шелъ мимо,—и, чувствуя жалость къ нему,
 Онъ нищему отдалъ свой плащъ и суму.

И это исполнивъ, онъ въ то же мгновенье
 Почувствовалъ ясно конца приближенье,
 И вроткая смерть улыбнулась ему.

3.—МАТЬ-ЗЕМЛЯ.

Когда рѣшилъ въ своей премудрости Господь
 Изъ праха жалкаго создать живую плоть—
 Онъ землю взялъ со всѣхъ концовъ вселенной:
 Съ востока, гдѣ цвѣтутъ въ красѣ невзреченной
 И пальмы стройныя, и золотой бананъ,
 Съ окраинъ запада, гдѣ плещетъ океанъ,
 Съ цвѣтущихъ береговъ сіяющаго юга,

И съ сѣверныхъ равнинъ, гдѣ завываетъ вьюга.
 Хотѣлъ онъ, чтобъ вездѣ, во всѣхъ концахъ земли,
 Гдѣ кости путника приютъ себѣ нашли—
 Земля холодная не мачихою злою
 Была бъ усталому, а матерью родною.
 Въ какомъ бы угольѣ, объ отдыхѣ моля,
 Гнетъ жизни ни сложишь и сердце онъ больное—
 Чтобъ всюду путнику могла сказать земля:
 — Приди на грудь мою, засни, дитя родное!

4.—ЛЕВЪ.

Христа учению вѣрна,
 Богамъ языческимъ она
 Не поклонялась,—и въ собраньѣ
 Актею преторъ осудилъ
 Отдать звѣрямъ на растерзанье.
 А такъ какъ видимо смутилъ
 Нескромный взоръ ея стыдливость—
 Судья, цѣнившій справедливость,
 Велѣлъ при этомъ, чтобъ она
 На казнѣ явилася нагою.

И предъ толпой обнажена
 Она предстала; лишь волною
 На грудь ей падала коса.
 Внезапно шопоть раздался:
 Кругомъ вздымая прахъ летучій,
 Тремя прыжками левъ могучій
 Въ мигъ очутился близъ нея...
 И циркъ, дыханье затая,
 При этомъ зрѣлищѣ ужасномъ
 Дрожалъ въ восторгѣ сладострастномъ.

И царь пустынь, издавши ревъ,
 Полуоткрылъ свой грозный зѣвъ...
 — Назадъ!—воскликнула Актея,
 И звѣрь, послушаться не смѣя,
 Прилегъ, мгновенно присмирѣвъ.
 А такъ какъ дѣва предъ толпою

Своей смущалась наготою —
Смежилъ зѣницы грозный левъ.

5.—ВО ИМЯ ДОЛГА.

Алонзо де Перецъ, защитникъ цитадели,
Герой, чьи волосы въ сраженьяхъ посѣдѣли,
И вѣкъ гордится вся кастильская земля,
Готовый жизнь отдать за честь и короля —
Обходить медленно валы и укрѣпленья.
Онъ крѣпость отстоитъ, какъ слѣдуетъ бойцу;
Со смертью свьиса онъ: ее въ пылу сраженья
Не даромъ видѣлъ онъ всегда лицомъ къ лицу.

Одно по временамъ съ непобѣдимой силой
Смущаетъ война: Алонзо де Перецъ
Не только гражданинъ, онъ также и отецъ.
Наслѣдникъ имени, послѣдній отпрыскъ хилы
Ствола могучаго—ему на склонѣ лѣтъ
Дарованъ былъ. Тотъ мигъ, когда на Божій свѣтъ
Явилось дитя—былъ также безъ сомнѣнья
Минутою, когда впервые пробужденье
И сердца своего почувствовалъ старикъ,
Блѣднѣвшій каждый разъ, услышавъ дѣтскій крикъ.

Ребенка своего онъ самъ отправилъ въ горы,
Но мавры въ эту ночь, подкравшись, словно воры,
Селеня предали мечу и грабежу,
А старцевъ и дѣтей безпомощныхъ—ножу.
И вотъ—передъ лицомъ опасности спокоенъ—
О чемъ украдкою вздыхаетъ старый воинъ;
Печаль—въ душѣ его, и слезы, какъ туманъ,
Собой увлажили рубцы старинныхъ ранъ.

Но вдругъ, сіяющей кольчугой дорогою,
Весь въ золотѣ—герольдъ явился подъ стѣною
И громко возвѣстилъ, что славный донъ-Жуанъ
Кастильскій говорить желаетъ съ донъ-Алонзо.
(Съ душою черною и твердою, какъ бронза,
Иль вѣковой гранитъ, отступникъ донъ-Жуанъ
Былъ предводителемъ безбожныхъ мусульманъ.)

Алонзо, не страшась возможности измѣны,
Спокойно поднялся на крѣпостныя стѣны.
— Я здѣсь, сендръ!

— Смотри!—воскликнулъ ренегать.

И всѣ увидѣли, что онъ одной рукою
Держалъ оружіе, и мальчика—другою.
Ребенокъ закричалъ,—и, ужасомъ объять,
Отецъ узналъ его.

— Впусти мои дружины!

Не то вотъ этотъ мечъ съ твоимъ малюткой сыномъ
Покончитъ черезъ мигъ,—и въ томъ свидѣтель Богъ!

Но молнія въ глазахъ Алонзо заблестала.
— Презрѣнный, опусти обратно твой клинокъ:
Онъ недостаточно хорошаго закала,
Чтобъ даже голову младенца имъ отсѣчь!...

И съ высоты стѣны ему швырнулъ свой мечъ.

О. Михайлова.

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РОВИНСКІЙ

О ЧЕРКЪ.

Окончаніе.

IV *).

Подготовительныя работы по введенію въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, при единодушномъ содѣйствіи всѣхъ привосновенныхъ въ этому вѣдомствѣ, велись столь успѣшно, что на самомъ порогѣ 1866 года—31 декабря 1865 г.—министръ юстиціи Замытнинъ счелъ возможнымъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на открытіе въ петербургской и московской губерніяхъ окружныхъ судовъ и палатъ—въ первой 17-го, а во второй 23-го апрѣля 1866 г. На докладѣ его объ этомъ императоромъ Александромъ II была положена слѣдующая резолюція: *„Искренно благодарю за все, что уже исполнено. Да будетъ благословеніе Божіе и на остатъ будущаго намъ начинанія для благоденствія и славы Россіи“*. Эти знаменательныя слова опредѣляли взглядъ монарха на предстоящее новое дѣло и, будучи, по ходатайству мин. Замытнина, объявлены по вѣдомству министерства юстиціи, призывали судебныхъ дѣятелей не въ одному только исполненію зауряднаго служебнаго долга, но и къ дружной, увѣренной и благотворной работѣ на пользу родины. Имъ не только возлагались великія обязанности,

*) См. выше: янв., 129 стр.

но и ставились высочайшія задачи. Каждый, кто сознательно пережилъ это время, помнить то одушевленіе, иногда доходившее до жертвъ служебными выгодами и положеніемъ, которое охватило тогда всѣхъ, кто считалъ себя пригоднымъ или полезнымъ именно для новой судебной дѣятельности. Мы подробно описали въ другомъ мѣстѣ это горячее стремленіе получить дѣятельность въ преобразованныхъ судахъ и все общественное настроеніе того времени по отношенію къ судебной реформѣ ¹⁾, и не будемъ, поэтому, повторять воспоминаній своихъ о незабвенной эпохѣ „первой любви“ къ судебнымъ уставамъ. Но если въ этомъ отношеніи было много *знамыхъ*, то на первое время число *избранныхъ* было весьма ограничено. Для того, чтобы попасть въ послѣдніе — нужно было проходить чрезъ серьезную и строгую провѣрку. Недаромъ имена первыхъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ и предсѣдателей столичныхъ окружныхъ судовъ, — носители которыхъ, за исключеніемъ одного, уже давно сошли въ могилу, — пользуются заслуженнымъ уваженіемъ среди всѣхъ, кому пришлось хоть отчасти видѣть ихъ многотрудную созидательную дѣятельность. Будущему историку судебной реформы предстоитъ съ благодарнымъ чувствомъ встрѣтиться съ ихъ работою и нравственнымъ обликомъ.

Въ числѣ „избранныхъ“ оказался и Ровинскій, назначенный приказомъ, отъ 4 февраля 1866 года, прокуроромъ вновь образуемой московской судебной палаты. Трудно было сдѣлать лучшій и болѣе подходящий выборъ. Вся прежняя служба, вся его недавняя судебно-законодательная дѣятельность, наконецъ, самая личность бывшаго губернскаго прокурора — энергическая, близкая Москвѣ, исполненная пониманія народной жизни и общественныхъ потребностей — все говорило за это назначеніе, подсказывало, предписывало его.

Ровинскій бодро, горячо и съ видимымъ удовольствіемъ принялся за новую работу. Но онъ не скрывалъ отъ себя ея трудностей. Помимо организациі прокурорскаго надзора на совершенно новыхъ началахъ въ семи центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ, помимо косвеннаго, но многосложнаго и разнороднаго участія въ устройствѣ общихъ судебныхъ установленій, помимо надзора за правильнымъ ходомъ правительскаго осуществленія мировой, выборной, юстиціи, прокурору палаты приходилось быть главнымъ посредникомъ между министерствомъ юстиціи и мѣст-

¹⁾ „Новое вино и новыя мѣха“ (въ „Недѣлѣ“, кн. IV, 1892 г.).

ными административными мѣстами и лицами, устраняя и разъясняя многія недоразумѣнія и „недоумѣнія“, принимавшія иногда очень острый характеръ.

Существуетъ великая разница между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ. Первое дается безъ труда и совершается съ легкимъ сердцемъ, — второе осуществляется съ болью, съ оглядкою назадъ, нервнѣе и *скрѣпя* сердце. Теоретическое отрицаніе стараго, отжившаго суда находило себѣ вездѣ готовую почву. Но когда оно перешло въ жизнь и на смѣну старыхъ судебныхъ порядковъ авторитетно и рѣшительно вступилъ въ русскій общественный обиходъ новый судъ, образовавшій своего рода „*insula in flumine nata*“, теоретическія симпатіи стали нервнѣе смѣняться практическимъ недовольствомъ. Новый судъ вышелъ изъ прежняго подчиненнаго и второстепеннаго положенія. Онъ сталъ вести свое дѣло самостоятельно и независимо отъ стороннихъ вліяній, повсюду внося начало равенства предъ закономъ и осуществляя его въ непривычныхъ формахъ одинаково вѣжливаго со всѣми предстоящими, „не смотря на лица“, обращенія. Это шло въ разрѣзъ со старыми традиціями и многими смущало и возмущало. Для многихъ всѣ эти новшества казались нарушеніемъ необходимаго общественнаго равновѣсія, для другихъ оскорбительнымъ отрицаніемъ ихъ личныхъ заслугъ, для третьихъ ограниченіемъ ихъ власти и, по ихъ мнѣнію, всегда доброжелательнаго усмотрѣнія. Приходилось вдумываться въ свои *дѣйствительныя* права, — изучать кругъ новыхъ обязанностей, указанныхъ судебными уставами, требовать инструкцій для подчиненныхъ — и все это отъ новыхъ людей, говорившихъ необычнымъ языкомъ и державшихся дружною семьей, которую объединяло нѣчто большее, чѣмъ обыденный служебный трудъ и полученіе жалованья. Притомъ эти новые дѣятели, правда въ болѣе узкой сферѣ, чѣмъ старый губернский прокуроръ, но зато болѣе настойчиво и безъ колебаній ссылались на законъ, написанный въ ихъ „слоеномъ пирогѣ“ (такъ въ шутку были названы судебные уставы, обрѣзъ отдѣльныхъ частей которыхъ при переплетѣ окрашивался разною краскою). Это становилось подчасъ скучно, стѣсняло и раздражало, тѣмъ болѣе, что законъ для нѣкоторыхъ переставалъ уже быть молчаливымъ незнакомцемъ, дремавшимъ на страницахъ многотомнаго свода и откликавшимся лишь когда требовалась его услужливая помощь, а начиналъ являться какъ Пушкинскій „незванный гость, докучный собесѣдникъ“. Отсюда рядъ разнообразнѣйшихъ нареканий и неудовольствій, которыми полны цѣлые томы архива министерства юстиціи за 1866—67 годы. Нужно было много ума,

такта, выдержки и любви къ дѣлу, чтобы разъяснять и распутывать всѣ эти случаи, твердо охраняя начала новаго судебного устройства и въ то же время „не норовя своимъ“, которые, въ первое время, впадали подчасъ въ крайности и дѣлали промахи, увлекаемые новизною своего положенія.

Вслѣдствіе этого и вопросъ о личномъ составѣ прокуратуры приобрѣталъ особое значеніе. Надо было найти и направить людей, одинаково умѣющихъ внушить къ себѣ уваженіе въ судѣ и внѣ суда, стойкихъ безъ рѣвности, умѣлыхъ безъ заносчивости. При этомъ найти ихъ нужно было въ большомъ количествѣ, ибо для московскаго округа требовалось 10 прокуроровъ и около 70 товарищей прокурора окружнаго суда, а направить ихъ приходилось на совершенно новое, неиспытанное еще занятіе, въ которомъ, вопреки всему складу прежней русской жизни, словесное и при томъ публичное состязаніе играло одну изъ главныхъ ролей. Приходилось—уча, учиться. Участіе въ судебномъ слѣдствіи, перекрестный допросъ свидѣтелей и, въ особенности, судебныя пренія представлялись весною 1866 года совершенно новымъ, одинаково необычнымъ дѣломъ какъ для молодого товарища прокурора, выступившаго предъ уѣздными присяжными обвинителемъ по дѣлу о кражѣ со взломомъ, такъ и для главы прокуратуры всего судебного округа, прокурора судебной палаты, которому приходилось поддерживать обвиненіе противъ какого-нибудь чиновника V класса, судившагося въ палатѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей за преступленіе по должности.

Ровинскій первый годъ существованія новыхъ судовъ постоянно участвовалъ не только въ засѣданіяхъ палаты, по обвинительной камерѣ, но и въ публичныхъ ея засѣданіяхъ, своимъ примѣромъ показывая, какъ надо вести дѣло, являясь не только представителемъ обвинительной власти, но и толкователемъ процессуальныхъ законовъ, какъ одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ ихъ начертаніи. Это послѣднее обстоятельство придавало особую авторитетность его заключеніямъ и мнѣніямъ. Его рѣчь—живая и очень сжатая, безъ всякихъ цвѣтовъ краснорѣчія, содержательная по существу и простая по формѣ—выслушивалась съ особымъ вниманіемъ и всегда достигала своей цѣли. Онъ избѣгалъ всякихъ рѣвкостей и, никогда не впадая въ полемическій тонъ, старался не убѣдить другихъ во что бы то ни стало, но ясно и точно изложить *свое* убѣжденіе. Когда однажды, въ характеристикѣ весьма непривлекательнаго образа дѣйствій одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, у него, на ряду съ описаніемъ фактической стороны дѣла, сорвался съ языка эпитетъ „безобра-

зіе“—онъ былъ этимъ искренно огорченъ и чрезвычайно встревоженъ. Не будучи ораторомъ, онъ умѣлъ дѣйствовать на слушателей сповойнымъ достоинствомъ своей рѣчи. Онъ не принадлежалъ къ мастерамъ слова, но зато никогда не забывалъ на трибунѣ великій завѣтъ Гоголя „обращаться со словомъ честно“.

Данное житейскимъ опытомъ знаніе людей и горячая любовь къ новому дѣлу руководили имъ въ выборѣ ближайшихъ сотрудниковъ. Онъ ихъ искалъ всюду, и имена многихъ изъ первыхъ прокуроровъ судовъ московскаго округа съ честью звучали затѣмъ въ рядахъ высшихъ судебныхъ дѣятелей до сената включительно. Имъ былъ избранъ въ товарищи прокурора московскаго суда и затѣмъ сдѣланъ валужскимъ прокуроромъ блестящій умомъ, страстный и одаренный громадною энергіею Н. А. Манасеинъ, онъ оцѣнилъ и быстро выдвинулъ приглашеннаго московскимъ прокуроромъ изъ воронежскихъ странчаго М. Ѳ. Громницкаго, дѣятельность котораго неразрывно связана съ исторіею образованія и развитія русскаго судебного краснорѣчія.

Довольно равнодушный къ тому, что онъ называлъ на своемъ образномъ языкѣ „законодательнымъ зудомъ“, и вслѣдствіе этого неохотно относившійся къ возбужденію разнаго рода вопросовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чутко прислушивался во всему, что могло бы поколебать довѣріе или уваженіе къ молодымъ судебнымъ учрежденіямъ. Онъ охранялъ ихъ зорко и любовно, журилъ сослуживцевъ, прямодушно выговаривалъ товарищамъ по воспитанію, если они упускали изъ виду: „ne quid detrimentum fōgi sariat“, и быстро являлся на помощь со словомъ разумнаго примиренія и дѣловаго юмора. Спокойный—онъ былъ, пока не окрѣпли новыя учрежденія, „toujours en vedette“; добрый и невзыскательный—онъ непреклонно высадилъ на берегъ частной жизни двухъ, трехъ изъ своего прокурорскаго экипажа, которымъ вино новой власти слишкомъ сильно бросилось въ голову. Голова и руководитель московской прокуратуры и вмѣстѣ рядовой работникъ и *первый ученикъ* въ судебной практикѣ, Ровинскій несъ на себѣ первые годы реформы огромную, отвѣтственную и вліятельную работу. Представленный Замятнинымъ 25-го декабря 1866 года императору Александру II отчетъ о дѣйствіяхъ новыхъ судовъ былъ по Высочайшему повелѣнію внесенъ въ комитетъ министровъ, который нашелъ, что „всѣ изложенныя въ немъ данныя и въ особенности выводы о ходѣ дѣлопроизводства во вновь открытыхъ судебныхъ мѣстахъ указываютъ на вполне успѣшный ходъ судебного преобразованія“, и, выразивъ пожеланіе, чтобы дѣло это и на будущее

время велось съ тѣмъ же успѣхомъ, положилъ „напечатать изъ этого отчета все, что можетъ быть признано полезнымъ и любопытнымъ для всеобщаго свѣденія“. Существенныя части отчета были напечатаны въ № 64 „Судебнаго Вѣстника“ за 1867 годъ. Въ нихъ говорилось между прочимъ о мировыхъ судьяхъ и о присяжныхъ засѣдателяхъ,—двухъ институтахъ, возбуждавшихъ—въ особенности второй—во многихъ опасенія и тревоги и на которые, какъ мы уже видѣли, еще при подготовительныхъ работахъ въ комиссiи, Ровинскiй возлагалъ довѣрчивыя надежды. Онъ его и не обманули! „Съ перваго же приступа мировыхъ судей къ новому дѣлу,—говорилось въ отчетѣ,—простота мирового разбирательства, полная гласность и отсутствiе обременительныхъ формальностей вызвали всеобщее къ мировому институту довѣрiе. Въ особенности простой народъ, найдя въ мировомъ судѣ судъ скорый и справедливый для мелкихъ обиденныхъ своихъ интересовъ, не перестаетъ благословлять Верховнаго Законодателя за дарованiе Россiи суда, столь близкаго народу и вполне соответствующаго его потребностямъ. Довѣрiе къ мировымъ судьямъ доказывается въ особенности тѣмъ, что со времени открытiя дѣйствiй мировыхъ судебныхъ установленiй возбуждено громадное число такихъ гражданскихъ исковъ, которые или по своей малодѣйности, или по неимѣнiю у истцовъ формальныхъ доказательствъ, въ прежнихъ судахъ вовсе не возникали. Равнымъ образомъ, принесено мировымъ судьямъ множество жалобъ на такіа притѣсненiя и обиды, а также на мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованiя“.

„Участiе присяжныхъ засѣдателей,—говорится далѣе въ томъ же отчетѣ,—вмѣстѣ съ судомъ въ разсмотрѣнiи и разрѣшенiи важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ и сопряженная съ симъ торжественность отправленiя правосудiя возвысили общее уваженiе къ судебнымъ установленiямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣрiемъ лицъ судебного вѣдомства со всѣми слоями общества. Присяжные засѣдатели, состоящіе иногда преимущественно изъ крестьянъ, вполне оправдали возложенныя на нихъ надежды; имъ часто предлагались весьма трудныя для разрѣшенiя вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди, приученные опытомъ къ правильному разрѣшенiю уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря *поразительному* вниманiю, съ которымъ присяжные засѣдатели выкаютъ въ дѣло, разрѣшались, въ наибольшей части случаевъ, правильно и удовлетворительно“.

Теперь наступала для Ровинскаго пора сознанiя, что первые всходы судебной реформы, въ которую онъ любовно вложилъ столько

изических и духовных сил, вошли благополучно... Наступало и мало почувствовать, наконец, утомление и обратиться къ другимъ, нѣже тревожнымъ занятіямъ. Это онъ и сдѣлалъ, проработавъ еще дѣ въ прокуратурѣ и принявъ затѣмъ болѣе спокойное званіе судьи, навѣ съ 1-го марта 1868 года должность предсѣдателя уголовного департамента московской судебной палаты. Немного болѣе двухъ лѣтъ пробылъ онъ судьей „по существу“. Дѣятельность этого судьи, особливо по обвинительной камерѣ, не видна и не замѣтна въ публички. Апелляціонныя дѣла, подсудныя въ то время судебнымъ палатамъ, по свойству своему, тоже не могли останавливать на себѣ общественное вниманіе,—но трудъ, выполняемый въ нихъ по большей части не публичныхъ засѣданіяхъ, былъ большой и нравственно-отвѣтственный. Для многихъ преданіе суду и привлеченіе на скамью подсудимыхъ бываетъ въ нравственномъ отношеніи равносильно осужденію, да и наконецъ душевныя волненія, стыдъ и опасенія, сопряженныя съ необходимостью являться въ роли подсудимаго при гласномъ разборѣ дѣла, очень часто не уходятъ безслѣдно для оправданнаго и оставляютъ глубокія и вѣчные борозды въ его душѣ, не говоря уже о физическомъ изнуреніи, иногда, помимо всего остального, подтачиваемомъ предпріимствомъ, до суда, лишеніемъ свободы. Будущій авторъ „Русскихъ народныхъ картинокъ“ отлично сознавалъ все это—и его руководящая дѣятельность по обвинительной камерѣ, его строгое, подчасъ даже и придирчивое отношеніе къ оцѣнкѣ уликъ и дознательствъ по дѣламъ, гдѣ иногда приходилось предполагать возможность шантажа или корыстнаго преувеличенія обвиненія потерпевшими, служили здоровымъ противовѣсомъ тому, что Гёте называетъ, въ „Фаустѣ“, „die richtende gefühllose Menschheit“.

2-го іюля 1870 года, Ровинскій былъ назначенъ сенаторомъ уголовного кассационнаго департамента. Въ этомъ званіи онъ прожилъ четверть вѣка. Неизмѣнно трудолюбивый, онъ до самыхъ послѣднихъ дней своихъ не уклонялся отъ всей мелкой, кропотливой и подчасъ безжизненной въ своемъ отвлеченіи отъ „сущаго дѣла“ кассационной работы, требующей и отъ престарѣлаго судьи не только разрѣшенія вопроса, но и скучной механической работы. Человѣкъ долга, онъ выполнялъ его свято, отрываясь, вероятно не безъ сожалѣнія, отъ своихъ научныхъ и художественныхъ занятій, отъ созерцанія, изученія и истолкованія произведеній великихъ мастеровъ или проявленій народнаго творчества, обыкновенно принимаясь за изслѣдованіе—какіе формы и обряды нарушены при производствѣ дѣла о мѣщанинѣ М., обругавшемъ „публичными словами“ крестьянку Н.; или: правильно ли примѣненъ

карательный законъ къ нарушенію статей какого-нибудь спеціальнаго—акцизнаго или таможеннаго устава. Служебный долгъ требовалъ этого перехода отъ „широкихъ горизонтовъ“ и возвышающихъ душу проявленій человѣческаго генія къ мелкой лужѣ съ житейскою тиною, грязью и корыстью — и онъ выполнялъ его свято. Онъ высоко ставилъ значеніе сената въ правовой жизни народа. Созданный мощною рукою Петра Великаго, сенатъ быстро приобрѣлъ высокое значеніе въ народномъ представленіи, являясь въ глазахъ народа хотя и отдаленнымъ, но зато недоступнымъ мѣстнымъ дрязгамъ, влияніямъ и давленіямъ учрежденіемъ. „Правительствующему Сенату,—говоритъ законъ (т. I, ч. II, ст. 2),—принадлежитъ высшій надзоръ въ порядкѣ управленія. Поэтому онъ, какъ хранитель законовъ, печется о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія,—надзираетъ за собираніемъ податей и расходами штатными, печется о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, къ охраненію общаго спокойствія и тишины и къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ“. Исторія сената показываетъ, что онъ не разъ выполнялъ эту свою задачу и коллегіально, и въ лицѣ своихъ членовъ, производившихъ сенаторскія ревизіи, всегда оставлявшія сильное и благотворное впечатлѣніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, населеніе которыхъ, вслѣдствіе частныхъ злоупотребленій или общихъ беспорядковъ въ управленіи, „алкало и жаждало правды“... Поэтому „дойти до сената“ часто представлялось панацеею отъ всѣхъ золъ,—поэтому народъ слагалъ иногда совершенно неправдоподобныя легенды о характерѣ дѣятельности „сенаторовъ“ и твердо вѣрилъ въ то, что законъ называетъ „безпристрастнымъ и нелицемѣрнымъ сената правосудіемъ“. Какъ бы кропотлива и мелка въ отдѣльности ни была кассационная работа сенаторовъ—въ общемъ ею поддерживается, въ сферѣ судебной, историческая связь сената съ населеніемъ, въ которомъ каждый знаетъ, что въ своихъ личныхъ обидахъ и убыткахъ онъ, не довольствуясь мѣстнымъ судомъ, можетъ, въ концѣ концовъ, обратиться въ высшее, далекое судилище, въ безпристрастіи котораго нельзя—именно въ виду этого отдаленія и высоты его—сомнѣваться...

Поэтому, когда въ 1871 и 1883 годахъ возбуждался вопросъ объ освобожденіи сенаторовъ отъ массы мелкихъ дѣлъ, между прочимъ, путемъ передачи ихъ въ судебныя палаты, Ровинскій горячо возражалъ противъ этого. „Нельзя забывать,—писалъ онъ,—что при громадности нашего государства, каждое центральное учрежденіе, если только въ немъ будетъ сосредоточены дѣйствительный и добросовѣстный надзоръ за какою-либо частью, должно

готовиться къ сложной и тяжелой работѣ. Но необходимо ли сосредоточивать въ такомъ государствѣ дѣйствительный надзоръ за судебною частью въ одномъ центральномъ верховномъ судѣ и тѣмъ оградить правосудіе однимъ изъ самыхъ существенныхъ обезпеченій его—наблюденіемъ за точнымъ и единообразнымъ исполненіемъ закона во всемъ государствѣ—вопросъ этотъ есть вопросъ первой государственной важности; онъ былъ уже обсужденъ въ свое время государственнымъ совѣтомъ и разрѣшенъ въ смыслѣ положительномъ. Отъ этого рѣшенія отступать невозможно“.

Трудъ, который несъ Ровинскій въ сенатѣ, былъ очень большой. Достаточно сказать, что имъ лично разсмотрѣно, доложено и изложено, въ формѣ рѣшеній и подробныхъ, мотивированныхъ резолюцій, всего 7.825 дѣлъ. Всякій, кому знакома кассационная работа и кто вѣдаетъ, сколько иногда усидчиваго труда по дѣлу и времени надо посвятить на то, чтобы, не жалѣя глазъ на разборъ небрежныхъ и неразборчивыхъ почерковъ, провѣрить и оцѣнить тотъ или другой кассационный поводъ,—пойметъ, чѣмъ значить эта почтенная цифра,—особливо если онъ припомнитъ, что работу эту совершалъ въ послѣдніе годы человекъ съ надорванными силами, достигшій 70 лѣтъ и давно уже имѣвшій заслуженное право на полный отдыхъ... Въ разрѣшеніи дѣлъ Ровинскій постоянно оставался вѣренъ себѣ. Возможная теплота и человеколюбіе въ существѣ рѣшенія, возможная краткость въ способѣ его изложенія—были его руководящими правилами. Мотивированныя резолюціи, имъ написанныя, носили шутовское названіе „коротышекъ“, но въ направленіи, которое давалось этимъ „коротышками“ дѣлу, слышалась чуткая вдумчивость сердечнаго человека, насколько ей позволяли проявиться узкія рамки кассационнаго производства. Дѣло для Ровинскаго никогда не представлялось одною цвѣтною обложкою, заключавшею въ себѣ матеріалъ для отвлеченнаго отъ живого содержанія сужденія о существенности указываемыхъ нарушеній и соответствіи этихъ указаній тому или другому № рѣшеній уголовного кассационнаго департамента. Живой человекъ, со своими страданіями и паденіями, жалкій, хотя и преступный человекъ—глядѣлъ на Ровинскаго изъ-за цвѣтной обложки. Это часто тревожило и смущало его „кассационную безучастность“ и заставляло его вспоминать, что „qui p'est que juste—est cruel“... „Плохой кассаторъ,—говорили про него жрецы отвлеченнаго правосудія, — все смотритъ въ существо“... „Ровинскій!“—многозначительно отвѣчали знавшіе его близко—и въ этомъ имени заключалось и оправданіе, и объясненіе взглядовъ „плохого кассатора“. Было бы однако ошибочно

думать, что онъ былъ поклонникомъ той жестокой чувствительности, благодаря которой у насъ нерѣдко совершенно исчезаютъ изъ виду обвиняемый и дурное дѣло, имъ содѣянное, а на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ отвлеченные виновные, не подлежащіе карѣ закона и называемые обыкновенно средою, порядкомъ вещей, темпераментомъ, страстью и т. п., такъ что подъ вліяніемъ увлеченія чувствительностью по отношенію къ виновному является своеобразная жестокость къ пострадавшему, при чемъ у послѣдняго къ нравственному и матеріальному ущербу, причиненному преступленіемъ, присоединяется еще и обидное сознаніе, что *это* ничего не значитъ, что за это никакого судебного порицанія не слѣдуетъ, и что законъ, грозящій злему и корыстному, есть мертвая буква, лишенная практическаго значенія... Корыстные и обдуманно злы, кровавыя преступленія находили въ Ровинскомъ строгатаго судью. Стараясь по возможности вносить снисхожденіе въ разборъ дѣлъ о преступленіяхъ, вызванныхъ невѣжествомъ или тяжкими условіями матеріальнаго быта, — ограждая, по мѣрѣ силъ, свободу внутренняго міра человѣка въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, покуда онъ не заявляетъ себя вредомъ или соблазномъ для другихъ, — Ровинскій бывалъ даже суровъ по дѣламъ о жестокое обращеніи, преимущественно съ дѣтьми, по дѣламъ о злостныхъ банкротствахъ и т. п. Нужны были очень вѣскіе, неотразимые кассационные поводы, чтобы подвинуть его на отгнѣну обвинительнаго приговора по такимъ дѣламъ. Такъ, въ написанныхъ имъ кассационныхъ рѣшеніяхъ по дѣламъ Нинбурговъ (1885 г.) и Звенигородскаго (1871 г.), вопросъ о злостной несостоятельности и о пособничествѣ къ ней — одномъ изъ вреднѣйшихъ явленій нашего торговаго быта — разработанъ самымъ обстоятельнымъ образомъ и такъ, „дабы на то гляючи и другимъ впредь то неовадно было дѣлать“... Высоко ставя званіе мирового судьи, Ровинскій всегда ратовалъ противъ раздвоенія личности судьи — на частнаго человѣка, который можетъ быть молчаливымъ свидѣтелемъ беззаконій, совершаемыхъ на его глазахъ, и на судью, остающагося такимъ только въ свои присутственные часы и у себя въ камерѣ. Когда среди общаго шума и насмѣшекъ по адресу мѣстнаго мирового судьи до сената докатилось въ 1871 году громкое дѣло шансонетныхъ пѣвицъ Бланшъ-Гандонъ и Филиппъ, противъ которыхъ этимъ судьей, посѣтившимъ театръ „Буффъ“, было возбуждено преслѣдованіе, по 43 ст. Устава о наказ. налаг. миров. судьями, за безстыдныя, во время представленія, тѣлодвиженія и непристойный костюмъ, или, вѣрнѣе, отсутствіе его, — Ровинскій принялъ докладъ дѣла на себя и настоялъ на томъ, что мировой

судья дѣйствовалъ вполне согласно со своей нравственною и общественною задачею, приступивъ къ исполненію судейскихъ обязанностей въ виду зрѣлища, „въ которомъ мужчина и женщина низводятся на степень животныхъ, публично проявляющихъ грубый инстинктъ половыхъ стремленій“.

Наконецъ, онъ былъ всегдашнимъ противникомъ всего неопредѣленнаго и уклончиваго, вносимаго въ судебныя рѣшенія или узаконяемаго ими. Онъ одинъ изъ первыхъ сталъ настаивать на указаніяхъ судамъ, приговоры которыхъ отмѣнялись,—не только на то, что ими неправильно примѣнена та или другая статья карательнаго закона къ установленному преступному дѣянію, но и на то, какую именно статью надо примѣнить. Справедливое отвращеніе живого человѣка отъ напрасныхъ недоумѣній и „волокиты“ слышалось въ этомъ. Онъ же первый, въ одномъ изъ приговоровъ по дѣлу объ оповореніи въ печати, твердо и рѣшительно отнялъ у обвиняемаго обычное дотолѣ и коварное оружіе защиты, склонивъ сенатъ признать, что употребленіе словъ „говорятъ, что“... предшествующихъ иногда цѣлому потоку клеветы и злословія, не освобождаетъ ловкаго оскорбителя чужой чести отъ обязанности отвѣтить лично за несправедливость того, что, будто бы, „говорятъ“...

Добрый товарищъ, всегда готовый на услугу соотрудникъ, Ровинскій высказывалъ свои мнѣнія твердо и опредѣленно, — не любя отступать отъ нихъ,—оттѣняя ихъ житейскую сторону, но никогда ихъ не навязывая и не выступая на защиту ихъ въ горячіе и упорные споры. Онъ раздѣлялъ взглядъ, что мнѣнія похожи на гвозди—чѣмъ болѣе по нимъ колотить, тѣмъ глубже они входятъ... Поэтому не громкой защитой правильности своего мнѣнія, а искренностью и безусловною независимостью, съ которою оно высказывалось, дѣйствовалъ онъ на слушателей и товарищей. И когда его безупречное, долгое служеніе въ сенатѣ внезапно прервалось — эти товарищи почувствовали себя осиротѣвшими, и къ скорби объ утратѣ у нихъ присоединилось сознаніе о ея незамѣнимости, объ оставленной ею нравственной пустотѣ...

V.

Если сказать знатоку, любителю и изслѣдователю исторіи искусства, что Ровинскій былъ *выдающимся дѣятелемъ*—онъ, конечно, съ этимъ безусловно согласится. Но если ему объяснить, что право на такое названіе приобрѣтено имъ *общественными и*

служебными заслугами—онъ будетъ, вѣроятно, не мало удивленъ. Люди близкіе къ исторіи графическихкихъ искусствъ, давно и безспорно считающіе Ровинскаго замѣчательнымъ человѣкомъ, оставившимъ по себѣ неизгладимый слѣдъ, конечно, далеки отъ мысли, что онъ столь много значилъ и сдѣлалъ въ другой, совершенно чуждой искусству области. Для нихъ болѣе чѣмъ достаточно его заслугъ именно въ области искусства. И они, со своей точки зрѣнія, правы. Стоитъ припомнить, что Ровинскій одинъ, собственными трудами и путемъ большихъ матеріальныхъ жертвъ собралъ и выпустилъ рядъ слѣдующихъ изданій: „Исторію русскихъ школъ иконописанія“; „Русскіе граверы и ихъ произведенія“; „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“; „Русскій граверь Чемесовъ“, съ 17 портретами; „Русскія народныя картины“, „Достовѣрные портреты московскихъ государей“, съ 47 рисунками; „Н. Н. Утинъ, его жизнь и произведенія“, съ 34 портретами и рисунками; „Виды Соловецкаго монастыря“, съ 51 рисункомъ; „Матеріалы для русской иконографіи“, 12 выпусковъ съ 480 рисунками; „Одиннадцать гравюръ Берсенева“; „Ф. И. Иорданъ“; „В. Г. Перовъ, его жизнь и произведенія“; „Сборникъ сатирическихъ картинъ“; „Полное собраніе гравюръ Рембрандта“, съ 1.000 фототипіями; „Полное собраніе гравюръ учениковъ Рембрандта и мастеровъ, работавшихъ въ его манерѣ, съ 478 фототипіями“, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“... Сверхъ того, имъ сдѣланъ рядъ небольшихъ изданій, какъ, на примѣръ—„Виды изъ привислянскихъ губерній“; „Сатирическія азбучныя картинки 1812 года“; „Посольство Суторскаго“ и т. п.

Всѣ эти труды его, своевременно оцѣненные и поставленные высоко компетентными лицами и учреждениями, заслуживаютъ особаго разбора съ технической и образовательной стороны.

Одно изданіе гравюръ Рембрандта—монументальный, дорогой и ставшій уже рѣдкостью трудъ въ 4-хъ томахъ—могло бы составить задачу цѣлой жизни, посвященной исторіи искусству. Оно съ восторгомъ было встрѣчено за границею и можетъ составлять предметъ нашей національной гордости. Русскій человѣкъ, безъ чьей-либо поддержки, служившій государству вѣрою и правдой, нашелъ въ себѣ силу и неизсякающую энергію, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ создать великому голландцу—„королю свѣто-тѣни“—памятникъ, котораго онъ не дождался отъ преслѣдующихъ художественныхъ цѣлей учреждений своей родины!

Желая познакомить читателей съ чертами духовной личности Ровинскаго, насколько онѣ выразились въ его общественной и

но-художественной дѣятельности, мы укажемъ лишь съ этой и зрѣнія на нѣкоторыя его произведенія.

Первое мѣсто между ними занимаетъ „Подробный словарь книгъ гравированныхъ портретовъ“.

Онъ состоитъ изъ IV томовъ in quarto и представляетъ ю драгоценный памятникъ для ознакомленія съ искусствомъ ированія вообще и въ Россіи въ особенности, давая опи-е портретовъ 2.000 лицъ, въ какомъ-либо отношеніи при-шихъ къ себѣ вниманіе современниковъ и потомства и за-ленныхъ гравировальнымъ рѣзцомъ. Эти описанія, составляя-ть о каждомъ портретѣ съ массою точныхъ и мельчайшихъ ическихъ подробностей, потребовали, въ виду 10.000 снимковъ, инаемыхъ въ книгѣ, поразительнаго по своей настойчивости сидчивости труда. Но не для однихъ любителей гравюръ ученыхъ изслѣдователей исторіи искусства дають эти четыре богатѣйшій матеріаль... На 3.086 столбцахъ этой книги, авленіе которой одно могло бы наполнить жизнь человѣка, имъ съ разнообразными, всегда вполне отчетливыми, а иногда прямо прекрасными фототипіями, идутъ біографическія замѣтки, язы и указанія современниковъ. Въ нихъ содержится въ шей степени интересный историческій и бытовой матеріаль, ющій и освѣщающій со многихъ сторонъ русскую жизнь и судьбы. Пестро собраніе людей, изображенія которыхъ приюти-ь на страницахъ „Словаря“. Ровинскій терпѣть не могъ офици-пныхъ классификацій. Его интересовалъ прежде всего чело-ь, а не представляемая имъ особа, и онъ скептически под-ивался надъ разными „Пантеонами“ и „Румхаллями“. Поэтому, ь онъ самъ говоритъ, ему было все равно: „геній ты, или ѣчательный шутъ, великанъ или карликъ, разбойникъ, ученый, одурь-самоучка, сдѣлалъ ты что замѣчательное въ жизни или сто промытарилъ ее,—но есть съ тебя гравированный пор-тъ, ну и ступай въ Словарь, и ложись тамъ подъ свою букву“.

И лежать подъ этими буквами, какъ на обширномъ кладбищѣ, ше разнообразные люди, а вмѣстѣ съ ними предъ глазами ателя лежить и прошлая русская жизнь, въ тѣхъ проявленіяхъ которая были такъ или иначе связаны съ ними. Замѣтки винскаго не имѣють претензіи на полноту или на опредѣлен-ю систему,—это, по большей части, краткія, живыя характе-тики, блестящія умомъ, вооруженнымъ громадною начитан-стью и знаніемъ. Сжатая форма ихъ придаетъ имъ особую ю и совершенно исключаетъ всякую условность и дѣланный оосъ. Вообще на трудахъ Ровинскаго нѣтъ ни малѣйшаго слѣда

историческаго прислужничества, и потому его отзывы и оцѣнки звучать особою искренностью, съ которою можно, пожалуй, подчасъ не согласиться, но въ которой нельзя относиться иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ. Впрочемъ, не всѣ замѣтки кратки. Есть подъ этимъ флагомъ цѣлыя біографическіе очерки, выдѣленіе которыхъ изъ „Словаря“ и собраніе вмѣстѣ могло бы составить полную интереса книгу. Таковы, на примѣръ, между прочимъ, очерки жизни и дѣятельности Александра I, Екатерины II, Дмитрія Самозванца и, въ особенности, Суворова. Этого рода очеркамъ можно, пожалуй, сдѣлать упрекъ въ излишней подробности, выходящей за предѣлы цѣлей „Словаря“. Ровинскій предвидѣлъ возможность подобнаго упрека. Отвѣтъ на него содержится въ указаніи на отношеніе иконографіи къ исторіи. „Для насъ, *иконографовъ*,—говоритъ онъ,—интересно имѣть не изображеніе Екатерины въ высокотожественной позѣ, а настоящую, живую Екатерину, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Мы хотимъ знать всякую мелочь, которою была окружена эта великая женщина; хотимъ знать, въ которомъ часу она вставала, когда садилась работать, что пила и ѣла за обѣдомъ, что дѣлала вечеромъ; какъ одѣвалась и куда ѣздила. Намъ до всего дѣло, мы хотимъ знать ея частную жизнь, даже прочесть ея интимныя записочки, хотимъ видѣть ее у себя дома—живую, умную, хитрую... можетъ быть и черезъ-чуръ страстную. Изъ короткаго знакомства со всѣми мелочами ея обихода—мы болѣе, чѣмъ изъ всякой другой *Истории*, вынесемъ увѣренность, что легкія стороны ея домашней жизни не имѣли расслабляющаго вліянія на царственныя ея задачи, и еще болѣе полюбимъ эту великую женщину за ея безграничную любовь къ ея новому, русскому отечеству“.

Портреты расположены безъ подраздѣленій на разряды, въ простомъ алфавитномъ порядкѣ, но IV-ый томъ, не считая двухъ подробныхъ алфавитовъ содержанія всего изданія, состоитъ, во-первыхъ, изъ восьми приложений, заключающихъ въ себѣ исторію происхожденія гравированныхъ портретовъ и описаніе современнаго положенія этого дѣла у насъ, съ цѣлымъ рядомъ необходимыхъ для собирателей свѣдѣній и наставленій, и, во-вторыхъ,—изъ восьми главъ „Заключенія“, въ которыхъ спеціальныя изслѣдованія, напр. о способахъ гравирования на мѣди и о механическихъ способахъ портретнаго производства и т. п., чередуются съ отдѣльными, полными живого интереса монографіями. Такъ, на примѣръ, глава V-ая содержитъ очеркъ нашей дипломатіи и военнаго дѣла въ ихъ „гравированныхъ“ представителяхъ; глава VI-ая говоритъ о русской

женщинѣ; глава VII-ая—о сатирическихъ картинкахъ... Богатое содержаніе „Словаря“, по справедливости названнаго, въ одномъ изъ некрологовъ Ровинскаго, настольною книгою образованнаго русскаго человѣка, могло бы быть предметомъ особаго изслѣдованія. Но даже и упоминая о немъ мимоходомъ, нельзя не указать на оригинальные взгляды и поразительную массу свѣденій, щедро рукою рассыпанные Ровинскимъ по столбцамъ его изданія и характеризующіе самого автора.

Это прежде всего горячій русскій патриотъ, которому дорого свое родное, и котораго волнуетъ и смущаетъ всякое принесеніе русскаго труда, интересовъ или крови въ жертву предметамъ или началамъ, ничего общаго съ благоденствіемъ Россіи не имѣющимъ. Вотъ почему въ замѣчаніяхъ къ многочисленнымъ портретамъ Александра I сказывается несочувствіе сентиментальной полетикѣ и мистическому честолюбію „новаго Агамемнона“ и почему такъ много страницъ съ нескрываемою любовью посвящено портретамъ Екатерины II и описанію наружности и обихода государыни, „домашніе недостатки которой не могутъ умалять ея великихъ заслугъ, ибо не помѣшали они ей держать высоко русское знамя и вѣрно *по-русски* понимать *кровные* интересы своей новой родины“. Портреты Екатерины изслѣдованы и сравнены между собою Ровинскимъ съ чрезвычайною подробностью,—однѣхъ фототипій съ нихъ приложено къ „Словарю“ 49, и неизмѣнная нота прямодушной нѣжности звучитъ во всѣхъ къ нимъ объясненіяхъ. „Разложивъ „профильные“ портреты рядомъ,—пишетъ онъ,—можно прослѣдить шагъ за шагомъ превращеніе граціознаго и полнаго огня и жизни Ротаріевскаго профиля, сперва въ роскошный профиль Девейда, потомъ въ профили все еще оживленные 1776 и 1782 годовъ и, наконецъ, въ профиль 1790 года,—профиль шестидесятилѣтней, хорошо пожившей женщины, съ одутловатымъ и добродушнымъ лицомъ, съ двузначащею улыбкой на сжатыхъ губахъ, но въ которой, однако же, не трудно узнать усталую, но все еще *великую* Екатерину“.

Съ этой же точки зрѣнія говоритъ Ровинскій и объ Елисаветѣ Петровнѣ, представляя рядъ портретовъ граціозной, жизнерадостной и цвѣтущей здоровьемъ императрицы и замѣчая, что рядомъ съ танцами, которые она страстно любила, и французскими нарядами, которыхъ у нея было нѣсколько тысячъ, Елисавета, „за стѣнами своего дворца, вела настоящую русскую политику“, результатомъ которой было обращеніе Кенигсберга въ русскій губернский городъ, чеканка въ немъ русской монеты и даже учрежденіе духовной миссіи съ архимандритомъ изъ города Данкова,

при чемъ въ 1760 г. былъ составленъ проектъ окончательнаго присоединенія восточной Пруссiи къ Россiйской Имперiи, на которомъ Елисавета написала 30 апрѣля того же года: „быть по сему“, оставивъ за собою право „удобныя средства искать по соглашенiю съ республикою Польскою, полюбовнымъ соглашенiемъ и во взаимному обоихъ сторонъ удовольствию, сдѣлать о семъ королевствѣ другое опредѣленiе“. Смерть императрицы въ 1761 г. и вступленiе на престолъ Петра III, воспитаннаго на презрѣнiи ко всему русскому и на слѣпомъ поклоненiи Фридриху II, измѣнили все это.

Еще больше собрано въ книгѣ портретовъ Петра Великаго и гравюръ, въ которыхъ, между прочими, есть и его изображенiя. Всѣхъ ихъ 52—и наружность величайшаго русскаго человѣка проходитъ въ нихъ отъ юныхъ лѣтъ до его кончины. Мы видимъ его сначала мальчикомъ и юношей въ московскомъ одѣянiи, — въ высокой бобровой шапкѣ, — какъ *Magnus dux Moscoviae*, затѣмъ эти изображенiя смѣняются, окруженными аллегорическими картинками, портретами въ условномъ востомѣ великихъ людей начала XVIII вѣка, состоящемъ изъ латъ, порфиры и шлема, и, наконецъ, идетъ, въ рядѣ снимковъ, могучий, лучезарный ликъ Петра, въ томъ видѣ, въ какомъ привыкло его представлять себѣ русское сознание, — съ вьющимися кудрями и коротко подбритыми усами, — „котскими“, какъ съ негодованiемъ говорили его закоренѣлые враги раскольники. Это тотъ Петръ, голова котораго увѣковѣчена дѣвицею Калло на памятникѣ Фальбонета, — тотъ, который восторженно воспѣтъ Пушкинымъ, тотъ, „чи глаза сияютъ“, кто „ужасенъ“ и „прекрасенъ“, кто „весь какъ Божiя гроза“, кто „думъ великихъ полнъ“... Портретамъ Петра предшествуетъ сжатая, но весьма выразительная биографическая замѣтка, рисующая всю разностороннюю мощь его природы, весь гигантскiй трудъ, поднятый имъ — „только бы жила Россiя“. Въ живыхъ чертахъ, со словъ современниковъ, проходятъ наружность Петра, его манеры, одежда, домашняя жизнь. Ровинскiй описываетъ его трудовую день, его простоту, непритязательность, — приводитъ выписки — то шутивыя, то озабоченныя — изъ переписки съ „Катеринушкою, другомъ сердешенькимъ“. Въ этихъ разнообразныхъ описанiяхъ, разбросанныхъ въ качествѣ примѣчанiй къ различнымъ гравированнымъ портретамъ Петра, иногда содержатся малоизвѣстные факты, въ которыхъ ярко сквозитъ все величiе простоты человѣка, кому, по словамъ поэта, „въ царяхъ никто не равенъ“. Такъ, напр., по поводу рѣдной французской гравюры 1712 года, изображающей свиданiе Екaterины съ ея братомъ

Карломъ Скавронскимъ и русской копіи съ нея, подъ заглавіемъ: „Усердіе Петра Перваго къ родству“, Ровинскій приводитъ разсказъ Левека о томъ, что, увидѣвъ внезапно въ домѣ гофмейстера Шепелева своего брата и въ немъ узрѣвъ снова воочию свое незначительное прошлое, Екатерина чуть не упала въ обморокъ, но Петръ сказалъ ей: „нечего краснѣть! я признаю его моимъ шуриномъ, — а ты — дѣлу руку императрицы, а потомъ обними свою сестру!“ — Теплому сердцу Ровинскаго и его гуманнымъ взглядамъ были, однако, тяжелы нѣкоторыя стороны въ жизни Петра. Онъ не скрываетъ этого и скорбитъ, что преобразователь подчасъ дѣйствовалъ на свой народъ, по выраженію Фридриха Великаго, „какъ крѣпкая водка на желѣзо“; но онъ умѣетъ стать на историческую точку зрѣнія, указывающую на необходимость въ извѣстные моменты народной жизни такой „крѣпкой водки“, представляемой гениальнымъ дѣятелемъ — „первымъ человѣкомъ въ государствѣ и первымъ слугою своему народу“. Ровинскій не умалчиваетъ о кровавомъ подавленіи бунта стрѣльцовъ, — о процессѣ и смерти царевича Алексѣя Петровича, — но онъ напоминаетъ, что зло, представляемое постоянно бунтующимъ и дерзкимъ войскомъ, служащимъ орудіемъ домашнихъ и придворныхъ интригъ, надо было для общаго спокойствія подрубить въ самомъ корнѣ, — и что непрерывное безгласное противодѣйствіе Алексѣя, опиравшагося на партію Лопухиныхъ, должно было возбуждать въ Петрѣ страхъ за будущность Россіи и всего, сдѣланнаго имъ съ такимъ крайнимъ напряженіемъ силъ. Поэтому, рассказывая о *всешутныйшемъ и вселятнйшемъ соборѣ* и осуждая циническіе обряды и кощунственныя шутки, сопровождавшія его собранія, Ровинскій находитъ для этого извиненіе именно въ напряженіи силъ Петра. „Шутовство, — говоритъ онъ, — составляло для Петра необходимый ровдыхъ отъ тяжелыхъ, почти нечеловѣческихъ трудовъ, и въ этой безшабашной веселости виденъ свѣтлый умъ его, ибо только ограниченный человѣкъ чуждается веселаго смѣха и въ каждой смѣшной фигурѣ и положеніи видитъ намекъ на собственныя свои дѣйствія“...

Было бы невозможно здѣсь перечислить и малую долю очерковъ Ровинскаго, относящихся къ выдающимся личностямъ. Они разсыпаны щедрою рукою по всему изданію, очень часто давая возможность сравнить двѣ крайности, столкнувшіяся на жизненномъ пути, и тѣмъ поясняя одну историческую личность другою. Такъ, напримѣръ, рядомъ съ Петромъ невольно ставятся изображенія царевича Алексѣя. Стѣдуетъ взглянуть въ совершенно безхарактерныя черты Алексѣя въ юности, на медальонѣ Гуена, —

на его позднѣйшіе портреты съ глазами, въ которыхъ сквозитъ трусливое лукавство, съ острымъ подбородкомъ и тонкими, плотносжатыми губами, обличающими упрямство безъ разумной твердости,—чтобы понять неизбежность роковой судьбы этого человѣка, ставшаго на дорогѣ Петру, чтобы оцѣнить скорбный и гнѣвный возгласъ послѣдняго: „ограбилъ меня Господь сыномъ“! Стоитъ сопоставить лицо Петра—все исполненное жизни и страстной энергіи—съ блѣднымъ, продолговатымъ, безцвѣтнымъ обликомъ царевича, въ которомъ Петръ „не трудовъ, но охоты желалъ“, —чтобы видѣть, съ какою болью измученнаго и тщетно надѣющагося сердца писалъ ему „на тронѣ вѣчный работникъ“ свой послѣдній „тестаментъ“, —заключая его словами: „ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренозный,—и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ, и что я сіе только въ устраску пишу; воистину исполню, ибо если за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь *чужой* добрый, неже *свой* негодный“...

Какъ, напримѣръ, характерны портреты Анны Иоанновны и правительницы Анны Леопольдовны и сами по себѣ, и по отношенію къ нимъ издателей. Авторъ диссертациі „De morbis infantum“, прилагая портретъ первой изъ нихъ (типа Эллигера), изображенной женщиною огромнаго роста, съ мрачнымъ выраженіемъ лица, въ великолѣпномъ одѣяніи,—говоритъ: „въ образѣ семъ всѣ мнятъ Анну зрѣти, понеже зракъ весь женскій, въ чертахъ разсуждаютъ, но вся дѣла слѣдуя по правдѣ имѣти Петра Перваго въ лицѣ тѣи помышляють;—весьма мужескъ видъ отъ дѣлъ, хоть въ женской добротѣ; съ должнымъ рабу почтеніемъ приписалъ Панаіотъ Кондоиди“.—Іоаннъ Гафнеръ, отравировавъ, по передѣланному портрета Каравакка, миловидную фигуру и оживленное лицо Анны Леопольдовны, не успѣлъ выпустить въ свѣтъ свои двѣ гравюры, такъ какъ надъ несчастною правительницею и ея семействомъ разразилась гроза. Гафнеръ, не смущаясь, передѣлалъ подпись и, не измѣнивъ даже словъ: „Impery Gubernatrix“, изобразилъ подъ гравюрами: „Elisabetha. D. G. Magna Dux omnium Russorum“. Такимъ образомъ, по ироніи судьбы, изображеніе бѣдной мимолетной властительницы „большей части свѣта“ (Календарь 1741 г.), печально изнывавшей „за крѣпкимъ карауломъ“ въ Холмогорахъ, распространилось по Россіи какъ портретъ „дщери Петра“.

Давая рядъ портретовъ Дмитрія Иоанновича (*прозваннаго* Гришкою Отрепьевымъ), Ровинскій предпосылаетъ имъ очень интересный

очеркъ физическихъ и нравственныхъ свойствъ загадочнаго человѣка, раздѣлившаго историковъ въ вопросѣ о своемъ происхожденіи, при чемъ самъ авторъ склоняется, путемъ остроумныхъ соображеній, въ тому, что такъ называемый самозванецъ былъ въ дѣйствительности сыномъ Іоанна IV, но признавшіе его своимъ законнымъ владыкою бояре, почуявъ въ немъ нравъ и отцовскіе обычаи Грознаго, порѣшили *упразднить* его, какъ прежде пытались сдѣлать тоже съ самимъ Грознымъ. Разсмотрѣніе тѣхъ изображеній Дмитрія Іоанновича, за которыми Ровинскій признаетъ достовѣрность, не подтверждаетъ, однако, мнѣнія его о „подлинности“ царя Дмитрія, и самъ Ровинскій, со свойственнымъ ему безпристрастіемъ, приводитъ мнѣніе знатока портретной живописи, князя М. А. Осоленскаго, о томъ, что „портретъ Килиана— есть вѣрный историческій фактъ: кто только на него ни взглянетъ, тотъ сейчасъ убѣдится, что же-Димитрій былъ не русскій; черты лица его явно говорятъ, что онъ былъ литвинъ“.

„Великолѣпный князь Тавриды“ рисуется въ блескѣ своей физической красоты, обширнаго образованія, свѣтлаго, полнаго широкихъ замысловъ ума и глубокаго нравственнаго вліянія на Екатерину. Въстѣ съ тѣмъ Ровинскій въ сжатомъ, но содержательномъ очеркѣ указываетъ на рѣзкія противоположности въ его странномъ, то привлекательномъ, то непріятномъ характерѣ, и на неряшливость, беспорядочность и крайнюю лѣнь его въ частной жизни, дѣлавшія изъ него „настоящаго азіата въ европейскомъ костюмѣ“. Историческія гравюры, въ которыхъ фигурируетъ Потемкинъ, и между ними превосходная большая гравюра Скородумова и Иванова, изображающая его смерть въ бессарабскихъ степяхъ, а также произведенія народнаго наивнаго рѣзца, посвященныя „славному объѣдалѣ и веселому подпивалѣ“, служатъ доказательствомъ того громаднаго во всѣхъ отношеніяхъ впечатлѣнія, которое производилъ на современниковъ этотъ замѣчательный, до сихъ поръ не разъясненный во всей своей полнотѣ, русскій историческій дѣятель. Съ особымъ тщаніемъ собраны и описаны у Ровинскаго портреты дѣятелей Екатерининскаго времени. Съ самою большою подробностью объясняетъ Ровинскій портреты одного изъ своихъ любимыхъ героевъ—Суворова. Изъ замѣтокъ предъ ними и подъ нѣкоторыми изъ нихъ составляется цѣлый яркій очеркъ удивительной и характерной жизни замѣчательнаго и своеобразнаго человѣка, всѣмъ обязаннаго самому себѣ, скромнаго въ успѣхѣхъ и трогательнаго въ опалѣ, связаннаго глубокою духовною связью съ народомъ,— то чудака, то героя, сказавшаго про себя придворному живо-

писцу курфюрста саксонскаго, Шмидту: „вы собираетесь писать мое лицо; оно отерто вамъ, но мысли мои для васъ тайна;— скажу вамъ, что я проливалъ кровь потоками, и прихожу въ ужасъ отъ этого; но я люблю моего ближняго и никого не сдѣлалъ несчастнымъ,—я не подписалъ ни одного смертнаго приговора, не задавилъ ни одной козявки; я былъ малъ и былъ великъ,—въ счастіи и несчастіи уповалъ на Бога и оставался непоколебимымъ; теперь призовите на помощь ваше искусство и начинайте“. Поклонникъ Екатерины II, за ея умѣнье служить кровнымъ русскимъ интересамъ, Ровинскій не могъ не сочувствовать горячо и одному изъ гениальныхъ въ военномъ дѣлѣ исполнителей ея плановъ;—его влекли, кромѣ того, къ Суворову тѣ коренныя русскія черты въ личности и образѣ жизни, въ которыхъ много сходнаго съ такими же въ жизни Великаго Петра, но которыми Ровинскій могъ любоваться безъ щемящей его доброе сердце боли. Но и тутъ, вѣрный себѣ, авторъ не скрываетъ недостатковъ и несимпатичныхъ сторонъ въ своемъ любимцѣ,—хотя даетъ имъ особое примирительное освѣщеніе. „Суворова обвиняютъ, — пишетъ онъ, — въ презрѣніи къ равнымъ и къ высшимъ, въ оскорбительномъ нахальствѣ, въ безвѣрномъ честолюбіи. Самъ Суворовъ сознавался, что „скромность не входила въ число его добродѣтелей“, но онъ хорошо понималъ, что со скромностью можетъ попасть лишь въ одни угодники, а ему нужно было попасть въ фельдмаршалы, чтобы разбивать непріятели и вести русское войско къ побѣдамъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ *мощь и силу* и надѣялся пробиться на торную тропу. Онъ все употреблялъ въ дѣло при этомъ: лесть, нахальство, чудачество, шутство, но не сдѣлалъ ничего вреднаго или подлаго; достигнувъ цѣли, онъ весь отдался своему дѣлу, бѣгалъ отъ двора, и, конечно, отъ него нельзя было требовать никакого уваженія къ тогдашнимъ придворнымъ, получавшимъ громадное содержаніе за красивую наружность и умѣнье вести пустопорожніе разговоры“. Эти господа платили Суворову соотвѣтственною монетою. Не даромъ же онъ говорилъ о себѣ: „У меня семь ранъ: двѣ изъ нихъ получены на войнѣ, а пять, самыхъ мучительныхъ—при дворѣ“. Не одни его портреты вошли въ описаніе Ровинскаго,—сюда же отнесены имъ историческія гравированныя картинки, касающіяся Суворова, и каррикатуры на него. Всего описано 207 изображеній, относящихся къ Суворову,—и этотъ „*Рембрантъ тактики*“ по выраженію лорда Кларендона, проходить, благодаря имъ, предъ глазами читателя, какъ живой.

„Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“ даетъ многія

черты и для портрета самого Ровинскаго, и съ этой даже стороны стоилъ бы внимательнаго и подробнаго спеціальнаго разбора. Здѣсь же достаточно указать на самое разностороннее его образованіе, выражающееся въ обиліи разнообразнѣйшихъ свѣденій, приводимыхъ по поводу того или другого портрета, иногда чрезвычайно рѣдкаго, и свѣденій не сухихъ, въ видѣ цифръ или хронологическихъ ссылокъ, а почерпнутыхъ прямо изъ жизни и освѣщающихъ разные ея моменты и закоулки. Таковы, напр., свѣденія къ описанію портретовъ протоіерея Самборскаго, духовника великаго князя Павла Петровича и велик. кн. Маріи Феодоровны и законоучителя ихъ дѣтей, путешественника по славянскимъ землямъ и агронома, посланнаго Екатериною II въ Англію въ числѣ учениковъ кievской духовной академіи для изученія агрикультуры и усовершенствованія ея, по посвященіи своемъ въ духовный санъ, между крестьянами. На рѣдкой гравюрѣ, сдѣланной во вкусѣ умной старины, Самборскій представленъ, согласно съ дѣйствительностью, пашущимъ на волахъ, при чемъ его ордена и наперсный крестъ повѣшены на вѣтви раскидистаго дерева. Таковъ же громадный богословскій тезисъ Кулябки, отпечатанный на атласѣ; такова обширная гравюра на деревѣ, на четырехъ листахъ, хранящаяся въ висбаденскомъ музеѣ, изображающая посольство князя Захара Ивановича Сугорскаго, посланнаго Грознымъ къ императору Максимилиану въ Регенсбургъ, въ 1576 году, при чемъ выгравированы не только костюмы посла и его многочисленной свиты, порядокъ шествія и подарки, посланные царемъ римскому императору, но и богослуженіе „москвитовъ“. По поводу послѣдняго пражскій издатель Петтерле, рассказавъ видѣнные художникомъ обряды предъ главнымъ образомъ „возлюбленнаго Господа нашего Іисуса Христа“, въ молитвѣ, заканчивающей текстъ гравюры, проситъ Спасителя „обратить эти народы къ познанію Его имени и Святого Его слова“, прибавляя, что искренно желаетъ этого москвитамъ и, очевидно, не считаетъ ихъ все-таки за христіанъ. Вообще не однѣ особенности нашихъ нравовъ и обстоятельствъ русской исторіи находятъ себѣ мѣсто въ объясненіяхъ и замѣткахъ Ровинскаго; нерѣдко приводятся имъ изображенія и свѣденія, рисующія эпизоды изъ жизни и исторіи Запада, имѣющія связь съ политическими отношеніями къ Россіи. Какъ на примѣры можно указать на рѣдкія и очень характерныя, по откровенности содержанія и недвусмысленности подписей, многочисленныя карриатуры, направленныя съ одной стороны на коалицію монарховъ противъ революціонной Франціи, а съ другой на яacobинцевъ, національное собраніе и конвентъ, — и вообще на карриатуры, касающіяся

политическихъ событій въ Европѣ въ царствованіе Екатерины II, Павла I и Александра I. Такихъ сатирическихъ картинокъ, имѣющихъ отношеніе къ Екатеринѣ II, приведено у Ровинскаго семьдесятъ-семь, къ Александру I—124. Эти картинки, помимо своего содержанія, исполненнаго политическаго озлобленія, не знающаго предѣловъ, иногда отерываютъ интересныя черты общественной жизни Запада. Такъ, напримѣръ, въ каррикатурѣ, озаглавленной: „Ah! ça va mal! les puissances étrangers faisant danser aux députés enragés et aux jacoquins (sic)—le même ballet que le sieur Nicolet faisait danser jadis à ses dindons“,—относится замѣчаніе Ровинскаго о томъ, что, „во время появленія этой каррикатуры, въ Парижѣ показывалъ балеты изъ индюшекъ нѣкій Nicolet; индюшки были заперты въ большую клетку съ металлическимъ поломъ, который накаливался снизу; впереди играла музыка; сперва индюшки мѣрно подпрыгивали по слегка нагрѣтому полу; потомъ полъ нагрѣвался все болѣе и болѣе, музыка шла crescendo, полъ накаливался, и несчастныя птицы съ крикомъ метались изъ стороны въ сторону, дѣлая отчаянные прыжки и приводя въ восторгъ парижскую публику“.

Очень интересны, съ точки зрѣнія исторической превратности и психологіи народныхъ массъ, картины, изображающія вмѣстѣ съ фигурою императора Александра I вѣздъ союзниковъ въ Парижѣ въ 1813 году, народные ликования и сверженіе статуи Наполеона съ Вандомской колонны,—а также портретъ донскаго казака Александра Землянухина, который привезъ, въ апрѣлѣ 1813 г., въ Лондонъ извѣстіе о взятіи Гамбурга. Англичане, такъ усердно и настойчиво распространявшіе, до и послѣ войнъ съ Наполеономъ, всякія небылицы и ужасы про наше войско вообще и казаковъ въ особенности, встрѣтили Землянухина съ восторгомъ, сдѣлали семь гравированныхъ портретовъ съ „the brave Russian, Cassack of the Don regiment“, сочинили въ честь его хвалебную пѣсню и угощали его за столомъ у лордъ-мера, при чемъ, вѣроятно немного подгулявшій объектъ ихъ лицемѣрнаго восторга на любознательные вопросы лордъ-мера о томъ, сколько ихъ убилъ своею пиквою, отвѣчалъ: „офицеровъ—трехъ, а сволочи—нѣсколько четвериковъ“...

Но, приобрѣтая массу свѣденій, роясь въ архивной пыли и въ разныхъ коллекціяхъ, Ровинскій остается вѣренъ своему житейскому опыту и требованіямъ своей духовной природы. Ложный блескъ мимолетной славы не дѣйствуетъ на него, — ему гораздо дороже общечеловѣческое достоинство оригиналовъ собираемыхъ имъ „гравированныхъ портретовъ“; все дѣланное, лицемѣрное,

напускное—ему противно, всякая своекорыстная жестокость его возмущаетъ. Вотъ почему Радищевъ со своимъ знаменитымъ „Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву“, въ которомъ слышится громкій протестъ противъ крѣпостного права,—не поддеваетъ его, ибо „въ имѣніи своемъ, подѣ Малымъ Ярославцемъ, самъ Радищевъ былъ жестокимъ помѣщикомъ“; поэтому же, отмѣчая курьезный трудъ Федора Ивановича Дмитріева-Мамонова, издавшаго въ 1779 году, какъ „плодъ уединенной жизни дворянина-философа“, новую систему „Сложенія свѣта“, въ противоположность „Птолемеевой, Коперниковой, Тихобраговой и Декартовой“ и вызвавшего рядъ выпреннихъ прославленій подъ своими портретами,—Ровинскій не можетъ не отмѣтить, что дворянинъ-философъ былъ извѣстенъ жестокимъ обращеніемъ съ крѣпостными людьми. Зато онъ не упускаетъ случая указать на доброту и сердечную теплоту въ поступкахъ челоѵка (напр. М. П. Погодина) или даже въ выраженіи его лица (напр. графа Платова); искренняя нѣжность пронизываетъ его отзывы о людяхъ, оставившихъ по себѣ благодарное воспоминаніе. „Намъ всѣмъ еще памятенъ, — говоритъ онъ, напримѣръ, о покойномъ принцѣ Петръ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ, — намъ всѣмъ еще памятенъ симпатичный образъ этого истинно-хорошаго челоѵка. Средняго роста, нѣсколько сутуловатый, застѣнчивый, довольно некрасивый собою, — онъ представлялъ рѣзкую противоположность величавой фигурѣ Николая I, котораго онъ такъ часто сопровождалъ въ поѣздкахъ по учебнымъ заведеніямъ. Зато взглядъ его, полный неизмѣримой доброты, и простое, сердечное обхожденіе со всѣми раскрывали необычайную кротость души его; каждый шелъ къ нему безъ страха, рассчитывая на вѣрную помощь и сочувствіе. Для воспитанниковъ своихъ онъ былъ настоящимъ отцомъ; заботился объ удобствахъ ихъ жизни, даже объ ихъ удовольствіяхъ; безпрестанно посѣщалъ классы, а въ рекреационное время даже принималъ участіе въ ихъ играхъ. Безъ всякой лести можно сказать: много добра сдѣлалъ этотъ челоѵкъ; а главное—дѣлалъ онъ добро съ разумною цѣлью и оставилъ глубокіе слѣды своей полезной благотворительности“.

Кроткимъ свѣтомъ сочувствія несчастію ближняго — безрассудно отъ мѣста, гдѣ оно свилъ себѣ гнѣздо—проникнуты и краткія свѣденія о портретахъ людей, которымъ тяжело жилось, иногда, несмотря на ихъ внѣшнюю обстановку. Вотъ чтѣ предпосылаетъ, напримѣръ, Ровинскій многочисленнымъ портретамъ супруги Александра I—Елизаветы Алексѣевны: „Извѣстная портретистка Вижелбрекъ, увидѣвшая Елизавету Алексѣевну въ первый разъ въ

1795 г., въ Царскомъ Селѣ, отзывается о ней съ восторгомъ: „ей было въ то время 16 лѣтъ, цвѣтъ лица ея былъ блѣдный, черты тонкія, выраженіе лица чисто ангельское; волосы, пепельно-русые, падали въ безпорядкѣ на ея лобъ и шею; станъ гибкій, какъ у нимфы. Я вскричала: это—Психея! А это была Елизавета, жена Александра“. Скорое охлажденіе супруга и мелкія домашнія непріятности заставили ее искать уединенія и полной замкнутости въ обществѣ немногихъ близкихъ людей. Она сдѣлалась мечтательною, много читала и занималась дѣлами благотворительности; на эти дѣла она отдавала все свое содержаніе изъ кабинета, оставляя на свои личные расходы не болѣе 15.000 руб. въ годъ. Въ 45 лѣтъ она была средняго роста, хорошо сложена; въ лицѣ и станѣ ея видны были слѣды прежней красоты; голосъ у нея былъ мягкій, проникавшій въ душу, улыбка меланхолическая, взоръ полный ума и что-то ангельское во всей фигурѣ ея говорили, что она принадлежитъ не этому свѣту. Она отлично знала по-русски и была другомъ Карамзина“.

То же самое чувство сквозить и въ очеркѣ предъ перечисленіемъ портретовъ сына Бориса Годунова, злополучнаго Фёдора Борисовича, и даже въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о московскомъ юродивомъ и прорицателѣ 50-хъ годовъ, сидѣвшемъ въ сумасшедшемъ домѣ „студентъ холодныхъ водъ“—Иванѣ Яковлевичѣ Корейшѣ.

Если прибавить ко всему сказанному массу техническихъ замѣчаній Ровинскаго, интересныя подробности въ родѣ порученій выписаннымъ изъ-за границы граверамъ расписывать декорации для фейрверковъ, — и частыя ссылки на личныя наблюденія и воспоминанія, то едва ли можно не признать за „Словаремъ“ большого значенія, какъ богатаго матеріала не для одной только исторіи искусства и какъ памятника громаднаго труда, исполненнаго однимъ человѣкомъ, вложившимъ въ него свою отзывчивую личность.

VI.

„Словарь гравированныхъ портретовъ“ изображалъ *русскихъ людей* на различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы и въ равныя историческія эпохи. Но для полноты картины нужно было изображеніе *русской жизни*, — нужно было собрать черты не *личныя*, а *бытовыя*, закрѣпленныя въ памяти народной тѣмъ или другимъ способомъ. Эту задачу выполнилъ Ровинскій въ другомъ своемъ классическомъ трудѣ, въ „Русскихъ народныхъ картин-

кахъ", изданныхъ въ 1881 году, въ девяти томахъ, изъ которыхъ четыре заключаютъ въ себѣ 1.780 картинокъ, а пять представляютъ объяснительный къ нимъ текстъ на 2:880 страницахъ большого in-8°. Въ этомъ изданіи, требовавшемъ для собранія матеріаловъ необычайной любви къ дѣлу и настойчивости, а также знанія, сопряженнаго съ большими жертвами, Ровинскій собралъ всѣ тѣ народныя картинки, которыя выходили въ свѣтъ до 1839 г., т.-е. до того времени, когда свободное народное художественное творчество было вставлено въ рамки официальной цензуры. Въ нихъ проходятъ самыми разнообразными сторонами бытовая и духовная жизнь народа съ начала XVII вѣка по средину XIX в. Въ наивныхъ изображеніяхъ народнаго рѣвца мы видимъ русскаго человѣка въ его отношеніяхъ къ семьѣ, къ окружающему міру, къ ученю, — въ его религиозныхъ вѣрованіяхъ и поэтическихъ представленіяхъ, въ его скорбяхъ и радости, въ подвигахъ и паденіи, въ болѣзняхъ и развлеченияхъ. Онъ предъ нами живой, говорящій о себѣ самъ, своимъ „краснымъ словомъ“, сказкою и легендою — своеобразный, мощный и простосердечный, терпѣливый и страшный въ гнѣвѣ, шутиливый и въ то же время вдумчивый въ жизни и ея сокровенный смыслъ, съ добродушною ироніею смотрящій на себя и на все окружающее и величаво-спокойный предъ лицомъ смерти. Это трудъ громадный, изъ каждой главы котораго свѣтится умъ, алчущій и жаждущій свѣденій о своемъ, родномъ. По поводу тѣхъ или другихъ народныхъ картинъ приведены въ немъ цѣлыя подробныя самостоятельныя изслѣдованія, обширныя извлеченія изъ памятниковъ народной литературы, стройныя, построенныя на богатыхъ источникахъ и личномъ опытѣ и изученіи бытовыхъ и этнографическихъ картины. Кто прочелъ со вниманіемъ пять томовъ текста къ народнымъ картинкамъ, тотъ можетъ сказать, что предъ его глазами прошла не официальная, не виѣшняя, но внутренняя русская жизнь болѣе чѣмъ за два вѣка со всѣмъ тѣмъ, что побуждаетъ ее любить, что заставляетъ грустить по поводу ея прошлаго.

Народныя картинки, называемыя также лубочными — отъ лубочныхъ (липовыхъ) досокъ, съ которыхъ онѣ печатались и отъ лубочныхъ коробовъ, въ которыхъ ихъ разносили для продажи офени, — долго были въ пренебреженіи у нашихъ старыхъ писателей и ученыхъ. Онѣ считались принадлежностью „подлаго“ народа, какъ именовался онъ въ документахъ XVIII вѣка. Кантеміръ и даже Барковъ (!) называли ихъ негодными и гнусными, подобно тому, какъ гнѣсни народа признаны были „подлыми“ Тредьяковскимъ и Сумароковымъ. Сатирикъ Кантеміръ не безъ

гордости замѣчалъ, что творенія его не будутъ „гнусно лежать въ одномъ свертѣхъ съ Бовою или Ершомъ“. „Эти чопорные господа, — говоритъ Ровинскій, — въ большинствѣ сами выпешдшіе изъ „подлаго народа“, никакъ не могли себѣ вообразить, что Ершъ, Бова и т. п. переживуть ихъ *безсмертными* творенія; но такимъ же фешенебельствомъ заражены были и болѣе развитые люди, — члены ученыхъ обществъ: такъ, напримѣръ, въ 1824 году, когда Снегиревъ представилъ въ общество любителей россійской словесности свою статью о лубочныхъ картинкахъ, то „нѣкоторые изъ членовъ даже сомнѣвались“, можно ли и должно ли допустить разсужденіе въ ихъ обществѣ о такомъ пошломъ, площадномъ предметѣ, какой предоставленъ въ удѣлъ черни? Впрочемъ, рѣшено было принять эту статью, только съ измѣненіемъ заглавія въ ней, — вмѣсто лубочныхъ картинокъ, связать — простонародныя изображенія“.

Не такъ смотрѣлъ на народныя картинки М. П. Погодинъ. Онъ, по словамъ академика К. С. Веселовскаго, указалъ молодому, полному силѣ и любовнательности Ровинскому, увлекавшемуся собираніемъ офдртовъ, новое, почти непочатое поле для дѣятельности. „То, что вы собираете, — сказалъ онъ, — довольно собираютъ и другіе; — этимъ нѣкого не удивишь, а вотъ собирайте-ка все русское, чего еще никто не собираетъ и что остается въ пренебреженіи и часто безслѣдно пропадаетъ, — такъ польза будетъ иная“. Прошло много лѣтъ — и краснорѣчивымъ отвѣтомъ на совѣтъ Погодина служить „Русскія народныя картинки“. Ими сохранены отъ забвенія, ограждены отъ истребленія и, такъ сказать, закрѣплены для будущаго всѣ виды этой отрасли народнаго творчества — начиная со связокъ и забавныхъ листовъ, переходя въ историческимъ листамъ, букварямъ и календарямъ, и кончая притчами и листами духовными. Все это сопровождается тремя томами объяснительнаго текста, томомъ примѣчаній и дополненій и томомъ, содержащимъ въ себѣ въ высшей степени интересное „заключеніе“ и алфавитные указатели. Въ этомъ заключеніи помѣщены изслѣдованія о народныхъ картинкахъ, рѣзанныхъ на деревѣ, гравированныхъ на мѣди и такъ называемою „черною манерою“, — о западныхъ источникахъ русскихъ картинъ, — о ихъ пошибѣ, стилѣ и раскраскѣ, — о народныхъ картинкахъ въ западной Европѣ и на Востоцѣ — въ Индіи, Японіи, Китаѣ и на Явѣ, — наконецъ, о способахъ гравированія и печатанія и о продажѣ картинокъ, о надворѣ за ихъ производствомъ и о цензурѣ ихъ. Послѣдняя взяла подъ свой присмотръ народныя картинки, какъ уже сказано, лишь съ 1839 года. До тѣхъ же поръ высокомѣрное отношеніе образо-

ваннаго общества къ этимъ картинкамъ и непониманіе ихъ значенія предоставляли полный безцензурный просторъ ихъ издателямъ, благодаря чему могъ сохраниться своеобразный ихъ характеръ. Даже суровыя мѣры, предпринятыя Павломъ I, 18-го апрѣля 1800 года, когда было опредѣлено запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ безъ изыятія, а равномѣрно и музыки, такъ какъ „черезъ ввозимыя изъ-за границы равныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благочестія“, отразившіяся и на внутренней цензурѣ,—не повліяли на народныя картинки; не повліялъ на нихъ и цензурный уставъ Шишкова, изданный въ 1826 году. Поэтому въ тѣхъ собранныхъ Ровинскимъ народныхъ картинкахъ, которыя относятся ко времени до 1839 года, мы находимъ совершенно свободное выраженіе вкусовъ и мыслей какъ художника, такъ и окружавшей его среды— и уже въ одномъ сохраненіи ихъ для потомства большая заслуга Ровинскаго, тѣмъ болѣе, что распоряженія пятидесятихъ годовъ, а также взгляды и приемы нѣкоторыхъ исполнителей этихъ распоряженій могли привести въ безслѣдной утратѣ „лубочной“ литературы и художества. Ровинскій приводитъ постановленіе особаго комитета для провѣрки дѣйствій цензурныхъ комитетовъ, учрежденныхъ подъ предсѣдательствомъ Бутурлина въ 1850 году, объ обязаніи полиціи представить о тѣхъ изъ старыхъ картинокъ, изданныхъ безъ цензуры, которыя отличаются предосудительнымъ содержаніемъ, чрезъ губернаторовъ министру внутреннихъ дѣлъ, для принятія мѣръ въ ихъ уничтоженію. Получивъ это постановленіе въ апрѣлѣ 1851 года, московскій генераль-губернаторъ, графъ А. А. Закревскій, привелъ его въ исполненіе быстро и рѣшительно. *Всѣ* старинныя мѣдныя доски, съ которыхъ печатались народныя картинки, были вытребованы въ полицію, изрублены въ куски и возвращены въ видѣ лома. Такимъ простымъ способомъ было въ Москвѣ уничтожено разъ навсегда воспроизведеніе старинныхъ безцензурныхъ картинокъ, совершенно независимо отъ ихъ содержанія. Впрочемъ, многія изъ такихъ картинокъ относились къ древнему русскому эпосу, а взглядъ на него былъ весьма неблагопріятный. Еще въ половинѣ пятидесятихъ годовъ князь Петру Андреевичу Вяземскому приходилось, по должности товарища министра народнаго просвѣщенія, съ трудомъ отстаивать статью Константина Аксакова: „Богатыри великаго князя Владимира по русскимъ пѣснямъ“—противъ раздѣляемаго многими мнѣнія генераль-лейтенанта Дубельта, находившаго, что сочиненіе Аксакова—рукопись бесполезная и отчасти бессмысленная, при чемъ

общее направленіе ея состоитъ въ томъ, чтобы выказать прелесть бывшей вольности“ ...

Нѣтъ никакой возможности, въ очеркѣ, касающемся личности и дѣятельности Ровинскаго, передать хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ богатое и въ своемъ родѣ неисчерпаемое содержаніе текста „Народныхъ картинокъ“. Въ первой статьѣ нашей, касающейся судебной службы Ровинскаго, мы уже приводили выписки изъ этого текста, относившіяся къ судебнымъ порядкамъ старой Руси. Изъ нихъ видна уже въ достаточной мѣрѣ разносторонняя полнота этого текста. Поэтому возможно ограничиться лишь нѣсколькими бѣглыми замѣтками.

Основаніе всякаго общественнаго быта—семья. Она не возможна безъ женщины, и потому прежде всего идутъ у Ровинскаго картины и изслѣдованія о женщинѣ по понятіямъ XVII и XVIII вѣка. Если пришедшіе къ намъ съ Запада забавные рассказы и давали поводъ изображать женщину лишь въ юмористическомъ и откровенномъ — иногда слишкомъ откровенномъ — видѣ, то русскіе источники — „Пчела“ и духовныя поученія — относятся къ ней съ упорнымъ и аскетическимъ ослобленіемъ, видя въ ней виновницу „злыхъ помысловъ“ и зачастую даже оружіе дьявола. „Злая жена, — говоритъ авторъ *Пчелы*, — есть ово дьявола, торгъ адовъ, воевода неправеднымъ, стрѣла сатанина и подобно естъ перечесу: всюду болить и всюду свербить, уязвляя сердца юнчихъ и старыхъ“. Отецъ описываетъ сыну кокетку XVII вѣка, отправляющуюся „устрѣлять“ человѣческія сердца. „Сперва она прехитро себя украшаетъ, пріятныя сандалін обуваетъ, и лице и выю себѣ вапами (бѣлками) повапнить, и черности себѣ въ очесѣхъ украсить, — тогда идетъ — ступаетъ тихо и шею слегка обращаетъ и зрѣніемъ умильно взираетъ, уста съ улыбкою отверзаетъ и всѣ составы въ прелести ухищраетъ“ и т. д. Не лучше и жена лукавая и льстивая, обманывающая мужа ласками, которая въ то же время „въ оконце часто призираетъ, пляшетъ, бедрами трясетъ, хрептомъ выхляетъ, головой киваетъ“ Поэтому-то „Пчела“ и заканчиваетъ свои поученія утвержденіемъ, что женщина вообще — ехидна, скорпія, левъ, аспидъ, василискъ, неправдамъ кузнецъ, грѣхамъ пастухъ и, въ заключеніе, „сквернословія гостинница“. Такіе отзывы находили себѣ сочувственный откликъ въ нѣкоторыхъ, чья семейная жизнь сложилась не на радость — и Ровинскій указываетъ на рукопись, гдѣ противъ этихъ названій рукою удрученнаго супруга отмѣчено: „подобное оной заповѣди моя жена Пелагія во всемъ сходство имѣетъ“, а противъ слова „скорпія“ особенно сказано: „и сія подобна во всемъ“. Но большинство не

смотрѣло такъ мрачно на женщину и относилось къ ея „ехидству и уверткамъ“ такъ же снисходительно, какъ и къ продѣлкамъ мужской братии. Стоитъ припомнить похождения богатырей нашихъ былинь съ Апраксѣвной, Забавой Путятишной и другими. Кроме того, у народа были и другія изображенія женщинъ, рисовавшія ихъ въ образѣ великой нравственной чистоты, каково, напр., изображеніе XVII вѣка Юліаніи Лазаревской. Наконецъ, по замѣчанію Ровинскаго, „проповѣдное озлобленіе „Пчелы“ и бесѣды противъ женщины не имѣло значенія въ народномъ быту; народъ глядитъ на женщину и на ея мѣсто въ домѣ гораздо проще и трезвѣе; по его *мутому разуму*: родился человекъ мужикомъ на свѣтъ, — значитъ и слѣдуетъ ему семью завести, и работать да подати платить, пока смерть не приберетъ; складена у него въ домѣ печь, по двору ходитъ корова, а въ полѣ ленъ посеялъ, — значитъ нужна хозяйка печь топить, корову доить и ленъ брать; да къ тому же онъ хорошо знаетъ, что и самое озлобленіе это не настоящее, а напускное, и что на дѣлѣ иной отшельникъ, пожалуй, далеко не прочь залучить въ свое уединеніе поваженнаго аспіда въ пріятныхъ сандаляхъ“.

Съ реформою Петра В. женщина вышла изъ теремовъ и изъ-подъ постоянной опеки. Реакція была очень сильная, доходившая до крайностей въ поведеніи, въ питъѣ вина и т. п. Женщину стали учить танцамъ и „поступи нѣмцевскихъ учтивствъ“ (Семевскій) и ей подчасъ становилось тяжело отъ „куплиментовъ великихъ и отъ присѣданій хвоста“ (Соловьевъ). Картины отражаютъ на себѣ эту переибыну, потому что подпадаютъ вліанію французскихъ образцовъ — и затѣмъ надолго впадаютъ въ насмѣшливый тонъ относительно браковъ неравныхъ и по расчету, реестровъ приданому, обмановъ при бракосочетаніяхъ, практиковавшихся, главнымъ образомъ, впрочемъ, до Петра В., приказавшаго женихамъ и невѣстамъ видѣться до свадьбы... Много ѣдкаго юмору слышится въ этого рода картинахъ. Къ вопросу о женщинахъ Ровинскій обращался и въ „Словарѣ гравированныхъ портретовъ“. Тамъ, приведя сѣденія о выдающихся русскихъ женщинахъ, указывая на тактичное и разумное президентство княгини Дашковой въ Академіи Наукъ, онъ замѣчаетъ: „какой разительный переходъ отъ домохозяйной женщины поца Сильвестра къ женщиной-президенту высшаго въ государствѣ ученаго мѣста! — и это въ то время, когда въ Европѣ начали пережевывать праздный вопросъ о томъ — слѣдуетъ ли допускать женщину къ высшему образованію и можетъ ли она серьезно заниматься науками?..“ По этому вопросу онъ вполне присоединился къ приводимымъ

имъ словамъ М. Н. Каткова: „Женщина по существу своему не умалена отъ мужчины; ей не отказано ни въ какихъ дарахъ человѣческой природы, и нѣтъ высоты, которая должна остаться для нея недоступною. Наука и искусство могутъ быть открыты для женщины въ такой же силѣ, какъ и для мужчинъ. Свѣтъ науки черезъ женщину можетъ проникать въ сферы менѣе доступныя для мужчины, и она можетъ своеобразно способствовать общему развитію народнаго образованія и человѣческому прогрессу. Но если мы хотимъ предоставить женщинамъ равный съ мужчиною удѣлъ въ наукѣ, то мы должны поставить и женское образованіе въ одинаковыя условія съ мужскимъ“.

Плодомъ *семьи* являются *дѣти*, а ихъ надо учить. Отсюда вопросъ о взглядѣ на ученіе въ старыя годы. Оно давалось не легко и корень его, конечно, былъ „горькій“.

По замѣчанію И. Е. Забѣлина, „старинная грамота являлась дѣтямъ не снисходительною и любящею нянею, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она суровымъ и сухимъ дидакаломъ, съ книгою и указкою въ одной рукѣ и розгою въ другой. Первоначальныя печатныя буквари наши сопровождалась изображеніемъ учителя съ розгою и увѣщаніями о пользы лозы“. Ровинскій приводитъ картинку, гдѣ прославленіе розги оканчивается воззваніемъ: „о, вразуми, Боже, учителемъ и родителемъ, дабы малыхъ дѣтей лозою били, благослови Боже оныя лѣса и на долгія времена, гдѣ родится лоза,—малымъ дѣтямъ ко вразумленію, а старымъ мужемъ подерѣвленіе“. По поводу этого особеннаго „лѣсоохранительнаго усердія“, онъ замѣчаетъ, что при строгомъ господствѣ правила о томъ, что за битаго двухъ небитыхъ дають, въ языкѣ нашемъ даже выработалось особое свойство, по которому можно выдѣлать боевой глаголъ изъ каждаго существительнаго имени:

„Ты что тамъ уронилъ?“ — спрашиваетъ буфетчикъ.

„Ставанъ“, — отвѣчаетъ половой мальчикъ.

„Ужъ я-те отстаканю!“ — грозить буфетчикъ.

„Нагорьте-ка Антошевѣ спину, мошеннику!“ — приказываетъ артельный староста.

„Нутка, припонтійстимъ-ка его, братцы!“ — и всѣмъ этотъ браткій, но энергическій языкъ совершенно понятенъ.

Старинныя буквари, и въ особенности посвященный „пречестнѣйшему господину Симеону Полоцкому“, были весьма подробны и снабжены тщательно вырѣзанными картинками; поздравленія были хуже и составлены менѣе рачительно, но зато въ нихъ прилагалось наставленіе о писаніи писемъ. Этого рода настав-

ленія, называвшіяся *письмоуниками* или *формулярниками*, были въ большомъ ходу въ XVII и XVIII вѣкѣ. Вотъ, напримѣръ, какіе образцы начала писемъ изъ формулярника начала XVIII вѣка сообщаетъ А. Ѳ. Бычковъ: а) *Отъ одоной матери сыну*: „Отъ пустынныхъ горлицы вдовства смиреннаго, заклепныя голубицы, отъ смутныя утробы, отъ присныя твоея матери, отъ однородныя твоея родителницы, отъ тѣснаго ума и языка недоумителнаго, сыну моему—ирекъ“. б) *Ко учителю*: „Крѣпкоумному смыслу и непоколебимому разуму, художествомъ отъ Бога почтенному, риторскаго и философскаго любомудрія до конца павышешу, учителю моему—ирекъ“. в) *Къ возлюбленной*: „Сладостной гортани словесемъ медоточнымъ, красотѣ безмѣрной, привѣту нелицемѣрному, улыбанію и смѣху полезному, взору веселому, лицу прекрасному, паче же въ православіи сіяющей ластовицѣ моея златообразной — ирекъ“. Въ „Народныя картинки“ помѣщенъ огромный листъ „Арифметики“, сочиненный и выгравированный бібліотекаремъ Кипріяновымъ съ ученикомъ его Петровымъ въ 1703 году, посвященный Петру I и царевичу Алексѣю Петровичу, составляющій большую бібліографическую рѣдкость. Извѣстно, что Петръ I очень хлопоталъ относительно обученія средняго класса арифметикѣ, и съ этою цѣлью учредилъ въ маѣ 1714 г. арифметическія и геометрическія школы для дворянскихъ и привязныхъ дѣтей отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ; школы эти приказано было открывать въ архіерейскихъ домахъ и въ знатныхъ монастыряхъ, а обучающимся въ оныхъ давать, по окончаніи обученія, свидѣтельства, безъ чего, нетерпѣливый въ своемъ желаніи видѣть свой народъ знающимъ, Петръ I запрещалъ имъ даже вступать въ бракъ.

За букварями, какъ средство къ познанію окружающаго міра въ физическомъ и политическомъ отношеніи, слѣдовали различныя космографіи. Свѣденія, собранныя въ этихъ сборникахъ, чрезвычайно рельефно рисуютъ наивность взглядовъ старыхъ русскихъ людей на все, что находится за рубежомъ русской земли. Въ „Народныхъ картинкахъ“ содержится подробное описаніе лицевой космографіи, гдѣ, между прочимъ, *королевство французское* характеризуется тѣмъ, что „прежде крещены были отъ св. апостола Павла, нынѣ же заблудились,—люди въ немъ воинскіе храбрые, начинаютъ биться по многимъ королевствамъ, зѣло невѣрны и въ обѣтахъ своихъ некрѣпки, а пьютъ много“;—про *королевство алманское* говорится, что они „нѣмцы купеческіе и богатые, — пьютъ же много“, при чемъ, со словъ стараго нѣвоого мудреца, имъ приписываются совершенно немислимые блудныя обычая го-

степриинства, а въ *королевствѣ польскомъ* усматривается, что люди въ немъ „величавы, но всякимъ слабостямъ поворны, — вольность имѣютъ велику, паче всѣхъ земель, кралей же имѣютъ особно избранныхъ и сихъ мало слушаютъ, пьютъ же зѣло много“... Въ той же космографіи и въ различныхъ картинкахъ помѣщены извѣстія о вѣввропейскихъ государствахъ, — краткія и весьма своеобразныя, напримѣръ: „Мазическое царство дѣвичье, а сходятся они съ Еёіопами съ году на годъ; мужской полъ отдаютъ Еёіопамъ въ ихъ землю, а женскій полъ оставляютъ“. Далѣе, тамъ же поминаются три острова: на одномъ изъ нихъ живутъ „люди-великаны, главы у нихъ песьи“; на другомъ — „люди, власи у нихъ видомъ львовы, велицы и страшны зѣло, въ удивленіе“; а на третьемъ живутъ змѣи, „лице у нихъ дѣвическое; до пупа человекъ, а отъ пупа у нихъ хоботь змиевъ, крылати, а зовомы василиски“. Затѣмъ упоминаются стеклянныя горы, гдѣ живутъ „борбаты и змѣи“, до которыхъ доходилъ царь Александръ Македонскій, и т. д.

Свѣденія о всеобщей исторіи, сообщаемыя при старыхъ картинкахъ, были въ этомъ же родѣ, но родная исторія глубоко интересовала пріобрѣтателя картинокъ, вникавшего сердцемъ въ значеніе изображенныхъ на нихъ событий. „Знаменитое Мамаево побоище, говоритъ Ровинскій, на ряду съ погромомъ 1812 года, глубоко врѣзалось въ народную память, было описано множество разъ, въ разныхъ редакціяхъ и никогда не теряетъ своего кровнаго интереса. Народъ хорошо понимаетъ, что это была не заурядная удѣльная рѣзня, — изъ-за добычи или оскорбленнаго самолюбія, а битва народная, на смерть, — за родную землю, за русскую свободу, за женъ и дѣтей, за все, что было русскому человеку и свято, и дорого; вотъ почему слово о Мамаевомъ побоищѣ имѣетъ для него такой глубокой интересъ, и почему на это событіе сдѣлана и самая громадная изъ всѣхъ народныхъ картинокъ (почти трехъ-аршиннаго размѣра), въ четырехъ разныхъ видахъ, съ большимъ, пространнимъ текстомъ. Наши ученые обвиняютъ составителя слова о Мамаевомъ побоищѣ въ томъ, что онъ подражалъ въ описаніяхъ своихъ Слово о полку Игоревѣ и притомъ не всегда удачно; отчасти это и правда: нѣтъ сомнѣнія, что автору Мамаева сказанія было хорошо извѣстно Слово о полку Игоревѣ, и что это послѣднее въ литературномъ отношеніи несравненно выше сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, но для народа оно не представляетъ особаго интереса, ни по описанному въ немъ событію, ни по обилію поэтическихъ хитросплетеній, не всегда понятныхъ для неграмотнаго люда. Ма-

маево побоище, напротивъ того, написано языкомъ простымъ и понятнымъ для народа; рассказъ о событіи въ немъ безхитростный и полный интереса и Верещагинской правды. Сколько разъ случалось мнѣ въ былое время слышать чтеніе этого *побойца* въ простонародьи; читаетъ полуграмотный парень чуть не по складамъ: братцы, пос-то-имъ за зем-лю рус-скую... ря-домъ ле-жать кня-зья Бѣ-ло-зерскіе... у-бить... у-бить...—кажется, что тутъ за интересъ въ рассказѣ, а всѣ какъ одинъ, и старый и малый, навзрыдъ плачуть...”

Послѣ „Мамаева побоища“, картины историческаго содержанія появляются при императрицѣ Елисаветѣ, побѣды которой надъ Пруссіею, очевидно сильно заинтересовали народъ, инстинктивно понимавшій ихъ возможное для будущаго значеніе. Затѣмъ уже народный рѣзецъ въ большей или меньшей степени отзывался во всѣ историческія событія и далъ, наконецъ, богатѣйшее собраніе глубочныхъ каррикатуръ на Наполеона и на его походъ 1812 г. Подробному разбору и описанію этихъ каррикатуръ посвящена Ровинскимъ цѣлая глава въ пятомъ томѣ его текста, представляющая чрезвычайно интересный и богатый по своимъ даннымъ этюдъ объ отечественной войнѣ, о главныхъ ея дѣятеляхъ, запечатлѣвшихся въ народныхъ воспоминаніяхъ, о взятіи и сожженіи Москвы, о партизанахъ Фигнерѣ, Сеславинѣ и Денисѣ Давыдовѣ. Въ этомъ этюдѣ Ровинскій живыми красками изображаетъ взглядъ народа на нашествіе Наполеона и подвергаетъ тонкому психологическому разбору настроеніе и чувства простаго русскаго человѣка при извѣстіи о гибели Москвы, о поруганіи ея храмовъ. Глубокая любовь къ родиנѣ слышится въ горячихъ строкахъ его.

Историческія событія волновали народную жизнь лишь по временамъ,—въ картинкахъ по поводу ихъ отражались его взгляды на цѣлость русской земли, на свойства и значеніе воинскихъ подвиговъ и успѣховъ, при чемъ эти картины были, подчасъ, такъ сказать, подсказываемы внѣшними обстоятельствами, громомъ побѣдъ или радостью отъ прошедшей опасности, грозившей тому, что дорого и свято. Но вкусы народа, но его идеалы, его мечты и размахъ его фантазій, сказывались не въ историческихъ листахъ, а въ картинкахъ, иллюстрировавшихъ житія, легенды, сказки и былины. Ихъ значеніе огромно, ибо народъ надо судить и понимать по его вкусамъ и идеаламъ, а не по измѣнчивымъ, часто созданнымъ независимыми отъ него обстоятельствами, нравамъ его, памятуя слова Монтескье: „le peuple est hōnnete dans ses goûts, sans l’être dans ses moeurs“. Ровинскій собралъ и изучилъ

множество картинокъ, относящихся именно къ этому предмету. Почти два огромныхъ тома и значительная часть „заключенія“ въ пятомъ томѣ посвящены имъ этого рода картинкамъ. Опираясь на выводы А. Н. Пыпина и В. В. Стасова, онъ даетъ цѣлое — сравнительно — историческое изслѣдованіе о происхожденіи, приѣмахъ и образахъ произведеній русскаго эпоса въ сравненіи съ западнымъ и восточнымъ, характеризуетъ животный эносъ и народный взглядъ на силы природы. Въ рядѣ картинъ и подробныхъ къ нимъ объясненій проходятъ русскіе богатыри, родные и заимствованные изъ иноземныхъ повѣстей герои сказокъ, но почти всѣ, однако, со своею повадкою и особенностями, въ которыхъ „русскій духъ и Русью пахнетъ“; — проходитъ излюбленный русскими сказителями „Иванушка дурачокъ“, который очень и очень „себѣ на умѣ“; — пролетаютъ фантастическія птицы — гаршія, съ лицомъ человѣка и крыльями летучей мыши, — райская птица Сиринъ, коей „гласъ въ пѣніи зѣло силенъ“, и Алконостъ, которая „егда въ пѣніи гласъ испущаетъ, тогда и самое себя не ощущаетъ, а кто по близости ея будетъ, тотъ все въ мірѣ самъ забудеть...“; — пробѣгаетъ баба-яга на крокодилѣ, представленномъ наивнымъ художникомъ съ людскимъ лицомъ, обезьяньими лапами и пушистымъ хвостомъ.

На народныхъ картинкахъ всѣ твари и даже растенія разговариваютъ съ человѣкомъ, и Ровинскій дѣлаетъ любопытныя замѣчанія, возражая Аенанасеву и другимъ приверженцамъ мнѣческой теоріи, по которой разговоръ этотъ и самыя походженія героев и богатырей имѣютъ иносказательное мнѣческое значеніе. „Въ нашихъ лицевыхъ сказкахъ, — говоритъ онъ, — и въ забавныхъ листахъ не видно и тѣни мнѣческихъ или стихійныхъ значеній; наши картинки — поздняго происхожденія, и герои, изображенные въ нихъ, вполне реальны; ходитъ ли, на примѣръ, по ночамъ змѣй или звѣрь къ женщинѣ, уноситъ ли ее драконъ, — сказки такъ и разумѣютъ дѣйствительнаго змѣя или дракона, не предполагая при этомъ ни метафоры, ни олицетворенія какой-либо стихіи. Точно такъ служатъ богатырямъ Еруслану и Ильѣ Муромцу и разговариваютъ съ ними вѣрные ихъ кони, съ Иваномъ-царевичемъ сѣрый волкъ, а къ пьяницамъ держитъ рѣчь высокая голова хмель. У человѣка, постоянно обращающагося съ природою, все составляющее его обиходъ живетъ и разговариваетъ. Залаетъ собака, на примѣръ, — и привычный хозяинъ понимаетъ, что сказывается въ ея лапѣ; онъ хорошо знаетъ, чего добивается, мурлыча и бурча около него, Котофей Ивановичъ; затѣмъ прилетѣли — сорока-воровка и воронъ-вороновичъ, и отчего реветъ

ой Михайло Иваныч и кричит домашняя коза его Машка; олицетворяет их как незаменимых своих товарищей и зодит их лай, ревь и мурлыканье на свой человеческий язык. Простой человек и видит, и думает цѣлыми картинами; языкъ стоитъ передъ нимъ лѣсъ, *полотенцемъ* растянулася, громовыя тучи несутся въ видѣ какихъ-то невѣдомыхъ веновъ, и все это и вчера, и сегодня, помимо всякаго до-историческаго развитія, а потому естественно, что онъ чутьемъ чувствуетъ около него нѣтъ ничего мертваго. Прочтите у старика Аква дѣтскіе годы Багрова, — вѣдь у него лѣсъ какъ живой вѣкъ стонетъ, дерево подъ топоромъ плачетъ“.

Сказки даютъ ему поводъ воснуться самихъ сказочниковъ и при- и интересныя личныя наблюденія и воспоминанія. Такъ, говоря въ называемыхъ *понукалкахъ* при царскихъ сказочникахъ, онъ считаетъ, что видѣлъ такихъ же понукалокъ не разъ при бродячихъ пцахъ-импровизаторшахъ въ Андалузїи, Египтѣ и Индїи, помощницъ пѣвицѣ, обращающихся къ ней съ вопросами и не щихъ въ ней остыть жару импровизаторства. Указывая на вость хорошихъ сказочниковъ, на необходимость для нихъ омой памяти и искусства „крошить и перемѣшивать сказки, б, чтобы слушателю было не въ домезъ, новую ли онъ слы- тъ сказку, или только старую погудку на новый ладъ“, — Ро- ский вспоминаетъ, что у его родителей въ домѣ была такая ючица Марья Максимовна. „У нея въ памяти держался омый запасъ отдѣльныхъ сказочныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ видѣлывала сотни сказокъ, измѣняя имена собственныхъ и вляя по временамъ присказки и прибаутки“. Таковой же про- сь происходитъ, по мнѣнію Ровинскаго, и при передачѣ бы- ы: опытные сказители включаютъ въ былинныя свои не только ые, слышанныя ими, рассказы, но зачастую вставляютъ въ ть цѣлыя эпизоды изъ книжной литературы, подвергая ихъ ь этомъ полной переработкѣ на русскіе нравы. „Въ долгіе ые вечера наши, — прибавляетъ онъ, — на бойкомъ постояломъ рѣ, за свѣтлымъ чайкомъ, да и въ кабакѣ, на торномъ мѣстѣ, стаканчикомъ зеленаго винца, такихъ сказочниковъ и нынче е найти можно“. Этимъ-то сказочникамъ и обязаны мы со- аненіемъ большинства нашихъ русскихъ сказокъ, которыя дол- ь время переходили у нихъ изъ устъ въ уста; только въ концѣ 19 вѣка начали онѣ заноситься въ рукописныя сборники, а ь половины прошедшаго вѣка стали переходить въ печать. ьезя, наконецъ, не отмѣтитъ, на картинкахъ, вѣшняго вліянія пада на изображенія ворящихъ русскихъ богатырей, своиро-

ванныхъ прямо съ иностранныхъ и преимущественно французскихъ образцовъ. Такъ, напримѣръ, въ одной лицевой сказкѣ Илья Муромецъ представленъ въ видѣ западнаго рыцаря; на отдельной картинкѣ Илья изображенъ вмѣстѣ съ Соловьемъ разбойникомъ: оба они на коняхъ, въ французскихъ кафтанахъ XVIII вѣка, въ длинныхъ завитыхъ парикахъ и ботфортахъ. Но свое, родное брало все-таки верхъ, и въ этомъ отношеніи гораздо замѣчательнѣе изображеніе Соловья разбойника верхомъ на праничномъ коньѣ, въ одеждѣ древняго русскаго воина, въ двубортномъ кафтанѣ съ нашивными петлями и въ круглой шапочкѣ (тафѣ) съ перомъ.

Въ разнообразныхъ легендахъ особенно сильно выразилась добрая и склонная къ милосердію натура русскаго человѣка; въ нихъ выразилось ярко и образно также и его религиозное чувство. У Ровинскаго этотъ отдѣлъ чрезвычайно богатъ и такъ разностороненъ, что можетъ быть предметомъ глубокаго изученія самъ по себѣ, независимо и отдѣльно отъ всего остального въ книгѣ. Страшный судъ во всевозможныхъ видахъ, хожденіе св. Теодоры по митарствамъ, легенды о Георгии Побѣдоносцѣ и Николаѣ Чудотворцѣ, смѣняютъ другъ друга, раскрывая не только поэтическія и простодушныя религиозныя представленія народа о загробной жизни, но и его взгляды на правильныя стези жизни земной, въ которой онъ такъ часто окруженъ искушеніями и наущеніями ѡсовъ, между которыми есть даже специальный, носящій названіе „Замки-Калита“ и мѣшающій творить милостыню. Особенно трогательны легенды о заступничествѣ Богородицы предъ Сыномъ за грѣшное человѣчество. Она всегда плачетъ о немъ и предстательствуетъ на страшномъ судѣ. На двухъ картинкахъ, между прочимъ, изображено и рассказано, какъ нѣкій разбойникъ, вдумавши помолиться предъ иконою Богородицы, вдругъ увидѣлъ, что икона движется, и что отъ рукъ и ногъ младенца Христа истекаетъ кровь; тогда онъ сталъ еще сильнѣе молиться Богородицѣ и просить ее, чтобы заступилась за него предъ своимъ Сыномъ. Богородица начала просить Спасителя помиловать грѣшника, сперва ради ея любви, потомъ ради болѣзней, которыя она претерпѣла, видя его страданія на крестѣ и т. д.; но на всѣ эти просьбы Спаситель отвѣчалъ отказомъ. Тогда Богоматерь составила Спасителя съ рукъ своихъ на землю и хотѣла припасть къ ногамъ его съ молитвой, но этого не допустилъ Христосъ и далъ свое прощеніе грѣшнику, который послѣ такого чуда „поживе богоугодно“...

Обширное собраніе изображеній грѣховнаго человѣка заклю-

чается картинками, названными „духовная аптека“ и „быліе, врачующее отъ грѣховъ“. Въ нихъ замысловато указывается, какъ излечить себя отъ скверны грѣха. „Старець нѣкій вииде во врачевницу, — гласитъ подпись подъ ними, — и рече ему врачъ: кую потребу, отче, имѣя вшелъ еси сѣмо? Отвѣча старецъ: есть ли у тебя быліе врачующее грѣхи? Глаголетъ ему врачъ: аще требуеши покажу ти его: возми корень нищеты духовныя на немъ же вѣтви молитвенныя процвѣтають цвѣтомъ смиренія, иссуши его постомъ воздержанія, изотри его терпѣливымъ безмолвіемъ, просѣй ситомъ чистой совѣсти, посыпь въ котель послушанія, налей водою слезною и накрой покровомъ любви и подпали теплотою сердечною, и разжегши огонь молитвы подмѣшай капусты благодаренія, и упаривши довольнымъ смиренномудріемъ, вылей на блюдо разсужденія, довольно простудивши братолюбіемъ, и часто прикладывай на раны сердечныя и тако уврачуеши болящія душевныя отъ множества грѣховъ“.

Гораздо менѣе разнообразенъ отдѣлъ *сатирическихъ* картинокъ. Замѣчательно, что къ нимъ прибѣгало иногда само правительство, съ цѣлью осмѣять упорство противъ какой-либо своей уже принятой или только еще подготавливавшейся мѣры. Такъ, Екатерина II приказала пустить въ народъ картинку, изображавшую „челобитную калязинскихъ монаховъ“, съ цѣлью подготовить его къ знаменитому указу объ отобраніи монастырскихъ земель и имуществъ, — картинку, заимствованную изъ рукописи XVII вѣка и представляющую ядовитую сатиру на несогласные съ монастырскою жизнью обычаи, которые хотѣла подчеркнуть императрица. Она, впрочемъ, прибѣгала къ народнымъ картинкамъ и не съ цѣлью сатиры. Такъ по ея распоряженію изданъ рядъ такихъ картинокъ для объясненія значенія прививки коровьей оспы и подготовленія народа къ этой санитарной мѣрѣ... Ко временамъ Петра Великаго относится сатирическая картинка: „цирульникъ хочетъ раскольникову бороду стричь“. Она являлась дополненіемъ къ тѣмъ рѣшительнымъ мѣрамъ крутого преобразователя, которыя вызывали въ раскольникахъ ожесточенное упорство, несмотря на трактатъ св. Димитрія Ростовскаго „объ образѣ и подобіи Божиемъ въ человѣцѣ“ и рядъ указовъ о бранности. Картинка эта, по замѣчанію Ровинскаго, въ ходъ не пошла, раскольники бородъ себѣ не брили, а съ радостію записывались въ двойной окладъ и покупали себѣ „антихристово клеймо“, избавлявшее ихъ отъ дальнѣйшихъ притѣсненій. По этому поводу онъ, дѣлая обзоръ мѣръ, принятыхъ противъ раскольниковъ въ

борьбѣ съ ними Петра I, высказываетъ свой широкій и свѣтлый взглядъ на вѣротерпимость.

Сурово и страстно гонимые Петромъ I, несогласно съ нимъ мыслящіе въ народѣ мстили ему по своему и въ области народныхъ картинокъ, пустивъ по лицу земли русской одну изъ популярнѣйшихъ и выдержавшихъ безчисленное множество изданій картинъ: „мыши котъ погребаютъ“, въ древнѣйшихъ экземплярахъ которой даже обозначенъ точно мѣсяць, день и часъ смерти великаго преобразователя и помѣщены прозрачные намеки на многія подробности изъ его домашней жизни.

Въ народнымъ сатирическимъ картинкамъ должны быть отнесены и изображенія нашихъ старыхъ, неправыхъ и произвольныхъ судебныхъ порядковъ, краснорѣчиво описанныхъ въ Шемакинномъ судѣ и въ повѣсти о Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетиниковѣ. Объ этихъ порядкахъ мы говорили подробно въ началѣ нашей статьи.

Веселе народа, его развлечения и праздники составили въ собраніи Ровинскаго особый отдѣлъ, богатый замѣчаниями по личнымъ наблюденіямъ автора. За описаніемъ и изображеніемъ „широкой масляницы“ и „семика“ слѣдуетъ подробный рассказъ о кулачныхъ бояхъ, о ихъ приемахъ и правилахъ („лежачаго не бьютъ!“) и объ уцѣлѣвшихъ въ народной памяти герояхъ этой почти уже исчезнувшей повсюду на Руси забавы. Точно также остается лишь въ воспоминаніяхъ приходъ вожака съ медвѣдемъ, еще недавно составлявшій, по словамъ Ровинскаго, эпоху въ глухой деревенской жизни. „Все бѣжало къ нему на встрѣчу, — рассказываетъ авторъ, — списывая, какъ говорится въ выносѣ, съ природы — и старый и малый; даже бабушка Онуфріевна, которая за немоготою уже пятый годъ съ печки не спускалась, и та бѣжить. „Ты куда это, старая хрычевка?“ кричитъ ей вслѣдъ беринь... „Ахъ батюшки, прихлебываетъ старуха, такъ ужъ медвѣдя-то я и не увижу?“ и сѣменить далѣе“. Разказу о томъ, какъ „Михайло Ивановичъ“, по образному описанію Пушкина, „и тѣшко пляшетъ, и реветъ, и дѣби ржавыя грызетъ“, Ровинскимъ посвящено нѣсколько живыхъ страницъ, взятыхъ изъ личныхъ наблюденій и записей, при чемъ изъ исторіи этого народного развлечения онъ приводитъ, между прочимъ, оригинальный фактъ, что для любительницы медвѣжьей пляски, императрицы Елисаветы, мохнатыхъ танцоровъ обучалъ въ Александропо-Невской лаврѣ келейникъ Карповъ, доносившій въ 1754 г., что одного медвѣдя онъ выучилъ ходить на заднихъ лапахъ даже и въ платьѣ, а „другой медвѣденюкъ къ наукѣ *непомятисъ* и веселья

сердить". Много личных наблюдений внесено и в передачу присказок рѣшниковъ, живой и самородный юморъ которыхъ подвергся почти полному ограниченію „въ видахъ умягченія народныхъ сердецъ и дальнѣйшаго очищенія нравственности“, какъ съ ироніею замѣчаетъ Ровинскій. Точно также полно личныхъ наблюдений автора и живое описаніе знаменитаго „Петрушки“ и послѣдовательнаго хода представляемой имъ своеобразной и столь любезной народу трагикомедіи.

Народное развлеченіе, въ большинствѣ случаевъ, неразлучно съ зеленымъ виномъ. Даже отпьясавшему медвѣдю, а не только его поводырю, подносили чарочку. Но, разбирая упреки, щедро раздаваемые иностранцами русскому человѣку за пьянство, и показывая ихъ лицемѣрную сторону, Ровинскій, вѣрный своей со-страдательной любви въ народу, говоритъ: „почему жъ бы русскому человѣку и не выпить“? По словамъ космографіи, въ странѣ, гдѣ онъ живетъ, „мразы бывають великіе и нестерпимые“; ну и „моменты“ бывають въ его жизни тоже некрасивые: въ прежнее время, напримѣръ, въ безшабашную солдатчину отдадутъ на двадцать пять лѣтъ,—до калѣчной старости; или пожаръ село вымететь, самому ѣсть нечего, а подати круговой порукой выколачивають; или самъ охотой отъ такой поруки въ бурлаки закабалится и т. п. Много духовной силы надо, чтобы устоять тутъ передъ могущественнымъ хмелемъ: „пей, забудешь горе“, поетъ пѣсня. „Азъ есмь хмель высокая голова, болю всѣхъ плодовъ земныхъ“,—говоритъ о себѣ хмель въ народной картинкѣ,— „силенъ и богатъ, добра у себя никакого не имѣю, а имѣю ноги тонки и утробу прожорливую; а руки мои обдержатъ всю землю“. По замѣчанію Ровинскаго, въ сущности русскій человѣкъ пьетъ меньше иностраннаго—да только пьетъ онъ рѣдко и на тощій желудокъ, потому и пьянѣетъ скорѣе и напивается чаще противъ иностраннаго. Притомъ, отрезвляющій голосъ церковныхъ поученій противъ пьянства не могъ никогда получить настоящей силы, такъ какъ откупная система съ Ивана IV и Бориса Годунова вошла на долгіе годы въ дѣйствіе на Руси. Съ этого времени кабацкіе головы и цѣловальники выбирались для продажи вина и цѣловали крестъ „приумножать кабацкіе доходы“ и собирать за вино деньги, „съ прибылью противъ прошлаго лѣта“, при чемъ имъ было разрѣшено „дѣйствовать безстрашно“, за прибыль ожидать милости и „въ томъ приборѣ никакого себѣ опасенія не держать“, а главное „литуховъ не отгонять“,—что они и исполняли въ точности...

Затѣмъ, и народная музыка, и пляска, изображенныя на

лубочныхъ картинкахъ, нашли себѣ въ Ровинскомъ подробнаго описателя,—также какъ и разные виды театральныхъ представлений, начиная съ комедій при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ родѣ: „малой прохладной комедіи о презрѣдной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ о Юсіфѣ“, и кончая *интерлюдіями* XVIII вѣка — съ ихъ сюжетами весьма нескромнаго свойства. При этомъ онъ останавливается съ особою подробностью на цыганскомъ пѣніи и пляскѣ, издавна представлявшихъ особую, притягательную прелесть для русскаго человѣка всѣхъ слоевъ общества. „Цыгане,—говоритъ онъ,—составляли необходимую принадлежность всякаго народнаго гулянья: въ Сокольникахъ, Марьиной рождѣ, подѣ Новинскимъ,—они пѣли и плясали публично на эстрадахъ, какъ для благородныхъ особъ, такъ для „подлаго народа“. Оригинальная манера ихъ пѣнія и пляски, необыкновенная вѣрность слуха, гармоническій строй голосовыхъ аккордовъ, мягкость и грація женскихъ одиночныхъ голосовъ, рядомъ съ неподдѣльнымъ ухарствомъ могучаго хора,—приводили въ безумный восторгъ не однихъ подпившихъ гуляекъ: знаменитая Каталани восхищалась пѣніемъ цыганки Стеши; Листъ, а по его примѣру и другія музыкальныя свѣтила, посѣщали московскіе таборы и восхищались цыганскимъ пѣніемъ. Чтѣ увлекаетъ въ этомъ пѣніи и пляскѣ,—это рѣзкіе и неожиданные переходы отъ самаго нѣжнаго піаниссимо къ самому разгульному гвалту. Выидеть, на примѣру, знаменитый Илья Соколовъ на середину съ гитарой въ рукахъ, мазнетъ разъ-два по струнамъ, да запоетъ какая-нибудь Стеша или Саша, въ сущности, преглупѣйшій романсъ, но съ такою вѣгою, такимъ чистымъ, груднымъ голосомъ, — такъ всѣ жили переберетъ въ васъ. Тихо, едва слышнымъ, томнымъ голосомъ, замираетъ она на послѣдней нотѣ своего романса... и вдругъ, на ту же ноту, разомъ обрывается весь таборъ, съ гикомъ, гамомъ, точно вся стройка надъ вами рушится: взвизгиваетъ косая Любашка, оретъ во всю глотку Терешка, гогочетъ безголовая старуха Фроська... Но поведетъ глазами по хору Ильи, щипнетъ аккордъ по струнамъ, — въ одно мгновеніе настаетъ мертвая тишина, и снова начинаются замиранія Стеши....“

„Въ пляскѣ та же манера,—продолжаетъ онъ:—если танцуютъ двое мужчинъ, то одинъ изъ нихъ, обыкновенно старый и толстый, стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ будто совсѣмъ не пляшетъ, а такъ просто пошевеливаетъ плечами, повертываетъ въ руцѣ шляпу, изрѣдка притоптывая одною ногою, какъ будто подзадориваетъ своего молодого товарища, который, съ крикомъ и гиканьемъ, носится около него мятелицей и рассыпается мел-

кимъ бѣсомъ. Точно такъ и въ женской пляскѣ: если пойдеть плясать, напиримѣръ, граціозная молоденькая цыганка, то вслѣдъ за ней всакивается, точно дикій звѣрь, старая растрепанная цыганка, съ судорожными подергиваніями носится она по эстрадѣ, вскрикиваетъ, взвизгиваетъ, срываетъ съ себя платокъ и останавливается, какъ влопанная, на послѣднемъ взрывъ табора“.

Наконецъ, обширный отдѣлъ посвященъ у Ровинскаго—шутамъ, шутихамъ и юродивымъ, — а въ заключеніе онъ, самъ горячій любитель странствовать, описываетъ народныя паломничества, дѣлая массу цѣнныхъ указаній изъ народнаго и церковнаго быта.

Таковы, въ самыхъ поверхностныхъ, отрывочныхъ и мимолетныхъ чертахъ „Русскія народныя картинки“. Вглядываясь и вчитываясь въ нихъ, точно изслѣдуешь какую-то богатую руду, которая раскidyвается все дальше и дальше въ глубь и въ ширь, обнаруживая въ Ровинскомъ громадное богатство,—богатство всевозможнаго знанія, опыта и постоянной, стойкой и нѣжной любви къ родинѣ и своему народу. Въ одномъ изъ сочиненій историка Соловьева выражена прекрасная мысль, что народъ любитъ ставить памятники своимъ замѣчательнымъ людямъ,—но жизнь и дѣятельность выдающихся людей есть памятникъ, поставленный ими своему народу. Можно безъ преувеличенія сказать, что трудомъ, положеннымъ въ „Словарь“ и „Народныя картинки“, Ровинскій поставилъ памятникъ своему народу, вложивъ въ постройку его и силу своего разносторонняго ума, и теплоту своего, вѣращаго въ народъ, сердца.

Личность Ровинскаго сказывается, наконецъ, и въ изданной имъ въ 1892 г. книгѣ — „*Василій Григорьевичъ Перовъ. Его жизнь и произведенія*“, состоящей изъ прекрасной біографіи художника, написанной Н. П. Собко, и изъ 60 фототипій съ картинъ Перова. Для изданія произведеній кого-либо изъ выдающихся русскихъ художниковъ Ровинскому представлялся большой выборъ. Такое изданіе могло бы подавлять надрывающимъ изображеніемъ тяжелыхъ сценъ изъ боевой жизни;—могло бы ласкать глазъ изящною правдивостью въ передать полотну переливовъ свѣта на мѣлахъ, матеріяхъ и украшеніяхъ;—могло бы представлять тѣ жанровыя сцены, гдѣ „сквозь видимый смѣхъ слышатся невидимыя слезы“ и гдѣ глубоко-трагическое существо заключено въ рамки какого-нибудь житейскаго явленія... Но онъ не останавливался на этихъ произведеніяхъ художественной кисти. Цѣнитель, знатокъ и изслѣдователь народной жизни, онъ не любилъ ничего кричащаго, бьющаго на эффектъ или исключительнаго. Простая русская жизнь, въ ея обычномъ, скромномъ теченіи,

болѣ привлекала его, ибо болѣ просто и правдиво отражала на себѣ натуру русскаго человѣка. Живописателемъ именно такой жизни былъ Перовъ. Его простая, безхитростная, полная стремленія къ самоусовершенствованію, натура, его скромная жизнь должны были привлечь къ себѣ чуткое вниманіе и симпатіи Ровинскаго. Еще большее вліяніе должны были имѣть на него художественныя произведенія Перова. Въ нихъ, какъ въ живописномъ калейдоскопѣ, проходитъ повседневная, небогатая красками и впечатлѣніями, но близкая русскому сердцу—родная жизнь съ ея семейными радостями и горестями, неизбѣжными драмами, особенностями и увлеченіями.

Наивное торжество всей семьи чиновника, получившаго *первый чинъ*, съ восхищеніемъ созерцающей самого виновника этого торжества въ моментъ примѣриванія впервые надѣваемого вицмундира;—добродушное самодовольство художника-любителя изъ „бурбоновъ“;—трогательная встрѣча слѣпымъ отцомъ вернувшейся домой дочери институтки—смѣняются *Проводами покойника*, кормильца семьи, при чемъ отъ перевязаннаго веревками гроба на развалняхъ, отъ беззаботныхъ дѣтскихъ фигуръ, приютившихся по сторонамъ его, отъ всей сторбленной тоскою, нуждою и горемъ фигуры вдовы и отъ мрачнаго, грозящаго снѣжною бурей, неба—вѣтъ настоящей, глубокою печалью и сиротствомъ. Вотъ, затѣмъ, возвращеніе съ похоронъ цѣлой крестьянской семьи, изъ фигуръ членовъ которой видно, что опустили въ землю молодую и надежную опору стариковъ;—вотъ пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ, гдѣ ее встрѣчаетъ *самъ*, облеченный въ халатъ, съ чадами и домочадцами, и бѣдная дѣвушка стоитъ, вынимая дрожащими руками изъ ридикюля какое-то письмо, подъ перекрестнымъ огнемъ надменныхъ, черствыхъ, враждебныхъ и похотливыхъ взглядовъ, а гдѣ-то за предѣлами картины чудится безысходная нужда, и бѣдная больная мать, и братишка или сестренка, которыхъ надо воспитать... Вотъ, наконецъ, родители Базарова, вмѣстѣ, на могилѣ „страстнаго, бунтующаго сердца“, пришедшіе, „поддерживая другъ друга, отяжелѣвшею походкой“—и затѣмъ они же, каждый въ отдѣльности, лицомъ къ зрителю, на волѣняхъ, полные „святой, преданной любви“, „долго и горько плачущіе, долго и внимательно смотрящіе на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ“... Какъ выразительна затѣмъ обстановка двухъ арестантовъ въ „*Судъ становой*“ и въ „*Отъѣздомъ*“,—какъ много говорить и общается въ будущемъ лицо послѣдняго, напоминающаго ястреба съ перешибленнымъ крыломъ,—какой эпилогъ изъ безвѣстной, таинственной повѣсти изображенъ въ фигурахъ

утопленницы и повуривающего надъ нею городского равниннѣ осеннимъ утромъ, скрывающимъ въ клубахъ тумана башни и церковныя главы Кремля!.. И тѣсно переплетенный съ жизнью народа бытъ духовенства далъ краснорѣчивый матеріалъ Перову— начиная съ деревенскаго крестнаго хода, монастырской трапезы, проповѣди въ сельской церкви, которую слушаютъ, плохо понимая, крестьяне, и не слушаютъ вовсе господа, отдаваясь сну или любовной болтовнѣ, и кончая трогательною, несмотря на весь свой реализмъ, идилліею, названною имъ „Рыбаки“, изображающею сельскаго священника и дьякона, по поясъ въ водѣ танущихъ неводъ съ рыбою... Въ массѣ бытовыхъ картинокъ и чудесныхъ портретовъ—изобразилъ Перовъ русскую жизнь и многихъ ея выдающихся людей,—а его знаменитые: *Птицеловъ*, *Рыболовъ*, *Охотники на привалѣ*, вмѣстѣ съ *Голубятникомъ* и *Гитаристомъ*, представляютъ цѣлую серію страстныхъ увлеченій русскаго человѣка. Онъ далъ, наконецъ, въ трехъ различныхъ изображеніяхъ пугачевщины, и картину русскаго бунта, „безсмысленнаго и безопаднаго“... Истинный національный художникъ, не только по своимъ сюжетамъ, но и по проницающему ихъ выполнению чувству глубокой и нѣжной, но чуждой всякой сентиментальности любви къ русскому человѣку, Перовъ имѣетъ душевное сродство съ Ровинскимъ. То, что именно Перова облюбовалъ Ровинскій для художественной пропаганды, среди небогатой публики (превосходное изданіе „Перова“ стодитъ всего 10 руб.) дало возможность заглянуть и въ собственный внутренній міръ Ровинскаго, міръ его вкусовъ и привязанностей.....

VII.

Отзывчивая и многосторонняя натура Ровинскаго всегда и всюду выдвинула бы его изъ среды людей „обще-утвержденнаго“ образца и создала бы ему особое, своеобразное и замѣтное мѣсто. Его оригинальная личность не могла не оставлять своего слѣда, на всемъ, къ чему она ни пригасалась. Онъ былъ и по физической, и по нравственной своей природѣ похожъ на кремень, который, при каждомъ сильномъ прикосновеніи къ нему, сыпалъ искры. Ихъ нельзя было бы не замѣтить... Но, быть можетъ, живья проявленія этой природы выразились бы и сложились въ значительной степени иначе, еслибы судьба не заставила Ровинскаго провести всю молодость и зрѣлыя годы въ Москвѣ, тогда еще не принявшей современной практической окраски, въ которой

такъ сильно чувствуется господство разбогатѣвшаго полуобразованія. Когда старая Москва сороковыхъ годовъ приняла его въ свои нѣдра и ввела въ свои кружки, русская исторія, въ живыхъ памятникахъ и воплощеніяхъ, и народный бытъ со всѣми своими особенностями—охватили его со всѣхъ сторонъ. Онъ отдался имъ со всею своею страстностью и съ неутолимою жаждою знанія. Все свободное свое время сталъ онъ посвящать изученію народной жизни и искусства. Служба развертывала предъ нимъ уголовную лѣтопись этой жизни, съ ея мрачными, печальными или тревожными страницами,—арестантъ, съ которымъ онъ по должности былъ въ частомъ и не формальномъ только общеніи, представлялъ предъ нимъ многочисленныя разновидности русскаго человѣка, по собственной винѣ или по несчастно сложившимся обстоятельствамъ попавшаго въ бѣду, а разностороннія занятія странчаго и губернскаго прокурора дали ему возможность заглянуть въ тѣ стороны общественнаго быта, которыя слагались помимо, а иногда даже и вопреки бюрократическихъ схемъ и указокъ. Много лѣтъ подъ-рядъ онъ предпринималъ странствованія по городамъ, селамъ и проселочнымъ дорогамъ всей центральной и восточной Россіи, скромно одѣтый, непритязательный, съ самымъ лишь необходимымъ багажемъ. Чрезвычайная выносливость, крѣпкое здоровье и огромная физическая сила облегчали ему эти странствованія, давая возможность смѣло и беззаботно проникать во многіе интересные захолустные уголки, гдѣ еще была ключомъ настоящая, безъ всякой „городской“ примѣси, и неразвращенная фабрикою народная жизнь. Каждое такое путешествіе обогащало его свѣденіями и пополняло его собранія, и онъ могъ, подобно нѣмецкому писателю и этнографу Рилу, съ полнымъ правомъ сказать: „Ich habe meine Bücher erwandert“,—я „выходилъ“ мои книги. Сохранилось много рассказовъ о тѣхъ странныхъ, а иногда и комическихъ положеніяхъ, въ которыхъ оказывался извѣстный далеко за предѣлами Москвы губернский прокуроръ, заподозрѣнный по поводу своихъ хожденій и разспросовъ мѣстными властями или вынужденный прибѣгать къ заимобразной помощи у недоумѣвающихъ губернскихъ властей. Онъ самъ, впоследствии, съ любовью вспоминалъ эти странствія и воскресныя путешествія съ Сѣтуни въ „Бутырки“, гдѣ помѣщался тюремный замокъ, говоря шутливо: „и я, въ свое время, занимался *хожденіемъ въ народъ*“...

Благодаря этому хожденію, онъ проникательнымъ умомъ вникъ въ жизнь простого народа, чуткимъ сердцемъ понималъ его радости и перечувствовалъ его страданія, возлюбилъ его

юморъ, его удалъ, его доброту и простилъ ему его разгулъ. Вращаясь среди народа, онъ отрѣшился отъ условности и извѣженности свѣтской жизни—и „опростился“ въ собственномъ образѣ жизни. Простая, скудная и даже бѣдная обстановка его жилища, скромная одежда, самая непритязательная пища, стали обычною принадлежностью его домашняго быта. Только нездоровье или необходимость взять съ собою что-нибудь очень тяжелое заставляли его пользоваться услугами извозчика, — только очень длинное разстояніе за городомъ вынуждало его нанять простую крестьянскую телѣжку. Простота и веселая непринужденность его обращенія невольно привязывали къ нему всѣхъ, кто имѣлъ къ нему дѣло или былъ ему подчиненъ. Свой заветъ судебнымъ слѣдователямъ въ 1860 году: „будьте прежде всего *людьми*, а потомъ уже *чиновниками*“—онъ осуществлялъ вполне наглядно на самомъ себѣ. Поэтому внѣшнія отличія, чины и ордена не только не волновали его завистливою радостью, но даже тревожили его своимъ влияніемъ на молодежь. Онъ не разъ выражалъ горячее сочувствіе къ тѣмъ 25 членамъ комиссіи, которые, при начертаніи судебныхъ уставовъ, полагали уничтожить производство въ личномъ представленіи къ наградамъ чиновъ судебного вѣдомства, возражая защитникамъ этого рода отличій, грозившимъ оскудѣніемъ, при отсутствіи награды, судебного персонала, что „если люди слишкомъ честолюбивы, гоняющіеся за знаками отличія, не будутъ добиваться судебныхъ должностей, то судебное вѣдомство можетъ отъ этого только выиграть, а не проиграть“... Благодаря такому взгляду, онъ задалъ въ 1862 году немало хлопотъ своимъ домашнимъ, когда для одного изъ официальныхъ представленій его въ Петербургъ необходимо понадобились ордена его—и ихъ пришлось, съ величайшимъ трудомъ, разыскивать въ его квартирѣ въ Москвѣ и все-таки не найти нѣкоторыхъ. Поэтому же онъ былъ и самъ скупъ на награды. Когда московскій губернаторъ, желая, за устройство школы въ губернскомъ тюремномъ замкѣ, наградить одного изъ стряпчихъ орденомъ св. Станислава 3-ей степени, написалъ о томъ Ровинскому, послѣдній позвалъ стряпчачо къ себѣ и сказалъ ему: „батушка! (это было его любимое обращеніе)—вы молодой еще человекъ и студентъ,—охота вамъ привыкать *обещиваться*;— съ этихъ лѣтъ приохотитесь—человекъ-то и *выдохнется* изъ васъ. Ужъ вы не сѣгуйте, а я васъ вычеркну. Лучше просите денежное пособіе,—вѣдь у васъ семья“...

Служебный карьеризмъ, стремленіе выслужиться и дѣловое верхоглядство—были ему всегда до крайности неприятны и встрѣчали

въ немъ не только строгое, но иногда и ядовитое осужденіе. „Ну что, какъ поживаешь, какъ работаешь?“ — сказалъ ему, уже предсѣдателю судебной палаты, покровительственнымъ тономъ его бывший непосредственный подчиненный, человѣкъ пустой и чрезвычайно искательный, съумѣвшій устроить такъ, чтобы почти въ одномъ и томъ же приказѣ получить звѣзду, чинъ тайнаго совѣтника, званіе сенатора и должность старшаго предсѣдателя палаты. Ровинскій улыбнулся. „Да вотъ все думаю, — отвѣчалъ онъ, — гдѣ бы поставить въ круглой Екатерининской залѣ (наполненной горельефами съ символическими надписями) горельефъ съ твоимъ изображеніемъ и съ надписью: „малыми средствами — многого достигаетъ“. Живой, подвижной, цвѣтущій здоровьемъ, онъ былъ быстръ и своеобразенъ во всей своей повадкѣ. Когда пишущій эти строки былъ назначенъ — по выбору товарищей, согласно съ введеннымъ Ровинскимъ обычаемъ, о которомъ онъ писалъ еще въ запискѣ: „о судебной службѣ“, — секретаремъ при прокурорѣ московской судебной палаты и пришелъ представляться новому начальнику, этотъ послѣдній былъ въ засѣданіи. Пришлось ждать его прихода. Вдругъ дверь въ канцелярію открылась и не вошелъ, а вбѣжалъ человѣкъ, совершенно не похожій на петербургскихъ судебныхъ сановниковъ ни по костюму, ни по манерамъ. Коренастый, съ огромною лысною, обрамленною длинными рыжеватыми кудрями, безъ усовъ, съ пробритою на подбородкѣ оладистою бородою, съ умными, улыбающимися глазами подъ густыми бровями, Ровинскій былъ одѣтъ въ старый, толстаго сукна, поношенный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, въ обносившіяся снизу брюки надъ простыми, очевидно „готовыми“ сапогами; изъ-за воротника сюртука видѣлся отложной, мягкой воротъ рубашки, завязанный какою-то черною тесемкою. Выслушавъ официальную формулу представленія, онъ ласково протянулъ руку и мягко сказалъ: „меня зовутъ Дмитрій Александровичъ, — а вотъ пойдете-ка въ кабинетъ, да потолкуемъ“. Въ кабинетѣ, вытащивъ не изъ кармана истертаго и короткаго атласнаго жилета, а изъ кармана брюкъ серебряную луковицу и посмотрѣвъ, который часъ, онъ усѣлся съ ногами, по-турецки (его любимая поза), въ кресло и, сказавъ: „ну, батюшка, — кто вы? да что вы? рассказывайте-ка!“ — началъ одну изъ тѣхъ непринужденныхъ и откровенныхъ бесѣдъ, которыя черезъ тридцать лѣтъ заставляютъ вспоминать о службѣ съ нимъ какъ о свѣтломъ и дорогомъ времени... Въ свой служебный кабинетъ, обставленный до крайности просто, безъ обычной канцелярской роскоши, приходилъ или, вѣрнѣе, прибѣгалъ онъ не регулярно,

а по мѣрѣ надобности. „Ну-ка! давайте-ка, господа, что у васъ есть“, — говорилъ онъ еще на ходу и, усѣвшись въ свою любимую пову, немедленно приступалъ къ слушанію докладовъ, дѣлая, на словахъ, краткія, рѣшительныя и всегда „смотрѣвшія въ корень“ резолюціи. Врагъ пустой переписки и всякаго формализма, онъ многія бумаги оставлялъ вовсе безъ отвѣта, кладя ихъ, въ буквальномъ смыслѣ, подъ зеленое сукно своего стола и говоря: „пусть полежитъ! пусть они тамъ своимъ умомъ дойдутъ, что надо дѣлать, нечего ублажать этихъ „приказныхъ“, имъ надо самимъ думать и учиться, а не ждать указки сверху“... Иногда, если бумага настоятельно взывала объ отвѣтѣ, онъ на поляхъ ея писалъ резолюцію въ два-три слова и посылалъ ее въ такомъ видѣ обратно. Не одна нелюбовь къ бесплодной канцелярщинѣ руководила имъ при этомъ. Онъ боялся, чтобы въ новое, живое дѣло не закрались на первыхъ же порахъ порядки ненавистнаго ему приказнаго строя, — чтобы не ослабѣла необходимая самодѣятельность органовъ преобразованной прокуратуры. Притомъ, опытъ жизни научилъ его, что обиліе такъ называемыхъ „вопросовъ“ обыкновенно обуславливается лѣнью ума и стремленіемъ ничего не принимать на свою сознательную отвѣтственность со стороны возбуждающихъ эти вопросы. Поэтому, когда кто-либо изъ мѣстныхъ дѣателей возбуждалъ, въ обширномъ и красиво переписанномъ представленіи, какой-либо „важный и настоятельный“ вопросъ, въ сущности разрѣшаемый судебными уставами, въ которые лишь надлежало внимательно вдуматься, Ровинскій умышленно не отвѣчалъ на такое представленіе, или не давалъ ему хода, нисколько не смущаясь тревогою и нетерпѣніемъ писавшаго и напоминаніями своихъ секретарей, твердо увѣренный, подобно Матвѣю въ „Аннѣ Карениной“, что все „образуется“. И дѣйствительно — смотришь, все образовалось, и притомъ не бюрократическимъ путемъ, а жизненнымъ...

Въ направленіи имъ дѣлъ, въ замѣчаніяхъ на обвинительные акты, во взглядахъ на взаимныя отношенія различныхъ судебныхъ органовъ между собою сказывалось у него глубокое знаніе и людей вообще, и истинныхъ общественныхъ потребностей, а также необыкновенная быстрота соображенія, всегда направленнаго на отысканіе живой, а не формальной только правды... Его трезвый, слегка скептическій, умъ нельзя было отуманить ни громкими словами, ни трагическими картинами, ни напускнымъ негодованіемъ оскорбленнаго мелочнаго самолюбія. Ухватывая каждый вопросъ, по его собственному выраженію, „за пупъ“, онъ быстро шелъ къ правдѣ, нерѣдко скрытой подъ обманчивою скорлупою, и добирался до

ядра, при чемъ все хитро задуманное представлялось иногда въ совершенно новомъ и неожиданномъ свѣтѣ. Здоровые нервы его были, однако, очень подвижны и воспримчивы. Это выражалось даже въ томъ, какъ онъ слушалъ доклады или читалъ дѣла, обреченный хоть на время на нѣкоторое бездѣйствіе. Онъ не могъ сидѣть и слушать или читать спокойно, а двигался въ своемъ креслѣ, постоянно мѣняя позу, — ерошилъ себѣ волосы, тербилъ бороду, бессознательно боржоталъ отрывки изъ стиховъ или курныкалъ какой-нибудь мотивъ, при чемъ пальцы его нервно двигались иногда, мимически подбирая какіе-то аккорды, а глаза — если это былъ докладъ — мягко и разсѣянно блуждали по комнатѣ. Но вотъ докладъ, сдѣланный съ точностью и обстоятельностью, которыхъ онъ безусловно требовалъ, оконченъ — или дѣло имъ просмотрѣно, и лицо его принимаетъ сосредоточенное выраженіе, глаза смотреть пристально и серьезно — и вдумчивый выводъ, въ которомъ ничего не опущено и не забыто, смѣняетъ внѣшніе признаки нервной разсѣянности.

Всѣмъ интересующійся — меломанъ и театралъ, умѣвшій сосредоточенно и наслаждаться искусствомъ, — вѣчно занятый исполненіемъ своихъ собраній, Ровинскій оставлялъ, однако, все это, если служебный долгъ требовалъ отъ него особаго напряженія въ одномъ направленіи. Тогда онъ спозаранку являлся къ себѣ въ прокурорскій кабинетъ, запирался въ немъ и лишь на минутку прерывалъ свою, всегда быструю и содержательную, работу, чтобы съѣсть принесенный имъ съ собою, завернутый въ бумагѣ, простой завтракъ или послать сторожа въ знаменитый, — увы! — исчезнувшій нынѣ, — Сундучный рядъ за закускою или пирожками. Съ усталымъ лицомъ, но бодрый и веселый выходилъ онъ, окончивъ свою задачу, въ канцелярію, и любилъ отдохнуть, усѣвшись на столъ и мѣрно качая ногою, въ болтовнѣ со своими молодыми сослуживцами „de rebus gestis et aliis“, пересылая свои рассказы и разспросы острыми словцами, мѣткими сравненіями и цѣлыми эпизодами комическаго свойства изъ пережитого. „Ну, довольно, — прерывалъ онъ наконецъ свою бесѣду, — прощайте, господа; посмотрите-ка, чтѣ я тамъ въ кабинетѣ на листочкахъ „навараксалъ“, да приведите это въ порядокъ, — кажется, выйдетъ ладно“...

Въ служебной работѣ, да, вѣроятно, и во всякой другой, у него не было систематической равномерности и усидчивости нашихъ западныхъ сосѣдей. Иногда на него находило утомленіе, — такъ сказать, пресыщеніе однообразною работою. Его начинало тянуть въ деревенское уединеніе, поближе къ природѣ, которую

онъ любилъ и умѣлъ чувствовать. Тогда онъ удалялся въ старыи Сѣтунскій станъ, близъ Москвы, на берегъ рѣчки Сѣтунн, въ свой маленькій „хуторъ“, хранившій для него освѣжающія и успокаивающія впечатлѣнн. Тамъ, запершись отъ всѣхъ, кромѣ самыхъ близкихъ друзей, отдыхалъ онъ за своими, дорогими ему, гравюрами, слушалъ любимый имъ далекий звонъ московскихъ колоколовъ, сажалъ цвѣты или изготовлялъ фейерверки. И въ садоводствѣ, и въ пиротехникѣ, онъ былъ опытный знатокъ. Такой отдыхъ продолжался недѣлю, десять дней... Если необходимость разрѣшенн и подписи неотложныхъ бумагъ заставляли нарушить его уединенн, то это приходилось дѣлать съ большимъ сожалѣннемъ. „Подписалъ?“ — спрашивали въ канцелярн у возвратившагося съ Сѣтунн курьера, носившаго историческую фамилн Пугачева. „Подписали, да только бранятся“...— „А что онъ дѣлаетъ?“— „Да до обѣда цвѣты сажали,—а послѣ обѣда ракеты набивали... очень были все время заняты“... Но отдыхъ быстро проходилъ, освѣженны и обновленны силы возвращались съ прежнею и даже большею энергнею—и работа снова закипала.

Съ переходомъ въ сенатъ, тревожныя впечатлѣнн отвѣтственной службн прошли для Ровинскаго—и временный отдыхъ на Сѣтунн оказался возможнымъ замѣнить долговременными и дальними путешествнями. Обыкновенно уже съ Пасхи начиналъ онъ готовиться въ большому странствн, и при первой возможности уѣзжалъ на поиски новаго матеріала для своихъ собранн и новыхъ впечатлѣнн и свѣденн для своего пытливаго, вѣчно молодого ума. Съ 1870 года онъ объѣздилъ всю Европу, до отдаленныхъ и мало посѣщаемыхъ ея уголковъ, побывалъ въ Египтѣ, Марокко и Алжирѣ, посѣтилъ Иерусалимъ, былъ въ Индн, на Цейлонѣ и Явѣ, въ Китаѣ и Японн. Последнее отдаленное его путешествн, уже въ преклонномъ возрастѣ, совершенно имъ въ Туркестанъ, Хиву и Бухару. Его „Народныя картинки“ содержатъ въ себѣ массу интереснѣйшихъ личныхъ замѣчанн, сравненн и указанн, вынесенныхъ отовсюду, гдѣ онъ побывалъ. Сопряженный съ сенаторствомъ переѣздъ въ Петербургъ не измѣнилъ привычекъ стараго москвича. На вопросъ: какимъ образомъ освоится онъ съ холоднымъ, туманнымъ и прямолинейнымъ Петербургомъ послѣ своихъ любимыхъ московскихъ урочищъ и переулковъ, онъ отвѣчалъ: „да я и здѣсь себѣ Москву устрою“, — и дѣйствительно, поскитавшись по квартирамъ казармоподобныхъ домовъ Петровскаго „параднза“, онъ устроился въ отдаленномъ концѣ 4-й линн Васильевскаго Острова, въ собственномъ домикѣ-особнякѣ, утонувшемъ въ глубнн небольшого, но стараго

сада, и здѣсь прожилъ, въ буквальный смыслъ заваленный книгами и папками съ гравюрами, окруженный своими драгоценными изданіями и лично взроченными цвѣтами, до самой своей кончины.

Невидимый и недоступный для случайныхъ или официальныхъ посѣтителей, но радушный и пріятливый хозяинъ для тѣхъ, кого онъ любилъ и кого приводилъ къ нему дѣйствительный интересъ къ его личности или трудамъ, Ровинскій оставался и „у Василя на Островѣ“ тѣмъ же простымъ и сердечнымъ человекомъ, какимъ привыкли знать его сослуживцы, какимъ всегда знала его Москва. Постоянно работая, отдавая свой трудъ и время на службу правосудію и искусству, онъ никогда не выдвигался впередъ и менѣе всего помышлялъ о своемъ санѣ и заслугахъ. Онъ скромно умалчивалъ о царственномъ вниманіи къ его работамъ по исторіи искусства, неоднократно и непосредственно, въ личной бесѣдѣ, проявленномъ императоромъ Александромъ III, — и никогда не хотѣлъ играть никакой официальной роли, скромно и безшумно исполняя свой служебный долгъ, но всегда и во всемъ упорно охраняя самостоятельность своей нравственной личности. Онъ осуществлялъ своимъ житейскимъ поведеніемъ глубокія слова Флобера (письма 1877 г.): „Quand on est *quelqu'un* — pourquoi vouloir être *quelque chose*“? Такъ достигъ онъ почтенной старости. Несмотря на этотъ возрастъ, сопряженный для многихъ съ развитіемъ суетнаго, почти ребяческаго тщеславія и съ нравственнымъ „склерозомъ“ чувства и движеній сердца, — онъ могъ спокойно выдержать опытъ, предлагаемый Гейне, говорившимъ, что „человѣкъ, въ разгарѣ дѣятельности, подобенъ солнцу: чтобы имѣть о немъ понятіе, надо видѣть его при восходѣ или при закатѣ“.

Когда этотъ закатъ сталъ быстро надвигаться, сослуживцы Ровинскаго, — сенаторы уголовного кассационнаго департамента, въ которомъ онъ проработалъ 24 года, поднесли ему переплетенный въ старомъ русскомъ вкусѣ адресъ. Въ немъ, по поводу пятидесятилѣтія службы Ровинскаго, говорилось о неустанномъ его трудолюбіи, безграничной любви къ родинѣ и наукѣ, о тепломъ и свѣтломъ его взглядѣ на людей, на бѣдныхъ, несчастныхъ и даже впавшихъ въ преступленіе. И это были не обычныя юбилейныя фразы, — тѣмъ болѣе, что Ровинскій, предвидя возможность празднованія своего юбилея, „убѣждалъ“ за границу и тщательно скрывалъ свое тамъ мѣстопробываніе, — не тѣ „приподнятыя“ слова, которыя, по обычаю, говорятся „октавой выше“ противъ истины всякому юбиляру, при чемъ ни онъ, ни говорящіе сами

имъ не вѣрять. Въ словахъ, написанныхъ многолѣтними свидѣтелями его труда, заключалась истинная оцѣнка человѣка, котораго удобнѣе и точнѣе можно было рассмотреть именно „на закатѣ“. Въ томъ же адресѣ выражалось Ровинскому его товарищами горячее пожеланіе еще многихъ лѣтъ жизни — „намъ и потомству въ назиданіе“. Въ этомъ пожеланіи невольно высказывалось и тревожное опасеніе. Тяжелый недугъ уже два года держалъ его въ своихъ тискахъ, то усиливаясь, сопровождаемый мучительными болями, то „отпуская“ на время. Онъ вынудилъ Ровинскаго прервать свои неутомимыя ежегодныя путешествія, — свелъ живыя краски здоровья съ его поблѣднѣвшаго и похудѣвшаго лица, окончательно засыпалъ сѣдиною его бороду и длинныя, порѣдѣвшія кудри, придававшія ему таковой патріархальный видъ, — заставилъ потускнѣть полныя ума и жизни прекрасныя голубыя глаза... Взглядъ этихъ глазъ чаще и чаще сталъ пріобрѣтать то особое выраженіе, которое бываетъ свойственно хорошимъ старикамъ, со сповойною совѣстью доживающимъ полезную жизнь. Онъ казался какъ будто устремленнымъ не на находящіеся предъ нимъ предметы, а куда-то вдаль, *туда*—на *тотъ берегъ*. Ровинскій, очевидно, готовился вступить на этотъ берегъ. Это сказывалось не въ одной его наружности, но и въ меланхолическихъ нотахъ его бесѣдъ, которыя онъ сталъ любить, по окончаніи засѣданія, вести съ наиболѣе близкими ему сослуживцами, отдаваясь преимущественно воспоминаніямъ прошлаго. Его уже давно тяготило пребываніе въ обществѣ, и онъ сокращалъ его до самой крайней возможности, сидя по цѣлымъ недѣлямъ дома. Узкая практичность многихъ изъ современныхъ, претендующихъ на развитіе и образованность, людей, отсутствіе твердыхъ убѣжденій и рисовка бездушными взглядами, искусственно воспринятыми ради житейскихъ удобствъ, и наконецъ такъ часто наблюдаемое исчезновеніе нравственныхъ идеаловъ въ туманной мглѣ современности, — пугали и огорчали старика, оскорбляя его лучшія упованія. Онъ все болѣе и болѣе замыкался въ себя. „Да! все сижу дома, — сказалъ онъ зимою 1895 г. своему старому сослуживцу по губернской прокуратурѣ, — да и что ходить въ люди: вонъ ихъ сколько, хотъ въ сажень складывай, а куда какъ трудно найти между ними *человѣка*“...

Напротивъ, сердце его лежало въ старымъ, пережитымъ годамъ. Оно на нихъ отдыхало. „Il faut, — говоритъ Гонкуръ, — que le passé nous revienne au coeur, — le passé, qui ne revient que dant l'esprit est un passé mort“. Для Ровинскаго это прошлое не было мертвымъ, и въ своихъ рассказахъ онъ возвращался

съ любовью къ эпохѣ честной служебной борьбы и творческой работы, оживляясь и какъ бы молодѣя при этомъ. Когда мы попытались, въ 1892 г., оживить предъ слушателями публичныхъ лекцій въ пользу голодающихъ забытую личность доктора Гааза, Ровинскій сказалъ намъ при первой за тѣмъ встрѣчѣ: „а знаете, батюшка, какъ вы меня на старости лѣтъ растревожили съ Ѳедоромъ Петровичемъ (Гаазомъ)? Прочелъ я отчетъ о лекціи въ газетѣ—и такъ живо вспомнилось мнѣ прошлое и всѣ эти люди, какъ живые... такая грусть взяла за душу, что я, сидя одинъ, даже заплакалъ“... Такъ же тепло вспоминалъ онъ время подготовки судебной реформы и первыхъ лѣтъ ея осуществленія. Когда одинъ изъ его сослуживцевъ этой эпохи затруднялся принять отъ него въ подарокъ драгоценное наданіе фототипій съ офдртговъ Рембрандта и просилъ замѣнить его „Перовымъ“, Ровинскій писалъ ему, 24-го декабря 1894 года: „Перова я подарю вамъ съ большимъ удовольствіемъ, но и Рембрандта назадъ не возьму. Отказомъ вашимъ вы меня просто обидите: кому же, какъ не вамъ, дорогому и *неизмѣнишемуся* товарищу изъ давнихъ и *самыхъ свѣтлыхъ лѣтъ* нашей жизни подарить мнѣ такую вещь, тѣмъ болѣе, что вы оцѣните, сколько кропотливаго труда положено на нее“...

Въ этихъ краткихъ словахъ—характеристика отношенія Ровинскаго къ настоящему и къ своему прошлому. Но, страдая физически и оглядываясь съ грустью назадъ, онъ не терялъ энергіи и никогда не уклонялся отъ исполненія своихъ обязанностей. Его привлекательная, невольно останавливавшая на себѣ вниманіе, фигура появлялась во всѣхъ засѣданіяхъ, гдѣ ему надлежало по службѣ присутствовать, и онъ продолжалъ вносить въ обсужденіе дѣлъ всю силу своего, богатаго опытомъ и знаніемъ жизни, ума. Ядовитое слово Бисмарка: „eine beurlaubte Leiche“, столь вѣрное и нравственно, и физически, по отношенію ко многимъ, было совершенно непримѣнимо къ нему. Даже добродушный юморъ не покидалъ его въ минуты свободы отъ болевыхъ ощущеній. Онъ заключилъ только-что приведенное письмо милою шуткою въ формѣ кассационной резолюціи: „въ виду всѣхъ этихъ доводовъ и не усматривая въ дѣйствіяхъ моихъ нарушенія 130 и 170 ст. устава уголовнаго судопроизводства, прошу позволить оставить вашъ отзывъ *безъ послѣдствій*, а мнѣ по-прежнему называться человѣкомъ сердечно вамъ преданнымъ...“

Между тѣмъ „тотъ берегъ“ приближался. Ровинскій могъ вступить на него безмятежно. Онъ оставлялъ своей родинѣ богатое наслѣдство знанія и труда,—знавшимъ его—свѣтлымъ, привлекатель-

ный образъ. Онъ вступилъ на „тотъ берегъ“ 11-го іюня 1895 г., близъ Франкфурта-на-Майнѣ, въ городкѣ Вильдунгенѣ, гдѣ ему сдѣлали операцію камнедробленія. Операція отлично удалась, но, снѣдаемый жаждою дѣятельности, торопясь ѣхать въ Парижъ, чтобы заняться оффортами Ванъ-Остада, онъ не поберегся, простудился—и болѣзнь быстро сдѣлала свое дѣло. Въ біографіи гравера Уткина, онъ самъ говоритъ: „Для Уткина трудъ составлялъ первую потребность въ жизни, — до послѣднихъ дней не выпускалъ онъ рѣзца изъ старческихъ рукъ своихъ; ровно за недѣлю предъ смертью, поработавъ надъ „Св. Семействомъ“, онъ сошелъ внизъ къ ученику своему Лебеву и, отирая потъ съ лица своего, радостно сказалъ ему: „Какъ хорошо отдохнуть поработавши!“ Эти же самыя слова вполнѣ можно примѣнить и къ нему самому. Приѣхавъ въ маѣ въ Вильдунгенъ, онъ писалъ П. А. Ефремову незадолго до смерти: „О себѣ скажу, что совсѣмъ выправился, и потому не очень кручинюсь, что докторъ заболѣлъ. Можетъ быть и безъ его инструментовъ еще на годъ обойдусь. Работа моя съ Остадомъ идетъ успѣшно; отсюда въ Парижъ и Лондонъ на работу, и пробуду тамъ 18—26 дней“.

„Работа, работа и работа!—воскликаетъ въ краткой замѣткѣ о Ровинскомъ П. А. Ефремовъ („Русскія Вѣдомости“):—и это въ 70 лѣтъ! Честный, неутомимый труженикъ! Невольно слеза дрожитъ на рѣсницѣ при мысли, что ты теперь успокоился такъ неожиданно и для дѣла, и для себя, и для всѣхъ, знавшихъ и любившихъ тебя за твою добрую душу и отзывчивое сердце“!

Гробъ съ прахомъ усопшаго былъ отправленъ въ Москву для погребенія на погостѣ у Спаса-на-Обътунѣ, но по ироніи судьбы, такъ часто преслѣдующей умершихъ замѣчательныхъ людей русскихъ, его встрѣтилъ цѣлый рядъ желѣзнодорожныхъ, таможенныхъ и полицейскихъ недоразумѣній и формальностей, такъ что посмертное возвращеніе для Ровинскаго на горячо любимую имъ родину совершилось съ великими затрудненіями. А любовь эта выразилась и въ его завѣщательныхъ распоряженіяхъ. Собраніе оригинальныхъ гравюръ Рембрандта, которое онъ „пополнялъ въ теченіе всей своей жизни, и которое, безъ всякаго преувеличенія, можетъ быть поставлено въ ряду съ самыми полными собраніями оффртовъ этого великаго мастера“, онъ просилъ Государя Императора принять для императорскаго Эрмитажа; городу Москвѣ, для храненія въ Румянцовскомъ музеѣ, завѣщалъ онъ свое русское собраніе портретовъ, гравюръ и народныхъ картинокъ; императорской Публичной бібліотекѣ—оставилъ собраніе до 50.000 иностранныхъ портретовъ и полный

(свой личный) экземпляръ всѣхъ своихъ изданій; академіи художествъ — собраніе мѣдныхъ гравированныхъ досокъ и иностранныхъ гравюръ; училищу правовѣденія — всю свою научную бібліотеку. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ учредилъ премію съ капитала въ 40.000 р. для выдачи, попеременно, за лучшія сочиненія по художественной археологіи и за лучшую картину, которая затѣмъ должна быть, въ пользу автора, воспроизведена рѣзцомъ на $\frac{1}{3}$ часть выдаваемой преміи — и оставилъ 26.000 р. на устройство и содержаніе первоначальныхъ народныхъ школъ.

Наконецъ, свой хуторъ на Сѣтунѣ онъ завѣщалъ московскому университету, съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ съ него ежегодно выдавалась премія за лучшее иллюстрированное научное сочиненіе для народнаго употребленія...

Такъ богато одарилъ свою родину этотъ человекъ, лично себѣ во всемъ отказывавшій и мало заботившійся о томъ, *какъ жить*, потому что чуткою душою нашелъ и уразумѣлъ — *зачѣмъ жить*... Весь его трудъ и вся его дѣятельность были направлены на развитіе въ русскомъ обществѣ и народѣ правосознанія и историческаго самосознанія, — на служеніе искусству увѣковѣченіемъ произведеній великихъ его мастеровъ.

Пусть же почіетъ съ любовью прахъ этого выдающагося человека у Спаса-на-Сѣтунѣ, гдѣ издали привѣтно сіяютъ золотыя главы Москвы, той Москвы, въ которой бьется и переливается, какъ въ сердцѣ страны, коренная жизнь русская, столь любимая и почитая покойнымъ. Хочется думать, что эта жизнь будетъ становиться все свѣтлѣй и шире, — хочется, обратясь къ его могилѣ, сказать, въ благодарномъ воспоминаніи: „ты былъ прежде всего человекомъ, — ты послужилъ родинѣ всѣми силами души, — ты вѣрилъ горячо въ духовныя силы своего народа, ты умѣлъ даже въ падшемъ различать черты брата... Почивай же съ миромъ, — почивай, — *братъ нашъ!*“

А. Ѡ. Кони.

ЦИЦЕРОНЪ

ВЪ

ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

I.

Исторія европейской культуры, въ послѣднее время, породила цѣлый рядъ специальныхъ изслѣдованій, имѣющихъ характеръ, такъ сказать, не поперечнаго, а продольнаго разрѣза культурныхъ наслоеній, а потому и изслѣдователи ея направляются нынѣ къ изученію одного какого-нибудь элемента этой культуры на всемъ протяженіи ея развитія. Наше изслѣдованіе отличается отъ однородныхъ съ нимъ лишь тѣмъ, что изслѣдуемымъ элементомъ культуры является не учрежденіе, не обычай, не форма или орудіе государственной или частной жизни, а *личность*.

Недавно только-что исполнилось ровно два тысячелѣтія со времени рожденія Цицерона. Его жизнь совпала тогда съ тѣмъ періодомъ римской исторіи, когда зачатки, брошенные въ римскую „республику“ рядомъ революцій, съ изумительной быстротой развивались, порождая въ государствѣ постоянныя смуты до тѣхъ поръ, пока они не подорвали окончательно его основъ. Воспитанъ былъ онъ въ правилахъ школы Сципіоновъ; вѣрный завѣтамъ этихъ лучшихъ людей древняго Рима, Цицеронъ выше всего въ мірѣ любилъ эту самую обреченную гибели республику, но любилъ ее такую, какъ ее понимали Сципіоны, — а именно, какъ уравновѣженное соединеніе монархическихъ, аристократическихъ и демократическихъ началъ, проникнутое духомъ эллинской образован-

ности, способное къ прогрессу, т.-е. къ воспріятію новыхъ, но ожидаемыхъ, а не разрушительныхъ идей. Понятно, что съ такимъ направленіемъ и онъ, подобно Сципіонамъ, былъ осужденъ оставаться одинокимъ; побѣда революціи при Циннѣ, равно какъ и побѣда реакціи при Суллѣ, были для Цицерона одинаковыми поражениями, въ которыхъ пали его лучшіе друзья, кто отъ меча Цинны, кто отъ меча Суллы; послѣ торжества послѣдняго, молодой Цицеронъ не имѣлъ болѣе покровителей. И несмотря на то, онъ—въ то время, какъ сильныя міра сего тѣснились подъ знамена побѣдителя—онъ одинъ осмѣлился обратить противъ побѣдителя то оружіе, которымъ его надѣлила природа—краснорѣчіе; онъ заступился за тѣхъ, кто пострадалъ отъ введеннаго Суллою режима. Началъ онъ скромно—съ обиженныхъ на почвѣ гражданскихъ дѣлъ—но съ политической тенденціей; затѣмъ, перешелъ къ спасенію намѣченныхъ для уголовного суда жертвъ; ободренный успѣхомъ, онъ рѣшился заступиться и за тѣхъ, кто болѣе всего потерпѣлъ въ эту эпоху,—за поработенныя народности. Лелія въ своей душѣ Сципіоновскій идеалъ римской державы—мирный римскій протекторатъ надъ объединенными, но свободными народами вселенной,—онъ одинъ имѣлъ смѣлость заклеить современное ему извращеніе этого идеала, т.-е. ту власть, которой пользовались въ провинціяхъ современные ему намѣстники, словомъ, „узаконенную неправду“—*lex injuriae*.

Таковъ былъ первый періодъ его жизни—періодъ борьбы противъ торжествующей неправды, нарушившей равновѣсіе римской республики въ ущербъ демократическому началу. Мало-по-малу, равновѣсіе было восстановлено; у кормила сталъ самъ Цицеронъ, сначала какъ преторъ, затѣмъ какъ консулъ; начался второй, охранительный періодъ его жизни. Политическій идеалъ Сципіона былъ совмѣстимъ съ преобладающимъ вліяніемъ одной, могучей по характеру и по заслугамъ—и въ то же время проникнутой строго республиканскимъ духомъ—личности; такими личностями были нѣкогда сами Сципіоны, дѣдъ и внукъ, а послѣ смерти послѣдняго—Катуллъ, побѣдитель сѣверныхъ варваровъ. Теперь ихъ мѣсто оставалось пустымъ; Цицеронъ общалъ его тому человѣку, въ которомъ онъ по многимъ причинамъ долженъ былъ видѣть—и дѣйствительно видѣлъ—прямого наследника Сципіоновъ—Помпею; самъ же онъ хотѣлъ быть для него тѣмъ, чѣмъ Лелій былъ для Сципіона-Младшаго—другомъ, совѣтникомъ и заступникомъ; онъ возобновлялъ такимъ образомъ тотъ знаменательный союзъ виѣшней и внутренней силы, меча и слова, который былъ такъ спасителенъ для Рима въ эпоху Сципіоновъ. Онъ содѣйствовалъ возвеличенію

Помпея, доставилъ ему власть полководца въ славной и для него, и для Рима, войнѣ съ Митридатомъ, а въ его отсутствіе ревниво оберегалъ восстановленное равновѣсіе римской республики. Его консульство совпало съ двумя страшными натисками противъ этой республики, предпринятыми двумя самыми способными людьми тогдашняго Рима: Цезаремъ во главѣ демократіи—и Катилиной во главѣ анархіи. Съ первымъ, пускавшимъ въ ходъ дозволенные республикою средства, онъ сразился открыто и разбилъ его нѣсколько разъ подъ-рядъ; второго, задумавшаго похоронить римскую республику подъ развалинами города Рима и составившаго съ этой цѣлью обширный заговоръ, онъ окружилъ со всѣхъ сторонъ незримою стражей, которую онъ руководилъ такъ искусно, что когда настало время разорвать покровы тайны, то виновность заговорщиковъ была очевидна, и Римъ былъ спасенъ цѣною жизни немногихъ, наиболѣе запятанныхъ заговорщиковъ. Таковъ былъ Цицеронъ у власти; слагая ее, онъ приглашалъ Помпея вернуться въ спасенный имъ Римъ и занять въ немъ назначенное для него мѣсто.

Наступилъ третій періодъ—періодъ паденія, медленнаго, но рѣшительнаго. Демократія въ лицѣ Цезаря возобновила свои нападенія; анархія нашла себѣ другого вождя въ лицѣ Клодія; что же касается Помпея и сената, то они враждовали другъ съ другомъ, какъ бы не видя общаго врага. Цицеронъ дѣлалъ что только могъ, чтобы помирить послѣднихъ и отразить первыхъ; но сооруженное имъ зданіе уравновѣшенной власти было потрясено, распатано этой борьбой всѣхъ противъ всѣхъ. Все онъ же оставался на своемъ мѣстѣ во всеоружіи своего богатаго слова, пока его враги дѣйствовали каждый за себя; но когда демократія и анархія, Цезарь и Клодій, вступили въ неестественный союзъ другъ съ другомъ, онъ болѣе сопротивляться не могъ и долженъ былъ удалиться въ изгнаніе. Правда, это изгнаніе было столь же непродолжительно, какъ и тотъ союзъ, и Цицеронъ вскорѣ въ триумфальномъ шествіи вернулся въ Римъ,—но дѣлать ему тамъ уже было нечего: республика была потрясена, анархія бушевала въ Римѣ, а вождь демократіи, сражаясь во главѣ своихъ легионовъ въ Галліи, выжидалъ удобнаго момента, чтобы явиться желаннымъ спасителемъ и владыкою Вѣчнаго города.

Моментъ этотъ не замедлилъ наступить, хотя и не совсѣмъ согласно предположеніямъ будущаго повелителя Рима. Вакханаліи анархистовъ были прерваны двумя неожиданными событіями,—смертью Клодія и диктатурой Помпея, который въ рѣшительную минуту примирился съ сенатомъ. Примиреніе это,

при всей своей неискренности, доказало Цезарю, что ему не достигнуть своей цѣли мирнымъ путемъ; война стала неизбежна, — война между единоличнымъ полководцемъ съ его отлично дисциплинированнымъ, побѣдоноснымъ войскомъ, съ одной стороны, и многоголовой толпой недоувѣряющихъ другъ другу и неповинующихся своему вождю сенаторовъ — съ другой стороны. Цицеронъ не скрывалъ отъ себя этого положенія дѣла; онъ, — какъ доказываютъ его письма, — предвидѣлъ поражение Помпея и сената; тѣмъ не менѣе онъ, несмотря на лестныя приглашенія Цезаря, требовавшаго отъ него только нейтралитета, послѣдовалъ за Помпеемъ, и не только послѣдовалъ за нимъ, но и помогъ ему своимъ состояніемъ, разоряясь самъ.

Побѣда и единовластіе Цезаря рѣшили участь Цицерона; какъ ни уговаривалъ его новый властелинъ занять снова свое мѣсто въ сенатѣ, справедливо полагая, что вмѣстѣ со старымъ республиканцемъ честь и законность вернутся подъ его знамена, — Цицеронъ держался въ сторонѣ, лишь изрѣдка пользуясь дарованнымъ ему правомъ слова, чтобы или просить за пощаженныхъ войной членовъ побѣжденной партіи, или благодарить за ихъ помилованіе. Политическій идеалъ, за который онъ боролся въ лучшіе годы своей жизни, былъ навѣки потерянъ, и онъ сознавалъ это; къ тому же, разрушеніе того идеала совпало съ разрушеніемъ его семейнаго счастья; подъ гнетомъ двойного горя, онъ вернулся къ излюбленнымъ занятіямъ своей юности — философіи. Но созидательная сила была въ немъ слишкомъ мощна: вида, что сокровищница греческой философіи была еще почти непочата для его соотечественниковъ, онъ рѣшилъ сдѣлать ее доступной имъ. Его цѣлью было — достигнуть того, чтобы римляне могли на своемъ родномъ языкѣ знакомиться съ философскими идеями эллиновъ и искать въ нихъ того утѣшенія, которое находилъ въ нихъ онъ самъ; и результаты его дѣятельности далеко превзошли его ожиданія: развивая помыслы греческихъ мыслителей на латинскомъ языкѣ — и притомъ на томъ чарующемъ латинскомъ языкѣ, когорымъ располагалъ онъ — Цицеронъ приобщилъ не одинъ только Римъ, но и весь образованный и стремящійся къ образованію Западъ къ греческой философіи, т.-е. къ философіи вообще. Нѣтъ надобности настаивать здѣсь на томъ положеніи, что въ исторіи культуры немного такихъ моментовъ, которые по своему значенію могли бы сравниться съ пребываніемъ Цицерона въ его тускуланскомъ помѣстьѣ, въ краткую эпоху единовластія Цезаря.

Смерть послѣдняго положила предѣлъ его досугу; Цицеронъ

былъ призванъ сдѣлаться руководителемъ возрожденной — какъ казалось тогда — республики. Кратковременность ея существованія не дала права относиться пренебрежительно къ надеждамъ, воодушевлявшимъ ея борцовъ; Цицеронъ, будучи 63-хъ лѣтъ, съ изумительной, чисто-юношеской бодростью промѣнялъ уединенную жизнь философа на кипучую дѣятельность государственнаго чловека, бросилъ смѣлый вызовъ преемнику Цезаря, Антонию, и управлялъ всѣмъ римскимъ государствомъ со своей сенаторской скамьи. Какъ извѣстно, его борьба была напрасна; но и его гибель была въ то же время гибелью республики.

II.

Идеалъ государства, за который боролся и умеръ Цицеронъ, погибъ навсегда вмѣстѣ съ нимъ. Правда, онъ продолжалъ жить въ сердцахъ лучшихъ римлянъ, то загораясь новымъ, хотя и призваннымъ блескомъ — послѣ смерти Нерона, при Маркѣ-Авреліѣ, при Александрѣ Северѣ, — то тускнѣя и теряясь; но для живой дѣятельности онъ пересталъ существовать. Зато остались сочиненія Цицерона: рѣчи, разсужденія, письма. Если бы кто спросилъ Цицерона, какой пользы ожидаетъ онъ для потомства отъ этого наслѣдія, — онъ по отношенію къ философскимъ разсужденіямъ отвѣтилъ бы то, что мы сказали выше, но по отношенію ко всему прочему — что онъ ожидаетъ благотворнаго вліянія на литературный вкусъ своихъ соотечественниковъ; эту мысль онъ высказываетъ нерѣдко. Со временемъ исторія признала за сочиненіями Цицерона гораздо болѣе важное значеніе, о какомъ онъ никогда не осмѣлился бы мечтать самъ; но на первыхъ порахъ казалось, что она откажетъ ему даже въ той, сравнительно скромной, наградѣ, которой онъ добивался. Римскій литературный вкусъ не остановился на той предѣльной точкѣ, которую намѣтилъ для него Цицеронъ; находясь въ періодъ самаго мощнаго своего развитія, онъ пошелъ дальше, пока не достигъ, наконецъ, своего апогея въ лицѣ Сенеки-философа. Это было при Неронѣ; но вслѣдъ затѣмъ начинается реакція, главнымъ поборникомъ которой былъ первый римскій профессоръ краснорѣчія Квинтиліанъ. Признавая геній Сенеки, Квинтиліанъ ратовалъ противъ энтузіазма его послѣдователей, видѣвшихъ въ его сочиненіяхъ образецъ и мѣрило литературнаго вкуса, и постоянно указывалъ на Цицерона, какъ на единственнаго учителя, которому можно слѣдовать безъ опасности: „чѣмъ болѣе тебѣ

будетъ нравиться Цицеронъ, — говорилъ онъ, — тѣмъ болѣе можешь ты быть увѣренъ въ успѣшности твоего ученія“ (is se profectiase sciat, cui Cicero valde placebit. Inst. or. XI, 112). Старанія Квинтиліана увѣнчались успѣхомъ: со времени эпохи Домиціана, т.-е. со времени второй столѣтней годовщины своего рожденія, Цицеронъ былъ признанъ главой римской литературы.

Третья годовщина совпала приблизительно съ тѣми потрясеніями римскаго государства, которыя Ренанъ называетъ „концомъ античнаго міра“. Съ нея начинается тотъ переходный періодъ, который превратилъ языческій Римъ сначала въ христіанскую имперію, а затѣмъ въ латино-германскую „Романію“ (Oros. V, 2). Главной умственной силой въ теченіе этого періода было *христіанство*. Какъ же отнеслась эта новая религія къ Цицерону? Чѣмъ могъ быть для нея Цицеронъ?

По мнѣнію многихъ людей того времени — ничѣмъ, ровно ничѣмъ. „Наше ученіе, — говоритъ Тертуліанъ (De praescript. haer., 7), — исходитъ изъ портива Соломона, который и самъ сказалъ, что Господу слѣдуетъ служить въ простотѣ. Берегитесь, вы, выдумавшіе стоическое, платоническое и діалектическое христіанство! Намъ нѣтъ болѣе надобности напрягать свои мысли, съ тѣхъ поръ, какъ у насъ есть Іисусъ Христосъ, нѣтъ болѣе надобности искать чего-либо, съ тѣхъ поръ, какъ у насъ есть Евангеліе... Если мы вѣруемъ, то мы ни въ чемъ, кромѣ вѣры, не нуждаемся“. Эти слова были смертнымъ приговоромъ Цицерону, который могъ жить въ христіанскомъ Римѣ не иначе, какъ подъ условіемъ именно „стоическаго, платоническаго и діалекческаго“ характера христіанства; но одному ли Цицерону они грозили гибелью? Стоитъ вдуматься въ то положеніе, въ какомъ находилась бы культура христіанскаго міра, еслибы восторжествовали крайнія идеи Тертуліана на Западѣ и его единомышленника Татіана на Востокѣ, а не гуманныя идеи Минуція и Августина на Западѣ, и Климента и Василія Великаго на Востокѣ; очевидно, она могла бы представить такой же видъ, какой представляетъ мусульманская культура съ тѣхъ поръ, какъ партія крайняго исламизма удалось побѣдить и истребить героев арабо-персидскаго просвѣщенія. А между тѣмъ, что можно было тогда возразить съ христіанской точки зрѣнія Тертуліану, когда онъ стоялъ за самоудовлѣненіе вѣры?

Въ логической неотразимости его положеній мы еще болѣе убѣждаемся при чтеніи доводовъ противнаго лагера. Если Климентъ александрійскій (Strom. VI, 10) сравниваетъ „невѣжественныхъ крикуновъ“, ратующихъ противъ эллинской философіи, съ

товарищамъ Одиссея, которые затываютъ себѣ уши воскомъ, чтобы не слышать пѣсни сиренъ, зная, что они не въ состояніи противостоять ей, то это остроумное сравненіе доказывало въ крайнемъ случаѣ безвредность античной философіи для однихъ крѣпкихъ въ христіанствѣ умовъ, но отнюдь не пользу ея. Польза, а тѣмъ болѣе необходимость античной философіи и вообще культуры для вѣрующаго христіанина оставалась недоказанной.

Мы, однако, должны быть благодарны Клименту за его какъ нельзя болѣе удачное сравненіе. Если античная культура не была разрушена христіанствомъ, а напротивъ, соединившись съ нимъ, продолжала царствовать въ Римѣ, затѣмъ въ „Романіи“, а наконецъ—во всемъ цивилизованномъ мірѣ, то этимъ она обязана не своей необходимости для христіанства, а именно тому, что она была „пѣснью сирены“, отъ которой не могъ уже оторваться тотъ, кто разъ ее услышалъ. Вѣра говорила христіанину, что онъ долженъ заботиться исключительно о будущей, небесной жизни, а для достиженія ея ему ничего не нужно, кромѣ того, чтó даютъ его книги—Моисей и пророки, Евангеліе и апостолы; между тѣмъ, сирены поютъ: „Иди къ намъ, многославный Одиссей... мы знаемъ все, чтó творится на кормилицѣ-землѣ!“—Эта пѣснь о кормилицѣ-землѣ врывается въ небесные аккорды и смущаетъ чуткое сердце бѣднаго сына земли. И вотъ онъ старается какъ-нибудь примирить земную любовь съ небесной, измышляетъ для этого всевозможные хитрые доводы, старается доказать себѣ, что эти сирены—въ сущности тѣ же ангелы, хотя и падшіе, и что ихъ пѣснь, поэтому, лишь отголосокъ небесныхъ гармоній; сила, однако, не въ этихъ шаткихъ доводахъ, а въ томъ, что ему слишкомъ полюбилась пѣснь о кормилицѣ-землѣ.

Но кто же была главная изъ этихъ сиренъ, та, чья пѣснь раздавалась всего сильнѣе и неотразимѣе, завоевывая для античной культуры почетное мѣсто въ христіанскомъ государствѣ? Это мы узнаемъ лучше всего изъ устъ другого Одиссея, который наиболѣе страстно боролся противъ ея чаръ и все-таки былъ вынужденъ уступать ей—изъ устъ св. Иеронима. Вотъ чтó онъ пишетъ своей духовной дочери Евстохіи, совѣтуя ей сторониться отъ мірской мудрости: „Я расскажу тебѣ повѣсть моего собственнаго несчастья. Рѣшившись—это было уже давно—ради царства небеснаго оставить свой домъ, родителей, сестру, родственниковъ и, чтó еще труднѣе, отказаться отъ привычнаго, болѣе или менѣе вкуснаго стола и отправиться на подвигъ въ Иерусалимъ,—я тѣмъ не менѣе не могъ лишиться себя своей библиотеки, которую я собралъ въ Римѣ путемъ столькихъ трудовъ и усилій. И вотъ, я, несчастный, сталъ поститься съ тѣмъ, чтобы

проведенный въ постѣ день закончить — *чтеніемъ Цицерона!*.. Такъ-то мучилъ меня старинный змѣй. Но вотъ, около преполовенія великаго поста, лихорадка охватила вплоть до мозга костей мое истощенное тѣло и, не давая мнѣ отдыха, съ такой неброятной силой растерзала мои бѣдные члены, что они едва держались на костяхъ. Стали готовиться къ моимъ похоронамъ; все мое тѣло уже похолодѣло, оставленное жизнетворной теплотой души, только грудь была еще тепла и прерывисто вздымалась. Вдругъ мнѣ почудилось, что меня влекутъ къ трибуналу Судьи; а было тамъ столько свѣта, и такой блескъ исходилъ отъ окружающихъ, что я палъ ницъ и не осмѣлился даже поднять глазъ. Меня спросили, кто я; я отвѣтилъ, что я христіанинъ. „Неправда“, сказала Предсѣдательствующій, „ты — *цицеронианецъ, а не христіанинъ*; гдѣ твоё сокровище, тамъ и сердце твоё“. Тотчасъ я замолчалъ и почувствовалъ удары, которыми Онъ велѣлъ меня наказать; но болѣе еще мучило меня пламя моей совѣсти... Наконецъ, присутствующіе припали къ колѣнямъ Предсѣдательствующаго и стали молить Его, чтобы Онъ снизошелъ къ моей молодости и даровалъ грѣшнику время на показаніе; и я — сталъ клясться и, взывая къ Нему, говорить: „Господи, если я когда-либо буду держать у себя мірскія книги и читать ихъ, то считай меня своимъ отступникомъ. Послѣ этой клятвы, я былъ отпущенъ и вернулся на землю; во всеобщему удивленію, я открылъ глаза и до того прослезился, что даже недовѣрчивые дали вѣру свидѣтельству моей печали“. Эта исповѣдь Іеронима достаточно доказываетъ силу обаянія Цицерона въ глазахъ лучшихъ борцовъ западной церкви; но еще неопровержимѣе доказываетъ ее вся его дальнѣйшая литературная дѣятельность. Онъ не былъ въ силахъ сдержать свою клятву; Цицеронъ продолжалъ быть любимымъ писателемъ Іеронима. Цитатамъ изъ этого автора въ его сочиненіяхъ нѣтъ числа; но даже эти цитаты не даютъ достаточнаго представленія объ огромности вліянія на него оратора и философа римской республики, и знатокъ Цицерона поминутно встрѣтитъ у Іеронима мысли и обороты, навѣянные этимъ его главнымъ образцомъ. Такая зависимость не прошла ему даромъ: когда Оригенъ впалъ въ ересь, а Іеронимъ, раньше сочувствовавшій Оригену, подвергся нападеніямъ со стороны своего бывшаго друга Руфина, то и данная и нарушенная имъ клятва о Цицеронѣ не была забыта; слышались жестокія слова: *perjugium, sacrilegium!* Пришлось Іерониму защищаться. „Да, — говорилъ онъ: — я сказалъ, что впредь не буду читать мірскихъ книгъ; но это было обязательствомъ на будущее, а не отказомъ отъ того, что набопилось въ

моей памяти за прошедшее время.. Или ты полагаешь, что мнѣ слѣдовало выпить воды изъ той Леты, о которой повѣствуетъ поэзія, чтобы меня не попрекали тѣмъ, чему я научился раньше"? Не довольствуясь защитой, онъ переходитъ къ наступленію: „Но откуда же,—спрашиваетъ онъ,—у тебя это обиліе словъ, этотъ блескъ мыслей, это разнообразіе уворовъ? Или я ошибаюсь, или — ты самъ стихомолку читаешь Цицерона"... „Вотъ,—заключаетъ онъ,—что я могъ бы сказать, еслибы та клятва была дана мною на-яву; но какъ же назвать безсовѣстность моего противника, который попрекаетъ меня моимъ сномъ!.. Пусть же онъ послушается голоса пророковъ, запрещающихъ придавать вѣру снамъ; вѣдь и совершенное во снѣ прелюбодѣяніе не отправляетъ меня въ адъ, и приснившійся мнѣ вѣнецъ мученичества не награждаетъ меня небесамъ“.

Мы не обсуждаемъ логической и нравственной стороны этихъ оборотовъ, въ которыхъ авторъ прибѣгаетъ въ борьбѣ и со взорадствующимъ противникомъ, и съ собственной совѣстью; для насъ лично это скорѣе трогательное, чѣмъ достойное осужденія или насмѣшки зрѣлище. Но нельзя не указать на несомнѣнный фактъ, что Иеронимъ не менѣе Тертуліана сознавалъ несовмѣстимость занятій Цицерономъ и языческой литературой вообще со строго христіанской жизнью, и тѣмъ не менѣе онъ не устоялъ противъ голоса своего сердца.

Мы потому сослались на Иеронима, что онъ оставилъ намъ документы, по которымъ можно судить о жестокой борьбѣ между собою обоихъ элементовъ его благородной и любящей души—борьбѣ Иеронима-христіанина и Иеронима-цицероніанца, говоря его собственными словами; но, конечно, не съ Иеронима, писателя конца IV-го вѣка, начинается вліяніе Цицерона на христіанскую литературу — оно восходитъ къ первымъ опытамъ христіанства на Западѣ. Первымъ римскимъ апологетомъ является, какъ извѣстно, Минуцій Феликсъ; но былъ ли Минуцій болѣе христіаниномъ, или болѣе цицероніанцемъ, когда онъ писалъ свое единственное дошедшее до насъ произведеніе, перлъ западно-христіанской литературы: „Октавій"? Эта книга содержитъ споръ между язычникомъ Цециліемъ и христіаниномъ Октавіемъ о вѣрѣ. Замѣчательно то, что споръ ведется серьезный и искренній; язычникъ Цецилій—не изъ тѣхъ фиктивныхъ противниковъ, которые вображаютъ лишь постольку, поскольку это желательно для главной роли; нѣтъ—читая его разсужденія, мы забываемъ, что они написаны христіаниномъ; это происходитъ оттого, что подъ именемъ Цецилія передъ нами является настоящій

язычникъ — понтифексъ Котта, изъ сочиненія Цицерона „De natura deorum“, и что это сочиненіе было образцомъ Минуція во всей обстановкѣ спора.

Въ такомъ положеніи были отношенія между христіанствомъ и Цицерономъ около третьей годовщины этого послѣдняго: остались ли они такими же и въ четвертой? Утверждать это а ргіогі нельзя, по слѣдующимъ двумъ причинамъ: во-первыхъ, столѣтіе между Коммодомъ и Діоклеціаномъ было временемъ полного упадка римской литературы и ужасающаго одичанія нравовъ; во-вторыхъ, самыя жестокія преслѣдованія христіанъ — достаточно упомянуть имена Деція и Валеріана — припали именно въ эту эпоху. И все-таки отношенія христіанства въ Цицерону не испортились; это доказываютъ сочиненія Лактанція. Какъ Минуцій Феликсъ вдохновлялся сочиненіемъ Цицерона De natura deorum, такъ Лактанцій вдохновился другимъ сочиненіемъ римскаго философа—De republica, и написалъ, въ дополненіе къ четвертой книгѣ этого сочиненія, свой трактатъ De officiis Dei. Онъ самъ въ этомъ признается во вступленіи къ этому труду: „Такъ какъ я упомянулъ о тѣлѣ и духѣ, то я попытаюсь, насколько это позволитъ мнѣ слабость моего разумѣнія, развить существо того и другого; я считаю это своей обязанностью главнымъ образомъ потому, что М. Туллій (Цицеронъ), при всемъ своемъ замѣчательномъ умѣ, заключилъ въ слишкомъ узкіе предѣлы этотъ обширный предметъ въ четвертой книгѣ своего сочиненія „О государствѣ“, гдѣ онъ пытается изложить его, и слегка только намѣтилъ главные его пункты“. Мы обязаны Лактанцію за такое признаніе, такъ какъ четвертая книга De republica до насъ не дошла; но его зависимость отъ Цицерона далеко не ограничивается однимъ только этимъ сочиненіемъ. Вторая его монографія, De ira Dei, будучи направлена противъ эпикурейцевъ и ихъ ученія о безучастномъ божествѣ, тоже имѣетъ своимъ основаніемъ Цицерона,—спеціально вторую книгу De natura deorum; и онъ въ этихъ двухъ монографіяхъ такъ приближается къ своему образцу, что Иеронимъ, знатокъ Цицерона и почитатель Лактанція, называетъ ихъ „эпитомой“ діалоговъ Цицерона (Ер. 70, 5). Болѣе самостоятеленъ Лактанцій въ своемъ главномъ произведеніи, Divinae institutiones,—о ложной и истинной вѣрѣ, о ложной и истинной мудрости; но и здѣсь содержаніе пятой книги (De justitia) почерпнуто въ значительной мѣрѣ изъ третьей книги сочиненія Цицерона „О государствѣ“, а шестая (De vero cultu) изъ сочиненія, еще болѣе знаменитаго, того же Цицерона, De officiis. Мы не говоримъ здѣсь о зависимости Лактанція отъ Цицерона въ

мелкихъ пунктахъ, о которой свидѣтельствуесть множество цитатъ и прочихъ заимствованій, и еще менѣе о вліяніи языка Цицерона на христіанскаго писателя: послѣднее до того значительно, что Іеронимъ—этотъ „христіанскій Цицеронъ“, какъ его называли,—въ свою очередь называетъ Лактанція „потомкомъ Цицеронова краснорѣчія“ (fluvius eloquentiae Tullianae Ep. 58, 10).

Если такъ относилось къ Цицерону *страждущее* христіанство — не забудемъ, что Лактанцій писалъ въ самый разгаръ Діоклеціанова преслѣдованія—то неудивительно, что и *торжествующее* христіанство не рѣшилось отвергнуть его. Чтобы убѣдиться въ томъ, мы должны перейти отъ четвертой его годовщины къ пятой; тутъ мы встрѣчаемъ могучую личность Амвросія, епископа медіоланскаго. Его сочиненія весьма многочисленны, но ни одно изъ нихъ не было такъ извѣстно и не имѣло такого вліянія на послѣдующія времена, какъ его три книги De officiis ministroꝝum. Здѣсь онъ продолжаетъ дѣло Лактанція, который первый пытался дать своимъ читателямъ, въ своихъ Divinae institutiones, опытъ построенной на религіозныхъ началахъ этики, но продолжалъ—при совершенно измѣнившейся обстановкѣ. Лактанцій пишетъ для язычниковъ и слабыхъ въ вѣрѣ христіанъ, а Амвросій—для своей паствы; тотъ борется, этотъ поучаетъ. Аполлетическій элементъ, поэтому, отсутствуетъ въ сочиненіи Амвросія; какъ и подобало современнику Θεодосія Великаго, онъ пишетъ спокойно и величаво. И кого же избралъ Амвросій проводникомъ въ области житейской морали, которой онъ посвятилъ это свое сочиненіе? „Это сочиненіе,—по справедливому замѣчанію Эберта (Gesch. d. christl.-lat. Litter. I, 150),—является не только непосредственнымъ подражаніемъ знаменитымъ книгамъ Цицерона De officiis, но и настоящимъ ихъ переложеніемъ для читателей-христіанъ (eine Uebertragung derselben ins Christliche)“. Дѣйствительно, Амвросій изрѣдка исправляетъ Цицерона; такъ, рассуждая со словъ философа республики о справедливости, какъ объ условіи соціальной жизни, онъ замѣчаетъ: „Намъ говорятъ, что первое требованіе справедливости заключается въ томъ, чтобы никому не вредить, *если только ты самъ не вызванъ къ тому причиненной тебѣ обидой*; но это исключеніе упраздняется авторитетомъ Евангелія“; такъ онъ замѣняетъ самодовлѣющую добродѣтель Цицерона тою, которая является условіемъ награды въ загробной жизни—впрочемъ, это не мѣшаетъ ему выводить, подобно Цицерону, ту или другую добродѣтель изъ самой природы челоуѣка, при чемъ вовсе незамѣтно, чтобы мысль объ испорченности челоуѣческой природы его особенно смущала. Въ общемъ онъ доволь-

ствуется тѣмъ, что подтверждаетъ выставленнымъ Цицерономъ нравственнымъ требованіямъ примѣрами изъ Ветхаго Завета, которыми онъ замѣняетъ приведенные самимъ Цицерономъ примѣры изъ римской исторіи, и во всемъ остальномъ слѣдуетъ Цицерону; а это значитъ, что, благодаря Амвросію, этава Цицерона была признана христіанскою этикой. Теперь вспомнимъ, что въ теченіе многихъ столѣтій книги Амвросія *De officiis ministrorum* были въ западной церкви главнымъ и чуть не единственнымъ руководствомъ христіанской морали, и мы въ состояніи будемъ оцѣнить во всей его громадности фактъ вліянія Цицерона на христіанскую культуру.

И все-же сказанное нами не даетъ еще полного представленія объ этомъ вліяніи. Въ самомъ дѣлѣ, удивительно ли, что Амвросій „охристіанилъ“ Цицерона, когда еще раньше Цицеронъ обратилъ въ христіанство язычника, и такимъ его неопитомъ былъ не кто иной, какъ позднѣйшій столпъ христіанства, краса и гордость западной церкви, Августинъ? Фактъ, о которомъ мы говоримъ, не подверженъ ни малѣйшему сомнѣнію: намъ повѣствуетъ о немъ тотъ, кто одинъ только и могъ знать о томъ — самъ Августинъ, и притомъ тамъ, гдѣ онъ, подъ страхомъ вѣчныхъ каръ, обязанъ былъ говорить правду — въ своей исповѣди. „Въ неокрѣпшемъ еще возрастѣ, — читаемъ мы въ *Conf.*, III, 4, — я изучалъ памятники краснорѣчія, въ которомъ желалъ прославиться, поставивъ себѣ цѣль пустую и достойную осужденія, но привлекательную съ точки зрѣнія человѣческой суеты. И вотъ я, слѣдуя обычному порядку ученія, дошелъ до одной книги Цицерона, того Цицерона, слову котораго удивляются всѣ, даже тѣ, кто не въ состояніи уразумѣть его духъ. Книга эта содержитъ приглашеніе заниматься философіей и озаглавлена: „Гортенсій“. Она совершенно измѣнила мои наклонности, она дала моимъ мыслямъ направленіе къ Тебѣ, Господи, она указала новую цѣль моимъ стремленіямъ и желаніямъ. Тотчасъ мнѣ опостыглѣли всѣ суетныя надежды; невыразимая жажда вѣчной мудрости охватила мое сердце, я поднялся, чтобы возвратиться къ Тебѣ. Не пособіе въ изощренію краснорѣчія видѣлъ я въ этой книгѣ; ея авторъ плѣнилъ меня не внѣшней формою, а содержаніемъ своей рѣчи. О, какъ я пылалъ, Боже мой, какъ я пылалъ жаждою оставить все земное и возвыситься къ Тебѣ“!..

Болѣе этого ничего сказать нельзя. Намъ вспоминается благочестивая легенда о поэтѣ Стаціѣ, который чтеніемъ *Виргилія*, будто бы, былъ обращенъ въ христіанство. Данте ссылается на эту легенду въ своемъ „*Чистилищѣ*“ (XXII, 64 сл.); тамъ Стаціѣ, встрѣтивъ *Виргилія*, съ жаромъ привѣтствуетъ его, говоря:

per te poeta fui, per te christiano! Критика не замедлила доказать неосновательность этой легенды; но зато Августинъ имѣлъ полное право сказать Цицерону: per te philosopho fui, per te christiano — еслибы онъ когда-либо встрѣтилъ его на томъ свѣтѣ.

Интереснѣе всего то, что у Августина была такая надежда встрѣтиться съ нимъ. Въ одномъ своемъ письмѣ (Ер. 164, 4) онъ размышляетъ о томъ мѣстѣ въ посланіи апостола Петра, гдѣ говорится о сошествіи Иисуса въ адъ. „Было бы слишкомъ смѣло, — говоритъ онъ, — сказать въ точности, кто были тѣ, кого Онъ тамъ освободилъ; но еслибы кто могъ доказать, что Онъ освободилъ всѣхъ — какая бы это была радость для насъ! Я желалъ бы этого болѣе всего ради нѣкоторыхъ изъ нихъ, кого я знаю и люблю за ихъ литературные труды, которыхъ мы чтимъ за ихъ краснорѣчіе и за ихъ мудрость“... Безъ сомнѣнія, подъ этими послѣдними Августинъ разумѣетъ главнымъ образомъ, если не исключительно, оратора и философа Цицерона! И конечно, самый благородный исходъ изъ той дилеммы, подъ которой томился Иеронимъ, состоялъ въ томъ, чтобы христіане признали своимъ того человѣка, которому они были столь многимъ обязаны, если не формальнымъ и общеобязательнымъ догматомъ церкви, то хоть въ формѣ благого желанія и надежды.

Итакъ, періодъ между пятой и шестой годовщиной рожденія Цицерона даетъ намъ уже почти Цицерона-христіанина. Но не всѣ современники Августина были согласны съ нимъ.

Вліяніе Цицерона на христіанство имѣло несомнѣннымъ послѣдствиемъ возникновеніе христіанской литературы на латинскомъ языкѣ, — литературы если не классической, то во всякомъ случаѣ весьма еще удовлетворительной; а это явленіе, въ свою очередь, вызвало другое — возрожденіе языческой литературы, замолкшей было послѣ Марка-Аврелія; Симмахъ и Макробій были главными представителями возрожденной прозы, Клавдіанъ — возрожденной поэзіи. Могли ли они допустить, чтобы ихъ противники-христіане считали себя полноправными наслѣдниками ихъ праотцовъ, царя прозы и царя поэзіи, Цицерона и Виргилія? Конечно, нѣтъ. Но съ другой стороны, они не могли также пускаться въ полемику: особенность этой возрожденной языческой литературы состоитъ именно въ томъ, что она совершенно игнорируетъ своихъ противниковъ-христіанъ; величаво отмалчиваясь на всѣ ихъ нападенія; предвидя свою гибель, она хотѣла погибнуть по-римски. Итакъ, полемики мы не должны ожидать; но если Макробій оба своихъ сочиненія посвящаетъ — одно Виргилію, другое Цицерону; если онъ въ первомъ силится изобразить Виргилія главой языческой мудрости,

непогрѣшимымъ толкователемъ понтифікальнаго и авгуральнаго права; если онъ, во второмъ, комментируя отрывокъ изъ шестой книги Цицерона De republica (знаменитый „сонъ Сципіона“, сохранный намъ именно благодаря его комментарию), старается влить въ него весь неоплатоническій мистицизмъ, послѣднее оружіе язычества въ борьбѣ съ христіанствомъ,—то мы легко понимаемъ, что все это значить. Но, конечно, эта демонстрація не могла дать язычникамъ никакого другого, кромѣ внутренняго, удовлетворенія.

III.

Итакъ, Цицеронъ остался за христіанами. Но чѣмъ могъ онъ быть для нихъ?

Его сочиненія состояли изъ разсужденій, рѣчей и писемъ. Изъ нихъ послѣднія никакого значенія для христіанъ не имѣли и были со временемъ преданы забвенію. Рѣчи читались въ теченіе первыхъ столѣтій, но исключительно ради ихъ формальныхъ красотъ,—ad linguam aspidam, по выраженію Августина. Матеріальное значеніе имѣли лишь трактаты, при томъ преимущественно трактаты философскаго содержанія; дѣйствительно, мы видѣли, что всѣ сочиненія Цицерона, имѣвшія вліяніе на христіанство, принадлежали къ разряду философскихъ трактатовъ. Что же могла извлечь изъ нихъ христіанская религія?

Для этого мы должны сначала отвѣтить на вопросъ: *каковы были отношенія Цицерона къ религіи вообще?* Подобно своему учителю Сцеволю и согласно традиціямъ Сципіоновскаго кружка, Цицеронъ допускалъ тройную религію: поэтическую, гражданскую и философскую. Подъ *поэтической* религіей онъ разумѣлъ разсказы, часто соблазнительные, о богахъ и герояхъ, въ которыхъ нѣкто не вѣрилъ, хотя многіе и пытались видѣть въ нихъ аллегорическое изложеніе природныхъ явленій. *Гражданская* религія обнимаетъ совокупность признанныхъ государствомъ обрядовъ: культъ капитолійской троицы, культъ ларовъ, культъ (позднѣе) генія царствующаго императора. Эта религія была религіей массы, религіозныя потребности которой она удовлетворяла, доставляя ей мистическое единеніе съ божествомъ во время исполненія предписанныхъ обрядовъ; личности эта религія не стѣсняла, такъ какъ не навязывала ей никакихъ догматовъ. Наконецъ, третья религія, *философская*, существовала только для тѣхъ, кто возвышался надъ массой, доставляя удовлетвореніе ихъ индивидуальнымъ потребностямъ. Въ противоположность гражданской религіи, она не

была единой: въ Афинахъ преподавались — можно даже сказать, проповѣдывались — различныя системы, между которыми учащимся предоставлялось право *выбирать*. Такимъ образомъ, философская религія была религіей личностей: право свободного выбора является неотлучнымъ правомъ личности, точно также какъ требованіе единства является неотлучнымъ требованіемъ массы.

Философскія сочиненія Цицерона имѣютъ содержаніемъ, разумѣется, *философскую* религію; составляя ихъ, онъ воспользовался, какъ личность, своимъ правомъ выбора. Какъ же онъ имъ воспользовался? Многіе изъ его современниковъ довольствовались тѣмъ, что высказывались за одну изъ существующихъ системъ: давъ это удовлетвореніе своей индивидуальности, они въ прочемъ уже безпрекословно слѣдовали своимъ вождямъ. Таковы были Катонъ, какъ стоикъ, — Лукрецій, какъ эпикуреецъ. Въ противоположность къ нимъ Цицеронъ нигдѣ не жертвуетъ своимъ правомъ выбора: онъ слѣдуетъ не Зенону, не Эпикуру, а своему собственному здравому смыслу, т. е. умственному показателю своей личности; кто называетъ Цицерона несамостоятельнымъ, тотъ или не знаетъ его, или смѣшиваетъ самостоятельность съ творчествомъ.

Но какова же эта философія здраваго смысла, которую развиваютъ сочиненія Цицерона? Выражаясь кратко, эта философія *положительна* въ той области, въ которой сомнѣнія невозможны безъ разрушенія человѣческаго общества — въ области морали, которую Цицеронъ, по примѣру стоиковъ, выводитъ изъ природы, не раздѣляя, однако, увлеченій этой философской сеты. Она *отрицательна* по отношенію къ сверхъестественному, существованіе котораго Цицеронъ, подобно Эпикуру и въ противоположность стоикамъ, считаетъ и недопустимымъ, и ненужнымъ. Она, наконецъ, *скептически* относится къ метафизикѣ; выдѣливъ, какъ неподлежащія сомнѣнію, факты существованія божества и безсмертія души, Цицеронъ во всемъ прочемъ, по примѣру новой академіи, сопоставляетъ противорѣчащія другъ другу мнѣнія и разсужденія школъ, воздерживаясь отъ собственнаго сужденія. Такимъ образомъ, между безспорно достовернымъ и безспорно ложнымъ получается обширная средняя полоса; по отношенію къ ней Цицерономъ сказано достойное безсмертія слово: *ista sunt ut disputantur* (De leg. I, 24), которое перевести нельзя, но передать можно приблизительно такъ: „эти вещи представляются такъ или иначе, смотря по личности тѣхъ, кто о нихъ разсуждаетъ“. И такъ, воспользовавшись самъ правомъ выбора въ полной мѣрѣ, Цицеронъ предоставляетъ такое же право и своимъ послѣдовате-

лямъ: его философія не только индивидуальна, но и индивидуалистична.

Христіанство—мы говоримъ здѣсь, какъ и вездѣ въ настоящемъ очеркѣ, исключительно о христіанствѣ западной церкви, которое одно только и можетъ быть поставлено въ связь съ Цицерономъ—христіанство, повторяемъ, находилось въ зависимости отъ Цицерона, во-первыхъ, относительно *формы*, поскольку лучшіе его представители старались, по мѣрѣ возможности, говорить языкомъ Цицерона; во-вторыхъ, относительно *содержанія*, поскольку положительная часть философіи Цицерона перешла, какъ мы видѣли, въ ученіе христіанской церкви; но въ отношеніи *духа* нельзя представить себѣ двѣ болѣе рѣзкія противоположности, какъ Цицеронъ и христіанство. Троякой или двоякой религіи христіанство, разумѣется, допускать не могло; христіанская религія была *единой*—одинаковой для массы и для личностей. Этимъ самымъ она отнимала у личностей и право выбора: известно, какое значеніе получило у христіанъ самое слово „выборъ“—по-гречески, *haeresis*—ересь. Но, принижая личность, христіанская религія облагодѣтельствовала массу, и съ этой точки зрѣнія она имѣла полное право сказать своимъ противникамъ: „до меня народныя массы знали только обрядовую сторону религіи; я дала имъ то, что до тѣхъ поръ было достоинствомъ избранныхъ личностей—ученіе, притомъ такое, которое я объявляю безусловно достовѣрнымъ, но всѣ должны признать его величественнымъ. Я подняла духъ моихъ приверженцевъ изъ народныхъ массъ, наводя ихъ на вопросы, которыхъ они до тѣхъ поръ не ставили—вопросы о смыслѣ и цѣли ихъ существованія—и давая отвѣты на каждый изъ этихъ вопросовъ; эти отвѣты я объявила непременно истинными, такъ какъ они только подъ этимъ условіемъ могли принести пользу массѣ, которая не признаетъ средней полосы между достовѣрнымъ и ложнымъ; но всѣ должны признать ихъ глубокими. Я дала этимъ моимъ приверженцамъ возможность бодро переносить ихъ тяжкую жизнь, внушивъ самому низкому и презрѣнному изъ нихъ увѣренность, что каждая его слеза будетъ ему зачтена, за каждую причиненную ему обиду будетъ взыскано съ его обидчика. Вотъ что я сдѣлала для народныхъ массъ; а ты, личность, смирайся и терпи“...

IV.

Но личность не всегда может терпѣть, не всегда может жертвовать своимъ правомъ выбора; въ эпоху самаго абсолютнаго правленія церкви протесты личности раздавались то здѣсь, то тамъ. Они не имѣли успѣха: отдѣлившіяся отъ массы личности быстро поглощались ею. Рѣдко онѣ пытались увлечь ближайшія части массы за собой, еще рѣже это имъ удавалось; тогда дѣло сводилось къ борьбѣ большей массы съ меньшей и къ уничтоженію послѣдней. Такова сущность средневѣковыхъ религіозныхъ броженій и войнъ; ясно, что не въ этомъ направленіи личность могла найти для себя спасительный исходъ.

Было безуміемъ дѣйствовать одному наперекоръ массѣ, было преступленіемъ возбуждать массу противъ массы; оставалось одно —искать спасенія *не въ борьбѣ съ интересами массы, а внѣ ея*. Если не ясное сознаніе, то истиннеть нравственности и самосохраненія долженъ былъ указать личности этотъ путь: когда онъ былъ открытъ, начался періодъ Возрожденія, отдѣляющій средневѣковую культуру отъ культуры новѣйшихъ временъ.

На заданный Сократу Федромъ вопросъ, признаетъ ли онъ до-стовѣрнымъ священное сказаніе о похищеніи Ориѣи Бореємъ, Сократъ отвѣчаетъ, что и онъ, конечно, могъ бы придумать рационалистическое толкованіе этого сказанія, но онъ предпочитаетъ *повиноваться въ этомъ отношеніи народной вѣрѣ* (πειθόμενος τῷ νόμῳ καὶ τῷ δόξαν τῶν ἀδελφῶν) *и сдѣлать предметомъ своего изученія не эти мифы, а самого себя*. Эти слова Сократа могли бы служить девизомъ Возрожденія. Его борцы въ самыхъ торжественныхъ выраженіяхъ заявляли о своей преданности догматамъ и учрежденіямъ церкви, и эта преданность, будучи истинетивна, была искренна; но въ то же время она искала такихъ областей, гдѣ личность могла бы свободно развиваться, не будучи стѣсняема церковью, сначала во внутреннемъ, а затѣмъ и во внѣшнемъ мірѣ. Индивидуализмъ былъ двигательной силой Возрожденія, — со времени изслѣдованій Буркгардта, это положеніе считается доказаннымъ.

Его проявленія, поскольку они общи для всей эпохи Возрожденія, могли быть только отрицательнаго характера; это слѣдуетъ уже изъ самаго значенія слова „индивидуализмъ“. Положительная его сторона могла сказаться лишь въ отношеніи каждой личности отдѣльно; въ отношеніи же къ совокупности этихъ личностей сказывается лишь отрицательная его сторона, а этой

стороной было—*быство отъ массы*. Мы встрѣчаемъ его уже у Петрарки, когда онъ стремится въ уединенной, посвященной науѣ и поэзіи, жизни; но оно усиливается съ теченіемъ времени и переходитъ въ прямую ненависть къ массѣ у Макиавелли. Антипатія къ массѣ переносится гуманистами и на всю ея организацію, на тѣ горизонтальныя и вертикальныя перегородки, среди которыхъ она такъ великолѣпно уживается: гуманизмъ—врагъ національностей и врагъ сословіи; потому онъ до нѣкоторой степени космополитиченъ и демократиченъ, но его космополитизмъ и демократизмъ имѣетъ чисто отрицательный характеръ, и именно этимъ въ сильнѣйшей степени отличается отъ положительнаго космополитизма и демократизма церкви. Антипатія къ массѣ переносится и на семью, которая связываетъ личность и подчиняетъ ее массѣ, и на законы и право, которыя желали бы остановить личность на ея пути къ свободѣ...

Но—можно ли было жить, отрицая все это?

Для того, чтобы жизнь при подобной обстановкѣ была возможна, было необходимо, чтобы отдѣлившаяся отъ массы личность чувствовала себя членомъ другой, болѣе симпатичной, общины, слѣдовала за знаменами другого, болѣе уважаемаго вождя. Значеніе Петрарки именно въ томъ и состоитъ, что онъ былъ признаннымъ вождемъ гуманистовъ, что его могучимъ словомъ была создана община единомышленниковъ, первая въ новой Европѣ чисто свѣтская интеллигенція, которой лишь значительно позднѣе суждено было самой превратиться въ массу.

Эта община, повторяемъ, была создана Петраркою, онъ былъ ея вождемъ; но кто же былъ вождемъ самого Петрарки? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ самъ: „ты, — пишеть онъ ему въ томъ письмѣ, въ которомъ выражаетъ свою и своихъ единомышленниковъ благодарность, — ты тотъ живой ключъ, влагой котораго мы всѣ орошаемъ свои поля, ты тотъ вождь, указаніямъ котораго мы слѣдуемъ, одобренію котораго мы радуемся, именемъ котораго мы украшаемъ себя“... Обращено же это письмо —къ М. Туллію Цицерону.

Говоря объ отношеніи Цицерона къ Петраркѣ и Возрожденію вообще, мы должны остерегаться ошибки, въ которую не трудно иногда впасть. Ошибка эта состоитъ въ томъ, что личность Цицерона растворяють въ общемъ понятіи о „классической древности“: монахи среднихъ вѣковъ съ постепенно остывающимъ усердіемъ читали и переписывали сочиненія древнихъ авторовъ, въ томъ числѣ и Цицерона, а Петрарка и его сподвижники опять ввели ихъ, въ томъ числѣ и Цицерона, въ моду. Но вліяніе

Цицерона на Петрарку было вліяніемъ личнымъ: онъ дѣйствовалъ на него не какъ древній авторъ вообще, а именно какъ Цицеронъ. Этимъ мы нисколько не преувеличиваемъ его внутренняго абсолютнаго значенія; было бы неосновательно ставить Цицерона выше Платона, Аристотеля, Гомера и трагиковъ. Но съ культурно-исторической точки зрѣнія нельзя отрицать факта, что Возрожденіе было прежде всего возрожденіемъ Цицерона, а послѣ него уже и благодаря ему—прочей классической древности.

Дѣйствительно, въ тотъ длинный періодъ времени, который отдѣляетъ Августина отъ Петрарки, Цицеронъ постепенно терялъ ту роль главы римской литературы, которую за нимъ обезпечилъ было Квинтиліанъ. Христіанскіе писатели, заимствовавъ изъ него положительную часть его ученія, замѣстили его другими; при практическомъ характерѣ средневѣковой эрудиціи, Ливій и Саллюстій сохраняли свой интересъ, такъ какъ надобно же было писать исторію городовъ и династій, а другихъ образцовъ не было; Виргилій читался, во-первыхъ, какъ образецъ стихотворства, а во-вторыхъ, и какъ писатель религіозный, предвозвѣстившій, будто бы, Спасителя въ своихъ эклогахъ и описавшій въ Энеидѣ аллегорически, подъ видомъ Энея, мытарства человѣческой души; но читать Цицерона было незачѣмъ. Когда родился Петрарка, письма, большинство рѣчей, всѣ риторическія и много философскія сочиненія Цицерона, были преданы забвенію, а остальное читалось мало; главою римской литературы былъ не Цицеронъ, а Виргилій.

Но при такомъ положеніи дѣлъ Возрожденіе было невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, какую пищу могъ дать индивидуализму Виргилій? Онъ могъ убаюкать страждущую душу музыкой своихъ роскошныхъ стиховъ, которыми люди перестали восхищаться лишь тогда, когда перестали понимать по-латыни; но онъ не могъ указать направленіе рвущейся на волю личности. Не могъ указать его также ни Ливій, ни Саллюстій, ни стоикъ Сенека; изъ писателей древности только одинъ Цицеронъ могъ быть воздемъ гуманистовъ, такъ какъ они искали такого философа-руководителя, который освободилъ бы ихъ отъ духовнаго рабства не для того, чтобы сдѣлать ихъ своими собственными рабами, а для того, чтобы навсегда обезпечить за ними священное право личности—право выбора: такимъ былъ только Цицеронъ.

Этотъ выводъ, который намъ подсказываетъ самая исторія Возрожденія какъ эпохи эманципаціи личности, вполне подтверждается фактами. До Петрарки Цицеронъ ступшевывался передъ другими римскими писателями; со времени Петрарки онъ снова занимаетъ первое мѣсто среди нихъ. При такихъ усло-

вѣяхъ исторія ознакомленія Петрарки съ Цицерономъ приобрѣтаетъ особый интересъ; къ счастью, онъ разсказалъ намъ ее самъ въ одномъ изъ своихъ „Старческихъ писемъ“ (XV, 1): „Еще въ годы дѣтства, когда другіе восторгаются сказкою о Просперѣ или баснями Эзопа, я пристрастился къ Цицерону, вслѣдствіе или природнаго влеченія, или наставленій отца, который былъ страстнымъ поклонникомъ этого писателя... Конечно, въ это время я ничего еще не понималъ, но сладость и звучность его рѣчи (*verborum dulcedo quaedam et sonoritas*) такъ плѣняли меня, что все другое, чтѣ я читалъ или слышалъ, казалось мнѣ чѣмъ-то хриплымъ и неблагозвучнымъ“. Со временемъ Петрарка позналъ Цицерона и съ другой стороны. Пришлось ему углубиться въ юридическія науки, т.-е. „изучать законы о займахъ, завѣщаніяхъ, сервитутахъ и т. д., и позабыть о Цицеронѣ и его благотворныхъ наставленіяхъ для жизни; въ этихъ занятіяхъ я провелъ, или, вѣрнѣе, потерялъ цѣлыхъ семь лѣтъ“. Наконецъ, отецъ Петрарки догадался, почему юриспруденція не шла въ прокъ его сыну; и вотъ однажды онъ вытащилъ всѣ сочиненія Цицерона и нѣкоторыхъ поэтовъ изъ того укромнаго мѣстечка, куда ихъ упрятавъ-было благоразумный молодой человекъ, и предалъ ихъ пламени, точно книги еретиковъ. „Я плакалъ при этомъ зрѣлищѣ, — разсказываетъ этотъ послѣдній: — какъ будто меня самого собирались бросить въ этотъ огонь. Видя мое горе, отецъ вдругъ вынулъ изъ огня двѣ книги, уже почти загорѣвшіяся, — *Виргилія* и *риторику* (псевдо-) Цицерона, — и съ улыбкой, протянувъ ихъ мнѣ, сказалъ: „пользуйся однимъ, какъ услодой души, прибѣгать къ которой слѣдуетъ не часто, а другимъ — какъ пособіемъ при изученіи гражданскаго права“. Достигнувъ совершеннолѣтія, Петрарка бросилъ юриспруденцію и вернулся къ своей страсти; начались его неутомимые поиски за сочиненіями Цицерона, главнымъ образомъ — тѣми, которыя считались тогда потерянными. Много такихъ сочиненій спасъ онъ отъ вѣрной гибели, — мы врядъ ли ошибемся, сказавъ, что мы обязаны ему и его продолжателю Поджіо половиной всего, чтѣ намъ сохранилось отъ Цицерона; главной находкой была *Переписка Цицерона съ Аттикомъ, Квинтомъ и Брутомъ*, которую онъ открылъ въ 1345 г. въ Веронѣ. Благодаря этому открытію, Петрарка, а за нимъ и прочіе гуманисты, впервые познакомились съ Цицерономъ, какъ съ личностью.

Дѣйствительно, для цѣлаго тысячелѣтія до Петрарки Цицеронъ былъ понятіемъ, формулой, а не личностью; христіанскіе писатели часто упоминаютъ о немъ то съ похвалою, то съ порица-

нiемъ, но эти похвалы и порицанiя относятся только къ сочиненiямъ Цицерона, а не къ нему самому. Для Петрарки, какъ и слѣдовало ожидать при склонности Возрожденiя къ индивидуализму, Цицеронъ былъ живымъ человѣкомъ, и онъ себя представлялъ его, согласно своему идеалу, безстрастнымъ мудрецомъ, чуждающимся безпокойной массы и съ ласковой улыбкой дающимъ своимъ друзьямъ наставленiя къ разумной жизни—однимъ словомъ, Цицерономъ „Тускуланскихъ бесѣдъ“; чтенiе его переписки разочаровало его. Полетъ стрѣлы, столь прямой и плавный для невооруженнаго глаза, оказался теперь неровнымъ и дрожащимъ; тускуланскiй мудрецъ превратился въ человѣка, участвующаго въ борьбѣ партiй, колеблющагося въ своихъ рѣшенiяхъ, надѣющагося и кающагося въ своихъ надеждахъ. На первыхъ порахъ Петрарка былъ глубоко огорченъ этимъ открытiемъ; онъ излилъ свое горе въ письмѣ, которое онъ написалъ къ нему на тотъ свѣтъ: „О, ты, вѣчно безпокойный и тревожащiйся старецъ! Зачѣмъ избралъ ты себя удѣломъ эту постоянную борьбу и бесполезную вражду? На что промѣнялъ ты досугъ, подобающiй и возрасту твоему, и твоему призванiю, и твоему положенiю? Зачѣмъ призрачный блескъ славы завлекъ тебя, старика, въ войну юношей и послѣ столькихъ несчастiй обрекъ тебя недостойной философа смерти? Ты забылъ о совѣтѣ твоего брата, забылъ о своихъ собственныхъ спасительныхъ наставленiяхъ; подобно запоздалому путнику, — продолжаетъ Петрарка, повторяя картину Данте, — ты шествовалъ во мракѣ со свѣточемъ въ рукѣ, показывая путь тѣмъ, что слѣдовали за тобой, но самъ спотыкался жалкимъ образомъ... Насколько было бы достойнѣе, тѣмъ болѣе для философа, провести старость спокойно въ своемъ помѣстьѣ, размышляя, какъ ты самъ гдѣ-то говоришь, не объ этой кратковременной, а о той вѣчной жизни, — не стремиться къ должностямъ, не домогаться триумфовъ, не волноваться по поводу какихъ бы то ни было Катилинъ! Но теперь объ этомъ говорить поздно; прощай на-вѣки, дорогой Цицеронъ; пишу тебѣ на землѣ, въ трансальпiйской колонiи Веронѣ, что на правомъ берегу Атесиса, дня 16-го до квинтильскихъ календъ, въ 1345 г. послѣ рожденiя того Бога, котораго ты не зналъ“... Это письмо очень характерно для Петрарки и гуманистовъ вообще; оно показываетъ намъ, въ чемъ состоялъ идеалъ гуманиста. А чтобы не подавать повода къ недоразумѣнiямъ, Петрарка черезъ полгода написалъ на имя Цицерона другое письмо—то самое, въ которомъ онъ называетъ его вождемъ своимъ и своихъ единомышленниковъ. „Мои упреки, — говорить онъ тамъ, — относились лишь къ твоей жизни, а не къ

твоему уму и краснорѣчію—твоему уму я удивляюсь, передъ твоимъ краснорѣчіемъ благоговѣю. Да и жизнь твоя не нравится мнѣ только тѣмъ, что я не вижу въ ней устойчивости (constantia) и стремленія къ спокойствію, подобающему профессіи философа“. Его кумиромъ Цицеронъ остался навсегда; въ своихъ „Trionfi“ Петрарка описываетъ, напр., шествіе колесницы Славы: во главѣ римской литературы шествуютъ двое въ одномъ ряду съ Гомеромъ: это—мантуанскій пѣвецъ (Виргилій), и „тотъ, подъ чьими стопами трава покрывается цвѣтами. Это—тотъ М. Туллій, въ которомъ ясно сказывается, сколько заключено въ краснорѣчіи и цвѣтовъ, и плодовъ. Эти двое—оба ока нашей словесности“.

...ed uno, al cui passar l'erba fioriva.

Quest'è quel Marco Tullio, in cui si mostra

Chiaro, quanti ha eloquenza e frutti e fiori;

Questi son gli occhi della lingua nostra.

Остальные гуманисты послѣдовали въ этомъ отношеніи за Петраркой—прежде всѣхъ его пламенный поклонникъ, Боккаччіо. Его книга *De casibus virorum illustrium*—рядъ видѣній въ родѣ только-что упомянутыхъ „Trionfi“ Петрарки—касается и Цицерона; онъ является передъ нимъ какъ человекъ „съ благодушнымъ, почтеннымъ выраженіемъ лица, тронутаго тихой грустью, степенной осанки“ (по перифразу А. Н. Веселовскаго, Боккаччіо, II, 250 сл.); Боккаччіо какъ будто признаетъ его, но Фортуна его предупредила: это величайшій, славный между питомцами философіи мужъ, вожь римскаго краснорѣчія, Туллій Цицеронъ... Боккаччіо смотритъ на него съ изумленіемъ, имъ овладѣло сознание своего безсилія: ему ли писать о немъ! Нечего и говорить, что его біографія—восторженный панегирикъ Цицерону.—Не измѣнило ему и слѣдующее поколѣніе, мало того: такъ какъ въ этому времени и Петрарка отошелъ въ область прошлаго, то поднялся вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ его и Цицерона. Этимъ вопросомъ занимается Ліонардо Бруни въ своемъ *Dialogus de tribus vatis*, построенномъ совсѣмъ на манеръ діалоговъ Цицерона, хотя по содержанію онъ напоминаетъ скорѣе діалогъ Тацита *De oratoribus*. Въ этомъ интересномъ сочиненіи, предшественникъ извѣстнаго спора Ламотта и Дасье о сравнительномъ достоинствѣ древнихъ и новыхъ писателей, другъ Ліонардо, Никколи, стоитъ горой за древнихъ; превознося до небесъ Цицерона, онъ нападаетъ на Петрарку, говоря, что одно посланіе Цицерона ему дороже всѣхъ прозаическихъ сочиненій Петрарки, и равнымъ образомъ одна элога Виргилія—всѣхъ поэтическихъ его произ-

веденій. Когда затѣмъ его упрасиваютъ сказать кое-что и въ защиту Петрарки, онъ иронически беретъ назадъ сказанное имъ раньше, и заключаетъ шуткой въ духѣ Пушкинской эпитаграммы на Бюхельбекера, говоря, что одно прозаическое сочиненіе Петрарки ему дороже всѣхъ *посланій* Виргилія, и одно стихотвореніе Петрарки—всѣхъ *стихотвореній* Цицерона.

Конечно, самое сравненіе Петрарки съ человекомъ, передъ которымъ онъ преклонялся, было несправедливостью; сверстники Бруни поэтому за нимъ въ этомъ направленіи не послѣдовали; уваженіе къ Петраркѣ вполнѣ естественно уживалось съ культомъ Цицерона, и этотъ культъ скорѣе увеличивался со временемъ, чѣмъ уменьшался. О Никколи мы можемъ судить по той роли, которую ему даетъ его другъ Бруни въ своемъ діалогѣ. Другого его друга, Салютати, биографъ послѣдняго, Виллани, тоже гуманистъ, называетъ даже обезьяной Цицерона, при чемъ интереснѣе всего то, что въ устахъ Виллани это не укоризна, а комплиментъ—„своей прозой онъ приобрѣлъ такую славу,—говоритъ онъ,—что по заслугамъ можетъ быть названъ обезьяной Цицерона“. Траверсари, какъ монахъ, стыдливо скрывалъ свое пристрастіе къ Цицерону, но оно, помимо его воли, сказывалось въ стилѣ и духѣ его сочиненій, а также въ томъ предпочтеніи, которое онъ отдавалъ среди христіанскихъ писателей „христіанскому Цицерону“, Лактанцію. Верджеріо страстно защищалъ Цицерона противъ обвиненій непричастнаго къ гуманистическому движенію Малавесты, который презрительно обозвалъ Цицерона адвокатомъ—характерное обвиненіе, не разъ повторявшееся впоследствии. Но главнымъ проповѣдникомъ славы Цицерона былъ глава этого поколѣнія, знаменитый Поджіо, который самъ называлъ себя его ученикомъ и говорилъ, что далъ бы всѣ сокровища догматики за одну новую рѣчь Цицерона. Въ эпоху слѣдующаго поколѣнія произошелъ невѣроятный скандалъ: Лоренцо Вилла, позднее его глава, написалъ статью, въ которой сравнивалъ Цицерона съ Квинтилианомъ и отдавалъ послѣднему предпочтеніе. Хотя самая парадоксальность этого сравненія доказывала его неискренность, хотя другъ Валлы, Беккаделли, увѣрялъ, что эта статья—простое діалектическое упражненіе, и что Валла въ душѣ поклонникъ Цицерона, да и самъ Валла позднее доказалъ свою преданность ему, написавъ свои знаменитыя *Elegantiae*—тѣмъ не менѣе поднятый злополучной диссертацией шумъ не улегся: старый Поджіо былъ возмущенъ, и „воцунство“ Валлы осталось несмыслимымъ пятномъ на его репутаціи въ теченіе всей его жизни.

Чѣмъ же именно были обязаны гуманисты Цицерону?

Начнемъ съ формы. Въ этой области никакихъ сомнѣній быть не можетъ, но зато возможно другого рода возраженіе—именно то, что форма большого значенія не имѣетъ. Возраженіе это имѣло бы еще нѣкоторое основаніе по отношенію къ первому и третьему изъ разсматриваемыхъ нами періодовъ, но по отношенію къ эпохѣ Возрожденія оно несостоятельно. Не забудемъ, что главной заслугой Возрожденія было освобожденіе личности, а въ письменности самымъ полнымъ выраженіемъ личности является форма. Схоластическая латынь была дурна не тѣмъ, что она была уродлива, а тѣмъ, что была безлична; Цицеронъ научилъ людей тому, чего они раньше не знали—ставить форму своихъ произведеній въ соотвѣтствіе со своей личностью. Это нужно твердо помнить для того, чтобы понять—мы не говоримъ: одобрить—возмущеніе Петрарки противъ одного медика, который ставилъ медицину выше реторики; „это значить,—говорилъ онъ,—ставить служанку выше госпожи“. Спѣшу прибавить, что для Петрарки реторика была хотя и не вполне тѣмъ, чѣмъ она была въ эпоху Цицерона, но все-же и не той карикатурной „риторикой“, которой многіе представляютъ ее себѣ нынѣ: въ его глазахъ реторика была освободительницей человѣка какъ личности—вотъ почему онъ ставилъ ее выше медицины, благотѣльницы массы.

Послѣ формы—содержаніе; здѣсь пришлось бы говорить о матеріальныхъ заимствованіяхъ гуманистовъ у Цицерона. По отношенію къ первому періоду это былъ важный вопросъ; что же касается позднѣйшихъ періодовъ, то мы можемъ утверждать слѣдующее: чѣмъ меньше были прямые заимствованія гуманистовъ у Цицерона, тѣмъ выше были заслуги послѣдняго передъ ними. Не для того промѣняло человѣчество Петра Ломбарда на Цицерона, чтобы подъ новымъ именемъ продолжать старую службу; оно искало въ немъ вождя, а не господина.

Послѣ содержанія—духъ, т.-е. отношеніе автора къ предмету. Это именно та область, въ которой Возрожденіе произвело самый рѣшительный переворотъ; и именно въ этой области Цицеронъ былъ самымъ несомнѣннымъ вдохновителемъ Возрожденія. Конечно, мы всѣ ставимъ въ философскомъ отношеніи Платона и Аристотеля выше Цицерона; но попытаемся удалить послѣдняго изъ Возрожденія и спросимъ себя, что бы вышло. Нѣкоторые—именно тѣ немногіе, которые интересовались метафизикой—промѣняли бы догматы Ѳомы Аквинскаго на догматы—кто—Платона, кто—Аристотеля, смѣло слѣдуя за своимъ мастеромъ; стало бы двумя ересями больше, вотъ и все. Цицеронъ, какъ

философъ, былъ драгоцененъ именно тѣмъ, что, не будучи самъ творцомъ, онъ здраво и самостоятельно судилъ о творцахъ; этому искусству отъ него научились люди Возрожденія. Это говоритъ также и тотъ, кому болѣе другихъ приличествуетъ высказываться по нашему вопросу: „мы смѣемся надъ грубыми схоластиками, которые долго царствовали среди насъ, но мы чтимъ Цицерона и всѣхъ тѣхъ древнихъ, которые научили насъ мыслить“; это— слова Вольтера (*Dialogues philosophiques*, XIII).

Этимъ было возвращено личности ея право выбора, залогъ умственного прогресса; но ясно, что этому прогрессу должно было способствовать все то, что способствовало развитію самознанія личности. Съ этой точки зрѣнія, открытіе переписки Цицерона имѣло исключительный интересъ. До того времени люди знали только безличное письмо—письмо-трактатъ Сенеки, письмо-анекдотъ Плинія, письмо-проповѣдь Иеронима; индивидуальное письмо, какъ литературное произведеніе, считалось немислимымъ, и даже самъ Петрарка въ своей перепискѣ слѣдуетъ традиціи Сенеки. Но вотъ Петрарка находитъ письма Цицерона, главнымъ образомъ къ Аттику; черезъ полѣвка Салютати находитъ его т.-наз. переписку съ друзьями: оказалось, что вся обстановка, въ которой мы живемъ, можетъ быть предметомъ письма, какъ литературнаго произведенія. Это открытіе имѣло рѣшающее значеніе для всего Возрожденія; всѣ гуманисты пошли по стопамъ Цицерона и начали *familiariter scribere*. Удалось это не сразу: остроумное слово французскаго публициста, что требуется очень много искусства для того, чтобы быть естественнымъ,—оправдалось и здѣсь; но въ концѣ концовъ энтузіазмъ взялъ свое, и въ перепискѣ Поджіо съ Никколи была создана гуманистическая параллель къ перепискѣ Цицерона съ Атикомъ. Но это только примѣръ, хотя и наиболѣе яркій: изслѣдователи Возрожденія согласны въ томъ, что изъ всѣхъ его литературныхъ произведеній письма являются самымъ характернымъ и интереснымъ отраженіемъ его жизни, а этими письмами мы цѣликомъ обязаны Цицерону.

V.

За Возрожденіемъ слѣдуетъ реформація, за ней контръ-реформація; но для нашего вопроса это время не имѣетъ значенія.

Нѣтъ ничего общаго между Цицерономъ и реформаторами. Положительная сторона философіи Цицерона, его практическая мораль, не могла имѣть большого значенія въ глазахъ тѣхъ, во-

торые ставили спасеніе человѣка въ зависимость отъ его вѣры, а не отъ его дѣлъ; а еслибы они, въ свою очередь, стали развивать передъ нимъ свои догматы—можно утверждать навѣрное, что тускуланскій мудрецъ съ улыбкой сказалъ бы имъ: *ista sunt, ut disputantur*.—И все-таки реформація не отвергла Цицерона, совершенно напротивъ: читая „застольныя бесѣды“ Лютера, мы поражаемся той по-истинѣ трогательной теплотой, съ которой онъ, несмотря на свое отвращеніе къ „презрѣннымъ язычникамъ“ (*elende Heiden*), говоритъ о Цицеронѣ. Онъ ставитъ его неизмѣримо выше Аристотеля „Его *Officia*,—говоритъ онъ,—гораздо лучше, чѣмъ этика Аристотеля“. „Цицеронъ при всѣхъ работахъ, которыя ему причиняло управление государствомъ, многимъ превзошелъ Аристотеля, этого (перевожу дословно) бездѣльника и осла, у котораго было достаточно и денегъ, и пріятныхъ праздныхъ дней (...*ist er weit überlegen Aristoteli, dem müssigen Esel, der Geld und Gut und gute faule Tage genug hatte*)... Цицеронъ обсудилъ самыя тонкіе и важныя философскіе вопросы, о существованіи божества, о его свойствахъ, о его вмѣшательствѣ въ человѣческія дѣла, о безсмертіи души“. По этому поводу Лютеръ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „У него есть очень хорошее доказательство, которое глубоко и радостно волновало меня и запечатлѣлось въ моемъ сердцѣ“—и приводитъ то мѣсто, гдѣ Цицеронъ пользуется порядкомъ мірозданія какъ доказательствомъ существованія божества. Вообще—мнѣніе Лютера о Цицеронѣ-философѣ сводится къ слѣдующему: „кто хочетъ познать настоящую философію, тотъ долженъ читать Цицерона (*Wer die recht-schaffene Philosophia lernen will, der lese Ciceronem*)“. Кромѣ философскихъ произведеній Цицерона, Лютеръ читалъ и уважалъ его письма; о нихъ онъ произноситъ замѣчательное слово: *die Eristeln Ciceronis versteht Niemand recht, er sei denn 20 Jahr in einem fortrefflichen Regiment gewesen*, которое мы можемъ перефразировать слѣдующимъ образомъ: живого—не мертвые, а только живые поймутъ. Онъ заключаетъ слѣдующими словами, которыя дѣлаютъ честь его простой и любящей душѣ: „Цицеронъ, мудрый и прилежный человѣкъ, много выстрадалъ и много сдѣлалъ; я надѣюсь, что Господь Богъ будетъ милостивъ къ нему. Конечно, намъ не подобаетъ говорить объ этомъ съ увѣренностью, мы должны придерживаться откровеннаго намъ слова: „кто вѣруетъ и крещенъ, тотъ спасется“; но чтобы Богъ не могъ дѣлать исключеній и различать между язычниками и народами, этому намъ не приличествуетъ знать срокъ и мѣру. Ибо то будетъ новое небо и новая земля, шире и просторнѣе настоящей; Онъ можетъ важ-

дому воздать по своему усмотрѣнію“ (Tischreden, 2873, 2890). Подобно Лютеру, и Цвингли открылъ Цицерону рай, изъ котораго, впрочемъ, Кальвинъ, во всѣхъ отношеніяхъ антиподъ Цицерона, его снова изгналъ.

Но примѣры Лютера и Цвингли не должны вводить насъ въ заблужденіе: они говорятъ не какъ реформаторы, а какъ гуманисты; сама же реформація по своему принципу была враждебна Цицерону, который долженъ былъ казаться ей не то язычникомъ, не то католикомъ. Стоило солнцу гуманизма зайти—и естественная антипатія реформаціи къ Цицерону взяла свое; а такъ какъ человѣку свойственно доискиваться объективныхъ доказательствъ противъ антипатичныхъ ему лицъ и дѣлать свой разумъ рабомъ своего инстинкта, то на почвѣ реформированной Германіи былъ составленъ громадный обвинительный актъ противъ тускуланскаго мудреца, и Цицеронъ-кариатура у многихъ прослылъ за настоящаго.

Мы были правы, поэтому, утверждая, что реформація для интересующаго насъ вопроса—не имѣетъ значенія, если только не видѣть прогресса въ томъ, что возрѣнія Лютера на Цицерона были синтезомъ возрѣній обоихъ предъидущихъ періодовъ движенія, христіанскаго и гуманистическаго: онъ уважаетъ въ немъ философа и эпистолога, а ораторъ, несмотря на массу извѣстныхъ тогда рѣчей, не былъ еще вполне открытъ. Что касается контръ-реформаціи, то она была реакціей не только противъ реформаціи, но и противъ гуманизма—ясно, что она не могла признать за Цицерономъ другого значенія, кромѣ того, въ которомъ ему не отказывали и первые христіанскіе писатели. Впрочемъ, по отношенію къ обвѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что онѣ отвели Цицерону почетное мѣсто въ образованіи подростяющей молодежи.

При смѣлыхъ экзаменныхъ отвѣтахъ ученика одной іезуитской школы, благочестивый ея учитель съ ужасомъ воскликнулъ: „молодой человѣкъ, вы будете проповѣдникомъ деизма во Франціи“! Этимъ ученикомъ былъ Вольтеръ, а время его школьнаго экзамена было началомъ третьяго періода въ исторіи прогресса—періода „просвѣщенія“ и революціи.

VI.

Извѣстно, что французское „просвѣщеніе“ было результатомъ вліянія новой, спеціально англійской, философіи и физики (въ самомъ широкомъ смыслѣ) на французское общество; какъ это

случилось, объ этомъ писалъ уже Тэнъ въ его знаменитомъ „Ancien régime“. Но тѣмъ не менѣе можно утверждать: 1) что съ англійской философiей, строжайше запрещенной въ иезуитскихъ школахъ, Вольтеръ познакомился лишь много позже своего выхода изъ болѣза; 2) напротивъ, Цицеронъ читался у иезуитовъ очень усердно; 3) первымъ памятникомъ деама были книги Цицерона *De natura deorum* и, какъ приложение къ нимъ, книги *De divinatione*; 4) Вольтеръ въ теченiе всей своей жизни боготворилъ Цицерона. Изъ этихъ четырехъ пунктовъ только послѣднiй можетъ претендовать на нѣкоторую новизну, а такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ ближайшее отношенiе къ нашей темѣ, то мы займемся исключительно имъ.

Вольтеръ упоминаетъ о Цицеронѣ часто въ своихъ произведенiяхъ и всегда съ похвалою; можно даже сказать, что это — одинъ изъ немногихъ писателей, о которыхъ онъ никогда не сказалъ дурного слова. Но до какой степени Цицеронъ былъ близокъ его сердцу, показала слѣдующiй случай. Одинъ изъ извѣстныхъ адвокатовъ того времени, *Lingnet*, счелъ нужнымъ въ своемъ сочиненiи о судоходныхъ каналахъ дать мѣсто нападкамъ на Цицерона. Какое кому было дѣло до этого давно умершаго человѣка? Но Вольтеръ рассудилъ иначе; съ великимъ энтузиазмомъ онъ заступился за поруганную честь тускуланскаго мудреца. „Именно теперь, — говоритъ онъ гнѣвно, — во время упадка искусства во Францiи, въ вѣкъ парадоксовъ, въ эпоху уничтоженiя литературы и преслѣдованiя философiи — именно теперь стараются унижить Цицерона!“ Давъ затѣмъ краткiй, но восторженный биографическiй очеркъ своего героя, онъ продолжаетъ: „Теперь не забудемъ, что это — тотъ самый римлянинъ, который первый ввелъ философiю въ Римъ; что его „Тускуланскiя бесѣды“ и его книга „О природѣ боговъ“ — два самыхъ прекрасныхъ сочиненiя, которыя когда-либо написала мудрость, поскольку она — мудрость человѣческая (въ подлинникѣ непереводаемая двусмысленность... *qu'ait jamais écrit la sagesse qui n'est qu'humaine*); что его разсужденiе „Объ обязанностяхъ“ — самое полезное разсужденiе по нравственной философiи, какое у насъ есть; и мы будемъ еще менѣе склонны относиться съ пренебреженiемъ къ Цицерону. Пожалѣемъ о тѣхъ, которые не читаютъ его; пожалѣемъ еще болѣе о тѣхъ, которые, читая его, не воздаютъ ему справедливости!“ (*Dictionnaire philosophique*, t. VII, 343 éd. Furnes).

Какъ извѣстно, Вольтеру приходилось прибѣгать въ своихъ сочиненiяхъ къ различнаго рода „маскарадамъ“, чтобы не сдѣлаться жертвой какаго-нибудь *lettre de cachet*. Свои действительскiя убѣж-

денія онъ высказалъ въ формѣ писемъ Мемміа къ Цицерону, найденныхъ, будто бы, княземъ Шереметевымъ въ Палатинской библіотекѣ и переведенныхъ имъ, Вольтеромъ, на французскій языкъ; эти письма очень интересны потому, что въ нихъ девизъ выводится непосредственно изъ философіи Цицерона. Между прочимъ, Меммій вотъ какъ отзывается о книгѣ Цицерона *De officiis*: „Никогда не будетъ написано болѣе мудраго, болѣе правдиваго, болѣе полезнаго сочиненія. Отнынѣ тѣ, которые будутъ имѣть претензію учить людей и давать имъ наставленія объ ихъ обязанностяхъ, будутъ шарлатанами, если пожелаютъ возвыситься надъ тобой, или будутъ всѣ твоими подражателями“ (III, XIX). Въ другомъ мѣстѣ Меммій говоритъ о Цезарѣ, честолюбіе котораго внушаетъ ему опасенія; онъ боится, какъ бы онъ не далъ міру монархіи. Одно только его утѣшаетъ: сочиненія Цицерона спасутъ челоѣчество отъ деспотизма. „Когда монархическая власть утвердится, среди тирановъ несомнѣнно найдется нѣсколько добрыхъ правителей; когда же народъ привыкнетъ къ повиновенію, тираны не будутъ имѣть повода быть злыми; если они будутъ читать твои произведенія, они будутъ даже добродѣтельны“. Не трудно догадаться, въ кого Вольтеръ мѣтитъ этими словами: его восторженный поклонникъ и ученикъ, „геній XVIII вѣка“, какъ онъ его называетъ, Фридрихъ Великій, былъ самъ почитателемъ Цицерона. „Никогда не было въ мірѣ второго Цицерона!“ — восклицаетъ король въ письмѣ къ Вольтеру (*il n'eut jamais qu'un Ciceron au monde*). „Я безконечно люблю Цицерона, — пишетъ онъ ему въ другомъ мѣстѣ; — я нахожу въ его „Тускуланскихъ бесѣдахъ“ много чувствъ, родственныхъ съ моими“... „Разсужденіе объ обязанностяхъ — лучшее сочиненіе по нравственной философіи, какое когда-либо было или будетъ написано“... И онъ думалъ такъ не только во время своего заточенія въ Ремусбергъ, когда Цицеронъ былъ его любимымъ товарищемъ и утѣшителемъ: много повдѣе, ставъ королемъ и военачальникомъ, онъ бралъ съ собою въ походъ сочиненія Цицерона — „Тускуланскія бесѣды“, „О природѣ боговъ“, „О предѣлахъ добра и зла“ (Zeller, *Friedrich der Grosse als Philosoph*, 214).

Но вернемся къ Вольтеру и его „маскарадамъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ повѣствуетъ о мнимомъ посольствѣ римской республики къ богдыхану; послѣдній спрашиваетъ пословъ о религіи ихъ народа; тѣ рассказываютъ ему о понтифесахъ, авгурахъ, священныхъ вурятникахъ и т. под., и внушаютъ просвѣщенному религіей Будды правителю живѣйшее отвращеніе къ республикѣ; онъ уже собирается съ позоромъ отослать ихъ, какъ вдругъ ему до-

кладываютъ, что нѣкій „Цицеронъ, величайшій ораторъ и лучший философъ Рима, только-что написалъ противъ авгуровъ маленькое сочиненіе подъ заглавіемъ: „De divinatione“, въ которомъ онъ навѣки дѣлаетъ смѣшными (*livre à un ridicule éternel*) всѣ ауспиціи, всѣ прорицанія, всякую вообще ворожбу, отъ которой оглухла земля. Китайскій императоръ интересуется этой книгой, его переводчики переводятъ ее; отнынѣ онъ поклонникъ и этой книги, и всей римской республики“ (*Remarques de l'esprit sur les mœurs, IV*).

Тому, кто бы сомнѣвался въ чувствахъ, которыя Вольтеръ питалъ къ Цицерону, можно указать на то, что онъ сдѣлалъ его даже героемъ одной трагедіи (*Rome sauvée*), имѣющей содержаніемъ заговоръ Катилины. А такъ какъ Вольтеръ съ гораздо болышимъ правомъ, чѣмъ Фридрихъ II, можетъ быть названъ гениемъ эпохи „просвѣщенія“, то будетъ встать поставитъ теперь вопросъ: чѣмъ могъ быть для Вольтера, а слѣдовательно, и для „просвѣщенія“ Цицеронъ?

Эпоха „просвѣщенія“, будучи во многомъ продолженіемъ и развитіемъ эпохи Возрожденія, имѣетъ одну особенность, которая ее рѣзко отличаетъ отъ нея; эта особенность — *духъ пропаганды*. Возрожденію этотъ духъ былъ совершенно чуждъ: человекъ эпохи Возрожденія ищетъ спасенія, какъ мы видѣли, не въ борьбѣ съ массой и ея интересами, а *отъ* массы, въ уединеніи, или въ общеніи съ другими личностями, съ которыми его связываетъ дружба: человекъ эпохи „просвѣщенія“, напротивъ, обращается къ массѣ. Тамъ личность старается выдѣлится изъ массы; здѣсь личность старается подчинить массу себѣ. Возрожденіе создаетъ Макиавеля, „просвѣщеніе“ — Антимакиавеля; это сопоставленіе знаменательно. Причина этого явленія, быть можетъ, состоитъ, отчасти по крайней мѣрѣ, въ томъ, что созданная Возрожденіемъ интеллигенція въ нивелирующій вѣкъ Людовика XIV сама успѣла превратиться въ массу (*Taine, Ancien régime, 241*).

Но секуляризованная мысль „просвѣщенія“, обращаясь съ завоевательной цѣлью къ массѣ, находитъ уже занятымъ то мѣсто, которое хотѣла занять она; занято же оно было, какъ мы видѣли, религіей, которая съ давнихъ поръ стремилась удовлетворять и нравственныя, и умственныя потребности массы; вотъ почему въ эпоху „просвѣщенія“ личность враждебно относится къ религіи и ея бюрократическимъ, церковнымъ органамъ. Миръ между личностью и церковью, возможный въ эпоху Возрожденія и его продолжателей на французской территоріи — Декарта, на примѣръ, — долженъ былъ нарушиться въ эпоху „просвѣщенія“.

Съ этой точки зрѣнія—хотя она только главная, а не единственная — мы легко поймемъ значеніе Цицерона для героев „просвѣщенія“: онъ былъ ихъ важнѣйшимъ союзникомъ въ борьбѣ противъ церкви. Чтобы доказать и объяснить это, позволимъ себѣ еще разъ привести характеристику философіи Цицерона, которую мы дали выше, по поводу эпохи перваго распространенія христіанства, и повторимъ по поводу Возрожденія.

Философія Цицерона — сказали мы — была *положительна* именно въ той области, въ которой сомнѣнія невозможны безъ разрушенія человѣческаго общества—въ области морали, которую Цицеронъ выводитъ изъ природы... Эта положительная сторона была единственною, которой интересовались христіанскіе писатели; интересовались ею и носители „просвѣщенія“, и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе принципа, который лежалъ въ ея основѣ. „Не трогайте религіи,—говорили ея защитники:—внѣ религіи нѣтъ морали“; „неправда,—говорили просвѣтителі:—мораль возможна и внѣ религіи, и вотъ вамъ доказательство—книги De officiis съ ихъ независимой моралью, выведенной непосредственно изъ природы“.— „Да,—восторженно твердили продолжатели ихъ дѣла:—природа создала человѣка добрымъ, традиціонныя формы только стѣсняють его природную доброту; разрушимъ эти формы, дадимъ этой добротѣ развиться вволю, и онъ создастъ новое, идеальное общество“...

Философія Цицерона — замѣтили мы — *скептически* относилась къ метафизикѣ; выдѣливъ, какъ подлежащіе сомнѣнію, факты существованія божества и безсмертія души, Цицеронъ во всемъ прочемъ сопоставляетъ противорѣчивыя мнѣнія, воздерживаясь отъ собственнаго сужденія и предоставляя въ самой широкой мѣрѣ право выбора личностямъ... Этимъ правомъ выбора воспользовались, какъ мы видѣли, дѣятели Возрожденія въ видахъ освобожденія личности; воспользовались имъ, но съ совершенно другою цѣлью, и дѣятели „просвѣщенія“: въ книгахъ De natura deorum Вольтеръ прочиталъ слово, которое до него тамъ прочитано не было,—слово: tolérance. Онъ въ своемъ извѣстномъ трактатѣ, посвященномъ этому предмету, заступаетъ за протестантовъ, но не во имя протестантизма—онъ презираетъ Лютера и ненавидитъ Кальвина—а во имя того права выбора, которое даетъ Цицеронъ и котораго не даетъ господствующая церковь.

Философія Цицерона была, наконецъ, *отрицательна* по отношенію къ сверхъестественному... Эту черту не замѣтило ни христіанство, ни Возрожденіе; впервые „просвѣщеніе“ обратило на нее вниманіе—мало того: въ рукахъ просвѣтителей доводы Цицерона противъ сверхъестественнаго сдѣлались оружіемъ противъ

чуда и, слѣдовательно, противъ господствующей религіи. Дидро (*Pensées philosophiques*, XLVII) цитируетъ съ похвалою возраженіе Цицерона (въ *De divinatione*) тѣмъ, которые доказывали подлинность чуда Атта Навія, и замѣчаетъ, что этимъ возраженіемъ можно воспользоваться противъ всѣхъ чудесъ безъ исключенія; и дѣйствительно, имъ воспользовался Вольтеръ: вездѣ, гдѣ онъ опровергаетъ чудеса, онъ беретъ свое оружіе изъ книгъ Цицерона *De divinatione*.

Но важность Цицерона для „просвѣщенія“ далеко не ограничивается всѣмъ этимъ.

Сочиненія Цицерона распадаются на разсужденія, письма и рѣчи; въ первыхъ мы имѣемъ передъ собою Цицерона-философа, во вторыхъ—Цицерона-личность, въ третьихъ—Цицерона-государственнаго человѣка. Разумѣется, Цицерона какъ государственнаго человѣка мы имѣемъ также и въ политическихъ его трактатахъ, *De republica* и *De legibus*, которые по этой причинѣ мы должны причислить не къ первой, а къ третьей группѣ.

Эпоха распространенія христіанства видѣла въ Цицеронѣ только философа, при томъ исключительно философа-моралиста; для нея имѣли значеніе только философскіе трактаты Цицерона.

Эпоха Возрожденія, сверхъ того, интересовалась Цицерономъ какъ личностью: она поэтому особенно дорожила письмами Цицерона, а въ Цицеронѣ-философѣ открыла новую сторону—философа-индивидуалиста. Эпоха „просвѣщенія“, наконецъ, открыла и третью сторону въ Цицеронѣ-философѣ—философа-раціоналиста; она же открыла цѣликомъ Цицерона-государственнаго человѣка, а съ нимъ и его рѣчи, и политическіе трактаты.

Во главѣ того движенія, которое, имѣя предметомъ государство, сдѣлалось однимъ изъ главныхъ толчковъ революціи, стоитъ, какъ извѣстно, Монтескьё: его *Esprit des lois* имѣлъ очень сильное вліяніе на конституцію 1791 года. Монтескьё серьезно изучилъ Цицерона, составляя эту классическую книгу; онъ цитируетъ его—особенно, какъ это и понятно,—его трактатъ *De legibus*—не разъ, и всегда очень почтительно; онъ и о немъ самомъ былъ хорошаго мнѣнія: „Цицеронъ, — говоритъ онъ, — на мой взглядъ одинъ изъ величайшихъ умовъ всѣхъ временъ: что касается его души, то она всегда была прекрасна, когда не была слаба“ (*Pensées diverses*). Тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ права настаивать на вліяніи Цицерона на Монтескьё; онъ пользуется имъ наравнѣ съ другими, хотя и любитъ его, повидимому, болѣе другихъ.

Но дѣло представляется намъ въ совершенно иномъ видѣ, когда мы отъ Монтескьё переходимъ къ Мабли, этому столу

несправедливо забытому писателю, котораго еще Тэнъ зачисляетъ въ *enfants perdus* „просвѣщенія“, и которому лишь недавно было возвращено подобающее ему мѣсто непосредственнаго предшественника революціи. Объ уваженіи Мабли къ Цицерону достаточно свидѣтельствуется тотъ фактъ, что онъ знаетъ его философскія сочиненія почти наизусть (*Oeuvres posth.*, I, 71); его цитатамъ изъ него, похваляемъ ему нѣтъ конца; никогда не произноситъ онъ дурного слова о немъ, мало того: возвращая Цицерону его комплиментъ Платону, онъ восклицаетъ, что предпочитаетъ ошибиться съ Цицерономъ, чѣмъ быть обязаннымъ правдой другимъ философамъ (*Droits et devoirs du citoyen*, гл. IV—*Oeuvres*, 17, 106). Говоря объ изученіи политики, т. е. науки о государствѣ, онъ рекомендуетъ своему собесѣднику Гоббса, Локка, древнюю исторію, предостерегаетъ его отъ новой исторіи (*vous trouverez tout dans l'histoire ancienne, il n'est pas besoin d'étudier les modernes, pour y trouver des sottises, des bévues, des impertinences*) и заключаетъ словами: „Какая жалость, что время лишило насъ „Государства“ Цицерона! По всѣмъ вѣроятіямъ, одно это сочиненіе, написанное о такомъ дѣльномъ народѣ такимъ глубокимъ знатокомъ политики, было бы достаточнымъ пособіемъ для нашего обученія“ (*De l'étude de la politique—Oeuvres*, I, 129). Но главнымъ его сочиненіемъ должно быть для насъ то, въ которомъ онъ предсказалъ весь первый періодъ революціи, и которое само учредительное собраніе, въ лицѣ своего президента, признало своимъ образцомъ (*Oeuvres posth.* I, 299), это—разсужденіе „О правахъ и обязанностяхъ гражданина“; имъ мы должны заняться обстоятельнѣе, тѣмъ болѣе, что оно можетъ помочь намъ правильно опредѣлить значеніе и англійской философіи, и Цицерона, какъ факторовъ „просвѣщенія“.

Содержаніе этого разсужденія — споръ о томъ, обязанъ ли гражданинъ безусловно повиноваться законамъ своего государства, или нѣтъ. Споръ этотъ—споръ древній и вѣчный. Софокль посвятилъ ему одну изъ своихъ лучшихъ трагедій. Въ новое время о немъ писали и Гротій, и Пуфендорфъ, и Вольфъ, и Гоббсъ; но всѣ они рѣшили его въ пользу Креонта; Мабли рѣшаетъ его въ пользу Антигоны. Форма разсужденія—разговоръ, но не Дидротовскій разговоръ, съ обязательнымъ присутствіемъ профана въ лицѣ великосвѣтской дамы или полинесійскаго дикаря, а излюбленная у Мабли, въ подражаніе Цицерону, серьезная бесѣда друзей. Собесѣдникомъ автора является лордъ Стэнгопъ; оба они гуляютъ въ марліискомъ паркѣ, при чемъ разговоръ ихъ

отъ окружающей природы переходить къ политикѣ — что уже прямо напоминаетъ намъ обстановку діалога *De legibus*. Случайно произносится слово: „обязанности гражданина“; авторъ утверждаетъ, что онѣ заключаются въ повиновеніи законамъ; лордъ Стэнгопъ это оспариваетъ и приводитъ доводы, которые ужасаютъ автора. „Но что же будетъ тогда съ нашими основными законами?“ (намекъ на *Монтескье*).— „А это ихъ дѣло,—кладнокровно отвѣчаетъ англичанинъ; — ихъ замѣнять другіе основные законы“.— „Ваша теорія ведетъ къ анархіи!“— „А ваша — къ убѣдовѣченію зла“. Собесѣдники расстаются; французъ взволнованъ, но не убѣжденъ; вернувшись домой, онъ беретъ за Цицерона, раскрываетъ его разсужденія *De legibus* и случайно встрѣчаетъ слѣдующую фразу (кн. I, § 42): „Нѣтъ болѣе возмутительной нечѣпости, какъ объявлять справедливыми всѣ постановленія народныхъ собраній или вообще законодательной власти. Что мы скажемъ, въ самомъ дѣлѣ, если то будутъ постановленія тирановъ? Еслибы тридцать тирановъ пожелали дать Аѳинцамъ законы, еслибы всѣ аѳиняне пристрастились къ тираническимъ законамъ—было бы это достаточной причиной, чтобы считать эти законы справедливыми? Нѣтъ: ибо есть одно право, обязательное для общества, и это право устанавливается однимъ закономъ: законъ этотъ—здравый разумъ, опредѣляющій, чего слѣдуетъ требовать и что запрещать“... Это мѣсто повергаетъ его въ раздумье: на слѣдующее утро онъ показываетъ его лорду Стэнгопу: они разсуждаютъ. „Цицеронъ правъ,—говоритъ Стэнгопъ:—разъ люди достаточно глупы, или достаточно злы, чтобы издавать несправедливые или нечѣпные законы, какое другое средство имѣемъ мы противъ этого зла, кромѣ неповиновенія?“ (*Oeuvres* 17, 114). Французъ обязанъ согласиться; и вотъ, слѣдуя все далѣе и далѣе въ этомъ направленіи, англійскій лордъ разсказываетъ ему о будущемъ совыѣ генеральныхъ штатовъ, объ ихъ рѣшеніи не расходиться до тѣхъ поръ, пока они не дадутъ Франціи новой формы правленія (стр. 207), и обо всемъ томъ, чему суждено было осуществиться черезъ тридцать лѣтъ.

Тогда ни одного изъ героев „просвѣщенія“ не было въ живыхъ, но были живы ихъ ученики и поклонники: мѣсто *Мабли* занялъ *Барнавъ*, мѣсто *Монтескье*—*Мунье* и *Тронше*, мѣсто *Вольтера*—*Мирабо*. На смѣну поколѣнію философовъ-политиковъ явилось поколѣніе ораторовъ; оно-то и открыло Цицерона-оратора. Начнемъ съ *Мирабо*.

Когда послѣ роковой для Людовика XVI *Séance royale*, 23 июня 1789 года, народъ былъ взволнованъ слухами о „заго-

воръ" двора противъ собранія, Мирабо обратился къ нему съ успокоительной рѣчью; въ этой рѣчи его образцомъ была вторая „катилинарія“ Цицерона. Онъ воспроизводитъ классическое дѣленіе Цицерономъ враговъ государства на группы, при чемъ число настоящихъ, внушающихъ опасеніе враговъ, служивается до минимума: онъ воспроизводитъ и ликованіе римскаго оратора по поводу безкровной побѣды надъ крамольниками. — Когда стали стягивать войска къ Парижу, Мирабо припомнилъ вступленіе рѣчи за Милона, и сталъ развивать мысль о неудобствѣ для собранія совѣщаться среди брацанія оружія. Обращаясь по этому поводу съ рѣчью къ королю, онъ привелъ нѣкоторыя соображенія, заимствованныя изъ рѣчи за Лигарія о врожденной кротости короля и о стремленіяхъ нѣкоторыхъ лицъ внушить ему жестокія мысли. Подобно Цицерону, и Мирабо защищается отъ обвиненія, что онъ злоупотребляетъ своимъ обаяніемъ, чтобы подчинить себѣ собраніе (18 авг. 89); подобно ему и онъ, умалия свое знаніе и свои таланты, превозноситъ свое рвеніе и свою стойкость (7 ноября 89). Но важнѣе этихъ примѣровъ, число которыхъ легко можетъ быть увеличено—его техническая зависимость отъ своего образца, которая у него замѣтна, тѣмъ у кого бы то ни было; впрочемъ, только подробный анализъ рѣчей обоихъ ораторовъ можетъ выяснитъ эту зависимость. А какъ уважалъ онъ Цицерона, объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ заключеніе его рѣчи, 19 апр. 90 г., въ которой онъ требовалъ, чтобы тѣ депутаты, срокъ полномочій которыхъ истекалъ, несмотря на это препятствіе оставались въ собраніи. „Вы всѣ знаете отвѣтъ того римлянина, который, чтобы спасти свое отечество отъ страшнаго заговора, былъ вынужденъ переступить законныя предѣлы своихъ полномочій. Коварный трибунъ потребовалъ отъ него клятвы въ томъ, что онъ соблюдетъ законы; онъ думалъ этой хитрой постановкой вопроса заставить его или совершить клятвопреступленіе, или сдѣлать невыгодное для себя признаніе. „Клянусь“, сказалъ тогда этотъ великій мужъ, „клянусь, что я спасъ республику!“—и я клянусь въ томъ, что вы спасли государство“...

Всѣ эти люди—Мирабо и его сподвижники—продолжали дѣло просвѣтителей; вотъ почему Мабли и могъ предусмотрѣть результатъ ихъ трудовъ. Кличъ личности къ массѣ раздавался все чаще и чаще, уже не изъ кабинета ученаго и литератора, а съ трибуны собраній или клубовъ; массы поднялись и отвѣтили таже, какъ онъ по естественной логикѣ вещей должны были отвѣтить—крикомъ ярости противъ тѣхъ, которые призывали ихъ къ поли-

тической жизни. Изъ этихъ двухъ противоположныхъ другъ другу движеній и состоитъ французская революція: изъ движенія сверху внизъ—обращенія личности къ массѣ, и изъ движенія снизу вверхъ—поглощенія массой личности. Этого второго движенія, которое въ концѣ концовъ и наложило свою печать на революцію, просвѣтителю не предусмотрѣли, хотя возможность предусмотрѣть его у нихъ была: въ ихъ средѣ былъ такой представитель массы, который чувствовалъ къ нимъ все то инстинктивное отвращеніе, которое человекъ-масса всегда чувствуетъ въ отношеніи человека-личности: это былъ Руссо. Въ своемъ *Contrat social* онъ привелъ въ удобопонятную формулу ученіе о поглощающемъ личностъ государствѣ, хотя онъ, вслѣдствіе недостаточной выдержки своего ума, развилъ его не вполне послѣдовательно: сдѣлавъ лозунгомъ своего государства позднѣйшій девизъ якобинцевъ, *liberté et égalité*, онъ долженъ былъ приписать: *cecī tuera cetera*. А между тѣмъ это было необходимо: свобода, т.-е. право выбора—требованіе личности, и равенство, т.-е. единство—требованіе массы, не могли ужиться другъ съ другомъ; и второе было настолько сильнѣе перваго, насколько масса сильнѣе личности.

Руссо, въ качествѣ человека-массы, питалъ инстинктивное отвращеніе къ личностямъ; Цицеронъ же, какъ мы убѣдились много разъ, былъ именно личностью; понятно, что Руссо его не любилъ. Не потому, чтобы онъ враждебно относился къ античной литературѣ, совершенно напротивъ: „Эмилъ, — говоритъ онъ, — болѣе полюбитъ древнія книги, чѣмъ наши, уже по той причинѣ, что, будучи первыми по времени, онѣ ближе къ природѣ“ (*Emile*, IV). Но специально Цицеронъ былъ ему антипатиченъ; „увлеченный мужественнымъ краснорѣчіемъ Демосоена, Эмилъ скажетъ: „это ораторъ“; но, читая Цицерона, онъ скажетъ: „это адвокатъ“ (*ibidem*). Руссо тѣмъ легче было проводить это различіе, что онъ не читалъ ни того, ни другого; дѣйствительно, говоря однажды о трактатѣ Цицерона *De legibus*, онъ выражается приблизительно такъ: „повидимому, это былъ прикрашенный переводъ какого-нибудь греческаго сочиненія“; такимъ образомъ, онъ считалъ потеряннымъ этотъ славный въ эпоху „просвѣщенія“ трактатъ, который такъ старательно изучилъ Монтескьё, и которымъ такъ увлекался Мабли, и считалъ его переведеннымъ съ греческаго, между тѣмъ какъ онъ, выросши исключительно на римской почвѣ и будучи очеркомъ римскаго сакральнаго и государственнаго права, представляетъ изъ себя самое самостоятельное, также и въ смыслѣ творчества, разсужденіе Цицерона. Но Руссо, какъ человеку-

массѣ, была въ высокой степени присуща склонность массы судить и осуждать незнакомыхъ ей людей.

Итакъ, зародыши рокового дуализма революціи были на лицо уже въ эпоху „просвѣщенія“; все же никто его не подозрѣвалъ, не исключая и Мабли. Онъ послѣдовательнѣе всѣхъ развилъ принципъ пропаганды, т.-е. обращенія личности къ массѣ: на предложеніе „скрывать свои принципы отъ массы и давать только мудрымъ право реформировать правительство“ Стэнгопъ отвѣчаетъ (Oeuvres 17, 57), что „истина не можетъ быть слишкомъ извѣстной, слишкомъ распространенной, слишкомъ тривіальной“; но онъ же „освобождаетъ отъ труда критиковать законъ всѣхъ тѣхъ, которые руководятся лишь нѣкотораго рода инстинктомъ и вслѣдствіе своего невѣжества лишены возможности имѣть другихъ путеводителей, кромѣ *авторитета*, привычки и *примѣра*“, и признаетъ такимъ образомъ за массой лишь право содѣйствія, а не право почина: „Цицеронъ — прибавляетъ онъ, безусловно справедливо, — безъ сомнѣнія оказалъ бы имъ такое же снисхожденіе“ (ibid. 117). Не были дальновиднѣе Мабли и ораторы учредительнаго собранія; они радовались движенію массы, не подозрѣвая его враждебнаго для нихъ же смысла; для этого они находились слишкомъ далеко отъ нея.

Но вотъ учредительное собраніе, давъ Франціи новую конституцію, разошлось; среди сильныхъ волненій, вызванныхъ бѣгствомъ короля, произошли выборы въ новое собраніе; передъ нами *жирондисты* — эта красивая и легкая пѣна народной волны. Отъ нихъ повѣяло новымъ, республиканскимъ духомъ, въ силу котораго и Цицеронъ былъ понятъ съ новой стороны: не только какъ теоретикъ въ области политики, не только какъ ораторъ, — но и какъ республиканскій дѣятель, вслѣдствіе чего его обаяніе неизмѣримо возросло. Дѣйствительно, для республиканцевъ вся исторія монархіи отъ Цезаря до Людовика XVI не существовала; „свѣтъ опустѣлъ со времени римлянъ“, говоритъ С.-Жюль (2 germinal, 1794); они продолжали дѣло, начатое изгнаніемъ Тарквинія Гордаго и прерванное узурпаціей Цезаря: ихъ героями были, поэтому, Брутъ Старшій, изгнавшій Тарквиніевъ, и Цицеронъ, боровшійся съ Суллою, сокрушившій Катилину, побѣжденный Цезаремъ и погибшій отъ триумвировъ. Но это обаяніе было не личное: Цицеронъ интересовалъ французскихъ республиканцевъ именно какъ выдающійся республиканецъ, на ряду съ другими; все римское вошло въ моду, слова: *ainsi faisaient les Romains* — сплошь и рядомъ встрѣчаются въ рѣчахъ ораторовъ собранія и клубовъ, притомъ большею частью невпопадъ: достаточно

будеть вспомнить, что даже гильотина была рекомендована французамъ какъ римское изобрѣтеніе (Goncourt, Hist. de la soc. fr. pendant la révol., 431). Среди жирондистовъ мы встрѣчаемъ довольно полный ассортиментъ героевъ послѣднихъ годовъ римской республики: у нихъ есть свой Брутъ (младшій) — это Бриссо; свой Катонъ — Роланъ; своя Марція (жена Катона) — м-мъ Роланъ; что касается Цицерона, то имъ былъ, разумѣется, главный ораторъ партіи, Верньо. Особнякомъ стоитъ философъ партіи, не раздѣлявшій ея римско-республиканскихъ увлеченій и по принципу враждебно относившійся къ Цицерону, Кондорсэ. Будучи по призванію математикомъ, онъ и въ своемъ взглядѣ на исторію оставался вѣренъ своей специальности; въ прогрессѣ онъ видѣлъ прогрессию, нѣчто въ родѣ Ньютонова бинорма, въ которомъ показатель перваго члена, *superstition*, постепенно уменьшается, а показатель второго члена, *raison*, постепенно увеличивается; конечно, для личности въ этой формулѣ не было мѣста, въ этомъ Кондорсэ согласенъ съ Руссо, котораго онъ, впрочемъ, не особенно уважалъ.

Таковы жирондисты; спускаясь ступеню ниже, мы встрѣчаемъ дантонистовъ. Самъ Дантонъ, одна изъ самыхъ крупныхъ личностей того времени, вслѣдствіе своего недостаточнаго образованія былъ лишенъ возможности хорошо знать Цицерона; впрочемъ, онъ старался восполнить этотъ пробѣлъ, какъ видно изъ того факта, что послѣ его казни была продана принадлежавшая ему бібліотека римскихъ классиковъ (Goncourt, Hist. de la s. fr. sous le Direct., 6). Но зато его другъ, Камилль Демуланъ, былъ горячимъ поклонникомъ Цицерона, хотя, вслѣдствіе природнаго недостатка, онъ могъ выражать свое краснорѣчіе только въ памфлетахъ, а не въ рѣчахъ; получивъ прекрасное классическое воспитаніе, онъ въ первый, агрессивный періодъ своей дѣятельности точно также старается подражать Цицерону, какъ въ послѣдній ея періодъ, когда онъ (*vieux cordelier*), отбиваясь отъ тираніи Робеспьера, пользуется Тацитомъ. Приведемъ одинъ образчикъ. Извѣстны слова Цицерона (*pro Sex. Roscio*, 56): „Мы держимъ собакъ въ Капитоліи для безопасности отъ воровъ. Онѣ не могутъ признать въ человѣкѣ вора, а вообще поднимаютъ тревогу, если кто-либо войдетъ ночью на Капитолій, такъ какъ это во всякомъ случаѣ возбуждаетъ подозрѣніе. Въ такомъ же положеніи находятся и обвинители“. Это мѣсто Демуланъ варьируетъ слѣдующимъ образомъ: „Наше время ночное: надобно, чтобы вѣрныя собаки съ лаемъ встрѣчали даже прохожихъ, для того чтобы воры не внушали намъ страха“ (*Discours de la lanterne*).

Спускаясь еще ниже, мы находимъ уже широкое море массы, Марата, Hebert'a, Henriot и т. д. Конечно, о вліяніи Цицерона на нихъ не можетъ быть и рѣчи.

Особое положеніе занимаетъ Робеспьеръ. Этотъ честолюбивый адвокат руководился прежде всего и главнымъ образомъ ненавистью противъ тѣхъ, кто затмѣвалъ его; эта ненависть заставила его сближаться съ массой, между тѣмъ какъ самъ онъ хотѣлъ возвышаться надъ нею и повелѣвать. Отсюда его двойственность: въ угоду массѣ онъ эксплуатировалъ Contrat social, чтобы сокрушить умѣренныхъ жирондистовъ, дантонистовъ; и въ то же время онъ старательно изучалъ Цицерона, чтобы сохранить способность управлять массой. А изучать Цицерона было для этого необходимо: другого образца ораторскаго искусства у французовъ въ эту эпоху не было—французы сами называютъ ораторовъ трехъ революціонныхъ собраній „отцами французскаго краснорѣчія“—а другого средства возвыситься надъ массой, кромѣ краснорѣчія, не было.

Мы сказали выше, что Цицерономъ первыхъ дней конвента былъ Верньо; но монополіи въ этомъ отношеніи не было, и въ достопамятномъ засѣданіи 29 октября 1792 г. въ роли Цицерона выступилъ одинъ изъ менѣе извѣстныхъ членовъ жиронды, Луве, и произнесъ пламенную рѣчь, которой сама Марція его партіи дала названіе „катилинаріи“; обвиняемымъ Катилиной былъ не кто иной какъ Робеспьеръ; обвиненіе было серьезное: дѣло касалось заговора, (какъ и въ Римѣ) направленаго противъ конвента (какъ въ Римѣ—противъ сената), при тайномъ сообщничествѣ Дантона (какъ въ Римѣ—Цезаря), при чемъ средствами должны были служить убійства, грабежи и т. д. (какъ и въ Римѣ). Робеспьеръ не обладалъ даромъ импровизаціи; онъ потребовалъ отсрочки преній на одну недѣлю, отправился домой и сталъ усиленно читать Цицерона; черезъ недѣлю онъ прочиталъ въ собраніи рѣчь, которая была еще въ большей мѣрѣ сколкомъ съ рѣчи за Публия Суллу, нежели рѣчь Луве—съ первой катилинаріи. Дѣло въ томъ, что названная рѣчь за Суллу въ значительной мѣрѣ является самозащитой Цицерона противъ обоихъ обвиненій, которыя на него ввозили враги—въ томъ, что онъ противозаконно казнилъ катилинаріевъ и въ томъ, что онъ стремится къ личной власти. Оба эти пункта воспроизводитъ Робеспьеръ. Цицеронъ, защищая казнь катилинаріевъ, произноситъ справедливое слово: „республика погубила ихъ для того, чтобы не погибнуть отъ нихъ“; ту же защиту Робеспьеръ примѣняетъ и къ убійствамъ первыхъ чиселъ сентября, въ которыхъ его

обвиняли. Защищаясь по второму пункту, онъ до того увлекается, что видитъ себя уже не въ Парижѣ, а въ Римѣ: „Перестаньте, — говоритъ онъ, — потрясать передъ моими глазами кровавымъ плащомъ тирана, а то я подумаю, что вы хотите снова заковать Римъ въ цѣпи!“ — и вызываетъ аплодисменты этой фразой. Вообще онъ весь живетъ въ обстановкѣ 62 г. до Р. Х., года рѣчи про P. Sulla: онъ цитируетъ Катона, заброшеннаго камнями въ то время, когда онъ давалъ отпоръ анти-республиканскимъ проискамъ, цитируетъ Цицерона, обезоружившаго коварнаго трибуна гордымъ заявленіемъ, что онъ спасъ отечество.

Робеспьеръ вообще такъ мало умѣлъ скрывать свое страстное желаніе сравняться съ ораторомъ римской республики, что шутники дали ему ироническій совѣтъ стереть слѣды „фанатизма“ въ своемъ имени и назвать себя, вмѣсто Максимилиана — Цицерономъ (Goncourt, La soc. fr. sous la Rév., 403):

Chénier s'appellera Voltaire,
Fauchet l'évêque Massillon,
D'Églantine sera Molière,
Et Robespierre Cicéron...

—и Guadet во вступленіи къ своей пламенной рѣчи, произнесенной въ защиту жирондистовъ, 12 апр. 1793, проводитъ язвительную параллель между Робеспьеромъ и его образцомъ, заключающуюся словами: „Но Цицеронъ былъ человекъ благородный; онъ не произносилъ голословныхъ обвиненій. Цицеронъ не сталъ бы строить свои планы на невѣжествѣ народа; Цицеронъ не сталъ бы гонаться за популярностью, чтобы захватить въ свои руки республику... Довольно объ этомъ; да и что можетъ быть общаго между Цицерономъ и Робеспьеромъ“?

Но если Робеспьеръ и его сверстники были мало самостоятельными подражателями Цицерона, то уже въ слѣдующемъ поколѣніи дѣло должно было измѣниться. Вообще Франціи не пришлось раскаяваться въ томъ, что она добровольно стала въ этомъ отношеніи ученицей римскаго оратора; благодаря этому, она нынѣ является въ области краснорѣчія выдающейся націей въ мірѣ. И тутъ правильный путь указалъ ей Вольтеръ: въ одномъ письмѣ къ Фридриху, тогда наследному принцу, въ Ремусбергѣ, онъ шутитъ надъ классическимъ именемъ этого замка и говоритъ:

Cicéron dans l'exil y porta l'éloquence,
Ce grand art des Romains, cette auguste science
D'embellir la raison, de forcer les esprits...

Но рѣчи Цицерона, увлекавшія ораторовъ учредительнаго

собрания, имѣли значеніе для нихъ не только какъ образцы краснорѣчія: главное ихъ значеніе заключалось въ томъ, что онѣ были *единственнымъ, но зато очень богатымъ памятникомъ судоустройства римской республики*, существенно отличавшимся отъ судоустройства Франціи того времени.

Но намъ нѣтъ надобности догадываться о вліяніи Цицерона и сохранившейся въ его рѣчахъ картины римскаго республиканскаго судопроизводства на судебную реформу во Франціи. Предвѣстникомъ этой реформы былъ опять-таки Вольтеръ, а толчкомъ къ возбужденію вопроса о реформѣ послужило пресловутое дѣло Calas, въ которомъ ярко обнаружилась вся испорченность старыхъ судовъ. Правда, Вольтеръ, который своимъ вѣщательствомъ въ это несчастное дѣло заслужилъ вѣчную благодарность человѣчеству, подчеркнулъ въ немъ нравственную сторону—оно вызвало съ его стороны знаменитый *traité sur la tolérance*, — но и юридическая сторона не была забыта. „У римлянъ,—говоритъ онъ,—свидѣтели были выслушиваемы публично, въ присутствіи обвиняемаго, который могъ самъ отвѣчать, могъ ихъ допрашивать, или лично, или черезъ своего защитника. Эта мѣра была благородна и откровенна; она была достойна римскаго великодушія. У насъ все происходитъ тайно: судья одинъ со своимъ секретаремъ выслушиваетъ всѣхъ свидѣтелей одного за другимъ“ (*Commentaire sur le livre des délits et des peines*, XXIII). „Почему, — спрашиваетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—почему слѣдствіе происходитъ у насъ тайно, между тѣмъ какъ приговоръ объявляется публично? Почему въ Римѣ, откуда мы заимствовали почти все свое право, всѣ уголовные процессы происходили всенародно (*étaient exposés au grand jour*), между тѣмъ какъ у насъ онъ покрывается мракомъ?“ (*Précis du procès de M. le comte de Morangiés*).

Ө. Зѣлинскій.

СИЛА ВОЛИ

Романъ Фр. Маутнера.

X *).

Послѣ того прошло еще добрыхъ дней десять, пока ванъ-Тениусъ, наконецъ, получилъ разрѣшеніе говорить съ обвиняемымъ съ глазу на глазъ.

Твардкій узналъ своего защитника не сразу, но обошелся съ нимъ весьма радушно. Ему ужъ не впервые было имѣть дѣло съ защитой: онъ два раза былъ подѣ судомъ и оба раза благополучившимъ образомъ признанъ „не-виновнымъ“. Въ первый разъ его судили за буйство въ пьяномъ видѣ, и его защитникъ удачно подвелъ его подѣ законъ „о невмѣняемости“; а во второй—все обошлось и еще того лучше. Онъ обвинялся въ присвоеніи чужой собственности,—пары сапогъ, которые подобралъ на дорогѣ. Велика важность старые сапоги, да еще Богъ вѣсть чьи! Вертѣль языкомъ защитникъ, вертѣль... и довертѣль до того, что какъ дважды-два четыре ясно стало: ничьи сапоги! Не доказано, чья они собственность, а слѣдовательно... они принадлежать всѣмъ и каждому!

Твардкаго оправдали, и онъ почувствовалъ такое гордое самодовольство, словно удостоился медали или какого-нибудь такого отличія.

Все это ему было хорошо знакомо, и онъ прекрасно понималъ, какъ ему слѣдуетъ теперь держаться.

*) См. выше, январь, 211 стр.

Завидя на порогъ своего защитника, Твардкій любезно подаль ему свой единственный стулъ; но ванъ-Тениусъ не пожелалъ сѣсть, и полякъ также остался стоять.

— Мнѣ здѣсь прекрасно,—тихо началъ онъ, взглянувъ на дверь.

— Очень пріятно слышать,—тѣмъ болѣе, что слѣдствіе протянется, по всей вѣроятности, довольно долго,—предупредилъ его ванъ-Тениусъ.—Одно только могу вамъ честью обѣщать,—что вы будете оправданы.

— Да я и самъ знаю: меня обязательно должны оправдать... Дадутъ мнѣ что-нибудь за это?

— Поймите, Твардкій, хорошенько: вамъ нѣчего передо мной скрывать. Я вѣдь твердо увѣренъ, что вы не виноваты...

— Ну, и не виноватъ, конечно! Эти часы— „ничьи“!..—и обвиняемый еще разъ краснорѣчиво передалъ своему защитнику всѣ подробности исторіи съ сапогами.

— Постойте, Твардкій! Я все это прекрасно понимаю; но вы должны понять, что вы не одинъ нашли часы. Скажите откровенно, кто былъ съ вами тогда?

Глаза поляка засвѣтились лукавствомъ.

— Вы, однако, себѣ на умѣ!—проговорилъ онъ.—Я-то вамъ все расскажу откровенно, а вы пойдете да перескажете кому слѣдуетъ... Меня и зацапаютъ... Нѣтъ, благодарю: слуга покорный! Мнѣ и здѣсь хорошо.

— Послушайте, будьте же благоразумны! Я вашъ защитникъ, стою за васъ и говорю вамъ прямо: не скажете вы правды—вамъ же хуже будетъ. Вы гдѣ нашли часы? На дорогѣ?

— ...Ночью,—подсказалъ Твардкій.

— Ну, видите: вы сами жѣ говорили, что не на самой дорогѣ—а около, „близъ“ дороги; и, во-вторыхъ, какъ вы въ потемкахъ могли разглядѣть часы?

Во взглядѣ поляка снова сверкнуло лукавство.

— Вы навѣрное не скажете...—началъ онъ оживленно и вдругъ оборвалъ:—Нѣтъ, ни за что! Лучше ужъ промолчу: авось что-нибудь да получу въ награду!

Но и этой выходки было довольно, чтобы убѣдить адвоката, что Твардкій дѣйствительно шелъ не одинъ, когда набрелъ на свою злополучную находку.

Никакія угрозы, однако, не могли заставить его признаться; даже подозрѣніе въ убійствѣ его не страшило.

— Ничего!—спокойно повторялъ онъ:—все равно, меня оправдаютъ!

Наконецъ, уже уходя, адвокатъ спросилъ, не можетъ ли онъ что-нибудь для него сдѣлать—что-нибудь для него самого или для его семьи... если есть семья.

— Да... есть, конечно! Только мнѣ совѣстно васъ беспокоить... Видите, тамъ, въ деревнѣ, есть у меня жена и парочка ребятъ. Пока я былъ свободенъ, я имъ высылалъ по два и по три талера черезъ двѣ недѣли, а когда повезетъ, то иной разъ и цѣлыхъ пять, если не успѣю прокутить!

— Вамъ, значить, было бы споконѣе на душѣ, еслибы ваши получали деньги по-прежнему, пока вы подъ арестомъ?

Все лицо обвиняемаго какъ будто безмолвно засмѣялось:

— Не смѣю и просить... Но это было бы ужъ такъ чудесно, что мнѣ хоть вовсе и не уходи отсюда! У насъ въ деревнѣ хлѣбъ такъ дешево не достается.

— Такъ вамъ, значить, не стыдно здѣсь сидѣть?

— Стыдно?! Развѣ меня не оправдаютъ? А какъ только я вырвусь на свободу, всѣ наши угостятъ меня въ селадчину!

— Хорошо, Твардкій, хорошо. Ну, такъ я постараюсь поговорить о васъ кое съ кѣмъ изъ добрыхъ людей, и жена ваша будетъ два раза въ мѣсяцъ получать по пяти талеровъ... Идетъ? Только скажите ея адресъ, имя и фамилію.

— За этимъ вы ужъ лучше обратитесь къ нашему мастеру: онъ все вамъ скажетъ, у него записано на бумажѣ. Онъ письма мои пишетъ и деньги каждый разъ отсылаетъ... Я ему даю за это пять пфенниговъ.

Ванъ-Теніусъ шелъ на этотъ разъ домой веселѣе обыкновеннаго.

Очевидно, семья обвиняемаго не была причастна къ этому дѣлу, и самъ онъ относился къ обвиненію какъ человѣкъ, у котораго совѣсть совершенно чиста и спокойна. Слѣдовательно, и онъ, т.-е. ванъ-Теніусъ, могъ быть совершенно покоенъ насчетъ единственнаго человѣка, который, повидимому, могъ бы безвинно пострадать за него.

Кому же еще онъ нанесъ зло своимъ нечаяннымъ проступкомъ? Забвонъ, правительству или обществу? Великія, знакомыя и громкія слова! Да... слова и только слова,—звукъ пустой! Нѣтъ у словъ ни плоти, ни крови; имъ не больно, когда ихъ преступаютъ; имъ повредить невозможно. Словарь весь полонъ словъ,—множествомъ самыхъ разнообразныхъ словъ; а поди-ка вырви и хоть въ клочки изорви одну-двѣ страницы... Кому отъ этого будетъ больно? Кого этимъ обидишь, и кто вступится за пустыя, бездушныя „слова“?...

Полно! Никакіе другіе призраки не страшны ванъ-Теніусу; чего жъ ему бояться безформенныхъ, безплотныхъ звуковъ?

Въ слѣдующее же воскресенье ванъ-Теніусъ отправился въ Грюневальдъ, на то мѣсто, гдѣ цѣлая колонія поденщиковъ-поляковъ копала глубокой прудъ, который такимъ образомъ долженъ былъ превратиться въ цѣлое озеро. Работа землекоповъ была настолько интересна, что масса любопытныхъ была уже тамъ, когда подошелъ ванъ-Теніусъ. Неподалеку отсюда, въ концѣ спуска желѣзной дороги къ болотистой равнинѣ, стояли землянки поляковъ-рабочихъ. Съ западной стороны онѣ были защищены цѣлой стѣной высокихъ сосенъ, стволы которыхъ даже поросли мхомъ отъ старости. Длинный рядъ землянокъ упирался въ берега будущего озера, и ихъ крыши, скудно прикрытыя хворостомъ и тонкими жердями, производили жалкое впечатлѣніе, особенно же благодаря небрежности, съ которой эта основа была связана глиной и пескомъ.

Полдень былъ близко, и на открытомъ воздухѣ, передъ землянками суетились дородныя и веселыя польки, разодѣтыя по-праздничному, а рабочіе лежали на травѣ или сидѣли, поглядывая на дымившіеся котлы, въ которыхъ кипѣла „картошка“. Тишина вокругъ была поразительная. Воздухъ былъ напоенъ солнцемъ и тепломъ, разлитымъ въ невозмутимой синевѣ неба. Казалось, не только рабочіе, но и сама природа отдыхала. Только изрѣдка у кого-нибудь изъ поляковъ срывалась довольно грубая шутка; но это никого не смущало: напротивъ, всѣ охотно подхватывали ее на лету и отъ души смѣялись—къ великой забавѣ прохожихъ и любопытныхъ.

Землянка „мастера“, или старшаго надъ рабочими, отличалась отъ другихъ тѣмъ, что въ ея крышу была вдѣлана печная труба, а фасадъ украшали хоть и крошечныя, но все-же настоящія, стеклянныя окна.

Дверь запиралась настоящимъ замкомъ, а надъ нимъ красовался небольшой раскрашенный образокъ Богородицы, пронзенной семью мечами.

Мастеръ радушно пригласилъ ванъ-Теніуса войти къ нему:

— По воскресеньямъ я не стращаю дома и хожу обѣдать въ трактиръ... въ часъ, какъ и господа,—пояснилъ онъ.

Узнавъ отъ своего неожиданнаго гостя, что онъ проситъ переслать деньги жемѣ Твардбаго, мастеръ съ полною готовностью принялся тутъ же писать заявленіе на почту, видимо довольный

за своего товарища и сосѣда. Но не успѣлъ ванъ-Тениусъ объяснить ему настоящую причину своего вмѣшательства въ дѣла обвиняемаго, какъ мастеръ насторожился и, такъ сказать, ушелъ къ себѣ.

— Послушайте меня, господинъ, бросьте ваши разспросы: все равно, ничего не узнаете! Вашихъ судейскихъ тутъ ужъ у насъ было двое,—да и тѣ отбѣхали ни съ чѣмъ. Мы нѣмы, какъ рыбы.

Какъ ни старался ванъ-Тениусъ дать ему понять, что своимъ молчаніемъ они хуже повредятъ товарищу,—ничто не помогало. На одинъ только вопросъ отвѣтилъ онъ видимо чистосердечно:

— Онъ-то убійца,—Твардкій? Господи, Боже Ты мой! да онъ крысу поганую и ту убить пожалѣеть... А все-таки вамъ, судейскимъ, больше ничего знать не подобаетъ. „Судейскимъ“ никто ничего не скажетъ!

Ванъ-Тениусъ попытался еще разъ втолковать ему, что онъ „защитникъ“, а слѣдовательно другъ Твардаго, и отнюдь не-судейскій.

— Положимъ... все можетъ быть... А только, почему же я знаю? Можетъ, вы сами судейскій-то и есть!—и, помолчавъ немного, прибавилъ:—Впрочемъ, пожалуй! Судейскій на деньги не расщедрится; да и дѣржитесь вы какъ-то иначе... проще. Ну, такъ вотъ что: идите вы къ тѣмъ людямъ, у которыхъ жилъ Твардкій на квартирѣ: можетъ, что-нибудь и узнаете отъ нихъ. Это пятая землянка направо—еще на дверяхъ св. Георгій и какая-то голая принцесса...

По этимъ указаніямъ адвокатъ скоро нашелъ землянку Твардаго, при чемъ съ перваго же взгляда въ „голой принцессѣ“ узналъ Венеру Милосскую—гравюру изъ объявленной иллюстрированнаго журнала. На жестяномъ фонѣ образка св. Георгія выдѣлялась фигура святого въ красноватомъ плащѣ и на бѣлой лошади. Свѣтлой рукою онъ держалъ золоченое копьѣ, а у ногъ его извивался, уже пораженный, зеленый драконъ.

Хозяева этой лачужки стояли вокругъ котла, въ которомъ съ хлопотаньемъ ключомъ кипѣла вода. Они только-что убѣдились, что картошка готова, и собирались приняться за ѣду; но это не помѣшало имъ любезно поздороваться съ гостемъ, которому было не впервые общеніе съ простымъ народомъ: онъ умѣлъ заслужить его довѣріе.

Слово за-слово—выяснилось, что ванъ-Тениусъ говорить о цѣнѣ на картофель какъ настоящій знатокъ, и это окончательно прельстило рабочихъ, которые, однако, не всѣ знали по-нѣмецки.

Толмачомъ служилъ одинъ изъ нихъ, и его переводы возбуждали всеобщее оживленіе. Мужчины ухмылялись, женщины тихонько хихикали себѣ въ передникъ. Господинъ безъ церемоніи присѣлъ къ нимъ за столъ и еще большее восхищеніе возбудилъ тѣмъ, что взялъ прямо изъ рукъ страпухи дымящуюся, красиво-треснувшую картошку.

— А этотъ защитникъ—молодчина!—одобрительно замѣтилъ хозяинъ дома товарищамъ по-польски, и тотчасъ поднялась между ними оживленная польская болтовня.

Чтобы окончательно ободрить ихъ, ванъ-Тениусъ сначала принялся спрашивать о ихъ житьѣ-бытьѣ, и когда они ужъ со всѣмъ съ нимъ освоились, приступилъ къ объясненію, почему онъ думаетъ, что у Твардкаго долженъ быть свидѣтель того, какъ онъ нашелъ часы, и почему именно важно, чтобы этотъ свидѣтель былъ на-лицо. Повидимому, добродушные рабочіе скоро убѣдились въ необходимости быть откровенными съ доброжелателемъ ихъ друга и товарища, которому неминуемо грозило обвиненіе, если свидѣтельское показаніе не выручитъ его. Ванъ-Тениусъ такъ прямо и сказалъ, что съ обвиняемымъ, по его мнѣнію, должна была быть женщина, которую онъ, понятно, не хочетъ впутывать въ свою исторію.

Такъ вотъ, ему бы хотѣлось знать, чтѣ извѣстно о ней его домашнимъ.

Обѣдъ, между тѣмъ, кончился и хозяйка собрала со стола. Хозяинъ проглотилъ послѣдній кусокъ хлѣба съ саломъ и проговорилъ:

— Милости просимъ къ намъ, сколько разъ и когда вашей душѣ угодно. Всѣ мы недурные люди и честные поляки. Мы все вамъ скажемъ, чтѣ намъ самимъ извѣстно. Правда, что Твардкій былъ съ женщиной въ трактирѣ; ее зовутъ „шалъная“, а настоящее ея имя мы и сами не знаемъ. Знаемъ только, что она порядочная дрянь, распутная баба, и стыдно бы такому челоуѣку, какъ Твардкій, съ нею знаться.

— Еще бы не стыдно!—подхватила жена.—Знаетъ вѣдь, что Твардкій—челоуѣкъ женатый и не про нее писанъ, а все-таки, поставила на своемъ,—закрутила его!

Опять поднялся горячій споръ; но результатомъ его было на этотъ разъ описаніе, какъ провелъ воскресенъе обвиняемый. Въ воскресенъе, впрочемъ, онъ вернулся домой изъ трактира въ не-трезвомъ видѣ и пытался занять у своего квартирнаго хозяина; но, понятно, отбѣгалъ ни съ чѣмъ и съ горя завалился спать. Ночью,—такъ около полуночи,—Твардкій всталъ потихоньку и

вышелъ вонъ изъ-дому, а на утро подослѣлъ во-время къ работѣ, но мокрый какъ мышь и усталый какъ охотничья собака.

Ванъ-Тениусъ попросилъ объяснить подробности, въ которомъ часу ушелъ Твардкій почью.

— Да, такъ, часа въ два послѣ полуночи,—рѣшили поляки сообща. — Хозяйка сильно храпитъ по вечерамъ и угмонится только къ полночи. Ну, а она тогда ужъ давно спала крѣпкимъ сномъ...

Ванъ-Тениусъ поблагодарилъ своихъ новыхъ друзей и, объѣзжая, если возможно, опять навѣдаться къ нимъ въ слѣдующее воскресенье, пошелъ по направленію къ трактиру.

Но тутъ ему рѣшительно не повезло. Здѣсь тоже успѣли побывать „судейскіе“, и на злополучнаго защитника невинности со всѣхъ сторонъ посыпались угрозы и ругательства:

— „Судейскій“! „Судейскій“! Вонъ его! Къ чорту наушника!..

Такъ ничего больше и не узналъ ванъ-Тениусъ въ этотъ день.

Въ слѣдующіе дни онъ два раза успѣлъ побывать у обвиняемаго, пока добился, наконецъ, его признанія.

— Ну, да!—говорилъ Твардкій.— Конечно, я былъ не одинъ, а съ „тою“. Она совсѣмъ пропащая и въ самомъ дѣлѣ „шальная“... Но что жъ подѣлаешь? Люблю я ее, и она, правду сказать,—меня любитъ. И стыдно мнѣ... себя самого, жены стыдно!.. а все меня такъ къ ней и тянетъ! Вотъ и въ то воскресенье, тоже, она все отъ меня отобрала, да и требуетъ еще... а для чего—кто ее знаетъ? Вѣрно, на гостинцы: страсть любить она лакомиться! Ну, вотъ такъ-то мы пропатались съ нею весь день въ воскресенье, а она велѣла мнѣ придти ночью къ ней на встрѣчу. Очень ужъ она мачихи боится,—та ей пощады не даетъ!.. Дождь льетъ проливной—а она уже тутъ, какъ тутъ:—поджидаетъ, и въ рукахъ у нея два мѣшка—складывать земляныя груши.—Ну, думаю: чортъ побери! (т.-е. не ее, а земляныя груши! Ее-то я люблю!) А все-таки, ужъ дѣлать нечего, пошелъ съ нею. Надо вамъ сказать, дорога размокла за ночь, а моя „шальная“ всегда ходитъ босикомъ; ну, и завязла у нея нога въ землѣ, да зацѣпила за что-то твердое. Смотрить, нагнулась... а это—часы, настоящіе золотые часы. Ну, она взяла и подарила ихъ мнѣ. Сердце-то у нея какое доброе! Положимъ, не хотѣлось мнѣ идти по груши; поспорили мы съ нею немножко... А все-таки, не по праву мнѣ ее на судъ таскать... Какъ ни говори, женщина она! Не дѣло на нее показывать. Да и то сказать, сосѣди узнаютъ, и до моей жены, чего добраго, молва дойдетъ... Нѣтъ, ужъ лучше оставить ее въ покоѣ.

Твардкій говорилъ, понизивъ голосъ, и поминутно поглядывалъ на дверь своей камеры, словно желая убѣдиться, не подслушивается ли кто изъ служащихъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше вовсе „шалную“ не трогать!—повторилъ онъ убѣдительно.—Знаете, еслибъ даже и не было въ этой исторіи мѣшкочъ для грушъ и еслибъ я не боялся своей дражайшей половины,—все равно надо бы молчать про нее, негодную! Очень ужъ она зазорная тварь!..—И бѣдняга вдругъ залился горючими слезами.

XI.

Адвокатъ сдержалъ свое обѣщаніе и къ двѣнадцати часамъ уже былъ опять, въ воскресенье, у своихъ новыхъ знакомыхъ въ Грюневальдѣ.

Какъ рабочіе, такъ и онъ самъ, обошлись другъ съ другомъ радушно; но обѣдать у нихъ ванъ-Теніусъ не остался, вручивъ имъ, однако, „на водку“, съ просьбой, если кто встрѣтится съ „шалною“, объяснить ей, что защитнику необходимо съ ней поговорить.

Ничего новаго не узналъ онъ сегодня про своего клиента; но зато, за обычнымъ воскреснымъ обѣдомъ у Оссендорфовъ, могъ рассказать имъ очень много интереснаго изъ быта рабочихъ. Тетушкѣ, впрочемъ, показалось не особенно веселою эта тема, и она предложила пойти всей компаніей прогуляться.

Маріаннѣ никакъ не удавалось безъ словъ, какъ обыкновенно, поговорить съ своимъ другомъ, и онъ удивился ея смѣлости, когда она вдругъ проговорила:

— Нѣтъ, вѣрно ужъ придется сидѣть дома: у ванъ-Теніуса въ головѣ все еще бродитъ его Твардкій.

— Полно, мой другъ. Тебѣ было бы такъ полезно прогуляться,—возразилъ ей мужъ.—Идите вы втроемъ: ты, тета и Рихардъ. Ванъ-Теніусъ останется со мною, и мы съ нимъ найдемъ для разговора что-нибудь такое, что было бы для васъ не такъ занятно. Намъ будетъ очень хорошо и уютно за ставаномъ добраго вина... Туда, Францъ, во мнѣ въ комнату!—приказалъ онъ слугѣ, и когда тріо съ тетуской во главѣ явилось проститься, одѣтое для прогулки, друзья дѣйствительно уютно сидѣли въ комнатѣ майора. Прощанье было шутливое, почти веселое, только Маріанна нервно, но ласковѣе обыкновеннаго провела рукой по волосамъ мужа, и какъ-то тревожно, коротко пожала руку ванъ-Теніусу.

Оставшись съ нимъ наединѣ, майоръ обратился къ своему другу:

— Предупреждаю, наша бесѣда будетъ продолжительнаго и интимнаго свойства. Но я долженъ узнать сначала: другъ ли вы мнѣ? Да или нѣтъ?

— Конечно—да!

— Простите, что начало вышло такъ таинственно; мнѣ бы хотѣлось даже взять съ васъ маленькую клятву... Поглянемъ же нашими юношескими мечтами, нашимъ забытымъ, безпечальнымъ житьемъ во времена студенчества, ночами на берегу Рейна,— поглянемъ всѣмъ, что было намъ дорого, что мы когда-либо любили: будемъ одинъ другому *братомъ*.. Итакъ, выпьемъ за наше „братство“!

Друзья чокнулись, продѣли рука въ руку и выпили „бру-дершафтъ“.

— Поцѣлуй и обязательное „тыканье“ мы можемъ и не исполнять,—продолжалъ Оссендорфъ.—Но я знаю, что и безъ того вы мнѣ скажете правду; а если вздумаете что утаить, я вѣдъ увижу по глазамъ, и напомню вамъ нашу клятву... Ну, а теперь скорѣе къ дѣлу!.. Вотъ уже второй мѣсяцъ, какъ между вами и моею женой что-то такое происходитъ... Смирно, братъ мой: вы мнѣ отвѣтите, когда я кончу. Жена моя, моя дорогая Анна-Марія, мнѣ не чужая; я не совѣмъ къ ней равнодушенъ. Она и сынъ мой Вельфи представляютъ для меня вѣкоторый интересъ. Чего же проще? Я, вѣроятно, немножко влюбленъ въ мою красавицу-жену, и сынъ мой... нравится мнѣ. То и другое—въ порядкѣ вещей. Я—самый заурядный мужъ и отецъ...

Оссендорфъ закрылъ глаза, стиснулъ губы и крѣпко сжалъ кулакъ, чтобы побороть себя. Но у него, все-таки, помимо его воли, вырвался чуть слышный, рѣзкій и мучительный стонъ, который становился громче и громче... Вдругъ, сдѣлавъ невѣроятное усиліе надъ собою, майоръ протянулъ руку къ стакану и выпилъ глотокъ вина. Губы его снова приняли обычную полунасмѣшливую складку и онъ продолжалъ:

— Это такъ только, приступъ боли. Между братьями можно и не стѣсняться. Это такъ, маленькая музыкальная иллюстрація къ моему тексту. Ну, такъ вотъ: отчего бы вамъ этого и не знать? Я до безумія люблю свою жену; я до безумія люблю своего сына. Чтобы спасти его, я хладнокровно позволю себя за-рѣзать... и это не пустягя фразы. Но я этой рукою... (въ горлѣ у майора что-то заклокотало) этой самою рукою могу... его, своего Вельфи... Лишь бы жену мою... жену...

Майоръ не выдержалъ. Раздался крикъ,—одинъ единственный, неистовый крикъ... ужасный!.. И только. Всѣ мускулы на лицѣ его пришли въ движеніе...

Ванъ-Тениусу казалось, что Оссендорфъ умретъ на мѣстѣ. Онъ крѣпко держалъ его за руки; горячо и беспорядочно говорилъ ему слова утѣшенія и наконецъ остановился какъ влопанный, когда Оссендорфъ съ необычайною силой оттолкнулъ его прочь и впился ногтями себѣ въ ладонь. Еще минута—другая... и онъ потребовалъ стаканъ воды, выпилъ его залпомъ и сказалъ, улыбаясь:

— А хорошо вѣдь, что мы выпили брудершафтъ!.. Вы понимаете, ванъ-Тениусъ, что съ „того“ времени я даже ни разу не пытался напомнить Аннѣ-Маріи, что мои уцѣлѣвшіе останки хоть въ чемъ-нибудь еще похожи на живого человѣка. Никогда не случалось мнѣ хотя бы взглядомъ единымъ оскорбить ее. Я вообще вѣжливый человѣкъ, и спрашиваю васъ какъ нельзя вѣжливѣе: чтѣ произошло между вами и моей женой въ теченіе послѣднихъ недѣль? Что-нибудь да произошло; это несомѣнно. Или вы столковались между собой, или порвали? Отвѣчайте!

— Мои отношенія къ вашей женѣ за минувшіе два года ничуть не измѣнились.

— Вы лжете!

— Нѣтъ, я не лгу.

— Но вѣдь и я же не слѣпой! Я знаю хорошо, что я калѣка, и что уличныя женщины становятся свромницами, глядя на меня. Но глаза у меня еще уцѣлѣли. Цѣлыхъ два года я слѣжу за вами. Цѣлыхъ два года вы видите украдкой отъ меня. Я это знаю, и минута въ минуту могу всегда указать—когда. Цѣлыхъ два года здѣсь, за моимъ столомъ, вы безъ словъ шепчете другъ другу слова любви... цѣлыхъ два года!.. Вамъ бы не мѣшало быть осторожнѣе; не мѣшало бы быть почтительнѣе ко мнѣ. Я имѣлъ бы право этого требовать... Вдругъ—вы присмирѣли!.. Чтѣ же у васъ случилось?

Въ нерѣшимости смотрѣлъ на несчастнаго ванъ-Тениусъ и положилъ ему руку на плечо.

— Надѣюсь, — продолжалъ между тѣмъ Оссендорфъ,—что вы мнѣ повѣрите на слово. Скажите мнѣ всю правду, и я влянусь, что ни единымъ словомъ, ни даже взглядомъ не обижу Анну-Марію!

Ванъ-Тениусъ больше не колебался. Онъ только снялъ руку съ плеча друга и сталъ передъ нимъ:

— Да! Это было около двухъ лѣтъ тому назадъ!.. Мы го-

ворили обо всякихъ горестяхъ и бѣдахъ, и Маріанна выплакала всѣ свои слезы, прижавшись во мнѣ... Мы обмѣнялись поцѣлуемъ... единственнымъ, первымъ и послѣднимъ. Съ тѣхъ поръ мы видимся тайкомъ какъ можно чаще. Съ тѣхъ поръ ни разу не коснулся ея губъ мой поцѣлуй и не случилось ничего такого, о чемъ бы вы не могли знать. Говорили мы между собою много, да. Мы говорили обо всемъ, что намъ тревожило сердце, обо всемъ, что намъ было дорого, о томъ, что любимъ другъ друга! А за послѣднее время я, я одинъ пережилъ такъ много тяжелаго, что не захотѣлъ подѣлиться этимъ тяжелымъ съ Маріанной. У меня есть отъ нея тайна... Вотъ и все!

Оссендорфъ прикусилъ нижнюю губу.

— Я вѣрю вамъ, вѣрю каждому вашему слову. Теперь мнѣ все стало ясно. Анна-Марія думала, что вы ее разлюбили, нервы у нея расходились, и я по неволѣ долженъ былъ вообразить, что она... что вы... А то, что вы одинъ разъ обмѣнялись поцѣлуемъ — я уже забылъ. Да: прочь это воспоминаніе, прочь! Отрѣзывать его, оторвать и швырнуть прочь, какъ швыряютъ отрѣзанную, болѣющую, никуда негодную руку или ногу... Прочь! Прочь!..

Несчастный всѣмъ тѣломъ содрогался отъ душевной боли. Еще раза три, вздрагивая, повторилъ онъ: — Прочь! — и нѣсколько ровнѣе продолжалъ:

— Что вы любите другъ друга... что Анна-Марія полюбила... Да это и быть не могло иначе! Я это зналъ и мнѣ это приятно слышать. Чудесно, милый другъ и братъ мой, да! Развѣ не чудесно? Что? Что вы говорите? А, вамъ это больно... больно?.. Но отчего же, почему? Но и меня вѣдь она любить... она очень, очень меня любила... очень! Перевѣсь, все-таки, на „моей“ сторонѣ, любезный братъ!

Оссендорфъ провелъ рукой по лбу и до боли прижалъ его ногтями.

— Видите ли, ванъ-Тениусъ, я еще у васъ въ долгу: я долженъ быть вамъ еще благодаренъ за то, что вы сказали правду, за то, что ваше счастье осталось калѣвой, какъ я самъ! Счастье безъ рукъ, безъ ногъ, какъ тѣ головы ангеловъ съ крыльями, которыя мы видимъ на картинахъ: да — глаза и крылья — и больше ничего!.. И вотъ еще за что я долженъ васъ благодарить: за ваше скромное поведеніе. Какъ вамъ извѣстно, я — аристократъ до мозга костей, аристократъ... „ancien régime“. Въ любви особенно, я стою за порядки старой школы: новѣйшая ввела въ обычай беззащитность въ любви. Прежде свою любовь не выставляли напоказъ... Продолжайте и впредь такъ обходиться,

милый братъ: падите призваніе человѣка въ любви, и хоть въ любви будьте истымъ аристократомъ... Хоть вы и простой адвокатъ... Ну, а затѣмъ я вамъ скажу то, что имѣю вамъ сказать. Объ этомъ мы съ вами говоримъ разъ—и навсегда. Итакъ, вы отчего-то стали за послѣднее время совсѣмъ не тотъ. Это тревожило мою жену, и вы, дѣйствительно, вели себя нехорошо. Какъ я уже сказалъ, меня радуетъ ваша откровенность, но помните: въ тотъ день, когда кромѣ меня объ этомъ узнаетъ хоть единый человѣкъ на свѣтѣ, или когда у вашего счастья выростутъ руки и ноги, или еще когда моему Вельфи будетъ угрожать опасность... я, не задумываясь, повончу съ собой и съ моей женою! Еслибы я былъ эгоистъ, я ужъ давно повончилъ бы съ собою, но я все ожидаю чуда. Величайшій изъ артиллеристовъ, который сдѣлалъ меня тѣмъ, чѣмъ я теперь есть, работаетъ незримо надъ своей работой, и разъ въ недѣлю, въ воскресенье, спускаетъ фейерверкъ... Вотъ я и ожидалъ, что со мною случится нѣчто въ этомъ родѣ. Какъ знать? быть можетъ, я къ нему несправедливъ? Я самъ не знаю, что я такое: живой я человѣкъ или мертвецъ? Если я живъ, то развѣ лишь на половину: другая давно упокоилась въ землѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ взрывъ, *тогда*. Я хотѣлъ-было водрузить тамъ памятникъ и сдѣлать надпись: „Здѣсь поконится лучшая половина майора Оссендорфа“, да генералъ не разрѣшилъ! Все равно: миръ праху моему! Почему знать? Можетъ быть, моя лучшая половина витаетъ гдѣ-нибудь тамъ, въ небесахъ и созерцаетъ дивные фейерверки Величайшаго изъ артиллеристовъ, и благодушно взираетъ съ высоты небесъ на мою худшую—земную половину, которая еще влечитъ свое жалкое существованіе въ сей земной юдоли... Вамъ никогда не случалось замѣчать, какое странное чувство неволью овладѣваетъ вами, когда васъ обстригутъ, и ваши волосы, часть васъ самихъ, съ которой вы сжились и безъ которой не могли себя представить, лежить тутъ передъ вами, какъ нѣчто отдѣльное, чужое. А между тѣмъ лишь за минуту передъ тѣмъ они были часть вашего тѣла, часть васъ самихъ! Да, любопытно бы увнать, какая часть человѣческой души можетъ заключаться въ волосахъ? Какую часть души отторгли отъ васъ парикмахерскія ножницы?.. Хотите, я вамъ расскажу, почему Анна-Марія больше меня не любитъ? А вѣдь она любила цѣловать, гладить, ласкать мнѣ ту самую руку, которой у меня ужъ нѣтъ. Да... и не одну только руку она мнѣ цѣловала... между мужчинами, съ глазу на глазъ, можно признаться...

— Довольно! Я запрещаю вамъ говорить дальше! Я вамъ сказалъ всю правду и весь къ вашимъ услугамъ.

Оссендорфъ громко разсмѣялся и смѣялся до того, что его кресло тряслось и задвигалось. Сначала злобно, дико, извѣтельно раздавались раскаты хохота, но мало-по-малу онъ перешелъ въ болѣе звучный, мягкій и почти дѣтски-веселый.

— Да онъ ревнуетъ!—смѣялся майоръ:—ревнуетъ!.. Простите, но я не могу удержаться отъ смѣха, глупаго, телячьаго смѣха... О, какъ это облегчаетъ!.. Итакъ, вамъ угодно со мной стрѣляться? Ну, знаете, это самый забавный эпизодъ, который когда-либо съ вами случался! Что жъ, до Грюневальда не далеко. Францъ докатитъ туда мое кресло, а чтобы я держался поправѣ, заложитъ мнѣ за спину доску. Вы стрѣляете первый. Я любезно даю себя убить, но падаю не сразу, а сначала еще держусь прямо... съ помощью всемогущей доски. Но Францъ отнимаетъ ее прочь, и я шлепаюсь неуклюже на землю. Мои бранные останки поднимаютъ и несутъ къ жемъ... Но вопросъ еще, какъ она ихъ приметъ? Не будетъ ли она вправѣ сказать:

— „Ахъ ты трусъ, ахъ ты—рабъ своихъ страстей, человѣкъ безъ воли, безъ мысли о другихъ! Ты еще слишкомъ долго не рѣшался разстаться съ жалкими обломками своего тѣла: давно было тебѣ пора покончить съ жизнью; но ты предпочелъ сдѣлать это подъ прикрытiемъ долга чести. Да! Тебѣ не удалось воспользоваться случаемъ тогда, какъ тебя вынули изъ петли, и ты малодушно далъ себя спасти, а теперь... Теперь тебѣ хотѣлось не даромъ проститься съ жизнью и заставить говорить, что ты погибъ, спасая свою честь“!..

— Послушайте, мой другъ!—обратился онъ снова къ адвокату.—Я на васъ больше не сержусь: меня до сихъ поръ ни разу никто не смѣшилъ такъ, какъ вы, когда вызвали меня на дуэль. Съ *тѣмъ* поръ мнѣ пришлось выдержать только одну дуэль—съ Нимъ, съ Величайшимъ изъ артиллеристовъ. *Тогда* лежалъ я какъ колода, полуживой и полумертвый, и злился на Него, и проклиналъ Его на всѣхъ языкахъ, на всѣ лады. Но на мой проклятiя, на мой разъяренный, злобный зовъ Онъ не отозвался и скрылся отъ меня. И я Его искалъ упорно, какъ еще въ дѣтствѣ, въ юности моей, искалъ по всѣмъ угламъ и мрачнымъ закоулкамъ. Но, какъ и въ дѣтствѣ, трудъ мой пропалъ безслѣдно и напрасно. Такъ я и по сію минуту не узналъ, Кто поразилъ меня *тогда* какъ громовымъ ударомъ... Но все-таки, пока я не окончу поединка съ Нимъ,—нѣтъ, нѣтъ! не надо мнѣ другого... А тѣмъ болѣе съ вами!

Потрясенный до глубины души, слушалъ его ванъ-Тениусъ и отошелъ въ открытому окну. Майоръ умолялъ, и въ тишинѣ только слышалось его прерывистое, тяжелое дыханіе... Но вотъ оно стало тише, ровнѣе... Привѣтливый голосомъ окликнулъ майоръ своего друга, и ванъ-Тениусъ поспѣшилъ сѣсть къ нему.

— Мнѣ слѣдовало бы говорить съ вами спокойнѣе, веселѣе, — началъ опять майоръ: — ужъ не сердитесь, что вамъ пришлось быть свидѣтелемъ небольшого припадка: вы вѣдь мнѣ пока замѣняли Франца, а ему не разъ случалось, въ отсутствіе Анны-Маріи, видѣть, какъ я неистовствую. Онъ ужъ привыкъ, онъ знаетъ, какъ тогда быть... и любить же меня, бѣдняга! Ему жизнь была тоже не сладка... Ну, а теперь, когда я знаю, что мы съ вами друзья, вы можете на меня положиться: мои глаза меня не обмануть... въ случаѣ чего... Будетъ вамъ дѣлать такое похоронное лицо! Не лучше ли намъ почитать отчетъ о состояніи швейцарскихъ фабрикъ и заводовъ? Это было бы очень мило съ вашей стороны, тѣмъ болѣе, что вы, какъ юристъ, многое могли бы мнѣ разъяснить. А когда наши вернутся съ прогулки, будетъ прекрасно, если они не застанутъ меня за вытьемъ. Анна-Марія къ этому не привыкла: я позволяю себѣ быть немножко, только когда ее дома нѣтъ.

Сдавленнымъ голосомъ ванъ-Тениусъ отвѣчалъ, что онъ теперь не въ такомъ состояніи, чтобы дожидаться остального общества. Онъ всталъ и вдругъ сказалъ:

— Это безуміе! Я уйду и уже, конечно, не вернусь.

Оссендорфъ улыбнулся грустною улыбкой и протянулъ ему руку, и держалъ ее такъ до тѣхъ поръ, пока ванъ-Тениусъ не вложилъ въ нее свою. Тогда майоръ обратился къ нему тихо и ласково, хотя тотъ и качалъ укоризненно головою, глядя на него.

— Ну, полно, полно! Наша размолвка только на словахъ, а отъ слова ничего не сдѣлается. И, наконецъ, развѣ мы никогда прежде не смотрѣли другъ на друга такимъ же грустнымъ взглядомъ, никогда не замѣчали, что понимаемъ другъ друга? Не будьте же слабѣй меня! Не правда ли: пусть идетъ все по старому? То, что вы мнѣ сказали, успокоило меня, а что я говорилъ... пусть это разлетится въ воздухъ, разсѣется, какъ паръ, какъ звукъ пустой!

Сумерки сгустились. Въ комнатѣ стало такъ темно, что ванъ-Тениусъ не могъ разглядѣть лица своего друга, и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Но все-таки безуміе любить такъ женщину, которая принадлежит другому! Можно Богъ знаетъ до чего дойти: при-

дется лгать передъ самимъ собою, передъ ними! Я не святой! Я тоже... Нѣтъ, это невыносимо!..

— Ванъ-Тениусъ, не падать духомъ!—перебилъ его майоръ, и его голосъ звучалъ не мягче и не насмѣшливѣе, чѣмъ обыкновенно. Не станемъ же мы съ вами, какъ юнцы-вадеты, другъ передъ другомъ размазывать свое горе въ любви? Согласитесь, это было бы ужъ черезчуръ!.. А пока, если это можетъ васъ утѣшить, я, такъ и быть, признаюсь вамъ, что по ночамъ мнѣ спать не даетъ мысль, что я калѣка, такой ужаснѣйшій калѣка, и что на свѣтѣ много набитыхъ дураковъ, которые счастливѣе меня, потому-что у нихъ есть... двѣ здоровыя ноги!.. Такъ и быть, я ужъ признаюсь вамъ, что потихоньку отъ всѣхъ я научился ходить... Да! Ночью, когда всѣ крѣпко спятъ, я иногда беру подъ мышку свое длинное старое ружье, и тогда... тогда мнѣ, ухъ, какъ весело! Я иду гулять, я гуляю по саду и могу ужъ теперь дойти до своей лабораторіи. Тамъ, позади нея, я сажусь на скамейку и думаю о томъ, какъ ловко могъ бы я взлетѣть на воздухъ... туда, къ Величайшему изъ артиллеристовъ. Стоитъ только примѣнить къ дѣлу мой вновь изобрѣтенный порохъ. Потомъ, я беру опять ружье подъ мышку и опять отправляюсь на прогулку... А все-таки и это удовольствіе не даетъ мнѣ полного счастья!

— И въ такія минуты вы еще можете думать о вашей спеціальности? Для меня это невозможно.

— А можетъ быть я только потому и думаю о ней, что она для меня игрушка? Или вы думаете, что я въ самомъ дѣлѣ считаю своимъ призваніемъ отысканіе новаго динамическаго состава? Для меня это простое препровожденіе времени—и только. Всякій дуракъ найдетъ себѣ забаву лучше этой!..

Ванъ-Тениусу пришли на память слова Маріанны, что мужъ ея не вѣритъ въ свое дѣло, и ему всей душой стало жаль бѣднаго калѣку.

Когда все маленькое общество вернулось съ прогулки, оно застало хозяина дома и его гостя за горячимъ споромъ о положеніи фабричныхъ въ Швейцаріи. Оссендорфъ встрѣтилъ дамъ самой привѣтливой улыбкой и вскорѣ вовлекъ всѣхъ въ веселый разговоръ. Однако, ванъ-Тениусъ ушелъ раньше обыкновеннаго, а вмѣстѣ съ нимъ двинулся и кузенъ Рихардъ, яко бы на дежурство. Тетушка приняла ихъ уходя за намекъ себѣ, и потому предпочла ѣхать домой не одна, а по дорогѣ съ ними.

— Вагоны конно-железной дороги так переполнены праздничнымъ людомъ,—объясняла словоохотливая старушка.—Положимъ, я не прочь послушать ихъ забавную болтовню, особенно когда со мной будутъ два кавалера... Таковую даль ъхать въ праздникъ одной на дрожкахъ скучно и безпокойно...

Оставшись наединѣ съ мужемъ, Маріанна хотѣла весть подать лампу.

— Нѣтъ, милочка моя, не надо!—остановилъ ее Оссендорфъ.—Мнѣ бы хотѣлось поболтать съ тобой немножко, а лучше вѣдь всего болтается въ полумракѣ сумерокъ. Приди сюда и сядь ко мнѣ поближе!

Жена подошла, сѣла и тихо прикоснулась къ его покрывалу. Оссендорфъ тоже отвѣтилъ ей лаской, нѣжно поглаживая ея пальчики своей рукою. Маріанна стала говорить о своей предстоящей поѣздкѣ въ Дрезденъ, къ сыну, о немъ самомъ, о его лѣтнихъ нарядахъ... и совершенно забылась въ бесѣдѣ о своемъ любимцѣ. Мужъ тоже поддался всецѣло обаянію ея милого голоса, въ которомъ каждый звукъ былъ ему дорогъ и говорилъ о томъ, что имъ обоимъ было дороже всего на свѣтѣ. Между тѣмъ Маріанна уже дошла въ разговорѣ до впечатлѣній своего послѣдняго свиданія съ Вельфи, припоминала каждый его взглядъ, каждое его слово... Но вотъ естественно произошло нѣкоторое молчаніе.

Вдругъ Маріанна спросила мужа, — что тоже было вполне естественно въ виду ихъ дружескихъ отношеній:

— Не кажется ли тебѣ, что ванъ-Тениусъ какъ будто переѣмѣнился? Онъ какой-то совсѣмъ другой, чѣмъ прежде.

Оссендорфъ, который не переставалъ поглаживать руку жены, незамѣтно отнял свою и тихо и привѣтливо отвѣтилъ:

— Твое замѣчаніе справедливо; но эта переѣмна въ нашемъ другѣ насъ не касается, т.-е. въ ней не виноваты мы съ тобой, — да и онъ самъ не виноватъ. За послѣднее время у него много непріятнаго, тяжелаго по службѣ; много такого, чѣмъ можетъ подѣлиться лишь мужчина съ мужчиной. Онъ можетъ повѣрять тебѣ, какъ женщиנѣ, свое настроеніе, но не свои заботы.

— Я рада, если это такъ.

— Я очень цѣню, Анна-Марія, твое дружеское расположеніе къ ванъ-Тениусу и очень бы желалъ, чтобы оно между вами сохранилось. Я тоже считаю его своимъ надежнымъ другомъ и товарищемъ. Ему я бы скорѣй всего хотѣлъ поручить...

— Пожалуйста!... Не говори...

— Нѣтъ, милая, это необходимо... Ему, скорѣе нежели кому

другому, мнѣ бы хотѣлось поручить заботу о моихъ матеріальныхъ средствахъ. Онъ—человѣкъ честный, справедливый и не эгоистъ. Я думаю, онъ не обидится и пойметъ мое желаніе, если я, несмотря на это, опекуномъ Вельфи назначу не его, а другого.

Маріанна хотѣла встать, но вдругъ беспомощно сѣла и рыдалась. Оссендорфъ призывалъ себѣ на помощь все свое мужество и далъ ей выплакаться безпрекословно. Когда же ея слезы утикли, онъ своимъ обычнымъ, ровнымъ голосомъ сказалъ:

— Какъ тебя, однако, разстроиваетъ, когда я говорю о смерти!.. Оставимъ на сегодня этотъ разговоръ. Вели подать огня. Довольно намъ мечтать... Пора проснуться!

ХП.

Свѣжій и радостный, разодѣтый цвѣтами, пришелъ свѣтлый май. вмѣстѣ съ нимъ пришли къ людямъ бодрость и надежды.

Маріанна уже побывала въ Дрезденѣ, у сына, и больше обыкновеннаго привезла оттуда отраднхъ новостей. Вельфи замѣтно развивается, умнѣетъ; у него въ разговорѣ то-и-дѣло проскальзываютъ выраженія какъ у большого: онъ, вѣрно, подхватываетъ ихъ на лету у фрау Кригеръ. Никогда еще не спрашивалъ онъ такъ много объ отцѣ; просилъ его не покупать ему пони, а лучше ужъ прямо настоящую, большую верховую лошадь, годъ, другой спустя: онъ лучше подождетъ! А тамъ, когда ему минетъ двѣнадцать лѣтъ, когда онъ сразу станетъ большой и будетъ произведенъ прямо въ офицеры...

— Право, можно бы за него опасаться, еслибы на ряду съ этимъ онъ не былъ такой глупышъ!—смѣялась Маріанна.—Двѣнадцатилѣтніе ученики для него—верхъ совершенства, верхъ желаній. Онъ и безъ того ежедневно тянется за ними и уже разъ подрался „на дуэли“ съ однимъ изъ „большихъ“. Они дрались на пикахъ... игрушечныхъ, конечно. И еще на дняхъ, въ большую перемигну, онъ выступилъ одинъ передъ всѣми „большими“ и, грозя имъ своимъ кулачкомъ, прокричалъ: „Мой папа больше васъ и храбрѣе! Я тоже вырасту и буду больше васъ всѣхъ“!..

Осендорфъ слушалъ, весело смѣялся и цѣлый часъ заставлялъ жену рассказывать про сына. Былъ уже одиннадцатый часъ вечера, и Маріанна, еще не отдохнувшая съ дороги, почувствовала себя усталой. Уходя къ себѣ, она мимоходомъ спросила мужа:

— Ну, а какъ вы вчера?

— Они всё были; кланяются тебѣ.

Марианна, однако, словно еще не рѣшалась уходить.

— Ничего особеннаго мы не говорили, — пояснилъ Оссендорфъ. — Такъ, самый обыкновенный разговоръ... Или тебѣ интересно убійство въ Вестэндѣ? Ванъ-Тениусу не мало хлопотъ съ его полякомъ, и этотъ Твардкій начинаетъ мнѣ тоже казаться интереснымъ. Помнишь, они нашли часы убитаго? Такъ теперь полякъ хочетъ всёхъ увѣрить, что онъ не самъ нашель часы, а получилъ ихъ въ подарокъ отъ одной „дамы“... своего полягоды; но назвать ее онъ не желаетъ... Чтѣ и говорить, рыцарская натура, даромъ что землекопъ! Ванъ-Тениусъ вѣрить его рассказамъ. Все это премило передають газеты... Ты вѣрно ужъ устала? Покойной ночи!

На утро Оссендорфъ примостился въ саду и собирался увидѣть Анну-Марию уже готовою къ прогулкѣ; но она вышла изъ дому и сѣла около него, говоря, что останется дома: въ своемъ саду такъ же хорошо, какъ и въ общественномъ.

Францъ пришелъ накрывать на столъ къ завтраку, и еще не успѣлъ накрыть, какъ его вниманіе привлекъ шумъ и споръ на улицѣ.

— Загляните-ка, Францъ, чтѣ тамъ такое? — приказалъ майоръ и прибавилъ, обратясь къ женѣ: — онъ можетъ удовлетворить свое любопытство, на то у него есть руки и ноги. А я — хоть сейчасъ начнись свѣтопреставленіе — я долженъ послать узнать, въ чемъ дѣло, чтобы мнѣ сказали другіе.

— Ничего особеннаго, господинъ майоръ! — возвѣстилъ Францъ, возвращаясь. Двѣ-три старухи, извозчикъ и городской чего-то спорять. Они тамъ, противъ лавки — за три дома отсюда.

Но въ эту минуту шумъ сталъ сильнѣе. Оссендорфъ недовольно насупился, а Марианна поспѣшила выглянуть на улицу изъ-за вѣтвей акаціи и была поражена тѣмъ, чтѣ увидала.

У самаго дома майора шагомъ двигались впередъ извозчикъ и дрожки, а рядомъ, посреди кучки любопытныхъ, городской велъ за руку блондураго ребенка. Мальчикъ говорилъ громко и разгнѣванно своимъ тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ:

— Должны же вы знать домъ майора Оссендорфа? Барона Вольфганга Оссендорфа? Я...

— Вельфи! — вскричала испуганно и вмѣстѣ радостно Марианна.

— Мама! — восторженно вырвалось у ребенка. Еще мигъ — одинъ только мигъ — и онъ ужъ у калитки... въ саду... у матери на шеѣ... и плачетъ, плачетъ отъ радости, отъ возбужденія.

Городовой грубо приказалъ толпѣ разойтись, а самъ почтительно и скромно вошелъ въ палисадникъ.

Едва завидѣлъ его Вельфи, какъ слезы прекратились. Мальчикъ выпрямился и принялъ болѣе бодрый, мужественный видъ, тревожно поглядывая на Оссендорфа, который не сводилъ съ него глазъ и тяжело дышалъ. У отца было много его карточекъ и даже одна (послѣдняя) въ томъ же матросскомъ костюмчикѣ, который былъ и сейчасъ на немъ; но что такое фотографія въ сравненіи съ дѣйствительностью! Вотъ онъ весь тутъ, на лицо, этотъ мальчишка-сорванецъ! Вотъ онъ... вылитая мать: ея прелестные глаза, бѣлокурые кудри и дѣтски-своевольный ротикъ! О, какъ бы онъ покрылъ его поцѣлуями, какъ бы пожилъ еще на свѣтѣ!...

— Мама! Вѣдь это папа? — раздался вопросъ ребенка, и Вельфи бросился къ отцу на грудь, обнявъ его и горячо расцѣловалъ.

— Ну, вотъ, папа! Вотъ и я... А полицейскій долженъ у меня просить прощенья. Онъ не повѣрилъ мнѣ, что ты—мой папа!

Оссендорфъ жадно прильнулъ губами къ личику сына, потомъ схватилъ его кудрявую голову обѣими руками и отстранилъ отъ себя, чтобъ наглядѣться хорошенько, и нѣсколько разъ провелъ рукою по его шейкѣ и по волнистымъ волосамъ.

На его вопросительный взглядъ полицейскій успѣшилъ отвѣтить.

— Осмѣлюсь доложить, господинъ майоръ, этотъ мальч... прошу прощенья: молодой баронъ изволили прибыть одни съ утреннимъ поѣздомъ и на вокзалѣ приказали жандарму дать имъ одну марку на извозчика, котораго наняли „на Шарлоттенштрассе, къ Оссендорфамъ“. Баронъ узналъ Берлинерштрассе; но она такъ длинна, а нумера онъ не могъ сказать. Вотъ они съ извозчикомъ и разыскивали безъ малаго полчаса по всей улицѣ... Ну, извозчикъ началъ терять терпѣнье; заворчалъ, потребовалъ, чтобъ его отпустили. А у господина барона не было денегъ; тогда извозчикъ принялся браниться... Такие неучи, эти извозчики,—невѣжи!

— Ну, погоди же! Погоди, вотъ я тебя!...—хохоча до слезъ, шутилъ съ ребенкомъ Оссендорфъ и трясъ его за плечо въ видѣ угрозы.—Ахъ ты, должникъ! Ахъ, сорванецъ, разбойникъ!

Между тѣмъ извозчикъ сошелъ съ возель и направлялся къ полицейскому, угрожая требовать свои деньги черезъ полицію.

— Нѣтъ, мама! дай, я самъ ему заплачу!

Вельфи взялъ у отца кошелекъ и лихо подошелъ къ изгороди:

— Ну, сколько надо?

— Три съ половиной марки.

Вельфи самъ открылъ кошелекъ, досталъ четыре марки и, подавая ихъ извозчику, вдругъ скромно проговорилъ:

— Извините!... Но теперь вы видите, что я не хотѣлъ васъ обмануть!

Извозчикъ и полицейскій удалились, а Оссендорфъ взялъ за руку оробѣвшаго мальчика, приговаривая:

— Ну, а теперь... теперь....

— ... Рассказывай все по порядку!—подхватила оживленно Марианна.

— Но прежде надо его навормить, дрянного девертира!

И вся семья усѣлась за столъ.

Вельфи посадили по правую руку отца, а мать спокойно сѣла по лѣвую, и только позднѣе замѣтилъ это Оссендорфъ. Онъ попросилъ Марианну сѣсть рядомъ съ Вельфи и мальчикъ такимъ образомъ очутился по срединѣ, между матерью и отцомъ. Они не чувствовали себя отъ счастья, что онъ тутъ, съ ними, и кушаетъ съ такимъ аппетитомъ. Всѣ трое оживленно болтали и были веселы, какъ никогда. Францъ усердно служилъ за столомъ, но это усердіе не мѣшало ему во весь ротъ улыбаться, глядя на господъ: онъ былъ радъ ихъ радости, ихъ счастью. Даже горничная,— то одна, то другая,—поглядывали изъ окна и, сочувственно улыбаясь, кивали головою, словно чувствуя себя равными съ господами въ такой отрадный моментъ ихъ семейной жизни. Въ честь молодого барина бухарка состряпала экспромтомъ какое-то интересное пирожное и сама, чуть не плача отъ радостнаго волненія, своими руками принесла его на столъ. Марианна поблагодарила ее за вниманіе, а Оссендорфъ ласково кивнулъ головою. Одинъ только Вельфи помнилъ свое высокое званіе и съ чисто-баронской важностью спросилъ ее съ набитымъ ртомъ:

— Ну, ты,—это вкусно!.. А какъ *васъ* зовутъ?

— Мартой, золотой мой Вельфи, Мартой. Я тебя помню, мой голубчикъ, съ тѣхъ поръ еще, какъ ты вотъ такимъ, маленькимъ былъ!

— Отчего она меня „тыкаетъ“?—спросилъ мальчикъ, когда она ушла. У фрау Кригеръ полагается говорить на „вы“; тамъ меня называютъ: „господинъ баронъ“.

Послѣ завтрака молодой баронъ пожелалъ осмотрѣть весь домъ, но безъ провожатыхъ, какъ большой; однако, узнавъ, что Францъ—бывшій деньщикъ его папы, снисходительно согласился, чтобы онъ его сопровождалъ.

Оставшись одна съ мужемъ, Марианна старалась извинить въ глазахъ мужа смѣлую выходку Вельфи; но Оссендорфъ не далъ ей говорить. Онъ засмѣялся своимъ самымъ милымъ, дѣтски-беззаботнымъ смѣхомъ и, прижимая къ груди своей руку жены, въ сердечномъ восторгѣ воскликнулъ:

— Молчи! Молчи! Оставь мнѣ хоть одинъ день насладиться полнымъ счастьемъ! *Нашъ* Вельфи! Милый! Какой красавецъ, — весь въ тебя! Но только сорванецъ, бѣдовый! Ничего не боится... молодчина! Отчего ты мнѣ ничего объ этомъ не сказала? Или ты не замѣтила, какой онъ сталъ большой... прелестный, раскрасавецъ? Да, вотъ онъ, наконецъ, нашъ мальчикъ, нашъ родной! Вотъ онъ какой сталъ за эти пять лѣтъ! О, дорогая моя! Вѣдь я пять лѣтъ, какъ его поджидаю!

Вскорѣ вернулся Вельфи и долженъ былъ рассказать „все по порядку“; но поминутно его прерывали поцѣлуи мамы и горячія, порывистыя ласки папы. Наконецъ, вотъ чтó выяснилось изъ его прерывистаго повѣствованія.

Изъ словъ мамы онъ уже давно понялъ, что его считаютъ за малютку, не довѣряютъ ему, и потому не пускаютъ къ милому, доброму папѣ. Но вотъ вчера...

— Вчера фрау Кригеръ говорила съ кѣмъ-то изъ гостей, — съ одной изъ маменокъ. — Она не знала, что я могу слышать, и я узналъ... все, все узналъ: что моему папѣ оторвало „всѣ“ ноги и что меня считаютъ негоднымъ трусишкой; что я могу закричать, если его увижу. Но я не трусь; я вѣдь не закричу! На войнѣ не то что двѣ ноги, а даже голову можетъ оторвать... и я кричать не буду... нѣтъ! Я это все прекрасно понимаю и сейчасъ же пошелъ, сказалъ Курту, что ѣду къ папѣ... Понимаешь? Тогда мнѣ Куртъ сказалъ: „Пойди, скажи объ этомъ четвертому классу: тѣ всегда одни ѣздятъ домой. Они все знаютъ!“ — Ну я и пошелъ къ нимъ; но между ними есть и не-дворяне, понимаешь? И, знаешь, папа, они очень мило обошлись со мною, право. Они мнѣ рассказали, когда идутъ поѣзда и сколько стоятъ... ну, и все прочее. Не бойся, мама, я ѣхалъ въ первомъ классѣ. Мы собрались въ саду у качели и поклялись хранить самую строгую тайну... понимаешь? И Вильгельмъ Ридигеръ, — „большой“, — записалъ мнѣ все на бумажкѣ. А билетъ стоитъ цѣлыхъ шестнадцать марокъ... а у меня ихъ нѣтъ... понимаешь? Я хотѣлъ занять у фрау Кригеръ и сказать, что я ихъ проигралъ; да намъ не позволяютъ играть на деньги. Тогда Вильгельмъ Ридигеръ и говорить: „Не надо, чтобы она знала; надо все устроить потихоньку“... Понимаешь? Вотъ онъ пошелъ и собиралъ со

всѣхъ сколько тамъ было нужно. А я всю ночь не спалъ, и утромъ, когда ужъ собрался идти въ школу, въ половинѣ седьмого, какъ всегда, пришелъ Виль Ридигеръ и напомнилъ мнѣ все, какъ было. Онъ самъ пошелъ со мною на вокзалъ и взялъ мнѣ билетъ; и шутилъ, и нотаци мнѣ читалъ, все какъ и полагается. Ужъ и страшно же мнѣ было, чтобы не пришла фрау Кригеръ или нашъ воспитатель. Вдругъ, слышу—звонокъ! Поѣздъ какъ захыхтѣлъ да покатылъ впередъ... такъ, что и не догнать! Никогда еще такъ скоро онъ не ѣхалъ... понимаешь? И всѣ въ вагонѣ то же самое говорили. Я разсказалъ всѣмъ, куда и зачѣмъ ѣду, и одна дама — вотъ какъ мама, только потемнѣе — общала за мной присмотрѣть, когда прїѣдемъ. Ну, и прїѣхали. Она скорѣе вышла, — ее ну цѣловать какой-то мальчикъ, — вѣрно, сынъ; а я живѣй далъ тугу... понимаешь? Смотрю, тутъ дрожки... много, много дрожекъ... Ахъ, глупый Ридигеръ! Вѣдь про извозчика-то онъ и позабылъ, а могъ бы еще собирать и на это! Экой осель, ну, право! Но вотъ чего ужъ я никакъ не думалъ: меня не знаетъ ни одинъ извозчикъ! А у насъ въ пансіонѣ знаютъ меня всѣ, даже „большіе“, первоклассники!..

Долго сидѣли еще за столомъ; долго веселились счастливые родители, глядя на своего малютку-Вельфи. Въ два часа пришла телеграмма изъ Дрездена: фрау Кригеръ встревожилась, узнавъ, что ея питомецъ не былъ въ шволѣ, а уѣхалъ потихоньку къ отцу, въ Берлинъ, и уже разослала повсюду депеши...

Отецъ опять принялся смѣяться и приговаривать:

— Ахъ ты сорванецъ! Ахъ ты плутъ, разбойникъ!

Отправивъ ей успокоительную телеграмму, Оссендорфъ сдѣлалъ серьезное лицо и всѣ старанія приложилъ къ тому, чтобы уяснить ребенку, въ чемъ его вина, на примѣръ, передъ доброй фрау Кригеръ, которую онъ такъ напугалъ и обезпокоилъ. Но Вельфи не далъ сбить себя съ толку. Онъ, какъ настоящій плутъ, въ шутку напустилъ на себя серьезность и сдѣлалъ видъ, что огорченъ своимъ поступкомъ... Но потомъ вдругъ прервалъ нотаци веселымъ восклицаніемъ, какъ только увидалъ, что папа, какъ ни старается, а не можетъ и не умѣетъ сердиться.

Немного погодя, Оссендорфъ сдѣлалъ своему „большому“ сыну настоящій экзамень: заставилъ его читать и писать подъ диктовку по-нѣмецки и по-французски, считать, рисовать.

— Не правда ли, папа, — замѣтилъ ему мальчикъ: — ты вѣдь не слишкомъ строгъ по Закону Божію? Куртъ говоритъ, что такъ и надо... понимаешь?

До самаго обѣда Вельфи былъ очень оживленъ и веселъ; но

послѣ неожиданно задремалъ, держа свою ручку въ рукѣ мамы и откинувшись свѣтлорусой головой на папину черное покрывало. Осторожно взяли соннаго шалуна на руки и снесли къ мамѣ на кровать. Мама сама раздѣла и уложила его и вернулась къ папѣ и оба всей душой восхищались своимъ смѣлымъ красавцемъ-сыннишкой.

Оссендорфъ первый предложилъ сдѣлать завтра мальчику праздникъ и послалъ приглашенія тетусиѣ, кузену и ванъ-Тениусу.

— Тета и Рихардъ всегда свободны, а Тениусъ постарается, я увѣренъ, изъ любви къ намъ, найти время, — пояснилъ онъ.

На слѣдующее утро Вельфи весь домъ поднялъ на ноги своимъ шумомъ и весельемъ: его особенно забавляло, что онъ проснулся въ маминѣ постели, и конца не было его возгласамъ и ликованью. И всѣ вокругъ, вмѣстѣ съ нимъ, были такіе счастливые и радостные... Одно только облачко набросило мрачную тѣнь на эту радость. Въ порывѣ бѣготни мальчикъ вдругъ дернулъ за руку отца и потянулъ его съ собою бѣгать.

— Да ну же, папа! — нетерпѣливо покрикивалъ онъ. — Или ты совсѣмъ не можешь ходить? Совсѣмъ?.. Ну, знаешь ли, это преглупо!

Впрочемъ, и еще разъ маленькій баронъ невольно огорчилъ своихъ, — когда, незадолго до обѣда, Францъ катилъ кресло своего хозяина домой и Вельфи при яркомъ дневномъ свѣтѣ вдругъ увидалъ шрамъ на лицѣ у отца.

— Ну, папа! — воскликнулъ мальчуганъ. — Это ужасъ какъ страшно!.. Я не трусишка... понимаешь? Но тебѣ непременно надо отростить бороду, чтобъ не было замѣтно!..

Когда явились гости, родители каждому поочередно представляли своего маленькаго героя и съязнова, съ самаго начала, не утомимо пересказывали его похождения. Съ кузенѣмъ Рихардомъ Вельфи сразу сталъ на товарищескую ногу; съ тетусишкой обращался нѣсколько шутливо, что ему не мѣшало, однако, иногда довольно почтительно поглядывать на старушку, которую онъ почему-то называлъ „старенькой принцессой“...

— Такая она вся забавная... понимаешь? — тихоенько признавался онъ отцу.

Съ ванъ-Тениусомъ дѣло обстояло совершенно иначе. Вельфи похаживалъ вокругъ него какъ-то задорно, словно маленькая балованная собачка вокругъ большой, чужой.

— Вотъ еще! — хорохорился шалунъ: — За что я его долженъ „дядей“ звать? Ну, какой онъ мнѣ „дядя“? Онъ даже вовсе не

родня! И не нравится онъ мнѣ, никогда не будетъ нравиться... вотъ и все тутъ!.. Понимаешь?

Къ счастью, въ такія откровенности онъ пускался только съ мамой, а она лучше всѣхъ умѣла его урезонить.

XIII.

Тетушка была на седьмомъ небѣ.

Въ продолженіе всего обѣда она съ увлеченіемъ занималась разсказами изъ семейной хроники „славнаго рода Оссендорфовъ“. Главнымъ ея слушателемъ былъ на этотъ разъ юный баронъ Оссендорфъ, жадно ловившій каждое слово, знакомившее его съ доблестями и примѣрными подвигами его историческихъ предковъ. Изъ разсказовъ тетушки прямо вытекало, что Оссендорфы были всѣ непременно въ сіятельномъ и генеральскомъ чинѣ и ни одинъ еще изъ нихъ не умиралъ, не дослужившись до генерала...

— Такъ вы намъ совсѣмъ не родня? — спросилъ какъ-то Вельфи, обращаясь къ ванъ-Тениусу во время обѣда. — А зачѣмъ вы не „фонъ“, какъ папа, а только „ванъ“? Зачѣмъ это такъ? Зачѣмъ вы адвокатъ? Что это значитъ?

Оссендорфъ добродушно посмѣивался такимъ вспышкамъ недовѣрія и высокому мнѣнію, которое Вельфи себѣ составилъ о своемъ аристократическомъ происхожденіи. Последнее обстоятельство, повидимому, больше всѣхъ радовало старушку-тетю. Маріанна тоже была весела, и только ванъ-Тениусъ былъ какъ будто немного разсѣянъ. Ему пришлось по-сердцу бойкій мальчуганъ, и онъ мысленно открывалъ въ немъ съ каждою минутой все большее и большее сходство съ Маріанной. Но, несмотря на всю свою разсѣянность, онъ охотно отвѣчалъ ребенку и съ полной готовностью сообщилъ ему всю свою родословную подробно.

Послѣ обѣда, когда Вельфи пришлось всѣхъ благодарить, тетушка вскрикнула отъ ужаса, замѣтивъ на его нѣжной ладони порядочный рубецъ. Сначала мальчикъ не хотѣлъ сказать, откуда у него взялся такой шрамъ, но слова отца убѣдили его.

— Рубца никто не долженъ стыдиться, — говорилъ Оссендорфъ. — А Вельфи, я знаю, не захочетъ лгать... Ну, какъ же это случилось?

И юный „баронъ“, немножко робѣя, но постепенно ободраясь, разсказалъ все откровенно, безъ малѣйшей тѣни хвастовства.

Четвероклассники безъ удержу дразнили его самого и его друга—Курта. Они грозили „малышамъ“ тѣмъ, что будутъ ужъ въ майорскомъ чинѣ, когда тѣ, „дѣтки-семилѣтки“, еще едва доберутся до поручичьихъ погонъ. Ну, и придется имъ волей-неволей становиться во фронтъ передъ майоромъ!..

— Тогда Куртъ говоритъ: „Побьемся объ закладъ, кто изъ насъ раньше выйдетъ въ генералы?“... Понимаешь? Ну, вотъ... побились мы съ четвероклассниками объ закладъ... какъ водится у всѣхъ. Знаешь, папа: берутъ шарикъ изъ воску съ ватой, кладутъ его въ лѣвую ладонь и зажигаютъ... понимаешь? И когда загорится, тотъ, кто дольше выдержитъ, тотъ будетъ раньше всѣхъ... „генералъ“!

— И кто же выдержалъ?..— тихо спросилъ отецъ.

— Ну я, понятно!

Оссендорфъ порывисто прижалъ къ себѣ сына. Марианна всплеснула руками, а тетюшка только-что намѣревалась рассказать встать какое-то фамильное преданіе, когда ванъ-Тениусъ вдругъ подошелъ къ ребенку, посмотрѣлъ на его ладонь и серьезно обратился къ нему:

— Слушай-ка, Вельфи, что я тебѣ скажу: вы всѣ тутъ поступили безразсудно. Ты могъ бы на всю жизнь сдѣлать себя несчастнымъ!

Водворилось всеобщее молчаніе. Всѣмъ стало тяжело.

Но Вельфи вырвался изъ рукъ отца, дерзко заломилъ голову назадъ и прямо, какъ струночка, сталъ передъ гостемъ, засунувъ руки въ карманы.

— Ужъ вы-то, конечно, никогда не бились объ закладъ? Для васъ это должно быть непонятно... Гдѣ ужъ до этого адвокатамъ!

— Не надо быть такимъ дерзкимъ, Вельфи! А то я разсержусь!..

— Ты, папа? вотъ тебѣ и разъ?! Не стоило, послѣ этого, и домой торопиться!

Отецъ съ матерью засмѣялись, и Вельфи, у котораго ужъ были слезы на глазахъ, милостиво далъ себя развлечь.

Разговоръ принялъ другой оборотъ.

Рѣшено было оставить Вельфи дома на цѣлую недѣлю, чтобы товарищи успѣли немного позабыть про его подвигъ и невдумали бы его привѣтствовать, какъ настоящаго героя.

Между тѣмъ Вельфи предложено написать фрау Кригеръ хотъ

коротенькое, но милое извинительное письмо; однако, мальчикъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ. Его упрямство было до того упорно, что омрачало радость Оссендорфа и его гордость такимъ смѣльчакомъ-сыннишкой.

Кромѣ того, выяснилось мало-по-малу, что Вельфи недоволенъ состояніемъ здоровья своего папы. Мальчикъ еще допускалъ, что можно быть убитымъ, раненымъ... но затѣмъ же всегда, на всю жизнь лежать безъ ногъ? Это ужъ слишкомъ неудобно! Ну, какой толкъ изъ того, что папа не можетъ двинуться съ мѣста, не пойдетъ съ нимъ, Вельфи, на охоту, не можетъ даже вмѣстѣ съ нимъ лазить по деревьямъ за птичьими гнѣздами? Ужасно глупо!.. понимаешь?

Ванъ-Теніусъ зашелъ къ друзьямъ своимъ вечеромъ, въ четвергъ, и засталъ Оссендорфа не въ особенно довольномъ настроеніи духа: онъ только-что, вторично, убѣждалъ сына въ необходимости написать фрау Кригеръ извинительное письмо, и опять безуспѣшно! Все это, вмѣстѣ взятое, побудило его откровенно высказать пріятелю свою тревогу по этому поводу, и Марианна, полусерьезно, поддержала мужа. Адвокатъ выслушалъ и распросилъ обо всемъ подробно, въ мельчайшихъ чертахъ, и, подумавъ немного, предложилъ серьезно:

— Не можете ли вы предоставить мнѣ надъ Вельфи право воспитанія... на одинъ только часъ? Я надѣюсь, что мнѣ удастся сломить его упорство. Во всякомъ случаѣ нельзя ему спускать!

Марианна вопросительно посмотрѣла на мужа, и онъ отвѣтилъ:

— Что же, прекрасно! Попробуйте и вы свое воспитательное умѣнье; встать, и возвращенія у васъ самыя аристократическія. Лошадямъ и собакамъ тоже вѣдь ничего не спускаютъ... Посмотримъ, посмотримъ: какъ это будетъ?

На этотъ разъ Вельфи не могъ нахвалиться своимъ новымъ знакомымъ: онъ просто не узнавалъ ванъ-Теніуса, — до такой степени мило и по-товарищески обходился онъ съ нимъ! Мальчикъ такъ успѣлъ съ нимъ освоиться, что совершенно увлекся и въ пылу своихъ шаловливыхъ затѣй не сразу послушался приказанія не толкать стулъ-качалку, на которомъ сидѣлъ адвокатъ. Два или три раза остановилъ его ванъ-Теніусъ и, наконецъ, строго сказалъ:

— Вельфи, оставь! Не то... я тебя хлопну!

— Ничего ты мнѣ не смѣешь сдѣлать... ничего! — хорохорился мальчикъ и еще разъ толкнулъ качалку.

Тогда ванъ-Теніусъ спокойно удержалъ въ своей рукѣ его лѣвую руку и хладнокровно шлепнулъ по ней.

Марианна вздрогнула, а Оссендорфъ долженъ былъ усиленно напомнить самъ себѣ данное другу разрѣшеніе, чтобы удержаться отъ вмѣшательства.

На мгновеніе Вельфи остался стоять передъ нимъ, какъ вооруженный; но вслѣдъ затѣмъ бросился на обидчика съ кулаками. Ванъ-Тениусъ спокойно схватилъ его за кулачекъ, но ему все-таки пришлось встать на ноги, чтобы отклонить нападеніе, — до того разъярился мальчикъ.

— Папа! Мама!.. Ко мнѣ!.. — кричалъ онъ, сверкая глазами. — Помогите! Этотъ противный смѣлъ меня прибить! Да помогите же мнѣ, папа! встань, наконецъ, со своего стула! надо намъ непременно его пришибить!

Но когда Вельфи увидаль, что папа и мама не спѣшаютъ къ нему на помощь, что они держатъ сторону его обидчика, онъ бросился въ отчаяніи на полъ и сталъ неистово кататься и кричать, биться ногами и руками, и головой... И долго еще не смолкали его злобныя рыданія.

Но вотъ они утихли понемногу, и ванъ-Тениусъ обратился къ нему серьезно, но дружелюбно:

— Итакъ, ты видишь, Вельфи, что слушаться необходимо. Я старый другъ твоихъ мамы и папы, и это даетъ мнѣ право тебя наказывать.

— Успокойся же, дитя, перестань! — тщетно уговаривала мальчика мать. — Ну, ты поупрямился и тебѣ за это досталось... Что жъ за бѣда? Поболить и пройдетъ!

— Да вовсе и не болѣло! — сердито возразилъ Вельфи. — Онъ не можетъ больно ударить: онъ не военный... у него силы нѣтъ!.. Но я не позволю ему... и никому не позволю... себя шлепать! Пусть проситъ прощенія; не то я самъ его прибью!

— Вотъ какъ? — замѣтилъ сыну Оссендорфъ. — А когда ты самъ провинился передъ бѣдною фрау Кригеръ, которую такъ заставилъ тревожиться, ты самъ же не захотѣлъ передъ нею извиниться... и до сихъ поръ не хочешь! А ужъ, кажется, она-то ничего тебѣ не сдѣлала дурного?

— Ничто не смѣетъ меня бить!

— Послушай, Вельфи! — началъ ванъ-Тениусъ. — Спросимъ твоего папу. Пусть онъ насъ разсудитъ: можетъ быть, мнѣ и въ самомъ дѣлѣ слѣдовало только дать тебѣ выговоръ и ты не заслужилъ шлепка? Тогда я готовъ попросить у тебя прощенія; но и то не раньше, какъ ты подашь мнѣ примѣръ, напишешь свое извиненіе фрау Кригеръ.

Вельфи живо очутился на ногахъ и, торопливо оправляя свою

матросскую курточку, подарилъ своего обидчика многозначительнымъ и полнымъ юмора взглядомъ. Еще мгновение—и онъ бросился вонъ изъ комнаты.

Оссендорфъ насмѣшливо восторгался педагогическими приемами своего друга и въ заключеніе объявилъ, что никогда ужъ больше не уступитъ ему своихъ отцовскихъ правъ... О, ужъ навѣрное никогда!

— Вамъ это, можетъ быть, и не совсѣмъ понятно, милый другъ; но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы моему Вельфи впоследствии могъ кто-нибудь напомнить, что онъ былъ... битъ!

Ванъ-Тениусъ защищалъ теорію своего поступка и, надо признаться, вполне безпристрастно; только разъ, и то какъ бы мимоходомъ, замѣтилъ:—Развѣ не придется мальчику въ строю, уже въ поручичьемъ чинѣ, безпрекословно подчинять свою волю волѣ начальства?

Явился Вельфи и съ торжествующимъ видомъ подалъ адвокату листочекъ почтовой бумаги, на которомъ было написано крупнымъ, неровнымъ, дѣтскимъ почеркомъ:

„Дорогая Фрау Кригеръ!
я Прошу у васъ прощенья.
Любящій васъ Вольфгангъ, баронъ фонъ-Оссендорфъ“.

— Прекрасно, Вельфи! Только кое-что тутъ надо переправить; вотъ напр., „прошу“ ты пишешь съ особымъ почтеніемъ почему-то съ большой буквы; а бѣдной фрау Кригеръ пожалѣлъ его оказать. Въжливѣе писать „Вы“ въ письмахъ съ большой буквы и... вообще безъ ошибокъ. Ну, да это еще придетъ!.. А вотъ чтѣ ты мнѣ скажи по совѣсти: развѣ ты вовсе не заслуживаешь наказанья?..

— Ну, пожалуй! Только шлепать я себя не позволю!

— Я больше и не буду; только и ты больше не упрямься... Хорошо? Доволенъ ты моимъ рѣшеніемъ? Если—да, ударимъ по рукамъ и будемъ друзьями... Хочешь?

Вельфи поглядывалъ то на мать, то на отца, который сидѣлъ молча. Мать тихо, ободрительно кивнула—и мальчикъ протянулъ руку своему „врагу“.

— Ну что жъ? Пожалуй, будемъ друзьями; но тогда и недавно ты не смѣешь меня бить!

Письмо фрау Кригеръ было еще разъ переписано и благополучно отправлено. Маріанна ласкала своего мальчика. Оссендорфъ весь вечеръ оставался задумчивъ и молчаливъ.

Въ понедѣльникъ утромъ Вельфи долженъ былъ ѣхать обратно въ Дрезденъ, и потому наканунѣ у обѣденнаго стола Оссендорфовъ опять собралось ихъ маленькое общество.

На этотъ разъ, какъ-то по поводу газетныхъ слуховъ о дѣлѣ Твардбага, самъ хозяинъ дома воснулся опять этого вопроса, заботаго на время.

— Вы все-таки еще, по прежнему, вѣрите въ невинность своего поляка?—спросилъ онъ ванъ-Тениуса.

— Безусловно вѣрю!.. Тѣмъ болѣе, что его порядочность ясно видна изъ того, какъ рыцарски онъ выгораживаетъ изъ дѣла свою пріятельницу...

— Вотъ, въ первый разъ слышу!—удивлялась тетушка:—неужели убійцы могутъ быть влюблены?

— Да еще какъ!—подхватилъ серьезно Оссендорфъ.—Я увѣренъ, что нашъ общій другъ ванъ-Тениусъ, сторонникъ платонической любви, серьезно убѣжденъ въ его добрыхъ и возвышенныхъ чувствахъ. Оставивъ въ сторонѣ лично ванъ-Тениуса, какъ адвоката, мнѣ кажется, можно сказать про адвокатовъ вообще, что у нихъ есть странная привычка (и даже специальность)—защищать людей по своему убѣжденію или по обязанностямъ службы. И эта же ихъ привычка даетъ возможность каждому встрѣчному и поперечному приобрести за деньги защиту „доктора правъ“, а слѣдовательно и приговоръ суда:—Нѣтъ, не виновенъ!

— По моему, въ средніе вѣка дѣла велись куда откровеннѣе и честнѣе... Я подразумеваю, главнымъ образомъ, время тридцатилѣтней войны. Тогда полковникъ и солдатъ шли на войну одинаково съ цѣлью позжиться богатой добычей. Кому изъ нихъ удастся убить столько-то человѣкъ богатыхъ враговъ или сжечь и разграбить столько-то домовъ—тотъ ужъ и господинъ, и самъ признаетъ себя (да и другихъ признавать заставляетъ) важною птицей,—богачомъ и землевладѣльцемъ. Такія дѣла обдѣльвались судомъ безвозмездно... Когда тебѣ придется быть на войнѣ, мой мальчикъ, тебѣ будетъ уже не такъ легко: съ тебя потребуютъ всевозможныя пошрины и удостовѣренія—все по закону. Въ наше время каждому приходится обращаться за помощью къ адвокатамъ, чтобы съ незапятнанной честью вернуться домой. Нѣтъ необходимости беречь свою шкуру: если ее гдѣ и прорвала шальная пуля—на нее положить заплаты... въ видѣ „железныхъ крестовъ“ за храбрость. Но горе-горькое солдату, который не захочетъ голодать и станеть гдѣ-нибудь куру или гуся, или одѣяло, чтобы не дрогнуть среди зимней стужи! „Доктора правъ“ засудить его безвозвратно: въ арестантскія роты его или... разстрѣлять!

— Да! „Докторъ правъ“ сильнѣе любого генерала: весь миръ повинуется взмахамъ его вѣщаго пера!.. Поэтому, мой милый Вельфи, и ты обязанъ уважать нашего друга—и что жъ подѣлаешь?—иной разъ даже... слушаться его!

При полномъ молчаніи всѣхъ присутствующихъ, мальчишъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на ванъ-Тениуса и, какъ бы сообразивъ что-то, косточкой финика прицѣлился лукаво въ лицо тетушки, которая испуганно загордилась отъ него руюю.

— Я только пошутилъ, — возразилъ онъ, опуская косточку на тарелку.—Но почему у него нѣтъ мундира?

Ванъ-Тениусъ не далъ Оссендорфу отвѣтить:

— Ты не совсѣмъ вѣрно понялъ своего папу, Вельфи!—вмѣшался онъ.—Папа вѣдь пошутилъ; но не все въ его шуткѣ смѣшно и шутивно. Положимъ, мы „докторъ правъ“, не носимъ *военнаго* мундира, но и у насъ есть своя форма, когда мы бываемъ на службѣ, и эту форму также установилъ для насъ самъ императоръ, какъ и офицерскую. Но судьи и „докторъ правъ“ бываютъ хорошіе и дурные, — какъ бываютъ хорошіе и дурные офицеры...

Тетушкѣ хотѣлось поскорѣе замять щекотливый разговоръ; но ее уже опередилъ кузенъ Рихардъ. Со своей обычной дамской угодливостью, онъ успѣшилъ осведомиться, заѣдетъ ли Маріанна навѣстить въ Дрезденъ свою „сестрицу“?

Оссендорфъ не преминулъ лукаво пояснить, что этотъ намекъ кузена — не что иное, какъ инсказательное мнѣніе, что Анна-Марія похожа на Свѣстинскую Мадонну...—И всѣ опять оживились.

На прощанье, каждый изъ гостей пожелалъ маленькому дезертиру счастливаго пути и вдобавокъ счелъ своимъ долгомъ напутствовать его добрымъ совѣтомъ.

Кузенъ Рихардъ сказалъ, что не всякому дезертиру выпадаетъ счастье возвращаться въ строй подъ такимъ милымъ конвоемъ, какъ его мама. Ванъ-Тениусъ просилъ передать „двѣнадцатилѣтнимъ“, что они—глупые мальчишки. Тетушка предупредила Вельфи, что дѣлать долги опасно и совѣтовала—въ случаѣ чего—обратиться къ ней.

— Старая тетка, конечно, не изъ богатыхъ, но помни, мальчикъ: для будущаго поручика, „на леденцы“ — у нея всегда найдется!

XIV.

Оставшись одни со своимъ сыномъ, оба—какъ Оссендорфъ, такъ и Маріанна—почувствовали, какъ будто они только теперь всецѣло завладѣли его вниманіемъ. Особенно же радъ былъ этому отецъ, который хотѣлъ удержать его подольше при себѣ и точно не замѣчалъ, что Вельфи скучно сидѣтъ съ большимъ отцомъ, и что онъ охотнѣе бѣжитъ вслѣдъ за мамой—куда бы она ни пошла. Маріанна ужъ и то старалась не отходить отъ мужа: такимъ образомъ, мальчикъ былъ за-разъ около нихъ обоихъ. Но Оссендорфъ то-и-дѣло давалъ женѣ какія-нибудь порученія, какъ бы желая испытать ребенка, и только голосъ его чуть замѣтно дрожалъ, когда глаза Вельфи провожали маму, а онъ самъ разсѣянно отвѣчалъ на вопросы отца.

Наконецъ, Маріанна обняла станъ полусоннаго малютки и хотѣла увести его спать, но Оссендорфъ еще разъ удержалъ сына на прощанье и сказалъ:

— Завтра, рано утромъ, намъ съ тобой, сынокъ, врядъ ли придется говорить; но ты у меня добрый, смѣлый и умный мальчикъ, а потому и не забудешь того, что я тебѣ скажу и что тебѣ врядъ ли когда придется слышать еще разъ. Я увѣренъ, что если я тебя объ этомъ попрошу, ты будешь помнить всѣ мои слова и, когда станешь больше, будешь еще чаще о нихъ вспоминать... Приготовься къ тому, что фрау Кригеръ побранитъ тебя; намъ съ мамой также слѣдовало дать тебѣ хорошій выговоръ, и ванъ-Тениусъ былъ правъ, что наказалъ тебя. Но вотъ что выслушай, дружокъ мой, хорошенько. Если тебѣ когда случится еще разъ сдѣлать что-нибудь такое, что ты считаешь правильнымъ и единственнымъ подходящимъ, — прежде всего ясно сообрази, какія ты за это можешь понести наказанія; если же и тогда ты увидишь, что долженъ поступить именно такъ, а не иначе—ты такъ и поступи, и не заботься о томъ, что могутъ возразить на это твои родители, и тетушки, и... адвокаты. Ты хочешь быть военнымъ, милый; а на это нужно много мужества; мужество же состоитъ въ томъ, чтобы, не колеблясь, дѣлать то, что должно!...

— Вольфгангъ, оставь его: видишь, онъ совсѣмъ спитъ и ничего не слышитъ.

— А ты и рада, что онъ не пойметъ моихъ рѣчей?.. Ну, иди съ Богомъ, мальчикъ. Спи спокойно!

— Покойной ночи, папа! Ты, мама, пойдешь тоже?

Марианна посидѣла у его кровати, и когда онъ заснулъ, поспѣшно занялась укладкой. Ей было жутко сегодня оставаться наединѣ съ мужемъ, и она скоро пошла спать.

Но ей все не спалось. Она припоминала каждое слово ванъ-Тениуса, толковала его сама себѣ на всѣ лады, и ей становилось грустно, что въ этихъ словахъ она не находила ничего, относившагося лично въ ней. Спала она тревожно. Ей чудились калѣки, безрукіе, кривые... Потомъ вдругъ все переѣнилось, и она увидала раскидистый вѣтъ, на которомъ сидѣлъ Вельфи и смѣялся, а ванъ-Тениусъ стоялъ внизу и поддерживалъ дерево, которое раскачивалъ сильный вѣтеръ. Вельфи сталъ плакать и громко звать свою маму на помощь. Марианна проснулась.

Въ ухахъ у нея еще завывалъ вѣтеръ, и она сначала не разобрала, что недалеко отъ нея кто-то тяжело дышетъ.

— Кто тамъ?—испуганно окликнула она.

— Не бойся, это я; Анна-Марія...—раздалось въ темнотѣ, и она узнала голосъ Оссендорфа.—Будь покойна: я тебя не вижу и не пожелаю, чтобы ты увидѣла меня; ты знаешь, я человѣкъ вполне благопристойный!

— Но какъ же ты сюда...

— Добрался? Не безпокойся; мнѣ ходить не впервые и... лучше всего забудь объ этомъ... Я пришелъ извиниться, что, можетъ быть, сегодня раздразнилъ тебя. Это уже не повторится, будь покойна! Нашъ Вельфи молодчина, удалецъ, и весьма вѣроятно—такимъ же пожелаетъ остаться на всю жизнь. Я знаю, онъ захочетъ быть героемъ; но я этого не хочу... какъ не хочу, чтобы его давилъ воспитательскій гнетъ... Обѣдай мнѣ, когда меня не будетъ, что ему въ воспитатели ты не дашь труса, человѣка расчета и холодной дисциплины, который сталъ бы бить моего Вельфи, какъ дрессированную собаку... какъ мальчишку—мастерового. Обѣщаешь ты мнѣ исполнить мою послѣднюю волю, Анна-Марія?

Въ столовой часы густо пробили два, и вслѣдъ за ихъ гудѣніемъ сдѣлалось такъ тихо, что въ комнатѣ громко слышалось тяжелое, прерывистое дыханіе Оссендорфа и ровное дыханіе спящаго ребенка.

— Обѣщаю!—отвѣтила Марианна.

— Не зажыгай, не надо!—остановилъ ее мужъ, слыша, что она ищетъ спички:—Благодаря Бога, глаза у меня еще здоровы: я и такъ вдоволь насмотрюсь на своего Вельфи...

— Ну, прощай, Анна-Марія, покойной ночи!—послышалось опять черезъ нѣсколько минутъ, и неровный стукъ, разбудившій

Марианну, постепенно затихъ за дверями спальни. Оссендорфъ ушелъ къ себѣ. Но долго еще не спала она потому, содрогаясь каждый разъ, какъ у нея въ ушахъ отдавался ужъ давно замолкшій стукъ шаговъ ея несчастнаго мужа.

Утромъ она была блѣднѣе и молчаливѣе обыкновеннаго, но, по привычкѣ къ путешествіямъ въ Дрезденъ, спокойно собрала въ путь себя и сына, взяла на вокзалѣ билетъ и, усталая, разсѣянная, сѣла въ уголокъ, въ вагонѣ.

Вельфи болталъ, оживленно глядя по сторонамъ, и мать его не могла не улыбнуться на его горячіе разспросы.

— Мама! Отчего ты такъ сидишь? Отчего мы ѣдемъ во второмъ, а не въ первомъ?... Когда я буду большой, я буду всегда ѣздить въ первомъ классѣ!

За двѣ-три минуты до отхода поѣзда на дебаркадерѣ показался ванъ-Тениусъ. Вельфи первый замѣтилъ его.

— Ахъ, какъ чудесно!—воскликнулъ онъ. — Дядя-адвокатъ! Пусть онъ поѣдетъ съ нами!

Марианна принужденно улыбнулась и ничего не сказала на замѣчаніе ванъ-Тениуса, что онъ хотѣлъ пожелать имъ счастливаго пути.

— Да ты развѣ не съ нами?—перебилъ его Вельфи.

— Нѣтъ, дружокъ: у меня вѣдь много дѣла.

— Мама! Ну, какой онъ смѣшной! Такой большой и вдругъ— у него много дѣла! А знаешь, дядя-Тениусъ, ты вѣдь мнѣ нравишься, честное слово!..

Поѣздъ тронулся, медленно, будто нѣхота, выходя изъ дебаркадера... Изъ окна ванъ-Тениусу махнула рукой Марианна, и долго еще мелькала вдоль цѣпи вагоновъ матросская фуражка шалуна Вельфи, который безъ усталости махалъ ею, въ знакъ прощанія со своимъ новымъ другомъ.

Когда ванъ-Тениусъ снова увидался съ майоромъ, Оссендорфъ всячески постарался загладить непріятное впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести на него ихъ послѣдній разговоръ. По возвращеніи своемъ изъ Дрездена, Марианна также видѣла особыя проявленія внимательности мужа: въ ея отсутствіе, онъ самъ выбралъ ей матерію на платье, и ее уже ожидала готовая прехорошенькая обновка, исполненная по рисункамъ Оссендорфа. Передъ женою онъ также чувствовалъ себя виноватымъ.

— Я буду пай! Больше не буду!—шутя, встрѣтилъ онъ ванъ-Тениуса, и, ни словомъ больше не помяная своего горячаго объясненія, оба друга дѣятельно отделились своимъ обычнымъ заня-

тѣмъ статистикой „образа жизни и состоянія рабочихъ классовъ населенія“.

Заниматься разъ въ недѣлю было мало, рѣшено было работать по два; но и то работа, казалось, туго шла впередъ: ванъ-Тениусъ хотѣлъ бы горы двигать, а между тѣмъ, несмотря на помощь Оссендорфа, который все больше и больше интересовался этимъ вопросомъ, работа шла, но не летѣла. Почти всегда тутъ же сидѣла и Маріанна съ какимъ-нибудь руководѣмъ; но на этотъ разъ ей нездоровилось, и она прилегла тутъ же, въ сторонкѣ, прикрытая теплымъ пледомъ.

— Право, ваше участіе въ моихъ трудахъ для меня неоцѣненно!—сказалъ адвокатъ.—У васъ здѣсь мнѣ работается легче; мысли текутъ свободнѣе и освѣщаются равностороннѣе, нежели въ моихъ собственныхъ четырехъ „меблированныхъ“ стѣнахъ...

— А что „племянница“? Не забываетъ васъ своими посѣщеніями?—улыбаясь, вставила свое словечко Маріанна.

— Она или совсѣмъ провалилась, или просто я ее не замѣчаю! — отвѣчалъ ванъ-Тениусъ. — Но я не шута говорю, что многое для меня выясняется изъ нашихъ споровъ и бесѣдъ, изъ того скептическаго отношенія, которое иногда прорывается въ вашихъ замѣчаніяхъ. Недовѣріе это вынуждаетъ и меня самого болѣе критически относиться къ своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, а слѣдовательно и помогаетъ въ нихъ полному моему безпристрастію и правдивости.

— Каково?!—съ обычной своей ироніей возразилъ Оссендорфъ. —Значитъ, мы въ этомъ случаѣ сильнѣе на васъ дѣйствуемъ, нежели даже самая нищета и подавленность рабочихъ?

— Смѣйтесь, смѣйтесь, я обижаться не намѣренъ! Вы не сломите моего убѣжденія,—моя работа должна непремѣнно повліять благотвѣтельно на состояніе рабочихъ уже однимъ тѣмъ, что она будетъ сильна доказательствами, которыя инымъ и въ голову никогда не придутъ, а если вы занимаетесь со мной лишь отъ нечего дѣлать, если...

— Ванъ-Тениусъ!

— Если хотите, я приму отъ васъ и денежную помощь! — горячился адвокатъ.

Оссендорфъ тихонько шевельнулся; Маріанна, въ удивленіи, приподнялась на локтѣ и широко раскрытыми глазами смотрѣла на друга, не понимая: къ чему онъ клонитъ, чего горячится?

До сихъ поръ ванъ-Тениусъ обидчиво и гордо отклонялъ неоднократныя предложенія помочь бѣднякамъ деньгами; сегодня же впервые онъ самъ заговорилъ объ этомъ.

— Сколько бы вы считали нужным? — спросил Оссендорфъ. — Мы съ вами статистики: разглагольствованіа у насъ излишни, намъ подавайте цифры... цифры! Ну, сколько, говорите?

— Для всей Германіи — нѣсколько миллиардовъ, — весело отвѣтилъ тотъ. — Но я ихъ не требую. Мнѣ, вонъ, то-и-дѣло пишутъ изъ провинціи, изъ Тюрингена или изъ Гарца, что тамъ устроены артели, кассы взаимопомощи; на словахъ — эти люди уже считаютъ себя счастливыми, что могутъ выдавать гроши больнымъ и увѣчнымъ... Но это вѣдь гроши, а на дѣлѣ — посмотримъ поближе, — сколько самой неприглядной нищеты кроется все-таки тамъ же, рядомъ съ этими грошами! На бумагѣ, статистическія данныя говорятъ одно; но мы сами, статистики — видимъ и другое. Сколько приходится вмѣсто хлѣба, котораго они просятъ, подавать — ну, хоть если не камень, то... брошюру... котораго ихъ не накормитъ. А нищенскія подаванія, на которыя у меня еще хватаетъ средствъ... Мнѣ стыдно ихъ, стыдно!..

Водворилось молчаніе.

— Ну, послушайте же! — началъ снова Оссендорфъ. — Я предлагаю вамъ, въ полное ваше распоряженіе, 80.000 марокъ, въ видѣ капитала или ежегодныхъ процентовъ... ну, чтобы округлить цифру, скажемъ хоть 3.500... Хотите?

Маріанна, которая, между тѣмъ, подошла къ мужу, наклонилась къ нему и поцѣловала его въ лобъ. Онъ нервно закрылъ глаза.

— Ты меня одобряешь... дитя мое? — тихо спросилъ онъ.

Ванъ-Тениусъ вздрогнулъ, и складка въ углахъ губъ легла еще рѣзче.

— Это немного, но, конечно, съ вашей стороны — это доброе дѣло...

— Ну, однако, ванъ-Тениусъ...

— Что-жъ, прикажете сказать вамъ, „прочувствованную“ рѣчь и пить за ваше здоровье, и кричать ура?..

Маріанна невольно сдѣлала знакъ рукою, чтобы его оставить.

— Оставь, онъ правъ! — замѣтилъ Оссендорфъ. — Еслибъ ты понимала цифры, какъ мы съ нимъ... Но грубости съ его стороны я, право же, не заслужилъ!

— Съ благодарностью принимаю ваше пожертвованіе и прошу соответственно распорядиться капиталомъ: для бѣдняковъ безъ опаснѣ его не трогать, — проговорилъ ванъ-Тениусъ.

— Завтра же приведемъ это все въ порядокъ, — порѣшилъ Оссендорфъ, и друзья заговорили... о погодѣ, о предстоящей грозѣ и т. п. пустякахъ.

Во весь вечеръ въ ихъ маленькомъ кружкѣ держалось какое-то радостное настроеніе, а уходя, ванъ-Теніусъ долго и ласково жаль руку Маріаннѣ, но еще дольше и еще ласковѣе — своему другу, майору.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ не помнилъ, чтобы когда-либо чувствовалъ себя такимъ богатымъ и счастливымъ... умилненнымъ. Теперь хоть десятокъ семей удастся ему ежегодно спасать отъ отчаянія и голода... можетъ быть, даже отъ самоубійства! Развѣ не вправѣ считать себя богатымъ тотъ человѣкъ, который располагаетъ такою суммою „лишнихъ“, свободныхъ денегъ?.. Въ самомъ счастливомъ настроеніи, въ чаду возбужденія дошелъ онъ домой, увидалъ свои книги, бумаги, рукописи... И этого чаду — какъ не бывало! Крохи радости, крохи облегченія, которыя онъ только-что съ такимъ увлеченіемъ возводилъ въ нѣчто дѣйствительное, показались ему жалкимъ самообманомъ и потонули въ морѣ нищеты и голода темнаго люда...

Досадливо оттолкнувъ онъ отъ себя свои книги, тетради и рукописи. Довольно поработалъ онъ сегодня для бѣдныхъ: труды и старанія всей его жизни не дали имъ столько, сколько далъ одинъ этотъ день. Можно и отдохнуть... на лаврахъ!..

Ванъ-Теніусъ рѣшилъ вознаградить себя приятнымъ чтеніемъ, и, взявъ съ полки томикъ Шопенгауэра, гдѣ этотъ знатокъ челоѣчества ѣдко смѣется надъ людьми и громче всего говорить о своемъ презрѣніи въ роду людскому, — поудобнѣе развалился на диванѣ, какъ избалованная женщина, которая отъ нечего дѣлать предвкушаетъ наслажденіе новымъ сенсационнымъ романомъ. Нѣтъ, и то не беретъ! Рѣшительно, этотъ глупѣйшій полякъ не давалъ ему ни минуты покою! Не думать о немъ для Теніуса было никакъ невозможно. Кто, какъ не этотъ Твардкій, довель его до того, что онъ философскими ухищреніями усыпилъ въ себѣ сознаніе содѣяннаго преступленія? Развѣ онъ, Теніусъ, не считалъ сначала своей священной обязанностью заботиться о безвинно пострадавшемъ и о томъ, чтобы всячески облегчать ему тягости заключенія? Но Твардкій былъ плохую почвою для развитія въ его защитникѣ чувства сожалѣнія и христіанскаго милосердія, а тѣмъ болѣе — укоровъ совѣсти.

День ото дня, Твардкій жирѣлъ и все становился довольнѣе своимъ тюремнымъ заточеніемъ. Онъ чувствовалъ себя прекрасно въ этомъ заточеніи, гдѣ ему жилось сытно, тепло и беззаботно. Семья его была теперь болѣе обеспечена, чѣмъ когда онъ допоту лица трудился; самъ онъ никогда еще въ жизни такъ вкусно не ѣлъ и не пилъ. Чего же еще?.. Дуракъ онъ, что-ли, чтобы

выдать свою подругу? Да чѣмъ дольше онъ будетъ упрямиться, тѣмъ больше продлится его блаженная, безпечная жизнь! Защитникомъ своимъ онъ также былъ совершенно доволенъ.

Ни тѣни гордости или возмущенія не замѣчалъ ванъ-Тениусъ въ обвиняемомъ; ни тѣни справедливаго негодованія на то, что его осуждаютъ на заточеніе безвинно, ни стыда передъ общественнымъ мнѣніемъ... словомъ, никакихъ человѣческихъ чувствъ или ощущеній! Сначала это удивляло его защитника, а затѣмъ, — вотъ ужъ которая недѣля — ванъ-Тениусъ замѣчалъ за собою стремленіе разобраться въ вопросѣ: стдѣтъ ли еще того этотъ субъектъ, чтобы за него волноваться, стараться его освободить отъ заключенія, въ которомъ тотъ находилъ удовольствіе жить чисто-животной жизнью? Сидѣтъ ли убиваться надъ такими пустяками, какъ жизнь ничего не представляющаго собою животнаго... да, бессмысленнаго животнаго, и только! Ужъ будто и въ самомъ дѣлѣ такъ важно не дать „пострадать“ безвинно этому... животному, которое, вдобавокъ, вовсе и не страдаетъ, сидя на „даровыхъ харчахъ“?

Однако, разсуждая такимъ образомъ, ванъ-Тениусъ все время не переставалъ сознавать, что это съ его стороны лишь голословныя *разсужденія*, а не его личное глубокое убѣжденіе, что, впрочемъ, не мѣшало ему за послѣднія недѣли чаще прибѣгать къ самымъ знаменитымъ человѣконенавистникамъ и въ ихъ сочиненіяхъ искать разъясненія своего новаго и страшнаго для него образа мысли.

Ему смѣшно было на себя, что онъ, сторонникъ и горячій поборникъ правъ обездоленнаго рабочаго „чернаго“ народа, исключительно читаетъ этихъ народоненавистниковъ, — аристократовъ мысли и ума; смѣшно, что онъ искалъ поддержки въ трудахъ тѣхъ самыхъ философовъ, которыхъ въ юности считалъ врагами своихъ душевнѣйшихъ стремленій; смѣшно, что теперь ему было даже пріятно читать и перебирать ихъ мысли, какъ будто говорившія о томъ, что и они не безъ грѣха на совѣсти... не безъ убійства!.. Да, въ сущности, кто же изъ насъ не повиненъ въ этомъ хоть отчасти; хоть можетъ быть и не на дѣлѣ, а только на словахъ? Кто не морилъ жаждой другого, чтобы самому напиться? У кого совѣсть чиста какъ стеклышко? Развѣ самъ Наполеонъ не былъ величайшимъ изъ алчущихъ и жаждущихъ? Онъ считалъ себя вправѣ насытиться, въ ущербъ всей Европѣ... Ванъ-Тениусъ усердно рылся въ трудахъ Гоббса и Макиавеля: самыя настоящіе наставники для убійцъ — en gros! — кровные аристократы, математики деспотизма! Но они пришлись по вкусу стороннику

народа; и собственно не они сами, а ихъ сила, ихъ мощь, самосознаніе и твердая воля!.. Еще отрадиѣ дѣйствовали на него насмѣшники, которые не разыгрывали изъ себя непреложно ученыхъ, а просто высмѣивали призраки добродѣтели, участія и состраданія, которыми тѣшится порой жалкое человѣчество. Ему нравилось читать на сонъ грядущій Свифта и Ларошфукд... Совѣсть въ немъ не просыпалась и по прежнему не чувствовала потребности проснуться...

Противниковъ чисто-христіанскихъ убѣжденій онъ также перечиталъ, ища у нихъ отвѣта. Но Штраусъ, и Бауэръ, и Фейербахъ уже не согрѣвали его своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ: ему ужъ нечего было сжигать! Одна только книга обратила на себя его вниманіе: ѣдкая, полная злораднаго смѣха, книга Штиндера. Да и то... все это вздоръ, сущій вздоръ и вдобавокъ слишкомъ размазанный,—такъ, по крайней мѣрѣ, думалось ванъ-Тениусу. Этотъ Штиндеръ философъ и, какъ всѣ философы, слишкомъ усердно разжевываетъ то, что можно сказать въ трехъ словахъ. Послѣдній философъ, который останется въ живыхъ передъ кончиной міра, навѣрное придетъ къ заключенію, что лучше всего ему ни о чемъ не распространяться и развѣвать ротъ единственно для того, чтобы ѣсть да смѣяться.

Задумчиво перелистывая Шопенгауэра (все-таки, изрѣдка прочитывая страничку-другую, въ перемежку съ остальными мыслителями), ванъ-Тениусъ въ сотый разъ задавалъ себѣ вопросъ: какъ улягутся у него въ головѣ всѣ эти противорѣчія? Одно онъ только чувствовалъ и зналъ навѣрное: горячая любовь къ труженникамъ-рабочимъ, къ бѣдному темному люду, теплилась у него въ душѣ горячо и неизмѣнно!..

XV.

Ужъ наступила вторая половина іюня, а Твардкій все еще „сидѣлъ“, и не было надежды вынудить отъ него признаніе.

Сегодня онъ былъ рѣшительно не въ духѣ... а это съ нимъ такъ рѣдко случалось!..

— Будьте же благоразумны, Твардкій!—въ сотый разъ уговаривалъ его защитникъ:—назовите намъ вашу подругу—и ваше дѣло въ шляпѣ: черезъ мѣсяцъ вы будете на волѣ.

— Отстаньте вы отъ меня!—отвѣчалъ полякъ, ожесточенно грызя ногти. — Еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ, а я былъ бы человѣкъ богатый, вы сами ничего бы лучшаго и не желали,

какъ подольше высидѣть въ этихъ самыхъ четырехъ стѣнахъ. Но вамъ прекрасно извѣстно, что я обѣднякъ, безъ гроша за душою, вотъ вы и донимаете меня! Нѣтъ-съ, извините: не на таковскаго напали! Такъ я вамъ возьму да и скажу! Какъ бы не такъ! Вы не смотрите, что я злюсь сегодня, и что изъ меня можно бы веревки вить: я все-таки не пророню ни слова; а что я золь, такъ это чечевица виновата. Нѣтъ, какъ вамъ кажется? Меня вздумали потчивать чечевицей!! И вчера, какъ на грѣхъ, держали опять впроголодь. Будьте любезны, запишите себѣ на память и распорядитесь: я готовъ заплатить, лишь бы не сидѣть голодомъ. Или вы, наприимѣръ, пошлите моей женѣ однимъ талеромъ меньше, а мнѣ его отдайте. Сало вчера было нигуда негодное. Обыкновенно мнѣ давали что-нибудь мясное. Сегодня рисъ; интересно знать, каковъ-то онъ будетъ? Если опять дрянъ, я велю васъ позвать...

Ванъ-Теніусу оставалось только успокоить его и дать ему денегъ на особые расходы.

— Благодарю васъ!.. Ну, а вы сами какъ довольны ходомъ дѣла? Хорошо ли оно идетъ ...для васъ, то-есть: вѣдь вамъ, въ сущности, все равно, заговорю я или нѣтъ? Безъ моихъ разговоровъ для васъ оно даже интереснѣе...

Ванъ-Теніусъ вышелъ отъ обвиняемаго со страннымъ ощущеніемъ, что тотъ видимо понимаетъ его положеніе въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь онъ такъ прямо и сказалъ: „хорошо ли оно идетъ... для васъ“!

Въ воскресенье утромъ его поразило письмо Маріанны, которая просила не приходиться къ обѣду и вообще не заходить къ нимъ нѣкоторое время: Оссендорфу нездоровится, а въ такихъ случаяхъ онъ любитъ, чтобы его оставляли въ покоѣ. Въ припискѣ стояло:

„Иной разъ грусть моя доводитъ меня до отчаянія. Намъ необходимо повидаться“!

Но ни на другой, ни на третій день о Маріаннѣ не было ни слуху, ни духу. Наконецъ, подъ вечеръ, во вторникъ, онъ только-что отложилъ въ сторону книгу, которую читалъ, какъ вдругъ раздался негромкій звонокъ, а вслѣдъ за нимъ тихій женскій говоръ въ прихожей. Вошла „племянница“ и съ тонкой улыбочкой доложила, что пришла дама (такая красота!) и желаетъ видѣть г. адвоката.

— Просите!—проговорилъ онъ.

— Ахъ, докторъ, право...

— Ну, что еще?

— Право, мнѣ даже удивительно, какъ это — въ *самъ* и вдругъ такая дама!..

Она открыла дверь и съ глубокимъ, жеманнымъ присѣданьемъ пропустила впередъ незнакомку, которая вошла вслѣдъ за нею.

Ванъ-Тениусъ низко и почтительно поклонился и, подвигая кресло, просилъ посѣтительницу сѣсть. Между тѣмъ дверь очень медленно запиралась, и прошло довольно долго, пока захлопнулась слѣдующая дверь въ кухню.

Словно солнечный лучъ ворвался въ комнату адвоката вмѣстѣ съ появленіемъ у него любимой женщины. Онъ молча отдавался наслажденію видѣть ее передъ собою, но не смѣлъ подойти, боялся заговорить, пока не убѣдился, что любознательная племянница дѣйствительно удалась; тогда онъ послѣшилъ къ Маріаннѣ, которая застѣнчиво и гордо стояла передъ нимъ, и принялся раскутывать ее. Затѣмъ обнялъ за плечи, за ее стройный станъ и заговорилъ страстно, любовно и ласково:

— Не говори! Не говори, Маріанна, почему ты пришла: можетъ быть и не потому, что меня любишь, а потому... потому, что у тебя есть горе... О, подожди немного, одинъ лишь мигъ! Дай мнѣ хоть этотъ мигъ считать себя вполне счастливымъ!

— Да, милый: у меня, дѣйствительно, есть горе: но раздѣлить его съ тобою я пришла потому, что горячо тебя люблю, и потому, что мнѣ казалось, что такъ надо!

Ванъ-Тениусъ, не выпуская ее обѣихъ рукъ, упалъ передъ нею на колѣни и, смѣясь, какъ счастливое дитя, спряталъ голову въ складкахъ ея платья.

— О, дорогая! Сердце мое! Скажи, скажи еще разъ, что ты меня любишь! — лепеталъ онъ въ восторгѣ. — Ну, повтори же! Ну, еще... еще!

На минуту Маріанна съ нѣжной лаской опустила руки ему на голову и, словно забывшись, не останавливала его; но вотъ она встала и тревожно отстранила его.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо! Иначе я бы не пришла къ тебѣ!

— Ну, хорошо! Видишь: я умница опять... не буду! Только развѣ я даже не могу свазать тебѣ, что...

— Нѣтъ, Робертъ! Пожалуйста, оставь! Мнѣ такъ трудно рѣшиться... — и, тихо всхлипывая, Маріанна залилась слезами.

Осторожно поддерживая ее, онъ довелъ ее до кресла, помогъ сѣсть, а самъ пошелъ къ письменному столу и, опираясь на него, ждалъ, чтобы она оправилась немного.

— Не мѣшай мнѣ, Робертъ: я все тебѣ скажу. Мнѣ тяжело, мнѣ страшно тяжело съ собой бороться, но если я должна еще обороняться отъ *тебя*... Я этого не вынесу, умру... У меня силъ не хватитъ.

Ванъ-Тениусъ нагнулся низко-низко и тихо прошепталъ, склонясь надъ нею:

— Зачѣмъ... обороняться?..

Маріанна улыбнулась:

— Ты хочешь меня искушать? Попробуй. Это вѣдь такъ легко. Но прежде возьми у меня всю мою гордость, все мое самообладаніе и посмотри: полюбишь ли ты меня... тогда?

Ему послышался шорохъ за дверью. Онъ подбѣжалъ и заглянулъ въ нее: тамъ ни души не оказалось.

— Вотъ видишь,—тихо укорила его Маріанна:—развѣ ужъ самый фавтъ скрытности и стыда не противенъ? Мнѣ это тяжело достается, чѣмъ я могу сказать.

— Маріанна!.. Дорогая!

— Да, милый. Лгать, притворяться, молча или на словахъ, мнѣ одинаково ужасно. Мнѣ иногда вдругъ приходитъ въ голову безумная мысль во всемъ ему признаться... или сойти съ ума!

— Всякому приходится что-нибудь скрывать! → горячо вырвалось у него, и онъ нетерпѣливо всталъ, подошелъ къ окну и отвернулся.

— Ну, такъ я тебя могу успокоить,—началъ онъ ровнымъ голосомъ.—Съума сходить тебѣ не придется... Онъ все знаетъ! Онъ меня самъ спросилъ недѣли двѣ-три тому назадъ, и я... я ему все сказалъ...

— Все?!

Ванъ-Тениусъ быстро повернулся къ ней лицомъ:

— Ну, да: все, что между нами было. Я думалъ, что говорю чистосердечно, а велъ себя какъ школьникъ... Но все, что можно было ему знать, я сказалъ откровенно.

— И онъ?.. Онъ...

— Да: онъ это понимаетъ.

Сперва Маріанна слушала съ горящимъ, радостнымъ взоромъ, словно радуясь тому, что насталъ конецъ притворству; но теперь она горько зарыдала, и лишь сквозь слезы можно было разобрать отдѣльныя слова:

— Ахъ, бѣдный... бѣдный!.. И такой добрый! Я его обижая... а онъ... онъ самъ... никогда... ни словомъ... ни движеньемъ... О, бѣдный... бѣдный!.. Такой... добрый...

Выждавъ, пока она успокоилась, ванъ-Тениусъ сталъ гово-

рить ей о себѣ, о своей преданной, горячей любви... Марианна потребовала, чтобы онъ сѣлъ рядомъ съ нею, и они, какъ добрые друзья и товарищи, принялись бесѣдовать безъ малѣйшаго стѣсненія. Она спокойно спросила у него, въ чемъ дѣло? Какая у него отъ нея тайна, что онъ перемѣнился? Или онъ считаетъ себя предъ нею обязаннымъ и не рѣшается порвать съ нею?

— Ты вѣришь мнѣ?.. Ну, такъ не спрашивай, пока я не выйду изъ своего страшнаго положенія,—отвѣчалъ онъ.—Я тебя люблю, какъ и прежде, но у меня есть тайна, въ которой я даже тебѣ не могу признаться... Ужасъ что пришлось мнѣ пережить за послѣднее время, и только рядомъ съ тобой я оживаю; мнѣ кажется тогда, что все на свѣтѣ пустыаки, въ сравненіи съ тобою... Все остальное—отвратительно и гадко... Дай же мнѣ твои руки!

И рука объ руку, сидя рядомъ съ любимой женщиной, ванъ-Тениусъ удивлялся, въ глубинѣ души, безмятежному покою, который сообщала ему духовная сила Марианны. Страстно влюбленный, онъ понималъ, что поддаться страсти было бы въ немъ такъ понятно, такъ извинительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не пытался обнимать ее или шептать слова любви, которыя шли ему на умъ; желанія могли у него возникать въ мысляхъ, но не переходили отъ мысли въ дѣло, потому что въ сущности ихъ въ эту минуту какъ бы вовсе не бывало. Но почему? Какая была сила въ этой хрупкой и бесспорно любившей его женщинѣ, что эту силу она могла передать и ему?..

Такъ думалъ онъ, самъ себѣ удивляясь, а между тѣмъ Марианна уже перевела рѣчь на Оссендорфа. Ему — вотъ ужъ которая недѣля—хуже. Шрамъ его и лѣвая рука стали ныть и рубецъ потемнѣлъ... да, и пожалуй... довольно страшно на него смотрѣть. Лѣвый глазъ воспалился, и докторъ покачиваетъ головою, совѣтуетъ ѣхать въ Теплицъ, на купанья; полагаетъ, что обоимъ глазамъ можетъ грозить опасность; лицо, вѣроятно, также пострадаетъ.

— Бѣдный Вольфгангъ! Съ воскресенья онъ меня къ себѣ не пускаетъ... Хочетъ одинъ съ Францемъ ѣхать... безъ меня. Сначала я подумала только о насъ съ тобою... въ первую минуту. Ну, а потомъ... потомъ (ты понимаешь, милый?) я буду настаивать и *настою*, чтобы уѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Вѣдь, такъ? Нельзя же его бросить?.. И я знаю, онъ сначала не захочетъ, но потомъ... согласится. Вотъ поэтому я и пришла къ тебѣ. Мы долго не увидимся теперь...

Съ тихимъ стономъ откинулась бѣдная женщина на спинку дивана, и слезы тихо покатались у нея по щекамъ.

За дверью опять послышался шорохъ, но опять тамъ никого не оказалось.

— Марианна!—вернувшись въ ней, тихо, но твердо сказалъ ванъ-Теніусъ. — Ты, конечно, должна ѣхать; это рѣшено. Я буду писать тебѣ и ему... вамъ обоимъ, а раза два, если удастся, пріѣду зась провѣдать. Я ему самъ скажу, онъ разрѣшитъ, я увѣренъ.

Она встала и свѣтлымъ, успокоеннымъ взоромъ окинула его.

Оба, болтая объ окружающей обстановкѣ, въ которой такъ многое напоминало ванъ-Теніусу Марианну, обошли всю комнату и, стоя рядомъ, выглянули въ окошко. Это забавляло молодую женщину, какъ дитя. Условившись, что, несмотря на запрещеніе майора, онъ въ нему зайдетъ и постарается повидаться съ нимъ (это ужъ ея дѣло устроить), ванъ-Теніусъ долгимъ подѣлуемъ простился съ Марианной, и она, не краснѣя, дружески приняла его...

Когда совсѣмъ стемнѣло, племянница внесла зажженную лампу и, надувшись, принялась оправлять чехлы и навидки на мебели. Однако, уходя, не могла удержаться, чтобы не сказать:

— Берегитесь блондиновъ, г-нъ докторъ, берегитесь! Блондинка ужъ всегда своего добьется!..

На слѣдующій день, когда ванъ-Теніусъ прѣшекомъ подходилъ къ дому Оссендорфа, съ нимъ повстрѣчалась тетушка майора, несмотря на жару, закутанная въ свой неизмѣнный сѣрый плащъ и черную шляпу.

Весь ея видъ былъ самый отчаянный, похоронный. Она ухватила ванъ-Теніуса за рукавъ.

— Послушайте! Я вѣдь сейчасъ оттуда! — заторопилась она, по обыкновенію. — Меня не приняли, и даже Анна-Марія не вышла. Добейтесь хоть вы толку, заставьте ихъ принять мѣры. Валеріановны капли дѣлають чудеса. Вольфгангу надо накапать двадцать-пять капель на сахаръ и опустить въ мятную настойку, а ей довольно и десяти на кусочекъ сахара... Я ужъ и сама принимала, а имъ это такъ необходимо, такъ полезно при такомъ волненіи!..

Она говорила какъ будто бы и серьезно, заботливо, но глазки ея бѣгали и пытливо смотрѣли въ лицо адвокату. По счастью, подѣхалъ вагонъ, который направлялся въ городъ, и ванъ-Теніусъ могъ благополучно откланяться.

Еще издали въ палисадникѣ мелькнулъ утренній капоть Маріанны, хотя не въ ея обыкновеніи было ходить днемъ neodѣтой.

Она поспѣшно подбѣжала къ нему:

— Я просто зажала!

— Простите, но я считалъ за лучшее придти въ то же время, какъ и обыкновенно...

— Хорошо, хорошо! Пойдемте — и она пошла впередъ, въ бесѣду.

Молча пожавъ ему руку, Маріанна принялась рассказывать, что докторъ приглашалъ профессора специалиста; что они оба отъ нея скрываютъ правду.

— Всѣ ихъ слова какъ будто должны меня успокоить, а между тѣмъ въ нихъ есть что-то ужасное! Еще спасибо Францу, что онъ говоритъ мнѣ все, что ему самому извѣстно. Онъ знаетъ только, что его баринъ страшно измѣнился и до крайности раздражителенъ. Сегодня, рано утромъ, онъ заставилъ его свезти себя въ лабораторію; куда онъ никого, кромѣ Франца, не пускаетъ; а на-воды ни за что не хочетъ ѣхать со мною. Только (я боюсь сама себя въ этомъ признаться) доктора почему-то ужъ не такъ настаиваютъ на этой поѣздкѣ... Въ лабораторіи, вѣрно, готовится что-то ужасное... операція... Ему-то операція... Несчастный!.. — и Маріанна уже не могла сдержать своихъ рыданій.

Ванъ-Теніусъ далъ ей успокоиться немного и попросилъ у нея разрѣшенія, какъ ближайшій другъ дома, зайти къ профессору и узнать отъ него всю правду.

— Конечно!.. Пожалуйста... И скорѣй сообщите мнѣ!

Она охотно дала ему самый подробный отчетъ во всемъ, что сама слышала о мнѣніяхъ докторовъ, и еще не кончила говорить, когда ее перебило появленіе Франца.

Вѣрный слуга шелъ спокойно, держался и говорилъ, какъ обыкновенно, твердо и добродушно.

— Г-нъ майоръ желаютъ провести сегодня ночь въ лабораторіи и просятъ не беспокоиться: имъ гораздо лучше!

— Послушайте, Францъ, мнѣ необходимо нужно видѣться съ майоромъ. Пойдите, доложите!

Францъ вопросительно взглянулъ на г-жу майоршу и отвѣтилъ:

— Доложить я не смѣю: мнѣ это не приказано. А только, съ вашего позволенія, возьму на себя смѣлость предложить г. доктору пройти прямо, безъ доклада. И это даже лучше: г. майоръ теперь всегда одни.

Ванъ-Теніусъ кивнулъ Маріаннѣ и пошелъ вслѣдъ за Францемъ.

XVI.

Идя по узкой, хорошо убитой дорожкѣ, которая вела въ глубину сада, въ самый конецъ его, ванъ-Теніусъ на полъ-дорогѣ къ лабораторіи остановился и повернулся къ Францу:

— Я останусь поближе, чтобы тутъ быть, подъ рукою,—говорилъ онъ почтительно.—Знаете, на всякій случай, оно не мѣшаетъ: г. майоръ могутъ васъ не пустить, разсердиться...

— Вы правы, Францъ. Но вотъ что вы мнѣ скажите: что такое, собственно, съ майоромъ?

Францъ отвѣчалъ ему грустнымъ взглядомъ, полнымъ слезъ.

— Да говорите же, Францъ, говорите! Вы молодецъ, что скрываете отъ его супруги всю правду; молодецъ, что ее бережете.

— Крича да ругаясь, г-нъ майоръ мнѣ это строго приказали. Но, Боже мой! какъ они страдаютъ! Лица человѣческаго на нихъ нѣтъ. Такой бравый офицеръ, такой красавецъ! Жалости подобно!.. Доктора хотятъ глазъ ему вырѣзать, а онъ съ ними шутить, смѣется. А чуть они за дверь—послушали бы вы, какъ онъ кричитъ... наединѣ со мной, вонечно. И сердится, бранится, все сердце перевернется, на него глядя...

Ванъ-Теніусъ смутился, опечалился за друга.

— Ну, такъ побудьте здѣсь, и не входите, пока онъ самъ не крикнетъ... если захочетъ выпшвырнуть меня. А до тѣхъ поръ ни съ мѣста!—проговорилъ онъ и пошелъ въ комнату, которая служила майору лабораторіей.

Большой столъ, у котораго полулежалъ Оссендорфъ, былъ заставленъ колбами, ретортами и всевозможными химическими аппаратами. Входя, ванъ-Теніусъ замѣтилъ только, что лѣвый глазъ Оссендорфа воспаленъ и что отъ потемнѣвшаго шрама идутъ по обѣ стороны багровые знаки, какъ отъ царапанья.

— Такъ вотъ вы какъ?.. Вы все-таки пришли?—обратился къ вошедшему майоръ, и голосъ его словно чуть дрогнулъ нерѣшимостью, но въ общемъ звучалъ какъ обыкновенно.—Вы вѣдь такъ часто высказывали желаніе посѣтить мою лабораторію. Это своего рода аптека Величайшаго изъ артиллеристовъ... Только я долженъ васъ предупредить, чтобы вы не курили: здѣсь у меня опасно. Положимъ, по близости ничего нѣтъ такого, что могло бы пострадать; ни конюшенъ, ни жилыхъ помѣщеній. Когда я здѣсь работаю по ночамъ одинъ, или захожу сюда днемъ или рано утромъ, только и есть здѣсь живого, что я самъ да воробы на дорожкѣ. Оди воробы—и больше ни души!.. Вы, все таки, не

бойтесь, мнѣ было бы жаль, еслибъ вы взлетѣли на воздухъ. Я буду остороженъ; можете спокойно обозрѣть мои владѣнія. Вотъ здѣсь водопроводъ; смотрите—это крайне интересно. А здѣсь—чистѣйшая дистиллированная вода; вотъ это печь, и какъ только въ ней разведенъ огонь, вдругъ появляется тепло и свѣтъ—великій законъ природы, хотъ ни одну стряпуху онъ не удивить. А тамъ—въ этихъ стеклянкахъ и банкахъ, подъ притертými пробками—есть не мало хорошихъ вещей... только не бойтесь: все это простые аптекарскіе товары... за исключеніемъ двухъ-трехъ ядовъ... Но больше взрывчатые матеріалы и все для нихъ необходимое... и только!

Обводя комнату глазами, ванъ-Теніусъ старался украдкой настолько приглядѣться къ лицу своего бѣднаго, обезображеннаго пріятеля, чтобы не выказать ему своего испуга. Затѣмъ онъ подошелъ къ его креслу и пожалъ ему руку, спойвно глядя на него. Майоръ пытливо и недоувѣрчиво посмотрѣлъ ему въ глаза; но, видя, что онъ твердо выдержалъ его взглядъ, не могъ скрыть своей радости, и она отразилась у него на лицѣ.

— Простите, Теніусъ! — проговорилъ онъ. — Мнѣ такъ отрадно видѣть васъ. Присядьте сюда, ко мнѣ, вотъ на этотъ стулъ. Съ правой стороны я лучше слышу.

Ванъ-Теніусъ повиновался и еще разъ пожалъ руку майору:

— Ну, что вамъ доктора сказали?

Оссендорфъ громко разсмѣялся.

— Во всякомъ случаѣ, больше, чѣмъ они желали, или чѣмъ сами понимаютъ. Оба профессора расходятся во мнѣніяхъ: одинъ хочетъ сначала меня немножко порѣзать и потомъ послать въ Теплицъ; другой же сначала велитъ мнѣ купаться недѣльки три-четыре и потомъ ужъ возьмется за операционный ножъ. Впрочемъ, они рѣшили предварительно дня два подумать, и тогда выскажутся окончательно... Вы молодцомъ, какъ истый солдатъ, ванъ-Теніусъ, поддержали во мнѣ храбрость и, я увѣренъ, скажете мнѣ откровенно, по чистой совѣсти: стали бы вы ждать докторскаго рѣшенія? Или вы ушли бы... навсегда?

Ни минуты не колеблясь, ванъ-Теніусъ отвѣтилъ:

— Еслибъ я не могъ больше жить, еслибы жизнь не дала мнѣ больше радостей, конечно, я предпочелъ бы уйти... навсегда.. Но мнѣ излишне это говорить, а вамъ слушать: вы сами прекрасно знаете всю эту премудрость. А вотъ что, пожалуй, не будетъ лишнимъ вамъ услышать отъ меня и въ чемъ собственно заключается наша обоюдная тайна, Оссендорфъ: вы еще не *хотите* уходить! У васъ еще *есть* радости, которыя вы

можете удержать за собою, если захотите. Живуть на свѣтѣ люди и... безобразнѣе васъ; и любятъ жизнь... Только передъ самимъ собою не кривите душою, Оссендорфъ, не рисуйтесь яко бы желаніемъ покончить съ собою. Вамъ еще *хочется* жить!

Невольный стонъ вырвался у майора.

— Я уже пятый день ее не вижу! Что она дѣлаетъ? Какъ чувствуетъ себя? Что на ней надѣто?—и вдругъ закричалъ:—Вы!.. Вы видѣли ее!

— Она сидитъ въ саду и... плачетъ.

— Что? Она плачетъ? Ванъ-Тениусъ, она плачетъ, дѣйствительно плачетъ? Что жъ она, съ ума сошла, что-ли? Ей только бы смѣяться теперь, да ликовать, что ея цѣли порвутся, скоро порвутся навсегда! Но съ ея стороны это большая ласка, это доброта безмѣрная, что она... плачетъ!

Майоръ дрожалъ, и его кресло подъ нимъ колыхалось. Ванъ-Тениусъ старался его успокоить, уговорить его:

— Послушайте, вы не должны отталкивать ее отъ себя. Она только одного хочетъ— быть съ вами и при васъ, облегчать вашу участь.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Оссендорфа, его здоровая рука задвигалась порывистымъ движеніемъ, и вдругъ онъ крикнулъ:

— Да! Пусть она придетъ!.. Сюда!.. Сейчасъ, сію минуту. Ступайте; пусть Анна-Марія одна... и Францъ... Я хочу ее видѣть... Видѣть?! Да понимаете вы, Тениусъ, что я могу остаться жить и... не видать ее? Скорѣе! Пусть придетъ, пока я не раздумалъ!.. Францъ!

Но ванъ-Тениусъ уже бѣжалъ обратно въ садъ.

— Онъ хочетъ васъ видѣть! — издали закричалъ онъ Марианнѣ.

— Ну, слава Богу!.. Какъ вы добры! Вы его убѣдили.

— Пойдемте! Только приготовьтесь къ самому худшему. Вы надѣетесь выдержать? Не испугаетесь?

— Какой стыдъ! Неужели у меня не хватить духу?.. Будьте покойны: онъ ничего не замѣтитъ. Развѣ ужъ такъ ужасно?

— Да, бѣдная моя: ужасно!

— Значить, я еще могу ему быть полезна, могу его утѣшить? Оставьте меня; я одна войду смѣлѣе!

Ванъ-Тениусъ посмотрѣлъ ей въ слѣдъ. Она сложила руки на груди и твердыми шагами пошла на встрѣчу Францу, который поджидалъ ее у дверей въ лабораторію.

— Анна-Марія!.. Позвать ее! — раздавалось изъ-за двери, когда она входила, и Маріанна невольно пріостановилась. Но тотчас же выпрямилась и со своей обычной, дѣтски-застѣнчивой улыбкой на губахъ, вошла къ мужу, который смотрѣлъ на нее напряженно и радостно.

— Какой ты добрый, Вольфгангъ! — начала она, и Францъ по-двинулъ ей стулъ, а майоръ привѣтливо протянулъ руку на встрѣчу.

Маріанна, не мѣняясь въ лицѣ, остановилась еще разъ, и на бѣдномъ изувѣченномъ лицѣ Оссендорфа уже собирались грозныя тучки, какъ вдругъ жена тихонько тряхнула головою и съ милой улыбкой, безъ боязни подошла совсѣмъ близко къ нему:

— Благодарю тебя, что ты...

Но она не договорила и упала безъ чувствъ.

— Ни слова!.. Молчать!.. — крикнулъ внѣ себя Оссендорфъ. — Можетъ быть, она умерла! — и онъ, забывъ про свое безпомощное состояніе, тнулся къ женѣ, нагибаясь надъ нею.

— Г-нъ майоръ! — умолялъ Францъ, растерявшись. — Но майоръ ужъ нагнулся близко-близко къ лицу жены и, заглядывая въ него, приподнималъ ее голову своей здоровою рукою.

— Анна-Марія! Жена!.. Помнишь, вѣдь было время, когда ты... ты! меня любила! Да, Анна-Марія, ты сама!

Вдругъ онъ отъ нея отшатнулся.

— Живѣе, Францъ, поправь меня... Прикрой! Она дышетъ. Помоги же мнѣ, и... ни гу-гу!

Твердой, умѣлой рукою Францъ помогъ майору, прикрылъ его, и прежде чѣмъ онъ могъ сказать хоть слово, майоръ нѣсколько разъ крикнулъ ему:

— Молчать!.. Держи языкъ за зубами!.. — а затѣмъ приказалъ:

— Вынеси жену на воздухъ... скорѣе, прежде чѣмъ она глаза откроетъ. Потомъ — зови на помощь.

Не успѣлъ Францъ уйти за дверь съ Маріанной на рукахъ, какъ Оссендорфъ увидалъ изъ окна, что въ ней уже слѣшать ванъ-Теніусъ и горничная.

Онъ посмотрѣлъ и отвелъ въ сторону глаза.

Минутъ десять спустя, когда вернулся Францъ, майоръ, по-видимому, успокоился совсѣмъ и только нетерпѣливо барабанилъ пальцами по столу, да его здоровый глазъ сверкалъ какимъ-то особымъ блескомъ.

— Онъ сейчасъ пришли въ себя, какъ только я ихъ вынесъ на воздухъ. Онъ въ постели, и Матильда говоритъ, что это ничего, пройдетъ.

— Хорошо, Францъ, а какъ вамъ кажется, — ну, не сахар-

ныя ли куколки эти женщины... а? Вы вѣдь вотъ въ обморокъ не упадете.

— Нѣтъ, майоръ, я еще долго буду крѣпокъ на ногахъ.

— А что, вѣдь жену-то пожалуй лучше здѣсь оставить? Уѣдемъ одни!

— Какъ угодно, г-нъ майоръ!

— Ну, и прекрасно, что мы теперь, по крайней мѣрѣ, знаемъ, что намъ дѣлать. Зажгите-ка предохранительный фонарь да подайте сюда вонъ тѣ... и еще эти, и эти стеклянки. Надо мнѣ кое-что приготовить, прежде чѣмъ я отправлюсь въ дальній путь. Это меня хоть сколько-нибудь развлечетъ.

Францъ передавалъ и приносилъ майору все, что тотъ приказывалъ ему подать, и помогалъ ему весьма толково, хотя не понималъ ничего въ работѣ майора.

— Надо вамъ сказать, Францъ, — заговорилъ онъ опять, растворяя въ желѣзномъ сосудѣ какую-то сѣроватую массу, — что мы съ вами работаемъ надъ великой тайной, и потому должны хранить все это въ тайнѣ. А работаемъ мы надъ войною будущаго. Въ будущемъ войну будутъ вести совсѣмъ иначе... и, право, лучше, нежели прежде, когда на полѣ битвы нужна была храбрость, чтобы не бояться шальныхъ пуль. Ну, что за удовольствіе, когда тебѣ отхватить руку или вырветъ кусокъ мяса... гдѣ это, пожалуй, будетъ и не совсѣмъ удобно... Теперь же этого не будетъ, вѣтъ!

— Ну, можетъ ли это быть?

— Можетъ, конечно, Францъ, — и будетъ! Теперь на войнѣ, на полѣ битвы биться не придется; не нужна будетъ храбрость. И къ чему она, если за нѣсколько верстъ люди не дойдутъ до этого поля, а довольно будетъ и того, что одинъ изъ оберъ-офицеровъ нажметъ какую-нибудь кнопку... (Да что вы, Францъ! Не бойтесь!...). Ну, нажметъ кнопку, и мигомъ на воздухъ взлетятъ сотни тысячъ человѣкъ, и останутся на мѣстѣ, безъ стоновъ и страданій! Никакой храбрости не надо, чтобы умереть вдругъ, сразу... Это такъ просто, это не то, что выдержать огонь перестрѣлки или продолжительный бой, за который даютъ желѣзные кресты въ награду... Ну, вотъ еще... вотъ этотъ фитиль изъ большой желтой коробки, длинный. Прикрѣпимъ его сюда... Вотъ такъ! Прекрасно. Попробуемъ сегодня сдѣлать маленькій опытъ... Я было-хотѣлъ предложить женѣ остаться здѣсь со мною, чтобы мнѣ помочь...

— А не могу ли я?...

Оссендорфъ съ усмѣшкой посмотрѣлъ на вѣрнаго слугу.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ отзывало бы средними вѣками, феодальнымъ правомъ... Нѣтъ, Францъ... впрочемъ, какъ хотите! А знаете ли что? Сходите-ка узнать, что дѣлаетъ моя жена?

— Слушаю-съ, г-нъ майоръ!— и Францъ уже былъ на порогѣ, когда майоръ окликнулъ его еще разъ:

— Францъ, послушайте! Скажите вы моей женѣ...

— Что прикажете, г-нъ майоръ?

— Нѣтъ, ничего! Спросите только... лучше ли ей?

Францъ скорыми шагами пошелъ по направленію къ дому.

Когда онъ подходилъ къ двери въ кухню, раздался сильный, словно громовой ударъ, и Франца пошатнуло...

Лабораторія взлетѣла на воздухъ.

XVII.

Только на разсвѣтѣ пришлось ванъ-Тениусу вернуться домой. Отъ неожиданности, отъ испуга, всѣ въ домѣ растерялись. Францъ и кухарка съ горничной обступили его и умоляли о чемъ-то, просили чѣмъ-то распорядиться, словно онъ вдругъ сдѣлался ихъ хозяиномъ, ихъ естественнымъ защитникомъ. И въ самомъ дѣлѣ, ему пришлось защищать весь домъ отъ напыла любопытныхъ, отъ вторженія толпы, которую обуздать могла лишь полицейская власть. Ему пришлось говорить съ полицейскими, чтобы опѣнили мѣсто несчастія, о которомъ его допрашивали, какъ и что онъ предполагаетъ. Позднѣе явились офицеры, старые товарищи майора, и, расположившись въ его кабинетѣ, опять-таки разспрашивали его, ванъ-Тениуса, который имъ показался главой дома.

Въ первомъ часу ночи прибылъ кузенъ Рихардъ— прямо отъ Броя, гдѣ его поразило, какъ громомъ, ужасное извѣстіе. Онъ рыдалъ какъ ребенокъ, много говорил самъ и заставлялъ говорить другихъ, производя допросъ, какъ представитель семьи покойнаго. Онъ плакалъ, суетился и кое-чѣмъ старался помочь: написалъ объявленіе въ газеты и для отдѣльныхъ объявленій крупнымъ шрифтомъ.

— Да, кузенъ Вольфгангъ! Такой молодчина... и вдругъ!... Ну, кто бы подумалъ!...—И кузенъ Рихардъ опять заливался слезами.

Писемъ тоже приходилось писать множество: къ роднымъ Оссендорфа и къ близкимъ знакомымъ; и въ этомъ ванъ-Тениусу долженъ былъ помочь удрученному горемъ поручику.

Но строже всего пришлось ванъ-Тениусу вести дѣло съ Ма-

рианной. Какъ была, какъ положили ее на постель, въ утреннемъ капотѣ, она вскочила, какъ безумная, и летѣла прямо на улицу, крича и плача:

— Это я виновата, а!.. Пустите!.. Онъ изъ-за меня застрѣлился!.. Къ нему пустите, къ нему!..

Ванъ-Тениусъ удерживалъ ее, уговаривалъ; наконецъ, строго остановилъ и хотѣлъ силой уложить въ постель, но она упала безъ чувствъ, и пока около нея хлопотала Матильда, онъ послалъ за докторомъ. Очнувшись, она узнала, что отъ Оссендорфа врачи отказались, и не ручались за его жизнь даже въ случаѣ благополучной глазной операціи (всѣ ужасы, предшествовавшіе его смерти, отъ нея, понятно, скрыли), что онъ узналъ объ этомъ—и смѣло, какъ доблестный офицеръ, разомъ разрѣшилъ всѣ свои страданія... Ко всѣмъ этимъ объясненіямъ докторъ прибавилъ строжайшій приказъ—лежать въ постели и отнюдь безъ него не вставать.

Ужъ разсвѣло, когда Рихардъ съ ванъ-Тениусомъ вышли на улицу. Солнце сіяло надъ просыпавшимся городомъ и щедро осыпало всю природу своими животворными, ликующими лучами. Нервы поручика окончательно расходились. Онъ опустился на скамейку на бульварѣ и заставилъ своего спутника сѣсть рядомъ съ нимъ. Языкъ у него развязался, и онъ пошелъ неудержимо болтать: какъ онъ любилъ представлять себѣ Вольфганга какимъ-то героемъ и совершенствомъ, которому онъ въ юности стремился подражать, какъ безпримѣрно высока своей красою и чистотой душевной бѣдная мученица—Маріанна,—вѣрная копія Сикстинской Мадонны...

— Какъ мелоченъ, ничтоженъ родъ людской!—философствовалъ онъ.—Вѣдь вотъ я теперь, кажется, готовъ бы руку свою (правую) отдать на отсѣченіе, еслибы это могло вернуть Оссендорфа... но такимъ, какимъ онъ былъ до несчастія, гдѣтъ десять тому назадъ, когда женился. И въ то же время мнѣ думается, что онъ успокоился, что такъ для него лучше. А какъ вамъ кажется, подумаетъ ли то же самое Маріанна? Она для меня какая-то загадка, и вообще ее трудно понять... Не правда ли?

Ванъ-Тениусъ тяжело поднялся, и они пошли дальше.

Все, чтѣ болталъ подъ впечатлѣніемъ солнечнаго утра добродушный поручикъ, — все это для него, друга и возлюбленнаго Маріанны, было непреложной, суровой истиной. Ему тяжело было выслушивать дальнѣйшія разглагольствованія въ этомъ же родѣ. Онъ самъ заговорилъ о необходимости съ утра отправить къ

Маріаннѣ тетушку, привезти домой Вельфи, озаботиться погребеніемъ...

Всему сочувствовалъ, все взвѣсилъ кузенъ Рихардъ; нашелъ мысль выписать тетушку—блестящей; насчетъ погребенія, хоть онъ и незнакомъ съ этимъ дѣломъ, но спросилъ товарища— „спеціалиста по похороннымъ дѣламъ“: тотъ все богатыхъ дядюшекъ хоронить! Онъ, Рихардъ, даже считалъ эти заботы своей священной обязанностью; ну, а вотъ насчетъ Вельфи,—это труднѣе. Нельзя же заразь — хлопотать насчетъ похоронъ и ѣхать въ Дрезденъ...

— Знаете чтѣ? Вы были вѣдь пріятелемъ Вольфганга и, кажется, въ добрыхъ отношеніяхъ съ Маріанной; такъ не возьметесь ли вы съѣздить за нашимъ шалуномъ? А мнѣ, признаться, это порученіе было бы не по вкусу.

Ванъ-Тениусу не было ни малѣйшей охоты заявлять поручку, что онъ не только съѣздитъ за Вельфи въ Дрезденъ, но съ этой минуты добровольно принимаетъ на себя всѣ заботы о немъ. Но пока, до погребенія, онъ счелъ за лучшее молчать, прибавивъ вслухъ, однако, что онъ, конечно, вправѣ считать себя другомъ Оссендорфа, и самъ никому не уступилъ бы чести съѣздить за его сыномъ. Поручикъ какъ-то смущенно взглянулъ на него, и до самыхъ Бранденбургскихъ воротъ не проронилъ ни слова.

Придя домой, ванъ-Тениусъ прежде всего написалъ Маріаннѣ, что онъ къ вечеру уже привезетъ ей Вельфи; просилъ ее беречься изъ любви къ сыну. Онъ писалъ ей, какъ говорилъ наединѣ— на „ты“.

Фрау Кригеръ еще ничего не знала; не зналъ и Вельфи. Со слезами мальчикъ выслушалъ, что отецъ боленъ, и заторопилъ ѣхать скорѣе, просилъ заказать экстренный поѣздъ... Въ вагонѣ постепенно дядя-Тениусъ сказалъ ему ужасную вѣсть:—Папа нѣтъ; папа умеръ!

Мигомъ слезы пропали, и Вельфи, съ грустнымъ, но какимъ-то особеннымъ самообладаніемъ на лицѣ, засыпалъ „дядю“ разспросами:

— Чтѣ говоритъ мама? Зачѣмъ понадобился онъ, Вельфи? Отчего просто не прислали ему телеграмму?..

Въ вагонъ вошли чужіе. Мальчикъ остановился и имѣлъ твердость духа молчать, дѣлая видъ, что дремлетъ.

Подъ вечеръ они были уже у знакомаго крыльца.

Вельфи, какъ стрѣла, бросился къ матери, на верхъ, и по всему дому пронесся его звонкій крикъ:

— Мама!..

Между тѣмъ, Францъ докладывалъ ванъ-Тениусу о распоряженіяхъ г-на поручика; о томъ, что здоровье баронессы лучше; что тетушка изволила въ восемь часовъ пріѣхать; что г. поручикъ Оссендорфъ все устроили прекрасно, а тетушка не отходитъ отъ баронессы...

На другой день ванъ-Тениусъ опять написалъ Маріаннѣ пару словъ, выражая надежду, что она раздѣляетъ, вѣроятно, его воззрѣнія, что именно Рихарду слѣдовало взять на себя фамиліинныя хлопоты, а что онъ самъ только тогда будетъ видѣться съ нею, когда она того пожелаетъ. До тѣхъ же поръ онъ только мысленно жметъ ей руку...

Въ день погребенія онъ уже съ утра былъ на мѣстѣ, т.-е. на виллѣ Оссендорфъ. Все, дѣйствительно, было обставлено прекрасно.

Черныя драпировки, гробъ, уставленный цвѣтами, и толпа офицеровъ - сослуживцевъ и однополчанъ покойнаго наполнили и украшали кабинетъ Оссендорфа. Маріанна вошла (или, вѣрнѣе, ее почти внесли на рукахъ — докторъ и тетушка) и сѣла на стулъ, приготовленный для нея, но соскользнула на полъ, не сознавая, что съ нею, и съ безучастнымъ, какъ бы остановившимся взоромъ, осталась такъ лежать безъ движенія. Около нея очутился и сталъ твердо, полу-враждебно оглядываясь вокругъ, ея налюбка Вельфи. Военный министръ и генералы хотѣли-было выразить свое сочувствіе вдовѣ, но, увидя, что она лежитъ чуть не въ обморокъ, смущенно умолкли. Маріанна улыбалась вѣжливой улыбкой и въ знакъ согласія кивала имъ головой, не понимая, что она лежитъ на полу, и не имѣя ни силъ, ни желанія подняться. Тогда министръ обратился къ Вельфи, и тотъ выслушалъ его молча, ничего не отвѣчая и только поглядывая удивленно. Наконецъ, тетушка выдвинулась впередъ и отвѣтила за него. Ея глаза сверкали такой грустью и гордостью, что казались замѣчательно красивыми и выразительными.

Въ то время, когда пасторъ говорилъ надгробное слово, даже ванъ-Тениусъ и офицеры поддались чувству умиленія. Маріанна плакала и чуть слышно шептала, едва подавляя стоны и лицомъ касаясь земли:

— Вольфгангъ!.. Прости мнѣ!.. Прости!.. Вольфгангъ!..

Вельфи нагнулся къ матери и что-то шепнулъ ей на ухо. Она прижала его къ себѣ и поцѣловала.

Торжественно и тихо гробъ вынесли изъ дому. Дорогой, нес-

шіе его товарищи шопотомъ обмѣнялись замѣчаніемъ, что онъ страшно легокъ.

Маріанну увели и уложили.

Вельфи шелъ за гробомъ съ кузеномъ и тетушкой.

Ванъ-Теніуса вдругъ одолѣла какая-то странная робость, и онъ затерялся въ толпѣ, грустно задумавшись надъ судьбою покойнаго. Онъ дѣйствительно былъ ему добрымъ другомъ, а въ концѣ концовъ оказывается, что его смерть—даже къ лучшему: она даже была необходима. Тогда, въ гѣсу, ванъ-Теніусъ самъ отправилъ на тотъ свѣтъ негодяя, самъ устранилъ его; теперь же судьба сама устранила Оссендорфа, которому жизнь давала лишь страданіе. Ему „тамъ“ хорошо теперь, а другъ его, оставшійся въ живыхъ, вѣрно и преданно сохранить его завѣтъ—заботиться о его вдовѣ и сынѣ; постарается всѣми силами осуществить для нихъ все, чего бы онъ самъ могъ для нихъ пожелать...

„Да, все ничего, еслибы только не этотъ фонъ-Церпенъ!“—подумалъ онъ въ заключеніе, и впервые за долгое время холодная дрожь пробѣжала у него по тѣлу. Но онъ сдѣлалъ усиліе встряхнуться и, бодро шагая, пробрался впередъ, ближе къ могилѣ,—по праву друга и наслѣдника покойнаго, защитника оставшагося послѣ него сироты-сына. Ванъ-Теніусъ сталъ рядомъ съ мальчикомъ и взялъ его за руку. Генералы переглянулись; кузень-Рахардъ потушился.

Пасторъ произнесъ рѣчь и заключительную молитву.

Генералы первые бросили горсть земли на гробъ, и жутко было слышать, какъ звонко отдавался ея глухой стукъ. Бросили, въ свою очередь, ванъ-Теніусъ и Вельфи.

— Тамъ вѣдь, собственно говоря, пусто,—прошепталъ кто-то позади него. Мальчикъ вздрогнулъ и вѣрнѣе ухватился за руку своего большого друга.

— Не бросайте... на папу!.. Не бросайте... будетъ!.. Къ мамѣ, домой!—горячо просилъ онъ.

Ванъ-Теніусъ ласково уговаривалъ его и, прощаясь по дорогѣ съ присутствующими, повелъ мальчика къ каретѣ.

Дома было все тѣ же: Маріанна еще лежала, и докторъ никого изъ родныхъ, кромѣ тетушки, къ ней не допускалъ. Поручивъ Францу каждое утро телеграфировать ему, какъ провела ночь барыня, ванъ-Теніусъ сказалъ, что будетъ кромѣ того самъ подъ-вечеръ ежедневно заходить узнавать о ея здоровьѣ, и протислся съ вѣрнымъ слугою.

Восемь дней прошло такимъ образомъ, и только два раза Маріанна высылала къ нему Вельфи, который былъ радъ видѣть

„дядю“ и дѣлился съ нимъ своими тревогами насчетъ мамы. Прошла еще недѣля—и пришла телеграмма, что „больная встала и съ молодымъ барономъ посѣтила могилу г. майора“. Въ тотъ же день ванъ-Тениусъ былъ на виллѣ раньше обыкновеннаго и засталъ дома только тетушку, которая вручила ему письмо отъ Маріанны.

— Странная она у насъ, право! — говорила она. — Такая впечатлительная и непонятная! Министръ тогда говорилъ, что не понимаетъ Оссендорфа: какъ онъ могъ рѣшиться умереть, имѣя такую красавицу-жену! Вы вотъ что себѣ представьте: я вѣдь съ ними ѣду. Понятно, въ такой семейной горести надо ужъ поступиться своими личными удобствами. Мы ѣдемъ завтра утромъ... и прямо въ Швейцарію, конечно. Вообразите, я еще никогда въ Швейцаріи не бывала. Всѣ туда ѣдутъ... И для Анны-Маріи хорошо, что я буду съ нею: она вѣдь ни о чемъ не можетъ позаботиться... И такая она тихая, во всемъ соглашается со мною: я сама выбирала маршрутъ.

Болтая вздоръ, тетушка не спускала съ ванъ-Тениуса своего остраго и пытливаго взгляда, которымъ словно хотѣла его пронзить, но онъ послѣднимъ откланялся, чтобы на свободѣ прочесть письмо Маріанны.

„Дорогой и любимый, другъ мой! (писала она).

„Проснувшись сегодня утромъ, я впервые почувствовала, что могу встать, думать и... писать; затѣмъ, подумала о тебѣ и тотчасъ же пишу.

„Надо намъ всецѣло положиться другъ на друга. Я не думаю, чтобы я могла что-либо предпринять или потерпѣть такое, чего бы ты не одобрилъ; я уѣзжаю; меня посылаетъ докторъ. Но настолько ума у меня и безъ него бы хватило: я надѣюсь, что скоро поправлюсь вдали отсюда.

„Видѣться съ тобой я не могу... то-есть, *теперь*... пока. И ты вполне это понимаешь; не такъ ли, сердце мое? Мы оба не захотимъ дѣйствовать неправильно, хотя бы и съ точки зрѣнія людского мнѣнія и обычая. Память *его* священна... Вотъ почему я еще не должна видѣться съ тобою. Крѣпко жму тебѣ руку и говорю отъ души:—Будь здоровъ! До свиданія!..

„Имѣй терпѣніе, если я не скоро тебѣ напишу опять, а когда это будетъ—я не могу ничего сказать. Если я по твоимъ письмамъ стоскуюсь,—пришлю тебѣ мой адресъ. И какъ только поправлюсь совершенно, сама приду къ тебѣ или позову тебя.

„Будь здоровъ и сохрани свою любовь ко мнѣ.

„О томъ же, что я чувствую, что во мнѣ теперь происходитъ, я не скажу ни слова: ты самъ долженъ все это понимать.

„Вельфи очарователенъ и полонъ нѣжнаго вниманія ко мнѣ. Я многимъ ему обязана; онъ какъ будто старше, развитѣ своихъ лѣтъ. Онъ такой рыцарски-благовоспитанный и изящный и часто говорить о тебѣ.

„Будь же здоровъ... До свиданія!

„Что я твоя—ты и самъ знаешь.

„Твоя Маріанна“.

Ванъ-Теніусъ купилъ букетъ фіалокъ, конфетъ и отослалъ ей вмѣстѣ со своимъ отвѣтомъ.

„Сердце мое, дорогая!

„Береги хорошенько свое здоровье и поправляйся скорѣе. Будь увѣрена, что мои мысли и чувства всегда согласны съ твоими.

„Не тревожься обо мнѣ: я буду усердно работать въ твое отсутствіе, и эта работа займетъ меня всецѣло; я буду трудиться ради самого дѣла и ради моей любви къ тебѣ. Мнѣ вѣдь тоже надо, какъ и тебѣ, отдѣлаться отъ тяжелыхъ воспоминаній. Оставь ихъ тамъ, въ Альпійскихъ горахъ... Я—мужчина и самъ съ ними справлюсь. Поцѣлуй Вельфи и передай ему конфеты, а фіалки—тебѣ. Я бы хотѣлъ быть его другомъ. Когда ты будешь въ духѣ, также поклонись и тетушкѣ.

„Прими за правило, дорогая, что я съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя вѣсточку, но не пишу, пока у тебя не станетъ совсѣмъ легко на душѣ. Я буду терпѣливо ждать!

„Будь здорова... До свиданія, моя любимая жена, моя...

„Что я твой—ты также сама это знаешь!...“

Этимъ письмомъ, ванъ-Теніусъ простился съ Маріанной и думалъ ней, съ этой минуты, какъ о своемъ самомъ дорогомъ, самомъ любимомъ, но далекомъ другѣ. Его поддерживали въ разлукѣ твердая воля и стремленіе трудиться на пользу дѣла, которое за минувшія двѣ недѣли отошло для него какъ бы на задній планъ.

Черезъ годъ, когда зацвѣтутъ жасмины, Маріанна будетъ уже... его женой.

XVIII.

Въ началѣ іюля пришло письмо... отъ тетушки!

Путешественницы, не доѣхавъ до горъ, остановились въ тихой, теплой долинкѣ, гдѣ и расположились, до болѣе благопріят-

ной погоды, въ большомъ, прекрасномъ отелѣ. Она (т.-е. тетушка) была противъ того, чтобы ребенка приучать къ такой сутолоцѣ и къ такому смѣшанному обществу; но отель, дѣйствительно, превосходный, надо ему отдать справедливость. Порядокъ обстановки; всё удобства; особенно хороши фрукты и десертъ. И Маріанна сама не отходитъ отъ сына ни на шагъ, даже кушать имъ приносятъ въ ихъ комнату. Живетъ Анна-Марія скромно, даже скромнѣе, чѣмъ могла бы.

„Адресъ нашъ вамъ извѣстенъ; такъ, пожалуйста, не откажите прислать ноты и тетради для рисованія Вельфи. Она сама съ нимъ занимается, что весьма похвально. Собственно говоря, эти порученія—дѣло кузена, но Анна-Марія настояла, чтобы я обратилась именно къ вамъ. Она, пожалуй, права: гдѣ же поручивамъ думать объ этомъ? Отъ нихъ и требовать невозможно аккуратности въ такихъ мелочахъ: они люди совсѣмъ другой складки. Въ Швейцаріи офицеры ужасъ какъ некрасивы; говорятъ Богъ вѣсть на какомъ ломаномъ языкѣ и, вдобавокъ, все на швейцарскій ладъ. Не понимаю, какъ можно командовать на такомъ языкѣ!

„Однако, я все болтаю и болтаю, а хотѣла только исполнить данное порученіе. — Матильда фонъ-Оссендорфъ“.

Ванъ-Теніусъ отослалъ ноты и тетради на имя Вельфи, и черезъ нѣсколько дней получилъ отъ него благодарность съ прибавленіемъ, что мама очень, очень ему кланяется.

Цѣлыми недѣлями не имѣлъ ванъ-Теніусъ „оттуда“ извѣстій. Но онъ держалъ себя строго и вполне отдавался работѣ; только въ сумерки или вечеромъ ему случалось думать о томъ, что дѣлается тамъ, съ Маріанной. Даже движенія рабочихъ въ Швейцаріи и ея политическая жизнь оставляли его хладнокровнымъ; но за таблицей температуры и за несчастіями съ поѣздами въ Швейцаріи онъ слѣдилъ усердно, и всякій разъ пугался, когда слышалъ про крушеніе поѣздовъ.

Въ половинѣ августа Маріанна сама написала ему.

Воскресенье, ...Понтрезина.

„Милый другъ мой!

„Я рада, что у меня явилась потребность написать тебѣ; и я ей не противлюсь. Теперь уже есть надежда, что я скоро поправлюсь и все пойдетъ хорошо.

„Еслибы мы съ тобой не были такъ увѣрены другъ въ другѣ, я не рискнула бы такъ долго молчать; но я знаю, что мы неразрывно принадлежимъ другъ другу, и потому спокойна.

„Ты правъ, что и у меня есть нѣчто такое, что меня таго-

тять и отъ чего надо бы отдѣлаться; ты уже, вѣрно, угадалъ, въ чемъ дѣло. Но что и у тебя есть такая же тяжесть на душѣ, — я думаю, что ты это говоришь только такъ, мнѣ въ утѣшенье. Ты вѣдь не убивалъ; ты не отнялъ жизнь человѣка, а я — отняла. Я убила мужа!.. Онъ вѣрилъ въ мою силу воли, вѣрилъ въ мое мужество; и ты также вѣрилъ — иначе, не рѣшился бы пустить меня къ нему. Онъ, бѣдный, остался бы живъ и умеръ бы своей смертью, еслибы я не была такъ дѣтски самонадѣянна и... малодушна! Вотъ въ чемъ моя вина, и я еще не знаю, чѣмъ и какъ искуплю ее. Но мысли мои уже становятся яснѣе; у меня является сила думать объ этомъ, и сегодня я уже могу тебѣ признаться, что этотъ мой грѣхъ насъ не разлучитъ. Дай мнѣ только время и вѣрь силѣ моей любви къ тебѣ. Помни, что обязанности мои по отношенію къ покойному я ставлю одинаково высоко, какъ и обязанности къ живымъ: — къ тебѣ и къ моему славному молодцу сынишкѣ, шалуру и красавцу Вельфи"!...

Среда.

„Прости мнѣ, милый, что письмо это залежалось! Вельфи простудился, и я очень боялась за него; но, благодаря Бога, все обошлось благополучно. Онъ у меня молодецъ; всѣ болѣзни отъ него отскакиваютъ, какъ отъ неуязвимаго здоровяка. Успокоившись, послѣ того, какъ я только и думала, что о немъ, моемъ сокровищѣ, я могу теперь продолжать бесѣду съ тобою.

„Вотъ уже четвертая недѣля, какъ мы здѣсь. Иной разъ, на прогулкѣ, мнѣ вдругъ чудится, что тѣнь твоя тутъ, около меня; я жду — вотъ-вотъ услышу твой голось... Но не правда ли, мой другъ, ты не придешь ко мнѣ, пока я, я сама тебя не позову?..

„Мое черное платье ограждаетъ меня отъ докучныхъ знакомствъ; ихъ за меня ведетъ тетуска... не смѣйся, пожалуйста! Ты вѣдь не такъ понимаешь воззрѣніе членовъ стариннаго, доблестнаго рода, которые считаютъ своимъ долгомъ подчиняться требованіямъ законовъ свѣтскости. Но вѣдь и ты самъ, со всѣми твоими убѣжденіями и замыслами, можешь сдѣлаться главою такого же „свѣтскаго“ рода. Видишь ли, и мой Вельфи тоже, какъ ты или какъ англичане, имѣетъ стремленіе свое собственное „я“ писать съ большой буквы; но прежде всего онъ будетъ считать и чувствовать себя „настоящимъ Оссендорфомъ“.

„Музыка у него идетъ недурно, а въ рисованіи онъ дѣлаетъ большіе успѣхи. Будь здоровъ... До свиданія!.. Твоя Маріанна“.

Сначала слова любимой женщины чуть не разсердили его; но, дочитавъ до конца, онъ успокоился, и уже довольный, счастливый, сѣлъ отвѣчать, — но отвѣчать довольно сжато.

Въ заключеніе, онъ говорилъ:

„А все-таки, дорогая, попробуй допустить, что я дѣйствительно убилъ:—жестого, безжалостно убилъ недруга своего... и ты будешь близка къ истинѣ. Но ничего нечестиваго, ничего недостойнаго я не сдѣлалъ, и не думалъ дѣлать.

„Ты права: большая разница—быть потомкомъ славнаго рода или желать самому стать родоначальникомъ. Чтобы находить въ этомъ отраду, не было необходимости уже теперь достигнуть своей цѣли; довольно и того, что чувствуешь къ ней стремленіе. Будь же здорова. До свиданія!.. Да прѣвжай скорѣй или вызови меня“.

Теперь, въ то время, когда все вокругъ отдыхало; когда служебныя занятія приостановились по случаю лѣтнаго перерыва; когда такъ просто было бы ему уѣхать къ Маріаннѣ, — ванъ-Тениусъ менѣе терпѣливо несъ бремя разлуки. Ежедневно ждалъ онъ отъ нея писемъ; и ежедневно его постигало разочарованіе. Онъ не переставалъ ей вѣрить, но ему начало казаться, что она должна бы сама желать бесѣдовать съ нимъ каждый день. Онъ думалъ, что вотъ-вотъ она призоветъ его къ себѣ... Его раздражала мысль, что его обществу она можетъ предпочитать общество балованнаго мальчишки и какой-то комической старухи-тетушки. Его сердило, что они, отъ нечего дѣлать, тратятъ деньги на пребываніе въ дорогомъ отелѣ, вмѣсто того, чтобы употребить хоть половину на помощь бѣднякамъ. Наконецъ, должна же Маріанна понимать, чья она неvěста, и дѣйствовать сообразно съ возрѣніями своего будущаго мужа, защитника сиротъ и угнетенныхъ, беззащитныхъ!...

Его раздражало ея молчаніе; ея письма, какъ ни были они рѣдки, разжигали тревогу и словно предчувствіе какой-то опасности, которая угрожала ихъ любви.

Насчетъ Вельфи она писала, что думаетъ предоставить ванъ-Тениусу право голоса надъ сыномъ, но что онъ не долженъ противиться, если она будетъ развивать въ мальчижѣ что-либо, чтд, по его мнѣнію, будетъ лишнимъ.

„Все-таки у Вельфи есть и нѣкоторыя обязанности, какъ наследника отцовскаго стариннаго, доблестнаго, рода“, — прибавляла она.

„Не отвѣчай мнѣ, погоди! (говорилось, въ заключеніе, въ слѣдующемъ письмѣ). Я одна, совсѣмъ одна должна вынести душевную борьбу, изъ которой еще не знаю, какъ выйду. Не пугайся, сердце мое, такихъ страшныхъ словъ. Любовь моя—ервѣная твердыня, которой ничто въ мірѣ сокрушить не можетъ“!...

— Что еще за борьба ей предстоит?—волновался ванъ-Тениусъ.—Ужъ вѣрно что-нибудь со стороны этихъ Оссендорфовъ? Ну, оно и понятно: только теперь она стала замѣчать, что семья майора не очень-то будетъ ладить съ ея будущимъ мужемъ-адвокатомъ. Нечего сказать, хороши условия, при которыхъ мы живемъ, въ нашъ „просвѣщенный“ вѣкъ. Еще извольте тутъ, въ своихъ сердечныхъ желаніяхъ, справляться съ какими-то тамъ дядюшками и тетюшками и со всей роднею!

Осень пришла холодная, бурная. Маріанна должна была скоро вернуться. Недаромъ же она писала въ послѣднемъ письмѣ: „Можетъ быть, даже скорѣе, нежели ты предполагаешь, я неожиданно вернусь къ тебѣ, мой дорогой, любимый, чтобы тогда быть, какъ прежде, и теперь, и навѣки... твоей“!

И опять замолчала... опять надолго.

„Племянница“, приносившая своему квартиранту по утрамъ письма и газеты, не могла удержаться, чтобы не подразнить его немножко. Ей нравилось подливать масла въ огонь.

Когда ванъ-Тениусъ чуть не сердито искалъ рукой знакомаго конверта, дебелая смуглянка не пропускала случая приподнести ему одинъ изъ вариантовъ ея „доброжелательныхъ“ предостереженій.

— Да! Ужъ какъ водится: „съ глазъ долой—изъ сердца вонъ“, —говорила она, чуть вздыхая, съ притворнымъ сочувствіемъ.—Развѣ эти важныя госпожи-красотки будутъ долго помнить? И уѣзжаютъ-то онѣ ради новыхъ знакомствъ... Д-да, такъ-то... Особенно блондинки!..

Ванъ-Тениусъ не слушалъ ее, а подъ шумокъ рассчитывалъ въ умѣ, какъ бы неожиданно самому нагрянуть къ Маріаннѣ, въ Рейхенау.

— А!.. Наконецъ!..

Телеграмма изъ Вѣны:

„Буду завтра, „Hôtel de Rome“. Жду послѣ-завтра, рано утромъ. — Маріанна“.

Ванъ-Тениусъ нашелъ этотъ телеграфный листокъ у себя на столѣ, какъ бы нарочно прислоненный къ портрету Маріанны. Печать была нетронута, но вокругъ были замѣтны слѣды пальцевъ, которые силились, но тщетно, ее приподнять.

Пробѣжавъ глазами эти радостныя строки, онъ почувствовалъ, что его раздраженія и злобы—словно не бывало... Но, Боже мой! Какъ дожить еще двое сутокъ до этого желаннаго „послѣ-завтра“? Нельзя ли выѣхать на встрѣчу... но куда? Ахъ, вотъ:

въ „Путеводителѣ“ все есть. Вотъ росписание: она ѣдетъ на Дрезденъ...

А что, какъ она тамъ оставитъ Вельфи? Онъ его не увидитъ! Нельзя ли въ Дрезденъ? Нѣтъ, не успѣтъ. Или... да? Чортъ знаетъ, что за дрянъ всѣ эти „Путеводители“, въ которыхъ иногда ничего не найдешь и съ которыми можно только заблудиться! Ни одинъ поѣздъ не подходитъ: всѣ они придутъ въ Дрезденъ, когда она ужъ будетъ на пути въ Берлинъ; на другіе онъ уже опоздалъ. Дурацкій „Путеводитель“!

А! Вотъ тутъ, въ уголочкѣ что-то новое:

— „Скорѣйшіе поѣзда между главнѣйшими пунктами Европы“. Посмотримъ... Положимъ, теперь ужъ одиннадцатый часъ, но не бѣда! Вотъ, вотъ тутъ ясно видно... и ошибиться невозможно: въ 12 час. ночи есть такой поѣздъ изъ Берлина.

Прекрасный „Путеводитель“!.. И какъ толково составленъ!..

Безконечно тянулась ночь; толчки и мирная стукотня машинныхъ колесъ не могли убаюкать ванъ-Тениуса. Какъ долго— и чего ради?!— стоять на какихъ-то глупѣйшихъ станціяхъ? Не все ли равно пассажирамъ пролетѣть ихъ мимо, лишь бы скорѣй долетѣть до мѣста? Нѣтъ, кажется, сегодня совсѣмъ заря не займется! Ночь тянется, ползетъ безъ конца, какъ самъ поѣздъ, и если не идетъ назадъ, то и не двигается впередъ ни на шагъ!..

Темная ночь, однако, миновала; явилась заря, а за нею и утро.

Поѣздъ, пыхтя, замедляетъ ходъ. Усиленные свистки... Впереди вокзалъ: это Дрезденъ!

Въ воздухѣ свѣжо. Дрожь отъ бессонницы и тревоги пробираетъ ванъ-Тениуса; ему холодно. Еще есть время; онъ идетъ в самый обыденнымъ образомъ завтракаетъ, пьетъ горячій кофе, чтобы согрѣться. Задолго до слѣдующаго поѣзда въ Берлинъ онъ уже на платформѣ, спрашиваетъ станціонное начальство; бесѣдуетъ съ простыми служителями; проситъ разъяснить ему значеніе сигналовъ... А все-таки время остановилось; конца нѣтъ мукамъ ожиданія!

Не успѣлъ поѣздъ показаться вдали, какъ ванъ-Тениусъ ужъ спѣшить къ тому мѣсту, гдѣ стоятъ носильщики. Тутъ уже пропустить ее невозможно. Нѣтъ, ничего! Онъ бѣжитъ въ первый, во второй, въ третій классъ: вгдѣ ни тѣни Маріанны!

Ему хочется посмѣяться надъ собою, надъ своимъ разочарованіемъ:— Ну, чего онъ вообразилъ, что непременно съ этимъ поѣздомъ она прійдетъ? Будутъ еще другіе.. Шутка сказать.

другіе! А каково ихъ ждать, и ждать напрасно? Смѣхъ у него выходить не смѣшной; ему досадно; онъ чуть не плачетъ...

Пустяки! Стоить только подождать еще два часа.

Что бы придумать, чтобы убить время? Газеты?.. Скука смертная, ничего новаго, живого. Прогулка по городу? Вотъ еще, очень надо,—чтобъ волноваться каждую минуту, какъ бы не опоздать. Еще тутъ, по вокзалу, можно походить...

Опять праздные разговоры на платформѣ; опять напрасныя ожиданія и... досада!

Теперь времени много впереди; можно дѣйствительно развлечься, съѣздить въ Картинную Галерею... Скорѣй, скорѣй... Все-таки, лучше не медлить, не терять времени напрасно.

А вотъ и знаменитая Мадонна! Съ волненіемъ смотреть на нее ванъ-Тениусъ и... не видитъ ни малѣйшаго сходства съ лицомъ Маріанны. Куда жъ оно дѣвалось? Что это значить? Когда же онъ ошибся: прежде или теперь?

Раздосадованный, онъ идетъ по городу, черезъ мостъ... Все такъ обыкновенно, такъ тоскливо... На вокзалѣ все же не такъ безпріютно, какъ въ толпѣ безучастныхъ лицъ.

Вотъ ужъ четырехъ-часовой... И тоже—ни души!

На страннаго, навойливаго господина начинаютъ коситься; нѣтъ человѣка, къ которому бы онъ не приставалъ по десяти разъ все съ тѣми же вопросами... Ну, слава Богу! Остается только часъ, одинъ часъ до послѣдняго поѣзда изъ Вѣны... Что бы такое сдѣлать? Пойти на телеграфъ,—тамъ скорѣй уйдетъ время. Только бы дождаться: ужъ съ этимъ поѣздомъ она непременно, непременно будетъ!

На телеграфѣ... время тоже тянется лѣнливо. Отъ нечего дѣлать ванъ-Тениусъ посылаетъ депешу домой, чтобы предупредить квартирную хозяйку, что онъ неожиданно уѣхалъ и будетъ обратно завтра... Еще десять минутъ прошло... и то ужъ слава Богу! Онъ началъ разспрашивать телеграфиста, сколько дохода могутъ принести телеграммы, но не дослушалъ отвѣта и вышелъ вонъ, на платформу.

Уже смеркалось; съ каждой минутой становилось темнѣе. Одинъ за другимъ, не спѣша, но и не медля, зажигались станціонные фонари и вспыхивала блестящая поверхность рефлекторовъ. Какое благоустройство! Какой порядокъ! Здѣсь каждый знаетъ свое дѣло; все дѣлается стройно, какъ бы само собою.

Вмѣстѣ съ появленіемъ огней, какъ будто и на сердцѣ у ванъ-Тениуса стало спокойнѣй: тяжелаго, мучительнаго дня какъ не бывало. Ради одной радостной, уже близкой минуты все хо-

рошо, все прошло... все забыто! Ванъ-Тениусъ ужъ знаетъ, гдѣ лучше стоять, гдѣ прохаживаться, чтобы не опоздать. Ему кажется, что онъ совсѣмъ спокоенъ...

— А! Сигналы!..

— Боже мой, а билетъ?— Вѣдь онъ же хочетъ ѣхать дальше... „съ ними“... Бѣгомъ, живо, ванъ-Тениусъ уже у кассы; онъ беретъ билетъ и такъ же бѣгомъ спѣшитъ къ поѣзду, на встрѣчу.

Поѣздъ грузно, замедляя ходъ, подходитъ къ платформѣ...

А. Б—г—

ПОСЛѢ ГОГОЛЯ

Въ нашей критикѣ не однажды былъ поставленъ и получалъ различныя рѣшенія вопросъ о томъ, кто можетъ считаться истиннымъ родоначальникомъ нашей новѣйшей литературы: Пушкинъ или Гоголь? — Строго говоря, каждый новый періодъ литературы складывается вовсе не авторитетомъ какого-либо единичнаго писателя, а весьма сложнымъ дѣйствіемъ разнообразныхъ условій, принадлежащихъ не одной области литературы; но въ то же время не подлежитъ сомнѣнію, что вліяніе гениальнаго писателя, силою поэтическаго и нравственнаго впечатлѣнія, можетъ дѣйствительно наложить свою печать на дальнѣйшій ходъ поэтическаго творчества: идеи, какими проникнуты произведенія гениальнаго писателя, особенности его формы, кажутся открытіемъ, въ нихъ видятъ наилучшій искомый путь поэтическаго творчества и нравственнаго воздѣйствія на общество, и писатели второстепенные стремятся исчерпать новое содержаніе и новыя приемы... Въ этомъ относительномъ смыслѣ упомянутый вопросъ можетъ быть дѣйствительно поставленъ.

Рѣшеніе его можетъ представить двоякій интересъ. Во-первыхъ, оно опредѣляетъ историческій фактъ—объемъ дѣйствія того или другого писателя; и во-вторыхъ, въ данномъ случаѣ, оно прямо или косвенно связано съ общимъ вопросомъ о значеніи искусства. Это—давній вопросъ о томъ, должно ли искусство служить только самому себѣ („чистое“ искусство), или, напротивъ, оно бываетъ и должно быть связано съ содержаніемъ общественнаго характера; или въ болѣе наглядномъ толкованіи—должно ли оно быть предназначено для эстетическаго эпикурейства, или отражать въ себѣ общественныя стремленія и содѣйствовать не только эстетическому, но также нравственному и гражданскому воспи-

танію общества. Въ обычныхъ понятіяхъ Пушкинъ является представителемъ перваго изъ этихъ направленій, Гоголь — второго. Должно ли, повѣтому, господствовать въ литературѣ служеніе чистому искусству или, напротивъ, стремленіе развивать въ поэзіи мотивы общественнаго характера, и были ли дальнѣйшіе успѣхи нашей литературы достигнуты первымъ изъ этихъ путей или вторымъ; должно ли считаться здравымъ направленіемъ литературы то, которое стремится къ идеаламъ чистой „красоты“, не погрязая въ злобѣ дня, или, напротивъ, то, которое хочетъ быть отраженіемъ дѣйствительной жизни и органомъ лучшихъ нравственныхъ стремленій общества. Кѣмъ же создана новая русская литература?

Въ минуты историческаго энтузіазма, когда торжествовалась память Пушкина въ 1880, Пушкинъ какъ бы общимъ голосомъ былъ признанъ за родоначальника нашей новой литературы. Въ различныхъ отношеніяхъ это было безспорно. Но какъ Ломоносовъ считается „отцомъ“ нашей литературы въ XVIII столѣтіи, хотя она уже вскорѣ начала искать и находить новыя пути по содержанію, формѣ и языку, такъ и въ нашемъ вѣкѣ подобное значеніе Пушкина не исключало бы для созданной имъ литературы новыхъ путей и новыхъ задачъ, которые не были бы прямымъ исполненіемъ его завѣтовъ. Хотя бы Пушкинъ не только считался, но и дѣйствительно былъ представителемъ исключительно „чистаго“ искусства, дальнѣйшій періодъ литературы, при всемъ признаніи его авторитета, не могъ бы быть связанъ имъ и былъ бы въ полномъ правѣ самостоятельно вести литературное развитіе. Самъ Пушкинъ въ своемъ поэтическомъ трудѣ, по неизбежнымъ условіямъ исторіи, исполнилъ задачи, налагаемыя временемъ; такимъ же образомъ и литература, которую мы хотѣли бы признать его созданіемъ, должна была бы исполнять задачи своего времени — когда сама исторія шла впередъ и выросло содержаніе самой общественной жизни... Въ эти минуты историческаго энтузіазма вспомнился эпизодъ иного отношенія къ Пушкину, которое опять приводится къ тому же вопросу объ его историческомъ значеніи для новѣйшей литературы. Этотъ вопросъ, кажется, никогда не принималъ такого остраго характера, какъ было около 1860 года. Крайнимъ пунктомъ отрицательнаго отношенія къ Пушкину была извѣстная статья Писарева, — какъ, съ другой стороны, авторитетъ Пушкина былъ возвышаемъ въ видѣ протеста доживавшихъ свое время эстетиковъ сороковыхъ годовъ, раздражаемыхъ не вполне для нихъ понятнымъ возбужденіемъ новыхъ поколѣній въ эпоху подготовленія реформъ. Обѣ стороны

преувеличивали, но въ этомъ спорѣ, быть можетъ, бессознательно для обѣихъ сторонъ, высказалось противорѣчіе не столько литературное, сколько общественное. Настоящая основа противорѣчія лежала въ различномъ пониманіи общественнаго характера литературы и самой поэзіи. Подъ впечатлѣніемъ раскрывавшихся темныхъ сторонъ національной жизни и подъ впечатлѣніемъ мелькавшей тогда надежды на ея возрожденіе,—надежды, которая от самой силы ожиданій становилась въ глазахъ молодыхъ мечтателей увѣренностью, подъ этимъ впечатлѣніемъ они убѣждались, что всѣ лучшія наличныя силы общества и въ томъ числѣ ихъ представительство—литература, должны быть направлены именно на служеніе этому приближавшемуся будущему, на служеніе просвѣщенію, на удовлетвореніе очевиднымъ реальнымъ нуждамъ русскаго общества и народа: просвѣщеніе было слишкомъ скудно, эти очевидныя нужды были слишкомъ велики, такъ что широкое поприще труда открывалось бы передъ каждымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ, передъ каждымъ дѣятелемъ литературы, способнымъ уразумѣть великую историческую минуту. Точка зрѣнія была, какъ видимъ, та „утилитарная“ точка зрѣнія, на которую послѣ, и снова въ настоящее время, съ такимъ высокоумнымъ пренебреженіемъ указывали защитники „чистаго искусства“ и „чистой красоты“; но мы видимъ также, что основныя побужденія этого столь пренебрегаемаго теперь „утилитаризма“ имѣли высокую нравственную цѣну — гораздо болѣе высокую, чѣмъ можно найти въ напыщенныхъ современныхъ фразѣхъ о „святинѣ“ чистаго искусства... Въ полномъ соотвѣтствіи съ указаннымъ значеніемъ утилитаризма и его противниковъ въ шестидесятыхъ годахъ стоялъ характеръ того отношенія, въ какомъ обѣ стороны находились къ общественнымъ интересамъ того времени: „утилитаристы“, какъ мы видѣли, были именно готовы привѣтствовать самыя рѣшительныя преобразованія; это бывали иногда самыя крайніе „либералы“,—наоборотъ чистые эстетика становились въ лучшемъ случаѣ только весьма умѣренными приверженцами реформы, что называлось тогда „постепеновцами“, а нерѣдко это были консерваторы и прямо ретрограды,—какъ можемъ видѣть это и въ настоящую минуту. Конечно въ обѣихъ направленіяхъ бывали отбѣны, которыхъ не должно смѣшивать... Въ этомъ смыслѣ общественный характеръ тогдашнихъ стремленій отразился и на сужденіяхъ о прошедшемъ нашей литературы: къ ней предъявлены были требованія, какія предъявлялись литературѣ современной и какія вообще полагались необходимой мѣркой ея общественнаго значенія. Въ новомъ свѣтѣ сталъ представляться XVIII вѣкъ, за-

тѣмъ недавнее прошлое и, наконецъ, самъ Пушкинъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что при этой переоцѣнкѣ прошедшаго указано было не мало такого, чтó упускалось изъ виду въ прежнихъ опредѣленiяхъ этого прошедшаго; но съ другой стороны несомнѣнно была сдѣлана при этомъ и извѣстная ошибка — не однажды терялась историческая перспектива. Такъ было и съ упомянутой критикой Пушкина у Писарева: онъ относится къ Пушкину такъ, какъ будто это былъ современный писатель, и съ этой точки зрѣнiя не могъ удовлетвориться ни его теоретическими взглядами, ни его поэтическими вкусами, и предаеть тѣ и другiе неумолимому осужденiю. Но и при большемъ вниманiи къ исторiи, жизненные типы, изображенные прежними писателями, являлись теперь въ новомъ свѣтѣ. Мы говорили раньше, что самъ Печоринъ казался Добролюбову только видоизмѣненiемъ Обломова; еще легче могъ быть приравненъ къ Обломову Евгений Онѣгинъ... Новому поколѣнiю, искавшему какого-либо дѣятельнаго участiя въ общественныхъ интересахъ, становились непонятны эти неопредѣленные мечтатели, не знавшiе куда дѣвать свои силы и при всей ихъ энергiи, какъ Печоринъ, употреблявшiе эти силы только на „разнаго рода дебоширства“... До какой степени это настроенiе было господствующимъ у Писарева, можно видѣть изъ того, что и въ современной литературѣ онъ, не довольствуясь сатирой Салтыкова, совѣтовалъ этому писателю заняться вмѣсто его сатиры популяризацией научныхъ свѣденiй.

Такимъ образомъ становилось очевиднымъ, что для молодыхъ поколѣнiй шестидесятыхъ годовъ Пушкинъ утрачивалъ ту возбуждающую силу, какую онъ имѣлъ для прежнихъ поколѣнiй; самая красота художественныхъ произведенiй не увлекала, потому что за нею не видѣли того содержанiя, которое казалось теперь единственнымъ, достойнымъ истиннаго творчества, не видѣли мысли о народномъ и общественномъ благѣ... Но этимъ порывомъ новаго общественнаго чувства историческiй вопросъ не рѣшался. Мы видѣли, что въ новой оцѣнкѣ прошедшей литературы историческая перспектива была до извѣстной степени утеряна и восстановленiемъ ея, преувеличеннымъ въ другую сторону, былъ апоѳеозъ Пушкина въ 1880 г. Снова стало казаться, что Пушкинъ и былъ именно родоначальникомъ новой нашей литературы... Должно сказать, что и на этотъ разъ дана была оцѣнка Пушкина слишкомъ абсолютная. Въ томъ, чтó говорилось въ это время, были опять оттѣнки различныхъ настроенiй: несомнѣнно, что, съ одной стороны, здѣсь былъ отголосокъ тѣхъ восхваленiй чистаго искусства (отожествляемаго съ Пушкинымъ), которыя

противополагались эстетическому утилитаризму прогрессистовъ и могли проповѣдываться даже настоящими обскурантами, а съ другой стороны было искреннее увлеченіе общественнымъ торжествомъ, какое въ первый разъ выпадало на долю нашей литературы и могло, если не вполнѣ, то въ значительной степени, объединить литературныя партіи, обыкновенно только враждебныя: передъ тѣмъ литература переживала столь тяжелыя времена, что отрадно было хоть на время забыться въ великомъ воспоминаніи, которое было чисто литературнымъ и общественнымъ, и почерпнуть въ немъ ободреніе на возвращавшіеся тяжелые будни; былъ, наконецъ, интересъ историческаго взгляда на прошлое нашей литературы, которое завершалось этимъ воспоминаніемъ.

Не будемъ повторять стараго спора о чистомъ искусствѣ или объ искусствѣ общественномъ. Абсолютный художникъ также немислимъ, какъ немислимъ абсолютный человекъ, существующій внѣ условій пространства и времени, внѣ племенныхъ и общественныхъ отношеній. Искусство общественное обыкновенно (и всего чаще намѣренно) смѣшиваютъ съ искусствомъ тенденціознымъ, т.-е. съ такимъ, которое насильственно прилаживается къ заданной впередъ и придуманной темѣ, при чемъ должна неизбежно страдать непосредственность художественнаго творчества. Это смѣшеніе есть, однако, не болѣе какъ фальшивый полемическій приемъ ¹⁾. Искусство общественное вовсе не требуетъ тенденціозности, но предполагаетъ полную возможность соединенія высокаго художественнаго достоинства съ общественной идеей, возможность сильнаго художественнаго впечатлѣнія рядомъ съ благотворнымъ дѣйствіемъ произведенія на общественное и личное нравственное сознаніе, — и это соединеніе двухъ дѣйствій можетъ быть въ особенности драгоцѣнно тамъ, гдѣ литература, по всему складу жизни, при отсутствіи учреждений, поддерживающихъ общественность, получаетъ особенную важность, какъ единственный факторъ этой общественности. Какъ бы сильно ни была развита въ поэтѣ чисто субъективная сторона творчества, какъ бы ни была велика „метафизичность“ его вдохновенія, съ которою его поэзія становится оторванной отъ дѣйствительности, онъ тѣмъ не менѣе остается сыномъ своего вѣка, произведеніемъ

¹⁾ Въ нашей литературной практикѣ, какъ было не однажды замѣчено, тенденціозное и именно ретроградное изображеніе нашей общественной жизни всего чаще совершается въ томъ самомъ лагерѣ, который настаиваетъ на „чистомъ“ искусствѣ (Ср. „Критическіе этюды по русской литературѣ“, г. Арсеньева. Спб. 1888, г. II, статьи: „Поэтъ и тенденціозный писатель“; „Романъ какъ орудіе регресса“).

и представителемъ своего общества, и если онъ не лишенъ абсолютно инстинкта общественности, интереса къ своимъ ближнимъ (что трудно себѣ представить), онъ не можетъ уничтожить въ себѣ „духа времени“, т.-е. того содержания, тѣхъ стремленій, какія господствуютъ въ умахъ и въ сердцахъ его современниковъ и согражданъ, и напротивъ, всегда, прямо или косвенно, положительно или отрицательно, отразить на себѣ эти стремленія, станеть на той или на другой сторонѣ въ той борьбѣ, которую совершается общественное развитіе... Мы видѣли это на одномъ изъ самыхъ „метафизическихъ“ поэтовъ нашей литературы, Лермонтовѣ, и то же самое найдемъ у поэта, наиболѣе увлеченнаго чистымъ культомъ поэтической красоты, Пушкина. Какъ мы уже замѣчали, въ строгомъ смыслѣ Пушкина и Гоголя нельзя различить, какъ поэтовъ чистаго искусства и искусства общественнаго: сколько ни хотятъ изобразить Пушкина поэтомъ чистаго искусства, сколько ни желалъ онъ самъ отдаться одному вдохновенію и сладкимъ звукамъ, сколько ни отгонялъ и проклиналъ онъ чернь, онъ не могъ остаться жрецомъ Аполлона, — онъ былъ такъ сильно органически связанъ съ обществомъ и самой чернью, что самъ постоянно покидалъ жертвенникъ Аполлона и вмѣшивался въ жизненную суету, и когда теперь историки стремятся опредѣлить первые начатки того реализма, который именно налагалъ на нашу поэзію печать общественнаго искусства, многимъ изъ нихъ родоначальникомъ этого искусства представляется именно Пушкинъ. Достоевскій въ знаменитой рѣчи на Пушкинскомъ праздникѣ, восторженномъ, но запутанномъ панегирикѣ, изображалъ Пушкина не только какъ великаго поэта, но и какъ общественнаго моралиста, и когда въ тѣ же дни Островскій воскликнулъ, что съ этимъ величаніемъ имени Пушкина былъ „на нашей улицѣ праздникъ“, онъ опять думалъ не только о великомъ поэтическомъ значеніи Пушкина, но и о его значеніи въ исторіи нашей общественности.

Такимъ образомъ въ строгомъ смыслѣ невозможно различать въ Пушкинѣ и Гоголѣ исключительныхъ представителей чистаго или общественнаго искусства. Тотъ и другой соединены тѣсною связью съ развитіемъ общественнаго самосознанія, переходившаго подъ ихъ влияніемъ отъ чисто художественнаго впечатлѣнія къ размышленію о личномъ и общественномъ нравственномъ достоинствѣ и, наконецъ, къ размышленію о приложеніи нравственной идеи къ практическимъ вопросамъ общественной и народной жизни; тѣмъ не менѣе, въ болѣе частномъ смыслѣ между ними было дѣйствительно великое различіе, — и это различіе ска-

залось въ историческомъ осуществленіи ихъ вліянія въ литературѣ и общественныхъ понятіяхъ. Выше мы указывали, какъ были они близко родственны въ своихъ представленіяхъ о высокихъ задачахъ искусства, которое должно быть свободно отъ житейской суеты, которое не должно подчиняться никакимъ вѣшнимъ соблазнамъ свѣта, стремиться только къ исполненію того, что внушается поэтическимъ, почти божественнымъ вдохновеніемъ, которому должно служить какъ бы съ религіознымъ благоговѣніемъ; мы указывали, что этому высокому представленію о нравственномъ достоинствѣ искусства Гоголь научался особенно отъ Пушкина, котораго всегда ставилъ на недосыгаемую высоту; свидѣтельствомъ этого близкаго родства былъ и тотъ фактъ, что на сюжеты, переданные Пушкинымъ, написаны были оба величайшія произведенія Гоголя — „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“. Это самое представленіе объ искусствѣ Гоголь въ послѣдніе годы своей жизни развилъ въ тотъ мистическій идеалъ, гдѣ искусство перешло бы, наконецъ, свои предѣлы и превратилось въ аскетическую проповѣдь и прорицаніе. Но, въ тотъ же періодъ ихъ поэтическаго общенія, между ними сказалось внутреннее различіе, которое подтверждено было потомъ въ складѣ ихъ творчества и въ характерѣ ихъ историческаго дѣйствія. Пушкинъ ясно видѣлъ особенности гениальнаго дарованія Гоголя и предчувствовалъ, какъ это должно было высказаться въ его произведеніяхъ—и приводитъ къ образамъ и впечатлѣніямъ, для него невѣдомымъ. Въ самомъ дѣлѣ, это были двѣ художественныя натуры весьма различнаго склада: оба высоко ставили искусство, но одинъ былъ художественный созерцатель,—какъ замѣчалъ еще Шлегель, его творчество простиралось не только на поэтическое воспроизведеніе русской жизни, но и на поэзію „всеобщую“,—у котораго жизненные впечатлѣнія слагались въ объективныя художественныя картины; другой къ этой „всеобщей“ поэзіи былъ и равнодушенъ, и неспособенъ, его наблюденіе направлялось исключительно на окружающую его русскую дѣйствительность, и при томъ не въ смыслѣ объективнаго изображенія, а напротивъ, въ тонѣ глубокаго юмора, который останавливается на повседневныхъ явленіяхъ, и въ „смѣхѣ сквозь слезы“ раскрываетъ ихъ внутренній смыслъ, и отъ комическаго доходитъ до истинной трагедіи. Какъ неожиданна была для Пушкина встрѣча съ этою чертою творчества Гоголя, указываетъ извѣстный разговоръ Гоголя о впечатлѣніи, какое произвелъ на него первый очеркъ „Мертвыхъ Душъ“. „Когда я,—говоритъ Гоголь,—началъ читать Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ Душъ“,

въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣлся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: — Боже, какъ грустна наша Россія“. Такое же впечатлѣніе долженъ былъ произвести на Пушкина и „Ревизоръ“... Въ русскую литературу ярко и опредѣленно вступалъ новый тонъ искусства, и Пушкинъ былъ въ числѣ первыхъ, которые въ самомъ началѣ признали его законность и его сильное дѣйствіе. То же самое дѣйствіе было въ концѣ концовъ почувствовано читателями Гоголя: въ немъ увидѣли совершенно новую силу, и когда ея дѣйствіе оказалось на дальнѣйшихъ явленіяхъ литературы, то именно въ немъ многіе увидѣли начинателя нашего художественнаго реализма и юмора, которые придали нашей литературѣ по преимуществу общественный характеръ. За Пушкинымъ осталась великая заслуга установить на нашей почвѣ начала искусства; Гоголю предоставлено было открыть съ глубокимъ художественнымъ анализомъ изображеніе русской дѣйствительности.

Съ этимъ вопросомъ мы стоимъ на глубоко-знаменательномъ пунктѣ всей новой исторіи нашей литературы. Съ выходомъ „Мертвыхъ Душъ“ (1842) завершился первый великій періодъ этой исторіи, подведены были итоги дѣятельности цѣлаго ряда великихъ или замѣчательныхъ писателей, какими были Жуковский, Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ, цѣлаго ряда дарованій совершенно различнаго характера, настроеній, умственнаго и нравственнаго содержанія, силы которыхъ направлены были, однако, къ одной цѣли — раскрыть въ русской литературѣ возможность развитія того богатства національнаго духа, которое еще только угадывалось и проявленіе котораго ожидалось пока еще немногими восторженными умами. За этими итогами надо было ожидать дальнѣйшаго развитія того содержанія, которое было здѣсь указано или только намѣчено и должно было возбудить новую работу мысли и поэтическаго творчества. Такъ это и было впоследствии. Поэтому въ особенности любопытно и исторически важно выяснить этотъ новый поворотъ историческаго развитія, опредѣлить его дѣйствительные источники и тотъ основной мотивъ, который былъ господствующимъ въ самомъ началѣ и отозвался послѣ въ дальнѣйшихъ явленіяхъ литературы. Сложность этихъ явленій легко могла затемнить главный источникъ, изъ котораго онѣ почерпали свое опредѣленіе, и потому для историческаго рѣшенія было бы важно прослѣдить въ постепенномъ

развитіи эти явленія новой литературы въ связи съ ихъ antecedентами, прослѣдить и ихъ впечатлѣнія на общество по отзывамъ критики, въ тѣ годы внимательно слѣдившей за литературными интересами, которые были тогда единственными интересами общественнаго характера.

Извѣстно, что никто не встрѣтилъ Гоголя въ самомъ началѣ его дѣятельности съ такимъ сочувствіемъ и пониманіемъ, какъ тѣ молодые кружки тридцатыхъ годовъ, изъ которыхъ образовались замѣчательные представители общественной мысли сороковыхъ годовъ — писатели-художники, критики и публицисты обоехъ главныхъ лагерей тогдашней литературы. Это сочувствіе и пониманіе превращались въ настоящій восторгъ, когда вслѣдъ за первыми малорусскими повѣстями стали появляться новыя произведенія Гоголя все съ возрастающею глубиною общественнаго содержания.

Наиболѣе одушевленнымъ выразителемъ этого восторга былъ конечно Бѣлинскій. Еще въ 1835 году, въ разборѣ повѣстей Гоголя, онъ пишетъ: „Отличительный характеръ повѣстей Гоголя составляютъ — простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побуждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія. Причина всѣхъ этихъ качествъ заключается въ одномъ источникѣ: Гоголь — поэтъ, поэтъ жизни дѣйствительной“. Останавливаясь на впечатлѣніи повѣстей Гоголя, которыя, рассказывая о будничныхъ событіяхъ и пошлыхъ въ сущности людяхъ, способны глубоко взволновать наши чувства, Бѣлинскій говоритъ: „Вотъ оно, то божественное искусство, которое называется творчествомъ; вотъ онъ, тотъ художническій талантъ, для котораго гдѣ жизнь, тамъ и поэзія! И возьмите почти всѣ повѣсти Гоголя: какой отличительный характеръ ихъ? что такое почти каждая изъ его повѣстей? Смѣшная комедія, которая начинается глупостями, продолжается глупостями, и оканчивается слезами, и которая, наконецъ, называется жизнью. И таковы всѣ его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно! И такова жизнь наша: сначала смѣшно, потомъ грустно! Сколько тутъ поэзіи, сколько философіи, сколько истины!“ До какой степени восхищались Бѣлинскаго подробности этихъ повѣстей, можно судить, напримѣръ, по его шутовому восторгу отъ поручика Пирогова: „Пироговъ!.. Святители! да это цѣлая вѣста, цѣлый народъ, цѣлая нація! Единственный, несравненный Пироговъ, типъ изъ типовъ, первообразъ изъ первообразовъ! Ты многообъемлющѣ, чѣмъ Шайлокъ, многозначительнѣе, чѣмъ Фаустъ!

Ты представитель просвѣщенія и образованности всѣхъ людей, которые любятъ потолковать объ литературѣ, хвалятъ Булгарина, Пушкина и Греча, и говорятъ съ презрѣніемъ и остроумными колкостями объ А. А. Орловѣ. Да, господа, дивное слово — этотъ Пироговъ! Это символъ, мистическій миѳъ, это, наконецъ, кафтанъ, который такъ чудно ссороенъ, что придется по плечамъ тысячи человѣкъ!^а

Въ концѣ той же статьи Бѣлинскій дѣлаетъ уже такое заключеніе: „...Если я сказалъ, что Гоголь — поэтъ, я уже все сказалъ, я уже лишилъ себя права дѣлать ему судейскіе приговоры... Поэтъ — высокое и святое слово, въ немъ заключается неумирающая слава!... Но Гоголь еще только началъ свое поприще; слѣдовательно, наше дѣло высказать свое мнѣніе о его дебютѣ и о надеждахъ въ будущемъ, которыя подаетъ этотъ дебютъ. Эти надежды велики, ибо Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ. По крайней мѣрѣ, *въ настоящее время, онъ является главою литературы, главою поэтовъ, онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ*“¹⁾.

Эти слова, сказанныя въ 1835, чрезвычайно замѣчательны. Еще при жизни Пушкина, Бѣлинскій ставилъ Гоголя во главѣ русской литературы. Правда, въ тѣ годы могло казаться, что поэтическая дѣятельность Пушкина замолкла; не были извѣстны тѣ произведенія, которыми былъ Пушкинъ занятъ въ послѣдніе годы и которыя явились только въ посмертномъ изданіи черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его кончины; но Бѣлинскій и послѣ не отказался отъ своихъ словъ: такъ высоко было его представленіе о новой поэтической стихіи, внесенной Гоголемъ въ нашу литературу и заключающей, по его мнѣнію, богатые задатки будущаго плодотворнаго развитія.

Черезъ нѣсколько лѣтъ (1840), опредѣляя эстетическія свойства комедіи, по поводу „Горя отъ ума“, онъ посвящаетъ обширный эпизодъ „Ревизору“, этому „высоко художественному произведенію“, „превосходному произведенію искусства“, — но въ этомъ эпизодѣ Бѣлинскій, по его словамъ, могъ только „намекнуть“ на идею этой комедіи, „скрѣпя сердце и обуздывая руку“²⁾.

Съ появленіемъ „Мертвыхъ Душъ“, этого „великаго произведенія“, старыя надежды Бѣлинскаго сбылись. Въ русской литературѣ являлось произведеніе, которое еще разъ подтверждало жизненность русской литературы... Взглядъ Бѣлинскаго на русскую

¹⁾ Сочиненія, т. I. М. 1867, стр. 219, 228, 242.

²⁾ Тамъ же, стр. 385—410.

литературу и теперь былъ далеко не оптимистическій. „Мы уже не разъ говорили,—замѣчаетъ онъ,—что не вѣримъ существованію русской литературы, какъ выраженію народнаго сознанія въ словѣ, исторически развивавшагося; но видимъ въ ней прекрасное начало великаго будущаго, рядъ отрывочныхъ проблесковъ, яркихъ какъ молнія, широкихъ и размахистыхъ, какъ русская душа, но не болѣе, какъ проблесковъ. Все остальное, изъ чего слагается всѣдневная дѣятельность нашей литературы, имѣеть мало, или совсѣмъ не имѣеть отношенія къ этимъ проблескамъ, кромѣ развѣ того, какое отношеніе имѣеть тѣнь къ свѣту и мракъ къ блеску“¹⁾. Со смерти Пушкина Гоголь замолокъ и, казалось, навсегда; тѣмъ временемъ „успѣла взойти и погаснуть яркая звѣзда Лермонтова“, и затѣмъ въ литературѣ осталось полное ничтожество, ею овладѣло какое-то апатическое уныніе. „И вдругъ, среди этого торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности, среди этихъ пустоцвѣтовъ и дождевыхъ пугалъ литературныхъ, среди этихъ ребяческихъ затѣй, дѣтскихъ мыслей, ложныхъ чувствъ, фарисейскаго патриотизма, притворной народности,—вдругъ, словно освѣжительный блескъ молніи среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является твореніе чисто-русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патриотическое, беспощадно сдвигивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовью къ плодovitому зерну русской жизни; твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполнению, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта,— и въ то же время, *глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое*“. Впечатлѣніе „Мертвыхъ Душъ“ было такъ сильно, что Бѣлинскій прибавляетъ: „Въ „Мертвыхъ Душахъ“ авторъ сдѣлалъ такой великій шагъ, что все, доселѣ имъ написанное, кажется слабымъ и блѣднымъ въ сравненіи съ нимъ“.

Эти восторженные отзывы даютъ понятіе о томъ, какое могущественное дѣйствіе имѣли даже раннія произведенія Гоголя, когда Бѣлинскій, столь чуткій и строгій художественный критикъ, рѣшился еще при жизни Пушкина поставить Гоголя во главѣ русской литературы. Эти отзывы показываютъ также, что въ Гоголѣ въ особенности оцѣнено было именно то свойство его дарованія, которое вело къ психологическому анализу личному и обще-

¹⁾ Тамъ же, т. VI, изд. 2-е., стр. 405 и далѣе; ср. т. I, стр. 130.

ственному, являлось задаткомъ „соціальной“ литературы, — свойство, которымъ Гоголь рѣзко отдѣлился отъ Пушкина ¹⁾.

Извѣстно (и Бѣлинскій это указывалъ), что отношеніе читающей публики къ Гоголю было, однако, вовсе не единодушно: онъ имѣлъ столько же поклонниковъ, сколько и поряцателей. Эти послѣдніе состояли отчасти изъ романтиковъ и иныхъ читателей стараго вѣка, которымъ было искренно непонятно это постоянное обращеніе писателя къ пошлой дѣйствительности, по ихъ мнѣнію недостойной вниманія и унижающей „искусство“; отчасти это были читатели и критики, которые смотрѣли на сочиненія Гоголя, такъ сказать, съ полицейской точки зрѣнія, — они подозрѣвали, что сатира, затрогивающая мелкія области жизни, можетъ затронуть и болѣе крупныя и наконецъ подрывать довѣріе къ тому, что „все обстоитъ благополучно“... Повдоники Гоголя не смущались этимъ разногласіемъ и, напротивъ, видѣли въ немъ новое доказательство того, что въ Гоголѣ сказалась наконецъ сильная жизненная струя литературы...

Въ этомъ одушевленномъ и полномъ надежды взглядѣ на творчество Гоголя сошелся съ Бѣлинскимъ критикъ новаго литературнаго направленія, отчасти воспитавшійся на немъ, но уже независимый отъ него, Валеріанъ Майковъ ²⁾. Онъ — столь же высокаго мнѣнія о значеніи дѣятельности Гоголя, которая стала поворотнымъ пунктомъ въ развитіи литературы. Въ той статьѣ о Кольцовѣ (1846), гдѣ Майковъ устанавливалъ свои общіе взгляды на искусство и народность, мы читаемъ: „Силою своихъ талантовъ поэты наши сами образовывали новыхъ шеолы критиковъ... Развитие нашей литературы до появленія сочиненій Гоголя шло такъ гладко, такъ постепенно, что публика чрезвычайно легко переходила отъ однихъ требованій къ другимъ, отъ одной шеолы критики къ другой. Совершенное согласіе постоянно господствовало въ мнѣніяхъ и отношеніяхъ цѣлаго поколѣнія поэтовъ, читателей и критиковъ, и послѣдніе... не чувствовали большой нужды думать и писать о своихъ принципахъ. Появленіе „Мертвыхъ Душъ“ измѣнило этотъ монотонный порядокъ вещей: *неслышанная оригинальность* этого произведенія до того изумила всѣхъ, что почти

¹⁾ Замѣтимъ притомъ, что отзывы Бѣлинскаго о Гоголѣ вовсе не были безусловнымъ панегирикомъ. Не говоря о томъ, что въ 1835 онъ не весьма дружелюбно относится къ историческимъ и философскимъ затѣямъ Гоголя, онъ и послѣ находилъ извѣстные художественные недостатки не только въ повѣстяхъ Гоголя, но и въ самихъ „Мертвыхъ Душахъ“.

²⁾ Характеристику этого писателя см. въ „Критическихъ этюдахъ“ г. Арсеньева, т. II, стр. 244—293.

никто не рѣшался сразу признать въ немъ исполненіе общихъ законовъ художественности. А между тѣмъ сочувствіе къ Гоголевской манерѣ быстро возросло и дало начало новой школѣ искусства и критики. Эта новая школа, по своей рѣзкой противоположности съ прежними школами и по быстротѣ своего водворенія въ литературѣ, встрѣчаетъ столько же противодѣйствія, сколько и симпатіи. Такое положеніе дѣлъ въ литературномъ мірѣ произвело переворотъ въ мнѣніяхъ о сущности критики... Гоголь заставилъ насъ сдѣлать такой огромный и быстрый шагъ въ понятіяхъ объ искусствѣ или, лучше сказать, такъ переѣлалъ вкусъ цѣлой половины нашей публики, что она не можетъ выговорить передъ другою половиною двухъ словъ о литературѣ безъ того, чтобъ не почувствовать необходимости поднять споръ о самыхъ основныхъ эстетическихъ вопросахъ... *Созданная имъ школа быстро водворяется въ нашей литературѣ*; но дѣятельность ея бессознательна и смутна, потому что самъ Гоголь только увѣнчанъ, а не объясненъ критикой¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Вліяніе „Мертвыхъ Душъ“ на русское общество было такъ могущественно и животворно, что каждое слово, произнесенное по поводу этого гениальнаго произведенія, каждая безпкойная шутка, въ которой блеститъ самородное слово Гоголя, каждый ни къ чему не ведущій споръ о достоинствахъ величайшаго изъ его произведеній, о томъ, „все ли выведены у него карикатуры“ или „и еще что-нибудь“, „для смѣха ли все это написано“ или „и еще для чего-нибудь“, однимъ словомъ—всякое человѣческое движеніе, первымъ толчкомъ которому было появленіе „Мертвыхъ Душъ“, заслуживаетъ полнаго вниманія и заботливаго изученія. Иначе и быть не можетъ, по нашему мнѣнію. Свойство души человѣческой таково, что сочувствіе двухъ человѣкъ къ какому-нибудь предмету опредѣляетъ ихъ взаимныя нравственныя отношенія, хотя бы предметъ сочувствія былъ и маловажный. Чтѣ же сказать о сочувствіи къ произведенію, въ которомъ предсталъ намъ русскій человѣкъ въ образахъ до того строгихъ, могучихъ, до того проникнутыхъ невыдуманнми впечатлѣніями“...

Указавъ, съ какою удивительной силой и вмѣстѣ простотой Гоголь раскрывалъ самыя сокровенныя движенія души человѣка, какъ этимъ онъ обезпokoилъ, огорчилъ, наконецъ озлобилъ множество людей, не желавшихъ считаться ни съ личной, ни съ общественной совѣстью, а другимъ далъ отраду нравственнаго

¹⁾ В. Майковъ, „Критическіе опыты“. Спб. 1891, стр. 3—5.

сознанія, Валеріанъ Майковъ продолжаетъ: „Гоголь чуднымъ, небывалымъ разсказомъ своимъ расшевелилъ весь читающій людъ. Обнаруживаніе многихъ тайнъ человѣческой души, величіе подвига Гоголя въ первую минуту скорбно отозвалось въ сердцахъ... Увидѣлъ человѣкъ свое безсиліе: что съ такимъ стараніемъ разглядывалъ онъ цѣлый вѣкъ, то невыносимо сильное перо Гоголя очертило въ трехъ словахъ и тутъ же обличило бѣдныхъ аналитиковъ въ близорубости и неспособности къ устойчивому, спокойному созерцанію и изслѣдованію... Такимъ образомъ, съ одной стороны — безпокойство, недоумѣніе, досада, азартъ, съ другой стороны — восторгъ, умиленіе, благодарность и тоже своего рода нервное безпокойство росли съ каждымъ днемъ въ обществѣ. Зато и послѣдствія такого тревожнаго состоянія были велики“.

Эти слова опять чрезвычайно любопытны, какъ историческое свидѣтельство, идущее отъ писателя уже второго литературнаго поколѣнія, которое воспитывалось на Гоголѣ. Для этого поколѣнія „Мертвыя Души“, явившіяся лишь незадолго передъ тѣмъ, представлялись такимъ же многознаменательнымъ фактомъ, какимъ онѣ были для людей, видѣвшихъ первое вступленіе Гоголя на его поприще. Историческій интересъ этихъ отзывовъ заключается особенно въ томъ, что они относятся къ эпохѣ, когда была свѣжа сила перваго впечатлѣнія, но когда уже съ увѣренностью ожидалось благотворное вліяніе этого могущественнаго факта нашей художественной литературы; результаты вліянія были еще впереди или сказывались пока только общимъ, неопредѣленнымъ настроеніемъ; но ожиданіе, какъ мы сказали, было уже очень увѣренное, и дальнѣйшіе литературные факты вполне подтверждали эту увѣренность. Валеріанъ Майковъ такъ указываетъ эти первые симптомы вліянія произведеній Гоголя и въ частности „Мертвыхъ Душъ“: — „Глубокое сочувствіе, пробужденное „Мертвыми Душами“ къ изученію современной жизни, вызвало всѣхъ и cadaго на простую и разумную дѣятельность. Всѣ стали подрываться и подкапываться подъ свою дотогѣ дремотную и лѣнивую жизнь... Прошло четыре года послѣ перваго изданія „Мертвыхъ Душъ“, и до сихъ поръ нѣтъ никакой возможности развить здравую, живую мысль, не вспомнивъ десяти мѣстъ изъ этого неподражаемаго *ключа къ уразумѣнію современной намъ жизни*. Неумѣстно было бы говорить о вліяніи Гоголя на нашу литературу. Объ этомъ было говорено много и будетъ говориться еще больше. Лучшее доказательство огромнаго вліянія „Мертвыхъ Душъ“ на современное общество мы видимъ въ томъ, что хотя до сихъ поръ только и рѣчи было, что о Гоголѣ, а между тѣмъ

еще не существуетъ настоящаго критическаго разбора его произведенія. Иначе и быть не могло: всѣ были натолкнуты Гоголемъ на дѣятельность, всѣ ухватились за отрицаніе и въ дѣятельности своей пребыли вѣрны этому воззрѣнію. Чувство было слишкомъ сильно, и невозможно было требовать, чтобы причина беспокойства и стремительнаго перехода къ самому радикальному, самому беззавѣтному отрицанію была разобрана критически: фактъ угѣбительный въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ, какъ велико было вліяніе „Мертвыхъ Душъ“. Но если критика не взялась за этотъ неисчерпаемый предметъ изученія, зато ни одинъ читатель, по прочтеніи „Мертвыхъ Душъ“, не оставался пассивнымъ. Каждый вынесъ изъ книги Гоголя хотя одно живое слово, которымъ былъ вправѣ и ограничиться, повторяя его вѣчно и безпокоясь этимъ словомъ, какъ событіемъ, опредѣляющимъ его положеніе на свѣтѣ, его нравственную физиономію. Оказалась замѣчательная перемена не только въ литературныхъ понятіяхъ, но и въ разговорномъ языкѣ и, по нашему мнѣнію, въ самомъ быту живой половины нынѣшней публики“. Вообще „Мертвыя Души“ представляютъ „торжество русскаго анализа, анализа мощнаго, безтрепетно и торжественно спокойнаго“¹⁾. Результаты вліянія, по мнѣнію Майкова, выразились у людей болѣе серьезныхъ не только въ отрицаніи нѣкоторыхъ ненормальныхъ явленій жизни, но и въ стремленіи создать что-либо такое, что могло бы упрочить и обобщить въ публикѣ впечатлѣніе „Мертвыхъ Душъ“. Онъ относилъ сюда появленіе въ свѣтѣ, уже вскорѣ послѣ „Мертвыхъ Душъ“, нѣсколькихъ беллетристическихъ произведеній, „не лишенныхъ направленія“, затѣмъ попытку, хотя неудачную, перенести Чичикова на сцену, наконецъ предпринятый тогда альбомъ иллюстрацій къ „Мертвымъ Душамъ“.

Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и критика снова опредѣляетъ вопросъ о значеніи Гоголя. Основной смыслъ его произведеній понимался такъ же, какъ онъ былъ прежде объясненъ Бѣлинскимъ и В. Майковымъ. Вліяніе Гоголя успѣло обнаружиться не только въ общихъ впечатлѣніяхъ, на которыя указывалъ Валеріанъ Майковъ, но въ цѣломъ рядѣ литературныхъ фактовъ, на которыхъ несомнѣнно лежала печать внушеній Гоголя; образовался цѣлый отдѣлъ правоописательной литературы, который получилъ тогда названіе натуральной школы; вліяніе Гоголя можно было угадывать и въ крупныхъ явленіяхъ литературы, въ произведеніяхъ писателей, которымъ предстояло занять потомъ высокое

¹⁾ Тамъ же, стр. 251—255, 394.

мѣсто въ исторіи нашей литературы. Но все еще нужно было настаивать на этомъ объясненіи Гоголя, указывать и защищать то направленіе, какое было имъ дано русской литературѣ, какъ глубоко жизненное и необходимое для развитія общественнаго сознанія, наконецъ опредѣлить его значеніе относительно исторической роли Пушкина. Этотъ вопросъ поставленъ былъ авторомъ „Очерковъ Гоголевскаго періода русской литературы“ (въ 1855—1856). Онъ остановился на этомъ вопросѣ въ самомъ началѣ „Очерковъ“. Прежде всего, онъ иронически относился къ толкамъ о быстромъ развитіи нашей литературы, гдѣ въ столь короткій промежутокъ времени смѣнялись другъ друга такіа великіа литературныа силы, какъ Жуковский, Пушкинъ, Гоголь. „Сама собою представится мысль: правда, что за Жуковскимъ явился Пушкинъ, за Пушкиннымъ — Гоголь, и что каждый изъ этихъ людей вносилъ новый элементъ въ русскую литературу, расширялъ ея содержаніе, измѣнялъ ея направленіе: но что новаго внесено въ литературу послѣ Гоголя? И отвѣтомъ будетъ: Гоголевское направленіе до сихъ поръ остается въ нашей литературѣ единственнымъ сильнымъ и плодотворнымъ... а вѣдь двадцать лѣтъ прошло со времени появленія „Ревизора“, двадцать пять лѣтъ съ появленія „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“: — прежде, въ такой промежутокъ смѣнялись два-три направленія, нынѣ — господствуетъ одно и то же, и мы не знаемъ, скоро ли мы будемъ въ состояніи сказать: начался для русской литературы новый періодъ“. Эти мысли наводятъ автора на цѣлый рядъ вопросовъ, на которые не легко давался отвѣтъ: почему Гоголевскій періодъ продолжается такъ долго; быть можетъ, наше самосознаніе все еще занято разработкою Гоголевскаго содержанія, или напротивъ, пора было явиться въ нашей литературѣ новому направленію, но оно не является вслѣдствіе какихъ-нибудь постороннихъ обстоятельствъ; въ чемъ, наконецъ, должны были бы состоять отличительныа свойства направленія, которое возникнетъ и отчасти, хотя еще слабо, нерѣшительно, уже возникаетъ изъ Гоголевскаго направленія; почему не являются люди, которые были бы выразителями новаго направленія? — Авторъ прерываетъ свои размышленія и вопросы, вспомнивъ, что подобныа вопросы, и съ отвѣтами, даны были у Гоголя въ „Запискахъ сумасшедшаго“ — о томъ, куда дѣвался испанскій король... Русскою литературою овладѣла бессильная нерѣшительность; лишь немногіа произведенія, явившіяся послѣ Гоголя, могутъ казаться залогоми будущаго развитія, и авторъ желалъ думать, что если въ его собственномъ трудѣ сколько-нибудь отразится начало движенія,

выразившееся въ этихъ произведеніяхъ, этотъ трудъ будетъ не совершенно лишень „предчувствія о болѣе полномъ и глубокомъ развитіи русской литературы“. Но онъ съ полной увѣренностью давалъ своему труду то достоинство, что этотъ трудъ былъ порождень „глубокимъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ тому, чтд было благороднаго, справедливаго и полезнаго въ русской литературѣ и критикѣ“, къ тому прошлому, которое казалось тогда уже древностью, но которое — „только потому древность, что забыто отсутствіемъ убѣжденій или кичливостью и въ особенности мелочностью чувствъ и понятій“.

Съ этой точки зрѣнія, поражаясь бесиліемъ и нерѣшительностью настоящаго, авторъ обращался къ изученію „Гоголевскаго періода“, потому что въ этомъ прошломъ заключено много такого, чтд можетъ живительно дѣйствовать на упавшій уровень литературы. Припомнимъ, что рѣчь идетъ о періодѣ нашей литературы 1848—1855 г., одномъ изъ самыхъ тяжелыхъ въ ея новѣйшей исторіи. Имя Бѣлинскаго не могло быть даже названо въ первыхъ статьяхъ „Очерковъ“ и его значеніе объяснялось безъименно: таковы слѣдующіе за этимъ намеки... „И чтд же дѣлать, — спрашиваетъ авторъ, — если этотъ падающій можетъ опереться на гробы? И надобно еще спросить себя, точно ли мертвецы лежатъ въ этихъ гробахъ? Не живые ли люди похоронены въ нихъ? По крайней мѣрѣ, не гораздо ли болѣе жизни въ этихъ покойникахъ, нежели во многихъ людяхъ, называющихся живыми? Вѣдь если слово писателя одушевлено идеею правды, стремленіемъ къ благотворному дѣйствию на умственную жизнь общества, это слово заключаетъ въ себѣ сѣмена жизни, оно никогда не будетъ мертво. И развѣ много лѣтъ прошло съ того времени, когда эти слова были высказаны? Нѣтъ; и въ нихъ еще столько свѣжести, онѣ еще такъ хорошо приходятся къ потребностямъ настоящаго времени, что кажутся сказанными только вчера. Источникъ не иссякаетъ оттого, что, лишившись людей, хранившихъ его въ чистотѣ, мы по небрежности, по легкомыслию, допустили завалить его хламомъ пустословія. Отбросимъ этотъ хламъ, — и мы увидимъ, что въ источникѣ еще живымъ ключемъ бьетъ струя правды, могущая, хотя отчасти, утолить нашу жажду“.

Для автора Гоголь остается великимъ руководящимъ лицомъ русской литературы. „Мы называемъ Гоголя безъ всякаго сравненія величайшимъ изъ русскихъ писателей, по значенію. По нашему мнѣнію, онъ имѣлъ полное право сказать слова, безмѣрная гордость которыхъ смутила въ свое время самыхъ жаркихъ его поклонниковъ, и которыхъ неловкость понятна и намъ: „Русь! Чего ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таятся

между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ *все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?*“ Онъ имѣлъ полное право сказать это, потому что какъ ни высоко цѣнимъ мы значеніе литературы, но все еще не цѣнимъ его достаточно: она неизмѣримо важнѣе почти всего, чтò ставится выше ея. Байронъ въ исторіи человѣчества лицо едва ли не болѣе важное, нежели Наполеонъ, а вліяніе Байрона на развитіе человѣчества еще далеко не такъ важно, какъ вліяніе многихъ другихъ писателей, и давно уже не было въ мірѣ писателя, который былъ бы такъ важенъ для своего народа, какъ Гоголь для Россіи“.

Указавъ старое мнѣніе Бѣлинскаго, что Гоголь былъ отцомъ русской прозаической литературы, какъ Пушкинъ — отцомъ русской поэзіи, авторъ прибавляетъ, что кромѣ того Гоголь доставилъ прозѣ рѣшительный перевѣсъ надъ поэзіею, что въ этомъ онъ не имѣлъ ни предшественниковъ, ни помощниковъ и ему одному наша проза обязана своимъ существованіемъ и всѣми своими успѣхами. Но авторъ предвидитъ возраженія: развѣ можно забывать о прозаическихъ произведеніяхъ Пушкина? „Нельзя, — говоритъ онъ, — но, во-первыхъ, онѣ далеко не имѣютъ того значенія въ исторіи литературы, какъ его сочиненія, писанныя стихами: „Капитанская Дочка“ и „Дубровский“ — повѣсти, въ полномъ смыслѣ слова превосходныя; но укажите, въ чемъ отразилось ихъ вліяніе? гдѣ школа писателей, которыхъ было бы можно назвать послѣдователями Пушкина, какъ прозаика? А литературныя произведенія бывають одолжены значеніемъ не только своему художественному достоинству, но также (или даже еще болѣе) своему вліянію на развитіе общества или, по крайней мѣрѣ, литературы. Но главное — Гоголь явился прежде Пушкина, какъ прозаика. Первыми изъ прозаическихъ произведеній Пушкина (если не считать незначительныхъ отрывковъ) были напечатаны „Повѣсти Бѣлина“ въ 1831 г.; но всѣ согласятся, что эти повѣсти не имѣли большого художественнаго достоинства. Затѣмъ, до 1836 года, была напечатана только „Пиковая дама“ (въ 1834 году) — никто не сомнѣвается въ томъ, что эта небольшая пьеса написана прекрасно, но также никто не припишетъ ей особенной важности. Между тѣмъ, Гоголемъ были напечатаны „Вечера на хуторѣ“ (1831—1832), „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ (1833), „Миргородъ“ (1835) — то-есть, все, чтò впоследствии составило двѣ первыя части его сочиненій: кромѣ того, въ „Арабескахъ“ (1835) — „Портретъ“, „Невскій проспектъ“, „Записки сумасшедшаго“. Въ 1836 году Пушкинъ напечаталъ „Капитанскую Дочку“ — но въ

томъ же году явился „Ревизоръ“, и кромѣ того, „Коляска“, „Утро дѣловаго человѣка“ и „Носъ“. Такимъ образомъ, большая часть произведеній Гоголя, и въ томъ числѣ „Ревизоръ“, были уже извѣстны публикѣ, когда она знала еще только „Пиевову даму“ и „Капитанскую Дочку“ („Арапъ Петра Великаго“, „Лѣтопись села Горохина“, „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“ были напечатаны уже въ 1837 г., по смерти Пушкина, а „Дубровский“ только въ 1841)—публика имѣла довольно времени привыкнуться произведеніями Гоголя прежде, нежели познакомилась съ Пушкинымъ, какъ прозаикомъ“.

Въ теоретическомъ отношеніи обѣ формы имѣютъ, конечно, свои преимущества, но съ исторической точки зрѣнія тѣ періоды, когда господствовала форма поэтическая, далеко уступаютъ въ значеніи для искусства и жизни послѣднему, Гоголевскому періоду, когда господствовала проза. Нельзя сказать, чтобы Гоголь не имѣлъ предшественниковъ въ томъ направленіи содержанія, которое называютъ сатирическимъ: въ этомъ смыслѣ могутъ считаться его предшественниками Грибоѣдовъ въ „Горѣ отъ ума“ и Пушкинъ въ „Евгеніи Онегинѣ“. „И однако, — говоритъ авторъ, — несмотря на высокія достоинства и огромный успѣхъ комедіи Грибоѣдова и романа Пушкина, должно приписать исключительно Гоголю заслугу прочнаго введенія въ русскую изящную литературу сатирическаго — или, какъ справедливѣе будетъ называть его, критическаго направленія“. Несмотря на восторгъ, произведенный комедію Грибоѣдова, она осталась одинокимъ явленіемъ безъ замѣтнаго вліянія: гений Грибоѣдова былъ не такъ великъ, чтобы однимъ произведеніемъ приобрести господство въ литературѣ, и онъ былъ заслоненъ Пушкинымъ и его плеядой. Что касается сатирическаго элемента въ произведеніяхъ Пушкина, этотъ элементъ почти совершенно пропалъ въ общей художественности, лишенной опредѣленнаго направленія, и сатирическія замѣтки романа исчезали для читателя, не предрасположеннаго впередъ, потому что составляли и на самомъ дѣлѣ только второстепенную долю содержанія романа.

„Такимъ образомъ, — говоритъ авторъ, — несмотря на проблески сатиры въ „Онегинѣ“ и блестящія филиппики „Горя отъ ума“, критическій элементъ игралъ въ нашей литературѣ до Гоголя второстепенную роль. Да и не только критическаго, но и почти никакого другого опредѣленнаго элемента нельзя было отыскать въ ея содержаніи, если смотрѣть на общее впечатлѣніе, производимое всею массою сочиненій, считавшихся тогда хорошими или превосходными, а не останавливаться на немногихъ исключеніяхъ,

которые, являясь случайными, одиночными, не производили замѣтной перемены въ общемъ духѣ литературы... Многихъ не удовлетворяетъ содержаніе Пушкинской поэзіи, но у Пушкина было во сто разъ больше содержанія, нежели у его сподвижниковъ, взятыхъ вмѣстѣ. Форма была у нихъ почти все, подъ формою не найдете у нихъ почти ничего“.

Итакъ, „за Гоголемъ остается заслуга, что онъ первый далъ русской литературѣ рѣшительное стремленіе къ содержанію, и притомъ стремленіе въ столь плодотворномъ направленіи, какъ критическое. Прибавимъ, что Гоголю обязана наша литература и самостоятельностью. За періодомъ чистыхъ подражаній и передѣлокъ, какими были почти всѣ произведенія нашей литературы до Пушкина, слѣдуетъ эпоха творчества, нѣсколько болѣе свободнаго. Но произведенія Пушкина все еще очень близко напоминаютъ или Байрона, или Шекспира, или Вальтера-Скотта... То ли теперь?“ И авторъ замѣчаетъ, что повѣсти Гончарова, Григоровича, Л. Н. Т. (подъ этими буквами былъ извѣстенъ тогда Л. Н. Толстой), Тургенева, комедіи Островскаго уже нисколько не наводятъ на мысль о заимствованіи: „ничья литературная личность не представляется вамъ двойникомъ какого-нибудь другого писателя, ни у кого изъ нихъ не выглядывалъ изъ-за плечъ другой человекъ, подсказывающій ему—ни о комъ изъ нихъ нельзя сказать: „сѣверный Диккенсъ“, или „русскій Жоржъ-Сандъ“, или „Теккерей сѣверной Пальмиры“. Только Гоголю мы обязаны этою самостоятельностью, только его творенія своею высокою самобытностью подняли нашихъ даровитыхъ писателей на ту высоту, гдѣ начинается самобытность“.

Но основаніе плодотворнѣйшаго направленія и самостоятельности въ литературѣ составляетъ еще не все общественное и литературное значеніе Гоголя. „Онъ пробудилъ въ насъ сознаніе о насъ самихъ—вотъ его истинная заслуга, важность которой не зависитъ отъ того, первымъ или десятымъ изъ нашихъ великихъ писателей должны мы считать его въ хронологическомъ порядкѣ“... При томъ, „Гоголь важенъ не только какъ гениальный писатель, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ глава школы—единственной школы, которую можетъ гордиться русская литература,—потому что ни Грибоедовъ, ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, ни Кольцовъ не имѣли учениковъ, которыхъ имена были бы важны для исторіи русской литературы. Мы должны убѣдиться, что вся наша литература, насколько она образовалась подъ влияніемъ нечужеземныхъ писателей, примыкаетъ къ Гоголю, и только тогда представится намъ въ полномъ размѣрѣ все его значеніе для русской литературы“.

Найдутся люди, которымъ такая оцѣнка Гоголя покажется слишкомъ высокою. „Это потому,—продолжаетъ авторъ,—что до сихъ поръ еще остается много людей, возстающихъ противъ Гоголя. Литературная судьба его въ этомъ отношеніи совершенно различна отъ судьбы Пушкина. Пушкина давно уже всѣ признали великимъ, неоспоримо великимъ писателемъ; имя его—священный авторитетъ для каждаго русскаго читателя и даже не-читателя, какъ, напримѣръ, Вальтеръ-Скоттъ авторитетъ для каждаго англичанина, Ламартинъ и Шатобрианъ—для француза, или, чтобы перейти въ болѣе высокую область, Гете—для нѣмца. Каждый русскій есть почитатель Пушкина, и никто не находитъ неудобнымъ для себя признавать его великимъ писателемъ, потому что поклоненіе Пушкину не обязываетъ ни къ чему, пониманіе его достоинствъ не обуславливается никакими особенными качествами характера, никакимъ особеннымъ настроеніемъ ума ¹⁾. Гоголь, напротивъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, любовь къ которымъ требуетъ одинаковаго съ ними настроенія души, потому что ихъ дѣятельность есть служеніе опредѣленному направленію нравственныхъ стремленій“... „Гоголю многимъ обязаны тѣ, которые нуждаются въ защитѣ; онъ сталъ во главѣ тѣхъ, которые отрицаютъ злое и пошлое. Потому онъ имѣлъ славу возбудить во многихъ вражду къ себѣ. И только тогда будутъ всѣ единогласны въ похвалахъ ему, когда исчезнетъ все пошлое и низкое,“ „противъ чего онъ боролся!“ ²⁾

Отношеніе автора „Очерковъ“ къ произведеніямъ Гоголя, и къ его личности отвѣчало указанному высокому представленію объ историческомъ значеніи этого писателя для русской литературы и общества. Авторъ старается объяснить глубину внесеннаго имъ содержанія и находить слова оправданія и примиренія даже тамъ, гдѣ Гоголь впадалъ, подъ конецъ жизни, въ свои печальныя заблужденія. Мы видѣли вмѣстѣ съ тѣмъ, что авторъ

¹⁾ Выше мы замѣчали, что вскорѣ послѣ того, какъ это было сказано, „появился новый складъ мнѣній—за и противъ Пушкина. Нашлись противники того взгляда, который ставилъ такъ высоко общественное значеніе Гоголя въ нашей литературѣ, и они нашли нужнымъ противопоставить этому возвеличенію, будто бы унижаемой этимъ, чистой художественности Пушкина. По складу тогдашнихъ литературныхъ отношеній, эта защита получила и въ общественномъ смыслѣ какъ бы консервативный характеръ. Отвѣтомъ на это были, позднѣе, упомянутыя статьи Писарева. Замѣтимъ впрочемъ, что авторъ „Очерковъ Гоголевскаго періода“ не имѣлъ ничего общаго съ Писаревымъ, что впрочемъ старательно избѣгали признать его противники—тогда и донныѣ.

²⁾ Очерки Гоголевскаго періода русской литературы („Современникъ“ 1855—1856 гг.). Спб. 1892, стр. 1—22.

ожидаетъ отъ нашей литературы дальнѣйшаго развитія тѣхъ за-вѣтовъ, какіе заключались въ произведеніяхъ Гоголя, и на него производилъ тяжелое впечатлѣніе тотъ застой, какой наступилъ въ нашей литературѣ въ послѣднихъ сороковыхъ и первыхъ пятидесятихъ годахъ.

Болѣе молодой критикъ, выступившій въ литературѣ черезъ два-три года и воспитавшійся подъ вліяніемъ автора „Очерковъ“, но болѣе требовательный и суровый, Добролюбовъ сохранилъ то же отношеніе къ историческому значенію Гоголя, но вносилъ еще больше страстнаго юношескаго ожиданія новыхъ успѣховъ нашей литературы въ томъ направленіи, указаніемъ котораго служили произведенія Гоголя. Добролюбовъ уже замѣтно холоднѣе къ Пушкину, то-есть къ чистой художественности, далекой отъ общественнаго содержанія, иногда какъ бы совсѣмъ къ нему равнодушной, и вмѣстѣ съ тѣмъ молодой критикъ еще повышаетъ требованія отъ литературы современной, для которой это общественное содержаніе онъ считаетъ обязательнымъ не только по требованіямъ художественнымъ, но и по общественному долгу. Въ одной изъ своихъ раннихъ статей („О степени участія народности въ развитіи русской литературы“) Добролюбовъ возстаетъ противъ весьма распространеннаго мнѣнія о широкомъ вліяніи литературы на общество. „Книжные приверженцы литературы, — говоритъ онъ, — очень горячатся за нее, считая прекрасныя литературныя произведенія началомъ всякаго добра. Они готовы думать, что литература заправляетъ исторіей, что она измѣняетъ государства, волнуется или укрощаетъ народъ, передѣлываетъ даже нравы и характеръ народный; особенно поэзія, — о, поэзія, по ихъ мнѣнію, вноситъ въ жизнь новые элементы, творитъ все изъ ничего“. На самомъ дѣлѣ созданія фантазіи такъ и остаются въ области фантастическихъ призраковъ и не переходятъ въ дѣйствительность. Въ преданіяхъ древняго міра и въ произведеніяхъ среднихъ вѣковъ способны остановить наше вниманіе только тѣ части ихъ, въ которыхъ отразилась живая дѣйствительность, гдѣ видна жизнь своего времени и рисуется міръ человѣческой души съ особенностями народной жизни данной эпохи. „Поэзія и вообще искусства, науки, — слагаются по жизни, а не жизнь зависитъ отъ поэзіи, и все, что въ поэзіи является лишнимъ противъ жизни, т.-е. не вытекающимъ изъ нея прямо и естественно, все это уродливо и бессмысленно. Что отжило свой вѣкъ, то уже не имѣетъ смысла, и напрасно мы будемъ стараться возбудить въ душѣ восхищеніе красотой лица, отъ котораго имѣемъ только голый черепъ. Боги грековъ могли быть прекрасны въ древней Греціи, но

они гадки во французскихъ трагедіяхъ и въ нашихъ одахъ прошлаго столѣтія. Рыцарскія воззванія среднихъ вѣковъ могли увлечь сотни тысячъ людей на брань съ невѣрными, для освобожденія святыхъ мѣстъ; но тѣ же воззванія, повторенныя въ Европѣ XIX в., не произвели бы ничего, кромѣ смѣха". Если думаютъ иногда, что жизнь пошла по литературнымъ убѣжденіямъ, то это иллюзія, которая происходитъ отъ того, что мы часто въ первый разъ замѣчаемъ на литературѣ движеніе, которое незамѣтно для насъ уже совершается въ обществѣ. Но если литература отвѣчаетъ на вопросы жизни тѣмъ, что находитъ въ той же самой жизни, то, съ другой стороны, она много помогаетъ сознательности и ясности стремленій въ обществѣ. „Въ этомъ случаѣ—литература незамѣнима. По нашему мнѣнію, она можетъ принести здѣсь гораздо болѣе пользы, чѣмъ даже открытія, публичныя совѣщанія. Совѣщанія эти во всякомъ случаѣ должны имѣть болѣе или менѣе частный характеръ, и кромѣ того, въ нихъ слишкомъ много страстности, импровизація нерѣдко замѣняетъ строго-последовательное разсужденіе и рѣшеніе. Литературныя разсужденія имѣютъ характеръ всеобщности: ихъ можетъ читать вся Россія. Кромѣ того въ литературномъ изложеніи пылъ перваго увлеченія непременно сглаживается и мѣсто его необходимо заступаетъ спокойная обдуманность, хладнокровное соображеніе мнѣній разныхъ сторонъ и выводъ строго логическій, свободный отъ впечатлѣній минуты. Здѣсь роль литературы чрезвычайно важна, и великость ея значенія ослабляется въ этомъ случаѣ только малостью круга, въ которомъ она дѣйствуетъ". Литература существуетъ у насъ для крайне ограниченнаго числа читателей между десятками миллионѣвъ, не имѣющихъ о ней никакого понятія...

Съ такими соображеніями Добролюбовъ приступалъ къ вопросу о возможномъ вліяніи литературы и общественномъ значеніи нашихъ писателей. Конечно, выводъ получался мало утѣшительный. Съ этой точки зрѣнія онъ судилъ, напримѣръ, и о нашей литературѣ прошлаго вѣка, и строгость его приговоровъ могла быть исторически умѣрена уже тѣмъ соображеніемъ, что литература XVIII-го вѣка выросла прямо на почвѣ XVII-го столѣтія... Но если литература могла, по его мнѣнію, приобретать большую важность, когда общественное сознаніе было уже пробуждено, то тѣмъ строже онъ смотрѣлъ на обязанности писателя и тѣмъ радостнѣе встрѣчалъ тѣ явленія литературы, въ которыхъ художественное творчество отвѣчало жизненной правдѣ и могло служить общественному сознанію: съ такой любовью онъ изучалъ,

напримѣръ, Островскаго, нѣкоторыя произведенія Тургенева и Гончарова.

Съ своей точки зрѣнія онъ менѣе удовлетворенъ Гоголемъ, чѣмъ его предшественники. Сказавъ о томъ, въ какой мѣрѣ общественные вопросы находили отвѣтъ въ произведеніяхъ Пушкина, онъ говоритъ: „Болѣе силъ нашелъ въ себѣ Гоголь, котораго значеніе въ исторіи русской литературы не нуждается уже въ новыхъ объясненіяхъ. Но и онъ не смогъ идти до конца по своей дорогѣ. Изображеніе пошлости жизни ужаснуло его; онъ не созналъ, что эта пошлость не есть удѣлъ народной жизни, не созналъ, что ее нужно до конца преслѣдовать, нисколько не опасаясь, что она можетъ бросить дурную тѣнь на самый народъ. Онъ захотѣлъ представить идеалы, которыхъ нигдѣ не могъ найти; онъ, не въ состояніи будучи шагнуть черезъ Пушкина до Державина, шагнулъ назадъ до Карамзина: его Муравовъ есть повтореніе Фрола Силина, благодѣтельнаго крестьянина, его Уленька — блѣдная копія съ блѣдной Лизы. Нѣтъ, и Гоголь не постигъ вполне, въ чемъ тайна русской народности, и онъ перемѣшалъ хаосъ современнаго общества, кое-какъ изнашивающаго лохмотья взятой взаимы цивилизаціи, съ стройностью простой, чисто народной жизни, мало испорченной чуждыми вліяніями и еще способной къ обновленію на началахъ правды и здраваго смысла“. Для Добролюбова еще болѣе, чѣмъ для его предшественниковъ, дѣятельность Гоголя, кромѣ его непосредственной заслуги, представляется какъ завѣтъ новымъ литературнымъ поколѣніямъ вести дальше изученіе народной жизни. „Гоголь хотя въ лучшихъ своихъ созданіяхъ очень близко подошелъ къ народной точкѣ зрѣнія, но подошелъ безсознательно, просто художической оцѣнкой. Когда же ему растолковали, что теперь ему надо идти дальше и уже всѣ вопросы жизни пересмотрѣть съ той же народной точки зрѣнія, оставивши всякую абстракцію и всякіе предрасудки, съ дѣтства привитые въ нему ложнымъ образованіемъ, тогда Гоголь самъ испугался; народность представилась ему бездной, отъ которой надобно отбѣжать поскорѣе, и онъ отбѣжалъ отъ нея и предался отвлеченнѣйшему изъ занятій—идеальному самоусовершенствованію. Несмотря на то, художическая его дѣятельность оставила глубокіе слѣды въ литературѣ, и отъ нынѣшняго направленія можно ожидать чего-нибудь хорошаго, потому что нынѣшніе дѣятели начинаютъ явно стыдиться своего отчужденія отъ народа и своей отсталости во всѣхъ современныхъ вопросахъ“¹⁾.

Такимъ образомъ историческая оцѣнка Гоголя осложнилась

¹⁾ Сочиненія. Спб. 1862, т. I, стр. 498 и далѣе, 541, 550—551.

новыми тревожными заботами литературы, передъ которой уже возникали вопросы „эпохи реформъ“; стали строже требованія къ самому Гоголю, но онъ по прежнему остается родоначальникомъ той литературы, которая должна была отвѣчать общественнымъ вопросамъ времени.

То же высокое представленіе объ исторической роли Гоголя, какъ возбудителя новѣйшей литературы, мы найдемъ, въ пятидесятихъ годахъ, у писателя совершенно иного склада и направленія. Это былъ Аполлонъ Григорьевъ, человѣкъ старшаго поколѣнія, восторженный идеалистъ, поклонникъ чистаго искусства, изъ тѣхъ людей, которые именно считаютъ прекрасныя литературныя произведенія началомъ всякаго добра. Онъ принадлежалъ, какъ и естественно, къ величайшимъ поклонникамъ Пушкина, и когда возникалъ, пока еще въ самыхъ общихъ чертахъ, вопросъ объ относительномъ значеніи Пушкина и Гоголя въ установленіи новѣйшей литературы, Аполлонъ Григорьевъ говорилъ такъ: „Пушкинъ—наше все: Пушкинъ—представитель всего нашего *душевною, особенною*, такого, что остается нашимъ *душевымъ, особеннымъ* послѣ всѣхъ столкновеній съ чужимъ, съ другими мірами. Пушкинъ—пока единственный полный очеркъ нашей народной личности, самородокъ, принимавшій въ себя—при всевозможныхъ столкновеніяхъ съ другими особенностями и организмами—все то, что принять слѣдуетъ, отбрасывавшій все, что отбросить слѣдуетъ, полный и цѣльный, но еще не красками, а только контурами набросанный образъ народной нашей сущности,—образъ, который мы долго еще будемъ отгнать красками. Сфера душевныхъ сочувствій Пушкина не исключаетъ ничего до него бывшаго и ничего, что послѣ него было и будетъ правильнаго и органически—нашего.... Это—нашъ самобытный типъ, уже мѣрившійся съ другими европейскими типами, проходившій сознаниемъ тѣ фазисы развитія, которые они проходили, но боровшійся съ ними сознаниемъ, но вынесшій изъ этого процесса свою физиологическую, типовую самостоятельность... Въ немъ одномъ, какъ нашемъ единственномъ цѣльномъ гениѣ, заключается правильная художественно-нравственная мѣра, мѣра уже дознанная, уже окрѣпшая въ различныхъ столкновеніяхъ. Въ его натурѣ—очерками обозначились наши фізіономическія особенности полно и цѣльно, хотя еще безъ красокъ,—и *все современное литературное движеніе* есть только наполненіе красками рафаэлевски-правдивыхъ и изящныхъ очерковъ“¹⁾.

¹⁾ Сочиненія Аполлона Григорьева, т. I, Сиб. 1876, стр. 238—239 и далѣе, до стр. 255 (Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина, 1859).

Между тѣмъ тотъ же критикъ за нѣсколько лѣтъ раньше, ставя вопросъ о современной изящной литературѣ и ея исходной исторической точкѣ, говорилъ слѣдующее: „Каждая литературная эпоха имѣетъ своего главнаго представителя, отъ котораго, какъ отъ исходнаго пункта, ведетъ она свое начало. Въ немъ, какъ въ фокусѣ, совмѣщаются ея художественныя и моральныя задачи, она живетъ подъ его могущественнымъ вліаніемъ, она вся представляетъ собою, такъ сказать, периферію его личности. Новое слово сказано имъ, и это новое слово толкуется, поясняется болѣе или менѣе даровитыми послѣдователями. Новая стезя пробивается гениемъ, и только расширяется, очищается талантами. Такимъ *гениемъ литературной эпохи*, которую переживаемъ мы до сихъ поръ, по всей справедливости можетъ быть названъ Гоголь. Все, что есть *дѣйствительно живого* въ явленіяхъ современной изящной словесности, *идетъ отъ него*, поясняетъ его, или даже поясняется имъ. Цѣльная, полная художественная натура Гоголя, такъ сказать, развѣтвляется въ различныхъ сторонахъ современной словесности“. Объяснивъ затѣмъ художественную особенность Гоголя, чтобы прослѣдить 'его вліаніе въ современной литературѣ, критикъ повторяетъ опять: „Отъ Гоголя ведетъ свое начало весь тотъ многообразный, болѣе или менѣе удачный разносторонній анализъ явленій повседневной, окружающей насъ дѣйствительности,—стремленіе къ которому составляетъ собою законъ настоящаго литературнаго процесса; *все, что есть живого въ произведеніяхъ современной словесности, отсюда ведетъ свое начало*“. Онъ говоритъ дальше, что при обзорѣ современной литературы по отношенію къ „исходной точкѣ“, то-есть къ Гоголю — „тѣмъ яснѣе обозначится вѣрность того положенія, что все живое въ явленіяхъ современной словесности происходитъ отъ толчка, произведеннаго дѣятельностью Гоголя,—положенія, которое повторяемъ уже не разъ, и не устанемъ повторять, твердо убѣжденные въ его истинѣ“¹⁾.

Наши крупные писатели той поры, когда совершалось это руководящее вліаніе Гоголя, почти не оставили указаній о развитіи ихъ художественнаго творчества, о тѣхъ жизненныхъ и литературныхъ воздѣйствіяхъ, которыя опредѣляли ихъ литературныя и общественныя взгляды, ихъ писательскую манеру,—главнымъ свидѣтельствомъ остаются ихъ произведенія; но еслибы имѣлись такія автобіографическія показанія, нѣтъ сомнѣнія, что мы встрѣтились бы съ фактомъ сильнаго впечатлѣнія, испытан-

; ¹⁾ Писано въ 1852. Тамъ же, стр. 8—21.

наго отъ произведеній Гоголя. Выше мы привели одно подобное свидѣтельство въ словахъ Валеріана Майкова, и это свидѣтельство подтвердили бы тѣ значительнѣйшіе писатели, которые пережили свою юность въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ. Безъ сомнѣнія, они точно также восхищались Гоголемъ, какъ восхищался Бѣлинскій, и вмѣстѣ съ этимъ въ ихъ умѣ и въ ихъ чувствѣ зарождалось и укрѣплялось то настроеніе общественное и нравственное, какое неизбѣжно должны были внушать произведенія Гоголя... Между прочимъ именно этой порѣ принадлежало образованіе нѣсколькихъ сильныхъ дарованій, которыя стали потомъ въ первомъ ряду нашей литературы. Это были дарованія сильные и самобытныя; эти писатели не могли стать только подражателями, но въ общемъ тонѣ ихъ взгляда на вещи, въ направленіи ихъ творчества могли тѣмъ не менѣе жить и развиваться тѣ первыя впечатлѣнія, какія сопровождали ихъ юность, могло отразиться то цѣлое общественное впечатлѣніе, какое произвелъ Гоголь и о которомъ мы имѣли столько свидѣтельствъ. Такимъ свидѣтельствомъ является и извѣстная небольшая статья, написанная Тургеневымъ подѣ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Гоголя, статья, которая навлекла на автора арестъ и ссылку въ деревню. „Гоголь умеръ!—писалъ тогда Тургеневъ.—Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова?.. Да, онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго мы теперь имѣемъ право, горькое право, данное намъ смертію, назвать великимъ; человѣкъ, который своимъ именемъ означилъ эпоху въ исторіи нашей литературы; человѣкъ, которымъ мы гордимся, какъ одной изъ славъ нашихъ!“ Судьба этой небольшой статьи чрезвычайно характерна. Тургеневъ замѣчаетъ, что о ней тогда же кто-то весьма справедливо сказалъ, что нѣтъ богатаго купца, о смерти котораго журналы не отозвались бы съ большимъ жаромъ; но сказать такія слова объ одномъ изъ величайшихъ русскихъ писателей подѣ первымъ чувствомъ тяжелой потери было преступленіемъ для петербургской цензуры, хотя статья могла быть безъ всякихъ затрудненій напечатана въ Москвѣ, безъ сомнѣнія подѣ близкимъ влияніемъ настроенія московскаго общества, когда на похоронахъ Гоголя присутствовалъ самъ Закревскій въ андреевской лентѣ. Въ преслѣдованіи статьи Тургенева обнаружилось, до какой степени рѣзко противорѣчили другъ другу мнѣнія двухъ сторонъ общества и какъ велико было дѣйствіе Гоголя. Значеніе его произведеній указывалось, повидимому, только въ чисто литературной области, съ художественной и лично нравственной точки зрѣнія, но приверженцы застоя, поклонники теоріи: „все об-

стоитъ благополучно“, партизаны сильно распространеннаго тогда напыщеннаго и въ существѣ грубо фальшиваго патриотизма, почувствовали и возненавидѣли въ Гоголѣ новое общественное начало, разрушавшее этотъ старый застой и лицемеріе и призывавшее къ общественной правдѣ... Въ этомъ и заключалось великое нравственное значеніе Гоголя. Негодованіе, вызванное „Перепиской съ друзьями“, указало, какъ высоко болѣе просвѣщенная часть общества цѣнила въ Гоголѣ именно это стремленіе къ общественной правдѣ и какъ прискорбно и оскорбительно для нравственнаго чувства было желаніе писателя подорвать лучшее дѣло его собственной жизни и одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій общественнаго сознанія. Нечего говорить о томъ, на которой сторонѣ могли быть сочувствія Тургенева. Объ этомъ значеніи Гоголя онъ говорилъ въ лекціи о Пушкинѣ, прочитанной имъ въ 1859 году и въ отрывкахъ помѣщенной въ его „Литературныхъ воспоминаніяхъ“. Чтобы опредѣлить дѣйствіе, произведенное Гоголемъ, Тургеневъ вспоминаетъ ту особую литературную школу, дѣйствовавшую всего болѣе въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, которую онъ называетъ „ложно-величавой“. Въ 1859 г. Тургеневъ даже въ немногочисленномъ обществѣ, въ которомъ онъ читалъ свою лекцію, не рѣшился назвать имена дѣателей литературы и искусства, создавшихъ эту школу, и называлъ ихъ уже позднѣе, въ изданіи своихъ сочиненій: это были имена Марлинскаго, Кувольнича, Загоскина, Бенедиктова, Брюлова, Каратыгина и др. Вторженіе этой школы въ общественную жизнь,—замѣчаетъ Тургеневъ,—продолжалось не долго, „хотя отраженіе ея въ сферахъ, менѣе подвергнутыхъ анализу критики, чѣмъ собственно литературная художественная сфера, не прекратилось и до сихъ поръ“. „Оно продолжалось недолго—но что было шума и грома!.. Нѣкоторые изъ ея дѣателей сами добродушно признавали себя за геніевъ. Со всѣмъ тѣмъ, что-то не истинное, что-то мертвенное чувствовалось въ ней даже въ минуты ея кажущагося торжества—и ни одного живого, самобытнаго ума она себѣ не покорила... Произведенія этой школы, проникнутыя самоувѣренностью, доходившей до самохвальства, посвященныя возвеличиванію Россіи во что бы то ни стало, въ самой сущности не имѣли ничего русскаго: это были какія-то иностранныя декораціи, хлопотливо и небрежно воздвигнутыя патриотами, не знавшими своей родины. Все это гремѣло, кичилось, все это считало себя достойнымъ укрѣпленіемъ великаго государства и великаго народа, а часъ паденія приближался“. Тургеневъ былъ однимъ изъ величайшихъ поклонниковъ Пушкина,

но онъ соглашается, что низверженіе этой школы достигнуто было не Пушкинымъ: только послѣ, по его словамъ, произведенія Пушкина могли одержать побѣду своей собственной красотой „сопоставленіемъ этой красоты и силы съ безобразіемъ и слабостью того ложно-величаваго призрака“, но въ первое время, чтобы разоблачить пустоту этого призрака, нужны были „другія орудія, другія, болѣе пронзительныя силы—силы байроническаго лиризма, который уже являлся у насъ однажды, но поверхностно и не серьезно, силы критики, юмора. И онѣ не замедлили явиться. Въ сферѣ художества заговорилъ Гоголь, съ нимъ Лермонтовъ; въ сферѣ критики, мысли—Бѣлинскій“. „Подъ совокупными усиліями этихъ трехъ, едва ли знакомыхъ другъ другу дѣятелей,—продолжаетъ Тургеневъ,—рухнула не только та литературная школа, которую мы назвали ложно-величавою, но и многое другое, устарѣлое и недостойное, обратилось въ развалины. Побѣда была рѣшена скоро. Въ то же время умалилось и поблекло вліяніе самого Пушкина, того Пушкина, имя котораго такъ было дорого самимъ нововодителямъ, которое они обружали такою полною любовью. Идеаль, которому они служили—сознательно или безсознательно (Гоголь, какъ извѣстно, до конца отъ него отчурался и отбѣживался)—идеаль этотъ не могъ ужиться съ Пушкинскимъ идеаломъ, на зло имъ самимъ... Время чистой поэзіи прошло такъ же, какъ и время ложно-величавой фразы, наступило время критики, полемики, сатиры... „Торевато Тассо“ Букольника, „Рука Всевышняго“—исчезли, какъ мыльные пузыри; но и „Мѣднымъ Всадникомъ“ нельзя было любоваться въ одно время съ „Шинелью“...“ Въ рѣчи Тургенева слѣдовала затѣмъ „довольно подробная“ характеристика Гоголя и Лермонтова ¹⁾, которая оканчивалась такимъ выводомъ: „Сила независимой, критикующей, протестующей личности возстала противъ фальши, противъ пошлости—а на какой ступени общества тогда не царила пошлость?—противъ того ложно-общаго, неправедно-узаконеннаго, что не имѣло разумныхъ правъ на подчиненіе себѣ личности“ ²⁾.

Такъ высоко цѣнили Гоголя современники и ближайшее потомство. Только одинъ Пушкинъ вызывалъ подобное признаніе великой исторической заслуги, съ тою разницею, что когда Пушкинъ восхваляенъ былъ какъ высокій объективный художникъ, иногда въ неопредѣленномъ, трудно-уловимомъ по своему смыслу

¹⁾ Кажется, не выяснено до сихъ поръ, сохранилась ли вполнѣ эта рѣчь 1859 года.

²⁾ Полное собраніе сочиненій Тургенева, 3-е изд. Сиб. 1891, т. X: „Литературныя Воспоминанія“.

панегиривѣ (какъ было, напр., у Аполлона Григорьева, позднѣе у Достоевскаго), у Гоголя указывались наглядные результаты его дѣла, и эти результаты, быть можетъ, гораздо менѣе были эстетическіе, чѣмъ нравственные и общественные.

Это признаніе принадлежало одинаково и поклонникамъ чистаго искусства, и приверженцамъ искусства общественнаго. Тѣ и другіе одинаково находили великую заслугу въ художествѣ, которое успѣло затронуть глубокія стороны нашей общественности и личнаго нравственнаго сознанія; тѣ и другіе восторгались въ то же время рѣдкими чисто художественными достоинствами произведеній, которыя въ яркихъ очертаніяхъ создавали цѣлый рядъ характеристическихъ, чисто русскихъ типовъ,—дѣйствительно до той поры невиданныхъ въ русской поэзіи: имена Гоголевскихъ героев переходили въ нарицательныя названія; его фразы становились пословицами; тогдашняя литературная рѣчь и обыкновенный разговоръ были пересыпаны Гоголемъ; его типы дѣлались яснымъ намекомъ на бытовые отношенія, не только мелкія, но и крупныя. Никому не приходило въ голову восхищаться въ этомъ писателѣ однимъ чистымъ художествомъ, потому что, гдѣ онъ касался современной жизни, его картины были слишкомъ сильнымъ, настоящимъ общественнымъ поученіемъ.

Такимъ образомъ, какъ бы ни спорили потомъ теоретики о чистомъ искусствѣ или искусствѣ общественномъ, которое для пущаго опроверженія и уничтоженія называли „прикладнымъ“, „утилитарнымъ“, „тенденціознымъ“, споръ рѣшался здѣсь историческимъ фактомъ,—и въ концѣ концовъ споръ становился безплоднымъ, потому что смыслъ факта бросался въ глаза. Если могло и имѣло право существовать „чистое“ искусство („всеобщая поэзія“, какъ выражался нѣкогда Плетневъ), съ тѣмъ же правомъ могло существовать и искусство общественное: разница была только въ томъ, что первое витало въ исключительной области содержанія, метафизической или исторической, могло оставаться объективнымъ и въ общественномъ смыслѣ индифферентнымъ, отгоняя прочь толпу; второе имѣло слишкомъ крѣпкіе корни въ самой жизни и потому само вмѣшивалось въ жизнь, которая въ концѣ концовъ только и можетъ быть предметомъ истиннаго одушевленія, источникомъ и цѣлью фантазіи и нравственнаго сознанія. Въ этомъ дѣйствительно была великая разница между Пушкинымъ и Гоголемъ, въ которыхъ нерѣдко и не безъ основанія олицетворяли эти два теченія искусства въ нашей литературѣ. Вся возвышенность Пушкинской поэзіи,—которой историческое значеніе въ большой мѣрѣ опредѣлялось тѣмъ, что она была у

насъ первымъ явленіемъ своего рода, была открытіемъ,—вся возвышенность этой поэзіи не могла сообщить ей того поражающаго и увлекающаго дѣйствія, какое сразу получила поэзія Гоголя. Пушкинъ совершилъ свое дѣло: исторически, задачей его было завоевать въ русской жизни право искусства, самостоятельное достоинство поэзіи, потому что до тѣхъ поръ въ нравственно-общественномъ содержаніи нашей жизни для поэзіи, собственно говоря, еще не было мѣста,—хотя бывало уже не мало поэтовъ даже прославленныхъ, какъ вѣкогда Ломоносовъ, какъ позднѣе Державинъ, какъ самъ Жуковский, но поэзія все еще не выходила въ понятіяхъ массы изъ своего служебнаго положенія; она должна была или воспѣвать эту жизнь, какъ нѣчто совершенное, дополняя стихами официальную реляцію, или доставлять пріятное и „невинное“ развлеченіе,—и только съ Пушкинымъ поэзія поднялась въ понятіяхъ общества на высоту, которая подобала ей, какъ великой силѣ нравственной природы и вмѣстѣ выраженію національнаго бытія. Гоголь былъ послѣ него второю историческою ступеню. Онъ явился съ новымъ, въ высокой степени серьезнымъ и задумчивымъ приложеніемъ этого искусства къ жизненной дѣйствительности, какъ она представлялась его нравственному и художественному складу. Мы видѣли раньше, до какой степени художественное творчество Гоголя было врожденнымъ, естественнымъ, полусознательнымъ дѣломъ его природы, до какой степени былъ силенъ въ немъ инстинктъ, предчувствіе, которое давало ему, еще юношѣ, увѣренность, что онъ призванъ совершить что-то великое. Это внутреннее настроеніе, которое онъ всю жизнь такъ старательно охранялъ отъ чужого взгляда, было именно внушеніе гениальнаго дарованія: оно свободно было отъ той шеольной искусственности, которая до такой степени тяготѣла тогда надъ нашей поэзіей, въ видѣ преданій ложнаго классицизма или произвольныхъ причудъ, перенятаго у другихъ, романтизма и въ сущности чрезвычайно мѣшала свободному и ясному взгляду на жизнь и извращала само художественное изображеніе,—и тѣмъ больше это настроеніе открыто было непосредственнымъ впечатлѣніямъ жизни и свободному проявленію юмора, который, какъ мы замѣчали, является у Гоголя впервые руководящей стихіей поэтическаго творчества. Благодаря всему этому, могли быть достигнуты необыкновенные результаты этого творчества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Гоголь,—хотя его знаніе исторической и этнографической стороны русской жизни было несравненно слабѣе, чѣмъ у Пушкина,—далъ, однако, несравненно большее богатство яркихъ типовъ и изображеній. Мы видѣли, какое поражающее впечат-

лѣніе онъ произвелъ: въ самомъ дѣлѣ, искусство въ первый разъ подошло вплотъ къ самой жизни, не только затронуло фантазію животрепещущимъ воспроизведеніемъ знакомыхъ всѣмъ картинъ и освѣтило ихъ смѣхомъ, но и возбуждало къ нравственному самонаблюденію и затронуло почти невѣдомые раньше тревожные вопросы общественности.

Въ развитіи нашей общественности это было, наконецъ, необходимо. Съ конца прошлаго вѣка она нѣсколько разъ подступала къ этимъ насущнымъ вопросамъ, но попытки разбудить общественное сознаніе, ограничиваясь слишкомъ тѣснымъ кругомъ болѣе образованныхъ людей и производя извѣстное дѣйствіе въ этомъ тѣсномъ кругу, почти не выходили за его предѣлы и для массы общества оставались бесплодными. Условія и теперь были весьма мало благоприятны. Повидимому, русская литература имѣла уже цѣлый рядъ славныхъ писателей, цѣлый рядъ литературныхъ направленій, которыя вели другъ съ другомъ ожесточенную борьбу, но въ тѣ самые годы, когда Гоголь начиналъ свою художественную дѣятельность, молодой Бѣлинскій, также только-что начинавшій свою дѣятельность критическую, на первыхъ шагахъ этой дѣятельности приходилъ къ печальному выводу, что „у насъ нѣтъ литературы“, т.-е. литературы, заслуживающей этого имени, литературы съ свободнымъ и широкимъ искусствомъ, отвѣчающимъ національной жизни; онъ радовался, однако, этому выводу, потому что онъ былъ первымъ сознаніемъ истиннаго значенія литературы и предстоящихъ ей задачъ... Въ самомъ дѣлѣ, не будемъ преувеличивать съ этой точки зрѣнія истинныхъ размѣровъ нашей литературы, численности общества, способнаго принимать ее къ сердцу, степени серьезности вопросовъ, какіе оставались для нея доступны. Тридцатые и сами знаменитые сороковые года не были ни старой эпохой Возрожденія, ни эпохой Лессинга и Гердера, Шиллера и Гёте, не были временемъ какого-либо сильнаго увлеченія вопросами науки и искусства, смѣлыхъ порывовъ мысли и художественнаго творчества; самый гениальный талантъ, каковъ былъ, напр., талантъ Пушкина, встрѣчалъ, вѣдь очень тѣснаго круга людей, обладавшихъ истиннымъ пониманіемъ, только скромный, нерѣдко убогій уровень понятій, едва выходявшихъ изъ элементарнаго обученія, а кромѣ того и самъ дѣйствовалъ подъ указкой „угрюмаго сторожа музъ“ (а такимъ сторожемъ бывалъ тогда, напр., умалишенный Красовскій)... Странное и нерѣдко крайне прискорбное зрѣлище представляли эти порыванія гениальнаго творчества, или восторженныя проявленія общественнаго чувства, остановленныя китайской стѣной полнаго непониманія и,

наконецъ, гложущія въ душѣ самого писателя... Въ этихъ условіяхъ передъ писателемъ, которому дана была гениальная сила творчества и истиннѣе общественности, являлась задача, чрезвычайно трудная и, однако, необходимая, пробудить среди неподвижныхъ формъ давняго застоя ту сознательную нравственную жизнь, при которой въ сущности только и возможно было возникновеніе истиннаго искусства не „для немногихъ“, а для всей общественной массы, которой коснулось образованіе,—если въ тѣ времена невозможно было и думать о томъ, чтобы приобщить къ интересамъ мысли и искусства самый народъ, тогда, въ той или другой формѣ, крѣпостной, патриархально невѣжественный, нерѣдко одичалый.

Фактъ охлажденія къ Пушкину около тридцатыхъ годовъ объясняемъ былъ тѣмъ, что общество не понимало новыхъ художественныхъ стремленій поэта, но также и тѣмъ, что общество не встрѣчало у него отвѣта на свои ближайшіе запросы. Въ самомъ дѣлѣ, если тѣмъ временемъ толпа увлекалась Марлинскимъ, Кукольникомъ, Бенедиктовымъ, то болѣе образованная и чуткая доля общества, вѣроятно, тяготилась видимымъ или предполагаемымъ индифферентизмомъ прославленнаго поэта; но должно вспомнить еще, что именно въ эти годы стали появляться произведенія Гоголя, отвѣчавшія этому, у однихъ сознательному, у другихъ инстинктивному исчавію: первыя петербургскія повѣсти и вскорѣ за ними „Ревизоръ“. Мы видѣли, что еще до появленія „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь былъ поставленъ Бѣлинскимъ во главѣ новой русской литературы.

Съ этого дѣйствительно должно считать новый періодъ нашей литературы: дѣятельность ея совершается подъ вліяніемъ Гоголя, или онъ является самымъ сильнымъ выраженіемъ охватившаго ее направленія. Это произошло не безъ различнаго рода столбчатостей и борьбы. Любопытно прежде всего, что Гоголь поставленъ былъ критикой во главѣ нашей литературы раньше, чѣмъ можно было указать какое-нибудь положительное вліяніе его на русскихъ писателей. Еще шелъ споръ о достоинствѣ самыхъ произведеній Гоголя; онъ вызывалъ противъ себя ожесточенныя нападенія критики старыхъ литературныхъ школъ и негодованіе тѣхъ людей въ обществѣ, которымъ его сатира казалась непозволительнымъ вольнодумствомъ,—приверженцы Гоголя думали иначе: они предчувствовали, что писатель такой силы не можетъ не произвести переворота въ цѣлой литературѣ. Ихъ предчувствіе оправдалось.

Дѣйствіе Гоголя на послѣдующую литературу, безусловно признаваемое нашей критикой, до сихъ поръ не было, однако, изучено съ точностью. Аполлонъ Григорьевъ, изслѣдуя явленія нашей литературы около 1850 года, вообще находилъ въ нихъ особенное господство двухъ элементовъ, именно, Гоголя и Лермонтова, и по его мнѣнію, они распались на три группы: такія произведенія, гдѣ взята только форма Гоголевскаго творчества, а сущность міросозерцанія — Лермонтовская; далѣе, такія, гдѣ Гоголевскій юморъ отдѣленъ отъ стремленія въ идеалу и господствуетъ одинъ, доходя до самыхъ крайнихъ причудъ и странностей; наконецъ такія, которыя, слѣдуя пути, проложенному Гоголемъ, посвяты, однако, признаки самобытности, хотя не представляютъ разрѣшенія никакихъ новыхъ задачъ¹⁾. Это соединеніе влияній Гоголя и Лермонтова не подлежитъ сомнѣнію, но преобладающимъ оставалось, однако, то впечатлѣніе, какое сдѣлано было произведеніями Гоголя. Съ сороковыхъ годовъ характеръ нашей литературы существенно измѣняется. Во-первыхъ, съ внѣшней стороны: поэмы въ стихахъ, которыя вѣкогда бывали главными литературными событіями, становятся рѣдкостью, и напримѣръ, Тургеневъ, который еще начиналъ такими поэмами, впоследствии не хотѣлъ слышать о нихъ и не давалъ имъ мѣста въ собраніяхъ своихъ сочиненій; одно время на стихи воздвигнуто было настоящее гоненіе; основною формою литературы становится повѣсть, затѣмъ романъ и рѣже — драма (особенно комедія). Форма повѣсти устанавливается у насъ еще со временъ Карамзина, даже нѣсколько раньше; она проходила различныя видоизмѣненія въ видѣ повѣсти нравоописательной, исторической, романтической, достигала большого изящества у Пушкина, — и нѣкоторымъ критикамъ казалось, что повѣсть Пушкина уже заключала въ себѣ всѣ элементы ея дальнѣйшаго развитія; но, всматриваясь ближе въ характеръ и содержаніе этой дальнѣйшей повѣсти, необходимо заключить, что ея основные мотивы даны были именно Гоголемъ съ тою долею Лермонтовскаго влиянія, на которое указывалъ Аполлонъ Григорьевъ. Если въ нашей повѣсти все больше и, наконецъ, окончательно падаетъ романтическая ходульность, вызывающая теперь насмѣшку или полное равнодушіе, причиною этого паденія былъ Гоголь; если въ повѣсти, романѣ, комедіи все сильнѣе сказывается стремленіе къ реальному изображенію жизни, это опять былъ реализмъ не столько Пушкинскій, объективный и спокойный, сколько именно Гоголевскій, схватывающій яркія черты,

¹⁾ Сочиненія Ал. Григорьева, стр. 19 и далѣе.

иногда рѣзкій и какъ будто преувеличенный, притомъ не эпически спокойный, а соединенный съ элементами юмора и сатиры; въ бытовыхъ картинкахъ, которыя становятся особливо обильны послѣ Гоголя, мы постоянно встрѣчаемся съ его приемами. Но главное, въ чемъ обнаружилось вліяніе Гоголя и чего нельзя отнести къ дѣйствию Пушкина и даже Лермонтова, было то общее настроеніе, какое внушали произведенія Гоголя, и первый примѣръ котораго мы упомянули выше, говоря о впечатлѣніяхъ Пушкина, когда онъ выслушалъ первый очеркъ „Мертвыхъ Душъ“. Это впечатлѣніе испытала потомъ цѣлая масса читателей, которые способны были отдать себѣ отчетъ въ проходившихъ передъ ними изображеніяхъ дѣйствительности: это впечатлѣніе создало Гоголю пламенныхъ поклонниковъ и непримиримыхъ враговъ. По самой силѣ своей оно не могло пройти безслѣдно и дѣйствительно отразилось въ литературѣ, и тамъ, гдѣ мы можемъ внѣшнимъ образомъ усмотрѣть отраженія Гоголевской манеры, и тамъ, гдѣ ихъ, повидимому, и на самомъ дѣлѣ не было. Это самимъ Гоголемъ прямо невысказанное, впоследствии имъ даже отвергаемое, но тѣмъ не менѣе, глубоко проникающее его произведенія, настроеніе было именно критическое отношеніе къ жизни. Еще при жизни Гоголя понятое какъ основной смыслъ всей его дѣятельности ¹⁾, оно было сильно именно тѣмъ, что глубокимъ психологическимъ анализомъ оно будило и личное нравственное сознаніе, и безошаднымъ изображеніемъ дѣйствительности будило совѣсть общественную, заставляло задумываться о цѣломъ порядкѣ вещей. Въ главахъ современниковъ „Ревизоръ“ былъ „одна изъ самыхъ отрицательныхъ комедій, какія когда-либо появлялись на сценѣ“, по выраженію Тургенева, и едва-ли еще не болѣе отрицательной „поэмой“ являлись „Мертвыя Души“, —ничего подобнаго русская литература не видала ни раньше, ни даже до сихъ поръ. Сознательно и бессознательно русскіе писатели надолго остались подъ этимъ впечатлѣніемъ, и это критическое отношеніе къ жизни осталось главнымъ свидѣтельствомъ художественныхъ вліяній Гоголя.

Быть можетъ, не случайно именно съ сороковыхъ годовъ въ нашей литературѣ возникаетъ цѣлый рядъ первостепенныхъ дарованій весьма различнаго характера и направившихъ свою дѣятельность на различныя области искусства. Имена этихъ писателей вводятъ насъ въ новѣйшій, послѣ-Гоголевскій, періодъ на-

¹⁾ Напомнимъ рассказъ Тургенева о разговорѣ съ Гоголемъ по поводу „Переписки съ друзьями“. Полное собраніе сочиненій, т. X, стр. 69—70.

шей литературы, который еще не вполне завершился дониндѣ. Это были писатели, которые окончательно установили самостоятельность нашей литературы и, наконецъ, доставили ей независимое и почетное мѣсто въ кругу литературы европейской. Сила ихъ дарованій должна была впередъ ручаться, что они не могутъ стать пассивными подражателями, и дѣйствительно, мы лишь рѣдко найдемъ у нихъ подробности, ясно указывающія на Гоголя (хотя бывало и это), но зато общій тонъ ихъ содержанія и тѣ стороны жизни, которыя становились предметомъ ихъ изображеній, укажутъ первоначальный источникъ, изъ котораго шло ихъ настроеніе. Этотъ общій тонъ—критическій; ихъ мотивы—изображеніе житейской пошлости, подавляющей нравственную жизнь, защита людей и цѣлыхъ общественныхъ классовъ, угнетаемыхъ безсердечіемъ и самыми общественными формами, указаніе высокаго человѣческаго достоинства или права человѣческой личности въ самыхъ скромныхъ существованіяхъ, забытыхъ условіями жизни, наконецъ изображеніе того внутреннего страданія, которое выпадаетъ на долю людей, сознающихъ жизненную неправду и пытающихся на бессильную борьбу. Такіе отголоски Гоголя мы найдемъ въ изобиліи у Тургенева—въ „Запискахъ Охотнива“ и затѣмъ въ цѣломъ характерѣ его дѣятельности, посвященной всего болѣе изображенію общественнаго разлада; у Достоевскаго, первыя произведенія котораго сплошь навѣяны Гоголемъ; въ первыхъ повѣстяхъ Григоровича; въ первыхъ рассказахъ Салтыкова; въ комедіяхъ Островскаго и т. д. Вліяніе Гоголя точно также ощутительно и тамъ, гдѣ писатели, повидимому, выходили за предѣлы его темъ, какъ, напр., въ тѣхъ рассказахъ изъ народнаго быта, которые особенно размножаются съ пятидесятыхъ годовъ и уже начинаютъ идеализировать содержаніе этого быта не безъ нѣкотораго ущерба реальной правды, но и эта идеализація извѣстнымъ образомъ связана съ тою проповѣдью чело-вѣчности, какая заключалась въ произведеніяхъ Гоголя; какъ съ другой стороны въ томъ же Гоголѣ находилъ опору тотъ нѣсколько сухой, разсудочный реализмъ, какой мы встрѣтили у Писемскаго и самого Гончарова. Если въ той долѣ нашей повѣсти, которая посвящена была изображенію разлада личности съ обществомъ, исторіямъ „лишнихъ людей“ и т. п., продолжалось до извѣстной степени преданіе Онѣгина и особливо Печорина, то нельзя, однако, не видѣть, что самая картина условій этого разлада становится опредѣленнѣе,—дѣйствительность введена въ литературу гораздо больше, чѣмъ это бывало прежде.

Но какъ бы высоко мы ни цѣнили художественное и нрав-

ственное вліяніе Гоголя, было бы большой односторонностью выводить дальнѣйшее развитіе нашей литературы только изъ данныхъ нашего собственнаго искусства. Преимущественно съ тѣхъ же тридцатыхъ и особливо сороковыхъ годовъ развивается новый рядъ идей, которыя нашли свое выраженіе въ литературѣ и оказали свое воздѣйствіе на ея содержаніе. Это были новыя приобрѣтенія въ наукѣ и новыя вліянія литературы западно-европейской.

До тридцатыхъ годовъ русская наука, исключая только разработку русской исторіи, почти не существовала. Университеты находились, собственно говоря, въ весьма плачевномъ состояніи и продолжали приобѣгать къ вызову иностранныхъ профессоровъ, которые нерѣдко такъ и не выучивались русскому языку; между русскими учеными огромное большинство были очень недалеки въ своей наукѣ; даже прославленные профессора, въ предметахъ, ближе всего касавшихся литературы, какъ Мераляковъ, не имѣли понятія о новомъ движеніи въ области поэзіи и искусства, и довольствовались старинными теоріями, давно отжившими свое время въ Европѣ. Поэтому, историку нашей литературы до сороковыхъ годовъ почти не приходится упоминать о какомъ-либо взаимодѣйствіи нашей науки и нашей поэтической литературы. Писатели почти безъ исключенія— „всѣ учились по-немногу, чему-нибудь и какъ-нибудь“, и самые сильные таланты, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, или довольствовались скудной школой и опытомъ предшествующей литературы, или воспитывали свое вдохновеніе на европейской поэзіи, иногда совсѣмъ пренебрегали домашнимъ литературнымъ преданіемъ (какъ Лермонтовъ) и, наконецъ, относительно русской жизни, исторіи, народности, ограничены были тѣмъ запасомъ, какой давали непосредственныя встрѣчи съ жизнью. Только необычайное дарованіе давало возможность этимъ писателямъ угадывать истинный путь русской поэзіи, и всего болѣе замѣчательна въ этомъ отношеніи дѣятельность Гоголя, который всего меньше подчинялся западнымъ вліяніямъ, очень мало и только изъ вторыхъ рукъ зная объ европейской литературѣ. Отсутствие сколько-нибудь зрѣлой русской науки, очевидно, не было особенно благоприятно для успѣховъ литературы: въ обществѣ, въ средѣ котораго дѣйствовали писатели, не было ни прочныхъ понятій, ни интересовъ, какіе возбуждаетъ наука, и въ существенныхъ вопросахъ собственной исторіи, общественности, народной жизни, наконецъ самого искусства, литература не имѣла твердой почвы, на которую могла бы опереться, и колебалась въ случайно собранныхъ понятіяхъ, въ поверхностно воспринятыхъ теоріяхъ...

Съ тридцатыхъ годовъ можно было предвидѣть въ этомъ отношеніи сильную переѣну. Мы говорили выше, какою увлекающей новизною были нѣкогда въ московскомъ университетѣ философскія чтенія Павлова; съ тѣхъ поръ интересъ къ философіи не прерывался, и въ тридцатыхъ годахъ молодое поколѣніе въ кружкѣ Станкевича перешло отъ Шеллинга къ Гегелю и принялось строить на немъ свое эстетическое и общественное міровоззрѣніе. Постройка шла не безъ увлеченій и ошибокъ, но, несмотря на то, была великимъ шагомъ впередъ, потому что этимъ путемъ впервые приобреталось прочное міровоззрѣніе, въ которомъ въ особенности выяснены были теоретическія положенія объ искусствѣ и положены основанія художественной критики. Замѣчательнымъ критикомъ этой школы сталъ Бѣлинскій. Плодотворность этой критики оказалась уже вскорѣ распространеніемъ сознательныхъ эстетическихъ понятій, которое дало первую прочную мѣру оцѣнки произведеній литературы, научало понимать истинныя красоты поэтическихъ созданій и разоблачало эстетическое ничтожество той фальшивой реторики въ классическомъ и романтическомъ стилѣ, какая въ тѣ времена еще пользовалась у насъ большимъ успѣхомъ; съ другой стороны, эта критика была полезна и начинающимъ писателямъ, побуждая ихъ строже относиться къ своему труду, уважая, въ чемъ должно состоять истинное достоинство художественнаго произведенія. Эта система понятій объ искусствѣ собралась сначала вокругъ Станкевича, потомъ вокругъ Бѣлинскаго цѣлую группу молодыхъ писателей, соединенныхъ общимъ міровоззрѣніемъ, которое въ концѣ концовъ стало не только эстетическимъ, но и общественнымъ... Въ то же время, рядомъ съ кружкомъ молодыхъ гегельянцевъ образовался другой кружокъ, поставившій себѣ совсѣмъ инныя задачи; предметомъ его интереса съ самаго начала стали вопросы общественныя, именно социализмъ, тогда только-что возникавшій въ крайне отвлеченныхъ, иногда чисто фантастическихъ формахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызывавшій къ политическому и политико-экономическому изученію. Во главѣ этого кружка стоялъ Герценъ ¹⁾. Два кружка образовались и существовали независимо одинъ отъ другого, тѣмъ болѣе, что кружокъ Герцена былъ вскорѣ разсѣянъ ссылкой; но они знали другъ о другѣ и потомъ встрѣтились, но встрѣтились враждебно, что и выразилось непріязненною встрѣчей Бѣлинскаго съ Герценомъ. Въ то время, какъ первый по Гегелю доказывалъ

¹⁾ Изъ друзей Бѣлинскаго одинъ, по его собственному указанію, такъ же увлекался въ тридцатыхъ годахъ социализмомъ; это былъ самъ В. П. Водкинъ.

разумность дѣйствительности, второй по социализму и политической исторіи доказывалъ, напротивъ, необходимость критики и, когда критика требовала, необходимость отрицанія этой дѣйствительности. Бѣлинскій не долго оставался на своей точкѣ зрѣнія и, исчерпавъ ее, тѣмъ съ большимъ жаромъ сталъ на противоположную точку зрѣнія, — философія Гегеля, въ извѣстныхъ толкованіяхъ, давала возможность къ тому и другому. Въ сороковыхъ годахъ Бѣлинскій, уже вполне согласный съ прежними противниками, видѣлъ въ литературѣ уже не одно, такъ сказать, стихійное проявленіе художества, но также отраженіе состоянія общества и, въ рукахъ высокаго таланта, раскрывающаго явленія жизни, — великое воспитательное средство. Герценъ въ своей литературной дѣятельности, применивши къ кругу Бѣлинскаго, вносилъ въ защиту тѣхъ же идей свое многостороннее образованіе и блестящій литературный талантъ. Литературные интересы сравнительно съ прежнимъ чрезвычайно расширились: къ вопросамъ чистой эстетики присоединились вопросы историческіе, экономическіе; самъ Бѣлинскій познакомился съ новыми социалистическими ученіями; писатели европейскіе понимались не только въ ихъ художественныхъ достоинствахъ, но и въ ихъ общественномъ значеніи, — Бѣлинскій измѣняетъ теперь многія изъ своихъ прежнихъ мнѣній, нѣпримѣръ о Шиллерѣ, о „французахъ“, которыхъ прежде не любилъ, и т. д. Къ послѣднимъ сороковымъ годамъ взгляды кружка Бѣлинскаго составили довольно опредѣленную систему мнѣній, гдѣ къ прежнему, прочно воспитавшемуся эстетическому вкусу, присоединилось требованіе общественнаго значенія литературы, то, что называли „утилитарнымъ“ взглядомъ на искусство. Эта система мнѣній, дававшая впервые болѣе или менѣе опредѣленное пониманіе литературы въ связи съ исторіей и интересами общественными, становилась образомъ мыслей цѣлой значительной части образованнаго круга.

Далѣе, въ тѣ же годы и, въ основѣ, изъ того же гегельянскаго источника развилась другая школа, которая въ концѣ сороковыхъ годовъ сформировалась въ такъ называемое славянофильство, въ противоположность такъ называемому западничеству Бѣлинскаго, Герцена и ихъ друзей. Мы имѣли не однажды случаи говорить объ этомъ движеніи и замѣтимъ только, что по своимъ главнымъ положеніямъ оно во многихъ случаяхъ совершенно расходилось съ западничествомъ, но заключало также рядъ понятій, которыя не мало послужили къ расширенію общественнаго самосознанія. Не говоря о богословскихъ положеніяхъ славянофильства, развитыхъ главнымъ образомъ Хомяковымъ и комментированныхъ

Ю. Самаринимъ, — которыя, впрочемъ, тогда скрывались еще подъ спудомъ, — укажемъ въ особенности высокое представленіе о національной сущности русскаго народа, которая предполагала для него высокое историческое предназначеніе. Русскій народъ былъ своего рода избранный народъ: въ его природѣ, освященной истинною, греко-восточною формою христіанства, даны были условія высокой самобытной цивилизаціи, которыя были нарушены насильственной реформой Петра и должны быть восстановлены нашимъ сознаниемъ для того, чтобы наше историческое развитіе шло правильно и согласно съ духомъ народной природы и народнаго идеала; русскій народъ отличенъ отъ народовъ западно-европейскихъ и истинною своего исповѣданія, и своими понятіями о правѣ и государствѣ (двойственность „земли и государства“, отрицаніе конституціонныхъ „гарантій“ и т. д.), и особенностями быта, гдѣ община является вмѣстѣ экономическимъ и нравственнымъ обезпеченіемъ народной жизни; отсюда происходили выводы, въ которыхъ эта школа рѣзко расходилась съ своими противниками и о которыхъ шла тогда между ними оживленная полемика: отрицаніе Петровской реформы и съ нею цѣлаго періода русской исторіи, которому, однако, принадлежало обширное развитіе русскаго государства (принимаемое въ то же время самими славянофилами за свидѣтельство объ историческомъ величій русскаго народа), отрицаніе европейской цивилизаціи, какъ ложной и не отвѣчающей преданіямъ и духу русскаго народа (и изъ которой, однако, произошла степень просвѣщенія, приводившая въ національному сознанию и въ основанію самой школы); рядомъ съ этимъ славянофильство настаивало на необходимости изученія и проведенія въ жизнь народныхъ воззрѣній и обычая, какъ залоговъ правильнаго просвѣщенія и возвращенія на путь истины для верхнихъ классовъ общества, оторванныхъ реформой отъ народнаго корня... Между двумя школами, какъ мы сказали, возгорѣлась по этимъ вопросамъ жаркая полемика. Условія тогдашней печати были, къ сожалѣнію, таковы, что ни та, ни другая сторона не имѣли возможности высказать своихъ ученій съ должной полнотою и ясностью: если въ главныхъ пунктахъ между ними было рѣзкое противорѣчіе, то самое это противорѣчіе не могло быть опредѣлено со всею точностью, и отсюда происходилъ рядъ недоразумѣній, — которыя въ сущности остаются невыяснены и между преемниками этихъ школъ въ настоящее время. Въ „запальчивости и раздраженіи“ спора объ стороны бывали несправедливы другъ къ другу; при невозможности свободнаго изложенія своихъ мыслей онѣ впадали въ недоразумѣнія, извращали мнѣнія противника,

доходили до открытой вражды, — но этотъ споръ, въ которомъ обѣ стороны такъ категорически отвергали другъ друга, былъ, однако, чрезвычайно плодотворнымъ явленіемъ нашей литературы и общественности. Обѣ стороны имѣли между собою то общее, что обѣ высоко стояли надъ общимъ низменнымъ уровнемъ понятій, представляли первый примѣръ полной идейной жизни, первый сознательный и послѣдовательно проведенный опытъ изслѣдованія основныхъ началъ русской національной жизни, и обѣ проникнуты были идеальнымъ стремленіемъ, которому были страстно преданы. Наконецъ, при всемъ разногласіи обѣ стороны сходились въ двухъ существенныхъ пунктахъ: обѣ искали, хотя различно понимаемаго, но широкаго просвѣщенія и одинаково тяготились подавленнымъ состояніемъ русской общественной мысли; обѣ, съ различныхъ точекъ зрѣнія, но съ одинаково теплымъ участіемъ относились къ судьбѣ народной массы... Какъ скажемъ дальше, на этомъ основаніи обѣ стороны могли одинаково увлекаться тогдашними великими пріобрѣтеніями русской литературы, напр. одинаково высоко цѣнить Гоголя и, позднѣе, Тургенева (какъ автора „Записокъ Охотника“).

Наконецъ, въ тѣмъ же тридцатомъ и сороковымъ годамъ относится первое прочное установленіе русской науки. Посылка молодыхъ ученыхъ за границу для приготовления къ занятію университетскихъ кафедръ доставила нашимъ университетамъ ученыхъ силы, каковыхъ до того времени они еще никогда не имѣли. Не говоря о различныхъ предметахъ естествознанія, важны были въ особенности науки нравственныя, новое преподаваніе которыхъ наиболее близко соприкасалось съ потребностями общаго образованія и интересами литературы. Явились историки, юристы, экономисты, филологи, нерѣдко съ замѣчательными талантами и близко знакомые съ современнымъ положеніемъ науки. Философская окраска тогдашней нѣмецкой науки, на которой въ особенности воспитывались наши молодые ученые, способствовала широкой постановкѣ научныхъ вопросовъ и оберегала отъ узкой спеціализаціи, которая была бы мало умѣстна въ нашемъ университетскомъ преподаваніи, когда не было еще никакой ученой литературы и нужно было устанавливать въ молодыхъ поколѣніяхъ первые, иногда даже элементарные интересы науки и прививать ихъ въ обществѣ. Блестящимъ типомъ профессора сороковыхъ годовъ былъ Грановскій, и извѣстно, что въ его преподаваніи одинаково важную роль занимали и частные вопросы науки, и ея воспитательное значеніе: это не былъ ученый спеціалистъ, но историкъ-художникъ, который умѣлъ вложить въ свое преподаваніе какъ интересъ къ

общимъ задачамъ историческаго знанія, такъ и вѣру въ нравственныя начала историческаго развитія. Новая наука, одушевленная и любовью къ знанію, и нравственными мотивами, скоро нашла питомцевъ, которые начинаютъ дѣйствовать въ литературѣ еще съ сороковыхъ годовъ. Мало-по-малу повышался уровень образованія, еще недавно столь невысокій даже въ верхнемъ слоѣ литературы: возростало знакомство съ европейской наукой и литературой, расширялся горизонтъ мысли; образовывалась способность и привычка къ правильному изслѣдованію, и въ концѣ концовъ въ литературное обращеніе стали входить предметы, которые до тѣхъ поръ никогда не бывали предметомъ интереса для обыкновеннаго образованнаго человѣка и считались удѣломъ „сухихъ“ специалистовъ. Такъ, въ первый разъ въ разрядъ этихъ новыхъ интересовъ вступаютъ вопросы экономическіе: отчасти въ той формѣ социализма, о которомъ мы выше упоминали, но отчасти также и въ формѣ ближайшаго интереса къ экономическому положенію русскаго народа, что отразилось, между прочимъ, новымъ вниманіемъ къ крестьянскому вопросу, — понимаемый прежде только съ нравственной и филантропической точки зрѣнія, онъ начинаетъ теперь представляться необходимымъ, настоящимъ вопросомъ русской жизни и въ чисто экономическомъ смыслѣ... Новая наука отразилась небывалымъ прежде оживленіемъ самыхъ изученій русской жизни. Однимъ изъ глубоко важныхъ приобретеній въ этомъ отношеніи былъ поворотъ въ изученіяхъ историческихъ: является потребность осмотрѣться въ цѣломъ ходѣ русской исторіи; прежняя декламаторская и дидактическая манера и чисто внѣшнее изложеніе фактовъ не удовлетворяли; новые ученые стремились выяснитъ самыя принципы историческаго развитія русскаго народа, потому что вся исторія понималась теперь какъ внѣшнее проявленіе основныхъ началъ, заложенныхъ въ особенностяхъ національной природы. Отсюда особенное стремленіе къ изученію внутреннихъ процессовъ исторической жизни, бытовыхъ формъ и учреждений, права и обычая. Нѣмецкая наука оказала здѣсь существенную услугу, какъ подобную услугу она оказала въ другой сосѣдней области изученій — въ области этнографіи. Если историографія приходила къ убѣжденію въ особенной важности бытовыхъ явленій, она тѣмъ самымъ вызывала къ специальному изслѣдованію этихъ явленій въ бытѣ современномъ, т.-е. къ этнографіи; рядомъ съ этимъ къ изученію того древняго народнаго творчества, которое выразилось созданіемъ языка, мѣологии, народной поэзіи, обряда и обычая, и въ союзѣ съ исторіей и этнографіей возникаетъ и дѣйствуетъ филологія и археологія.

Здѣсь опять русскія изученія могли опереться на содѣйствіе европейской науки, не только въ вопросѣ метода, но и въ самомъ матеріалѣ, такъ какъ въ области изученій народной первобытной старины стало все болѣе распространяться примѣненіе сравнительно-историческаго метода. Всѣ эти изученія уже вскорѣ оказались чрезвычайно плодотворными: историографія оживилась и расширилась этимъ стремленіемъ къ объясненію внутренняго смысла жизни; старина оживлялась этой связью съ явлениями современными; народная поэзія, обрядъ и обычай пріобрѣтали новый интересъ, когда получали объясненіе ихъ архаическія черты и они являлись живымъ историческимъ слѣдомъ древняго быта. Не вдаваясь въ подробности, довольно назвать нѣсколько именъ, которыя стали уже историческими по тѣмъ заслугамъ, какія признаются за ними въ объясненіи русской жизни древней и новой, историческо-государственной и народно-поэтической и бытовой; таковы славныя имена Соловьева, Кавелина, Калачова, Афанасьева, Буслаева, Забѣлина... Русская этнографія, какъ внѣшнее изученіе народнаго быта, восходитъ своими началами ко временамъ Петра и, послѣ важныхъ и любопытныхъ пріобрѣтеній конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, только съ этого времени пріобрѣтаетъ правильную научную постановку: основаніе русскаго Географическаго Общества въ 1845, въ связи съ новыми учеными пріемами изслѣдованія, дали вскорѣ богатые плоды. Кромѣ того, что собранъ былъ весьма важный матеріалъ фактическихъ данныхъ, новая наука пріобрѣтала и важное нравственно-общественное значеніе, когда, на примѣръ, изслѣдованія Буслаева впервые объяснили въ народной поэзіи не только ея археологическую старину, но и глубокое нравственное содержаніе народнаго чувства.

Укажемъ, наконецъ, еще одну сторону изученій, возникшихъ около того же времени. Въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ нѣсколько молодыхъ ученыхъ были посланы за границу для спеціальнаго изученія „славянскихъ нарѣчій“. Это было опять первое научное основаніе нашей славистики, которая, кромѣ своихъ спеціальныхъ цѣлей, являлась, съ одной стороны, важнымъ пособіемъ для объясненія этнографическихъ вопросовъ русской жизни древней и новой, а съ другой доставляла пищу для національнаго идеализма, который среди многихъ заблужденій способствовалъ, однако, и расширенію научнаго знанія въ этомъ направленіи.

Таковы были разнообразныя воздѣйствія новой науки: мало-помалу онѣ входили въ кругъ понятій болѣе образованнаго общества, и въ пятидесятыхъ годамъ литературный уровень стоялъ уже

гораздо выше, чѣмъ онъ былъ въ то время, когда Гоголь началъ свою дѣятельность. Самъ Гоголь остался внѣ этого движенія: долгое пребываніе за границей, жизнь въ исключительномъ кругу, чуждомъ этимъ интересамъ литературы, аскетическое направленіе мыслей, побуждавшее его видѣть въ литературныхъ явленіяхъ только новую форму мірской суеты, прежній недостатокъ научнаго образованія, почти недвижущагося и послѣ,—все это оставляло его въ сторонѣ отъ новаго содержанія литературныхъ идей. Онъ слышалъ нѣчто о борьбѣ „восточныхъ“ и „западныхъ“, но изъ самыхъ выраженій его объ ихъ спорѣ можно видѣть, что сущность спора осталась для него темна. Онъ былъ такъ далекъ отъ тѣхъ понятій, которыя тѣмъ временемъ развились въ умахъ наиболѣе просвѣщенныхъ людей, что былъ дѣйствительно не только опечаленъ, но изумленъ, какъ неожиданностью, тѣми суровыми узорами, которые Бѣлинскій обратилъ къ нему по поводу „Переписки съ друзьями“. Между ними лежала пропасть.

Но Гоголь, какъ авторъ повѣстей, „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, сохранялъ все свое значеніе, потому что въ то время, въ концѣ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ, да и позднѣе, онъ оставался самымъ могущественнымъ писателемъ того „критическаго“ направленія искусства, которое въ эту пору умственного возбужденія стало еще болѣе цѣнно для болѣе просвѣщенной части общества. Но теперь онъ уже не былъ одинъ, какъ руководитель и указатель этого движенія. Писатели, которые вступали на открытый имъ путь, если имѣли въ немъ художественный образецъ, въ то же время воспитывались на томъ новомъ содержаніи, которое тѣмъ временемъ накопилось въ нашей литературѣ. Послѣдніе годы жизни Бѣлинскаго были исполнены тѣмъ увлеченіемъ общественными вопросами, которое дополнило его прежнія, чисто эстетическія увлеченія, и его критика была школой для окружавшихъ его молодыхъ писателей; Герценъ въ своихъ научно-критическихъ и беллетристическихъ произведеніяхъ былъ публицистомъ; историческая наука, какъ налагалъ ее Грановскій, была ученіемъ о прогрессѣ и гуманности; изученія русской исторіи, народнаго быта, поэзіи, напоминали о тяжкихъ судьбахъ, вынесенныхъ народомъ, создавшимъ могущественное государство, и вмѣстѣ свидѣтельствовали о громадныхъ силахъ этого народа, заслуживавшаго лучшей участи, наконецъ о богатствѣ внутренняго содержанія, которое способно было создать замѣчательную народную поэзію.

Присоединялись, наконецъ, вліянія литературы европейской,

особливо французской и английской. Въ той и другой, изъ различныхъ источниковъ и побуждений, развивался въ тѣ годы особенный общественный интересъ: распространеніе социалистическихъ ученій, возростаніе демократическихъ стремленій сопровождалось и въ искусствѣ, собственно въ беллетристикѣ, романѣ, повѣсти и драмѣ, участіемъ къ положенію народной массы, въ которой подъ грубою корою невѣжества и бѣдности открывалась добродѣтель въ противоположность испорченности высшихъ классовъ, и вообще социальный вопросъ затрогивался съ различныхъ его сторонъ... У насъ приобрѣтали большую популярность произведенія этого рода, какъ романы Евгенія Сю, романы Жоржъ-Занда, — какъ тѣ, въ которыхъ рѣзко и вмѣстѣ завлекательно ставился вопросъ о правахъ женщины, такъ и тѣ, гдѣ рисовались идиллическія картины сельскаго быта; чрезвычайную симпатію возбуждали произведенія Диккенса, гдѣ опять поднимался голосъ въ защиту угнетенныхъ, и т. д. Во французской беллетристикѣ былъ явный отголосокъ социализма, теории котораго, какъ мы упоминали, нашли у насъ своихъ читателей и въ кругу Бѣлинскаго, и въ молодыхъ поколѣніяхъ. Вскорѣ эти увлеченія французскимъ социализмомъ встрѣтились съ жестокимъ преслѣдованіемъ въ извѣстномъ дѣлѣ Петрашевскаго, къ которому оказались прикосновенными и два начинавшихъ тогда писателя, Достоевскій и Плещеевъ... Теперь едва ли требуется объясненіе, что эти увлеченія социализмомъ въ нашемъ молодомъ поколѣніи были чисто теоретическія и платоническія, что смѣшно было думать, чтобы десятковъ молодыхъ людей, читавшихъ Фурье или Пьера Леру, могли сдѣлать что-либо для ниспроверженія существующаго порядка въ російской имперіи. Любопытно, что незадолго до этого страннаго процесса Салтыковъ, только-что начавшій свою дѣятельность, которая тутъ же и прервалась, далъ полунутильное изображеніе этихъ русскихъ социалистовъ въ „Запутанномъ Дѣлѣ“... Все это движеніе, начиная съ социалистическихъ теорій и кончая повѣстями и романами, въ практическомъ отношеніи было, конечно, совершенно чуждо русской жизни; это было, безъ сомнѣнія, совершенно ясно и для тѣхъ, кто у насъ этимъ движеніемъ увлекался, но и для нихъ оно представляло интересъ, какъ явленіе, полное важнаго историческаго смысла; у насъ была доступна и оказывала свое несомнѣнное дѣйствіе только самая общая сторона этого движенія, именно гуманная: если европейская литература указывала на общественную несправедливость, ея было вдоволь и въ русской жизни; если эта литература старалась пробудить симпатіи къ рабочимъ классамъ, у насъ этихъ симпатій не меньше заслуживали милліоны безправнаго кре-

стьянства; если въ социалистическихъ теоріяхъ изображалось блаженное будущее, гдѣ будетъ господствовать всеобщая справедливость и всеобщее благополучіе, то это были старыя мечты чело-вѣчества, которыя оно вызываетъ отъ времени до времени, чтобы отдохнуть, хотя бы въ фантазіи, отъ тяжести настоящаго и под-держать вѣру въ идеалъ и въ прогрессъ чело-вѣческаго общества.

Это настроеніе, несомнѣнно, въ значительной степени участво-вало въ созданіи нашей литературы съ конца сороковыхъ го-довъ. Если такъ-называемая натуральная школа въ особенности обращалась къ изображенію низменныхъ слоевъ жизни, то здѣсь съ одной стороны дѣйствовало вліяніе Гоголя, который впервые съ полнымъ реализмомъ затрогивалъ эти слои, а съ другой и впечатлѣнія европейской социаль-но-филантропической литературы; эти впечатлѣнія несомнѣнно не были чужды Достоевскому, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ въ „Бѣдныхъ Людахъ“ видимо развивается тема „Шинели“; точно также съ обоими элементами мы встрѣтимся въ „Деревнѣ“ Григоровича или потомъ въ его идилліи „Рыбаки“, гдѣ чувствуется, напримѣръ, вліяніе сельскихъ рассказовъ Жоржъ-Занда; далѣе, въ „Запискахъ Охотника“ Тургенева, въ первыхъ стихотвореніяхъ Некрасова—раньше, чѣмъ въ нихъ взяли верхъ непосредственныя отраженія русскаго крестьянскаго быта; нако-нецъ даже въ тѣхъ рассказахъ изъ народной жизни (А. А. По-тѣхина и другихъ), которые, повидимому, такъ прямо внушены рус-ской деревней, и т. д. Когда въ наше время нѣкоторые изъ фран-цузскихъ критиковъ, недовольные успѣхомъ русской литературы во Франціи, утверждали, что эта литература (Тургеневъ, Достоев-скій и т. д.) сама воспиталась на французскихъ идеяхъ и образ-цахъ, то въ этой вспышкѣ національнаго самолюбія была своя доля правды,—но только доля. Изъ французской литературы дѣй-ствовали у насъ общественныя идеи—и вѣроятно гораздо менѣе беллетристы (у насъ умѣли понимать, какъ невысоко стоялъ въ художественномъ отношеніи, напримѣръ, Евгений Сю), чѣмъ именно теоретики социализма, и только Жоржъ-Зандъ цѣнилась и по со-держанію ея идей (до извѣстной степени), и по художественному исполненію; но это вліяніе было уже второстепеннымъ факторомъ, потому что основное движеніе въ этомъ направленіи было само-стоятельно создано въ произведеніяхъ Гоголя, дѣйствіе которыхъ въ это время, какъ мы видѣли, было еще очень свѣжо и сильно. Въ самомъ литературномъ исполненіи русская беллетристика, кромѣ развѣ немногихъ исключеній, осталась свободна отъ прие-мовъ французскаго социалистическаго романтизма, такъ какъ и здѣсь предохраняла отъ ошибокъ и крайностей самобытныи здоро-

вый реализмъ, впервые созданный Пушкинымъ и развитый Гоголемъ. Французская критика сама сознавала оригинальную силу этого реализма, и русскимъ писателямъ здѣсь учиться было нечему. До настоящаго времени изображеніе народной среды никогда не достигало у французскихъ писателей той выразительности и вмѣстѣ простоты, которыя такъ легко давались лучшимъ русскимъ писателямъ.

Съ такими результатами завершился этотъ литературный періодъ, которому принадлежать двѣ великія заслуги: достиженіе самобытности нашей поэтической литературы и прочное установленіе ея нравственно-общественной задачи,—этою задачею было уже не одно отвлеченное служеніе искусству, но въ особенности изученіе русской общественной и народной жизни, и съ этимъ вмѣстѣ стремленіе къ общественному и народному самосознанію. Въ этомъ направленіи шло дальнѣйшее движеніе нашей литературы въ рукахъ цѣлой плеяды первостепенныхъ дарованій: одинъ изъ писателей этой плеяды дѣйствуетъ и понынѣ, пользуясь всемірною славой... Вскорѣ послѣ смерти Бѣлинскаго, наша литература испытала періодъ тяжелаго преслѣдованія, которое отразилось извѣстнымъ упадкомъ, и новое оживленіе начинается съ тѣхъ поръ, когда военная и политическая катастрофа Крымской войны произвела могущественный поворотъ въ нашей внутренней жизни, и когда рядомъ съ этимъ вступили на литературное поприще новыя силы.

Конецъ пятидесятихъ и начало шестидесятихъ годовъ останутся знаменательною эпохой въ нашей исторіи. Предпринятія и исполненныя тогда реформы удовлетворяли вѣковымъ пуждамъ русскаго народа, унаслѣдованнымъ отъ тяжелыхъ процессовъ прежней исторіи; реформы рѣшали и практическіе вопросы и вмѣстѣ удовлетворяли нравственное чувство общества: таково было освобожденіе крестьянъ; таковы были преобразованія судебныхъ и земскія; таково было нѣкоторое облегченіе внѣшняго положенія печати, этого существеннаго условія для успѣховъ литературы; таково было начало заботъ о народной школѣ. Понятно, что преобразованія, такъ сильно измѣнявшія прежній порядокъ вещей, затронули весь составъ русской жизни и вызвали столкновеніе двухъ противоположныхъ порядковъ вещей и понятій. Реформы съ самаго начала встрѣтили въ обществѣ горячихъ поклонниковъ и ожесточенныхъ противниковъ; послѣдніе съ одной стороны себялюбиво не желали разстаться съ привычными формами жизни, а съ другой—нерѣдко искренно не понимали возможности

водворенія новыхъ формъ, сомнѣваясь даже въ возможности исполненія преобразованій. Факты совершенно ихъ опровергли. Правительство нашло въ представителяхъ общества людей, которые способны были распутать, на первый разъ, Гордіевъ узелъ крестьянскаго вопроса, выработать и исполнить планъ судебной реформы, здраво поставить дѣло земскаго самоуправления; въ средѣ общества нашлись ревностные дѣятели народной школы, и т. д. Теперь, когда для этихъ преобразованій — такъ или иначе — наступаетъ исторія, когда довершаютъ свое жизненное поприще послѣдніе дѣятели той эпохи, передъ современнымъ обществомъ проходитъ длинный рядъ біографій и некрологовъ съ именами людей, которые нѣкогда благородно, разумно и самоотверженно послужили великому дѣлу...

Откуда собрались эти люди?—Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ воспитанію содѣйствовала именно та литература конца тридцатыхъ, затѣмъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, которая была въ тѣ времена единственнымъ поприщемъ и орудіемъ общественной мысли; эта литература, въ своихъ лучшихъ представителяхъ въ искусствѣ и въ наукѣ, именно научала высокому пониманію общественнаго долга, внушала вѣру въ нравственное достоинство народа и въ народныя силы, и развивала благородный идеализмъ, стремленіе къ просвѣщенію и общественной справедливости... Въ скромныхъ размѣрахъ нашей литературы и въ тѣсныхъ рамкахъ нашей общественности совершалось явленіе великаго историческаго интереса и нравственно поучительное: возникало общеніе съ народомъ на почвѣ просвѣщенія и нравственной правды; нѣкогда образованный классъ нашего общества много обвиняли за его разрывъ съ народомъ (мы видѣли въ теченіе исторіи нашей литературы, какъ бывали несправедливы эти обвиненія въ ихъ огульной формѣ)—теперь въ разнообразныхъ направленіяхъ оказывалось, напротивъ, стремленіе сблизиться съ этимъ народомъ, изучить его во всѣхъ сторонахъ его быта и понятій, придти къ нему на помощь, наконецъ объединиться и слиться съ нимъ. Таково было настроеніе лучшей части литературы пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, и таково было въ частности народничество и „хождение въ народъ“. Это „хождение въ народъ“, не однажды осмѣянное или оклеветанное, на дѣлѣ же иногда наивное или даже легкомысленное, но всего чаще трогательное, было отраженіемъ глубокаго инстинкта, а потомъ сознательной мысли о соединеніи всѣхъ слоевъ общества въ одномъ трудѣ для общаго блага. И начатки этого движенія восходятъ опять къ тѣмъ же тридцатымъ годамъ: тѣмъ, какъ не ходженіемъ въ народъ, было

собираніе народныхъ пѣсенъ Петромъ Васильевичемъ Кирѣвскимъ; чѣмъ, какъ не хожденіемъ въ народъ, были позднѣе странствія Рыбникова въ олоонецкомъ краѣ, продолженныя Гильфердингомъ и открывшія намъ неподозрѣваемое ранѣе богатство русской поэтической старины; чѣмъ, какъ не хожденіемъ въ народъ, было дѣло гр. Л. Н. Толстого, когда, уединившись въ Ясной Полянѣ, онъ отдавалъ свое время и трудъ на деревенскую школу, или, наконецъ, извѣстные труды Д. А. Ровинскаго по собиранію русскихъ народныхъ картинокъ, воспроизводившіе дѣликомъ живую картину народнаго быта, исторіи, нравовъ и обычаевъ. Не называемъ множества другихъ лицъ, отдававшихъ свой безкорыстный трудъ именно на прямое, непосредственное изученіе народа въ самыхъ различныхъ сторонахъ его жизни, для дѣлей науки и для практической помощи народу, наконецъ самоотверженно служившихъ ему въ годы бѣдствій... Это сближеніе съ народомъ, успѣвшее обогатить насъ открытіемъ памятниковъ старой поэзіи, какіе дѣлятся у просвѣщенныхъ народовъ, какъ національная святыня, обогатить насъ множествомъ познаній о народной жизни, — и которое, прибавимъ, поддержано было также массою правительственныхъ и земскихъ изслѣдованій, — это сближеніе, въ значительной степени выросшее на почвѣ и трудами литературы, въ свою очередь вознаградило ее, во-первыхъ, близкимъ знаніемъ народной жизни, во-вторыхъ, укрѣпленіемъ сознанія, что нетинная національная литература можетъ быть создана только на этомъ пути широкаго народнаго просвѣщенія и нравственнаго общенія съ народомъ.

Большая заслуга предвидѣнія этой высокой задачи для нашей литературы и для стремленій общества принадлежитъ въ особенности концу пятидесятихъ и шестидесятымъ годамъ. Литература того времени была поглощена возникавшими общественными интересами и можетъ быть правильно оцѣнена только въ связи съ этимъ волненіемъ общественныхъ идей, которыя возникали задолго раньше и въ это время получали первую, хотя далеко не полную, возможность высказываться въ печати. Но одновременно съ первыми порывами преобразовательнаго движенія наступила и реакція стараго порядка вещей, которая во многихъ случаяхъ производила гнетущее вліяніе на общественное мнѣніе и обрушилась въ особенности противъ тѣхъ, кто остался вѣренъ тѣмъ началамъ, изъ которыхъ простекало преобразовательное движеніе. Реакція нашла себѣ ревностныхъ партизановъ въ печати, и шестидесятые годы стали предметомъ осужденія и, наконецъ, настоящей клеветы. Въ области литературы однимъ изъ

послѣдствій этого поворота было новѣйшее, явное или скрытое, декадентство, съ его „чистымъ“ искусствомъ и его „критикою“, не сознающее своего происхожденія изъ мутнаго болота обскурантизма, потерявшее историческую память и весь смыслъ жизненнаго дѣйствія литературы, и для котораго всѣ нравственныя идеалы, издавна дорогіе обществу, превратились въ „забытыя слова“. Но для той знаменательной эпохи уже начинается неподкупная исторія, и уже въ наше время вспоминаются глубоко благотворныя дѣла недавняго прошлаго, въ крестьянской реформѣ, судѣ, народной школѣ, женскомъ образованіи и т. д.;— со всѣмъ этимъ связаны имена дѣлаго поколѣнія благородныхъ дѣятелей, которые были представителями и питомцами пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ и ихъ литературы: съ этимъ начинается ихъ правдивая историческая оцѣнка.

А. Пыпинъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ

НА 1896 ГОДЪ.

Еще весьма недавно, наша роспись (на 1894 годъ) едва вступала во второй миллиардъ по обыкновеннымъ доходамъ и была близка къ исходу перваго миллиарда по обыкновеннымъ расходамъ; а нынѣ, по прошествіи двухъ лѣтъ, она уже успѣла значительно подвинуться впередъ, и по росписи на 1896 годъ исчислено:

	По обыкновенному бюджету.	По чрезвычайному бюджету.
Доходовъ	1.239.471.695 р.	2.200.000 р.
Расходовъ	1.231.088.414 р.	130.459.580 р.
Избытокъ доходовъ: .	8.383.281 р.	Недоборъ: 128.259.580 р.

Общій недоборъ по росписи исчисленъ въ 119.876.299 рублей, которые и предполагается покрыть изъ свободной наличности государственнаго казначейства. Всѣ эти цифры, по сравненію съ цифрами исполненнаго обыкновеннаго бюджета 1894 года ¹⁾, представляютъ увеличеніе: по доходамъ (не считая остатковъ отъ заключенныхъ въ 1894 г. смѣтъ прежняго времени) на 97 м. р., а по расходамъ—на 250 милл. руб. Столь замѣтная разница въ большей части зависитъ, впрочемъ, отъ косвенныхъ причинъ. Во-первыхъ, отъ включенія въ обыкновенный бюджетъ нѣкоторыхъ доходовъ и, главное, расходовъ, исчислившихся до 1895 г. въ чрезвычайномъ бюджетѣ. Сумма эта, по доходамъ, весьма невелика: 3 м. р. съ небольшимъ военнаго вознагражденія съ Турціи и Хивы, но по расходамъ она довольно крупна: по перевооруженію около 23 м. р.; по улучшенію и усиленію желѣзныхъ дорогъ около 19 м.; на сооруженіе портовъ 5¹/₂ м. р. и пр. Во-вторыхъ, увеличеніе цифръ рос-

¹⁾ При этомъ сравненіи золотые доходы и расходы 1894 г. приняты не по курсу того года (1 р. 60 к. кр. за золотой рубль), а по курсу, установленному для росписи 1896 года: 1 р. 50 коп. кр. за золотой рубль.

писи 1896 г., сравнительно съ дѣйствительнымъ поступленіемъ и расходами 1894 г., произошло вслѣдствіе внесенія въ роспись или новыхъ, или прежнихъ, но въ большемъ размѣрѣ, оборотовъ такихъ, по которымъ доходы уравниваются приблизительно съ расходами. Къ доходамъ относятся: а) обороты по казенной продажѣ вина, по которой—въ четырехъ губерніяхъ, гдѣ эта продажа существуетъ уже съ прошлаго года, и въ девяти южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ ее предположено открыть со второй половины нынѣшняго года—расходовъ (на покупку вина, на содержаніе лавокъ, торгующаго персонала и пр.) внесено въ роспись около $28\frac{1}{2}$ м. р., а доходовъ (не считая акциза за вино, исчисляемаго въ общемъ питейномъ доходѣ)—31 м. р. Къ расходамъ—обороты по эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Съ постояннымъ расширеніемъ сѣти этихъ дорогъ расширяются и ихъ обороты: въ 1894 году они составляли 106 м. р. по доходамъ и 67 м. р. по расходамъ, независимо отъ 45 м. р. платежей по основнымъ капиталамъ желѣзныхъ дорогъ и по правительственнымъ облигаціямъ, выпущеннымъ для выкупа частныхъ дорогъ въ казну. По росписи 1896 года доходы отъ казенныхъ дорогъ исчислены въ 232 м. р., а расходы въ 147 м. р. и сверхъ того, разумѣется, крупно увеличившіеся противъ прежняго долговые платежи.

Какъ показано, сравнительно съ исполненною росписью 1894 года, по росписи нынѣшняго года расходовъ исчислено больше на 250 м. р., а доходовъ всего только на 97 м. р. Это несоотвѣтствіе является слѣдствіемъ не только крупныхъ суммъ, перенесенныхъ изъ чрезвычайной расходной росписи въ обыкновенную, но также и того, что, при вполнѣ точномъ опредѣленіи расходовъ, даже съ нѣкоторымъ излишкомъ,—доходы исчислены по росписи съ тою осторожностью, вслѣдствіе которой и оказывалась огромная разница между исчисленіемъ доходной росписи и ея исполненіемъ. За исключеніемъ тяжелаго 1891 года, и то лишь по нѣкоторымъ доходамъ, въ остальные годы дѣйствительность всегда превосходила ожиданія. Въ 1894 г., обыкновенныхъ доходовъ поступило больше противъ исчисленнаго по росписи на 149 м. р.; а за 10 мѣсяцевъ 1895 года, по удостовѣренію министерства финансовъ,—болѣе на 103 милл. рублей.

Осторожность исчисления доходной росписи всего легче доказывается цифрою косвенныхъ налоговъ, составляющихъ половину всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ. Главный изъ этихъ налоговъ по суммѣ—*питейный*. Дохода отъ него назначено по росписи настоящаго года 284 м. р., но уже въ 1894 году его поступило 297 м. р. слишкомъ. Если въ составныхъ статьяхъ этого дохода и можно ожидать нѣкотораго сокращенія, то лишь въ патентномъ сборѣ, въ виду установленія казенной продажи вина. Но это сокращеніе самымъ финансо-

внѣ въдомствомъ исчислено на 1896 годъ всего въ 2 м. р.; оно ничтожно въ цѣломъ ряду обстоятельствъ, которыя должны вліять на увеличеніе потребленія, а слѣдовательно и дохода. Главнымъ обстоятельствомъ является тутъ приростъ населенія, который неотразимо вліяетъ на ростъ бюджета. Вліяніе этого фактора можетъ въ окончательномъ результатѣ парализоваться вліяніемъ другихъ обстоятельствъ, но не можетъ быть устранено ими. Между тѣмъ, этотъ факторъ не всегда обращаетъ на себя должное вниманіе составителей смѣтъ. Правда, въ росписяхъ можно иногда встрѣтить соображенія, что, въ виду постоянного увеличенія такого-то дохода въ послѣднее время, ожидается и дальнѣйшее его увеличеніе. Но такая неопредѣленная, какъ будто основанная на случайности, надежда имѣетъ мало общаго съ положительнымъ расчетомъ. Приростъ у насъ населенія равенъ приблизительно $1\frac{1}{4}\%$, что за два года, 1894—1896, составило бы $2\frac{1}{2}\%$. Примѣнительно къ питейному доходу, доставившему въ 1894 г. 297 м. р., указанный факторъ долженъ бы повысить этотъ доходъ на 7 м. р. слишкомъ. Если изъ осторожности и не принять въ расчетъ это увеличеніе, то все-таки питейный доходъ слѣдовало бы внести въ роспись въ размѣрѣ не 284, а 297 милл. рублей.

То же самое слѣдуетъ сказать и о таможенномъ доходѣ. Его ожидается по росписи 254 м. р.,—менѣ поступленія 1894 года на 20 м. р. ¹⁾ Правда, въ таможенномъ доходѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь иномъ, замѣчались колебанія. При существующемъ у насъ высокомъ таможенномъ тарифѣ, равняющемся по многимъ видамъ товаровъ запретительному, нормального внѣшняго торговаго обмѣна для насъ не существуетъ. Мы получаемъ изъ-за границы лишь то, безъ чего не можемъ обойтись, что не можетъ быть замѣнено отечественнымъ суррогатомъ, какъ бы ни былъ онъ неудовлетворителенъ и дорогъ. Размѣръ привоза, а слѣдовательно и таможеннаго дохода, въ извѣстный годъ находится въ зависимости отъ большаго или меньшаго запаса того или другаго необходимаго товара и отъ слуховъ о готовящихся измѣненіяхъ въ тарифѣ. Такъ предстоявшее въ 1895 г., дальнѣйшее увеличеніе пошлины на хлопокъ повело къ усиленному ввозу его въ 1896 году. Крупное увеличеніе въ этомъ году таможеннаго дохода произошло, по свидѣтельству государственнаго контроля, отъ условеннаго привоза желѣза и машинъ, въ связи съ обширнымъ сооруженіемъ у насъ желѣзныхъ дорогъ. Но въ 1894 году сооруженіе ихъ предполагается еще въ большемъ размѣрѣ. Затѣмъ въ первой по-

¹⁾ По отчету за 1894 годъ таможеннаго дохода показано 284 м. р.; съ перечисленіемъ поступающаго золота по курсу, принятому для росписи 1896 года, это составило бы 274 м. р. кред.

ловинѣ 1895 года ¹⁾ тамсженный доходъ не уменьшился сравнительно съ первой половиной года предшествующаго; нѣтъ основанія ожидать уменьшенія его во вторую половину, какъ нѣтъ основанія рассчитывать въ настоящемъ году на пониженіе этого дохода сравнительно съ двумя предшествовавшими годами.

Такимъ образомъ, при весьма осторожномъ исчисленіи, лишь по двумъ статьямъ доходной росписи, правда особенно крупнымъ, неточность, въ невыгодномъ для росписи смыслѣ, составляетъ около 33 мил. р. Слѣдуетъ думать, что такая же неточность заключается въ исчисленіи не только остальныхъ косвенныхъ налоговъ, но и доходовъ по другимъ рубрикамъ, налогамъ прямымъ, пошлинамъ и т. д. Но ни роспись, ни обычный всеподданнѣйшій докладъ о ней не даютъ достаточно основаній разобраться въ другихъ статьяхъ. Въ прежніе годы всеподданнѣйшій докладъ о росписи являлся въ этомъ отношеніи надежнымъ руководителемъ: въ немъ *подробно* указывались данныя, послужившія основаніемъ для внесенія той или иной цифры въ доходныя и расходныя статьи росписи.

„Ограничиваясь — говорится нынѣ въ докладѣ — лишь *краткимъ* указаніемъ главнѣйшихъ измѣненій доходныхъ поступленій, министр финансовъ считаетъ себя вправѣ не останавливаться на этотъ разъ на тѣхъ соображеніяхъ, которыми обусловливалось исчисленіе ожидаемыхъ по росписи на 1896 годъ доходовъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи министерство финансовъ и государственный совѣтъ слѣдовали тѣмъ же приемамъ, которые выработаны долготѣнейшей практикой“. Но прежнія росписи, слѣдуя тѣмъ же приемамъ, сообщали фактическія данныя, которыхъ, при нынѣшней краткости указаній, недостаетъ для правильности сужденія о размѣрахъ осторожности при составленіи сѣтты доходовъ. Такъ, напримѣръ, по отношенію выкупныхъ платежей трудно понять, почему по росписи на 1896 г. они ожидаются лишь въ размѣрѣ 89 мил. р., тогда какъ ихъ поступило въ 1893 году 99 м. р., а въ 1894 году 93 м. р., при чемъ поступленіе за первое полугодіе 1895 года на миллионъ рублей слишкомъ превышаетъ поступленіе за тотъ же періодъ 1894 года. Также неясно, почему пошлинъ съ переходящихъ имуществъ назначено всего 15¹/₂ м. р., — на 2 мил. р. слишкомъ менѣе, чѣмъ по росписи предшествовавашаго года, и на 3 м. р. менѣе поступленія 1894 года, при чемъ опять поступленіе за первое полугодіе прошлаго года (12¹/₂ м. р., т.-е. 71% суммы, исчисленной за цѣлый годъ) нѣсколько превышало поступленіе тѣхъ же мѣсяцевъ 1894 года. Мы не можемъ, поэтому, не согла-

¹⁾ Пока въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ только и помѣщены свѣденія за первую половину года.

ситься съ тѣмъ взглядомъ на усвоенную при составленіи нашихъ росписей систему „осторожности“, какой высказанъ былъ недавно въ статьѣ г. К. Головина („Новое Время“, 10 января): „Государственная смѣта, — говоритъ г. Головинъ, — призвана изображать картину дѣйствительнаго положенія финансовъ, и входящія въ нее цифры должны соответствовать дѣйствительнымъ предположеніямъ финансоваго вѣдомства, — другими словами, она должна какъ можно меньше расходиться съ истиной, одинаково избѣгая и преувеличенныхъ надеждъ, и *чрезмѣрной осторожности*. Слѣдуетъ, конечно, разсчитывать на будущій ростъ доходовъ лишь на основаніи строго провѣренныхъ данныхъ. Но если доходы эти изъ года въ годъ имѣютъ склонность къ возрастанію, и въ этомъ усматривается признакъ нашего обогащенія, — зачѣмъ же закрывать глаза передъ очевидностью? Одно изъ двухъ, въ самомъ дѣлѣ: либо имѣется заранѣе опредѣленное назначеніе для сверхсмѣтныхъ поступленій, и тогда незачѣмъ дѣлать изъ него тайну; либо такого назначенія нѣтъ, и въ такомъ случаѣ хроническіе переборы вполне позволяютъ сократить нѣкоторые изъ наиболѣе тяжелыхъ налоговъ... Возлагать лишнія тягости на плательщика ради какихъ-то неопредѣленныхъ будущихъ цѣлей, — это, повторяемъ, едва-ли основательно“...

Заканчивая общій обзоръ доходной росписи на 1896 годъ, можно выразить предположеніе, что при нормальномъ экономическомъ годѣ обыкновенные доходы могутъ превзойти предположенія росписи на 60 милл. рублей. Но это не болѣе какъ предположеніе, основанное на аналогіи прошлыхъ лѣтъ и не имѣющее той, болѣе солидной, опоры, какую могъ бы доставить докладъ о росписи въ прежней его формѣ, — не съ краткими, а съ болѣе подробными указаніями главнѣйшихъ измѣненій въ ожидаемыхъ доходныхъ поступленіяхъ.

Обыкновенные расходы по росписи 1896 года (1.231 милл. р.) превышаютъ расходы 1894 года (1.045^{1/2} м. р., — при уравненіи съ росписью настоящаго года составныхъ частей ея и курса золотого рубля)¹⁾ на 185^{1/2} м. р. Это увеличеніе объясняется главнымъ образомъ расходами на эксплуатацію казенныхъ дорогъ: въ 1894 г. на это издержано 74^{1/2} м. р., а въ 1896 г., съ расширеніемъ за эти два года

¹⁾ По Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта съ 1895 года изъ чрезвычайной смѣты перенесены въ обыкновенные расходы по перевооруженію заготовленіе специальныхъ резервовъ продовольствія и устройство портовъ, а также строительные расходы по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, кромѣ расходовъ на сооруженіе новыхъ линій. По доходной росписи изъ чрезвычайнаго въ обыкновенный бюджетъ перенесены поступления военнаго вознагражденія отъ Турціи и отъ Хивы

казенной сѣти, предполагается израсходовать 147¹/₂ м. р., болѣе на 73 м. р.; затѣмъ на расходы по казенной продажѣ питей, которой не было въ 1894 году, въ настоящемъ году назначено 28¹/₂ м. р., и того 111¹/₂ м. р. Оба эти расхода имѣютъ характеръ оборотнаго расхода, т.-е. возмѣщаются соответственнымъ доходомъ, по желѣзнымъ дорогамъ впрочемъ не вполне, такъ какъ въ приведенную сумму расходовъ не вошла уплата перешедшихъ на казну долговыхъ обязательствъ присоединенныхъ къ казенной сѣти дорогъ. Остальное увеличеніе распределяется между всѣми другими вѣдомствами. Главная часть его упадаетъ на долю военного министерства и министерства финансовъ, между прочимъ на подготовительныя работы по дальнѣйшему распространенію казенной продажи питей (19 милл. р.).

Лишь основываясь на примѣрѣ прошлыхъ лѣтъ, можно судить, что эти суммы испрашиваются приблизительно въ надлежащемъ размѣрѣ. Въ семидесятыхъ годахъ, по бюджетамъ военного и морского вѣдомства, въ несоответствіе съ другими, были установлены такъ называвшіеся нормальные бюджеты: отпускались суммы не по обсужденію потребностей предстоящаго года, а въ размѣрѣ заранѣе опредѣленномъ. Порядокъ этотъ явно противорѣчилъ началамъ реформы, произведенной Татариновымъ, въ составленіи и исполненіи государственныхъ смѣтъ. Онъ просуществовалъ недолго и былъ отмѣненъ. Но въ 1888 году этотъ порядокъ, подъ именемъ *предѣльнаго* бюджета, былъ восстановленъ на пять лѣтъ. Въ 1883 году существованіе его продлено еще на 5 лѣтъ.

Особенности его таковы: по существующимъ законамъ расходная смѣта вѣдомства раздѣляется на *параграфы*—разные виды расходовъ,—а каждый параграфъ на *статьи*—второстепенныя подраздѣленія. Только по статьямъ распорядители кредитовъ имѣютъ право переводить расходы изъ одной въ другую, замѣняя недостатокъ сбереженіями. Остатокъ же въ кредитѣ по всему параграфу долженъ быть закрытъ и не можетъ быть перенесенъ на расходъ по другому параграфу. Незрасходованные кредиты по всей смѣтѣ также закрываются. По предѣльной же смѣтѣ министрамъ военному и морскому не только предоставлено право свободного передвиженія суммъ изъ параграфа въ параграфъ, но и установлено, что общій остатокъ не возвращается въ средства государственнаго казначейства, а поступаетъ въ запасъ на будущее время. Словомъ, какъ бы восстанавливается система особаго сундука, составлявшаго когда-то принадлежность не только каждаго центрального вѣдомства, но и отдѣльныхъ учреждений. Мало этого: независимо отъ суммъ, исчисленныхъ на каждый предметъ расхода, отпускается еще весьма крупный (8¹/₂ м. р. слишкомъ) запасный кредитъ, составляющій какъ бы сверхсмѣтный кредитъ въ составѣ самой

смѣты. Наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣніемъ государственнаго совѣта устраненъ авансовый отпускъ кредитовъ *на расходы въ счетъ сметъ будущаго года*. Между тѣмъ, по министерствамъ военному и морскому уже много лѣтъ производится отпускъ такого кредита, и по военному министерству въ весьма крупной суммѣ (также болѣе 8¹/₂ м. р.). Такой кредитъ повторяющійся изъ года въ годъ, равенъ единовременному безвозвратному отпуску суммы въ размѣрѣ кредита.

Быть можетъ, тревожное международное состояніе Европы въ концѣ восьмидесятихъ годовъ служило до нѣкоторой степени оправданіемъ нарушенія основныхъ смѣтныхъ правилъ, но это оправданіе едва-ли можно признать очень вѣскимъ: суммы могли оставаться въ запасѣ въ кассахъ государственнаго казначейства, а отъ министровъ зависѣло, по мѣрѣ надобности, испрашивать дополнительныя назначенія. Можно возразить, что отдѣльное на каждую потребность ходатайство было бы стѣснительно. Несомнѣнно. Но смѣтные и контрольныя правила на то и существуютъ, чтобы стѣснять распорядителей кредитами. Во всякомъ случаѣ временно, съ нарушеніемъ дѣйствующихъ постановленій, установившійся порядокъ не долженъ быть обращенъ въ постоянный, какъ бы нормальный, безъ законодательнаго измѣненія самихъ постановленій. Можно надѣяться, что такъ называемый предѣльный бюджетъ, срокъ котораго истекаетъ къ 1898 году, не будетъ снова продолженъ.

Въ *чрезвычайную роспись доходовъ* въ предшествующіе годы вносились весьма мало, не болѣе десятка или двухъ десятковъ милліоновъ рублей, и то только въ такомъ случаѣ, если ожидалась уплата какого-нибудь срочнаго желѣзно-дорожнаго долга. Постоянными же, какъ бы несомнѣнными, доходами считалось лишь военное вознагражденіе и вѣчные вклады. Съ перенесеніемъ военного вознагражденія въ обыкновенную смѣту, въ чрезвычайную на 1896 годъ внесены лишь вѣчные вклады въ размѣрѣ 2.200.000 р. Вѣроятно, сумма эта исчислена по среднему поступленію послѣднихъ лѣтъ. Съ какою цѣлью дѣлаются эти вклады, намъ неизвѣстно, но за послѣдніе годы поступленіе ихъ регулярно. Въ составленной государственнымъ контролемъ вѣдомости о государственныхъ долгахъ въ десятилѣтіе 1885—1894 годовъ, четырехпроцентныя вѣчныя вклады показаны долгомъ казны въ размѣрѣ 13 милл. рублей, и пятипроцентныя въ размѣрѣ 300.000 рублей.

Чрезвычайные расходы на 1896 годъ назначены въ размѣрѣ, замѣтно превосходящемъ сумму ихъ въ три предшествовавшіе года, несмотря на то, что съ 1895 года многіе расходы, требовавшіе весьма крупныхъ суммъ по росписямъ 1893 и 1894 гг., перенесены въ обыкновенную роспись. Въ чрезвычайныхъ росписяхъ послѣднихъ двухъ лѣтъ

значатся лишь (и то не вполне) ¹⁾ расходы на желѣзныя дороги: въ 1895 году—94 м. р.; въ 1896 году—130½ м. р.; изъ этой послѣдней суммы 84½ м. р. назначены на сибирскую дорогу и 46 м. р. на другія. Вообще въ послѣднее пятилѣтіе 1892—1896 гг. на желѣзныя дороги отпущено слишкомъ 370 м. р., въ томъ числѣ болѣе 220 м. р. на сибирскую дорогу.

Многими органами печати уже отмѣченъ особенный характеръ всеподданнѣйшаго доклада о росписи 1896 года, весьма отличный отъ прежнихъ докладовъ. „Сопровождающій государственную роспись всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ, — говоритъ „Недѣля“ ²⁾, — сообщаетъ о современномъ экономическомъ положеніи Россіи и видахъ воздѣйствія на него гораздо меньше, чѣмъ прежніе, потому что большая часть его посвящена объясненіямъ противъ разныхъ нареканій со стороны „явныхъ недоброжелателей“ и „политическихъ пессимистовъ“, а также противъ заграничныхъ толковъ. Этотъ полемическій элементъ обращаетъ на себя особое вниманіе, такъ какъ онъ появляется впервые въ документахъ подобнаго рода“.

Та же мысль развивается, съ большею подробностью, и въ „Новомъ Времени“ ³⁾: „По установившемуся у насъ (съ начала шестидесятихъ годовъ) обычаю, всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о росписи является какъ бы публичнымъ „исповѣданіемъ вѣры“, — разумѣется, финансово-экономической „вѣры“, тѣхъ началъ и воззрѣній, которыхъ держится министръ финансовъ, которыми онъ руководится въ своихъ дѣйствіяхъ и планахъ, при чемъ даются разъясненія о важнѣйшихъ припятыхъ уже мѣрахъ и сообщаются—иногда впервые—свѣденія о принимаемыхъ новыхъ мѣрахъ крупнаго значенія. Поэтому всеподданнѣйшій докладъ о росписи всегда встрѣчается съ живѣйшимъ интересомъ не только въ Россіи, но и за границей. Изъ этихъ докладовъ общество знакомится не только съ программой и стремленіями министра финансовъ, но до известной степени знакомится съ нимъ самимъ, съ его міровоззрѣніемъ, съ тѣми симпатіями и антипатіями, радостями и огорченіями, надеждами и разочарованіями, въ атмосферѣ которыхъ зарождаются и складываются опредѣленные планы или мѣропріятія министра финансовъ. И общество настолько привыкло къ этому, что всегда ждетъ найти что-

¹⁾ Расходы по усилению и улучшенію желѣзныхъ дорогъ—12½ м. р. въ 1895 г. и 19 м. р. въ 1896 г. внесены въ росписи обыкновенныхъ расходовъ.

²⁾ „Недѣля“ № 1, 1896 г., ст. 6.

³⁾ „Новое Время“, 30-го декабря 1895 года.

нибудь особенное въ каждомъ новомъ докладѣ министра финансовъ о росписи*.

„Но во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи 1896 года,—продолжаетъ „Новое Время,—общимъ или программнымъ вопросамъ отведено сравнительно скромное мѣсто“. Упомянувъ о сообщеніи доклада о подготовляемомъ введеніи у насъ металлическаго денежнаго обращенія и о взглядѣ министра финансовъ на денежную спекуляцію, „Новое Время“ приходитъ къ заключенію, что „прочія части всеподданнѣйшаго доклада *носятъ характеръ полемическій*“.

Мы выше указали только на краткость въ докладѣ о росписи 1896 г. *смыслныхъ* соображеній, отстраняющую возможность оцѣнить правильность тѣхъ или другихъ цифровыхъ назначеній росписи. Но, конечно, еще замѣтнѣе отсутствіе въ докладѣ *финансовыхъ* соображеній и указаній. Докладъ о росписи имѣетъ вообще значеніе не только административнаго, но и весьма важнаго общественнаго акта. Такъ на нихъ смотритъ и сама финансовая администрація. Это видно изъ того, что одновременно съ опубликованіемъ росписи и доклада въ русскихъ органахъ печати они появляются во французскомъ переводѣ. Въ этомъ году общество особенно могло быть заинтересовано докладомъ министра финансовъ, ожидая найти въ немъ не только общія, опирающіяся на цифры, свѣденія объ экономическомъ положеніи страны, о внѣшней торговлѣ и пр., но и указанія о результатѣ и значеніи нѣсколькихъ принятыхъ въ послѣднее время финансовыхъ мѣръ.

Прежде всего, въ хронологическомъ порядкѣ, можно было ожидать свѣденій о ходѣ казенной продажи питей. Проектъ этой мѣры, какъ извѣстно, получилъ осуществленіе подѣ условіемъ введенія казенной продажи питей *съ видѣ опыта* въ четырехъ губерніяхъ, въ которыхъ она и введена съ начала прошлаго года ¹⁾. Но прежде, чѣмъ опытъ начался, уже было рѣшено введеніе, съ половины настоящаго года, казенной продажи питей еще въ девяти губерніяхъ, и за тѣмъ исходатайствованы суммы на подготовительныя работы къ дальнѣйшему примѣненію этой мѣры. Несомнѣнно, къ концу прошлаго года, хотя бы за 10 мѣсяцевъ, опытъ продажи въ четырехъ губерніяхъ привелъ къ какимъ-нибудь результатамъ, и финансовымъ, и бытовымъ; что эти результаты весьма интересуютъ общество—несомнѣнно, но оно до сихъ поръ не имѣетъ ровно никакихъ свѣденій ни о ходѣ казенной продажи, ни объ условіяхъ, при которыхъ она происходитъ, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ и отрывочныхъ извѣстій въ газетныхъ корреспонденціяхъ,—свѣденій обыкновенно не

¹⁾ Пермской, оренбургской, уфимской и самарской.

утѣшительныхъ, въ родѣ образованія распивочныхъ у порога казенныхъ лавокъ или обращенія въ кабакъ недалеко лежащей отъ нея избы, иногда именно для этого нанимаемой. Но, разумѣется, заслуживающія вниманія свѣденія могли бы исходить лишь изъ такого авторитетнаго источника, какъ докладъ или сообщеніе министра финансовъ при посредствѣ подчиненнаго ему акцизнаго надзора.

Еще болѣе были бы интересны свѣденія о другой мѣрѣ, представляющей какъ бы дополненіе введенія казенной продажи питей. По мысли, при учрежденіи этой продажи, имѣлись главнымъ образомъ въ виду не выгоды казны, а устраненіе условий, содѣйствующихъ развитію народнаго пьянства. Вслѣдствіе этого состоялся Высочайше утвержденный 20 декабря уставъ *попечительствъ народной трезвости*, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, съ завѣдующими ихъ дѣлами комитетами, образованными изъ должностныхъ лицъ. Рядомъ съ попечительствами разрѣшались частныя общества, дѣятельность коихъ направлена къ той же цѣли ²⁾. По смыслу и буквѣ устава образованіе попечительствъ и обществъ не ставилось въ зависимость отъ казенной продажи питей, такъ что они могли немедленно же учреждаться повсемѣстно. Но объ этомъ учрежденіи также нѣтъ извѣстій, несмотря на то, что со времени изданія устава прошло болѣе года.

Третій предметъ, разъясненіе котораго можно было ожидать въ докладѣ,—это сахарный вопросъ. Онъ не сходилъ съ очереди въ теченіе многихъ лѣтъ и, судя по статьямъ и корреспонденціямъ, появившимся въ печати столичной и провинціальной, въ журналахъ, газетахъ и отдѣльныхъ брошюрахъ, волновалъ общество беззащитностью противъ сахарозаводчиковъ, обложившихъ контрибуціей населеніе. Всѣ органы печати, всѣхъ направленій и взглядовъ, одинаково высказывались за необходимость положить предѣлы корысти предпринимателей съ ихъ синдикатомъ. Правительство не оставалось безучастно къ этому вопросу. Въ 1893 году, съ цѣлью противодействовать подъему сахарозаводчиками цѣны на ихъ продуктъ, оно за свой счетъ стало покупать сахаръ за границей. Въ прошломъ году по вопросу о нормировкѣ былъ образованъ съѣздъ съ участіемъ нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ. Несмотря на ходившіе во время совѣщанія зловѣщіе слухи, общество все-таки надѣялось на освобожденіе отъ поборовъ искусственно созданной монополіи. Вопросъ неожиданно разрѣшился замѣной нормировки, устроенной сахарозаводчиками, нормировкой правительственной, съ предѣльнымъ выпускомъ сахара въ народное потребленіе въ количествѣ 25 милл. пудовъ, т. е.

¹⁾ См. „Вѣсти. Европа“, февраль, 1895 г., стр. 855 и 856.

въ среднемъ размѣрѣ тѣхъ же 7—8 фунтовъ въ годъ, на которые и раньше, по милости сахароваровъ, имѣлъ право каждый.

Несомнѣнно, что къ такому рѣшенію вопроса могли побудить лишь весьма вѣскія причины и соображенія, но и до сихъ поръ общество остается въ нѣкоторомъ недоумѣніи передъ мѣрой, ограничивающей и производство, и сбытъ, и какъ бы одновременно направленной и противъ интереса казны, и противъ интереса населенія.

Отстаивая наше благопріятное финансовое положеніе, докладъ говорить о *недоброжелателяхъ* нашего бюджета, которые сначала совсѣмъ отвергали его успѣхи, объясняя ихъ бухгалтерскимъ искусствомъ и произвольной группировкой цифръ, а потомъ, убѣдившись въ явной нелѣпости и неправдоподобности этихъ измышленій, бюджетные избытки стали приписывать вліянію случайнаго стеченія обстоятельствъ, исключительныхъ по своей благопріятности.

„Вслѣдъ за явными недоброжелателями, — объясняется далѣе въ докладѣ, — нашъ бюджетъ встрѣтился съ ихъ тайными союзниками — политическими пессимистами. По ихъ мнѣнію, бюджетное благосостояніе наше не имѣетъ основы въ благосостояніи народномъ и не соответствуетъ экономическому положенію страны“... „Странная сама по себѣ мысль, что государственное казначейство можетъ обогащаться въ то время, когда народное хозяйство разоряется, становится еще страннѣе, когда высказывается по поводу финансовыхъ успѣховъ, крупнѣйшихъ изъ числа когда-либо достигнутыхъ не только у насъ, но и гдѣ бы то ни было, и притомъ успѣховъ, обладающихъ столь очевидными признаками регулярности и полной прочности. Такіе успѣхи никогда и нигдѣ еще не достигались при народномъ обѣднѣніи. Финансовое искусство — не магія; еще никто не изобрѣлъ средства чудодѣйственно возбуждать и поддерживать финансовую мощь въ разрушающемся экономическомъ организмѣ. Прочные финансовые успѣхи могутъ проистекать лишь при наличности условий, благопріятныхъ и для народнаго благосостоянія“.

Признаки того, что народное благосостояніе идетъ въ уровень съ бюджетнымъ успѣхомъ, докладъ усматриваетъ, между прочимъ, въ неподвижной за десять лѣтъ цифрѣ прямыхъ налоговъ и въ повышеніи слишкомъ на 50% налоговъ косвенныхъ и пошлинъ, „уплачиваемыхъ лишь по такимъ поводамъ, которые находятся въ существенной зависимости отъ степени народнаго благосостоянія“, а равно и въ ростѣ поступленій отъ неподатныхъ статей бюджета — отъ желѣзныхъ дорогъ, государственныхъ имуществъ, почтово-телеграфныхъ учреждений, и пр.

Не имѣя возможности въ журнальной статьѣ прослѣдить всё ображеніе доклада по данному предмету, мы ограничимся замѣчаніемъ, что подъ упоминаемыми въ докладѣ недоброжелателями и *политическими* пессимистами разумѣются, очевидно, заграничные критики нашего финансоваго положенія. Но о нихъ ничего и не знаетъ наше общество¹⁾. До него могли доходить и доходили въ пересказѣ нашихъ газетъ лишь похвальные отзывы иностранныхъ газетъ о нашей финансовой дѣятельности съ 1888 года. Впрочемъ, многіе предпочитаютъ пессимистовъ: изъ ихъ указаній можно бываетъ подмѣчать недостатки, не видные вблизи, тогда какъ панегиристы могутъ намъ часто закрывать глаза. Относительно же тѣхъ предметовъ, о которыхъ говорится въ докладѣ, мы имѣли уже случай высказываться не разъ; сошлемся на статью: „Двадцатипятилѣтіе нашихъ бюджетовъ, 1866—1890 гг.“²⁾, и на послѣдующія статьи о нашихъ росписяхъ за послѣдніе годы. Впрочемъ, не одни мы такъ думали; въ упомянутой выше статьѣ г. К. Головина³⁾ задается также вопросъ: „не являлись ли у насъ излишніе доходы только послѣдствіемъ роста и обложенія, и не должны ли они прекратиться съ того момента, какъ этотъ ростъ остановился? Но если это было бы такъ, куда дѣвался бы призракъ нашего экономическаго благополучія? *Финансы могутъ вѣдь процветать не отъ того только, что народъ богатъ, а и отъ того, что онъ облагается сильнѣе.* За шестилѣтіе, съ 1888—94 гг., введенъ цѣлый рядъ новыхъ косвенныхъ налоговъ, а размѣръ большинства остальныхъ увеличился. И нельзя даже сказать, чтобы мы и теперь остановились на этомъ пути. Сахарный акцизъ взимается въ увеличенномъ размѣрѣ,—по 1 р. 75 к. съ пуда, вмѣсто 1 руб. Особня комиссіи заняты кромѣ того разработкою проектовъ промысловаго налога и акциза на виноградное вино. Такимъ образомъ, наше финансовое вѣдомство по прежнему озабочено присканіемъ новыхъ источниковъ дохода,—несмотря на крупную сумму свободныхъ остатковъ отъ прежнихъ смѣтъ, достигшую къ 1 января 1895 года 333 милл., а къ 1 января текущаго все еще составляющую 271 милл., несмотря на произведенные въ истекшемъ году крупные сверхсмѣтные расходы, а именно, 116 милл. на выкупъ облигацій перешедшихъ въ казну желѣзныхъ дорогъ и 147

1) Исключеніе составляетъ лишь книга г. Цюна, получившая ходъ въ Россіи лишь благодаря министерству финансовъ. Но самъ г. Цюнъ—продуктъ той самой финансовой политики, которой обличителемъ онъ сталъ впоследствии. Известно, что въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ былъ негласнымъ агентомъ министерства финансовъ въ средѣ биржи и банкировъ. А это такая среда, сопркосновеніе съ которой, даже чрезъ третье лицо, не можетъ обойтись безъ неудобствъ.

2) „Вѣстн. Европы“, августъ, 1892 года.

3) „Новое Время“, № 7136.

милл. на увеличеніе золотого фонда. Изъ этихъ свободныхъ остатковъ въ 1895 году снова предположено 119 милл. обратить на чрезвычайные расходы, главнымъ образомъ на постройку желѣзныхъ дорогъ. Какъ бы ни полезны были всѣ эти предпріятія, нельзя не призадуматься надъ вопросомъ о степени сообразности и справедливости такого усиленнаго обложенія, которое ежегодно предоставляетъ казнѣ столь крупныя избытки. Призадуматься надъ этимъ можно, тѣмъ болѣе, что на безоблачномъ небѣ нашего экономическаго благополучія есть черныя точки. Бѣдственное положеніе нашего сельскаго хозяйства признаетъ и самъ г. министръ финансовъ, хоть и не останавливается на этомъ явленіи. А смѣта министерства земледѣлія не показываетъ, чтобы въ эту сторону направлена была особенно щедрая помощь. Бюджетъ нашего сельско-хозяйственнаго вѣдомства увеличился лишь на очень незначительную сумму, а между тѣмъ какихъ-нибудь двухъ или трехъ милліоновъ изъ тѣхъ 135, которые предназначены на расширеніе желѣзно-дорожной сѣти, было бы вполне достаточно, чтобы сразу оказать и помѣщикамъ, и крестьянамъ дѣятельную помощь. Ихъ хватило бы и на распространеніе школъ, и на устройство опытныхъ полей, и на пріобрѣтеніе достаточнаго числа племенныхъ животныхъ. Не малую помощь землевладѣнію оказало бы и пониженіе государственнаго поземельнаго сбора, далеко уже не стоящаго теперь въ томъ же отношеніи къ поземельной рентѣ, какъ въ моментъ его установленія. Наконецъ, вмѣсто повышенія сахарнаго акциза, слѣдовало бы, казалось, сократить его вдвое, что позволило бы значительно расширить кругъ домашнихъ потребителей сахара и, къ тому же, избавило бы отъ необходимости прибѣгать къ такой сомнительной мѣрѣ, какъ нормировка его производства“...

Министерство финансовъ, какъ видно изъ доклада, обращаетъ вниманіе, впрочемъ, не на одинъ пессимизмъ: „Среди многочисленныхъ невѣрныхъ свѣденій, злонамѣренно распространяемыхъ о русскихъ финансахъ,—говорится въ докладѣ,—приходится встрѣчаться и съ обвиненіемъ русскаго государственнаго казначейства въ томъ, что оно пользуется капиталами сберегательныхъ кассъ для бюджетныхъ потребностей. Обвиненіе это не имѣетъ ни малѣйшихъ основаній. Уставъ сберегательныхъ кассъ (ст. 2) категорически постановляетъ, что суммы и капиталы этихъ кассъ „не могутъ быть обращаемы на общіе государственные расходы“. Капиталы эти, подлежащіе ревизіи государственнаго контроля, находятся въ незначительной части въ денежной наличности, и въ большей части въ правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ“.

Въ ряду же отрицательныхъ явленій русской экономической

жизни въ минувшемъ году докладъ указываетъ на спекулятивное увлеченіе биржевой игрой, „отражавшееся явными признаками нездороваго возбужденія“. Признавая полезныя стороны спекуляціи, являющейся двигателемъ промышленнаго прогресса, въ биржевой игрѣ докладъ видитъ шулерство. Въ карточной игрѣ, если она корректна, рѣшаетъ случай; въ биржевой—выигрываетъ всегда тотъ, на чьей сторонѣ при большихъ средствахъ выдержка, опытность и специальная подготовка. „Борьба съ этимъ зломъ,—заключаетъ справедливо докладъ,—мало доступна обыкновеннымъ мѣрамъ правительственнаго воздѣйствія; возможность такой борьбы заключается лишь въ дисциплинѣ воли и чувства и въ распространеніи въ массѣ общества здравыхъ понятій и истинныхъ свѣденій по разсматриваемому предмету“; воспитаніе общества въ здравыхъ понятіяхъ, конечно, не входитъ въ кругъ дѣйствія министерства финансовъ, но и не отъ общества зависитъ получать одни истинныя свѣденія по каждому предмету государственнаго хозяйства...

Обращаемся въ заключеніе къ послѣднимъ страницамъ доклада, гдѣ говорится о „постепенной подготовкѣ реформы денежнаго обращенія“. Эта подготовка прежде всего состояла въ томъ, что приобрѣтены значительные запасы золота. Къ 15-му декабря 1895 года государственный банкъ и государственное казначейство располагали запасомъ золота на 684,7 милл. р. мет.; въ томъ числѣ принадлежащаго государственному казначейству—191,7 милл. р., государственному банку—43 милл. р., разнѣнному фонду—375 милл. р. и фонду, обезпечивающему временный выпускъ кредитныхъ билетовъ,—75 милл. рублей ¹⁾). Этотъ запасъ покрываетъ 61 процентъ номинальной стоимости обращающихся нынѣ кредитныхъ билетовъ и свыше 91½ процента ихъ дѣйствительной металлической стоимости по современному курсу. Изъ дальнѣйшихъ мѣръ указывается: уничтоженіе биржевой игры на курсъ кредитнаго рубля, чѣмъ обезпечена его прочность и устойчивость; разрѣшеніе сдѣлокъ на золотую валюту въ цѣляхъ облегченія доступа металла изъ-за границы, приемъ золота въ кассы государственнаго казначейства по всѣмъ платежамъ на основаніи объявленнаго курса, продажа и покупка золота въ учрежденіяхъ государственнаго банка, приемъ золотыхъ вкладовъ съ выпускомъ подъ нихъ депозитныхъ квитанцій, разнѣнныхъ по предъявленію.

Но это, какъ справедливо указывается въ докладѣ, лишь подготовительныя мѣры, нисколько не предрѣшающія еще ея осуществленія. Осуществленіе мѣры должно заключаться въ изытаніи изъ обра-

¹⁾ По указу 1-го января настоящаго года еще 50 м. р. зол. перечислены изъ суммъ государственнаго казначейства въ разнѣнный фондъ, наличность котораго достигла такимъ образомъ 425 м. р. зол., не считая 75 милл. р., въ обезпеченіе временнаго выпуска билетовъ.

щенія *обязательныхъ* кредитныхъ билетовъ, въ установленіи права требовать всѣхъ уплатъ, отъ самыхъ мелкихъ, монетой (золотой) или билетами съ обезпеченіемъ имъ безостановочнаго размѣна на золото во всякое время, въ переводѣ существующихъ обязательствъ частныхъ и казенныхъ изъ нынѣшней кредитной валюты въ металлическую золотую. Не должно забывать, что сверхъ обращающихся у насъ кредитныхъ билетовъ на сумму около 1.200 милл. рублей существуютъ еще долговныя обязательства казны въ кредитныхъ билетахъ въ размѣрѣ слишкомъ $3\frac{1}{2}$ миллиардовъ рублей, что эти обязательства обращаются какъ внутри имперіи, такъ и за границей и что по нимъ, немедленно съ переходомъ отъ кредитнаго денежнаго обращенія въ металлическое, пришлось бы произвести соответствующій расчетъ.

Плана предстоящаго осуществленія реформы денежнаго обращенія въ докладѣ не указано. Въ немъ высказываются лишь общія положенія, имѣющія характеръ пожеланій: „Реформа эта, по мнѣнію министра финансовъ, должна быть осуществлена такъ, чтобы не произвести малѣйшихъ сотрясеній и какихъ бы то ни было искусственныхъ измѣненій существующихъ условій, ибо на денежной системѣ покоятся всѣ оцѣнки, всѣ имущественные и трудовые интересы населенія. Непосредственно отъ преобразованія никто не долженъ обогатиться, никто не долженъ обѣднѣть; оно должно лишь подъ всякую оцѣнку, подъ всякое имущество, подъ всякій доходъ и заработокъ подвести уже приуготовленный прочный, устойчивый фундаментъ, на которомъ все стояло бы твердо, не боясь сотрясеній, не опасаясь неожиданностей. Государственная мудрость при подобныхъ преобразованіяхъ заключается въ томъ, чтобы не считаться съ доктринами и мечтаніями, но единственно съ реально существующими фактами“.

Все это вполне вѣрно и желательно. Позволимъ себѣ сдѣлать лишь небольшую оговорку относительно „доктринъ“. Буквальное и слѣпое, безъ соображенія съ реально существующими фактами, примѣненіе доктринъ, т.-е. результата наблюдений и выводовъ, выработанныхъ при однихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, къ обстоятельствамъ и условіямъ другимъ, было бы несомнѣнно крупной ошибкой. Но тѣмъ не менѣе и такія доктрины несомнѣнно могутъ служить надежнымъ пособіемъ, если ими пользоваться рационально, съ полнымъ вниманіемъ къ ихъ смыслу и съ должной критической оцѣнкой ихъ отношенія къ реальнымъ фактамъ, т.-е., именно только „считаться“ съ ними, но не подчиняться имъ слѣпо, и пользоваться доктриною, какъ пользуются маякомъ: маякъ вовсе не указываетъ, что корабль долженъ быть направленъ на его огонь; онъ помогаетъ только ориентироваться въ направленіи пути.—О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1896.

Манифестъ о коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ. — Новый уставъ крестьянскаго поземельнаго банка. — Переходъ тюремъ въ вѣденіе министерства юстиціи. — Разъясненіе положенія объ усиленной охранѣ. — Еще о законности и законномѣрности. — Несправедливое обвиненіе противъ земства.

1-го января состоялся Высочайшій манифестъ слѣдующаго содержанія:

„При помощи Божіей, вознамѣрились Мы, въ маѣ мѣсяцѣ сего года, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, по примѣру Благочестивыхъ Государей, Предковъ нашихъ, возложить на Себя Корону и воспріять, по установленному чину, Святое Мѣропомазаніе, приобщивъ къ сему и Любезнѣйшую Супругу Нашу, Государыню Императрицу Александру Теодоровну. Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, въ предстоящій торжественный день Коронованія, раздѣлить радость Нашу и вмѣстѣ съ Нами вознести горячую молитву Подателю всѣхъ благъ, да изліетъ на Насъ Дары Духа Своего Святаго, да укрѣпится Онъ Державу Нашу и да направитъ Онъ Насъ по стопамъ Незабвеннаго Родителя Нашего, Коего жизнь и труды на пользу дорогаго Отечества останутся для Насъ навсегда свѣтлымъ примѣромъ“.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, въ тотъ же день даннымъ Прав. Сенату, признано за благо призвать въ Москву, во времени Коронованія Ихъ Величествъ, сословныхъ и другихъ представителей россійской имперіи, по примѣру коронованія въ Востъ почившаго императора Александра III. Всѣ распоряженія по приготовленію къ Коронованію Ихъ Величествъ возложены на министерство императорскаго двора, съ учрежденіемъ при министрѣ коронаціонной комиссіи и коронаціонной канцеляріи.

Во второй половинѣ декабря минувшаго года обнародовано нѣсколько важныхъ узаконеній. Первое мѣсто между ними занимаетъ новый уставъ крестьянскаго поземельнаго банка, Высочайше утвержденный 27-го ноября. О временномъ, въ видѣ опыта, расширеніи круга дѣйствій банка мы уже говорили въ нашей январской общественной хроникѣ, по поводу страстныхъ нападокъ, встрѣченныхъ этой мѣрой со стороны нѣкоторыхъ органовъ печати. Присмотримся теперь поближе къ нововведенію, возбуждающему до сихъ поръ множество противорѣчивыхъ сужденій. Крестьянскому банку разрѣшается покупать на свое имя и за свой счетъ земли и имѣнія, по предварительной ихъ оцѣнкѣ и по соображеніи съ потребностью населенія въ землѣ, а также съ выгодами и удобствами раздѣленія земли на участки и продажи ея крестьянамъ. Послѣ покупки банкомъ земля разбивается на участки, подготавливаемые, въ случаѣ надобности, для устройства на нихъ поселковъ и для увеличенія удобныхъ сельскохозяйственныхъ угодій. Продаются купленные банкомъ земли *по возможности* крестьянамъ, за исключеніемъ тѣхъ частей имѣнія, которыми крестьяне не могутъ воспользоваться непосредственно. Впредь до продажи купленной земли, банкъ отдаетъ ее въ аренду на сроки не свыше 9 лѣтъ, *преимущественно* крестьянамъ. Цѣна, по которой участокъ можетъ быть проданъ, опредѣляется сообразно съ оцѣнкою, установленною для выдачи банкомъ ссудъ подъ залогъ земли. Относительно размѣра участковъ, продаваемыхъ крестьянамъ, соблюдаются общія правила устава банка. Продажа можетъ быть совершена какъ за наличныя деньги, такъ и посредствомъ выдачи ссуды на общемъ основаніи. Итакъ, право покупки принадлежитъ банку только по отношенію къ тѣмъ имѣніямъ или землямъ, распродажа которыхъ крестьянамъ, мелкими участками, заранѣе представляется удобоосуществимою и болѣе или менѣе обезпеченною. Одного предложенія на продажу, хотя бы, съ финансовой точки зрѣнія, и выгоднаго, еще недостаточно: банкъ обязанъ удостовѣриться въ существованіи спроса *на данную землю* со стороны крестьянъ, и притомъ такого спроса, который соотвѣтствуетъ назначенію и характеру дѣятельности банка. Ожидаемые покупщики должны быть непременно крестьяне, и притомъ крестьяне, нуждающіеся въ землѣ и не обращающіеся, для ея обработки, къ найму постороннихъ лицъ. Этимъ самымъ устраиваются покупки, направленные не къ лучшему поземельному устройству крестьянъ, а къ достиженію цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ задачами крестьянскаго банка. Мы не раздѣляемъ, поэтому, недобѣрія, внушаемаго новымъ закономъ нѣкоторымъ изъ самыхъ искреннихъ сторонниковъ крестьянскихъ интересовъ. Они боятся, что рѣшающее значеніе при покупкѣ земли будутъ имѣть иногда не столько вы-

годы будущихъ приобретателей-крестьянъ, сколько выгоды продавца-дворянина, не находящаго покупателей или находящаго ихъ лишь по цѣнѣ низшей сравнительно съ тою, какую даетъ ему банкъ. Законъ, какъ мы уже видѣли, не допускаетъ ничего подобнаго; онъ прямо указываетъ банку такія цѣли, такіе пути и способы дѣйствія, при которыхъ потворство продавцу мыслимо лишь въ видѣ явнаго злоупотребленія. Безспорно, злоупотребленія бываютъ вездѣ и всегда — но именно потому одна ихъ *возможность* не служитъ достаточно сильнымъ аргументомъ противъ новаго закона. Въ занимающемъ насъ вопросѣ весьма серьезной гарантіей противъ злоупотребленій, состоящихъ въ чрезмѣрномъ повышеніи покупной цѣны, является неизбѣжность ихъ обнаруженія, и притомъ въ довольно непродолжительномъ времени. Въ самомъ дѣлѣ, земля, купленная банкомъ по слишкомъ дорогой цѣнѣ, или не найдетъ дальнѣйшихъ покупателей и останется на рукахъ у банка, служа нагляднымъ доказательствомъ его вины или ошибки,—или если и найдетъ ихъ (между крестьянами, готовыми переплатить лишнее за нужную имъ землю), то вскорѣ возвратится къ банку, за несостоятельностью покупателей ко взносу непосильныхъ и непохвальныхъ платежей. Съ этой точки зрѣнія можно примириться даже съ временнымъ характеромъ новаго порядка, составляющимъ, очевидно, компромиссъ между двумя противоположными теченіями. Чѣмъ быстрее и удачнѣе пойдетъ распродажа земель, купленныхъ банкомъ за свой счетъ, чѣмъ рѣже эти земли будутъ попадать въ не-крестьянскія руки, чѣмъ исправнѣе будутъ поступать платежи покупателей крестьянъ—тѣмъ меньше останется мѣста для сомнѣній какъ въ пользѣ дѣла, вновь возложеннаго на банкъ, такъ и въ способности банка къ успѣшному его веденію. Въ 1900 г., когда окончится пятилѣтній срокъ временныхъ правилъ и придется поставить вопросъ о ихъ возобновленіи или обращеніи въ постоянныя, противодействие банковской покупкѣ земель будетъ, по всей вѣроятности, не менѣе сильно, чѣмъ было въ 1895-мъ; тѣмъ важнѣе для администраціи банка и для министерства финансовъ заручиться, къ тому времени, благоприятными фактическими данными и избѣжать погрѣшностей, которыми не преминули бы воспользоваться противники. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, весьма существенно обезпечиваетъ правильность дѣйствій банка и вводимое новымъ уставомъ ежегодное представленіе отчетовъ банка—на усмотрѣніе государственнаго совѣта.

Сочувствуя, въ принципѣ, покупкѣ земель за счетъ крестьянскаго банка, для перепродажи ихъ крестьянамъ, мы находимъ, однако, что правила, регулирующія эту операцію, несвободны отъ нѣкоторыхъ частныхъ недостатковъ. Главный изъ нихъ, въ нашихъ глазахъ—это при-

знаніе за крестьянами только *преимущественно*, а не исключительнаго права на покупку и арендованіе земель, приобрѣтённыхъ банкомъ. Что значать слова закона: „банкъ продаетъ купленные имъ земли *по возможности* крестьянамъ“? Вѣдь еще прежде покупки банкъ долженъ удостовѣриться въ томъ, что населеніе (очевидно — сосѣднее съ покупаемою землею, а въ иныхъ случаяхъ — переселившееся или переселяющееся въ ближайшія ея окрестности) имѣетъ потребность въ землѣ; сообразно съ этимъ производится и раздѣленіе земли на участки, а также подготовка участковъ къ ихъ будущему назначенію. Откуда же можетъ явиться *невозможность* продать землю крестьянамъ (особенно въ виду правила о продажѣ постороннимъ лицамъ тѣхъ частей имѣнія, которыми, за силою устава, не могутъ воспользоваться непосредственно крестьяне — напр. фабрикъ, заводовъ, паровыхъ мельницъ и т. п.)? Еслибы, паче чаянія, тѣ крестьяне, на которыхъ рассчитывалъ банкъ, и отказались отъ приобрѣтенія земли, то всегда — при сколько-нибудь рациональной, т. е. не черезчуръ дорогой первоначальной покупной цѣнѣ — найдутся другіе покупатели изъ крестьянъ или вообще земледѣльцевъ ¹⁾, а на время до пріисканія ихъ — арендаторы изъ той же среды. Трудно представить себѣ такой случай, когда для земли, правильно купленной, не оказалось бы на лицо даже арендаторовъ-крестьянъ. Вѣдь къ крестьянамъ же обратился бы, для обработки земли, арендаторъ изъ другого общественнаго класса, снявшій ее отъ банка; почему же эти самые крестьяне не могли бы войти прямо въ соглашеніе съ банкомъ? Посредники могутъ быть удобны для землевладѣльца, желающаго, прежде всего, поднять арендную плату и обезпечить регулярное ея поступленіе; но они совершенно ненужны для крестьянскаго банка, задача котораго состоитъ не въ томъ, чтобы получить за землю или отъ земли какъ можно больше, а въ томъ, чтобы передать ее въ руки людей, всего больше въ ней нуждающихся и всего лучше умѣющихъ ею пользоваться... Разъ что выраженіе: *по возможности, преимущественно*, вошли въ текстъ закона, желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы они были понимаемы и примѣняемы въ смыслѣ наиболѣе соответствующемъ намѣренію законодателя. Преимущество передъ лицами другихъ сословій крестьяне должны имѣть не только при прочихъ равныхъ условіяхъ, но и тогда, когда *сходнѣе*, въ обыкновенномъ значеніи слова, было бы вступить въ сдѣлку съ не-крестьяниномъ. Представимъ себѣ, на примѣръ, что на покупку земли затрачено банкомъ двѣ тысячи рублей. Покупате-

¹⁾ Новый уставъ крестьянскаго банка совершенно основательно уравниваетъ съ крестьянами постоянно проживающихъ въ селеніяхъ мѣщанъ, занимающихся земледѣліемъ. Важно не сословіе, а занятіе; первое, если можно такъ выразиться, является только *внѣшней* послѣдствіемъ.

лей представляется два: съ одной стороны—сельское общество, дающее за землю именно ту сумму, въ которую она обошлась банку, съ другой—частное лицо не-земледѣльческаго класса, предлагающее за нее 2½ тысячи рублей. Не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что она должна быть продана первому, а не второму. Точно такъ же слѣдуетъ рѣшить вопросъ и въ томъ случаѣ, если за арендованiе земли крестьяне предлагаютъ 80 руб. въ годъ, т.-е. 4% съ ея стоимости, а частное лицо—100 руб. и болѣе. Мы думаемъ даже, что банкъ можетъ и долженъ скорѣе понести нѣкоторый убытокъ, чѣмъ распорядиться купленною землею несогласно съ назначенiемъ банка.

Покупка земли за счетъ банка разрѣшается, по закону 27-го ноября, большинствомъ двухъ третей голосовъ общаго присутствiя совѣтовъ крестьянскаго и дворянскаго банковъ, съ утвержденiя министра финансовъ; но отъ управляющаго банкомъ зависитъ представить дѣло на усмотрѣнiе министра, хотя бы въ пользу покупки не составилось вышеуказаннаго большинства. Для насъ не совсѣмъ понятно, во-первыхъ, почему къ участiю въ разрѣшенiи вопроса призывается здѣсь совѣтъ дворянскаго банка. Заинтересованнымъ въ покупкахъ, производимыхъ за счетъ крестьянскаго банка, дворянскiй банкъ могъ бы быть въ такомъ лишь случаѣ, еслибы цѣлью покупокъ было не только увеличенiе крестьянскаго землевладѣнiя, но и помощь обѣднѣвшимъ дворянамъ—другими словами, еслибы крестьянскiй банкъ покупалъ, по возвышенной цѣнѣ, преимущественно имѣнiя, близкiя къ продажѣ за долгъ дворянскому банку. Такъ какъ ничего подобнаго въ виду не имѣется, то дворянскому банку слѣдовало бы оставаться совершенно въ сторонѣ отъ новаго круга дѣйствiй крестьянскаго банка. Трудно объяснить себѣ, во-вторыхъ, почему и для чего министръ финансовъ облеченъ властью разрѣшать, по представленiю управляющаго банкомъ, покупку имѣнiя, въ пользу которой не состоялось, въ соединенномъ присутствiи обоихъ совѣтовъ, узаконеннаго большинства голосовъ. Въ аналогичныхъ случаяхъ роль высшаго представителя администрацiи бываетъ обыкновенно ограничительная, умѣряющая, сдерживающая: ему дается право наложить свое veto на рѣшенiе, грѣшащее недостаткомъ благоразумiя и осмотрительности—но отнюдь не право отмѣнять рѣшенiе, продиктованное осторожностью, и принимать мѣру, отклоненную въ качествѣ черезчуръ рискованной. Мы не можемъ вообразить себѣ такую комбинацiю обстоятельствъ, при которой покупка, не одобренная коллегiальнымъ учрежденiемъ, была бы настолько выгодна, полезна и необходима, чтобы оправдать внимательство министра, идущее въ разрѣзъ съ мнѣнiемъ его совѣтниковъ. Замѣтимъ, вдобавокъ, что, по буквальному смыслу разбираемаго нами правила, министръ финансовъ можетъ, по представ-

женію управляющаго банкомъ, предписать покупку имѣнія даже тогда, когда за нее въ общемъ присутствіи совѣтовъ высказалось только абсолютное меньшинство или не высказался никто (кромѣ управляющаго). Весьма вѣроятно, что на практикѣ подобныхъ предписаній встрѣчаться не будетъ; но къ чему же, въ такомъ случаѣ, узаконять ихъ возможность?

Переходя отъ временныхъ правилъ, разрѣшающихъ покупку земли за счетъ крестьянскаго банка, къ самому уставу банка, мы находимъ и здѣсь весьма существенныя перемѣны къ лучшему. Расширяется въ одно и то же время и территорія дѣйствій банка (ст. 2 новаго устава предусматриваетъ постепенное распространеніе дѣятельности банка на всѣ мѣстности имперіи), и кругъ лицъ, могущихъ пользоваться его услугами (мы уже видѣли, что сюда причисляются всѣ мѣщане, постоянно проживающіе въ селеніяхъ и занимающіеся земледѣліемъ), и кругъ операций, имъ совершаемыхъ (кромѣ ссудъ на покупку земель, банку разрѣшается выдавать ссуды и подъ залогъ земли, уже приобретенной крестьянами, для погашенія лежащихъ на ней долговъ). При дѣйствіи прежняго устава общимъ правиломъ являлась выдача ссудъ по нормальной оцѣнкѣ, исключеніемъ—выдача ссудъ по оцѣнкѣ специальной; теперь общимъ правиломъ становится, наоборотъ, выдача ссудъ по специальной оцѣнкѣ, болѣе выгодная для крестьянъ, потому что она допускаетъ болѣе высокую максимальную норму ссуды и, слѣдовательно, уменьшаетъ столь тягостныя, часто разорительныя для покупателей доплаты. Прежде ссуда не могла превышать 75% специальной оцѣнки; теперь она можетъ доходить до 90% (а при покупкѣ земли отъ банка—даже до полной оцѣночной суммы). Для банка дѣлается обязательнымъ изслѣдованіе *всѣхъ* условій сдѣлки, которую предполагается совершить при его содѣйствіи; другими словами, онъ долженъ удостовѣряться не только въ *обеспеченности ссуды*, но и въ *выгодности покупки* для крестьянъ. Чтобы облегчить такое удостовѣреніе, уставъ 27-го ноября вводитъ новую должность — непремѣнныхъ членовъ отдѣленій банка, губернскихъ и уѣздныхъ. Нѣкоторые изъ числа этихъ непремѣнныхъ членовъ будутъ жить не въ мѣстѣ нахождения отдѣленія, а въ другихъ пунктахъ, назначенныхъ министромъ финансовъ, что, конечно, должно способствовать болѣе близкому ихъ знакомству съ райономъ ихъ дѣятельности и болѣе усильному производству изслѣдованій, отъ которыхъ зависитъ то или другое рѣшеніе банка. Весьма цѣлесообразны, далѣе, правила, направленные къ предупрежденію всего того, что можетъ уменьшить стоимость заложенной земли. Для продажи лѣса на срубъ, для продажи и сноса строеній, для заключенія арендныхъ договоровъ требуется разрѣшеніе

банка; ему предоставляется также возлагать на заемщиковъ, при выдачѣ ссуды, выполненіе извѣстныхъ работъ, возведеніе извѣстныхъ строеній, и принимать мѣры противъ неправильнаго пользованія землею, ведущаго къ ея истощенію. Наконецъ, отчужденіе купленной земли, до погашенія долга, допускается только съ согласія банка и съ соблюденіемъ тѣхъ же условій, которыя требуются при покупкѣ. Земля, купленная при содѣйствіи банка, можетъ, слѣдовательно, быть продаваема только такимъ обществамъ, товариществамъ или отдѣльнымъ лицамъ, которыя сами имѣютъ право на помощь банка.

Къ числу недостатковъ новаго устава принадлежитъ, прежде всего, соединеніе въ одномъ лицѣ управленія банками крестьянскимъ и дворянскимъ. До сихъ поръ такое соединеніе существовало только какъ фактъ; теперь оно предписывается закономъ. Совмѣстительство двухъ должностей, изъ которыхъ каждая можетъ наполнить всю дѣятельность лица, ее занимающаго, никакихъ выгодъ для дѣла не представляетъ, а неудобствъ имѣетъ много. Назначеніе обоихъ банковъ столь же различно, какъ и ихъ функціи. Дворянскій банкъ старается предупредить перемѣны въ землевладѣніи; крестьянскій банкъ имъ благопріятствуетъ и способствуетъ. Дворянскій банкъ охраняетъ землевладѣніе крупное и среднее; крестьянскій банкъ распространяетъ мелкое землевладѣніе. Кредитомъ дворянскаго банка пользуются тѣ, кто уже владѣетъ землею; кредитомъ крестьянскаго банка, въ огромномъ большинствѣ случаевъ—тѣ, кто только-что ее приобрѣлъ или приобретаетъ. Для дворянскаго банка важна только платежеспособность его должниковъ; для крестьянскаго банка не менѣе важно многое другое. О тождествѣ или сходствѣ приѣмовъ, при такомъ несходствѣ цѣлей, не можетъ быть и рѣчи. Одна изъ задачъ, механически поставленныхъ другъ подлѣ друга, но органически ничѣмъ не связанныхъ, неминуемо должна отвлекать вниманіе отъ другой—и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ большинствѣ случаевъ преобладающее значеніе будетъ принадлежать задачѣ дворянскаго банка. По той же причинѣ нельзя ожидать хорошихъ результатовъ и отъ временной командировки членовъ совѣта дворянскаго банка въ совѣтъ крестьянскаго банка, и наоборотъ. Въ нашемъ служебномъ строѣ спеціализація обязанностей и занятій составляетъ общее правило, къ отступленію отъ котораго едва ли имѣлось основаніе и въ данномъ случаѣ. Уменьшеніе суммы служебнаго опыта, неизбежное при частыхъ перемѣнахъ дѣятельности, является здѣсь потерей, рѣшительно ничѣмъ не уравниваемой. Да и какой можетъ быть серьезный поводъ къ періодической перетасовкѣ членовъ обоихъ совѣтовъ? Если оказывается, что членъ совѣта крестьянскаго банка болѣе способенъ быть членомъ совѣта дво-

рянскаго банка (или наоборотъ), то почему бы не перевести его туда совсѣмъ, зачѣмъ ограничиваться временной его командировкой?

Въ новомъ законѣ не нашли мѣста, къ сожалѣнію, нѣкоторыя начала, имѣвшіяся въ виду при первоначальномъ проектированіи крестьянскаго банка. Уставъ 27-го ноября 1895 г., какъ и замѣненное имъ положеніе 18-го мая 1882 г., не дѣлаетъ никакого различія между категоріями покупателей и не обусловливаетъ помощь, оказываемую банкомъ, *степенью* нужды въ землѣ. Иначе ставился вопросъ, когда мысль объ устройствѣ крестьянскаго банка, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, только-что возникла въ официальныхъ сферахъ. Сельскимъ обществамъ, въ мѣстностяхъ общиннаго землевладѣнія, предполагалось дать, какъ покупателямъ земли, рѣшительное предпочтеніе передъ отдѣльными крестьянами; товариществамъ предполагалось разрѣшать покупку земли при помощи банка только тогда, когда они образованы съ цѣлью выселенія или переселенія; право на покупку обусловливалось, во всякомъ случаѣ, недостаточностью количества земли, состоящей въ дѣйствительномъ владѣніи покупателей. Мы не утверждаемъ, чтобы именно эти предположенія составляли наилучшій способъ разрѣшенія вопроса; мы стоимъ только за основную ихъ мысль, въ силу которой дѣятельность крестьянскаго банка должна быть обращена исключительно или, по меньшей мѣрѣ, преимущественно на пользу крестьянъ *малоземельныхъ* и *безземельныхъ*. Въ настоящее время, вслѣдствіе расширенія функций банка, это было бы еще болѣе удобоосуществимо, чѣмъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ. Пока банкъ былъ только посредникомъ между продавцами и покупателями, онъ, по необходимости, долженъ былъ выжидать спроса на его содѣйствіе и приспособляться къ обстоятельствамъ, не имъ созданнымъ; но теперь, когда онъ въ правѣ покупать земли за свой счетъ, онъ можетъ сообразовать свои покупки именно съ потребностями крестьянъ (и въ особенности крестьянскихъ обществъ), поставленныхъ въ наименѣе выгодныя экономическія условія. Прямое, въ этомъ смыслѣ, предписаніе закона было бы, конечно, весьма важной и ничѣмъ незамѣнимой гарантіей; но и при отсутствіи такого предписанія возможна дѣятельность, направленная къ той же цѣли. Не будучи *обязанъ* принимать въ расчетъ имущественное положеніе своихъ кліентовъ, банкъ имѣетъ на то полное *право*—и нельзя не пожелать, чтобы онъ какъ можно больше имъ пользовался.

Въ составъ первоначальнаго проекта устройства крестьянскаго банка входило еще одно предположеніе, оставшееся и остающееся безъ осуществленія: имѣлось въ виду открытіе отдѣленій крестьянскаго банка при губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управахъ, съ участіемъ уполномоченныхъ отъ министерствъ финансовъ и внутрен-

нихъ дѣлъ. Такія отдѣленія, подчиненныя, конечно, центральному банковому управленію, послужили бы лучшимъ средствомъ распространенія дѣятельности банка и приближенія ея къ населенію, особенно важнаго именно теперь, въ виду расширенія функций банка. Закономъ открытіе *уѣздныхъ* отдѣленій не воспрещено, но на самомъ дѣлѣ, если мы не ошибаемся, ихъ нѣтъ нигдѣ, да едва ли и можно ожидать, въ скоромъ времени, ихъ устройства, такъ какъ оно сопряжено съ значительными расходами. Учрежденіемъ непремѣнныхъ уѣздныхъ членовъ, если оно и получить широкое развитіе, этотъ пробѣлъ восполняется лишь отчасти: большая разница — произвести на мѣстѣ только предварительное изслѣдованіе или тамъ же закончить всю процедуру, предшествующую представленію дѣла на разрѣшеніе центральной власти. Земскія отдѣленія банка представляли бы еще одно существенно важное удобство: сближая дѣятельность банка съ дѣятельностью земства, они увеличивали бы размѣры участія, принимаемаго послѣднимъ въ расширеніи крестьянскаго землевладѣнія. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что уставъ 27-го ноября допускаетъ исполненіе обязанностей непремѣннаго члена представителями земства, засѣдающими, по выбору земскаго собранія, въ отдѣленіи крестьянскаго банка; но значеніе этой мѣры уменьшается тѣмъ, что такихъ представителей—только два на дѣлю губернію.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ 13-го декабря главное тюремное управленіе выдѣлено изъ состава министерства внутреннихъ дѣлъ и присоединено къ составу министерства юстиціи, съ присвоеніемъ министру юстиціи званія президента общества попечительнаго о тюрьмахъ. Мотивирована эта мѣра съ одной стороны крайнею обширностью и разнообразіемъ предметовъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, съ другой—необходимостью „сблизить тюремное дѣло, въ его законодательной постановкѣ и практическомъ осуществленіи, съ важнѣйшими интересами уголовного правосудія“, особенно въ виду приходящаго къ концу общаго пересмотра уголовныхъ законовъ. И дѣйствительно, значительно ббльшая часть тюремнаго населенія имѣетъ непосредственное соприкосновеніе съ судебнымъ вѣдомствомъ: одни ожидаютъ, въ мѣстахъ заключенія, окончанія производящагося надъ ними слѣдствія и суда, другіе отбываютъ наказаніе, наложенное на нихъ судебнымъ приговоромъ. Точное соблюденіе тюремной дисциплины по отношенію къ подслѣдственнымъ арестантамъ представляется однимъ изъ средствъ, обезпечивающихъ раскрытіе истины на судѣ—но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не должно выходить ни на шагъ за предѣлы безусловно-необходимаго, такъ какъ иначе простая предосторожность

обратилась бы въ карательную мѣру, можетъ быть вовсе незаслуженную и во всякомъ случаѣ преждевременную. Соблюсти равновѣсіе между обоими требованіями всего легче, безъ сомнѣнія, именно судебному вѣдомству. Еще болѣе цѣлесообразно сосредоточеніе въ одномъ вѣдомствѣ и назначенія, и исполненія наказаній, такъ какъ послѣднее возбуждаетъ массу вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ первымъ. Только при судебномъ или судебно-административномъ управленіи тюрьмами можетъ, напримѣръ, получить широкое развитіе институтъ условнаго осужденія и условнаго освобожденія; только при такомъ управленіи карательныя мѣры, вызываемыя тюремной дисциплиной, могутъ потерять характеръ произвольныхъ распоряженій. Замѣтимъ, однако, что до сихъ поръ нѣкоторой гарантіей противъ злоупотребленій со стороны тюремной администраціи являлся прокурорскій надзоръ, именно потому, что его представители не были подчинены министерству внутреннихъ дѣлъ. Теперь, съ переходомъ мѣстъ заключенія въ вѣденіе министерства юстиціи, эта гарантія теряетъ свое прежнее значеніе и должна быть замѣнена чѣмъ-нибудь другимъ. Всего желательнѣе, съ этой точки зрѣнія, было бы усиленіе общественной элемента въ завѣдываніи тюрьмами—расширеніе правъ, принадлежащихъ попечительнымъ о тюрьмахъ комитетамъ и ихъ отдѣльнымъ членамъ.

7-го минувшаго декабря Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, состоявшемуся по приглашенію съ министромъ юстиціи, Высочайше повелѣтъ соизволилъ:

„I. Въ видѣ временной мѣры, предположенія генераль-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ о воспрещеніи пребыванія въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностяхъ отдѣльнымъ лицамъ, признаваемымъ вредными для общественнаго спокойствія, вслѣдствіе порочнаго ихъ поведенія, приводить въ исполненіе не иначе, какъ по предварительномъ каждый разъ рассмотрѣніи и утвержденіи предположенной мѣры порядкомъ, означеннымъ въ статьяхъ 33—35 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. II. Разяснить: 1) что жалобы на распоряженія генераль-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ, послѣдовавшія на основаніи пункта 4 статьи 16 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, не подлежатъ рассмотрѣнію внѣ порядка, опредѣленнаго въ статьяхъ 1 и 2 сего положенія, и 2) что при обсужденіи означенныхъ жалобъ должны быть принимаемы въ соображеніе послужившія основаніемъ къ принятію обжалованной мѣры данныя о политической неблагонадежности лица, коего мѣра сія касается, или о той опасности, ко-

торию оно представляет для общественнаго спокойствія, вслѣдствіе порочнаго своего поведенія. III. Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ безотлагательно подвергнуть пересмотру дѣйствующія постановленія объ административной высылкѣ*.

На основаніи ст. 55 св. зак. осн., „дополненія и изъясненія закона, коими устанавливается токмо образъ его исполненія или же опредѣляется истинный его разумъ, могутъ быть излагаемы, по словеснымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, въ видѣ указовъ, объявляемыхъ мѣстами и лицами, отъ Верховной власти къ сему уполномоченными“. Такимъ ли именно дополненіемъ или изъясненіемъ закона—т.-е. положенія 14 августа 1881 г. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія—представляется, въ большей своей части, Высочайшее повелѣніе 7-го декабря? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо установить предѣлы дѣйствія положенія 14 августа 1881 г., въ обществи обыкновенно называемаго положеніемъ объ усиленной охранѣ. Въ одномъ изъ нашихъ прежнихъ обзорѣевъ (1895 г., № 1) мы имѣли уже случай показать, что значеніе и назначеніе этого положенія—чисто-политическое, что оно направлено исключительно къ предупрежденію государственныхъ преступленій, къ подавленію крамолы. Именно такъ истолковалъ положеніе и государственный совѣтъ, въ опубликованномъ, лѣтомъ 1895 г., рѣшеніи по дѣлу купца Келлера. Высылка Келлера признана неправильною въ виду того, что основаніемъ къ ней послужило „не охраненіе государственнаго порядка и общественной безопасности, а свѣденія о сомнительной нравственности Келлера и подозрѣніе въ совершеніи имъ дѣяній, подлежащихъ преслѣдованію въ общемъ порядкѣ“¹⁾. Примѣненіе положенія 1881 г. къ лицамъ *порочнонаго поведенія*, опаснымъ для общественнаго спокойствія, является, такимъ образомъ, не „опредѣленіемъ истиннаго разума“ этого положенія, а *распространеніемъ его дѣйствія* на такую категорію случаевъ, которая не имѣлась въ виду при его изданіи и не подходит ни подъ буквальный, ни подъ внутренний его смыслъ. Такое распространеніе равносильно новому законодательному акту—а къ новымъ узаконеніямъ, хотя бы временнымъ, ст. 55 неприменима. Если даже разсматривать его какъ „дѣло, относящееся до общаго спокойствія и безопасности“, то и въ такомъ случаѣ оно подлежало, за силою пун. 1 ст. 26 книги 2-ой т. I ч. II св. зак. изд. 1892 г., предварительному разсмотрѣнію комитета министровъ, черезъ который прошло, какъ извѣстно, и самое положеніе объ охранѣ. Что узаконеніе административной высылки людей „порочнаго поведенія“ составляетъ, въ сущности, постановленіе новое—это явствуетъ и изъ

* См. „Внутр. Обзоріе“ въ № 9 „Вѣстника Европы“ за 1895 г.

перваго пункта Высочайшаго повелѣнія 7-го декабря, предписывающаго предварительное разсмотрѣніе вопроса о высылкѣ такихъ людей въ порядкѣ, опредѣленномъ ст. 33-35 положенія 1881 г. (т. е. въ особомъ совѣщаніи, состоящемъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, изъ двухъ членовъ отъ этого министерства и двухъ—отъ министерства юстиціи). Еслибы положеніе 1881 г. обнимало собою, по истинному своему разуму, людей „порочнаго поведенія“, то соблюденіе, по отношенію къ нимъ, ст. 33-35 положенія разумѣлось бы само собою, за силою статьи 32-ой; незачѣмъ было бы устанавливать его въ видѣ особой временной мѣры.

Все сказанное нами до сихъ поръ примѣнимо исполнѣ и къ той части Высочайшаго повелѣнія 7-го декабря, которая касается *обжалованія* распоряженій, состоявшихся на основаніи положенія 1881 г. Рѣшеніемъ государственнаго совѣта по дѣлу Келлера было разъяснено, что жалобы на *незаконность* такихъ распоряженій (но не на неправильность ихъ по существу) подлежатъ вѣденію правительствующаго сената. Устанавливая, вопреки этому разъясненію, что никому другому, кромѣ министра внутреннихъ дѣлъ, жалобы на распоряженія, принятія въ силу положенія 1881 г., приносимы быть не могутъ, Высочайшее повелѣніе 7-го декабря устанавливаетъ, очевидно, *новое* правило, вторымъ законъ не разъясняется, а измѣняется.

Въ связанномъ нами о формальной сторонѣ вопроса выражается, до извѣстной степени, наше мнѣніе по его существу. Мы никакъ не можемъ согласиться съ оптимистическимъ взглядомъ, усматривающимъ въ новой мѣрѣ залогъ „большаго обезпеченія личности, болшей „неприкосновенности законной области ея свободнаго самоопредѣленія“¹⁾. Небольшимъ, но все-таки замѣтнымъ шагомъ впередъ по направленію къ этой дѣли было мнѣніе государственнаго совѣта по дѣлу Келлера, именно потому, что оно съузило сферу дѣйствія положенія 14 августа 1881 г., чрезмерно расширившуюся на практикѣ, и подчинило примѣненіе его законному контролю высшаго административнаго суда. Высочайшимъ повелѣніемъ 7 декабря дѣло возвращено въ тотъ видъ, какой оно имѣло до воспослѣдованія рѣшенія по дѣлу Келлера; вся разница въ томъ, что существовавшее тогда *de facto* теперь будетъ существовать *de jure*. Совершенно другой смыслъ можетъ получать, вслѣдствіе этого, и пересмотръ дѣйствующихъ постановленій объ административной высылкѣ, именно потому, что одновременно съ приступомъ къ составленію новыхъ правилъ расширяется сфера примѣненія прежнихъ, чѣмъ, конечно, можетъ быть затруднена защита для лицъ, *подводимыхъ* подъ ихъ дѣйствіе.

¹⁾ См. № 1 „Недѣли“ за 1896 г., статью: „Важнѣшія задачи“.

Вопросъ о законности и законности не сходится, въ последнее время, со страницъ нашей повременной печати. Важность его чувствуется всѣми—и искренними сторонниками законности, и безцеремонными ея отрицателями, и осторожными ея врагами, то сбрасывающими съ себя маску, то опять надѣвающими ее. Въ статьѣ о „Лакомыхъ словахъ“, разобранной нами въ предыдущемъ обзорѣ, „Московскія Вѣдомости“ или прямо на приступъ, доказывая невозможность обойтись безъ правонарушений; въ статьѣ о „законности“ (№ 12) онѣ предпринимаютъ обходное движеніе, увѣряя, что принципъ законности стоитъ внѣ всякаго спора и провозглашая, въ то же время, что для „поклонниковъ правового порядка“ законность—синонимъ „политическихъ правъ“. Посмотримъ, какъ обоснована эта попытка извратить настоящее значеніе спора.

„Законность того или другого порядка вещей, того или другого поступка,—говоритъ московская газета,—выражаетъ собою не что иное, какъ согласованіе этого порядка вещей или этого поступка съ закономъ. Казалось бы, идея законности настолько ясна, что не оставляетъ мѣста недоразумѣніямъ, и что для нея такъ же мало опасны противники, какъ бесполезны защитники... Каковы бы ни были политическіе взгляды и убѣжденія противника, нельзя предполагать, чтобы онъ сталъ серьезно защищать преимущество незаконнаго или беззаконнаго надъ законнымъ“. А что же дѣлали сами „Московскія Вѣдомости“, въ статьѣ: „Лакомыя слова“ и во многихъ другихъ? Оправдывая противозаконный арестъ „пьянаго банщика“ и противозаконное задержаніе рабочихъ, уходящихъ отъ нанимателя, восхваляя всякое превышеніе власти, лишь бы только оно было направлено къ одобряемой или цѣли, развѣ онѣ не защищали „преимущество незаконнаго и беззаконнаго передъ законнымъ“? Развѣ такая защита, совершенно уже беззащитчивая и прямая, не встрѣчалась и не встрѣчается на каждомъ шагу въ „Гражданинѣ“—и развѣ она находитъ отпоръ со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“? Развѣ онѣ не перепечатываютъ, съ явнымъ сочувствіемъ, „горячія и рѣзкія“ выходы кн. Мещерскаго, называя ихъ только „немного слишкомъ сангвиничными“¹⁾)?...

Криво порицая газету кн. Мещерскаго за поставленную ею дилемму: „законность или самодержавіе“, мягко доказывая безопасность правильно понимаемой законности, обновленная „С.-Петербургскія Вѣдомости“ признаютъ исполненіе закона обязательнымъ для учреждений и должностныхъ лицъ, черезъ посредство которыхъ верховная власть управляетъ государствомъ. „Создавая законъ,—говоритъ газета кн. Ухтомскаго,—государь не можетъ быть отъ него зависимъ, такъ какъ въ

¹⁾ См. № 1 „Гражданина“ и № 8 „Московскихъ Вѣдомостей“.

его власти каждую минуту отиѣнить законъ, не соответствующій его понятію о правдѣ, или приостановить его дѣйствіе... Верховная власть не ограничена, но власть, которую она предоставляетъ подчиненнымъ ей агентамъ, она ограничиваетъ законами". И вотъ въ этихъ-то рѣчахъ своего „единомышленника“ „Гражданинъ“ усматриваетъ попытку „что-то *наше* примирить съ *ихнимъ*“, т.-е. оказаться, въ одно и то же время, и благонамѣреннымъ и „либеральнымъ“!.. Чего добивается кн. Мещерскій—это становится яснымъ изъ сопоставленія его отвѣта „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ съ другими статьями на ту же тему, появившимися въ послѣднихъ нумерахъ „Гражданина“. „Прямимъ и существеннымъ интересамъ самодержавія, его силъ и его авторитету,— читаемъ мы въ статьѣ: „Два міра“ (№ 2), — начинаетъ угрожать опасность, когда представители административной власти самодержавнаго правительства отступаютъ въ тѣнь и *закмочаютъ себя въ рамки законности*". Въ другой статьѣ („Вяцшая закона“, № 3) авторъ сѣтуетъ на то, что судебные уставы „лишили представителей администраціи права судить о законности своихъ полномочій“, иными словами—что судить о законности той или другой административной мѣры долженъ, въ концѣ концовъ, не самъ администраторъ, принявшій эту мѣру, а судъ, въ качествѣ для всѣхъ равнаго охранителя и толкователя законовъ... Когда администрація ставится, такимъ образомъ, выше и внѣ закона, когда игнорированіе или нарушеніе закона возводится въ систему при всякомъ столкновеніи власти—съ подвластными, привилегированныхъ интересовъ—съ непривилегированными, повтореніе азбучныхъ истинъ о законности и законномѣрности становится неизбѣжнымъ, хотя бы только для того, чтобы вынудить признаніе ихъ со стороны менѣе прямолинейныхъ или менѣе откровенныхъ сторонниковъ произвола. Конечно, это признаніе не помѣшаетъ имъ, при первомъ удобномъ случаѣ, опять затянуть свою старую пѣсню—но самая пѣсня будетъ звучать не такъ увѣренно, разъ что ей можно будетъ противопоставить иначе гласящія слова самого пѣвца...

Законномѣрность, въ смыслѣ исполненія и соблюденія закона не одними лишь частными лицами, но и органами власти—это, безъ сомнѣнія, только первая ступень гражданственности, первое, необходимое, но далеко не единственное условіе правильнаго общественнаго строя. Могутъ быть случаи узаконенія произвола; могутъ быть законы, подрывающіе въ корнѣ самыя важныя права личности и самыя существенныя ихъ гарантіи. Представимъ себѣ, что вчера лишеніе свободы по одному неопредѣленному подозрѣнію, безъ предоставленія какихъ бы то ни было средствъ защиты, практиковалось администраціей на собственный рискъ и страхъ, безъ вся-

каго законнаго уполномочія, а завтра будетъ практиковаться на точномъ основаніи закона, разрѣшающаго администраціи дѣйствовать именно такимъ образомъ. Очевидно, что переиѣна была бы здѣсь не къ лучшему, а къ худшему; *превышеніе власти*, хотя бы и остающееся безнаказаннымъ и даже одобряемое, во всякомъ случаѣ является исключеніемъ, болѣе или менѣе рѣдкимъ, между тѣмъ какъ *пользованіе властью* сплошь и рядомъ становится общимъ правиломъ, уже потому, что въ не-пользованіи могутъ быть усмотрѣны признаки бездѣйствія власти. Истинная законность требуетъ, поэтому, не только *формальной* законности, т.-е. отсутствія прямого противорѣчія между закономъ и административными распоряженіями, но и законности, если можно такъ выразиться, *реальной*, т.-е. внутреннего соответствія между предписаніями закона и основными требованіями общезжитія. Сообразно съ этими требованіями должны быть регулированы не одни лишь предѣлы власти, но и условія ея примѣненія. Отсюда вытекаютъ сами собою границы *усмотрѣнія*, которое должно и можетъ быть предоставляемо различнымъ органамъ власти. Исходя изъ совершенно правильнаго положенія: „жизнь безконечно разнообразна, и кодексы, какъ бы они ни были подробно составлены, не могутъ предусмотрѣть всѣхъ ея безчисленныхъ случаевъ“, — „Московскія Вѣдомости“ приходятъ къ совершенно неправильному выводу: онѣ утверждаютъ, что усмотрѣнію администраціи должно быть предоставлено больше простора, чѣмъ усмотрѣнію суда, такъ какъ администраціи приходится предусматривать и предугадывать еще не наступившія обстоятельства, или, наоборотъ, содѣйствовать ихъ наступленію. Предметомъ сравненія являются здѣсь несоизмѣримыя величины: для того, чтобы опредѣлить значеніе усмотрѣнія въ сферахъ судебной и административной, нужно брать не такія функціи, которыя свойственны исключительно одной изъ нихъ, а такія, которыя встрѣчаются въ обѣихъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ функціяхъ *чисто исполнительныхъ* усмотрѣніе, въ смыслѣ *выбора средствъ дѣйствія*, по необходимости должно быть широко, и самыя ограниченія его должны имѣть характеръ скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный; можно установить, чего администрація дѣлать не въ правѣ, но трудно предписать ей, что именно она должна дѣлать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Совершенно инымъ положеніе вопроса является тогда, когда администрація, подобно суду, становится лицомъ къ лицу съ личными или имущественными правами гражданъ; здѣсь усмотрѣніе суда — конечно, не выходящее изъ предѣловъ закона — гораздо менѣе опасно, чѣмъ усмотрѣніе администраціи, какъ и въ виду формъ и обрядовъ судопроизводства, ограждающихъ интересы тяжущагося или обвиняемаго, такъ и въ виду возможности обжаловать

рѣшеніе или приговоръ, *до его исполненія*. Еще важнѣе, быть можетъ, та гарантія, которая заключается въ самомъ настроеніи судей, въ самомъ свойствѣ судебной процедуры. Для судей почти немислимо отступленіе отъ цѣлаго ряда основныхъ началъ, совершенно чуждыхъ администраторамъ: „каждый считается невиновнымъ, пока не будетъ доказана его виновность“ — „сомнѣніе толкуется въ пользу обвиняемаго“ — „никто не можетъ отвѣчать за чужую вину“ — „никто не можетъ быть наказанъ за дѣйствіе, закономъ не воспрещенное“, и т. п. Судебная процедура благопріятствуетъ всестороннему разъясненію дѣла, противоѣдствуетъ торопливости и увлеченіямъ и происходитъ, въ большинствѣ случаевъ, при свѣтѣ и подѣ контролемъ гласности, приучающей къ сдержанности и осторожности. Свобода дѣйствій суда или судьи, выражающаяся, напримѣръ, въ выборѣ между различными карательными мѣрами или въ оцѣнкѣ доказательствъ, является, поэтому, не угрозой для права, а наоборотъ, его охраной—чего никакъ нельзя сказать о свободѣ дѣйствій въ примѣненіи административно-карательной власти или въ административномъ разборѣ спорныхъ гражданскихъ дѣлъ.

Нѣтъ такихъ ужасовъ,—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“,—которые не совершались бы гдѣ-нибудь и когда-нибудь на основаніи закона; да и теперь масса возмутительныхъ дѣяній не только остается безнаказанною, но пользуется даже охраной закона, лишь потому, что совершить ихъ можно *на законномъ основаніи*. Это совершенно справедливо—но вѣдь этого никогда не отрицалъ и не отрицаетъ ни одинъ изъ сторонниковъ закономѣрности. Прогрессивное движеніе законодательства, очищеніе его отъ отжившихъ остатковъ старины, согласованіе его съ новыми потребностями и взглядами, съ уровнемъ развитія, достигнутого обществомъ—все это необходимо уже для того, чтобы поддержать уваженіе къ закону; но болѣе не исключаетъ мѣншаго—стремленіе къ лучшему не мѣшаетъ охранять сравнительно хорошее, имѣющееся на лицо. Во всякомъ сколько-нибудь благоустроенномъ государствѣ существуетъ извѣстная сумма гражданскихъ и даже, если хотите, *политическихъ* правъ, признаваемыхъ закономъ за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, физическимъ или юридическимъ. Политическими правами, въ обширномъ смыслѣ слова, можно назвать всѣ тѣ, которыя опредѣляютъ отношеніе гражданъ не между собою, а къ государственной власти. Таково, напримѣръ, право всякаго неопороченнаго лица, соединяющаго въ себѣ извѣстную сумму закономъ опредѣленныхъ условій, избирать и быть избираемымъ въ земское собраніе или городскую думу; таково право быть судимымъ не иначе, какъ компетентнымъ судомъ и съ соблюденіемъ установленнаго порядка; такова свобода отъ тѣхъ или дру-

гихъ наказаній, все равно, дарована ли она всѣмъ гражданамъ государства или только нѣкоторымъ ихъ группамъ или классамъ; таково право иновѣрцевъ собираться для молитвы по обрядамъ своего вѣроисповѣданія. Изъ того, что эти права недостаточно широки, еще не слѣдуетъ, чтобы степень неприкосновенности ихъ была безразлична для отдѣльныхъ лицъ и для всего государства—а неприкосновенность ихъ обеспечивается именно „закономѣрностью“, ненарушимостью закона. Можно, такимъ образомъ, стоять за точное соблюденіе закона и вмѣстѣ съ тѣмъ желать его распроетраненія или усовершенствованія... Говоря о „политическихъ правахъ“, какъ о настоящемъ предметѣ „либеральныхъ“ возжелдній, „Московскія Вѣдомости“ остаются вѣрными своему обычному приему запугиванья и заподозриванья; онѣ стараются пустить въ оборотъ новое „страшное слово“ и съ помощью впечатлѣнія, имъ производимаго, набросить тѣнь на болѣе невинный терминъ: „закономѣрность“. Не думаемъ, чтобы этотъ полемическій фокусъ могъ привести къ желанной цѣли. Что наше законодательство признаетъ за нами нѣкоторыя права, по общепринятой терминологіи относимыя къ „политическимъ“—это очевидно и несомнѣнно; споръ идетъ лишь о томъ, встрѣчается ли на практикѣ нарушеніе этихъ правъ, и если встрѣчается, то можетъ ли оно быть одобрено или оправдано. Вся аргументація сторонниковъ „закономѣрности“ сводится къ тому, что нарушенія *существуютъ, но не должны существовать*. Что касается до вопроса объ *объемѣ* политическихъ правъ, то онъ имѣетъ громадную важность, но его не слѣдуетъ смѣшивать съ вопросомъ о ихъ *осуществленіи*.

Возвратимся теперь къ статьѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, не поправившейся „Гражданину“, и посмотримъ, вполнѣ ли точно она опредѣляетъ понятіе о законности, вытекающее изъ нашего дѣйствующаго права. Цитируемое ею постановленіе основныхъ законовъ (ст. 47): „Имперія россійская управляется на основаніи твердыхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ“, должно быть разсматриваемо въ связи съ другимъ ихъ правиломъ (ст. 80): „власть управленія во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ Государю; въ управленіи верховномъ власть Его дѣйствуетъ непосредственно, въ дѣлахъ же управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти вѣрается отъ Него къстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ Его именемъ и по Его повелѣнію“. Сопоставленіе этихъ узаконеній показываетъ съ полною ясностью, что ст. 47, относясь къ управленію имперіей *вообще*, обнимаетъ собой не только „подчиненное“, но и „верховное“ управленіе; основаніемъ того и другого одинаково долженъ служить положительный законъ. Нельзя не удивляться, что эта простая и безспорная истина отри-

дается или игнорируется до сихъ поръ не только такими органами печати, какъ нынѣшнія „С.-Петербургскія Вѣдомости“, но даже такими, какъ „Недѣля“¹⁾. Совершенно иначе относится къ ней наша юридическая наука, въ лицѣ писателей, принадлежащихъ къ весьма различнымъ направленіямъ. „Ст. 47 основн. законовъ“—говоритъ А. Д. Градовскій („Начала русскаго госуд. права“, т. I, изд. 2, стр. 3)— „устанавливаетъ юридическій, правомѣрный характеръ русскаго государственнаго устройства, въ отличіе его отъ формъ произвольныхъ, деспотическихъ“. По словамъ Н. М. Коркунова („Русское государственное право“, т. I, стр. 151—2, 155—7), „ст. 47 зак. основн. указываетъ, что осуществленіе самодержавной власти русскаго царя совершается согласно началу законности... Законностью существующее у насъ государственное устройство отличается отъ деспотіи, гдѣ мѣсто закона заступаетъ ничѣмъ не сдерживаемый личный произволъ правителя... Государь сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю полноту верховной власти безраздѣльно, но осуществляетъ ее, согласно ст. 47 осн. зак., правомѣрно; слѣдовательно, самодержавіе соединяется въ нашемъ государственномъ строѣ съ законностью... Самоограниченіе власти правомъ составляетъ необходимое условіе каждаго сколько-нибудь развитого государственнаго быта“. Вотъ, наконецъ, подлинныя выраженія А. В. Романовича-Славатинскаго, сочиненіе котораго: „Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи“ удостоилось одобренія „Московскихъ Вѣдомостей“ (время Каткова): „Россійская имперія управляется на твердомъ основаніи положительныхъ законовъ; значить, она примыкаетъ къ тѣмъ правильно организованнымъ европейскимъ государствамъ, въ которыхъ все совершается на основаніи твердаго неизбѣжнаго закона, а не по волѣ и прихоти правителя, какъ въ деспотіяхъ восточныхъ“ (стр. 178—9). Разбирая, десять лѣтъ тому назадъ, книгу г. Романовича-Славатинскаго, мы сдѣлали, по поводу вышеприведенныхъ словъ слѣдующее замѣчаніе, служащее какъ бы отвѣтомъ на главный доводъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“: „безусловная

¹⁾ По мнѣнію „Недѣли“ (№ 2), законность, о которой говорится въ ст. 47 осн. зак., „опредѣляется двумя требованіями: во-первыхъ, чтобы никто, нигдѣ и никогда не уполномочивался управлять по собственному усмотрѣнію, а только на основаніи положительныхъ, т.е. опредѣленнаго содержанія законовъ, издаваемыхъ верховною властью; во-вторыхъ, чтобы уполномоченные и на самомъ дѣлѣ управляли не по своему произволу, а согласно государственнымъ законамъ“. Еще яснѣе приуроченіе „Недѣлей“ ст. 47 осн. зак. въ одному лишь „подчиненному“ управленію обнаруживается изъ слѣдующаго ея вопроса: „жажда законности, волнуемая русское общество, требуетъ ли для своего объясненія предположенія о стремленіи какимъ-то непостижимымъ путемъ ограничить закономъ, исходящимъ отъ монарха, самого же монарха“?

обязательность закона—единственное характеристическое различіе между деспотизмомъ и неограниченною монархическою властью; законъ въ самодержавной монархіи можетъ быть во всякое время отмѣненъ, измѣненъ или дополненъ тою же властью, которою онъ данъ—но пока онъ существуетъ, онъ подлежитъ исполненію и со стороны этой власти“¹⁾... Недостаточнымъ распространениемъ у насъ самыхъ элементарныхъ правовыхъ понятій объясняются и обуславливаются, между прочимъ, многія печальныя явленія нашей общественной жизни. Дѣйствительность, конечно, далеко не всегда соответствуетъ праву, хотя бы и ясно сознанному; тѣмъ не менѣе сознаніе права—первое условіе его осуществленія.

Въ очередныхъ сессіяхъ губернскихъ земскихъ собраній на первомъ планѣ продолжаютъ стоять два вопроса, тѣсно связанные между собою: вопросъ о тѣлесномъ наказаніи и вопросъ о всеобщемъ начальномъ обученіи. Смоленское губернское земское собраніе, по инициативѣ гжатскаго уѣзднаго земства²⁾, вновь высказалось за отиѣну тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ смоленской губерніи, а такъ какъ прошлогоднее его ходатайство по этому предмету было отклонено единоличною властью министра внутреннихъ дѣлъ, то оно постановило возобновить ходатайство, для представленія его, согласно съ закономъ, на разсмотрѣніе комитета министровъ. Такое же ходатайство возбуждено курскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы указать на одно прискорбное заблужденіе, довольно распространенное въ нашемъ обществѣ и въ нашей печати. „Замѣчательно, — говоритъ г. Меньшиковъ въ январьской „Книжкѣ Недѣли“ (стр. 271),—что *во* земства и разныя ученныя общества ходатайствуютъ объ отиѣнѣ сѣченія только для крестьянъ, прошедшихъ сельскую школу“. Это совершенно невѣрно; не говоря уже о только-что упомянутыхъ нами земствахъ смоленскомъ и курскомъ, тверское губернское земство еще въ 1893 г. постановило ходатайствовать объ отиѣнѣ тѣлеснаго наказанія *вообще* для всѣхъ крестьянъ губерніи; точно такое же ходатайство возбуждено, годъ тому назадъ, петербургскимъ губернскимъ собраніемъ. Не дѣлаетъ никакого различія между учившимися и неучившимися и императорское вольное экономическое общество, въ ходатайствѣ своемъ, рѣшенномъ, въ принципѣ, еще въ сентябрѣ 1895 г., а въ концѣ декабря

¹⁾ См. Литературное Обзорѣніе въ № 6 „Вѣстника Европы“ за 1886 г., стр. 835.

²⁾ Въ гжатскомъ уѣздномъ собраніи вопросъ о ходатайствѣ былъ поднятъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

получившемъ окончательную форму. Не могли проводить такого различія и медицинскія общества (казанское и др.), основывавшіяся на гигиеническихъ соображеніяхъ; вѣдь физическій организмъ одинаковъ у бывшихъ и не бывшихъ въ школѣ... Съ словомъ надобно обращаться осторожнѣе, особенно когда изъ несуществующаго факта выводится обвиненіе противъ цѣлаго направленія общественной мысли („о, русскій либерализмъ! — восклицаетъ г. Меньшиковъ: — освободить *есть* отъ сѣченья даже земствамъ кажется слишкомъ смѣлымъ“!). Въ аналогичную ошибку — и это особенно печально — впадаетъ и Л. Н. Толстой, хотя, конечно, безъ всякаго извращенія фактовъ. Въ превосходной его статьѣ о тѣлесномъ наказаніи, появившейся въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ и перепечатанной въ той же „Книжкѣ Недѣли“, сказано, между прочимъ, слѣдующее: „люди нашего времени (противопологаемые авторомъ лучшимъ людямъ двадцатыхъ годовъ) осторожно, политично подаютъ правительству адреса и прошенія о томъ, что желательно было бы, чтобы сѣкли только тѣхъ крестьянъ, которые не кончили курса грамоты“. Мы всегда высказывались за *безусловную* отміну тѣлеснаго наказанія; земскія ходатайства, направленные къ уничтоженію его только для окончившихъ курсъ въ начальной школѣ, всегда казались намъ недостаточными и могущими подать поводъ къ недоразумѣніямъ — но, зная положеніе земскихъ собраній, мы никакъ не могли и не можемъ приписать имъ желаніе сохранить тѣлесное наказаніе для неграмотныхъ, или хотя бы равнодушіе къ судьбѣ нигдѣ не учившейся народной массы. Объясненіе всѣмъ, если можно такъ выразиться, *половинчатимъ* земскимъ ходатайствамъ даетъ, какъ намъ кажется, постановленіе нижегородскаго губернскаго земскаго собранія, приведенное въ нашемъ предыдущемъ обзорѣ: „если правительство не признаетъ за земствомъ права на возбужденіе ходатайства объ отміну *вообще* тѣлеснаго наказанія, то, выразивъ глубокое и единодушное желаніе этой отміны, возбудить ходатайство объ отмінѣ этого вида наказанія для лицъ окончившихъ курсъ въ низшихъ школахъ нижегородской губерніи“. Въ нижегородской губерніи, какъ и во многихъ другихъ, ходатайство, ограниченное одними окончившими курсъ въ начальныхъ школахъ, представлялось единственнымъ фактически возможнымъ, единственнымъ, которое соглашались пустить на голоса председатели собраній; ходатайство болѣе общее казалось имъ, почему-то, выходящимъ за предѣлы вѣдомства собранія. Стремленіе выразить хотя бы часть своей мысли, разъ что нельзя досказать ее до конца, послужило для многихъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній побудительной причиной къ возбужденію ходатайствъ, въ которыхъ теперь усматривается какъ бы нежеланіе земства разомъ покон-

читать съ ненавистнымъ наказаніемъ. Мы вполне убѣждены, что, за ничтожными исключеніями¹⁾, земскія собранія, предоставленныя самимъ себѣ, высказались бы противъ тѣлеснаго наказанія такъ же рѣшительно, какъ с.-петербургское или тверское.

Закончимъ наше обозрѣніе двумя знаменательными фактами. По словамъ „Новаго Времени“ (№ 7139), „въ Омскѣ, по приказанію степного губернатора (генераль-губернатора?), была образована коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о томъ, какой типъ сельскихъ школъ желательно создать въ степномъ краѣ и кому поручить завѣдываніе ими: министерству ли народнаго просвѣщенія, или духовному вѣдомству. По разсмотрѣніи этого вопроса, коммиссія пришла къ заключенію, что въ степномъ краѣ исполнѣ примѣнимъ и весьма желателенъ типъ сельскихъ министерскихъ школъ, а также школъ грамотности, но съ подчиненіемъ и этихъ послѣднихъ вѣденію министерства народнаго просвѣщенія“. Въ той же газетѣ (№ 7142) напечатана выдержка изъ отчета министерства народнаго просвѣщенія за 1894 г., въ которой мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „увеличеніе числа народныхъ школъ въ юго-западномъ краѣ тормозится постоянно несогласіемъ на открытіе училищъ со стороны мѣстнаго епархіальнаго начальства. Между тѣмъ, казалось бы, недостатокъ въ школахъ такъ великъ, что даже при совѣстныхъ дѣйствіяхъ двухъ вѣдомствъ трудно было бы удовлетворить существующей потребности“. Министерство народнаго просвѣщенія выводитъ отсюда, что „для оживленія и ускоренія дѣла открытія новыхъ школъ желательно предоставить учебному вѣдомству право открывать школы, гдѣ къ тому представится возможность и необходимость, безъ предварительнаго сношенія съ другимъ вѣдомствомъ“. Этимъ подтверждается еще разъ, и какъ нельзя болѣе наглядно, ненормальность отношеній между школами церковными и свѣтскими и необходимость положить конецъ монополіи духовенства въ завѣдываніи школами грамотности.

P.-S. Наше обозрѣніе было уже заключено, когда мы прочли въ той же самой „Недѣлѣ“ (№ 3) слѣдующія слова А. И. Эртеля, направленные, какъ и сказанное нами выше, противъ ошибки Л. Н. Толстого: „мнѣ самому довелось быть на земскомъ собраніи, гдѣ со-

¹⁾ Въ существованіе исключеній по неволѣ приходится вѣрить, въ виду печальнаго голосованія, происходившаго недавно въ полтавскомъ губ. земскомъ собраніи: при открытой баллотировкѣ ходатайство объ отлѣнѣ тѣлеснаго наказанія было принято, но вслѣдъ за тѣмъ, при закрытой баллотировкѣ, отвергнуто большинствомъ.

стоялось единогласное ходатайство объ отмиѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ. И тотъ, кто первый предложилъ такое ходатайство,—предводитель дворянства,—и тѣ, которые его единогласно приняли, конечно, превосходно понимали, что дѣло идетъ о *всѣхъ* крестьянахъ, а не объ однихъ только окончившихъ курсъ. Но такъ какъ по условіямъ времени о всѣхъ можно было говорить лишь промежъ себя и сказанное осталось бы въ четырехъ стѣнахъ, а законное ходатайство непременно дошло бы куда слѣдуетъ, то и рѣшили просить хотя бы для окончившихъ*. А. И. Эртель хорошо знаетъ провинцію; нужно надѣяться, что его свидѣтельство положитъ конецъ легкомысленнымъ обвиненіямъ противъ земства

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1896 г.

Порывы воинственности въ Англіи.—Тонъ печати по поводу событій въ Трансваалѣ.—Республика боеровъ и ея особенности.—Полноправные крестьяне и подчиненные имъ промышленники.—Набѣгъ Джемсона, его причины и послѣдствія.—Имперская политика въ Англіи.

Оживленіе военнаго духа въ промышленной Англіи—или вѣрнѣе въ значительной части англійскаго общества и англійской печати—составляетъ интереснѣйшій фактъ послѣдняго времени. Дошло до того, что министерство лорда Сольсбери вызываетъ противъ себя нареканія многихъ британскихъ патриотовъ своимъ чрезмѣрнымъ будто бы миролюбіемъ! Нынѣшнему британскому кабинету вообще не везетъ въ международной политикѣ: когда онъ дѣйствовалъ уклончиво въ китайско-японскомъ спорѣ, онъ подвергался за это нападкамъ и подозрѣніямъ съ разныхъ сторонъ; онъ выступилъ болѣе рѣзко въ армянскомъ вопросѣ, и этимъ также возстановилъ противъ себя общественное мнѣніе въ Европѣ; онъ отнесся довольно сдержанно къ вызывающимъ заявленіямъ Соединенныхъ Штатовъ и старался примирительно дѣйствовать въ Трансваалѣ, но возбудилъ этимъ неудовольствіе сторонниковъ „великой Англіи“, проповѣдующихъ расширеніе вѣшняго ея могущества и славы.

Чѣмъ-то страннымъ повѣяло въ современной Британіи, издавна свободной отъ традицій милитаризма и всецѣло преданной, повидимому, интересамъ промышленнаго и культурнаго развитія. Влиятельныя лондонскія газеты заговорили такимъ тономъ, какъ будто англичанамъ предстоитъ теперь бороться за свое политическое существованіе и за свою національную честь; въ печати серьезно обсуждаются вопросы о степени боевой готовности страны, о необходимости усиленія арміи и флота, о патриотической рѣшимости всѣхъ и каждаго защищать отечество до послѣдней крайности. Правительство, съ своей стороны, въ лицѣ своихъ официальныхъ ораторовъ, успокаиваетъ публику заявленіями о полной обеспеченности успѣшной военной обороны и въ то же время принимаетъ мѣры для увеличенія вооруженныхъ силъ государства; оно заказываетъ новые броненосцы и снаряжаетъ эскадры на случай войны. Что же случилось такого, что подавало бы поводъ къ этимъ опасеніямъ и притоговленіямъ англичанъ? Думалъ ли кто-нибудь въ самомъ дѣлѣ угрожать политической

безопасности и національному достоинству Англій? Ничего подобного, разумѣется, не было; ни одна держава не собиралась напасть на англійскія владѣнія, а напротивъ, рѣчь шла только объ охранѣ другихъ націй отъ незаконныхъ англійскихъ захватовъ въ разныхъ частяхъ свѣта. Оказалось, что и въ Англій имѣеть нѣкоторую почву патріотизмъ особаго рода, выражающійся въ восхваленіи подвиговъ насилія и въ угрозахъ предполагаемымъ врагамъ. Правда, волненіе скоро улеглось, и возможность кровавыхъ событій устранена; но уже одно то, что такое воинственное настроеніе могло возникнуть въ англійскомъ обществѣ, является весьма характернымъ симптомомъ. Героемъ дня сдѣлался человекъ, ворвавшійся съ отрядомъ добровольцевъ въ предѣлы чужой территоріи, чтобы завладѣть ею въ пользу англичанъ; своимъ самовольнымъ и опаснымъ для общаго мира поступкомъ онъ приобрѣлъ горячія симпатіи англійскихъ патріотовъ, а такъ какъ этотъ подвигъ получилъ совершенно иную оцѣнку въ другихъ европейскихъ странахъ и особенно въ Германіи, то англичане почувствовали себя почему-то въ опасности и пришли къ заключенію о существованіи систематической къ нимъ вражды, требующей будто бы надлежащихъ мѣръ защиты. Выводъ этотъ былъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что само британское правительство, въ лицѣ министра колоній Чамберлена, рѣшительно осудило незаконное предпріятіе тотчасъ по полученіи первыхъ о немъ извѣстій. Затѣванный походъ окончился еще болѣе плачевно, чѣмъ экспедиція вольнаго казака Ашинова, съ которою онъ представляетъ нѣкоторое сходство: предпринимчивые герои, присвоившіе себѣ заранѣе роль побѣдителей, были разбиты и взяты въ плѣнъ. Смѣльный набѣгъ превратился въ комическую и постыдную исторію, въ которой печально только одно—безмысленное пролитіе крови; и однако эта исторія была воспѣта на страницахъ „Times'a“ официальнымъ поэтомъ-лауреатомъ, Альфредомъ Остиномъ. Придворный поэтъ, преемникъ Теннисона, служитъ конечно выразителемъ чувствъ значительной части просвѣщенной публики, точно такъ же какъ „Times“ отражаетъ въ себѣ взгляды наиболѣе вліятельныхъ круговъ средняго класса.

Весь этотъ занимательный эпизодъ, разыгравшійся въ южной Африкѣ и столь сильно задѣвшій международное положеніе Англій, представленъ не совсѣмъ вѣрно и недостаточно полно въ нашихъ газетахъ. Попытка добровольцевъ проникнуть въ Трансвааль и занять городъ Юганнесбургъ имѣла свои правдоподобные „рыцарскіе“ мотивы, которыми и воспользовался поэтъ-лауреатъ для своего произведенія. Въ Трансвааль находится около 60 тысячъ взрослыхъ поселенцевъ мужского пола, преимущественно англійскихъ подданныхъ; эти „иностранцы“ создали новѣйшее промышленное богатство страны

и составляютъ самую предприимчивую и богатую часть населенія, а между тѣмъ они не имѣютъ доступа къ политическимъ правамъ и тщетно добиваются этихъ правъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ; гражданская полноправность остается привилегіею гораздо меньшаго числа боэровъ (отъ нѣмецкаго Ваагг, крестьянинъ), потомковъ голландскихъ поселенцевъ, завоевавшихъ себѣ политическую независимость около сорока лѣтъ тому назадъ. Полноправныхъ гражданъ, т.-е. взрослыхъ мужчинъ-боэровъ, считается всего не болѣе двадцати тысячъ человекъ, — втрое меньше, чѣмъ такъ называемыхъ иностранцевъ. Для англичанъ нѣтъ ничего хуже безправности: не имѣтъ права голоса въ общественныхъ дѣлахъ, исполнять налагаемыя повинности безъ участія въ ихъ обсужденіи, платить подати, установленныя безъ согласія и контроля обывателей, — все это кажется имъ унижительнымъ, напоминающимъ рабское состояніе. Съ своей стороны, боэры и ихъ руководители отлично понимаютъ, что предоставитъ пришлому элементу возможность пріобрѣтенія политическихъ правъ значило бы отдать республику въ распоряженіе иностранцевъ и прежде всего англичанъ, такъ какъ численность послѣднихъ уже теперь превышаетъ цифру населенія „бюргеровъ“. Наплывъ поселенцевъ чрезвычайно усилился съ половины восьмидесятыхъ годовъ, благодаря открытію богатѣйшихъ источниковъ золота и драгоцѣнныхъ камней въ округѣ нынѣшняго Йоганнесбурга; самый этотъ городъ есть всецѣло продуктъ лихорадочной промышленной дѣятельности, порождавшей въ короткое время сказочныя богатства и привлекающей понинѣ множество авантюристовъ изъ Европы и Америки. Боэры не мѣшали богатѣть предприимчивымъ искателямъ золота и брилліантовъ; но они рѣшительно возстаютъ противъ мысли о передачѣ политической власти этимъ алчнымъ промышленникамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ земледѣльческими традиціями и нравами туземныхъ гражданъ. Антагонизмъ между новыми поселенцами и прежними бюргерами принималъ все болѣе острый характеръ по мѣрѣ того какъ возрастало значеніе иностранцевъ, заинтересованныхъ въ перемѣнѣ стараго устройства трансваальской республики. Крупный центръ новой промышленной жизни, Йоганнесбургъ, явился средоточіемъ революціоннаго движенія, направленаго противъ политическаго господства боэровъ. Трансваальское правительство, поддерживаемое выборнымъ „народнымъ совѣтомъ“, придумываетъ различные способы для того, чтобы поставить извѣстныя границы опасной агитаціи „иностранцевъ“ и обойти ихъ настойчивыя требованія; между прочимъ, оно на всякій случай заботится о прочной организаціи военныхъ силъ и воздвигаетъ крѣпостныя сооруженія около городовъ съ промышленнымъ населеніемъ. Недавно еще назначена сумма въ 250 тысячъ фунтовъ стерлинговъ

на постройку форта близъ номинальной столицы Трансваала, Преторіи, а сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ ассигновано на такой же фортъ у Йоганнесбурга; эти форты, занимая командующее положеніе относительно городовъ, должны предупредить возможность успѣшнаго возстанія жителей-иностранцевъ противъ существующей законной власти боэровъ. Финансовыя средства на осуществленіе этихъ военныхъ мѣръ собираются главнымъ образомъ съ тѣхъ именно поселенцевъ, противъ которыхъ указанныя мѣры направлены, и это обстоятельство особенно раздражаетъ мѣстныхъ европейцевъ. До новѣйшаго наплыва иностранцевъ, всѣ государственные доходы Трансваала не превышали 75 тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, а въ 1894 году они составляли уже 1.750,000 фунтовъ; между тѣмъ доля налоговъ, падающая на населеніе боэровъ, возвысилась только на пять тысячъ фунтовъ за десять лѣтъ. Излишки доходовъ надъ расходами, накопившіеся въ казначействѣ, образовали теперь сумму въ два милліона фунтовъ, и это обогащеніе казны есть несомнѣнно результатъ успѣха новыхъ отраслей производства, созданныхъ иностранцами. Въ настоящее время эти государственныя средства могутъ тратиться на цѣли нежелательныя или враждебныя плательщикамъ, что противорѣчитъ основнымъ началамъ справедливости, съ точки зрѣнія англичанъ. Пока еще не построены угрожающіе городамъ военные форты, мѣстные „иностранцы“ готовились перейти отъ легальной оппозиціи къ рѣшеніямъ и дѣйствіямъ другого рода. Сильные своею численностью, богатствомъ и превосходствомъ внѣшней культуры, слюченные въ такомъ многолюдномъ и во многихъ отношеніяхъ роскошномъ городѣ, какъ Йоганнесбургъ, иностранцы организовали правильную политическую борьбу, въ полной надеждѣ на благопріятный исходъ. По хорошему англійскому обыкновенію, они обращались къ правительству и народному совѣту съ петиціями, снабженными множественнымъ подписей; такъ въ 1894 году петиція была подписана 13.000 лицъ, а петиція, поданная въ апрѣлѣ прошлаго года, имѣла 38.500 подписей— почти вдвое больше, чѣмъ числится всего полноправныхъ избирателей-боэровъ. Просители заявляли о своемъ непремѣнномъ желаніи сдѣлаться гражданами и принести требуемую для этого присягу на вѣрность республикѣ. Народный совѣтъ отклонялъ эти петиціи или хоронилъ ихъ въ особыхъ комиссіяхъ. Иностранцы, т.-е. прежде всего англичане, раздѣлились на два лагеря: одни предпочитали систему мирныхъ усилій и заявленій, а другіе рассчитывали на открытое возстаніе. Толки о возможныхъ волненіяхъ порождали безпокойство въ дѣловомъ мѣрѣ; распространились слухи о раздачѣ оружія обывателямъ и рабочимъ, на случай столкновенія съ боэрами, и агитація становилась все болѣе напряженною. Прави-

тельство держалось, повидимому, вполне пассивно и избѣгало поводовъ къ конфликтамъ. Въ концѣ декабря „трансваальскій національный союзъ“ обнародовалъ манифестъ, въ которомъ высказывается желаніе сохранить независимость республики, обезпечить равноправность и устранить злоупотребленія и несправедливости. Главнѣйшіе пункты этой реформаторской программы заключаютъ въ себѣ такіа общепринятая конституціонныя требованія, противъ которыхъ трудно возразить что-нибудь въ принципѣ. Всякій однако понималъ, что правительство не можетъ удовлетворить эти требованія, и что оно должно видѣть въ нихъ прямое посягательство на самостоятельное существованіе государства, ибо въ сущности дѣло идетъ о превращеніи республики боэровъ въ смѣшанную англо-европейскую колонію съ республиканскимъ устройствомъ, подѣ политическимъ главенствомъ англичанъ. Разумѣется само собою, что пришлые европейцы, составляя большинство избирателей, вали бы Трансвааль въ свои руки и совершенно устранили бы боэровъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Въ то же время и нынѣшнее положеніе „иностранцевъ“, издавна поселившихся въ странѣ, не можетъ считаться нормальнымъ, и какой-нибудь компромиссъ былъ бы рано или поздно неизбеженъ. Но руководители движенія рѣшились ускорить развязку кризиса болѣе радикальнымъ способомъ: они обратились къ администратору британской южно-африканской компании, д-ру Джемсону, съ призывомъ о помощи, въ виду тягостныхъ условій, въ какихъ очутились англичане въ Трансваалѣ. Въ этомъ посланіи, подписанномъ 28 декабря нѣкоторыми вліятельными жителями Йоганнесбурга, указывалось на вопіющую несправедливость господства боэровъ надъ иностранцами и на опасность для жизни англичанъ и ихъ семействъ при возможномъ конфликтѣ съ хорошо вооруженными боэрами. Джемсонъ, находившійся тогда съ военнымъ отрядомъ близъ границъ Трансваала, тотчасъ же послѣдовалъ приглашенію и быстро двинулся въ путь. Въ день Нового года онъ надѣялся съ своимъ небольшимъ отборнымъ войскомъ въ 800 человекъ дойти до Йоганнесбурга и занять его; но въ дѣйствительности онъ былъ по дорогѣ остановленъ боэрами, которые нанесли его людямъ жестокой уронъ. Боэры славятся какъ замѣчательные стрѣлки; они сражаются не какъ солдаты, а какъ охотники, привышіе навѣрняка попадать въ цѣль. Отрядъ Джемсона защищался упорно до слѣдующаго дня, пока наконецъ не вынужденъ былъ сдаться на капитуляцію. Получается такое впечатлѣніе, что Джемсонъ просто изъ человеколюбія и изъ чувства солидарности съ своими соотечественниками послѣдовалъ ихъ призыву и пришелъ имъ на помощь съ тѣми небольшими военными силами, какими располагалъ въ данный моментъ; онъ могъ предпо-

лагать, что надо спасти семейства англичанъ, ихъ женщинъ и дѣтей, отъ угрожающихъ имъ бѣдствій, а въ подобныхъ случаяхъ нельзя руководствоваться чисто формальными соображеніями. Онъ поступилъ незаконно потому, что не имѣлъ права употреблять военную силу въ предѣлахъ чужой территоріи; но нравственно онъ правъ, и его рѣшимость самовольно выступить на защиту обиженныхъ и угнетенныхъ заслуживаетъ сочувствія. Такъ представляютъ дѣло англійскіе патріоты, мнѣніе которыхъ выразилъ въ своей поэмѣ придворный поэтъ королевы Викторіи.

Факты противорѣчатъ этой благодушной характеристикѣ предпріятія Джемсона. Джемсонъ стоялъ наготовѣ съ своимъ отрядомъ, съ шестью орудіями, почти у самой границы трансваальскихъ владѣній, какъ бы въ ожиданіи сигнала, который долженъ былъ придти изъ Йоганнесбурга; поэтому-то онъ имѣлъ возможность отправиться въ походъ немедленно, не тратя времени на приготовленія. Если можно еще допустить случайное присутствіе Джемсона и его людей въ нужномъ пунктѣ, то готовность всего отряда къ немедленному выступленію уже никакъ не можетъ быть объяснена случайностью. Чтобы снарядить въ походъ 800 или даже 600 человекъ, требуется извѣстное время; отрядъ долженъ быть въ полномъ сборѣ, запастись боевыми принадлежностями, провіантомъ и т. д. Ясно, что всѣ необходимыя приготовленія были сдѣланы заранѣе, до полученія призыва изъ Йоганнесбурга. Притомъ не было и правдоподобнаго мотива для внезапнаго выступленія подъ вліяніемъ полученнаго воззванія, ибо въ послѣднемъ не было и рѣчи о немедленной опасности для англичанъ и ихъ семействъ, а говорилось вообще о несправедливомъ отрицаніи гражданскихъ и политическихъ правъ англичанъ и о возможности открытыхъ столкновеній съ войсками правительства. Письмо или воззваніе изъ Йоганнесбурга подписано было, какъ сказано въ англійскихъ газетахъ, „влиятельными жителями города“, но имена подписавшихся не приведены, и по всему видно, что оно исходило отъ небольшой группы лицъ, агитація которыхъ именно и вызвала протесты со стороны вліятельныхъ жителей города. Послѣ неудачи Джемсона высказывались прямые обвиненія противъ англійскихъ патріотовъ въ Йоганнесбургѣ за то, что они не организовали своего вооруженнаго отряда, который пошелъ бы на встрѣчу ожидаемымъ союзникамъ, какъ предполагалось; руководители движенія будто бы обманули пришедшихъ, не исполнивъ обѣщанія присоединить къ нимъ свои силы до прихода боэровъ. Гдѣ и когда дано было такое обѣщаніе и на чемъ основано было предположеніе о встрѣчѣ Джемсона вооруженнымъ отрядомъ изъ Йоганнесбурга — остается неизвѣстнымъ, ибо въ напечатанномъ воззваніи къ Джемсону нѣтъ ни слова

ни о чемъ подобномъ; эти нареканія по поводу неисполненныхъ „вліятельными жителями“ условій положительно указываютъ на какое-то соглашеніе, предшествовавшее призыву изъ Йоганнесбурга. Соглашеніе не могло быть дѣломъ одного Джемсона,—лица сравнительно второстепеннаго въ администраціи могущественной южно-американской компаніи; онъ завѣдывалъ лишь частью владѣній, принадлежащихъ этому обществу, и былъ непосредственно подчиненъ дирекціи, имѣющей свое пребываніе въ Капштадтѣ; истиннымъ же правителемъ компаніи, ея организаторомъ и вдохновителемъ, считается знаменитый Сесиль Родесъ, главный дѣятель новѣйшей южно-африканской исторіи, выдвинувшійся изъ простыхъ рабочихъ до положенія директора и владѣльца богатѣйшихъ золотыхъ и брилліантовыхъ копей и достигшій затѣмъ поста перваго министра Капской колоніи. Безъ вѣдома Сесили Родеса никакой мѣстный администраторъ компаніи не могъ и не рѣшился бы предпринять что-нибудь серьезное. Предпріятіе было хорошо задумано и ведено было въ надлежащей тайнѣ; оно вполне достигло бы цѣли, еслибы оправдалась надежда на то, что правительство боэровъ будетъ захвачено врасплохъ и не успѣетъ помѣшать занятію Йоганнесбурга отрядомъ Джемсона. Активное содѣйствіе жителей города несомнѣнно играло видную роль въ составленномъ планѣ. Разъ водворившись въ наиболѣе крупномъ промышленномъ центрѣ страны и провозгласивъ оттуда новыя начала республиканскаго устройства Трансваала, предводители „иностранцевъ“ имѣли бы за собою совершившійся фактъ переворота и могли бы смѣло рассчитывать на поддержку Англіи въ той или другой формѣ; сопротивленіе боэровъ привело бы къ междоусобию, а междоусобіе дало бы поводъ къ официальному виѣшателству ближайше заинтересованной державы для восстановленія порядка, такъ что въ концѣ концовъ Трансвааль очутился бы подъ англійскою властью. Что Джемсонъ былъ только исполнителемъ проекта, задуманнаго не имъ,—это подтверждается и отношеніемъ его къ приказу остановиться, переданному ему въ дорогѣ отъ имени британскаго правительства; въ отрядѣ его были англійскіе офицеры, состоящіе на службѣ, и для нихъ, еще болѣе чѣмъ для Джемсона, немислимо было дѣйствовать противъ воли высшаго начальства, еслибы они не знали о закулисномъ участіи и одобреніи авторитетныхъ представителей той же англійской власти. Приказаніе перейти обратно границу они приняли за формальность, имѣющую цѣлью сложить съ официальныхъ дѣятелей отвѣтственность за событія. Все было рассчитано и взвѣшено, какъ говорятъ нѣмцы, безъ хованіа: президентъ республики Крюгеръ внимательно слѣдилъ за приготовленіями въ Йоганнесбургѣ и заблаговременно вызвалъ въ Преторію главнокомандующаго генерала

Жубера, чтобы принять необходимыя оборонительныя мѣры. При первомъ извѣстїи о переходѣ Джемсона черезъ границу президентъ обратился по телеграфу къ управляющему Капскою колонією, сэру Робинзону, съ запросомъ, какъ понять вступленіе британской вооруженной силы въ предѣлы Трансваала; онъ послалъ также депеши объ этомъ въ Лондонъ и Берлинъ и дѣло получило широкую огласку, прежде чѣмъ Джемсонъ приблизился къ Йоганнесбургу. Англійскій министръ колоніи сурово осудилъ предпріятіе, какъ незаконное, и тотчасъ распорядился, чтобы употреблены были всевозможные способы для предупрежденія кровопролитія; всѣмъ англійскимъ подданнымъ въ Трансваалѣ предписано было отъ имени королевы воздерживаться отъ какаго бы то ни было содѣйствія Джемсону и повиноваться законамъ и существующимъ властямъ. Сэръ Геркулесъ Робинзонъ, прибывшій изъ Капштадта, и консулъ въ Преторіи, сэръ де-Ветъ, лично хлопотали о сохраненіи спокойствія между мѣстными англичанами, но не были уже въ состояніи предотвратить встрѣчу отряда Джемсона съ боэрами; очень можетъ быть, что въ душѣ они не были противъ ожидаемой стычки, надѣясь на побѣду своихъ соотечественниковъ. Побѣда Джемсона фактически измѣнила бы положеніе дѣлъ, и, не будучи участниками или виновниками происшедшей перемѣны, англійскіе представители способствовали бы тогда мирному преобразованію республики или устроили бы выгодный для англичанъ компромиссъ между трансваальскими „иностранцами“ и правительствомъ боэровъ. Многіе англійскіе патріоты нападали на это усердное и слишкомъ поспѣшное, по ихъ мнѣнію, вмѣшательство министра колоніи Чамберлена и его агентовъ; но, очевидно, британское правительство не могло дѣйствовать иначе, и малѣйшія колебанія и двусмысленность въ его поведеніи бросили бы тѣнь на его добросовѣстность и повредили бы Англїи въ общественномъ мнѣніи другихъ державъ. Неожиданный разгромъ англійскаго отряда, съ его пушками системы Максима (на которыя особенно рассчитывали англичане, въ виду отсутствія или недостатка артиллеріи у боэровъ) послужить блестящимъ оправданіемъ для Чамберлена. Пораженіе Джемсона было бы пораженіемъ для Англїи, еслибы его предпріятіе не было своевременно осуждено лондонскимъ кабинетомъ и его мѣстными органами; теперь же англійская національная честь нисколько не затронута, и лондонскій кабинетъ можетъ пользоваться въ Трансваалѣ еще большимъ вліяніемъ и авторитетомъ, чѣмъ прежде. Для правительства боэровъ явился удобный случай показать свою умѣренность и великодушіе; вмѣстѣ съ тѣмъ получилось какъ бы наглядное доказательство невозможности удовлетворить требованія „ино-

странцевъ", готовыхъ навлечь на страну иноземное нашествіе и подвергнуть опасности самое существованіе республики.

Президентъ Крюгеръ, какъ полагаютъ, имѣлъ точныя свѣденія о дѣятельности революціоннаго комитета въ Йоганнесбургѣ и о переговорахъ его съ Джемсономъ; онъ выжидалъ только, чтобы положеніе выяснилось, и чтобы можно было сразу нанести рѣшительный ударъ противникамъ. Тамъ, гдѣ Джемсонъ думалъ найти многочисленный отрядъ изъ Йоганнесбурга, при Крюгерсдорпѣ, собрано было около полутора тысячи бозровъ, и командовавшій англичанами майоръ, сэръ Джонъ Виллоуби, скоро убѣдился въ безнадежности битвы. Справившись съ вѣшнимъ непріателемъ, президентъ Крюгеръ послалъ его союзникамъ въ Йоганнесбургѣ категорическое требованіе выдать оружіе и подчиниться установленнымъ законамъ; затѣмъ всѣ члены революціоннаго комитета были арестованы, и въ ихъ числѣ оказался братъ перваго министра Капской колоніи, полковникъ Родесъ. Министру Родесу оставалось только выйти въ отставку, чтобы облегчить примирительныя усилія своего начальника, сэра Геркулеса Робинзона. Джемсонъ надѣлалъ много хлопотъ англичанамъ, но трансваальскому правительству онъ принесъ большую пользу, такъ какъ способствовалъ благопріятной для него развязкѣ долгаго и упорнаго кризиса. Смѣлый планъ не удался, но бесполезно было отрицать, что онъ существовалъ и что мотивы его имѣли въ себѣ мало возвышеннаго.

Военныя силы британской южно-африканской компаніи направлены были въ мирное время на сосѣдній Трансвааль не ради филантропіи, а для улучшенія дѣлъ компаніи при помощи богатыхъ рудниковъ и копей въ окрестностяхъ Йоганнесбурга. Ни въ первоначальныхъ владѣніяхъ компаніи, ни въ земляхъ Матабеле и Машона, которыя она старалась захватить подъ предлогомъ распри съ туземными вождями, не нашлось ни золота, ни брилліантовъ; акціи компаніи падали и англійскіе владѣльцы ихъ, съ герцогами Файфомъ и Аберкорномъ во главѣ, получали слишкомъ ничтожный дивидендъ или вовсе его не получали. Разказы о баснословныхъ трансваальскихъ богатствахъ все чаще подтверждались въ послѣдніе годы появленіемъ въ Лондонѣ неслыханныхъ новомодныхъ кресовъ изъ южно-африканской республики; недавно еще обращали на себя общее вниманіе дѣйствія и распоряженія одного изъ нихъ, Барни Барнато, который своими колоссальными закупками падавшихъ въ цѣнѣ бумагъ способствовалъ временному успокоенію лондонскаго биржевого міра. Бывшій лордъ-мэръ, Ренальсъ, счелъ даже нужнымъ устроить въ его честь торжественный обѣдъ, въ благодарность за оказанныя имъ услуги, хотя

эти услуги входили уже въ область игры на повышеніе и не касались общественныхъ интересовъ города. Пожертвованія десятковъ тысячъ фунтовъ на разныя общепользныя цѣли открывали повсюду доступъ предприимчивому трансваальскому „иностранцу“; онъ занялъ видное мѣсто въ дѣловомъ лондонскомъ обществѣ, и учрежденный имъ банкъ Барнато сразу приобрѣлъ такое довѣріе, что еще до его открытія установилась на панъ значительная премія. Въ своихъ заявленіяхъ о добычѣ золота на принадлежащихъ ему прискахъ онъ приводитъ совершенно сказочныя цифры, и, на основаніи сдѣланныхъ расчетовъ, обѣщаетъ банку не менѣе двадцати процентовъ на капиталъ, большая часть котораго составляетъ его личную собственность. Не естественно ли, что дѣятели южно-африканской компаніи возымѣли мысль о занятіи благодатной страны, скрывающей въ себѣ такіа неисчерпаемыя сокровища? Компанія имѣетъ на мѣстѣ своихъ солдатъ и офицеровъ, свои усовершенствованныя пушки и ружья, а когда есть войско, то легко найти предлогъ къ оккупациіи сосѣдней территоріи; затѣмъ—побѣдителей не судятъ. Старая и все еще новая исторія! Любопытно, что толки объ опасномъ внутреннемъ кризисѣ и о невыносимомъ положеніи англичанъ въ Трансваалѣ усиливались въ англійской печати по мѣрѣ оживленія интереса къ трансваальскимъ богатствамъ. Въ сущности даже въ самой Англіи мало кто вѣрнѣе этимъ жалобамъ на угнетеніе процвѣтающихъ промышленниковъ Йоганнесбурга скромными земледѣльцами, сидящими на своихъ фермахъ и сохраняющими понынѣ свои патріархальныя нравы, свою религіозность, свои голландскія традиціи свободы и самоуправленія. Между иностранцами Трансваала есть много лицъ другихъ національностей, кромѣ англичанъ; есть нѣмцы и американцы, и всѣ они живутъ въ мирѣ съ мѣстнымъ правительствомъ и съ боэрами. Принятіе иностранцевъ въ число туземныхъ гражданъ есть дѣло времени, и вопросъ во всякомъ случаѣ не представляется столь жгучимъ, чтобы оправдывать вооруженное возстаніе или нашествіе. Въ этомъ прямо или косвенно признаются даже тѣ англійскія газеты, которыя превозносятъ неудавшійся набѣгъ Джемсона.

Въ Трансваальской республикѣ мы видимъ единственный въ своемъ родѣ примѣръ политическаго господства земледѣльцевъ, крестьянъ, надъ зажиточнымъ и быстро развивающимся промышленнымъ населеніемъ. Граждане, бюргеры, пользуются правами избирателей съ 16-лѣтняго возраста; они выбираютъ своихъ представителей, въ числѣ всего 24 человекъ, которые подъ именемъ народнаго совѣта сосредоточиваютъ въ себѣ всю законодательную и контролирующую власть;

дѣлами управленія завѣдуетъ исполнительный совѣтъ, состоящій изъ десяти или двѣнадцати членовъ. Президентъ республики избирается также всеобщимъ голосованіемъ гражданъ. Здоровый земледѣльческій духъ держится еще въ массѣ боэровъ, но, оставаясь вполнѣ пассивнымъ, онъ не даетъ никакого отпора новымъ условіямъ промышленнаго быта. Одни только граждане-боэры засѣдаютъ въ народномъ совѣтѣ и рѣшаютъ всѣ вопросы законодательства и управленія; для образованія большинства достаточно только 13 голосовъ, и, опираясь на это небольшое число представителей, президентъ республики можетъ всегда проводить свои проекты и рѣшенія. Народный совѣтъ и президентъ заботливо охраняютъ законныя преимущества гражданъ, въ полной увѣренности, что отрицаніе чужихъ домогательствъ есть вѣрнѣйшій способъ для ихъ устраненія. Владычество боэровъ выражается лишь въ томъ, что они остаются полноправными гражданами, тогда какъ болѣе многочисленные иноземные промышленники не выходятъ изъ положенія иностранцевъ. Боэры могли бы устанавливать извѣстныя правила и условія для промышленной дѣятельности, чтобы послѣдняя не угрожала основамъ народнаго хозяйства и не приводила къ опасному порабощенію трудящихся; но ни народный совѣтъ, ни президентъ Крюгеръ, не признавали нужнымъ ограничить въ чемъ-либо захваты богатѣйшихъ трансваальскихъ земель пришлыми поселенцами и обезпечить права государства на участки съ золотоносными жилами, гдѣ толпы несчастныхъ тружениковъ создаютъ теперь богатства для людей, подобныхъ Барнато. Допустивъ присвоеніе земель въ полную собственность случайно явившимися иностранцами, трансваальское правительство само подготовило элементы, которые со временемъ погубятъ землевладѣніе и хозяйство боэровъ. Дать иностранцу возможность завладѣвать общественною или государственною землею на вѣчныя времена и въ то же время отказывать ему въ доступѣ къ правамъ, принадлежащимъ простому крестьянину,—значитъ только напрасно создавать искусственныя аномаліи и противорѣчія, которыя въ жизни не удержатся. Отсутствіе какихъ-либо ограниченій для частныхъ земельныхъ захватовъ доказывается уже существованіемъ цѣлаго ряда иностранныхъ акціонерныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ, владѣющихъ землею и рудниками въ такихъ мѣстностяхъ Трансваала, гдѣ еще недавно никакой поземельной собственности не было; притомъ эти общества и лица приписываютъ себѣ именно собственность, а не временное или даже долгосрочное пользованіе. При подобныхъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о сохраненіи политическаго владычества боэровъ въ будущемъ. Иностранные промышленники уже переросли туземныхъ гражданъ по фактическому значенію и вліянію въ Трансваалѣ,—и

переросли не въ силу своего культурнаго или иного превосходства, а единственно лишь вслѣдствіе предоставленной имъ возможности расхищать народное и государственное достояніе, безъ всякихъ гарантій для будущаго. Предпримчивые пришельцы разобрали уже часть Трансваала по рукамъ и заберутъ современемъ остальное, пока продолжаются бесплодные споры о политическихъ правахъ иностранцевъ. Земледѣльческій классъ, номинально полноправный, ничего не дѣлаетъ для охраны своихъ насущныхъ интересовъ и для предупрежденія торжества и владычества промышленниковъ; а потому явятся доктрины, доказывающія, что господство промышленниковъ въ данную эпоху предписывается высшимъ закономъ, не зависящимъ отъ воли людей.

Впрочемъ, нынѣшняя трансваальская республика едва ли и могла выработать свое самостоятельное внутреннее законодательство въ теченіе своей недолгой и своеобразной исторіи. Поселенія боэровъ, отдѣлившіяся отъ Капской колоніи, приобрѣли политическую независимость менѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ; они должны были вести упорную борьбу съ окрестными дикими племенами, особенно съ зулусами и матабеле, и вынуждены были не разъ защищаться также отъ посягательствъ культурныхъ англичанъ. Въ 1877 году Трансвааль былъ присоединенъ къ англійскимъ владѣніямъ, но три года спустя боэры возстали и нанесли сильные удары британскому владычеству и авторитету своими неоднократными побѣдами, которыя побудили наконецъ Англію въ 1881 году предоставить боэровъ самимъ себѣ, съ сохраненіемъ только номинальнаго англійскаго протектората. Въ 1884 году протекторатъ былъ отиѣненъ, и Трансвааль ограниченъ лишь въ правѣ заключать трактаты съ другими государствами; въ этомъ послѣднемъ отношеніи Англія по прежнему играетъ роль державы-правительницы. Такимъ образомъ, самостоятельная Трансваальская республика существуетъ лишь съ 1880 года, и почти за все это время ею управляетъ президентъ Крюгеръ, котораго народъ выбиралъ уже три раза. Личность Крюгера воплощаетъ въ себѣ такимъ образомъ почти всю самостоятельную исторію нынѣшней республики боэровъ, и въ сущности онъ является единственнымъ и настоящимъ правителемъ Трансваала. Столь юное или даже младенческое государство не можетъ конечно противоудѣйствовать постоянному вліянію могущественныхъ сосѣдей; оно обязано считаться съ ихъ требованіями и понятіями, преимущественно въ области экономическихъ интересовъ, къ которымъ англичане наиболѣе чутки. Глухая борьба между боэрами и такъ называемыми иностранцами ведется пока на почвѣ политической; но надо помнить, что подѣ иностран-

цами разумѣются тамъ прежде всего промышленники, которымъ противостоятъ земледѣльцы.

Въ политикѣ Англіи за послѣдніе годы происходитъ поворотъ въ сторону болѣе тѣснаго единенія съ колоніями и болѣе пассивнаго отношенія къ вопросамъ европейской международной дипломатіи. Охрана и расширеніе колоніальныхъ владѣній въ разныхъ частяхъ свѣта, прочная солидарность съ полу-независимыми англійскими областями и территориями, всегдашняя мысль объ единствѣ британской имперіи, раскинувшей свои члены и частицы по всему земному шару,—все это сильнѣе прежняго занимаетъ умы и образуетъ программу такъ называемой имперской политики. Англичане настойчиво дѣйствуютъ въ армянскомъ вопросѣ, но едва ли интересуются имъ реально; они спорятъ съ Портою и султаномъ, но безъ серьезнаго намѣренія довести дѣло до какой-нибудь развязки; зато они взволновались и заговорили о войнѣ, когда подняты были вопросы о Венецуэлѣ и Трансваалѣ. Изъ-за колоній Англія едва не поссорилась съ Германіею, а поздравительная телеграмма Вильгельма II къ президенту Крюгеру по случаю избавленія отъ непріятельскаго нашествія „безъ помощи дружественныхъ державъ“ встрѣчена была небывалыми рѣзкостями въ англійской печати. Англичане приняли всецѣло на свой счетъ то, что могло относиться лишь къ незаконному поступку Джемсона, отъ котораго отреклась само британское правительство; въ этомъ случаѣ чувствительность къ обидѣ заставила забыть увѣренія объ отсутствіи всякой солидарности съ виновниками нападенія на Трансвааль. Однако, каковы бы ни были увлеченія англійскихъ газетъ, они никогда не производятъ особенно тягостнаго впечатлѣнія, потому что тутъ же рядомъ эти увлеченія и выходки находятъ противовѣсъ въ отзывкахъ и указаніяхъ прямо противоположныхъ, въ безпристрастныхъ фактическихъ свѣденіяхъ и разъясненіяхъ, часто въ видѣ писемъ въ редакцію, добросовѣстно печатаемыхъ въ тѣхъ же самыхъ газетахъ. Когда наши публицисты изобличаютъ „Times“ въ несправедливости или односторонности взглядовъ, то можно сказать заранѣе, что такіа же изобличенія сдѣланы уже въ самомъ „Times“, въ статьѣ случайнаго корреспондента, въ рѣчи какого-нибудь оратора, въ письмѣ заинтересованнаго или интересующагося лица, и т. п. Широкая свобода мнѣній и полная терпимость къ чужимъ идеямъ отнимаютъ у англійскихъ газетъ тотъ характеръ тенденціозной исключительности, который наводитъ тоску на читателя нашихъ мнимо-консервативныхъ изданій. Всякій примиряется съ журналистикою, гдѣ невѣрныя и фальшивыя сужденія получаютъ надлежащую оцѣнку въ аккуратно сообщаемыхъ фактахъ и доводахъ, дающихъ матеріалъ для сужденій правильныхъ и

разумныхъ. Боэры причинили непріятность англичанамъ, разбивъ военныя силы британской южно-африканской компаніи; тѣмъ не менѣе англійская печать не только не обвиняетъ боэровъ и не клеветаетъ на нихъ, но выставляетъ ихъ въ самомъ симпатичномъ видѣ, отдаетъ дань справедливости ихъ нравственнымъ качествамъ и откровенно указываетъ на грубыя ошибки и промахи британской политики. Если одни сравниваютъ Джемсона съ Вильгельмомъ Оранскимъ, то другіе называютъ его злодѣемъ и требуютъ строгаго суда надъ нимъ, и эти разнообразныя мнѣнія, существующія въ англійскомъ обществѣ, отражаются, какъ въ зеркалѣ, въ лондонской печати. Эту особенность британской журналистики необходимо всегда имѣть въ виду при разборѣ отдѣльныхъ взглядовъ и увлеченій англійскихъ газетъ.

ЕЩЕ ПО ВОПРОСУ О ТРѢСТАХЪ.

(Письмо въ редакцію.)

Моя небольшая замѣтка по вопросу о трѣстахъ въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ вызвала нѣсколько отзывовъ въ русской періодической печати, и на одинъ изъ нихъ, именно отзывъ хроникѣра „Новаго Времени“, въ номерѣ отъ 5-го ноября, я считаю нелишнимъ отвѣтить, такъ какъ отзывъ этотъ совершенно измѣняетъ смыслъ моей замѣтки и даетъ читателю совершенно неправильное представленіе какъ о самомъ предметѣ, такъ и о моемъ личномъ къ нему отношеніи.

Оказывается, что, прежде всего, нужно согласиться относительно пониманія употребляемаго мною слова „трѣсть“. Оно имѣетъ вовсе не одинаковое значеніе съ словомъ „синдикатъ“, а потому не слѣдуетъ смѣшивать означаемыя ими на употребляемомъ въ Америкѣ англійскомъ языкѣ совершенно разнородныя, хотя и аналогичныя понятія. Оба слова не-русскія; выражаютъ собою предметы, впервые появившіеся на иностранной почвѣ; опредѣляютъ ихъ собою вполне,—и я не вижу, почему бы нужно было выдумывать для нихъ особенныя русскія названія; я не питаю страха передъ введеніемъ въ русскій языкъ новыхъ словъ, разъ они опредѣляютъ собою новыя понятія, дотолѣ этому языку чуждыя.

Слово „синдикатъ“ на американскомъ англійскомъ языкѣ значитъ соединеніе капитала нѣсколькихъ лицъ для покупки или веденія какого-нибудь кратковременнаго предпріятія, безъ образованія акціонерной компаніи; употребляется оно преимущественно для означенія финансовыхъ аферъ, которыя почему-либо не подъ силу одному человѣку. Такъ, напр., федеральное правительство Соединенныхъ Штатовъ выпускаетъ новый государственный заемъ—образуется синдикатъ нью-іоркскихъ банкировъ, который покупаетъ весь этотъ заемъ цѣликомъ по извѣстной цѣнѣ, затѣмъ распродаетъ его публикѣ и дѣлитъ между собою полученные отъ этой операціи барыши, распадаясь, какъ только она окончена. Или же, продается съ аукціона обанкротившаяся желѣзная дорога, или большое поземельное имущество—опять-таки организуется синдикатъ капиталистовъ, который покупаетъ черезъ своихъ уполномоченныхъ такую собственность и затѣмъ или дѣлитъ ее между собою, или обращаетъ ее въ новое

постоянное акціонерное предпріятіе. Синдикаты ведутъ свое дѣло за вѣру, всѣ участники всегда коротко знаютъ другъ друга, паче не могутъ быть перепроданы безъ взаимнаго общаго согласія—это, въ сущности, краткосрочныя акціонерныя компаніи безъ ихъ формальностей и соблюденія, необходимыхъ для легализаціи ихъ дѣйствій требованій закона, основанныя на частномъ тайномъ соглашеніи и не подлежащія никакому контролю, кромѣ самихъ участниковъ. Синдикаты появились и узоренились въ Америкѣ только послѣ того, какъ законы почти всѣхъ штатовъ свирѣпо ополчились противъ злоупотребленій и надувательства массъ беззащитными воротилами акціонерныхъ компаній, обставили ихъ строгими опредѣленными требованіями и подчинили ихъ извѣстному контролю особо установленнаго для этого штатныхъ властей, въ формѣ банковыхъ, страховыхъ, желѣзнодорожныхъ и другихъ комиссій.

Тресты же—явленіе совсѣмъ другого рода, и представляютъ собою консолидацію, на общихъ началахъ акціонерныхъ компаній, частныхъ и акціонерныхъ предпріятій одного и того же рода въ извѣстной мѣстности, извѣстномъ штатѣ или даже во всемъ союзѣ. Напр., является мысль консолидировать гвоздяное производство. Владѣльцы гвоздяныхъ заводовъ—частныя лица и представители акціонерныхъ предпріятій—сѣзжаются на собраніе въ одинъ изъ штатовъ, считающихся особенно податливымъ относительно законодательства по предмету акціонерныхъ компаній, — обыкновенно въ штаты Кентуки или Нью-Джерзей,—устанавливаютъ оцѣнку отдѣльныхъ заводовъ и затѣмъ образуютъ акціонерную компанію, своимъ капиталомъ представляющую стоимость всѣхъ вошедшихъ въ трестъ заводовъ, передаютъ ихъ въ его собственность купчими крѣпостями, выбираютъ центральное управленіе и ведутъ дѣло сообразно требованіямъ законовъ того штата, въ которомъ образована новая компанія. Нерѣдко въ предѣлахъ этого именно штата не расположено никакой собственности треста, ни одного изъ его заводовъ или рудниковъ, ни одной мили желѣзной дороги—трестъ содержитъ въ немъ только свою главную контору и пользуется покровительствомъ его законовъ. Тогда какъ синдикаты, представляя собою хорошо между собою знакомыя, тѣсно сплоченныя небольшія кучки людей, желающихъ вести свои дѣла по возможности втихомолку, избѣгаютъ именно исполненія требованій закона относительно консолидаціи капитала,—тресты, наоборотъ, прибѣгаютъ къ его покровительству, такъ какъ представляемая ими сложная громадная собственность съ постояннымъ существованіемъ и разнообразными интересами иногда сотенъ лицъ и тысячъ акціонеровъ отдѣльныхъ предпріятій не могутъ рассчитывать на гармонию и солидарность безъ опредѣленныхъ заранѣе закономъ формъ для

ихъ существованія, и вынуждены прибѣгать къ нему, какъ къ единственному до сихъ поръ придуманному средству къ обезпеченію ихъ увѣковѣчиванія. Принципіальная борьба народа съ трѣстами и велась именно на этой почвѣ—предполагалось сдѣлать ихъ существованіе невозможнымъ именно вслѣдствіе отказа закона санкціонировать ихъ учрежденіе и даровать имъ покровительство въ будущемъ. Тогда какъ синдикаты не имѣютъ никакого легальнаго статута, и всячески стремятся къ тому, чтобы оставаться на частной почвѣ,—трѣсты, наоборотъ, именно борются за санкцію закона и приобрѣтеніе легальнаго положенія, которое давало бы имъ возможность къ центральному управленію и распоряженію имуществомъ, расположеннымъ въ разныхъ штатахъ, и легализовало бы дѣйствія этихъ центральныхъ управленій, представляющихъ или имѣющихъ въ будущемъ представлять законное большинство относительно могущихъ возникнуть въ самой ихъ средѣ непокорныхъ элементовъ. Такъ какъ участники и пай синдикатовъ всегда неизвѣстны публикѣ и представляютъ собою совершенно неопредѣленныя величины, извѣстныя только самому строго ограниченному, непосредственно въ нихъ заинтересованному кружку капиталистовъ,—акціямъ трѣстовъ котируются на всѣхъ депежныхъ биржахъ союза, и имена акціонеровъ и состава правленій публикуются во всеобщее свѣденіе. Условія организаціи и образа дѣйствій синдикатовъ зависятъ исключительно отъ взаимнаго соглашенія между ихъ участниками, бываютъ весьма различны по существу и неизвѣстны публикѣ,—а организація и функціи трѣста опредѣляются законами того штата, въ которомъ онъ учрежденъ, изложены точно и опредѣленно въ его хартии и такъ же публичны, какъ и самыя законы. Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что хотя и синдикаты, и трѣсты представляютъ собою одну и ту же консолидацію капитала, значеніе ихъ совершенно различно, и понятія эти должны быть всегда строго разграничены.

Установивъ эти понятія, какъ они понимаются и въ современномъ дѣловомъ американскомъ мірѣ, и въ законодательныхъ и юридическихъ сферахъ, я перейду къ самому существенному пункту измѣненія смысла моей ноябрьской замѣтки, а именно—къ моей, якобы, защитѣ, даже панегирику трѣстамъ и къ ихъ вліянію на повышеніе и пониженіе цѣнъ. Въ изложеніи хроникера „Новаго Времени“ выходитъ, что я не оправдалъ его справедливыхъ ожиданій, и, будто бы, утверждаю, что трѣсты въ Америкѣ способствовали собственному почину пониженію цѣнъ, и потому, якобы, достойны всякаго поощренія. Въ дѣйствительности же я не только не сказалъ въ моей замѣткѣ ничего подобнаго, но, напротивъ, отгвѣнилъ, насколько умѣлъ рельефно, предполагавшееся и, конечно, существовав-

шее въ дѣйствительности стремленіе воротилъ трестовъ къ образованію гигантскихъ монополій и контролю цѣнъ,—стремленіе, не осуществившееся только благодаря работѣ „сильныхъ, хотя и невидимыхъ противоядій“ — выраженіе, мною употребленное по этому поводу и, по моему крайнему разумѣнію, достаточно ясное и твердое. Задачей моей замѣтки былъ не подробный разборъ существующаго положенія, не изложеніе всѣхъ входящихъ въ его составъ факторовъ, а простое констатированіе фактовъ, какъ оно представляется въ настоящій моментъ внимательному наблюдателю. Что цѣны не поднялись, а опустились—произошло, конечно, не благодаря, а наперекоръ ожиданіямъ и стремленіямъ трестовъ; организованы они были не съ цѣлью филантропически благотворить страждущему человѣчеству, а съ цѣлью самой грубой наживы—мнѣ кажется, что это настолько ясно, что не требуетъ никакихъ даже упоминаній; произошло это паденіе цѣнъ невольно и неожиданно для самихъ трестовъ, при чемъ публика воспользовалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и тѣмъ процентомъ пониженія, который произошелъ благодаря пониженію издержекъ производства, какъ прямого результата консолидаціи. Въ числѣ самыхъ существенныхъ „противоядій“ вліяніямъ трестовъ на установленіе цѣнъ, я укажу на воздѣйствіе прессы страны, и, въ особенности, ея общественнаго мнѣнія; хотя и та, и другое, были почти парализованы страхомъ, тѣмъ не менѣе ихъ воздѣйствіе вселило страхъ и въ воротилъ трестовъ и несомнѣнно способствовало удержанію ихъ въ извѣстныхъ границахъ. Какимъ образомъ можно быть принципиальнымъ защитникомъ прямой, непосредственной идеи трестовъ—это превышаетъ мое пониманіе,—но, въ то же время, было бы непростительной слѣпотой не видѣть ихъ косвеннаго значенія, значенія невольнаго, выражающагося помимо ихъ дѣйствительныхъ стремленій, даже вопреки имъ, и тѣхъ результатовъ, которые достигаются благодаря ихъ появленію въ общественной жизни страны не только неожиданно для нихъ самихъ, но и для публики. Уловленіе и констатированіе этого значенія, этихъ результатовъ, какъ только они проявляются, и составляютъ существенную обязанность исследователей этихъ сложныхъ явленій современной общественной жизни,—и слѣдное, предумышленное партизанство въ ту или другую сторону является рѣшительнымъ преступленіемъ. Въ моей замѣткѣ я коснулся „принципа“ трестовъ, насколько это было необходимо для уясненія новыхъ, неожиданныхъ ихъ результатовъ, предполагая, что сущность ихъ дѣйствительнаго, прямого значенія, ихъ, такъ сказать, первоначальнаго *raison d'être*, извѣстны всякому читателю и безъ моихъ объясненій,

и что по этому поводу не можетъ и не должно быть никакихъ пререканій или недоразумѣній.

Чтобы еще рельефнѣе уяснить мою основную мысль—воспроизведе- ние существенныхъ, неожиданныхъ, невольныхъ явленій, какъ прямой результатъ современной консолидаціи капитала,—я укажу на консолидацію труда. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ ея начало, такъ и настоящее развитіе, были, конечно, стимулированы въ значитель- ной степени именно консолидаціей капитала, сначала въ формѣ акціо- нерныхъ компаній, затѣмъ синдикатовъ и наконецъ настоящей все- объемлющей формѣ трѣстовъ. Едва ли кто-либо осмѣлится въ на- стоящее время отрицать открыто многіе, въ высшей степени благо- дѣтельные, результаты консолидаціи труда въ формѣ современныхъ ремесленныхъ союзовъ и штатныхъ и національныхъ федерацій и ихъ чрезвычайно существенное значеніе въ современной обществен- ной жизни Америки. Если это существенное значеніе, если эти благо- дѣтельные результаты консолидаціи труда и были достигнуты ча- стію благодаря вліяніямъ консолидаціи капитала,—изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что эта послѣдняя стремилась къ нимъ или просто- даже имѣла ихъ въ виду—конечно, нѣтъ; она, несомнѣнно, всячески бы имъ противодѣйствовала, и если они и появились вопреки ея дѣйствительнымъ желаніямъ и надеждамъ, тѣмъ не менѣе негнѣ- было бы отрицать ея прямое, хотя бы и невольное и неожиданное для нея самой вліяніе на ихъ достиженіе.

Я очень хорошо сознаю, насколько осторожнымъ нужно быть, ка- саясь вопроса о собственности вообще относительно многихъ людей. Они очень чувствительны, даже до болѣзненности, по поводу этого вопроса, склонны не понимать самыхъ простыхъ вещей и видѣть туманъ и даже „потрашеніе основъ“ и тамъ, гдѣ все ясно и просто. То же случилось и по поводу простого констатированія мною факта о перемѣнѣ взгля- довъ на трѣсты въ средѣ извѣстныхъ сферъ американскаго мысля- щаго люда, въ виду новыхъ соображеній о результатахъ современ- ной ихъ дѣятельности въ формѣ объединенія разрозненныхъ доселѣ извѣстныхъ отраслей промышленности и торговли. Спѣшу пояснить, что самъ я лично,—вполнѣ сознавая важность этихъ соображеній, въ особенности потому, что они отлично соотвѣтствуютъ обычному кон- сервативному, осторожному, медленному пути мышленія и усвоенію новыхъ идей массаами американскаго народа,—не особенно имъ сочув- ствую, именно благодаря неизбѣжной медленности и невѣрности все- возможныхъ результатовъ; если удовольствоваться исключительно ими, я думаю, что, пожалуй, пока солнышко взойдетъ, роса глаза выѣстъ. Если, съ одной стороны, успокоиться въ виду неисполненія мрач- ныхъ пророчествъ прошлаго десятилѣтія по предмету повышенія

цѣнъ, а, съ другой, опочить на лаврахъ въ виду возможности болѣе или менѣе отдаленныхъ и невѣрныхъ результатовъ на почвѣ подготовленія перехода извѣстныхъ родовъ собственности изъ частнаго владѣнія въ государственное, предоставивъ исполненіе этого подготовленія въ безконтрольное завѣдываніе самихъ трѣстовъ съ ихъ затаенными, но несомнѣнными дѣйствительными стремленіями,—можетъ приключиться и еще что-нибудь еще болѣе неожиданное и нежелательное; а главное, исполненіе можетъ вталануться на такое неопредѣленное время, что даже обычные американцу консерватизмъ и долготерпѣніе не выдержатъ такого долгаго искуса. Предоставленный самому себѣ, трѣсть безъ надлежащихъ воздѣйствій противныхъ ему общественныхъ элементовъ—явленіе несомнѣнно чрезвычайно опасное и острое, даже въ безусловно свободной странѣ, и настоящее затишье въ борьбѣ съ нимъ¹⁾—фактъ первостепенной важности, нежелательный и ненормальный, явившійся какъ неизбежная реакція послѣ долгой, усиленной агитаціи, ударившейся въ крайности, оказавшійся въ концѣ концовъ неподтвержденными дѣйствительностью. Мнѣ кажется, что за трѣстомъ слѣдуетъ слѣдить самымъ тщательнымъ образомъ; необходимо неустанно его ограничивать по мѣрѣ возможности, чтобы держать его въ надлежащихъ предѣлахъ и гнать впередъ не по тому пути, къ которому онъ естественно склоненъ, а по тому, при которомъ окажутся возможными именно необходимые для общественнаго блага результаты. Временная апатія общественнаго мнѣнія въ этомъ отношеніи, по моему мнѣнію, есть крайне нездоровое явленіе; впрочемъ, надо полагать, что самая сущность натуры трѣста и его естественныя стремленія окажутся настолько сильными, что, опять-таки вопреки ему самому и его прямымъ интересамъ, будутъ въ состояніи, такъ сказать, автоматически, возбуждать противные ему элементы настолько, чтобы держать его въ рукахъ и направлять именно туда, куда слѣдуетъ.

П. А. Тверской.

Joamasa, San Bernardino County.
California.

¹⁾ Только еще на дняхъ появилось въ газетахъ сенсационное извѣстіе, что генералъ Алторней штата Нью-Йоркъ безусловно отказался возбудить преслѣдованіе противъ трѣста стѣнныхъ обоевъ, въ виду неизбежной безуспѣшности такого преслѣдованія при существующихъ условіяхъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1896.

— Декабристы въ Западной Сибири. Очеркъ по официальнымъ документамъ. Составилъ А. И. Дмитриевъ-Мамоновъ. М. 1895.

Въ довольно обширной литературѣ о декабристахъ очеркъ г. Дмитриева-Мамонова займетъ важное мѣсто, какъ собраніе официальныхъ свѣденій о декабристахъ, имѣвшихъ пребываніе въ западной Сибири съ самаго начала ихъ ссылки, или переведенныхъ туда позднѣе изъ восточной Сибири по минованіи каторжныхъ работъ. Высылка изъ Петербурга лицъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ или на поселеніе въ Сибири, началась лѣтомъ 1826 года и продолжалась съ начала 1827 отдѣльными партіями отъ 2 до 4 человекъ подъ надзоромъ фельдъегерей до Тобольска, а далѣе подъ надзоромъ жандармовъ. Тѣмъ изъ сосланныхъ, родственники которыхъ имѣли достаточныя средства, разрѣшено было получать отъ нихъ пособія въ опредѣленномъ, весьма умѣренномъ, размѣрѣ; болѣе обезпечены были тѣ, которыхъ сопровождали жены, сохранявшія свои права, и если это были люди достаточные, то они имѣли возможность вполне обезпечить свое матеріальное существованіе, нѣкоторые даже богато, и могли помогать товарищамъ по несчастію; такихъ, однако, было немного и большинство сосланныхъ на поселеніе въ западную Сибирь были люди безъ всякихъ средствъ. Это большинство могло существовать только на пособіе, выдаваемое отъ казны: по правиламъ, высочайше утвержденнымъ въ 1826 году, попеченіе объ этихъ немущихъ состояло въ выдачѣ имъ отъ казны на пропитаніе солдатскаго пайка и для одѣянія зимней и лѣтней крестьянской одежды. „По тобольской губерніи вспомошествованіе государственнымъ преступникамъ выдавалось натурою, имъ отпущалось изъ запасныхъ инородческихъ магазиновъ кормовое довольствіе въ размѣрѣ солдатскаго пайка, а затѣмъ выдавалась крестьян-

ская одежда зимняя и лѣтняя по утвержденной генераль-губернаторомъ табели. По томской же губерніи пособіе выдавалось не натурою, а деньгами, въ размѣрѣ стоимости солдатскаго пайка и крестьянскаго одѣянія. Кромѣ этого, положеннаго отъ казны пособія, мѣстная администрація, по своему усмотрѣнію, оказывала пособіе нѣкоторымъ немущимъ государственнымъ преступникамъ на счетъ обывателей, предоставляя имъ право пользоваться безвозмездно особыми отводными отъ обывателей квартирами. По незначительности правительственныхъ пособій, едва обеспечивавшихъ дневное пропитаніе, государственные преступники, принадлежавшіе къ семействамъ бѣднымъ, разбѣщенные на поселеніе по сѣвернымъ окраинамъ тобольской и томской губерній, естественно должны были претерпѣвать многія тяжкія лишенія, и за неимѣніемъ заработка, который могъ бы улучшить ихъ положеніе, должны были прибѣгать для поддержанія своего существованія или къ матеріальной помощи мѣстныхъ обывателей, или же къ помощи болѣе обеспеченныхъ товарищей своихъ по ссылкѣ. Только благодаря этой частной матеріальной помощи, многія изъ лицъ, сужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, имѣли возможность при борьбѣ съ нуждою влечь тяжелую свою жизнь на поселеніи“ (стр. 14—15). Дальше приведены цифры стоимости одежды, какаѣ выдаваема была ссыльнымъ. Одежду эту составляли для зимы: тулупъ русскихъ овчинъ, шапка, рукавицы съ варегами, бродни, чулки шерстяные, опояска шерстяная, рубашка съ портами; — для лѣта: зипунъ крестьянскаго сукна, шапка, рукавицы простые, бродни съ онучами, рубашка съ портами (по одному экземпляру на годъ!), — все это стоило до 55 р. по тогдашнему счету на ассигнаціи, т.-е. до 15—16 рублей серебромъ.

Норма правительственнаго пособія, въ размѣрѣ солдатскаго пайка и 15—16 рублей на одежду, измѣнена была только въ 1835 году. Немущимъ государственнымъ преступникамъ назначено было содержаніе въ 200 рублей ассигнаціями (57 р. 14²/₇ коп. сер.) въ годъ, причеиъ, однако, велѣно было высчитывать изъ этой суммы то, что ссыльные могли получать отъ своихъ родственниковъ, но не ставить въ счетъ вспоможеніе, получаемое отъ лицъ, находящихся въ Сибири. Черезъ десять лѣтъ, въ 1845 г., разрѣшено было выдавать ссыльнымъ до 114 р. 28⁴/₇ коп. сер. въ годъ, т.-е. въ удвоенномъ размѣрѣ. Кромѣ денежнаго пособія отъ казны, въ 1835 году сдѣлано было также распоряженіе объ отводѣ ссыльнымъ 15-десятинаго надѣла пахотной земли, которою только немногимъ изъ нихъ удобно было воспользоваться для хозяйства.

При водвореніи ссыльныхъ на поселеніи, за ними велѣно было имѣть строжайшій надзоръ, который возложенъ былъ на мѣстныхъ

генераль-губернаторовъ, губернаторовъ, городскую и земскую полицію; но точныхъ правилъ объ этомъ надзорѣ преподано не было. „Это отсутствіе опредѣленныхъ правилъ о порядкѣ надзора, естественно, давало поводъ къ проявленію полного произвола, относительно стѣсненій жизни преступниковъ на поселеніи“ (стр. 22). Даже просвѣщенные администраторы, какъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій и де-Сентъ-Лоранъ, „за неимѣніемъ опредѣленныхъ указаній о томъ, въ чемъ именно долженъ проявляться надзоръ, устанавливали особую стражу при водворенныхъ на поселеніе преступникахъ, съ обязательствомъ, чтобы та стража постоянно состояла при тѣхъ преступникахъ какъ бы при лицахъ, находящихся подъ полицейскимъ арестомъ“: очевидно, администраторы опасались, что иначе изъ Петербурга ихъ могутъ обвинить въ слабости надзора. По большей части, замѣчаетъ историкъ, „устройство жизни преступниковъ на мѣстахъ ихъ водворенія зависѣло отъ произвола и усмотрѣнія губернской администраціи и полиціи“. Вслѣдствіе этого ссыльные нерѣдко испытывали, кромѣ своего труднаго матеріальнаго положенія, немалыя непріятности отъ мелкихъ чиновниковъ, которые желали выслужиться, дѣлая доносы объ ихъ политической неблагонамѣренности: оснований для доноса обыкновенно не было никакихъ, потому что, во-первыхъ, ссыльнымъ было не до того, чтобы предаваться какому-нибудь вольнодумству, а во-вторыхъ, въ тѣхъ труппахъ, въ которыхъ они нерѣдко жили среди полуднеаго населенія, не было бы для этого никакой почвы; но по доносамъ каждый разъ начинались слѣдствія, обыски, допросы обвиняемыхъ и мѣстныхъ жителей; въ концѣ концовъ бывало, что попадали подъ судъ сами обвинители, когда обнаруживалась явная нелѣпость доносовъ. Къ счастью, во главѣ администраціи встрѣчались достойные люди, которые относились къ этимъ поселенцамъ разумно и гуманно: таковъ былъ извѣстный Д. Н. Бантышъ-Каменскій, позднѣ князь Горчаковъ, бывшій генераль-губернаторъ западной Сибири, В. А. Арцимовичъ, бывшій въ тѣ годы губернаторомъ въ Tobольскѣ, и др.; но бывали люди суровые и вмѣстѣ боязливые, у которыхъ сухое, формальное отношеніе къ дѣлу отзывалось очень тяжело на поселенцахъ. Въ числѣ самихъ поселенцевъ былъ князь или графъ Друцкій-Горскій, нѣкогда вице-губернаторъ на Кавказѣ, замѣшанный какимъ-то образомъ въ событіяхъ 14 декабря, человекъ уже старый, болѣзненный, съ тяжелымъ раздражительнымъ характеромъ и мстившій за это окружающимъ. Поселенный въ Березовѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими ссыльными, Горскій производилъ на нихъ отталкивающее дѣйствіе свойствами своего характера и результатомъ явился съ его стороны доносъ, отправленный къ шефу жандармовъ, графу Бенкендорфу. Въ этомъ

доносѣ Горскій, напримѣръ, писалъ: „будучи въ Березовѣ, въ средѣ сосланныхъ туда Ентальцева, Черкасова и Фохта, онъ сначала слушалъ съ притворною терпѣливостью нелѣпныя и самыя дерзкія ихъ разговоры, вошелъ къ нимъ въ довѣріе и сколько могъ узналъ преступный и дерзкій ихъ образъ мыслей, обнаруживающій озлобленіе и ненависть къ правительству и ко всему существующему законному порядку. Эти люди, подходя хитро съ разныхъ сторонъ, касаясь чувствительнаго органа души его и сердца, имѣли намѣреніе сдѣлать его своимъ единомышленникомъ, который бы содѣйствовалъ имъ въ ихъ предпріятіяхъ (?), или же, по крайней мѣрѣ, не мѣшалъ поселать въ людей всякаго сословія питаемый ими ко всему законному порядку и правительству нашему духъ злобы и ненависти. Съ такимъ намѣреніемъ склонить къ преступному образу мыслей обратился къ нему прежде всего Фохтъ, доказывавшій несправедливость правительства и порицавшій его, послѣ чего онъ возмущенный вынужденъ былъ многимъ жителямъ напомнить, что законъ запрещаетъ допускать имъ Фохта въ общество къ себѣ и слушать мятежническія его слова“. Изъ Березова доносъ пришелъ въ Петербургъ, изъ Петербурга былъ пересланъ генераль-губернатору западной Сибири для производства слѣдствія; въ Березовъ посылается для этого чиновникъ и въ результатъ слѣдствія оказывалось, что березовскіе жители не могли сказать о поселенцахъ ничего дурнаго, но, напротивъ, „статскаго-совѣтника князя Друцкаго-Горскаго избѣгаютъ по строптивости его“.

Въ книгѣ г. Дмитриева-Мамонова сообщено до сорока біографическихкихъ статей о декабристахъ, жившихъ на поселеніи въ западной Сибири. Въ общемъ судьба ихъ была весьма печальная. „Неблагоприятныя, суровыя климатическія условія большинства мѣстностей, избранныхъ для поселенія, тяжелая нужда при едва обезпеченномъ дневномъ пропитаніи, какую претерпѣвали нѣкоторые изъ поселенцевъ, а затѣмъ утраченная надежда на лучшее будущее и сожалѣніе о навсегда потерянной связи съ своею прошлою жизнью, порождавшія какъ физическія, такъ и душевныя страданія, свели многихъ, изъ числа осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, въ могилу въ Сибири. Изъ числа 39 государственныхъ преступниковъ, бывшихъ на поселеніи и на жительствѣ въ западной Сибири, 15 похоронены въ ея предѣлахъ, и могилы ихъ разбросаны на огромномъ ея пространствѣ: Сургутъ, Кондинскъ, Туринскъ, Ялutorовскъ, Курганъ, Тобольскъ и Омскъ — мѣста, гдѣ находятся могилы декабристовъ. Многія могилы, частью съ сохранившимися, частью съ разрушающимися уже отъ времени памятниками, еще нынѣ существуютъ,—нѣкоторыя же хотя и утрачены, но память объ усопшихъ еще и нынѣ

жива: такъ высоко-нравственна и благодѣтельна была дѣятельность въ Сибири большинства на пользу мѣстнаго населенія* (стр. 34).

Авторъ приводитъ примѣры этой благотворной дѣятельности поселенцевъ среди сибирскаго населенія, въ которомъ они встрѣчали теплое сочувствіе какъ люди просвѣщенные и готовые на помощь ближнему своимъ трудомъ, знаніями, а также и матеріальными средствами, у кого такія средства были. Таковы были семьи Муравьева-Апостола, Фонвизина, Анненкова; таковъ былъ Якушкинъ, Павелъ Бобринцевъ-Пушкинъ, А. М. Муравьевъ и много другихъ. Пребываніе декабристовъ въ Сибири закончилось манифестомъ 26-го августа 1856 года, когда всѣ они получили разрѣшеніе возвратиться въ Россію. Только нѣкоторые оставили Сибирь раньше, переведенные солдатами на Кавказъ, какъ, на примѣръ, баронъ Розенъ, извѣстный потомъ авторъ „Записокъ декабриста“, и князь А. И. Одоевскій, извѣстный потомъ поэтъ, памяти котораго Лермонтовъ посвятилъ свое прекрасное стихотвореніе.

— Василій Трофимовичъ Нарѣжнѣй. Историко-литературный очеркъ Н. Бѣлозерской, удостоенный Уваровской преміи въ 1893 году. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1896.

Въ первый разъ изслѣдованіе г-жи Бѣлозерской напечатано было въ „Русской Старинѣ“ въ 1888—1891 г. и, дополненное въ настоящемъ изданіи, является цѣннымъ вкладомъ въ исторію нашей литературы. Нарѣжнѣй, имя котораго упоминается постоянно, когда идетъ рѣчь о началѣ нашей повѣсти, и когда говорится даже о повѣстяхъ Гоголя изъ малорусской жизни, остается тѣмъ не менѣе очень мало извѣстенъ,—рѣдко кто читалъ его повѣсти и романы, особливо столь извѣстнаго въ свое время „Россійскаго Жилблаза“, и только недавно явился вновь въ дешевомъ изданіи его „Бурсакъ“. Между тѣмъ Нарѣжнѣй несомнѣнно заслуживалъ историческаго вниманія. Это былъ писатель даже въ свое время нѣсколько старомодный: уроженецъ Малороссіи (род. въ 1780), онъ близко видѣлъ и хорошо запомнилъ старинные малороссійскіе нравы, которые потомъ весьма удачно изобразилъ въ „Бурсакѣ“; послѣ домашняго ученья, вѣроятно тоже въ старинномъ вкусѣ, онъ поступилъ въ Москвѣ въ „дворянскую“ гимназію (параллельно съ нею существовала гимназія „разночинская“), а затѣмъ въ университетъ, гдѣ, впрочемъ, не кончилъ курса, поступивши на службу; эта служба, по управленію Грузіи, привела его въ Тифлисъ, гдѣ онъ пробылъ года два, а затѣмъ мы видимъ его на службѣ въ Петербургѣ; здѣсь онъ и умеръ въ 1825 г. Въ своей московской школѣ онъ воспитался въ правильномъ псевдо-классиче-

скомъ духѣ, и старомодная манера осталась у него навсегда; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ не остался чуждъ новымъ, хотя нѣсколько неяснымъ стремленіямъ, и главнымъ образомъ онѣ выразились желаніемъ внести въ свои произведенія русское содержаніе. Объемъ его дарованія не далъ ему возможности остаться вполне вѣрнымъ этому русскому содержанію: образцы его повѣсти были все-таки чужіе, и онъ не могъ освободиться отъ ихъ вліянія,—потому въ его произведеніяхъ насъ постоянно поражаетъ эта смѣсь проблесковъ самой настоящей русской жизни съ книжными выдумками, во вкусѣ тогдашнихъ иностранныхъ романовъ. Книга г-жи Бѣлозерской распадается на двѣ части. Въ первой собраны свѣденія о составѣ русской повѣсти до Нарѣжнаго и въ его время, переводной и оригинальной: здѣсь находится много полезныхъ историко-литературныхъ указаній о различныхъ родахъ повѣсти, проникавшей къ намъ въ переводахъ изъ западныхъ литературъ съ конца XVIII-го вѣка, и первыхъ русскихъ подражанійхъ (въ длинномъ спискѣ этихъ повѣстей, кажется, пропущена памятная „Пригожая повариха“,—которую такъ рекомендовалъ Суворовъ для чтенія своимъ солдатамъ). Во второй части собраны немногія сохранившіяся биографическія свѣденія о Нарѣжномъ и данъ разборъ его сочиненій. Въ общемъ выводѣ авторъ полагаетъ, что, при тогдашнемъ господствѣ иностранныхъ образцовъ, „Нарѣжный, по необходимости, слѣдовалъ общему направленію, на ряду съ усиленнымъ стремленіемъ къ самобытному творчеству, которое съ историко-литературной стороны придаетъ теперь особенное значеніе его произведеніямъ; но въ былое время это же стремленіе къ самобытности только мѣшало ихъ успѣху“. Авторъ полагаетъ, что это смѣшеніе подражательности и самобытности, нарушая общее впечатлѣніе, и навлекло Нарѣжному упреки въ недостаткѣ вкуса. „Эта двойственность въ произведеніяхъ Нарѣжнаго, которая ставила ихъ въ художественномъ отношеніи ниже общаго уровня болѣе слабыхъ и даже бездарныхъ романовъ и повѣстей того времени (?), особенно затрудняла критиковъ, которые въ большинствѣ случаевъ мимоходомъ касались ихъ или обходили молчаніемъ. Свысока относился къ нимъ и остальной литературный міръ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, тѣмъ болѣе, что Нарѣжный, живя вдали отъ него, шелъ своимъ путемъ, не поддаваясь вліянію новаго времени“. Поставить Нарѣжнаго ниже „бездарныхъ“ повѣствователей того времени—слишкомъ послѣшно: онъ все-таки пережилъ ихъ, и самъ авторъ счелъ возможнымъ представить положительную заслугу Нарѣжнаго въ слѣдующихъ словахъ: „При этихъ условіяхъ, Нарѣжный долженъ былъ неизбежно казаться отсталымъ своимъ современникамъ, хотя въ сущности въ своихъ романахъ и повѣстяхъ онъ оказывается болѣе но-

вымъ и самобытнымъ, нежели всѣ его предшественники. Такимъ образомъ, безъ преувеличенія можно сказать, что его романъ: „Черный годъ, или Горскіе князья“ былъ первымъ русскимъ сатирическимъ романомъ, гдѣ онъ, ограничиваясь сферой повседневныхъ явленій, касается разныхъ сторонъ общественной и государственной жизни. Въ своихъ двухъ сочиненіяхъ „Россійскій Жилблязъ“ и „Два Ивана, или страсть къ таджамъ“, онъ положилъ начало русскому реальному правоописательному роману, равно какъ его „Запорожецъ“ и „Бурсакъ“ могутъ считаться первыми, болѣе или менѣе самобытными произведеніями въ области русскаго историческаго романа. Въ „Гаркунѣ“ мы видимъ попытку правоописательнаго романа изъ народнаго быта“.

Бѣда Нарѣжнаго состояла не въ томъ, что „двойственность“ помѣшала ему достигнуть художественной цѣльности,—какъ будто оставаясь, напримѣръ, вполне подражательнымъ, онъ могъ бы достигнуть этой цѣльности: оставшись вполне подражательнымъ, онъ, безъ сомнѣнія, совсѣмъ бы не имѣлъ значенія. Его недостатокъ былъ въ томъ, что вкусъ его былъ дѣйствительно неразвитъ, и, напримѣръ, въ „Бурсакѣ“, начавши реальной картиной русской жизни, онъ не въ состояніи былъ довести разсказа до конца въ томъ же стилѣ. Въ сущности Нарѣжный остался писателемъ со вкусами XVIII-го вѣка, и его попытки изображать русскую жизнь въ самостоятельномъ реальномъ духѣ были инстинктомъ, не развившимся во что-нибудь опредѣленное,—однимъ изъ тѣхъ предварительныхъ явленій, какія очень часто бываютъ въ литературѣ предвѣстіями новыхъ направленій. Для изученія этого писателя книга г-жи Бѣлозерской, какъ мы сказали, доставляетъ много цѣнныхъ указаній.

— Автобіографія Тамерлана (род. въ 1388, ум. въ 1405 г.). Переводъ съ тюркскаго Нила Лыкошина. Издано Сыръ-Дарьинскимъ Статистическимъ комитетомъ на средства, отпущенныя Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ барономъ А. В. Вревскимъ. Ташкентъ. 1894.

Съ водвореніемъ русскаго господства въ средней Азіи возникаетъ цѣлая литература, посвящаемая изученію этого края. Сначала это были по преимуществу географическія описанія, потому что самая мѣстность была слишкомъ мало извѣстна, или изслѣдованія естественно-научныя, каковы были, напримѣръ, изслѣдованія Сѣверцева, Федченка; когда, наконецъ, установилось русское управленіе, это изученіе расширяется: край былъ уже достаточно знакомъ, старыя мѣстности получили русское административное дѣленіе, вопросы управленія вызвали необходимость ознакомленія съ мѣстными обы-

чаями, которымъ по необходимости надо было дать мѣсто въ формахъ администраціи и суда; надо было также отдать себѣ отчетъ въ племенныхъ отбѣнкахъ населенія, которое издавна представляло различныя историческія наслоенія; присоединилась, наконецъ, любовная этнографическая и началось изслѣдованіе мѣстныхъ языковъ, народныхъ сказаній и т. д. Мы имѣли случай указывать нѣкоторыя произведенія этой туркестанской литературы, на примѣръ чрезвычайно любопытныя изслѣдованія г. Остроумова о сартахъ; надо думать, что со временемъ это изученіе средней Азіи установится широкимъ и рациональнымъ образомъ; нѣкоторое начало этого представляютъ систематическія работы, предпринимаемыя Сырь-Дарьинскимъ статистическимъ комитетомъ,—но вообще эти изученія средней Азіи остаются до сихъ поръ отрывочны. Для изслѣдованій этнографическихъ необходимо, конечно, участіе ученыхъ ориенталистовъ, но число ихъ у насъ все еще не велико.

Небольшая книжка г. Лыкошина (115 страницъ) даетъ любопытный образчикъ старой исторической литературы Туркестана. Переводчикъ автобіографіи Тамерлана сознаетъ, что наши работы по изслѣдованію средней Азіи пока еще слишкомъ недостаточны. „Изученіе жизни, нравовъ и характера того народа, съ которымъ намъ суждено жить вмѣстѣ,—говорить г. Лыкошинъ,—должно составлять насущную нашу потребность и вызывать съ нашей стороны усиленные труды къ познанію не только современнаго положенія туземцевъ, но и ихъ прошедшаго. Только ознакомившись, во всѣхъ подробностяхъ, съ историческими чертами народнаго характера туземцевъ, можно съ успѣхомъ вводить русскую гражданственность въ краѣ, послѣ вѣкового господства здѣсь иныхъ культурныхъ началъ.

„Какъ бы произвольно и деспотически ни управляли здѣшнимъ народомъ прежніе мусульманскіе ханы, но имъ нельзя отказать въ близкомъ знакомствѣ съ народнымъ характеромъ, а это качество составляло несомнѣнное преимущество средне-азиатскихъ властителей, великихъ и малыхъ, которое обезпечивало имъ возможность править народомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Намъ, русскимъ правителямъ Туркестанскаго края, необходимо тѣмъ болѣе обращать вниманіе на изученіе народнаго характера туземцевъ, что они разнятся отъ насъ и по языку, и по вѣрѣ, и по обычаямъ. Между тѣмъ, до самаго послѣдняго времени, мы не можемъ похвалиться, что сдѣлали многое въ этомъ направленіи, и это тѣмъ менѣе извинительно для насъ, что государства Западной Европы, не только Англія, имѣющая дѣло съ мусульманами въ Индіи, но и Франція, и даже Германія съ давнихъ поръ крайне интересовались положеніемъ дѣлъ на востокѣ. Они снаряжали сюда посольства, издавали восточныя руко-

писи, настойчиво исполняли лексикографическія работы для изученія восточныхъ языковъ. Такъ, напр., извѣстныя записки султана Бабуръ въ Россіи были только изданы, а во Франціи были переведены и снабжены прекраснымъ словаремъ. Исторія Абуль-Гази (хивинскаго хана) тоже только начата была (?) въ Россіи; наконецъ, самый наглядный примѣръ, это судьба извѣстнаго религіозно-юридическаго сочиненія, извѣстнаго подъ названіемъ „Хидая и Шерифъ“, которое 100 лѣтъ назадъ еще было переведено на англійскій языкъ и до самаго послѣдняго времени не было переведено на русскій языкъ, даже съ англійскаго“. Переводъ этой книги явился только недавно.

Эта недостаточность и запоздалость нашей ученой литературы по Востоку отражаетъ только общую запоздалость и недостаточность нашей науки. Первые практическіе оріенталисты, дѣйствующіе въ литературѣ, являются у насъ только съ конца XVIII-го вѣка; оріенталисты, подготовленные научнымъ образомъ—только съ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ,—между тѣмъ какъ на западѣ изученія Востока, повидимому, столь далекаго, начинаются очень рано, и въ началѣ XVIII-го вѣка западная наука могла уже назвать знаменитыхъ оріенталистовъ.

Исторію автобіографіи Тамерлана г. Лыкошинъ излагаетъ нѣсколько неясно. „Нѣкоторое знаніе турецкаго языка,—говоритъ онъ,—дало мнѣ возможность ознакомиться съ изданнымъ въ 1891 г. небольшимъ трактатомъ „Амиръ-Тимуръ. Обстоятельства его жизни, походы, остановки, сраженія и миры“. Брошюра эта была издана Н. П. Остроумовымъ на средства, разрѣшенныя г. туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, барономъ А. Б. Вревскимъ, а рукопись найдена въ Бухарѣ при содѣйствіи В. О. Клемма. Рукопись представляетъ списокъ въ автобіографіи знаменитаго завоевателя Средней Азій, Амира-Тимура, извѣстнаго въ европейской литературѣ подъ именемъ Тамерлана“. Это имя до сихъ поръ знаменито въ средней Азій; многіе туземцы ведутъ отъ него свою генеалогію, до сихъ поръ сохранились колоссальныя архитектурныя сооруженія тѣхъ временъ. „Поэтому,—говоритъ г. Лыкошинъ,—прочитавъ автобіографію Тимура, я рѣшился перевести рукопись на русскій языкъ“; это было дѣло довольно трудное, потому что „настоящій турецкій текстъ рукописи получился отъ перевода персидскаго списка съ автобіографіи, сдѣланнаго въ 1836 году ходжентскимъ жителемъ Наби-джанъ Хатифомъ по приказанію Кокандскаго хана Сябидъ Мухаммедъ Алихана (Мадалиханъ, ум. въ 1842 г.). Ученый переводчикъ не постѣснился изложить свой переводъ такимъ искусственнымъ языкомъ ученыхъ туземцевъ, который содержитъ въ себѣ очень мало турецкихъ словъ, а испещренъ персидскими и арабскими выраженіями, правда, украшающими восточ-

ную рукопись перлами риторики, но зато неизвѣрно затрудняющими переводчика текста на русскій языкъ“. Здѣсь нѣсколько неясностей. Переводчикъ долженъ былъ бы указать читателю, что представляетъ „брошюра“ г. Остроумова, и если эта брошюра представляетъ только текстъ рукописи (мы не видѣли брошюры и турецкаго языка не знаемъ), то почему настоящій переводъ не имѣетъ заглавія, поставленнаго г. Остроумовымъ, и почему въ приведенныхъ словахъ „рукопись“ какъ будто различается отъ „брошюры“? Далѣе вслѣдствіе грамматической неточности опять неясно, что было сдѣлано ходжентскимъ жителемъ Хатифомъ въ 1836, персидскій списокъ, или переводъ персидскаго списка, и только изъ послѣдующихъ словъ надо предполагать, что рѣчь идетъ о переводѣ. Наконецъ, остается еще необъясненный вопросъ: откуда произошелъ самый „персидскій списокъ съ автобіографіи“—была ли автобіографія написана на персидскомъ языкѣ или „персидскій списокъ“ былъ также переводомъ съ какого-нибудь стараго текста; какія есть основанія полагать, что мы имѣемъ здѣсь подлинное твореніе Тамерлана, и т. д.? Предлагая читателю произведеніе, на которомъ стоитъ столь знаменитое историческое имя, слѣдовало объяснить насколько возможно эти вопросы элементарной исторической критики.

Дальше читаемъ въ предисловіи переводчика: „Въ нашей и европейской литературѣ существуетъ не мало сочиненій, касающихся личности Амира Тимура, но взгляды на нравственный обликъ этого завоевателя во многомъ расходятся; поэтому мнѣ кажется, что жизнь Тимура, нѣтъ самими описанная, не только поможетъ правильной оцѣнкѣ этой, во всякомъ случаѣ (?), крупной исторической личности, но и представитъ нѣсколько новыхъ историческихъ фактовъ“. Во-первыхъ, „крупность“ личности Тамерлана едва ли нуждается въ оговоркахъ, а во-вторыхъ, опять было бы весьма не лишнимъ указать читателю, въ какомъ отношеніи находится автобіографія Тамерлана къ другимъ историческимъ показаніямъ о знаменитомъ завоевателѣ.

Къ переводу присоединены нѣсколько объяснительныхъ примѣчаній, въ которыхъ опять встрѣчаются нѣкоторыя неловкости. Между прочимъ переводчикъ приурочиваетъ старія мѣстныя названія къ современнымъ, но въ одномъ мѣстѣ объясняетъ названіе страны „Мавераннагръ“ словомъ „Трансоксанія“, которое не есть ни современное, ни мѣстное, и само требовало бы объясненія (стр. 13). Въ другомъ случаѣ дѣлается ссылка на какіе-то, раньше не упомянутые, „французскіе переводы“ (стр. 25). Но сама по себѣ автобіографія интересна, и была бы еще интереснѣе, еслибы сопровождалась была историческими объясненіями.—Т.

— Ruska književnost u osamnaestom stoljeću. Napisaо V. Jagić. Zagreb, 1895.
(Русская литература въ восемнадцатомъ столѣтїи. Написалъ В. Ягичъ).

Книга г. Ягича есть, кажется, первый въ своемъ родѣ примѣръ самостоятельнаго труда по русской исторїи въ западно-славянской литературѣ. До сихъ поръ „славянская взаимность“ все еще представляетъ довольно странное явленіе: правда, сравнительно съ прежними временами, напримѣръ, не только съ тѣмъ, что было въ началѣ столѣтїя, но даже съ тѣмъ, что было лѣтъ тридцать тому назадъ, славянскіе народы гораздо больше знаютъ другъ о другѣ, но и до сихъ поръ это знаніе чрезвычайно отрывочно (говоримъ здѣсь вообще съ исключеніемъ Польши, съ которой мы связаны совсѣмъ особыми отношенїями). Если и у насъ обычныя представленїя о западномъ и южномъ славянствѣ весьма неясны, что доказывается такъ часто ходячими разсужденїями о значенїи Россїи во главѣ славянскихъ племенъ, то въ западномъ и южномъ славянствѣ еще менѣе ясны представленїя о русскомъ народѣ. Вслѣдствїе разныхъ обстоятельствъ, которыя отъ времени до времени возбуждали въ нашемъ обществѣ, или собственно въ ученомъ и литературномъ кругу, интересы къ славянству, у насъ еще съ сороковыхъ годовъ бывало не мало людей, которые посѣщали славянскїя земли и болѣе или менѣе близко знакомились съ славянскимъ движенїемъ на мѣстѣ; это бывали ученые изслѣдователи и любознательные путешественники, и въ русской литературѣ собралась въ концѣ концовъ большая масса свѣденїй и между прочимъ весьма цѣнныхъ трудовъ о разныхъ сторонахъ и историческихъ періодахъ славянской жизни. Но съ западно-славянской стороны этого личнаго знакомства съ русскою жизнью почти никогда не бывало. Правда, были великія имена въ славянской наукѣ еще съ конца прошлаго вѣка, которымъ принадлежитъ заслуга первыхъ общихъ славянскихъ изученїй и перваго возбужденїя мысли о славянскомъ единствѣ; но труды Добровскаго, Шафарика, Коллара и др. относятся или къ очень давней старинѣ и къ спеціальнымъ вопросамъ филологїи и этнографїи, или ограничиваются только общими указанїями о славянскомъ единствѣ, практическіе результаты которыхъ предоставлялись будущему. Знакомство съ современнымъ состоянїемъ русскаго государства, общества и народа въ громадномъ большинствѣ западнаго славянства было чрезвычайно слабо; славянскїй путешественникъ въ Россїи, способный къ широкому пониманїю русскихъ отношенїй, есть явленїе почти небывалое, и когда западно-европейская литература можетъ указать за послѣднее время не мало замѣчательныхъ трудовъ о Россїи, интересныхъ даже для насъ самихъ, какъ нѣкогда труды Гавстгаузена, какъ въ

послѣднее время труды Мэкензи-Уоллеса, Леруа-Болье, Рамбо и др., во всей славянской литературѣ не существуетъ ничего подобнаго. Не было, конечно, никакого яснаго представленія о русской литературѣ, и только въ послѣднее время, благодаря тому, что объ ней заговорили на самомъ западѣ, братья-славяне стали узнавать о Тургеневѣ, Достоевскомъ, Львѣ Толстомъ, стали переводить ихъ (иногда—несомнѣнно съ нѣмецкаго); только у чеховъ, и то лишь за послѣдніе годы, можно встрѣтить болѣе близкое знаніе новыхъ русскихъ писателей, хотя и здѣсь особенности русской жизни не совсѣмъ поддаются братскому пониманію, какъ и русская исторія очевидно наполнена для нихъ недоумѣніями. Еще недавно вышелъ особой книжкой, напримѣръ, какъ новость, чешскій переводъ „Завѣщанія Петра Великаго“, и его нашли очень интереснымъ: ни переводчикъ, ни критикъ не подозрѣвали, что „Завѣщаніе“ есть фальсификація, даннымъ давно доказанная, между прочимъ и на нѣмецкомъ языкѣ, и что было слишкомъ наивно повторять старую басню, когда со времени Петра прошло почти уже двѣсти лѣтъ, событія которыхъ должны бы быть сами по себѣ достаточно поучительны.

Въ такихъ условіяхъ книга г. Ягича становится важнымъ литературнымъ фактомъ, именно какъ результатъ самостоятельнаго изученія русской литературной исторіи, въ которомъ желательно было бы видѣть начало дальнѣйшихъ самостоятельныхъ славянскихъ трудовъ по изученію Россіи. Авторъ представляетъ собою пока единственный примѣръ всесторонняго ученаго, который одинаково владѣетъ матеріаломъ западно-славянскимъ и русскимъ; обѣ половины славянскаго ученаго міра съ одинаковымъ правомъ могутъ считать его своимъ. Многолѣтнимъ пребываніемъ въ Россіи онъ воспользовался для такого знакомства съ русской литературой, какого мы не встрѣтили бы ни у кого изъ другихъ западно-славянскихъ ученыхъ; онъ вполне владѣетъ всѣмъ ученымъ матеріаломъ, какой былъ необходимъ для излагаемаго имъ предмета; факты литературные освѣщаются для него яснымъ представленіемъ историческихъ условій ихъ возникновенія и ихъ вліянія въ послѣдующей литературѣ. Изложеніе восемнадцатого вѣка авторъ начинаетъ съ предвѣстій реформы въ концѣ семнадцатого столѣтія и затѣмъ даетъ сжатые очерки основныхъ литературныхъ явленій отъ времени Петра, заканчивая эпохой Карамзина, въ связи съ теченіями общественной жизни. Въ приложеніи помѣщенъ весьма обстоятельный библиографическій обзоръ изданій писателей и главнѣйшихъ изслѣдованій по литературѣ XVIII-го вѣка.

Книга имѣетъ въ виду сербо-хорватскихъ читателей, но можетъ представить интересъ и для насъ, какъ оцѣнка нашей литературы со стороны, независимо отъ нашихъ привычныхъ впечатлѣній и вос-

поминаній. Авторъ видитъ въ нашей литературѣ прошлаго вѣка подготовительную школу, которая была исторически необходима для выработки литературной самостоятельности; для него ясны недостатки ея подражательныхъ пріемовъ, но среди нихъ онъ указываетъ все болѣе признаки жизненнаго значенія литературы и проблески самостоятельной поэзіи, какъ, на примѣръ, въ Державинѣ, котораго онъ, между прочимъ, защищаетъ отъ осужденій Мицкевича.—А. П.

Въ теченіе января мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бальмонтъ, К. Д.—Сочиненія Шелли. Перев. съ англ. Вып. 4. М. 96. Стр. 143. Ц. 50 к.

— Въ безбрежности. М. 95. Стр. 173. Ц. 1 р.

Бекъ, д-ръ С., и *Броннъ*, д-ръ М.—Европейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Перераб. и дополн. съ прибавленіемъ оригинальнаго отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ. С. М. Дубновъ. Въ 2-хъ частяхъ. Т. I: Восточный періодъ. Од. 96. Стр. 323. Ц. 2 р.; за оба тома, съ подпискою 3 р.

Бѣкъ, А., и *Давыдовъ*, М.—Учебникъ гистологіи человѣка со включеніемъ микроскопической техники, съ 246 рис. Перев. съ нѣм. В. Львова. М. 96. Стр. 364. Ц. 3 р.

Берновъ, М. А.—На ходу. Досуги русскаго пѣшехода, слѣлавшаго 12.000 верстъ пѣшкомъ по бѣлу свѣту. Съ портретомъ и биографіей автора. М. 96. Стр. 93. Ц. 50 к.

Будкевичъ, Ф.—Новая теорія владѣнія. Варш. 95. Стр. 71.

Бѣломоръ, А. Е.—Письма о флотѣ. Спб. 96. Стр. 267. Ц. 1 р. 50 к.

Винаверъ, М. М.—Къ вопросу объ источникахъ X т. Свода законовъ. Спб. 96. Стр. 68.

Виноградовъ, П.—Учебникъ всеобщей исторіи. Ч. III: Новое время. М. 96. Стр. 288. Ц. 90 к.

Волотовскій, А. С.—Садовникъ. Общедоступное руководство для желающихъ заняться веденіемъ плодоваго сада. Предназначается преимущественно для крестьянъ и другихъ сельскихъ жителей сѣверной и средней полосы Россіи. Спб. 96. Стр. 150. Ц. 75 к.

Вольте, Г.—Открытіе новаго свѣта. Чтеніе для народа. Спб. 96. Стр. 47.

Вучетичъ, Н. Г.—Соловей. Разсказъ для дѣтей. Съ рис. Н. Кузнецова. Од. 96. Стр. 28. Ц. 20 к.

Гемдъ, Ад.—Фабрика и ремесло. Перев. съ нѣм. Ю. Спасскаго. М. 96. Стр. 48. Ц. 25 к.

Гербартъ, I.—Психологія. Перев. А. Нечаева, съ предисл. проф. А. И. Введенскаго. Спб. 95. Стр. 275. Ц. 1 р. 25 к.

Гиппиусъ, З. И.—Новые люди. Разсказы. Спб. 96. Стр. 452.

Головинъ, К.—Мужикъ безъ прогресса, или прогрессъ безъ мужика. Къ вопросу объ экономическомъ матеріализмѣ. Спб. 96. Стр. 161. Ц. 1 р.

Голубевъ, А. К.—Русскіе Банки. Справочныя и статистическія свѣденія о всѣхъ дѣйствующихъ въ Россіи государственныхъ, частныхъ и общественныхъ

кредитныхъ учрежденіяхъ. Съ приложеніемъ „Отѣнной таблицы“ съ перечнемъ городовъ, въ коихъ находятся кредитн. учрежд. или ихъ отдѣленія. Годъ I. Спб. 96. Стр. 253. Ц. 2 р.

Гурьевъ, Н.—Томскій Календарь на 1896 г. Том. 95. Стр. 63.

Гюю, Викторъ.—Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. X. Тифл. 95. Стр. 249—276. Ц. 20 к.

Дарвинъ, Ч.—Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго подбора, или сохраненіе благоприятствуемыхъ породъ въ борьбѣ за жизнь. Полный перев. съ 6-го англ. изд. М. Филиппова. Въ 3-хъ вып. Вып. 3. Спб. 96. Стр. 333—548.

Джамшиевъ, Гр.—Судъ надъ судомъ присяжныхъ (По поводу статей г. Дейтриха и „Гражданина“). Приложение: Изъ воспоминаній присяжнаго засѣдателя. 2-е дополн. изд. М. 96. Стр. 179. Ц. 50 к.

Дмитріева, В. I.—Малышъ и Жучка. Рассказъ Изд. Спб. Фребелев. Общества. Стр. 63. Ц. 50 к.

Дрейфусъ, Кам.—Міровая и социальная эволюція. Перев. съ франц. М. 96. Стр. 348. Ц. 1 р. 50 к.

Дьяконовъ, М.—Акты, относящіяся къ исторіи тяглаго населенія въ московскомъ государствѣ. Вып. I: Крестьянскія порядки. Юр. 95. Стр. 91.

Еврейновъ.—Разбитая Лира. Вып. 1. Киевъ. 95.

Елецъ, Ю.—Изъ жизни. Очерки и рассказы съ 37 рис. Спб. 96. Стр. 207.

Зальтскій, В. Ф.—Экономическія явленія въ мірѣ животныхъ. Каз. 96. Стр. 19.

Зетъ, Е.—Преимущественно современные французскіе лирики въ краткихъ біографіяхъ и прозведеніяхъ. Изд. 2. 1888—1893. М. 96. Стр. 384. Ц. 1 р. 75 к.

Зининъ, Н.—Воспоминанія изъ сибирской жизни. 1887—1892 г. Спб. 95. Стр. 185. Ц. 1 р.

Каменискій, П. В.—Вопросъ или недоразумѣніе? Къ вопросу объ иностранныхъ поселеніяхъ на югѣ Россіи. М. 95. Стр. 136. Ц. 1 р.

Козерскій, Э. А.—О геодезическихъ работахъ и сооруженіи великаго сибирскаго пути, съ картою азиатской Россіи и смежныхъ съ нею владѣній. Спб. 96. Стр. 107.

— Карта Азиатской Россіи, составлена по свѣденіямъ, имѣющимся въ министерствахъ Имп. Двора, Военномъ, Морскомъ, Путей сообщенія, Государственныхъ имуществъ и Юстиціи. Спб. 95.

Козьминъ, К.—Адресная книга г. Казани. Каз. 95. Стр. 133. Ц. 40 к.

Кокоулинъ, К.—Школы и грамотность въ Биренскомъ округѣ Иркут. губ. Памятная книжка. Иркут. 95. Стр. 73.

Колокольцовъ, В. Г.—Къ вопросу о введеніи всеобщаго начальнаго образованія въ Волчанскомъ уездѣ Харьков. губ. По свѣденіямъ 1891—92 и 1893—94 гг. Харьк. 95. Стр. 63.

Конусовъ, М.—Святые трудолюбцы. Святые, бывшіе земледѣльцами, ремесленниками и врачами. М. 92. Стр. 32. Ц. 5 к.

Коркуновъ, проф. Н. М.—Пропорціональные выборы. Спб. 96. Стр. 95. Ц. 60 коп.

Костадинъ.—Цареградская патриархія и православіе въ европейской Турціи. Перев. съ сербскаго и предисловіе Д. Никольскаго. Спб. 96. Стр. 59.

Бумицкій, С. К.—Начала статистики сооруженій. Основанія графическихъ способовъ расчета мостовъ простыхъ системъ. Съ 64 политип. въ текствѣ. 2-е изд. Спб. 96. Стр. 85. Ц. 1 р. 60 к.

Курсимскій, А. — I. Полутѣня, лирическія стихотворенія. II. Изъ Томаса Мура, мелодіи. Перев. съ англ. М. 96. Стр. 64. Ц. 50 к.

Левъ, Эмилиѣ. — Рубецъ Саксъ. Романъ изъ жизни лонд евреевъ. Перев. Э. Руссаковой. Спб. 96. Стр. 122.

Литранди, А. (А. Возняецъ). — Румынія и тройственный союзъ. Спб. 96. Стр. 22. Ц. 40 к.

Милтонъ, Джонъ. — Потерянный Рай и Возвращенный Рай. Поэммы, съ 50 картинами Г. Дорэ. Перев. съ англ. А. Шульговской. Съ англійскимъ текстомъ. Вып. 1-й. Спб. 96. Стр. 263. Ц. 1 р. Изд. А. Маркса.

Моргъ, Я. — Вопросъ объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій въ зависимости отъ ихъ положенія въ семьѣ и домашней обстановкѣ. Спб. 95. Стр. 55. Ц. 50 к.

Пасмурный, Ив. — Разсужденіе по поводу статьи г. Кремлева, помѣщ. въ № 24 „Юрид. Газ.“ 1895 г. Спб. 95. Стр. 32.

По, Эдгаръ Алленъ. — Полное собраніе сочиненій. Перев. съ англ. Г. Клопацаго. Книжн. 95. Стр. 129. Ц. 85 к.

Полонскій, Я. П. — Полное собраніе стихотвореній, въ пяти томахъ. Съ 2 портр. Спб. 96. Ц. 6 р.

Смирновъ, П. — Какъ дѣлаютъ мыло. Опытъ практическаго ознакомленія съ мыловареннымъ дѣломъ. Спб. 95. Стр. 53. Ц. 20 к.

Соколовъ, Сергѣй. — Астрономическія послѣдованія. М. 96. Стр. 296. Ц. 1 р.

Солоубъ, Ѳ. — Стихи. Кн. 1. Спб. 96. Стр. 64. Ц. 50 к.

Сорокинъ, В. М. — Лекціи по вексельному праву Спб. женскихъ коммерческихъ курсовъ. П. О. Ивашинцовой. Спб. 96. Стр. 172. Ц. 1 р. 40 к.

Страусъ, О. Э. — Календарь для электротехниковъ. 1896. Спб. 96. Стр. 297.

Съерная, Марья. — Драматическія произведенія изъ народнаго быта. Тула, 96. Стр. 64. Ц. 50 к.

Розановъ, П. П. — Ялта по односторонней переписи 15-го дек. 1892 г. Симфер. 95. Стр. 60 in 4°.

Тарасовъ, И. Т. — Учебникъ науки полицейскаго права. Вып. 4. М. 95. Стр. 941—1224. Ц. 2 р.

Тернеръ, Ѳ. — Государство и Землевлдѣніе. Ч. I: Крестьянское землевлдѣніе. Спб. 96. Стр. 349. Ц. 2 р.

Тимошукъ, В. В. — Михаилъ Ивановичъ Семевскій, основатель историч. журнала: „Русская Старина“, его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ М. И. С., факсимиле его письма и биографическаго очерка. Съ предисловіемъ и п. р. Н. К. Шильдера. Спб. 95. Стр. 253 в. 82. Ц. 3 р.

Оствальдъ, В. — Несостоятельность научнаго матеріализма. Перев. съ нѣм. Рига. 96. Стр. 25. Ц. 20 к.

Финъ, Л. — Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Ч. I: Кудесничество. Калиостро—Магнетизеры—Мистикъ—Электробиологія—Стучащіе духи. Перев. съ 3 изд. М. Богунцова. Спб. 95. Стр. 217. Ц. 50 к.

Хитрово, М. А. — Стихотворенія. Изд. 2. Спб. 96. Стр. 245. Ц. 1 р. 50 к.

Чижъ, В. Ф. — Біологическое основаніе пессимизма (брошюра). Стр. 31. Спб. 95.

Шейминъ, П. — Учебникъ права внутренняго управленія (полицейскаго права). Особенная часть. Вып. VII. Од. 95. Стр. 74. Ц. 30 к.

Шерръ, I. — Всеобщая исторія литературы. Перев. п. р. П. И. Вейнберга. Вып. VI. М. 96. Стр. 241—288. Всего вып. 20, ц. 6 р.

Шохоръ-Троцкий, С. И. — Чѣму и какъ учить на урокахъ первоначальной арифметики въ школѣ и дома? Для учителей приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, для родителей и воспитателей. Спб. 96. Стр. 72. Ц. 25 коп.

Штененко, Вл. — Пособіе для историческаго изученія главнѣйшихъ преподаваній древнерусской словесности, устной и письменной. Для среднеучебныхъ заведеній. Керчь. 95. Стр. 180 Ц. 1 р.

Янжуль, И. и Е. — Часы досуга. Очерки и картинки по экономическимъ, общественнымъ и литературнымъ вопросамъ. М. 96. Стр. 374. Ц. 1 р. 25 к.

Mourier, J. — L'art au Caucase. Première partie: Art religieux. L'Architecture. Fascicule 1. Par. 96. Стр. 26.

— Mouvement commercial de la Bulgarie avec les pays étrangers. Septembre, Octobre 1895. Sophia, 95. Стр. 109.

— Библиотека для самообразованія. Вып. 1: Исторія Греціи со времени Пелопоннесской войны. Сборникъ статей. Перев. п. р. Н. Н. Шамонова и Д. М. Петрушевскаго. М. 96. Стр. 451. Ц. 1 р. 75 к.

— Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссiи. Т. II. Вып. 15. Н.-Новг. 95. Стр. 120 и XXXVIII.

— Записки Западно-Сибирскаго отдѣла Имп. Русск. Географич. Общества. Вып. I—II.

— Землевлдѣніе и Сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Перев. съ нѣм. Изд. М. и Н. Водовозовыхъ. М. 96. Стр. 382. Ц. 1 р. 50 к.

— Международная Библиотека. № 36: Борьба за право, Руд. фонъ-Гернига. Перев. съ нѣм. Спб. 95. Стр. 96. Ц. 25 к.

— Народная Академія, № 2. Доброе Слово. Кн. 2: Изъ Поученій Высокопресвященнаго Антонія, архіепископа финляндскаго и Выборгскаго. Спб. 95. Стр. 144.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. Вып. 115 и 116. Эрдлинъ—V. Изд. А. Гранатъ и К°. М. 95. Стр. 5291—5358. Ц. по 40 к.

— „Наша общественная и промышленная жизнь“. Иллюстрир. Календарь-Альманахъ на 1896 г. Варш. 95. Годъ I.

— Отчетъ Совѣта Общества любителей изслѣдованія Алтая за 1894 г. Барнаулъ, 95. Стр. 43.

— Обзоръ Ярославской губерніи. Отхожіе промыслы крестьянъ. Раздѣлъ I: Районы отхода. Яр. 96. Стр. 193 in 4°. Ц. 1 р. 50 к.

— Памяти Н. В. Стасовой, съ портретомъ раб. В. Матѣ. Въ пользу фонда имени ея при обществѣ вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ. Спб. 96. Стр. 106. Ц. 50 к.

— Почтово-телеграфная статистика за 1893 г. Изд. Гл. Управл. почтъ и телеграфовъ. Спб. 95. Стр. 37 in 4°

— Русская Библиотека. № 8: Языкъ и искусство, проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго. Спб. 95. Стр. 71. Ц. 20 к. № 9: Проф. И. И. Янжуль, Вопросъ о государственномъ внимательствѣ въ область промышленности. Спб. 95. Стр. 24. Ц. 15 к.

— Сборникъ матеріаловъ по техническому и профессиональному образованію. Вып. I: Ч. 1. Указанія, касающіяся технич. и професс. образованія въ Россіи. Ч. 2. Распоряженія мин. нар. проsv. касающіяся технич. професс. обра-

зованія въ Россіи. Вып. II: Общій планъ промысл. образованія и матеріалы по организаціи и устройству промысл. училищъ различныхъ типовъ. Вып. III: Свѣденія о техническихъ училищахъ и о состояніи профессиональнаго образованія за границей. Вып. IV: 1 ч. Свѣденія о специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдом. мин. нар. просв. 2 ч. Свѣденія о ремесленныхъ классахъ при начальныхъ, одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ, уѣдныхъ и городскихъ по Положенію 1872 г. училищахъ, о ручномъ трудѣ и мореходныхъ классахъ. Спб. 96. Стр. 98 и 309.

— Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгор. губерніи за 1894 г. съ приложеніемъ докладовъ и отчетовъ Губернской Управы. Новг. 96.

— Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. II. М. 95. Стр. 233.

— Сборникъ статистическихъ свѣденій по Орловской губерніи. Томъ VIII: Орловскій уѣздъ. Статистико-экономическіе и оцѣночныя матеріалы по крестьянскому и частновладельческому хозяйству. Ор. 95.

— Сводъ свѣденій объ умершихъ въ городѣ Москвѣ за 1894 г. Составл. Статистич. Отдѣл. Москов. город. Управы. М. 95. Стр. 54.

— Сельско-хозяйственный обзоръ по Орловской губерніи за 1895 г. Вып. II: Результаты урожая. Съ 4 картограм. Орелъ, 95.

— Средняя Азія. Альманахъ, научно-литературный сборникъ съ календаремъ на 1896 г. П. р. Е. Смирнова. Ташкентъ. 95. Ц. 1. 50 к.

— Стенографическій отчетъ XXX очередного Новгород. губ. земск. собранія. Съ 12 янв. по 23 янв. 95 г. Новг. 95. Стр. 334.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Ferdinand Brunetière. Les époques du Théâtre Français (1636—1850). Стр. 396. Paris. 1896.

Въ новомъ трудѣ, посвященномъ исторіи французскаго театра, Брюнетьеръ остается вѣрнымъ основному принципу своего критическаго метода. Прослѣдивъ „эволюцію жанровъ“ въ поэзіи и критикѣ, онъ обращается теперь къ исторіи театра и видитъ въ ней тотъ же процессъ возникновеній и разложеній опредѣленныхъ формъ драматическаго творчества. Въ пятнадцати лекціяхъ, читанныхъ Брюнетьеромъ въ театрѣ „Одеонъ“, онъ даетъ всю исторію французскаго театра, начиная отъ первой классической трагедіи — „Сиды“, Корнеля, и до первыхъ проблесковъ новѣйшихъ теченій въ драмѣ, т.-е. до театра Мюссе. Современную драму въ лицѣ ея живыхъ представителей Брюнетьеръ не затрогиваетъ принципиально. Онъ стремится придать своимъ критическимъ трудамъ строго научный и безпристрастный характеръ, — критика же современности неизбежно внесла бы въ лекціи элементъ полемики или непровѣренныхъ еще историческою перспективою симпатій и антипатій, быть можетъ даже нѣкоторую долю импрессионизма, столь поражаемаго строгимъ академикомъ въ другихъ критикахъ.

Въ тѣхъ разбѣрахъ, которые авторъ придалъ своей исторіи театра, она представляетъ въ высшей степени содержательный и интересный трудъ, написанный съ обычнымъ мастерствомъ Брюнетьера. Яркія характеристики отдѣльныхъ писателей, широкія и блестящія обобщенія, художественность изложенія отличаютъ новую книгу Брюнетьера, такъ же какъ и всѣ предшествующіе томы его критическихъ этюдовъ. Но такъ же какъ и въ прежнихъ книгахъ, въ исторіи театра Брюнетьера приходится отдѣлять историко-литературную сторону ея отъ идейнаго освѣщенія, которое авторъ придаетъ изучаемымъ имъ явленіямъ. Самый ходъ развитія драмы представленъ Брюнетьеромъ въ рядѣ очерковъ, сдѣланныхъ съ тонкимъ критическимъ чутьемъ, но теоретическіе выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, обнаруживаютъ всю искусственность и неподвижность его основной идеи, создающей узкіе, мертвящіе критеріи въ обсужденіи художественныхъ произведеній.

Два принципа даютъ своей тяжестью критическій методъ Брю-

на пренебреженіи „основныхъ законовъ жанра“. Высшимъ мѣриломъ искусства является такимъ образомъ не красота, не глубина идей художника и высота его идеаловъ, а соблюденіе условныхъ требованій того или другого жанра. Такого рода сопоставленіе живыхъ, разнообразныхъ, какъ породившая ихъ жизнь, художественныхъ произведеній съ отвлеченными неизблемыми правилами сильно ослабляетъ литературное значеніе лекцій Брюнетьера. Насколько его критика направлена на изученіе „эпохъ французскаго театра“, на анализъ отдѣльныхъ элементовъ драмы у представителей различныхъ ея періодовъ, она имѣетъ глубокой интересъ; основныя идеи каждаго драматурга и особенности его таланта выступаютъ съ большой ясностью и опредѣленностью въ его разборахъ; но лишь только литературная критика уступаетъ мѣсто философскимъ обобщеніямъ, узоетъ критерія Брюнетьера сразу бросается въ глаза и приговоры его кажутся весьма необъидительными.

Исторію французской трагедіи Брюнетьеръ начинаетъ съ „Сида“, и вотъ къ какимъ основнымъ законамъ трагедіи приводитъ его изученіе этой пьесы. Трагедія существовала во Франціи и до Корнеля, и во многомъ авторъ „Сида“ идетъ прямо по слѣдамъ своихъ предшественниковъ. Новизна же „Сида“ заключается въ томъ, что изъ *романтической*, каковою она была до того, Корнель сдѣлалъ трагедію истинно *трагической* и положилъ такимъ образомъ основаніе драмѣ. Достигъ онъ этого, какъ доказываетъ Брюнетьеръ, тремя способами, создавшими основные законы драмы. Во-первыхъ, драматическое дѣйствіе обуславливается въ „Сидѣ“ не событіями внѣшняго міра, а исключительно внутренними побужденіями дѣйствующихъ лицъ. Характеръ героевъ Корнеля и ихъ дѣйствія развиваются внѣ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ и даже вопреки имъ. Любовь Родрига и Химены не только не вызвана обстоятельствами, а напротивъ, существуетъ вопреки обстоятельствамъ, и точно также дальнѣйшее развитіе дѣйствія зависитъ отъ внутреннихъ побужденій героевъ. Не было бы дѣйствія, еслибы, подчиняясь своей любви, Родригъ не вышелъ на поединокъ съ графомъ; не было бы дѣйствія, еслибы Химена, тоже послушная своему чувству, предоставила властямъ мечь за убійство отца. Только развязка драмы—искусственная и внѣшняя—какъ бы составляла уступку новатора традиціямъ траги-комедіи, господствовавшей на сценѣ до него. Второй характерной особенностью „Сида“ Брюнетьеръ считаетъ активность героевъ Корнеля. Они не только не признаютъ „закона обстоятельствъ“, а напротивъ, создаютъ эти обстоятельства; они не управляемы судьбой, а управляютъ ею. Они стремятся подчинить событія своей волѣ, даже цѣной жизни, и въ этомъ Брюнетьеръ усматриваетъ второй изъ основныхъ зако-

новъ драмы. „Когда твердость воли приводитъ къ печальному исходу,—говоритъ онъ,—къ смерти и кровопролитію—это драма; когда столкновение заканчивается болѣе благополучно, напр. союзомъ любящихъ—это комедія; когда исходъ менѣе благопріятенъ, но пострадавшими обазываются лишь самолюбіе и тщеславіе—это водевиль. Но въ драмѣ и комедіи одинаково проявленіе воли составляетъ условіе, формулу и законъ драматическаго дѣйствія“. Еще одинъ приѣмъ, при помощи котораго Корнель восполнилъ идеаль трагедіи въ „Сидѣ“, касается выбора сюжета: истинно трагическимъ является то положеніе, при которомъ человѣкъ сдавленъ со всѣхъ сторонъ папоромъ враждебныхъ обстоятельствъ и можетъ выйти изъ нравственныхъ тисковъ лишь чрезвычайнымъ усиліемъ воли, какъ Родригъ и Химена, какъ Андромаха и Федра. И если это усиліе къ тому же требуетъ жертвы чѣмъ-нибудь, что для насъ дороже жизни—долгомъ, честью, любовью, то этимъ самымъ трагедія, достигая крайнихъ вершинъ паэоса, воплощаетъ вполне свой идеаль. Выполнивъ вѣ эти условія, „Сидъ“ Корнеля является для Брюнетьера идеаломъ трагедіи.

Но допуская, что всѣ эти элементы могутъ создать трагедію, и что „Сидъ“ одна изъ самыхъ совершенныхъ драмъ въ европейской литературѣ, значить ли это, что трагедія въ частности и драма вообще не можетъ быть построена на другихъ принципахъ? Въ противоположность трагизму, основанному на борьбѣ сильной индивидуальности съ обстоятельствами жизни, возможенъ трагизмъ, исходящій изъ пассивности, изъ подчиненія слабой воли человѣка страстямъ—трагизмъ Шекспировскихъ героевъ, Отелло, Макбета, которые всецѣло во власти вѣшнихъ обстоятельствъ, будащихъ страсти, надъ которыми они не властны; есть также трагизмъ въ тревожныхъ исканіяхъ души, стремящейся проникнуть въ тайны бытія—трагизмъ Гамлета, Фауста и произведеній нѣкоторыхъ драматурговъ нашего вѣка; можетъ быть, наконецъ, трагизмъ контрастовъ между идеалистическими порывами души и роковой властью земли—и всѣ эти контрасты и столкновения одинаково драматичны; они одинаково допускаютъ истинный паэосъ положеній, хотя бы и не выражающійся въ стремленіи побѣдить жизнь, проявить свою волю, а лишь въ стремленіи познать, уяснить далекое и найти гармонію среди непримиримаго. Конечно, Брюнетьеръ, создавшій идеаль драмы по Корнелю и Расину, не допускаетъ подобныхъ уклоненій отъ найденныхъ имъ законовъ; онъ признаетъ, что законы эти могутъ развиваться, видоизмѣняться, но тамъ, гдѣ они нарушены по существу, гдѣ отсутствуетъ принципъ воли и борьбы, отсутствуетъ, по его мнѣнію, и драма.

Кромѣ указанныхъ основныхъ законовъ драмы, Брюнетьеръ счи-

таетъ еще одно условіе необходимымъ для осуществленія драматическаго идеала,—это возможно болѣе строгое разграниченіе жанровъ. Эпическій и лирический элементы справедливо кажутся ему нарушающими развитіе дѣйствія. „Il faut qu'un drame soit purgé d'épique“,—говоритъ онъ словами Лесажа въ „Жиль-Блазъ“. Злоупотребленіе эпическимъ элементомъ онъ считаетъ большимъ недостаткомъ въ „Сидѣ“, и вотъ почему развитіе французской трагедіи ему кажется не законченнымъ въ „Сидѣ“, а лишь намѣченнымъ. По развитію основныхъ элементовъ Брютетьеръ ставитъ выше „Сиды“ не общепризнанные шедевры Корнеля — „Орасовъ“, „Цинну“, „Полюкта“—они не прибавляютъ ничего къ типу трагедіи, намѣченной въ „Сидѣ“; дальнѣйшій же шагъ въ развитіи драмы онъ видитъ въ „Родогуни“, одной изъ послѣднихъ драмъ Корнеля. Написанная болѣе сильно въ драматическомъ отношеніи, „Родогуна“ интересна тѣмъ, что въ ней любовная драма стоитъ въ тѣсной связи съ общими государственными интересами, затронутыми въ пьесѣ. Въ „Сидѣ“ частная драма идетъ параллельно съ общими національными событіями, не переплетаясь съ ними; сливая въ „Родогуни“ эти два мотива, Корнель приподнялъ развивающуюся въ пьесѣ личную драму дѣйствующихъ лицъ; связь ихъ личныхъ отношеній и поступковъ съ судьбами государства придаетъ грандіозность трагедіи. Послѣ „Родогуны“ Корнеля всѣ историческія трагедіи Расина—„Верениса“, „Баязеть и др.—слѣдуютъ тому же принципу, связывающему частныя отношенія и чувства нѣсколькихъ лицъ съ общенародными и въ дальнѣйшемъ развитіи—общечеловѣческими судьбами. Очень интересно въ лекціи о „Родогуни“ изложеніе взгляда Корнеля на роль исторіи въ драматическомъ искусствѣ. Корнель искалъ для своихъ трагедій не общечеловѣческія, а скорѣе исключительныя темы: онъ рисовалъ героевъ, людей съ могучей волей, способныхъ справиться съ самыми сложными нравственными конфликтами, и ему нужны были сюжеты, вмѣщающіе въ себѣ необычайные подвиги нравственнаго величія или гражданской доблести. Выдумывая такіе сюжеты, драматургъ навлекъ бы на себя обвиненія въ неправдоподобности, въ приписываніи чело­вѣческой природѣ высоты, которая ей недоступна. Черная же рассказы о нужныхъ ему подвигахъ изъ историческихъ источниковъ, Корнель дѣлалъ тѣмъ самымъ неправдоподобное истиннымъ и могъ съ спокойной совѣстью предаваться изображенію героическаго элемента, возможнаго въ избранныхъ натурахъ. Конечно, злоупотребленіе историческими сюжетами, слишкомъ исключительными по содержанію, не задѣвающими общечеловѣческихъ темъ, должно привести къ ослабленію драматическаго интереса, что и случилось съ пьесами Корнеля,

написанными послѣ Родогуны и переполненными слишкомъ чудовищными событіями.

Театръ Расина Брюнетьеръ, какъ большинство другихъ критиковъ, ставитъ выше драмъ Корнеля и видитъ въ нихъ дальнѣйшее развитіе законовъ, установленныхъ авторомъ „Сиды“. Расинъ воспользовался всѣми приобрѣтеніями Корнелевской драмы и обогатилъ ее въ свою очередь новыми элементами. Его драма болѣе художественна и болѣе глубока,—критикъ показываетъ это на примѣрѣ „Андромахи“, одной изъ лучшихъ трагедій Расина. При полномъ соблюденіи единства дѣйствія и выдержанности трагическаго элемента, Расинъ оказывается большимъ мастеромъ въ изображеніи страстей, составляющихъ основу драмы. Холодная и иногда фальшивая (какъ въ „Родогунахъ“) галантерейность Корнелевскихъ героевъ въ выраженіи любви уступаетъ мѣсто въ драмѣ Расина языку истинной страсти; его герои становятся изъ отвлеченныхъ героевъ живыми людьми, испытывающими всѣ земныя чувства и страсти, любящими и ненавидящими отъ всей души; благодаря этому, трагедія обновляется новымъ элементомъ молодости и силы; искусство, бывшее до того тѣмъ-то отвлеченнымъ, неподвижной исторической фреской, становится воспроизведеніемъ жизни и дѣйствительности. Расинъ уже не довольствуется тѣмъ, чтобы сюжетъ былъ историческимъ; послѣдній еще долженъ быть человѣчнымъ, чтобы трагедія не превращалась въ урокъ исторіи или политики. Кромѣ того, въ самомъ изображеніи страстей Расинъ замѣняетъ *лошку* Корнелевскихъ героевъ *психологіей*. Въ то время, какъ у Корнеля дѣйствующія лица сознательно относятся къ своимъ дѣламъ, даже если они преступны (напр., въ „Пертартитѣ“), и открыто заявляютъ это своимъ *confidants*, герои „Андромахи“ дѣйствуютъ болѣе человѣчно: они тоже способны на насильственные дѣйствія (насилія и преступления сдѣлались основой всей классической трагедіи во Франціи), но сами скрываютъ отъ себя, при помощи искусной діалектики, насильственные и преступные мотивы своихъ проступковъ,—они стремятся лишь къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, и воля ихъ направлена на эту цѣль, а не на преступленія, которыя они лишь допускаютъ,—не желая ихъ, однако, подобно дѣйствующимъ лицамъ въ трагедіяхъ Корнеля. Въ „Андромахѣ“ Герміона не желаетъ смерти Пирра, а хочетъ лишь вернуть его прежнюю любовь къ себѣ; точно также Пирръ не желаетъ смерти маленькаго Астіанакса, а стремится лишь добыть руки его матери, Андромахи; всецѣло занятые этими цѣлями, они не отдаютъ себѣ отчета въ характерѣ употребляемыхъ ими средствъ; преступления ихъ, дѣлаясь не вполне сознательными, становятся тѣмъ самымъ болѣе человѣчными. Такимъ образомъ, углубляя психологію въ своихъ

трагедіяхъ, Расинъ дѣлаеть ихъ болѣе общечеловѣческими и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе поэтичными.

Признавъ въ Расинѣ высшую ступень въ развитіи французской трагедіи, Брюнетьеръ въ немъ же усматриваетъ элементы разложенія трагедіи. Страннымъ образомъ, эти признаки онъ находитъ едва ли не въ самой прекрасной трагедіи Расина, сохранившей свое обаяніе нетронутымъ до нашихъ дней, — въ „Федръ“. Въ разборѣ „Федры“ болѣе всего сказывается искусственность доктрины Брюнетьера, заставляющая его приносить красоту въ жертву условной формулѣ. Недостатки „Федры“ заключаются, по мнѣнію Брюнетьера, въ томъ, что психологія доведена въ ней до патологии, и что воля слишкомъ отсутствуетъ въ драмѣ, гдѣ героиня совершенно во власти рока. Федра, — говоритъ Брюнетьеръ, — носитъ слишкомъ греческій характеръ, благодаря роковому значенію своей страсти, и, наконецъ, въ трагедіи страсть Федры занимаетъ слишкомъ много мѣста: ей подчинено все дѣйствіе, и всѣ остальные лица служатъ лишь для того, чтобы выдвинуть ту или другую сторону въ характерѣ Федры. При всемъ художественномъ совершенствѣ, которое Брюнетьеръ вполнѣ признаетъ въ этой трагедіи, онъ видитъ въ названныхъ нами особенностяхъ нѣчто враждебное духу трагедіи, — начало превращенія классической трагедіи въ психологическій романъ, занимающійся анализомъ исключительныхъ страстей. Отъ „Федры“, по мнѣнію Брюнетьера, прямой путь къ „Манонъ Леско“, аббата Прево, и къ „Валентинѣ“, Жоржъ-Зандѣ. Односторонность подобнаго взгляда на трагедію слишкомъ очевидна: отрицая чистоту трагического начала въ „Федрѣ“, критикъ тѣмъ самымъ отрицаетъ всю греческую трагедію; если роковая страсть Федры кажется ему болѣе пригодной для романа, чѣмъ для сцены, то что же сказалъ бы онъ объ Эдипѣ, каждый шагъ котораго подчиненъ таинственной власти рока? А между тѣмъ среди всѣхъ правильныхъ трагедій нѣтъ, конечно, ни одной, которая по паѳосу и высотѣ трагизма приближалась бы къ безсмертной трагедіи Софокла.

Вслѣдъ за послѣдними драмами Расина, Брюнетьеръ причисляетъ всю драму XVIII вѣка къ періоду упадка. Вольтеръ въ „Заирѣ“ и въ другихъ драмахъ вернулся опять отъ искренности Расиновскаго языка страстей къ искусственной и жеманной галантерейности въ изображеніи своихъ влюбленныхъ героевъ; кромѣ того, онъ внесъ въ французскую драму элементъ сентиментальности, дешевыхъ сценическихъ эффектовъ, исторгающихъ обильныя слезы у чувствительныхъ зрителей. Романтическіе эффекты, находженіе потерянныхъ дѣтей ихъ родителями въ пятомъ актѣ, талисманы, открывающіе враждующимъ, что ихъ связываетъ родство или долгъ признатель-

ности, знаменитое „la croix de père“ въ „Анджело“, Виктора Гюго, — все это намѣчено уже Вольтеромъ. Другимъ драматургомъ, завершившимъ переходъ отъ классическихъ традицій къ буржуазной драмѣ, былъ Крепильонъ. Вліянію послѣдняго Брюнетьеръ приписываетъ низведеніе драмы къ мелкимъ будничнымъ интересамъ, къ изображенію взаимныхъ отношеній разныхъ сословій, къ тому разряду столкновеній, которыя одинаково могутъ быть сюжетомъ комедіи нравовъ, какъ и слезливой мѣщанской драмы.

Брюнетьеръ заканчиваетъ исторію драмы очень интереснымъ очеркомъ романтизма. Онъ отвергаетъ всѣ обычные опредѣленія романтизма: свободу творчества онъ не признаетъ и для романтизма, считая, что каждый жанръ художественныхъ произведеній имѣетъ свои твердые законы; точно также подчиненность иностранному вліянію и стремленіе къ соблюденію „couleur locale“ не кажутся ему наиболѣе характерными особенностями романтизма. До нѣмецкаго вліянія, созданнаго м-мъ де-Сталь и другими, Франціи переживала уже испанское вліяніе, и это не помѣшало развитію классической литературы. Основную черту романтизма Брюнетьеръ видитъ въ преобладаніи лиризма, въ индивидуалистическомъ характерѣ искусства. Въ романтической драмѣ устами героевъ говоритъ авторъ, заливающій свою душу по тому или другому волнующему его поводу. Эрпани—это Викторъ Гюго, ставящій индивидуальное значеніе личности выше сословныхъ привилегій; Чаттертонъ—это Альфредъ де-Виньи, требующій для поэта свободы жить и творить, и т. д. Попятно, что эта лирическая драма кажется Брюнетьеру нарушеніемъ основныхъ принциповъ драматическаго жанра, и путь, по которому она идетъ, приводитъ, по его мнѣнію, къ оперѣ.

Въ исторіи французской комедіи Брюнетьеръ наблюдаетъ тѣ же этапы, какъ и въ драмѣ: первыми ея классическими произведеніями онъ считаетъ „Femmes Savantes“ и „Tartufe“, Мольера. Въ этихъ пьесахъ комедія освободилась отъ испанскаго вліянія, сдѣлалась національной и совершила переходъ отъ комедіи нравовъ къ комедіи характеровъ. Отличительной чертой послѣдней Брюнетьеръ считаетъ ея серьезность и близость къ драмѣ; онъ справедливо видитъ глубоко драматическій элементъ въ „Тартюфѣ“, поражение котораго въ концѣ пьесы далеко не производитъ комическаго впечатлѣнія; точно также „Мизантропъ“ задуманъ съ глубиной, выходящей за предѣлы комизма, и только отсутствіе какихъ-либо печальныхъ событій при развязкѣ дѣлаетъ эти пьесы комедіями.

Въ творчествѣ Лесажа комедія нравовъ опять беретъ верхъ надъ комедіей характеровъ, какъ это показываетъ Брюнетьеръ разборомъ „Тюркаре“. Болѣе серьезна комедія Бомарше, дѣлающая изъ обще-

ственной сатиры источникъ высокаго комизма, и наконецъ театръ Мариво; крайне любопытный, по своему содержанию, элементъ болѣзненного скептицизма, заставляющаго героевъ Мариво продѣлывать свои опыты надъ любящими сердцами, устраивать очень жестокия подчасъ jeux d'amour, придаетъ комедіямъ странный характеръ: онѣ все время движутся на самой границѣ комедіи и драмы и ежеминутно могутъ привести къ печальному исходу; эта внутренняя неопредѣленность создаетъ особый драматизмъ на почвѣ чисто философской.

Въ комедіи нашего вѣка Брюнетьеръ подробно останавливается на Скрибѣ и Мюссэ; въ пьесахъ послѣдняго онъ усматриваетъ нѣкотораго рода символизмъ.

II.

Léon A. Daudet. Les idées en marche. Paris 1896. Стр. 385.

Новая книга Леона Додэ составлена изъ отдѣльныхъ критическихъ очерковъ, появившихся раньше въ „Nouvelle Revue“ и посвященныхъ разбору разныхъ литературныхъ явленій за послѣдніе года. Но прежде, чѣмъ говорить объ отдѣльныхъ писателяхъ, авторъ посвящаетъ нѣсколько главъ обсужденію общихъ идей, находящихся отраженіе въ современной литературѣ. Онъ задается прежде всего основнымъ вопросомъ „о задачахъ литературы вообще и критики въ частности“. Никакихъ откровеній по этому поводу мы не находимъ въ книгѣ Додэ, но profession de foi, которое онъ въ ней высказываетъ, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Додэ полагаетъ задачу критики въ томъ, чтобы „становиться въ центрѣ художественнаго произведенія и судить о каждомъ авторѣ по его собственнымъ намѣреніямъ“. Чуждый какаго бы то ни было догматизма въ искусствѣ, Додэ доказываетъ, что всякая группа умовъ должна имѣть своихъ представителей. „Апостолъ утонченныхъ натуръ, — говоритъ онъ, — не ниже апостоловъ толпы“. Авторъ беретъ на себя роль безпристрастнаго толкователя всѣхъ проявленій умственной жизни, — отражаются ли въ нихъ вкусы и идеалы большинства, или обособленные мечты одинокихъ умовъ. Это безпристрастіе и отсутствіе опредѣленныхъ симпатій въ области искусства составляютъ отличіе Додэ отъ другихъ критиковъ современной Франціи и придаютъ большой интересъ его книгѣ.

Впрочемъ, оставаясь безпристрастнымъ въ обсужденіи разныхъ литературныхъ школъ, Додэ имѣетъ болѣе опредѣленныя симпатіи

по отношенію къ господствующимъ нравственнымъ идеямъ. Онъ отличается два большихъ теченія среди современныхъ писателей и мыслителей: одни живутъ въ мірѣ идей, ищутъ воплощенія метафизическихъ понятій, считаютъ себя преемниками „великихъ строителей гипотезъ отъ Аристотеля до Спинозы“. Упрекъ въ непонятности ихъ не страшитъ. „Развѣ вершины горъ не окутаны туманомъ?“ — говорятъ они. Они стремятся къ безграничному знанію, и это стремленіе проникнуть въ глубь самаго сложнаго и непонятнаго привело современныхъ идеалистовъ къ символизму, къ „своего рода отраженному языку, гдѣ серія фразъ имѣютъ значеніе одного слова и составляютъ одинъ опредѣленный терминъ“. Въ другомъ противоположномъ теченіи находятся тѣ, которые требуютъ отъ литературы не идей, а впечатлѣній. Къ нимъ причисляетъ себя и Додэ; въ прошломъ онъ поклоняется Руссо, отъ котораго истекаетъ вся современная эмоциональность, личная и общественная, страстная и извращенная, благородная и низменная. Изъ новѣйшихъ писателей ему ближе всего проповѣдники любви и состраданія, Л. Толстой и Достоевскій, которымъ посвящена очень прочувствованная глава въ книгѣ Додэ. На ряду съ проповѣдниками любви онъ превозноситъ всѣхъ тѣхъ, которые отъ Руссо и до нашихъ дней были выразителями жалости и страданій; религія страданія, такъ сильно распространившаяся въ современной Франціи, въ особенности подъ вліяніемъ русскаго романа, имѣетъ очень усерднаго приверженца въ лицѣ Леона Додэ.

Въ романахъ, которыми Додэ сынъ выступилъ въ литературѣ, уже высказалось его человѣколюбіе и стремленіе придти на помощь страдающему человечеству; вспомнимъ его „Morticoles“, горячее обличеніе науки, приносящей человѣческія жертвы на алтарь проблематическаго знанія. Теперь тѣ же идеи сказываются въ нѣсколькихъ теоретическихъ главахъ его книги.

Склонность къ эмоциональной литературѣ и сочувствіе непосредственной жизненной морали не мѣшаютъ, однако, Л. Додэ вникать въ инныя теченія современной литературы, обособленныя по своимъ эстетическимъ стремленіямъ и далекія поэтому отъ этическихъ стремленій. Любопытенъ въ этомъ отношеніи этюдъ, озаглавленный: „La perversité dans la littérature“. „Есть въ искусствѣ, — говоритъ Додэ въ этой главѣ, — смутная область полумрака, манящая къ себѣ иногда наше воображеніе. Здѣсь всѣ оттѣнки прекрасны и болѣзненны; здѣсь витаетъ неуловимый призракъ смерти, и чувство близости смерти заставляетъ иногда подумать: — для чего нужна мораль и ея желѣзные тиски, если все равно человѣческому праху суждено рассыпаться какъ пепелъ вокругъ могилы! — Здѣсь видѣются легкія и граціозныя формы, свободно витающія; здѣсь нѣтъ границъ, сдерживаю-

щих свободное проявление чувствъ". Въ этомъ сочетаніи жизни и смерти, путемъ рѣдкихъ, изысканныхъ ощущеній, заключается смыслъ обширной литературы переходныхъ эпохъ, и Додэ перечисляетъ ея лучшіе образцы, къ которымъ онъ страннымъ образомъ причисляетъ вмѣстѣ съ Бодлэромъ и Расиновскую „Федру“, которому онъ называетъ „un chef d'oeuvre de perversité sentimentale“.

Отдѣльные критическіе очерки, собранные въ книгѣ Додэ, относятся большей частью къ текущей литературѣ—къ новымъ произведеніямъ авторовъ, уже извѣстныхъ прежними своими работами. Исключеніе составляютъ болѣе полныя очерки о писателяхъ, уже сошедшихъ со сцены и подлежащихъ такимъ образомъ полному и всестороннему обсужденію. Таковы нѣсколько очень содержательныхъ страницъ о Гюставѣ Флоберѣ, написанныхъ Додэ по поводу послѣдняго четвертаго тома писемъ Флобера, изданныхъ послѣ его смерти. Прежде всего, какъ и всѣ критики, Додэ рассматриваетъ Флобера какъ величайшаго артиста, создавшаго единственный по красотѣ и звучности стиль; путемъ неутомимаго труда всей жизни онъ достигъ въ языкѣ идеальной звучности и гибкости, соединенной съ изысканностью оборотовъ; при этомъ однако отсутствіе всякой напряженности и дѣланности придаетъ этой изысканности непринужденный естественный характеръ. Въ этомъ мастерствѣ стиля—Додэ видитъ главное значеніе Флобера, создавшаго всѣ особенности новѣйшей французской литературы, смѣлость и точность языка реалистовъ, изысканность и артистичность поетовъ и прозаиковъ новѣйшихъ школъ. „Флоберъ,—говоритъ про него Додэ,—одинъ изъ славныхъ кузнецовъ, проведшихъ нашъ французскій языкъ сквозь пламя своей оригинальности, выковавшихъ его на своей неутомимой наковальнѣ и передавшихъ своимъ преемникамъ эти великолѣпные пласты національнаго слова, гибкіе, медленно остывающіе, блестящіе, безъ малѣйшей трещины или излома“.

То, что таится за этимъ „выкованнымъ“ стилемъ, Додэ рассматриваетъ, однако, съ слишкомъ индивидуальной точки зрѣнія. Признавая высшими качествами художника любовь и жалость къ людямъ, Додэ приписываетъ эти чувства автору „Саламбо“ и видитъ въ нихъ основу его творчества. Вмѣсто безпристрастнаго созерцателя судебъ человѣчества и человѣческихъ чувствъ Флоберъ превращается у Додэ въ человѣка негодующаго и любящаго, относящагося къ объектамъ своего наблюденія съ сложными чувствами и отражающаго свой душевный міръ въ созданныхъ имъ художественныхъ образахъ. Никакой эпической объективности критикъ въ Флоберѣ не видитъ. Сквозь поступки и слова Флоберовскихъ героевъ Додэ усматриваетъ нравственный обликъ автора-философа, противника всякихъ

категорическихъ положеній, всякаго полнаго отрицанія, также какъ въ полной вѣрѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ любвеобильнаго моралиста, возмущеннаго царствомъ эгоизма на землѣ. „Пошлое тщеславіе буржуа, — говоритъ Доде, характеризуетъ творчество Флобера, — жадность крестьянина, невѣжество врача, глупость священника, жестокость толпы, слабость отдѣльныхъ людей, кружатся здѣсь подъ ударами большого бича изъ золотыхъ ремней съ жемчужными наконечниками. Въ ударахъ чувствуется сильная рука, а въ промежуткахъ видѣется лицо, довольное исполненіемъ долга, но опечаленное необходимостью его. Потомъ вдругъ бичъ падаетъ изъ рукъ, каратель беретъ истерзанную марионетку и съ глубокимъ чувствомъ цѣлуетъ ее, цѣлуетъ въ ней „все земное страданіе“, по высокому выраженію Достоевскаго, и слезы текутъ по его дрожащимъ щекамъ“.

Это образное представленіе субъективности Флобера и его вѣжнаго отношенія къ людскимъ порокамъ и страданіямъ едва ли можетъ быть признано вѣрнымъ. Флоберъ—великій отрицатель во имя святости, вѣчно живой въ его душѣ; но эта святость не состраданіе къ переходящимъ невздамъ земной жизни, а высокая скорбь, порожденная непримиримымъ антагонизмомъ между внутренне познаваемымъ идеаломъ и условіями дѣйствительности. Вся жизнь ему кажется ежеминутнымъ оскорбленіемъ душевной святости, и отсюда, его мрачный, разрушительный пессимизмъ. Въ „Искушеніи святого Антонія“ представлена цѣлая процессія разнообразныхъ религіозныхъ культовъ, и ни къ одному изъ нихъ вѣрующая душа не можетъ примкнуть, и одна за другою падаютъ опоры вѣры, приходящей наконецъ къ какому-то смутному пантеизму. Въ „Боварь и Пекушъ“ всѣ человѣческія знанія оказываются лишь яркимъ фономъ, на которомъ съ тѣмъ большей силой выступаетъ ограниченность и бесплодность умовъ. А, наконецъ, въ „Мадамъ Бовари“ и въ „Простомъ сердцѣ“, разрушается еще нѣчто болѣе глубокое и интимное,—разрушается живительная сила любви. Антагонизмъ между мечтой безхитростно любящаго сердца и тѣмъ, какъ эти мечты осуществляются въ жизни, является въ повѣстяхъ Флобера роковымъ; любящее сердце или оказывается лишнимъ въ жизни и составляетъ незримую ни для кого основу совершенно пустаго и бесполезнаго существованія („Простое сердце“), или оно ведетъ къ полному нравственному паденію женщину съ пыльнымъ воображеніемъ и безъ сосредоточенной духовной жизни (Мадамъ Бовари). Доде утверждаетъ, что Флоберъ съ любовью относится къ людямъ, даже безпощадно раскрывая ихъ ничтожество, и это вѣжное отношеніе онъ видитъ въ особенности въ „Мадамъ Бовари“. Такое пониманіе знаменитаго романа Флобера намъ кажется ошибочнымъ. Во всей литературѣ едва ли найдется болѣе спокойное, без-

страстное и непримиримое „разрушеніе“ женщины, чѣмъ въ изображеніи граціозной, возбуждающей любовь и достойной любви Эммы Бовари. Флоберъ съ неподражаемымъ мастерствомъ воспроизвелъ картину абсолютно пустой души, не открытой никакимъ духовнымъ интересамъ, неспособной ни къ какой иной жизни, какъ къ жизни инстинктовъ; чтобы представить вполне женскую душу, Флоберъ вытравилъ изъ нея все человѣческое—и въ результатѣ получилась женщина-самка, лишенная всякой способности рассуждать и дѣйствовать сознательно; въ ней говорятъ одни инстинкты—страсть, боязнь, боль;—она инстинктивно любитъ, инстинктивно поддается страху и ищетъ спасенія въ религіи, инстинктивно реагируетъ на причиняемую ей боль и страдаетъ на подобіе раненаго животнаго. Если же въ этомъ слабомъ, лишенномъ всякой душевной состоятельности существѣ есть, несмотря на все, какая-то внутренняя красота, то это отраженіе мистическаго „ewig-weibliches“, котораго Флоберъ не могъ не чувствовать въ качествѣ истиннаго художника. Сознательной же жалости къ страданіямъ своей героини Флоберъ не выказываетъ; онъ слишкомъ высоко ставитъ свои идеалы и слишкомъ имъ поклоняется, чтобы любить отрицаніе ихъ въ земныхъ существахъ.

Изъ очерковъ о живыхъ французскихъ писателяхъ отмѣтимъ двѣ интересныя статейки о послѣднихъ книжкахъ Мориса Барреса: „Ennemi des Lois“ и путевыхъ очеркахъ „Du Sang, de la Volupté et de la Mort“. Додэ не приверженецъ „эгоизма“ Барреса, но онъ понимаетъ его значеніе въ ходѣ идей современности и старается выяснить основныя черты его міросозерцанія. Прежде всего онъ оправдываетъ Барреса отъ обвиненій въ полной несамостоятельности его системы, заимствованной, будто бы, всецѣло у Фихте, Гегеля и Ренана. „Фихте и Гегель,—говоритъ Додэ,—чистые философы, воздвигнувшіе величественныя памятники свободы личности. Третій же—эссенція, главная заслуга котораго состоитъ въ раскрытіи, по всѣмъ направленіямъ, выходовъ національному мышленію, сдавленному позитивизмомъ“. Барресъ же первый пригнѣилъ къ жизни идеи, схороненныя въ бібліотекахъ, и ему принадлежитъ по праву одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ идеологовъ. Ходъ развитія его идей представляется критикой аналогичнымъ тому, которое Барресъ прослѣживаетъ въ итальянскихъ художникахъ: во-первыхъ, исканіе идеи міра при помощи случайныхъ впечатлѣній и встрѣчъ, и закрѣпленіе этихъ тревожныхъ исканій въ нѣсколько неловкихъ еще и примитивныхъ образахъ. При помощи этихъ исканій человѣческое „я“ находитъ себя и все болѣе опредѣляется. Тогда оно въ свою очередь можетъ создать міръ, гдѣ оно свободно движется и откуда „я“ проектируется

во всѣ стороны. Этотъ ходъ развитія, аналогичный росту и развитію ребенка, составляетъ основной законъ всякой жизни. Не знать этого значитъ быть слѣпымъ—состояніе, не лишенное предести, потому что оно создало первыя формы лиризма, порывы охватить пустоту, служащую большей частью ихъ исходнымъ пунктомъ; собираемые и оформленные, однако, теченіемъ литературы, эти первые порывы породили вторую форму—сознательное отношеніе къ своимъ стремленіямъ и къ тому, что изъ нихъ достижимо. Истиннымъ учителемъ М. Барреса былъ Гёте, втиснувшій свою необузданную фантазію въ рамки разума и отливавшій самыя пламенныя порывы въ граненныя прозрачныя кристаллы. Авторъ показываетъ отраженіе этихъ общихъ идей Барреса въ его произведеніяхъ, передавая подробное содержаніе „*Ennemis des Lois*“ и отмѣчая этапы путешествій, описанныхъ во второй книгѣ Барреса, его особое, почти влюбленное отношеніе къ смерти, „великой успокоительницѣ“, образъ которой неотступно преслѣдуетъ его при посѣщеніи памятниковъ прошедшихъ наслажденій и забытыхъ преступленій.

III.

Gedichte von Graf Alexei K. Tolstoy. Im Veramass der Urachrift von Friedrich Fiedler. Leipzig. Phil. Reclam jun.

Неутомимый переводчикъ русскихъ поэтовъ, Фр. Фидлеръ, увеличилъ въ истекшемъ году серію своихъ переводовъ сборникомъ стихотвореній графа Алексѣя К. Толстого. На этотъ разъ задача г. Фидлера была еще гораздо болѣе сложной, чѣмъ въ прежней передачѣ лирики Лермонтова, Пушкина и др. Какъ передать на другомъ языкѣ колоритность и особую національную мелодію народнаго стиха? Переводить нѣкоторыя баллады и пѣсни гр. А. Толстого—все равно, что переводить на русскій или иной литературный языкъ старо-французскія „*fabliaux*“ или англо-саксонскія пѣсни. Внутренняя красота оригинала и живописность самыхъ оборотовъ должны неминуемо пострадать. Г. Фидлеръ вышелъ съ успѣхомъ изъ своего рискованнаго предпріятія. Иностранецъ несомнѣнно получитъ представленіе о характерѣ русской пѣсни по нѣкоторымъ образцамъ, помѣщеннымъ въ сборникѣ („Слѣсъ“, „Правда“ и др.), и почувствуетъ особую красоту русской поэзіи въ балладахъ: „Князь Михайло Рецнинъ“, „Василій Шибановъ“. Баллады эти переданы съ большой точностью, и въ переводѣ ихъ замѣчается только недостатокъ колоритности. Чтобы передать стиль гр. А. Толстого въ народныхъ поэмахъ и стихотвореніяхъ, переводчикъ пользуется очень смѣшаннымъ нѣмецкимъ словаремъ: старыя эпитетскія слова и обороты перемѣшиваются у него съ словами ро-

мантического обихода и съ сохраненными ради болѣе точнаго „souleur locale“ русскими народными словами. Романтическое названіе весны „Der Lenz“, или злоупотребленіе словами „grammiflort“, „Zähgen“, и т. п., звучать какъ-то странно среди народных оборотовъ и часто встрѣчающихся русскихъ словъ. Стихъ: „Ringen muss ich mit der Baba-Jaga, mit dem Leben“, долженъ казаться варварскимъ для иностранца; точно также слова: „курганъ“, „конвой“, „воевода“ и др. слѣдовало бы замѣнить иногда однозначными нѣмецкими словами.

Эти замѣчанія относятся главнымъ образомъ къ стихотвореніямъ, написаннымъ народнымъ размѣромъ. Прибавимъ также, что г. Фидлеръ переводитъ иѣкоторые стихи слишкомъ вольнымъ размѣромъ, такъ что получается совершенная проза. Этимъ онъ портитъ такъ хорошо переведенныя въ цѣломъ поэмы, какъ „Василій Шибановъ“, и намъ кажется, что въ слѣдующемъ изданіи своего сборника ему слѣдовало бы исправить такія строчки, какъ: „Schon sitzt in der Litaauer feindlichem Zelt—Der geächtete Fürst. Barhaupt stehen“ и т. д. Вторая строчка—безъ размѣра. Точно также рекомендуемъ его вниманію въ стихотвореніи „Богатырь“ стихъ: „Eine Flasche Schnaps in der Tasche“ — не совсѣмъ удачная передача Толстовскаго стиха: „за пазухой пѣнника штофъ“.

Чисто лирическія и описательныя стихотворенія гр. А. Толстого переданы гораздо болѣе удачно. Лучшія стихотворенія Ал. Толстого: „Средь шумнаго бала“; „Не вѣрь мнѣ, другъ, когда въ избыткѣ горя“; „Дробится и плещеть, и брызжетъ волна“ — переданы музыкально и нѣжно. Въ описательныхъ стихотвореніяхъ переводчикъ старается сохранить настроеніе и дѣлаетъ это иногда въ ущербъ точности, что, конечно, вполне допустимо. Въ стихотвореніи: „Волки“—сохранена таинственность въ передачѣ народнаго суевѣрія, и самое наступательное движеніе зловѣщей процессіи передано г. Фидлеромъ очень искусно. „Колодники“ представляютъ тѣ же качества, только неприятно рѣжетъ ухо выраженіе: „die alten Convoisoldaten“. Для обозначенія конвоя есть достаточно нѣмецкихъ словъ, да и у насъ слово это иностраннаго происхожденія. — 3. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1896.

Оригинальная судьба одной газеты.—Новая редакция „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.—Возможенъ ли узкій націонализмъ въ средѣ „либераловъ“?—Чествованіе В. Г. Короленко въ Нижнемъ-Новгородѣ.—В. Г. Короленко и проф. Сумцовъ о провинціи.—Преждевременное ликваніе.—Замѣчательное рѣшеніе сената.

Оригинальна судьба старѣйшей изъ всѣхъ нынѣшнихъ русскихъ газетъ—„С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Основанная болѣе полутора столѣтія тому назадъ, онѣ долго владѣли безцвѣтнымъ существованіемъ, составляя источникъ дохода для академіи наукъ и пользуясь монополіей казенныхъ и даже частныхъ объявленій, но весьма мало внося въ литературу и весьма слабо отражая общественныя настроенія. Такова была, въ до-реформенной Россіи, судьба всѣхъ газетъ, за исключеніемъ развѣ отиѣнно благонамѣренныхъ и благонадежныхъ; опредѣленный запахъ, далеко не благоуханный, но своеобразный, имѣла, во второй четверти нашего вѣка, только одна болгарская „Сѣверная Пчела“. Со временъ Екатерины II-й и до начала царствованія Александра II-го, всѣ свѣжія и живыя проявленія русской мысли находили пріютъ—помимо не-периодической литературы—исключительно въ такъ-называемыхъ толстыхъ журналахъ. Только они, при Новиковѣ и Карамзинѣ, при Бестужевѣ и Рылѣевѣ, при Полевомъ и Надеждинѣ, при Пушкинѣ и Плетневѣ, при Бѣлинскомъ и Герценѣ, могли говорить, хотя бы въ полголоса, съ безчисленными недомолвками и умолчаніями, о нѣкоторыхъ вопросахъ, занимавшихъ пробуждавшееся тогда русское общество. На долю газетъ оставалось значеніе справочныхъ листковъ и полу-официальныхъ лѣтописей. Такое положеніе дѣлъ продолжалось, въ силу инерціи и привычки, даже въ первые годы движенія, охватившаго Россію послѣ крымской войны. На рубежѣ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ ни одна газета еще не имѣла и малой доли того вліянія, которое принадлежало „Современнику“, „Русскому Вѣстнику“ или хотя бы „Русской Бесѣдѣ“ и „Отечественнымъ Запискамъ“. Только въ 1863 г. газеты занимаютъ мѣсто рядомъ съ журналами и окончательно упрочиваютъ его за собою благодаря новому закону о печати (1865). Руководящую роль приобрѣтаютъ тогда одновременно „Московскія Вѣдомости“ Каткова, „Голосъ“ Краевского и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ В. Ѡ Корша. „Московскія Вѣдомости“, сразу „уловившія моментъ“, ста-

новятся силой, потому что всего громче повторяютъ нобѣдоносное мнѣніе, всего настойчивѣе разжигаютъ и безъ того господствующія страсти; „Голосъ“ сначала колеблется и лавируетъ, ищетъ точекъ опоры въ официальныхъ сферахъ и лишь много лѣтъ спустя получаетъ ту физиономію, съ которою онъ, сойдя со сцены, остался въ памяти своихъ многочисленныхъ читателей. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ избираютъ самую трудную задачу—плыть противъ потока, давать отпоръ, хотя бы иногда только пассивный, давленіямъ силы и требованіямъ толпы, бороться за сохраненіе и расширеніе едва сдѣланныхъ, но уже успѣвшихъ выйти изъ моды пріобрѣтеній. Этой задачѣ онѣ остаются вѣрными, при измѣняющихся, но всегда тяжелыхъ условіяхъ, при гнетѣ сверху, при равнодушіи публики, при насмѣшкахъ болѣе горячихъ и нетерпѣливыхъ сторонниковъ движенія. Цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ В. Θ. Коршъ выбивается изъ силъ, чтобы сохранить однажды занятую позицію; онъ преодолеваетъ массу препятствій, обезоруживаетъ множество враговъ,—но какъ разъ въ ту минуту, когда его положеніе становится, повидимому, болѣе обезпеченнымъ и спокойнымъ, онъ и его ближайшіе сотрудники выбрасываются изъ газеты, до истеченія срока контракта и совершенно помимо его условій. Главную роль въ этомъ инцидентѣ, до сихъ поръ не вполне выясненномъ въ печати, играло, по всей вѣроятности, вѣдомство народнаго просвѣщенія, недовольное В. Θ. Коршемъ за его отношеніе къ жгучему тогда вопросу о гимназической реформѣ. Какъ бы то ни было, для „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ наступаетъ, съ этого времени (т.-е. съ 1875 года), періодъ неудержимаго и непоправимаго упадка; надъ ними точно тяготѣетъ какая-то Немеида, мстящая за ничѣмъ не вызванное и ничѣмъ не оправдываемое правонарушеніе. Издатель, которому онѣ были переданы непосредственно послѣ В. Θ. Корша, скоро оказывается несостоятельнымъ должникомъ; избранный имъ редакторъ еще раньше, кажется, слагаетъ съ себя непосильную тяжесть; съ однимъ изъ негласныхъ, но вліятельныхъ сотрудниковъ газеты разыгрывается скандальная исторія; газета переходитъ изъ рукъ въ руки, незамѣтная и все болѣе и болѣе забываемая читателями. Наконецъ, дѣло, повидимому, налаживается какъ слѣдуетъ: съ перваго января 1884 г. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ поступаютъ подъ редакцію опытнаго литератора, въ широковѣщательномъ объявленіи ¹⁾ провозглашающаго наступленіе „поворота отъ фразы къ дѣлу, къ спокойному подъему матеріальныхъ и духовныхъ силъ страны“. Обстоятельства благопріятствовали обновленному изданію. Незадолго передъ тѣмъ закрылся

¹⁾ См. Обществ. Хроникѣ въ № 11 „В. Евраи“ за 1883 г.

„Голосъ“, исчезъ „Порядокъ“; московскія либеральныя газеты вѣсьма на волоскѣ; временныя правила 1882 г. создали привилегированное положеніе для консервативной печати, и рядомъ съ „Московскими Вѣдомостями“ оставалось широкое мѣсто для петербургскаго ихъ подголоска („Гражданинъ“ въ то время выходилъ только разъ въ недѣлю). И что же? Всѣ попытки оживить замершую газету остаются тщетными; не помогаетъ даже нѣкоторая перемѣна дирекціи, исполненная ею въ послѣдніе годы. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ только числились въ воинствующей печати, но не играли въ ней никакой роли; ихъ почти никто не зналъ и не читалъ, ихъ вліяніе не чувствовалось ни въ чемъ и нигдѣ. Еслибы онѣ перестали выходить, это осталось бы незамѣченнымъ, и некрологъ ихъ обратилъ бы на себя вниманіе развѣ потому, что въ немъ пришлось бы вспомнить ихъ болѣе отдаленное прошедшее.

Не такъ, однако, у насъ много газетъ, чтобы можно было признать нормальнымъ призракное существованіе одной изъ нихъ, по своему положенію вполнѣ жизнеспособной. Потребность въ новыхъ газетахъ, особенно въ Петербургѣ, несомнѣнна — а основаніе ихъ сопряжено съ многоразличными, болѣею частью непреодолимыми трудностями. Мы готовы были, поэтому, привѣтствовать переходъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ подъ редакцію кн. Э. Э. Ухтомскаго, предполагая, что онѣ внесутъ въ нашу печать хоть что-нибудь свѣжее и новое. Мы вспоминали, что молва приписывала кн. Ухтомскому нѣсколько статей въ „Гражданинѣ“, въ свое время возбудившихъ сочувствіе однихъ ¹⁾, негодованіе другихъ, и во всякомъ случаѣ мало похожихъ на обычныя рѣчи кн. Мещерскаго и его сотрудниковъ. Мы думали, что обновленная газета станетъ, по меньшей мѣрѣ, на сторону *одной* группы угнетаемыхъ и оскорбляемыхъ, на сторону *одного* изъ великихъ началъ, всего болѣе забытыхъ въ современномъ русскомъ обществѣ. И дѣйствительно, въ одномъ изъ первыхъ январскихъ номеровъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ мы встрѣтили горячій протестъ противъ „казенной обрядности“ и „узкаго націонализма“, напомнившій намъ защиту сибирскихъ буддистовъ ²⁾. Важны, однако, не отдѣльные, случайные порывы хорошаго чувства, попадавшіеся и въ „Гражданинѣ“ — важно общее направленіе и настроеніе газеты, дающее ей тонъ и обуславливающее собою характеръ и степень ея вліянія. Съ этой точки зрѣнія „С.-Петербургскія Вѣдомости“

¹⁾ См. Обществ. Хронику въ №№ 1 и 3 „Вѣстника Европы“ за 1892 г.

²⁾ „Черезчуръ обидно“ — восклицаетъ авторъ передовой статьи въ № 5 „Спб. Вѣд.“ — „читать и комментировать книги въ родѣ сочиненія графа Делива о русско-польскихъ отношеніяхъ, гдѣ явно преступные достовѣрные факты жгутъ огнемъ стыда всякаго, кто вѣрится въ величіе Россіи“.

взяая Ухтомскаго общають, пока, мало утѣшительнаго. Въ литературѣ, какъ и въ общежитіи (*dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es*), весьма важнымъ признакомъ служить совокупность симпатій и антипатій—какъ тѣхъ, которыя внушаешь, такъ и тѣхъ, которыя самъ чувствуешь. Знаменательно, поэтому, положеніе, которое новая редакція сразу заняла по отношенію къ другимъ періодическимъ изданіямъ. Въ первомъ же номерѣ обновленныхъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, въ отдѣлѣ: „Наша печать“, сдѣлана только одна выписка изъ газетъ—и сдѣлана именно изъ „Гражданина“, при чемъ выписанныя строки, соединяющія въ себѣ всѣ обычные черты изреченій кн. Мещерскаго, названы „полными глубокаго чувства и государственнаго значенія“ (1). Понятно, что кн. Мещерскій въ первомъ же № „Гражданина“ успѣшилъ воздать похвалой за похвалу, а въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ (въ статьѣ: „Вищная закона“) назвалъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ своимъ „единомышленникомъ“. Нелегко будетъ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ смыть съ себя слѣды этого названія...

Не ошибочны ли, однако, тѣ выводы, которые мы дѣлаемъ изъ сближенія „Слб. Вѣдомостей“ съ „Гражданиномъ“? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся къ *profession de foi* новой редакціи. Въ ея лицѣ, по собственнымъ словамъ ея, выступаетъ „группа русскихъ людей, непоколебимо вѣрующихъ во всемірно-историческое призваніе Россіи авить человѣчеству примѣръ христіанскаго государства, въ которомъ преподаанные Христомъ завѣты правды и любви были бы не только вѣнныя призываны, но и внутренне осуществлены“. Продолжительный, горькій опытъ давно уже доказалъ возможность злоупотребленія самыми священными словами или, по меньшей мѣрѣ, возможность самаго произвольнаго ихъ толкованія. Именемъ „христіанскаго государства“ назывались и называются; сплошь и рядомъ, политическія схемы не только несходныя, но прямо противоположныя между собою; завѣтомъ любви и правды часто прикрывались дѣла злобы и человѣконеаивистничества. Формула „Слб. Вѣдомостей“—пока не раскрыто вполнѣ ея истинное значеніе—не что иное, какъ флагъ, подъ которымъ могутъ быть провозимы разнообразнѣйшіе товары... „Свое всемірно-историческое призваніе,—читаемъ мы дальше,—Россія можетъ выполнить только въ томъ случаѣ, если она никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не поступится самостоятельностью своей духовной личности, если она останется вѣрна кореннымъ основамъ своего государственнаго и церковнаго строя“. И въ эти давно знакомые мотивы можетъ быть вложено—и влагалось на самомъ дѣлѣ—весьма различное содержаніе. Въ устахъ старыхъ славянофиловъ они означали одно, въ устахъ эпигоновъ славянофильства—

совершенно другое. Какъ понимаютъ ихъ „Спб. Вѣдомости“,—это покажетъ время; но въ предзнаменованіяхъ, не совсѣмъ благоприятныхъ, и теперь уже, къ сожалѣнію, нѣтъ недостатка. „Охранять въ русскомъ народѣ,—восклицаетъ газета кн. Ухтомскаго,—вложенныя въ его душу всею прошедшею исторіею сокровища вѣры и благочестія, насаждать во всѣхъ слояхъ народа добрые обычаи и добрые нравы—вотъ первая и главная задача, къ выполнению которой, въ неразрывномъ единеніи съ церковью, должна стремиться государственная власть“. Не ясно ли, что отъ государственной власти требуется и ожидается здѣсь нѣчто ей несвойственное и неосуществимое? Насаждать „добрые нравы“—дѣло церкви, семьи, школы, общества, но отнюдь не государства, дѣйствующаго, по необходимости, только предписаніями и запрещеніями, т.-е. средствами наименѣ пригодными въ воспитательномъ отношеніи. Отъ рекомендуемаго „Спб. Вѣдомостями“ способа огражденія и возвышенія нравственности процвѣсти можетъ только виѣшнее благочиніе, всегда граничащее съ лицемеріемъ, или „казенная обрядность“, противъ которой вооружается, какъ мы видѣли, самъ кн. Ухтомскій... Все остальное, въ первой передовой статьѣ „Спб. Вѣдомостей“, еще болѣе избыто и еще менѣе характеристично (въ родѣ, на примѣръ, стараго клише о предосудительности увлеченія *обученіемъ* въ ущербъ *просвѣщенію*). Что-то похожее на оригинальность можно усмотрѣть развѣ въ томъ мѣстѣ статьи, гдѣ идетъ рѣчь о „пробуждающемся послѣ многолѣтняго сна Востокѣ, все яснѣе сознающемъ свою отчужденность отъ Европы fin de siècle и свое глубокое духовное сродство съ молодою, здоровою, самобытною Россіей“. Нетрудно припомнить, однако, что противопоставлять Россію Европѣ давно уже вошло въ обычай какъ у славянофиловъ, такъ и у славянофильствующихъ или руссофильствующихъ націоналистовъ—а отъ этой антитезы только одинъ шагъ до сближенія Россіи съ Азіей... Новую редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ ея попытки освѣтить и укрѣпить русское тяготѣніе къ Востоку приводятъ иногда къ удивительнымъ salto mortale. Произнеса осужденіе тѣмъ, кто „бьется стихійнаго движенія въ Азію“, провозгласивъ „Россію и восточные міры неразрывнымъ по идеѣ цѣлымъ, лишь временно не падающимъ безусловнаго единенія частей“, посуливъ намъ, въ случаѣ устремленія въ Азію, похвалу и поддержку западныхъ державъ,—передовая статья въ № 5 „Спб. Вѣдомостей“ внезапно переходитъ къ мотиву изъ совершенно другой оперы. „Помимо матеріальныхъ и умственныхъ преимуществъ,—восклицаетъ авторъ, очевидно ведущій рѣчь отъ лица редакціи,—за нашу идею говоритъ еще и слѣдующее, важнѣйшее: съ воцареніемъ ея въ нашихъ мыслящихъ и руководящихъ сферахъ, съ воплощеніемъ ея въ жизнь

при помощи печати, съ отраженіемъ связанныхъ съ этимъ началъ гуманности и вѣротерпимости по отношенію иноплеменно-иновѣрнаго состава окраинъ, мы, точно омывшись въ родникахъ воды живой, воспрянемъ духовно и обновимся". И ватѣмъ непосредственно слѣдуетъ то рѣзкое осужденіе „казенной обрадности" и „узкаго націонализма", которое мы привели выше. Гдѣ же тутъ связь между послылками и заключеніемъ? Какимъ образомъ стремленіе туда, гдѣ нѣтъ даже понятія о вѣротерпимости, о свободѣ совѣсти и слова, можетъ способствовать торжеству этихъ началъ въ Россіи, усвоившей ихъ себѣ преимущественно благодаря западнымъ влияніямъ? Не вѣроятнѣе ли, наоборотъ, что азіатскій холодный вѣтеръ, усиливаясь по мѣрѣ движенія ему на встрѣчу, заглушитъ нѣжные ростки, еще не успѣвшіе глубоко укорениться въ новой для нихъ почвѣ? И въ этомъ ли одномъ заключается опасная сторона поворота, рекомендуемаго „Спб. Вѣдомостями"? Такъ ли прочна и высока наша культура, чтобы можно было думать больше о ея распространеніи въ даль, за наши предѣлы, чѣмъ объ углубленіи ея и приобщеніи къ ней всѣхъ классовъ русскаго народа? Со времянъ Петра Великаго Россія стояла и стоитъ лицомъ къ западной Европѣ—и это не только не мѣшало ей раздвигать свои границы въ сторону Азіи, но, наоборотъ, прямо способствовало побѣдоносному шествію нашему на Востокъ. Зачѣмъ же мѣнять фронтъ, зачѣмъ сходить съ позицій, одинаково удобной для самыхъ различныхъ цѣлей?.. Если разгадка надеждъ, такъ странно связываемыхъ „Спб. Вѣдомостями" съ призывомъ въ Азію, заключается въ томъ, что съ увеличеніемъ числа не-христіанъ, подвластныхъ русской имперіи или отъ нея зависящихъ, увеличится, по необходимости, и терпимость къ не-христіанскимъ религіямъ—т.-е. перестанутъ быть возможными явленія въ родѣ тѣхъ, которыя, года четыре тому назадъ, изобличалъ и громилъ кн. Ухтомскій въ „Гражданинѣ",—то неужели для достиженія этой цѣли нѣтъ другихъ средствъ, болѣе простыхъ и легкихъ? Неужели явнымъ нарушеніемъ справедливости и даже положительнаго закона можетъ положить конецъ дальнѣйшій *Drang nach Osten*? Какимъ образомъ, въ добавокъ, увеличеніе числа язычниковъ и магометанъ въ восточныхъ областяхъ имперіи можетъ измѣнить къ лучшему положеніе лютеранъ и католиковъ на западныхъ окраинахъ? А вѣдь изъ связаннаго „Спб. Вѣдомостями" о книгѣ гр. Леливы совершенно очевидно, что кн. Ухтомскій принимаетъ къ сердцу интересы не однихъ только буддистовъ... Пожелаемъ, поэтому, газетѣ кн. Ухтомскаго, чтобы свѣтъ, кое-гдѣ мерцающій въ ея статьяхъ, не погасъ окончательно среди потемокъ, въ которыхъ рискуетъ потонуть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ея индивидуальныи обликъ. Уже и теперь ее не легко отличить отъ „Московскихъ Вѣдомостей"

и „Гражданина“; еще нѣсколько шаговъ въ направленіи, намѣченномъ первою руководящею статьею новой редакціи—и слѣдовъ различія не уцѣлѣеть вовсе. Редакція называетъ свою задачу „трудной“ и „неблагодарной“. Это справедливо только на половину. Неблагодарной она дѣйствительно можетъ оказаться, но не потому, чтобы она была сопряжена съ какими-либо особыми трудностями (наоборотъ, никому въ нашей прессѣ не живется такъ легко, какъ редактору реакціонной газеты), а потому, что для газеты, дублирующей уже занятое амплуа, скоро не останется никакой *raison d'être*...

По поводу словъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ объ „узкомъ націонализмѣ“ произошелъ небольшой инцидентъ, возможный только въ нашей печати. На нихъ набросился, прежде всего, „Рижскій Вѣстникъ“, одинъ изъ нашихъ прощипанныхъ „охранителей“ и обрусителей; онъ поспѣшилъ заявить, что „о нашихъ окраинахъ въ Европѣ кн. Ухтомскій имѣеть, повидимому, довольно смутное понятіе, такъ какъ очевидно съ чужихъ словъ вѣщаетъ, будто тамъ тѣснятъ кого-то во имя узкаго націонализма“ (а развѣ „чужія слова“ не бывають иногда достовѣрны? Развѣ между фактами, на которые намекають „С.-Петербургскія Вѣдомости“, нѣтъ такихъ, которые извѣстны всему русскому обществу?). По мнѣнію „Рижскаго Вѣстника“, такъ смотрѣть на дѣло, какъ смотреть на него кн. Ухтомскій, можно только съ „азиатской точки зрѣнія“ (азиатская точка зрѣнія—и вѣротерпимость!—достаточно сопоставить эти слова, чтобы оцѣнить по достоинству разсужденіе рижской газеты). Подобный взглядъ былъ бы „опасенъ для государства“, еслибы онъ шелъ дальше „публицистическихъ фантазій“. Выходеу „Рижскаго Вѣстника“ подхватило и поддержало „Новое Время“ (№ 7137, въ отдѣлѣ: „Среди газетъ и журналовъ“), назвавъ слова „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ „болтовней“ и закончивъ восклицаніемъ: „въ колыбели, да еще азиатской, широкихъ взглядовъ не вылежишь“. Все это въ порядкѣ вещей; обычные защитники „узкаго націонализма“, внезапно задѣтые съ такой стороны, откуда ими меньше всего ожидалось нападеніе, не могли не разгнѣваться противъ нападающаго—а гнѣвъ слишкомъ часто исключаетъ разборчивость въ выборѣ средствъ отпора. Но вотъ что ужъ совсѣмъ странно: въ отвѣтной статьѣ „Гражданина“ (№ 4, „Волки и овцы“) мнѣнія, составляющія неоспоримую собственность „Новаго Времени“, приписываются всей „либеральной“ или даже „красной“ печати! Путаница выходитъ тѣмъ бѣльшая, что „Новое Время“ прямо въ этой статьѣ не названо. Представьте себѣ удивленіе читателя, который, не зная предшествовавшей полемики „Риж-

скаго Вѣстника“ и „Новаго Времени“ противъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, встрѣчаетъ въ „Гражданинѣ“ слѣдующія строки: „еслибы у нашихъ болтуновъ красной (курсивъ въ подлинникѣ) печати было хотя немного сердечности, то вѣроятно та же печать, которая такъ сердобольно печется о томъ, чтобы розги не примѣнялись къ волостному суду, не являлась бы съ такими звѣрскими и бездушными инстинктами во всемъ, что касается нашей политики обрусенія и нашихъ отношеній къ вѣрѣ и къ національностямъ на нашихъ западныхъ окраинахъ“. Дальше повторяется еще разъ, что на кн. Ухтомскаго накинута „всякіе обрусители нашей либеральной печати“... По истинѣ, чудовищное смѣшеніе понятій! Либерализмъ, сколько-нибудь достойный этого имени, немислимы безъ уваженія къ свободѣ совѣсти и мысли, т.-е. къ чужой вѣрѣ, къ чужому языку, къ національнымъ особенностямъ. Въ отношеніи своемъ къ западнымъ окраинамъ, какъ и къ восточнымъ, онъ никогда не проявлялъ и не могъ проявлять не только „звѣрскихъ, бездушныхъ инстинктовъ“, но даже стремленія къ какой бы то ни было спеціальной, обостренной регламентаціи, къ какимъ бы то ни было правонарушеніямъ и правоограниченіямъ. Приемъ, употребленный „Гражданиномъ“ былъ бы коваренъ, еслибы онъ не былъ такъ наивенъ: газета беретъ одинъ признакъ и объединяетъ имъ цѣлую группу, отдѣльные члены которой ничего общаго, кромѣ этого признака, между собою не имѣютъ. *Либеральною* провозглашается вся печать, стоящая за отмену тѣлесныхъ наказаній—т.-е. не только „Новое Время“, но и „Свѣтъ“, и „Церковный Вѣстникъ“, и военный „Развѣдчикъ“! Вѣдь если разсуждать по этому шаблону, то можно зачислить въ „либеральный“ лагерь и „Гражданина“, по вѣроисповѣдному вопросу оказывавшагося *тогда* какъ бы стоящимъ въ рядахъ либеральной прессы. Такъ, дѣйствительно, и поступали „Московскія Вѣдомости“, когда онѣ, отгребиваясь отъ „Гражданина“, старались доказать, что онъ ближе къ „Вѣстнику Европы“, чѣмъ къ правовѣрнымъ консерваторамъ... Нужно надѣяться, что всѣ эти „комедіи съ переодѣваньемъ“ никого не введутъ въ ошибку: слишкомъ очевидно различіе между настоящей солидарностью мнѣній и случайнымъ ихъ совпаденіемъ по одному случайному вопросу.

Въ началѣ прошлаго мѣсяца нижегородское общество чествовало обѣдомъ В. Г. Короленко, по случаю отъѣзда его изъ Нижняго-Новгорода, гдѣ онъ прожилъ болѣе десяти лѣтъ. Въ чествованіи участвовало 150 лицъ—представители дворянства, земства, города, печати, мировые судьи, преподаватели среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, врачи, присяжные повѣренные, купцы, студенты;

не мало было и дамъ. Чувства, одушевляющія это общество, нетрудно себѣ представить. Какъ одного изъ самыхъ даровитыхъ нашихъ писателей и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ чуткаго, отзывчиваго, энергичнаго общественнаго дѣятеля, В. Г. Короленко знаетъ вся мыслящая Россія; но особенно близокъ онъ для нижегородцевъ, видѣвшихъ во-очію его дѣятельность во время „голоднаго года“ и слѣдившихъ за его корреспонденціями, всколыхнувшими много столичныхъ водъ въ нижегородской жизни ¹⁾. Рѣчь, произнесенная В. Г. Короленко въ отвѣтъ на застольныя привѣтствія, такъ же талантлива и симпатична, какъ и все выходящее изъ-подъ его пера, и мы очень сожалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести ее *in extenso* ²⁾. Особенно замѣчательнымъ показалось намъ слѣдующее ея мѣсто: „Провинцію сравнили какъ-то съ водоемомъ. Идеи, зарождающіяся въ столицахъ, проникаютъ въ провинцію, откладываются здѣсь, накаплиются, растутъ и часто, затѣмъ, питаютъ самые центры этой живой, сохранившейся силой, когда въ столицахъ источники порой уже иссякли. Есть извѣстная глубина, до которой не достигаютъ колебанія, происходящія на поверхности. Правда, первое ощущеніе человѣка, попадающаго въ водоемъ болѣе или менѣе внезапно, есть ощущеніе холода и нѣкоторой жуткости. Но слѣдующія же минуты несутъ лишь ободряющую свѣжесть. Чувствуешь, что это жизнь и что источники этой жизни никогда не иссякнутъ, какія бы порой засушающія вѣянія ни шли изъ центровъ. Говорятъ, провинція затагиваетъ; говорятъ, здѣсь люди спиваются и не знаютъ другихъ интересовъ, кромѣ картъ и вина. Да, провинція затагиваетъ! Не картами и виномъ, а проснувшимися въ ней живыми мѣстными интересами. Жизнь—всюду! Есть жизнь и въ столицахъ, кипучая и интересная. Но тутъ есть одна черта существеннаго отличія: то, что въ столицѣ является по болѣе части идеей, формулой, отвлеченностью—здѣсь мы видимъ въ лицахъ, осязаемъ, чувствуемъ, воспринимаемъ на себѣ. По этому по неволѣ то самое, что въ столицѣ является борьбой идей, здѣсь принимаетъ форму реальной борьбы живыхъ лицъ и явленій“. Любопытно сопоставить рѣчь В. Г. Короленко съ статьей профессора Сумцова, появившейся недавно въ „Харьковскихъ Вѣдомостяхъ“ ³⁾. Напомнивъ слова Герцена, относящіяся къ 30-мъ годамъ, и слова Салтыкова, сказанныя нѣсколько десятилѣтій спустя—слова, съ одинаковой горечью клеймящія пустоту, мелочность, мерт-

¹⁾ О роли, которую сыграли корреспонденціи В. Г. Короленко, любопытныя свѣденія сообщаетъ „Нижегородскій Листокъ“ (см. фельетонъ въ № 22 „Русскихъ Вѣдомостей“).

²⁾ Она напечатана въ № 8 „Русскихъ Вѣдомостей“.

³⁾ См. № 20 „Русскихъ Вѣдомостей“.

венность провинціальной жизни,—авторъ восклицаетъ: „Кто скажетъ, что эти негодующія жалобы нынѣ устарѣли? *Мелочи, вздоры и слезы стоятъ еще грозной стѣной*, но кое-гдѣ пробилась уже зародыши самостоятельности ума и сердца, мѣстами возникли литературно-музыкальные кружки, комитеты грамотности, общества врачей, благотворительныя попечительства. Все это еще такъ разбросано и малосильно! Но важно то, что уже есть такіе оазисы въ пустыняхъ нашего общественнаго быта. Зародыши эти созданы соединенными усилиями науки и литературы, науки преимущественно университетской, литературы художественной и гуманистической“. Проф. Сумцовъ напомнилъ здѣсь весьма кстати объ оборотной сторонѣ медали, которой вовсе не коснулся В. Г. Короленко. Въ словахъ послѣдняго все — истина, но не вся истина. Отчасти въ силу обстоятельствъ, отчасти въ силу своихъ личныхъ свойствъ, В. Г. Короленко видѣлъ вокругъ себя преимущественно провинцію трудящуюся, полную бодрыхъ и свѣжихъ силъ, порвавшую связь съ прошедшимъ, сбросившую съ себя путы себялюбія и рутинны. Онъ приходилъ, вѣроятно, въ соприкосновеніе и съ другой провинціей, хранящей худшія традиціи крѣпостничества и до-реформеннаго чиновничества — но онъ встрѣчался съ нею какъ открытый противникъ, вель съ нею упорную и отчасти успѣшную борьбу, встрѣчая сочувствіе и поддержку во вновь народившихся слояхъ провинціального общества. Отсюда свѣтлая надежда, съ которыми В. Г. Короленко смотритъ на будущее; отсюда восторженный гимнъ, пропѣтый имъ въ честь провинціи. Далеко не пессимистически настроенъ и проф. Сумцовъ—но надъ нимъ тяготѣетъ, очевидно, болѣе близкое знакомство съ тѣми провинціальными сферами, которыя побѣдоносно сбрасываетъ со счетовъ В. Г. Короленко. Профессору, поставленному въ водоворотъ самыхъ разнообразныхъ теченій, извѣстны, безъ сомнѣнія, примѣры—и примѣры не малочисленные—когда провинція „засасываетъ“ и „затягиваетъ“ по старому, такими же средствами и съ такимъ же успѣхомъ, какъ во времена Герцена и Салтыкова. Это необходимо помнить, чтобы не возлагать на провинцію преувеличенныхъ ожиданій — но столь же необходимо знать, что есть въ провинціи и другая притягательная сила, такъ хорошо изображенная въ рѣчи В. Г. Короленко. Образуютъ и поддерживаютъ эту силу не только наука и литература: она черпаетъ многое изъ той негромкой, мало замѣтной работы на общую пользу, которую несутъ въ провинціи десятки и сотни народныхъ учителей, врачей, фельдшерицъ, земцевъ, сотрудниковъ провинціальной прессы. Въ минуты общественнаго бѣдствія ихъ ряды быстро пополняются новыми силами,

удержать которыя въ провинціи и для провинціи было бы возможно при нѣкоторой перемѣнѣ къ лучшему въ провинціальныхъ порядкахъ...

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась недавно корреспонденція изъ Твери, озаглавленная: „Заключеніе тверского инцидента“. Если вѣрить корреспонденту, извѣстное представленіе тверского дворянства отклонено министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ виду нарушенія ст. 216 т. IX (принятіемъ предложенія безъ баллотировки), а также потому, что каждый изъ неутвержденныхъ попечителей, счѣтавшій права свои нарушенными, могъ жаловаться на это нарушеніе отдѣльно, отъ своего имени; самыя жалобы попечителей, притомъ, признаны не заслуживающими уваженія и по существу. Точность этого сообщенія кажется намъ весьма сомнительною. Ст. 216-ая, за силою которой постановленія дворянскаго собранія „производятся по голосамъ, собираемымъ посредствомъ балловъ“, помѣщена въ отдѣленіи третьемъ главѣ третьей раздѣла перваго т. IX зак. о сост. Третья глава озаглавлена: „о службѣ по выборамъ дворянства“, а третье отдѣленіе ея: „порядокъ дворянскихъ выборовъ“. Отсюда ясно, что ст. 216 примѣнима только къ тѣмъ постановленіямъ, которыя касаются выбора въ дворянскія должности, а отнюдь не къ тѣмъ, которыя имѣютъ предметомъ другія функціи дворянскихъ собраній, перечисленныя раньше, въ главѣ второй („о правахъ и преимуществахъ дворянскаго состоянія въ составѣ дворянскихъ обществъ“). Въ этой главѣ подача голосовъ посредствомъ баллотировки требуется только въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ (ст. 144, 158, 161, 165), къ числу которыхъ „тверской инцидентъ“ отнесенъ быть не можетъ. Въ практикѣ всѣхъ дворянскихъ собраній найдется, конечно, немало постановленій, состоявшихся безъ баллотировки, *par acclamation* или вообще открытой подачей голосовъ, и оставшихся, тѣмъ не менѣе, въ полной силѣ, согласно съ буквою и смысломъ закона. Что касается до права неутвержденныхъ попечителей жаловаться отъ себя лично, то оно безспорно; несомнѣнно и то, что только этимъ путемъ могла бы быть достигнута *отмѣна* отдѣльныхъ постановленій губернскаго училищнаго совѣта о неутвержденіи тѣхъ или другихъ лицъ въ званіи попечителя, вслѣдствіе сообщенныхъ о нихъ губернаторомъ свѣденій; но вѣдь дворянское собраніе такой *отмѣны* вовсе и не домогалось, а хотѣло только обратить вниманіе министерства на *общее отношеніе* губернатора къ мѣстному дворянству, выразившееся, *между прочимъ*, въ неутвержденіи многихъ попечителей. Допустимъ, однако, что министерство противопоставило дворянскому собранію *fin de non*

гесевоіг, основанную на формально-неправильномъ возбужденіи, принятіи и направленіи жалобъ; въ такомъ случаѣ оно, очевидно, не могло входить въ разсмотрѣніе жалобъ *по существу*, тѣмъ болѣе, что для этого необходимо было бы предъявить неутвержденнымъ попечителямъ обвиненія, введенныя на нихъ губернаторомъ, и выслушать ихъ объясненія и оправданія. Все это вмѣстѣ взятое приводитъ насъ къ убѣжденію, что въ разсказѣ корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“ далеко не все соотвѣтствуетъ дѣйствительности и что праздновать пораженіе тверского дворянства недоброжелатели его собрались, по меньшей мѣрѣ, преждевременно... Еслибы, впрочемъ, постановленіе тверского дворянскаго собранія и было, по формальнымъ причинамъ, оставлено безъ послѣдствій, то этимъ уничтожилось бы только юридическое, но не реальное его значеніе; *фактъ* принесенія громаднымъ большинствомъ дворянъ жалобы на дѣйствія губернатора остался бы неприкосновеннымъ.

Въ злобномъ отношеніи реакціонныхъ газетъ къ „тверскому инциденту“ выразилась еще разъ, и чрезвычайно рельефно, ихъ ненависть ко всякому свободному, независимому слову. Болѣе чѣмъ когда-нибудь ихъ столбцы переполнены теперь мольбами о водвореніи молчанія—мольбами особенно возмутительными именно потому, что онѣ идутъ отъ такъ называемыхъ представителей общественнаго мнѣнія. Нельзя, напримѣръ, читать безъ отвращенія передовую статью, гдѣ перечисленіе ходатайствъ, возбужденныхъ въ послѣднее время земскими собраніями и учеными обществами, заканчивается дилеммой: „или это явленіе полезное и желательное — и тогда не только не нужно ставить ему какихъ-нибудь препятствій, но слѣдуетъ даже поощрять его; или же это явленіе незаконное и вредное — и тогда слѣдуетъ принять дѣйствительныя и рѣшительныя мѣры къ его устраненію“ („Московскія Вѣдомости“, № 19). На какую сторону дилеммы хотѣла бы склонить вѣсы московская газета—это слишкомъ хорошо извѣстно; совершенно ясно, поэтому, что она взываетъ къ „дѣйствительнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ“, долженствующимъ установить у насъ тишину... кладбища.

Нашимъ читателямъ памятенъ еще, быть можетъ, случай вмѣшательства бывшаго с.-петербургскаго градоначальника въ отправленіе правосудія, упомянутый въ свое время въ нашемъ журналѣ¹⁾. Домовладѣлец Михайловъ, присужденный мировымъ судьей къ денежному штрафу за неисправное, въ санитарномъ отношеніи, содержаніе

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 11 „В. Европы“ за 1893 г.

двухъ его домовъ, заявилъ неудовольствіе на приговоръ судьи; тогда градоначальникъ приказалъ взыскать съ него штрафъ немедленно, не ожидая окончанія судебного производства. Дѣло дошло, между тѣмъ, до столичнаго мирового съѣзда, который утвердилъ приговоръ мирового судьи, но освободилъ Михайлова отъ взысканія штрафа, такъ какъ онъ уже уплаченъ по распоряженію градоначальника. Уголовный кассационный департаментъ прав. сената, куда дѣло перешло вслѣдствіе протеста товарища прокурора, отмѣнилъ рѣшеніе съѣзда, признавъ, что для освобожденія Михайлова отъ взысканія не было законныхъ оснований, и что предупредить явно несправедливую вторичную уплату штрафа можно было только путемъ обращенія къ Монаршему милосердію. Вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ нашелъ, что наложеніе на Михайлова взысканія административнымъ распоряженіемъ градоначальника, послѣ привлеченія Михайлова къ суду и постановленія о немъ приговора мировымъ судьей, не соответствуетъ ст. 14 уст. угол. судопр. ¹⁾ и не находитъ достаточныхъ оснований ни въ законоположеніяхъ объ общихъ правахъ, предоставленныхъ спб. градоначальнику, ни въ чрезвычайныхъ уполномочіяхъ, предоставляемыхъ ему положеніемъ объ усиленной охранѣ. „Эти уполномочія даны для облегченія борьбы съ кривою, а потому мѣры, на нихъ основанныя, должны соответствовать дѣйствительной потребности охраненія государственнаго порядка и не должны подвергать излишнему отягощенію законные интересы вѣрнаго Престолу населенія“. Кроме того, положеніемъ объ усиленной охранѣ административной власти „не предоставлено видоизмѣнять теченіе воспринявшаго законный ходъ судебного преслѣдованія. Поэтому, какъ установленное ст. 14 уст. угол. суд., столь важное для всякаго обвиняемаго право, такъ равно и установленный тѣмъ же закономъ порядокъ обжалованія приговоровъ, какъ входящія въ законъ, утвержденный собственноручной подписью Государя Императора, могутъ, согласно ст. 66 зак. основ., быть отмѣняемы лишь новымъ, отъ той же власти исходящимъ закономъ, а не усмотрѣнемъ органовъ управленія подчиненнаго“. Въ силу этихъ соображеній „дѣйствія бывшаго спб. градоначальника по дѣлу Михайлова переданы на разсмотрѣніе 1-го департамента прав. сената“. Такое общее разъясненіе закона объ усиленной охранѣ, данное въ этомъ рѣшеніи, не вполне потеряло свою силу даже послѣ Высочайшаго повелѣнія 7-го декабря 1895 года ²⁾, распространившаго дѣйствіе положенія 14-го августа 1881 г. на людей *порочнаго поведенія*, но отнюдь не

¹⁾ За силою этой статьи, никто не можетъ быть наказанъ за преступленіе или проступокъ, подлежащій судебному вѣдомству, иначе, какъ по приговору надлежащаго суда, вошедшему въ законную силу.

²⁾ См. выше, Внутр. Обзорніе.

на нарушителей санитарныхъ и т. под. правилъ. Нужно надѣяться, что отъ чрезвычайныхъ проявленій административно-карательной власти будутъ отнынѣ ограждены по крайней мѣрѣ извозчики, дворники, приказчики и другіе „маленькіе люди“, слишкомъ часто, въ послѣднее время, испытывавшіе на себѣ всю ихъ тяжесть...

Въ одномъ изъ первыхъ приказовъ новаго с.-петербургскаго градоначальника (отъ 19-го декабря) содержится, между прочимъ, слѣдующее, новое и по своему направленію, распоряженіе: „Усматривая изъ представленныхъ мнѣ свѣдѣній, что нѣкоторые чины столичной полиціи и управленія спб. градоначальства имѣютъ на рукахъ выданные имъ отъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій подписные листы и книжки для сбора пожертвованій въ пользу призрѣваемыхъ, нахожу нужнымъ предложить имъ возвратитъ немедленно въ подлежащія учрежденія всѣ означенные книжки и подписные листы, прекративъ нынѣ же сборъ и приѣмъ пожертвованій и на будущее время отнюдь не принимать никакихъ пожертвованій для передачи въ благотворительныя общества и учрежденія“. Если мы не ошибаемся, подобное правило существовало уже при генералѣ Грессерѣ, такъ что новое распоряженіе является только счастливымъ, впрочемъ, возвращеніемъ къ прежнему порядку вещей. Оно заслуживаетъ, во всякомъ случаѣ, полнѣйшаго сочувствія; всякому понятно, къ какимъ злоупотребленіямъ можетъ приводить сборъ пожертвованій черезъ посредство полицейскихъ чиновъ, съ законными обязанностями которыхъ такой сборъ, безъ сомнѣнія, не имѣетъ ничего общаго...

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.—Объ открытіи дѣятельности Высочайше утвержденнаго 21 ноября 1895 года Главнаго Центральнаго Комитета для сбора пожертвованій въ пользу дѣтскихъ приютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.

Вѣдомство дѣтскихъ приютовъ, имѣющее счастье состоять подъ Августѣйшимъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ, возникло на основаніи Высочайше утвержденнаго Императоромъ Николаемъ I, въ 27 день декабря 1839 г., „Положенія о дѣтскихъ приютахъ“, которымъ было положено начало правильному развитію въ Россіи учреждений для призрѣнія дѣтей бѣдныхъ родителей.

Благодаря Высочайшему покровительству, а равно сочувствію и содѣйствію, оказанному приютамъ со стороны всего русскаго общества, дѣятельность этихъ заведеній развивалась и расширялась весьма быстро и успѣшно и изъ этихъ скромныхъ учреждений скоро образовалось обширное благотворительное вѣдомство, распространеннѣе своимъ дѣйствіемъ на всю Имперію. Приюты открывались не только почти во всѣхъ губернскихъ, но и во многихъ уѣздныхъ городахъ, въ крѣпостяхъ и даже селахъ, фабричныхъ поселкахъ и на горныхъ заводахъ.

Для высшаго надзора за всѣми дѣтскими приютами въ Имперіи и направленія ихъ къ благотворительной цѣли былъ еще въ 1838 году учрежденъ въ С.-Петербургѣ особый „Комитетъ Главнаго Попечительства дѣтскихъ приютовъ“. Въ 1869 году Комитетъ этотъ былъ упраздненъ и высшее завѣдываніе всѣми дѣтскими приютами ввѣрено Главному управляющему IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи (переименованному впослѣдствіи въ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи); при Главному управляющему тогда же образована особая „Канцелярія по управленію всѣми дѣтскими приютами“.

Для непосредственнаго же завѣдыванія мѣстными приютами учреждены: въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—особые Совѣты, въ губерніяхъ и областяхъ—губернскія и областныя, въ уѣздахъ же—уѣздныя попечительства дѣтскихъ приютовъ. Попечительства эти, къ составу коихъ принадлежатъ высшіе представители мѣстной администраціи, образованы: въ губерніяхъ—подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, а въ уѣздахъ—предводителей дворянства. Епархіальные Архіереи и высшія въ уѣздахъ духовныя лица считаются почетными членами попечительствъ. Кроме того, при Совѣтахъ и попечительствахъ состоятъ почетные члены, содѣйствующіе общему дѣлу личными трудами или ежегодными денежными взносами. Заботы о внутренней

жизни пріютовъ возложены на попечителей и попечительницъ, директоровъ и почетныхъ старшинъ. Лица, служащія по пріютамъ, въ томъ числѣ и попечители и ихъ помощники, директоры, почетные члены и почетные старшины, пользуются, согласно существующимъ узаконеніямъ, правами государственной службы, а равно и правомъ на пошеніе особаго, Высочайше утвержденнаго, знака.

Въ настоящее время Вѣдомство дѣтскихъ пріютовъ дѣйствуетъ на основаніи новаго Положенія, Высочайше утвержденнаго 18 іюля 1891 года. Согласно этому Положенію, пріюты имѣютъ главнѣйшую цѣль: призрѣніе бѣдныхъ дѣтей обоаго пола, безъ различія званія, вѣроисповѣданія, сословія и происхожденія, доставленіе имъ религіозно-нравственнаго воспитанія и первоначальнаго образованія и подготовленіе ихъ къ самостоятельному, производительному труду. Пріютское Вѣдомство обнимаетъ нынѣ 146 дѣтскихъ пріютовъ и сиротскихъ заведеній, 11 яслей и воспитательныхъ домовъ для младенцевъ, 10 ремесленныхъ училищъ и руководѣльныхъ школъ, 3 школы поварскаго искусства, 2 больницы, 2 родильныхъ отдѣленія, одну богадѣльню, одну центральную дѣтскую библиотеку (въ Москвѣ) и одну школу для приготовленія смотрительницъ пріютовъ и помощницъ смотрительницъ (въ С.-Петербургѣ), итого 177 заведеній.

Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ призрѣвается, воспитывается и обучается около 15.000 дѣтей неимущихъ родителей. При 29 заведеніяхъ имѣются домовныя церкви. Всѣ эти заведенія принадлежатъ къ Вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, въ Главномъ Управленіи коего сосредоточено центральное управленіе всѣми пріютами.

Для мѣстнаго завѣдыванія ими нынѣ существуютъ: 2 столичныхъ Совѣта (въ С.-Петербургѣ и Москвѣ) съ двумя постоянными распорядительными коммиссіями и двумя комитетами для сбора пожертвованій въ пользу подвѣдомственныхъ Совѣтамъ заведеній, 56 губернскихъ и областныхъ, 28 уѣздныхъ и окружныхъ, 3 городскихъ и крѣпостныхъ попечительствъ и 2 благотворительныхъ общества для учрежденія пріютовъ и яслей.

С.-Петербургскій Совѣтъ дѣтскихъ пріютовъ состоитъ подъ Августѣйшимъ предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Александры Іосифовны. Кромѣ того, въ непосредственномъ вѣдѣніи Ея Императорскаго Высочества находится особый комитетъ, завѣдывающій эмеритальною кассою пріютовъ.

Общее число означенныхъ Совѣтовъ, комитетовъ, попечительствъ и обществъ составляетъ 95; общее же число всѣхъ учрежденій, принадлежащихъ къ Вѣдомству пріютовъ, доходитъ до 300.

Всѣ эти учрежденія имѣютъ капиталовъ на сумму свыше 6.000.000 руб. и недвижимыхъ имуществъ на сумму около 4.000.000 р.

Ежегодные расходы на содержаніе всѣхъ подвѣдомственныхъ заведеній составляютъ около 800.000 р. и растутъ изъ года въ годъ, такъ какъ, въ виду увеличивающейся потребности въ предоставленіи неимущимъ дѣтямъ призрѣнія, первоначальнаго и ремесленнаго образованія, число дѣтскихъ пріютовъ постоянно увеличивается и размѣры существующихъ пріютовъ расширяются.

Между тѣмъ, процентовъ съ принадлежащихъ пріютамъ капита-

ловъ совершенно недостаточно для покрытія всѣхъ расходовъ по ихъ содержанію и усовершенствованію. Поэтому приходится недостающія суммы покрывать частію взносами почетныхъ членовъ и старшинъ, единовременными пожертвованіями благотворителей, кружечными и другими сборами, пособіями отъ городскихъ и земскихъ учреждений и т. п.—Благодаря всеобщему сочувствію благотворительной дѣятельности пріютовъ, изъ всѣхъ этихъ источниковъ получаются ежегодно весьма значительныя суммы на содержаніе пріютовъ и они до сихъ поръ имѣли возможность существовать, не обремениая государственной казны, участіе которой ограничивается отпускомъ ежегодныхъ субсидій лишь столичнымъ пріютамъ, въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ ими вслѣдствіе отмены Правительствомъ прежнихъ большихъ лотерей въ пользу пріютовъ.

Однако, при постоянно увеличивающихся расходахъ на содержаніе пріютовъ, соотвѣтственное увеличеніе доходовъ оказывается крайне затруднительнымъ, а для многихъ заведеній даже совершенно невозможнымъ. Поэтому они, руководствуясь тѣмъ, что на центральномъ управленіи пріютскаго Вѣдомства, согласно Высочайше утвержденному Положенію, лежитъ обязанность изысканія мѣръ и средствъ какъ для поддержанія, развитія и усовершенствованія существующихъ пріютовъ, такъ и для открытія новыхъ,—постоянно обращаются въ центральное управленіе съ ходатайствами о назначеніи имъ, изъ его суммъ, ежегодныхъ или единовременныхъ пособій. Центральное же управленіе, при крайней ограниченности находящихся въ его непосредственномъ распоряженіи денежныхъ средствъ (всего лишь около 305.000 р., дающихъ годового дохода по 14.700 р.), не имѣетъ возможности удовлетворять всѣ эти ходатайства.

Въ виду сего, съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, послѣдовавшаго 21 ноября 1895 г., въ С.-Петербургѣ, при главномъ центральномъ управленіи пріютскаго Вѣдомства, подъ личнымъ руководствомъ г. Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, графа Н. А. Пратасова-Бахметева, нынѣ учрежденъ, по примѣру существующихъ при столичныхъ Совѣтахъ и вѣкторныхъ попечительствахъ мѣстныхъ комитетовъ, „Главный Центральный Комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи“, который имѣетъ цѣлью изыскать средства для возможно прочнаго обезпеченія и развитія благотворительной дѣятельности существующихъ уже пріютовъ въ Россіи, для необходимаго расширенія ихъ и возможнаго увеличенія числа вакансій, особенно для сиротъ, а равно и для открытія новыхъ пріютовъ, по мѣрѣ надобности. Комитетъ этотъ состоитъ изъ Предсѣдателя, Товарища его, дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ, въ качествѣ сотрудниковъ, содѣйствующихъ личными трудами или денежными взносами. Всѣ эти лица, входящія въ составъ Комитета, избираются Главноуправляющимъ и, на общемъ основаніи, по всеподданнѣйшимъ его докладамъ, утверждаются Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею въ должности почетныхъ членовъ Главнаго Комитета, со всѣми правами и преимуществами, предоставленными,

Высочайше утвержденнымъ 18 іюля 1891 г. Положеніемъ о дѣтскихъ пріютахъ, вообще почетнымъ членамъ въ столицахъ.

Директоръ Канцеляріи по управленію дѣтскими пріютами считается непрѣтнымъ членомъ Комитета и все дѣлопроизводство Комитета возложено на означенную Канцелярію. Всѣ суммы и пожертвованія, поступающія въ Комитетъ безъ спеціальнаго назначенія, записываются на приходъ по кассѣ означенной Канцеляріи и приобщаются къ общимъ средствамъ пріютскаго Вѣдомства.

Разнообразныя и постоянно обнаруживающіяся нужды дѣтей немущихъ сословій въ Россіи велики и неотложны. Кандидатскіе списки во всѣхъ пріютахъ переполнены, а между тѣмъ вакансіи открываются сравнительно рѣдко, и многія дѣти, въ томъ числѣ и сироты, за немѣнѣемъ свободныхъ вакансій, не могутъ быть принимаемы въ пріюты. Поэтому нужна помощь въ возможно широкихъ размѣрахъ.

Но русское общество, постоянно заявляющее, своею благотворительностью на пользу пріютовъ, готовность свою поддержать эти заведенія, несомнѣнно и впредь пребудетъ ревностнымъ пособникомъ ихъ развитія, на пользу подрастающаго юношества.

Лица, сочувствующія дѣлу призрѣнія, воспитанія и обученія немущихъ дѣтей и желающія содѣйствовать личными трудами или денежными взносами благотворительной дѣятельности дѣтскихъ пріютовъ, могутъ присылать свои заявленія и пожертвованія, въ видѣ единовременныхъ или ежегодныхъ взносовъ, или въ мѣстные Совѣты и попечительства дѣтскихъ пріютовъ и существующіе при нѣкоторыхъ изъ нихъ комитеты для сбора пожертвованій въ пользу мѣстныхъ заведеній, или же въ „Главный Центральный Комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учрежденія Императрицы Маріи“ (С.-Петербургъ, Казанская ул. 7, Канцелярія по управленію дѣтскими пріютами).

Лицамъ, желающимъ поступить на службу по пріютскому Вѣдомству, въ качествѣ почетныхъ членовъ или почетныхъ старшинъ, будутъ высылаться, по полученіи отъ нихъ соответственныхъ заявленій, Высочайше утвержденное Положеніе о дѣтскихъ пріютахъ и подробныя условія для поступленія на службу по пріютамъ.

II.—Отъ Имп. Общества Истории и Древностей Россійскихъ.

О подпискѣ на чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Истории и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе „Чтеній“ состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ „Чтеніяхъ“ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 7 р. въ Москвѣ безъ доставки и 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или въ казначею Общества Сергѣю Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. церкви Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжные магазины Ѳ. А. Богданова (Никольская) и Н. Карбасникова (Моховая, противъ Университета, д. Бохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно приобрѣсти изданія Общества за прошлые годы, значащіяся въ каталогѣ, бесплатно доставляемомъ желающимъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ январской книгѣ, *стр. 29, строка 15 сверху*, напечатано: *А. П. Пушкинъ*—вмѣсто: *А. Пушкинъ*.

Въ февральской книгѣ, *стр. 611, строка 25 и 26 сверху*, напечатано: „*detrimentum fori*“, вмѣсто: „*detrimenti forum*“; *стр. 651, строка 20 сверху*: „*производство въ личномъ представленіи*“, вмѣсто: „*личныя представленія*“.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ 1896.

Книга первая. — Январь.

	СТР.
Римская вилла кн. З. А. Волконской.—Изъ моихъ воспоминаній.— Θ. И. БУСЛАЕВА	5
ПРИДОРЖНАЯ ВЕРЕЗА.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	38
Княгиня.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть I: I-XIII.— П. Д. БОБОРЫКИНА	84
РУССКІЙ ДВОРЬ ПРИ ПЕТРѢ II.—1727-1780.—По документамъ вѣнскаго архива.—I. Личность Петра II и вопросъ о его воспитаніи.—II. Владычество Меншикова.— А. БРИГНЕРА	99
Изъ грузинскихъ поэтовъ.—Кн. И. Гр. Чавчавадзе .— В. ВЕЛИЧКО	126
ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РОВИНСКІЙ .—Очеркъ.—I-III.— А. Θ. КОНИ	129
АМЕРИКАНСКАЯ ДЕРЕВНЯ .— П. А. ТВЕРСКОГО	176
Сила воли.—Романъ Фр. Маутнера .—I-IX.—Съ нѣм. А. Б-Г-	211
Изъ истории второй имперіи.—Etudes sur le Second Empire, par Et. Lamy.— Л. З. СЛОВИМСКАГО	271
СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Вавилонская башня.—II. Серебряная ночь.— А. М. ΘЕДОРОВА	288
ДЕРМОНТОВЪ И КОЛЬЦОВЪ .— А. Н. ПЫПИНА	291
ВИЗАНТИЗМЪ И РОССИЯ.—I-VIII.— ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА	342
ХРОНИКА.—Государственные финансы Германіи.— Б. Г.	360
Внутреннее Овозрѣніе.—Итоги истекшаго года и предстоящіе труды.—„Забытыя слова“.—О „гибельныхъ послѣдствіяхъ“ законности и закономѣрности.—Законность—„законное“ слово—для Петербурга, или для провинціи?—„Московскія Вѣдомости“ и г-нъ Н. —Нѣсколько опасныхъ софизмовъ.—„Новости“ въ роли апологета.—Когда нарушители закона защищаютъ законность?	375
Иностранное Овозрѣніе.—Политическія событія истекшаго года.—Правительственные и министерскія перемены въ различныхъ государствахъ.—Внѣшняя и внутренняя политика отдѣльныхъ державъ.—Турецкій кризисъ и балканскія дѣла.—Положеніе дѣлъ въ Японіи.—Англо-американскій конфликтъ	395—
Народныя школы въ Берлинѣ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ городской учительницы.— С. Г. ДОЛИВО-ДОБРОВОЛЬСКОЙ	409
Литературное Овозрѣніе.— М. И. Драгомировъ , Разборъ романа „Война и Миръ“.— А. П. —Сборникъ дѣйствія самообразованію.—Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владимира.— М. А. Протопоповъ , Литературныя критическія характеристики.— Т. —Новыя книги и брошюры	421
Новости Иностранной Литературы.—I. H. Becque . Souvenirs d'un auteur dramatique.—II. R. Doumic . Les Jeunes. Etudes et portraits.— З. В.	439
Изъ Овощественной Хроники.—Газетная агитація противъ реформы крестьянскаго поземельнаго банка.—Похвальная откровенность; „объясненіе“ дворянскихъ имѣній; второстепенное значеніе грамотности; судъ Линча надъ „несогласно-мыслящими“.—Нѣсколько любопытныхъ фактовъ.—Юбилей проф. А. И. Чупрова , и шестое изданіе книги Г. А. Джаншіева	448
Извѣщанія.—Отъ Общества для пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ	461
Библиографическій Листокъ.—Эпоха великихъ реформъ. 6-е изд. Гр. Джаншіева .—Положеніе армянъ въ Турціи до имѣнательства державъ въ 1895 г., съ предисл. Л. А. Камаровскаго .—Стихотворенія М. П. Розенгейма . Изд. 5-е.—Исторія культуры Ю. Линперга .—Рабочій вопросъ, Фр. Ланге .—Къ ученію о дѣяности, Вл. Дева	
Объявленія.—I-XVI стр.	

Книга вторая. — Февраль.

	стр.
Университеты и народъ въ Англіи.—В. И. ГЕРБЕ	465
Дума.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.	495
Княгиня.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая: XIV—XXVIII.—П. Д. ВО- БОРЫКИНА	497
Русскій дворъ при Петрѣ II.—1727—1730.—По документамъ вѣнскаго архива.— III. Катастрофа съ Меншиковымъ.—IV. Реакція противъ реформы Петра I. —А. БРИКНЕРА	559
Изъ Катюль-Мендеса.—I. Лирическія стихотворенія.—II. Миниатюры.—О. МИ- ХАЙЛОВОЙ	599
Дмитрій Александровичъ Ровинскій.—Очеркъ.—IV—VII.—Окончаніе.—А. Θ. КОНИ.	607
Цидеронъ въ исторіи европейской культуры.—I—VI.—Θ. Ф. ЗВЛИНСКАГО	661
Сила воли.—Романъ Фр. Маутнера.—X—XVIII.—Съ вѣм. А. В-Г-	702
Послѣ Гоголя.—А. Н. ПЫПИНА.	765
Хроника.—Государственная роспись на 1896 г.—О.	815
Внутреннее Овозрѣніе.—Манифестъ о коронованіи Ихъ Императорскихъ Вели- чества. — Новый уставъ крестьянскаго поземельнаго банка.— Переходъ тюремъ въ вѣденіе министерства юстиціи.— Разъясненіе положенія объ усиленной охранѣ.— Еще о законности и законности.— Несправед- ливое обвиненіе противъ земства	830
Иностранное Овозрѣніе.—Поривъ воиственности въ Англіи.—Тонъ печати по поводу событій въ Трансваалѣ.— Республика боеровъ и ея особен- ности.— Полноправные крестьяне и подчиненные имъ промышленники.— Набѣгъ Джемсона, его причины и послѣдствія.— Имперская политика Англіи.	852
Еще о трѣстахъ.—Письмо въ Редакцію.—П. А. ТВЕРСКОГО	866
Литературное Овозрѣніе.—Декабристы въ Западной Сибири, А. Дмитриева-Ма- монова.—В. Т. Нарѣжный, очеркъ Н. Вѣловской.— Автобіографія Та- мерлана, перев. съ турецкаго Н. Ликошина.—Т.— Ruska književnost, pariŕavao U. Jagić.—А. П.—Новыя книги и брошюры	872
Новости Иностранной Литературы.—I. F. Brunetière, Les époques du Théâtre Français.—II. Léon A. Daudet, Les idées en marche.—III. Gedichte v. Graf Al. Tolstoy, v. Fr. Fiedler.—З. В.	889
Изъ Общественной Хроники.—Оригинальная судьба одной газеты.—Новая ре- дакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.—Возможенъ ли узкій націона- лизмъ въ средѣ „либераловъ“?—Чествованіе В. Г. Короленко въ Ниж- немъ-Новгородѣ.—В. Г. Короленко и проф. Суницовъ о провинціи.— Преждевременное ликованіе.—Замѣчательное рѣшеніе сената	904
Извѣщенія.—I. Объ открытіи дѣятельности Высочайше утвержденного 21-го ноября 1895 года Главнаго Центрального Комитета для сбора пожерт- вованій въ пользу дѣтскихъ приютовъ Вѣдомства учрежденій Императ- рицы Маріи.—II. Отъ Имп. Общества исторіи и древностей россійскихъ.	918
Библиографическій Листокъ.—Θ. Тернеръ, Государство и землевладѣніе, ч. I.— Часы досуга, И. и Е. Янжуль.—М. И. Семеновскій, біограф. очеркъ В. В. Тимошукъ, съ предисл. Н. К. Шильдера.— О геодезическихъ работахъ и сооруженіи великаго сибирскаго пути, Э. А. Коверскій.— Библіотека для самообразованія, т. II: Исторія Греціи, вып. 1.—Настольный Энци- клопедическій Словарь, вып. 115 и 116.	
Объявленія.—I—XVI стр.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Государство и земледѣліе. Часть I: Крестьянское земледѣліе. Э. Тернера. Сиб. 96. Стр. 349. Ц. 2 р.

Задача изслѣдованій состоитъ въ томъ, чтобы найти дѣлсообразныя мѣры къ выходу изъ того тяжелаго земледѣльческаго и землевладѣльческаго кризиса, какой мы переживаемъ въ послѣдніе годы, и для разрѣшенія такой задачи почтенный авторъ предпринялъ всестороннее изученіе настоящихъ условий нашей сельско-хозяйственной жизни, сравнительно съ положеніемъ того же дѣла за границей. Въ виду того, что землевладѣльческій вопросъ имѣетъ не одно хозяйственно-экономическое, но и социальное значеніе, изслѣдованію предпосылается извѣщеніе изъ интереснаго труда нѣмецкаго ученаго Гаулена о причинахъ процвѣтанія и упадка народовъ. Въ вышедшей книгѣ первой части, авторъ, ограничиваясь однимъ крестьянскимъ земледѣліемъ, останавливается, главнымъ образомъ, на его главной формѣ—общинномъ владѣніи, сравнивая его съ частною собственностию и представляя свои соображенія относительно его будущности. Въ заключеніе первой части излагаются отношенія нашего современнаго законодательства къ крестьянскому земледѣлію и порядку крестьянскихъ платежей, взимаемыхъ ненормальными способами, дѣйствующими разорительно на благосостояніе народа и подрывающими его податную силу. Нѣкоторыя главы этой книги появлялись уже отрывочно въ журналѣ, и по одному тому наши читатели сами могутъ легко оцѣнить все значеніе труда, посвященнаго столь важнымъ вопросамъ, каковы вопросы, возбуждаемые современнымъ положеніемъ земледѣлія.

Часы досуга. Очерки и картинки по экономическимъ, общественнымъ и литературнымъ вопросамъ. Ц. и Е. Янжуль. М. 96. Стр. 374. Ц. 1 р. 25 к.

Въ настоящей книгѣ авторы собрали и издали вмѣстѣ очерки и статьи, появлявшіяся въ различное время въ журналахъ и газетахъ, и картинки американской жизни изъ побѣды въ Чикаго на послѣднюю всемірную выставку. Изъ очерковъ по разнымъ вопросамъ, обращаютъ на себя вниманіе статьи: по вопросу о государственномъ вмѣшательствѣ въ области промышленности, о фабричномъ рабочемъ въ средней Россіи и царствѣ польскомъ, о музеяхъ промышленныхъ образцовъ, и т. д.

М. И. Семьянскій, основатель историческаго журнала „Русская Старина“, его жизнь и дѣятельность, 1837—1892 гг., съ приложеніемъ двухъ портретовъ и биографическаго очерка, составл. Н. В. Тимошукъ, съ предисл. и п. р. Н. К. Шильдера. Сиб. 95. Стр. 258 и 82. Ц. 3 р.

Въ разнообразной дѣятельности М. И. Семьянскаго изданіе имъ же основаннаго журнала занимаетъ, конечно, центральное мѣсто и надобно сохранить его имя въ исторіи нашей журналистики. Въ „Русской Старинѣ“ читающая публика, хотя и заднимъ числомъ, знакомилась съ тѣмъ, что было недоступно современникамъ, и заслуга издателя такого журнала именно со-

стояла въ томъ, чтобы внести свѣтъ въ недавнее прошлое, остававшееся закрытымъ для глазъ нашихъ предшественниковъ, и такимъ образомъ выяснитъ многое и въ настоящемъ. Вышедшая книгѣ въ свѣтъ біографія М. И. представляетъ полную картину неутомимой и плодотворной его дѣятельности на разныхъ поприщахъ, и содержитъ въ себѣ много интереснаго, благодаря тѣмъ смененіямъ, въ какія ему приходилось вступать съ лицами, стоявшими на различныхъ ступеняхъ общественной и государственной службъ.

О геодезическихъ работѣхъ и сооруженіи великаго сибирскаго пути, съ картой азиатской Россіи и смежныхъ съ нею владѣній. Э. А. Коверскій. Сиб. 96. Стр. 156 и 107.

Желаю объединить все, что было сдѣлано по сдѣланнымъ и издаваемымъ вартъ различными вѣдомствами въ отношеніи сооруженія сибирской желѣзной дороги, авторъ составилъ краткій сборникъ всѣхъ свѣдѣній, какія имѣются въ настоящее время по исполненнымъ геодезическимъ работамъ въ связи съ постройкою великаго сибирскаго пути, и снабдилъ свои изданія подробною картою азиатской Россіи, имѣющей 200 верстъ въ діаметрѣ.

Библиотека для самообразованія. II: Исторія Греціи со времени пелопоннесской войны. Вып. 1. М. 96. Стр. 451. Ц. 1 р. 75 к.

„Библиотека для самообразованія“, какъ то выражено въ самой названіи изданія, предназначается для лицъ, не имѣвшихъ возможности приобрести законченное среднее образованіе, но имѣющихъ склонность къ чтенію серьезныхъ книгъ популярно-научнаго содержанія. Соответственно тому, и настоящій выпускъ представляетъ собою сборникъ статей, характеризующихъ главные моменты внутренней исторіи Греціи, отъ начала пелопоннесской войны и до паденія Греціи; всѣхъ такихъ статей, заимствованныхъ у различныхъ новейшихъ авторовъ, около 30. Такой сборникъ можетъ служить также и цѣлымъ историческаго преподаванія, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, представляя собою хрестоматію.

Настольный Энциклопедическій Словарь. Вып. 116 и 116: Эрдманъ—У. Изд. А. Грапля и К°. М. 95. Стр. 5291—5358. Ц. по 40 к.

Этимъ двумя послѣдними выпусками заключается послѣдній и послѣдній томъ „Настольнаго Словаря“, который, такимъ образомъ, является теперь вполне законченною справочною книгою и довольно доступною по цѣнѣ, вслѣдствіе допущенной редакціей разсрочки уплаты за всѣ 4 тома. Назначеніе этого изданія для большинства читающей публики мы имѣли не разъ случаемъ указывать, и теперь только повторимъ, что, благодаря соразмѣрности частей, Словарь можетъ о массѣ предметовъ дать всѣ свѣдѣнія, необходимые свидѣнія, а указаніями литературы предмета доставитъ возможность ближе познакомиться съ нимъ. Въ послѣднихъ выпускахъ встрѣчаются, между прочимъ, биографическіе очерки Э. Э. Эрисмана, Якушаниныхъ, Н. Н. Янжуля, Ю. Э. Ислана и др.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1896 г.

(Тридцать-первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:				
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь	
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За гравійный, въ госуд. почтов. союзу	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Принимается подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1896 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодной подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Медь и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Изгородные и иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Свб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ включать въ себя: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (НБ) *допускается* указать журналомъ, если нѣтъ таковаго учрежденія, и самое мѣсто жительства подписчика. — 2) *Переменная адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переезжающіе въ изгородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а изгородные, переезжающіе въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не можетъ быть по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Вылеты* на выходящемъ журналѣ вносятся Конторою только тѣмъ изъ изгородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Свб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

